

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

МАТЕРИАЛЫ
XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

30 мая – 1 июня 2024 г.

Часть I

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ**

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

**МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
30 мая – 1 июня 2024 года**

Часть I

Москва – Тамбов – Нижний Новгород
2024

УДК 40 *Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.*
ББК 80
K57

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2024 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Иванов А.В., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев И., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук, доцент (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008–. ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 2 (58) : материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 30 мая – 1 июня 2024 г. : в 2 частях. Ч. I / отв. ред. вып. А.В. Иванов. – Москва : ФЛИНТА, 2024. – 792 с.
ISBN 978-5-9765-5514-3 (Общ.)
ISBN 978-5-9765-5515-0 (Ч. I)

В этом выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, в которых освещаются теоретические и методологические вопросы концептуализации и категоризации реальных меняющегося мира в языке, проблематика мультимодального поворота в лингвокогнитивных исследованиях, дискурсивных стратегий, тактик и практик в когнитивной проекции, перевода в аспекте когнитивного моделирования, когнитивных исследований в терминологии и коммуникации, метакогнитивных исследований, искусственного интеллекта в аспекте его связей с когнитивной лингвистикой, когниции в ее социальном измерении.

Издание адресовано филологам, специалистам в области гуманитарного знания и смежных областей, а также всем, кто интересуется проблемами соотношения языка, мышления и действительности.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-9765-5514-3 (Вып. № 2 (58). Общ.)
ISBN 978-5-9765-5515-0 (Вып. № 2 (58). Ч. I)
ISBN 978-5-89016-442-1

© Коллектив авторов, 2024
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024
© ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова», 2024
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2024
© Издательство «ФЛИНТА», 2024

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION**

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

Volume 2 (58)

**PAPERS OF THE 12TH INTERNATIONAL CONGRESS
ON COGNITIVE LINGUISTICS
May 30 – June 1, 2024**

Part I

Moscow – Tambov – Nizhny Novgorod
2024

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2024. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Ivanov A.V., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow : Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008–.
ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. 2 (58) : Papers of the 12th International Congress on Cognitive Linguistics. May 30 – June 1, 2024 : in 2 parts. Part I / volume editor-in-chief A.V. Ivanov. – Moscow : FLINTA Publishers, 2024. – 792 p.
ISBN 978-5-9765-5514-3 (General)
ISBN 978-5-9765-5515-0 (Part I)

The issue of the “Cognitive Studies of Language” presents the materials of the 12th International Congress on Cognitive Linguistics, which cover theoretical and methodological issues of conceptualisation and categorisation of the realities of the changing world in language, the problems of multimodal turn in linguocognitive studies, issues of discourse strategies, tactics and practices in cognitive projection, translation in the aspect of cognitive modelling, cognitive studies in terminology and communication, metacognitive studies, artificial intelligence in its relation to linguocognitive research, cognition in its social dimension.

This collection of papers will be welcomed by university scholars, linguists and all specialists who are interested in language, cognition and reality interface.

ISBN 978-5-9765-5514-3 (Vol. 2 (58). General)
ISBN 978-5-9765-5515-0 (Vol. 2 (58). Part I)
ISBN 978-5-89016-442-1

© Authors of the articles, 2024
© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2024
© Nizhny Novgorod State Linguistics University, 2024
© The Russian Cognitive Linguists’ Association, 2024
© FLINTA Publishers, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	20
<i>Александрова О.В.</i> Современный дискурс и междисциплинарность	20
<i>Бабенко Л.Г.</i> Идеографические словари сквозь призму жанровых характеристик	23
<i>Болдырев Н.Н.</i> Основы когнитивной теории бесконфликтной языковой коммуникации	27
<i>Быкова О.И.</i> Аксиологическая вариативность актуализации категориального признака «внешность человека» в немецких пословицах и поговорках как отражение национального языкового сознания.....	32
<i>Гвишиани Н.Б.</i> Ключевые лексемы в «тексте сообщение» и «тексте воздействие» (к вопросу о когнитивной корпусной лингвистике).....	36
<i>Грицаева Л.И.</i> Объективируемые, активизируемые и со-активируемые сведения о мире в коммуникации и тексте	40
<i>Демьянков В.З.</i> Обыденный язык и ordinary language: взаимодействие когниции и коммуникации	44
<i>Заботкина В.И.</i> Динамика когнитивных моделей манипуляции в медиадискурсе.....	48
<i>Зыкова И.В.</i> Специфика полимодальной репрезентации поэтического текста в кинодискурсе: лингвокогнитивный подход	51
<i>Краева И.А.</i> Специфика развития категории градуальности (на материале английского языка).....	57
<i>Никонова Ж.В.</i> Когнитивные механизмы формирования коммуникативного смысла речевого акта	60
<i>Рацибурская Л.В.</i> Оценочность как аксиологический потенциал словообразования.....	65
<i>Романова Т.В.</i> Способы интерпретации терминов когнитивной лингвистики в научном дискурсе	68
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ЯЗЫКЕ	73
<i>Абраменко Е.В.</i> Фразеологизмы, обозначающие ценности и антиценности в русской лингвокультуре.....	73
<i>Алексеевко В.Н.</i> Аксиологическая амбивалентность современного английского языка.....	77
<i>Алешин А.С.</i> Концептуализация диады «жизнь – смерть» (на материале шведских паремий сравнительной семантики)	80
<i>Антонова К.Н., Филкина Л.В.</i> Формирование английской национальной идентичности в романе Дэвида Лоджа «Хорошая Работа».....	84
<i>Бабаева Р.И.</i> Интеграция мегаконцепта DIVERSITY в языковую картину мира немецкого этноса	88
<i>Бакина А.Д.</i> Исследование библейской концептосферы (на примере бинарного концепта СВЕТ / ТЬМА)	96
<i>Беседина В.Г.</i> Трансформация объективации концепта MIGRANT в англоязычных СМИ (на материалах газеты «The New York Times»)	97
<i>Большакова Т.М.</i> Функционирование концепта SCHULE (ШКОЛА) в немецком школьном нормативном дискурсе.....	100
<i>Бочкарев А.И.</i> Пространственно-временной континуум 'pub' как значимое аксиологическое пространство современного комического дискурса.....	104

<i>Бурдаева Т.В.</i> Принцип прототипичности в организации синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ (на материале немецкого языка)	108
<i>Ван Тяньцзяо.</i> Когнитивные модели понятия «добро» в его концептуализации на материале китайских идиом	112
<i>Верецкая А.В.</i> Когнитивные основы образования сложных слов (на материале лексики с корнем <i>φιλ-</i> в древнегреческом языке)	116
<i>Влавацкая М.В.</i> Репрезентация мужской идентичности в новых паремиях русского языка ..	119
<i>Волкова Е.В.</i> Вербализация концептов GEZELLIGHEID и HYGGE в нидерландской и датской языковых картинах мира	123
<i>Воложанина Т.С., Барачевская А.А.</i> Тенденции эволюции концепта WOMAN в американской рекламе XX–XXI вв.	127
<i>Вычужанина А.Ю., Сурмятова Ю.В.</i> Лексико-семантическая категоризация лингвоцветового пространства в идиостиле Дж. Роулинг (на материале романа «Гарри Поттер и тайная комната»)	131
<i>Галок А.А.</i> Особенности категоризации глаголов заботы на синхронном срезе русского языка	135
<i>Герасимова А.П.</i> Использование концептуальной метафоры в парфюмерной индустрии	139
<i>Голубева К.Г., Сухарева Т.В., Архитова А.В.</i> Индивидуально-авторский компонент в смысловой структуре концепта СЕМЬЯ в романе Дж. Голсуорси «Собственник»	143
<i>Голубева Н.А.</i> Категория «предельность жизни человека»: междисциплинарный аспект.....	147
<i>Голубкова Е.Е.</i> Слово «sloth» в английском языке или как назвать процесс, обратный метафоре	154
<i>Гранева И.Ю., Жуковская Л.И.</i> Контексты противопоставления русских личных местоимений как средство языковой концептуализации ценностных доминант национальной ментальности	154
<i>Грехнева Л.В.</i> К вопросу о роли перифразы в процессе категоризации и концептуализации действительности	158
<i>Гусева А.Д.</i> Лингвокультурная специфика образно-перцептивных и ценностных характеристик транслингвальной единицы «Супермен»	162
<i>Дедович О.Г.</i> Специфика структурно-семантической организации индивидуально-авторских метафор современного лингводидактического дискурса	165
<i>Дубровская Е.М.</i> Категоризация образа народа в русской паремиологии (на материале пословиц о татарах)	169
<i>Дугарова С.Б.</i> Концепт ГАРМОНИЯ в китайском языке: когнитивный подход	173
<i>Дудорова М.В.</i> Типовая ситуация «Создание произведения искусства» в лексикографическом представлении (на материале денотативно-идеографической группы «Искусство»)	176
<i>Жулина Е.Б.</i> Условные предложения первого типа (Conditional I) в английском языке: холистическое осмысление	179
<i>Захарова А.Г.</i> Garfield или концептосфера отпрецедентного имени	182
<i>Землякова К.В., Куприк С.А.</i> Когнитивно-дискурсивные особенности репрезентации представлений о кризисе в финских СМИ	186
<i>Зиновева Е.И.</i> Концептуализация соответствия деонтическим нормам в устойчивых сочетаниях русского языка XVI – XVII веков	190
<i>Иванищин Д.А.</i> Появление негативной оценочной семантики у концепта в речевом воздействии СМИ	193
<i>Иванова М.А.</i> Концепты NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ: семантические аспекты	197
<i>Иванова О.А.</i> Вербализация представлений о Leitkultur (‘ведущая культура’) в современных немецких СМИ: корпусный подход	201

<i>Иванова Р.А., Иванов А.В.</i> Семантическая дифференциация лексико-грамматических индексов в модусной структуре сложноподчиненного предложения (на материале немецкого языка).....	204
<i>Иванова С.В., Закирова А.В.</i> «Mindfulness»: векторы концептуализации и категоризации понятия в лайфстайл-медиа	209
<i>Ильина Е.В.</i> Концептуализация заголовочного комплекса как доминанты художественного дискурса	213
<i>Иноземцева Н.В.</i> Концепт будущего в современном китайском политическом дискурсе (на примере выступлений Си Цзиньпина).....	217
<i>Калинин О.И.</i> Когнитивные основы информационного воздействия	220
<i>Кантышева Н.Г., Шуклин А.А.</i> Образ родины в этническом языковом сознании российских немцев.....	224
<i>Карасик В.И.</i> Характеристики комического нонсенса и абсурда	228
<i>Картинская Н.В.</i> Паремийные биномы как средство репрезентации концепта ГОЛОВА (на материале русского языка).....	231
<i>Клейменова В.Ю.</i> Концептуализация фикционального мира	235
<i>Клочкова Е.С.</i> От научного понятия к репрезентации общественной ценности: динамика концептуального содержания концепта ENERGIEEFFIZIENZ в немецком языке	239
<i>Кожанов Д.А.</i> Перспективы когнитивных исследований языка в постантропоцентрической парадигме научного знания.....	243
<i>Колесов И.Ю.</i> Пространственный код в английском языке в аспекте грамматики конструкций.....	246
<i>Кондратьева О.Н.</i> Метаязыковая рефлексия в русскоязычном юмористическом сетевом дискурсе.....	250
<i>Кононова М.В.</i> Концептуализация и категоризация в речевом воздействии СМИ (на примере дихотомии «Восток – Запад», «Свой – Чужой»).....	254
<i>Кострова О.А.</i> Немецкий субстантивированный инфинитив как этнокультурный феномен.....	258
<i>Кочетова Л.А.</i> Метафорическое осмысление концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в русскоязычных СМИ.....	262
<i>Кузина М.А.</i> Практическое применение принципов лингвокогнитивной категоризации при исследовании транслингвального романа	266
<i>Кузнецов В.Г.</i> Типологический статус и релевантные признаки концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ (на материале французской прессы)	269
<i>Лагутова А.С.</i> Лексема «защитник» в пространстве религиозного дискурса.....	273
<i>Ломакина О.В.</i> Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье)	277
<i>Лось А.Л.</i> Когнитивный аспект функционирования перцептивных глаголов в русском языке	281
<i>Лыкина Е.А., Кабанова И.Н.</i> Метафорическое моделирование чувства страха в англоязычных библейских текстах	285
<i>Мамонтова Н.В.</i> Реализация концепта СЕМЬЯ в российском медиадискурсе (1909–1921 и 2002–2023 гг.).....	288
<i>Мангова О.Б., Дубчак В.И.</i> Операционный концепт ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ в политическом дискурсе (на примере английского языка).....	293
<i>Милонова М.С.</i> Когнитивные основы развития противительной семантики.....	296
<i>Минева М.В.</i> Лингвистический гипертекст как способ отражения реалий меняющегося мира в языке	300
<i>Мишьяр-Белоручева А.П.</i> Языковая концептуализация мира прошлого	304
<i>Мустофа М.Ю., Кошкарова Н.Н.</i> На краю обрыва: как и про что шутят в индонезийских стендап-комедиях	308

<i>Мухина И.К.</i> «Облако смыслов»: «наивная» vs научная картина мира на идеографической карте языка.....	312
<i>Нгуен Тхи Тхань Хиеу.</i> Когнитивные сценарии хвастовства в семантике русских и вьетнамских глаголов поведения.....	316
<i>Некрасова М.Ю.</i> Категоризация концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ в современном русском художественном и медиадискурсе.....	319
<i>Олопцев А.А.</i> Наречия «бережно» и «осторожно»: проблема выявления изменений концептуальных схем в микродиакроническом корпусном исследовании.....	323
<i>Опарина О.И.</i> Понятие «знание» через образ-схемы и метафоры в динамике.....	327
<i>Павлова А.В.</i> Измененные состояния сознания: интерпретирующий потенциал языка трансгрессивной прозы.....	331
<i>Панкратова С.А.</i> Концептуализация и категоризация природных явлений в киноязыке (современный английский образный культурный код).....	334
<i>Патиева М.М.</i> Прецедентные имена в романе Идриса Базоркина «Из тьмы веков».....	338
<i>Пахомов Л.В., Павлова Д.С.</i> Концепт и категория ИСКУССТВО в восприятии подростков.....	341
<i>Перселегина Е.Р.</i> Смысловое наполнение концепта ДОРОГА в рассказах И.А. Бунина.....	345
<i>Петрова И.М., Гостева Н.С.</i> Вариативность атрибутивной структуры как лингвокультурная проекция репрезентации знаний (на материале лексемы «снег» в русском и английском языках).....	349
<i>Петухова Т.И.</i> Специфика концептуализации природы в современном англоязычном художественном тексте.....	352
<i>Полянчук О.Б.</i> Концептуальная интеграция и дезинтеграция как определяющий фактор семантического развития комплексного знака.....	356
<i>Проконина Н.И.</i> Концептуализация денег в современных ФЕ-терминах делового английского и русского языков.....	360
<i>Пугачевская И.А., Миронова Д.М.</i> Способы терминообразования в области международно-правовой спецификации территорий.....	364
<i>Радбиль Т.Б., Радбиль Н.В.</i> Когнитивно-дискурсивный анализ ценностей нового мира в Интернет-медиа: концепт ТРАНСГУМАНИЗМ в корпусном представлении.....	367
<i>Разумовская Ю.М.</i> Когнитивные механизмы интерпретации прецедентных имен.....	371
<i>Роговец А.А.</i> Под сенью развесистой клюквы. Об одном концепте в репрезентации России за рубежом.....	375
<i>Самородин Г.В.</i> Артиклевая категоризация в немецком языке.....	378
<i>Сатиева С.К.</i> Концепт КАВКАЗ в аспекте когнитивной ономастики.....	382
<i>Серова И.Г., Ивина М.К.</i> Библейские антропонимы как актуализаторы фреймов в контексте художественного произведения.....	386
<i>Сироткина Т.А.</i> Художественные сравнения как форма отражения концептуализации действительности в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай».....	389
<i>Соколова А.П.</i> Прилагательное «особенный» в современном русском языке как репрезентант категории «уникальность / исключительность».....	392
<i>Соколова Н.Ю.</i> Концептообразующий потенциал прагмакоммуникативного комплекса «фильмомим-слоган».....	396
<i>Степанова И.В.</i> Реализация концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в современном поэтическом тексте.....	400
<i>Стефанович М.В.</i> Особенности фреймового представления драматургического дискурса и роль ремарок, выраженных эмотивно-оценочными наречиями на -ly.....	404
<i>Су Цзянь.</i> Категория отрицания в русских и китайских пословицах о любви и дружбе: концептуально-категориальный анализ.....	408
<i>Суворова М.В.</i> Антропоморфная метафора искусственного интеллекта в русскоязычных научных статьях в области наук об образовании.....	412

<i>Сулов В.И.</i> К вопросу об эволюции концептуальной структуры THE BRITISH IDENTITY (по материалам газеты «The Guardian»).....	415
<i>Телякова А.Б.</i> Концептуализация и категоризация российско-украинского конфликта на фоне снижения внимания к нему в англоязычных СМИ.....	418
<i>Турбина О.А.</i> Когнитивно-семиотические процессы: принцип системности	422
<i>У Маньхуа.</i> Концептуальный синкретизм представления о человеке (на примере существительного «зубр»).....	426
<i>Уженицева А.С.</i> Этномаркированные характеристики концептуальной оппозиции СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ в русских и американских афоризмах	429
<i>Усманова Л.А.</i> Концептуально-прагматический статус парентезы в художественном дискурсе В.О. Пелевина	433
<i>Фаттахова Н.Н., Мубаракишина А.М.</i> Принцип опоры на «семейные сходства» при конструировании концепта ЛЕВ в гороскопическом тексте.....	437
<i>Федуленкова Т.Н.</i> О трех волнах в развитии западной когнитивистики (по В.В. Колесову)	440
<i>Филичкина Т.П.</i> Концепт GREAT GAME в англоязычном медийном дискурсе	444
<i>Фомин А.Г., Хаким Абдул Хак.</i> Концептуализация и контекстуализация как способы установления значения	451
<i>Хлопова А.И.</i> Актуальное содержание концепта FAMILIE (СЕМЬЯ) в немецкой лингвокультуре.....	452
<i>Хрущева О.А.</i> Когнитивные барьеры при концептуализации ксенонимов	455
<i>Цвонгер Л.В.</i> Репрезентация концепта WHITE в современном газетном англоязычном дискурсе.	457
<i>Циберная О.Ф.</i> Лингвокреативность как маркер трансфера знаний.....	460
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н.</i> Структуры языка и структуры знания: аспекты соотношения	463
<i>Чернышев А.Б.</i> Когнитивные аспекты словообразования: интегративная семантика и конвергенция (на примере модели «держать – иметь» в романских языках).....	467
<i>Чуксина Е.А.</i> Репрезентация интенсивности переживания эмоции страха в английском языке	470
<i>Шеленкова Н.В.</i> Концептуализация и трансформация опыта восприятия реальности (на материале английских мифолексем).....	474
<i>Шемаева Е.В.</i> Когнитивная метонимическая модель лексикализации «вещество – пространство» в английском языке	478
<i>Шестак Л.А.</i> Славянские языковые картины мира: «rap» и «chlor», «гайдук» и «турок», «казак».....	481
<i>Шишкина С.А., Ушакова А.П.</i> Ценностные аспекты концепта ПРАВИТЕЛЬ в русской литературе конца XVII – начала XVIII вв.	484
<i>Шкуран О.В.</i> Вербализация концепта МИРОТВОРЕЦ в современном русском языке: дискурсивный анализ.....	487
<i>Юздова Л.П.</i> Фразеологизм как продукт стереотипности мышления носителя языка.....	491
<i>Янкова Н.А.</i> Лексема «коридор» как доминирующий концепт дискурса регионализма (на материале русскоязычных СМИ)	494
<i>Янсен-Фесенко Т.А., Фесенко С.Л.</i> Когнитивное моделирование этнокультурного мира как авторская проекция языковой личности	498
МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	502
<i>Багиян А.Ю.</i> Системный лингвистический инжиниринг профессиональной идентичности: деконструкция, анализ, синтез	505
<i>Блинова О.А.</i> Манипулятивный потенциал интердискурсивности в мультимодальном медиадискурсе (на материале южноафриканской политической карикатуры)	506

<i>Борисова И.В.</i> Мемизация языковой картины мира: архивация смыслов.....	509
<i>Бугаева И.В.</i> Лингвокогнитивные аспекты создания и восприятия буктрейлера как мультимодального жанра	512
<i>Воробьева Н.В.</i> Мультимодальность дискурса «селебрити» в вербально-изобразительной коммуникации англоязычного медийного интервью.....	516
<i>Исаева С.Н.</i> Функциональные особенности жестов-адапторов в уклонении (на примере анализа различных ток-шоу).....	520
<i>Канашина С.В.</i> Трансформации событийного нарратива в англоязычном репликативном медиадискурсе: лингвокогнитивный аспект и особенности экспликации.....	523
<i>Каркашова М.А.</i> Мультимодальность как свойство дискурсивного пространства: от текста к архитектуре	527
<i>Киосе М.И.</i> Выработка общей позиции в экспозиторном диалоге: исследовательская модель.....	530
<i>Коканова Е.С., Лютянская М.М., Черкасова А.С.</i> Профессиональный перевод с листа с английского языка на русский: методика айтрекинга	538
<i>Кравченко Ю.Д.</i> Дискурсивный подход к анализу телевизионной заставки как мультимодального текста	538
<i>Кучер В.В.</i> Музыкальный экфрасис как отражение когнитивного стиля персонажа.....	542
<i>Лату М.Н.</i> Специфика поликодовых текстов конфликтной направленности: факторы влияния.....	545
<i>Манерко Л.А.</i> Тенденции визуализации концептуально-смыслового пространства в англоязычном академическом дискурсе.....	549
<i>Маслова Н.А.</i> Репрезентация концепта СЕМЬЯ в советском песенном дискурсе	553
<i>Овазимян Н.А.</i> Конструирование пространства в полимодальном дискурсе документального фильма	557
<i>Орлова В.И., Хвесько Т.В.</i> Структура эмотивной доминанты в романе Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»	561
<i>Порохницкая Л.В., Чирвоная М.О.</i> Концептуальные аспекты мультимодальной эвфемизации (на материале англоязычной Интернет-рекламы, связанной с потреблением спиртных напитков).....	565
<i>Потехин В.О.</i> Полимодальная оценка иммерсивного потенциала коммуникативной среды	568
<i>Ржешевская А.А.</i> Невербальные средства создания образности в драматургическом дискурсе	572
<i>Руджери Ф.</i> Жестикационный автодейксис и его эмотивная нагрузка (на материале итальянской передачи «Che tempo che fa»)	576
<i>Семенова А.А.</i> Когнитивный и психосемантический аспекты исследования картины мира языковой личности	580
<i>Тагильцева Ю.Р.</i> Комбинаторное логико-семантическое отношение в конфликтогенных поликодовых текстах	583
<i>Таймур М.П.</i> Матрица когнитивных фильтров как инструмент анализа мультимодальных элементов дискурса	590
<i>Троценкова Е.В.</i> Товары с символикой предвыборной кампании Д. Трампа как поликодовые тексты и формирование групповой идентичности.....	590
<i>Цветаева Е.Н., Панкратьева Е.С.</i> Интертекстуальный потенциал визуализированной фразеологии позднего Средневековья	595
<i>Чемодурова З.М.</i> Визуальное выдвигание и графическая образность в транслингвальном поэтическом тексте	598
<i>Юань Минцин.</i> Способы реконтекстуализации информации в новостном Интернет-дискурсе.....	602

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ.....	607
<i>Абросимова Е.А.</i> Клятва ветеринарного врача в аксиологическом аспекте.....	607
<i>Аксенова М.В., Никанорова Е.И.</i> Имя собственное как объект рефлексии в поисках идентичности в рассказе Ф. О'Коннор «Поезд».....	611
<i>Аниченко А.В.</i> Когнитивно-эмотивные аспекты немецкоязычного аудиокomentarия.....	614
<i>Абицина Л.В.</i> Сложные слова А+N: модели создания и конфликтотенный потенциал.....	618
<i>Беляева И.В.</i> Фразеологизмы в профессиональной бесконфликтной коммуникации танцоров (на материале фразеологии спортивных бальных танцев).....	622
<i>Беседина Н.А.</i> Проблема восклицательности в контексте вторичной языковой интерпретации.....	626
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> «В этой связи» как новый речевой коннектор в русской устной коммуникации.....	629
<i>Борботько Л.А.</i> Интегративная модель театрального дискурса: инструменты полифоничности.....	633
<i>Бугаков А.Н.</i> Роль глагола в интерпретации пространства в контексте бесконфликтной коммуникации.....	637
<i>Голубева В.К.</i> Об интерпретационных возможностях наречий и изофункциональных форм существительных.....	641
<i>Григорьева В.С.</i> Асимметрия знаний как причина неэффективности межкультурной коммуникации.....	645
<i>Грищева В.В.</i> Концептуализация события в англоязычной пьесе сквозь призму знаковой репрезентации.....	649
<i>Гусева А.П.</i> Мультипликационное зазеркалье: концептуальная интеграция в художественном пространстве мультфильма.....	653
<i>Дегтярева А.Н.</i> «Мглистый полдень»: фрейм как способ организации смысла при интерпретации образности в поэзии Ф.И. Тютчева.....	655
<i>Дзюба М.С.</i> Формирование семантики тамбовских эргонимов с топокомпонентом в когнитивном аспекте.....	659
<i>Долгова Е.В.</i> Английские фразеологизмы об обмане как средства бесконфликтной коммуникации.....	662
<i>Дюу Чуньяо.</i> Фразеологизмы с семантикой возраста человека в кросс-культурной перспективе (на материале русского и китайского языков).....	666
<i>Ефименко Т.Н.</i> Бесконфликтность или конфронтация: взаимодействие СМИ и аудитории.....	669
<i>Игнатова Ю.С.</i> Термин «геноцид» как объект метаязыковой рефлексии в традиционных и социальных медиа.....	673
<i>Калинина Л.В.</i> Когда смысл неуловим?.....	677
<i>Козлова Л.А.</i> Рекуррентные метафоры как смысловые скрепы художественного текста (на материале романа А. Торпа «Улвертон»).....	680
<i>Колосовская Т.Л.</i> Сравнительно-оценочные конструкции русской речи в когнитивном аспекте.....	684
<i>Королев С.В.</i> Интерпретирующий потенциал английских устойчивых сочинительных сочетаний.....	688
<i>Крижановская Е.М.</i> Реализация фрейма «Россия – великая страна» в Интернет-текстах телеграм-канала Д.А. Медведева.....	691
<i>Кузьменко П.Б.</i> «Оказывается» как маркер разрешения кажимости (на материале английского языка).....	695
<i>Левочкин И.И.</i> К функциям англоязычных Интернет-мемов.....	699
<i>Магачирская О.В.</i> Трансформация моделей коммуникации и способов концептуализации знаний в персонализированных электронных сообщениях.....	702

<i>Минченков А.Г.</i> Роль когнитивного контекста в интерпретации английских сравнительных конструкций.....	706
<i>Мозовой С.И., Кононов А.В., Шиманская А.Г.</i> Использование средств выражения модальности в патоморфологическом заключении по биопсийно-операционному материалу: можно ли избежать когнитивных искажений?.....	710
<i>Панасенко Л.А.</i> Ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексики как когнитивная основа вторичных структур в дискурсе.....	714
<i>Пискарёва А.В.</i> Когнитивный механизм точки отчета в дискурсе судебного шоу.....	718
<i>Рогозина И.В.</i> Языковой облик города как когнитивное пространство социальной коммуникации.....	722
<i>Рожковская Э.Д.</i> Метафоры света в идиостиле Р. Харриса (на материале произведений «Помпей» и «Призрак»).....	725
<i>Романенко О.В.</i> Конструирование динамического события в новостном Интернет-дискурсе тематики hard news и soft news (схронический и диахронический аспекты).....	729
<i>Сергиенко П.И.</i> Лингвокультурные особенности футбольных стереотипов в англоязычном дискурсе массовой коммуникации.....	733
<i>Сигал К.Я.</i> Семантический компонент языковой способности и пунктуация.....	737
<i>Сороколетова Н.Ю., Цинкерман Т.Н.</i> Когнитивно-прагматическая специфика онлайн-лекции (на материале английского языка).....	741
<i>Сысолятина О.Н.</i> Вербальная репрезентация эмоциональных состояний в контексте межкультурного взаимодействия.....	744
<i>Тамразова И.Г.</i> Псевдоидентичность как когнитивно-речевая категория.....	747
<i>Толмачева И.Н., Якимова О.А.</i> Механизмы нейтрализации потенциальной конфликтности в публичном дискурсе (на примере русскоязычных интервью).....	751
<i>Тырыгина В.А.</i> Когнитивный механизм выделенности в формировании жанровой категории текста.....	755
<i>У Нань.</i> Особенности употребления форм-идиом со словом «фиг» в русской повседневной речи.....	759
<i>Фомина М.А.</i> Тип детерминатива в моделях с экспериенцером, вносящих информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния: a sharp pain in the stomach или a sharp pain in his / her stomach?.....	762
<i>Фурс Л.А.</i> Формирование потенциально конфликтной семантики английского предложения.....	766
<i>Четверикова А.А.</i> Тематический принцип структурирования информации в дискурсе глянцевого журналов.....	770
<i>Чжао Цзэхун.</i> Гендерные различия концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.....	773
<i>Шапошникова А.П.</i> Концептуальные особенности ответа на вопрос «Почему вы решили стать врачом?» в российском медицинском медиадискурсе (на материале интервью).....	777
<i>Шклярук Е.Я.</i> Свой vs Чужой: об оценочном потенциале маркеров-ксенопоказателей русской повседневной речи.....	781
<i>Шмелева Е.С.</i> Когнитивные основания выбора стилистических приемов в англоязычном медиадискурсе (на материале таблоидов 1990–1999 гг.).....	785
<i>Штильная Н.Н.</i> Диалог и знание: проблема взаимодействия.....	789

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS OF COGNITIVE LINGUISTICS	20
<i>Aleksandrova O.V.</i> Interdisciplinary features of modern discourse.....	23
<i>Babenko L.G.</i> Ideographic dictionaries through the prism of genre characteristics	26
<i>Boldyrev N.N.</i> Foundations of the cognitive theory of conflict-free language communication	31
<i>Bykova O.I.</i> Axiological variability in the actualization of the categorical feature “Human Appearance” in German proverbs and sayings as a reflection of national linguistic consciousness	36
<i>Demyankov V.Z.</i> Everyday language and Ordinary language: on the interaction of cognition and communication	47
<i>Grishaeva L.I.</i> Objectified, activated and co-activated information about the world in communication and text.....	44
<i>Gvishiani N.B.</i> Key lexemes in “Message” and “Impact’ Texts” (towards cognitive corpus linguistics)	40
<i>Kraeva I.A.</i> The specifics of the development of the category of graduality (based on the English language)	60
<i>Nikonova Zh.V.</i> The communicative meaning of a speech act and cognitive mechanisms of its formation.....	65
<i>Ratsiburskaya L.V.</i> Evaluativeness as an axiological potential of word-building	68
<i>Romanova T.V.</i> Ways of interpreting cognitive linguistics terms in scientific discourse.....	72
<i>Zabotkina V.I.</i> Dynamics of cognitive models of manipulation in media discourse	51
<i>Zykova I.V.</i> The specifics of the multimodal representation of the poetic text in cinematic discourse: a linguocognitive approach.....	56
CONCEPTUALISATION AND CATEGORISATION OF THE REALITIES OF THE CHANGING WORLD IN LANGUAGE	73
<i>Abramenko E.V.</i> Phraseological units denoting values and anti-values in Russian linguistic culture.....	76
<i>Alekseenko V.N.</i> Axiological ambivalence of contemporary English.....	79
<i>Alyoshin A.S.</i> Conceptualization of the dyad “Life – Death” (based on the material of Swedish paroemias of comparative semantics).....	83
<i>Antonova K.N., Fialkina L.V.</i> Formation of English national identity in David Lodge’s Novel “Nice Work”	87
<i>Babaeva R.I.</i> Integration of the DIVERSITY megaconcept into the linguistic worldview of the German people.....	91
<i>Bakina A.D.</i> The study of the biblical conceptsphere: the binary concept LIGHT / DARKNESS.....	91
<i>Besedina V.G.</i> Transformations in nominations of the concept MIGRANT in American mass media (based on mediatexts from “The New York Times”)	100
<i>Bochkarev A.I.</i> The space-time continuum ‘pub’ as a significant axiological space of contemporary humorous discourse.....	108
<i>Bolshakova T.M.</i> The implementation of the concept SCHULE (SCHOOL) in German school normative discourse.....	104
<i>Burdaeva T.V.</i> The principle of prototypicality in the construction of syntactic concept ATTRIBUTION (based on the German language).....	112

<i>Chekulai I.V., Prokhorova O.N.</i> Structures of language and structures of knowledge: aspects of correlation	467
<i>Chernyshev A.B.</i> Word formation cognitive aspects: integrative semantics and convergence (on the example of model “hold – have” in Romanic languages)	470
<i>Chuksina E.A.</i> Representation of the intensity of experiencing the emotion of fear in the English language.....	474
<i>Dedovich O.G.</i> The specificity of the structural and semantic organization of individual author’s metaphors in the modern linguodidactic discourse.....	169
<i>Dubrovskaja E.M.</i> Categorisation of the image of the folk in Russian paremiology (based on paremias about the Tatars).....	172
<i>Dudorova M.V.</i> The typical situation “Creating Artwork” in lexicographic representation (on the material of the denotative-ideographic group “Art”).....	179
<i>Dugarova S.B.</i> The concept of HARMONY in the Chinese language: a cognitive approach.....	176
<i>Fattakhova N.N., Mubarakshina A.M.</i> The principle of relying on “family similarities” in the construction of the concept of LEO in the horoscope text.....	440
<i>Fedulenkova T.N.</i> About three waves in the development of western cognitive science (according to V.V. Kolesov).....	444
<i>Filichkina T.P.</i> GREAT GAME concept in English-language media discourse.....	448
<i>Fomin A.G., Haqiq Abdul Haq.</i> Conceptualization and contextualization as the ways of identifying the meaning	448
<i>Galiuk A.A.</i> Features of categorization of the verbs of care in the modern Russian language.....	139
<i>Gerasimova A.P.</i> Conceptual metaphor in the perfume industry	143
<i>Golubeva K.G., Suhareva T.V., Arkhipova A.V.</i> Approaches to the identification of the author’s idiosyncrasy in the semantic structure of the concept FAMILY in the novel by J. Galsworthy “The Man of Property”	147
<i>Golubeva N.A.</i> The category “The Limit of Human Life”: an interdisciplinary aspect	151
<i>Golubkova E.E.</i> The case of “sloth” or what do we call the process opposite to metaphor?.....	151
<i>Graneva I.Yu., Zhukovskaya L.I.</i> Contexts of contrasting Russian personal pronouns as a means of language conceptualization of value dominants of the national mentality.....	157
<i>Grehneva L.V.</i> On the role of periphrasis in the process of categorization and conceptualization of reality.....	161
<i>Guseva A.D.</i> Linguistic and cultural specificity of the figurative-perceptual and value characteristics of the translingual unit “Superman”.....	165
<i>Hrushcheva O.A.</i> Cognitive barriers in xenonym conceptualization.....	457
<i>Ilyina E.V.</i> Conceptualization of the title complex as dominants of artistic discourse.....	217
<i>Inozemtseva N.V.</i> The concept of the future in contemporary Chinese political discourse (on the example of Xi Jinping’s speeches).....	220
<i>Ivanishin D.A.</i> The shift of a concept semantics to the negative connotation in media persuasion	197
<i>Ivanova M.A.</i> Concepts NETZFREUNDSCHAFT and HASS IM NETZ: semantic aspects.....	201
<i>Ivanova O.A.</i> Verbalization of ideas about “Leitkultur” (‘leading culture’) in modern German media: a corpus approach.....	204
<i>Ivanova R.A., Ivanov A.V.</i> Semantic differentiation of lexico-grammatical indices in the modus structure of the compound sentence (exemplified by the German language).....	209
<i>Ivanova S.V., Zakirova A.V.</i> “Mindfulness”: conceptualization and categorization of the notion in lifestyle media.....	213
<i>Janssen-Fesenko T.A., Fesenko S.L.</i> Cognitive modeling of ethno-cultural world as an author’s projection of linguistic personality	501
<i>Kalinin O.I.</i> Cognition and information impact.....	223
<i>Kantysheva N.G., Shuklin A.A.</i> Image of the motherland in ethnic language consciousness of Russian Germans.....	227
<i>Karasik V.I.</i> Characteristics of comical nonsense and absurd.....	231

<i>Karpinskaya N.V.</i> Paremic binomims as a means of representation of the concept HEAD (exemplified by the Russian language).....	234
<i>Khlopova A.I.</i> Current content of the concept FAMILIE (FAMILY) in German linguistic culture.....	455
<i>Kleimenova V.Yu.</i> Conceptualisation of fictional world.....	238
<i>Klochkova E.S.</i> From scientific to public-value concept: conceptual content dynamics of the concept ENERGIEEFFIZIENZ in German.....	242
<i>Kochetova L.A.</i> Metaphoric interpretation of the ARTIFICIAL INTELLIGENCE concept in the Russian-language media.....	265
<i>Kolesov I.Yu.</i> English lingual spacial code in view of construction grammar.....	250
<i>Kondratyeva O.N.</i> Metalanguage reflection in the Russian-language humoric online discourse.....	254
<i>Kononova M.V.</i> Conceptualization and categorization in media persuasion based on the “East – West”, “Friend – Foe” dichotomy.....	257
<i>Kostrova O.A.</i> German substantivized infinitive as an ethnic specify phenomenon.....	261
<i>Kozhanov D.A.</i> Perspectives of language cognitive research in postanthropocentric paradigm of scientific knowledge.....	246
<i>Kuzina M.A.</i> Practical applicability of cognitive categorization methods to researching translingual novels.....	269
<i>Kuznetsov V.G.</i> Typological status and relevant features of the concept TOLERANCE (based on French newspapers).....	273
<i>Lagutova A.S.</i> The lexeme “protector” in the space of religious discourse.....	277
<i>Lomakina O.V.</i> Value nomination as a cognitive problem (based on Russian proverbs about work and idleness).....	280
<i>Los’ A.L.</i> The cognitive aspect in the functioning of Russian perceptual verbs.....	284
<i>Lykina E.A., Kabanova I.N.</i> Metaphoric modelling of “fear” in the English Bible texts.....	288
<i>Mamonova N.V.</i> The implementation of the concept FAMILY in the Russian media discourse (1909–1921 and 2002–2023).....	292
<i>Mangova O.B., Dubchak V.I.</i> Operational concept NUCLEAR DETERRENCE in political discourse (on the example of the English language).....	296
<i>Milovanova M.S.</i> Cognitive foundations of the development of adversative semantics.....	300
<i>Mineeva M.V.</i> Linguistic hypertext as a means of changing reality reflection.....	304
<i>Minyar-Beloroucheva A.P.</i> Linguistic conceptualization of the world of the past.....	308
<i>Mukhina I.K.</i> “Cloud of meanings”: “naive” vs scientific picture of the world on the ideographic map of the language.....	315
<i>Musthofa M.Yu., Koshkarova N.N.</i> On the edge of a cliff: how and what they are joking about in Indonesian stand-up comedies.....	311
<i>Nekrasova M.Yu.</i> Categorization of the concept THE BLACK SEA in modern Russian fiction and media discourse.....	323
<i>Nguyen Thi Thanh Hieu.</i> Cognitive scenarios of boasting in the semantics of Russian and Vietnamese verbs of behavior.....	319
<i>Olontsev A.A.</i> The adverbs “berezhno” and “ostorozhno”: the problem of identifying changes of conceptual schemes in microdiachronic corpus research.....	327
<i>Oparina O.I.</i> The notion of knowledge through image-schemas and metaphors in dynamics.....	330
<i>Pakhomov L.V., Pavlova D.S.</i> The concept and category ART in teens’ perception.....	344
<i>Pankratova S.A.</i> Conceptualisation and categorisation of natural phenomenae in the film language (the modern English cultural image code).....	337
<i>Patieva M.M.</i> Precedent names in Idris Bazorkin’s novel “From the Darkness of the Ages”.....	341
<i>Pavlova A.V.</i> Altered states of mind: interpretive potential of the language of transgressive prose.....	333
<i>Pereslegina E.R.</i> The content of the concept ROAD in I.A. Bunin’s stories.....	348

<i>Petrova I.M., Gosteva N.S.</i> The alteration of the attribute chain as a linguistic cultural projection of knowledge representation (based on the lexeme “snow” in Russian and English).....	352
<i>Petukhova T.I.</i> Specific features of nature conceptualisation in the contemporary English-language fiction text.....	356
<i>Polyanchuk O.B.</i> Conceptual integration and desintegration as key factors of complex sign development.....	360
<i>Prokonina N.I.</i> Conceptualization of money in modern financial PHU-terms of the English and Russian business languages.....	363
<i>Pugachevskaia I.A., Mironova D.M.</i> Ways of term formation in the field of international legal specifications of territories.....	367
<i>Radbil T.B., Radbil N.V.</i> Cognitive-discursive analysis of the values of the new world in the Internet media: the concept of TRANSHUMANISM in a corpus presentation	371
<i>Razumovskaya Yu.M.</i> Cognitive mechanisms of interpretation of precedent names.....	375
<i>Rogovets A.A.</i> Under the shade of a bushy cranberry. About one concept in the representation of Russia abroad.....	378
<i>Samorodin G.V.</i> Article-based categorization in German.....	382
<i>Sapieva S.K.</i> The concept of the CAUCASUS in the aspect of cognitive onomastics.....	386
<i>Serova I.G., Ivina M.K.</i> Bible personal names in emotive prose: the updating of frames.....	389
<i>Shelepova N.V.</i> On conceptualization and transformation of experience of perceiving reality (based on English mytholexemes analysis)	478
<i>Shemaeva E.V.</i> Cognitive metonymical model of lexicalization “Substance – Space” in English	480
<i>Shestak L.A.</i> Slavic language pictures of the world: “pan” and “chlop”, “hajduk” and “turk”, “cossack”.....	484
<i>Shishkina S.A., Ushakova A.P.</i> Value aspects of the concept RULER in Russian literature during the end of the 17 th and beginning of the 18 th centuries.....	487
<i>Shkuran O.V.</i> Verbalization of the PEACEMAKER concept in modern Russian language: a discourse analysis.....	490
<i>Sirotkina T.A.</i> Literary comparisons as a form of reflection of conceptualization of reality in the novel “Ulan Dalai” by Natalia Ilishkina	392
<i>Sokolova A.P.</i> The adjective “Special” in the modern Russian language as a representative of the category “Uniqueness / Exclusivity”	396
<i>Sokolova N. Yu.</i> Concept-forming potential of pragmatic and communicative complex “Movie Title-Tagline”.....	400
<i>Stefanovich M.V.</i> The frame representation of the discourse drama: the role of the remarks, expressed by emotive-evaluative adverbs in <i>-ly</i>	408
<i>Stepanova I.V.</i> Representation of concepts LIFE and DEATH in contemporary poetic text.....	404
<i>Su Jiayan.</i> The category of negation in Russian and Chinese proverbs about love and friendship: a conceptual-category analysis	411
<i>Suslov V.I.</i> On the development of the conceptual structure of BRITISH IDENTITY (based on materials from “The Guardian”)	415
<i>Suvorova M.V.</i> Anthropomorphic metaphors of artificial intelligence in Russian research papers on education.....	415
<i>Teplyakova A.B.</i> Conceptualization and categorization of the Russian-Ukrainian conflict at a time when attention to the conflict in the English-language media is decreasing	422
<i>Tsibernaia O.F.</i> Linguistic creativity as a marker of knowledge transfer	463
<i>Tsvenger L.V.</i> The representation of the concept WHITE in modern English-language newspaper discourse	460
<i>Turbina O.A.</i> Cognitive-semiotic processes: the principle of systematicity.....	425
<i>Usmanova L.A.</i> Conceptual-pragmatic status of parenthesis in V.O. Pelevin’s artistic discourse.....	436

<i>Uzhtentseva A.S.</i> Ethnospecific characteristics of HAPPINESS and UNHAPPINESS as members of conceptual opposition studied in Russian and American aphorisms.....	433
<i>Vereschagina A.V.</i> Cognitive foundations of the formation of complex words based on the vocabulary with the root <i>phil-</i> in Ancient Greek	119
<i>Vlavatskaya M.V.</i> Male identity representation in new Russian paremias	123
<i>Volkova E.V.</i> Verbalisation of the concepts GEZELLIGHEID and HYGGE in the Dutch and Danish linguistic pictures of the world	127
<i>Volozhanina T.S., Barachevskaya A.A.</i> Trends in the evolution of the concept WOMAN in American advertising of the 20 th – 21 st centuries	131
<i>Vychuzhanina A.Yu., Surnjatova Yu. V.</i> Lexical and semantic categorisation of the linguistic colour space in the idiostyle of J.K. Rowling (based on the novel “Harry Potter and the Chamber of Secrets”)	135
<i>Wang Tianjiao.</i> Cognitive models of the notion of good in its conceptualization based on Chinese idioms.....	116
<i>Wu Manhua.</i> Conceptual syncretism of the representation of man (on the example of the noun “Bison”)	429
<i>Yankova N.A.</i> The lexeme “corridor” as the dominant concept the discourse of regionalism (based on the material of Russian-language media)	498
<i>Yuzdova L.P.</i> Phraseology as a product of stereotyping thinking of a native speaker.....	494
<i>Zakharova A.G.</i> Garfield or the conceptual sphere of the derivative from the precedent name.....	185
<i>Zemlyakova K.V., Kuprik S.A.</i> Cognitive and discourse peculiarities of crisis representation in Finnish mass media.....	189
<i>Zhulina E.B.</i> Conditional I in the English language: a holistic approach	182
<i>Zinovieva E.I.</i> Conceptualization of conformity to deontic norms in stable word combinations of the Russian language of the 16 th – 17 th centuries.....	193
MULTIMODAL TURN IN LINGUOCOGNITIVE STUDIES	502
<i>Bagiyan A.Yu.</i> Systems linguistic engineering of professional identity: deconstruction, analysis, synthesis.....	502
<i>Blinova O.A.</i> Manipulative potential of interdiscursivity in multimodal media discourse (the case of South African political cartoons).....	508
<i>Borisova I.V.</i> Memization of the linguistic worldview: archiving of meanings.....	512
<i>Bugaeva I.V.</i> Linguistic and cognitive aspects of booktrailer creation and perception as a multimodal genre	516
<i>Chemodurova Z.M.</i> Visual foregrounding and graphical imagery in translingual poetry	602
<i>Isaeva S.N.</i> Functional features of adapters in evasion (based on the analysis of various talk shows)	523
<i>Kanashina S.V.</i> Transformations of event narrative in English replicative mediadiscourse: a linguocognitive aspect and special features of explication	527
<i>Karkashova M.A.</i> Multimodality as a property of discursive space: from text to architecture	530
<i>Kiose M.I.</i> Joint action in expository dialogue: a research framework.....	534
<i>Kokanova E.S., Lyutyanskaya M.M., Cherkasova A.S.</i> English-Russian professional sight translation: an eye-tracking study	534
<i>Kravchenko Yu.D.</i> A discursive approach to the analysis of television screensaver as a multimodal text.....	542
<i>Kucher V.V.</i> Character’s cognitive style representation through musical ekphrasis	545
<i>Latu M.N.</i> Specificity of conflict polycode texts: factors of influence	549
<i>Manerko L.A.</i> Visualisation tendencies of conceptual and sense space in the English academic discourse.....	553
<i>Maslova N.A.</i> Representation of the concept of FAMILY in the Soviet song discourse.....	557
<i>Orlova V.I., Khvesko T.V.</i> Structure of emotive dominants in E. Hemingway’s novel “A Moveable Feast”.....	564

<i>OVAGIMIAN N.A.</i> Space construal in the multimodal discourse of science documentaries.....	561
<i>POROKHNIITSKAYA L.V., CHYRVONAYA M.O.</i> Conceptual aspects of multimodal euphemization (a study of the English language Internet advertising related to the consumption of alcohol beverages).....	568
<i>POTEKHIN V.O.</i> Multimodal assessment of immersivity in a communication environment.....	572
<i>RUGGERI F.</i> Self-directed gestures and their emotional loading (the case study of the Italian television show “Che tempo che fa”).....	579
<i>RZHESHEVSKAYA A.A.</i> Non-verbal means of imagery construal in drama discourse.....	576
<i>SEMENOVA A.A.</i> Cognitive and psychosemantic aspects of the language personality’s world picture research.....	583
<i>TAGILTSEVA YU.R.</i> Combinatorial logical-semantic relation in conflictogenic polycode texts.....	586
<i>TAYMOUR M.P.</i> Matrix of cognitive filters as a tool for analysis of multimodal elements of discourse.....	587
<i>TROSHCHENKOVA E.V.</i> Merchandise with symbols of D. Trump’s election campaign as polycode texts and group identity formation.....	594
<i>TSVETAeva E.N., PANKRATIEVA E.S.</i> Intertextual potential of late medieval visualized’ phraseology.....	598
<i>VOROBEVA N.V.</i> Celebrity discourse multimodality of verbal-visual communication in English media interview.....	519
<i>YUAN MINGQING.</i> Information recontextualization models in news online portals.....	606
COGNITIVE FOUNDATIONS OF COMMUNICATION	607
<i>ABROSIMOVA E.A.</i> Veterinarian’s oath in the axiological aspect.....	610
<i>AKSENOVA M.V., NIKANOROVA E.I.</i> Proper name as the object for reflection in search of identity in “The Train” by F. O’Connor.....	614
<i>ANISHCHENKO A.V.</i> Cognitive-emotional aspects of the German-language audio commentary.....	618
<i>BABINA L.V.</i> Compound words A+N: models of creation and conflictogenic potential.....	622
<i>BELIAeva I.V.</i> Phraseological units in professional conflict-free communication of dancers (based on the phraseology of sports ballroom dances).....	626
<i>BESEDINA N.A.</i> Exclamatory sentence in the perspective of secondary linguistic interpretation.....	629
<i>BOGDANOVA-BEGLARIAN N.V.</i> “V etoy svyazi” as a new speech connector in Russian oral communication.....	633
<i>BORBOTKO L.A.</i> Integrative model of theatrical discourse: on the way to polyphony.....	637
<i>BUGAKOV A.N.</i> The role of verb in the interpretation of space in the context of conflict-free communication.....	641
<i>CHETVERIKOVA A.A.</i> The thematic principle of structuring information in the discourse of glossy magazines.....	773
<i>DEGTYAREVA A.N.</i> “Misty Noon”: frame as a way of organizing meaning when interpreting imagery in F.I. Tyutchev’s poetry.....	658
<i>DOLGOVA E.V.</i> English phraseological units about deception as a means of conflict-free communication.....	665
<i>DOU CHUNYAO.</i> Phraseological units with semantic human age in the cross-cultural perspective (based on the material of Russian and Chinese languages).....	669
<i>DZYUBA M.S.</i> Formation of semantics of Tambov ergonyms with topocomponent in cognitive aspect.....	661
<i>EFIMENKO T.N.</i> Media and audience interaction: is it conflict-free or confrontational?.....	672
<i>FOMINA M.A.</i> Determiners in models with an experiencer and a pain / emotion localizer: “a sharp pain in the stomach” or “a sharp pain in his / her stomach?”.....	766
<i>FURS L.A.</i> Formation of potentially conflicting semantics of an English sentence.....	769
<i>GOLUBEVA V.K.</i> About the interpretation potential of adverbs and isofunctional forms of nouns.....	645
<i>GRIGORIEVA V.S.</i> Asymmetry of knowledge as a cause of inefficiency of intercultural communication.....	649

<i>Grishcheva V.V.</i> The conceptualization of event in English play through the perspective of sigh representation.....	653
<i>Guseva A.P.</i> Through the looking glass: conceptual blending in animated cartoons.....	655
<i>Ignatova Yu.S.</i> The term “Genocide” as an object of metalanguage reflection in traditional and social media.....	676
<i>Kalinina L.V.</i> When is the sense “elusive”?.....	680
<i>Kolosovskaya T.L.</i> Comparative and evaluative constructions of Russian speech in the cognitive aspect.....	687
<i>Korolyov S.V.</i> Interpretative potential of English coordinate set-phrases.....	691
<i>Kozlova L.A.</i> Recurrent metaphors as semantic ties of a fiction text (on the material of the novel “Ulverton” by A. Thorpe).....	684
<i>Krizhanovskaya E.M.</i> Implementation of the frame “Russia is a great country” in the Internet texts of D.A. Medvedev’s telegram channel.....	695
<i>Kuzmenko P.B.</i> “Okazyvaetsya” as a marker of seemingness resolution (exemplified by the English language).....	699
<i>Levochkin I.I.</i> On the functions of English-language Internet memes.....	702
<i>Magirovskaya O.V.</i> Communication models and conceptualization means transformation in personalized electronic messages.....	706
<i>Minchenkov A.G.</i> Role of cognitive context in interpreting English comparative structures.....	710
<i>Mozgovoï S.I., Kononov A.V., Shimanskaya A.G.</i> The usage of modality expressions in surgical pathology report: is it possible to avoid cognitive distortion?.....	714
<i>Panasenko L.A.</i> Associative format of the interpretive potential of lexis as a cognitive basis of secondary structures in discourse.....	717
<i>Piskareva A.V.</i> The cognitive mechanism of reference point in court show discourse.....	721
<i>Rogozina I.V.</i> City’s language image as cognitive space for social communication.....	725
<i>Romanenko O.V.</i> Dynamic event construal in the Internet news discourse: Hard News vs Soft News (synchronic and diachronic aspects).....	733
<i>Rozhkovskaia E.D.</i> Metaphors of light in the idiostyle of R. Harris (on the material of the works “Pompeii” and “Ghost”).....	729
<i>Seagal K.Ya.</i> Semantic component of language competence and punctuation.....	740
<i>Sergienko P.I.</i> Linguocultural features of football stereotypes in the English language discourse of mass communication.....	737
<i>Shaposhnikova A.P.</i> Conceptual features of the answer to the question “why did you decide to become a doctor?” in the Russian medical media discourse (based on the interview).....	780
<i>Shkliaruk E.Ya.</i> Mine vs Yours: on the estimated potential of xenomarkers of Russian everyday speech.....	784
<i>Shmelyova E.S.</i> Cognitive factors underlying realization of stylistic devices in English language media discourse (based on tabloids dated 1990–1999).....	788
<i>Shpilnaya N.N.</i> Dialogue and knowledge: the problem of interaction.....	791
<i>Sorokoletova N.Yu., Tsinkerman T.N.</i> Cognitive and pragmatic specifics of English online lectures.....	744
<i>Sysolyatina O.N.</i> Verbal representation of emotional states in the context of intercultural interaction.....	747
<i>Tamrazova I.G.</i> Pseudo-identity as a cognitive-speech category.....	751
<i>Tolmacheva I.N., Yakimova O.A.</i> Mechanisms of potential conflict neutralization in public discourse (based on Russian interviews).....	754
<i>Tyryguina V.A.</i> Cognitive mechanism of salience in the formation of the genre category of the text.....	758
<i>Wu Nan.</i> Features of the use of forms-idioms with the word “Fig” in Russian everyday speech.....	762
<i>Zehong Zhao.</i> Gender differences in the concept POLITENESS.....	777

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

О.В. Александрова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ovaleksandrova@gmail.com*

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением различных концептов на основе их междисциплинарного функционирования в когнитивно-коммуникативной системе носителей разных языков и культур, что определяется историческими, географическими, социально-политическими факторами.

Ключевые слова: междисциплинарность, объективная, субъективная, когнитивная картины мира, фоновые знания

Вопрос о междисциплинарном характере современной науки не нов. Можно сказать, он возник с самого начала научных разысканий, поскольку все явления нашей жизни и того, в каком многомерном пространстве они существуют не оставляют никаких сомнений в их взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимовлиянии. В XX в. в связи с бурным развитием разных областей знания, а также все возрастающим вниманием к человеку, его всесторонней деятельности, необходимость междисциплинарных исследований становится все более очевидной. Именно поэтому антропоцентрический подход все более ясно просматривается в современной научной парадигме знания, стремящейся объединить разные научные направления, объяснить многие явления окружающего мира с точки зрения их объективного существования и субъективного восприятия человеком.

Антропоцентрический подход используется в настоящее время разными науками; одной из них, где антропоцентризм прослеживается вполне очевидно, является языковедение и, шире, филология в целом. Еще в теперь уже далеком начале XX в. Л.С. Выготский опубликовал книгу «Мышление и речь», где обосновал необходимость понимания когнитивной языковой деятельности человека [Выготский 1934]. Позднее, уже во второй половине того же столетия, в связи с развитием разных областей гуманитарного и естественно-научного знания исследования когнитивных свойств и возможностей языка продолжились. В это время появляются такие междисциплинарные области в языковедении как психолингвистика, социолингвистика, лингвистическая семиотика, прагматическая лингвистика и другие. Последние десятилетия прошлого века и века XXI-го отмечены бурным развитием когнитивной лингвистики, которая во многом и основана на принципах междисциплинарности. Как писала В.Ф. Новодранова, «в начале XXI века в когнитивной науке стала активно обсуждаться проблема интегрального знания как когнитивного основания понятия “междисциплинарность”. Научное общество пришло к осознанию необходимости междисциплинарного подхода в исследованиях научной картины мира и ее отражения в языке» [Новодранова 2016: 509].

Н.Н. Болдырев подчеркивает: «Современный взгляд на язык и вербальную коммуникацию не ограничивается их собственно семиотическим аспектом. Он предполагает выход за пределы языковой системы в область неязыковых, энциклопедических знаний о мире, обеспечивающих формирование и понимание конкретных смыслов в процессе общения. Один из главных постулатов лингвистической науки на новом этапе ее развития гласит, что языковые значения и смыслы интегрируются в рамках всей концептуальной системы человека (Р. Джэнкендорфф, Р. Лэнекер и др.)» [Болдырев 2012: 39]. В связи со сказанным, следует еще раз подчеркнуть, что, с одной стороны, когнитивный подход в лингвистике основан на взаимодействии современных наук, однако с другой – не стоит смешивать, и полностью отождествлять междисциплинарность только лишь с когнитивными свойствами языка.

Конечно, язык является непосредственным отражением тех процессов, которые происходят в той или иной общности людей, с одной стороны, и более общих глобальных процессов, затрагивающих существование человека в разных уголках мира, с другой. Все эти процессы в той или иной мере находят отражение в картине мира, концептуальной, понятийной картинах определенных народов и индивидуумов и, как следствие этого, в языке. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает необходимость различать не только социально-исторические, национально-культурные аспекты этой проблемы, но и географические, климатические и др. [Тер-Минасова 2009].

Как известно, образ мира является неотъемлемой частью культурной, а следовательно, и когнитивной картины языкового сообщества. Изучение же языковой формы определенного этнического сознания позволяет раскрыть характерные черты этого мира, существующие среди представителей отдельного этноса [Незговорова 2004: 7]. В качестве иллюстрации рассмотрим лишь один пример, а именно концепт ГРАНИЦА, имеющий как общее для многих людей его понимание, так и особенные черты, обусловленные факторами, далеко выходящими за пределы собственно языка. В целом можно отметить, что концепт ГРАНИЦА имеет важное значение в пространственной категоризации мира, обладая различными проявлениями в сознании человека и, как следствие этого, в его языковой деятельности. Категория пространства была и остается одной из центральных в когнитивной лингвистике. Как уже неоднократно указывалось, «развитие когнитивной науки дало новый толчок к изучению понятия пространства, поскольку основные знания человека приходят к визуальными образами. Категория пространства, как известно, всегда входила в круг категорий, традиционно рассматриваемых философией, и многие положения, высказанные в отношении этой категории, в «Диалектике природы» Ф. Энгельса [1961], не потеряли своей актуальности [Кубрякова, Александрова 1997: 15]. Действительно, если рассмотреть слова, семантически связанные с этим концептом в русском и английском языках, можно выделить, например, следующие: *предел, линия, конец, рубеж, межа, край* и многие другие; в английском языке: *border, margin, line, barrier* и др. [Зубова 2012: 11]. Восприятие этого концепта имеет существенные различия в англоязычном и русскоязычном сознании, что обусловлено историческими, географическими,

культурными и другими особенностями. Великобритания – островное государство, границы которого определяются его особым географическим положением. Конечно, существовали и продолжают существовать колонии этого государства, среди которых также немалую долю занимают острова. В различных работах, посвященных лингвокультурным особенностям сознания британцев, это обстоятельство неизменно подчеркивается: «Жизнеспособность британской монархии обусловлена особенностями исторического, политического, социокультурного развития Англии, своеобразием национального характера и менталитета островных жителей, присущей им самобытной логикой мышления» [Мурзинова 2009: 6].

В русскоязычном сознании граница ассоциируется с пределом, который разделяет собственное пространство с иным, нередко враждебным (достаточно обратиться к истории Российского государства). Англоязычная картина мира обладает в этом плане меньшим значением и актуальностью именно в связи с особым географическим, островным положением этого государства, где водное пространство уже само по себе является естественным препятствием для завоевателей. Для британского общества более важным оказывается вопрос управляемого пространства, а не просто территориального. Отражение данного восприятия границы находит свое отражение в устном народном творчестве, в литературе. Так, например, «Береги границу как зеницу ока», «Близка врагу наша граница, да перейти ее боится», «Не пей и не ешь, а держи святой рубеж» в русском языке, «People who live in glass houses should not throw stones», «An Englishman house is his castle», «Dry bread at home is better than roast meet abroad» в английском.

Конечно, картина различного понимания и использования концепта Граница разнообразна, это и область политики, индивидуальной жизни людей и их отношений с окружающим миром, моральных и жизненных ценностей и ориентиров. Однако ясно, что объем значений данного концепта в разных обществах определяется разнообразными особенностями и условиями жизни человека, его объективным и субъективным восприятием окружающего мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 39-46.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

Зубова Н.Ю. Граница как элемент языковой картины мира и ее представление в современном литературном английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 15-26.

Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Новодранова В.Ф. Междисциплинарность медицины и ее языковое отражение // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 509-515.

Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961.

Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life. Moscow: URSS, 2009.

*Olga V. Aleksandrova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

INTERDISCIPLINARY FEATURES OF MODERN DISCOURSE

The article deals with problems of the functioning and understanding of concepts in different spheres of life by the representatives of different speaking communities who have their original pictures of the world, which depend on historical, geographical, social, political factors.

Key words: interdisciplinary research, pictures of the world, background knowledge

*Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
lgbabenko@yandex.ru*

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК*

Идеографические словари [далее – ИС] рассматриваются с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, направленного на выявление и интерпретацию их текстовой природы с целью познания механизмов, формирующих их структурно-семантическую и прагматическую целостность и жанровые особенности. Материалом наблюдений стали более двадцати ИС, созданных в Уральской семантической школе (далее – УСШ). В результате исследования выявлена их жанровая система, включающая два основных типа жанровой структуры ИС и 12 жанровых разновидностей в их составе, организованных иерархически.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лексикографический аспект, идеографические словари, текстовый подход, типология жанров, иерархия жанровых структур

Идеографический словарь – это особый тип словаря в общей классификации лексикографических произведений. Текстовая природа подобных словарей бесспорна, но пока она не была предметом специального глубокого рассмотрения. Сейчас появилась возможность типологического изучения жанрового многообразия ИС на материале серии словарей, созданных коллективом ученых-лексикографов УСШ: более двадцати ИС. Их разнообразие обуславливается как неоднородностью семантико-грамматической природы единиц описания (объективный фактор), так и сменой научных подходов к их интерпретации на разных этапах разработки, обусловивших динамику развития жанровой типологии ИС и отразившихся на наборе используемых лексикографических параметров на разных этапах их создания (субъективно-объективный фактор).

Традиционно понятие жанра используется для обозначения типов произведений определенных видов искусств при их изучении с позиций различных гуманитарных наук, прежде всего литературоведения, когда предметом изучения становятся *род, тип, вид и разновидность* литературных произведений, которые выделяются с учетом тождества или сходства их структурной организации, со-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №22-18-00362.

держания и методологии. Подобным образом можно интерпретировать и типологию ИС в жанровом аспекте, учитывая то, что жанр является категорией открытой, допускающей развитие и различные жаровые модификации, которые и приводят к их иерархической организации. Это сказывается на разнообразии идентификаторов его определений, используемых в словарях, например: «**Разновидность произведений в пределах какого-л. искусства, отличающаяся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками**». (Словарь Ефремовой); «**Род произведений в пределах какого-нибудь искусства, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками** (иск.)» (Словарь Ушакова) и др. Опираясь на подобные устойчивые определения, жанр идеографического словаря как компонента лексикографического дискурса можно определить как тип лексикографического произведения в единстве специфических свойств его формы и содержания, сложившийся и развивающийся на основе определенных признаков и свойств. Идеографический словарь в текстовом освещении представляет собой завершённое словесное произведение, которое имеет свои особенности в жанровом отношении. Он представляет собой лексикографическое произведение со сложно организованным лингвистическим содержанием, отображающим в специфической словарной форме мир действительности или его фрагментов, конструирующий языковую картину мира, выводимую из идеографического описания единиц словаря, представленных в нем в систематизированном виде на основе их категоризации, концептуализации, интерпретации и определяющих его жанровую форму. На рассмотрение ИС как текста определенного жанра оказывает влияние набор устойчивых принципов и лексикографических параметров, лежащих в основе его содержательно-структурной организации, к которым в самом общем виде относятся следующие принципы и параметры (в перечислении): 1) идеографический принцип систематизированной подачи единиц описания и формируемых ими множеств по смыслу, а не по алфавиту в структуре ИС; 2) *синопсис* как результат категоризации единиц ИС и как способ отображения картины мира в виде системы иерархически организованных категорий; 3) языковая картина мира как содержательная ментальная часть словаря в единстве ее когнитивной, семантико-структурной организации и соотносённости с единицами репрезентации; 4) наличие *Алфавитного Словника* как свода всех единиц ИС; 5) особенности единиц описания ИС и формируемых ими множеств: однородные / разнородные; простые / комплексные; полные большие / неполные малые и др.; 6) типы идеографических множеств: лексико-семантические, функционально-семантические, функционально-синтаксические, комплексные лексико-фразеологические, синонимико-антонимические, когнитивно-дискурсивные; 7) варианты конструирования структур словаря: внешней мегаструктуры, внутритекстовой - макроструктуры словарной статьи и микроструктуры дефиниций единиц ИС; 8) лексикографические параметры структуры словарных статей: наличие / отсутствие идентификаторов; наличие / отсутствие типовой семантики единиц ИС, при наличии – варианты ее интерпретации в различных ИС, наличие / отсутствие

дефиниций индивидуальных значений единиц словаря. Перечисленные фундаментальные принципы и лексикографические параметры, важнейшие для создания ИС, имеют разную степень функциональной значимости для конструирования жанровых разновидностей ИС: есть постоянные, присущие всем ИС параметры, определяющие сущность этих словарей как особого типа, такие как идеографический принцип, синопсис, репрезентативность ЯКМ или ее фрагментов, которые играют большую роль и в формировании текстовых словарных категорий: целостности, концептуальности, информативности, семантической связности и членимости. Есть обязательные, но переменные принципы и параметры, допускающие разные варианты их словарной репрезентации, выбор из набора возможных, такие как тип единиц ИС и формируемых ими множеств, варианты конструирования внешних и внутренних структур ИС, наличие / отсутствие идентификаторов, наличие / отсутствие типовой семантики и в случае наличия – способы ее репрезентации в словаре, семантизация / отсутствие семантизации индивидуальных значений единиц словаря. Эти параметры не менее важны, но они допускают варианты репрезентации. Есть параметры, выбор которых основан на альтернативности вариантов, их оппозитивности, такие как специфика единиц словаря и их множеств в аспектах однородности / неоднородности, полноты / неполноты, малого или большого объема и т. п. Все перечисленные параметры оказывают воздействие на формирование жанровой структуры ИС, которые с учетом иерархии организуются следующим образом: 1) **тип ИС** как основной жанр, противопоставленный всем другим типам традиционных словарей; 2) **подтип ИС** как классифицирующий вариант основного типа, противопоставленный другим ИС; 3) **жанровая разновидность ИС** в составе других подобных ИС как частный вариант реализации основного типа и подтипа, имеющий дополнительные различительные признаки. Список словарей УСШ с учетом их жанровой организации выглядит так:

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ УСШ В ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ

1. ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ-ТЕЗАУРУСЫ СПИСОЧНОГО ДЕМОНСТРАЦИОННОГО ТИПА.

1.1. Большие идеографические словари-тезаурусы: Словарь-тезаурус синонимов русской речи [2007]; Словарь-тезаурус прилагательных русского языка [2012, 2017].

1.2. Малые идеографические словари-тезаурусы: Словарь лексико-семантических групп русских глаголов [1989]; Словарь-тезаурус синонимов русского языка [2016, 2017]; Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики русского языка [2021, 2022].

2. ТОЛКОВЫЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ДЕСКРИПТИВНОГО ТИПА.

2.1. Большие толково-идеографические словари.

2.1.1. Комплексные толково-идеографические словари совмещенного типа: Толковый словарь русских глаголов [1999]; Большой толковый словарь русских глаголов [2007]; Большой толковый словарь русских существительных

[2005]; Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов [2021].

2.1.2. Комплексные толково-идеографические словари расширенного типа: Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь [2002, 2016]; Большой толковый словарь синонимов русской речи [2008]; Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи [2017].

2.2. Малые толково-идеографические словари: Словарь синонимов русского языка [2011]; Современный словарь синонимов русского языка [2011].

Данный список ИС отображает наличие трех уровней иерархии при их рассмотрении в жанровом аспекте. Заголовок обозначает тип рассматриваемых словарей – идеографический и указывает на их типологию в жанровом отношении. На верхнем высшем уровне иерархии оппозитивно представлены два основных подтипа ИС: Идеографические словари-тезаурусы списочного демонстрационного типа и Толковые словари идеографические словари дескриптивного типа, которые отличаются по параметру наличия / отсутствия описания типовой семантики и индивидуальных значений единиц словаря. К словарям первого подтипа относятся пять жанровых разновидностей словарей, ко второму подтипу – девять жанровых разновидностей. В их составе выделяются отдельно словари большого и малого жанрового формата. Кроме того, на нижнем уровне иерархии в словарях второго подтипа выделяются две основных жанровых разновидности комплексных ИС: комплексные толково-идеографические словари совмещенного типа, которые отличаются соединением, использованием в их структуре лексикографических параметров разных типов словарей, прежде всего идеографического и толкового, и неоднородностью единиц описания одного языкового уровня: синонимов, антонимов, переводных эквивалентов и др. В комплексных толково-идеографических словарях расширенного типа объектом описания становятся неоднородные единицы языка и речи разных уровней: лексика, синтаксические модели и конструкции разного рода, фразеология, паремиология, дискурсивные фрагменты и пр., рассматриваемые в совокупности и формирующие специфические множества единиц описания. В докладе все представленные выше жанровые типы и разновидности ИС раскрываются более объемно и иллюстрируются материалами словарей.

Liudmila G. Babenko (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

IDEOGRAPHIC DICTIONARIES THROUGH THE PRISM OF GENRE CHARACTERISTICS

Ideographic dictionaries (hereinafter referred to as ID) are considered from the standpoint of a cognitive-discursive approach aimed at identifying and interpreting their textual nature in order to understand the mechanisms that form their structural, semantic and pragmatic integrity and genre features. More than twenty ID created at the Ural Semantic School (hereinafter referred to as the USS) became the material of observations. As a result of the study, the genre system of ID was revealed, which includes two main genres of ID and 12 genre varieties in their composition, organized hierarchically.

Key words: cognitive linguistics, lexicographic aspect, ideographic dictionaries, textual approach, typology of genres, hierarchy of genre structure.

Н.Н. Болдырев (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина

boldyrev@tsutmb.ru

ОСНОВЫ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ БЕСКОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Излагаются теоретико-методологические установки и базовые положения когнитивной теории бесконфликтной языковой коммуникации. В качестве ключевых составляющих этой теории рассматриваются структурно-содержательная специфика организации бесконфликтного общения, ее концептуально-языковая основа и типология языковых единиц, обеспечивающих ее реализацию, анализируются факторы и маркеры бесконфликтности, а также способы и средства нейтрализации речевого конфликта.

Ключевые слова: когнитивная, теория, бесконфликтная языковая коммуникация

В соответствии с данными ранее определениями (см.: [Болдырев 2022; 2023а; 2023б]) **бесконфликтная языковая коммуникация** понимается как общение, включающее конфликтную речевую ситуацию, которая может быть вызвана несовпадением интерпретаций мира и знаний о мире участниками речевого взаимодействия. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время эта проблема все больше и больше привлекает внимание ученых из разных областей науки. В фокусе внимания оказываются психологические, социальные, познавательные и другие аспекты речевых конфликтов, частные случаи их языкового проявления (см. краткий обзор в перечисленных выше работах). В то же время изучение собственно лингвистической природы конфликтного общения отличается по большей мере фрагментарностью и бессистемностью как в плане постановки целей и задач исследования, так и выбора его теоретико-методологических установок. Это обуславливает необходимость системного осмысления данной проблемы в виде определенной собственно лингвистической теории бесконфликтной языковой коммуникации, базирующейся на едином методологическом подходе и принципах.

Цель статьи – наметить базовые основы такой теории, используя теоретико-методологические установки и принципы когнитивного подхода к исследованию языковых явлений.

Когнитивный подход к исследованию языка предполагает обращение к познавательным процессам языковой концептуализации и категоризации мира, к полученным в ходе этих процессов структурам знания в плане их соотношения с языковыми структурами с целью выявления функционально-смысловой специфики последних. Напомним, что **концептуализация** – это процесс осмысления и представления объектов и явлений окружающего мира и их характеристик

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067), <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

виде единиц знания – концептов, а **категоризация** – это соотнесение полученных знаний с конкретными рубриками опыта – категориями и (что особенно важно для понимания ключевой роли языка в обеспечении этих процессов) одновременное присвоение им имен и приписывание характеристик этих категорий. С данных позиций когнитивная теория бесконфликтной языковой коммуникации в лингвистике должна предположительно охватывать такие общие вопросы как: 1) исходные теоретические положения, раскрывающие природу бесконфликтности и, соответственно, бесконфликтной (в противопоставление конфликтной) языковой коммуникации, 2) методологические принципы, приемы и методы анализа, 3) типология языковых средств, обеспечивающих бесконфликтность языкового общения.

Решение этих трех общих проблем также предполагает изучение следующих двух частных вопросов в их неразрывном единстве: структурно-содержательная специфика организации бесконфликтной языковой коммуникации и ее концептуально-языковое обеспечение. Структурно-содержательная и концептуально-языковая специфика организации бесконфликтного языкового общения, в свою очередь, включает такие аспекты как: 1) степень ориентированности участников общения (прямого или опосредованного) на коллективное знание, нормы концептуального и языкового взаимодействия, 2) учет системы знаний и мнений собеседника, согласованность используемых форм языкового сознания (языковых форматов знания), 3) согласованность используемых принципов формирования конкретных смыслов и их понимания, 4) использование способов и средств нейтрализации нежелательных (конфликтных) импликаций и инферирования нежелательных контекстов осмысления, 5) учет факторов, определяющих бесконфликтность общения – факторы интерпретации (совпадение интерпретаций) и языкового оформления (избегание языковых средств, семантика которых допускает конфликтное или двойное осмысление), 6) четкое разграничение уровней языковой и неязыковой онтологии, 7) последовательное разграничение концептуального и языкового уровней анализа.

Рассмотрим далее, насколько позволяет ограниченный объем статьи, каждое из этих положений на конкретных примерах.

Ориентированность участников коммуникации на коллективное знание проявляется в доминировании норм концептуального и языкового взаимодействия, что предполагает общепринятое понимание используемых понятий и терминов, а также способов их репрезентации и интерпретации в индивидуальном сознании. При этом необходимо учитывать, что коллективное знание может иметь разные уровни его стандартизации в зависимости от его признания тем или иным конкретным сообществом: межкультурный, национальный, территориальный, социокультурный уровни, включая широкие или малочисленные объединения людей на основе общности их общественных или профессиональных интересов, партийной или религиозной принадлежности, принадлежности к определенной гендерной, возрастной, субкультурной группе.

Данная стандартизация не ограничивается общепринятыми представлениями о мире и распространяется также на разделяемые всем сообществом схемы

и модели их интерпретации. Именно вариативность этих моделей и приводит к индивидуальным различиям, которые могут препятствовать бесконфликтному языковому общению. Объем статьи вынуждает нас ограничиться в этом вопросе лишь отсылкой к более ранним работам автора, в которых детально анализируются механизмы, схемы и типы языковой интерпретации: первичная – вторичная; селективная, классификационная, оценочная интерпретация, см.: [Болдырев 2018; Болдырев: URL]. В то же время необходимо отметить, что бесконфликтность языковой коммуникации в этом случае обеспечивается прозрачностью деривационных отношений между коллективным знанием и его индивидуальной интерпретацией, и эти отношения должны быть очевидными не только для отправителя, но и для получателя информации, сравните: *Предположим, адрес совпал, ключ подошел, мебель та же самая, но вы же не могли не заметить, что входите не в подъезд, а в парадную?!* (Интернет). ООО «ХАПК» «ГРИН АГРО» *приглашает на работу помощника менеджера стада* (Объявление. Интернет).

Частой причиной конфликтной коммуникации становится попытка некоторых представителей молодого поколения интерпретировать устоявшиеся представления и культурные ценности в контексте собственных ограниченных знаний. В результате происходит подмена национального уровня стандартизации знаний – возрастным или субкультурным, когда индивидуальное мнение, сформированное в среде ограниченного числа людей с сомнительным уровнем образования и культуры, навязывается всему языковому сообществу, в том числе через СМИ.

В качестве иллюстрации можно привести самонадеянные оценки и неоднозначные интерпретации некоторых авторов публикаций на сайте «Киноафиша», например, о привычке якобы именно рожденных в СССР интересоваться личной жизнью других людей, которая, по мнению автора, не изжита за 30 лет и которую она называет мерзкой, см.: [Киноафиша-1: URL]. О конфликтном (и отчасти провокационном) характере данной публикации свидетельствует тот факт, что она вызвала явное неприятие со стороны читателей разного возраста, о чем можно судить по откровенно отрицательным комментариям (более 80, ни одного положительного), в которых сама публикация неоднократно называется в мягкой форме неприятной, а в грубой – мерзкой (как и сама автор) и полным бредом.

В неоднозначном ключе другая автор на том же сайте берется интерпретировать понятия добра, стыда и благодарности через понятие корысти, смешивая понятия корыстного и доброго поступков (первый, по определению, вряд ли можно назвать добрым), искренней благодарности и «щедрого вознаграждения». При этом автор делает вывод (в качестве оправдания неблагодарности?) о том, что ждать благодарности за добрый поступок стыдно, по-своему трактуя вырванное из контекста высказывание О. Хайяма *Ты не даришь добро, ты его продаешь* [Киноафиша-2: URL]. Полная цитата гласит: *Если ты за добро благодарность ждешь — Ты не даришь добро, ты его продаешь* [Хайям: URL]. Между тем у Хайяма есть и другое высказывание, которое к корысти никакого отношения не имеет, а напротив, косвенно указывает на то, что стыдно быть неблагодарным:

Один не разберет, чем пахнут розы...

Другой из горьких трав добудет мед,

Дай хлеба одному — навек запомнит...

Другому жизнь пожертвуй — не поймет. [Стихи: URL].

В данном случае, вероятно, добавляется еще и вторая причина – неумение правильно выразить свою мысль в языковой форме, расставить нужные акценты или стремление выглядеть оригинально в погоне за «сенсацией» («продать» новость), о чем свидетельствует и заголовок публикации: *Ждать благодарности взамен на добрый поступок стыдно: Омар Хайям объяснил почему.*

Приведенные примеры могут также служить иллюстрацией нарушения второго требования, предъявляемого к бесконфликтной коммуникации, когда отправитель информации не учитывает сложившуюся в обществе **систему знаний и мнений**, которую разделяет собеседник, а также конвенциональные способы ее репрезентации в соответствующих **формах языкового сознания** (языковых форматах знания). В юмористической форме эту рассогласованность форматов языкового и неязыкового знания иллюстрирует другой пример: Шариков: *Вот ты, профессор, скажи – посланный подальше считается устремленным в будущее?* (Интернет).

Согласованность языковых и неязыковых форматов знания непосредственно связана и с необходимостью согласования **используемых принципов и механизмов формирования конкретных смыслов и их понимания**, что иллюстрирует следующий диалог:

– *Девушка, а можно мне с вами посидеть немножко?*

– *Немножко не получится, со мной сидят сразу и на всю голову* (Интернет).

В качестве **способов и средств нейтрализации нежелательных (конфликтных) импликаций** и инферирования нежелательных контекстов осмысления могут использоваться различные синтаксические конструкции, типа: *Хотелось бы с вами согласиться, но...*, и слова положительной семантики, как например, в следующем случае: **Искусство брать взятки** (Обложка книги, без автора. С-Петербург, 1850).

Большое значение для обеспечения бесконфликтного общения имеет необходимость **учета факторов** вариативности интерпретации (стремление к совпадению интерпретаций) и языкового оформления, при котором избегается использование языковых единиц и их сочетаний, допускающих конфликтное или двойное осмысление, типа: *Приготовление ядов и снадобий для любознательных* (Название учебного пособия, авторы Э. Гроссе, Х. Вайсмантель).

Четкое разграничение уровней языковой и неязыковой онтологии проявляется в экспликации отношений репрезентации между миром вещей и миром слов: *Объект, обозначаемый словом «яблоко», относится к категории «фрукты»*. Но: **Это слово относится к категории «фрукты»*. Еще один пример: (На аукционе) *Фигура, изображающая правосудие, бронзовая. Начальная цена шесть рублей. Василий, покажи публике правосудие... Правосудие продано* (из к/ф «12 стульев»).

Последовательное **разграничение концептуального и языкового уров-**

ней анализа предполагает строгую дифференциацию единиц этих уровней (когнитивных структур и языковых единиц) за счет обозначения выявленного соотношения между ними, например: *Фрейм каузации изменения свойств объекта репрезентируется в языке каузативными конструкциями с глаголами соответствующей семантики. Но: *Фрейм каузации включает каузативные глаголы.*

В качестве обобщения следует еще раз отметить, что когнитивная теория бесконфликтной языковой коммуникации в лингвистике предполагает описание теоретико-методологических установок, коррелирующих с общими принципами когнитивного подхода к исследованию языковых явлений, в их проекции на специфику структурно-содержательной организации и концептуально-языкового обеспечения бесконфликтного общения, а также построение типологии средств нейтрализации собственно речевого конфликта.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25-30.

Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023а. № 3. С. 5-15.

Болдырев Н.Н. Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 4 (55). С. 28-32.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/interpretatsiia-mira-v-izyake-33ee97>.

Киноафиша-1. URL: https://www.kinoafisha.info/articles/rozhdennyh-v-sssr-vydaet-odnamerzkaaya-privychka-za-30-let-ee-tak-i-ne-izzhili_id67951_a15448936.

Киноафиша-2. URL: https://www.kinoafisha.info/articles/zhdan-blagodarnosti-vzamen-na-dobryu-postupok-stydnou-omar-hayyam-obyasnil-pochemu_id69016_a14813646.

Стихи. URL: <https://stihionline.ru/omar-xajyam-odin-ne-razberyot-chem-paxnut-rozy>.

Хайям. URL: <https://ru.cityat.net/tsitaty/628112-omar-khaiiam-esli-ty-za-dobro-blagodarnost-zhdiosh-ty-ne-darish>.

Nikolay N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FOUNDATIONS OF THE COGNITIVE THEORY OF CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION

The article presents foundations of the cognitive theory of conflict-free language communication in its initial settings and the methodological basis of the study. In particular, the author analyzes structural and content-specified organization of conflict-free communication in the context of cognitive processes of conceptualization and categorization, drawing special attention to factors and markers of conflict-free communication, as well as methods and means of neutralizing speech conflicts.

Key words: cognitive, theory, conflict-free language communication

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРИЗНАКА «ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» В НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Рассматривается вариативность презентации ценностно ориентированного признака «внешность человека» в немецких пословицах и поговорках как результат концептуальной деривации: фразеологизации на основании принципа выделения отношения между компонентами концептов в зависимости от доминирующей функции: дидактической, прагматической. Выявлена идиоэтичность функционирования в национальном языковом сознании.

Ключевые слова: аксиология, вариативность, концептуальная деривация, фрейм, пословица, поговорка, идиоэтичность

При взаимодействии человека и окружающего мира важную роль играет «оценка» или «оценивание». В процессе познания мира человек сталкивается с многими факторами, которые формируют его восприятие и на что он опирается при оценивании. На него влияют общество, культурные ценности, его собственное мировоззрение. Оценка является интеллектуально-психическим актом, выявляющим положительную или отрицательную характеристику предмета окружающей действительности.

Особая значимость понятия «аксиология», «аксиологичность», его междисциплинарный характер отмечен в смежных науках, изучающих ценностные аспекты человеческой деятельности. В философии аксиология – это учение о природе ценностей, «их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т. е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [ФЭС 1983: 763]. «Ценностные ориентации образуют своего рода ось сознания» <...> «выступают важнейшим фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию личности» [Там же: 764].

Согласно современной психологии, процесс оценки/оценивания тесно связан с когнитивным восприятием: «В любом познавательном процессе происходит отражение различных свойств предметов и связей между ними, формирование образа предмета» [Долбаев 1984: 121].

О понятии «оценки» в культурологии пишет В.Н. Телия: «Когнитивное содержание рациональной оценки – это мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на неписаных, но узальных нормах ценностной картины мира, сложившейся в данном языковом коллективе и на его жизненной философии» [Телия 1999: 284].

В лингвистических исследованиях различных проявлений оценочности используется определение и типология оценок Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]. Для нашего исследования особо значим общеоценочный тип аксиологического значения, который реализуется на положительном или отрицательном

отношении субъекта к предмету и явлению.

В представленном Н.Н. Болдыревым варианте интегративной теории репрезентации и оперирования знанием в языке, языковая интерпретация проявляется в трех основных типах: селекции, классификации и оценки [Болдырев 2019: 275-276]. Воздействие объектов и их характеристик на человека позволяет говорить об оценочной категоризации в динамическом аспекте и представляет собой *«мысленное соотнесение объектов или явления с определенной оценочной категорией, или группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие классы и категории. В статическом плане оценочная категоризация – это система оценочных категорий»* [там же].

Как гласит один из постулатов когнитивной современной когнитивной лингвистики: познаваемый мир определенным образом структурирован за счет черт сходства и различия предметов и событий. Оценочная категоризация и специфика формирования оценочности носит интерпретирующий характер.

Возникает вопрос: какой тип концептуальных структур лежит в основе репрезентации знаний и представлений в пословицах и поговорках? Мы находим вполне обоснованным их отнесение, согласно типологии, предложенной Болдыревым [там же: 430] к многокомпонентному типу концептуальных структур: фреймам. Использование фреймового анализа нацелено на выявление соотношения вариативности исследуемого категориального признака между двумя макрофреймами: «положительная оценка / отрицательная оценка внешности человека», с одной стороны, и внутри структуры каждого макрофрейма, с другой.

Выбор интересующего нас объекта исследования: фразеологических выражений (пословиц и поговорок), функционирующих и хранящихся в национальном языковом сознании коммуникантов, с позиции когнитивного подхода обусловлен следующими факторами.

1. Порождение, актуализация концептов является результатом особого вида концептуальной деривации: фразеологизации.

2. Структурно-семантические особенности номинации концептов фразеологическими выражениями, отнесенными И.И. Чернышевой к особому субклассу: фразеологических высказываний (*phraseologische Ausdrücke*) [Černyševa 1982], заключаются в следующем: а) переосмысление всего комплекса высказывания, а не отдельных его компонентов; б) синтаксическая структура предложения или части предложения.

3. Функционирование в концептосфере представителей лингвокультурной общности ориентировано на актуализацию дидактической и прагматической функций.

4. В номинации оценочного категориального признака наличествует вариативность: положительная / отрицательная оценка.

5. Идиоэтническая специфика позволяет описать особенности их функционирования в плурицентричном пространстве языка.

В качестве эмпирического материала была проанализирована 61 фразеологическая единица. Из них пословиц 47 (77,04%), поговорок 14 (22,95%).

Нами выявлена наибольшая степень продуктивности аксиологической вариативности категориального признака «внешность человека», актуализированного 19 пословицами, что обусловлено их дидактической функцией. В смысловой структуре пословиц, репрезентирующих макрофрейм «положительная оценка внешности человека», выделены 3 микрофрейма: «телосложение»: «Ein gesunder Geist in einem gesunden Körper»; «возраст»: «Junges Blut hat Mut» «рост» «Was klein ist, das ist niedlich». В данном макрофрейме поговорками модального характера репрезентированы микрофреймами: «черты лица»: «Das Aug' ist der Seele Spiegel»; «возраст»: «Das Alter soll man ehren»; «рост»: «klein aber fein».

Аксиологическая вариативность исследуемого категориального признака показательна для концептуальной структуры макрофрейма «отрицательная оценка внешности человека», в котором релевантными оказались признаки соответственно репрезентированные микрофреймами, вербализованными поговорками «черты лица / части тела»: «Schönes Gesicht verliert sich bald»; «Grübchen in den Backen, Schelm im Nacken»; «телосложение»: «Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach»; «возраст»: «Das Alter ist ein Spital, das alte Krankheiten aufnimmt»; «Er hat einen mächtigen Mondschein» (рус. «У него уже лысина на всю голову»); «рост»: «(kaum) drei Käse hoch» (ср. рус. «от горшка два вершка»).

Исследуемые нами ФЕ смыслового поля «внешность человека» обнаруживают идиотэническую специфику в немецкоязычном культурном пространстве. Для наглядной иллюстрации приведем следующие примеры.

(1) Auf die Weibermühle (nach Trippstrill gehen), wo man alte Weiber jung macht означает совершенно безнадежное предприятие: тщетно пытаться вернуть себе былую молодость, жизненную силу или даже утраченную невинность с помощью волшебных средств, tehdä себя обманчивой надеждой на возможность омоложения и коренного преобразования. Аналогично: отвести кого-нибудь на мельницу, где перемалывают злых женщин: его дряхлую, некрасивую и сварливую жену хотят обменять на молодую на мельнице чудес. Пословица сохраняет представления о женской мельнице, которые все еще были очень распространены в XIX в., о чем свидетельствует популярная гравюра. Вера в омоложение с помощью волшебных средств зародилась еще в древности: из омолаживающих трав Медеи готовили волшебные зелья и мази. В средние века люди надеялись на силу источника молодости, а позже – на омолаживающее заклинание мельницы.

(2) Alter ist ein schweres Malter. Для правильного интерпретирования дидактического смысла необходимо понимать определение слова Malter, которое и выражает основной посыл ФЕ. Das Malter – распространенное только в некоторых, особенно в верхненемецких, районах Германии слово для обозначения мелко натертого или раскрошенного зерна, щепня. Мы предполагаем, что в немецкоязычном культурном пространстве старость подобна кропотливому перемалыванию зерна, что является трудным и требующим особого внимания процессом.

(3) Ins Schwabenalter kommen: 40 Jahre alt werden und endlich zu Verstand kommen [Röhrich 1973: 1425]. Швабский возраст используется для обозначения лет жизни, начинающихся с сорокового дня рождения шваба. Говорят, что в Швабии становятся мудрым, только когда человеку исполняется 40 лет. Таким

образом, швабов подсознательно обвиняют в том, что они поздно расцветают. В Баден-Вюртемберге и Баварской Швабии обычным ритуалом является упоминание о возрасте швабов и их сообразительности и мудрости, которые внезапно проявляются при праздновании сорокового дня рождения шваба. Поэтому 40-летие обычно отмечается особым образом. Историческая справка: Йоханнес Бем по прозвищу Богемус, один из первых немецких фольклористов и этнографов, написал в своем «Описании нравов и обычаев всех племен» в 1521 г. о швабах: «Sero respiscunt» ‘Они поздно понимают’, тем самым обосновав это предубеждение. Первоначально эта поговорка была воспринята местными жителями положительно. Хотя данная ФЕ и имеет отрицательную оценку, смысл ее не в «ограниченности» швабов, а в том, что этот народ начинает использовать хитрость ума только после 40 лет.

(4) (kaum) drei Käse hoch. Обычно эта поговорка применяется по отношению к детям, отличающимся дерзким поведением. ФЕ имеет два варианта происхождения: во-первых, в нижненемецких регионах примерно в XVIII в. на фермах делали сыр по типу (голландских) шайб или шариков и в шутку складывали их друг на друга для фиксирования роста детей; по другой версии, это выражение не имеет ничего общего с «сыром», а происходит от французского *caisse*, «ящик, коробка» и обозначает человека размером с три коробки [Бинович, Гришин 1975: 337].

Относительно трансляции культурного смысла, воплощающего в себе то или иное ценностное содержание, М.Л. Ковшова, делает конструктивное заключение: они <...> «доставляют семантику фразеологизма», <...> «оказываются инкорпорированными в семантику фразеологического знака, хранятся в ней и извлекаются из нее в речи» [Ковшова 2012: 347].

Нами была выявлена тенденция к более частотному употреблению пословиц и поговорок, маркированных негативной оценочностью, которые составляют 63,93%: 28 из 47 пословиц и 11 из 14 поговорок имеют негативную оценку. Данный феномен объясняется тем, что в немецкоговорящем культурном пространстве концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА обнаруживает взаимосвязь и взаимообусловленность с концептами УМСТВЕННАЯ СПОСОБНОСТЬ и МАНЕРА ПОВЕДЕНИЯ: «Schönheit und Verstand sind selten verwandt»; «Schönheit vergeht, Tugend besteht»; «Ein schönes Gesicht oft dem Herzen nicht entspricht».

Фразеологический фонд, в частности пословицы и поговорки, представляет собой фундамент языковой культуры, содержит культурную информацию о мире, социуме, эпохах и менталитете народа, воплощает в себе культурные сущности обычно в национально-самобытной форме. Это объясняется тем, что сам по себе язык – это зеркало культуры, со всеми присущими ей признаками, такими как общественное самосознание, менталитет, ценности, традиции и обычаи. Уместное употребление пословицы или поговорки делает речь говорящего выразительной и образной.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Долбаев Л. П. Проблемы оценивания в психологии. Саратов: Саратовский ун-т, 1984.

Ковшиова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1999.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg: Herder, 1973.

Černyševa I. I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. Moskau: Vysšaja škola, 1982.

*Olga I. Bykova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

AXIOLOGICAL VARIABILITY IN THE ACTUALIZATION OF THE CATEGORICAL FEATURE “HUMAN APPEARANCE” IN GERMAN PROVERBS AND SAYINGS AS A REFLECTION OF NATIONAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The variability of the presentation of the value-oriented attribute “human appearance” in German proverbs and sayings is considered as a result of conceptual derivation: phraseologization based on the principle of highlighting the relationship between the components of concepts depending on the dominant function: didactic, pragmatic. The idioethnicity of functioning in the national linguistic consciousness is revealed.

Key words: axiology, variability, conceptual derivation, frame, proverb, saying, idioethnicity

Н.Б. Гвишиани (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ngv@wdcb.ru*

КЛЮЧЕВЫЕ ЛЕКСЕМЫ В «ТЕКСТЕ СООБЩЕНИЕ» И «ТЕКСТЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» (К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ)

В статье рассматривается взаимосвязь когнитивной и корпусной лингвистики в исследовании функционально-концептуальных характеристик ключевых лексем. Делается вывод о том, что ключевые слова в корпусной статистике отражают не только референциальное содержание текста, но и субъектно-ориентированные оценочные смыслы в аспекте репрезентации.

Ключевые слова: когнитивная корпусная лингвистика, ключевые лексем, референция, репрезентация, корпусная статистика

Функционирование языковых структур в речи исследуется в настоящее время с позиций ряда магистральных направлений в изучении языка, среди которых когнитивная и корпусная лингвистика занимают особое место. Эти два направления исследований, которые выступают в качестве основных тенденций, характеризующих современный языковой ландшафт, в последнее время демонстрируют склонность к более тесному взаимодействию друг с другом, чем это проявлялось ранее. Возникло понятие *когнитивной корпусной лингвистики* – области знания, «которая формулирует вопросы о человеческом познании таким образом,

что статистический анализ, основанный на данных языкового корпуса, может дать ответы на эти вопросы» [Agrre et al. 2010: 2]. Интегрированный подход с использованием различных типов данных и экспериментов, очевидно, рассматривается как достижение, и хотя компьютерный корпус не является «коротким путем к познанию», взаимосвязь двух сфер лингвистического исследования может эффективно сказаться на раскрытии потенциала каждой из них. Особенно это касается тех случаев, когда нюансы речеупотребления и выражаемого смысла не могут быть объяснены исходя лишь из одного типа данных [Гвишиани 2012: 19].

Возникнув в русле разных исторически сложившихся парадигм, когнитивная и корпусная лингвистика имеют как точки соприкосновения, так и существенные отличия. В основе их сближения лежит положение о том, что исследование языка должно быть основано на данных реального речеупотребления. Устанавливая связь между познанием и эмпирической реальностью, когнитивная лингвистика опирается на прототипические ситуации, репрезентирующие свойственные данному языковому сообществу образы, оценку и ассоциации. В то же время в иерархии объектов и понятий окружающего мира усматривается подчиненность фактору регулярности и воспроизводимости. Согласно Р. Лэнэкеру, «*an event... becomes more and more deeply entrenched through continued repetition*» [Langacker 1987: 100]. Данное обстоятельство, безусловно, должно находить отражение в частотности языковых единиц и оборотов речи, являющихся лексическими репрезентантами ментальных представлений (концептов) в составе коммуникативных структур. Со своей стороны, корпусная лингвистика, опирающаяся на бесконечное разнообразие коммуникативных актов в составе дискурса языкового сообщества, может предоставить статистические данные, расширяющие зону научного поиска, с целью исключить потери информации об альтернативных представлениях и возможностях выражения тех или иных смыслов.

Среди понятий, входящих в парадигму когнитивных и корпусных исследований, могут быть выделены *ключевые слова*, которые рассматриваются как идентификаторы тематического содержания и стиля текста. Диапазон феномена ключевых слов довольно широк, что позволяет исследовать их в разных типах дискурса. В применении к научному тексту данное, в большой степени, интуитивное понятие терминологизируется, что предполагает выделение квалификационных признаков ключевых слов как средства указания на оригинальность и исключительность произведения.

В задачу настоящей работы с этих позиций входит рассмотрение функционально-концептуальных характеристик ключевых лексем, которые демонстрируют, как реально происходит процесс взаимодействия разных факторов в когнитивно-корпусном исследовании.

Методы выделения ключевых слов могут варьировать в зависимости как от целей исследования, так и от жанрово-стилистической принадлежности текста. Однако в большинстве случаев основным критерием признается частотность, повторяемость и регулярная воспроизводимость языковой единицы. Тем самым в силу вступает прежде всего корпусная методология, базирующаяся на автомати-

зированном выводе списка ключевых слов, частотность которых превышает порог статистической вероятности, устанавливаемый при сопоставлении исследуемого текста с референциальным корпусом [Scott 2015]. Говоря об интегральном (когнитивно-корпусном) подходе в этой связи, следует отметить, что на пути его осуществления возникают некоторые трудности.

Прежде всего не вполне очевидно, в какой степени корпус отражает психологическую реальность, что имеет первостепенное значение в когнитивной лингвистике. Указывает ли частотность языковых элементов на повторяющийся характер мыслительных процессов и концептуальных структур? Ведь многие из высокопродуктивных слов и словосочетаний оказываются лишенными концептуальной основы в силу своей клишированности и присущей им непроизвольности воспроизведения в речи. Таким образом, с одной стороны, мы имеем 'офлайн-данные' и теорию прототипов в когнитивной лингвистике, а с другой – корпусную статистику, регистрирующую фактические данные, а не свидетельства «суждений», которые можно получить в результате субъектно-ориентированных психолингвистических экспериментов. Возможно, в когнитивных и корпусных исследованиях мы имеем дело с разными типами данных, и примеры успешного применения интегрального подхода будут наблюдаться там, где статистические данные сочетаются с изучением когнитивно-концептуальных и социокультурных факторов, дающих объяснение тому, почему язык работает таким образом, а определенные модели становятся рутинными.

Обратимся к исследовательскому материалу.

Компьютерно-корпусный анализ (менеджер Sketch Engine) ключевых лексем в романе Э.М. Форстера «Комната с видом на Арно» («A Room with a View») позволил установить, что они являются 'ключом' не только к лингвистическим и стилистическим особенностям текста, но и к его концептуальной структуре. Большая часть ключевых слов, извлеченных с помощью поискового корпуса, обусловлена обстановкой места действия романа и включает географические и личные имена, а также реалии, которые имеют «низкую ожидаемую частоту» в других текстах референциального корпуса. Вместе с тем, в электронном списке немало ключевых слов, которые входят в общий лексикон и могут быть отнесены к оценочной лексике, используемой в области межличностных отношений и социального поведения. Таким образом, в совокупности ключевых слов можно выделить лексемы, входящие в сферу референции, и те, которые «представляют» или репрезентируют явления действительности в соответствии с восприятием субъекта речи [Rossner, Widdowson 1983: 5]. Если *референция* – это «отнесенность актуализированных имен... или их эквивалентов к объектам действительности [Арутюнова 1990: 411], то *репрезентация* рассматривает референт как «предмет МЫСЛИ», т. е. с учетом восприятия и субъективного отношения говорящего.

Наиболее интересным моментом в свете рассматриваемой проблематики является то, что лексема 'view' не вошла в электронный список ключевых слов несмотря на ее присутствие в заглавии романа и общую высокую частотность в тексте произведения (50 употреблений). Контекстуальный анализ с применением

аппарата когнитивной лингвистики свидетельствует о том, что данное слово используется в романе как в сфере референции, обозначая вид местности, так и в сфере репрезентации, обретая структуру концептуальной метафоры. Как можно предположить, отсутствие ключевой лексемы ‘view’ в статистических корпусных данных связано с ее «высокой ожидаемой частотностью» в эталонном корпусе, а также востребованностью в различных типах дискурса.

В научном дискурсе извлечение ключевых слов осуществляется с учетом их квалификационных признаков, важнейшим из которых является указание на основные термины и понятия в содержании произведения. Проведенный эксперимент показывает, что в случае ‘текста сообщение’ стратегии интуитивно-концептуального и статистического подходов нередко совпадают. Так, в работе, посвященной концептуальной метафоре [Marugina 2014], при сравнении ‘офлайн’- и ‘онлайн’-данных, мы обнаруживаем следующее соответствие (см. Табл.).

Версия автора	Статистический анализ Sketch Engine: Terminology Extraction	Частотность употребле- ния
Conceptual metaphor	Conceptual metaphor	32
Literary discourse	Literary discourse	18
Key textual metaphor	Key textual metaphor	11
Modeling	Text-modeling process	2

Как можно видеть, обе версии отдают предпочтение полилексемным терминам, которые обладают наибольшим потенциалом в выявлении исключительности текста. Единственное различие в сравнении двух стратегий заключается в отсутствии в статистическом анализе лексемы ‘modeling’, которая, будучи высокочастотной в референциальном корпусе, заменяется более специализированным термином ‘text-modeling’.

В заключение можно сделать вывод о том, что понятийный аппарат когнитивной лингвистики является необходимым инструментом в интерпретации компьютерно-корпусных данных. Ключевые лексемы, представленные в корпусной статистике, отражают не только референциальный аспект в тематике текста, но и субъектно-ориентированные оценочные смыслы (репрезентация). Случаи отсутствия значимых ключевых лексем в электронном списке могут быть объяснены их «высокой ожидаемой частотностью» в эталонном корпусе.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 411.
- Гвишиани Н.Б. О взаимосвязи корпусной и когнитивной лингвистики // Актуальные проблемы английского языкознания. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 19-29.
- Arppe A., Gilquin G., Glynn D., Hilpert M., Zeschel A. Cognitive Corpus Linguistics: five points of debate on current theory and methodology. Vol. 5, No. 1. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar // Theoretical Prerequisites. Vol. 1. Stanford: Stanford University, 1987.
- Marugina N.I. Conceptual Metaphor as a Model Generating Literary Discourse // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. 154. Pp. 112-117.
- Rossner R., Widdowson H.G. Talking Shop: H.G. Widdowson on Literature and ELT // ELT Journal. 1983. No. 37 (1). Pp. 3-5.

Scott M. WordSmith Tools Manual. Version 6. Liverpool: Lexical Analysis Software Ltd. 2015. URL: <http://lexically.net/downloads/version6/wordsmith6.pdf>.

Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu>.

*Natalia B. Gvishiani (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

KEY LEXEMES IN “MESSAGE” AND “IMPACT” TEXTS” (TOWARDS COGNITIVE CORPUS LINGUISTICS)

The article examines the interaction of cognitive and corpus linguistics in the study of functional-conceptual characteristics of key lexemes. It is argued that keywords in corpus statistics reflect not only the referential content of the text, but also subject-oriented evaluative meanings as part of representation.

Key words: cognitive corpus linguistics, key lexemes, reference, representation, corpus statistics

*Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

ОБЪЕКТИВИРУЕМЫЕ, АКТИВИРУЕМЫЕ И СО-АКТИВИРУЕМЫЕ СВЕДЕНИЯ О МИРЕ В КОММУНИКАЦИИ И ТЕКСТЕ

В фокусе размышлений – соотношение в коммуникации и в тексте объективируемых, активированных и со-активированных сведений о мире. Размышления базируются на признании необходимости последовательно различать статический и динамический подход к функционированию языка как средства познания и коммуникации, а также на стремлении описывать процессы порождения и рецепции текста как не представляющие собой взаимоконвертируемые, но как развивающиеся по своим специфическим закономерностям. Во внимание принимается при этом тот факт, что в коммуникации и в тексте объективируются средствами культурных кодов только часть разнородных сведений о мире. Однако взаимопонимание достигается при активизации и со-активации сведений о мире, присутствующих в картине мира интерактантов, но не объективируемых в актуальном акте коммуникации средствами культурных кодов.

Ключевые слова: объективация, активация, со-активация сведений о мире, коммуникативная и когнитивная задача, носители языка и культуры, средства вербального и невербальных кодов, основания для выбора когнитивных, номинативных и коммуникативных (дискурсивных) стратегий

На первый взгляд проблематика, вынесенная в заглавие, представляется после свершившегося когнитивного поворота весьма банальной и не заслуживающей серьезных и глубоких дискуссий. Причину для подобного суждения довольно легко осмыслить и принять как обладающую объяснительной силой. Приведенное суждение воспринимается очевидным, поскольку разнородные вербальные и невербальные средства культурных кодов, с помощью которых объективируются, активируются и со-активируются гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, давно и убедительно описываются и изучаются разными приемами применительно к разным коммуникативным условиям, а особенности функционирования этих средств характеризуются на различных теоретических основаниях и в рамках разнообразных подходов.

Между тем – по трезвому размышлению – поставленный вопрос нельзя не

признать фундаментальным, так как обозначенную проблематику можно продуктивно осмыслить только с учетом ряда проблем, **кардинальных** для лингвистики и на сегодняшнем этапе ее развития. Достаточно назвать только некоторые из них:

- картина мира и способы ее овнешнения, а также последовательность выведения в поле сознания коммуникантов сведений, востребуемых интерактантами в актуальной для них коммуникации;
- соотношение универсального и культурно специфического, общего и частного, закономерного и случайного в структуре картины мира как феномене, а также при кодировании и декодировании сведений о мире;
- принципы исчисления параметров картины мира как феномена и факторов, обуславливающих специфику конфигурирования картины мира у коллективного и единичного субъекта как носителей языка и культуры;
- принципы членения информационного потока носителем языка и культуры как коллективным субъектом, с одной стороны, и как единичным субъектом, с другой, в тех или иных коммуникативных условиях;
- основания для разграничения в конкретном акте взаимодействия знаний и данных, знаний и информационного шума;
- соотношение привычных (конвенциональных, узуальных) и новых (креативных, окказиональных) способов решения коммуникативных задач с помощью средств культурных кодов;
- корреляции когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий;
- степень детализации сведений о мире при их активизации и со-активации в коммуникации, а также степень регулярности и закономерности этих процессов в тех или иных коммуникативных условиях;
- соотношение статического и динамического ракурсов изучения функционирования культурных кодов в культуре и в коммуникации;
- соотношение кодирования и декодирования сведений о мире с учетом варьирования коммуникативных и когнитивных параметров ситуации общения;
- корреляции закономерностей порождения и рецепции продуктов речемыслительной деятельности.

Анализ обозначенной проблематики убеждает в том, что для ее понимания необходимо последовательно учитывать по крайней мере три группы обстоятельств.

Во-первых, любая интеракция как взаимодействие носителей языка и культуры – это решение ими **некоторой коммуникативной и когнитивной** задачи в тех или иных условиях. Интерактанты располагают при этом в силу инкультурации знанием о способах достижения цели своей деятельности, средствах реализации своих действий, а также возможностью варьировать свои действия под влиянием тех или иных психологических, социальных, когнитивных и иных факторов, внешних и внутренних по отношению к интеракции. Поэтому в культуре имеется комплекс **изофункциональных** первичных и вторичных средств решения этих задач с тонкой дифференциацией функционального потенциала соответствующих средств. Эти знания относятся к разделяемым всеми носителями языка и культуры.

Во-вторых, одна и та же цель имеет в любой культуре **множество** способов своего решения, каждый из которых специализируется на дифференцируемые по разным основаниям параметры интеракции. Поэтому интерактанты учатся при своей социализации **выбирать** средства и способы решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, оптимизировать свою деятельность, учатся **варьировать** своими действиями, учитывать влияние разнородных факторов, чтобы результат взаимодействия был эффективным, продуктивным, адекватным и по возможности комфортным – в идеале – для поддержания атмосферы кооперативного взаимодействия.

В-третьих, средства – вербальные и невербальные – имеют в культуре свою **специализацию** на решение коммуникативной и когнитивной задачи. Поэтому по их употреблению можно получить довольно определенное представление о стратегиях, реализуемых в актуальных условиях: **когнитивных** (то, как интерактант осмысляет воспринимаемые сведения о виртуальной / фикциональной / реальной действительности, как и на какой основе он их категоризует и концептуализирует); **номинативных** (какие средства коммуниканты выбирают для объективации результатов концептуализации и категоризации воспринятых сведений из комплекса изофункциональных) и **коммуникативных** (какие вербальные и невербальные действия, в какой последовательности, какими средствами и каким образом интерактанты осуществляют).

Убедиться в сказанном можно благодаря анализу некоторых примеров.

Так, в примере 1 перечислены неконвенциональные для русской языковой культуры номинации для разных элементов актуальной реальной действительности, обладающие различными лингвистическими характеристиками. Очевидно, что носитель русского языка и культуры осмысляет такие номинации в опоре на свое знание словообразовательных моделей, на свое знание моделей групп слов определенной структуры, а также на свое знание способов соотнесения номинации с референтом.

Пример 1: *эйштейниаты, убеганты, релоканты, испуганты, испургенты, америкολиз, гегемонщина, Вашингтонщина, нижеплинтусные (изрыгания), морейцы, отреченцы, нетвойняшки, жабогадюкинг*, а также *танцы с самозванцами, танец на граблях, страна У или место у Дженифер Лопес, застрахованное на миллион долларов* и т. п. [Lenta.ru]

Примеры 2, 3, 4 демонстрируют **вариативность** и способность к дифференциации способов решения одной и той же коммуникативной задачи – порождение аннотации к содержанию последующих глав одного макротекста. В когнитивном отношении цитируемые микротексты представляют собой конструирование когнитивной рамки восприятия, сквозь которую реципиент текста селекционирует свои сведения об истории своей родной страны – Германии. Таким способом задаются параметры пространственно-временного континуума и снимается неопределенность, а также задаются характеристики, по которым сведения о том или ином элементе действительности будут подводиться под некоторую категорию. Характерно, что при этом события, исторические персонажи, их деятельность, пред-

меты, имеющие специализацию и смысл только в конкретном типе пространственно-временного континуума, локализуются преимущественно неконвенциональными для немецкой языковой культуры средствами и способами, не принятыми при порождении типа текста «аннотация». Разнородные элементы, включаемые при прямой идентификации в одну ментальную категорию, подводятся в цитируемом текстовом пространстве по иным признакам в аксиологическую категорию, а первичные для идентификации признаки активируются и со-активируются разнородными языковыми средствами, оставаясь не объективированными в порождаемом тексте.

Любопытен также способ размещения соответствующих микротекстов – также неконвенциональный; это при цитировании маркируется знаком «///».

В примере 2 сведения, необходимые реципиенту для понимания (*nach allem Vorausgegangenem*), не объективируются в цитируемом микротексте, но соответствующая номинация устанавливает внутритекстовую дистанционную связь с посттекстом (с. 86-95). Это же относится к обозначениям персонажей (*ein Fremder, der sich die deutsche Kaiserkrone kauft*), известного исторического деятеля (*Der Mönch Luther*), а также обозначения значимого исторического события неконвенциональным и аксиологическим средством (*die erste Revolution, wieder eine Tragödie*).

Пример 2: Im achten Kapitel /// wird es nach allem Vorausgegangenem niemand /// überraschen, wer die Hauptrolle spielt: /// ein Fremder, der sich die deutsche Kaiserkrone kauft. /// Der Mönch Luther entfesselt die erste Revolution, /// und das Ende ist wieder eine Tragödie [Fernau 1976: 6].

Пример 3 является убедительной иллюстрацией вариативности охарактеризованных выше стратегий, показывая также новые возможности перечисления абсолютно разных по своей природе элементов действительности, включаемых в конкретном тексте в одну ментальную категорию (*Erfindungen*), однако не являющимися таковыми при их прямой идентификации: *die Volksvertretung, der Sozialismus, die Barrikaden, die Eisenbahn, der Telegraph und das Deutschlandlied*.

Пример 3: Das zwölfte Kapitel /// zeigt die Darsteller bereits in Gehrock und Zylinder. /// Es spielt im Jahrhundert der Erfindungen. /// Ohne Trick und ohne doppelten Boden werden erfunden: /// die Volksvertretung, der Sozialismus, die Barrikaden, die Eisenbahn, der Telegraph und das Deutschlandlied [Fernau 1976: 7].

Пример 4 правомерно охарактеризовать как демонстрацию когнитивной и коммуникативной значимости аксиологической категоризации довольно обширного фрагмента картины мира и комплекса разнородных сведений о действительности, осуществляемой продуцентом текста по признакам, даже не относящимся к первичным либо вторичным при прямой либо косвенной идентификации или же при аксиологической категоризации соответствующего элемента действительности в иных коммуникативных условиях.

Пример 4: Im vierzehnten Kapitel /// stehen, wie in jedem Theater, /// die Kritiker in der /// Pause vor dem letzten /// Akt beisammen und zeigen, /// daß sie alles besser wissen [Fernau 1976: 7].

Таким образом, очевидно, насколько важным при порождении и рецепции

текста как продукта речемыслительной деятельности в некоторых условиях владение обоими коммуникантами общими знаниями (знаниями о мире, языковыми и интеракциональными знаниями), знаниями о средствах и способах реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий и владение принципами их варьирования в зависимости от тех или иных факторов. Только тогда можно ожидать, что коммуниканты будут адекватно ситуации общения и соответственно интенции продуцента осмыслять не только сведения, объективируемые средствами культурных кодов, но и сведения, не объективированные в коммуникации, но активируемые и со-активируемые разными средствами и способами.

Источники примеров

Fernau J. Deutschland, Deutschland über alles... Von Null bis heute. Frankfurt/M; Berlin; Wien: Verlag Ullstein GmbH, 1976.

Lenta.ru (июнь-август 2023 г.).

Liudmila I. Grishaeva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

OBJECTIFIED, ACTIVATED AND CO-ACTIVATED INFORMATION ABOUT THE WORLD IN COMMUNICATION AND TEXT

The discussion is focused on objectified, activated and co-activated information about the world and its correlation in communication and in the text. The discussion is based on the recognition of the need to consistently distinguish between a static and dynamic approach to the functioning of language as a means of cognition and communication, as well as on the desire to describe the processes of text generation and reception as not being mutually convertible, as developing according to their specific patterns. Further argument takes into account the fact that only part of the heterogeneous information about the world is objectified by means of cultural codes in communication and in the text. However, mutual understanding is achieved by activating and co-activating information about the world that is present in the worldview of interlocutors, but not objectified in the actual act of communication by means of cultural codes.

Key words: objectification, activation, co-activation of information about the world, communicative and cognitive task, native speakers of language and members of culture, means of verbal and non-verbal codes, grounds for choosing cognitive, nominative and communicative (discursive) strategies

В.З. Демьянков (Москва, Россия)

Институт языкознания Российской академии наук

vdemiank@mail.ru

ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК И ORDINARY LANGUAGE: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

«Философия обыденного языка» (ordinary language philosophy) как направление философского анализа основана на наблюдениях над тем, что и как люди обычно говорят в своей повседневной речи. В статье показывается, что такое рассмотрение затрагивает проблему соотношения когниции и коммуникации. Причем русское словосочетание *обыденный язык* не совпадает по своему исходному значению с английским *ordinary language*.

Ключевые слова: обычный язык, обыденный язык, философия обыденного языка, взаимодействие когниции и коммуникации

Мы живем в одной из тех ментальных культур, в которых полагают, что истина существует, но своевольно меняется, и о ней можно только догадываться с некоторой долей уверенности; см. в [Демьянков 2022]. Но когда и при каких условиях говорят то, что знают, и насколько знают то, что говорят? Как когниция взаимодействует с коммуникацией?

В этой же культуре ориентируются не только на то, что бывает «на самом деле» (предполагается, что этого никто из смертных никогда не узнает), и не на то, как и что мы об этом думаем, но и на «эпистемические гарантии»: то, откуда мы это «знаем», кто нам это сказал, каким тоном, какими словами, при каких свидетелях и в каких обстоятельствах.

Особенно полезно бывает знать, почему нечто пытаются утаить именно от нас. Одна из гипотетических причин этого: чтобы не скомпрометировать свою репутацию надежного источника и не лгать бессмысленно и саморазоблачительно. Л. Витгенштейн, требуя «говори только точно – или не говори вовсе», обрекает всех на гробовое молчание: ведь если говоришь – значит, знаешь то, чего знать не дано. Поняв свое или чужое когнитивное крушение, объявляют эпистемический дефолт [Демьянков 2023], коммуникативно и когнитивно маневрируют, а чувствуя опасность, откровенно «лавируют», не вкладывая уже в слова серьезного и точного смысла.

Опасаясь подозрений и в угоду этикету, об одних вещах мы постоянно твердим своим адресатам, а о других упорно умалчиваем. Даже утверждая (и не без основания), что дважды два равно 4, в обыденной жизни редко или никогда не указывают, что имеют в виду только десятиричную систему счисления. Ведь в троичной системе (принятой в некоторых старых моделях электронных вычислительных машин) дважды два равно 11. Такая честная полуправда – один из видов взаимодействия когниции и коммуникации. Другой вид – сообщение самых сокровенных презумпций, ключа к пониманию традиционных ценностей, к знаниям и чаяниям. А молчание и немногословность мобилизуют подозрительность интерпретатора («не сказал – значит, хотел скрыть»), требуя от него бдительной изощренности.

Играет роль и стилистика подачи сокровенного знания: согласно ходячему мнению «простого народа», в некоторых жанрах (среди которых – наука и поэзия) не должно быть ни слова в простоте. Умолчание, излишняя шепетильность в информировании и в самой технике сообщения – эти и подобные витгенштейновские «языковые игры» составляют наше когнитивно-коммуникативное существование. Вместе с Талейраном мы готовы понуро признать, что не только в поэзии язык существует лишь для того, чтобы лгать. Просто в одних жанрах коммуникации (в художественной литературе, fiction) язык лжет в согласии с риторическими лекалами, профессионально, а за пределами этих жанров, как в науке, – чтобы вдохновенно заполнить неловкую лауну: «В больших родах читатель, увлеченный описанием страстей, ослепленный живейшими красками поэзии, может забыть недостатки и неровности слога, и с жадностью внимает вдохновенному поэту или действующему лицу, им созданному» (К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Ч. 1. Проза, 1817).

Человеку свойственно поклоняться идолу истины: можно тысячу раз презирать реального автора какого-либо мнения, но при этом верить его сообщению. «Эпистемической гарантией» того, что за высказыванием лежит и молчит какая-

то правда, обладают мнения и тех, кому мы доверяем, и тех, кто просто вовремя и в нужной форме нам это мнение подсовывает на подпись, пользуясь синоминутной нашей невнимательностью и рассеянностью.

Поэт и поэзия в этой плоскости – как отец и его дочь на выданье: можно не доверять папаше-поэту, но осознавать, что только через его благословение вы получите руку и приданое его дочери. Да и счастье поэта не в быту, а в том самом призрачном мире, который он в соавторстве со своими читателями выстраивает, кладя кирпичик за кирпичиком в словесную стену текста, ср.: *Поэты всегда сами составляют свое несчастье, сами создают себе горести, требуя от света более, нежели можно и должно требовать, а именно первенства и внимания там, где нет и не может быть поэзии – в обществе и по службе* (Ф.В. Булгарин. Воспоминания, 1846-49). Честолюбие читателей как соучастников и единомышленников при создании поэтических произведений тешат комплименты на вырост, типа: *Кто так чувствует поэзию, тот, конечно, и сам поэт!* (М.А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, 1869).

Но есть ли тогда когнитивные и коммуникативные различия между **обыденной** неточностью и поэтической вольностью?

В русском филологическом дискурсе такие различия в узусе есть. Исходное значение слова *обыденный* связано с однодневностью: «Церкви обетные всегда строились из дерева и в один день, отчего и назывались **обыденными**, в тот же день они и освящались и в них совершалось богослужение» (Митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков). История Русской Церкви, 1883). И далее: «Впоследствии случилось, что на местах этих деревянных **обыденных** церквей воздвигаемы были каменные во имя тех же святых, как бы по завету от предков, и назывались **заветными**» (Макарий. История Русской Церкви).

Сегодняшнее значение будничности, «на каждый день», слово *обыденность* приобрело довольно рано, например: *Вся постановка ее, вообще туалет ее, более животисный, нежели подчиненный современному образу, все это придавало ей и кружку, у нее собиравшемуся, что-то не скажу таинственное, но и не **обыденное**, не **завсегдашнее*** (П.А. Вяземский. Старая записная книжка. Ч. 1, 1825).

Семантический переход здесь таков:

«**сделанный и употребленный за один день**»

→ «**употребленный за один день**» и «**живущий только один день**» («**эффермерный**», в этимологическом смысле слова)

→ «**ничем не примечательный, бытовой, не отличающийся блеском креативности**».

В противоположность *заветному*, тому, что не грех завещать последующим поколениям на века, *обыденность* содержит идею сделанного быстро, даже наспех, подобно молодому вину *Beaujolais* и варенью-пятиминутке, употребляемым сразу же по изготовлении. Обыденность как противоположность поэтичности стала частью главного значения этого эпитета, например: *Трагические рассказы о погибших «золотых руках», «золотых головах» так часты в Москве, что они уж от **обыденности** потеряли свой драматизм* (А.Н. Островский. Статьи о театре. Записки. Речи, 1886). В итоге уничижительность у этого эпитета пропадает, *обыденный* употребляется как синоним прилагательных *неброский, привычный, ежедневный*.

Представители некрасовского взгляда продолжают, различая когнитивную и

коммуникативную роль самого поэта как члена общества: *Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан* (Н.А. Некрасов. Поэт и гражданин, 1855). Противоположный подход, известный в истории мировой литературы как «искусство ради искусства», состоит в том, что человек в роли поэта себе не принадлежит, он выше социальной конъюнктуры. Его устами гласит истина. Даже исполняя свои обыденные гражданские обязанности, в качестве поэта он обязан быть беспристрастным, ср.: *«Политика никогда не может быть делом поэзии...»* – *«Общественность не дело поэта»*, – *ответил я* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева, 1933). То есть, поэтическая коммуникация как высокое призвание избранных – не от мира сего, живет не в том же мире, что обыденная.

В противоположность поэтичности, обыденность уподобляют прозаичности: *Жизнь начала делиться на две противоположные половины: на скучную, обыденную прозу, к которой начали относить всю будничную практику жизни, и божественную поэзию, заключающуюся в сладкой чувствительности, таинственной симпатии сердец и мечтательном упоении природой* (А.М. Скабичевский. Сочинения, 1903).

В идеале, обыденность, прозаичность и поэтичность должны бы соотноситься так: *Слово само должно отделяться от обыденной речи непозитической, называемой прозою, и давать себе прямую гармоническую форму, доходить до стиха; так что процесс образования поэтической речи или стиха совершается тут же, и стих возникает из прозы, как скоро поэтическая сила вдохновения подымает слово* (К.С. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням, 1856). Но это только в идеале.

Видим, что русские термины *обыденный язык* и *философия обыденного языка* по внутренней форме только отдаленно напоминают английские *ordinary language* и *ordinary language philosophy*. В русском термине *обыденный* ведущим значением является сиюминутность, без претензии на вечность. А английское *ordinary* означает нечто «в порядке вещей», не выделяющееся из ряда сходных явлений или представлений.

Литература

Демьянков В.З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // Вестник РГГУ. Серия: литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. Ч. 3. С. 312-322.

Демьянков В.З. Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. I. С. 36-40.

Valery Z. Demyankov (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

EVERYDAY LANGUAGE AND ORDINARY LANGUAGE: ON THE INTERACTION OF COGNITION AND COMMUNICATION

We live in one of those mental cultures in which it is believed that the truth exists but changes wilfully, and that it can only be guessed with some degree of certainty. Philosophy of ordinary language is a technique of such guessing, being an attempt to reconstruct human presumptions concerning the actual world. This reconstructing procedure consists in observation on what and how people ordinarily mention things and ideas in their everyday speech. So the question is, when and under what conditions do people say what they know, and to what extent do they really know what they say? In other words, how does cognition interact with everyday communicative practices? Standards of information reliability are known to vary from culture to culture: what is considered completely unworthy of attention,

in some cultures is not mentioned at all, while in others it is mentioned quite often. Besides, 'everyday English, Russian, etc. language' does not necessarily coincide with 'ordinary English, Russian, etc. language'.

Key words: everyday language, ordinary language, philosophy of ordinary language, interaction of cognition and communication

*В.И. Заботкина (Москва, Россия)
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru*

ДИНАМИКА КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ МАНИПУЛЯЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ*

В статье рассматривается конструирование интегрированного ментального пространства манипуляции в медиадискурсе. Анализируются фреймы, структурирующие данное ментальное пространство, выявляется динамическое взаимодействие внутри конфигурации фреймов. Динамика когнитивных моделей рассматривается с точки зрения взаимодействия участников манипулятивного акта.

Ключевые слова: когнитивная динамика, манипуляция, ментальное пространство, фрейм, когнитивные модели

Одной из нерешенных проблем лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы является проблема конструирования ментальных пространств дискурса. Рассмотрение данной проблемы предполагает исследование взаимодействия между данными пространствами. Каждое из пространств, вовлеченных в формирование дискурса, отражает определенный домен знания.

В данной статье мы ставим вопрос о том, каким образом происходит конструирование ментального пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе. Как известно, ментальные пространства конструируются фреймами. В наших предыдущих работах мы указывали на то, что мы различаем знание *per se* и структуры его хранения, т. е. фреймы.

Задача заключается не только в выделении фрейма (когнитивной модели), конструирующей ментальное пространство манипулятивного воздействия в медиадискурсе, но также в выявлении динамического взаимодействия между данным фреймом и сопутствующими фреймами, такими как «контроль», «правда – ложь» и т. д.

Когнитивная динамика будет рассмотрена нами в трех ракурсах:

- 1) с точки зрения динамического взаимодействия между концептуальной и языковой картинами мира отдельного индивида;
- 2) с точки зрения взаимодействия между концептуальными и языковыми картинами мира участников манипулятивного акта;
- 3) с точки зрения взаимодействия когниции участников манипулятивного акта и окружающего мира.

* Статья опубликована при финансовой поддержке гранта РФФ 22-18-00594.

Из последних работ, посвященных концептуальному взаимодействию, следует выделить статью Н.Н. Болдырева [Болдырев 2023].

Напомним, что в основе фрейма «манипулятивное воздействие» лежит следующая конфигурация слотов:

- 1) агенс – инициатор манипулятивного диктума;
- 2) пациенс / экспериенсер – адресат манипулятивного диктума;
- 3) цель – цель, преследуемая агенсом, формулирующим манипулятивный диктум;
- 4) диктум – сообщение, соответствующее или несоответствующее объективной реальности;
- 5) контр-агенс – агенс, препятствующий или деформирующий манипулятивный диктум; ср.: [Заботкина, Боярская 2023].

Как видно из вышеизложенного, структура фрейма «манипулятивное воздействие» носит событийный характер, поскольку большинство слотов этого фрейма коррелирует со слотами из фрейма «событие». Основная конкретизация происходит в ведущих слотах: агенс (манипулятор) и пациенс / экспериенсер (манипулируемый).

Манипуляция является стратегией контроля агенса над пациенсом в ситуации, когда агенс намеренно избегает прямого принуждения и стремится к неявному / скрытому навязыванию своих целей и убеждений. Фрейм «манипулятивное воздействие», структурирующий одноименное ментальное пространство, коррелирует с фреймами «ложь – правда», «контроль», «доверие», «доверчивость» и т. д. [Заботкина 2023a].

В настоящей статье мы постараемся проанализировать **когнитивную динамику** указанных фреймов в зависимости от того, с каким слотом фрейма «манипулятивное воздействие» они соотносятся.

В процессе анализа из трех ракурсов, указанных выше, основное внимание будет уделено второму и будет концентрироваться на рассмотрении профилирования фреймов и слотов с точки зрения участников манипулятивного акта.

Со стороны агенса происходит профилирование фрейма 1) «доверие», 2) «контроль», 3) «ложь», иллюзия валидности / достоверности. При этом происходит намеренное приглушение фрейма «опасность». Для выстраивания доверия пациенс прибегает к положительно окрашенной эмоциональной лексике, комплиментам, оценочным прилагательным.

Со стороны пациенса профилируется фрейм «доверчивость». Недавнее исследование группы авторов из разных стран указывает, что доверчивость (Gullibility) является фундаментальной характеристикой человека [Forgas, Vaumeister 2019].

Как показывают исследования, инициаторы манипулирования применяют различные стратегии для формирования политической доверчивости, доверчивости в науке, доверчивости к рекламе и т. д.

Доверчивость адресатов коммуникации в настоящее время вызывает серьезный интерес в дискурсе общественных наук. Сформировалась целая область знания об этом когнитивном свойстве людей.

Мы полагаем, что со стороны пациенса может наблюдаться профилирование фрейма «проверка на достоверность» (evidence, fact-checking). В этом случае пациенс превращается в контр-агенса, который готов противодействовать манипуляциям. В качестве сопутствующей когнитивной операции происходит профилирование фрейма «проверка на надежность» с целью избежать потери эпистемической гарантии и, как следствие, эпистемического дефолта (термины В.З. Демьянкова [2022]).

Особенность манипуляции в медиадискурсе заключается в том, что пациенс носит коллективный характер и соответственно идентификация манипуляции потребует различного количества когнитивных усилий от каждого индивидуального пациенса, формирующего коллективный пациенс.

С целью противодействия манипуляции контр-агенса должен отслеживать наличие определенных дискурсивных маркеров в медиапространстве. К ним относятся прежде всего повторы. Повтор – это надежный способ заставить людей поверить неправде [Канеман 2014: 122]. Повтор порождает когнитивную легкость и утешительное чувство знакомого [там же: 130].

Кроме того, в процесс взаимодействия участников манипулятивного акта могут быть вовлечены представители различных культур. В этом случае речь идет об интеркогнитивной межкультурной коммуникации. Пациенс, представляющий иную культуру, сталкивается с проблемой применения больших когнитивных усилий для распознавания манипуляции со стороны агенса, представителя другой культуры. Таким образом, с тем чтобы стать контр-агенса, пациенс должен активировать большее количество концептуальной информации о культуре агенса, для того чтобы верно интерпретировать манипулятивное намерение последнего. Большую роль здесь играет знание когнитивных культурологических моделей представителя иной нации. В данном случае одним из параметров, препятствующих успешной инференции является так называемый *unconscious bias* (неосознаваемая стереотипизация, предвзятое отношение). В результате влияния неосознаваемых стереотипов пациенс испытывает когнитивные нарушения (*cognitive distortions*), что, в свою очередь, ведет к искаженному восприятию действительности и, как следствие, к иррациональному поведению, что и является целью манипулятивного воздействия.

Таким образом, мы попытались доказать, что в процессе манипулятивного воздействия имеет место многомерная когнитивная динамика внутри конфигурации фреймов. В результате проведенного исследования планируется построение динамичной интегративной когнитивной мегамодели манипуляции в медиадискурсе.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 28-32.
- Демьянков В.З.* Об эпистемических гарантиях в тексте // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 218-228.
- Заботкина В.И.* Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 3 (54). С. 51-65.

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 4 (55). С. 43-47.

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции истина-ложь // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Vol. 14. № 1. С. 126-136.

Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2014.

Forgas J.P., Baumeister R. Psychology of Gullibility: Conspiracy Theories, Fake News and Irrational Beliefs (Sydney Symposium of Social Psychology). Oxfordshire: Routledge, 2019.

Vera I. Zobotkina (Moscow, Russia)
Russian State University for the Humanities

DYNAMICS OF COGNITIVE MODELS OF MANIPULATION IN MEDIA DISCOURSE

The article discusses the construction of an integrated mental space of manipulation. We analyze the frames structuring this mental space and dynamic interaction within the configuration of frames. The dynamics of cognitive models is considered within the framework of interaction between the participants of the manipulative act.

Key words: cognitive dynamics, manipulation, mental space, frame, cognitive models

И.В. Зыкова (Москва, Россия)
Институт языкознания Российской академии наук
zykova_iv@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПОЛИМОДАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В КИНОДИСКУРСЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье предпринимается попытка разработать комплексный подход к анализу интердискурсивности, свойственной такой разновидности полимодального дискурса как кинодискурс. В фокусе внимания находятся особенности полимодальной репрезентации поэтического текста в фильмах, для исследования которых применяется метод концептуального анализа. Выделенные в статье параметры анализа позволяют раскрыть принципы и способы преобразования поэтических текстов в процессе их межсемиотического перевода в иное для поэзии медиапространство – кинопроизведение с целью реализации определенных художественно-эстетических задач.

Ключевые слова: поэтический текст, кинодискурс, лингвокогнитивный подход, полимодальность

Изучение полимодального дискурса посредством методов когнитивной лингвистики позволяет получить новые данные по целому ряду фундаментальных лингвистических вопросов, а также сформировать новые направления их междисциплинарного изучения. Это, в частности, вопросы концептуализации и категоризации явлений мира посредством единиц языковой системы и средств других семиотических или модальных систем как в естественной (обыденной), так и в художественной коммуникации; вопросы межпоколенного, межкультурного или междисциплинарного трансфера знания с помощью разных медиа и распределения между ними объема передаваемой информации, вопрос о принципах формирования глубинных концептуальных структур дискурса или текста под воздействием разных по своей природе знаков, вопрос о когнитивных или гносеологических возможностях полимодальной коммуникации и мн. др.

Из всех разновидностей полимодального дискурса кинодискурс отличается наиболее сложной организацией и в силу этого представляет значительный интерес для лингвокогнитивного исследования. С учетом изучаемой в рамках данной статьи проблемы, обозначенной в ее названии, отдельно укажем такую характерную особенность кинодискурса как интердискурсивность. Под интердискурсивностью нами понимается намеренное, прагматически и/или художественно-эстетически обусловленное введение в определенный дискурс элементов других дискурсов. В отношении кинодискурса интердискурсивность представляет собой апроприацию разных типов дискурса, креативная переработка которых нацелена на построение такой вербальной структуры кинопроизведения, которая способна оптимально воплощать художественный замысел автора фильма, эффективно достигая лежащую в его основе прагматическую задачу и полномерно передавать его идейно-эстетическую концепцию (см. тж. [Зыкова 2021]).

Цель настоящей статьи – разработать комплексный подход к изучению полимодальной репрезентации «инодискурсивных» или «интердискурсивных» элементов, т. е. элементов, вводимых в кинодискурс из других дискурсов (например, рекламного, эпистолярного, медийного и т. д.) с целью реализации определенных эстетических установок и достижения конкретных прагматических задач. С момента своего зарождения кино является своего рода «эпицентром» экспериментального синтеза дискурсов (см. напр., [Лотман 1973; Смирнов 2009]). Среди всех дискурсов, участвующих в создании кинопроизведения, особое положение занимает поэтический дискурс.

Взаимодействие поэзии и кино имеет долгую историю изучения и в настоящее время исследуется в рамках ряда теорий, разрабатываемых преимущественно в филологии, семиотике, искусствоведении, киноведении и философии. Это теория интермедиальности, теория интердискурсивности, концепции межсемиотической транспозиции и некоторые другие (см. подробнее в [Pethő 2011; Сургай 2008; Зыкова 2023]). В последнее время наблюдается усиление интереса к анализу синтеза поэзии и кино с опорой на понятийный и методологический инструментарий когнитивной лингвистики. В своей работе мы исходим из ряда взаимосвязанных положений, актуализирующих лингвокогнитивный ракурс изучения процесса адаптации поэтического текста к другому медиапространству, которым является кинопроизведение. Прежде всего отметим, что поэтический текст (далее – ПТ) представляет собой сложную концептуальную структуру, построение которой осуществляется с помощью разнообразных образно-выразительных средств, используемых для отражения (поэтической) картины мира автора, системы его ценностей с личностными аксиологическими доминантами. Выбор определенного ПТ, его интеграция в фильм и адаптация, сопровождающаяся разного рода трансформациями, представляют собой результат серьезной творческой работы кинорежиссера. Для всестороннего осмысления данного процесса требуется разработка комплексного подхода, учитывающего особые художественные и технические возможности кино, выявляющего формы и принципы взаимодействия поэтического и кинематографического.

Результаты изучения полимодальной репрезентации ПТ мы продемонстрируем на материале двух фильмов: российского фильма «Гадкие лебеди» режиссера К.С. Лопушанского (2006) и американской сюрреалистической психологической кинодрамы «I'm Thinking of Ending Things» режиссера Ч. Кауфмана (пер. «Думаю, как все закончить», 2020). Как показало проведенное исследование, в данных фильмах используются следующие ПТ: 1) два стихотворения «Песенка об открытой двери» Б.Ш. Окуджавы (1961) и «За поворотом» Б.Л. Пастернака (1958), а также поэтический текст, автором которого по сюжету фильма является дочь главного героя – писателя Виктора Банева; 2) стихотворение «Rotten Perfect Mouth» канадской поэтессы Х.Д. Евы (H.D. Eva, 2015); две песни «Many a New Day» и «Lonely Room», написанные Р. Роджерсом и О. Хаммерстайном II (R. Rodgers, O. Hammerstein II, 1943) для бродвейского мюзикла «Оклахома!»; песня «Getting' Tulseys Town...», являющаяся в фильме рекламой мороженого; песня «Baby, It's Cold Outside» американского поэта-песенника Ф. Лессера (F. Loesser, 1944), которая получила широкую известность в 1949 г. после ее исполнения в музыкальной кинокомедии «Дочь Нептуна». В американском фильме также упоминается поэма английского поэта-романтика У. Вордсворта «Ode: Intimations of Immortality from Recollections of Early Childhood» (W. Wordsworth, 1804).

В ходе анализа были определены следующие наиболее значимые параметры лингвокогнитивного изучения полимодальной репрезентации поэтических текстов (далее – ПТ) в кинодискурсе: 1) место введения ПТ в композиционную структуру фильма; 2) объем/степень изменения ПТ и состав образно-выразительных языковых средств; 3) личность исполнителя ПТ; 4) продолжительность исполнения ПТ; 5) визуально-кинетический ряд ПТ; 6) звуковое (музыкальное) сопровождение ПТ. Сравним данные параметры у двух ПТ, интегрируемых в рассматриваемые фильмы (см. Табл.).

Таблица. Специфика полимодальной репрезентации ПТ в фильмах «Гадкие лебеди» и «I'm Thinking of Ending Things»

Параметры	«Стихи» дочери писателя Банева	Стихотворение «Bonedog»
Место в композиционной структуре	развитие действия (переход к кульминации)	развитие действия (начало фильма)
Объем/степень изменения*	без изменения (94 слова)	без изменения (307 слов)
Личность исполнителя	Ира, дочь писателя Банева (голос за кадром)	девушка Джейка (в кадре или голос за кадром)
Продолжительность исполнения	126 сек. (01: 13: 14 – 01: 15: 20)	209 сек. (00: 15: 24 – 00: 18: 53)
Визуально-кинетический ряд	помещение архива; Банев вставляет CD в компьютер; крупный план дождевого потока, льющегося по оконному стеклу снаружи; крупный план лица Банева, стоящего и задумчиво смотрящего в окно; сверхкрупный план дождевого потока,	салон машины; смена средне крупных планов девушки и Джейка через лобовое стекло машины, которое от снега очищают механические щетки («дворники»); на заднем плане мелькают очертания заснеженной местности; смена ракурсов съемки героев (фронталь-

	льющегося по оконному стеклу снаружи	ный, угловой, боковой) с приближением; смена объективного ракурса на ракурс «точка зрения», у девушки напряженное выражение лица, по левой щеке медленно течет слеза, она смотрит прямо перед собой или отводит глаза в сторону бокового стекла, через которое видна метель и пустынная покрытая снегом местность; крупный план девушки сверху через боковое стекло машины, ее взгляд обращен вонне наверх
Звуковое (музыкальное) сопровождение	закадровая медитативная музыка, размеренные отзвуки последовательно падающих в воду дождевых капель	естественные звуки порывов ветра, звуки размеренных ударов работающих «дворников», очищающих стекло машины от снега

* За единицу измерения объема поэтического текста берется количество слов.

Сопоставление сведений, представленных в Табл., указывает на ряд формальных и содержательных (семантических) не только различий, но и сходств в полимодальной репрезентации ПТ в анализируемых кинопроизведениях. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Как показал анализ, стихи интегрированы в фильмы для передачи внутреннего состояния киноперсонажей, которые, согласно сюжету, являются авторами исполняемых ими ПТ. Выражение душевных переживаний Иры, дочери главного героя – писателя Банева, в фильме «Гадкие лебеди» и девушки главного персонажа Джейка в фильме «I'm Thinking of Ending Things» посредством поэзии усиливает драматический конфликт, лежащий в основе сюжетной линии данных кинопроизведений. В одном из интервью К.С. Лопушанский отмечал, что «стихи» дочери Банева представляют собой «поэтичнофилософский» монолог, выражающий «накал отчаяния», отчаяние ребенка, который понял, в какой несовершенный мир он попал [Лопушанский 2010: 99].

В обоих фильмах ПТ характеризуются продолжительным по времени исполнением и специфическими просодическими особенностями, наглядно демонстрирующими то тяжелое душевное состояние, в котором находятся Ира и девушка Джейка. Примечательно, что триггерами, инициирующими введение анализируемых ПТ в фильмы, являющиеся такие эмотивы, как *tosca* и *get bored* («заскучать»), формирующие определенные векторы восприятия выражаемых в стихах и стихами чувств. В фильме «Гадкие лебеди» чувство тоски, обсуждаемое в разговоре Банева с Големом о характере стихов Иры, трактуется как единственное чувство, способное кардинально изменить настоящее и дать выйти человечеству на новый интеллектуальный и духовный уровень эволюции. Тоска – это главная движущая сила познания и стремления к самосовершенствованию. В фильме «I'm Thinking of Ending Things» фраза *I don't want you to get bored*, произнесенная непосредственно перед началом исполнения ПТ, интерпретируется

как попытка отчуждения, обособления своего внутреннего мира и личного перцептивного опыта, который не имеет значимости для других, не является никому интересным. Однако ПТ производит обратный эффект, раскрывающийся во фразе Джейка *It's like you wrote it about me*.

Концептуальный анализ образно-выразительных языковых средств, используемых в ПТ, и невербальных способов и приемов их кинематографической постановки (см. таблицу 1), выявил доминантные концептуальные составляющие в структуре содержания двух фильмов. К ключевым вербальным средствам можно отнести прямые и косвенные номинации одиночества и страха, ср.: *Дух бесплодия витает над осиротевшей землей, обреченной испытать последнее из одиночеств. Страх заполняет душу, все предельно; Coming home is terribly lonely, / so that you think / of the oppressive barometric pressure / back where you have just come from / with fondness, / because everything's worse / once you're home*. Посредством данных номинаций, а также других образно-выразительных единиц реконструируются наиболее значимые концепты, лежащие в основе рассматриваемых кинокартин. В фильме «Гадкие лебеди» к ним относятся такие концепты, как ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ, БЫТИЕ / НЕБЫТИЕ, ПУТЬ, НАСТОЯЩЕЕ / БУДУЩЕЕ, СВОЙ / ЧУЖОЙ, см.: *Дважды умершие, живущие после смерти Бога, мы ищем свою тень в потоке иллюзий спящего мира. Мы живем в мире тотальных подмен, в мире чисел и призраков, в мире, где все слова стерлись и потеряли смысл. Эпоха профанов, эпоха невыносимой пошлости существования*. В кинопроизведении «I'm Thinking of Ending Things» это такие концепты, как ДОМ, ПУТЬ, БОЛЬ, БЫТИЕ / НЕБЫТИЕ, ПУСТОТА, ОДИНАКОВЫЙ / ИНАКОВЫЙ, НАСТОЯЩЕЕ / БУДУЩЕЕ, СВОЙ / ЧУЖОЙ, см. напр.: *Coming home is / just awful. / And the home-style silences and clouds / contribute to nothing / but the general malaise*. Проанализированные вербальные средства, синхронизированные с соответствующими визуальными, аудиальными и кинетическими компонентами полимодальной репрезентации ПТ (ракурсы съемки, музыка, интонация, предметный ряд, наделенный определенными символическими смыслами и т. д.), способствуют драматизации конфликта между двумя поколениями – детей и отцов, категоризируя последних и общество в целом как «источник» испытываемых детьми душевных страданий и складывающихся у них непростых судеб, что выводит в фильмах противостояние между ними на глобальный – экзистенциональный – уровень.

Внимания заслуживает и фактор адресата, который играет особую роль в концептуализации действий, мотивирующих поэтическое творчество киноперсонажей в обоих фильмах. В фильме «Гадкие лебеди» Ира направляет электронную запись своих стихов отцу. В его в лице она обращается, по сути, ко всему его поколению, олицетворяющему для нее и ее ровесников «прошлое», от которого надо избавиться. Адресация в американской кинодраме является более сложной, поскольку, как становится понятно в финале фильма, девушка Джейка и сам Джейк – это две воображаемые «ипостаси» одной личности – одинокого пожилого мужчины, всю жизнь работающего уборщиком в школе. Такое раздвоение личности переключает режим адресации ПТ с первоначального ‘я – другой’ на ‘я – другой я’. Автоадресация эксплицирует глубинный внутренний конфликт

главного киноперсонажа, источник которого коренится в прошлом, в его детстве, в его отношениях с родителями. О последнем свидетельствует само событие, в рамках которого исполняется ПТ – герои едут на машине (т. е. «возвращаются» как в стихотворении, ср.: *Coming home is terrible...*) на ферму родителей Джейка.

Обобщая все полученные результаты, отметим, что выделенные нами параметры лингвокогнитивного анализа выявляют способы преобразования ПТ (его глубинной концептуальной «перестройки») в фильме, направленного на реализацию определенных художественно-эстетических установок, способствуют выходу на разные уровни сложности концептуализации основной проблематики кинопроизведения.

Литература

- Зыкова И.В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 65-85.
- Зыкова И.В. Лингвокреативное моделирование дискурсов разной модальности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 16-30.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
- Лопушанский К.С. Диалоги о кино. СПб.: Алетейя, 2010.
- Смирнов И.П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб: Петрополис, 2009.
- Сургай Ю.В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте: автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008.
- Pethő Á. Cinema and Intermediality: The Passion for the In-Between. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

Irina V. Zykova (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

THE SPECIFICS OF THE MULTIMODAL REPRESENTATION OF THE POETIC TEXT IN CINEMATIC DISCOURSE: A LINGUOCOGNITIVE APPROACH

The article attempts to develop a comprehensive approach to the analysis of interdiscursivity inherent in such a variety of multimodal discourse as cinematic discourse. In particular, it focuses on the specifics of multimodal representation of a poetic text in films. In studying this, the method of conceptual analysis is used. The analysis parameters offered in the article allow us to reveal the principles and methods of poetic texts' transformations in the process of their inter-semiotic translation into another media – cinematic – space in order to implement certain artistic-aesthetic tasks.

Key words: poetic text, cinematic discourse, linguocognitive approach, multimodality

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ГРАДУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются некоторые теоретические вопросы специфики развития категории градуальности в английском языке. Представлены результаты проведенного исследования формирования и развития модусной категории градуальности. Особое внимание уделено расширению зоны градуальности за счет вхождения в нее относительных прилагательных. *Ключевые слова:* градуальность, концепт, модусная категория, относительные прилагательные, качественные прилагательные, эксплицитность

В данной работе мы продолжаем представлять результаты проводимого исследования формирования и развития модусной категории градуальности в английском языке.

Исследование основывается на нескольких теоретических положениях, одно из которых говорит о том, что категория градуальности объективирует в языке модусный концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ. В этом смысле правомерно говорить о том, что модусный концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ лежит в основе формирования в языке модусной категории градуальности. Известно, что концепты репрезентируются разными языковыми средствами. Как писала Е.С. Кубрякова: «Чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен» [Кубрякова 2004: 313]. Концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ не является в этом смысле исключением.

Категория градуальности, как и другие языковые категории, развивается. Основной вывод, к которому привело исследование, заключается в том, что «развитие категории ‘градуальность’ в английском языке имеет свои концептуальные основания, которые определяются в первую очередь самим концептом ГРАДУАЛЬНОСТЬ и модусным характером категории градуальности (совмещением в ней признаков онтологической, модусной и языковой категоризации), а также особенностями английского языка и последними тенденциями его развития» [Краева 2022: 334-335].

В ходе проводимого исследования градуальности подробно рассматривались вопросы семантики и функционирования английских качественных прилагательных с градуируемыми значениями, в том числе, в рамках изучения развития категории градуальности, особенности сочетаемости качественных прилагательных и т. д. Изучался и вопрос об употреблении английских относительных прилагательных в качественных значениях для выражения разной степени проявления признака.

Как показало исследование, концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ и объективирующая его в английском языке категория градуальности постепенно расширяют свое действие на новую концептуальную область – социальную познавательную деятельность человека, градуируя некоторые социальные признаки, которые

сложно поддаются определению сами по себе. Как справедливо указывает Н.Н. Болдырев: «Отдельные концепты могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов, например, концепты: РУССКИЙ ХАРАКТЕР, РУССКАЯ ДУША или АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР, ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ и т. д. Концепты такого рода обычно трудно выразить одним предложением или в виде простого определения. Они требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих определенные, взаимосвязанные аспекты названных концептов» [Болдырев 2021: 44].

К приведенным нами ранее примерам расширения сферы действия градуальности – номинации социальных признаков с помощью относительных прилагательных *British, German, Spanish, Catholic* – можно добавить случаи, когда новые качественные значения подобных относительных прилагательных, выражающих градуальность имплицитно, зафиксированы словарями. Так, первое значение относительного прилагательного **Christian** (*христианский*) трактуется в словарях, как и у большинства относительных прилагательных, широко – «relating to Christianity» (*относящийся к христианству*). В качестве примеров приводятся словосочетания *Christian beliefs* ♦ *a Christian minister* / *христианские верования; христианский священнослужитель*. В лексикографических источниках зафиксировано и второе значение данного прилагательного – **Christian** or **christian** *behaving in a kind way: Leaving them like that wasn't very Christian of him, was it?* / *христианский: ведущий себя по-доброму: Оставить их в таком состоянии было не очень по-христиански с его стороны, не так ли?* [MED: 253]. На качественный характер данного значения указывает само его содержание, употребление прилагательного с наречием степени *very* и возможность написания его со строчной буквы.

Возможность употребления относительного прилагательного **Christian** в качественном значении фиксируется и в других лексикографических источниках, например: **Christian** «People are also sometimes described as **Christian** when they show goodness, kindness, and other good qualities associated with Christ and Christianity; used showing approval. E. g. *She was a really Christian woman.* ► used of a person's behavior or actions. E. g. *I wouldn't call that a very Christian attitude* / христианский Людей также иногда называют христианами, когда они проявляют доброту и другие положительные качества, связанные со Христом и христианством; используется для выражения одобрения. Например, *Она была настоящей христианкой* ► используется для описания поведения или поступков человека. Например, *Я бы не назвал это очень христианским отношением* [CCELD: 239].

Другой изучаемый вопрос не связан с градуированием социальных признаков, но также связан с модусной перекатегоризацией. Имеются в виду многочисленные случаи, когда английские относительные прилагательные из разных тематических областей (преимущественно термины) входят в зону градуальности – употребляются не просто в качественных значениях, но в значениях, имплицитно выражающих градуальность (обычно высокую степень выражения признака). Приведем несколько примеров.

Catatonic *adj* 1 MEDICAL unable to move or control your movements as a result of illness or shock / Кататонический *прил.* 1 МЕДИЦИНА не способный двигаться

или контролировать свои движения в результате болезни или шока

2 not moving or thinking because you are completely bored or very tired / не двигающийся или не думающий, потому что человеку очень скучно или он очень устал [MED: 224].

Comatose *adj* **1** MEDICAL unconscious or in a coma / Коматозный *прил.* **1** МЕДИЦИНА без сознания или в коме

2 *humorous* in a very deep sleep / юмор. в очень глубоком сне [MED: 284].

Developed *adj* **1**ECONOMICS a developed country, religion, or economy has a lot of industries and business activity: *We spend less on health care than most other developed nations.* / Развитый *прил.* ЭКОНОМИКА развитая страна, религия или экономика характеризуются большим количеством отраслей промышленности и высокой деловой активностью: Мы тратим на здравоохранение меньше, чем большинство других развитых стран.

2 a skill, idea, or quality that is developed has reached a high level because someone has worked on it, practiced it, or thought about it a lot: *Working with wine, he has to have a highly developed sense of smell* / развитый навык, идея или качество достигли высокого уровня потому, что кто-то работал над этим, практиковал это или много думал об этом: Поскольку он работает с вином, он должен обладать прекрасным обонянием [MED: 403].

Holy *adj* **1** important in a religion, or used in worship = SACRED: the holy book of the Sikhs ♦ a guided tour of the holy city of Jerusalem / Священный *прил.* важный в религии или используемый в богослужении = СВЯЩЕННЫЙ: священная книга сикхов ♦ экскурсия с гидом по священному городу Иерусалиму

2 respected for living a very religious life: a holy man and his followers / человек, уважаемый за то, что он ведет очень религиозный образ жизни: святой человек и его последователи [MED: 723].

Cast iron *adj* **1** made of cast iron / Чугунный *прил.* **1** изготовленный из чугуна

2 very definite, and certain to be effective = COPPER-BOTTOMED: *She claimed to have a cast-iron alibi* ♦ *cast-iron safety procedures* / очень определенный и, несомненно, эффективный: Она утверждала, что у нее железное алиби ♦ железные процедуры безопасности

3 very strong, or able to deal with difficult conditions: *a cast-iron stomach* ♦ *cast-iron nerves* / очень сильный или способный справляться с трудными условиями: железный желудок ♦ железные нервы [MED: 223].

Advanced *adj* **1**based on the most recent methods or ideas: *advanced technology* ♦ *an advanced communications systems* / Продвинутый *прил.* **1** основан на самых современных методах или идеях: *передовые технологии* ♦ *передовые системы связи*

2 at a high academic level: *advanced mathematics* ♦ *advanced undergraduate courses* / на высоком академическом уровне: *продвинутая математика* ♦ *продвинутые курсы бакалавриата*

3 MEDICAL an advanced illness is difficult or impossible to treat because it has had time to develop completely / МЕДИЦИНА запущенное заболевание трудно или невозможно вылечить, потому что у него было время полностью развиться

4 having achieved a high standard or level: *She is very advanced for her age* /

достигший высокого стандарта или уровня: Она очень развита для своего возраста [MED: 22].

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Краева И.А. Градуальность: концептуальные основания и специфика изменений // Вестник РГГУ. Серия: литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. Ч. 3. С. 323-337.

CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Birmingham: Collins Publishers, 1988.

MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012.

Irina A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF GRADUALITY (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

The article discusses some theoretical issues of the specifics of the development of the category of graduality in the English language. The results of the conducted research on the formation and development of the modus category of graduality are presented. Special attention is paid to the expansion of the gradation zone due to the inclusion of relative adjectives into it.

Key words: gradation, concept, modus category, relative adjectives, qualitative adjectives, explicitness

Ж.В. Никонова (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
nikonova@lunn.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СМЫСЛА РЕЧЕВОГО АКТА

Предметом обсуждения в статье выступают когнитивные механизмы формирования коммуникативного смысла речевого акта. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, в рамках конкретной речевой ситуации в сознании говорящего формируется концептуальное пространство (концепт) вербализуемого им речевого акта. Его ядро образуют концептуальные смыслы иллокутивного акта, совершаемого коммуникантом по отношению к некоторому пропозициональному содержанию, отражающему признаки референтной ситуации общения. Тем самым в каждом речевом акте реализуется заданный говорящим коммуникативный смысл, который может быть выявлен и описан с помощью методов когнитивного анализа.

Ключевые слова: речевой акт, иллокутивный акт, концептуальный смысл, ситуация общения, иллокутивная компетенция говорящего

Прагматическая интерпретация речевых актов опирается в современном научном дискурсе на языковые, энциклопедические и иллокутивные знания, отмечается также в работах [Демьянков 1986; Демьянков 1988; Демьянков 1989; Романов 1988; Романов 1989а] и др. По мнению А.А. Романова, указанные типы

знаний составляют основу интерактивных знаний диалогического взаимодействия по типовому образцу, на которой зиждется комплексная система знаний, включающая различные виды знаний по отдельным областям.

Центральное место в этой системе, по мнению многих исследователей, занимают иллокутивные знания, находящиеся в определенной взаимосвязи с другими разновидностями знаний.

Во время как языковые знания описываются в научной литературе на уровне грамматической и – шире – языковой компетенции, т. е. только на уровне одной из составляющих коммуникативной компетенции говорящего субъекта, а энциклопедические знания связываются с принципами и условиями соединения смысловых комплексов в дискурсе, иллокутивные знания представляются как вид информации о речевых произведениях, выступающих вербальным коррелятом речевого акта (далее – РА), который указывает на знания о целях, достигаемых определенными речевыми и иллокутивными действиями, на знания о коммуникативно-социальных последствиях, связанных с их реализацией, а также на знания, положенные в основу образования иллокутивных комплексов в тексте и формирования в нем иллокутивной доминанты.

Иллокутивные знания актуализируют в сознании говорящего языковые и энциклопедические знания в рамках той иллокутивной (глобальной или частной типовой для конкретного высказывания) цели, которую собеседник стремится достичь при помощи своей коммуникативной деятельности. При этом каждая из составляющих комплекса интерактивных знаний оформляется и конституируется на фоне других разновидностей знаний, будучи манифестируема определенным образом в структуре текста, построенного коммуникантами в рамках заданной интеракции для достижения глобальной цели (см. в [Романов 1986; Романов 1989б] и др.).

Единицей представления иллокутивных знаний в системе комплекса интерактивных знаний признается иллокутивное действие, раскрывающее способ реализации коммуникативного намерения (способ воздействия) участника общения в конкретном речевом действии и реализующееся через его языковую сущность [Романов 2006].

Способность осуществлять иллокутивные действия (акты) в соответствии с ситуацией общения формирует иллокутивную компетенцию говорящего.

Некоторые ученые считают, что знания об иллокутивных типах РА и правилах их осуществления хранятся в языковом сознании носителей языка в виде «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитие ситуаций), которые позволяют адекватно использовать языковые средства для достижения типовых иллокутивных целей и, соответственно, адекватно интерпретировать речевое поведение других людей.

По Т.А. ван Дейку, производство и понимание РА определенного иллокутивного типа возможно в том случае, если в сознании субъекта РА «хранится» соответствующая модель ситуации (или «эпизодическая модель» в терминологии ван Дейка), опираясь на которую он строит свой словарь речевого акта данного иллокутивного типа [Дейк 1989]. Эта модель отражает в статичном представлении типовую ситуацию общения в определенной связанной последовательности речевых действий коммуникантов, направленных на достижение глобальной и частных иллокутивных целей.

В работе Н.А. Трофимовой модель смысла РА характеризуется как «много-слойно-многокомпонентное образование с подвижными универсальными элементами – единичными смыслами, взаимодействующими между собой, меняющими свое положение и значимость в зависимости от актуального языкового и внеязыкового контекста» [Трофимова 2009: 383]. Универсальный компонентный состав смыслового конгломерата РА включает, по мнению автора, смысловой фундамент любого высказывания, формируемый диадой пропозиции и интенции, и «надстройку» – эмотивный комплекс, состоящий из эмоционального, оценочного и реляционного элементарных смыслов. Далее эта модель дополняется в реальном акте коммуникации разнообразными «окказиональными и уникальными слагаемыми» смысла и обрамляется «прагматической компетенцией, определяющей, по сути, актуальную представленность того или иного элемента в ситуации “здесь” и “сейчас”» [там же]. Феномен смысла рассматривается автором, таким образом, в рамках деятельностной парадигмы, предполагающей использование принципа антропоцентризма, в соответствии с которым смысл РА всегда субъективен, и эта субъективность придается ему говорящим субъектом.

Рассуждая далее о формировании коммуникативного (иллокутивного) смысла РА в контексте субъективно-индивидуальной концептуализации, лежащей в основе реализации иллокутивной силы РА, приходим к выводу о том, что формирование РА представляет интеграцию двух разных видов когнитивной деятельности субъекта.

С одной стороны, говорящий осмысляет текущую ситуацию, активизируя ментальные пространства прошлого и будущего, реальных и гипотетических ситуаций, а также абстрактных категорий, имеющих чисто когнитивный статус и не существующих вне мышления. Эти ментальные пространства структурируются посредством различных образно-схематических, пропозициональных метафорических, метонимических, символических когнитивных моделей [Болдырев 2000].

С другой стороны, говорящий осмысляет свою роль в текущей ситуации, идентифицируя себя как субъект РА и осознанно или неосознанно принимая решение об осуществлении РА и способе его осуществления в зависимости от фоновых знаний и компонентов речевой ситуации, выделенных им в качестве релевантных.

В связи с этим следует подчеркнуть, что многочисленные факторы и компоненты речевой ситуации несомненно предопределяют план содержания и план выражения РА. Однако, чтобы РА действительно осуществился, необходимо главное условие – активная деятельность говорящего, направленная на изменение самой ситуации посредством речевого действия, в частности, посредством реализации задаваемой говорящим иллокутивной силы по отношению к определенному пропозициональному содержанию [Никонова 2016].

Подобное представление процесса формирования коммуникативного смысла РА полностью соответствует постулатам современной лингвистической прагматики о дейктическом центре РА (называемом в лингвистической литературе также «ориго»), лежащем в основе каждой из его дейктических категорий, находящихся воплощение в вербальном корреляте РА. Многими языковедами указывается при этом на тот факт, что дейктический центр РА представляет собой не простую совокупность компонентов смысла, овеществляемых в акте коммуникации, а интегративное целое в ментальном пространстве говорящего, которое

есть результат субъективно-индивидуальной концептуализации, измеряемый в координатах внешней и внутренней структуры РА [там же].

Анализ научной литературы по теме позволяет сделать вывод о том, что при формировании коммуникативного смысла РА когнитивная деятельность говорящего как субъекта вторичного осмысления (интерпретация и оценка) «предполагает опору на его собственное мнение и определенный когнитивный опыт взаимодействия с миром, а также способность к оценке и эмоциональному восприятию. Конфигурация знаний в рамках процессов концептуализации и категоризации... осуществляется относительно выбранной коммуникативной цели и не затрагивает онтологии мира. <...> Оперирова сформированными на уровне понятийного осмысления концептами и языковыми моделями их репрезентации, субъект вторичного осмысления ориентируется на собственное стереотипное знание», формируя «систему индивидуального видения окружающего мира». «В результате обеспечивается возможность функционирования системы языка как первично-базовой когнитивной деятельности. Это означает, что весь имеющийся в языке набор отдельных лексических единиц и грамматических моделей их базовой конфигурации используется в собственных когнитивно-коммуникативных целях» [Болдырев, Магировская 2009: 14].

Интерпретативно-оценочная конфигурация знаний, имеющая интегративный характер, «включает несколько когнитивных задач. Прежде всего это: 1) установка цели интерпретации либо оценки определенного фрагмента концептуализации, 2) выбор грамматических моделей конфигурации знаний о нем и затем 3) конкретное смысловое наполнение данных моделей в рамках конкретного речемыслительного акта. В результате язык как заданная статичная система единиц, категорий и моделей превращается в систему действующую, функциональную, обуславливающую возможность концептуализации единого объективного мира разными способами» [там же].

Иконичность отражения мыслительных процессов в языковых структурах является доказанным в лингвистике постулатом. Мы имеем в виду, в частности, тот факт, что значения и типы иллокутивных типов дискурсивного текста определяются через выявление лежащих в основе иллокуций когнитивных действий и операций говорящего (см., например, в [Поляк 1998]).

Тем не менее, разработка адекватных методов выявления и описания значений иллокуций микро- и макроречевых актов остается до настоящего времени одной из актуальных проблем лингвистической прагматики и когнитивной прагматики. Это неудивительно, поскольку процессы вербализации коммуникативного смысла РА характеризуются большим разнообразием механизмов когнитивной деятельности говорящего, что требует рассмотрения РА как вербального воплощения результата интегративной когнитивной деятельности говорящего на пересечении координат внешней и внутренней структуры акта коммуникации.

Вышеизложенное позволяет говорить более глобально о смысловых компонентах коммуникативного смысла РА (наряду с компонентами его пропозиционального смысла) и о том, что иллокутивная составляющая РА есть дейктическая составляющая иллокутивного акта в совокупности универсальных смысловых компонентов, облигаторно представленных в любом речевом произведении, выступающем вербальным коррелятом РА, и актуализируемых в речи посредством различных языковых средств.

Вербальная репрезентация иллокутивной силы по отношению к некоторому пропозициональному содержанию осуществляется при вербализации РА с опорой на иллокутивные знания коммуникантов и обеспечивается социокультурными, языковыми и речевыми конвенциями, действующими в той или иной лингвокультуре.

Конвенциональность иллокутивного акта предполагает, в свою очередь, актуализацию иллокутивных знаний в языковом сознании коммуникантов в соответствии с тем или иным конвенциональным сценарием речевого общения, однако не отрицает индивидуального характера вербальной репрезентации иллокуции говорящим.

Исследование показывает, что в конкретной речевой ситуации в сознании говорящего формируется концептуальное пространство (концепт) вербализуемого им РА. Его ядро образуют концептуальные смыслы иллокутивного акта, совершаемого говорящим по отношению к некоторому пропозициональному содержанию, отражающему признаки референтной ситуации общения. Тем самым в каждом РА реализуется заданный говорящим коммуникативный смысл.

Компоненты коммуникативного смысла РА облигаторно представлены в речевом произведении и актуализируются посредством различных языковых форм и средств, выполняющих дейктическую функцию по отношению к различным аспектам реализованного иллокутивного акта. Выявление и описание данных сущностей языка возможно на современном этапе развития науки о языке с привлечением методов когнитивного анализа, которые позволяют получить доступ к уровню смысла, лежащего в основе вербализации иллокутивного акта.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии. Вып. 1. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 36-45.
- Болдырев Н.Н., Магировская О.В.* Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
- Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Демьянков В.З.* «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223-235.
- Демьянков В.З.* Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. М.: МГУ, 1988.
- Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: МГУ, 1989.
- Никонова Ж.В.* Когнитивные основы иллокутивного дейксиса (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2016.
- Поляк О.Е.* Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсивной аргументативной единицы: на материале русского политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Романов А.А.* Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. С. 195-200.
- Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: АН СССР, 1988.
- Романов А.А.* Представление иллокутивных знаний в статье автоматического словаря // Международный семинар по машинному переводу «ЭВМ и перевод 89». М.; Тбилиси: ВЦП, 1989а. С. 258-261.
- Романов А.А.* Роль коммуникативных стратегий в обучении диалогу // Лингвистика и преподавание языка: тезисы Всесоюзного семинара-совещания. Кострома, 1989б. С. 130-131.
- Романов А.А.* Лингвистическая мозаика: Избранное. М.: РАН; Тверской ГУ, 2006.

Трофимова Н.А. Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.

Zhanna V. Nikonova (Nizhny Novgorod)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

THE COMMUNICATIVE MEANING OF A SPEECH ACT AND COGNITIVE MECHANISMS OF ITS FORMATION

The subject of the article is the communicative meaning of a speech act and cognitive mechanisms of its formation. In the study, the author concludes that within the framework of a particular speech situation in speaker's mind the conceptual space (concept) of the verbalised speech act is formed. Its core is made by the conceptual meanings of the illocutionary act performed by the communicant in relation to some propositional content reflecting the features of the referential situation of communication. Thus, each speech act implements the communicative meaning given by the speaker, which can be revealed and described using the methods of cognitive analysis.

Key words: speech act, illocutionary act, conceptual meaning, communication situation, speaker's illocutionary competence

Л.В. Рацибурская (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
racib@yandex.ru

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются словообразовательные средства формирования оценочности: амбивалентные размерно-оценочные суффиксы и префиксы, суффиксы и префиксы со стабильной оценочностью, а также исходные слова определенных семантико-стилистических характеристик и контекст.

Ключевые слова: словообразование, неадериваты, словообразовательные аффиксы, производящие слова, оценочность

Когнитивно ориентированный характер исследований современных словообразовательных процессов обусловлен тем, что «за новыми явлениями в языке всегда стоят определенные форматы знания о мире, ценностные приоритеты и речеповеденческие установки говорящих» [Радбиль 2021: 641].

Эмоционально-оценочный характер русской речи – это ее глубинное свойство, которое отражает особенности национального менталитета и русской языковой картины мира. Оценочность характеризует и современные словообразовательные процессы, и, в частности, новообразования как результат этих процессов.

Среди оценочных новообразований выделяются диминутивы и аугментативы с размерно-оценочными суффиксами. Как известно, «с помощью размерно-параметрических представлений типа «малый – большой» в русском языке регулярно репрезентируется и оценка «хороший – плохой» [Химик 2010: 376]. По мнению ученых, «обычно с диминутивами ассоциируются симпатия, сочувствие, жалость, так как они чаще связаны с выражением положительной оценки обо-

значаемого, с похвалой. Однако диминутивы способны также к передаче разнообразных отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию» [Коряковцева 2015: 186].

Амбивалентный характер диминутивных суффиксов проявляется в медийных неодериватах, которые наряду с позитивной оценкой могут выражать оценку негативную, ср.: ... *вживую это выглядит так, что в великую реку Ангара (ширина 1.5км) впадает маленький Енисейчик (ширина 0.5 км)* (<https://zen.yandex.ru/media/kiba/taina-ozera-baikal-5d1549bddb2d3700ada4dad4>); ... *были уничтожены ударом нашего «Искандерчика»* (радио «Комсомольская правда», 20.05.2023) и *И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «Америчкой», столь свойственное нашей новой элите* (Аргументы и факты, 2017, № 39); *Карьерка-то у него была ох какая неплохая!* (Вести FM, 13.03.2019); *Это уже секточка* [о либеральной оппозиции в период пандемии] (Вести FM, 27.03.2020); *Та еще либеральная мировая элитка* (Россия-1, 19.07.2022); *Там есть свой маленький вульгарный интересик* (1-й канал, 26.07.2022). *Это выглядит очень специфично для нашего «толерантненького» мира* (Завтра. 2016. № 30); *Какой-то он авторитарненький* (Россия-1, 08.12.2022); *Это циничненько, но возмозненько* (радио «Комсомольская правда», 17.05.2023). Активизация диминутивного словообразования объясняется учеными усилившейся в последнее время тенденцией к фамильярному умалению и снижению объектов номинации.

Аугментативы обычно имеют позитивную оценку: *Вот это была борьба! Не борьба, а борьбища* (Вести FM, 23.04.2019); *Вот еще новостиица!* (радио «Комсомольская правда», 14.02.2023); *Это не знак, а значище! Можно сказать, сигналище!* (1-й канал, 18.04.2023); *Не мелкие иголочки вылетели, а такие хвоинищи!* (радио «Комсомольская правда», 17.12.2023).

Наряду с амбивалентными суффиксами существуют также амбивалентные префиксы. К ним, в частности, относятся размерно-оценочные префиксы *супер-*, *мега-*, которые указывают на большой размер денотата, а также на обладание денотатом признаками, качествами намного сверх обычного [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 143]. Кроме того, данные префиксы образуют оценочные дериваты. Оценка может быть позитивной: *У корабля супервозможности передвижения* (1-й канал, 31.07.2022); *Сегодня у нас с вами ну просто супергость!* (1-й канал, 07.02.2023); ... *и без всяких суперподач и прочих изысков* (1-й канал, 26.03.2023); *Он будет говорить, что у него <...> супермассажное кресло* (YouTube, 12.04.2023); *Мы вам покажем не просто уникальную квартиру, а мегауникальную квартиру* (Youtube, 08.04.2020); *Лолита, ты сексуальная <...>, мегапопулярная* (НТВ, 06.11.2022); *Тот самый случай, когда мне, бестолковому, захотелось присоединиться к мегаталантливым девчонкам Басты* (1-й канал, 27.01.2023). В других новообразованиях с данными префиксами ощущается ирония, обусловленная исходным словом, контекстом или прецедентным текстом (*сладкая парочка*): ...*суперсоветы* дня от нескончаемых коучей (Sunmag.me, 25.06.2019); *Но, как и многие другие компьютерные люди, ее ум затуманен не-*

реальным миром, **супергеймер** не в состоянии разглядеть и увидеть свое счастье (Российская Газета, 29.04.2020); **Лешиа Гоман, Машиа Зайцева** всегда были **суперсладкой парочкой** (НТВ, 16.12.2023); **Мы подогрели все эти польские мегамечтания** (Вести FM, 28.02.2019); **Его появление на свадьбе для меня стало мегашиком** (Россия-24, 31.12.2022); **Киевский режим ищет очередной повод для мегатровокаций** (1-й канал, 22.11.2022).

В современных словообразовательных процессах участвуют также аффиксы со стабильной оценкой, в частности суффикс **-цин(а)** с оттенком неодобрения: **Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас трамповщина, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки** (Iron post, 14.11.2016); **Что касается «навальновщины» как таковой, в том числе нижегородского митинга, то это политическая провокация «пчел против меда»** (Заноза, 28.03.2017); **Откуда в них столько театральщины, додинщины?** (радио «Комсомольская правда», 16.12.2022); **Вот эта вся бельгийщина, склонность к геноциду...** (Россия-1, 22.12.2022); **Малаховщина** (заголовок). **Как поставить заслон грязи и пошлости на нашем телевидении** (www.stoletie.ru, 23.06.2023); **Что такое «училковщина»?** В одной из социальных сетей я прочитала пост педагога, который рассказывал о какой-то конференции, где выступали молодые учителя с разными идеями. Он хвалил своих коллег и написал о том, что все выступления были интересными, новыми, «без всякой **училковщины**». С таким термином я встречаюсь впервые. И я задумалась: что же такое «**училковщина**»? (<https://zen.yandex.ru/media/id/5c33637b2fe7ad00aa0774b0/что-такое-училковщина-5db83da73d008800add2bf40>).

Среди префиксов, так же, как и среди суффиксов, есть такие, которые стабильно имеют негативную оценочность. В последние годы в медийных текстах активизировался префикс **недо-**, который в сочетании с именными основами имеет значение ‘не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере’ [Лопатин, Улуханов 2016: 124]: **Какого черта недодипломат Кислицын делает в Совете Безопасности?** (Россия-1, 29.07.2022); **Это настолько другие, что это не люди, или недолюди** (1-й канал, 19.10.2022); **Учителями для украинской недоэлиты выступают представители Польши** (1-й канал, 13.06.2022); **Мы опять были недогосударством, недонародом...** (Вести FM, 25.08.2022) **Макрон, этот недонаполеончик, пытается рассуждать о православии** (Россия-1, 24.10.2022); **Как можно считать маленьким писателем или недописателем человека, который основал несколько жанров** (радио «Комсомольская правда», 23.01.2023); **Сейчас зачем это разделение на 4 и 6 лет? Это «недовысшее» образование, это «перевысшее»?** (zen.yandex.ru, 22.04.2023).

Оценочность новообразований, таким образом, формируется словообразовательными средствами со стабильной оценкой. В новообразованиях с амбивалентными аффиксами оценочность формируется как словообразовательными средствами, так и исходными словами (основами) с определенными семантико-

стилистическими свойствами, а также контекстом, которые и обуславливают характер оценки (позитивная, негативная).

Литература

Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009.

Коряковцева Е.И. Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами // *Деминутивы в славянских языках: форма и роль.* Марибор: ZORA, 2015. С. 184-196.

Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.

Радбиль Т.Б. Лексема «самоизоляция» как семантический неологизм в русской речи новейшего периода // *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное* / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 640-648.

Химик В.В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования // *Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование.* М.: МГУ, 2010. С. 376-389.

Larisa V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

EVALUATIVENESS AS AN AXIOLOGICAL POTENTIAL OF WORD-BUILDING

The article examines the word-building means which form evaluativeness: ambivalent dimensional-evaluative suffixes and prefixes, suffixes and prefixes with constant evaluativeness, as well as the base words of certain semantic and stylistic characteristics and context.

Key words: word-building, neoderivatives, word-building means, base words, evaluativeness

Т.В. Романова (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород*

tvromanova@mail.ru

СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Содержание статьи базируется на данных «Проектного словаря-справочника когнитивных терминов» (2022). Предметом анализа являются способы интерпретации когнитивных терминов, используемые авторами научных публикаций. Это позволяет выявить наиболее актуальные логические, речевые приемы и языковые средства интерпретации терминов, содержание терминов в дискурсе специалистов, верифицировать тезаурусные связи внутри когнитивной терминосистемы.

Ключевые слова: термин, интерпретация, парадигматика, эпидигматика, синтагматика

Корпус научных источников, используемых в нашем словаре [Романова и др. 2022], – ведущие научные российские журналы, статьи которых включаются в датасет, среди основных – издания, непосредственно специализирующиеся на когнитивной лингвистике и когнитологии.

Все выявленные способы интерпретации возможно рассмотреть с точки зре-

ния парадигматических, синтагматических, эпидигматических отношений, которые реализуются между компонентами терминосистемы при объяснении содержания терминов. Также эти способы можно квалифицировать и с точки зрения реализуемых ими речевых стратегий и рассмотреть как тактические приемы и средства.

Парадигматическими способами интерпретации содержания терминов следует считать включение в множество, антонимию, синонимию, гипонимию, гиперонию, метафоризацию, перифразирование; синтагматическими – использование логических синтаксических структур; эпидигматическими – интерпретацию термина через деривационно-эпидигматические связи; способом смешанного типа следует признать ассоциацию, поскольку здесь возможны как отношения парадигматики, так и отношения синтагматики.

Наиболее частотными способами интерпретации содержания термина через парадигматические связи являются синонимы и гипероним / гипоним. Пример синонимии: *когнитология* – *когнитивная наука, когнитивистика, когнитивизм, лингвогносеология*. Пример квазисинонимии: *категоризация* – *концептуализация*. В этом примере квазисинонимия связана с тем, что значение и область применения терминов взаимосвязаны: категоризация как познавательный процесс является результатом концептуализации. Синонимичная замена может предполагать замену термина термином: *смысл* – *концептуальное содержание*.

Гипероним как способ объяснения видового наименования (результат логической операции обобщения) – явление довольно распространенное в научном дискурсе: *импликация* – *логическая связка, элемент метаязыка, ассоциация; инференция* – *операция вывода, когнитивный механизм*.

Гипоним — понятие, выражающее частную сущность по отношению к другому, более общему понятию, реже встречается в научном дискурсе, чем гипероним. Например: *когнитивная семиотика* – *когнитивная синтактика, когнитивная семантика, когнитивная прагматика; когнитивный* – *концептуальный; когниция* – *восприятие, наблюдение, концептуализация, категоризация*.

Менее частотными парадигматическими способами интерпретации содержания термина являются антонимы и метафоры. Примеры антонимии: *антропоцентризм* – *системоцентризм; когнитивизм* – *нонкогнитивизм; когнитивная грамматика* – *генеративная грамматика, порождающая грамматика, композиционная грамматика; когнитивная лингвистика* – *структурная лингвистика; когнитивный* – *традиционный, формальный, структурный*. Примеры метафорического объяснения содержания термина: *концептуальная система* – *это каркас языковой системы и ее фундамент; ментальный лексикон* – *«резервуар», часть нашей долговременной памяти; внимание как «фильтр», который блокирует переработку избыточной информации*. Как показывает проанализированный материал, наиболее востребованными в речевой деятельности по объяснению содержания терминов являются антропоморфные, натуроморфные, артефактные метафоры с семантикой ‘вместилище’, ‘геометрическая форма’, ‘значимость’.

Наиболее частотными синтагматическими способами интерпретации содержания термина являются предикация, свернутая предикация, дефиниция, дескрипция, пояснение.

Предикация, предикации, ·жен. 1. Определение, раскрытие содержания субъекта предикатом (филос.). 2. Установление предикативной связи между членами предложения (грам.) [http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-54870.htm]. Например, *термин – это квант когниции; когнитивность значит ‘естественно постигаемый’, ‘познаваемый в ходе обычного опыта’; лингвокогнитивная деятельность предполагает единство перцепции, мышления, эмоции и действия.*

Свернутая предикация – случай, когда в структуру простого предложения включаются несколько номинаций ситуаций, одна из которых развернута в субъектно-предикативную структуру, остальные же присутствуют в свернутом виде. Терминологически в теории синтаксиса это получило наименование скрытая предикативность (Шмелев, Сиротинина); потенциальная (Блиндус); неполная (Данеш, Гаузенблас); вторичная (Литвиненко, Москальская); дополнительная (Пешковский); сокращенная (Буслаев, Ломтев). Наиболее употребляемая свернутая структура в трактовке термина – предикативное определение, приложение с союзом *как*: *концепт как единица ментального лексикона; концепты как базовые ментальные сущности.*

Дескрипция (конструкция *тот, который*) как фигура знания по содержанию близка к классической дефиниции (но не задает видовое отличие) и к фрейму (но исключает слоты часть – целое и образный компонент содержания): *менталитет – «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него»* [Абайбекова 2015: 35].

Раскрытию содержания явлений, обозначенных терминами, наиболее точно соответствует дефиниция – логическая операция определения, истолкования понятия. Например: *«концептуальная деривация представляет собой мыслительный процесс, направленный на формирование смысла за счет сужения, расширения, развития, переструктурирования, генерализации или, напротив, конкретизации, т. е. интерпретации вербализованного знания»* [Болдырев 2018: 189].

Рассматривая синтагматические способы интерпретации содержания терминов, приведем примеры интерпретации посредством пояснительных конструкций с *то есть* и вставных конструкций с семантикой пояснения: *концептуальное (т. е. нелингвистическое) знание; познавательный процесс концептуализации (осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания – концептов) и категоризации (отнесение их к определенным рубрикам опыта – категориям); коммуникативно значимая информация, т. е. знания.*

Необходимо отметить, что чаще всего в научном дискурсе используется совмещение нескольких способов интерпретации содержания терминов.

Предикация + синоним + цитирование: *«В книге Е.В. Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» термин «импликация» служит для обозначения двух различных явлений. Этот термин используется в первом значении*

(условно обозначим как **импликация 1**) для обозначения ассертивного статуса компонента, обозначающего следствие из ассерции (импликатив), во втором значении (импликация 2) для обозначения стандартных ассоциаций (инференций)» [Антошина 2018: 56].

Менее частотными синтагматическими способами интерпретации содержания термина являются импликация и суждение. Но эти же способы являются наиболее распространенными, как кажется, приемами восхождения от уровня семантики (т. е. от формулы смысла) на когнитивный уровень – уровень референтной области.

Импликация (лат. *implicatio* – связь; логическая связка *если, то*). Импликация предполагает одношаговое умозаключение, в котором промежуточный между смыслом и именем референтной области член устанавливается как само собой разумеющееся знание, являющееся естественным трансформом формулы смысла. Примеры интерпретации содержания термина через импликацию: «<...> упоминание «*семейного сходства*» – одной из ключевых идей или даже концепций «*Философских исследований*» Л. Витгенштейна. Суть ее вкратце заключается в том, чтобы считать группу людей или вещей объединенной «*семейным сходством*», если любые два ее члена связаны серией перекрывающихся сходств по нескольким выделенным чертам (при том, что никакая одна отдельная черта не обязана являться общей для всех членов группы)» [Соколова 2021: 104-105].

Суждение как прием перехода на когнитивный уровень отличается от импликации удвоением промежуточного умозаключающего действия, и связь между смыслом и референтной областью устанавливается в этом случае через два шага. Например: «*Если учитывать тот факт, что животные мыслят, то их мышление осуществляется на уровне так называемого универсального предметного кода, имеющего образно-чувственную основу. Скорее всего, и человеческое восприятие действительности первоначально возникло на этой основе. Но формирование второй сигнальной системы позволило человеку выработать механизмы перевода концептов универсального предметного кода (УПК) в концепты языкового типа с целью их использования в коммуникации, а также с целью выработки новых концептов (в частности, абстрактных концептов)*» [Шарандин 2018: 329].

Примером эпидигматических отношений при интерпретации содержания термина является интерпретация термина через внутреннюю форму слова. Из речевых способов интерпретации содержания термина частотно цитирование.

Итак, значения, в которых термины употребляются в собранном корпусе, демонстрируют разную степень однозначности. Если термины демонстрируют существенные различия в интерпретациях, это обуславливает контекстуальную синонимию.

Литература

Абайбекова К.Т., Абишева К.М. Когнитивно-контрастивный анализ концепта запрет // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 34-40.

Антошина Д.В. Опыт систематизации терминов в лексической семантике, связанных с понятием импликации // Вестник Московского ун-та. Серия 9: филология. 2018. № 4. С. 49-65.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Соколова Е.В. Фигура и круг идей Людвига Витгенштейна в «Аустерлице» В.Г. Зебальда // *Studia Litterarum*. 2021. № 2. С. 96-112.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-54870.htm>.

Шарандин А.Л. К вопросу о когнитивной сущности частей речи в русском языке // *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 32. С. 326-333.

Tatyana V. Romanova (Nizhny Novgorod, Russia)
HSE University – Nizhny Novgorod

WAYS OF INTERPRETING COGNITIVE LINGUISTICS TERMS IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The content of the article is based on the data of the “Project dictionary-reference book of cognitive terms” (2022). The subject of the analysis is the ways of interpreting cognitive terms used by the authors of scientific publications. This allows us to identify the most relevant logical, speech and language techniques and means of interpreting terms, the content of terms in the discourse of specialists, and verify thesaurus connections within the cognitive terminological system.

Key words: term, interpretation, paradigmatics, epigrammatics, syntagmatics

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ЯЗЫКЕ

*Е.В. Абраменко (Ростов, Россия)
Ростовский государственный экономический университет
Kyrare@yandex.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Исследование предоставляет возможность для того, чтобы обобщить и систематизировать имеющиеся знания о фразеологическом фонде языка, о смыслах, образах и ассоциациях, связанных с ценностями и антиценностями, и расширить представление о русской фразеологической картине мира.

Ключевые слова: фразеологизм, ценность, антиценность, лингвокультура, русский язык

Фразеологизмы, характеризующие ценности и антиценности, составляют тот резерв русского языка, который обеспечивает гибкость и разнообразие форм образного и экспрессивного выражения определенного содержания в зависимости от потребностей общения [Опарина 1999: 68].

Ценности играют роль повседневных ориентиров в жизни человека, будучи связанными с его отношением к окружающим предметам и явлениям.

Жизнь (витальная ценность) и ее смысл предстают как философская и духовная проблема, состоящая в постоянном поиске конечной цели существования, предназначения человечества, человека как биологического вида и как индивидуума.

Представления о смысле жизни складываются в процессе деятельности людей и зависят от их социального положения, общего благосостояния, что отражают фразеологизмы *не жизнь, а малина; не жизнь, а масленица; жить милостыней; жить припеваючи*.

(1) – *Не жизнь, а малина!* – хлопает он рукой по колену и смеется: – Надо на передовую, а то зажиреешь здесь на булочках да манной каше... [НКРЯ: URL].

Образ жизни и общее миропонимание могут отличаться и зависеть от воспитания, менталитета, личных убеждений, уровня образования, что находит проявление во фразеологизмах *растительная жизнь; жить в лесу, молиться колесу; жить в стороне; жить для себя; жить на ветер; жить на всем готовом; жить своим трудом; жить своим умом; жить-помирать – один алтын; жить с оглядкой; жить в мире; жить без заскоков; один раз живем; жить как живет; жить как во сне; жить одним домом; жить своим домом*.

(2) Надо *жить своим трудом*, надо стараться отдавать народу больше, чем мы от него получаем, надо следовать христианской заповеди не делать другому того, чего себе не желаешь. <...> Я ведь привык *жить бирюком*, завод да жена,

хоть и надоело. <...> Они только начали *жить своим домом*, они сфотографировались в праздничных, но темных нарядах [там же]. Фразеологические единицы *жив-здоров; ни жив ни мертв; чуть жив; не жилец; живуч как кошка; жизнь на волоске; между жизнью и смертью* используются для описания физического состояния человека.

(3) Пашка прислушался, *ни жив, ни мертв* от страха. <...> Через день у нее начался сильный жар, и дней десять после этого она была *между жизнью и смертью* [НКРЯ: URL].

Отождествление понятия «жизнь» со скоростью, стремительностью, подвижностью, энергией прослеживается во фразеологизмах: *живой как ртуть; живой ногой; жить вскачь; живо два*; тогда как фразеологизмы *в жизни; всю жизнь; на всю жизнь* подчеркивают перманентность, постоянство какого-либо явления.

(4) Американец ливанского происхождения, *живой, как ртуть*, много говорил громко, смеялся своим же незамысловатым шуткам [там же].

Трудолюбие (социальная ценность) представляет собой внутреннее качество человека, связанное с любовью к труду, способное развиваться на протяжении всей жизни. Для трудолюбивых людей важен процесс создания общественно важных вещей, работа с удовольствием в течение длительного времени.

Среди фразеологизмов, связанных с данной социальной ценностью, выделяется группа фразеологических единиц, которые отражают природу созидательного, упорного труда, приносящего результаты вследствие приложения физических и умственных усилий: *мастер на все руки; от темна до темна; свернуть горы; сделать конфетку; внести делу время, потехе час; засучив рукава; перейти от слов к делу; вкладывать душу; титанический труд; работать не покладая рук; на голом энтузиазме*.

(5) Молодые математики, физики, химики *засучив рукава* брались решить ветхозаветные проблемы биологии. <...> Да мы готовы и на *голом энтузиазме* работать, ведь для себя же стараемся! [там же].

Несмотря на свою социальную значимость труд может быть очень изнурительным и тяжелым, не приносящем особого удовольствия, что подчеркивают следующие фразеологизмы: *проливать пот; мозолить руки; потом и кровью; гнуть спину; тянуть лямку; в поте лица; как белка в колесе; вкалывать (работать) за троих; тянуть ярмо; работать на износ*.

(6) Рабочих в этом сильно винить нельзя, так как каждая вещь ими *нажита потом и кровью*. <...> *Крутишься, как белка в колесе*, а тут еще вы мне задачки подбрасываете... [там же].

Законность (политическая ценность) есть принцип, при котором закон является высшим источником власти, регулирует определенные общественные отношения и обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения, исполнения права государственными органами, должностными лицами и гражданами.

Перечисленные фразеологизмы подчеркивают неизбежность, неминуемость, неотвратимость того, что принято в обществе на законодательном уровне: *в законе; по закону; незнанием закона никто не отговаривайся!; хоть бы все законы*

пропали, только бы люди правдой жили; пошла Варвара на расправу; попал к Варваре на расправу; где закон, там и обида; от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

Антиценности имеют антагонистичную природу по отношению к ценностям. *Смерть* (витальная антиценность) представляет собой понятие, о котором не принято говорить вслух, думать и писать, но от этого она не перестает существовать.

Смерть предстает как естественный конец, нечто необратимое, неизбежное для всех, что подчеркивают следующие фразеологизмы: *смерть нашего брата не спросит, а придет и косит; придет час – не будет и нас; жить надейся, а умирать готовься; у смерти все равны; смерть не разбирает чина, а косит и мужика и дворянина; смерть придет, везде найдет; смерть в гости не зовут, она сама приходит.*

(7) «*А смерть придет, помирать будем!*» – вспомнил он обычную армейскую шутку. Но умирать не хотелось [НКРЯ: URL].

Несмотря на естественность, неотвратимость и ужас смерти человек нередко борется за жизнь или со страхом смерти, что находит проявление во фразеологизмах *смотреть смерти в лицо; бороться со смертью; видеть смерть в глаза; глядеть смерти в глаза; заглянуть в глаза смерти; схватка со смертью; гоняться за смертью.*

(8) Предчувствуя свою гибель, он идет ей навстречу и учит других спокойно *смотреть смерти в глаза* [там же].

Смерть может быть, как естественной (от старости), так и преждевременной (в результате болезни, войны, несчастного случая, убийства и других обстоятельств). Данные особенности наступления смерти подчеркивают следующие фразеологизмы: *пасть смертью храбрых; подставит лоб под пулю; пушить пузыри; взлететь на воздух; под ножом умереть; удар хватил; наложить на себя руки.*

(9) За тех, кто ни разу не был убитым, за кем война не защелкнула пасть, за тех, кому не случилось *пасть смертью храбрых* на поле битвы. <...> Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем *взлететь на воздух*. <...> Что ж мне делать-то? *Наложить руки на себя?* и рад бы я, так бог не велит [там же].

Лень, безделье (социальная антиценность) состоит в постоянном пребывании в праздности и отсутствии мотивации совершать какое-либо усилие для того, чтобы принести пользу обществу.

Следующие фразеологизмы описывают действия ленивых людей: *бить баклуши; плевать в потолок; валять дурака; просиживать штаны; болтаться без дела; палец о палец не ударит; работа не бей лежачего; сидеть сложа руки; конь не валялся; спустя рукава; лодыря гонять.*

(10) До места работы меньше километра, но конвоирам хочется скорее сдать партию, чтобы до самого вечера *бить баклуши*. <...> Здесь еще *конь не валялся*. Что касается нормативных актов, то и здесь много работы. <...> Да и соблюдался-то он в те недолгие годы абы как, *спустя рукава* [там же].

Фразеологизмы *даром хлеб есть; тепленькое местечко; жнет, где не сеял; чужими руками жар загребать; на блюдечке с голубой каемочкой; само в руки просится* характеризуют людей, которые ленятся сами что-то делать и хотят,

чтобы кто-то выполнил работу за них.

(11) Он не хотел работать, а хотел *чужими руками жар загребать*. <...> Им кажется, что к ним придут и все *на блюдечке с голубой каемочкой* принесут, как же! [НКРЯ: URL].

Беззаконие (политическая антиценность) связано не только с совершением противоправных действий, но и с возможностью различной интерпретации закона, что отражают фразеологизмы *закон, что паутина: имель проскочит, а муха увязнет; судья, что плотник: что захочет, то и вырубит*.

Итак, русская культура содержит в себе систему ценностей и антиценностей, которая включает совокупность основных понятий, обозначающих положительную или отрицательную значимость какого-либо явления и/или его нормативно-оценочную сторону [Виноградов 1977: 75]. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что во фразеологизмах русского языка находят репрезентацию аксиологические диады витальных, социальных, политических, религиозных, моральных и эстетических ценностей и антиценностей, таких как жизнь – смерть, трудолюбие – лень, законность – беззаконие, бог – дьявол, честь – бесчестье, красота – уродство.

Литература

Виноградов В.В. Фразеология. Семасиология // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: АН СССР, 1977.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2007.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/old/index.html>.

Опарина Е.О. Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. 1999. № 2. С. 68-107.

Ekaterina V. Abramenko (Rostov, Russia)
Rostov State University of Economics

PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING VALUES AND ANTI-VALUES IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

This study provides an opportunity to summarize and systematize the available knowledge about the phraseological foundation of the language, meanings, images and associations related to values and anti-values and expand the understanding of the Russian phraseological picture of the world.

Key words: phraseology, value, anti-value, linguoculture, Russian

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование посвящено описанию текстовой репрезентации аксиологической амбивалентности в современном английском языке. На примере слов-кандидатов акции «Слово года» (2023) продемонстрировано отражение феномена амбивалентности и выявлены способы языковой манифестации оценочных смыслов по шкале «хорошее – плохое».

Ключевые слова: амбивалентность, оценка, экспликация, импликация, *beige flag*, *situationship*

В последнее время категория оценки приобретает особую актуальность как объект лингвистического исследования. Оценка рассматривается как ментальный процесс и представляет собой компонент как познания, так и коммуникации.

Лингвистическая категория оценки находится в непосредственной связи с понятием ценности. В широком смысле «под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т. д.» [Ивин 1970: 25]; в узком смысле – «то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно», является образцом для подражания и воспитания» [Стернин 1996: 108].

Оценка представляет собой ментальную деятельность человека по определению ценности объекта, и результат такой деятельности – выраженное в вербальной форме и ориентированное на стандарт положительное или отрицательное отношение субъекта к анализируемому объекту [Строкан 2019: 134]. Оценка является важнейшим компонентом когнитивных процессов, «во многих случаях именно оценочная квалификация завершает познание новой реалии действительности и включение ее в сферу жизненных интересов человека» [Смирнова 2013: 7].

Оценка может быть наделена амбивалентным характером. В лингвистике под амбивалентностью понимается «противоположность оценок, двойственность отношения к одному и тому же объекту» [Сырица 2010: 273]. Амбивалентная оценка указывает на разное восприятие объектов и явлений, что может быть объяснено как индивидуально-личностными, так и культурными причинами, демонстрирующими специфику национального мировосприятия.

Целью настоящего исследования является определение способов языковой репрезентации амбивалентных оценочных смыслов таких социальных явлений как «*situationship*» и «*beige flag*».

Выбор материала для анализа обусловлен следующими факторами: во-первых, в настоящее время феномен *situationship* является одной из самых распространенных форм отношений в молодежной среде, во-вторых, данный термин характеризуется частотностью и активным употреблением в медиадискурсе. Он является финалистом проекта «Слово года» («*Word of the Year*») в 2023 г. В сущности, понятие *situationship*, придуманное американскими психологами, обозначает вид романтической привязанности, которая находится на грани между дружбой и любовью. Это романтические отношения, полные неопределенности. Это больше,

чем дружба, но и серьезными отношениями это не назвать.

Интересным является, что, будучи даже в таких отношениях люди могут столкнуться с так называемыми «бежевыми флагами» (*beige flag*). Изначально понятие бежевого флага означало скучного и незаурядного человека, слабо заинтересованного в общении и отношениях, которого следует обходить стороной. Однако позднее первоначальный смысл был утрачен. Новое понятие означает своего рода странные маленькие причуды у партнера; странные привычки и черты, которые не являются ни плохими, ни хорошими, но заставляют задуматься. Этот термин также входит в шорт-лист акции «Слово года» – 2023 по версии Оксфордского словаря.

В зависимости от способа репрезентации выделяются эксплицитные и имплицитные оценки. Анализ эмпирического материала показал, что одним из средств языковой актуализации *эксплицитной* амбивалентной оценки являются **лексические антонимы**.

Так, в статье «Gen Z has a new type of relationship called a ‘situationship’ and it could be the future of dating» посредством лексических антонимов при соединении их сочинительным союзом *or* со значением альтернативности утверждается, что явление *situationship* не является чем-то хорошим или плохим:

(1) *The undefined territory of situationships isn't necessarily good or bad.*

Прилагательные *good* и *bad* выражают эксплицитно положительную и отрицательную оценку исследуемого явления, которая содержится в их денотативном значении, т. е. оценочный компонент значения (сема «good» / «bad») находится в семантическом ядре структуры репрезентируемых лексических единиц.

Аналогичным образом лексические антонимы задействованы при описании бежевых флагов в статье «Beige flags are the latest dating phenomenon that are dividing the Internet».

(2) *Something that's neither good nor bad but makes you pause for a minute when you notice it and then you just continue on.*

В статье «7 signs you are in a situationship, not relationship» утверждается, что явление *situationship* имеет как положительные, так и негативные стороны:

(3) *A situationship has both positive and negative sides, like any potential relationship.*

Дефиниционный анализ лексем *positive* и *negative* свидетельствует о наличии положительного и отрицательного оценочного компонента в семантической структуре (*positive – having a good effect* (Merriam-Webster Dictionary); *negative – not expecting good things, or likely to consider only the bad side of a situation* (Cambridge Dictionary)).

Еще одним средством экспликации амбивалентной оценки явления «situationship» выступают **словообразовательные антонимы**.

(4) *...ideally there would be clear and defined.*

(5) *In a situationship that is already very undefined and lacking clear expectations.*

(6) *In a situationship, conversations concerning the future of the relationship can be unclear or avoided entirely.*

В частности, префикс *un-* участвует в создании понятий с противоположным

значением.

Идиоматические выражения могут рассматриваться как средства выражения имплицитной амбивалентной оценки. В статье «11 Signs You're In A 'Situationship' And How To Handle It Like A Pro, Per Relationship Experts» говорится, что хотя зачастую явление *situationship* выставляется в негативном свете, в сущности, оно не является плохим.

(7) *But while they can be cast in a negative light, situationships aren't inherently bad.*

Экспрессивность выражения оценки усиливается благодаря использованию эмоционально окрашенного идиоматического выражения *in a negative light* (*in a way that makes someone or something look bad* (Merriam-Webster Dictionary)).

Имплицитная амбивалентная оценка также представлена в описании бежевых флагов в статье «Move aside, red flags: We are now entering an era of 'beige flags' or what TikTokers are calling random behavioral quirks that are not great (but not terrible)».

(8) *Examples include one person's boyfriend who has road rage but then acts super sweet in other scenarios.*

Автор статьи использует идиому *road rage*, означающую «anger or violence between drivers, often caused by difficult driving conditions» (Cambridge Dictionary) и содержащую в своем компонентном составе семы *anger* и *violence*, следовательно, выражается отрицательная оценка. В то же время в компоненты лексемы *sweet* входят такие элементы как *pleasant* и *satisfying* (Cambridge Dictionary), которые могут быть отнесены к положительной оценке.

Таким образом, социальные явления «situationship» и «beige flag» наделены амбивалентным характером и вызывают противоречивое отношение. Амбивалентность основывается на неоднозначном отношении человека к новым реалиям и противоречивости системы ценностей. Анализ языкового материала продемонстрировал, что аксиологическая амбивалентность варьируется по шкале «+ / -» и может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Литература

- Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970.
- Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2013.
- Стернин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 97-112.
- Строкан Е.В. Амбивалентность оценки в медийном тексте // Университетский научный журнал. 2019. № 50. С. 132-139.
- Сырца Г.С. К вопросу об амбивалентности лингвокультурных концептов // Русский язык: исторические судьбы и современность. 2010. № 6. С. 273-274.

Vladislav N. Alekseenko (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

AXIOLOGICAL AMBIVALENCE OF CONTEMPORARY ENGLISH

This research is devoted to describing the textual representation of axiological ambivalence in contemporary English. Based on the example of the candidates for word of the year (2023), the phenomenon of ambivalence is demonstrated and the ways of language manifestation of evaluative scale such as “good – bad” are defined.

А.С. Аleshин (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
alexis001@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИАДЫ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКИХ ПАРЕМИЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ)

В статье рассматриваются шведские паремии с семантикой сравнения, вербализующие диадy «жизнь – смерть». Анализируются структурные модели паремий, метафоры и образность единиц. Делаются выводы о концептуализации жизни и смерти, ментальных установках, передаваемых средствами сравнения в анализируемых паремиях.

Ключевые слова: концептуализация, паремия, метафора, ментальная установка, жизнь, смерть

Диада «жизнь – смерть» является одной из фундаментальных во всех лингвокультурах. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ неоднократно служили объектом исследования в лингвистических работах, в том числе и на материале фразеологии и паремиологии русского и других языков (см. в [Колкова 2008; Логинова 2017; Раевская, Середа 2020 и др.]). Шведские паремии, вербализующие эту диадy, до настоящего времени к лингвистическому анализу не привлекались. Цель статьи заключается в структурном и лингвокогнитивном исследовании пословиц шведского языка о жизни и смерти, обладающих семантикой сравнения.

В «Новом словаре методических терминов и понятий» сравнение определяется как одна из логических операций мышления, состоящая «в сопоставлении предметов, явлений, их свойств и установления тождества или различия между ними» [Азимов, Щукин 2009: 290]. Способы выражения семантики сравнения в языке могут быть представлены на разных уровнях: лексическом, фразеологическом (в том числе устойчивыми сравнениями), словообразовательном, грамматическом (степенями сравнения прилагательных и наречий, а также синтаксически с помощью сложных предложений с противительными союзами и др. Паремии интересны тем, что в них могут быть задействованы разные языковые средства сравнения как по отдельности, так и в комбинации друг с другом. Кроме того, сравнение может быть выражено с различной степенью эксплицитности.

Объектом исследования в статье послужили 26 шведских пословиц с семантикой сравнения, вербализующих диадy «жизнь – смерть», отобранных приемом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: Шведский словарь пословиц [Den svenska ordspråksboken 2012], словарь «Пословицы и поговорки с объяснениями» П. Хольма [Holm 1971], словарь «Шведские пословицы» Ф. Стрема [Ström 1929].

Со структурной точки зрения можно выделить следующие разряды шведских паремий.

1. Предложения тождества (9 единиц): *Livet är en gåta som ingen kan gissa* (Жизнь – загадка, которую никто не может разгадать); *Livet är en våg* (Жизнь –

волна); *Livet är ett lån mot hög ränta* (Жизнь – заем под высокие проценты); *Ett liv utan vänner är en lång väg utan värdshus* (Жизнь без друзей – долгий путь без приюта); *Livet är dödens skugga* (Жизнь – тень смерти); *Torr hosta är dödens trumpet* (Сухой кашель – труба смерти); *Döden är en general, han känner endast ordern* (Смерть – генерал, знает только приказы); *Sandkornen i timglasen äro timmarna i livet* (Часы жизни – песчинки в песочных часах); *Livet utan lust är halva döden* (Жизнь без радости – наполовину смерть).

2. Предложения с сравнительным союзом *som* (как) (5 единиц): *Livet går som rök och vind* (Жизнь проходит как дым и ветер); *Vill du leva länge och sund, ät som en katt och drick som en hund* (Хочешь жить долго и здоровым, ешь как кошка и пей как собака); *Döden är stark som sjutton par oxar* (Смерть сильна, как семнадцать пар быков); *Döden kommer som en tjuv, känner blott av orm och uv* (Смерть приходит как вор, ее приближение чувствуют только змея и филин); *Ungdomen lysar som solen, ålderdomen som månen och döden som stjärnorna* (Молодость светит как солнце, старость как луна, а смерть как звезды).

3. Предложения с сравнительными конструкциями (11 единиц):

а) *bättre än* «лучше... чем» и *värre än* «хуже чем»: *Ett gott liv är bättre än en dålig predikan* (Хорошая жизнь лучше, чем плохая проповедь); *Bättre en levande hund än ett dött lejon* (Лучше живая собака, чем мертвый лев); *Bättre en levande påve än tio döda* (Лучше один живой Римский папа, чем десять умерших); *Bättre väl dö än illa leva* (Лучше хорошо умереть, чем плохо жить); *Frukta för döden är värre än döden själv* (Страх смерти хуже, чем сама смерть);

б) *som... så...* «как..., так и»: *Som livet sjunger, så spelar döden* (Как жизнь поет, так и смерть играет);

в) *som* «каков..., таков и»: *Döden blir som livet* (Какова жизнь, такова и смерть);

г) *mer(fler) än* «больше, чем»: *Livet är mer än maten och kroppen mer än kläderna* (Жизнь больше, чем еда, а тело больше, чем одежда); *Det är fler som dör av mat och dryck än av svärd* (Больше людей умирает от еды и питья, чем от меча);

д) Сравнительная степень наречий и прилагательных: *Intet är vissare än döden, och intet är ovissare än dödens stund* (Ничто не известно так же точно, как и то, что смерть придет, и ничто не известно столь же мало, как и то, когда она придет).

е) Предложения с противительными союзами: *Livet är segt, men döden är segare* (Жизнь упряма, но смерть еще упрямее).

4. Предложения с рядоположенностью компонентов (1 единица): *Kärleken och döden gör alla lika* (Любовь и смерть всех делают одинаковыми).

Предложения-тождества актуализируют когнитивные метафоры. Жизнь предстает в них как загадка, волна, заем и путь. При этом в паремиях метафоры конкретизируются: «загадка, которую никто не может разгадать»; заем – «под высокие проценты». Кроме того, отмечаются важные условия, при отсутствии которых, например, друзей, жизнь – это не просто путь, а «долгий путь без приюта», жизнь без радости – «это наполовину смерть». Жизнь и смерть сопоставляются в паремиях данного разряда, они взаимосвязаны: жизнь – «тень смерти».

Жизнь быстротечна, поэтому «часы жизни – это песчинки в песочных часах». Смерть персонифицируется в метафоре – это «генерал». Нужно отметить, что такому образу способствует и тот факт, что существительное смерть в шведском языке относится к грамматической категории мужского рода. Паремии вербализуют и заболевания (симптомы), опасные для человека, сухой кашель образно отождествляется с «трубой смерти».

Эксплицитно выраженные в паремиях сравнения с союзом *som* (как) свидетельствуют о таких ментальных установках как скоротечность и незаметность жизни: «жизнь проходит как дым и ветер»; силе смерти: «смерть сильна как семнадцать пар быков»; неожиданности и незаметном приходе смерти, которая сравнивается с воров, при этом смерть предстает как мифическое существо, приход которого могут чувствовать только животные, связанные, по поверьям, с потусторонним миром – филин и змея: *Döden kommer som en tjuv, känder blott av orm och uv*. Интерес представляет трехчастная поэтическая паремия *Ungdomen lysar som solen, ålderdomen som månen och döden som stjärnorna*, характеризующая молодость, старость и смерть через сравнение с небесными светилами: свет солнца – самый яркий, поэтому молодость светит как солнце, свет луны бледнее – старость светит как луна, звезды бесконечно далеки от земли, они лишь мерцают в вышине, поэтому смерть светит как звезды. Совет, выражаемый в паремии *Vill du leva länge och sund, ät som en katt och drick som en hund* (Хочешь жить долго и здоровым, ешь как кошка и пей как собака), восходит к трактату Линнея о диете, где он пишет, что человеку нужно смотреть на животных и делать так же.

Из паремий, представляющих собой предложения с сравнительными конструкциями, выделяются количественно те единицы, которые включают конструкции «лучше, чем» и «хуже, чем». Предпочтение в этих паремиях отдается деятельной жизни: *Ett gott liv är bättre än en dålig predikan*. Живое биологическое состояние субъекта предпочтительнее, при этом не имеет значения его статус: *Bättre en levande hund än ett dött lejon; Bättre en levande påve än tio döda*. Но иногда плохое качество жизни заставляет выбирать «хорошую» (быструю и безболезненную) смерть: *Bättre väl dö än illa leva*. Паремия подчеркивает, что страх перед смертью губителен, он отравляет жизнь: *Fruktan för döden är värre än döden själv*.

Жизнь и смерть взаимозависимы и взаимоопределяемы: *Som livet sjunger, så spelar döden; Döden blir som livet*. Паремии утверждают, что жизнь не сводится к насыщению пищей и перееданию: *Livet är mer än maten och kroppen mer än kläderna; Det är fler som dör av mat och dryck än av svärd*.

Философская установка о загадке и фатальности феномена смерти выражена в паремии *Intet är vissare än döden, och intet är ovissare än dödens stund*. Неизбежность смерти подчеркивается и паремией, персонифицирующей жизнь и смерть и противопоставляющей, сопоставляющей их в пользу смерти: *Livet är segt, men döden är segare*.

Предложение с рядоположенностью компонентов «смерть» и «любовь» уравнивает всех людей как перед лицом смерти, так и любви: *Kärleken och döden gör alla lika*.

Лучшее средство не бояться смерти – посмеяться. Ирония выражена в таком

разряде шведской паремии как «ordstäv» – устные, часто грубоватые, шуточные изречения, отличающиеся черным юмором, бытующие в просторечии: *Livet är viktigare än döden, sa gumman, gjorde brasa av gubbens likkista* (Жизнь важнее смерти, сказала старуха и развела костер из гроба мужа).

Таким образом, в шведских паремиях сравнительной семантики жизнь и смерть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Жизнь и смерть предстают как концептуальные метафоры, они персонифицируются, вступают в борьбу, но смерть с неизбежностью оказывается победительницей. Ментальные установки, выраженные в исследованных паремиях, констатируют скоротечность жизни, но вместе с тем ее ценность, предпочтительность для любого субъекта. Жизнь должна быть наполнена радостью, в ней должны присутствовать друзья. Смерть подкрадывается незаметно, для сравнения используется образ вора, она упряма и сильна. Жизнь – это ветер и дым, нечто призрачное, переходящее. Смерть неизбежна, но дату ее прихода человек не знает. Быть может, поэтому страх перед смертью, как свидетельствует народная мудрость, хуже самой смерти.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.

Колкова Н.А. Концепт «смерть» в пословичных текстах // Вестник ОГУ. 2008. № 11. С. 8-15.

Логинова М.М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017.

Раевская К.Э., Середя Е. Концепт «смерть» в русской, английской и испанской фразеологии (на примере паремиологических единиц) // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2020. № 2 (70). С. 39-44.

Den svenska ordspråksboken. L.J. Hjertas förlag, 1865 (Den elektroniska utgåvan, 2012).

Holm P. Ordspråk och talesätt med förklaringar. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1971.

Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma, 1929.

Alexey S. Alyoshin (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Telecommunications

CONCEPTUALIZATION OF THE DYAD “LIFE – DEATH” (BASED ON THE MATERIAL OF SWEDISH PAROEMIAS OF COMPARATIVE SEMANTICS)

The article deals with Swedish proverbs with the semantics of comparison, verbalizing the dyad “life – death”. Structural models of proverbs, metaphors and imagery of units are analyzed. Conclusions are drawn about the conceptualization of life and death, mental attitudes conveyed by means of comparison in the analyzed proverbs.

Key words: conceptualization, proverb, metaphor, mental attitude, life, death

*К.Н. Антонова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ksana-a@mail.ru*

*Л.В. Фиалкина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Fialkina.fialkina@bk.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ДЭВИДА ЛОДЖА «ХОРОШАЯ РАБОТА»

Анализ концепта NATIONAL IDENTITY в художественном дискурсе романа «Хорошая работа» Д. Лоджа демонстрирует, что структурно-содержательные компоненты национальной идентичности: когнитивные, эмоционально-чувственные, поведенческие формируются не только в процессе развития личности, но и благодаря общественно-политическим изменениям в стране и необходимости адаптации к ним.

Ключевые слова: национальная идентичность, самосознание, концепт, художественный дискурс, когнитивное восприятие

Вопросами исследования национальной идентичности занимаются ученые в рамках психологических и социологических наук, а также социальные психологи. В рамках лингвистических исследований такие труды не широко распространены. Психологи и социологи используют анкетирование и метод опроса для того, чтобы фиксировать результат когнитивного знания человека о своей принадлежности к определенной нации, этнической группе. Такие сравнительные количественные исследования позволяют провести эмпирическую проверку теоретических положений, а также «расширить представления о национальной идентичности и повысить когнитивную сложность» [Фабрикант 2018: 27]. Однако, целостная картина когнитивного исследования определено должна включать лингвистическое изучение бытового, медийного, а также художественного дискурса.

Приобщение себя к определенной нации начинает происходить в детстве через бытовое обучение (рассказы родителей и родственников, чтение мифов, сказок, былин, просмотр мультфильмов и фильмов), процессы социализации (игровая деятельность, формирующая когнитивацию дихотомии «свой-чужой»), «я-мы», «мы-они»), благодаря определенным предметам школьной программы (история страны, основы религии и культуры и другие). Помимо этого, на отождествление себя с определенной нацией и приобретение основ национальной идентичности оказывают влияние прочитанные книги художественной литературы, а также другая информация, полученная из других многочисленных источников.

Целью статьи является анализ влияния художественного дискурса на формирование основ знаний о национальной идентичности читателя через описание вербализации концепта NATIONAL IDENTITY в романе «Хорошая работа» Дэвида Лоджа.

Задачами статьи являются рассмотрение ядра концепта NATIONAL IDENTITY, описание лексико-семантического поля (ЛСП) концепта NATIONAL IDENTITY, выявление основных закономерностей отражения понятия национальная идентичность в романе «Хорошая работа» Лоджа.

Актуальность работы обуславливается интересом к изучению особенностей языковых репрезентаций концепта NATIONAL IDENTITY в художественном дискурсе в творчестве современного англоязычного писателя. Исследованиями творчества Лоджа занимаются многие лингвисты: О.А. Толстых, В.Ю. Новикова, Т.А. Ершова, А.В. Кремнева (интертекстуальность), Н.Г. Владимирова (интермедальность), Г.Г. Слышкин и М.В. Конышева (художественно-образное воплощение литературного конфликта), С.А. Питина (реализация восприятия социального статуса человека), М.А. Курочкина, М.В. Шибицкая (ирония), Е.А. Кравченкова (образ преподавателя университета), К.А. Керрер (концептосфера «профессиональная деятельность»), Н.В. Ивденко (логос наррации) и другие. Большого количества исследований романов Лоджа на предмет изучения национальной идентичности не выявлено.

Роман «Хорошая работа» было опубликован в 1988 г. и относится к категории филологического романа. Основное действие романа происходит в вымышленном городе Rummidge в Англии. Сюжет романа основан на сравнении восприятия современной действительности представительницей академического сообщества, преподавателем университета Робин Пенроуз, и Вики Уилкоксом, менеджером компании J Pringle & Sons Casting & General Engineering («Pringle's»). Действие романа разворачивается на фоне социально-экономического кризиса правления Маргарет Тэтчер, в рамках которого происходит сокращение бюджета на образование.

Словарь [Longman Dictionary] предлагает дефиниции лексем: national: «relating to one particular nation as opposed to other nations» (национальный - относящийся к определенной нации, а противопоставление другим нациям); identity: «the qualities and attitudes that a person or group of people have, that make them different from other people» (идентичность – качества или отношения человека или группы лиц, отличающие их от других людей). Таким образом, под словосочетанием national identity мы понимаем все, что определяет факт принадлежности группы людей к определенной нации.

Ядро концепта NATIONAL IDENTITY романа представлено лексемами identity (5), national (5), nation (2), consciousness (5), self (22), selves (3), own (130), individual (6), community (6), society (10), sense (32), typical (2), traditional (3), unique (5), independence (1), equality (2), belonging (5), language (21), tradition (7). Наиболее многочисленны из них: own (130), sense (32), self/selves (25), language (21). Лексема own используется в романе как прилагательного в значении «свой собственный, собственный». Лексема SENSE представлена в выражениях: good sense of judgment («добрые намерения»), sense of personal deprivation («невосполнимая утрата»), in the narrow sense («в узком смысле»), absolute sense («абсолютный смысл»). Лексемы self и selves: self-righteous (самодовольный), self-preservation (самосохранение), self-reproach (самобичевание), self-respect (чувство собственного достоинства), self-possession (самообладание). С помощью лексемы language автор объясняет некоторых общие понятия общественной жизни: in language (в языке), in any language (в любом языке), foreign language (иностранный

язык), your language (твой язык). Лодж определяет важность языка в жизни британского сообщества, причисляя его к общечеловеческими ценностями своего поколения. Использование вышеупомянутых лексем помогает адресанту определять личные и общественные границы героев произведения, определять чувство из собственного достоинства, растождествлять себя с другими представителями сообщества и социальным параметрам, а также по национальной идентичности. С помощью этих лексем автор показывает путь взросления и адаптации своих персонажей, выражает их глубокие чувства и мысли, строит картину миру современного британского сообщества.

ЛСП концепта NATIONAL IDENTITY романа весьма широко и вариативно. В рамках данной статьи мы отметим наиболее значимые из них. *Топонимы (географические названия)* (293) представлены городами и названиями университетов (Cambridge(18), Brighton (5), Oxford (5), Birmingham (4) и др.). В эту же категорию мы отнесли термины, обозначающие принадлежность к стране: British (31), Britain (3), Brits (1), English (50), England (18), UK (1), Scottish (1), Commonwealth (2). Как видно из перечня, понятие английскость для автора более значимо, чем понятие британскость. Помимо этого, в данную категорию географических принадлежностей нами отнесены лексемы city (39), town (5), countryside (1), landscape (6) и industry, industries, industrial (99). Интерес автора к данным лексемам обуславливается сюжетом романа, который строится на стратегии противоречия между бизнесом и наукой. Это же обуславливает использование вариативность ЛСП *образование* (194): university (116), school (28), academic (20), education (16) и др. ЛСП *дискриминация* (174) (man, woman, male, female, sex и др.) показывает различия картины мира женщин и мужчин, затрагивает проблемы становления личных и политических взглядов, процессы самоидентификации героев. ЛСП *СМИ* (168) (TV, radio, news, Times, Guardian, message, show и др.) подчеркивает необходимость трансформации сообщества под изменяющиеся экономические реалии. ЛСП *семья* (161) (family, house, home и др.) указывает на исторические ценности нации, важность семейных ценностей для современного поколения.

Художественный концепт NATIONAL IDENTITY в романе «Хорошая работа» Лоджа позволяет проследить контраст между когнитивным восприятием национальной идентичности поколениями конца XX – начала XXI в. в Англии. На рубеже веков англичане определяют себя «англичанами» более чем «британцами». Формирование их национальной идентичности происходит благодаря процессам самоидентификации себя как личности, члена определенного социума, более, чем как представителя определенного государства. Таким образом, анализ концепта NATIONAL IDENTITY в романе «Хорошая работа» Лоджа демонстрирует, что структурно-содержательные компоненты национальной идентичности: когнитивные, эмоционально-чувственные, поведенческие формируются не только в процессе развития личности, но и благодаря общественно-политическим изменениям в стране и необходимости адаптации к ним.

ЛСП концепта NATIONAL IDENTITY романа «Хорошая работа» Лоджа представлено ядром концепта: identity, national, nation, consciousness, self, selves,

own , individual, community, society, sense, language и др., и также вариативным периферическим полем, построенным на ЛСП топонимы, семья, СМИ, образование, юмор, дискриминация и др.

Роман отражает и в то же время влияет на восприятие «английскости» его читателем. Тема национальной идентичности не является ведущей произведения, но оказывает значительный вклад в драматургию его сюжета. Лодж исследует тему национальной идентичности через разнообразные когнитивные механизмы: взаимодействие между главными персонажами и их отношение к социальной и профессиональной среде. Благодаря этому механизму Лодж показывает влияние социокультурных норм и ценностей на формирование личной и национальной идентичности. Он анализирует, как профессиональные и личные опыты героев произведения формируют их видение себя и своего места в обществе. В романе это является ключевым в формировании национальной идентичности. Кроме того, автор подчеркивает важность социокультурного контекста. Описывая различные аспекты британского общества через своих персонажей, автор выделяет его разнообразие, социальные роли и стереотипы, которые воздействуют на формирование национальной идентичности. Лодж использует символы и метафоры для усиления представления о национальной идентичности и ее формировании. Через образы и символы он выделяет внутренние конфликты и трансформацию личности, что, в свою очередь, влияет на национальное самосознание. Все эти механизмы помогают читателю получить глубокое и многогранное понимание темы национальной идентичности.

Литература

Фабрикант М.С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 22-31.

Lodge D. Nice Work. England. London: Penguin books, 1988.

Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com>.

Ksenia N. Antonova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University of Economics

Liubov V. Fialkina (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University of Economics

FORMATION OF ENGLISH NATIONAL IDENTITY IN DAVID LODGE'S NOVEL "NICE WORK"

The analysis of the concept NATIONAL IDENTITY in artistic discourse of D. Lodge's novel "Nice Work" demonstrates that structural and content components of national identity: cognitive, emotional-sensitive and behavioral are developed not only in the process of personal development, but also due to socio-political changes in the country and the necessity for adaptation to them.

Key words: national identity, self-consciousness, concept, artistic discourse, cognition

ИНТЕГРАЦИЯ МЕГАКОНЦЕПТА «DIVERSITY» В ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

Статья посвящена средствам вербализации мегаконцепта DIVERSITY / МНОГООБРАЗИЕ в немецком языке. На основе данных лексических средств в статье моделируется структура соответствующего категориального концепта. Рассматриваемый ментальный конструкт является элементом глобализационных процессов, его истоки находятся в американской культуре, его импорт в немецкую концептосферу осуществляется в соответствии с разработанной маркетинговой концепцией.

Ключевые слова: мегаконцепт, концепт, фрейм, многообразие, импорт концептов, языковая картина мира

В современном мире произошли значительные изменения во взглядах на природу человека и на взаимоотношения людей в сфере личного и публичного взаимодействия. Несмотря на стремление западных культур к сохранению личного пространства человека в современном мире произошло стирание границ между личным и публичным пространством, и то, что ранее было сугубо индивидуальным делом, стало объектом пристального внимания многих. Это касается, например, здоровья, сексуальной ориентации человека. Такие процессы являются частью того, что в современном мире ассоциируется с английским словом *diversity*. Многообразие понятий и явлений, взаимосвязанных с этим словом, позволяют считать данную лексическую единицу средством вербализации ментальной единицы, которая может быть квалифицирована как макроконцепт. Актуальность рассмотрения этого категориального концепта обусловлена тем, что он, будучи составной частью глобализационных процессов, интегрируется в концептосферы различных языковых картин мира. И хотя «невозможно составить полную модель какой-либо концептуальной категории, но приблизиться к наиболее точной модели можно благодаря проведению лексикографического анализа, анализа различных видов дискурсов (в т. ч. медийного)» [Борисенко 2022].

На основе анализа употребления лексемы *Diversity* в немецкоязычном дискурсивном пространстве рассмотрим, какое содержание и какие ценности, соотносимые с этим словом, внедряются в сознание немецкого этноса.

Для немецкой языковой картины мира, по мнению ученых, доминантными концептами являются ORDNUNG, GEMÜTLICHKEIT, PÜNKTLICHKEIT / ZEIT, ARBEIT, SICHERHEIT [Буренкова 2018; Тахтарова 2009; Точилина 2015]. Как отмечает В.И. Карасик, концепты имеют динамический характер и состав концептосферы языковой картины мира этноса может в определенной мере претерпевать изменения. Одной из причин этого является импорт чужих концептов. «Ментальность народа может меняться со временем под влиянием социальных условий внутри страны, а также под влиянием внешних факторов; например, в условиях глобализации происходит внедрение американских стандартов поведения» [Карасик 2002: 79].

По данным корпуса национального немецкого языка DWDS, первичное употребление англицизма *Diversity* было зафиксировано в конце прошлого века и с начала XXI в. это слово стало активно употребляться в немецкоязычной прессе, что свидетельствует о проникновении в жизнь немецкого общества явления, которое ассоциируется с этим словом.

О том, что данная лексема обозначает нечто новое для немецкого общества, может свидетельствовать тот факт, что немецкий медиадискурс в большинстве случаев использует английское слово, сохраняя его иноязычную форму, а не близкие ему по семантике слова *Vielfalt, Diversität*. Если слова *Vielfalt, Diversität* соотносятся с разнообразными явлениями и предметами, то заимствованное слово всегда указывает на многообразие, связанное исключительно с человеком. «При сравнении описаний значений указанных слов было установлено, что у лексемы *Diversity* при описании значения происходит конкретизация «многообразия», это многообразие касается только социальной сферы, и при этом у данной единицы на первый план выходит уточнение, что это слово представляет собой концепт, суть которого состоит в поддержке «равенства шансов» и в устранении дискриминации» [Бабаева 2022: 17].

Типы дискурсов, в которых употребляется это слово, позволяют установить сферы распространения соответствующего явления и его содержание. Мегаконцепт DIVERSITY / МНОГООБРАЗИЕ можно представить как комбинацию двух концептов ЧЕЛОВЕК и УПРАВЛЕНИЕ, предметно-образную сторону каждого из этих концептов изобразим в виде фреймов. Для концепта ЧЕЛОВЕК можно смоделировать фрейм, где слотами верхнего уровня будут два понятия – «разнообразие людей» и «места проживания и работы человека, где это разнообразие реализуется». Слотами второго уровня будут слова, соотносимые с характеристиками человека, – возраст, пол, сексуальная ориентация, происхождение, религия, а также слова, соотносимые с формами проживания и учреждениями – традиционная семья, нетрадиционная семья, дошкольные учреждения, университеты и другое. Слоты третьего уровня – это слова, конкретизирующие элементы верхнего уровня. Так, лексические единицы, соотносимые с характеристиками человека, можно обнаружить в тексте Хартии, где перечисляются конкретные группы людей, которые составляют желаемое многообразие: «*Diversity-Dimensionen* – 1) представители разных возрастных групп (*Dimension Alter, altersgemischte Teams, alle Generationen*); 2) представители разных этносов и национальностей (*Migranten*); 3) представители разнообразных групп, которые выделяются по критерию половой принадлежности (*Geschlechtliche Identitäten sind mit männlichen, weiblichen, trans* und inter* Menschen sehr vielfältig*); 4) люди с ограниченными возможностями (*Mitarbeitende, die körperlich oder geistig behindert sind*); 5) представители различных религиозных конфессий и вероисповеданий (*Menschen mit ganz unterschiedlichen Religionen und Überzeugungen*); 6) люди разной сексуальной ориентации (*Mitarbeitende unterschiedlicher sexueller Identität*); 7) люди, имеющие различное социальное происхождение и разнообразный уровень образования (*Menschen aus unterschiedlichen sozialen Herkünften*)» [Charta 2006].

Как показал анализ употребления лексемы *Diversity* в немецком языке, распространение этого внедряемого в немецкое мировосприятие многообразия происходит на основе специального менеджмента, что оправдывает выделение в рассматриваемом мегаконцепте отдельного концепта УПРАВЛЕНИЕ, которое также может быть смоделировано в форме фрейма. Слоты верхнего уровня здесь представлены словами *Strategien / стратегии, Dokumente / документы, Akteure / исполнители*. На последующих уровнях представлены единицы, называющие конкретные документы, конкретные должности, конкретные маркетинговые инструменты.

Ценностную составляющую мегаконцепта DIVERSITY можно выявить путем анализа контекста употребления соответствующей лексической единицы. В медийных текстах позитивный образ многообразия, к которому следует стремиться, создается оценочными словами.

Лексическая единица *Diversity* является прагматически насыщенной: с одной стороны, уже само употребление англоязычной формы слова имеет целью показать престижность продвигаемого явления, а с другой – это слово сопровождается лексическими единицами с положительной коннотацией – *Bereicherung, Gewinn, Erfolg, Innovation, Kreativität, Toleranz, Offenheit, gut, besser, am besten*. Для того, чтобы образ *Diversity* сделать для носителей немецкого языка «своим», в современных текстах варьируются синонимичные слова *Vielfalt, Diversität, Diversity*.

Внедрение концепта в картину мира немецкого этноса осуществляется и с помощью мер, направленных на правила и формы существования немецкого языка. Например, появилась новая форма существования немецкого языка «*leichte Sprache*» («легкий язык»), где содержание излагается простыми предложениями и доступными, понятными каждому носителю немецкого языка словами. Другое лингвистическое явление, направленное на внедрение «многообразия» в сознание немцев, получило название «*gendergerechte / geschlechtergerechte Sprache*» («гендерно-справедливый язык»). Правила такого языка предписывают употреблять такие формы, которые делают видимыми представителей всех полов (*Lehrer*innen, Lehrer:innen, Lehrer_innen*), или наоборот, такие единицы, которые нейтрализуют все родовые различия (*Lehrpersonen, Lehrende, Lehrkräfte*).

Как видно из описываемого материала, внедрение мегаконцепта DIVERSITY / МНОГООБРАЗИЕ в языковую картину мира носителей немецкого языка осуществляется через медиатексты и через официальные документы, издаваемые руководящими структурами. Несмотря на активное продвижение чужого для немецкого этноса концепта в немецкоязычном медиапространстве и в научных публикациях немецких ученых встречаются критические мнения, свидетельствующие о том, что процесс интеграции концепта многообразия в языковую картину мира немцев пока не завершен [Kipke 2023].

Литература

Бабаева Р.И. Дискурсивная палитра функционирования лексемы diversity в немецко-язычном медиапространстве // Русская германистика. 2022. № 19. С. 14-28.

Борисенко Т.В. Гиперонимические концепты VS категориальный концепт // Вестник МГОУ. 2022. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Буренкова С.В. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры в диахроническом аспекте // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 190-194.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Тахтарова С.С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: филология и искусствоведение. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ordnung-kak-kulturnaya-dominanta-v-nemetskoj-lingvokulture>.

Точилина Ю.Н. Ключевые концепты немецкой культуры как составляющая обучения немецкому языку как второму иностранному бакалавров направления подготовки «Туризм» // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2-7 (62). С. 126-129.

Charta der Vielfalt. (2006) Für Diversity in der Arbeitswelt. URL: <https://www.charta-der-vielfalt.de>.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>.

Kipke R. Sind wir moralisch verpflichtet, eine gendergerechte Sprache zu verwenden? // Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie. 2023. Nr. 13. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42048-023-00137-2>.

Raisa I. Babaeva (Ivanovo, Russia)

Ivanovo State University

INTEGRATION OF THE “DIVERSITY” MEGACONCEPT INTO THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF THE GERMAN PEOPLE

The article is devoted to the means of verbalization of the mega-concept DIVERSITY in the German language; based on these lexical means, the article models the structure of this categorical concept. The mental construct under consideration is an element of globalization processes, its origins are in American culture, its import into the German concept sphere is carried out in accordance with the developed marketing concept.

Key words: megaconcept, concept, frame, diversity, import of concepts, linguistic worldview

Anna D. Bakina (Orel, Russia)

I.S. Turgenev Orel State University

Heart-anna@yandex.ru

THE STUDY OF THE BIBLICAL CONCEPTOSPHERE: THE BINARY CONCEPT “LIGHT / DARKNESS”

The article highlights the issues related to the study of the conceptosphere of the phraseology of biblical origin. The question of relevance and adequate methods of research of biblical concepts and phraseological means, which represent them, are discussed. The definitions of ‘concept’ are analysed, the specificity of ‘biblical concept’ in its comparison with linguocultural concept is specified. The group of biblical phraseological expressions verbalizing the binary concept LIGHT / DARKNESS is distinguished. Examples of contexts from the corpus of texts containing biblical phraseological expressions, actualizing the considered concept, are presented.

Key words: binary concept, linguocultural concept, biblical concept, biblical phraseology, concept verbalisation, ‘light’, ‘darkness’

Today the studies of biblical concepts forming its conceptosphere are relevant due to the on-growing interest in the researches devoted to phraseology from the linguocognitive approach; in particular, the semantic and structural, pragmatic issues of biblical

phraseological units identified in the oral and written texts of various discourse types are under thorough linguocognitive analysis.

The methods of the given research are as follows: the method of phraseological analysis including the method of phraseological identification (initiated by A.V. Kunitsin), the lexico-semantic analysis, the method of analysis of dictionary definitions, the contextual analysis (the data of two text corpora was analysed: the BNC and the National Corpus of the Russian Language).

According to the cognitive approach (E.S. Kubryakova [Kubryakova et al. 1996], Z.D. Popova, I.A. Sternin [Popova, Sternin 2001, 2007], V.N. Telia [Telia 1996], etc.), a concept is a unit of mental information, which serves as the foundation of ideas about the world and provides “access to the conceptsphere of society” [Popova, Sternin 2007: 10]. For representatives of the linguocultural approach (N.F. Alefirenko [Alefirenko 2010], V.I. Karasik [Karasik 2002], Yu.S. Stepanov [Stepanov 1997], etc.) a concept is a “key unit of culture, multidimensional semantic formation that has value, image and conceptual sides” [Karasik 2002: 91]. These approaches are interrelated and complement each other: on the one hand, a concept is a certain mental image fixed in an individual’s consciousness and providing access to the conceptsphere of society and, therefore, to culture; on the other hand, a concept is a cultural element that consolidates the experience accumulated by the collective in an individual’s mind.

A concept can be verbalized through various means: existing lexemes and phraseological combinations, free word combinations, syntactic constructions, texts, and sets of texts [Popova, Sternin 2001]. Many researchers state that phraseology is one of the main means of verbalizing concepts [Teliya 1999; Karasik 2002; Scherbina 2006; Sviridova 2008; Alefirenko 2009].

The study of the biblical conceptsphere remains relevant, as the Bible is one of the most outstanding historical and literary monuments of great importance to both English and Russian culture [Fedulenkova 2008]. Biblical phraseology is a kind of symbolic index of cultural concepts.

Concept LIGHT / DARKNESS in the biblical tradition. The LIGHT is a fundamental image in the Bible. Light in the physical sense is the first thing created by God and is the foundation of life on earth: “*Then God said, ‘Let there be light’; and there was light. And God saw the light, that it was good*” (Gen. 1: 3–4). Paul’s 2nd Epistle to the Corinthians emphasizes the primary role of **light** in human life as follows: “*For it is the God who commanded light to shine out of darkness, who has shone in our hearts to give the light of the knowledge of the glory of God in the face of Jesus Christ*” (2 Cor. 4: 6). In the biblical world, human activity was directly linked to the cycle of daylight from sunrise to nightfall. **Light** is the embodiment of order, the cultural undertakings of humankind, and is opposed to darkness, which is associated with chaos. People were in awe of light as a symbol of security. It is appropriate here to recall the description of the ninth Egyptian execution: “*...there was thick darkness in all the land of Egypt three days... But all the children of Israel had light in their dwellings*” (Ex. 10: 22-23).

The extinction of light is one of the major biblical archetypes of the Apocalypse. For example, Isaiah’s prophecy of the fall of Babylon speaks of the coming of “the day of the Lord”, the time of the destruction of sinners: *For the stars of heaven and their*

constellations Will not give their light; The sun will be darkened in its going forth, And the moon will not cause its light to shine” (Ex. 13: 10).

In a broad metaphorical sense, biblical light represents goodness and holiness, God’s favour. Ungodly people are the ‘enemies of light’ (those who rebel against the light), those who don’t know “his ways” (Job 24: 13). The job of virtuous Christians is to “shine as lights in the world” (Phil. 2: 15). Light is associated with truth, reason: “Revelation” of the Lord’s words “enlightens” people: “*The entrance of thy words giveth light*” (Ps. 118: 130). It also symbolises God Himself: “*God is light*”, and therefore salvation and new life: “*The Lord is light ... and salvation ...*” (Ps. 26: 1). The image of **light** manifests the transcendence and immanence of God at the same time: it is closely linked to both the spiritual world and physical, everyday reality. Biblically, the antithesis of light – both physical and spiritual – is darkness. The most frequent reference to darkness is in the Book of Job, which discusses the causes of man’s sorrows, troubles and evil.

Darkness as a physical phenomenon of life can be seen in many places in the Bible. The darkness that comes with nightfall symbolises the end of the working day for the people, but it also carries a negative connotation, evoking associations with the intrusion of hostile strangers into the home (Job 24: 16), “in the terrors of the shadow of death?” (Job 24: 17), where “the workers of inequity” hide (Job 34: 22).

In a spiritual sense, darkness symbolises ignorance “*They do not know, nor do they understand; They walk about in darkness*” (Ps. 81: 5)) and lies “*If we say that we have fellowship with Him, and walk in darkness, we lie and do not practice the truth*” (1 John 1: 6)). While light is associated with good, Godly deeds, darkness is associated with sinners, those who forsake “*the ways of light to go the ways of darkness*” (Prov. 2: 13). The afterlife is called “*the land of darkness and the shadow of death*” (Job 10: 21–22).

The biblical image of darkness is associated with the eternal spiritual battle between good and evil, between God and the devil. For example, 1 Thessalonians mentions that the world is divided into “*the children of light*” and “*the children ... of the night, of darkness*” (1 Thes. 5: 5). The temporary victory over evil was clearly shown after Christ’s crucifixion, when the whole earth was plunged into darkness for three hours (Mt 27: 45); (Mk 15: 33); (Lk 23: 44)).

One of the most significant acts of God is the spiritual deliverance of people from the power of darkness through the saving ministry of Christ. “*This then is the message which we have heard of him, and declare unto you, that God is light, and in him is no darkness at all*” (1 John 1: 5); “*Those who follow Jesus shall not walk in darkness, but shall have the light of life*” (John 8: 12).

The biblical concept of light thus encapsulates the image of goodness, truth and God’s good pleasure, while the concept of darkness, in contrast, encapsulates their absence.

Verbalisation of the concept LIGHT / DARKNESS by means of biblical phraseological units. The following biblical idioms verbalising the concepts of LIGHT and DARK have been identified.

1. **light shining in the darkness** – in the midst of all evil something good is to come, there’s always hope for the better to come. “*This then is the message which we have heard of him, and declare unto you, that God is light, and in him is no darkness at*

all” (John 1: 5).

Example: *In this way, Darwin could offer a ‘working hypothesis’, as Huxley put it, or a **light shining in the darkness**. In some of Darwin’s own researches we can see how useful it was* (BNC).

The example above presents the image of a finally found solution (‘working hypothesis’) which is associated with *light* in contrast to *darkness*.

2. **Let there be light!** – a) let truth prevail, cultural enlightenment; b) in a joking sense, the expression is used when turning on light sources (Genesis 1: 3). The phraseological unit refers to the beginning of the Bible, which says that the first thing created by God was light.

Example: *Legend in action: James Hunt (inset) speeding to third in the 1976 Japanese Grand Prix and earning the points that clinched the World Championship. “**Let there be light**”, chiefs urge. A SWITCH to more floodlit matches should be made by Sealink Welsh Alliance clubs next season, according to two of the league’s chief officers. And one prominent club, Bangor City, want to go even further by staging all their home games in midweek.*

The biblical phraseological unit ‘Let there be light’ is commonly used ironically. The given example is not an exception. By means of this biblicism the idea of final victory and triumph is expressed.

3. **guiding light** – a reference point, something to point in the right direction (Matthew 2: 2, 7, 9). In the Bible, the Star of Bethlehem appeared in the sky at the birth of Christ and showed the Magi the way to Him.

4. **the children of light** – enlightened Christians (Luke 16: 8).

5. **leading (shining) light** – a talented, smart person, famous in any field (science, art) (John 5: 35).

6. **greater lights** – famous writers, philosophers, scientists, etc. (Genesis 1: 16).

7. **lesser lights** – less famous and remarkable people (Genesis 1: 16).

8. **to hide one’s light under a bushel** – to hide one’s mind, one’s ability to do something, to not realise one’s talent (Matthew 5: 15).

9. **to cast into outer darkness** – to expunge something from life, to oblivate it (Matthew 25: 30).

10. **Egyptian darkness** – pitch black darkness (Exodus 10: 22).

11. **to walk in darkness** – wander (as) in the dark; act blindly, at random (John 12: 35).

12. **to darken counsel** – to confuse or make unclear a matter or case (Job 38: 2).

13. **the power(s) of darkness** – the powers of evil, dark demonic powers (Colossians 1: 13).

14. **an angel of light** – a sweet, lovable, beloved person [2 Corinthians 11: 14].

Example: *MRS. JERVIS: Good, your honour, pity and forgive the poor girl. I will pawn my life for her, she will never be so pert to your honour if you will be so good as to molest her no more. You saw, sir, by her fit, she was in terror, and although your honour intended her no harm, yet the apprehension was almost death to her. BELVILLE: O, the little hypocrite. She would represent herself as **an angel of light** and make her*

kind master and benefactor a devil incarnate. PAMELA: aside O, how people will sometimes call themselves by their right names BELVILLE: I am resolved she shall return to the distress and poverty she was taken from (BNC – 6 contexts).

In the given context we identify the phraseological unit ‘an angel of light’ that represents the image of a truly kind and gentle person and is opposed to the image of ‘devil’.

15. **to see through a glass darkly** – not seeing things clearly, not seeing the true state of affairs (1 Corinthians 13: 12).

Example: *The Doctor talked quietly to the child. “When I was a child I spake as a child, understood as a child, I thought as a child, but when I became a man, I put away childish things. For now we **see through a glass, darkly**: but then face to face: now I know in part; but then I shall know even as also I am known”*.

In the context above we find a phrase ‘see through a glass darkly’ which indicates a personage’s inability to clearly understand things at a certain age. The idea of the absence or lack of knowledge, of inability to differentiate between good and evil is represented through the concept of darkness as opposed to light.

Conclusion: The binary concept LIGHT / DARKNESS occupies a definite place in the biblical conceptual field and may be verbalised by 15 phraseological units of biblical origin that were identified by means of A.V. Kunitsyn’s method. The adherence to the biblical source can be easily traced through the biblical contexts (King James Version) that contain phraseologisms or phrases that were metaphorised outside the Bible and thus later converted to phraseological units.

The analysis of the dictionary definitions allowed to conclude that mostly the volume of cultural concept LIGHT / DARKNESS and biblical conceptual phenomenon LIGHT / DARKNESS coincides, except for the idea of sacredness and purity that is added to the biblical concept of **light**. Thus, it contains the image of *goodness, love, truth, knowledge* whereas the concept of **darkness** contains the image of *evil powers, lie, chaos, wickedness*.

The contextual analysis of the phraseological biblicalisms which was conducted on the material of texts Corpora (British National Corpus and Russian National Corpus) shows that biblical phraseologisms representing the concept LIGHT / DARKNESS are quite frequent. There has been registered about 100 cases of using them in fiction and massmedia discourse texts. The quantity of the identified examples in media text prevail (65%). The analysis of functioning of phraseological units of biblical origin, verbalising the concept LIGHT / DARKNESS in various contexts, confirmed the results of the definitional analysis, aimed at determining the semantic structure of lexemes-representatives of the concept and allowed identifying and clarifying conceptual attributes on the basis of the elements of meaning, actualized by the occurrence of lexemes-representatives in a particular context.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремнология. М.: Флинта: Наука, 2009.
Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.

Свиридова А.В. Вербализация концепта ЗНАНИЕ / ПОЗНАНИЕ средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом не): дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2008.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Федуленкова Т.Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии. Архангельск: Поморский ун-т. 2008.

Щербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.

British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>.

King James Bible Online. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org>.

Словари

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>.

Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com>.

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>.

Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Wiktionary, the free dictionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary>.

А.Д. Бакина (Орел, Россия)

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ИССЛЕДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ БИНАРНОГО КОНЦЕПТА «СВЕТ / ТЬМА»)

В статье освещаются вопросы, связанные с исследованием концептосферы фразеологии библейского происхождения. Обсуждается вопрос актуальности и релевантных методов исследования библейских концептов и фразеологических средств, их репрезентирующих. Анализируются определения «концепта», уточняется специфика «библейского концепта» в его сопоставлении с лингвокультурным концептом. Выделяется группа библейских фразеологизмов, вербализующих бинарный концепт «СВЕТ / ТЬМА». Приводятся примеры контекстов из корпусов текстов, содержащих библейские фразеологизмы, актуализирующие рассматриваемый концепт.

Ключевые слова: бинарный концепт, лингвокультурный концепт, библейский концепт, библейская фразеология, вербализация концепта, 'свет', 'тьма'

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «MIGRANT» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES»)

В статье рассматривается изменение объективации концепта MIGRANT в американских СМИ в диахроническом аспекте на материале выборки медиатекстов газеты The New York Times, опубликованных в 1981–2023 гг. Отмечается снижение негативной окраски репрезентаций концепта, более частое употребление номинации концепта MIGRANT для обозначения граждан, прибывающих в страну для постоянного проживания – иммигрантов.

Ключевые слова: концепт MIGRANT, диахронический аспект, медиатекст, трансформация, идеологизация концепта

Репрезентации различных концептов в СМИ являются объектом внимания исследователей ввиду той значимой роли, которую играют масс-медиа в формировании языкового сознания реципиентов медиатекстов. Соответственно, изменения в выборе речевых средств вербализации концепта могут оказывать влияние на изменения в картине мира индивидов-потребителей соответствующих медиатекстов. Такие изменения вербальной репрезентации концептов могут происходить вследствие естественных изменений в языке, а также насаждаться интенционально, в идеологических целях. Закономерно, что различия в репрезентации одного и того же концепта становятся предметом многочисленных лингвистических исследований. Так, например, Е.Ю. Мелешкина и О.А. Толпыгина демонстрируют различия в репрезентации исторических событий и личностей в политическом дискурсе [Мелешкина 2023], С.Н. Хохлова отмечает идеологизированное представление лингвокультурного концепта РОК в определенных медиатекстах [Хохлова 2015]. Исследование европейских общественно-политических газет, проведенное М. Джорджиу и Р. Заборовски, показывает изменение характера репрезентации проблемы миграции по мере развития «миграционного кризиса»: смещение от толерантности и выражения солидарности с беженцами к страху за безопасность [цит. по: Комарова 2020: 14]. В то же время исследования американских СМИ не столь многочисленны.

Концепт MIGRANT является значимым для американской лингвокультуры, так как демографический состав населения США формировался и продолжает формироваться на фоне постоянного притока мигрантов, особенно усилившегося в последние годы. Политика в отношении мигрантов неизменно остается одним из основных пунктов предвыборных программ кандидатов в президенты США. Для получения поддержки избирателей и последующей успешной реализации своих программ политики посредством СМИ оказывают активное воздействие на общественное сознание, выбирая те или иные репрезентанты концепта MIGRANT. Представляется актуальным рассмотреть тексты американских СМИ на предмет изменений в номинации концепта MIGRANT и предпринять попытку объяснения таких изменений.

Материалом исследования послужили медиатексты газеты The New York Times, которая является ведущим американским изданием с числом онлайн-подписчиков, превышающим 9 миллионов. Помимо влияния издания, выбор был обусловлен доступностью медиатекстов прошлых лет – архив публикаций позволил проанализировать медиатексты разных лет с 1981 по 2023 гг. Случайная выборка медиатекстов была составлена в результате поиска Google по запросу «The New York Times on migrants in [год, например, 1981]». Всего было проанализировано 413 номинаций концепта MIGRANT, при этом использовались методы контент-анализа и когнитивного анализа.

В результате проведенного анализа было выделено 5 ведущих номинаций концепта: *migrant* (134 случая использования в тексте), *immigrant* (99), *alien* (53), *refugee* (24), *asylum seeker* (12). Кроме того, в медиатекстах обнаружено 30 номинаций, которые использовались всего 1-3 раза, например, *newcomers*, *displaced persons*, *foreign-born people*, *undocumented / illegal residents*, *illegal entrants*, *foreign workers*, «*guest workers*» *from Mexico*, *noncitizens*, *border crossers*, *people of color coming to America* и др.

В связи с тем, что использование номинаций концепта MIGRANT исследовалось в диахроническом аспекте, представляет интерес распределение использования различных номинаций в разные периоды. Для наглядности представления данных из всей выборки медиатекстов далее мы продемонстрируем те, что относятся к 4 временным периодам: 1981 г., 1995 г., 2015 г., 2023 г. Для каждого из этих периодов можно выделить доминантный способ номинации концепта MIGRANT: *alien* в 1981 г., *immigrant* – в 1995 и 2015 гг., *migrant* – в 2023 г. Поскольку общее количество номинаций концепта в медиатекстах разных лет не совпадало, для четкой передачи общей картины возникла необходимость представить **процентное соотношение** использования различных номинаций концепта в медиатекстах выбранного года (см. Табл.).

Таблица. Использование различных номинаций концепта MIGRANT в медиатекстах The New York Times в разные годы, в%

Номинации	1981	1995	2015	2023
<i>immigrant</i>		63	74	1
<i>migrant</i>	10	5		71
<i>alien</i>	57	27		
<i>refugee</i>	13			3
<i>asylum seeker</i>	1			7
другое	19	5	26	18
	100	100	100	100

Как видим, за несколько десятилетий практически произошел отказ от использования лексемы *alien* для обозначения «инострнца, проживающего на территории страны, но не являющегося ее гражданином», в соответствии с определением Collins Dictionary. Одной из причин такого отказа видится ассоциативное поле, подчеркивающее чуждость индивида, обозначаемого данным термином. Тот же Collins Dictionary для использования *alien* в качестве прилагательного приводит дефиницию с еще большим количеством негативных коннотаций: «*belonging to a different country, race, or group, usually one you do not like or are frightened of*»,

«something that seems *strange* and perhaps *frightening*, because it is *not part of your normal experience*» (курсив мой – В.Б.) [Collins Dictionary: URL]. Таким образом, на примере газеты *The New York Times* мы видим нежелание медиа-издания подчеркивать инаковость, чуждость индивидов, прибывающих в страну с целью постоянного проживания. Кроме того, сложившееся в прежние годы устойчивое словосочетание *illegal alien* достраивает в сознании людей более старшего поколения образ мигранта как нарушителя закона: в вошедших в выборку медиатекстах 1981 г. из 35 использований лексемы *alien* более, чем в половине случаев (19 раз) она использовалась в сочетании с определением *illegal*.

Следует отметить «возврат» к использованию лексемы *alien* для обозначения мигрантов в период правления Д. Трампа в 2017–2021 гг.: через выбор языковых средств СМИ при репрезентации его антимиграционной политики авторы публикаций подчеркивают негативное, нетолерантное отношение президента к мигрантам.

ООН определяет иммигранта как лицо, остающееся или намеревающееся остаться в другой стране на срок более одного года [цит. по: Udina 2018: 583]. Другое, подобное этому, словарное определение также подчеркивает длительность пребывания в принимающей стране: a person who comes to a country in order to settle there [Collins Dictionary: URL]. Полагаем, что переход от активного употребления номинации *immigrant* к *migrant* также происходит с целью отсеечения некоторых передаваемых ею смыслов, в частности, отказа от идеи переселения с целью *постоянного* проживания в пользу *временного* перемещения с целью поиска работы. Активное привлечение иностранных граждан в страну администрацией Дж. Байдена проводится именно с целью заполнения имеющихся рабочих мест, так как США в настоящее время испытывают нехватку рабочей силы.

Как отмечает Г.Г. Слышкин, идеологизация концепта может происходить путем его обогащения желательными данному социальному институту ассоциациями и отторжения нежелательных, а также через стереотипизацию «путем постоянного повтора, манипуляции словарным значением, законодательной регламентации языкового узуса» [Слышкин 2005: 11, 17]. На примере номинаций концепта MIGRANT в американских СМИ нами была предпринята попытка в диахроническом аспекте продемонстрировать трансформации, происходящие в языке и объяснить происходящие трансформации идеологическими изменениями, направленными на формирование в общественном сознании «нового» образа мигранта, не связанного с чем-то незаконным и криминальным, не являющегося «чужим», пугающим или опасным, а просто временно перемещающимся через границу в поисках работы. Наряду с такой «позитивной» репрезентацией концепта современный медиадискурс использует номинации *refugee* и *asylum seeker*, а также богатый ассоциативный ряд для формирования отношения сострадания к людям, вынужденно покинувшим свое привычное место обитания вследствие грозящей им опасности в виде военных действий, природных катастроф и т. п. Формированию сочувственного, толерантного отношения к мигрантам способствует употребление в тексте двух номинаций вместе: *migrants seeking asylum, migrants applying for asylum*.

Представляется интересным продолжить исследование в данной области, соотнести репрезентации концепта MIGRANT в медиадискурсе и в политическом дискурсе в периоды правления разных президентов, более тесно соотнося политический курс с изменениями в языке. Кроме того, рамки этой статьи не позволили рассмотреть изменения в использовании лексем, характеризующих лиц, не имеющих законных оснований находиться в стране: от *illegal (alien, migrant, immigrant)* к *irregular / undocumented*.

Литература

- Комарова Е.В.* Репрезентация образа мигранта в современных медиа (на примере медиатекстов Великобритании) // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 21, № 1. С. 12-20.
- Мелешкина Е.Ю., Толтыгина О.А.* Использование образов советского прошлого в риторике «Справедливой России» и ЛДПР // Политическая наука. 2023. № 1. С. 92-112.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт и идеология // Известия ВГПУ. Серия: новое в науке о языке. 2005. № 1. С. 10-18.
- Хохлова С.Н.* Концепт «ПОК» (муз.) в прагмалингвистическом аспекте: влияние фактора адресата на репрезентацию концепта: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2015.
- Collins Dictionary. Alien. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/alien>.
- Collins Dictionary. Immigrant. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/immigrant>.
- Udina N.N., Stepanova V.* Language of International Migration: Terminology and Concept Analysis // European Research Studies Journal. 2018. No. 21 (3). Pp. 579-590.

Vera G. Besedina (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

TRANSFORMATIONS IN NOMINATIONS OF THE CONCEPT “MIGRANT” IN AMERICAN MASS MEDIA (BASED ON MEDIATEXTS FROM “THE NEW YORK TIMES”)

The article examines the change in the objectification of the MIGRANT concept in the American media in a diachronic aspect based on a selection of media texts from The New York Times published in 1981-2023. There is a decrease in the negative connotation of representations of the concept, more frequent use of the nomination of the concept MIGRANT to refer to citizens arriving in the country for permanent residence – immigrants.

Key words: MIGRANT concept, diachronic study, mediatext, shift in meaning, ideologization

Т.М. Большакова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
bolshakovatiana@gmail.com*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «SCHULE» («ШКОЛА») В НЕМЕЦКОМ ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование показало, что аксиологически нейтральное понятийное ядро концепта SCHULE подвергается трансформациям в текстах нормативного дискурса немецких начальных школ. Выявленные изменения, выражающиеся в конкретизации ряда понятийных признаков, отражают ценностно-нормативные установки адресантов-нормоотправителей, продуцирующих тексты для регуляции поведения младших школьников.

Ключевые слова: концепт ШКОЛА, функционирование концепта, вербализация концепта, нормативный дискурс

Школьный нормативный дискурс понимается как речемыслительная нормотворческая деятельность и как возникающая в процессе этой деятельности совокупность текстов различных жанров, основная коммуникативная цель которых заключается в нормативном регулировании поведения учащихся в рамках их институционального взаимодействия с другими субъектами воспитательно-образовательного процесса. Концепт SCHULE ‘школа’ имеет в указанном дискурсе статус базового и играет в нем дискурсообразующую роль. Целью настоящего исследования явилось описание особенностей функционирования концепта SCHULE, представленного набором соответствующих понятийных признаков, в нормативном дискурсе немецких начальных школ. Эмпирический материал исследования представлен текстами, манифестирующими речевой жанр *Schulregeln* ‘Правила поведения в школе’. Тексты в количестве 90 единиц были отобраны на официальных сайтах немецких начальных школ в 2022 г. Основными адресатами исследований текстов выступают младшие школьники.

Рассмотрим понятийную структуру концепта SCHULE (ср.: [Баженова, Шенкман 2013]). Согласно Электронному словарю немецкого языка, прямой номинант концепта SCHULE лексема *Schule* имеет шесть значений: 1) учебное заведение, в котором молодые люди школьного возраста получают под руководством учителей образование и воспитание, зависящие от целей, которые ставятся перед образованием в соответствующей общественной формации; 2) школьное здание; 3) занятия, уроки; 4) общность учителей и учеников; 5) художественное или научное направление, разработанное каким-либо мастером и представляемое его учениками; 6) название некоторых учебников, например, «Школа игры на скрипке» [Schule] (Здесь и далее перевод наш – Т.Б.).

Для описания особенностей функционирования концепта SCHULE в общем корпусе был выделен подкорпус из 55 текстов, содержащих такие паратекстовые элементы, как *Vorwort* ‘предисловие’, *Präambel* ‘преамбула’, вводные блоки в виде межфразовых единств или отдельных предложений, не имеющих специальных заголовков. Перечисленные выше композиционно-архитектонические единицы, предвеля основную информацию, занимают в структуре текстов сильную позицию (ср.: [Булатова 2019: 44]). Этот факт позволяет рассматривать лексему *Schule*, репрезентирующую изучаемый концепт, как смысловую доминанту текстов. Паратекстовые элементы играют на макроуровне роль эмоционально-рациональных обоснований комплекса нормативных требований, которые нормоуправители считают релевантными для своего учебного заведения.

Необходимо также отметить, что в некоторых текстах паратекстовые включения содержат блоки, отличающиеся друг от друга по критерию «отрицательно vs положительно маркированная модальность». В таких случаях отдельные предложения или межфразовые единства, выражающие констатацию факта (например, *Unsere Schule ist eine große Gemeinschaft von Kindern und Erwachsenen*. ‘Наша школа – это большая общность детей и взрослых’), предвеляют модально маркированные элементы и выполняют роль своеобразного введения к

тем фрагментам, которые содержат отдельные предложения или межфразовые единства, описывающие нормативный, идеальный школьный мир, создание которого возможно только в том случае, если будут выполняться предлагаемые далее правила. Идеальность данной модели взаимодействия маркируется модальным глаголом долженствования *sollen*, модальным глаголом желания *wollen*, глаголом *mögen* в форме сослагательного наклонения, выражающим значение 'хотеть', и другими лексико-грамматическими средствами.

Анализ отобранных паратекстовых элементов продемонстрировал актуализацию в нормативном дискурсе первого, второго и четвертого понятийных признаков концепта SCHULE, характеризующихся, как следует из словарной дефиниции, аксиологической нейтральностью. Будучи введенными в тексты, они усложняются, приобретая дополнительные ценностные смыслы (ср.: [Поздеева 2013: 6]). Так, во фрагментах-констатациях признак «школа – это учебное заведение, в котором получают образование и воспитание» расширяется за счет признака «жизнь», указывающего на роль школы как важной части повседневного существования детей и учителей, и признака «работа», указывающего на активную роль учителей и других сотрудников учебных заведений: *In unserer Wilhelm-Bock-Grundschule in Hagenburg lernen, leben und arbeiten viele Menschen zusammen. 'В нашей школе им. Вильгельма Бока в Хагенбурге вместе учатся, живут и работают много людей'*.

Понятийный признак «школа – это общность учителей и учеников» трансформируется в признак «школа – это общность, объединяющая многих (маленьких и взрослых) людей; это общность, объединяющая не только учителей и учеников, но и других людей, имеющих отношение к школе». Количественная оценка общности, передаваемая кванторным местоимением *viele* 'много, многие', подводит в дальнейших рассуждениях к важности соблюдения правил: *In unserer Schule sind viele Menschen zusammen. 'В нашей школе находятся вместе много людей'; In der Grundschule Wienhausen lernen und arbeiten jeden Tag viele kleine und große Menschen. 'В начальной школе Вингаузен учатся и работают каждый день много маленьких и взрослых людей'; In unserer Schule begegnen sich täglich viele Menschen: Lehrer, Schüler, Eltern, Betreuer, ehrenamtliche Mitarbeiter, Hausmeister, Sekretärin und Reinigungspersonal. 'В нашей школе ежедневно встречаются много людей: учителя, ученики, родители, воспитатели, волонтеры, завхоз, секретарь и уборщицы'*.

Признак «школа – это здание» дополняется признаком «место / здание, в котором много людей проводят много времени вместе». Введение темпоральных параметров *täglich* 'ежедневно', *viele Stunden* 'много часов' и др. в понятийное поле концепта отражает стремление нормоотправителей показать многомерность и сложность школьной жизни, организация которой невозможна без соответствующих правил: *Unsere Schule ist ein Ort, an dem viele Kinder und Erwachsene fast täglich einen großen Teil des Tages miteinander verbringen. 'Наша школа – это место, в котором много детей и взрослых почти ежедневно проводят вместе большую часть дня'; Unsere Schule ist ein Gebäude, in dem viele Menschen viele*

Stunden gemeinsam verbringen. 'Наша школа – это здание, в котором много людей вместе проводят много часов'.

Модель идеального, желаемого школьного мира в модально маркированных текстовых блоках конкретизируется с помощью целого ряда понятийных признаков, получающих в текстах статус провозглашаемых ценностей. К ним относятся такие, как, например:

- школа – это место, в котором все хотят/должны хорошо относиться друг к другу: *In unserer Schule wollen wir ein gutes Miteinander haben;*

- школа – это место, в котором должны царить мир, покой, радость, место, в котором дети чувствуют себя безопасно: *In unserer Schule soll es friedlich sein. 'В нашей школе должен царить мир'; Wir möchten, dass alle gerne zur Schule kommen und sich hier sicher und wohl fühlen. 'Мы хотели бы, чтобы все охотно приходило бы в школу и чувствовало себя здесь безопасно и комфортно';*

- школа – это место, где дети должны иметь возможность не просто учиться, а учиться хорошо, радостно, спокойно: *Unsere Schule ist ein Ort, an dem wir alle in Ruhe und mit Freude in einer Gemeinschaft lernen und arbeiten wollen. 'Наша школа – это место, в котором мы все сообща хотим спокойно и радостно учиться и работать'; Alle Kinder sollen sich wohlfühlen und gut lernen können. 'Все дети должны чувствовать себя комфортно и иметь возможность хорошо учиться';*

- школа – это место, в котором дети должны иметь возможность не только учиться, но и играть: *Wir wünschen uns, dass sich alle Kinder an unserer Schule wohl fühlen und ungestört lernen und spielen können. 'Мы хотим, чтобы все дети в нашей школе чувствовали бы себя комфортно и могли бы спокойно учиться и играть'.*

Следует отметить, что понятийный признак «школа – это место, в котором все хотят/должны чувствовать себя комфортно, быть довольными» (например: *Alle möchten sich in der Schule wohlfühlen. 'Все хотели бы чувствовать себя в школе комфортно'; Wir wollen eine Schule sein, in der sich alle wohl fühlen. 'Мы хотим быть школой, в которой все чувствуют себя комфортно'.*) обладает высокой частотностью, что свидетельствует о его приоритетном нормативном статусе в анализируемом дискурсе.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Нормативный дискурс начальных школ в современной Германии предлагает особую систему объективации знания о школе, которая отражает культурно-ценностные приоритеты, принятые как в отдельных учебных заведениях, так и в системе начального школьного образования в целом. Возрастные параметры адресатов, определяющие их когнитивно-психологические особенности и специфику ценностной картины мира, а также выполняемая ими социальная роль нормополучателей детерминируют модус реализации нормативных интенций адресантов, что находит отчетливое выражение в подходах к вербализации концепта SCHULE. Аксиологически нейтральные понятийные признаки концепта подвергаются трансформации и приобретают характер понятийно-ценностных, доступных для понимания детьми младшего школьного возраста.

Литература

- Баженова Е.А., Шенкман В.И. Номинативное поле концепта *школа* // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 91-97.
- Булатова Э.В. Дискурсивный концепт «огонь» в современной медиакommunikации // Горизонты цивилизации. 2019. № 10. С. 42-66.
- Поздеева Н.С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта одиночество: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2013.
- Schule. URL: <https://www.dwds.de/wb/Schule>.

Tatiana M. Bolshakova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT “SCHULE” (‘SCHOOL’) IN GERMAN SCHOOL NORMATIVE DISCOURSE

It has been showed that the axiologically neutral conceptual core of the concept SCHULE undergoes transformations in the texts of the normative discourse of German primary schools. These changes, expressed in the concretization of some conceptual features, reflect the value and normative attitudes of the norm senders who produce texts to regulate the behavior of younger schoolchildren.

Key words: concept SCHULE, implementation of concept, verbalization of concept, normative discourse

А.И. Бочкарев (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
arsentiy_87@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ‘PUB’ КАК ЗНАЧИМОЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье изучаются антиценности, кристаллизующиеся в пространственно-временном континууме ‘pub’. Определено, что к данным антиценностям относятся похоть и негативный эскапизм. Также выявляются основные стереотипные персонажи рассматриваемого пространства, а именно: доверчивая девушка и пьющий ирландец.

Ключевые слова: антиценности, аксиологическое пространство, стереотипы, комический дискурс, концепты

Введение

В нашем исследовании мы разрабатываем и применяем лингвоаксиологический подход, в основе которого лежит методология когнитивной лингвистики и психолингвистики, при этом «в фокусе исследования находятся не только вербальные средства оценки, но и невербальные (эмоциональные) оценочные средства» [Бочкарев 2023: 25]. В данной статье полужирным курсивом выделены комически значимые высказывания. В тех произведениях, где присутствует смех, именно он определяет комичность высказываний. В анекдотах комически значимым высказыванием принято считать развязку (одно-два предложения в конце шутки) [Attardo 1994: 98].

Одним из ключевых выводов нашего исследования является то, что ценности и антиценности могут кристаллизоваться в определенных предметах и про-

странственно-временных континуумах. К таким континуумам в рамках комического дискурса относится паб. Под кристаллизацией ценностей и антиценностей в предметах и местах мы понимаем устойчивые ассоциации и ожидание проявления соответствующих аксиологических явлений у носителей соответствующей лингвокультуры, которые возникают у них при актуализации определенного предмета или места. У этой идеи есть определенные предпосылки. Основной предпосылкой является наблюдение о стереотипизации определенных личностей в комическом дискурсе и об использовании клишированных высказываний в зачине анекдотов. Исследователи отмечают, что в комическом дискурсе за определенными этносами закреплены конкретные стереотипные характеристики [Кулинич 1999]. Более того, определенные исторические личности или художественные персонажи также получают определенный набор характеристик в комическом дискурсе, при этом данные характеристики могут быть присущи как соответствующим персонажам в других типах дискурса, так и быть характерными для них только в рамках комического дискурса [Шмелева, Шмелев 2002]. Также замечено, что за определенными персонажами закреплены конкретные атрибуты, например, для нового русского характерны красный пиджак, золотая цепь и т. д. [там же: 138]. Развивая эту идею, можно прийти к выводу, что красный / малиновый пиджак ассоциируется с богатством и отсутствием вкуса. Устойчивая связь определенных мест и соответствующих стереотипных персонажей также устанавливается исследователями. Так, Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев отмечают, что серии анекдотов связаны с определенными клише, например, «Приходит муж домой...» или «На необитаемом острове оказались X, Y и русский» [там же: 135]. В свою очередь, М.А. Кулинич отмечает, что анекдоты, начинающиеся с клишированных фраз типа «Однажды русский, немец / француз / англичанин / американец летели на самолете...» связаны с проявлением этнического стереотипа [Кулинич 1999: 53]. Развивая представленную идею, можно прийти к выводу, что присутствие людей разных национальностей в замкнутом пространстве (самолет, остров и т. д.) приводит к актуализации соответствующего стереотипного поведения. Также важным наблюдением, лежащим в основе предлагаемой нами идеи, является установленная связь между такой антиценностью как жестокость и пространственно-временным континуумом «Третий Рейх». Проведенный Р. Херцогом анализ шуток, в которых актуализируется Третий Рейх, показывает, что большинство из них связано с концептом жестокость [Herzog 2011]. Соответственно, можно заключить, что одни пространственно-временные континуумы имеют устойчивую связь с определенными ценностями и антиценностями, в том числе и в комическом дискурсе. Подобное стандартное сочетание мест с персонажами приводит к тому, что само место начинает ассоциироваться с теми или иными ценностями или антиценностями, которые часто актуализируются в этом месте.

Кристаллизация антиценностей в пространственно-временном континууме 'pub'

Мы определяем 'pub' как пространственно-временной континуум, так как подавляющее большинство ценностно значимых событий осуществляется в этом

месте поздним вечером или ночью, т. е. кристаллизация антиценностей осуществляется в определенном месте и в определенный промежуток времени. При этом в ряде случаев могут описываться действия, которые происходят в пабе днем, но паб в дневное время не имеет какой-либо устойчивой связи с какими-либо антиценностями.

В пространственно-временном континууме 'pub' в комическом дискурсе кристаллизованы такие антиценности как похоть и негативный эскапизм. Следует также отметить, что к пространственно-временному континууму 'pub' относится такой стереотипный персонаж как доверчивая девушка, которая является объектом похоти. Кроме того, в британской лингвокультуре характерным посетителем пабов является стереотипный ирландец.

Пространственно-временной континуум 'pub' не просто связан с концептом 'lust', в комическом дискурсе он является основным местом, которое связано с актуализацией этого концепта: Leonard: *Should we talk to some of these women?* Howard: *It's way too early in the night for that. See, first we let the lawyers and the jocks thin the herd, and then we go after the weak and the old and the lame.* Leonard: *That's your system?* Howard: *That's my system. Oh, and if you spot a chick with a Seeing Eye dog, she's mine* [The Big Bang Theory. The Hofstadter Isotope]. В этом примере герои пришли в бар, чтобы познакомиться с девушками. Комизм ситуации основан на нестандартном подходе одного из героев, а именно: знакомиться с наименее привлекательными девушками. Таким образом, похоть заключается в желании интимных отношений любого качества.

Проявление негативного эскапизма в баре связано с пьянством. Более того, паб является основным местом, ассоциирующимся с пьянством: Narrator: *Now I remember a lot of stories from back in the days before I met your mother. But there's one story I don't remember. Uncle Marshall still refers to it as "the pineapple incident" The night started like any other. We were downstairs at the bar...* Marshall: *You okay?* Ted: *Sure. Why?* Marshall: *Oh, I don't know. Girl of your dreams dating a billionaire...* All: *Drink, drink...* Ted: *This is a super brain. This brain is unstoppable. This brain... And that's all I remember* [How I Met Your Mother. The Pineapple Incident]. В приведенном примере желание главного героя напиться до беспамятства обусловлено тем, что его возлюбленная вступила в романтические отношения с другим человеком, который богаче главного героя.

Закрепленность данных антиценностей за пространственно-временным континуумом 'pub' также подтверждается тем, что словосочетание *pub conversation* ассоциируется с этими антиценностями: *Had you had the conversation the pub conversation? The classic pub conversation? If you had to sleep with a man who would it be?... If you had to sleep with a man who would it be? Well, I wouldn't so it won't be any one Well if you had to who would it be? Well, I wouldn't so it won't be any one ... But if you had to? Well... Puff!* [Carr 2011]. С точки зрения адресанта, классическим разговором в пабе является разговор об изменении сексуальной ориентации человека при определенных обстоятельствах, т. е. разговор, в котором актуализируется концепт LUST.

Стереотип доверчивая девушка выступает в качестве объекта похоти и соглашается на действия сексуального характера при помощи очевидного обмана: *A woman entered a pub and saw a haggard looking soldier sitting at the bar. She approached him and asked if everything was all right. The soldier said, I haven't had sex since 2014. The woman replied, Wow that's a long time. How about I get your tab and you come back to my hotel? They went to her hotel room and made passionate love for a solid two hours. Wow!, said the soldier. That's the best sex I've had all night! The woman went, Wait a minute. You told me you hadn't had sex since 2014. The soldier replied, Yes, ma'am. That's true. Now it's 2355!* [Upjoke.com. Pub Jokes]. В представленном анекдоте объект похоти соглашается на действия сексуального характера вследствие очевидного обмана (вера в то, что у незнакомого человека давно не было секса), который субъект похоти трансформирует в недопонимание (фраза since 2014 соотносится не с годом, а со временем).

В британской лингвокультуре ирландцам приписывается негативный эскапизм, основным местом актуализации которого является паб: *An Irishman's been drinking at a pub all night. When he stands up to leave, he falls flat on his face. He tries to stand one more time, but to no avail. Again, he falls flat on his face. He figures he'll crawl outside and get some fresh air and maybe that will sober him up. ... He awakens the next morning to his wife standing over him, shouting, So, you've been out drinking again! Why do you say that? he asks innocently. The pub called. You left your wheelchair there again* [Upjoke.com. Pub Jokes]. В приведенном анекдоте ирландец напивается до такой степени, что забывает о своей инвалидности, которая он принимает за последствия от злоупотребления спиртными напитками. В итоге выясняется, что такое с ним происходит периодически.

Заключение

Нами были проанализированы особенности кристаллизации антиценностей в пространственно-временном континууме 'pub'. К основным антиценностям данного пространства относятся негативный эскапизм и похоть. Более того, определено, что паб выступает в качестве основного места, которое связано с актуализацией концепта 'lust'. Стереотипными персонажами пабов являются доверчивая девушка и пьющий ирландец.

Перспективой дальнейшего исследования является изучение других пространственно-временных континуумов, в которых кристаллизуются различные ценности и антиценности.

Литература

- Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 24-35.
- Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Attardo S. Linguistic theories of humor. New York: Mouton de Gruyter, 1994.
- Herzog R. Dead Funny: Humor in Hitler's Germany. New York: Melville House, 2011.

*Arsentiy I. Bochkarev (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

THE SPACE-TIME CONTINUUM 'PUB' AS A SIGNIFICANT AXIOLOGICAL SPACE OF CONTEMPORARY HUMOROUS DISCOURSE

The present article studies the anti-values crystallizing in the space-time continuum 'pub'. The author figures out that these anti-values include such phenomena as lust and negative escapism. The main stereotypical characters of the space-time continuum are also identified. They are a gullible girl and a drinking Irishman.

Key words: anti-values, axiological space, stereotypes, humorous discourse, concepts

*Т.В. Бурдаева (Самара, Россия)
Самарский государственный университет путей сообщения
t-burdaeva@mail.ru*

ПРИНЦИП ПРОТОТИПИЧНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «АТРИБУТИВНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Исследуется синтаксический концепт АТРИБУТИВНОСТЬ с точки зрения его организации по принципу прототипичности в немецких научно-гуманитарных текстах. Концепт репрезентируется различными моделями сложноподчиненного предложения с определительным придаточным и их вариантами, выражающими категорию атрибутивности. Выявляется структура концепта посредством когнитивно-прагматических ситуаций.

Ключевые слова: определительное придаточное предложение, синтаксический концепт, атрибутивность, когнитивно-прагматическая ситуация, протипичность

Сегодня принцип прототипичности, разработанный в рамках теории прототипов, применяется во многих лингвистических исследованиях с целью категоризации разноуровневых языковых единиц. С начала 1990-х гг. XX в. в лингвистику внедряется понятие «синтаксический прототип» [Fabricius-Hansen 1992], под которым понимается модель или структура предложения, наиболее частотная и содержащая универсальные, инвариантные признаки [Бурдаева 2002: 55]. Традиционный подход к исследованию синтаксических прототипов помогает объяснить принципы функционирования и варьирования синтаксических единиц в естественном языке. Например, благодаря разделению прототипов на базовые, центральные и периферийные можно выявить статистику употребления моделей сложноподчиненных предложений и их вариантов, а также семантику союзов и союзных слов, типичных как для одного типа СПП, так и для других типов СПП, функционирующих в текстах разных жанров [Kostrowa 1998; Бурдаева 2002].

Современные когнитивные исследования языковых явлений, в основу которых положен принцип прототипичности, позволяют расширить представление о теории прототипов и ее роли в категоризации объектов и явлений окружающего мира и их отнесении к тому или иному классу. С собственно когнитивной точки зрения прототип отождествляется с концептом, формирующим определенные ка-

тегории и определяющим ее содержание [Болдырев 2021: 130]. Исходя из принципа прототипичности и выделенных трех уровней категоризации: базового, высшего (суперординантного) и низшего (субординантного) можно построить иерархию концептов, «получающую свое отражение в семантике репрезентирующих их языковых единиц и обуславливающую их закрепление за определенными уровнями языковой категоризации» [там же: 141]. Организация языковых единиц по уровням с традиционной точки зрения показывает расположение этих единиц в структуре соответствующей категории, а в задачи современной лингвистики входит определение роли тех или иных языковых единиц в структуре языкового сознания как элементов, тяготеющих к базовому либо обобщенному, либо детализирующему уровню [там же].

Принцип прототипичности используется также в организации и интерпретации синтаксических концептов, как и любых других видов концептов. Под синтаксическим концептом мы понимаем «единицу знания о мире, объективируемую структурной моделью предложения (простого или сложного), которой присваивается некое типовое значение. Это значение выражает определенные семантические отношения между описываемыми событиями» [Бурдаева 2023: 825]. Каким образом структурируется концепт в сознании индивида и как происходит взаимодействие ментальной деятельности индивида с выбором находящихся в его распоряжении языковых средств для производства высказывания в конкретной концептуальной области по принципу прототипичности – эти вопросы и формируют *цель* данной статьи. Поскольку рамки статьи ограничены, покажем на примере синтаксического концепта АТРИБУТИВНОСТЬ, как организуется этот концепт по принципу прототипичности. Для достижения поставленной цели была произведена выборка СПП с определительными придаточными предложениями из немецких научно-гуманитарных статей лингвистической тематики (2007–2022 гг.) в количестве 1267 СПП, в том числе 1964 определительных придаточных.

Синтаксический концепт АТРИБУТИВНОСТЬ репрезентируется различными средствами, которые организуются в категорию атрибутивности на основе выявления прототипичных и периферийных свойств категории. Одним из таковых средств является СПП с определительными придаточными (далее СПП_{At}), которое, согласно вышеприведенным уровням категоризации, относится к базовому уровню. На суперординантном уровне выделяется категория подчинения, выражающаяся в передаче атрибутивных отношений. К субординантному уровню относятся варианты модели СПП_{At}, в которых употребляются разные средства подчинения. Структура концепта АТРИБУТИВНОСТЬ определяется методом когнитивно-прагматического ситуативного моделирования, с помощью которого на субординантном уровне выделяются когнитивно-прагматические ситуации, характеризующиеся как «конструктивные когнитивно-семантические единицы, в которых типизируются способы представления связей объектов мысленного отражения с их языковым выражением в соответствии с задачами, определяемыми коммуникативным регистром» [Бурдаева 2023: 826].

Концепт АТРИБУТИВНОСТЬ вербализуется различными синтаксическими

моделями СПП_{At}. Инвариантная модель, выделяемая на суперординантном уровне, представлена моделью $S+P...$, подчинительное средство + $S+P...$, в качестве базовых прототипичных моделей выступают следующие: $S+P...$, относительные местоимения на $d-$ + $S+P...$; $S+P...$, союзные слова на $w-$ + $S+P...$; $S+P...$, союзы + $S+P...$. На субординантном уровне выделяются прототипичные варианты модели СПП_{At}: $S+P+A_{Sub}/O_{Sub}$, $d-$ (S)+P... либо ...+P+S+A/O_{Sub}, $d-$ (S)+P... либо $S+P+A_{Sub}/O_{Sub}$, *Präp* $d-$ (S)+P..., которые составляют 86,9% от всего числа СПП_{At}. Модели СПП_{At} $S+P+A_{Sub}/O_{Sub}$, $w-$ (S)+P..., в которых способом связи между главным и придаточным предложениями являются союзные слова на $w-$, также образуют прототипичные варианты, а их число составляет 5,4%. Число СПП_{At}, построенных по модели $S+P+A_{Sub}/O_{Sub}$, *dass* $S+P...$, где придаточные предложения вводятся союзом *dass*, составляет 6,2%. Эту модель можно также рассматривать в качестве прототипичного варианта исходной модели, равно как и модели $S+P+A_{Sub}/O_{Sub}$, *ob* $S+P...$ в СПП_{At} (1,1%), и (S)+P+O_{Sub}, *wenn* $S+P...$ (0,4%). Что касается модели СПП_{At} с союзом *wenn*, то здесь исходя из формальных признаков можно говорить о пограничном случае перехода данной модели в ряд моделей СПП с условными придаточными предложениями и переходе концепта АТРИБУТИВНОСТЬ в концепт КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ. Данные модели менее характерны для научно-гуманитарных текстов, поэтому они относятся к периферии и имеют тенденцию переходить в ранг непрототипичных.

Поскольку в обследованном нами материале ядро концепта АТРИБУТИВНОСТЬ составляют СПП с относительными придаточными (далее СПП_{Relativ}), вводимыми относительными местоимениями на $d-$, то типология когнитивно-прагматических ситуаций строится главным образом на базе данной прототипичной модели. В основу типологизации ситуаций положена классификация СПП_{Relativ} Г.-В. Эромса, в соответствии с которой когнитивно-прагматические ситуации различаются по трем типам: 1) рестриктивному, 2) аппозитивному и 3) континуативному [Eroms 2000: 290-291].

В когнитивно-прагматических ситуациях рестриктивного типа (34,7%) речь идет о новой информации, которая предназначена для однозначной дефиниции определяемого компонента именной фразы и ограничения расширения понятия. В этом блоке выделяются ситуации, выражающие характеристику предметов, объектов, явлений (1) *Idiom (8) führt vermutlich auf alte Fabeltraditionen seit der Antike zurück, die sich durch das «Panchatantra» (z. T. aus dem 2. Jahrhundert v. Chr.) in indischen, arabischen und europäischen Kulturräumen ausbreiteten* [Piirainen 2008: 124]; (2) *Für Diskurse unterschiedlichen Typs kann dann ein je spezifisches Kommunikationsformenprofil rekonstruiert werden, durch das hindurch gesellschaftliches Wissen je unterschiedlich konstituiert und sichtbar wird* [Meiler 2014: 108] и содержащие описание предметов, объектов, явлений; (3) *In dieser topischen Form wird das Gedicht tatsächlich jenes literarische monument mobile, das sich in Schleifen, Rückwärtsbewegungen, Neueinsätzen, Übersprüngen, Leere und Brüchen bewegt* [Demuth 2008: 137]; (4) *Bei aber findet man gelegentlich Gebrauchsweisen, bei denen das zweite Kommet eher die GEGENBEDINGUNG als die FOLGE zu kodieren scheint* [Blühdorn, Golubeva 2007: 87].

Аппозитивный тип (62,9%) ситуаций характеризуется представлением дополнительной информации и возможностью употребления главного предложения как законченного самостоятельного. В этом блоке представлены ситуации уточнения (как детализированной информации) (5) *Kleinräumig gültige Idiome, die auf dialektale Elemente zurückführen, gibt es daher in den regionalen Umgangssprachen zu Tausenden* [Pirainen 2008: 118], пояснения (как названия одного и того же предмета другими словами); (6) *Speyer plädiert für eine Voranstellung des je-Satzes, die er als Linksversetzung behandelt und bezeichnet* [Meinunger 2018: 9], и комментария; (7) *Sprachraum, Medienraum, Ortsraum – RaumPoeme sollen von diesem vielschichtigen Zusammenspiel ein Bewusstsein in sich anreichern und abbilden, das den aktuellen Lebenslagen von Bewohnern mehrerer unterschiedlicher Räume entspricht* [Demuth 2008: 139].

Ситуации континуативного типа (2,4%) также содержат второстепенную информацию, однако в отличие от ситуаций аппозитивного типа событие в придаточной части совершается в более поздний период времени, чем событие в главной части. По нашим наблюдениям, в научно-гуманитарных текстах данный тип ситуаций находится на периферии, поэтому в настоящей работе они не анализируются.

Таким образом, синтаксический концепт АТРИБУТИВНОСТЬ вербализуется посредством прототипичных моделей СПП_{At} и их вариантов. Концепт структурируется доминантной моделью СПП_{Relativ}, в которой придаточное вводится относительным местоимением на *d-*, и интерпретируется в когнитивно-прагматических ситуациях рестриктивного и аппозитивного типов (характеристика, описание, уточнение, пояснение и комментарий). Используя принцип протипичности, возможно выстроить иерархию синтаксических концептов, выражающихся разными языковыми единицами, организующимися в соответствующую категорию.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Бурдаева Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка как родного и иностранного): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.
- Бурдаева Т.В. Принцип иерархичности в репрезентации синтаксического концепта КАУЗАЛЬНОСТЬ (на материале немецкого научного текста) // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 825-829.
- Blühdorn H., Golubeva N.A. Konzessivkonnectoren und ihre morphologischen Bestandteile im Deutschen und im Russischen // DAS WORT. Germanistisches Jahrbuch Russland. 2007. S. 77-100.
- Demuth V. RaumPoem. Lyrik in medialer Installation // DAS WORT. Germanistisches Jahrbuch Russland. 2008. S. 131-142.
- Eroms H.-W. Syntax der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000.
- Fabricius-Hansen C. Subordination // Ansichten und Aussichten. Berlin; New York: de Gruyter, 1992. S. 458-483.
- Kostrowa O.A. Satz und Äußerung: einfach und komplex. Lehrwerk zum Spezialkurs. Samara: Verlag der Pädagogischen Universität, 1998.
- Meiler M. Diskurse – Medien – Dispositive oder Die Situationen des Diskurses. Anmerkungen zur postfoucaultschen Diskussion um die Medialität von Diskursen // Linguistik online. 2014. B. 67,

5. 2014. S. 85-131.

Meinunger A. Je-desto-Satzgefüge als kanonische Verb-zweit-Sätze // ZAS Papers in Linguistics. 2018. B. 59. S. 1-20.

Piirainen E. Phraseologie und Areallinguistik: ein interdisziplinärer Forschungsansatz // DAS WORT. Germanistisches Jahrbuch Russland. 2008. S. 115-128.

Tatyana V. Burdaeva (Samara, Russia)
Samara State Transport University

**THE PRINCIPLE OF PROTOTYPICALITY
IN THE CONSTRUCTION OF SYNTACTIC CONCEPT “ATTRIBUTION”
(BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)**

The paper addresses the problem of a syntactic concept ATTRIBUTION which is studied according to the principle of prototypicality. A represent of this concept are patterns of relative clauses found in German scientific texts in the Humanities. The structure of the concept is revealed by cognitive-pragmatic situations.

Key words: relative clause, syntactic concept, attribution, cognitive-pragmatic situation, prototypicality

Ван Тяньцзяо (Китай)
Юго-Западный университет Цзяотун
931515224@qq.com

**КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОНЯТИЯ «ДОБРО»
В ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ИДИОМ)**

В статье осуществляется анализ когнитивных моделей понятия «добро» в его концептуализации на материале китайских фразеологизмов. Показано, что в сознании китайских людей добро может быть не только метафорически представлено как вода и самое хорошее место, но и заменено добрыми поступками. Доказано, что основное содержание ключевых идей китайской ЯКМ типа «добра» остается без изменений в меняющемся мире.

Ключевые слова: когнитивные модели, концептуализация, концептуальные метафоры и метонимии, понятие «добро», китайские идиомы, китайская языковая картина мира

Статья посвящена рассмотрению когнитивных моделей понятия «добро» в его концептуализации на примерах китайских идиом. Целью исследования является построение когнитивных моделей понятия «добро», отображенных в китайских идиомах с компонентом *добро*, и описание его концептуальных характеристик, воплощенных в этих языковых единицах.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) определение особо важного места этической идеи «добро» в китайской языковой картине мира (ЯКМ); 2) указание ключевой роли идиом в выражении этнически обусловленных культурных концептов; 3) создание когнитивных моделей, запечатленных в китайских фразеологических единицах со словом *добро*.

В качестве методов исследования используются следующие методы: метод когнитивно-семантического анализа, метод фразеологического анализа и методика концептуального анализа.

Факт, что в быстро меняющемся мире появляются немало новых реалий, которые в абсолютном большинстве случаев имеют тесные связи с ключевыми идеями китайской ЯКМ и на их основе активно развиваются, дает нам возможность рассмотреть когнитивные модели понятия «добро» в его концептуализации на материале китайских фразеологизмов.

Тот, кто имеет дело с когнитивными исследованиями по проблемам морали, очень хорошо знает, что понятие «добро» совместно с другими концептами подобного рода занимает центральную позицию в национальной картине мира китайского народа. Это можно объяснить тем, что оно, по сути своей, представляется прототипом и образцом в этической составляющей китайской ЯКМ [Ван Тяньцзяо 2021: 61]. Это во-первых. А во-вторых, оно находится на базисном, среднем уровне категоризации в рамках этики и входит в ядро идеи «внимание к нюансам человеческих отношений» [Зализняк и др. 2005: 11]. В-третьих, в учениях Конфуцианства оно подразумевает «очень хорошо» и метафорически считается как крайнее место, где естественно проявляют себя принципы всех вещей [Цзэн И 2018: 355-356]. В-четвертых, оно является не только стандартом и ориентиром морали, но и ее самым высоким требованием к людям [Liu Yunlin, Shu Tingting 2021: 220]. Концепт «добро» нравственного характера, таким образом, оказывается в фокусе нашего исследовательского интереса.

Рассмотрим роль идиом в воплощении национально-культурных концептов китайской ЯКМ. Итак, с одной стороны, в китайских фразеологизмах не только отражаются общечеловеческие представления и некоторые специфические черты менталитета носителей китайского языка [Алешин 2005: 155-156], но и хранятся их многовековая история с большим стандартизированным опытом и система обычаев, традиций, обрядов и ритуалов [Ван Тяньцзяо 2023: 830-831], а также проявляются уникальные способы когнитивного структурирования знаний о мире и о человеке в этом мире. С другой стороны, фразеологизм обладает свойством производить своеобразный смысл, так что его общее значение не выводится кумулятивным путем из самостоятельных значений каждого слова, в него входящего [Верещагин, Костомаров 2005: 174]. Здесь укажем, что китайские идиомы имеют определенную форму, т. е. состоят обычно из четырех иероглифов. В этом отношении те фразеологизмы, в состав которых входит иероглиф 善 (*шань*), являющийся языковым репрезентантом концепта «добро», служат языковым материалом для создания когнитивных моделей этого концепта.

Что касается когнитивных моделей, то необходимо указать их настоящую сущность, которая в научной парадигме когнитивной лингвистики заключается прежде всего в четырех познавательных стратегиях: пропозициональная структура, имидж-схематическая структура, метафорический перенос и метонимический перенос [Lakoff 1987: 68]. С учетом ограниченного объема статьи, наше исследовательское внимание обращено лишь на метафорический перенос и метонимический перенос. В рамках когнитивистики метафоризация определяется как понимание и переживание явления одного вида в терминах явления другого вида, а метонимизация понимается как осмысление некоторого аспекта одного концепта в терминах других сторон этого концепта [Радбиль 2017: 103-104]. Это

и служит теоретической базой для построения когнитивных моделей концепта «добро», выраженных в китайских идиомах со словом *добро*.

Первая когнитивная модель – это концептуальная метафора «добро = вода», воплощенная в китайских идиомах 上善若水 (*шан шань жо шуй* – *высокое добро как вода*) и 从善如流 (*цун шань жу лю* – *принятие добра со скоростью текущей воды*). Первая идиома проявилась по происхождению в «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства») и подразумевает, что абсолютное добро обладает признаками воды типа «принесения пользы», потому что в китайской культуре вода всем вещам приносит только пользу. А вторая идиома проявилась по происхождению в «Цзо чжуань – Восьмой год царя Чэня» и подразумевает, что нужно принять добро от других со скоростью текущей воды, потому что в китайской ЯКМ вода всегда очень быстро течет вперед. Все это лежит в основе метафорического представления добра как воды. Кроме того, в этих фразеологизмах иероглифы, такие как 水 (*шуй* – *вода*) и 流 (*лю* – *течь*), являющиеся языковыми репрезентантами «воды» и входящие при этом в ее лексико-семантическое поле, сочетаются со словом 善 (*шань* – *добро*), выступающим в качестве языкового выражения «добра», в результате чего добру приписаны характеристики воды, такие как «принесение пользы» и «большая скорость». Здесь стоит отметить, что внутренняя форма вышперечисленных фразеологических единиц не только мотивирует их реальные значения, но и позволяет нам говорить о добре как о воде.

Вторая когнитивная модель — это концептуальная метафора «добро = самое лучшее место», выраженная в следующих китайских фразеологизмах о добре: 止于至善 (*чжи юй чжи шань* – *остановиться на абсолютном добре*), 日臻完善 (*жи чжэнь вань шань* – *ежедневно приблизиться к идеальному добру*) и 首善之地 (*шоу шань чжи ди* – *место главного/первого добра*). Эти фразеологизмы наглядно показывают, что суть метафорического рассмотрения добра как самого лучшего места составляют семантические особенности и синтаксические конструкции этих языковых единиц. Поскольку, с одной стороны, в этих единицах слова, такие как 止 (*остановиться на*), 臻 (*приблизиться к*) и 地 (*место*), использованные преимущественно для описания разных признаков и функций «места» и включаемые тем самым в его лексико-семантическую группу, сочетаются с иероглифом 善 (*добро*), являющимся языковым выражением нравственного понятия «добро». С другой стороны, в этих идиомах сочетание существенного 善 (*добра*) с прилагательными 至 (*абсолютным*), 完 (*идеальным*) и 首 (*главным / первым*) дает нам возможность говорить о добре как о самом лучшем месте. В связи с этим можно сказать, что в сознании китайского народа добро метафорически определяется как самое лучшее место, и поэтому становится конечным пунктом назначения.

Третья когнитивная модель — это концептуальная метонимия «добрые поступки вместо добра», отображенная в следующих китайских идиомах с иероглифом 善 (*добро*): 乐善好施 (*лэ шань хао ши* – *радоваться добрым поступкам*)

и любить их совершить), 见善则迁 (цзянь шань цзэ цян – увидать добрые поступки и их совершить собираться), 与人为善 (юй жэнь вэй шань – одобрить совершить другим добрые поступки) и 积善之家 (цзи шань чжи цзя – любящая скопить / совершить добрые поступки семья). Здесь мы очень хорошо видим, что в создании модели «добрые поступки вместо добра» немаловажную роль играют значения вышперечисленных фразеологизмов, в которых иероглиф 善 (добро) обозначает не столько абстрактное добро, сколько конкретные добрые поступки, и поэтому является их языковым воплощением. Кроме того, в этической составляющей китайской ЯКМ понятие «добро» само по себе представляет собой довольно сложное ментальное образование, включающее ряд важнейших для него составляющих элементов, из которых фундаментальными и образцовыми определяются «добрые поступки», в соответствии с чем добро может быть обозначено добрыми поступками в сознании говорящих на китайском языке. Здесь отметим, что модель «добрые поступки вместо добра» по сути своей относится к более общей модели «часть концепта вместо самого концепта» [Lakoff, Johnson 1980: 37].

В заключение подчеркнем, что в ходе исследования когнитивных моделей понятия «добро», закрепленных за китайскими идиомами с компонентом *добро*, мы получаем возможность рассмотреть некоторые уникальные представления о добре: в китайской ЯКМ добро может быть не только метафорически рассмотрено как вода и самое лучшее место, но и обозначено своими ключевыми прототипами типа «добрых поступков». Мы, таким образом, имеем основание полагать, что фундаментальные и образцовые характеристики национально-культурных концептов, которые имеют тесные связи с новыми реалиями, появляющимися в очень быстро меняющемся мире, остаются без изменений.

Литература

- Алешин А.С. Паремии, вербализующие концепт «ЛЮБОВЬ» в шведском, немецком, английском и русском языках (лингвокультурологический аспект) // Паремнология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под. ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2005.
- Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация лексемы *добро* в русской и китайской лингвокультуре // Вестник ЮУрГУ. Серия: лингвистика. 2021. № 4. С. 61-65.
- Ван Тяньцзяо. Модели когнитивных метафор в русской фразеологии со значением любви // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4. С. 829-834.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2017.
- Цзэн И. Этика конфуцианства и китайское общество. Шанхай, 2018.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.
- Liu Yunlin, Shu Tingting. The Dimensions of Moral Good and the Ways of Its Realization // Jianghai Academic Journal. 2022. No. 2. Pp. 220-226.

**COGNITIVE MODELS OF THE NOTION OF GOOD
IN ITS CONCEPTUALIZATION BASED ON CHINESE IDIOMS**

This article analyzes cognitive models of the notion of good in its conceptualization based on Chinese idioms. It is shown that in the mind of Chinese people good can not only be metaphorically considered as water and the best place, but also be designated by good deeds. It is proved that the main content of key ideas of the Chinese language picture of the world such as good remains unchanged in a changing world.

Key words: cognitive models, conceptualization, conceptual metaphors and metonymies, notion of good, Chinese idioms, Chinese language picture of the world

*А.В. Верещагина (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
linaanghelina@mail.ru*

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ С КОРНЕМ $\Phi\Lambda$ -
В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ)**

В статье анализируются когнитивные основы образования сложных слов в древнегреческом языке. В качестве материала для исследования выбрана лексика с корнем $\phi\lambda$ -, обладающая достаточно большим деривационным потенциалом. В исследовании подтверждается изменение языковой картины мира древнегреческого языка, а также множественность языковых картин мира древнегреческих авторов.

Ключевые слова: языковая картина мира, корень $\phi\lambda$ -, древнегреческий язык, лексика, композиты

В статье анализируется древнегреческая лексика, а именно сложные слова (компози́ты), содержащие корень $\phi\lambda$ - и семантически связанные с понятием «любовь». В качестве материала исследования привлекаются данные словаря древнегреческого языка [Дворецкий 1958]. Следует отметить, что лексика, относящаяся к понятию «любовь», уже рассматривалась нами с точки зрения сравнения древнегреческой и новогреческой картин мира [Верещагина 2023]. В данной статье, как и в предыдущей, мы не будем рассматривать имена собственные. Как уже было выявлено нами ранее, корень $\phi\lambda$ - как в древнегреческом, так и новогреческом языке обладает наибольшим деривационным потенциалом, по данным словаря И.Х. Дворецкого.

Цель статьи – выявить когнитивные основы образования сложных слов в древнегреческом языке. Словообразование с когнитивной точки зрения в последнее время постоянно привлекает внимание многих ученых, которые исследуют эту проблему на материале различных языков [Кубрякова 1988; Вендина 1998; Волохина, Попова 2006; Алефиренко 2006; Шток 2008; Казак 2004; Герд 2004; Дмитриева 2005; Абросимова 2014; Соснина 2016; Косырева 2008; Евсева 2011; Сулейбанова 2014; Рацибурская 2019; Милославский 2018 и многие другие]. Что

касается древних языков, то следует отметить монографию, посвященную латинскому именному словообразованию с когнитивной точки зрения [Новодранова 2008], а также классические работы по грамматике, рассматривающие материал древнегреческого языка [Шантрен 1953; Черный 2008; Широков 1983]. Однако недостаточно изученным остается древнегреческий материал, связанный с образованием сложных слов.

Нами было рассмотрено около 600 древнегреческих лексем, образованных от корня *φιλ-* за исключением имен собственных. Что касается существительных, то среди сложных существительных (более 160) – с грамматической точки зрения выделяются 3 группы. К наиболее многочисленной группе (более половины – около 90) относятся существительные первого склонения, среди которых большей частью абстрактные существительные женского рода, например, *φιλεραστία* «влюбчивость» (Платон, Аристотель), *φιλαυτία* «себялюбие» (Аристотель, Плутарх), *φιλογυμναστία* «любовь к гимнастике» (Платон), *φιλογεωργία* «любовь к земледелию» (Ксенофонт). Вторую группу (около 50) составляют существительные второго склонения, в основном абстрактные существительные среднего рода, например, *φιλόδειπνον* «любовь к пирам» (Плутарх), *φιλόλληλον* «взаимная любовь» (Плутарх), *φιλόκαινον* «любовь к новизне» (Плутарх, Лукиан). Третья группа состоит из немногочисленных существительных третьего склонения (около 20), например, *φιλοβασιλεύς* «приверженец царя» (Диодор, Плутарх), *φιλανθρώπτευμα* «человеколюбивый поступок, человеческое обращение» (Плутарх).

Проанализировав сложные прилагательные древнегреческого языка с корнем *φιλ-* (около 300), мы выделили 3 группы с грамматической точки зрения. К первой и самой многочисленной группе относятся прилагательные второго склонения двух окончаний (более 200) – примерно две трети от общего числа, например, *φίλοικτος* «возбуждающий сострадание» (Эсхил), *φιλοίκειος* «любящий своих домочадцев или родственников» (Аристотель, Полибий), *φιλόθηρος* «любящий охотиться» (Ксенофонт, Платон, Плутарх), *φιλόθεος* «боголюбивый, благочестивый» (Аристотель, Лукиан, Новый Завет). Вторая группа (около 70) состоит из прилагательных третьего склонения в основном двух окончаний и одного окончания, например, *φιλόγλυκος* «любящий сладкое» (Аристотель, Плутарх), *φιλογηθής* «любящий веселье, жизнерадостный» (Эсхил), *φιλόβοτρυς* «любящий виноградные гроздья» (Плутарх). Самая немногочисленная группа (менее 10 прилагательных) – прилагательные только первого склонения мужского или женского рода, очень архаичная и уникальная для древнегреческого языка, например, *φιλοναύτης* «любезный мореходам, ценимый моряками» (Палатинская антология), *φιλεράστρια* «дорогая для влюбленных» (Палатинская антология).

Следует отметить также группу сложных древнегреческих глаголов с корнем *φιλ-* (более 50). Как и глагол *φιλέω*, данные глаголы также относятся к слитным глаголам на *-έω*, в большинстве своем имеющим активную форму, например, *φιλαναγνώστέω* «любить чтение» (Диодор) или *φιλομαχέω* «упорно сражаться, рваться в бой» (Плутарх), при этом они обозначают как состояние, так и активное действие. Наконец, в древнегреческом языке зафиксированы сложные наречия с корнем *φιλ-* (около 25), в них входят, например, *φιλαλήθως* «с любовью

к истине, правдиво» (Диодор).

На материале указанной группы лексем выявляется, что сложное слово (комполит) состоит из составных частей, но при этом имеет некое целостное значение. Относительно концептуальной структуры композитов с корнем *φιλ-* можно утверждать, что формирование значения композита происходит через объединение / взаимовлияние концептов, составляющих части данного композита.

Что касается анализа связи между частями сложного слова, необходимо подчеркнуть, что корень *φιλ-* в большинстве случаев по смыслу подчиняет второй корень, кроме единичных примеров, например, *φιλανθρακεύς* «друг-угольщик» (Аристофан). Таким образом, практически во всех случаях среди сложных слов (комполитов) наблюдаются детерминативные композиты (с управлением и зависимостью одного члена от другого). Чаще всего корень *φιλ-* располагается на первом месте. В качестве второй части композита *φιλ-* встречается всего лишь, более чем в 20 случаях, в основном в составе существительных. Ср.: *μουσοφιλής* «любящий Муз» (Палатинская антология), *πολύφιλος* «имеющий много друзей» (Пиндар, Лисий), *χρηστοφιλία* «любовь к добрым людям» (Аристотель); *παιδοφιλέω* «любить мальчиков (Плутарх) и наречие – *θεοφιλῶς* «как угодно богам» (Платон, Исократ).

Следует отметить, что употребление большинства сложных слов с корнем *φιλ-* зафиксировано у конкретных авторов. Таким образом, на примере рассмотренного материала отмечается постоянная трансформация языковой картины мира древнегреческого языка, а также многообразие и многочисленность языковых картин мира древнегреческих авторов.

Литература

- Абросимова Л.С.* Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 7-14.
- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. Серия: гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 43-48.
- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макросем). М.: Индрик, 1998.
- Верещагина А.В.* Понятие «Любовь» в греческом языке // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 47-51.
- Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные суффиксы: семантика, функции: монография. Воронеж: Истоки, 2006.
- Герд А.С.* Морфемика: монография. СПб.: СПбГУ, 2004.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Дмитриева О.И.* Динамическая модель русской глагольной префиксации. Саратов: СГУ, 2005.
- Евсеева И.В.* Концептуализация опыта человека посредством деривационных единиц // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. Вып. № 4. С. 161-167.
- Казак М.Ю.* Интегративная теория словообразовательного гнезда. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2004.
- Косырева М.С.* Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 30. С. 58-67.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-173.

Милославский И.Г. О лингвистических источниках для обеспечения производства речи // Вестник Московского ун-та. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 21-36.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinaum et terminorum*. М.: Языки славянских культур, 2008.

Рацибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XX веке // Русистика. 2019. № 3. С. 276-299.

Соснина Л.В. Особенности структурной организации прилагательных-компонитов // Русистика. 2016. № 1. С. 46-52.

Сулейбанова М.У. Когнитивная интерпретация композитного словообразования в русском и чеченском языках // Успехи современного естествознания. 2014. № 12-2. С. 156-158.

Черный Э. Греческая грамматика. М.: Академический проект, 2008.

Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М.: ИИЛ, 1953.

Широков О.С. История греческого языка. М.: МГУ, 1983.

Шток Н.А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

*Anguelina V. Vereschagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

COGNITIVE FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF COMPLEX WORDS BASED ON THE VOCABULARY WITH THE ROOT *PHIL-* IN ANCIENT GREEK

This article analyzes the cognitive underpinnings of complex word formation in ancient Greek. As a material for the study, vocabulary with the root of $\phi\iota\lambda-$ was chosen, having a sufficiently large derivational potential. This study confirms the change in the language picture of the world of ancient Greek, as well as the multiplicity of language paintings of the world of ancient Greek authors.

Key words: language picture of the world, root $\phi\iota\lambda-$, ancient Greek, lexicon, complex words (composites)

*М.В. Влавацкая (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
vlavackaya@corp.nstu.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена семантико-когнитивному исследованию русских антипословиц и выявлению в них качеств и характеристик, свойственных мужчинам в современном мире. В результате исследования определены концепты, выделены когнитивные слои и признаки, в целом составляющие концептосферу «Мужская идентичность». Также выявлены корреляции мужской индивидуальности, соотносимые с веяниями нового времени в русском сообществе.

Ключевые слова: антипословица, трансформация паремий, концептосфера, концепт, когнитивные слои и признаки, корреляции новой антропоцентрической парадигмы

Статья посвящена выявлению признаков мужской индивидуальности в новых русских паремиях (антипословицах), или кратких остроумных изречениях, часто основанных на известных паремиях (пословицах, поговорках, афоризмах и

т. п.) с явно выраженным их искажением и направленными на высмеивание устаревших стереотипов в жизни русского народа. В отличие от пословиц и поговорок, отражающих мудрость, обычаи и национальные традиции (*Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету*), антипословицы – это их антиподы-перевертыши, иронично и жестко опровергающие устоявшиеся морально-нравственные идеалы данного языкового сообщества (*Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей заплатил больше*). Преобразование известных паремий в новые паремии рассматривается учеными-языковедами с разных точек зрения и по разным основаниям. Данное явление носит название вариативности (В.М. Мокиенко), трансформации (Ю.В. Бутько), деформативной стратегии (О.А. Хопияйнен, Н.В. Филимонова), языковой комбинаторики (З.М. Зайкина) и т. д.

Цель исследования – репрезентация мужской идентичности в новых паремиях русского языка – достигается посредством выявления основных семантико-когнитивных характеристик и структурных механизмов (субституция, экспликация, контаминация, комбинирование), способствующих трансформации известных паремий в новые паремии, а также появившихся вновь единиц, вызванных определенными экстралингвистическими причинами в окружающем мире и жизни русского народа.

Материал исследования – новые паремии, в которых имеется какое-либо указание на маскулинность – совокупность физиологических, «поведенческих и психических свойств и особенностей, ...объективно присущих мужчинам» [Кон 2002: 197]. При формировании гендерной модели объекта важно учитывать участников гендерно маркированной ситуации: гендерную особенность объекта, гендерную идентичность адресата и гендерную идентичность интерпретатора, где последний является центром данной ситуации, так как именно он оценивает объект как мужской или женский, что и определяет специфику гендерной параметризации объекта [Болдырев, Серова 2007].

Исследование новых паремий в семантико-когнитивном аспекте – это изучение **«соотношения семантики языка с концептосферой народа, а также соотношение семантических процессов с когнитивными»** [Бабушкин, Стернин 2018: 4]. Концептосфера «Мужская идентичность» объективируется антипословицами русского языка и включает концепты, интегрируемые посредством структурирования знаний и представляющие собой единицы мыслительного процесса. При этом макроструктура концепта – это его определенные когнитивные слои, состоящие в свою очередь из микроструктуры – когнитивных признаков, определяющих содержание концепта.

Концепт «МУЖЧИНА КАК ОСОБЫЙ ГЕНДЕР» состоит из двух когнитивных слоев.

1. «Характерные особенности и привычки мужчины», который включает следующие когнитивные признаки: пьянство: *Настоящий мужчина на дороге не валяется – он уже ползет домой* (← на дороге не валяется); *Мужчина считается трезвым, если он в состоянии лежать на горизонтальном полу и ни за что не держаться* и т. д.; холостяцкая жизнь: *Холостяк — это человек, который моется в ванной и стирает носки одновременно; Холостяк всю работу по дому делает*

сам. А женатого заставляет жена; Холостяк – это вечный мальчик; Если до 20 лет не женился, то потом уже рано и т. д.; непостоянство: Переходный возраст у мужчин – это когда они переходят с одной женщины на другую (← переходный возраст); Когда мужчине плохо, он ищет женщину, когда мужчине хорошо, он ищет еще одну; Только исследовав многих женщин, мужчина может понять себя и т. д.; прагматизм: Порядочный мужчина если не обещал даме жениться, значит и не женится; Каждый мужчина имеет право налево; Мужчина ищет свою половину, чтобы отдать ей половину своей любви (← вторая половина); Если женщина села вам на шею, значит вам не нужно больше носить ее на руках (← сесть на шею + носить на руках) и т. д.; недалекость: Бог дал мужчине две головы, но крови так мало, что думать ими можно только по отдельности (← бог дал); Мужчины похожи на... ксерокс. Они нужны для размножения, и в общем это все и т. д.; нуждающийся в сексе: Настоящий мужчина за сексом в карман не полезет (← за словом в карман не полезет); Настоящему мужчине всегда есть чего оторвать; Для зрелого мужчины в сексе существует лишь одна неожиданность – звонок в дверь и т. д.; похотливость: Мужчина как банный лист: сначала он к женщине пристает, а потом смывается (← прилип как банный лист); Мужская логика: Вам холодно? Прижмитесь ко мне. Вам жарко? Разденьтесь... и т. д.; особенности внешности и характера: Мужчина должен быть вонюч, волосат и свиреп; Усы делают мужчину старше, очки – мудрее, а отсутствие денег – сговорчивей; Мужчина не собака, на кости не бросается; Мужик без пуза – что квартира без мебели и т. д.; несущий воинскую службу: Бронезилет – лучше для мужчины нет (← Жилет – лучше для мужчины нет); Дембеля – это мужики двухлетней выдержки (← коньяк/вино двухлетней выдержки); Дайте солдату точку опоры, и он заснет и т. д.; леность: Хорошие мужики на дороге не валяются. Они валяются на диване (← на дороге не валяется); безответственность: Мужик сказал – мужик не сделал (← Мужик сказал – мужик сделал); лживость: Если собака заговорит – мужчина потеряет последнего друга; бесполезность: Мужчина как унитаз: или занят, или полон дерьма и т. д.

2. Второй когнитивный слой «Мужчина как муж, отец и сын» содержит следующие когнитивные признаки: 1) мужчина-муж и его характеристики: Мужья – это любовники, которым сильно не повезло в жизни (несвобода); Все мужчины ошибаются, но женатые признают свои ошибки чаще (безвыходность); Если поссорился с девушкой – жена не виновата (неверность); Естественный отбор – это изъятие денег у мужа после полочки (← естественный отбор) (безответственность, транжирство); Двоеженство карается двумя тещами... (двуличие, измена); Последний крик моды – крик мужа (← последний крик моды) (несдержанность); 2) мужчина-сын: Матери нужно двадцать лет, чтобы сделать из сына мужчину; другая же женщина за двадцать минут сделает из него идиота (одержимость); Первый сын – колом (← первый блин колом) (неблагополучность) и т. д.; 3) мужчина-отец: Повторение – мать учения, а заикание – отец (← повторение – мать учения) (строгость); С кем поведешься, тот и отец ребенка (← с кем поведешься, от того и наберешься) (безответственность) и т. д.

Концепт «МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СЕМЬЕ И СОЦИУМЕ» состоит из

таких когнитивных слоев как доминирование мужчины над женщиной, подчинение мужчины женщине, а также равноправные отношения мужчины и женщины.

1. Когнитивный слой «Главенство мужчины над женщиной в семье и социуме» образуется из следующих когнитивных признаков: 1) главенство мужа в семье: *Муж – голова, жена – все остальное* (← *хлеб всему голова*) (превосходство); *Бей жену молотом, будет баба золотом* (властность, жестокость); *Как узнать, счастлив ли мужчина в браке? – Он остается самим собой независимо от присутствия жены* (эгоизм); *Чтобы хорошо провести время, нужно провести жену и тещу* (лживость, изворотливость, неверность); *Верность жены – это одно из достоинств ее мужа, а верность мужа – это лишь стечение обстоятельств* (эгоизм) и т. д.; 2) главенство мужчины в социуме: *Любящий мужчина способен потребовать величайших жертв* (эгоизм), *а любящая женщина – пойти на них; Дело не в том, как мужчина охмуряет женщин, а в том, что он их не разочаровывает* (хитрость); *Рыцарство – благороднейшее свойство мужчины, проявляющееся в его отношениях с женщиной, которая ему не жена* (похотливость) и т. д.

2. Когнитивный слой «Подчиненность мужчины женщине в семье и социуме» образуется из следующих когнитивных признаков: 1) подчиненность мужа жене в семье: *Женщина, если захочет, забирает у мужчины все. Даже фамилию* (безвыходность); *Если жена пилит мужа, значит, хочет сделать из него прекрасную половину* (податливость) (← *прекрасная половина*); *Возраст каждого мужчины определяется тем, как выглядит его жена* (меркантильность); *Мужчина без жены как рыба без воды* (потребность) (← *Как рак на мели, как рыба без воды*) и т. д.; 2) подчиненность мужчины женщине в социуме: *Если вы нашли женщину своей мечты – с остальными мечтами можете распрощаться* (безысходность); *Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, это значит она понимает, что второго такого дурака не найдет* (легковерность); *Женщины способны на все, мужчины – на все остальное* (несамостоятельность); *Сила притяжения женского тела сильнее, чем сила отталкивания мужского разума* (неразборчивость, похотливость); *Женятся дураки. Умные выходят замуж* (ограниченность ума); *Какой же умной должна быть жена, чтобы муж не сомневался в том, что она дура...* (тупость); *За каждым успешным мужчиной – женщина, за ней – его жена* (← *За каждым великим мужчиной стоит женщина*); *Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами* (зависимость, несамостоятельность) и т. д.

3. Когнитивный слой «Равноценные отношения мужчины и женщины в семье и социуме» образуется из следующих когнитивных признаков: 1) в семье: *Семейное счастье – это когда желания жены совпадают с возможностями мужа* (← *желания совпадают с возможностями*) (снисходительность); *Семейный подряд: он – всех подряд* (распущенность), *она – всем подряд* (← *семейный подряд*); 2) в социуме: *Женщина из двух зол выбирает умного, а мужчина – красивую* (← *из двух зол выбирают меньшее*) (меркантильность); *Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского – глупеют* (глупость). *Мужчины больше обманывают* (лживость), *женщины лучше обманывают*. *Мужчины и женщины относятся к разным видам: женщины – живородящие,*

а мужчины – яйцекладущие (похотливость, безответственность).

Семантико-когнитивный анализ позволил выявить в семантике русских антипоговорок *отрицание* таких традиционно аксиологических норм в формировании мужской идентичности как честность, мужественность, сила воли, уверенность, ответственность, ум, благородство и т. п. и *экспонирование* таких сугубо негативных мужских характеристик как пьянство, эгоизм, неверность, лживость, изворотливость, похотливость, неразборчивость, двуличие и т. д., вызванных новыми веяниями и установками, сформировавшимися в современной антропоцентрической парадигме в рамках русского национально-культурного сообщества.

Литература

Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «Ритм», 2018.

Болдырев Н.Н., Серова И.Г. К лингвистическому обоснованию понятия гендерной интерперанты // Филологические науки. 2007. № 5. С. 41-49.

Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 188-208.

Marina V. Vlavytskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

MALE IDENTITY REPRESENTATION IN NEW RUSSIAN PAREMIAS

The article is devoted to the semantic and cognitive research of Russian antiproverbs and identification in them of qualities and characteristics peculiar to men in modern world. As a result of the study, the concepts are defined, cognitive layers and features are highlighted, generally constituting the conceptosphere "Male Identity". Also, correlations of male individuality related to the trends of the new time in the Russian language community are revealed.

Key words: antiproverb, transformation of proverbs, conceptosphere, concept, cognitive layers and features, correlations of the new anthropocentric paradigm

Е.В. Волкова (Тула, Россия)

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
volhelena@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «GEZELLIGHEID» И «HYGGE» В НИДЕРЛАНДСКОЙ И ДАТСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье рассматриваются проблемы, касающиеся особенностей национального менталитета в свете взаимосвязи концептов и культур, а также сложности, возникающие у носителей определенного культурного кода при осуществлении коммуникативного процесса и его верного восприятия. За основу была взята семантическая способность концепта репрезентировать уникальные, принадлежащие определенной национальности черты этнического характера участников коммуникации лингвокультурного социума. В качестве базовой составляющей для анализа в работе были изучены концепты HYGGE и GEZELLIGHEID, воплощающие в себе национальную самобытность жителей Нидерландского королевства и Дании.

Ключевые слова: культурологический концепт, категоризация, концептуализация, языковая и понятийная картины мира, концептуальная сущность, лингвокультурная среда

В современных исследованиях все чаще встречаются труды, посвященные национальным особенностям различных культур. В лингвистике при анализе синхронического среза развития языка ключевой является идея о его антропоцентричности. Возникновение антропоцентрической парадигмы стало следствием поворота к изучению человека и его места в культуре. В.В. Воробьев считает, что лингвокультурология является новой филологической дисциплиной, исследующей определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей и национальный менталитет. О.Д. Вишнякова и А.А. Липгарт указывают на то, что система представлений человека, обусловленная устойчивым характером основных закономерностей и взаимосвязей, которые лежат в основе деятельности индивида, включая интерпретационную, предстает в виде языковых репрезентаций, характеризующихся новыми семантическими и формальными свойствами, что позволяет решить те или другие коммуникативные задачи [Вишнякова, Липгарт 2023: 74-77]. Для того, чтобы коммуникативная задача была решена верно, целесообразно произвести коррекцию понятийной и языковой картин мира, языка общения коммуникантов. Каждая культура обладает определенными уникальными характеристиками на концептуальном уровне, а представитель того или иного лингвокультурного поля анализирует и осмысливает всю поступающую информацию. Этот процесс приводит к образованию определенных представлений об окружающей действительности и носит название концептуализации. Концептуализация наряду с категоризацией является одним из основополагающих понятий лингвистики. Е.С. Кубрякова считает, что процесс образования категорий отражает наиболее существенные результаты определенной сортировки всей доступной человеку информации [Кубрякова 1998: 32]. Лингвокультурная формация играет одну из ключевых ролей в распространении и определении универсальных концептов. В нидерландском и датском языках концепты GEZELLIGHEID и HYGGE воспроизводятся множеством своих воплощений на разных уровнях, являясь, на наш взгляд, одними из основополагающих концептуальных регуляторов-компонентов датского и нидерландского национального самосознания. Обратимся к одному из важнейших нидерландских культуроспецифических концептов GEZELLIGHEID. В 2020 г. группой студентов из МГУ им. М.В. Ломоносова под редакцией Е.В. Терешко был выполнен перевод эссе профессора Я. Ренкема, посвященного нидерландской идентичности. Приведем цитату из эссе: «Так Вы хотите узнать суть нидерландской идентичности? Вот четыре понятия, которые нидерландцы считают самыми важными: приятная компания, право на частную жизнь, ландшафт и Оранже. Приятная компания нидерл. gezelligheid связана с теплой, дружеской атмосферой. Это существительное восходит к слову приятель нидерл. gezel, которое раньше значило друг, тот, с кем ты наравне. Равенство тоже очень важно для нидерландцев. Или такое понятие как право на частную жизнь, то есть личное пространство. Мы заимствовали его из английского языка, где оно обозначает отделенность...» [Терешко 2020: 6].

В словаре нидерландского языка *Woordenboek der Nederlandsche Taal*, WNT, включающего около 400000 слов, дается сразу несколько определений слову

«GEZELLIGHEID».

Gezelligheid: a) gemeenzame omgang, het verkeeren met anderen of in gezelschap; ook gezelschap. Ghesellicheyt of vrientschap, sodalitas; b) [behandeld onder GEZELLIG]; c) de toestand van niet alleen te zijn, het samenleven. Thans verouderd. d) gezelligheid; aangename, prettige sfeer; aangenaam samenzijn. e) gezelligheid. Таким образом, все значения можно свести к следующим: а) общение, пребывание с другими или в компании; также товарищество или дружба; б) рассматривается в контексте GEZELLIG (общение); в) состояние, когда человек не одинок, живет вместе с кем-то. (устаревш.); д) уют; приятная, располагающая атмосфера; приятная общность. е) уют.

Концепты являются своего рода «сгустками», за которыми скрывается уже знакомое содержание. Вишнякова считает, что такого рода «узелком» концепта GEZELLIGHEID является состояние «нидерландской нирваны» [Вишнякова 2009: 45]. На наш взгляд, представленный концепт репрезентируется как один из доминантных регулятивных элементов нидерландской культуры и имеет кроме того широкий диапазон возможностей реализаций на различных уровнях языка. Обратимся к синонимичному ряду лексемы *gezelligheid*, представленному в нидерландских словарях. В ряду значений лексемы *gezellig* можно выделить понятия, с которыми она коррелирует: *onderhoudend, hartelijk, plezant, plezierig, prettig, sociabel, behaaglijk, huiselijk, intiem, kneuterig, knus, genoeglijk*, это такие значения как: дружелюбный, уютный, легкий, приятный в общении, теплый, развлекательный, атмосферный, веселый, домашний, общительный, непринужденный. С целью контекстуализации лингвокультурологической специфики концепта жителям Нидерландов задали вопросы о том, как они понимают GEZELLIGHEID: «The kitchen at a house party is sometimes very gezellig, so are brown cafes, dinner parties, board game nights. Basically, any time spent having fun with pleasant people». Usually – a room, a restaurant, or a cafe can be gezelling (meaning «cozy» or «inviting»). A person can be gezellig (meaning «inviting» or «pleasant» or «funny», «convivial» or «sociable»). A party can be gezellig (meaning «relaxed atmosphere with nice people and cozy surroundings»). Е.Ф. Сандерс указывает на следующее значение *gezelligheid*: «a positive warm emotion or feeling rather than just something physical. Casual get-togethers are a hallmark of the happy lifestyle in the Netherlands, where there's also a word for hanging out by yourself» [Sanders 2014: 56]. Исходя из вышеизложенного, мы можем дать дефиницию семантическому полю, в котором проявляется концепт GEZELLIGHIED, соотнося его с ощущением и состоянием уюта «coziness» и одновременно единения «togetherness» и радости от совместного времяпрепровождения с «nearest and dearest».

Однако необходимо отметить, что в отличие, например, от датского HYGGE голландский концепт имеет, на наш взгляд, дуальный характер, направленный как на уют внутри жилища, так и вовне. Голландский концепт GEZELLIGHEID практически всегда ассоциируется с какой-либо социальной ситуацией, т. е. некоторым образом воспринимается на фоне определенного места или связан с состоянием атмосферы, например, *gezellig* может использоваться при описании человека, который легко социализируется в обществе. Если для датского коррелята

hygge важна тенденция к защите от внешних составляющих в уютном доме, то голландская лексема *gezelligheid* (*gezellig*), которая при переводе также имеет значение 'уют' и отражает похожее чувство защищенности и покоя, по большей части все же ассоциируется у жителей королевства с открытыми незамкнутыми областями. Для жителей Нидерландов чувство *gezellig* проявляется в то время, когда они сидят у окна «без занавесок» или проводят время за «катанием на коньках, во время которого принято пить горячий шоколад с печеньем...» [Терешко 2020: 41]. Таким образом, *hygge* – это прежде всего отсылка к внутреннему состоянию индивида, в то время как *gezelligheid* – к состоянию уюта (*coziness*) при нахождении в компании с отсылкой к непринужденности социальных контактов, а также дружескому общению. Более того, по нашему мнению, есть еще одна существенная разница между основными регулятивными элементами *hygge* и *gezelligheid* в датской и нидерландской культуре. Для подтверждения данной точки зрения рассмотрим значение термина *hygge* и определим его синонимические ряды: «The concept of *hygge* (*hyggelig*) in Denmark refers to finding comfort, pleasure, and warmth in simple, soothing things such as a cozy atmosphere or the feeling of friendship. The words dealing with *hygge* are: coziness, happy, happiness, charm, safety, familiarity, comfortable, reassurance, kinship, simplicity». Как мы можем заметить, синонимический ряд терминов *hygge* и *gezelligheid* имеет приблизительно одинаковую структуру, тем не менее концепты разнятся в плане сезонности «... *hygge* is usually associated with winter, warm socks or log fires, whereas *gezelligheid* knows no seasons». Термин *gezellig* является часто используемым нидерландским словом, так как определяет целесообразное культурное поведение, заключающееся в прекрасном настроении и чувстве социальной принадлежности. Во время саммита в Гааге в 2014 г. Барак Обама использует его, чтобы описать свое внутреннее состояние от пребывания в Нидерландах: «I am told there is a Dutch word that captures the spirit which does not translate exactly in English but let me say that my first visit to the Netherlands has been truly *gezellig*». На сегодняшний день термины *gezelligheid* и *hygge* являются ключевыми в датской и нидерландской культурах, это сложные культурные концепты, в которых находит отражение сокровенная жизнь человека. В эти понятия включены как материальные составляющие, воспроизводящие чувства комфорта, так и социальные показатели, содержащие в себе естественное дружеское общение. В концептах *GEZELLIGHEID* и *HYGGE* имплицитно сохраняется необходимость в существовании индивидуального уютного, неприкосновенного личного пространства. В заключение важно указать на то, что между действительностью и мышлением имеется огромный слой в виде языка, отображающий ключевые культурные доминанты его носителей. Исследуя концептуальные поля и изучая иностранные языки, мы становимся ближе к постижению миропонимания другого народа.

Литература

- Вишнякова О.Д. Анализ культурного концепта в контексте фамильного сходства // Вестник Поморского ун-та. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 43–48.
- Вишнякова О.Д., Литгарт А.А. Языковая экономика как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 74–77.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Тереико Е.В. Культурная ДНК Нидерландов. М.: МАКС-пресс, 2020.

Sanders E.F. Lost in Translation: An Illustrated Compendium of Untranslatable Words from Around the World. Berkeley: Ten speed press, 2014.

Elena V. Volkova (Tula, Russia)

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

VERBALISATION OF THE CONCEPTS “GEZELLIGHEID” AND “HYGGE” IN THE DUTCH AND DANISH LINGUISTIC PICTURES OF THE WORLD

The article deals with the problems concerning the peculiarities of the national mentality in the light of the interrelation of concepts and cultures. The semantic ability of a concept to represent the unique, belonging to a certain nationality, features of ethnic character of communication participants of the linguocultural society was taken as a basis. The concepts HYGGE and GEZELLIGHEID, embodying the national identity of the inhabitants of the Dutch Kingdom and Denmark, were studied as a basic component for analysis in the work.

Key words: cultural concept, categorization, conceptualization, linguistic and conceptual pictures of the world, conceptual essence, linguocultural environment

Т.С. Воложанкина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
evita22@bk.ru*

А.А. Барачевская (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
barachevskayaaa@gmail.com*

ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТА «WOMAN» В АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЕ XX–XXI ВВ.

Статья посвящена изучению динамики развития и трансформации наполнения концепта WOMAN, репрезентированного в американской рекламе XX и XXI вв. На основе произведенного анализа определяются тенденции эволюции концепта WOMAN в сознании носителей американской лингвокультуры в рамках указанного периода.

Ключевые слова: концепт, концептуальные признаки, номинативная плотность, полевая структура, женщина, реклама

Одним из важнейших свойств концепта как сложного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, представляющего результат когнитивной деятельности личности и общества и содержащего комплексную информацию об отражаемом предмете, является его изменчивость, динамическая природа. Концепт обеспечивает постоянное уточнение того или иного фрагмента действительности по мере накопления информации о нем в сознании представителей определенного лингвокультурного общества. На изменение наполнения концепта, как и в случае концепта WOMAN, значительное влияние могут оказывать социальные и культурно-исторические факторы, политические процессы, экономическое развитие [Попова, Стернин 2007: 24; Алефиренко 2016: 192].

Исследование эволюции концепта WOMAN на материале американской рекламы представляет особый интерес, так как менее чем за 100 лет роль американской женщины в культуре и в социуме, ее убеждения, функции, цели, отношение к самой себе значительно трансформировались. Реклама транслирует ценности, актуальные в определенный период времени в обществе, чтобы быть понятной потребителям и вызвать у них положительный отклик. В то же время реклама формирует новые взгляды и ценности общества, социальные нормы, жизненные приоритеты, способствуя обновлению и трансформации концептов, представленных в ней. Так, концепт WOMAN в рекламе актуализирует релевантные представления о женщинах, выражая требования, которые эпоха, культура и общество предъявляют женщине. С течением времени наполнение концепта WOMAN трансформируется, и женщина в рекламе представляется в ином ракурсе; следовательно, реклама служит своеобразным зеркалом, в котором женщина может увидеть собственное отражение, существующее в условиях определенного социально-исторического контекста.

В ходе исследования нами было отобрано 75 примеров американской рекламы XX в. и 75 примеров американской рекламы XXI в., в которых актуализирован концепт WOMAN. Проведя анализ выбранных примеров, мы выделили ряд признаков концепта WOMAN и разделили их на три группы: «внешние признаки концепта WOMAN», «личностные признаки концепта WOMAN» и «социальные признаки концепта WOMAN».

Итак, в группе «внешние признаки» нами было выделено 8 признаков концепта WOMAN. Первое число обозначает номинативную плотность признака в американской рекламе XX в., второе число – в американской рекламе XXI в.: «красота» – 14 / 15; «молодость» – 7 / 7; «старость» – 5 / 5; «сексуальность» – 5 / 5; «естественность» – 3 / 5; «стройность» – 10 / 3; «худоба» – 2 / 0; «полнота» – 3 / 3.

Чем чаще и разнообразнее вербализуется концепт или тот или иной признак концепта, тем выше его номинативная плотность. Этот показатель отражает степень важности и релевантности этого концепта или концептуального признака в сознании лингвокультурного социума [Карасик 2002: 139].

Внешние признаки концепта WOMAN в подавляющем большинстве не показали значительных изменений в номинативной плотности, однако существенно изменился характер репрезентации данных признаков. Так, в рекламе XX в. внешние признаки концепта WOMAN очень часто транслировались сквозь призму мужского восприятия женщины, выражали мнение мужчины о внешности женщины. Женщина считалась красивой, сексуальной и молодой, если ей восхищался муж или если она была популярна у противоположного пола. Признак «старость» был часто представлен как проблема женщины, которую ей необходимо решить, чтобы не страдать от холодности мужа. В рекламе, актуализирующей признаки «стройность» и «худоба», также присутствует позитивная или негативная оценка женской фигуры мужчиной. В рекламе XXI в. желание женщины выглядеть красиво, молодо, сексуально не обусловлено критикой или похвалой со стороны мужчины. Транслируется идея о том, что женщина может быть красивой и сексуальной в любом возрасте и с любой фигурой – признак

«красота» репрезентирован вместе с признаками «старость» и «полнота», признак «сексуальность» сопрягается с признаком «естественность». Также прослеживается тенденция сращивания признаков «красота» и «сила».

Далее мы рассмотрели группу из 10 личностных признаков концепта WOMAN. Первое число обозначает номинативную плотность признака в американской рекламе XX в., второе число – в американской рекламе XXI в.: «уверенность в себе» – 5 / 38; «сила» – 1 / 16; «целеустремленность» – 0 / 5; «дерзость» – 0 / 10; «уникальность» – 3 / 10; «нежность» – 2 / 1; «нервность» – 3 / 0; «эмоциональность» – 2 / 1; «глупость» – 3 / 0; «неумение водить автомобиль» – 3 / 0.

Сравнивая рекламу XX и XXI вв., мы определили, что личностные признаки концепта WOMAN значительно трансформировались. Во-первых, признаки «неумение водить автомобиль», «нервность», «глупость», репрезентированные в рекламе XX в., полностью утратили свою номинативную плотность в рекламе XXI в. В современной американской лингвокультуре подобные представления о женщинах считаются неэтичными и стереотипными. Во-вторых, в рекламе XX в. личностные признаки «уверенность в себе» и «сила» обладали достаточно низкой релевантностью, однако в рекламе XXI в. происходит радикальное увеличение номинативной плотности признака «уверенность в себе», значительный рост номинативной плотности признака «сила» и возникновение новых признаков «целеустремленность» и «дерзость». Мы отмечаем корреляцию между этими процессами и считаем, что признак «уверенность в себе» служит фундаментом для возникновения признаков «целеустремленность» и «дерзость» в концепте WOMAN.

Наконец, в группе «социальные признаки» мы выделили 8 признаков концепта WOMAN. Первое число обозначает номинативную плотность признака в американской рекламе XX в., второе число – в американской рекламе XXI в.: «хозяйка» – 26 / 3; «жена» – 20 / 2; «мать» – 10 / 10; «зависимость от мужчины» – 33 / 1; «работающая женщина» – 5 / 10; «соперничество с другими женщинами» – 8 / 0; «единство женщин» – 0 / 3; «объект» – 3 / 2.

Социальные признаки концепта WOMAN продемонстрировали значительную эволюцию: признаки «зависимость от мужчины», «хозяйка» и «жена», отражающие традиционно-патриархальную роль женщины, в рекламе XX в. репрезентированы очень активно. В рекламе XXI в. происходит кардинальное снижение номинативной плотности данных признаков, что обусловлено мощным влиянием феминистического движения в американском обществе. При этом номинативная плотность признака «мать» осталась по-прежнему достаточно высокой, что свидетельствует о неизменной ценности данного признака концепта WOMAN в сознании носителей американской лингвокультуры. Также мы отмечаем отсутствие в рекламе XXI в. номинаций признака «соперничество с другими женщинами» и появление нового признака «единство женщин». Это свидетельствует об изменении характера взаимоотношений американских женщин и трансформации представлений о нем в американской лингвокультуре.

Определив номинативную плотность всех выделенных признаков концепта WOMAN, мы построили полевые структуры концепта WOMAN в американской

рекламе XX в. и XXI в. Построение полевой структуры позволило наглядно представить концепт WOMAN как гибкое динамическое образование, аккумулирующее спектр представлений о женщине в сознании американцев. В ядро концепта входят наиболее релевантные и ценные для носителей американской лингвокультуры признаки концепта WOMAN, по мере удаления от ядра происходит «затухание» ассоциаций [Попова, Стернин 2007: 37].

Так, анализ показал, что ядро концепта WOMAN в американской рекламе XX в. включало три социальных признака – «зависимость от мужчины», «хозяйка», «жена», формирующих традиционный патриархальный образ женщины (см. Рис. 1). В процессе эволюции концепта WOMAN в американской рекламе XXI в. все три ядерных признака переместились на дальнюю периферию, что говорит о кардинальном снижении их актуальности, а их место в ядре заняли признаки концепта WOMAN, находившиеся на ближней и дальней периферии – «уверенность в себе», «сила», «красота», что свидетельствует о формировании нового образа независимой эмансипированной женщины (см. Рис. 2).

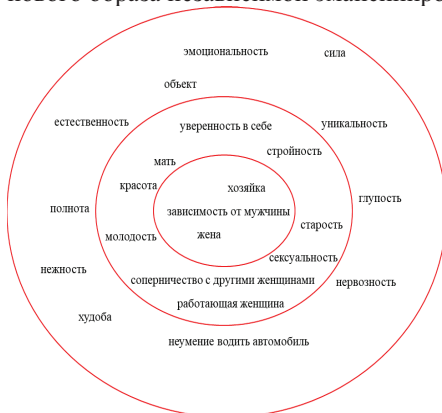

Рис. 1. Полевая структура концепта WOMAN в американской рекламе XX в.

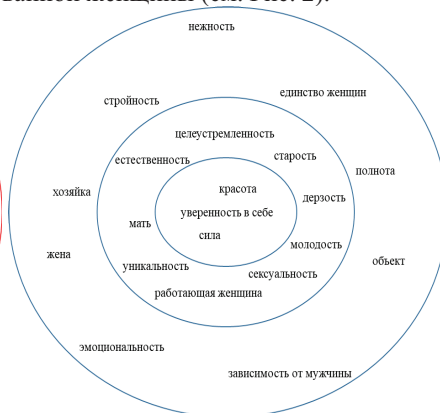

Рис. 2. Полевая структура концепта WOMAN в американской рекламе XXI в.

Таким образом, наполнение концепта WOMAN в американской рекламе XX и XXI вв. значительно трансформировалось, и сопоставление содержания концепта WOMAN в эти периоды времени позволяет определить тенденции эволюции данного концепта в сознании носителей американской лингвокультуры.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2016.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007.

*Tatiana S. Volozhanina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
Anna A. Barachevskaya (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics*

**TRENDS IN THE EVOLUTION OF THE CONCEPT “WOMAN”
IN AMERICAN ADVERTISING OF THE 20th – 21st CENTURIES**

This article analyzes the development and transformation of the the content of the concept WOMAN represented in American advertising of the 20th – 21st centuries. Based on the analysis, the trends in the evolution of the concept WOMAN in the minds of speakers of American linguistic culture within the specified period are determined.

Key words: concept, conceptual features, nominative density, concept structure, woman, advertising

*А.Ю. Вычужанина (Тобольск, Россия)
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева
(филиал Тюменского государственного университета)
doulskaya@yandex.ru*

*Ю.В. Сурмятова (Тюмень, Россия)
Тюменский индустриальный университет
surmjatovajv@tyuiu.ru*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ
ЛИНГВОЦВЕТОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ИДИОСТИЛЕ
ДЖ. РОУЛИНГ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ГАРРИ ПОТТЕР
И ТАЙНАЯ КОМНАТА»)**

Статья освещает лексико-семантическую категоризацию лингвоцветового пространства произведения Дж.Роулинг «Гарри Поттер и тайная комната» как целостной ментальной сферы. Устанавливаются связи интеграции цветовых образов и смысловых наслоений, имплицитно выражающих семиотический код английской лингвокультуры и авторский вымысел.

Ключевые слова: лингвоцветовое пространство романа, идиостиль, ментальная сфера

Метафоризация пространства в художественных произведениях английской писательницы Джоан Роулинг – излюбленная тема для изучения многими системами научных знаний. Вопросы интенции, игра авторского воображения, языковые и поликультурные модели романов Поттерианы, варианты и способы высокохудожественного перевода на иностранные языки - перечень объектов изучения лингвокогнитологов, имагологов, литературоведов и прочих специалистов. Целью работ является всеобъемлющее изучение художественных образов, структурированное изучение текстов, переплетение реального и фантазийного при создании «волшебной реальности».

Дейктические функции, ориентированные больше на репрезентацию внеязыковой действительности, могут варьировать смыслы разными способами: через лексические единицы (например, прилагательные, обозначающие цвет) и грамматические категории (например, через контекстуальное поле указания определяемого и опционального признака). Однако при изучении мира «волшебной реальности» в художественном произведении мы находим имплицитные

смыслы, также проявляющие архитипические особенности восприятия мира (через дифракцию цветовых «подсказок») англосаксами, чьим ярчайшим представителем является писательница Дж. Роулинг.

Поскольку целевая аудитория романа «Гарри Поттер и Тайная комната» – это дети, сочинитель опирает скромные знания читателей о мире на общедоступные и общепонятные цветовые акценты. И в этом случае автор избирает беспроигрышную коммуникативную стратегию: знания о цвете, предпочтения, иллюстрирование образов и конкретных реалий. Все эти приемы работают на создание эстетической, эмоциональной и экспрессивной, ассоциативно-образной сферы. Референция небывалого измерения, созданного богатым воображением автора (мир магов) может быть отвергнута читателями, признана чудной и глупой.

Благодаря творческому наследию бестселлермейкера Роулинг формируется культурно-страноведческая интерференция, понимаемая как «взаимовлияние родной картины мира носителей языка на последующие (вторую и третью картины мира и наоборот их влияние на родную культуру), формирующиеся в процессе изучения иностранных языков и культур, проявляющееся на языковом, языковом культурологическом и языковом страноведческом уровнях» [Сухова 2013: 54]. Цветосветовые образы, представляемые писательницей в романах, безусловно, декорируют не только лакунарно-концептуальные коды, но и новые ассоциативно-эмотивные, поведенческие аналогии и ассоциации. Процесс «переосмысления характера и образов, осознаются носителями языка вне контекста» [Волубуева 2016: 130].

Фундаментом восприятия вымысла может выступать цвет как лингвокультурная адаптационная площадка. Архетипы и механизмы восприятия цветовых семиотических образов у носителей нетождественных языковых картин мира могут быть схожими и различаться в зависимости от стратегий взаимодействия, желания освоения чужого языкового опыта, принятия атипичных образцов мышления, а также лингвокультурной депривации.

Апостериорное познание мира и формирование стиля мышления молодежи, не являлось самоцелью автора, однако вторичная лингвоцветовая картина мира, оформляющаяся посредством чтения и аутентичной экранизации романа Роулинг «Гарри Поттер и тайная комната», – это картина мира, создаваемая языком. По нашим данным, изучение цветовой картины мира вышеупомянутого романа ранее не проводилось, что определяет научную новизну исследования.

Цветопись британской писательницы – это живопись словом, средствами которой являются лексемы-колоронимы, создающие художественные образы, видимые разумом и душою. Цветонинации в значительной мере «поддерживают» эмоциональную составляющую, обнажают всевозможные нюансы душевного мира героя, экспрессии, окрашивают пространство и повседневность персонажей, «подсвечивают» контекстуальную совокупность обстоятельств. Реконструкция контекстуальной категоризации и референции любого текста – это анализ субъективного мировосприятия автором, однако дешифровка семиотического кода может быть найдена в архетипах национальной цветовой картины

мира. Оказиональное представление писателя зачастую определяется как антиэстетические, экстравагантные и, как следствие, отрицательные дистинкции, коннотаты и алломорфы.

Денотирующими цветообозначениями, вписанными Роулинг в роман «Harry Potter and the Chamber of Secrets» [Rowling 1998] на английском языке, являются цветообозначения *black* (68), *green* (41), *white* (25), *red* (18), *blue* (16), *yellow* (7). Суммарный результат колоративов, отобранных методом сплошной выборки, составляет 175 употреблений основных цветообозначений (см. Диаграмму).

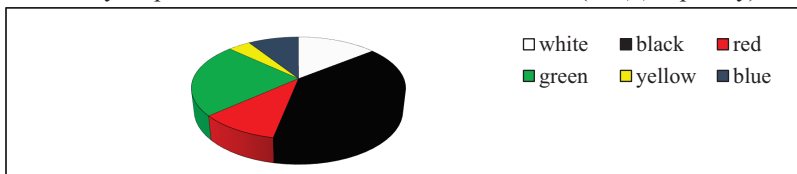

Диаграмма. Базовые цветообозначения в романе J.K.Rowling «Harry Potter and the Chamber of Secrets»

Черный цвет является самым распространенным в данной части цветообозначением и представлен в романе производными *jet-black*, *blackness*, *beetle-black*, *usual black*, *black-haired*. Символами волшебного мира, безусловно, является одежда героев, это и черные шляпы «*black Hogwarts hats*» [Rowling 1998: 65] и мантии (плащи) «*his black robes*» [Rowling 1998: 66], «*a long black travelling cloak*» [Rowling 1998: 194]. Множество артефактов волшебного мира сопровождают героев в их приключениях: перья для письма «*black quill*» [Rowling 1998: 105], свечи «*black candles*» [Rowling 1998: 101], скатерть из черного бархата «*a long table, also covered in black velvet*» [Rowling 1998: 110], густой черный дым «*thick black smoke*» [Rowling 1998: 176], волшебный дневник, хранящий воспоминания о жизни в Хогвартсе «*little black diary*» [Rowling 1998: 249].

Лексико-семантическое поле цвета «green» является вторым по численности в этой части романа и представлено производными и оттенками *emerald-green*, *bright green*, *pale green*, *lime-green*, *greenish*, *purplish green*, *jade-green*. Это может быть объяснено тем фактом, что многие события затрагивают именно змеиный факультет Слизерин. Зеленый цвет в символике Слизерина ассоциируется с магией, природой, силой, еще одним релевантным символом является змея, тоже зеленая: «Have you ever heard of a decent one who could talk to *snakes*?» [Rowling 1998: 150].

Еще один цвет, символизирующий слизеринский факультет – это серебряный (*silver*) (данный цвет относится к дополнительным цветам). Цвет этого металла ассоциируется с остротой ума и магическими способностями героев «*long silver beard*» [Rowling 1998: 63], «*silver tears*» [Rowling 1998: 103], студенты этого факультета хитрые и честолюбивые, стремятся добиться успеха любыми способами. Серебряный цвет находится в противоположности с золотым цветом, который репрезентует Гриффиндор, другой факультет Хогвартса. Слизерин и Гриффиндор – извечные конкуренты и символично, что их цвета также находятся в явном противопоставлении.

Лексико-семантическая категоризация цвета «white» иллюстрирована ядерным колоративом *white*, плюс производные *snow-white*, *pearly-white*, *milky white*, *white-faced*, *white-hot*. Они очерчивают особенности внешности героев, практически каждая часть тела представлена белой, а сами люди описываются жемчужно-белыми, даже «прозрачными»: «It was Nearly Headless Nick, no longer *pearly-white and transparent*» [Rowling 1998: 165]. Белые в произведении и зубы героев «his large *white teeth* gleaming in the sunlight» [Rowling 1998: 76], и губы «Ernie bit his *white lips*» [с.164], и волосы «A wizard, bald except for a few wisps of *white hair*» [Rowling 1998: 197], и голова «pincered head was *milky white*» [Rowling 1998: 224], и руки «He saw Mr Malfoy's *white hands* clench and unclench» [Rowling 1998: 271], «Ron's *knuckles* were *white* on the steering wheel» [Rowling 1998: 62]. Но чаще всего белый цвет встречается при описании лиц героев при выражении негативных эмоций «Harry and Ron stared at each other, *white-faced*» [Rowling 1998: 67], «his *face stark white*» [Rowling 1998: 166], «*White-faced* and wandless, Lockhart approached the opening» [Rowling 1998: 244], «Her face was *white as marble*, and as cold» [Rowling 1998: 249]. Раскаленная добела боль пронизывает все тело Гарри: «*White-hot pain* was spreading slowly and steadily from the wound» [Rowling 1998: 259].

Лексико-семантическая категоризация цвета «red» представлена леммой *red* и инвариантами *bright red*, *dark red*, *red-headed*. Употребление цветообозначения *red* немногочисленно, однако примечательной деталью является красный конверт / магическое письмо «*Hawler*», которое нельзя не принять во внимание, поскольку, если в течение нескольких минут *red envelope* не будет вскрыт, он разрушается от взрыва, а послание оглашается громким голосом «Ron was pointing at the *red envelope*» [Rowling 1998: 68]. После того как письмо зачитывается, оно сгорает, оставляя только пепел «A ringing silence fell. *The red envelope*, which had dropped from Ron's hand, burst into flames and curled into ashes» [Rowling 1998: 70].

Лексико-семантическая категоризация цвета «blue» представлена цветом *blue* и инвариантами *light-blue*, *bright blue*, *forget-me-not blue*, *icy-blue*, *pale blue*, *midnight blue*, *electric blue*. Синий цвет остается частью волшебного магического мира: *blue stars*, «all burning *bright blue*, casting a dim, ghostly *light*» [Rowling 1998: 61], «A chandelier overhead *blazed midnight blue*» [Rowling 1998: 110].

Колороним *yellow* и инварианты *yellowish*, *canary-yellow* описывают цвет глаз героев. Желтые глаза Миссис Норрис, тощей серой кошки (верной помощницы завхоза Аргуса Филча в его бесконечной борьбе со школьниками): «He looked down and found himself gazing into a pair of *lamp-like yellow eyes*» [Rowling 1998: 110]; желтые глаза преследовали Миртл, когда они пытались найти вход в тайную комнату «I just remember seeing a pair of *great big yellow eyes*» [Rowling 1998: 221]. Желтые глаза символизируют опасность, этот цвет глаз ассоциируется с ложью, лицемерием и скрытыми намерениями.

Воздействие, оказываемое цветовыми пресуппозициями, чрезвычайно важно не только для авторского умения в передаче деталей и сосредоточенности на окружающем мире с его вниманием к деталям и образам, но и читательскому

восприятию и творческому осмыслению замысла автора, вскрытию имплицитных, зашифрованных кодов.

Литература

Волобуева О.Н. Концепт «думать» и способы его фразеологизации в русском и английском языках // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2016. № 1 (105). С. 129-132.

Сухова Н.А. Культурно-страноведческая интерференция в деловой коммуникации // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2013. Т. 196. С. 54-57.

Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London: Bloomsbury, 1998.

Anna Yu. Vychuzhanina (Tobolsk, Russia)
D.I. Mendeleyev Tobolsk Pedagogical Institute
(the Tyumen State University Branch)
Yuliya V. Surmjatova (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University

LEXICAL AND SEMANTIC CATEGORISATION OF THE LINGUISTIC COLOUR SPACE IN THE IDIOSTYLE OF J.K. ROWLING (BASED ON THE NOVEL “HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS”)

The following article highlights the lexical and semantic categorization of the linguistic color space of J.K. Rowling's novel “Harry Potter and the Chamber of Secrets” as an integral mental sphere. The links between the integration of color images and semantic layers implicitly express the semiotic code of English linguoculture and the author's fiction.

Key words: linguistic color space, idiostyle, mental sphere

А.А. Галюк (Санкт-Петербург, Россия)
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
alinegaluyuk@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ЗАБОТЫ НА СИНХРОННОМ СРЕЗЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности категоризации лексических единиц синонимического ряда с доминантой *заботиться*. Посредством когнитивно-дискурсивного подхода определяются качественные и количественные характеристики группировки, когнитивная модель ряда, а также особенности когнитивной структуры синонимов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивно-дискурсивный подход, категоризация, когнитивная структура, синонимический ряд, языковая картина мира

В лингвистических исследованиях понятие категории трактуется следующим образом: «это смысловая или формальная основа группировки элементов языка в определенные совокупности и сами эти совокупности» [Виноградов 2019: 520]. Кроме того, это «концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [Болдырев 2006: 6]. Важно отметить, что лексические категории не считаются собственно языковыми. По мнению Н.Н. Болдырева, лексические категории являются не естественными, а логическими (аналоговыми), поскольку в лексической категоризации «реализуется

гносеологическая функция языка» в отличие от грамматической, где имеет место онтологическая дифференциация языковых единиц [там же: 10].

В этом ключе интересно рассмотреть синонимический ряд (далее – СР), представляющий собой результат категоризации бытийной сферы человека на лексическом уровне. СР формируется в результате различных когнитивных процессов (категоризации, сравнения, обобщения, анализа, синтеза, абстрагирования, ассоциации) на базе единого понятия и лексических единиц, репрезентирующих и дифференцирующих его.

В статье на материале контекстов «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и сведений из синонимических словарей ставится цель выявить квантитивную и квалификативную характеристику СР с доминантой *заботиться* для обнаружения особенностей категоризации входящих в данную группировку глаголов. Для достижения поставленной цели используется когнитивно-дискурсивный подход, подразумевающий учет базисных функций языка: обеспечение коммуникации и организация познавательной деятельности индивида. Это позволяет не только определить границы СР, но и выявить его когнитивную модель, трансформирующуюся с учетом дифференциальных элементов когнитивной структуры, входящих в синонимический ряд слов.

СР с доминантой *заботиться* представлен в синонимических словарях следующим образом. В словаре А.П. Евгеньевой указаны лексемы *заботиться, беспокоиться, думать, печься, опекать, радеть* [ССРЯ I: 346]. К.С. Горбачевич не включает лексему *думать*, но добавляет глагол *оберегать* [Горбачевич 2001: 183-184]. В словаре Л.Г. Бабенко включены лексемы *беспокоиться, опекать, радеть, печься* [СТСРЯ 2021: 164]. Во всех словарях глагол *радеть* сопровождается хронологической пометой («устар»).

Отметим, что в словарях происходит совмещение двух значений глагола-доминанты ('беспокоиться, тревожиться о чем-либо'; 'проявлять внимание к нуждам кого-либо') – это связано с тем, что в русском языковом сознании представление о заботе пересекается с тревогой о человеке, в отношении которого проявляется внимание, что ведет к полисемантической доминанты. В результате, на семантико-когнитивном уровне происходит конкуренция лексико-семантических вариантов многозначного глагола. Представляется, что в данном случае имеет место существование двух параллельных синонимических рядов (по терминологии В.Д. Черняк) [Черняк 1991]. Остановимся детально на значении 'проявлять внимание к нуждам кого-либо'. Так, глаголы *думать* и *беспокоиться* не входят в исследуемую группировку, поскольку они относятся к глаголам мыслительной деятельности и эмоционального состояния соответственно. Оказывается неактуальным и глагол *радеть*: он используется носителями русского языка в значении 'выступать в защиту чего-либо'. В последний раз я приехал в Эмден именно порассуждать о формах выражения: в тамошнем Кунстхалле была конференция по проблемам современного искусства. Даром что провинция, а полон зал толстых бюргеров — *радеют* за прогресс, щеки надули [М. К. Кантор. Диссидент осеннего призыва (2011); НКРЯ].

Таким образом, интересующий нас СР включает единицы *заботиться,*

печься, опекать, оберегать.

Глагол *заботиться* – доминанта СР, так как он имеет объемную синтагматическую и ситуативную характеристику (заботиться может человек любого пола и возраста, неодушевленный субъект, забота направлена на другого человека или на объект), именно он репрезентирует прототипический сценарий заботы: трепетное отношение к человеку – желание проявить внимание, избавить человека от трудностей – решение проблем объекта действия, оказание помощи – улучшение психоэмоционального состояния. «*О, милая дочь моя!.. Как я счастлив, что вновь обрел тебя! Позволь же мне вновь **заботиться** о тебе, чтобы не знала ты отныне лишений и бед!*» — «*Нет, отец!* — *отвечала решительно Дева.* — *Теперь я и сама умею **заботиться** о себе*» [Гузель Яхина. Дети мои (2018); НКРЯ]. В семантической структуре глагола фиксируется, что индивид, проявляющий заботу, ответственен. *По мнению отца Лоргуса, задача, которая стоит перед нами: давая другому, **заботиться** о себе.* «*Другого пути нет... Ответственность за поступки, желания, потребности лежит только на нас самих*» [Дарья Рощеня. Горел, горел работой и... сгорел! (2017.06) // 2017; НКРЯ]. Приведенные контексты также иллюстрируют, что проявление заботы – умение человека. Особенно важно научиться заботиться о себе, что фиксируется в дискурсе.

Проявление заботы – перманентное действие: *Путь не уставал о нас **заботиться** и всегда вовремя приходил на помощь, потому что, по словам одного из паломников, «Путь знает про всех, кто сейчас по нему идет, и для каждого есть место на дороге, и приготовлено место для еды, отдыха и сна* [Роман Романов. Vom saminho, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова // «Дальний Восток», 2019; НКРЯ]. Это характерно и для других лексем СР.

Характеристика действия также широко варьирует: при глаголе частотны наречия различных типов (качества, меры и степени, времени и проч.): *Особенно **сильно** Елизавета Федоровна **заботилась** о больных чахоткой, рискуя подчас заразиться неизлечимой тогда болезнью* [Д.П. Дроздов. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017); НКРЯ].

Наиболее близким синонимом к доминанте является лексема *печься*. Глагол имеет схожую лексическую сочетаемость и глагольное управление (*о* + предложный падеж). Однако данный синоним указывает на усиленную заботу. Это подтверждается использованием при лексеме наречий меры и степени: *Женечка **очень** **печья** о себе — и при этом срезал свой извилистый вечерний путь через нехорошие дворы, где под ногами трещали пластиковые бутылки из-под вина и одноразовые шприцы, шлялся по пустырям...* [О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016); НКРЯ]. Отмеченное отличие фиксируется отдельным узлом в когнитивной структуре лексемы («характеристика действия»).

Часто объектом действия является неодушевленное существительное, напрямую сопряженное с индивидом, в отношении которого проявляется забота. *К примеру, не вызовет отторжения, если врач побеспокоит пациента напоминанием о плановой проверке, когда тот стоит на особом учете, или отметит,*

что не все благополучно в результатах анализов. Так пациент поймет, что **клиника печется** не только о деньгах, но и о его здоровье [Г. Костина. Лечить вместе // «Эксперт», 2016; НКРЯ].

Следующий синоним – глагол *опекать*. В отличие от предыдущих лексем здесь прослеживается иерархичность в отношениях субъекта и объекта опеки: предполагается, что более зрелый человек опекает несамостоятельного индивида, при этом забота имеет всесторонний характер: *Ты знаешь, что Женька уже **опекает** одного старичка?.. Старичок одинокий, Женька нашел его, когда отдыхал в Анапе... И теперь с такой нежностью о нем говорит, звонит ему чуть не каждый день, справляется о здоровье, добывает лекарства!* [О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016); НКРЯ]. Важно отметить, что при превышении меры осуществляемой опеки происходит трансформация сценария в последних эпизодах: появление проблем у человека – ухудшение психоэмоционального состояния. Например, *«Был у нас мальчик, которого тоже мать в кадетку привела, но при этом приказала: «Не смей прыгать!»... У нас все десятиклассники прыгают... Ну и как к нему коллектив потом относился? А ведь это не единичный случай, **опекают** в семьях **очень сильно** некоторых парней. И эти же родительницы плачутся, рассказывают, что мы – их последняя надежда, что подростки растут маменькиными сынками»* [Наталья Радулова. Ученицы десантного класса // «Огонек», 2013; НКРЯ]. Итак, в узлах «характеристика субъекта», «характеристика объекта» и «характеристика действия» наблюдается иное наполнение, чем у рассмотренных ранее синонимов, что и влияет на сценарий глагола.

Последний глагол – лексема *оберегать*. Она сближается с *опекать* на основании грамматических свойств (*от* + родительный падеж), а также семантических (глагол предполагает всестороннюю заботу). Но наблюдаются и дифференциальные признаки: субъектом действия могут быть одушевленные и неодушевленные существительные, более того, результатом действия считается обеспечение защиты, а не решение проблем, что закрепляется в сценарии синонима. Также в когнитивной структуре *оберегать* фиксируется временный характер действия: *Годы спустя, потом, я рыдала, расставаясь с папой, улетая в Америку. Он всегда провожал меня, пока не началась его ужасная болезнь. Меня вообще долго **оберегали** от каких-то сложностей в отношениях родителей* [И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015); НКРЯ].

Итак, с помощью когнитивно-дискурсивного анализа было обнаружено, что когнитивной моделью исследуемого СР является «проявление внимания в отношении человека посредством оказания помощи, решения проблем с целью улучшения его психоэмоционального состояния». Эта модель реализуется членами СР с определенными трансформациями, что обусловлено когнитивной структурой лексем.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Виноградов В.А. Категориальность в языке: когнитивно-грамматический аспект // Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / сост. и ред. К.Г. Красухин. М.: Языки

славянской культуры, 2019. С. 519-525.

Горбачевич К.С. Краткий словарь синонимов русского языка / отв. ред. С.А. Кузнецов. М.: Астрель; АСТ, 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель, 2003.

СТСРЯ – Словарь-тезаурус синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021.

Черняк В.Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность // Лексическая семантика. Свердловск, 1991. С. 40-48.

Alina A. Galiuk (Saint Petersburg, Russia)
S.M. Kirov Military Medical Academy

FEATURES OF CATEGORIZATION OF THE VERBS OF CARE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The paper reveals the features of categorization of the lexical units, comprised in a synonymic row with the dominant *to take care of*. By means of the cognitive and discourse approach, the qualitative and quantitative characteristics of the group, the cognitive model of the row as well as the features of the cognitive structure of synonyms are determined.

Key words: cognitive linguistics, cognitive and discourse approach, categorization, cognitive structure, synonymic row, linguistic picture of the world

А.П. Герасимова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
nasty_a_gera_728@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПАРФЮМЕРНОЙ ИНДУСТРИИ

В статье приводятся результаты анализа корпуса парфюмерных номинаций, целью которого является установление связи между концептами ЛЮБОВЬ, РЕЛИГИЯ, ДУША и концептом ПАРФЮМЕРИЯ. Упоминаются также референтные области «Интоксикация», «Физическая и духовная чистота», «Магия и волшебство» и др. Автор прибегает к концептуальной метафоре как к способу пересечения разных концептуальных областей. К анализу привлекались парфюмерные наименования на английском и французском языках. Общий объем лексических единиц составляет 270 единиц.

Ключевые слова: номинация, концепт, концептуальная метафора, ольфакторный словарь, референтная область, метонимия, синекдоха

В настоящее время парфюмерия занимает все более прочное положение в нашей жизни. Многие люди были лишены обоняния некоторое время назад, когда мир захватила пандемия, что естественным образом сказалось на желании восстановить утраченную способность ощущать ароматы. С этих пор культ парфюмерии стал особенно ярко проявляться в современных реалиях.

На первый взгляд связь лингвистики и запаха неочевидна. Однако, по мнению П. Пелоси, изучение языка запахов сравнимо с изучением иностранных язы-

ков, в частности, китайского языка [Pelosi 2016]. Пелоси оперирует такими понятиями, как «химический язык обоняния», «ольфакторный смысл молекул», «неологизмы и заимствования в ольфакторном языке» [там же: 73-76].

Е. Селестин проводит другую параллель, в которой ароматы уподобляются музыке [Селестин 2022]. В современном парфюмерном языке часто употребляются музыкальные термины и сравнения: «ноты композиции», «аккорды нот», «слушать аромат». Сама же Селестин пользуется выражением «партитура времени в ароматах» [там же: 191].

Метафоризация описаний ароматов необходима, так как ольфакторный словарь достаточно беден. Сфера парфюмерии еще не выработала собственные точные и яркие термины. Более того, как полагает К. Классен, нужно «нащупывать точную метафору для нашего обонятельного переживания» [Классен 2003: 45].

Тем не менее, корпус парфюмерных номинаций уже довольно богат. Производители парфюмерии умело используют метафоры в названиях своих композиций, чтобы сыграть на позитивных ассоциациях покупателей, заставив их приобрести тот или иной флакон модного аромата. Если ранее производители парфюмерной продукции пытались привлечь внимание с помощью визуальных способов (Г. Брокар, российский парфюмер французского происхождения соорудил фонтан из одеколона «Цветочный» на Первой Всероссийской Промышленно-художественной выставке в 1882 г., где люди могли совершенно бесплатно набрать в любую емкость неограниченное количество данного одеколона) [Селестин 2023], то сейчас многие обратили свое внимание именно на выразительные средства языка в наименованиях, слоганах и описаниях парфюмерной продукции.

Целью работы является установление связи между концептами ЛЮБОВЬ, РЕЛИГИЯ, ДУША и концептом ПАРФЮМЕРИЯ, а также обозначения референтных областей в парфюмерии, таких как «Злоупотребление алкоголем», «Инттоксикация», «Отдых», «Чистота», «Магия и волшебство» и др. Актуальность данного исследования заключается в том, что парфюмерный дискурс как пример тематического дискурса в последнее время вызывает огромный интерес у лингвистов [Емельянова, Шапошник 2017] на фоне возрастающего парфюмерного блогерства в социальных сетях (текстовый блогинг), а также на видеоплатформах (видеоблогинг), где блогинг в целом можно даже назвать новым форматом журналистики, в котором представляется возможным проследить методы когнитивной лингвистики, а именно использование концептуальной метафоры. В данном случае логично даже говорить о метафорической компетенции [Gibbs, Raymond 2008].

Материалом для исследования послужили парфюмерные номинации более чем 50 брендов-производителей парфюмерии. Тематический, семантический и концептуальный анализ парфюмерных номинаций помог прийти к результатам, описанным ниже.

Можно выделить следующие референтные области в парфюмерии: 1) злоупотребление алкоголем («*Scents of Wood Plum in Cognac*», «*D.S. & Durga The Orchid Drinkers*», «*Bouge Drunk Cherry*») [Герасимова 2023]; 2) интоксикация / запрещенные вещества («*Jusbox Green Bubble*», «*By Kilian Intoxicated*», «*S Parfum Dope*»);

3) духовное развитие и медитация («*Maison Martin Margiela Replica Matcha Meditation*», «*Shiseido Zen*»); 4) отношения мужчины и женщины («*Initio Psychedelic Love*», «*Borntostandout Drunk Lovers*», «*Floraiku One Umbrella for Two*»); 5) физическая и духовная чистота («*Khalis Sandal An Aura of Purity*», «*Mugler Innocent*», «*Maison Martin Margiela Bubble Bath*»); 6) отпуск и каникулы («*Jacques Zolty Flowersea*», «*Montale Sandflower*», «*Carner Barcelona Ibiza Nights*»); 7) магия и волшебство («*Christian Dior Pure Poison*», «*Oriflame Love Potion*», «*Lancome Magie Noire*», «*Bruno Banani Magic Woman*»); 8) Бог и религия («*Stephane Humbert Lucas 777 God of Fire*», «*Stephane Humbert Lucas 777 Crying of Evil*», «*Mark Buxton Devil in Disguise*», «*By Kilian Playing with the Devil*», «*By Kilian Dark Lord*»).

Рассмотрим подробнее референтную область «Отношения мужчины и женщины», где можно выделить следующие группы номинаций: 1) названия ароматов, обозначающие мужчину: «*Zara Man Gold*», «*Dynasty of Monaco Mister*», «*Byredo Mister Marvelous*», «*Antonio Banderas Mister Diavolo*», «*Burberry Mr. Burberry*»; 2) названия ароматов, обозначающие женщину: «*Mugler Womanity*», «*Montblanc Lady Emblem*», «*By Kilian Good Girl Gone Bad*», «*Carolina Herrera Good Girl*», «*Lanvin A Girl in Capri*», «*Azzaro Wanted Girl*», «*By Kilian Woman in Gold*», «*Paco Rabanne Lady Million*», «*Franck Boclet Be My Wife*»; 3) названия ароматов, обозначающие отношения: «*Montale Pure Love*», «*Bershka White Romance*», «*Franck Olivier Passion*», «*Jean Paul Gautier Scandal*», «*Vanderbilt Honeymoon*», «*Franck Boclet Just Married*»; 4) названия ароматов, обозначающие чувства: «*Gucci Guilty*», «*Gucci Ode on Melancholy*», «*Clinique Happy*», «*Demeter Always Happy*», «*Tous Happy Moments*», «*Dior Happy Hour*».

В данном случае мы можем наблюдать явление персонификации, которое согласно классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона относится к онтологическим метафорам [Lakoff, Johnson 2008], помогающим интерпретировать материальный объект, а именно флакон парфюмерной композиции, как человека. Парфюмерию, таким образом, разумно будет рассматривать через призму человеческих мотиваций, характеристик, действий, желаний, эмоций и т. п. Соответственно, флакон духов наделяется человеческими чертами. Однако каждый пример персонификации флакона или аромата отличается от остальных свойствами человека, которые акцентируются в процессе метафоризации. Первая и вторая группа номинаций в референтной области «Отношения мужчины и женщины» фактически отождествляют флакон духов с мужчиной или женщиной, т. е. персонификация в данных примерах сводится к простой идее «Флакон = Человек». С другой стороны, в четвертой группе номинаций ароматов, обозначающих чувства, персонификация уже более специфична, потому что может обозначать, например, нашего обидчика («*Gucci Guilty*»). Более того, если конкретизировать отношения мужчины и женщины, уместно будет упомянуть концепт ЛЮБОВЬ, где собственно у «любви» может быть множество значений от обозначения чувства и привязанности до самого объекта обожания [Kövecses 2010]. Следовательно, и в парфюмерных номинациях, содержащих концепт ЛЮБОВЬ («*Kenzo Amour My Love*», «*D&G Italian Love*», «*Jimmy Choo Love*») можно наблюдать персонификацию, где «любовь» будет обозначать объект обожания, т. е. партнера. Как полагает М. Блэк, для того

чтобы понять, что имеет в виду говорящий, необходимо знать, насколько «серьезно» он относится к фокусу метафоры [Блэк 1990].

Аналогичную картину персонификации также можно наблюдать на примере референтной области «Бог и религия». Доказательством могут послужить парфюмерные номинации, обозначающие борьбу противоположностей – Бога и Дьявола: «*Stephane Humbert Lucas 777 God of Fire*», «*Stephane Humbert Lucas 777 Crying of Evil*», «*Mark Buxton Devil in Disguise*», «*By Kilian Playing with the Devil*», «*By Kilian Black Phantom*», «*By Kilian Dark Lord*», «*Estée Lauder Bronze Goddess*».

Стоит отдельно отметить, что в этой референтной области большое внимание уделяется обозначению человеческой души: «*Avon Perceive Soul*», «*By Kilian Smoke for the Soul*», «*Maison Martin Margiela Replica Soul of the Forest*», «*Ted Lapidus White Soul*», «*sOliver Soulmate*», «*Costume National Soul*», «*Lush Smuggler's Soul*». В этих примерах одна сущность используется для ссылки на другую, которая с ней связана, соответственно в данных парфюмерных номинациях используется метонимия или даже синекдоха, если предположить, что «душа» замещает «человека». Метонимия – это не только референциальный прием. Примечательно, что в примерах с концептом ДУША акцентируется та сторона целого, т. е. человека, которая относится к духовности, а не к материальному миру. Иными словами, метонимия помогает сконцентрироваться на определенной стороне объекта обозначения.

Метафорические процессы, происходящие в рамках номинаций парфюмерной продукции, наглядно показывают, что концепты, относящиеся к совершенно разным референтным областям, накладываются друг на друга и образуют достаточно действенный маркетинговый механизм. Используются преимущественно позитивные концепты (любовь, отдых, духовность) для создания концептуальной метафоры. Языковая рефлексия накладывает определенный отпечаток на способы вербализации парфюмерных композиций, однако «очеловечивание» аромата является наиболее частотным способом.

Литература

- Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
- Герасимова А.П. Концептуальная метафора как способ формирования семантики номинаций парфюмерной продукции // Интерактивная наука. 2023. № 7 (83). С. 55-57.
- Емельянова Т.А., Шапошник Н.А. Гастрономические образы во французском парфюмерном дискурсе // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия. Симферополь: Таврическая академия Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского, 2017. С. 175-183.
- Селестин Е. Дух времени. О чем может рассказать флакон любимого парфюма. М.: Эксмо, 2023.
- Селестин Е. Композиторы ароматов: легендарные парфюмеры XX и XXI веков и их лучшие произведения. М.: Эксмо, 2022.
- Классен К., Хоувз Д., Синотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 41-50.
- Gibbs Jr., Raymond W. (ed.). The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

Pelosi P. On the scent: A Journey through the Science of Smell. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Anastasia P. Gerasimova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL METAPHOR IN THE PERFUME INDUSTRY

In this article, the author analyzes the corpus of perfume nominations to establish a connection between the concepts of LOVE, RELIGION, SOUL and the concept of PERFUME. The referential fields of “Intoxication”, “Physical and spiritual purity”, “Magic”, etc. are also discussed in this paper. The author resorts to conceptual metaphor as a way of overlapping of different conceptual fields. Perfume nominations in English and French were involved in the analysis. The total volume of lexical units is 270 units.

Key words: nomination, concept, conceptual metaphor, olfactory vocabulary, referential field, metonymy, synecdoche

К.Г. Голубева (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
kggolubeva@lunn.ru

Т.В. Сухарева (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
suhareva@lunn.ru

А.В. Архипова (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
arx.nastia@yandex.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ ДЖ. ГОЛСУОРСИ «СОБСТВЕННИК»

Работа посвящена анализу номинативного поля концепта СЕМЬЯ и выявлению индивидуально-авторского компонента в его смысловой структуре в русле семантико-когнитивного подхода. Анализируется частотность концептуальных признаков, на основании чего делается вывод о степени их релевантности.

Ключевые слова: концепт, лексема «family», семантико-когнитивный анализ, индивидуально-авторский стиль

Когнитивная лингвистика является самостоятельной областью современной лингвистической науки и исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении сознанием видов и форм репрезентаций окружающей нас действительности [Стернин 2016: 296].

Концепт как одно из важнейших составляющих когнитивной лингвистики имеет большое количество толкований, характеризующих специфику и характеристику данного понятия. Однако, каждый концепт показывает совокупность

сконцентрированных знаний, результатов познания окружающей среды человека. Так, по мнению В.И. Карасика, под этим явлением подразумевают ментальные смыслы и единицы абстрактного характера, которые хранятся в памяти человека [Карасик 2004: 59]. Иными словами, концепт – это мысль или единица мышления, определенный формат знания или термин, который необходим для объяснения единиц психических или ментальных ресурсов нашего сознания и информационной структуры, посредством отражения приобретенных знаний и опыта человека. Соответственно, одной из важнейших задач когнитивной лингвистики является получение исчерпывающего списка языковых единиц, необходимых для объективизации концепта, интересующего исследователя.

В когнитивной лингвистике существует несколько подходов к исследованию типологии концептов. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин классифицируют концепты по типу знания и отражения действительности посредством представления, схемы, понятия, фрейма, сценария, гештальта; по типу отражаемого знания, по языковой объективированности, по принадлежности и по степени абстрактности [Попова Стернин 2007: 84].

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает переход от содержания значений к содержанию концептов посредством когнитивной интерпретации, описательного этапа или этапа семантико-когнитивного анализа, в отсутствии которого исследование не выходит за рамки лексической семантики [Писаренко 2015: 99]. В исследовании могут проводиться следующие этапы семантико-когнитивного анализа: изучается семантика языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, выявляются и ранжируются когнитивные признаки, формирующие концепт.

Актуальность исследования концепта СЕМЬЯ обусловлена его высокой частотностью в текстах художественной литературы, подвижностью его условно-символических смыслов.

Индивидуально-авторская специфика концепта включает идиосинкразические смыслы и сопряжена с пониманием концепта как многомерного ментального образования, как кванта переживаемого знания. [Манджиева 2023: 3]. Немаловажным является тот факт, что концепт как категория абстрактного мышления воплощается в языке посредством слова, что позволяет анализировать этот феномен с лингвистической точки зрения. Знание писателя, представление индивидуально-авторской картины мира дополняет такие содержательные формы слова как образ, символ, понятие. По мнению В.И. Карасика, такие концепты являются смысловыми универсалиями концептуальной системы, поскольку данные типы концептов играют ключевую роль в системе ценностей автора, приобредая приращения смысла, способствуя раскрытию богатства содержания концепта [Карасик 2002: 17]. Соответственно, результат восприятия и постижения информации, которые рождаются в сознании авторов, излагается при помощи языковых средств и становится достоянием читателей.

Методом сплошной выборки были выделены 36 контекстов, объективирующих концепт СЕМЬЯ. В корпус исследуемых контекстов вошли как прямые, так и ситуативно-контекстуальные характеристики, раскрывающие содержательные

компоненты концепта, отвечающие за передачу позиции автора. Материал ограничен первой главой («At Home at Old Jolyon's»), что обусловлено композиционными особенностями романа: именно в ней Форсайты представлены читателю как клан, объединенный общностью жизненных установок, принципов и отношений.

В результате семантического анализа единиц номинативного поля исследуемого концепта и последующей когнитивной интерпретации были выявлены когнитивные признаки – составные элементы содержательной структуры концепта. Ниже данные признаки приведены, а также указаны лексические единицы, их объективирующие.

1. Сплоченность против общей угрозы как признак семьи 16: family festival 1, gathering (of this family) 1, concrete tenacity 1, the family were present (In the bravery of light gloves, buff waistcoats, feathers and frocks; When a Forsyte was engaged, married, or born) 2, in defiance of something 1 (as though they were attired), on their guard 1, offensiveness 1, resentful of something (as a family) 1, resentment (expressed itself in an added perfection of raiment, an exuberance of family cordiality, an exaggeration of family importance, and – the sniff), danger (the Forsytes scented) 1, the premonition of danger 1, a burnish on their armour 1, in contact with some strange and unsafe thing (1), an expression of distrust (1), mysteriously united (in spite of all their differences) 1, had taken arms against a common peril (1), like cattle (when a dog comes into the field, they stood head to head and shoulder to shoulder, prepared to run upon and trample the invader to death) 1.

2. Семья как социальный институт 11: so formidable a unit of society (which renders a family) 1, a reproduction of society in miniature 1, “of a certain position” 1, had shares 1, in consols (with the exception of Timothy) 1, collected pictures 1, were supporters (of such charitable institutions) 1, inherited a talent for bricks and mortar (from their father, the builder) 1, members of some primitive sect (originally) 1, members of the Church of England 1, paid for pews 1.

3. Семья как живой организм 9: in full plumage (an upper middle-class family) 1, a tree 1, fibrous 1, sappy 1, persistent 1, flourishing 1, foliage (bland, full) 1, in an almost repugnant prosperity 1, at the summit of its efflorescence 1.

В исследуемой главе романа клан Форсайтов представлен на пике расцвета и благополучия и сравнивается с могучим деревом, покрытым густой листвой. Выразительность метафоры «Семья – это дерево» усиливается оксимороном «отталкивающая пышность» («repugnant prosperity»), подчеркивающим несомненное процветание Форсайтов и их высокое положение в обществе.

Другим характерным когнитивным признаком, выраженным автором в описании Форсайтов как семьи в целом, является указание на их сплоченность и единение, проявляемое в общей, схожей реакции на потенциальную внешнюю угрозу. В данном случае объединение семьи перед лицом опасности передается посредством оппозиции «свое – чужое», где «чужое» представлено в образе Филипа Босини, который является источником дурных предчувствий, олицетворением странного и небезопасного («strange», «unsafe»). Одна из его номинаций – «посягатель», «захватчик» («invader»). Соответственно, естественной реакцией на его присутствие будет объединение и отпор («trample to death»).

Форсайтам важно подчеркнуть положение в обществе: занятие определенной позиции («a certain position»), высокая доходность капиталовложений, благотворительность и формальная религиозность («paid for pews»).

Анализ частотности выделенных признаков позволяет определить, что наиболее значимой характеристикой является «Сплоченность против общей угрозы» (44,4%). Следующим по релевантности признаком является «Семья как социальный институт» (30,5%). Наименее частотным компонентом индивидуально-авторской интерпретации содержания концепта является метафорический признак “Семья как живой организм” (25,1%).

Обратимся к данным лексикографических источников, чтобы определить статус выявленных признаков и возможность их соотнесения с индивидуально-авторской картиной мира. Согласно Oxford Advanced Learner’s Dictionary, лексема family трактуется как «a group consisting of one or two parents and their children». Второе значение регистрируется как «a group consisting of one or two parents, their children and close relations». Также словарь фиксирует значения «all the people who are related to each other, including those who are now dead», «a couple’s or a person’s children, especially young children», «a group into which animals, plants, etc. that have similar characteristics are divided, smaller than an order and larger than a genus» и «a group of related languages».

По данным Cambridge Dictionary, лексема family определяется как «a group of people who are related to each other, such as a mother, a father, and their children», «the children in a family» и «a group of similar types of plants or animals that are related to each other». Таким образом, доминантными компонентами в структуре значения лексемы family являются семьи «дети», «родственники», «представители одного вида».

Сопоставление лексикографических данных и концептуальных признаков, выявленных в результате семантико-когнитивного анализа, позволяет сделать вывод об их несовпадении, что подтверждает гипотезу о том, что текст «анализируемого произведения отображает в первую очередь индивидуально-авторскую картину мира, его концепцию» [Голубева, Сухарева 2022: 110].

Литература

Голубева К.Г., Сухарева Т.В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2022. № 3 (59). С. 99-114.

Карасик В.И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2002. № 1 (01). С. 14-23.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2004.

Манджиева С.В. Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на примере коротких рассказов американского писателя Д. Чивера) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 2.

Писаренко О.А. Семантико-когнитивный подход к языку как одно из направлений в современной когнитивной лингвистике // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Филологические науки. 2015. № 7 (12). С. 97-99.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Стернин И.А. Когнитивная семасиология и лингвоконцептология // Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы / под ред. З.Д. Поповой. М.; Берлин:

Директ-Медиа, 2016. С. 295-297.

Словари и источники языкового материала

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/family>.
Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book 1: The Man of Property. М.: Ппорпец, 1973.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/family_1.

Kristina G. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Tatiana V. Suhareva (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Anastasia V. Arkhipova (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Linguistics University

APPROACHES TO THE IDENTIFICATION OF THE AUTHOR'S IDIOSYNCRASY IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE CONCEPT "FAMILY" IN THE NOVEL BY J. GALSWORTHY "THE MAN OF PROPERTY"

The paper analyzes the nominative field of the concept FAMILY and describes approaches to the identification of the author's idiosyncratic component in its semantics structure within the framework of the semantic-cognitive analysis. The determined conceptual characteristics are ranked in terms of relevance on the basis of frequency analysis.

Key words: concept, lexeme "family", semantic-cognitive analysis, the author's idiosyncratic style

Н.А. Голубева (Нижегород, Россия)

Нижегородский государственный лингвистический

университет им. Н.А. Добролюбова

nagol@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «ПРЕДЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА»: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлена ранее не исследованная семантическая категория «предельность жизни человека» в междисциплинарном аспекте – когнитивной лингвистики, логики, философии, мифологии и психологии. На материале немецкого языка выявляется ее прототипический концептуально-семантический признак-стимул «недоставать чего-либо», реализуемый лексемой *knapp*.

Ключевые слова: категория «предельность жизни человека», возраст, когнитивный механизм, прототипический концептуально-семантический признак

Неожиданное направление собственного научного интереса и толчок к новому поиску дал интереснейший доклад О.А. Леонтович на конференции в Челябинске в 2023 г. о концептуализации возраста, который «вдруг» обозначил горизонты малоизученного, ведь именно определенный возраст для каждого конкретного человека является предельной чертой «отмеренной ему жизни» (*das bemessene Leben*). Еще более мощным триггером стала точка зрения на темпоральность как «ограниченность человеческой жизни во времени» и «приблизительные границы жизни» [Леонтович 2023]. Экзистенциальный смысл этих выражений тут же отослал меня к книге известного немецкого лингвиста Г. Вейнриха, в

которой ключевым словом является коррелирующий с вышеназванными термин «das befristete Leben» [Weinrich 2004].

Человеческая жизнь коротка, каждый из нас знает это интуитивно, во всяком случае, с годами, когда он стареет и осознает, что отведенный ему в перспективе оставшийся отрезок жизни заметно сократился. И не только отрезок жизни сам по себе невелик (хотелось бы много больше). Текущее время в повседневной жизни компримируется путем разного рода временных ограничений – временных установок в виде календарей встреч или визитов к врачу, а также в деловой жизни согласно правовых или официальных временных предписаний. Мифология, история, философия, литература по искусству сыграли существенную роль в осознании кратковременности, или предельности существования того или иного временного феномена в виде эры, эпохи, поколения, возраста и др., в том числе, нашей жизни как экзистенциальной сущности и сформировали сферу нашего ментального лексикона, выражающего это временное значение, ср.: *Die Zeit ist kurz, die Kunst ist lang.* (J.-W. Goethe) (Время преходяще, искусство вечно; перев. – Н.Г.).

Цель настоящей статьи показать на материале немецкого языка осмысление и языковую рефлексию семантической категории «предельность жизни человека», обозначенную как *das befristete Leben*. Пожалуй, синонимом этого прототипического выражения может стать «продолжительность жизни человека» (*Lebenserwartung*). Новизна исследования видится в когнитивном и лингвофилософском ракурсе рассмотрения этой семантической категории.

Не хватает времени, денег, рабочих мест, где-то не хватает пресной воды. Все эти сущности мы выразили бы прилагательным *knapp* (*скудный / ограниченный*). Нам хотелось бы иметь то, чего не имеем, и часто из-за того, что его мало. Хорошего и красивого в жизни, как правило, недостаточно, а потому им не прельщаются. Ср., *genug des Guten* (*хорошего понемножку*). Концептуально-дефиниционный анализ лексикографических источников [НРФС 1968; NDW 1995; LG 1998] показал, что для слова *knapp*, как и слов *klein* (*маленький*) и *kurz* (*короткий*), существует определение *Karenzwort*, слово, обладающее когнитивно-семантическим признаком «недоставать чего-либо», его синонимом будет *Mangel* (*недостаток*), ср.: *Karenzeit / Karenzfrist / Sperrfrist* (*время / срок ожидания*). Признак «недостаток» для слов *klein* и *kurz* имеет свою семантическую противоположность в лексемах *groß* (*большой*) и *lang* (*долгий / длинный*), ср. выше цитату И.-В. Гете. Их полные противоположности лежат на поверхности, так как они исчерпывают движение соответствующей меры на шкале от одного конца к другому. В случае с *knapp* такой противоположный когнитивно-семантический признак не обнаруживается, он «плавает» между *üppig* (*обильный*), *reichlich* (*обильный / достаточный*) и *übermäßig* (*чрезмерный / непомерный*). В лучшем случае *knapp* выражает контрадикторный когнитивно-семантический признак, достигающий только средней меры *genug* (*достаточный*), и до противоположного конца шкалы это признак не доходит. Он ограничивается положением, где начинается когнитивно-семантический признак *Übermaß* (*чрезмерность*). Правильность наших рассуждений проверяется семантической ситуацией, когда какой-либо

сущности хватает, т. е. через отрицание состояния nicht knapp sein. Ср.: Ich habe Zeit genug (*У меня достаточно времени*). Arbeit habe ich genug (*Работы мне хватает*) и др.

Можно продвинуться в концептуализации семантики этих слов при опоре на их историческое развитие [Kluge 1975]. Лексема knapp является старым немецким словом, появившимся изначально в нижненемецких землях. Она производна от глагола knappen (*экономить*) и семантически роднится с глаголами knapsen (*скутиться*), kneifen (*щипать / ущипнуть*), knipsen (*щелкать / прищелкивать*). Эти слова обозначают умаление, урезание, измельчение чего-то, т. е. экономно распорядиться чем-либо. Без ножа или ножниц здесь не обойтись. Knapp – метафора немецких портных дел, потому что там, где платье тянет, узко или коротко, выручает эта лексема; ср.: Das Kleid sitzt sehr knapp, dass es nicht richtig passt (*Платье малó, оно не по размеру*).

Таким же узким и коротким может быть время; ср.: Die Zeit ist knapp, wir müssen uns beeilen (*Времени в обрез, нам следует поторопиться*). Согласно римской мифологии время тоже отмеряют и отрезают каждому смертному в этой жизни, если вспомнить о богинях судьбы Парках, которые пряли и обрезали нить жизни каждому человеку [МС 1991: 430]. Жизнь предлагает интересный сценарий проследить ее изгибы, завихрения и переплетения, делающие эту нить жизни geknarrt / bemessen, ограниченной во времени. Однажды созданная, она не может быть продлена, и время в конце жизни всегда становится благом, которого не хватает, что хорошо показано в романе Э.-М Ремарка «Zeit zu leben, Zeit zu sterben» (*Время жить, время умирать*).

Левой границей категории das befristete Leben является рождение человека, а правой – смерть. Ближе всего к последней находится «старость». Обе лексемы – «возраст» и «старость» передаются лексемой Alter (мн. ч. Altersgruppen, Altersstufen – *возрасты*). Она восходит к древневерхненемецкому alt в значении aufgewachsen (*выросший, подросший*). Первое значение Alter индифферентно к хронологическому признаку возраста (детство, юность), второе как антоним к Jugend (*молодость*) профилирует его в сторону увеличения прожитых лет, происходит сужение значения; ср., Im Alter lässt oft die Konzentration nach (*В возрасте концентрация снижается*). А выражение ein biblisches Alter (*библейский возраст*) содержит аллюзию на Адама и его потомков до Ноя. По библейской легенде Адам жил 800, а Ной 500 лет [НРФС 1975: 28].

В этом случае при рефлексии значения alt (*старый*) у носителя языка возникает когнитивный диссонанс при осмыслении структуры Wie alt bist du? (*Сколько тебе лет?* Досл.: Как **стар** ты?), особенно, если ответ будет Ich bin 10 Jahre alt / jung (*Мне 10 лет*; досл. Я 10 лет **стар / молод / юн**). Будоражит сознание также структура Er ist 97 Jahre jung (*Мне 97 лет*. Досл.: Он 97 лет **юн**). На этот процесс указывают и другие языковые структуры со словом alt и его производные; ср.: Peter ist 2 Jahre älter als Annet (*Петр на два года старше Ани*) при наличии прецедентного знания, что оба они ходят еще в детский сад. Не менее интересные наблюдения открываются при анализе этой лексемы в рамках прецедентно-номинативного микрополя; см. подробнее в [Голубева 2022].

Особый случай когнитивного искажения с этой лексемой можно увидеть в структуре так называемого «этического компаратива» с перевернутой градацией усиления семантического признака «старость», когда *tertium comparationis* для сравниваемой сущности является противоположный признак возраста. Так, структура *eine ältere Frau* (*пожилая женщина*), где прилагательное *alt* (*старый*) стоит в сравнительной степени, старше, чем *eine junge Frau* (*молодая женщина*), но не такая старая, как *eine alte Frau* (*старая женщина*). В этом случае усиление когнитивно-семантического признака в форме *älter* (*старше*) выражается не в отношении признака *alt*, а признака *jung* (*молодой*). Таким образом выстраивается когнитивная цепочка *jung – älter – alt* (*молодой – старше – старый*) с обратной логикой, так что *die ältere Dame* (досл. *более старая женщина*) моложе, чем *die alte Dame* (*старая дама*). Аналогичный когнитивный процесс наблюдается и с лексемой *jung*, в результате чего на шкале возраста *die jüngere Dame* (*зрелая дама*) оказывается старше, а не моложе, к чему ее обязывает грамматическая форма, чем *die junge Dame* (*молодая дама*). Это отношение смысловой восполняемости вокруг одной и той же сущности под двумя противоположными углами зрения, создают смысловую перспективу взаимозаменяемости (обратимости). Посмотрим далее на когнитивно-семантические признаки старости как предельного отрезка жизни человека (*Altersgrenze*). Самой смыслоемкой, эвфемистической лексемой является *vorgeschriftenes / fortgeschrittenes Alter* (*пожилой возраст*) (Part. II от глагола *vorschreiten / fortschreiten – продвигаться вперед*), в нашем понимании, к черте жизни, ср.: *j-s Zeit ist gekommen* (*пришло чье-л. время умирать*). Атрибутивными синонимами выступают также *bejahrtes / betagtes Alter*; досл.: *поживший годы / дни возраст*. Заметный аксиогенный компонент содержится в определениях *hohes / ehrwürdiges / biblisches / kritisches Alter* *высокий / почтенный / библейский / критический* возраст.

Таким образом, междисциплинарный подход к анализу категории «предельность жизни человека» позволил выявить ее прототипический концептуально-семантический признак-стимул «недоставать чего-либо», который реализуется лексемой *knapp*, дающей возможность интерпретировать множество временных смыслов-реакций с когнитивной доминантой на возрасте «старость» при участии целого ряда когнитивных механизмов и принципов: профилирование, перспективизация, метафоризация, когнитивное искажение, отсылка и др.

Литература

- Голубева Н.А. Когнитивное моделирование номинативной системы языка // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография. Вып. 4 / отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2022. С. 27-46.
- Леонтович О.А. Потенциал лингвокогнитивной интерпретации возраста // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 58-63.
- МС – Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991.
- НРФС – Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин; под ред. М. Клаппенбах и К. Агрикола. М.: Русский язык, 1975.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: de Gruyter, 1975.
- LG – Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache: M.: Mapт, 1998.

NDW – Neues deutsches Wörterbuch / I. Steiner. Bergisch-Gladbach: Lingen Verlag, 1995.

Weinrich H. Knappe Zeit. Kunst und Ökonomie des befristeten Lebens. München: Verlag C.H. Beck, 2005.

Nadezhda A. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

THE CATEGORY “THE LIMIT OF HUMAN LIFE”: AN INTERDISCIPLINARY ASPECT

The article presents a previously unexplored semantic category “The limit of human life” in an interdisciplinary aspect – cognitive linguistics, logic, philosophy, mythology and psychology. Based on the material of the German language, its prototypical conceptual and semantic feature is revealed – the incentive to “miss something”, implemented by the lexeme *knapp*.

Key words: “limit of human life” category, age, cognitive mechanism, prototypical conceptual feature

Ekaterina E. Golubkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Financial University under the Government of the Russian Federation
katemg@yandex.ru

THE CASE OF “SLOTH” OR WHAT DO WE CALL THE PROCESS OPPOSITE TO METAPHOR?

The article discusses the phenomenon, which affects words like *sloth* in English and attempts at justifying it as a case of metonymy or objectivization of an abstract nomination relying on the notion of frame.

Key words: metaphor, metonymy, idealized cognitive model, frame

Metaphor serves as a crucial component of thought and language and a noteworthy facet of our creative faculties. Usually a word begins with a literal, concrete meaning (for example, *drop the weapon*). Then, eventually, it starts being used metaphorically (*drop a line / the subject / an album*). Thus, metaphor is defined as understanding one domain of experience (that is typically abstract) in terms of another (that is typically concrete) [Kövecses 2017]. That is not the case, however, with some words.

Turning a somewhat vague abstract idea into a more specific object or artifact, these words began as metaphors and then ‘went backwards’. As far as we know, there is no universal term for this process. The term *demetaphorization* is already occupied and defined as a process when a (source) language metaphor is translated / objectified by a non-metaphoric expression [Бабенко 2013]. On the other hand, the term *reversed metaphor* was used for describing such cases as *my job is a jail – my jail is a job*. The reversed metaphors were rated as interpretable and interpretation was based on the same ground used in interpreting the metaphors in their canonical order [Campbell, Katz 2006]. Another term, *literalization* of metaphor, fits the cases when the metaphorical meaning is contextually literalized, as in V. Mayakovsky’s pronouncement about an unfriendly listener of his poems who physically left his seat (Russian, *из ряда вон выходящий*) showing his disrespect of the poet. Thus, we will use the term *de-abstractivation* for now to describe the process in which the abstract meaning of a word, which, as one might assume, appeared first, precedes a specific meaning. The process of de-

abstractivation is somewhat underresearched and needs more attention, since the origin and the main features of this linguistic phenomenon are unexplored.

The aim of the paper is to analyse this unique process at the level of rare individual words whose etymology indicates that their secondary meaning was derived from the primary abstract one, and secondly try to find the suitable definition to this phenomenon among the available. The first step of analysis requires that we alienate the cases such as *sloth* – the slow-moving South American mammal first called so in 1600s, from the cases of metaphor. The usual trajectory for words that have multiple meanings, especially if one of them is an abstract meaning, to have a concrete meaning that comes first. And then there is a metaphorical extension. For example, in *a busy bee*, we know the metaphorical meaning of the word *bee* – a hardworking person who is constantly busy doing something useful, but the first literal meaning is an insect that is busy with work. That is, initially we know the word *bee*, and then we transfer its characteristics and distinctive features onto a person [Merriam-Webster 2022]. The metaphors of this kind derive from more basic meanings of words and reflect a high degree of polysemy and idiomaticity in the structure of the mental lexicon. The prevalence of metaphor is demonstrated through the abundance of polysemy and idiomatic expressions in language. This led to the development of conceptual metaphors theory which describes a systematic set of correspondences between two domains of experience [Kövecses 2017].

This set of mappings is systematic, it commits a coherent view of one entity, more familiar, that is mapped onto another, somewhat new. It turns out that for *sloth* the route of meaning extension is the opposite. Thus, considering the entry for the word *sloth*, the original meaning of this word was *disinclination to action or labor*. Or was it? Etymological sources trace back the meaning of *sloth* to Proto-Germanic *slaiwaz ‘blunt, dull, dim-witted, slow’ (<https://etymologeeek.com/eng/sloth>), indicating to a somewhat abstract meaning the word acquired from the start. So, the famously slow-moving arboreal mammal was named for that quality of indolence. Examples of the usage of this word can be found in numerous sources and articles dedicated to the topic of nature, environment and animal species. Thus, in Perrin Ireland, Discover Magazine, 9 July 2013 we can read, “The leisurely pace of a sloth or koala ambling through the forest can certainly seem desirable, but those habitats and lifestyles aren’t for everyone”. That indolence meaning existed for about 400 years, before the word came to refer to the animal. We can even see the usage of this exact meaning in press, Mark Phelan, Detroit Free Press, 6 Oct. 2022, “Don’t mistake the Maybach’s smoothness for *sloth*”.

Alternatively, this shift could also be semantically described as a type of narrowing, where the word’s meaning becomes more specific or restricted over time. In this case, the word *sloth* has shifted from a broader concept of laziness to a more specific reference to the slow-moving animal. Another, cognitive term for this specific case of semantic shift could be metonymy, namely synecdoche, which is viewed as a *stand for* relation, where the name of one thing, the source or vehicle, is used to refer to another thing, the target, with which it is associated or contiguous. In this case, the animal’s name *sloth* is a metonymic extension of the original meaning of the word, as the animal is closely associated with the concept of laziness and slowness. Metonymic reasoning is in fact a pervasive and ubiquitous phenomenon, but more widespread when a smaller component of something

stands in for the larger whole, or rather, one specific component substitutes another one.

As is known, the whole concept of metonymy is based on the Idealized Cognitive Model (ICM) or conceptual frames, which are mental representations of typical situations and their typical elements. These frames or ICMs have interrelated and conceptually contiguous elements that can be used in metonymy. Any frame element evokes the frame as a whole and, concomitantly, other elements within the frame network. Thus, the *sloth* frame includes the arboreal animals, slowness in the mindset; disinclination to action or labour, lateness, indolence, a collective term for a group of bears, one of the deadly sins. Each of the meanings can be exploited by metonymy. This allows us to make metonymical shortcuts in speech. Interestingly, a lazy individual, called so by virtue of metaphor, can further on continue the metonymic-metaphoric cline, pointing to the inextricable connection of these cognitive processes.

However, our collection of words which historically started out as abstract notions, narrowing down their semantics to their metonymic projections is very limited due to the fact that most of the candidates, mostly borrowings, such as *parasite*, *capuccino*, *jeans*, *trivial*, *whiskey*, turned out to have had some ancient concrete meaning in the source language or in the language of origin. So far, we have elicited a humble dozen of words that seem to conform to the requirement of naming abstract entities first and turning into the names of specific objects later in history. Among them are *engine* from the Latin *natural disposition or talent*, *disaster* from the Old Italian *unfortunate event cause by the alignment of celestial bodies*, *toothsome* (*palatable flavour* now) – *from visually appealing, yummy – pleasurable gratification, delicious* from the Latin *delicere* (*allure*), *accordion* from *playing and tuning an instrument*, *aventurine* initially *a chance, now a gem, alibi* from Latin *to be in some other place*, and *computer* from *compute* (*count*).

Thus, a plausible definition to the process of specification and ‘objectivization’ of meaning of abstract nouns seems to be metonymy, which in a concentrated mapping technique exploits the prototypical features of the initial conceptual frame of an abstract notion.

Литература

Бабенко И.А. Деметафоризация как характерная черта поэтики русской сатирической драматургии XIX–XXI века // Актуальные проблемы литературоведения. 2013. С. 111–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demetaforizatsiya-kak-harakternaya-cherta-poetiki-russkoy-satiri-cheskoy-dramaturgii-xix-xx-vv/viewer>.

Campbell J.D., Katz A.N. On Reversing the Topic and Vehicles of Metaphor. Department of Psychology University of Western Ontario. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/228873498_On_Reversing_the_Topics_and_Vehicles_of_Metaphor.

Kövecses Z. Conceptual metaphor theory // Routledge handbook of metaphor. Eötvös Loránd University. Budapest, Hungary. Routledge. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/311403391_Conceptual_metaphor_theory.

Merriam-Webster. Words That Began as Metaphors, Word Matters Hosted by E. Brewster, A. Shea, and P. Sokolowski. Produced in collaboration with New England Public Media, 2022. URL: <https://art19.com/shows/word-matters/episodes/ba1667ae-5323-473e-8346-fc9c4bb1f7ae>.

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

СЛОВО «SLOTH» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ИЛИ КАК НАЗВАТЬ ПРОЦЕСС, ОБРАТНЫЙ МЕТАФОРЕ

В статье обсуждается феномен изменения значения слова *sloth* в английском языке и на основе понятия фрейма предпринимается попытка обоснования данного процесса как метонимии или объективизации абстрактной номинации.

Ключевые слова: метафора, метонимия, идеализированная когнитивная модель, фрейм

И.Ю. Гранева (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Irina.graneva@mail.ru*

Л.И. Жуковская (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
lara@unn.ru*

КОНТЕКСТЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются контексты противопоставления русских личных местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, участвующие в языковой концептуализации некоторых ценностных доминант национальной ментальности в плане культурной оппозиции «своего» и «чужого» мира, прежде всего идеи о преобладании коллективистского начала над индивидуалистическим, а также представления о повышенной значимости неформальных, душевных отношений между людьми.

Ключевые слова: контексты противопоставления, русские личные местоимения, ценностные доминанты, языковая концептуализация мира, национальная ментальность, культурная оппозиция СВОЕ – ЧУЖОЕ

В работе развиваются некоторые, высказанные авторами в предыдущих работах положения о том, что местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в своих нереперентных употреблениях играют значительную роль в языковой концептуализации ряда ключевых доминант языковой ментальности [Гранева, Жуковская 2020; Гранева 2021]. Иначе говоря, местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в дискурсивной реализации имеют немало возможностей для выражения определенного круга общенациональных ценностей, т. е. всего того, что можно именовать «совокупным духовным миром» этноса, или набором «культурных смыслов» [Радбиль 2006]. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Предлагаемая в работе модель когнитивно-дискурсивного анализа специфических контекстов, в которых соприисутствуют, т. е. сопоставляются или противопоставляются указанные местоимения, опираются на концепцию когнитивно-

дискурсивного исследования «языка ценностей» Т.Б. Радбиля [Радбиль 2020; Русский язык 2021]. Именно в контекстах совместного употребления личных местоимений, например, Я и ВЫ, МЫ и ВЫ, МЫ и ОНИ и пр. они становятся значимым средством оценочной интерпретации действительности в культуре и языке.

Так, местоимение Я в ценностном аспекте, в противопоставлении ТЫ, МЫ и ВЫ выражает ценностно-значимое представление об уникальности и неповторимости Я, о самодостаточности и духовной значимости человеческой индивидуальности. Например, Я в противопоставлении с ТЫ осмысляется как естественный центр мира для говорящего: *Все встало на свои места. И совпало! Мир завершен. И не ты, а я в центре! Я! Это же я – личинка-пожиратель мозга! <...> да, это мой мир, мой дом, все здесь обработать нитками, не магнитной пленкой, а нитками!* [НКРЯ 2000]; «Ты» не есть «я» – «я», как таковой, есмь безусловно единственный, могу мыслить себя лишь в единственном числе; и в этом смысле всякое «ты» есть нечто совершенно иное, чем я [НКРЯ 1938]. Такое ценностное выделение Я может подчеркиваться употреблением специализированной фразеологизованной конструкции *Не знаю как ты, а я...* с эмфатическим усилением: – *Не знаю, как ты, а я надеюсь только на свои силы* [НКРЯ 1995]; *Не знаю, как ты, дорогой друг, а я – монархист...* [НКРЯ 2003].

Местоимение Я в контексте противопоставления с МЫ акцентирует идею выделенности Я из некоей общности, установку на самоопределение личности в мире: *Не «мы», разумеется, а «я», потому что все, о чем пишет Витгенштейн, – это голое, чистое, одинокое «я», одно только и способное почувствовать ту «высочайшую беду», которую может испытывать один отдельный человек...* [НКРЯ 2006]; – *Повторяю: вы о нем слишком высокого мнения! – Если ты прав – значит, он окончательно утратил способность рассчитывать свои действия. Просто стыдно, что мы с ним столько времени возимся! – Не «мы», а я, – возразил Грачик. – Один я виноват в этой затяжке* [НКРЯ 1950].

Местоимение Я в контексте противопоставления с ВЫ подчеркивает значимость, уникальность своего мира, который является правильно устроенным, выступает как естественное мерило нормы для говорящего: *И все же я прав, а не вы, хотя я не так думаю* [НКРЯ 1960]; *И пока еще нарком я, а не вы, – я не позволю вам руками победившего пролетариата сводить счеты со своими литературными противниками и вместо пролетарской диктатуры устанавливать собственную!* [НКРЯ 2002]; – *Вон, – орал он, топая ногами, – вон! Не вы уходите, я выгоняю! Вон!* [НКРЯ 1946].

Есть контексты, когда актуализуются оба типа противопоставления – с МЫ и с ВЫ: *Колодец с журавлем – Колодец с журавлем – это я, и старый тополь – это я, и лес, и речка, и луга – не вы, не мы, а я. – Я теперь гораздо лучше все вижу, кругозор мой расширился, очень сильно расширился, и понимание мое теперь углубилось...* [НКРЯ 1965].

Местоимение ТЫ в ценностном аспекте, в противопоставлении ВЫ, выражает позитивно-оценочную маркированность задушевного и неформального, неофициального модуса общения между людьми, идею о его ценностном приоритете над

регламентированной официальными, статусными ролями говорящих коммуникацией: *Но тотчас заметила, что я «ученый» – и переменяла свое привычное «ты», с которым обращалась ко всем своим, на церемонное «вы»* [НКРЯ 1943].

Это в свою очередь отражает определенное неприятие в русском мире ценностей дистанции между людьми как знака возможной душевной холодности, равнодушия, фальши или неискренности: *А Женя, в свою очередь, начал смотреть на Голева уважительно и зачем-то перешел обратно от дружеского «ты» к холодному «вы», которое царапало Голева всякий раз, потому что звучало из Жениных уст совершенно инородно* [НКРЯ 2002]; *То, что начиная с записки от 26 апреля 1803 года, сердечное ты надолго сменяется холодным вы...* [НКРЯ 2000]; *Она даже нечаянно начала ей говорить ты, как и Райскому, когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное вы, и она оставила за собой это право* [НКРЯ 1869].

Местоимение МЫ в контексте противопоставления с ОНИ выражает оценочную реакцию, направленную на **разделение, противопоставление** референтной группы МЫ и ОНИ в качестве «своих» и «чужих»: *Мы их выбирали? ... Мы голосовали за то, чтобы быть кому-то из них всенародно избранным олигархом?* [НКРЯ 2003]. Здесь противопоставляется референтная группа МЫ ‘весь народ’ и референтная группа ОНИ ‘олигархи’, которые тем самым выводятся за пределы группы ‘народ’ и помещаются в поле отрицательной оценочности. Это противопоставление обычно эксплицировано в контексте за счет употребления ОНИ: *Вся русская история строится на противостоянии «мы» и «они»* [НКРЯ 2003].

Осознанное употребление в разных типах дискурса подобного МЫ Е.Н. Ремчукова связывает с тем, что категория лица является «излюбленным» объектом грамматической рефлексии носителей языка [Ремчукова 2005: 119]. Поскольку «лицо у местоимений, занимая место лексических значений, оказывается главным в слове, оно дано как бы крупным планом» [Гин 1996: 109], говорящий находит возможность актуализовать это значение по типу «обычной» номинативной единицы, задействовать его в разных типах ценностно значимых сочетаний (*ваше «мы»*) или противопоставлений («мы» и «они»): *В условиях обострения межнациональной напряженности происходит поляризация граждан по принципу «мы» и «они», причем этот процесс затрагивает даже детей* [НКРЯ 2002].

Нетрудно видеть, что подобные употребления ВЫ (часто в контексте совместной встречаемости с МЫ) актуализуют в дискурсе древнейшую архетипическую культурную оппозицию СВОЕ – ЧУЖОЕ: *Он крупный, и это идет в пику Западу, в пику врагам: вы хотите, чтобы мы каялись, а мы показали вам кушхи и каяться не будем* [НКРЯ 2019]; *– И почему это мы – товарищи, а вы – господа?* [НКРЯ 2004]; *Вы говорите, что мы экстремисты, ну, а вы кто?* [НКРЯ 1987].

Такое «ценностное» противопоставление ВЫ и МЫ, особенно в конструкции с приложением – существительным, обозначающим некую группу людей, часто является сигналом имплицитной негативной оценочности номинации, приводимой в позиции приложения, которая закладывается говорящим: *Вы, либералы, работали среди бела дня, а потом вышли из игры, а мы пришли черной ночью, вот цвета-то у нас с вами и оказались разные* [НКРЯ 1978]. Вероятно,

имплицитная негативная оценка для такого употребления ВЫ наследуется в подбных конструкциях и без конкретизирующего приложения.

Противопоставление «своего» и «чужого» мира является доминантным в мировой культуре с самых древнейших времен. Оно укоренено в коллективном бессознательном и так или иначе воплощается во всех языках. Думается, что его присутствие в современных речевых практиках, не всегда осознаваемое носителями языка, обуславливает такую семантическую особенность нереферентных употреблений МЫ и ВЫ как имплицитная коннотативно-оценочная семантика, которая актуализуется в определенных контекстуальных условиях: МЫ → 'соответствующие норме, правильные, хорошие', а ВЫ (или ОНИ) → 'не соответствующие норме, неправильные, плохие'. Причем подобные оценочные импликации не рационализируются, не верифицируются, никак не мотивируются реальным положением вещей – они действуют «по умолчанию». Также наш материал продемонстрировал активность установки национальной ментальности на преобладание коллективистских ценностей над ценностями индивидуума, что выражается в доминировании контекстов с позитивно окрашенным МЫ над контекстами, задействующими имплицитную позитивную оценочность других местоимений.

Литература

- Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996.
- Гранева И.Ю., Жуковская Л.И. Особенности нереферентного употребления русских местоимений 1 лица в контексте языкового выражения национального менталитета // Русский язык в поликультурном мире: в 2-х т. Т. I / отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 419-425.
- Гранева И.Ю. Русские личные и притяжательные местоимения как репрезентанты ценностной картины мира // New Trends in Slavic Studies. М.: КРАСАНД, 2021. С. 175-178.
- Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759-774.
- Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Морфологические ресурсы языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.

Irina Yu. Graneva (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

Larisa I. Zhukovskaya (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

CONTEXTS OF CONTRASTING RUSSIAN PERSONAL PRONOUNS AS A MEANS OF LANGUAGE CONCEPTUALIZATION OF VALUE DOMINANTS OF THE NATIONAL MENTALITY

The work examines the contexts of contrast between Russian personal pronouns YA, TY, MY and VY, participating in the language conceptualization of some value dominants of the national mentality in terms of the cultural opposition of “one’s own” and “alien” world, primarily the idea of the predominance of the collectivist principle over the individualistic one, as well as ideas about the increased significance of informal, intimate relationships between people.

Key words: contexts of contrasting, Russian personal pronouns, value dominants, language conceptualization of the world, national mentality, cultural opposition ONE’S OWN – ALIEN

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕРИФРАЗЫ В ПРОЦЕССЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Перифраза рассматривается как одно из средств концептуализации и категоризации действительности. На примере современных перифраз, используемых в текстах СМИ, анализируется специфика перифрастического выражения как ментального образования; акцентируется внимание на выражении перифразой культурных смыслов; делается вывод о существовании особой перифрастической картины мира.

Ключевые слова: перифраза, перифрастическая номинация, концепт, концептуализация, категоризация, картина мира, когнитивная лингвистика

Важную роль в описании познавательной деятельности человека играют понятия «концептуализация» и «категоризация», отражающие классификационную деятельность человека, осуществляемую им при освоении окружающего мира. Под концептуализацией в когнитивной семантике понимают процесс осознания человеком окружающей его действительности. Концептуализация – «...один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека» [Кубрякова и др. 1996: 93]. Концептуализация тесным образом связана с категоризацией, поскольку процесс осознания действительности невозможен без упорядочения представлений о мире. Категоризация – «это деление мира на категории, т. е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов или концептов)» [Болдырев 2014: 24].

С концептуализацией непосредственно связано понятие «картина мира», понимаемая большинством лингвистов как отраженная в языке концепция мира, свойственная определенному этносу в определенный исторический период его развития [Кубрякова и др. 1996]. Это «сложное, многоуровневое образование, в которое, наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, виртуальные построения искусства, идеология, а также глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного» [Петренко, Митина 1997: 105]. В современной лингвистике различают концептуальную и языковую картины мира. Под собственно языковой картиной мира понимают «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Попова, Стернин 2001: 68].

Концептуализация действительности приводит к формированию в сознании носителей языка концептов. Основная часть концептов закрепляется в значениях конкретных языковых единиц и таким образом сохраняется в социуме. Объекти-

вация концепта в языке осуществляется с помощью различных средств, среди которых выделяют воспроизводимые лексические и фразеологические единицы – слова и фразеологические обороты языка, свободные словосочетания, модели предложений (синтаксические концепты), тексты и их совокупности [Рудакова 2004]. Одним из языковых и речевых средств объективации концептов можно считать и перифразу. Так, например, концепт «Россия» вербализован в текстах современных СМИ с помощью таких перифраз как *великая страна, великая держава, страна больших возможностей, мощная держава* и др.

Перифраза – словесное выражение, являющееся повторной, признаковой номинацией объекта. Перифразы заменяют в речи слова, а значит, вычленяют объекты и явления действительности и участвуют тем самым в процессе концептуализации и категоризации мира, являются средством объективации культурных концептов. Следует отметить, что перифраза, как неоднословная и признаковая номинация по сравнению со словом имеет больше возможностей для выражения культурных смыслов. Кроме того, перифраза может быть не только логической, но и образной, следовательно, те образные компоненты, которые используются в перифрастическом сочетании, также расширяют возможности выражения информации о действительности, передачи «духа народа». Перифраза часто включает в себе образы, отражающие традиции, историю, быт, стереотипные представления народа, особенности национального мышления.

Когнитивный и лингвокультурный потенциал перифразы лишь сравнительно недавно привлек внимание ученых, но на сегодняшний день перифразу рассматривают не только как стилистическое явление и номинативное языковое средство, но и как «ментальное образование», способное отражать окружающую действительность и базирующееся «на когнитивно-семантическом механизме установления ассоциаций по сходству и смежности обозначаемых понятий» [Синина 2012: 7]. Таким образом, можно говорить о существовании особой перифрастической картины мира [Акуленко, Леонтьева 2017], которая является составной частью языковой.

Рассмотрим с точки зрения специфики категоризации действительности перифразы, использующиеся в современной публицистике. Особый интерес вызывают перифрастические выражения, включающие цветовые характеристики, поскольку цвет – одно из важнейших понятий категоризации мира: представления об окружающей действительности у каждого народа связаны с определенными цветами спектра; каждый из цветов имеет определенную национальную символику.

Большинство перифраз, включающих цветовой компонент, составляют воспроизводимые перифрастические выражения, перифразы-фразеологизмы: *черное золото, зеленый змей, зеленая аптека, зеленый щит, белые пятна, голубое топливо, красная зона*. Среди цветowych прилагательных в перифразах, используемых в текстах СМИ, наиболее популярны обозначения следующих цветов: белый, черный, голубой, зеленый, красный. Лидирующим цветом является зеленый. Перифразы с прилагательным «зеленый» обозначают различные объекты трех тематических групп: леса, растительность, деревья и все, что связано с их сохранением (экологическая тема) (*зеленая кладовая, зеленое золото, зеленый*

океан, зеленый наряд, зеленый друг); пространства, характеризующиеся отсутствием ограничений в чем-либо (*зеленая зона, зеленый свет, зеленая улица*); алкоголь, наркотики (*зеленый змей, зеленая отравка*). Таким образом, зеленый цвет в перифрастической картине мира – это прежде всего цвет, воспринимаемый позитивно; это признак окружающей природной среды, символ мира, в котором человеку комфортно и безопасно, характеристика среды, которая дает человеку покой и свободу. С другой стороны, зеленый цвет – это и признак опасности, которую несет в себе алкоголь и наркотики. Следует также заметить, что частота употребления перифраз с прилагательным «зеленый» гораздо выше, чем перифраз с другими цветообозначениями, что свидетельствует об особой расположенности носителей русского языка к зеленому цвету.

Особый интерес вызывают перифразы, в которых заключено национально-культурное содержание. Это прежде всего перифрастические выражения, в которых используется культурно-специфическая лексика. Так, например, среди компонентов перифраз встречаем лексемы, номинирующие реалии русской действительности (*город на Неве, жемчужина Крыма, автор «Братьев Карамазовых», патриарх русского леса, карман России* и др.). К перифразам, отражающим национально-культурную специфику в текстах СМИ, можно отнести и описательные обороты с лексемой «царь». Довольно часто с помощью этого опорного компонента строятся безобразные, логические перифразы, обозначающие русских царей: *первый русский царь* (Иван IX), *царь все Руси* (Петр I) и др. Но гораздо более интересны с точки зрения концептуализации окружающего мира перифразы с метафорой «царь» (*царь зверей* (лев), *царь морей* (Нептун), *царь природы* (человек), *восходящий царь* (Путин), *климатический царь* (Дж. Кэрри), и др.). В этих и подобных перифразах опорный образ выражает следующие смыслы: «самый сильный», «властитель», «ответственный за что-либо, руководитель», «глава государства». Кроме того, само обращение к образу «царь» в современной публицистике (довольно частое в перифразах) – это факт, говорящий о большой значимости данного понятия для носителей русского языка.

Конкретный способ категоризации действительности, реализуемый в перифразе, зависит от наличия / отсутствия образа в качестве опорного или дополняющего компонента перифразы, а также от типа образности, заключенной в перифрастическом выражении. Среди перифраз, использующихся в современных СМИ, есть как логические, не имеющие образного компонента в основе, так и образные – метафорические и метонимические. Логические перифразы чаще всего построены на описании каких-либо признаков объекта; в них категоризация происходит чаще всего с помощью геперонимов, использующихся в качестве опорных компонентов: *автор «Дон Кихота», город белых ночей, дом на Лубянке, работник прилавка* и др. Более популярны в текстах СМИ перифразы образные. В основе таких перифраз чаще всего лежит метафорический образ, поскольку именно метафора является основной ментальной операцией, важнейшим средством категоризации, оценки и объяснения действительности. Так, на основе метафоры построены следующие перифразы: *желтый дьявол, голубое золото, железный конь, королева спорта, макушка Земли* и др. Категоризация может

осуществляться и с помощью метонимии: голубые каски, белые воротнички, голубые береты. В этом случае выделяется, как правило, внешний отличительный признак, через который номинируется объект.

Таким образом, перифраза как номинативная единица является одним из языковых средств, задействованных в процессах познания, отражения и интерпретации действительности; перифрастическое выражение можно считать когнитивно-семантической единицей, участвующей в процессах концептуализации и категоризации окружающего мира, позволяющей структурировать действительность и объективировать концепты.

Литература

Акуленко Е.А. Леонтьева В.В. Беларусь в мире перифраз: языковое сознание говорящих и речевая практика // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О.Б. Переход. Брест: БрГУ, 2018. С. 127-130.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004.

Сипина А.И. Функционально-прагматические типы перифраз в англоязычной публицике // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2012. № 1 (15). С. 211-214.

Larisa V. Grehneva (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

ON THE ROLE OF PERIPHRAIS IN THE PROCESS OF CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION OF REALITY

Periphrasis is considered as one of the means of conceptualization and categorization of reality. Using the example of modern periphrases used in media texts, the specificity of periphrastic expression as a mental formation is analyzed; attention is focused on the expression of cultural meanings by periphrasis; a conclusion is drawn about the existence of a special periphrastic world-picture.

Key words: periphrasis, periphrastic nomination, concept, conceptualization, categorization, world-picture, cognitive linguistics

*А.Д. Гусева (Орехово-Зуево, Россия)
Государственный гуманитарно-технологический университет
Волгоградский государственный университет
Lady-ann2792@yandex.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ «СУПЕРМЕН»*

В статье рассмотрены образно-перцептивные и ценностные характеристики транслингвальной единицы «супермен» в русской лингвокультуре. Установлено, что данная единица проходит процессы адаптации и трансформации в принимающей лингвокультуре, приобретая национальную маркировку и оценочные квалификации, связанные с инокультурностью и ценностным шлейфом данной единицы и интерпретацией образа супермена в новых контекстах.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, супермен, национальная концептосфера, ценностная картина мира, ассоциативное поле, транслингвальная единица, модельная личность

В статье на примере анализа репрезентативных контекстов лексемы «супермен» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) выявлены образно-перцептивные и ценностные характеристики транслингвальной единицы «супермен» в русской лингвокультуре. Транслингвальная единица «супермен» является лингвокультурным типажом, который, зародившись в американской культуре и отражая ее идеалы и ценности, был импортирован в русскую культуру: «супермен как типаж американской культуры в результате процессов глобализации превращается в модельную личность» [Жарасик 2009: 251]. Как и другие транслингвальные типы, типаж «супермен», с одной стороны, транслировал ценности иной культуры и влиял на мировоззренческие ориентиры носителей русской культуры, с другой – при встраивании в принимающую культуру подвергся влиянию национальной русской концептосферы и прошел определенные трансформации [Ефимова 2023; Ефимова 2021].

В результате анализа текстов Национального корпуса русского языка установлено, что образные характеристики транслингвальной единицы «супермен» не являются однородными в связи с усложнением содержательной структуры единицы «супермен» в русской культуре и наложением многочисленных слоев, связанных с ее интерпретацией и адаптацией в русской лингвокультуре. Образ супермена становится многогранным, отражая перенос единицы «супермен» в самые различные сферы. Суперменом называют и интеллектуала, и красующегося денди и шеголя, и спортсмена-чемпиона, и спецназовца. Наиболее типичные признаки: физическая форма, атлетическое телосложение, типично американский квадратный подбородок, присущий всем героям комиксов и исполнителям роли Супермена («самый крутой супермен Голливуда может позавидовать нижней челюсти пираний» [НКРЯ: URL]), внешняя привлекательность и красота («с весьма мужественной внешностью», «накачанный», «крутой», «красавец»,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509>.

«стальные мышцы»): *«На главную роль молодого иммигранта пригласили не особо известного в то время, но очень красивого, с весьма мужественной внешностью мачо и супермена – Вадима Х. Высокий рост, зеленые глаза, густые черные волнистые волосы, приятный теплый голос и мускулистое, крепкое тело»* [там же]. Из примера видно, что для соотнесения с суперменом важны внешние данные и физическая привлекательность. В качестве идеологического символа становится сине-красная одежда. Лексема «супермен» может употребляться по отношению к разным людям: *«эпоха суперменов в кожаных одеждах и металлических цепочках»*. Подчеркивается, что супермен становится символом своей эпохи, в контексте русской культуры может одеваться замысловато и необычно, подражая зарубежной моде: *«красавчик носил тогда немислимый какой-то костюм со шнуровкой, сшитый, похоже, из тонкой мешковины»* [там же].

Единица «супермен» употребляется не только по отношению к внешности человека, но и для описания поведения: *«Ванечка был высокий стройный мальчик, одетый, как правило, в белую майку с цветным изображением американских символов и короткие штаны, едва закрывавшие колени. <...> Он выглядел уверенным в себе американским юношей, хорошо подготовленным к вступлению во взрослую жизнь. Особенно яркое впечатление он производил в Москве на сверстников, и все молодые люди завидовали тому, как небрежно говорил он на американском сленге и как убедительно демонстрировал свою повадку начинающего супермена. <...> На самом деле Ванечка чувствовал себя предельно неуверенно»* [там же]. Пример показывает, что супермен для молодых людей является эталоном для подражания. Восхищение сверстников вызывает заграничная, дорогая одежда с символикой США и поведение юного супермена, его уверенность в себе и изящная небрежность, хотя на самом деле, юноша просто играл роль супермена.

Использование данной единицы ассоциируется с прецедентными личностями, например, политиками или актерами, спортсменами, киногероями (*«нескладный супермен Монтгомери» – чемпион-легкоатлет, обладающий выдающимися результатами в беге; «супермен, сыгранный Шварценеггером», «Потому что герой «Рождения мыши» – супермен, ничем не уступающий Штирлицу, а то и превосходящий его (и тоже отлично рисует), и женщины от него без ума, как от всякого приличного Бонда»*) [там же].

Описывая ценностные характеристики транслингвальной единицы «супермен» укажем, что особенности вхождения транслингвальной единицы «супермен» в иную культуру связаны с тем, что данная единица отражает инокультурный фон. Следовательно, лингвокультурная интерпретация данной единицы осуществляется в двух направлениях: во-первых, выражается отношение к культуре-донору, во-вторых происходит соотнесение с базовыми концептами русской культуры. При этом возможны отношения конфликта ценностей культуры-донора и культуры-реципиента, что отражает негативное восприятие иных моделей поведения, передаваемых типажом «супермен»; кроме того, возможна трансформация концептуального содержания данной единицы или принятие новой единицы как эталона и замещение традиционных ценностей новыми.

Негативная оценка транслингвальной единицы «супермен» происходит в

связи со следующими коннотациями: нежелание трудиться, любовь к женскому полу, эгоцентризм, равнодушие, моральный конформизм, жизнь напоказ, агрессия и т. д. («как из стали литого, жестокосердного супермена»), «цельнометаллический», «ни черта не работают, только за юбками бегают», «пустоголовый», «современные супергерои массовой культуры несут искаженный идеал мужественности через насилие, сарказм, эгоизм, цегольское поведение») [там же]. Оценивается также соответствие образу супермена: «Но я презираю – изображающих из себя суперменов» [там же]. В целом, поведение супермена может восприниматься как негативная модель, не имеющая места в реальной жизни обычных людей: «Он не был безумцем, вообразившим себя Суперменом, и гордился этим»; «Мечтаю о преодолении укorenившегося в истории эгоцентризма, культа героев. Они ненавидятны мне. <...> Нет великих и ординарных, есть неизвестные» [там же]. Здесь мы видим, что, для того, чтобы сделать мир лучше, не нужно быть знаменитым супергероем, а достаточно просто трудиться на своем месте, ответственно выполняя работу. Отрицательные коннотации транслингвальная единица «супермен» приобрела через ее связь в русской культуре с калькой из немецкого «сверхчеловек»: «Теперь я рассекал воздух ледфортовского каземата суровым суперменом, таким ницшеанским чуваком, – все ему ничем, не чувствует он ни голода, ни бытовых неудобств, ни душевной боли, и беспокоит его только незамутненность собственного разума» [там же]. Мы видим такие черты супермена как равнодушие, холодность, неспособность к сочувствию и невосприимчивость к страданию.

В результате когнитивной обработки единица «супермен» входит в новые контексты употребления, при этом ассоциативное поле единицы «супермен» включает специфические черты, не свойственные культуре-донору, отношение варьирует от восхищения до насмешливо-ироничного («романическая победительность», «чисто российского толка», «советский», «супермен-революционер», «чувствительный», «красавец и всезнайка», «интеллектуал», «супермэны-интеллектуалы-ерники-печальники» и др.) [там же]. Кроме того, единица «супермен» приобретает связи с новыми прецедентными именами, например: «это культурологическая игра, в которой подразумевалось, что Николай Гумилев выжил, стал адептом некоего тайного общества, суперменом, спасающим Землю» [там же]. В этом примере образ русского писателя интерпретируется через соотношение с образом супермена, и от него ожидается определенное поведение.

Наконец, происходит замещение традиционных ценностей новыми через воздействие СМИ, компьютерных игр и массовой культуры. Особенно ярко это проявляется во влиянии на подростков, для которых типаж «супермен» становится модельной личностью, определяя многие стереотипы поведения молодежи. Оценка данного влияния на подростков со стороны взрослой аудитории обычно отрицательная, поскольку базовые русские духовно-нравственные концепты вытесняются на периферию сознания и замещаются культом физической силы, гедонизмом, агрессией: «Пройдя через множество «компьютерных битв», которыми изобилуют видеоигры, такие дети начинают чувствовать

себя суперменами, у них искажается представление о реальном и экранном пространстве, меняется поведение и психика» [там же].

Таким образом, образно-перцептивные характеристики транслингвальной единицы «супермен» связаны с интерпретацией восприятия внешности и поведения лингвокультурного типажа. В русской лингвокультуре данная единица приобретает специфические черты, обусловленные особенностями национальной концептосферы и ценностной картины мира, имеет стойкие ассоциации с западной культурой и модой, щегольским поведением, изысканными манерами. «Супермен», с одной стороны, будучи героическим типажом, становится модельной личностью для многих людей, с другой стороны, получает негативное отношение при интерпретации некоторых его характеристик.

Литература

Ефимова А.Д. Транснациональные концепты (на примере лингвокультурного типажа «мачо») // Языки и культуры в современном мире / под общ. ред. Н.А. Археновой, С.Н. Курилова, С.И. Родионовой. М.: МЭИ, 2023. С. 103-106.

Ефимова А.Д. Формирование, становление и трансформация лингвокультурного концепта «дендизм» в английской и в русской лингвокультурах. Орехово-Зуево: ГГТУ, 2021.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Anna D. Guseva (Orekhovo-Zuyevo, Russia)
State University of Humanities and Technology
Volgograd State University

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY OF THE FIGURATIVE-PERCEPTUAL AND VALUE CHARACTERISTICS OF THE TRANSLINGUAL UNIT “SUPERMAN”

This article examines the figurative-perceptual and value characteristics of the translingual unit *superman* in Russian linguistic culture. It is stated that this unit undergoes the processes of adaptation and transformation in the host linguistic culture, acquiring national marks and evaluative qualifications related to the foreign origin and values of this unit and the interpretation of the image of *superman* in new contexts.

Key words: linguocultural type, superman, national conceptual sphere, value picture of the world, associative field, translingual unit, model personality

О.Г. Дедович (Минск, Белоруссия)
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
olya-de@yandex.ru

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ МЕТАФОР СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Связанное с когнитивным моделированием исследование носит междисциплинарный характер и имеет сопоставительную направленность. Освещаются семантические и структурные векторы метафоризации, выявлены общие и специфические черты русскоязычных индивидуально-авторских метафор сферы методики и лингводидактики.

Ключевые слова: индивидуально-авторская метафора, семантика, одночленная метафора-комполит, атрибутивные конструкции, генитивные бинармы, дискурс, лингводидактика

Современный этап развития лингвистики характеризуется полипарадигмальностью, междисциплинарностью, установкой на антропоцентризм и экспансионизм, что обуславливает интерес к исследованиям «человеческого измерения» в различных областях научного знания, переосмыслению отдельных языковых явлений [Мусси 2019: 7]. В эпицентре научного поиска находится «стремление увидеть за категориями языковой семантики более общие понятийные категории, которые являются результатом освоения мира человеческим познанием» [там же: 13]. Комплексное исследование метафорического участка теории и методики преподавания иностранного языка будет способствовать созданию базы новых авторских акцентов в вопросе о взаимодействии и разграничении этих дисциплин. Цель исследования – выявить общее и специфическое в категоризации фрагмента внеязыковой действительности посредством индивидуально-авторских метафор (авторских неологизмов / нестандартных сочетаний общеупотребительных слов) на материале трудов двух крупнейших специалистов в области преподавания иностранных языков Е.И. Пассова и Н.Д. Гальсковой.

«Большими возможностями для внутренней перекодировки семантики слов и приращения новых смысловых оттенков» обладает контекст [Стариченок 2017: 68]. Категория контекста позволяет анализировать язык в динамике развертывания текстовой деятельности (дискурса) как отрезок социального процесса [Коряковцева 2022: 36]. Немаловажным для нашего исследования является дихотомия позиций и взглядов Н.Д. Гальсковой (1) и Е.И. Пассова (2):

1 – лингводидактика как общая теория преподавания неродного языка (методологический подход) и методика как практическая (технологическая) модель обучения конкретному языку и культуре;

2 – методика иноязычного образования как наука, включающая два уровня: теоретический и практический.

Такое «противостояние» отражается в насыщении дискурса релевантными для каждого из авторов образами и ассоциациями. Семантические окказионализмы в данном случае развиваются по «центробежным» (прямым) моделям, в которых «действие семантической деривации направлено за границы исходной семантической сферы» [Стариченок 2022: 26]. Так, оба автора обращаются к локативной метафоре, однако указывают на разный вектор направленности: продвижение вперед (*триумфальное «шествие» лингводидактики* [Гальскова 2022: 12]) противоречит смысловому фокусу индивидуально-авторских метафор Пассова: *Россия всегда была методической державой, ныне может очутиться в конце западной компетентностной колонны* [Пассов I: 536].

И у Пассова, и у Гальсковой находим связанные с созиданием строительные метафоры, с той лишь разницей, что у одного сферой-магнитом выступает методика (*методическая наука – архитектор образования* [Пассов 2016: 28]), у другой – лингводидактика, которая призвана укрепить *теоретический фундамент методической науки* [Гальскова 2022: 18]). Вектор поиска новых дорог в строительстве методики как науки Пассов видит в создании национальной версии

методики, а не копии западной, и предлагает **футуристическую карту методической империи**» [Пассов I: 235], в которой методике отводится роль общей теории, объединяющей «разбросанные» по сопредельным наукам методические знания. **«Имперским амбициям» методики** противопоставляется научная картина **«лингводидактического мира»** [Гальскова 2022: 43, 59]. При этом в метафоризации наименований артефактов в качестве вместилищ накопленного реализуется общность взглядов двух авторов: **когнитивный багаж методического знания** [Гальскова 2022: 21]; **огромные закрома советской методики и психологии** [Пассов I: 109].

Прозрачные смысловые связи манифестируют гастрономические метафоры: своеобразные **«технологические рецепты»** для образовательной практики [Гальскова 2022: 24-25], **методисты-бармены** [Пассов IX: 31], **термины-коктейли** (к примеру, коммуникативно-функциональный и функционально-коммуникативный) [Пассов I: 511].

Метафоры мира искусства у Гальсковой окрашены мелиоративно и часто сочетаются с нейтральными природными: **«контуры» лингводидактики обозначились в недрах отечественной методики, в исследовательскую орбиту вовлекается богатая палитра факторов** [Гальскова 2022: 5, 6]. Большинство природных обозначений Пассова характеризуется негативной коннотацией, что проявляется в обращении к вторичным субстантивным номинациям с прозрачной деструктивной семантикой: **заболочивание методики** [Пассов II: 432], **болото технократизма** [Пассов I: 82], **ржа прагматизма** [там же: 180]. Помимо семы деструкции ('большое разрушительное действие') может актуализироваться сема 'интенсивность проявления': **селевой поток зарубежной прагматической методики** [Пассов IX: 34]. Пейоративный маркер исходного значения 'бедная, неплодородная, требующая усиленных удобрений почва' сохраняется и во вторичной семантике: **весьма подзолистая почва нашей методики** [Пассов IV: 189]. Основой для сближения разнородных понятий выступает интегральная сема 'безвыходность положения', автор прибегает к приему нанизывания метафор: **налево пойдешь – в болоте компетентности погрязнешь. Направо пойдешь – в переводно-сопоставительную яму угодишь. Прямо пойдешь – заблудишься в лесу коммуникативных дебрей** [Пассов VI: 117].

В дискурсе обоих авторов встречаем флористические образы, однако они разнонаправленны: **интенсивное отпочкование от общей методики целого ряда самостоятельных научных ветвей** [Гальскова 2022: 72], **привои лингводидактики отторгаются природой «иноязычного образования»** [Пассов VI: 458]. Отличительной чертой индивидуальных метафор Пассова является обращение к орнитонимам, высвечивающим доминантную роль одной науки над другой: **дидактика-«наседка», под крылышком которой, якобы, должны вылупляться цыплята – частные методики** [Пассов I: 82]. Смысловой вектор 'несамостоятельности', 'подчинения' продолжают метафоры мира человека и экономики: **методика прикладная, фактически – крепостная** [Пассов IV: 335]; **заемные теоретические знания** [Пассов I: 85]; **«посредническая фирма» между дидактикой и методикой** [Пассов VI: 159].

Метафорическая экспансия военной сферы обнаруживается во вторичных наименованиях локуса деструктивных процессов (*методические баррикады* [Пассов I: 72]) или средств осуществления действий разрушительного характера (*тяжелая артиллерия цитат и авторитетов* [Пассов IV: 346]; *танк модернизации* [там же: 20]). В дискурсе Гальсковой зафиксирована метафора с антиподной семой 'освобождение': *выйти из «плена» языка как системы в область «смысла»* [Гальскова 2022: 83].

Семантически родственной с предыдущей является группа медицинских метафор как концентрат информации о комплексе угрожающих существованию методики «болезней». В отсылочных образах задействуются разнообразие структурные типы индивидуально-авторских метафор: метафора-композит (*терминосклероз* [Пассов IV: 14]); атрибутивная конструкция (*гносеологическая дистрофия* [Пассов IV: 14], *когнитивное нарушение обмена веществ* [там же: 33], *западнизированная наркозависимость* [Пассов 2012: 149]; *аналитическая недостаточность*, *лингводидактическое осложнение* [там же: 129]; *гносеологическая слепота* [Пассов I: 39]); подчеркивающие градуальный характер метафоры-синонимы (*компетентностное упомрачение*, *компетентностный психоз* [Пассов IX: 164]); генитивные бинармы (*мутационез методики*, *проказа прагматизма* [там же: 210]; *вирус эмпиризма*, *дистрофия дальновидения* [Пассов 2008: 37], *геномодификация методики* [Пассов VI: 428]). Для фокусирования на аспекте значимости методики используются двухсловные предикативные метафоры (*методика – это генетика образования* [Пассов 2016: 5]), дескрипция которых может включать дополнительные конкретизаторы: *образование – лучший антисептик от бескультурных нравственных болезней* [Пассов VI: 290]).

Подведем итог. Индивидуально-авторские метафоры как результат вербально-ментальной деятельности конструируют особую модель видения проблем и реалий современной лингводидактики, отражая индивидуальную систему взглядов и ценностей. Специфика такой модели заключается в вариативности исходной понятийной сферы, что позволяет выявить и сравнить магистральные направления и доминанты метафорической экспансии в дискурсе разных авторов. При различии в содержательном и коннотативном планах (актуализация одних сем и нейтрализация / редукция других; сцепление смыслов путем сближения разных лексических единиц; спорадическое / частое обращение к пейоративной семантике; степень экспрессии) индивидуально-авторские метафоры двух выдающихся личностей в области преподавания иностранного языка объединяет структурная организация. Использование разветвленной сети метафор и их локализация в минимальных контекстных срезах (комполитное, адъективное, генитивное, предикативное сочетание) создают благоприятные условия для интерпретации выходящих за пределы конвенционального коридора образов, расшифровки их глубинных смыслов.

Литература

- Гальскова Н.Д. Современная лингводидактика: монография. М.: Кнорус, 2022.
Коряковцева Н.Ф. Актуальные проблемы лингводидактики: курс лекций. М.: Проспект, 2022.

Мусси В. Этимологические метафоры в русской и итальянской картинах мира. М.: Флинта, 2019.

Пассов Е.И. Методика как теория и технология иноязычного образования. В 9 кн. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010/2016.

Пассов Е.И. Мутагенез методики: как спасти науку. Елец: Типография г. Ельца, 2012.

Пассов Е.И. Образование как феномен и методика как наука: проблема конвергенции. Липецк: Издатель, 2016.

Пассов Е.И. Танк модернизации на ниве образования. Позиция гражданина и профессионала. М.: Глосса-Пресс, 2008.

Старычонак В.Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кн. Кн. 3. Другасныя намінацыі ў мастацкім дыскурсе. Мінск: Колорград, 2017.

Старычонак В.Д. Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый). Мінск: БДПУ, 2022.

Olga G. Dedovich (Minsk, Belorussia)

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

THE SPECIFICITY OF THE STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION OF INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHORS IN THE MODERN LINGUODIDACTIC DISCOURSE

The research related to cognitive modeling is interdisciplinary and has a comparative focus. Semantic and structural vectors of metaphorization are highlighted, common and specific features of Russian-speaking individual author's metaphors in the field of linguodidactics are revealed.

Key words: individual author's metaphor, semantics, one-term metaphor-composite, attributive constructions, genitive binary, discourse, linguodidactics

Е.М. Дубровская (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный технический университет
schitat.do.sta@gmail.com*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБРАЗА НАРОДА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ О ТАТАРАХ)

Статья посвящена изучению образа татарина, закрепленного в русском национальном сознании. Материалом исследования стали русские паремиологические единицы, содержащие в своем составе этноним «татарин», на основе которых был выявлен ряд дифференциальных признаков, позволяющих произвести категоризацию образа татарина в русской лингвокультуре. В качестве источника исследования используется сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля и «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко.

Ключевые слова: паремиология, этнолингвомаркеры, образ народа, лингвокультурологическая паремиология, этнонимы

В круг особо важных проблем, решением которых занимается когнитивная лингвистика, входят исследования характера и природы ментальных образов понятий и явлений, а также таких когнитивных процессов как структурирование, параметризация, закрепление и хранение в сознании разного рода информации. Широко известно, что одним из средств накопления и фиксации человеческого

опыта и знаний о мире является паремиология. Паремиями принято считать многие жанры малого фольклора: поговорки, пословицы, загадки, приметы и др.

Современной науке паремиология известна как сфера интересов фразеологии со своим объектом изучения и задачами. О.В. Ломакина полагает, что паремический фонд языка обладает значительным лингвокультурологическим потенциалом – в паремиях заключены сведения об образе жизни, традициях и системе ценностей, релевантных для определенной этнической группы [Ломакина 2022].

Используя паремиологический фонд языка в качестве средства изучения особенностей межэтнических взаимодействий и этноса в целом, следует уделять особое внимание этнолингвомаркерам – «компонентам фразеологизма / паремии, которые отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» [Ломакина 2010: 217]. Этнолингвомаркерами являются в первую очередь *этнонимы*, как лексемы, содержащие в своем семантическом составе прямое указание на ту или иную национальность. Также сюда можно отнести имена собственные и наименования артефактов, предметов быта и одежды, присущих материальной культуре конкретного этноса.

Под *этнонимами* мы, вслед за В.Д. Стариченком понимаем «названия наций, народов, народностей, племен, племенных союзов и этнических общностей. <...> В составе этнонимов выделяются *автоэтнонимы* – самоназвания народов и племен и *аллоэтнонимы* – названия народов и племен, данные им другими народами» [Стариченок 2008: 719].

В статье предпринято обращение к пословицам, содержащим этноним «татарин», отобранным приемом сплошной выборки из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» (далее – ПРН) и «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В.М. Мокшенина (далее – БСРП). Описание паремий в отечественной лексикографической традиции осуществляется по следующим направлениям – по тематическому принципу (как в словаре «Пословицы русского народа»), по стержневому компоненту (как в словаре «Большой словарь русских пословиц») или же в алфавитном порядке. Именно руководствуясь разными способами группировки и представления паремиологических единиц, было предпринято обращение к обоим этим словарным источникам.

Работа с представлениями об этнических и культурных особенностях народов, нашедшими отражение в паремиологическом фонде языка, представляется интересной, однако, непростой задачей, так как в связи с историческим и социальным развитием российской культуры и переменами общественных настроений, в определенные исторические моменты многие паремиологические и лексические единицы, категоризирующие отношение представителей этносов друг к другу и к себе самим, либо не фиксировались в словарях вообще, либо изымались при переизданиях.

Именно этими особенностями и было мотивировано наше обращение к этнониму «татарин»: несмотря на то, что татары – представители конкретной узнаваемой этнической группы, характерные черты и особенности которой известны каждому среднестатистическому носителю русского языка, они также являются

частью российского социума, и, несомненно, категория оценки народа ближайшими территориальными соседями важна для закрепления представлений о неоднородности российского социума и последующей категоризации представлений о полиэтническом обществе России.

В словаре Даля «Пословицы русского народа» было обнаружено 32 паремиологические единицы с лексемами «татарин», «татарь», содержащие в своем составе характеристику этноса и его характерных особенностей (единицы с конструкциями типа «так говорят татары» не рассматривались), также было выявлено несколько конструкций с лексемой «татарские», но в данной статье такие сочетания не рассматривались. Словарь «Пословицы русского народа» разделен на тематические группы, но пословицы с упоминанием этнонима «татарин» не ограничиваются пределами тематической группы «Народ и язык», охватывая разные сферы жизни и быта, представленные в словаре. В словаре Мокшенок «Большой словарь русских пословиц» насчитывается 44 паремиологических единицы с лексемами «татарин» и «татары», сочетания с лексемами типа «татарские» также не рассматривались. Все отобранные единицы в той или иной степени репрезентируют и уточняют важные особенности жизни и быта татар, а точнее – представлений об этой жизни и быте сквозь призму опыта носителей русской языковой картины мира и оценки тех или иных действий татар, возможно, нехарактерных для самих этих носителей. В паремиях, описывающих татар, четко видна категория свой / чужой – особо подчеркиваются иные пищевые привычки, иные традиции, оценка моральных качеств представителей этноса и др. Прокомментируем наиболее частотные характеристики, отраженные в паремиях, поделив их на тематические группы.

1. Историческая память о татарах, татарском ханстве и событиях, связанных с татаро-монгольским игом (14 пословиц):

Сюда относится как и наиболее популярная и известная пословица *Нежданый гость хуже татарина* [БСРП 2010: 215] и множество различных ее вариаций, так и менее популярные: *Бей сполох, татарин идет* [ПРН 1984, т. 2: 23], *Рано татарам на Русь идти* [ПРН 1984, т. 2: 118]; *Не татарин выскочил, не голову снял* [БСРП 2010: 899]; *Погоди, татарин, дай саблю вынуть* [БСРП 2010: 899]; *Неволею только татары берут* [БСРП 2010: 900], *Не учи белого лебедя плавать, а боярского сына с татарями биться* [БСРП 2010: 474].

Отрицательные воспоминания о татаро-монгольском иге, жестокости татар, поборках и других негативных проявлениях сформировало противоположное традиционному русскому гостеприимству представление: русские рады любому гостю, но совсем не рады захватчикам-татарам, сколько бы поколений ни сменялось.

2. Отрицательные черты и качества татар (8 единиц):

В паремиологическом фонде зафиксированы намеки на скупость, жадность и беспринципность татар: *Вам, татарам, лишь бы даром* [БСРП 2010: 899]; *Нам, татарам, все даром* [БСРП 2010: 899]; *На волка помолвка, а татарин кобылу съел* [БСРП 2010: 141], так и характеристика татар как злых людей: *А что, добрый человек, не видал ли ты злого татарина? (дразнят татар)* [ПРН 1984,

т. 1: 272]; *Злее злого татарина* [ПРН 1984, т. 1: 272]. При этом ряд фразеологических единиц репрезентирует и великодушные русского человека – несмотря на то, что татары в его представлении злые и плохие, зла он им, по большей части, не желает: *Не пожелаю и злому татарину (т. е. так худо)* [ПРН 1984, т. 1: 117]; *Не дай бог и злому татарину. Не дай бог ни вам, ни нам* [ПРН 1984, т. 2: 133], за исключением редких случаев, но и тут добавляет комментарий в свое оправдание: *Лучше бы у собаки-татарина жена померла, чем у меня (у него две)*. [ПРН 1984, т. 1: 294].

3. Нехарактерные для русских пищевые традиции и привычки (6 единиц):

Неоднократно упоминается, что татары едят конину: *На волка помолвка, а татарин кобылу съел* [БСРП 2010: 141], а также, помимо конины, и другое, нехарактерное для рациона русских мясо; например, насмешка над гурманами, любящими отвещать что-то непривычное для русских содержит упоминание именно о татарах: *Барин – татарин, кошку обжарил (насмешка над господами, которые едят все, напр. зайца)* [ПРН 1984, т. 2: 182]

Таким образом, анализ паремий с компонентом «татарин / татары» показал, что в сознании русского народа на уровне исторической / генетической памяти фиксировалось отрицательное отношение к татарам, однако на сегодняшний день сам этноним «татарин» в паремиях воспринимается скорее не как указание на конкретный этнос, а обобщенное представление о чем-то / о ком-то неприятном и нежелательном, при этом в русском языке нет яркого и широко употребительного пейоративно окрашенного этнонима (или этнофолизма). По крайней мере, употребление подобного этнонима в паремиологическом фонде не зафиксировано.

Литература

БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Ломакина О.В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского гос. ун-та. 2010. № 6 (14). С. 217-221.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6-16.

ПРН – В.И. Даль. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984.

Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Elena M. Dubrovskaja (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

CATEGORISATION OF THE IMAGE OF THE FOLK IN RUSSIAN PAREMIOLOGY (BASED ON PAREMIAS ABOUT THE TATARS)

The article is devoted to the study of the image of a Tatar fixed in the Russian national consciousness. The material of the study is Russian paremiological units containing the ethnonym “Tatar”, on the basis of which a number of differential features have been identified that allow to categorise the image of a Tatar in Russian linguoculture. The source of the study is the collection “Proverbs of the Russian People” by V.I. Dal and “Big Dictionary of Russian Proverbs” by V.M. Mokienko.

Key words: paremiology, ethnolinguistic markers, image of the folk, linguocultural paremiology, ethnonyms

КОНЦЕПТ «ГАРМОНИЯ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Статья посвящена анализу концепта ГАРМОНИЯ, а также его отражению в китайском языке. Концепт ГАРМОНИЯ отражает особенности духовных ценностей китайской нации. Будучи транслируема сквозь призму китайского языка, гармония становится способом борьбы с противоречиями во многих сферах. Посредством семантики лексических единиц репрезентируется биполярный мир, а также позиция Китая в процессе глобализации.

Ключевые слова: гармония, концепт, Китай, китайский язык, когнитивный подход

В настоящее время большой интерес у исследователей вызывает когнитивная лингвистика, которая ставит своей целью объяснить феномен языка в связи с мыслями и выражениями [Всеволодова 1982: 45].

Концепт представляет собой культурное явление и является способом выражения коллективного сознания. По мнению Ю.Е. Прохорова, «любая совокупность именованных концепта – невербальным, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций – образует текст, под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей лингвокультурной общности» [Прохоров 2011: 176].

В китайском языке концепт ГАРМОНИЯ (和) вызывает интерес с точки зрения когнитивного анализа. В выступлениях и речах китайских политиков выявляется дифференцирующая функция, ярко отражается связь между языком и китайской культурой. Данный термин встречается еще в конфуцианском учении, где он является одним из главных принципов общественной организации. В его основу заложено сознательное преодоление полярных интересов и мнений, стремление общества как системы сохранить динамическое равновесие [Переломов 2007: 54].

Этимология китайского иероглифа 和 (хэ) связано с зарождением музыки. В древности этот термин имел значение «созвучие» (谐和). В философском сборнике III в. до н. э. «Ляюши цуньцю» встречается выражение «Только совершенно мудрый в силах достичь гармонии, а гармония – основа музыки» (圣人能乐, 和乐之本). Воспитание благородных нравов происходит посредством музыки.

По мнению С.Ю. Распертовой, «для современных китайцев концептом ГАРМОНИЯ выражается ключевой смысл существования и стабильности отношений в обществе и семье. Но это не только желаемое и идеальное состояние, но и некая сфера и рубеж существования, к которому надо стремиться. Гармония – это стабильность, согласие, мир, непринужденность, свобода, плавность, умиротворение, покой, тишина, важная основа развития, весомая гарантия прогресса» [Распертова 2010: 88].

Концепт ГАРМОНИЯ предполагает устойчивость мирового миропорядка при одновременном существовании бинарных отношений, формирует такой новый тип мышления китайцев, который не отрицает диалектическое противоречие, а стремится найти «срединный путь».

В Китае уже стали привычными различные лозунги, призывающие к социальной гармонии: «сделаем гармоничной университетскую жизнь», «за гармоничные взаимоотношения между пассажиром и водителем», «построим гармоничную армию» и т. д. [Линь 2008: 145]. Сегодня стремлением к гармонии в Китае пропитано буквально все – от скоростных поездов «гармоничной линии» (和運鐵路) до акции «гармоничная семья» (和運家庭) в сети ресторанов быстрого питания американской корпорации KFC.

По мнению Т.Н. Кучинской, «гармония» как категория современной китайской культуры, играет процессуальную роль в консолидации социокультурного пространства КНР. Она содержит в себе набор ценностных императивов, определяющих мораль, этику, гармонию между людьми, духовный и физический мир человека, экологическую культуру, социальную иерархию. Аксиологическое содержание «гармонии» включает как традиционные культурно-ценностные установки, так и общечеловеческие ценностные императивы» [Кучинская 2013: 26].

Т.Н. Кучинская пишет, что «в отличие от западной философии, в которой категория «гармония» определяла разнообразные эстетические идеалы и представления о человеке, природе и обществе, в китайской философской мысли представление о ней «включает не только эстетические, мировоззренческие аспекты, но и динамические практикоориентированные аспекты» [там же: 31]. Это было связано с необходимостью противостояния хаосу в периоды войн и поддержания общественного порядка в мирное время.

Таким образом, в последнее время в китайском языке концепт ГАРМОНИЯ приобретает особую значимость, выражая китайские традиции и ценности. Так, в речах лидера КНР Си Цзинпина можно проследить трансляцию китайских традиционных установок и особенностей мировоззрения. Посредством семантики лексических единиц репрезентируется биполярный мир, а также позиция Китая в политическом и экономическом международном развитии. Например, во фразе «Установление равновесного мира, взаимного примирения и равновесного состояния» Си Цзинпин призывает страну руководствоваться принципами равновесного состояния, тем самым возвращая китайское сознание к периоду раздираемых противоречий «Воюющих царств», времени жизни китайского мудреца Конфуция. В этом плане лидер КНР, словно конфуцианский мудрец, призывает страну к равновесному состоянию.

Призыв к совместному решению глобальных проблем обыгрывается фразой «большой океан и маленькие озера», где с океаном сравнивается экономическая глобализация, а поиск гармонии устанавливается между странами. В политической риторике концепт ГАРМОНИЯ также играет роль медиатора на пути поисков путей сближения, интеграции и сотрудничества, в частности, между Китаем и США.

По мнению Н.А. Абрамовой и В.А. Абрамова, «на современном этапе глобального развития КНР идея «ценности гармонии» наполнила своим содержанием идеологию, обеспечивающую социокультурные практики построения «социалистического гармоничного общества» и «гармоничного мира». Необходимость использования ценностного потенциала метода «гармонии» диктуется приоритетом стабильности и постепенного развития Китая, защищенного от вредного воздействия внутренних конфликтов, нетрадиционного характера рисков и угроз, связанных с тенденцией социокультурной дезинтеграции внутри страны и в сфере международных отношений – хаоса мирового порядка» [Абрамов, Абрамова 2014: 34].

Таким образом, современном китайском мышлении «гармония» является основным понятием диалектики, сущность которого раскрывается посредством противопоставления «хаосу» особого концепта ГАРМОНИЯ, связанного с практикой преодоления противоречий и гармонией как процессом. Благодаря одноименному концепту, гармония становится способом борьбы с противоречиями во многих сферах. Так, в условиях рыночной экономики в экономической сфере основным инструментом достижения гармонии становится конкуренция, соответствующая нормам закона и моральным принципам взаимоуважения и взаимодоверия. Способ достижения гармонии в экологической сфере – согласие между человеком и природой, развитие системы деятельности по охране природы, формирование гармоничного экологического мышления. В международной сфере условия достижения гармонии – соблюдение принципа «единства в многообразии» (和而不同), стремление к миру, добрососедству и сотрудничеству, взаимовыгодное как основным аксиологическим принципам гармоничной культуры.

Гармония не может быть временным решением противоречий и проблем, это продолжительный и непрерывный процесс. Концепт ГАРМОНИЯ является одной из специфических черт китайского мышления, отражаясь в китайском языке, а также является неотъемлемым компонентом процесса гармонизации китайского общества.

Литература

- Абрамов В. А., Абрамова Н. А.* Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
- Кучинская Т. Н.* Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013.
- Линь Яньмэй.* Формирование культуры гармоничного социалистического общества // Проблемы Дальнего Востока. М., 2008. № 1. С. 145.
- Линь Яньмэй.* О теории социалистического гармоничного общества // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 38-41.
- Озорнина А. С.* Региональные практики в построении гармоничного китайского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011.
- Перемолов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007.
- Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта, 2011.

Распертова С. Ю. Концепт «гармоничная культура» в контексте современных культурных стратегий Китая // Вестник МГЛУ. 2010. № 11. С. 74-95.

*Svetlana B. Dugarova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics*

THE CONCEPT OF “HARMONY” IN THE CHINESE LANGUAGE: A COGNITIVE APPROACH

This article is devoted to the analysis of the concept of HARMONY, as well as its reflection in the Chinese language. The concept of HARMONY reflects the peculiarities of the spiritual values of the Chinese nation. Translated through the prism of the Chinese language, harmony becomes a way to combat contradictions in many areas. Through the semantics of lexical units, the bipolar world is represented, as well as China’s position in the process of globalization.

Key words: harmony, concept, China, Chinese language, cognitive approach

*М.В. Дудорова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
primrose81@yandex.ru*

ТИПОВАЯ СИТУАЦИЯ «СОЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕНОТАТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИСКУССТВО»)*

В статье проанализирована типовая ситуация создания произведения искусства, отраженная в денотативно-идеографической сфере «Искусство», выявлены регулярные компоненты ситуации, показаны особенности ее лексического представления. Материалом исследования являются данные, полученные при работе над универсальным словарем-тезаурусом русского языка. *Ключевые слова:* концептуализация, денотативно-идеографические группы, русская лексика, идеографический словарь

В настоящее время коллектив Уральской семантической школы работает над созданием универсального словаря-тезауруса русского языка, в котором система русской лексики «рассматривается как межчастеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной частеречной принадлежности, включая наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия» [Бабенко 2015: 7]. Словари Уральской семантической школы базируются на идеографическом подходе к описанию лексической системы, а при категоризации учитывается «не только семантический фактор – структура их лексического значения, но и денотативный фактор – их семиологическая роль в отображении типовых ситуаций и их обязательных участников, в основе классификации лежит представление о денотативно-идеографических группах (далее – ДИГ) «которые не только различаются по значимости и

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352>.

месту в иерархии внешней глобальной структуры словаря, но и по семиологической функции: совокупность ДИГ одной сферы отображает макроструктуру типовой ситуации, а совокупность лексем одной ДИГ – интерпретацию ее отдельных компонентов и аспектов, их внутреннюю конкретизацию» [Бабенко, Дудорова 2024]. Рассматриваемая ДИГ «Искусство» представляет второй классификационный уровень и входит в сферу «Общество и государство» наряду с такими ДИГ как «Образование», «Религия», «Медицина», «Экономика» и т. д. (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы).

ДИГ «Искусство» организуется тремя типовыми ситуациями: Создание произведения искусства; Исполнение произведения искусства; Восприятие произведения искусства. Для ситуации «Создание произведения искусства» базовыми компонентами являются следующие.

1. Вид искусства, в котором создается произведение, базовый идентификатор: *вид искусства*; данный компонент ситуации является основополагающим, поскольку определяет характеристики остальных компонентов ситуации, подход к отображению реальности, творческий метод, используемые средства воздействия и т. п.: *живопись, литература, скульптура, театр, цирк* и под.

2. Субъект, создающий произведение, базовый идентификатор: *автор*. Подгруппа третьего уровня Автор художественного произведения включает несколько подгрупп четвертого уровня иерархии, в каждой из которых профилируются различные характеристики автора:

– общие характеристики (представлена базовая лексема и ее синонимы: *автор, создатель, творец*);

– автор художественного произведения по направлению в искусстве (представлены единицы, указывающие на эстетические представления автора, обнаруживаемые в результатах его творческой работы: *абстракционист, модернист, реалист* и т. п.);

– автор художественного произведения по виду и жанру созданного им произведения искусства (представлены единицы, дифференцирующие авторов с точки зрения вида искусства и творческой специализации: *архитектор, график, драматург, композитор* и т. п.);

– автор художественного произведения по характеру объекта изображения (лексические единицы группы номинируют типы авторов по отношению к объекту изображения: *анималист, бытописатель, маринист* и т. п.).

3. Предикат создания объекта, базовый идентификатор: *создавать*; все предикаты представлены в подгруппе Создание произведений искусства; отметим, что внутри группы выделяется набор базовых идентификаторов, связанных с определенными видами искусства: *сочинять* (для литературы и музыки), *ваять* (для скульптуры), *рисовать* (для изобразительного искусства);

4. Объект, создаваемый в результате творческой деятельности; базовый идентификатор: *произведение*. Подгруппа второго уровня Жанровые и другие характеристики произведений искусства включает несколько подгрупп третьего

уровня, которые структурируются относительно универсальных и частных характеристик произведений:

– универсальные характеристики отражены в подгруппах: Общие понятия, связанные с произведениями искусства (представлены базовый идентификатор и сходные понятия, а также общие для произведений различных видов искусств характеристики: *вещь, динамичный, жанр, импровизация, изображение, пародийный* и т. п.) и Часть произведения искусства (в подгруппе представлены единицы универсальные относительно произведений искусства (*концовка, фрагмент, часть*); специализированные для нескольких видов искусства (*зачин, пролог, развязка, эпизод*), специализированные для одного вида искусства (*каватина, припев, явление*));

– остальные подгруппы профилируют объекты с точки зрения вида искусства, в котором они созданы: Литературные произведения (*поэма, роман*), Произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства (*картина, статуэтка*), Музыкальные произведения (*джаз, камерный, концерт*), Произведения танцевального искусства (*антраша, вальс, мазурка*), Произведения театрального и киноискусства (*вестерн, опера*), Произведения циркового и эстрадного искусства (*клоунада, фокус*).

Факультативные компоненты ситуации представлены как подгруппой, так и отдельными лексемами различных подгрупп.

1. Качественная характеристика создаваемого произведения связана с подгруппой Направление в искусстве, что определяет художественные особенности отображения реальности в созданном объекте искусства: *авангардизм, готика, реализм* и т. п.

2. Место – позиция представлена лексемами подгруппы Помещение для создания или исполнения произведения искусства, которые называют специализированные помещения для создания визуальных произведений: *ателье, мастерская*.

3. Инструмент – позиция представлена лексемами двух подгрупп: для музыкальных произведений таковыми является подгруппа Музыкальные инструменты и их части и соответствующие подгруппы, связанные с делением инструментов по типу извлечения звука (струнные, духовые и т. п.); для создания произведений визуальных искусств необходим ряд предметов (инструментов и веществ), номинации которых представлены в подгруппе Предметы, используемые при создании или исполнении произведений искусства: *акварель, кисть, мольберт* и т. п.

4. Вторые субъекты / объекты представлены в подгруппе Человек, занимающийся организационно-вспомогательной деятельностью в искусстве; позиция второго субъекта факультативно замещается в ситуации создания фотографического произведения (*ретушер*), позиция второго объекта факультативно возможна при создании визуальных произведений (*модель, натура, натуращик, натуращица*).

Таким образом, типовая ситуация «Создание произведения искусства» включает базовые (вид искусства, субъект, предикат создания объекта, объект) и факультативные (качественная характеристика произведения, место, инструмент, второй субъект и объект) позиции, что в целом определяет структуру подгрупп в составе ДИГ «Искусство».

Литература

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 6-21.

Бабенко Л.Г., Дудорова М.В. Концептуальные основы формирования Уральской идеографической лексикографии: основные научные подходы, теоретические принципы и лексикографические параметры // Известия УрФУ. Серия 2: гуманитарные науки. 2024. (в печати).

Mariia V. Dudorova (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

THE TYPICAL SITUATION “CREATING ARTWORK” IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

(ON THE MATERIAL OF THE DENOTATIVE-IDEOGRAPHIC GROUP “ART”)

The article analyzes the typical situation “Creating artwork” reflected in the denotative-ideographic sphere “Art”, identifies the regular components of the situation, shows the features of its lexical representation. The material of the research is the data obtained while working on the universal dictionary-thesaurus of the Russian language.

Key words: conceptualization, denotative-ideographic groups, Russian lexicon, ideographic dictionary

Е.Б. Жулина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
minna80@mail.ru*

УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПЕРВОГО ТИПА (CONDITIONAL I) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ХОЛИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Условные предложения первого типа (Conditional I) в английском языке рассматриваются в рамках нового, холистического подхода к языку как форме когнитивного поведения человека, направленной на приспособление к среде в момент речи. Методом исследования служит когнитивный анализ. Эти предложения отражают как структуральное знание говорящего, так и опыт наблюдателя – непосредственный и опосредованный.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, холистический подход, восприятие, наблюдатель, адаптация, условные предложения первого типа (Conditional I)

Традиционное языкознание и когнитивная лингвистика «первого поколения» определяют язык как систему символов, которую необходимо изучать «в себе» и «для себя». Значение считается объективным знанием, а не непосредственным или опосредованным чувственным опытом наблюдателя. Как следствие, языковые формы рассматриваются без учета индивидуальных особенностей восприятия человека как субъекта познания и его внутреннего мира.

Актуальность исследования обусловлена самим подходом. Холистическое осмысление основано на самом широком спектре междисциплинарных исследований – от философии [Мамардашвили 1996] и лингвистики [Залевская 2004] до нейрофизиологии [Bateson 1972] и психологии [Рубинштейн 2002]. Научная новизна работы заключается в том, что данный подход обладает несколькими существенными особенностями. Первое: язык понимается как форма когнитивного

поведения человека, направленная на максимально эффективное приспособление к среде в момент речи. Второе: знание, отраженное в языке, суть непосредственный или опосредованный чувственный опыт наблюдателя, или структуральное знание говорящего. Структуральное или понятийное знание представляет собой знание, предельно абстрагированное от первоначального источника восприятия. Третье: источником знания, представленного в языке, всегда выступает наблюдатель, а не говорящий. Четвертое: существенную роль играет речевой контекст, или контекст ситуации (лингвистический и экстралингвистический), который представляется как ситуация коммуникативного цейтнота.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов исследования не только в лингвистических дисциплинах, но и культурологических и литературоведческих дисциплинах. Материалом для изучения служат высказывания, взятые из British National Corpus [URL]. В качестве основного метода исследования применяется когнитивный анализ, предложенный М. Льюисом [Lewis 1991: 101]. Предметом работы выступают способы представления в языке различных типов знания, которыми обладает человек в акте коммуникации. Объектом анализа выбраны условные предложения первого типа (Conditional 1) на английском языке. Выдвигается предположение о том, что данные предложения отражают как структуральное знание говорящего, так и чувственный опыт наблюдателя – непосредственный и опосредованный.

В пределах уже классического рассмотрения интуитивно осознается значимость человека как субъекта познания, принимающего на себя роли как наблюдателя, так и говорящего при использовании условных предложений первого типа (Conditional 1). Во-первых, в качестве базовой формы предложения принимается структура *If + Present Simple + Future Simple*. При этом структура *If + Present Simple + Present Simple* понимается только как вариант основной структуры, поскольку передает «привычный результат» [Thompson, Martinet 1997: 198]. Однако, очевидно, что оценить результат как «привычный» может лишь наблюдатель. Во-вторых, возможность употребления после союза *if* глагольных форм *will* и *would* со значениями «вежливой просьбы, просьбы продиктованной обстоятельствами, готовности совершить какое-либо действие, либо упрямой настойчивости» [там же: 201]. Подобные значения указывают на присутствие наблюдателя в момент речи, так как представляют собой описание отношения человека к совершаемому действию. В-третьих, возможность замены видовременной формы *will* на модальные глаголы *<may, might, can, must, should* со значениями возможности, способности, команды или совета» [Swan 2005: 234]. Модальные глаголы выражают прежде всего оценку говорящим своих действий и, следовательно, передают наблюдаемость действия этим человеком. В-четвертых, возможность использования глагольных форм *Present Progressive* и *Present Perfect* в зависимой части сложного предложения для описания «либо текущих событий, либо результата предшествующих действий соответственно» [там же: 197]. Выбор же данных видовременных форм возможен лишь на основе наблюдения, поскольку отражает действие в развитии или результат действия, т. е. ситуации, которые можно только видеть.

Выбирая фразу *If any animal species is endangered, it is normally protected by law* наблюдатель видит исчезающий вид животных, которые в силу угрозы вымирания в данный момент защищаются законом. Как следствие, он использует форму **is**, т. е. форму настоящего времени глагола **be**. Данная глагольная форма, как форма настоящего времени, указывает на пространственно-временное совпадение ситуации и ее словесного описания. Вместе с тем прилагательное **any** передает структуральное знание говорящего, поскольку описывает не конкретное, а некое обобщенное животное. Кроме того, высказывание в целом воспринимается как вневременное, что также отражает структуральное знание говорящего, максимально абстрагированное от первоначального источника познания.

Используя пример *If you have lived in the same house all your life, you get used to it*, наблюдатель видит человека, который рассказывает о своей жизни в одном и том же доме с самого детства. В силу этого он выбирает форму **have lived**. Эта глагольная форма, будучи формой совершенного вида настоящего времени, передает опосредованный чувственный опыт наблюдателя, а не структуральное знание говорящего. Форма **have** описывает обладание в момент речи, результатом, полученным ранее. Причастие прошедшего времени **lived** передает собственно сам результат более раннего действия. Иначе говоря, данная видовременная форма выражает две части одной и той же коммуникативной ситуации: непосредственно воспринимаемую часть и опосредованный чувственный опыт наблюдателя. В свою очередь, форма настоящего времени **get** как форма неопределенного вида отражает понятийное знание говорящего, а не наблюдателя. В то же время причастие прошедшего времени **used** передает более не видимую часть ситуации, сохраняемую в памяти человека. Помимо этого, все предložение понимается как вневременное. Подобное восприятие высказывания свидетельствует о том, что актуализировано структуральное знание говорящего, максимально абстрагированное от первоначального источника наблюдения. Определенный артикль **the** указывает на ту степень определенности, которую можно только видеть.

Формулируя высказывание *If I need any legal advice, I'll consult my lawyer*, наблюдатель говорит от собственного имени. Он выражает сомнение в необходимости советоваться с адвокатом как можно скорее. Как следствие, он использует форму **need**, которая будучи формой простого настоящего времени, передает понятийное знание говорящего. Форма **ll**, сокращенная от формы **will**, как форма простого будущего времени указывает на структуральное знание говорящего. Знание – как конструктор, который он выстраивает на основе опыта, хранящегося в его памяти. Форма **consult** также отражает структуральное знание говорящего, а не опыт наблюдателя. Кроме того, прилагательное **any** описывает некую обобщенную юридическую консультацию. Личное местоимение **I**, как форма, непосредственно описывающая человека в момент речи, максимально точно указывает на наблюдателя.

В примере *If he visited Italy last summer, he will probably tell you about it sooner or later* наблюдатель видит своего брата, который сомневается в том, что их общий друг посещал Италию прошлым летом. В силу этого он выбирает форму **visited**, которая как форма простого прошедшего времени передает понятийное

знание говорящего, а не непосредственный или опосредованный опыт наблюдателя. Форма *will* отражает структуральное знание говорящего, поскольку представляет еще не наступившее будущее, описание которого строится на предшествующем опыте. Форма *tell*, как инфинитив глагола *tell*, выражает структуральное знание говорящего, максимально абстрагированное от первоначального источника восприятия.

Таким образом, условные предложения первого типа (Conditional I) в английском языке отражают не только структуральное знание говорящего, но и чувственный опыт наблюдателя – непосредственный и опосредованный, сохраняемый в памяти.

Литература

- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2004.
Мамардашвили М.К. Стрела познания: набросок естественноисторической гносеологии. М.: Аванта+, 1996.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc>.
Lewis M. The English Verb. An Exploration of Structure and Meaning. London: Cambridge University Press, 1991.
Swan M. Practical English Usage. London: Oxford University Press, 2005.
Thomson A.J., Martinet A.V. A Practical English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Ekaterina B. Zhulina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

CONDITIONAL I IN THE ENGLISH LANGUAGE: A HOLISTIC APPROACH

Conditional I is analyzed within the new holistic approach to language as a form of cognitive behaviour aimed at the adaptation to the environment at the moment of speech. Speech context and perception of a person serve as the key elements in interpretation of language. The method of the research is the cognitive analysis of language. This type of a sentence is showed to represent both a structural knowledge of a speaker and a direct and indirect experience of an observer.

Key words: cognitive linguistics, holistic approach, perception, observer, adaptation, Conditional I

А.Г. Захарова (Москва, Россия)
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
un_hello_gesto@mail.ru

GARFIELD ИЛИ КОНЦЕПТОСФЕРА ОТПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ

Статья ставит своей целью показать, что вокруг каждого прецедентного имени, например, персонажа детского мультсериала, образуется особое концептосферное пространство, представляющее собой совокупность концептов и прототипических черт персонажа, имеющих аксиологическую окраску. В языковом плане проводниками в это пространство служат производные от прецедентных имен.

Ключевые слова: концептосфера, отпрецедентное имя, фрейм, слот, деривация

С самого детства люди окружены сказочными персонажами – они читают сказки, комиксы, книги, смотрят фильмы, в которых встречаются различных антропоморфных прецедентных персонажей, таких как Скуби-Ду, Губку Боба Квадратные Штаны, Гарфилда. Неслучайно главными героями историй для детей становятся именно животные, которые наделяются человеческими чертами характера, – ведь они выпукло показывают индивидуальные характеристики людей, их типаж поведения, порой посредством животных наиболее удобно раскрыть морально-нравственный подтекст произведения. Вокруг каждого прецедентного имени (ПИ) складывается некий набор устойчивых аксиологически окрашенных ассоциаций, иными словами, используя когнитивные термины, складывается концептосферное пространство. Вслед за З.Д. Поповой мы определяем концептосферу как совокупность концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов, абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [Попова 2007]. Д.С. Лихачев писал, что понятие «концептосфера» особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности [Лихачев 1993]. Данная мысль влетает в канву нашего исследования особенно органично, поскольку отпрецедентные имена, т. е. номинации, производные от прецедентных имен, являются «культурными сгустками» и высвечивают особенности той или иной культуры или эпохи. Концептосферу, которая образуется вокруг прецедентного героя, ребенок, как правило, легко воспринимает и вычисляет, что под животными на самом деле подразумеваются люди, вместе с этим усваивая и культурный контекст.

В статье мы хотели бы проиллюстрировать роль отпрецедентных имен в формировании концептосферы прецедентного имени на примере номинаций от популярного героя американской комедии «Garfield». Концентрация прототипических черт, которые профилированы в прецедентных именах, позволяет легко образовывать от них производные слова и обеспечивает устойчивую смысловую привязку к ПИ. Деривационные процессы в отпрецедентных именах позволяют сделать привязку к концептосфере, что мы и продемонстрируем на производных от прецедентного имени Garfield. В наших предыдущих работах было упомянуто, что семантику прецедентного имени мы представляем в виде фрейма со слотами [Захарова 2020; Голубкова, Захарова 2022]. Как отмечает Е.Г. Беляевская, слоты во фрейме подвижны и тесно связаны друг с другом. Когда активизируется один слот, то активизируется вся сетка, весь фрейм. Это мы наблюдаем и при дешифровке значения отпрецедентных имен.

Интересно понаблюдать, как концептуализируются реалии посредством дериватов, которые образовались в процессе возникновения ресторана Garfield-EATS в канадском Торонто. Этот ресторан тематический, там все подчинено теме Гарфилда (Garfield-themed restaurant). В ресторане подается Garfield-shaped pizza (пицца в форме персонажа Гарфилда), кофе Garfuccino (слово образовано путем контаминации, слияния двух слов Garfield и cappuccino), также в этом ре-

сторане выдают *goupons* (слово также образовано путем контаминации, смешения двух слов *Garfield* и *coupons*). Таким образом, создается особая атмосфера ресторана, необычные названия привлекают внимание посетителей и заставляют окунуться еще раз в сюжет всеми любимого фильма.

Любопытным дериватом, креативно описывающим действительность, является *Garfield-esque*. В контексте «*first appearing on said street 10 years ago, the Garfield-esque critter gained mainstream attention after appearing in a 2020 documentary, which has collectively been viewed 4.5 million times*» [NOW Corpus (News on the Web)] *the Garfield-esque critter* относится к черно-белой, толстой кошке, которая стала достопримечательностью польского города Щецин. В данном случае профилируется одно качество прецедентного героя – большой размер kota. Эта черта соотносится с внушительными размерами вечно голодного Гарфилда. Вместе с тем активизируется весь фрейм произведения – извлечение одного слота не может иметь место без активации всей сетки, всего сценария. Одновременно происходит процесс фокусирования на избранной черте героя (термин О.К. Ирисхановой).

Другая черта прецедентного героя – отрицательное отношение к понедельникам – профилируется в другом контексте «*can we agree once and for all that Monday is the worst day of the week? For your consideration: it is the day Channing Tatum and Jenna Dewan Tatum announced that they had decided to split up after nine years of marriage, sending their social media followers into Garfield-esque doldrums*» [NOW Corpus (News on the Web)]. Словосочетание *Garfield-esque doldrums* заставляет нас «вытянуть» из фреймовой структуры ПИ только один агентивный слот – уныние kota Гарфилда по поводу того, что наступил понедельник. Однако одновременно мы «включаем» весь фрейм – фокусировка на одном слоте не может иметь место без активации всей сетки. Мы восстанавливаем в памяти сценарий комикса (фильма) и выбираем нужный слот, который соотносится со значением в контексте.

В деривате *Garfield-esque* в контексте «*Shannon went and sold her stuff on television wearing an unflattering jacket and grabbing at her stomach roll like she was one of those magic claw machines they have at an arcade and her belly was an off-brand Garfield-esque toy*» [NOW Corpus (News on the Web)] актуализируется характеристика «быть похожим на Гарфилда по размеру, цвету, форме и другим внешним характеристикам». В примере *Garfield-esque obsession* в контексте «*now, one of the greatest love affairs this season – aside from Jackie’s Garfield-esque obsession with whatever food is within reaching distance – is Pettifleur’s admiration for her own bangin’ bod*» [NOW Corpus (News on the Web)] высвечивается характеристика «прожорливость» прецедентного героя. Контекст с производным *Garfield-esque* «*a wiry Jack Russell Terrier turned unlikely service dog; Gepetto, an unruffled Garfield-esque orange cat*» [iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus] профилирует еще одну характерную черту персонажа – оранжевый окрас. Другим интересным производным является сложное составное прилагательное *Garfield-in-charge*: «*Early on, as Davis was establishing Garfield’s character, it was easy enough to make him a fat cat utterly in charge of his world. As time passed, the characters’ interrelationship grew more complex, and Garfield could be placed into situations*

where his already-established role would be challenged. In other words, it became funny to *subvert* the Garfield-in-charge paradigm» [iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus]. Данный композит по-особому концептуализирует действительность, поскольку он самым непосредственным образом обеспечивает привязку к концептосфере прецедентного героя Гарфилда, дает ключ к дешифровке множества концептов вокруг персонажа путем «низвержения» его прототипических черт.

На основе комиксов о Гарфилде был выпущен фанфик про кота Гарфилдиуса (*Felis Garfieldius*). По сюжету этого сочинения, в древнем Египте у фараона был рыжий кот, такой же, как Гарфилд, и этот кот жил во дворце и имел все, что только мог пожелать. Как мы видим, исходный фрейм комиксов искажается, реинтерпретируется. Соответственно, концептосферное пространство вокруг прецедентного героя меняется: у истинного Гарфилда, который живет со своим хозяином Джоном Арбаклом, меняются условия существования. Вовлекаются новые «неправильные» признаки-заполнители слотов исходного фрейма.

Таким образом, концептосферное пространство вокруг имени прецедентного героя, с одной стороны, устойчиво и поддерживается наличием хотя бы одного прототипического признака во фрейме отпрецедентного имени, а, с другой – динамично и может преобразовываться, наряду с фреймом, при фокусировке внимания на какой-то определенной черте (чертах) героя. Активация одного слота фрейма ведет за собой оживление всего фрейма, обеспечивая интертекстуальность нарратива.

Литература

Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. Новые аспекты полисемии отпрецедентных имен-конверсивов // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 102-107.

Захарова А.Г. Лингвокогнитивное моделирование семантики производных слов, образованных от прецедентных имен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.

iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb>.
NOW Corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now>.

Anastasiya G. Zakharova (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

GARFIELD OR THE CONCEPTUAL SPHERE OF THE DERIVATIVE FROM THE PRECEDENT NAME

The article aims to show that around each precedent name, for example, a character in a children's animated series, a special conceptual space is formed, which is a set of concepts and prototypical character traits with axiological coloring. Linguistically, derivatives of precedent names serve as guides to this space.

Key words: conceptual sphere, derivative from precedent name, frame, slot, derivation

К.В. Землякова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
zemlyakova.kv@sut.ru

С.А. Куприк (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
sofiakuprik@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРИЗИСЕ В ФИНСКИХ СМИ

В статье анализируются особенности репрезентации концепта *kriisi* в дискурсе финских новостных СМИ. Рассмотрение представлено в двух аспектах: в виде ментальных структур, составляющих концепт, через анализ его номинанта, и языковых выражений, вербализующих не прямые апелляции к концепту в новостных статьях. Выявлены группы номинаций, характеризующих кризис на двух уровнях: национальном и личностном.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, сценарий, фрейминг, медиапостка

СМИ быстро реагируют на происходящие в обществе процессы, особенно если эти процессы имеют проблемный характер и требуют решений от представителей власти. СМИ провоцируют повышенное обсуждение проблемных вопросов и могут помочь отследить формирование общественного мнения и оценок в динамике.

Цель данного исследования состоит в описании языковых репрезентаций кризиса в масс-медийном, в частности, новостном дискурсе финских СМИ. Несомненна роль медиадискурса в отражении острых вопросов общества. При обращении к новостному дискурсу происходит воздействие СМИ на формирование мнения читателя и восприятие им действительности [Баландина и др. 2022: 134]. Представляют интерес те языковые способы репрезентации экстралингвистических реалий, с помощью которых СМИ фреймируют представления о важных проблемах. В исследовании [Белобородова, Землякова 2023] было выявлено, что кризис представляет один из тематических узлов в европейской медийной повестке, транслируемой в 2022 г. официальными СМИ. Представленная работа продолжает исследование ключевых лексем масс-медийного дискурса современности, в данном случае – на примере дискурса отдельно взятого социокультурного сообщества (Финляндии).

Материалом исследования послужили 178 контекстов, отобранные методом произвольной выборки из электронных ресурсов официальных СМИ Финляндии за 2023 г. по поисковому запросу ключевой лексики *kriisi*. Интерес представляют особенности речевой репрезентации представлений о кризисе и их значение для осмысления событий в финском обществе.

Однако апелляция к концепту может осуществляться не только напрямую, т. е. через конкретную языковую единицу-номинант («кризис»), которая имеет с ним внеконтекстную номинативную связь. В условиях дискурса возможна кос-

венная апелляция, когда концепт формируется из совокупности значений языковых единиц, которые не являются его номинантами [Кононова 2010: 9]. В медиатекстах прослеживается тесная взаимосвязь языковой и концептуальной картин мира, что составляет интерес в сфере когнитивных исследований [Рябуха 2020: 76]. В концепции когнитивно-дискурсивного миромоделирования, разработанной С.Л. Кушнерук, репрезентация, с одной стороны, имеет когнитивную природу и связана с мыслительной активностью, с другой – реализуется в конкретной языковой форме в дискурсивных практиках. Результатом структурирования информации о действительности, производимой и воспроизводимой в дискурсе, становится миромоделирование, порождение репрезентационных структур [Кушнерук 2023: 113].

Таким образом, в сознании адресата ментальные структуры, закрепляющие изучаемый концепт, могут расширяться и дополняться в результате его соотнесения с описываемой реальностью. По ван Дейку, средства массовой информации изображают события, полагаясь на существующие в сознании у потребителей медиадискурса общедоступные знания и суждения, организованные в форме сценариев. Это могут быть знания о политических явлениях (война, митинг, революция, выборы, теракт). Из этого следует, что соответствующие сценарии определяют субъективное восприятие, понимание и оценку читателями новостных сообщений [ван Дейк 2000: 128].

Языковые реализации концепта «кризис» могут быть сгруппированы в два крупных множества. Первое охватывает прямые номинации, которые моделируют ситуацию опасности, противостояния, конфликта, нарастания напряжения, т. е. приписывают кризису внешние факторы, относящиеся к аспектам мировой политики.

(1) Nato-tukikohdat vain kriisiyittäisivät Suomen itärajan – Базы НАТО приведут лишь к кризису на восточной границе Финляндии.

(2) ... että Suomi pärjää yksin myös kriisitalanteissa. – ... что Финляндия может постоять за себя в кризисных ситуациях.

(3) On selvää, että jos Nato – käytännössä USA – sinne rakentelee tukikohtia, niin se kriisiyttää tätä aluetta, Vaskonen ennustaa. – Ясно, что если НАТО – а на деле США – построит там базы, это приведет к кризису в регионе, – прогнозирует Ваконен.

(4) EU-maiden kriisinhallintaoperaatiot menivät mönkään Afrikassa ja Afganistanissa – Миссии ЕС по урегулированию кризисов в Африке и Афганистане пошли не по плану.

(5) Näin Gazan kriisi voisi sytyttää suursodan Lähi-idässä – Как кризис в Газе может привести к масштабной войне на Ближнем Востоке.

В этих новостных статьях оцениваются действия политических деятелей, властных структур, международных организаций, лидеров стран в осуществлении политических решений. Сопутствующие репрезентации представлены преимущественно лексемами с пейоративной коннотацией, что передает оценочное отношение к описываемым явлениям.

Второе множество контекстов описывает проблемы, обращенные внутрь

индивида, характеризующие его личный кризис, и здесь обнаруживаются нетипичные, косвенные апелляции к концепту. Выявлена часть номинаций, образованных путем словосложения *kriisi* + *существенное*.

mielenterveyskriisille – кризисное состояние психического здоровья:

(6) Kesällä kuolleen kirjailija Miki Liukkosen isän koskettava kertomus avun saamisen vaikeudesta on herättänyt kysymään, mitä mielenterveyskriisille pitäisi tehdä. – Трогательный рассказ отца писателя Мики Лиукконена, умершего этим летом, о том, как трудно получить помощь, поднял вопрос о том, что делать с кризисом психического здоровья.

(7) «Mielenterveyshoito on kriisissä, mikä avuksi? Näillä seitsemällä lupauksella hallitus aikoo parantaa avun saamista» («Психиатрическая помощь переживает кризис, что может помочь? Семь обещаний правительства по улучшению доступа к помощи»). – В статье раскрывается проблема недостаточных ресурсов социального и медицинского секторов и нехватки квалифицированных психотерапевтов. Референции, которые вовлечены в кризис, представлены субъектами, составляющими треугольник взаимоотношений «пациенты / помогающие специалисты / правительство». Контексты фреймируют ситуацию, в которой власти должны принять меры по улучшению доступа населения к медицинской помощи при проблемах с психическим здоровьем. Номинации в этой статье вербализуют также концепты ОДИНОЧЕСТВО, ПОМОЩЬ, ЗДОРОВЬЕ, БЛАГОПОЛУЧИЕ.

kriisipuhelimesta – горячая линия по кризисным ситуациям, кризисный телефон доверия:

(8) Joka päivä Kriisipuhelimesta käydään keskimäärin 16 keskustelua itsetuhoisuuteen liittyen. – Каждый день на горячую линию поступает в среднем 16 звонков с мыслями о саморазрушении.

(9) Apua on saatavilla esimerkiksi päivystävästä kriisipuhelimesta. – Помощь доступна, например, по телефону доверия.

В словосочетании *psykologista apua* (психологическая помощь) существительное *apua* указывает на крайнюю степень бедственного положения, при котором оказание помощи является единственным возможным способом сохранения жизни.

(10) Nuorten miesten paha olo ja itsetuhoisuus kuuluvat kriisipuhelimesta aiempaa enemmän. – На кризисной горячей линии чаще слышны переживания и сомнения молодых мужчин.

В статье кризис реализуется через связь с такими переживаниями как суицидальные мысли, депрессия, ощущение безысходности, тревога, страх. Косвенная номинация *itsetuhoisuus* (усилия и действия, направленные на причинение вреда самому себе или сознательное принятие риска, угрожающего жизни; самоповреждение), а также активное употребление лексики с негативной оценочностью свидетельствуют о сопутствующей ситуации тяжелого проживания кризисных ситуаций отдельными индивидами. Круг проблем также описывается через включение структур, репрезентирующих концептосферу базовых ценностей: РАБОТА, ЗДОРОВЬЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, соответственно, кризис затрагивает

эти ценностные концепты и приводит к безработице, злоупотреблению наркотиками, финансовым проблемам.

kriisityöntekijä – кризисный работник, специалист по преодолению кризисов:

(11) Miksi yksinäisyys sattuu myös fyysisesti? *Kriisityöntekijä* vastaa tähän ja neljään muuhun kysymykseen. – Почему одиночество причиняет и физическую боль? Кризисный работник отвечает на этот и четыре других вопроса.

Здесь в ментальную структуру изучаемого концепта включены также концепты БОЛЬ, ОДИНОЧЕСТВО. Наблюдаем, что вышеприведенные номинации вербализуют описание проблем, пострадавших субъектов, ущерба, который им нанесен, а также лиц, ответственных за меры по выходу из кризиса.

Итак, анализ выявил способность единицы *kriisi* участвовать в фрейминге ценностных концептов БЕЗОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ, СТАБИЛЬНОСТЬ. Было продемонстрировано, как лексема *kriisi* «обрастает» дополнительными смысловыми признаками и включается в ментальные структуры, которые явно не имеют прямой апелляции к изучаемому концепту, но за счет анализа референций из материального мира могут быть соотнесены с репрезентируемыми явлениями, что приводит к расширению представлений о кризисе на основе включения этого концепта в «нетипичные» для него сценарии.

Литература

Баландина И.Д., Юздова Л.П., Москвитина Т.Н. Когнитивно-дискурсивные особенности вербализации кризиса в англоязычных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 134-137.

Белобородова А.В., Землякова К.В. Тематическая карта политической медиаповестки: контент-анализ заголовков англо-американской прессы // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 116-127.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.

Кушнерук С.Л. Референциальный аспект миромоделирования в цифровой коммуникации о трудовых мигрантах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 112-124.

Рябуха О.В. К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2020. Т. 2, № 2. С. 72-80.

Ksenia V. Zemlyakova (Saint Petersburg, Russia)
M.A. Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications
Sofia A. Kuprik (Saint Petersburg, Russia)
M.A. Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications

COGNITIVE AND DISCOURSE PECULIARITIES OF CRISIS REPRESENTATION IN FINNISH MASS MEDIA

The authors analyze the features of the representation of the concept KRIISI in the discourse of Finnish news media. The analysis is presented in two aspects: the mental structures that constitute the concept through its nominating lexeme, and the linguistic expressions that verbalize indirect appeals to the concept in news articles. The analysis allows identifying nominations characterizing the crisis at two levels: national and personal one.

Key words: concept, linguistic representation, scenario, framing, media agenda

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СООТВЕТСТВИЯ ДЕОНТИЧЕСКИМ НОРМАМ В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.*

В статье рассматриваются устойчивые сочетания письменных памятников русского языка делового и повседневного общения XVI–XVII вв. с точки зрения отражения в них деонтических норм. Выделяются фразеологизмы, концептуализирующие представление о соответствии принятым в обществе нормам, выражающие модальность разрешения, запрета, долженствования, обязательств, а также фиксирующие нарушения принятых норм.

Ключевые слова: деонтические нормы, устойчивые сочетания, концептуализация, стереотипная формула, идиома, модальность

Деонтические нормы «включают правовые, морально-этические нормы, а также социальные правила и законы. Социальные нормы – это общепринятые шаблоны поведения, создаваемые людьми в целях успешного взаимодействия и регуляции общественных процессов. Нормы поведения связаны с оценкой поведения и состояния. Нормы, накладываемые обществом, являются социально-положительными, их соблюдение вызывает одобрение, и, наоборот, нарушение норм и несоблюдение запретов вызывает отрицательную оценку окружающих» [Абакумова 2010: 131-132]. Реалии меняющегося с ходом истории мира отражаются в языковой картине мира в целом, а также в деонтической картине мира в частности, отличаясь на каждом синхронном временном срезе. Как указывает Т. П. Филичкина, деонтическая картина мира как совокупность норм и правил поведения индивидов, необходимых для функционирования общества, связана с деонтической модальной логикой, разработанной Г. фон Вригтом; эта картина находит отражение в семантике фразеологических единиц и считается наименее изученной. Анализируя семантику фразеологизмов, можно реконструировать фрагменты нормативной (деонтической) картины мира лингвокультурного сообщества [Филичкина 2006: 4]. Деонтическая модальность относится к действиям и состояниям, имеющим социальный статус, и определяется с помощью операторов «запрещено», «разрешено», «обязательно» или «безразлично» [Филичкина 2006: 11].

В письменных памятниках начального периода формирования национального русского языка функционирует большое количество устойчивых сочетаний разных типов, разной степени семантической слитности компонентов, различной стилевой и жанровой принадлежности. Обращает на себя внимание тот факт, что в текстах делового характера и в текстах, отражающих русский язык повседневного общения XVI–XVII вв., выделяется массив устойчивых языковых единиц, концептуализирующих представление о соответствии принятым социальным нормам и правилам своего времени. Этот пласт фразеологизированных единиц

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

составляют в основном такие разряды устойчивых словесных комплексов, как предложно-падежные сочетания, стереотипные формулы и собственно идиомы.

Что касается предложно-падежных сочетаний, то еще в 1976 г. Г.А. Селиванов, анализируя способы фразообразования XVI–XVIII вв. в его отношении к структурному развитию языка, отмечал, что за рамками исследования фразеологов остается «такой объективный способ фразообразования, как разрастание серии типа *по крестному целованию – по священству – по черной ризе – по шертальной записи*» [Селиванов 1976: 14]; добавим к указанной ученым серии еще такие единицы как *по кабале, по евангельской заповеди, по Бозе* и др. Продуктивность данной фразеомодели не случайна, все эти единицы фиксируют представление о соответствии важным правилам, законам и общественным нормам. Большое значение в формировании данной семантики всех этих единиц играет предлог *по* – ‘в соответствии, согласно с чем-л., на основании чего-л.’. Например, *по Бозе* ‘в соответствии с законами православия’: *Пребывают они [унесенные куры] по Бозе и в воздержании моем мнозе, что и света сего мраморного не хотят видети и ни гласа твоего, курушко, слышати* (Сказ. о куре, 95, 1-я пол. XVII в.).

Важную предписывающую роль играют стереотипные формулы, выражающие деонтические нормы делового и повседневного общения XVI–XVII вв. Формулы, эксплицирующие деонтические нормы в исследуемом материале, можно классифицировать по выражаемой модальности следующим образом.

1. С модальностью разрешения, наделения кого-либо правами. Например, официально-деловая формула установления полномочий должностных лиц *ведать и судить кого в чем* ‘обладать административной и судебной властью’; формула, определяющая право на осуждение кого-л., *в вине кого-л. волен (-льны) великий (-ие) государь (-и)* ‘царь(-и) вправе осудить, наказать’; судопроизводственная формула *дать / давать на душу (кому)* ‘предоставить / предоставлять кому-л. право принесения присяги в суде’; формула отказных грамот *рыба ловити и зверь бити* ‘разрешать заниматься рыбной ловлей и промысловой охотой’.

2. С модальностью запрета. Например, официально-деловая формула порядных и других грамот *никакова воровства не воровать (иметь)*; формула судопроизводства, завершающая мирное соглашение, *великому государю не бити челом (и не искать) никоими (некоторыми) дела и (того) не вчинать* ‘фиксация окончательно принятого обеими сторонами мирного соглашения, по которому не допускается челобитье и пересмотр’; дипломатическая формула, использовавшаяся в договорах о межгосударственных отношениях, *ничем не зацепить / зацеплять* ‘не разорить / разорять соседние территории, не нанести / наносить ущерб, не провоцировать к ответным военным действиям’.

3. С модальностью долженствования. Например, официально-деловые формулы духовных грамот: *кому что дать (и у кого (на ком, где) что взять)* ‘распоряжение завещателя по урегулированию имущественных и финансовых отношений’, *по душе моей исправить* ‘исполнить волю завещателя, передав в управление или собственность’, *по (чьей(-их)-л.) душе (душах) (дать (отдать) / давать, пожаловать)* ‘пожертвовать что-л. церкви (монастырю) на поминавание умер-

шего (умерших)’, *поминать... доколе монастырь... стоит, из списка(-ов), (сидодиков)...* не выгладить ‘распоряжение о вечном поминовении кого-л.’

4. Формулы принятия на себя определенных обязательств: *никаким (никотормым) воровством не воровать (воровывать, промышлять)* в порядных грамотах ‘не совершать преступлений’; *наши порутчиковы головы в его (их) голову(-ы) (чье-л.) место* в поручных грамотах ‘обязательство отвечать за кого-л. в случае невыполнения им закрепленных в договоре обязанностей’; официально-деловая формула грамот, определяющая трудовую повинность, *изделье(-я) (заделье(-я)) делать (работать)* ‘выполнять какой-л. вид работы в пользу кого-л. или выплачивать вместо этой работы подать’; формула, фиксирующая обязательство вырастить девочку и устроить ее брак, *кормить и поить / вскормить и вспоить (скормить и споить) и (вскормив (вскормя)) замуж выдать (отдать)*; формула судопроизводства *сести под крест до искуна* ‘о несостоятельном должнике: обязаться по крестному целованию оставаться у истца после суда для отработки денежного долга’.

Выделяется дипломатическая формула вежливости, реализующая модальный оператор «безразлично» – *как изволишь (изволите)* ‘как пожелаете, на ваше усмотрение’. Ср.: [Губернатор г. Байона Петру] *А то буди на воле вашей, как изволите: здесь ли ждать похотите королевского указа о всем или подводи велите наинимать на свои деньги* (Ст. сп. Потемкина, 232, 1669 г.).

Оценка проявляется в формулах официально-деловых грамот при фиксации нарушения деонтических норм, например, *умысля воровски* ‘решившись на незаконные, преступные действия’. Ср.: *А будет кто приедет к кому нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит... смертное убойство... и самого казнити смертию же* (Улож. 1649 г., 198).

Семантическая структура идиом в большей степени, чем стереотипные формулы, включает оценочный компонент, который соотносится с аксиологической модальностью. Можно выделить положительно оценочные идиомы, концептуализирующие полное соответствие принятым моральным и социальным нормам, например: *верой и правдой служить, держать слово, биться на смерть (до смерти)* ‘сражаться, будучи готовыми жертвовать жизнью, до последнего’ и др. Отрицательно оценочные идиомы фиксируют нарушение принятых норм, например, *своею дуростью* ‘самовольно, своевольно’: *Над теми воровскими казаки поиск чинить, чтоб однолично их переимать или побить – не так бы, как ты [Б. Северов] под Чорным Яром своею дуростью своровал, с воровскими казаки... бою не дал и за ними для поиску не ходил* (РД I, 83, 1667 г.); *из (с) ума выводить кого* ‘доводить до состояния, когда человек лишается способности обдумывать свои поступки и отвечать за них, становится глупым’: *А дав де той травы она Марфа ей Мавре сказала, что та трава худая и мужа де своего Семена той травой испортить можешь и она де Василиса ея Мавру в том деле из ума выводит* велела жалея де ево Семена (Сл. Перм. II, 59, 1707 г.) и др.

Таким образом, устойчивые сочетания старорусского языка делового и повседневного общения концептуализируют ядро деонтической картины своего времени – соответствие установленным законам и нормам поведения в обществе,

нарушения подобного соответствия также маркируются фразеологическими единицами, обладающими аксиологической оценкой.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник Орловского гос. ун-та. 2010. № 3 (11). С. 131-137.

Селиванов Г.А. Фразеобразование в его отношении к структурному развитию языка // Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976. С. 3-14.

Филичкина Т. П. Деонтические нормы в семантике фразеологических единиц русского и английского языков (на материале глагольных фразеологизмов, содержащих наименования головных уборов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Орел, 2006.

Список источников

РД I – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М.: АН СССР, 1954.

Сказ. о куре – Повесть о куре и лисице // Русская демократическая сатира XVII в. / подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 73-106.

Сл. Перм. II – *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Том II. П.-Я. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010.

Ст. сп. Потемкина – Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 227-315.

Улож. 1649 г. – Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1959.

Elena I. Zinovieva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

CONCEPTUALIZATION OF CONFORMITY TO DEONTIC NORMS IN STABLE WORD COMBINATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 16th – 17th CENTURIES

The article examines stable word combinations of written monuments of the Russian language of business and everyday communication of the 16th – 17th centuries from the point of view of reflecting deontic norms in them. There are phraseological units that conceptualize the idea of compliance with accepted norms in society, expressing the modality of permission, prohibition, obligation, as well as fixing violations of accepted norms.

Key words: deontic norms, stable combinations, conceptualization, stereotypical formula, idiom, modality

Д.А. Иванишин (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
ghostpanther@yandex.ru

ПОЯВЛЕНИЕ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ У КОНЦЕПТА В РЕЧЕВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ СМИ

Статья рассматривает сдвиг в оценочной семантике концепта, когда в СМИ из концепта с нейтральной коннотацией он превращается в концепт с отрицательной, и используется для негативного отображения чего-либо, являясь частью речевого воздействия.

Ключевые слова: концепт, негативная семантика, концептуализация, категоризация, речевое воздействие СМИ, дихотомия «свой – чужой»

С учетом меняющихся политических реалий современного мира, неудивительно, что появляются новые концепты и категории, уже существующие подвергаются изменениям. Происходит это не только в плане семантики, но и в плане коннотации, когда значение концепта остается тем же, но меняется его оценочный компонент. Этот аспект представляется особенно интересным в условиях медийного дискурса, а конкретнее – в рамках речевого воздействия, осуществляемого в данном типе дискурса, так как в текущих реалиях проблема речевого воздействия приобретает все больший охват и актуальность.

Концептуализация является одним из ключевых процессов когнитивной деятельности человека, заключающихся в классификации человеком понятий, «структуризации знаний и возникновении разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [Кубрякова 1997: 93], в результате чего происходит осмысление «поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова 1997: 93]. Будучи частью когнитивной деятельности, она происходит на протяжении всей жизни человека и подвержена постоянным изменениям [Капышева 2015]. При этом представляется логичным понимать под концептами не только знаменательные части речи, но и служебные, например, предлоги, а в некоторых случаях даже части слов, например, префиксы (про / анти и др.), так как даже будучи частью слова, они обладают пусть абстрактным, но все-таки значением, доказательством чему служит возможность их противопоставления, что указывает на наличие прямо противоположного смысла, а, следовательно, и наличие значения (сравните: пророссийский / антироссийский).

С концептуализацией тесно связан процесс категоризации. «Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [Кубрякова 1997: 93]. При этом вышеупомянутые семантические маркеры (против / за – про / анти), являются одновременно и концептами, и средствами категоризации, поскольку, имея диаметрально противоположные значения, они уже сами собой подразумевают деление на противоположные категории.

В условиях тотальной цифровизации общества главную роль в познании окружающей нас действительности играют средства массовой информации, которые с развитием и общедоступностью Интернета получили еще больше влияния на формирование взглядов и языковой картины мира индивида. Подобное формирование осуществляется благодаря информативной, когнитивной, манипулятивной и рекламной функциям СМИ [Васильева 2010].

Проанализировав ряд англоязычных публицистических материалов, мы заметили интересные особенности использования СМИ уже существующих концептов и/или их семантических частей, когда в них вкладывается негативная оценка, притом, что словарные дефиниции данных понятий подобной коннота-

ции не предоставляют. Посредством анализа словарных статей, контекстуального анализа публицистических текстов, анализа ассоциативного и номинативного поля концепта, рассмотрим, какое речевое воздействие оказывают данные СМИ за счет подобного сдвига, а также, как изменилось восприятие данных понятий реципиентом в следствие подобного употребления.

Остановимся на вышеупомянутом концепте PRO, который, исходя из словарных статей, имеет нейтральную оценочную семантику. В словарях его дефиниция дается без дополнительных стилистических помет: *supporting or approving of something* [MacMillan 2007: 1180]; *favoring, supporting, championing* [Merriam-Webster: URL]; *in favor of something* [The Britannica Dictionary: URL]. Его семантика будет полностью реализовываться только в сочетании с последующим словом, так же, как и в случае с префиксом *anti*. Сравните: *prowar*, но *proactive*; *antisemitism*, но *antiwar* – где в обоих случаях семантически прослеживается направленность за / против чего-либо, но в первых случаях противопоставлений коннотация отрицательная, а во втором – положительная.

Представляется, что в данных случаях, учитывая коннотационную нейтральность обоих префиксов, основную коннотативную нагрузку берут на себя те концепты, которые к ним присоединяются, как, например, концепт WAR, рождающий стойкие негативные ассоциации. В зависимости от того, какой направленности префикс используется, семантически получается сочетание, либо «за что-то плохое – *prowar*», либо «против чего-то плохого – *antiwar*», что и позволяет реципиенту воспринять полностью как семантику данных сочетаний сем, так и оценочное значение всего понятия. Однако в случае, когда главное слово не имеет негативной коннотации изначально, ситуация выглядит иначе.

Так, при анализе англоязычных материалов было обнаружено, что сочетание префикса *pro* + национальность, например, *pro-Palestinian*, во-первых, всегда использовались только в негативном ключе, во-вторых, достигалась подобная коннотация не за счет семантики главного слова, в данном случае – прилагательного, обозначающего национальность, а за счет семантического и/или синтаксического окружения, или же контекста в целом. Можно заключить, что концепт PRO в языке современных СМИ приобрел отрицательную оценочную семантику и его употребление однозначно используется для обозначения сторонников чего-либо негативного. Чтобы это подтвердить, рассмотрим следующие примеры.

В статье «*Russian propaganda efforts aided by pro-Kremlin content creators, research finds*» [NBC News: URL] уже в самом заголовке мы видим употребление префикса *pro* – *pro-Kremlin* рядом со словосочетанием *Russian propaganda*. Слово *propaganda* имеет отрицательную оценочную семантику согласно толкованию, данному на сайте *Britannica.com* [Britannica: URL]: «*dissemination of information – facts, arguments, rumours, half-truths, or lies – to influence public opinion*»; что в сочетании с эпитетом *Russian* увязывает в сознании получателя информации данное негативное явление с определенной национальной принадлежностью. Далее это словосочетание связывается с понятием *pro-Kremlin* с помощью глагола *to aid*, и получается, что сторонники Кремля, это те, кто занимается пропагандой. Усиливает эту связь контекстуально само содержание статьи, которая в целом оценивает

российскую деятельность негативно. Каждый раз, когда в статье используется префикс pro- (pro-Kremlin (3 раза); pro-Russian (1 раз)), он лексически окружен словами с негативной семантикой: disinformation, propaganda, misogynistic, killing.

Подобное наблюдается и в материале «Exclusive: Pro-Kremlin activists in Germany gave money for Russian army gear» [Reuters: URL], с той разницей, что негативная коннотация в данном случае задается не лексическим окружением, а контекстуально. В статье осуждается финансовая помощь российской армии проживающими в Германии гражданами, которым даются эпитеты pro-Kremlin (1 раз), pro-Russian (2 раза), pro-Moscow (1 раз), что внедряет в сознание реципиента идею «неправильности» помощи России.

В статье «Tell Us How You Really Feel: Analyzing Pro-Kremlin Propaganda Devices Narratives to Identify Sentiment Implications» [Illiberalism: URL] наблюдается интересная дихотомия. Как и в двух предыдущих случаях словосочетания pro-Kremlin, pro-Russian используются в лексическом окружении с негативной семантикой (а также уравниваются с эпитетами pro-invasion и anti-Ukraine), а действия и субъекты, сопровождаемые данными эпитетами, осуждаются контекстуально, однако, представлена также точка зрения российской стороны в отношении тех, кто не поддерживает ее действия. В подобных случаях используются эпитеты pro-Nato, pro-EU, которые уравниваются контекстуально с эпитетом anti-Russian, что еще раз подчеркивает употребление префикса pro- как префикса с отрицательной коннотацией, применимого в основном только к противникам того или иного правительства / страны / организации.

Употребление слов с префиксом pro- в отрицательном контексте наблюдается не только по отношению к России. В статье «Pro-Palestine Student Org Calls for National ‘Day of Resistance’ Backing Attacks on Israel» [Daily Signal: URL] люди, выступающие в поддержку Палестины, выставляются отрицательно, о чем свидетельствует неоднократное утверждение: против бомбежки Палестины, значит – поддерживаешь терроризм, хотя самими сторонниками такая мысль выражена не была: «Meanwhile, pro-Palestine groups at universities such as George Washington University in Washington, D.C., are expressing support for Palestine without acknowledging the atrocities that the terrorists have committed in Israel». То же самое наблюдается и в статье «The Real Meaning of ‘Pro-Palestinian’» [Israel Today: URL].

Анализ публицистических статей, в которых встречается концепт PRO показывает, что в современных англоязычных СМИ он используется при описании сторонников действий / организаций / государств, находящихся в прямой оппозиции странам Запада, притом, что словарное толкование данного префикса не указывает на его негативную семантику. Контекстуально СМИ используют данный концепт в политическом дискурсе с тем, чтобы выставить сторонников чего-либо в негативном свете, особенно, когда речь идет о межнациональных конфликтах. При этом по дихотомии «свой – чужой», использование префикса pro- теперь по умолчанию означает определение концепта в категорию «чужой».

Литература

Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2010. № 3. URL: <https://cy-berleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii>

smi-v-sovremennom-obschestve?ysclid=lr6g64aga4753896468.

Каптышева У.Н. Динамика изменений когнитивных функций при старении у человека // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11 (ч. 3). С. 383-387.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов // под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997.

Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/propaganda>.

Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/pro>.

Daily Signal. URL: <https://www.dailysignal.com/2023/10/10/national-pro-palestine-student-group-calls-for-day-of-resistance-backing-attacks-on-israel>.

Illiberalism. URL: <https://www.illiberalism.org/tell-us-how-you-really-feel-analyzing-pro-kremlin-propaganda-devices-narratives-to-identify-sentiment-implications>.

Israel Today. URL: <https://www.israeltoday.co.il/read/the-real-meaning-of-pro-palestinian/>ysclid=lr6a9kas8l310858854.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2007.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pro>.

NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/russian-propaganda-efforts-aid-ed-kremlin-content-creators-research-fin-rcna32343>.

Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/pro-kremlin-activists-germany-gave-money-russian-army-gear-2023-01-30>.

Dmitry A. Ivanishin (Orel, Russia)

I.S. Turgenev Orel State University

THE SHIFT OF A CONCEPT SEMANTICS TO THE NEGATIVE CONNOTATION IN MEDIA PURSUASION

The article considers a shift of a concept semantics to the negative connotation, when in modern media a concept with a neutral connotation turns into a concept with a negative one and, thus, is used by mass media to portray someone in a negative way, being a part of media persuasion.

Key words: concept, negative semantics, conceptualization, categorization, media persuasion, “friend-or-foe” dichotomy

М.А. Иванова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
mashaliva@rambler.ru*

КОНЦЕПТЫ «NETZFREUNDSCHAFT» И «HASS IM NETZ»: СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье исследуются семантические особенности лингвокультурных концептов NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ, выделенных автором для изучения процесса трансформации языковой объективации дружеских и неприязненных взаимоотношений в немецкоязычном виртуальном пространстве. Выявляется влияние английского языка на формирование данных феноменов.

Ключевые слова: концептуализация, виртуальная коммуникация, язык социальных сетей, виртуальная дружба, виртуальная вражда

Процесс цифровизации средств коммуникации привел к появлению принципиально новой возможности не зависящего от физической удаленности коммуникантов непосредственного межличностного контакта. Общение в социальных сетях способствует изменению социального и речевого поведения участников коммуникации, в том числе трансформации способов концептуализации и реализации дружеских и неприязненных межличностных взаимоотношений, являющимися базовыми для многих культур.

Дружба и вражда в немецкоязычном виртуальном пространстве рассматриваются в работе как реализация концептов NETZFREUNDSCHAFT (ДРУЖБА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ) и HASS IM NETZ (НЕНАВИСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ). Целью исследования является изучение семантических особенностей наиболее частотных единиц, вербализующих эти концепты, а именно *Netzfrend*, *Netzfrendtschaft* и *hate*, *hater* / *Hass*, *Hasser*.

Одной из ключевых лексем, реализующих концепт NETZFREUNDSCHAFT, является *Netzfrend*, которая используется как собирательное существительное для обозначения различных контактов в немецкоязычных социальных сетях, например: (*Facebook- / Internet- / Online- / virtueller*) *Frend*, *friend* и т. д. При этом в процессе коммуникации указание на отношение к виртуальному пространству обычно опускается.

В глоссарии Social-Media-Glossar существительное *Frend* определяется как: «*Person, mit der Sie über Facebook oder ein anderes soziales Netzwerk in Verbindung stehen. ... Die Verbindung zu einem Frend muss von beiden Seiten bestätigt und gewünscht werden*» (человек, с которым Вы связаны через Facebook или другую социальную сеть. ... Связь с другом должна быть подтверждена и желанна обеими сторонами) [Social Media-Glossar: URL]. Лексема *Frend* в языке социальных сетей обнаруживает высокую словообразовательную активность, например *Face-Frend*, *Überfrendung*, *entfrenden*, *Frendesliste* и т. д. Как следствие, в языке социальных сетей формируется большое словообразовательное гнездо с корнем *-frend-* [Иванова 2020: 99-108].

Приведем примеры использования единицы *Frend* в таком значении: *Dann klickte Alina auf **Frend**In hinzufügen* (тогда Алина нажала на добавить в друзья); *Jana hatte schon über 400 **Frende*** (у Яны уже было больше 400 друзей).

В виртуальной коммуникации слово *Frend* является калькой английского *friend*, которое после активного распространения социальных сетей стало использоваться для обозначения контактов в них. Отметим, что в немецком языке также употребляется и англицизм *friend* в значении виртуальных контактов, например: *In sozialen Netzwerken im Internet... werden «friends» per Mausclick gewonnen* (В социальных сетях ... «friends» (друзья) заводятся одним щелчком мыши).

Английская лексема *friend* не так эмоционально окрашена, как немецкая *Frend*. Дружба (*Freundschaft*) представляется в сознании носителя немецкой лингвокультуры как что-то нерушимое и ценное (*unverbrüchliche Freundschaft* (нерушимая дружба); *Freunde sind über Silber und Gold* (Друзья дороже серебра и золота). Друг (*Frend*), как правило, гораздо важнее, чем родственник; друг ассоциируется с защитником или даже ангелом-хранителем, готовым прийти на

помощь в любую минуту, что подтверждается синонимическим рядом лексемы: *Kommilitone, Kumpel, Begleiter, Beschützer, Bewacher, Retter, Schutzengel* [Dornseiff 2004: 284]. Что касается английского существительного *friend*, то отмечается изменение его значения в течение столетий, что, по словам А. Вежбицкой, отражает «глубинные изменения в том, как концептуализируются человеческие отношения, и в моделях самих этих отношений» [Вежбицкая 2001: 64]. Вежбицкая говорит о более «слабом» значении слова *friend*, что, например, объясняет появление в современном английском языке частотно употребляемого выражения *close friends*, в котором раньше не было необходимости, так как *friend* и так обозначало «близких друзей». Так, крепкая дружба, предусматривающая сильную привязанность, трансформировалась в англоговорящем лингвокультурном пространстве в ограниченные, кратковременные связи [там же: 97-102].

Эти изменения в понимании лексемы *friend* могут быть причиной, по которой контакты в социальных сетях в англоязычном пространстве получили такое название. Это, в свою очередь, повлияло на выбор слова *Freund* для обозначения соответствующего понятия в немецком языке, где было бы естественнее использование существительных *Kontakte* или *Leute* (как в социальных сетях XING или *wer-kennt-wer*). Однако, более активное употребление единицы *Freund* привело к аналогичной английскому языку трансформации в немецкоязычном лингвокультурном пространстве. В результате формируется новое значение слова *Freund* – «добавленный в список контактов (*Freundesliste*) пользователь, с которым можно делиться информацией».

В ядре концепта HASS IM NETZ наиболее частотными лексемами являются заимствованные из английского *Hater, hate* и *haten*, а также соответствующие им в немецком *Hasser, Hass* и *hassen*.

Существительное *Hass* наиболее часто используется в немецкоязычной культуре для обозначения неприязненного типа межличностного взаимодействия в виртуальном пространстве (включая виртуальную вражду, кибермоббинг и т. д.). Например, на портале *Internetratgeber für Jugendliche* лексема *Hass im Netz* трактуется как: «*im Internet und in sozialen Medien gepostete (z. B. mit einem Retweet) verbreitete Hasskommentare oder in Kommentaren geäußerte Vorurteile gegen bestimmte Gruppen*» (негативные комментарии, размещенные в Интернете и социальных сетях (например, с помощью ретвита или репоста), или предвзятое отношение к определенным группам, выраженное в комментариях) [*Internetratgeber für Jugendliche: URL*]. В виртуальной коммуникации *Hass* показывает высокую словообразовательную активность, например: *Hassrede, Hasskommentar, Hassposting* и т. д. Приведем примеры использования данной лексемы в таком значении: *Die Anonymität im Netz wirkt möglicherweise als Brandbeschleuniger für den Hass* (Анонимность в сети, возможно, действует как катализатор ненависти); *Erneut rollt eine Hasswelle über mich im Internet, mit Morddrohungen und Beleidigungen, die schwer zu ertragen sind* (Снова волна ненависти накатывает на меня в Интернете, с угрозами смерти и оскорблениями, которые трудно вынести).

Лексема *Hass (im Netz)* употребляется как калька английского *hate*, которое

также используется в англоязычной виртуальной коммуникации для неприязненных, враждебных взаимоотношений. При этом можно отметить смягчение эмоциональной коннотации слова *Hass* в виртуальном пространстве. В немецком языке оно обозначает абстрактное чувство сильного неприятия и враждебности по отношению к другим, аналогично русскому *ненависть*. Ненависть в немецкоязычном лингвокультурном пространстве воспринимается как крайняя степень неприязненных отношений и считается исключительно негативным явлением в отличие от вражды. Например, К.П. Лиссманн считает, что враги способны воспринимать друг друга как конкурентов в открытой борьбе за благо и даже уважать друг друга. Это понимание феномена вражды содержалось в нормативной концепции рыцарства. Ненавистники же хотят подстрекать и устранять друг друга [Liessmann 2023].

В виртуальном же пространстве *Hass* начинает использоваться для обозначения вербального насилия, конкретных комментариев или высказываний в этих комментариях, чему в немецком языке больше соответствуют существительные *Abneigung* или *Feindschaft*. Использование лексем *hate* («*to dislike someone or something very much*») или *Hass* в виртуальной коммуникации может объясняться тем, что неприязненное межличностное взаимодействие в социальных сетях связано с анонимным пользователем, с которым не складывается прямого взаимодействия, как было бы с врагами, и лексема в данном случае описывает чувства, которые испытываются в момент написания негативного комментария.

Кроме того, в немецком языке социальных сетей активно используются и заимствования из английского *Hater*, *hate* и *haten*. В онлайн-версии немецкого толкового словаря лексема *Hater* трактуется как «*jemand, der öffentlich oder in sozialen Netzwerken Hass, Hassbotschaften verbreitet*» (тот, кто распространяет ненависть, призывы к ненависти публично или в социальных сетях), а лексема *haten* – как «*sich (in sozialen Netzwerken) hasserfüllt äußern; (jemanden) stark verächtlich machen*» (выражаться с ненавистью (в социальных сетях); сильно пренебрегать (кем-либо)), т. е. оба слова описывают межличностное взаимоотношение прежде всего в Интернет-пространстве [Deutsches Universalwörterbuch: URL]. В качестве примера приведем следующие комментарии из социальных сетей: *in diesem Forum wurde früher viel gehatet* (на этом форуме раньше много хейтили); *Wer hat auch nur auf Julias fettige Haare geachtet #nohate* (кто обращал внимание только на жирные волосы Юлии #nohate (#безхейта)).

Таким образом, поскольку реализуемые в социальных сетях дружеские и неприязненные межличностные взаимоотношения являются новыми видами социального взаимодействия, для их обозначения заимствованы слова из англоязычного виртуального пространства, где используются слова *hate* и *friend*, которые в английском языке имеют менее эмоционально окрашенное значение, чем в немецком. В результате, у немецких лексем *Hass* и *Freund* появились новые по сравнению с естественной коммуникацией значения, близкие к их английским аналогам. Последнее демонстрирует, как на языковом уровне проявляются глобальные изменения в концептуализации межличностных взаимоотношений, возникшие под влиянием развития виртуальной коммуникации.

Литература

- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия). М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Иванова М.А.* Концепт Freundschaft (Дружба) в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 99-108.
Deutsches Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/hate>.
- Dornseiff F.* Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin: de Gruyter, 2004.
Internetratgeber für Jugendliche. URL: <https://www.netzdurchblick.de/hass-im-netz.html>.
- Liessmann K.P.* Hass – Anatomie eines elementaren Gefühls. URL: <https://www.philomag.de/artikel/hass-anatomie-eines-elementaren-gefuehls>.
- Social Media-Glossar. URL: <https://blog.hoot suite.com/de/das-social-media-glossar/#F>.

Maria I. Ivanova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CONCEPTS “NETZFREUNDSCHAFT” AND “HASS IM NETZ”: SEMANTIC ASPECTS

The paper investigates the semantic features of linguocultural concepts NETZFREUNDSCHAFT and HASS IM NETZ, selected by the author to study the process of transformation of linguistic objectification of (un-)friendly relationships in the German-language virtual space. In addition, the influence of English on the formation of these phenomena is demonstrated.

Key words: conceptualization, virtual communication, language of social networks, virtual friendship, virtual hate

О.А. Иванова (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
olgaivanova.info@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О LEITKULTUR (‘ВЕДУЩАЯ КУЛЬТУРА’) В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ СМИ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

На основе корпусного анализа установлено вариативное понимание Leitkultur в СМИ. Это Основной закон (Grundgesetz), демократия, правовое государство (Rechtstaat), основные права (Grundrechte), культура совместного проживания, христианско-еврейская западноевропейская культура. На современном этапе может рассматриваться как идеологема, формирующая немецкую идентичность и консолидирующая немецкое общество.

Ключевые слова: понятие, концепт, ведущая культура, идеологема, медийный дискурс, корпус

В политических и общественных кругах Германии все чаще слышится призыв ко всем гражданам с миграционным прошлым, живущим на территории Германии, к необходимости придерживаться Leitkultur (ведущей культуры). Некоторые политики, социологи, философы, общественные деятели, представители религиозных организаций, журналисты, лингвисты по очереди поднимают вопрос определения ключевой немецкой культуры, пытаются очертить и закрепить в общественном сознании свои представления о Leitkultur и, если конкретнее, о deutsche Leitkultur – номинациях, введенных в 1998 г., как пути к интеграции иммигрантов. Поднимается также и вопрос корректности употребления словосочетания deutsche Leitkultur и необходимости использования сочетания Leitkultur in

Deutschland как более нейтрального. Хотя словосочетание *Deutsche Leitkultur* за частоту употребления и отсутствие ясности его понимания становится «анти-словом» 2000 г. (*Unwort des Jahres*) по версии редакции Pons (*Tagesspiegel*, 15.11.2000), оно активно входит в обиход как одно из средств политической борьбы (*Kampfbegriff*). Например, как название раздела в журнале качественной прессы (*der Spiegel*) является одним из пунктов нового курса партии ХСС (CSU), обсуждаемом в баварском Ландтаге в ноябре 2023 г. Поиски того, что понимают под словосочетанием *deutsche Leitkultur*, находят отражение в современных медийных текстах, создающих новую медийную культуру и оказывающих влияние на сознание адресата. Поскольку СМИ во многом определяют языковую ситуацию в обществе, изучение текущих тенденций медийного дискурса остается актуальным. Анализ представлений о *Leitkultur*, отраженных в текстах современных немецких СМИ, – цель данного исследования. Для анализа использован немецкий новостной корпус 2021 г. Лейпцигского университета, корпус немецких газет на платформе *dwds*. В ходе работы использовался междисциплинарный подход, а также методы дефиниционного, корпусного, количественного, концептуального и контекстуального анализа.

В лексикографических источниках слово *Leitkultur* толкуется как ведущая, определяющая культура [Duden 2019: 1136], как система общественных и культурных характеристик, на которые должна ориентироваться страна или нация. Иные разъяснения в словарях отсутствуют. Обращение к корпусу текстов немецких газет на платформе *dwds* дает возможность проанализировать наиболее часто встречающиеся коллокации лексемы с 1998 г., проследить наибольшую частотность употребления в разных типах текстов, дискурсах, темах, данные по вхождению (наибольшую актуализацию) по годам и динамике семантики слова, исходя из контекста его употребления. Использование новостного корпуса, базирующегося на текстах газет и журналов 2021 г., предоставляемого Лейпцигским университетом, позволяет сопоставить данные профиля слова с результатами анализа примеров *dwds*, т. е. верифицировать полученные результаты.

Исследование показывает, что слово встречается наиболее часто в корпусе региональных газет (3296 примеров с 1999 г.), в корпусе Бундестага (229 примеров в 1999–2017 гг.), реже можно встретить употребление лексемы *Leitkultur* в блогах, в корпусе текстов политических речей, еще реже – в юридическом и медицинском корпусе текстов, в корпусе текстов спортивной тематики. Максимальная актуализация в текстах СМИ, по данным *Wortprofil*, приходится на 2003, 2007, 2016, 2017 гг. Лексема *Leitkultur* употребляется в координации с такими тематическими доменами как *Patriotismus*, *Kernwert*, *Integration*, *Identität*. Коллокации с глаголами лишь подтверждают становление значения лексемы и ее активное обсуждение: *gehören* (принадлежать), *brauchen* (нуждаться), *nennen* (называться), *anpassen* (приспосабливаться), *definieren* (дать определение). Употребление лексемы *Leitkultur* с предложными группами: *Debatte um*, *Debatte über*, *These zu*, *Assimilation an*, *Diskussion um* также указывает на активно обсуждаемую тему ключевой культуры. В адсубстантивной позиции максимальную частотность проявляют прилагательные *deutsch*, *europäisch*, *christlich*, *national*, *gemeinsam*, которые конкретизируют вид

доминирующей культуры. Примеры демонстрируют высокую вариативность в понимании смысловой составляющей, стоящей за вербальным репрезентантом понятия *Leitkultur*: это Основной закон (*Grundgesetz*), Демократия (*Demokratie*), правовое государство (*Rechtsstaat*), основные права (*Grundrechte*), культура совместного проживания (*die Kultur des Zusammenlebens*), христианско-еврейская западноевропейская культура, правила проживания для людей из различных культур в ценностно-ориентированном сообществе, никогда – исламская культура. Сходные в целом результаты получены при анализе корпуса 2021 г. Лейпцигского университета. Тем не менее стоит отметить появление новых кокуррентов для композита *Leitkultur*: аббревиатура партии Альтернатива для Германии – АдГ (*AfD*), *Multikulti*, *Identität*. Это объясняется более свежими примерами 2021 г. (исследуемый корпус текстов газеты *die Zeit* на платформе *dwds* заканчивается на 2018 г.) и включением лексемы *Leitkultur* в один из центральных пунктов программы партии – *Leitkultur statt Multikulti*. Лексема *Multikulti*, являясь сокращенной формой существительного *Multikulturalismus*, приобретает в контекстах пренебрежительное или негативное оценочное значение и может являться противопоставлением слову *Leitkultur*. Лексема *Leitkultur* встречается и в программах других партий, представляющих концепт *Leitkultur* как идею, формирующую идентичность немецкой нации (*Volksidentitätsbildend*), в связи с чем можно предположить появление новых коллокаций и в дальнейшем. На формирование немецкого лингвистического ландшафта сказывается также влияние глобализационных процессов [Исмагилова и др. 2020]. В текстах СМИ лексема *Leitkultur* может употребляться в качестве предостережения: все люди с миграционным прошлым должны приспосабливаться к ведущей культуре немецкого общества и признавать ее. Таким образом, трансляция культурного знания осуществляется не столько для передачи культуры от поколения к поколению, сколько для осуществления межкультурного трансфера (подробнее см. в [Карпенко 2022]).

Как следует из анализа корпусных данных, за выраженным в языке СМИ словосочетанием *Deutsche Leitkultur* стоит не просто понятие, а развивающийся идеологический многоуровневый концепт, направленный на консолидацию общества с опорой на общие ценности. Он формирует общественное сознание и может быть реализован с помощью различных вербальных и стилистических ресурсов языка. Если еще в 2000-х гг. при исследовании лексемы *Leitkultur* Р. Виммер пришел к заключению о провалившейся попытке сделать из много обсуждаемого тогда именованного *Leitkultur* (*Schlagwort*) слово с позитивной оценкой (*Fahnenwort*) и политическим лозунгом (*Kampfbegriff*) [Wimmer 2002], то анализ современных примеров показывает обратное – активное использование и пропагандирование в СМИ и программах партий смысловой составляющей, стоящей за словом *Leitkultur*, что позволяет рассматривать лексему *Leitkultur* в современном немецком обществе как универсальную, константную идеологему (подробнее см. в [Клушина 2022]), которая способна в конкретный исторический период приобрести актуальное семантико-идеологическое наполнение. Ее функция велика – она формирует немецкую идентичность, консолидирует и направляет вектор развития немецкого общества.

Литература

- Исмаилова А.Р., Солнышкина М.И., Палутина О.Г. Влияние глобализации на формирование лингвистического ландшафта // Вестник Марийского гос. ун-та. 2020. № 14 (3). С. 361-366.
- Карпенко Е.И. Трансляция культуры: лингвистический взгляд на междисциплинарный термин // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 682-688.
- Клушина Н.И. Медиастилистика. М.: Флинта, 2021.
- DUDEN – Deutsches Universalwörterbuch. Berlin: Dudenverlag, 2019.
- dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: dwds.de.
- Wimmer R. Nochmal zu „Leitkultur“ // Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stichel zum 65. Geburtstag. Tübingen: Narr, 2002. S. 653-669.
- Wortschatz – deu_news_2021 – Leitkultur. URL: uni-leipzig.de.

Olga A. Ivanova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

VERBALIZATION OF IDEAS ABOUT “LEITKULTUR” (‘LEADING CULTURE’) IN MODERN GERMAN MEDIA: A CORPUS APPROACH

A variable understanding of the term Leitkultur in the media has been established based on corpus analysis. These are the Basic Law (Grundgesetz), democracy, the rule of law, fundamental rights (Grundrechte), the culture of cohabitation, Christian-Jewish-Western European culture. At the present stage, it can be considered as an ideologeme that forms German identity and consolidates German society.

Key words: concept, concept, leading culture, ideologeme, media discourse, corpus

Р.А. Иванова (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
rivanova@lunn.ru

А.В. Иванов (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
aivan@lunn.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ В МОДУСНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена анализу семантики немецкого сложноподчиненного предложения с учетом его логической структуры, в рамках которой выделяются модус и диктум. Выстраивается семантико-синтаксическая модель предложения, элементами которой выступают лексико-грамматические индексы, входящие в состав модусной структуры предложения. Особое внимание уделяется модусу с бытийным типом логического предиката, в состав которого входят лексико-грамматические индексы, актуализирующие сему экзистенциональности.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, модусная структура, бытийный тип логического предиката, лексико-грамматический индекс, сема экзистенциональности

В целях выявления семантики различных типов предложения недостаточно провести параллель между суждением и его языковым репрезентантом. Необходи-

димо установить основное значение слов, участвующих в организации предложения и построить их в заданной системе координат, отражающей реальную действительность. При этом приоритетная роль будет отводиться прежде всего значениям слов; структура же будет иметь второстепенное значение, хотя она может оказывать известное влияние на возникновение новых значений.

Под значением обычно понимают мысль, выраженную словом. Слово является означающим мысли говорящего и признаком всех иных его переживаний, соотносящихся с коммуникативной задачей и интенциями. Слова, связанные между собой, выражают отношения между понятиями, являющимися, в свою очередь, обозначениями предметов, явлений, действий, качеств в мире материальной действительности. «Коммуникативная и познавательная ценность слова состоит в его отношении к предмету, т. е. в том, что с его помощью формируется и воссоздается заново мысль о предмете... Следовательно, отношение слова к предмету состоит в том, что оно замещает его как средство информации о нем, иначе говоря, является знаком предмета» [Чесноков 1966: 64].

Однако одних только слов как коммуникативных номинативных единиц языка недостаточно для выражения законченной мысли, поскольку на уровне абстрактно-логического мышления конкретная внеязыковая ситуация должна найти свое выражение в смысловой структуре, в соответствии с которой происходит оформление предложения.

Как известно, смысл не возникает непосредственно, а манифестируется в рамках триады «язык – мышление – действительность». В лингвистике смысл рассматривается, во-первых, как аналог значения любой человеческой деятельности, а во-вторых, как результат мыслительной операции. В традиции логико-философских исследований смысл устанавливается с помощью операций дедуктивной логики [Горский 1961: 57]. Применительно к предложению как к смыслодержательной единице базисным становится принцип описания языковых фактов посредством логических универсалий: «предложение одновременно имеет смысл и референт; смысл – потому что оно несет смысловую информацию, а референт – потому что соотносится с определенной ситуацией» [Бенвенист 1974: 448]. В рамках логико-семантического подхода к анализу предложения целесообразным является определение статуса смысловой структуры предложения на основе логических понятий модуса и диктума, впервые привнесенных Ш. Балли на почву языкознания [Балли 1955: 43].

При анализе смысла предложения следует учитывать его структуру, поскольку семантико-синтаксическая модель предложения представляет собой тот или иной стереотип структурирования смысла предложения, посредством которого внутренняя речь переводится в высказывание. «Без учета лексических моментов синтаксическое моделирование оказывается мертвым, если мы только не захотим исследовать не модели вообще, а модели в многообразии их живого функционирования» [Ярцева 1961].

Семантико-синтаксическая структура модуса опирается на логико-семантический предикат. Предикатно обусловленная модель модуса имеет в значитель-

ной мере универсальный характер и предполагает выбор соответствующей предикатной лексики, которая с учетом своей семантики вступает в определенные синтаксические отношения в предложении и создает его обобщенный смысл.

В семантико-синтаксической модели выделяются элементы модели – лексико-грамматические индексы (ЛГИ), представляющие собой языковые средства формирования семантико-синтаксической структуры высказывания, которые, в свою очередь, являются рефлексом его логико-понятийного содержания [Иванова, Иванов 2023: 60]. Компоненты ЛГИ соотносятся с определенными лексико-семантическими группами, что обуславливает их взаимозаменяемость и способ их грамматического оформления.

С опорой на синтаксические модели можно говорить о различных значениях модуса, учитывая при этом тип логического предиката и модельные компоненты – ЛГИ, функционирующие в модусной структуре. В связи с ограниченным объемом статьи мы рассмотрим только ЛГИ, участвующие в организации семантико-синтаксической структуры модуса с *бытийным* типом логического предиката. Основная сема таких ЛГИ реализует отношения *экзистенциональности*.

Как известно, «мысль о бытии чего-либо есть самая общая и самая элементарная в мыслительном аппарате человека... Вряд ли можно что-либо мыслить в плоскости небытия» [Пешковский 1938: 157]. С семантической точки зрения можно выделить несколько типов экзистенциональности. Эти значения могут реализовываться в предложениях посредством различных ЛГИ, но основным индентом языкового содержания является сема ‘быть, существовать вообще’.

Модели $N + V_{\text{exist}}$ и $Es + V_{\text{exist}}$ реализуют семантику бытия как такового или собственно бытия, обусловленности существования одушевленного или неодушевленного субъекта временем и пространством.

ЛГИ, участвующие в реализации этих моделей, могут актуализировать дополнительные (субкатегориальные) значения, реализуемые семами одушевленности / неодушевленности. В такого рода конструкциях подлежащее может быть выражено агентивом или эвентивом.

Ich lebe davon, dass ich Männer in mich verliebt machen kann (SW 1988: 122).

Er erschien, als ob er Gespenster wäre (Jung 1966: 103).

Nur in Ihrem eigenen Innern lebt eine andere Wirklichkeit, nach der Sie sich sehen (SW 1988: 190).

Das Wunder war geschehen, dass ich nochmals einen Menschen und ein neues Interesse am Leben gefunden hatte (там же: 117).

Место подлежащего при глаголах (со)бытийности часто замещает грамматическая частица *es*. Само подлежащее лишено всякой конкретности, отчетливости. Оно выражает лишь общее представление о связанном с данной ситуацией бытии. При этом изъять или заменить *es* на какое-либо другое слово невозможно, не изменив при этом смысла предложения, поскольку последнее утратит свою грамматичность. В приведенных ниже примерах глагол *scheinen* указывает на ирреальную модальность всего модуса, определяемую его семантикой.

Es schien, dass ihr Haar beim Sprechen sie störte (Spaziergang 1991).

**Schien, dass ihr Haar beim Sprechen sie störte.*

Попутно заметим, что ЛГИ составляют основу не только собственно модуса, но также участвуют в формировании общей предикативной линии всего сложно-подчиненного предложения, усиливая, определяя или переводя его модальность в иной модальный план [Гулыга 1971: 58; Балли 1955: 43-61]. При этом такого рода ЛГИ характеризуются семантической незавершенностью.

Es mag sein, dass der Kulturverein der ideelle Schulträger mit seiner jüdisch-pluralistischen Ausrichtung Stein des Anstoßes ist (Deutsche Tribüne 1991).

Анализируемая модель может включать ЛГИ, к которым следует отнести логические модификаторы места и времени, свидетельствующие о семантической незавершенности модуса.

Früher kam es oft vor, dass ein Kind nur zwei Jahre in die Schule ging [Bieler 1971: 162].

Es traf sich derzeit, als wir schon geschlafen haben (Spaziergang 1991).

Es geschah an dem Ort, wo wir die letzten Klängen gehört hatten (там же).

В такой модели *es* может сочетаться с глаголами, которые наряду с семой бытийности реализуют также семы локативности и темпоральности. В соответствии с логической структурой эта модель представлена ЛГИ, которые включают следующие лексико-семантические группы глаголов:

1) глаголы с широким экзистенциальным значением: *sein, existieren, entstehen, erscheinen* и др.;

2) глаголы биологического существования: *leben, geboren sein, wachsen, gebären, töten, sterben, vorhanden sein, herrschen, vorkommen* и др.;

3) глаголы локальной направленности: *sich befinden, bleiben, stattfinden, zustoßen* и др.;

4) глаголы темпоральной экзистенциальности: *bevorstehen, zurückliegen, zusammentreffen, sich wiederholen* и др.;

5) фазисные глаголы –

а) начала действия: *beginnen, vorhaben, anfangen, darangehen, sich daransetzen* и др.;

б) продолжения действия: *fortsetzen, weiterführen, weitermachen, wiederaufnehmen* и др.;

в) завершения действия: *enden, aufhören, abschließen* и др.

Данные ЛГИ отражают факт бытия в модальном, временном и пространственном планах.

Модели $Es + V_{exist.}$ и $N + V_{exist.}$ могут включать логические модификаторы усиления, уточнения, свойства действия, которые могут быть выражены:

а) наречиями степени и образа действия: *gern, so, anders, vergebens, derart, gut, schlecht, fleißig, langsam, glücklicherweise, zufälligerweise, blindlingsweise* и т. д.

Es schien so sein, als wäre im Wald ein wildes Tier gebrochen (Spaziergang 1991).

б) наречиями причины для обозначения причины, условия, следствия и цели: *sonst, deshalb, darum, infolgedessen, gleichwohl* и т. д.

*Es geschah **darum**, dass wir zu Hause nicht geblieben waren* (Deutschland 1995)

К логическим модификаторам локального свойства относятся наречия, обо-

значающие место или местопребывание, направление движения, исходную и конечную точку движения, а также цель движения: *da, dort, oben, irgendwo, daher, hierher, fort, weg*.

К темпоральным детерминаторам относятся наречия времени, обозначающие способ протекания действия: *jetzt, bald, neulich, immer, derzeit, oft, selten* и т. д.

К категории бытийности примыкает категория посессивности, так как им обоим свойствен признак «предметности». В модели с семантикой «обладания» левая позиция может быть выражена агентивом или эвентивом:

Ich habe keine Zeit, um heute ins Kino zu gehen (GuS 1991).

Das entspricht der allgemeinen Feststellung, dass iz-Verben den Verlauf der verbalen Handlung in seiner Vollständigkeit darstellen (DaF 1991).

Правую валентность в посессивных моделях заполняют чаще всего существительные, имеющие достаточно обобщенное значение и нуждающиеся либо в уточнении, либо отграничении от других понятий того же рода.

Модель заполняется глагольными лексемами, входящими в макрополе наличия / отсутствия и макрополе достаточности / недостаточности. Эти ЛГИ выступают как элементы модели, которым свойственно отвлеченное значение; они называют лишь факт наличия, обладания, приобретения или отсутствия. Гиперонимом этих ЛГИ выступает глагол *haben*, характеризующийся архисемой владения. В дальнейшем ЛГИ градуируются следующим образом:

1) глаголы принадлежности: *haben, gehören, beherrschen, bedürfen, brauchen* и т. д.;

2) глаголы сравнительного отношения: *entsprechen, abhängen, vergleichen, kosten* и т. д.;

3) глаголы отношения целого к части: *bestehen, enthalten, zuteilen, einteilen, gliedern* и т. д.

Таким образом, логический предикат бытийности характеризуется несколькими видами ЛГИ, которые представлены различными лексико-семантическими группами глаголов. Эти ЛГИ образуют оппозицию по доминантному семантическому признаку «быть vs не быть», «существовать vs не существовать». Поскольку категория бытийности является одной из самых важных категорий логического строя языка, ЛГИ представляют собой достаточно распространенное явление, что позволяет установить их полисемию при функционировании в различных типах логического предиката. При одновременной актуализации лексико-грамматическими индексами нескольких значений в структуре модуса ведущей семей ЛГИ бытийного типа останется тем не менее сема, реализующая отношение экзистенциональности.

Литература

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: ИИЛ, 1955.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
Горский Д.П. Вопросы абстракции и отображения понятий. М.: АН СССР, 1961.
Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971.
Иванова Р.А., Иванов А.В. Моделирование модусной структуры в немецком сложноподчиненном предложении // Современная германистика и западноевропейская литература.

Вып. 5 / отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2023. С. 59-88.

Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938.

Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. из-во, 1966.

Ярцева В.Н. Проблема формы и содержания синтаксических единиц // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: АН СССР, 1961.

Bieler K.H. Deutsche Verben im Kontext. Tübingen: Max Hueber Verlag, 1971.

Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1966.

SW – Hesse H. Steppenwolf. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1988.

Rimma A. Ivanova (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Andrey V. Ivanov (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Linguistics University

SEMANTIC DIFFERENTIATION OF LEXICO-GRAMMATICAL INDICES IN THE MODUS STRUCTURE OF THE COMPOUND SENTENCE (EXEMPLIFIED BY THE GERMAN LANGUAGE)

The article is devoted to the analysis of the semantics of the German compound sentence taking into account its logical structure, within which modus and dictum are distinguished. A semantic-syntactic model of the sentence is constructed. Elements of the model are lexico-grammatical indices, which are part of the modus structure of the sentence. Particular attention is paid to the semantic-syntactic structure of the modus with the existential type of logical predicate, which includes lexico-grammatical indices actualising the seme of existentiality.

Key words: compound sentence, modus structure, existential type of logical predicate, lexico-grammatical index, seme of existentiality

С.В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

svet_victoria@mail.ru

А.В. Закирова (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

zakirova.alina.venerovna@gmail.com

«MINDFULNESS»: ВЕКТОРЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ В ЛАЙФСТАЙЛ-МЕДИА

Mindfulness (осознанность) как ключевое понятие лайфстайл-медиа представляет собой поли-сегментное образование и предполагает осознание во всех проявлениях и связях себя, окружающего мира и настоящего момента. Категориально *mindfulness* предстает как явление, состояние, качество, практика. В дискурсе концептуализация понятия идет по пути конкретизации, в то время как его категориальная принадлежность диверсифицируется.

Ключевые слова: осознанность, *mindfulness*, понятие, концептуализация, категоризация, лайфстайл-медиа, лайфстайл-дискурс

Использование потенциала когнитивной лингвистики для проведения дискурсивных исследований представляет собой устоявшуюся практику, которая лежит в основе когнитивно-дискурсивной парадигмы. Обращение к языковой со-

ставляющей дискурса сквозь призму когнитивистики через процессы концептуализации и категоризации позволяет выявить не только актуальные для того или иного дискурса ключевые понятия, но и раскрыть особенности их бытования в дискурсе и в сознании говорящих.

Настоящее исследование обращено к востребованному ныне понятию *mindfulness*, которое буквально ворвалось в лайфстайл-дискурс и расширило зону своего бытования до других рядоположенных к лайфстайлу типов медиадискурса. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что природа лексемы «*mindfulness*» и особенности ее концептуализации обуславливают ее успешную интеграцию в дискурсивные практики лайфстайл-медиа. Цель работы состоит в выявлении содержания понятия *mindfulness* в современном медиадискурсе. В соответствии с заявленной целью исследование призвано ответить на два вопроса: (1) по каким линиям проходит концептуализация данного понятия в лайфстайл-медиа, а также (2) какова категориальная принадлежность *mindfulness*, благодаря чему оно столь широко используется.

Для достижения поставленной цели анализу подверглись тексты лайфстайл-медиа. Лайфстайл-медиа представляют собой совокупность медиаресурсов, в которых так или иначе затрагивается или раскрывается культурная категория «стиль жизни». Таким образом, в сферу анализа попал не только непосредственно лайфстайл-дискурс, охватывающий речевые произведения, регламентирующие каждодневные жизненные практики индивидов «с целью их превращения в средство конструирования имиджа и идентичности» [Молодыченко 2018: 83-84], но и текстовые репрезентанты всего сегмента СМИ, касающиеся «повседневных практик индивидов, таких как мода и стиль, уход за собой, обустройством жилища, организация досуга, приготовление еды, путешествия и отношения с противоположным полом» [Молодыченко 2020: 119]. Такое расширение исследовательского пространства было продиктовано особенностями функционирования лексемы *mindfulness* для обозначения востребованной в процессе социокультурного конструирования идентичности современного человека ментальной практики. Материалом исследования послужили 189 контекстов из газетных и журнальных статей в Корпусе американского английского языка (Corpus of Contemporary American English / COCA), а также 139 контекстов из гляцевых журналов «Planet Mindful», «Mindful», «Mindful you», представляющих лайфстайл-медиа, за период с 2000 по 2019 г. Практический материал был собран методом сплошной выборки с привлечением элементов корпусной лингвистики, подвергнут дефинитивному и контекстуальному анализу, обработан количественно.

Будучи впервые зафиксированной в 1520-е гг., лексема *mindfulness*, согласно Online Etymology Dictionary, предполагала ‘attention, heedfulness; intention, purpose’ (внимание, внимательность; намерение, цель). В значении ‘psychological process of bringing one’s attention to experiences in the present moment, as developed through meditation, etc.’ (психологический процесс привлечения внимания к происходящему и переживаемому в настоящий момент посредством медитации и т.д.) слово стало употребляться в 1995 г. В целом же, как отмечает тот же словарь, рассматриваемая лексема употреблялась с конца XIX в. в

переводах буддистских текстов. Merriam-Webster Dictionary датирует первое употребление *mindfulness* приблизительно 1530 г. В настоящее время слово определяется как «the practice of maintaining a nonjudgmental state of heightened or complete awareness of one's thoughts, emotions, or experiences on a moment-to-moment basis» или коротко «such a state of awareness» (состояние осознания).

В XXI в. лексема «mindfulness» приобрела полноценный статус понятия в связи с широким распространением одноименной ментальной практики и как составная часть других социокультурных практик, о чем свидетельствуют данные СОСА. Приложение Google Trends иллюстрирует устойчивую популярность «mindfulness» в мире и высокий уровень заинтересованности в рассматриваемой единице с 2004 года по настоящее время: наивысшие показатели частотности (среднестатистическое количество запросов в день в указанный период) отмечены в феврале 2019 г. (97), октябре 2019 г. (99), апреле 2020 г. (100); показатель на сентябрь 2023 г. – 73, что еще раз подтверждает устойчивый интерес к данному понятию.

Анализ дефиниций в ведущих словарях английского языка (Oxford Advanced Learner's Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Longman Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Samuel Johnson's Dictionary, Dictionary.com) указывает на сложность интерпретации изучаемой единицы, связанную, во-первых, с различиями в дефинициях, а, во-вторых, со сложной структурой самой дефиниции, включающей несколько сегментов. Иными словами, с одной стороны, сложность толкования изучаемого понятия сопряжена с его содержанием, которое трактуется по-разному в лексикографических источниках, т. е. речь идет о разнонаправленных векторах его концептуализации. С другой стороны, дефиниции соответствующей лексеме включают два сегмента: наряду с конкретным содержанием ($N \text{ est } Z$) также и категориальную принадлежность данного явления ($N \in \text{Class}$). На основе словарных дефиниций из вышеназванных словарей можно заключить, что как понятие, относящееся к ментальной сфере, в процессе концептуализации *mindfulness* актуализирует такие ядерные значения, как 'awareness', 'consciousness', 'concentrating', 'accepting', 'remembering', 'considering', 'cautious attentiveness'. Раскрывающие значение семы свидетельствуют о широкозначности рассматриваемой номинативной единицы. При этом широкозначными являются единицы, «значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью» [Плотникова 2009: 24] или, иначе, слова высокой степени обобщенности [Беляева 2001: 88]. Однако необходимо отметить, что наряду с широкозначным ядром можно выделить периферию, ибо словарные дефиниции изучаемой лексемы содержат спецификацию ядерного компонента. Периферию составляет уточняющий компонент дефиниции: направленность данного состояния. Здесь выделяются такие сегменты дейктической природы как субъект («я» во всех проявлениях), время (одномоментность в настоящем), пространство (во всех проявлениях). Таким образом, согласно словарям, концептуально понятие «mindfulness» содержит ядерный компонент 'awareness + consciousness + 'concentrating + 'accepting + remembering + considering + cautious attentiveness', раскрывающийся через дейктическую спецификацию (я + хронотоп).

Кроме того, словарные дефиниции дают возможность установить категориальную принадлежность данного понятия. Согласно тезаурусам, анализируемое понятие принадлежит домену MENTAL HEALTH, само же оно категориально предстает как состояние, качество, практика, процесс.

Функционирование рассматриваемого понятия в лайфстайл-СМИ, с одной стороны, полностью подтверждает широкозначность данной единицы. Однако в дискурсивной практике происходит регулировка и корректировка содержательной стороны. Актуализация изучаемого понятия проходит по линиям: awareness, concentration / focusing / paying attention, thoughtfulness, appreciation, attunement / connection / freedom. Что касается дейктических сегментов, то в дискурсе они не претерпевают каких-либо изменений.

В категориальном отношении *mindfulness*, будучи объективируемо в дискурсе, подпадает под гораздо более широкий спектр категорий домена ментального здоровья. В подавляющем большинстве *mindfulness* предстает как явление, состояние, качество (55 / 29%), вид / форма медитации (type, form) (45 / 24%), практика (practice) (34 / 18%), техника, метод (technique, method) (29 / 15%), инструмент (tool) (6 / 3%), вид лечения (6 / 3%), средство (means) (5 / 2,6%), способ (way) (5 / 2,6%), духовный идеал (psychic ideal) (1 / 0,5%), стратегия (strategy) (1 / 0,5%), навык (skill) (1 / 0,5%), врожденная особенность, черта (inherent trait) (1 / 0,5%).

Проведенное исследование подтвердило актуальность и востребованность изучаемого понятия в медиадискурсе. Вместе с тем, когнитивно-дискурсивный анализ рассматриваемой лексемы показал, что концептуализация данного понятия стала включать такие элементы содержания, которые не были зафиксированы в словарных дефинициях одноименной лексемы. Более того, можно утверждать, что в настоящее время, становясь более специфицируемым, понятие *mindfulness* оформляется концептуально. Составляющие данного понятия, по сути, раскрывают и пошагово детализируют действие данной ментальной практики, которая начинается с осознания (awareness) и посредством концентрации (concentration / focusing / paying attention), медитации (meditation / thoughtfulness), настройки соединения (attunement / connection) и благодарности (appreciation) подводит субъекта к экзистенциальной свободе (the freedom to become more of who we should be). В осуществлении этого задействован в моменте субъект во всех своих проявлениях, будучи в пространстве во всех его проявлениях. Категориально изучаемое понятие приписывается самым разным классам поддержания ментального здоровья, включая состояние, практику, технику, форму, вид, инструмент, способ, стратегию, врожденную черту, духовный идеал и т. п. Совершенно очевидно, что векторы концептуализации и категоризации понятия *mindfulness* характеризуются противоположной направленностью: если вектор концептуализации направлен на спецификацию (конкретизацию) его содержания, то вектор категоризации демонстрирует результаты диверсификации его категориальной отнесенности.

Литература

Беляева Е.П. Прототипическая база семантики английских глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

Молодыхенко Е.Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: филология. 2019. № 57. С. 79-102.

Молодыхенко Е.Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 1. С. 117-136.

Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2: гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 24-31.

Svetlana V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University

Alina V. Zakirova (Saint Petersburg, Russia)

Pushkin Leningrad State University

“MINDFULNESS”: CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE NOTION IN LIFESTYLE MEDIA

MINDFULNESS as a key concept of lifestyle media is a multi-segment formation and presupposes awareness in all manifestations and connections of the value of oneself, the world around us and the present moment. Categorically, MINDFULNESS appears as a phenomenon, state, quality, practice. In discursive implementation, the concept under consideration is specified, while its categorical affiliation is expanded.

Key words: mindfulness, notion, conceptualization, categorization, lifestyle media, lifestyle discourse

Е.В. Ильина (Тюмень, Россия)

Уральский государственный университет путей сообщения,

филиал в г. Тюмени

ekaterina_ilyina_tum@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАГЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА КАК ДОМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В статье рассмотрены заглавия как эксплицитное средство выражения символических смыслов, кодифицированных Л.Н. Андерсен в поэтическом цикле «Печальное вино». Выявлены особенности концептуальных структур посредством осмысления художественных образов, репрезентированных в заголовочных комплексах.

Ключевые слова: концептуализация, заголовочный комплекс, художественный дискурс, доминанта текста

Заголовок – один из экстралингвистических элементов текста и «некий императив», передающийся сознанию читателя [Кржижановский 1931: 22], поскольку заглавие и текст по своей природе находятся в диалектических отношениях, одновременно выступая и самостоятельными текстами, и взаимозаменяемыми элементами одной художественной структуры [Болдырев 2004: 6]. Как самостоятельно функционирующая информативная единица [Колеватых 2008: 3] заголовок подвергается субъективной концептуализации и, получая объективацию в художественном дискурсе, становится доминантой художественной мысли автора, транслируя его личностное осмысление окружающей действительности через призму ценностных и духовных установок.

Для данного исследования актуален метод функционально-доминантного анализа, позволяющий определить заглавие как «одну из наиболее вероятных исходных точек порождения не только тематической, но и композиционной, и звуковой структуры поэтического текста» [Фатеева 2010]. Предметом исследования выступают концептуальные структуры как репрезентанты художественного самосознания автора, кодифицированные в заглавиях стихотворений из цикла «Печальное вино» сборника Л.Н. Андерсен «Одна на мосту». В разделе поэзии сборника содержатся 174 стихотворения, из них 84 (48%) имеют материально выраженные заглавия, 90 (52%) – первострочные.

Циклом «Печальное вино» заканчивается поэтический сборник «Одна на мосту» и им, очевидно, завершается поэтический путь Л.Н. Андерсен, так как в указанный цикл включены самые поздние стихотворения автора. Здесь аккумулярованы основные темы и идеи всего творчества Л.Н. Андерсен, поэтому данный цикл становится когезией, обеспечивающей континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную) и взаимозависимость всех частей сборника [Веселова 1998: 74]. К циклу «Печальное вино» отнесено 37 стихотворений, из них 13 (35%) – с заглавиями и 15 – с посвящениями, обозначенными графически сразу после заглавия. Они не только способствуют раскрытию имплицитного смысла общего заглавия, но и конкретизируют адресата текста, включают его в единую смысловую парадигму «автор – текст – читатель» и манифестируют его аксиологическую значимость для автора. Когда адресат персонифицирован, его образ формирует и весь строй произведения, и его заглавие [Круглова 2009]. В заголовке актуализируется категория связности: заглавные слова цикла в опосредованном виде повторяются в текстах входящих в него стихотворений и обусловлены авторским замыслом, художественной логикой текстов, посвящениями. Благодаря расширяющемуся семантическому полю создаются ассоциативные отношения, позволяющие приблизиться к авторской интерпретации заложенной в текстах художественной мысли. Кроме того, эмотивная семантика лексических единиц, составляющих заголовки, несет в себе информацию о ценностных ориентирах автора [Чанчина 2019: 227].

Проанализируем способы объективации структур знаний, представленных в заглавиях стихотворений, входящих в цикл и непосредственно связанных с ключевыми словами его заглавия. Цикл открывает посвященное памяти Александра Вертинского стихотворение «Печальное вино», заглавие которого коррелирует с заглавием цикла, усиливая его интерпретационные возможности и концептуализируя идею необратимости прошлого, невозможности изменить что-то в настоящем. Лексема «*печальный*» и однокоренные с ней встречаются 3 раза: в самом заглавии стихотворения и в тексте: «*А печаль все росла, росла, / Оставляя на много лет / Догорающий тихий след*»; «*Так прекрасна печаль была, / Так звенела в ночной тиши, / Так светилась на дне души*»; лексема *вино* повторяется дважды: «*пили вино*», «*весна пьянила без вина*». В контексте стихотворения данные лексеммы приобретают новое художественное значение: происходит метафоризация лексеммы «*печаль*», она становится активным субъектом (печаль способна расти, оставлять след, быть прекрасной, звенеть в тиши, светиться в душе);

лексема «вино» также получает в тексте смысловое приращение: вино пьянит, но и весна способна стать вином и опьянить. «Заглавие, с которого чтение началось, оказывается рамочным знаком, требующим возвращения к себе. Этим оно еще раз связывает конец и начало, т. е. непосредственно участвует в актуализации не только категории связности, но и категории ретроспекции», – отмечает В.А. Кухаренко [1988: 92]. Таким образом, заглавие не только «порождается текстом, но и само является текстопорождающим» [Фатеева 2010].

Проследим семантическую наполняемость заголовочного концепта ПЕЧАЛЬ в процессе развертывания «этой предельно сжатой сверстки» [Кухаренко 1988: 92]. «Печально», потому что остался невыполненным обет писать стихи и не сворачивать с дороги, открытой Алексеем Ачаиром, которому и посвящено стихотворение, и теперь трудно вернуться «к себе самой» («Невыполненный обет»). «Печально», потому что угас костер у речки и костер чувств, след от которого «ютится на дне души» («Костер»). «Печально», потому что нельзя отнять того, что было когда-то: «только трогать нельзя – превращается в пыль» («Корея»). «Печально»: остался «теплый след» от бывшего «тому назад с полсотни лет», но «ушли надежды» («Теплый след»). Это и «...грусть о каком-то доме, / Что остался среди берез» («Эмигрантская березка»), и печаль от расставания с теми, кого «по миру раскидало», оставив как память детства платочек подруги, вырванный из ее рук и принесенный ветром («Платочек»). «Печально», что оказались в «забвенье» в «оплетенном паутиной сундуке» на старом чердаке русские стихи («На французском чердаке»). Хотя лексема «печальный» не встречается в последующих стихотворениях цикла, имплицитно читатель вовлекается автором в творческий процесс размышления над лирической загадкой, закодированной поэтом в заглавии цикла – «поле лирического напряжения» [Кожина 1985: 50]. Своеобразной скрепой всего цикла, как и сборника в целом, становится финальное стихотворение «На мосту», заглавие которого коррелирует с общим одноименным заглавием книги. Лирическая героиня оказалась на распутье: ей надо сделать выбор, на какой берег перейти, но выбор настолько тяжел для нее, что она признается самой себе: «Я буду стоять, озираясь с тоскою, / На сторону эту, на сторону ту... / Над частью обрыва с проклятой рекою. / Одна. На мосту». Примечательно синтаксическое оформление последней строки стихотворения, его заглавия и заглавия сборника. В тексте стихотворения фраза передана двумя односоставными предложениями – самостоятельными предикатами. В заглавии сборника они объединены в общую единицу текста. В заглавии же отдельного стихотворения отсутствует первая часть. Тем самым лексемы этих заглавий оказываются в разных смысловых отношениях и актуализируют разные смысловые доминанты [Сидорова 2020: 75].

Преимущественно в цикле «Печальное вино» репрезентированы элементы заголовочного комплекса. Так, предпонимание лирической темы дает нам стихотворный эпиграф, активизирующий когнитивные механизмы для интерпретации стихотворений цикла: «И тем, кто жив, / И тем, кто умер, / С кем дальней юности причастье, / И боль, и радость, и несчастье / Делить пришлось». Композиционно занимая выделительную позицию, эпиграф становится пресуппозицией

ко всему циклу – таким образом как доминирующая заявляется тема памяти. Традиционно эпиграф – это чьи-то слова, зачастую созвучные умунастроению автора, это будто один «двуголовый» однонаправленный смысл (М. Бахтин). У Андерсен «я»-эпиграф и «я»-текст – две ипостаси одной личности. Исходная тема логически развивается, концептуализирует ценностные установки автора и получает семантико-стилистические приращения от текста к тексту, оставаясь при этом ведущей во всем цикле. Фактически эпиграф актуализирует смысловые компоненты заглавия, указывает на адресатов стихотворений цикла – это те, с кем делились «и боль, и радость, и ненастье», – и раскрывает концептуальные структуры семьи «печальное», таким образом выделяя прототипические смыслы, расширяющие или уточняющие друг друга [Болдырев 2004: 27]. Через эпиграфы-посвящения как компоненты заголовочного комплекса передается основная интенция цикла: это дань памяти тем, с кем «делить пришлось» и «юности причастье», и все перипетии жизни. Происходит корреляция с личностными и социокультурными ценностными установками автора, слияние в художественном дискурсе поэта двух временных пластов – прошлого и настоящего. Прошлое объективируется и становится частью настоящего, а лирическая героиня на протяжении всего цикла возвращается к воспоминаниям и переживаниям юности, отраженным в заглавиях стихотворений: «Невыполненный обет», «Костер», «Теплый след», «Почему не ты?» и др. Заглавие цикла дает ключ к расшифровке внутренних заглавий, усложняет их, становится смыслообразующим центром [Веселова 1999: 18]. Субъективная концептуализация образа «печальное вино» делает его сквозным в цикле и проецирующим семантику на целостность сборника. Смысловой объем данного понятия эксплицируется в полной мере после прочтения всего цикла и соотнесения его частей с доминантой: тогда становится понятным, соответствуют ли читательские ожидания первичному подтекстовому восприятию данного заглавия и эпиграфа.

Таким образом, заголовочный комплекс как доминанта художественного дискурса выполняет следующие функции: актуализирует семантические оппозиции, становится средством экспликации символических смыслов и связывает различные структуры текста в соответствии с авторской мыслью.

Литература

- Андерсен Л.Н.* Одна на мосту. URL: litmir.me 175115.
Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
Веселова Н.А. Заголовочный комплекс в новейшей русской поэзии: традиция и эксперимент // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. Вып. V.
Кожина Н.А. В поисках гармонии. О заглавиях в лирике // Русская речь. 1985. № 6. С. 45-50.
Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. С. 23-29.
Круглова Т.С. Жанр лирического посвящения в поэзии Марины Цветаевой // Вестник ВятГУ. 2009. № 2. С. 147-149.
Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.

Сидорова Т.А. Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (На примере концептуализации образа моря) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1. С. 73-81.

Фатеева Н.А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Чанчина А.В., Кочнова К.А. Полевая модель «земля» в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 217-225.

Ekaterina V. Ilyina (Tyumen, Russia)
Ural State University of Railway Transport, Tyumen branch

CONCEPTUALIZATION OF THE TITLE COMPLEX AS DOMINANTS OF ARTISTIC DISCOURSE

The article considers the titles as an explicit means of expressing the symbolic meanings codified by L.N. Andersen in the poetic cycle *Sad Wine*. Features of conceptual structures were revealed through the comprehension of artistic images represented in title complexes.

Key words: conceptualization, title complex, artistic discourse, dominant of text

Н.В. Иноземцева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
vvvictoria2008@mail.ru

КОНЦЕПТ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ СИ ЦЗИНЬПИНА)

Статья посвящена анализу концепта будущего на материале политических выступлений председателя КНР Си Цзиньпина 2021 г., 2023 г., которые представлены в письменной форме на официальном сайте газеты Жэньминь Жибао (人民日报). Применяемый в работе когнитивный подход способствует описанию языковой актуализации концепта будущего и его составляющих в политических выступлениях Си Цзиньпина.

Ключевые слова: когнитивизм, концепт будущего, дискурс, политический дискурс, концепт-анализ

В современной лингвистике политический дискурс представляет различные приемы и способы языкового манипулирования: невербальные способы коммуникации, такие как интонация, манеры и тембр речи, а также лексические и синтаксические средства языкового общения. Главная цель политического текста состоит в том, чтобы убедить служащего в правдивости высказываний и побудить к действию, что также является отличительной особенностью данного типа текста. Для достижения данной цели используются определенные грамматические конструкции и экспрессивная лексика. Ван Ханьдун, Ху Хуатао, в свою очередь, рассматривали «политический язык как язык, используемый участниками политической деятельности для достижения определенной цели» [Ван Ханьдун, Ху Хуатао 2006: 41].

Материалом исследования послужили письменные записи выступлений политика 2021 и 2023 года: текст выступления Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК, которое было проведено

1 июля 2021 г.; текст выступления Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва, состоявшееся 13 марта 2023 г. Оба текста доступны на официальном сайте газеты Жэньминь Жибао (人民日报).

Одним из наиболее актуальных направлений политического дискурс-анализа в рамках когнитивного метода является анализ политических концептов (концепт-анализ). Как отмечает А.Э. Сенцов «концепт является структурным элементом языковой картины мира, формирующимся в результате когнитивной деятельности. Для моделирования концептов используются четко структурированные единицы когнитивистики: фреймы, сценарии, скрипты и другие модели представления знаний» [Сенцов 2012: 82].

В данном исследовании нами была рассмотрена вербализация концепта будущего на материале текстов выступлений Си Цзиньпина.

«Концепт будущего представляет собой важнейший базовый концепт для личности и общества в целом, так как он является одним из элементов ориентационной схемы (время-пространство). Кроме того, он придает динамику и смысл действиям индивидов и общества. Идеология тесно связана с формулированием смысла и разграничением общества через его интерпретации» [Сенцов 2012: 84].

В самом начале речи Си Цзиньпин делает акцент на многовековую историю Китая, особенно обращая внимание на то, что китайская нация прошла огромный путь от основания государства до сегодняшних дней. Он эмоционально вовлекает слушателей к теме патриотизма нынешнего политического строя, используя соответствующие термины:

中华民族 zhōnghuá mínzú – китайская нация;

社会主义社会 shèhuì zhǔyì shèhuì – социалистическое общество;

社会主义初级阶段 shèhuìzhūyì chūjí jiēduàn – начальная стадия социализма;

共产党人 gòngchǎndǎng rén – член коммунистической партии, коммунист.

Были намечены дальнейшие перспективы развития страны на новом этапе ее истории. Основными темами стали: развитие народной демократии, защита прав и интересов народа, улучшение систем социального обеспечения, предоставление основных общественных услуг, благополучие нации. Речь политика нацелена на дальнейшее процветание Китайской республики, поэтому также была упомянута сфера развития и безопасность:

安全是发展的基础，稳定是强盛的前提。

Перевод: Безопасность – основа развития, а стабильность – предпосылка могущества и процветания страны.

В выступлении 2021 г. политик обращается ко всему китайскому многонациональному народу, подчеркивая общность всей нации.

同志们、朋友们！ – товарищи, друзья;

В то время как в выступлении 2023 г. реципиентом выступают политики и депутаты, поэтому и речь более официальная.

各位代表！ – товарищи депутаты.

Следует отметить, что повторение словосочетания 中华民族伟大复兴 ‘великое возрождение китайской нации’ в выступлении Си Цзиньпина (2021 г.) звучало гораздо чаще по сравнению с обращением 2023 г.

Свою речь Си Цзиньпин завершает риторическими восклицаниями и благодарит за внимание, подчеркивая эмоциональность выступления:

伟大、光荣、正确的中国共产党万岁!

Перевод: Да здравствует великая, славная и верная Коммунистическая партия Китая!

伟大、光荣、英雄的中国人民万岁!

Перевод: Да здравствует великий, славный и героический китайский народ!
谢谢大家!

Перевод: Благодарю всех! (Спасибо за внимание!)

Проведенный анализ позволяет нам представить структуру концепта будущего на материале выступлений председателя КНР: чувственно-образным ядром концепта [Стернин 2001: 58] будущего является образ единого и развивающегося Китая. Такой образ в совокупности с когнитивными признаками (единый народ, великая партия, возрождение нации, могущество и процветание страны) формируют базовый слой концепта будущего. В качестве сегментов считаем возможным выделить 3 основных направлений развития Поднебесной (на основе материала исследования): единство китайского народа и китайской нации; стабильность и процветание страны; дальнейшее экономическое развитие. Данные когнитивные сегменты и базовый слой образуют ядро рассматриваемого нами концепта будущего на материале политических выступлений председателя КНР Си Цзиньпина 2021 г. и 2023 г.

Литература

БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей: официальный сайт. URL: <https://bkrs.info>.

Ван Ханьдун, Ху Хуатао. Анализ медиаполитического языка: на примере новости о беспорядках в Париже // Научная сфера. 2006. № 4. С. 40-49.

Сенцов А.Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 82-92.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 58-65.

Текст обращения Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва на русском языке. URL: <https://russian.news.cn/20230314/a4052b85ca5a4972a0000e0d94ac8684/c.html>.

Текст обращения Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК на русском языке. URL: http://russian.news.cn/2021-07/01/c_1310038413.htm.

Текст обращения Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва на китайском языке. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0314/c64094-32643813.html>.

Текст обращения Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК на китайском языке. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0702/c64094-32146864.html>.

Renmin ribao. News (n.d.). URL: <http://russian.people.com.cn>.

**THE CONCEPT OF THE FUTURE
IN CONTEMPORARY CHINESE POLITICAL DISCOURSE
(ON THE EXAMPLE OF XI JINPING'S SPEECHES)**

The article is devoted to the analysis of the concept of the future on the material of political speeches of Chinese President Xi Jinping in 2021, 2023, which are presented in written form on the official website of the newspaper Zhenmin Zhibao (人民日报). The cognitive approach applied in the paper contributes to the description of the linguistic actualization of the concept of the future and its components in Xi Jinping's political speeches.

Key words: cognitivism, future concept, discourse, political discourse, concept analysis

О.И. Калинин (Москва, Россия)
*Военный университет им. князя Александра Невского
Московский государственный лингвистический университет
okalinin.lingua@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрены когнитивные основы информационного воздействия как комплекса приемов аттракции, фасцинации, суггестии и персуазии на имплицитном и эксплицитном уровнях, реализуемых посредством механизмов концептуализации, категоризации и интерпретации.

Ключевые слова: информационное воздействие, аттракция, суггестивность, персуазивность, концептуализация

Информация, репрезентируемая языковыми знаками в разных формах медиа дискурса, представляется фактором, который одновременно отражает и опосредует изменения в индивидуально-политическом и национально-культурном сознании, а «процесс массовой коммуникации в области медиа, как традиционных, так и новых, превратился в перманентно осуществляемое речевое воздействие» [Калинин, Князева 2023: 441]. Процесс речевого воздействия уже был рассмотрен ранее как «такое использование языка в дискурсе, при котором в концептуальную модель мира реципиента вводятся новые знания и/или модифицируются уже имеющиеся» [Калинин 2021: 328]. Мы полагаем, что наравне с речевым воздействием, в качестве его подвида может быть рассмотрено **информационное воздействие**, воспринимаемое нами в широком смысле слова как речевое (коммуникативное) воздействие посредством информации. Введение термина «информационное воздействие» связано в данном случае с необходимостью отграничения информационной коммуникации как особого типа коммуникации, а также активным рассмотрением информационной войны как предмета изучения лингвистики [Кушнерук 2023; Муравлева 2022; Калинин, Приходько 2023].

Когнитивная природа информационного воздействия очевидна, поскольку любой процесс обмена информацией связан с репрезентацией знаний о мире. Так, информационное воздействие реализуется через концептуализацию, категориза-

цию и интерпретацию. Концептуализация как «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов, т. е. сформированных в сознании человека единиц знания» [Болдырев 2021: 48], является наиболее очевидным механизмом информационного воздействия, которое по своей когнитивно-дискурсивной природе нацелено на реструктуризацию знания об окружающем мире за счет формирования нового или изменения имеющегося знания об объектах и явлениях окружающей действительности. Так, С.Л. Кушнерук также отмечает, что «манипуляция в процессе ИВ тесно связана с фреймированием, процессом структурирования информации относительно социально значимых явлений жизни, что становится возможным за счет СМИ» [Кушнерук 2019: 17].

Информационное воздействие также реализуется посредством механизма категоризации как «соотнесения полученных результатов познания с определенными рубриками опыта» [Болдырев 2021: 45]. Если основной целью информационного воздействия признается «внесение изменения в концептуальные структуры индивида, группы людей или общества в целом» [Калинин, Приходько 2023: 32], то можно полагать, что целенаправленная категоризация и рекатегоризация концептов-мишеней – это действенное орудие информационной войны. Не секрет, что в настоящее время в рамках политического дискурса целенаправленно формируются специальные «искусственные категории», например, «список государств-спонсоров терроризма» или тот же санкционный список. Будучи помещенным в подобный перечень, общественно-политический субъект как бы автоматически приобретает все концептуальные признаки всей категории.

Механизм интерпретации, описываемый Н.Н. Болдыревым как «процесс субъективного понимания человеком мира и себя в мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной на существующих общечеловеческих представлениях о мире и на личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 11], также непосредственно связан с информационным воздействием, поскольку современное медиа-пространство, создающее персонализированный контент, формирует заданные алгоритмы интерпретации и за счет унификации опыта взаимодействия человека с окружающим миром как бы предопределяет направление и результат субъективной интерпретации поступающей информации.

Так, можно сказать что, информационное воздействие реализуется и за счет базовых когнитивных механизмов: а) (ре)концептуализации, так как информационное воздействие связано с формированием или форматированием знания; б) ре(категоризации), так как сравнение и классификация – это один из основных методов познания; в) интерпретации, когда создаются такие познавательные условия, которые способствуют направлению процесса интерпретации в нужное русло.

Помимо механизмов информационного воздействия следует описать также основные формы информационного воздействия в их взаимосвязи с когнитивной деятельностью человека, а именно аттракцию, фасцинацию, суггестивность и персуазивность.

Аттракция может быть рассмотрена как показатель «смыслового притяже-

ния и формального выравнивания элементов речи, которое используется для создания связности и целостности речи» [Максименко, Подрядова 2013: 68], которое нацелено на усиление внешней «привлекательности» текста. Аттракция обычно повышает доверие к речевому сообщению за счет его эстетической формы и стилистических особенностей выражения. Фасцинативность позволяет превратить «текст в объект притяжения» [Карасик 2009: 326], т. е. это использование средств языка, нацеленное на то, чтобы вызвать яркий эмоциональный отклик со стороны адресата, за которым могут стоять как позитивные, так и негативные реакции, например, интерес, удивление, шок, испуг, гнев, злость, восхищение и прочие. Аттракция ориентирована на внешний эффект, что проявляется в создании формы речевого произведения, которая будет содержать воздействие, в то время как фасцинативность ориентирована на активную эмоциональную реакцию адресата.

Суггестивность соотносится с понятием скрытого внушения и «основана на имплицитной антиципации согласия адресата в концептуальной сфере, т. е. в сфере социокультурных ценностей, идеологических установок, исторических оценок [Иванов, Калинин 2023: 87]. Так, суггестия влияет на формирование концептов и определенных моделей поведения в общественном сознании, воздействует на различные способы видения общественно значимых проблем и структурирует общественное знание. Основным качеством суггестивности представляется ее имплицитный характер, и суггестивное речевое воздействие можно определить как использование языковых средств репрезентации концептов, направленных на их имплицитное реструктурирование.

Персуазивность является наиболее частотным термином современной теории речевого воздействия, который часто замещает само понятие «воздействие» как таковое. Персуазивность относится к рациональному убеждению и, по мнению М.Р. Желтухиной, проявляется «в сочетании усиленной выразительности с усиленной изобразительностью, что способствуют созданию эффекта воздействия, убеждения, особой доказательности» [Желтухина 2004: 50]. Персуазивность можно идентифицировать как воздействие на адресанта с опорой на рациональное обоснование, аргументативное убеждение, что зачастую выражено эксплицитно посредством риторических приемов речи: призывов, побуждений, риторических вопросов, прямой апелляции к аудитории.

В порядке обобщения подчеркнем, что идентифицированные нами формы информационного воздействия в теоретическом плане коррелируют с исходным разграничением аспектов речевого воздействия на эмоционально-чувственное (аттрактивность, фасцинативность) и рационально-логическое (суггестивность и персуазивность). Если рассмотреть описанные формы речевого воздействия с точки зрения явного и скрытого в них, то можно заключить, что аттрактивность и суггестивность относятся к уровню скрытого воздействия, а фасцинативность и персуазивность – к средствам прямого, эксплицитного речевого воздействия.

Так, информационное воздействие представляется нам комплексом приёмов эмоционально-оценочного и рационально-оценочного воздействия в форме ат-

тракции, fascinации, персуазии и суггестии, направленных на (ре)концептуализацию фрагментов концептуальной картины мира адресата воздействия посредством (ре)концептуализации, (ре)категоризации и влияния на интерпретацию.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 11-16.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 47

Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005.

Иванов Н.В. Калинин О.И. Информационное воздействие в политическом медиа дискурсе // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2023. № 3 (43). С. 76-105.

Калинин О.И. Количественный анализ метафор как способ выявления когнитивно-речевого воздействия // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 327-334.

Калинин О.И., Князева Е.Г. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 441-446.

Калинин О.И., Приходько М.В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23-36.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Кушнерук С.Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 12-22.

Кушнерук С.Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса // Политическая лингвистика. 2020. № 5 (83). С. 12-21.

Максименко О.И. Подрядова В.В. Атрактивность в теории // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). С. 66-73.

Муравлева В.Р. О дискурсивном статусе современных информационных войн // Военно-филологический журнал. 2022. № 1 (1). С. 33-40.

Oleg I. Kalinin (Moscow, Russia)
Military University
Moscow State Linguistic University

COGNITION AND INFORMATION IMPACT

The article examines the cognitive bases of information impact as a complex of attraction, fascination, suggestion and persuasion techniques at implicit and explicit levels through the mechanisms of conceptualization, categorization and interpretation.

Key words: information impact, attraction, suggestion, persuasive power, conceptualization

Н.Г. Кантышева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
nkantyscheva@mail.ru

А.А. Шуклин (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный медицинский университет
Панъевропейский университет «Апейрон»
alexander.schuklin@gmail.com

ОБРАЗ РОДИНЫ В ЭТНИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье рассматривается национально-культурная интерпретация концептуального образа «Родина» российскими немцами, проживающими в настоящее время в Германии. Пространство образа «Родина» формируется как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Образ Родины реализуется за счет тематических групп, отдельных слов-репрезентантов, фразеологизмов, а также в виде бинарных оппозиций: «свое – чужое», «далеко – близко», «понятное – неизвестное», «русское – немецкое».

Ключевые слова: образ Родины, рэп-поэзия, этническое языковое сознание, российские немцы, картина мира

Настоящее исследование посвящено изучению концептуального образа Родины в языковом сознании российских немцев в социолингвистическом аспекте. Российские немцы являются потомками эмигрировавших в Россию германских немцев. В настоящее время они проживают в Германии и СНГ, а также в Прибалтике, Польше, Финляндии, Израиле, США. Термин «российские немцы» – своего рода калька с немецкого «Russlanddeutsche» («российские немцы»).

Этническое языковое самосознание российских немцев очень сложно и в то же время очень многогранно. В связи с тем, что оба языка – немецкий и русский – являются для них родными, это в значительной степени повлияло на формирование их двойственной ментальности. Современные исследования немецкоязычных и русскоязычных литературных произведений авторов – российских немцев говорят об их особом интересе к лингвоспецифичным словам немецкого и русского языков, которые приобретают особое культурное значение для российско-немецкого народа.

При этом исследователями отмечается, что «российские немцы в чистом виде не перенимают русские и немецкие ключевые идеи». Образ родины в их культуре базируется на ключевом для народа понятии «das Heim» / «die Heimat» / «(родной) дом» / «Родина» [Зейферт 2012]. Тематика родины и родного языка посвящены исследования германских ученых, в которых на материале советской немецкой поэзии исследованы базовые семантические компоненты [Kirjuchina 2000]. Наибольшее тяготение к образу родины и родного дома проявляется в поэзии российских немцев. На номинацию родины в значительной мере влияет длительность проживания на территории, особое чувство к прародине и ностальгия о месте рождения автора. Родиной может называться Россия, Германия и Казахстан. Российские немцы одновременно могут ощущать себя на родине везде и нигде, а сама родина зачастую в произведениях соотносится с утратой и авторами транслируется чувство вины перед оставленной родиной [Зейферт 2012].

В современной российско-немецкой культуре все больший вес набирает рэп-поэзия. Этот жанр доступен большому количеству слушателей и становится массовым в среде иммигрантов в Германии. Это можно объяснить тем, что рэп – это своеобразная реакция на социальную маргинализацию, ненасильственное урегулирование конфликтов в результате неудачной интеграционной политики [Huber 2018: 9]. Рэп в среде иммигрантов становился объектом изучения многих исследователей [Кантышева, Шуклин 2023; Belger 1999; Herschelmann 2013; Wegener 2007; Saied 2017].

На примере рэп-поэзии этнических немцев из России (Мейджин) и Казахстана (СК Карол), проживающих в настоящее время в Германии, нам удалось выделить ряд концептуальных образов национально-культурной интерпретации Родины в сознании переселенцев.

Особенное место среди многих других образов в песнях Мейджин и его исполнителя СК Карол занимает образ Родины. Родина – не абстрактный бесчувственный образ в песнях российских немцев, он имеет свои символы, свое наполнение. В таких строках авторы с необычайной силой рисуют изумительные картины из своего детства и из жизни своих родителей: описание людей, друзей, тех мест, откуда они приехали в Германию. Эти теплые воспоминания объединяются тематическими группами: «родственники», «соседи», «родная улица», «родной дом», «традиции», «праздники». Любимые национальные блюда, которые они ели в то время и готовят до сих пор в Германии в своих семьях, кажутся им самыми вкусными: *Tschebureki, Plov – Das ist das beste Essen, was es gibt*.

Используя литературный прием олицетворения, авторы ведут своего рода незримый диалог с Родиной (на немецком и на русском языках) как со старым другом, обращаясь на «ты»:

Ich denke oft an dich...

Ich habe dich fast vergessen (weil ich so klein war) und es tut mir leid...

Ich träume ab und zu von dir...

Возможность непосредственно высказать свои мысли, чувства, переживания выражается на синтаксическом уровне в целом каскаде риторических вопросов:

Я ищу тебя, где же ты, моя Родина?

Wo ist mein Zuhause?

Ich fragte mich jeden Tag – Где моя Родина?

Высказывания, содержащиеся в рэп-текстах, отражают сожаление переселенцев о том, что они бросили свою отчизну (*Ушел я от тебя, ты прости меня, моя Родина; Ich habe dich im Stich gelassen*). Несмотря на то, что исполнители уехали на свою историческую Родину со своими родителями еще совсем в юном возрасте, они чувствуют незримую связь с родными краями и считают себя частью бывшего СССР и современной России (*Meine Seele kommt von dir; Ich bin ein Teil von dir*).

Концепты терзаний и сомнений реализуются не только на лексическом уровне (*Ich hoffe, dass du es verzeihst; zerrissene Gefühle*). Грамматическая форма сослагательного наклонения (*Ich würde dich so gerne sehen*) также поддерживает это содержание. С одной стороны, формально рэп-исполнители живут сейчас в Германии на

своей исторической Родине, хотя в текстах можно услышать, что они далеко от дома (*weit weg von zu Hause, weg von Familie und Freunden, Jetzt bin ich erwachsen und noch immer nicht zu Hause*). С другой стороны, они повествуют, что в России они тоже не чувствовали себя «своими». Таким образом, содержание концепта «Родина» представлено на вербальном уровне в виде бинарных оппозиций: «свое – чужое», «далеко – близко», «понятное – незнакомое», «русское – немецкое».

Благодарность к той далекой, любимой стране, откуда они уехали, присутствует во многих строках песен (*Спасибо, Россия, Я люблю тебя. Ich will nur Danke sagen, что родился у тебя*).

Тема тоски по родным местам проходит лейтмотивом через все песни (*Russland, ich vermisse dich, meine Eltern – sie vermissen das damalige Leben*) и репрезентируется следующим рядом лексем: Heimat, Mutter, Familie, Haus, Vaterland, Stolz, Frieden, Landsleute, Kindheit, Sehnsucht, hoffen, vermissen, verzeihen, träumen, wiederkommen. Названные компоненты концепта «Родина» отражают базовые мировоззренческие ценности.

Специфика невербальной репрезентации образа «Родина» заключается в том, что клипы рэп-исполнителей иногда сопровождаются съемками 80-90-х гг. Несмотря на неидеальное качество изображения исполнители в своих комментариях к роликам в Youtube объясняют нежелание улучшить видео тем, что в таком случае потеряется магия и шарм ностальгии (*Wenn wir die verändern würden, dann würde es die ganze Magie und Nostalgie zerstören*).

Жанровые особенности текстов рэп-поэзии не предполагают много лирики и описания чувств. Тексты песен российских немцев опровергают данный тезис. Это не совсем очевидный вывод. Вся палитра чувств описывается в текстах песен – от надежды, восхищения до сожаления, просьбы простить и боли утраты. Вероятно, жанровые характеристики рэп-поэзии могут быть частично подвержены влиянию исторического и этнического контекста. Российские немцы расширяют систему координат национально-культурной интерпретации Родины и включают в нее не только то место, где сейчас живут они и где жили столетия назад их предки, но и в том числе то место, где родились они сами и где жили долгое время их родители до переезда в Германию.

Литература

Зейферт Е.И. Мотив родины в поэзии российских немцев // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 35-40.

Кантышева Н.Г., Шуклин А.А. Этническое языковое сознание в рэп-поэзии российских немцев // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 361-364.

Belger H. Russlanddeutsche Schriftsteller: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Edition Ost, 1999.

Herschelmann M. Weil man sich selbst oft drin wiederfindet. Jungen im popkulturellen Sozialraum (Gangsta) Rap // Körper, Geschlecht, Affekt. Selbstinszenierungen und Bildungsprozesse in jugendlichen Sozialräumen. 2013. Nr. 59 (60). S. 59-82.

Huber M. Gangsta-Rap – Wie soll man das verstehen? // BPJM-Aktuell. 2018. Nr. 3. S. 9-14.

Kirjuchina L. Sowjetdeutsche Lyrik (1941–1989) zu den Themen „Muttersprache“ und Heimat als narrativer Identitätsakt. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000.

Saied A.G. Gangsta Rap. Affirmative Inszenierung von Delinquenz als Erfolgsmodell? // Deutscher Gangsta-Rap II. Popkultur als Kampf um Anerkennung und Integration. Bielefeld, 2017.

S. 221-240.

Wegener C. Rap im Kontext sozialer Benachteiligung. Alltagskultur und subjektive Deutung // TV diskurs. 2007. Nr. 2. S. 54-59.

Nadezhda G. Kantysheva (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

Alexander A. Shuklin (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

Pan-European University Apeiron

IMAGE OF THE MOTHERLAND

IN ETHNIC LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN GERMANS

This article examines the national-cultural interpretation of the conceptual image of Motherland by Russian Germans currently living in Germany. This concept is formed at both verbal and non-verbal levels. The image of the Motherland is realized through thematic groups, individual representative words, phraseological units, as well as in the form of binary oppositions: “friend-foreign”, “far-close”, “understood-unfamiliar”, “Russian-German”.

Key words: concept Motherland, rap poetry, ethnic linguistic consciousness, Russian Germans, picture of the world

В.И. Карасик (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Московский государственный лингвистический университет

vkarasik@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМИЧЕСКОГО НОНСЕНСА И АБСУРДА

Рассматривается смеховое рассогласование между знаниями о мире и конкретным проявлением реальности в виде нонсенса и абсурда. Сущность комического нонсенса состоит в смеховом осмыслении невозможного, сущность комического абсурда заключается в высмеивании того, что невозможно рационально понять. Предлагается выделить три типа комического нонсенса (фантастический, нравоучительный и анекдотический) и три типа комического абсурда (буквалистский, пресуппозиционный и жанровый).

Ключевые слова: комизм, нонсенс, абсурд, невозможное, непостижимое

Важнейшей характеристикой осмысливаемого мира является соответствие того или иного объекта знаниям о нем. В случае несоответствия человек испытывает когнитивный дискомфорт, который может носить разнообразный характер – от признания чего-либо странным и смешным до экзистенциального кризиса. Акцентированное несоответствие наблюдаемой или мыслимой реальности представлениям о том, какой она должна быть, обычно квалифицируется как нонсенс или абсурд. Весьма часто в обиходной речи и в толковых словарях эти понятия толкуются взаимозаменятельно:

Нонсенс – бессмыслица, нелепость (БТС).

Nonsense – ideas, opinions, statements etc that are not true or seem very stupid; behaviour that is stupid and annoying; speech or writing that has no meaning or cannot be understood (LDCE).

Абсурд – то, что противоречит здравому смыслу; нелепость, бессмыслица

(БТС).

Absurd – something that is completely stupid and unreasonable (LDCE).

В этих понятиях выделяются следующие общие смысловые компоненты: 1) отсутствие смысла; 2) противоречие здравому смыслу; 3) несоответствие действительности; 4) глупость в речи или поступках; 5) то, что невозможно понять.

Представляется, что в лингвокогнитивном плане нонсенс и абсурд можно противопоставить по признакам реальности и постижимости: нонсенс – это то, чего нет в реальности, но его можно объяснить, т. е. это нечто невозможное, в то время как абсурд – это реальность, которую невозможно понять и принять, т. е. нечто непостижимое.

Феномены нонсенса и абсурда неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Вайс 2004; Демурова 1974; Ивлева 2010; Карасик 2003; Кравченко 2008; Кружков 2000; Кузовникова 2020; Новикова 2005; Трифонов 1997; Ширяева 2017; Шкурская 2012; Щекотихина 1998]. Нонсенс обычно анализируется на материале текстов фольклорной и авторской художественной литературы, комический абсурд рассматривают исследователи, изучающие специфику черного юмора.

Действенным способом преодоления когнитивного дискомфорта является комическая квалификация объекта. Комическое трактуется как «формула смешного», механизмом действия комического является игра со смыслом, выделяются виды комического (остроумие, юмор, ирония, гротеск, насмешка) и его жанры (комедия, сатира, бурлеск, шутка, эпиграмма, фарс, пародия, карикатура [Любимова 2010: 277].

В качестве материала рассматриваются детские стихи и тексты анекдотов, размещенные в Интернете.

Можно выделить следующие типы комического нонсенса на основании их жанровой природы – фантастический, нравоучительный и анекдотический.

Фантастический тип комического нонсенса представлен в классических английских детских стихах (Nursery Rhymes) и в лимериках, созданных Эдвардом Лиром и многими его последователями.

Шалтай-Болтай

Шалтай-Болтай / Сидел на стене. / Шалтай-Болтай / Свалился во сне. / Вся королевская конница, / Вся королевская рать / Не может / Шалтая, / Не может / Болтая, / Шалтая-Болтая, / Болтая-Шалтая, / Шалтая-Болтая собрать (Пер. С. Маршак).

Этот тип комического нонсенса ярко представлен в лимериках:

Жил старик на развесистой ветке, / У него были волосы редки. / Но галчата напали / И совсем общипали / Старика на развесистой ветке.

Сухопарый старик из Болгарии / Был других стариков сухопарее. / Его прямо на стуле / Рулоном свернули – / И хранили в чулане в Болгарии (Пер. Г. Кружкова).

Нравоучительный нонсенс посвящен определенным жизненным ситуациям, выраженным аллегорически:

Имела жаба зуб на крокодила. / Но крокодилу это не вредило (М. Либин).

– Помещение должно быть открыто, – глубокомысленно замечает Дверная Ручка, когда открывают дверь.

– Помещение должно быть закрыто, – философски заключает она, когда дверь закрывают.

Убеждение Дверной Ручки зависит от того, кто на нее нажимает (Ф. Кривин).

Нонсенс в анекдотах и шутках представляет собой иллюстрацию комического осмысления невозможного без всяких нравоучений:

– Ты видел сон про обезьянок и бегемота?

– Нет, не видел.

– Посмотри. Классный сон.

У фермера в Канзасе ураган сорвал с дома жестяную крышу. По совету друга он отвез исковерканную крышу в Детройт в мастерскую по ремонту автомобилей. Через два дня он получил письменный ответ: «Мы не смогли определить, что случилось с вашей машиной, но через три дня она будет готова».

Комический нонсенс карнавально переворачивает реальность, через контраст подтверждая должный порядок вещей. Сущность комического нонсенса состоит в смеховом осмыслении невозможного факта. В отличие от этого положения дел комический абсурд представляет собой переворачивание не диктума, а модуса высказывания.

Можно выделить следующие типы комического абсурда: абсурдная буквализация в общении, абсурдное переворачивание пресуппозиций должного поведения, абсурдное переворачивание речевых жанров.

Буквализация становится комичной, если имитируется поведение людей, оставшихся на уровне развития маленьких детей:

– Стой, кто идет? Скажи пароль!

– Пароль.

Такого рода шутки являются примитивным юмором.

– Оказывается, под «Черным квадратом» Малевича вначале была другая картина.

– Какая?

– «Белый квадрат».

Подобные фразы относятся к категории «идиотская очевидность». Они граничат с пустоговорками и выражают само собой разумеющиеся вещи.

Интересен вариант смыслового расщепления объекта речи:

– Тея посылает сына в магазин:

– Запомни, ты должен купить три вещи: хлеб, молоко и масло. Запомнил? Три вещи. Повтори, три вещи!

Спустя некоторое время сын возвращается, но приносит с собой хоккейный костюм и клюшку. Отец:

– Так! Я кому говорил? Три вещи купить, три вещи, понимаешь, три! Где шайба?!

Переворачивание пресуппозиций должного поведения контрастирует со здравым смыслом, в основе которого лежит принцип целесообразности:

Корова лезет на дерево. Ворона ей:

– *Корова, ты чего это на дерево лезешь?*

– *Яблок хочу поесть.*

– *Так это же елка!*

– *А у меня с собой...*

Следует отметить, что подобная искаженная картина мира может быть индикатором психического отклонения от нормы.

Переворачивание речевых жанров становится абсурдным при переводе профессионального дискурса в плоскость этикетных фраз:

– *Доктор, я заболел! Что делать?*

– *Выздоровливайте скорее!*

– *Спасибо, доктор!*

Подведем основные итоги.

В коммуникативной практике время от времени происходит когнитивный сбой, когда имеет место рассогласование знаний о мире и конкретного проявления реальности, не вписывающейся в эти знания. Такое рассогласование осмысливается как нонсенс или абсурд. Эти когнитивно-дискурсивные смысловые образования могут носить серьезный и комический характер. Сущность комического нонсенса состоит в смеховом осмыслении невозможного, сущность комического абсурда заключается в высмеивании того, что невозможно рационально понять. Предлагается выделить три типа комического нонсенса (сказочно-фантастический, басенно-нравоучительный и анекдотический) и три типа комического абсурда (буквалистский, пресуппозиционный и жанровый).

Литература

Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 259-272.

Демурова Н.М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // TopsyTurvy World. English Humour in Verse – «Мир вверх тормашками» (Английский юмор в стихах). М.: Прогресс, 1978. С. 5-22.

Ивлева С.В. Лингвосомиотические характеристики комического абсурда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

Карасик В.И. Типы абсурда // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 112-126.

Кравченко О.В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. 2008. № 1 (7). С. 58-63.

Кружков Г. Книга NONсенса: Английская поэзия абсурда. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2000.

Любимова Т.Б. Комическое // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 277-278.

Кузовникова Е.Г. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного черного юмора (на примере речевых жанров повседневного дискурса) // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов / отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 304-316.

Новикова В.Ю. Семантика абсурда. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.

Трифонов А.Г. Абсурд // Культурология. XX век. Словарь. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 8-9.

Ширяева И.Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Шкурская Е.А. Лингвокультурные характеристики нонсенса в английском детском фольклорном и авторском текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

Щекотихина И.Н. К вопросу об особенностях текстов-нонсенов и их воспроизведении // Язык и коммуникация: изучение и обучение. Орел: Орловский гос. ун-т, 1998. Вып. 2. С. 3-11.

Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow State Linguistic University

CHARACTERISTICS OF COMICAL NONSENSE AND ABSURD

The paper deals with ludic disagreement between the knowledge of the world and a concrete manifestation of reality presented as nonsense and absurd. The essence of comical nonsense consists in ridiculous presentation of unreal things whereas comical absurd exposes something rationally incomprehensible. Three types of comical nonsense are shown (fantastic, sententious, and jocular) and three types of comical absurd are discussed (literal, presuppositional, and genre specific).

Key words: comic, nonsense, absurd, the impossible, the incomprehensible

Н.В. Карпинская (obr_okr2017@mail.ru)
Луганский государственный аграрный университет

ПАРЕМИЙНЫЕ БИНОМЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОЛОВА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье показано отражение соматизма голова в паремиологическом фонде русского языка. Представлены биномы с компонентом голова, являющиеся репрезентантами концепта ГОЛОВА. Способность человека воспринимать мир, отражать действительность, запоминать, рассуждать, совершать как обдуманные, так и необдуманные действия, воспринимать окружающую действительность, иллюстрирует различные аспекты мыслительного процесса и странственного культурного кода при репрезентации концепта ГОЛОВА.

Ключевые слова: паремия, соматизм, концепт, пословичный бином

Сдвиг в языкознании, произошедший в последние десятилетия, создал условия для новых подходов к фразеологическому и пословичному материалу. С перемещением лингвистики в сторону человека появились работы, посвященные паремиологической картине мира, где пословицы рассматриваются как источники кумулятивной информации, способные выполнять различные функции.

Одной из основополагающих современных работ в области паремиологии является исследование логико-семиотического характера паремий Г.Л. Пермякова, в котором пословица предстает как модель определенных отношений между упоминаемыми в ней вещами или их свойствами, в структуре паремий обязательна одна из тематических пар компонентов, связанных определенным типом связи [Пермяков 1984: 107-128].

А.П. Клименко указывает на такую важную особенность структуры паремии, как составляющий ее основу бином, или, иными словами, пара компонентов, образующих семантическое ядро паремии и связанных особыми отношениями – противопоставленности, тематической близости, ассоциативного сходства

[Klimenko 1998: 396].

Паремия содержит глубокие национальные идеологические коннотации, это «отражение сложной формы человеческого мышления», такой род афористического суждения, где представляются «в образно-символическом моделировании и оценочном комментарии типичная жизненная ситуация или сущностные отношения между людьми» [Подюков 1999: 152]. В современной паремиологии основой для дальнейшего изучения феномена пословичного бинорма с семантической и структурной точки зрения стали работы Е.И. Селиверстовой [2009; 2017]. Паремия отличается от других высказываний особыми ритмом и рифмой; рифмопара – рифмованный бинорм [Селиверстова 2009: 63] – может служить основой паремии. Ритмо-рифмованная организация в паремии тесно связана с семантическими отношениями. Хотя паремии как стереотипные формы мышления «чаще всего и оформляются с помощью языковых стереотипов – логических, орнаментально-жанровых, сюжетных, тематических» [Селиверстова 2017: 232], удачное рифмо-ритмическое оформление единицы усиливает звучание паремии и облегчает ее запоминание.

В филологии одним из первых употребляет словосочетание *бинарные операторы* К. Леви-Стросс (1955), утверждая, что бинарные модели присущи мифу, поскольку его цель – «дать логическую модель для разрешения некоего противоречия». В главе «Бинарные операторы» автор пишет: «Конечно, любые мифемы, независимо от их разновидностей, в целом должны подчиняться бинарным операциям, поскольку подобные операции являются неотъемлемой чертой тех средств, которые изобретены природой и благодаря которым возможно функционирование языка и мышления» [Levi-Strauss 1955: 440; 443]. По его мнению, только при сопоставлении деталей можно определить основные характеристики. Фольклорист А. Дандис, комментируя компаративистский подход к изучению мифов с применением бинарных оппозиций, делает вывод о том, что Леви-Стросс таким образом описывает не структуру мифа, а структуру мира с использованием глубинным парадигм, бинарных по своей природе. «Можно с полным основанием утверждать, что бинарные оппозиции относятся к разряду универсалий. По-видимому, все человеческие сообщества, как нынешние, так и прошлые, делают различие между «мужским» и «женским», «жизнью» и «смертью», «днем» и «ночью» (или «светом» и тьмой») и т. д. Мы можем обнаружить бинарные оппозиции не только в мифе или сказке, но и в других фольклорных жанрах. Возьмем, к примеру, пословицу». Таким образом, бинарные оппозиции фольклорных жанров представляют собой модель мыслительной способности создавать общечеловеческую характеристику. Поскольку паремиологическое пространство представляет собой парадигматическую модель, выступающую квинтэссенцией национальной картины мира, то закономерно описание бинормов на материале пословиц как наиболее распространенных паремиологических единиц.

Когнитивные исследования открыли перспективы с учетом антропоцентрических установок и устоявшейся теоретической парадигмы. Слово стало главным инструментом человеческого самосознания и познания мира, смыслообразующим центром культуры [Шкуран 2023: 268]. Наблюдение над собой, знание

о себе человек последовательно переносил на окружающую среду и названия частей тела вербализировал через появление нового объекта, поэтому части тела становятся своеобразным эталоном для сравнения. «Тело человека – это мир, которому присуща своя топология: низ, верх, ширина, середина, поверхность, край и др. Для современного человека эти термины имеют преимущественно пространственное, физическое, в то время как их метафизический смысл скрыт. Для архаичной культуры – наоборот. Для нее тело – космос, а потому все в теле имеет космическое значение...» [Толстая 2010: 52].

Пословичные биномы *голова – соматизм* строятся на специфической паремийной избирательности, и каждый компонент-соматизм делает поговорку более образной и выразительной. Систематизация биномов помогает проследить коннотативные оттенки, запечатленные в сознании русского народа и очертить ценностные ориентиры, усиленные народной экспрессией. Представим концептообразующие биномы, запечатленные в сознании русского народа и отраженные в паремиях.

Голова – ноги: *Нога ногу минует, а голова головы не минует* [БСРП: 599]; *Нога споткнется, а голове достается* [там же]; *Чем кланяться ногам, лучше уж голове* [там же: 600]; *О ногах не думают, когда голова в петле* [там же]; *Держи ноги в тепле, а голову в холоде* [там же]; *Ноги каменные, голова деревянная, а сам в шабуре и ходит в воде* [там же: 601] и др.

Голова – язык: *Дурной язык голове неприятель* [там же: 1003]; *Язык болтает, а голова не знает* [там же]; *Язык болтает, а голова ничего не знает* [там же]; *Язык болтает, голова не понимает* – [там же]; *Язык – враг мой: прежде ума моего рыщет, головы ищет* [там же] и др.

Голова – руки: *Легче работать руками, чем головой (головую)* [там же: 771]; *Ленивые руки не родня умной голове* [там же: 773]; *Заботливый спит – руку под голову кладет* [там же]; *На руки зобня – и пошел, голову загня* [там же]; *Руки работают, а голова кормит* [там же] и др.

Голова – борода: *Про то знают головы большие, у кого бороды пошире* [там же: 192]; *Волосат без головы, а усат без бороды* [там же: 191]; *Была бы голова, будет и борода* [там же: 187]; *Голова плешата, борода подседовата* [там же]; *Не всяк голова, у кого борода* [там же: 188]; *Не отболит голова – вырастет и борода* [там же] и др.

Голова – волосы: *Сняв голову, да над волосами плачет (плачот)* [там же: 191]; *Голову любит, а волосы дерет* [там же: 190]; *Хватился волос, как голову сняли* [там же: 144]; *Работать – волос на голове не встряхнется, а есть – чуть голова не оторвется* [там же]; *Голова по волосам не плачет* [там же: 187] и др.

Голова – сердце: *И доброе сердце, да безмозгая (безглуздая) голова* [там же: 803]; *Сердце не дробит, голова не болит* [там же]; *Сердцу доверяй, а с головой советуйся* [там же]; *Держи голову уклонно, а сердце покорно* [там же: 190] и др.

Голова – душа: *Какова голова, такова и душа* [там же: 188]; *Не тужи по голове: душа есть* [там же: 189]; *Душа Божья, голова царская* [там же: 319]; *Душа Божья голова царская, жопа барская* [там же] и др.

Голова – мозг: *В одну голову всех мозгов не утрясешь* [там же: 190]; *Велика голова, да мозгу мало* [там же: 187]; *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки* [там

же]; *Хорошая голова часто бывает без мозгу* [там же: 189] и др.

Голова – нос: *Нос задирает, а в голове ветер гуляет* [там же: 604]; *Под носом возило, а в голове и не посеяно* [там же]; *Под носом выросло, а в голове-то и не засеяно* [там же]; *Выше своего носа не прыгнешь; Выше головы носа (носу) не подымеешь* [там же: 191] и др.

Голова – глаза: *Не руби выше головы: глаза цепой запорошишь* [там же: 192]; *Не руби выше головы: цепа глаза запорошит* [там же] и др.

Голова – грудь: *Грудь в крестах, а голова в кустах* [там же: 227]; *Грудь в крестах или голова в кустах* [там же] и др.

Как видим, в создании паремиологических образов концепт-соматизм *голова* сопрягается или противопоставляется следующим соматизмам: *ноги, шея, хвост, борода, плечи, мозг, сердце, зад, брюхо, рука, чело, душа, язык, живот, волос, кости*, что подтверждает фонд русских пословиц. Способность человека воспринимать мир, отражать действительность, запоминать, рассуждать, совершать как обдуманное, так и необдуманное действия, воспринимать окружающую действительность, иллюстрирует различные аспекты мыслительного процесса и пространственного культурного кода при репрезентации концепта ГОЛОВА, представляющего понимание национально-культурной специфики русской паремиологии.

Литература

Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. М.: АН СССР, 1978. С. 112-113.

Леви-Стросс К. Сырое и приготовленное. Чикаго: Чикагский ун-т, 1969.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.

Подюков И.А. Семиотический аспект текста паремии // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. Соликамск: Соликамский гос. педагогический ин-т, 1999.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость: монография. М.: Флинта, 2017.

Селиверстова Е.И. Рифмованный бином как основа пословицы // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 63-66.

МАС Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985-1988.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Шуран О.В. Экспликация языковой единицы «патриот» как вторичного когнитивно-смыслового кода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 268-272.

Klimenko A.P. Phraseological Binoms in Associative Experiments // Studien zur Phraseologie und Parömiologie. Eurofras 95 / Wolfgang Eismann. Bochum: N. Brockmeyer, 1998. S. 393-403.

Natalia V. Karpinskaya (Lugansk, Russia)
Lugansk State Agrarian University

PAREMIC BINOMIMS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HEAD” (EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article shows the reflection of somatism head in the paremiological fund of the Russian language. Binomials with a head component are presented, which are representatives of the HEAD concept. A person's ability to perceive the world, reflect reality, remember, reason, perform both deliberate and rash actions, perceive the surrounding reality, illustrates various aspects of the thought process and spatial cultural code when representing the concept HEAD.

Key words: paremia, somatism, concept, proverbial binomial

В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
victoria.kleimenova@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОГО МИРА

Концептуализация вымышленной действительности описана в статье как порождение и трансформация смыслов, текстовая репрезентация которых обуславливает активную лингвокреативную деятельность творческого сознания. В процессе миромоделирования автор художественного текста создает фикциональные концепты – бленды, не соответствующие экзистенциальному опыту языкового сообщества.

Ключевые слова: концепт, фикциональный мир, фикциональный концепт, концептуальная интерпретация, культура отмены, бленд

Объективированный в художественном тексте фикциональный мир – это сконструированная и вербализованная автором модель реальности; результат когнитивной деятельности индивида, направленной, в том числе, на оценку познаваемой реальности и прогноз последствий происходящих социальных процессов. Одной из ведущих ментальных операций миромоделирования является создание и вербализация фикциональных концептов, т. е. не имеющих прямых соответствий в реальности ценностно значимых концептов изображенного мира, в которых отражается, с одной стороны, национально-культурная специфика языкового сообщества, с другой стороны, результаты индивидуально-авторского творческого осмысления окружающего мира.

Конструирование вымышленной действительности можно рассматривать как разновидность познавательного процесса. Между концептуализацией реального и фикционального миров нет принципиальной разницы, так как используемая информация «может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о *воображаемых* мирах и возможном положении дел в этих мирах <...> концепты сводят разнообразие наблюдаемых и *воображаемых* явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику» [Кубрякова 1996: 90]. (курсив мой – В.К.) Концептуализация фикционального мира осуществляется с учетом функционально-коммуникативных потребностей, приписываемых вымышленному социуму, и представляет собой «живой процесс порождения новых смыслов» [Кубрякова 1996: 93], в ходе которого человек осмысляет поступающую информацию и выделяет минимальные единицы опыта.

Концептуализация фикционального мира становится возможной, поскольку человек «способен домысливать то, что явно не представлено в языке, прогнозировать взаимосвязи предметов, событий и их признаков, на основе определенных связей языковых форм, то есть обнаруживает способность к инференции, к получению выводного знания» [Болдырев 2023: 6]. Таким образом, в фикциональном концепте сочетаются универсальное коллективное знание определенной эпохи и новое знание, порожденное творческой языковой личностью, которая

стремится сделать общественным достоянием результаты своего осмысления меняющегося современного мира и его новых дискурсивных практик.

Целью данной работы является реконструкция и анализ процесса концептуальной интеграции как ментальной деятельности автора художественного текста, направленной на конструирование фикционального концепта. Исследование проводилось на материале антиутопии С. Ахерн «Клеймо» и «Идеал» («Flawed» и «Perfect»), в которой вербализирован один из основных содержательно-структурных элементов изображенного мира – фикциональный концепт WHISTLEBLOWER. Актуальность исследования обусловлена соответствием объективированного фикционального мира морально-этическим нормам и правилам, которые пропагандируют сторонники одного из наиболее значимых современных социальных движений – культуры отмены. На основе концептуально-дефиниционного и контекстуального анализа были установлены исходные ментальные пространства фикционального концепта WHISTLEBLOWER, а также спроецированные в бленд семантические компоненты каждого из них; выявлены средства первичной, вторичной и имплицитной репрезентации рассматриваемого ментального конструкта.

Разработанная М. Тернером и Ж. Фоконье теория концептуальной интеграции предлагает научное объяснение широкого круга языковых явлений, в которых происходит порождение новых смыслов. Например, авторы описывают существующий в англоязычной культуре образ Сатаны (Satan) как бленд, объединяющий характеристики человека и теологической сущности. Результатом процесса концептуальной интеграции является тщательно проработанное ментальное пространство, характеризующееся концептуальной и лингвистической стабильностью, что позволило приписать бленду новые характеристики, т. е. развить его [Fauconnier, Turner 2002: 160-162]. Этот подход представляется эвристически плодотворным для описания базовых ментальных операций, которые осуществляет автор художественного текста, создавая фикциональный концепт, не соответствующий экзистенциальному опыту членов языкового сообщества. Так, в произведениях С. Ахерн существительное *whistleblower* называет индивидуально-авторский бленд, образованный удаленными друг от друга исходными ментальными пространствами «правоохранительные органы / law enforcement agency» и «информатор / whistleblower».

Ментальное пространство представляет собой комплекс взаимосвязанных гибких и подвижных структур знания, которые формально обусловлены когнитивными фреймами и сохраняют связь с фоновыми знаниями коммуникантов [Coulson, Oakley 2000: 176-177]. Автор устанавливает частичное сходство между исходными ментальными пространствами, проецирует одно пространство на другое и порождает бленд (интегрированное ментальное пространство). Бленд уже каждого из исходных пространств, так как в него проецируются лишь признаки, соответствующие авторской интенции. Например, из исходного ментального пространства «информатор / whistleblower» не проецируются такие признаки, как непубличный и неофициальный характер деятельности, принадлежность к разоблачаемой группе,

личная заинтересованность в их наказании. В то же время бленд шире суммы спроецированных признаков, так как он обладает собственной структурой, что позволяет автору развивать его. Так, фикциональный концепт WHISTLEBLOWER наделен такими характеристиками как подчеркнуто демонстративный характер осуществления профессиональной деятельности, отсутствие четкой внутренней иерархии, вероятность тайного осуществления противоправных деяний.

Выбор языковых единиц вербализации фикционального концепта в антиутопии определяется семантическими компонентами бленда, спроецированными из исходных ментальных пространств. Текстовые репрезентанты фикционального концепта WHISTLEBLOWER являются проявлением лингвокреативной деятельности автора, который осуществляет три типа творческих преобразований языка для передачи знаний о сконструированной действительности.

Во-первых, автор создает первичное средство вербализации фикционального концепта – номинативную единицу *whistleblower*, которая представляет собой пример семантической инновации (в терминах В.И. Заботкиной), поскольку традиционная языковая форма используется для обозначения нового денотата. Значение слова в контексте фикционального мира базируется на реально существующих в сознании коммуникантов когнитивных структурах, которые формируют основу для понимания семантической инновации. В то же время автор не полагается на читательскую пресуппозицию и эксплицирует контекстуальное приращение смысла, включая в текст определение нового лексико-семантического варианта узуального имени существительного: «*They are not our official police; they are responsible for taking into custody those who are morally and ethically Flawed*» [Ahern 2016: 11]. В данной дефиниции устойчивое выражение *to take into custody* указывает на связь с исходным ментальным пространством «правоохранительные органы / law enforcement agency», а словосочетание *morally and ethically Flawed* – с исходным ментальным пространством «информатор/whistleblower». Таким образом, у узуального имени существительного появляется дополнительная смысловая нагрузка, оно становится морфологически мотивированным, так как новое значение основано на действиях, приписываемых персонажам данной категории: «*They keep blowing their whistles as they move*» [Ahern 2016: 12].

Во-вторых, автор использует узуальное имя существительное *whistleblower* в нетипичных контекстах, поскольку появление нового лексико-семантического варианта значительно расширяет когнитивно-коммуникативный потенциал слова и его комбинаторные возможности. При описании деятельности персонажей, относящихся к категории «гражданские стражи», применяются вторичные средства вербализации фикционального концепта, т. е. лексические единицы, семантика которых несовместима со словарным значением имени существительного *whistleblower*. Так, связь с исходным ментальным пространством «правоохранительные органы / law enforcement agency» позволяет использовать лексические единицы следующих тематических групп: «резкий пугающий звук» (*whistles sound, boots clamber, the siren rings out, to yell*), «форма» (*uniform, signature red vests over black combat boots and shirts*), «снаряжение» (*helmet, riot shield, baton, combat gear, riot gear*), «действия» (*to push to the ground, to pin down, to train, to raid*). А связь с

исходным ментальным пространством «информатор / whistleblower» делает возможным использование языковых средств, относящиеся к тематическим группам «внимательно следить за окружающими» (*to keep an eye on everything, to find traces of*), «информировать об увиденном» (*to report him to*).

В-третьих, автор использует различные стилистические приемы для имплицитной репрезентации отдельных характеристик фикционального концепта WHISTLEBLOWER. Так, метафоры, («*She won't give you an inch*» [Ahern 2016: 164]; «*The sound that freezes every soul in every home until the vehicles have passed by*» [Ahern 2017: 17]), сравнения («*She looks like a bird, but she bites like a lion*» [Ahern 2016: 327]; «*it's like they bleed into the courtyard*» [Ahern 2017: 114]), ирония («*her presence as calming as the Grim Reaper*» [там же: 174]) формируют негативную оценку описываемой категории персонажей, что основано на приписываемой им жестокости и потенциальной опасности для объектов их профессиональной деятельности.

Таким образом, фикциональный концепт WHISTLEBLOWER есть результат когнитивной деятельности творческого сознания, осмысляющего дискурсивную практику культуры отмены. В процессе концептуальной интеграции создается обладающий собственными сверхсуммативными характеристиками бленд, связанный с исходными ментальными пространствами «правоохранительные органы / law enforcement agency» и «информатор / whistleblower». Языковое воплощение фикционального концепта обусловлено возникновением в контексте вымышленного мира новых смыслов.

Литература

Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2023. С. 5-8.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Ahern C. *Flawed*. London: Harper Collins Publishers, 2016.

Ahern C. *Perfect*. New York: Feiwei and Friends, 2017.

Coulson S., Oakley T. *Blending Basics* // *Cognitive Linguistics*. 2000. № 11 – 3/4. Pp. 175-196.

Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002.

Viktoria Yu. Kleimenova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

CONCEPTUALISATION OF FICTIONAL WORLD

Conceptualisation of fictional reality can be described as creation and transformation of senses whose text representation boosts author's mental activity that aims at creating non-traditional linguistic units and word combinations. The author of a fictional text creates a model of the world that includes fictional concepts, i.e. blends which contradict both everyday life experience and second-hand knowledge of the language community.

Key words: concept, fictional world, fictional entity, conceptual integration, cancel culture, blend

ОТ НАУЧНОГО ПОНЯТИЯ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ: ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ENERGIEEFFIZIENZ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается процесс исторической динамики и модификации концептуального содержания на примере концепта ENERGIEEFFIZIENZ в немецком языке. На основе корпусных данных показана трансформация значения лексемы Energieeffizienz, вербализирующей рассматриваемый концепт, от технического понятия до социально значимого ценностного концепта.

Ключевые слова: концептуальный анализ, динамика концептуального содержания, корпусный анализ, энергетический дискурс

Предлагаемая работа рассматривает историческую динамику изменения и модификации концептуального содержания на примере концепта ENERGIEEFFIZIENZ в немецком языке. Данное понятие стало приобретать особую популярность в общественном дискурсе начиная с 2000-х гг. в связи с оживленным обсуждением глобальных проблем в области энергетики, а также связанных с этим вопросов изменения климата и экологической безопасности (см., например [Mast 2016: 33-37; Нохрин 2019]). С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода и лингвоконцептологии концепт ENERGIEEFFIZIENZ представляет особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, соответствующая лексема служит репрезентантом-именем социально значимого концепта, который, отражая реалии так называемого «энергетического поворота», в настоящее время стал одним из ключевых в общественно-политическом и медийном дискурсе. Концепт ENERGIEEFFIZIENZ представляет особый интерес как ключевой концепт, ключевое слово современной культуры, вокруг которого объединяются дискурсивные практики, принадлежащих сразу нескольким дискурсам – научному, медийному и общественно-политическому.

Цель предлагаемой работы – рассмотреть содержание концепта ENERGIEEFFIZIENZ в его исторической динамике в немецком языке на примере лексемы-имени концепта Energieeffizienz. Особый интерес представляет анализ изменения того аспекта концептуального содержания, которое отражает превращение концепта из узкоспециального понятия, принадлежащего научному дискурсу, в ключевое слово-компонент концептуального лексикона современной культуры, отчасти схожее с понятием культурных ключевых слов [Williams 2015: 11-20; Rukmini, de Souza 2020: 7-9] или культурных констант [Степанов 1997: 76-79], так как рассматриваемый концепт репрезентирует в языке социокультурное представление современного общества о необходимости сбережения энергетических ресурсов как общественной ценности.

Теоретической основой для исследования послужили следующие положения. Во-первых, мы опираемся на представление о концепте как оперативной

единице знания [Болдырев 2018: 47], как «кванте знания», который репрезентирует в мышлении какое-либо явление или аспект действительности [Кубрякова 2004: 90; Болдырев 2014: 39]. Концептуальное содержание включает не только базовые, наиболее существенные признаки фиксируемого в сознании объекта или явления, но и дополнительные признаки и свойства как результат чувственного и предметно-деятельностного познания, а также эмоционального опыта и ценностного осмысления. Это отражается в лексическом значении слов, вербализующих концепт, которые являются комплексами, включающими не только понятийный, но и оценочный компонент, служащий для передачи оценки и присвоения ценностных характеристик называемому референту [Loebner 2013: 3-11; Chernyavskaya, Nefedov 2022: 5-7]. Важно отметить, что оценочное значение может не быть изначально присуще лексеме, репрезентирующей концепт, а включаться в семантику слова только в определенных контекстах. Кроме того, оценочное значение может варьировать диахронически по мере переосмысления концепта в тех или иных контекстах. Наконец, концепт может становиться знаковым, ключевым для определенной картины мира и, следовательно, для определенных дискурсивных практик.

Эмпирическая часть предлагаемого исследования опирается на применение корпусного и контекстуального анализа ключевой лексики-имени концепта в корпусах Deutsche Referenzkorpus [DeReKo], DWDS-Referenzkorpora и DWDS-Zeitungskorpora [DWDS] (общий объем составил 2638 контекстов).

Согласно корпусным данным, лексема *Energieeffizienz* и репрезентируемый ею концепт появились в немецком языке в 1985–1987 гг. Можно предполагать, что слово представляет собой кальку с английской лексики *energy efficiency*, которая зафиксирована в английском языке значительно раньше, в конце XIX в. в качестве научного термина в области физики и энергетики. В немецком языке этому понятию традиционно соответствует лексема *Wirkungsgrad*, которая как научный термин имеет практически аналогичное значение. На первом этапе появления лексики-репрезентанта концепта *Energieeffizienz* в немецком языке (1985–1999) значительное количество случаев ее употребления относится к узкоспециализированному контексту. Так, 32 из 62 контекстов фиксируют употребление лексики в связи с определенным техническим объектом, таким как электростанция, транспортные средства, здания и т. п. Однако уже на раннем этапе употребления лексики она становится маркером дискурса так называемого «энергетического поворота», т. е. перехода от углеводородной и атомной энергетики на возобновляемые источники энергии и общий режим сбережения энергии, вербальным признаком чего служат коллокации лексики *Energieeffizienz* с сочетаниями *erneuerbare Energiequellen*, *erneuerbare Energieträger*, *regenerative Energien* (13 контекстов).

Обсуждение энергоэффективности и возобновляемых источников энергии тесно связывается с вопросами охраны природы и климатическими проблемами, что формирует устойчивую ассоциативную связь этого понятия с экологическим дискурсом. Так, в приведенных примерах контексты содержат сложные слова с

компонентами *Umwelt-* и *Klima-* (22 контекста). Наряду с упоминанием альтернативных источников энергии и заботой о климате, еще одной ведущей темой является финансовая сторона вопроса. В таких контекстах лексема *Energieeffizienz* употребляется, как правило, с лексемами *investieren*, *wirtschaftlich*, *Wirtschaft*, *Preis*, *Kosten*, *Steuer* (14 контекстов).

Таким образом, появившись в немецком языке в 1985–1999 гг., лексема-репрезентант концепта *Energieeffizienz* семантически дифференцируется от лексемы *Wirkungsgrad*, и формирует особое концептуальное содержание, которое имеет устойчивые ассоциации и типовые контексты употребления, к которым следует отнести такие ассоциации как *Energieeffizienz – erneuerbare Energieträger*, *Klimaschutz*, *Umwelttechnik*, *umweltschonende Technologien*, *Kosten und Investitionen*.

Дальнейший анализ контекстов с лексемой *Energieeffizienz* с 2000 по 2022 г. показывает, что со стремительным ростом частотности лексемы (увеличение в 7 раз в 2000–2016 гг.) вербализуемый ею концепт начинает дополняться оценочным компонентом содержания и существует уже не просто как экономическое или техническое понятие, а как социально значимый концепт, связанный с понятиями экономического благосостояния и климатической безопасности.

Ценностный компонент концептуального содержания концепта *ENERGIEEFFIZIENZ* демонстрирует проведенный семантический анализ коллокаций, для которого были отобраны 30 самых частотных коллокаций с ключевым словом. Проведенный анализ позволил выделить несколько способов интерпретации рассматриваемого концепта.

Во-первых, *Energieeffizienz* интерпретируется в контексте как качество, к приобретению которого нужно стремиться. Об этом свидетельствуют наиболее частотные глаголы, которые имеют лексему *Energieeffizienz* в качестве объекта: глаголы улучшения, повышения уровня (*steigern*, *verbessern*, *erhöhen*, *fördern*, *beitragen*). Также высокую частотность имеют сочетания с существительными от этих же глаголов: *Steigerung*, *Verbesserung*, *Erhöhung*, *Förderung*). Семантический признак «повышение уровня» прослеживается также и в прилагательных, употребляющихся в качестве частотных атрибутов лексемы *Energieeffizienz*: *verbessert*, *hoch*, *erhöht*, *steigend*.

Другим способом интерпретации рассматриваемой лексемы является представление энергоэффективности как качества, достижение которого происходит в результате целенаправленной деятельности и требует усилий. Об этом свидетельствуют такие частотные коллокации как *Maßnahme zur*, *Programm für*, *Ziel für*, *Investition in Energieeffizienz*. В эту же группу включены и глаголы *achten*, *sorgen*, *investieren*.

Наконец, третий вариант конструирования понятия *Energieeffizienz* в дискурсе – это его репрезентация как предмета обсуждения, как определенного компонента мировоззрения, перспективы, часто вербализуемой. Об этом свидетельствуют такие лексемы в контекстах как *Gesichtspunkt*, *Forum für*, *Frage von*.

Таким образом, содержание концепта *ENERGIEEFFIZIENZ* уже на первых этапах обогащается ассоциациями с охраной окружающей среды, вопросами поддержания климата и применением возобновляемых источников энергии.

Наиболее выделенными аспектами концептуального содержания в современном употреблении являются следующие: качество, которое необходимо приобрести и приумножить; состояние или характеристика, достижение которой происходит в результате целенаправленной деятельности и требует усилий; предмет обсуждения, определенный компонент мировоззрения.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Нохриц А.В. Вербализация моральных ценностей в научном экологическом дискурсе: интегральный подход (на материале английского, немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

Chernyavskaya V., Nefedov S. Are we on our own or pressed into ein kollektiv? The keyword pragmatic trajectory in the German public and political discourse: corpus-driven discourse analysis // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2022. Nr. 48. Pp. 1-34.

DeReKo – Deutsches Referenzkorpus / Archiv der Korpora geschriebener Gegenwartssprache 2023-1 (Release vom 31.03.2023). Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. URL: <https://korap.ids-mannheim.de>.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache – Referenz- und Zeitungskorpora. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/public>.

Loebner S. Understanding Semantics. London: Routledge, 2013.

Mast C., Stehle H. Energieprojekte im öffentlichen Diskurs: Erwartungen und Themeninteressen der Bevölkerung. Wiesbaden: Springer, 2016.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Elena S. Klochkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

FROM SCIENTIFIC TO PUBLIC-VALUE CONCEPT: CONCEPTUAL CONTENT DYNAMICS OF THE CONCEPT "ENERGIEEFFIZIENZ" IN GERMAN

The paper discusses historical dynamics of conceptual content exemplified by the concept ENERGIEEFFIZIENZ in German. Based on the corpus data, the study shows the transformation of the semantic features of the lexeme *Energieeffizienz*, representing the corresponding concept, from a scientific to a public-value concept.

Key words: conceptual analysis, variation of conceptual content, corpus analysis, energy discourse

ПЕРСПЕКТИВЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА В ПОСТАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Статья представляет собой попытку рассмотреть контуры новой парадигмы научного лингвистического знания, формирующейся в первой половине XXI в. В качестве исходного положения выступает тезис об особой роли, которую играет концепт HUMAN в картине мира, отражающей изменения в когнитивных и коммуникативных практиках современного общества.

Ключевые слова: парадигма, концепт, когнитивные практики, прогностический термин, антропоцентризм, постантропоцентризм

Парадигмальные сдвиги, наметившиеся в целом ряде на первый взгляд не связанных между собой дисциплин [Брайдотти 2021; Ортега-и-Гассет 1991; Феррандо 2022], свидетельствуют о попытках переосмысления как структуры и содержательного наполнения концепта HUMAN, так и его места в картине мира, в контексте сложившейся ситуации, когда реальность напоминает гибрид природного и цифрового, а такие казавшиеся ранее вечными основания культуры как антропоцентризм и гуманизм подвергаются критическому пересмотру. Дискурсивное поле новой парадигмы, которую можно обозначить как постантропоцентрическую, включает достаточно широкий диапазон теорий, подходов и практик, объединенных идеей критической переоценки как концепции существования автономного разумного субъекта, чья природа прозрачна сама по себе, так и роли нечеловеческих агентов, в том числе появившихся в результате технологического прогресса, в когнитивных и коммуникативных процессах [Susen 2021].

Эта парадигма еще находится в процессе формирования, однако ее основные черты, которые собственно и обуславливают характер дискурсивных практик, проявились достаточно четко уже во второй половине XX в., когда представителями постмодернистского направления философии была сформирована концепция, известная как «смерть субъекта». Так, М. Фуко отмечал, что субъект, понимаемый как существо, наделенное свободой воли, прекратил свое существование не только с точки зрения психоанализа с его учением о бессознательном, определяющим деятельность Я, или социальной философии с ее тезисом о сверхдетерминации человеческого мышления и поведения, но и с точки зрения естественных наук, ставящих под сомнение феномен реальности, которая дана человеку в отражении [Фуко 2007].

Отказ от классического понимания субъекта как «абстрактной монологической трансцендентальной точки, играющей роль своеобразного распорядительного разума» [Чистилина 2015: 32], ознаменовал собой переход к социальному пониманию феномена субъекта, выступающего в качестве участника определенного коллектива и участвующего в процессе коммуникации с другими членами коллектива для организации совместных действий. Иными словами, пространство коммуникативных практик становится той средой, в которой собственно и

реализуется субъект нового времени, кардинально отличающийся от автореферентного субъекта эпохи классицизма.

Принятие того факта, что мыслящий и говорящий субъект конструируется непосредственно в пространстве того или иного дискурса в актах взаимодействия с иными субъектами дискурса под воздействием целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов в известной степени определяет облик будущей парадигмы, фундаментальным принципом которой является отказ от выстраивания каких-либо иерархий, на верхней ступени которой находилась бы личность человека. Децентрализация человека, наделяющегося в антропоцентрической парадигме научного знания разного рода «привилегиями» по отношению ко всем прочим феноменам, меняет саму структуру картины мира XXI в., в которой находит свое отражение симметричность человеческого и нечеловеческого [Дюв 2015: 28], что меняет не только структуру и содержание концепта HUMAN, но и его связи с иными ключевыми концептами.

По мнению Ф. Феррандо, концепт HUMAN занимает особое место в ряду иных базовых концептов картины мира любого исторического периода, что обусловлено особенностями его становления и развития. Если большинство ключевых концептов эволюционировали в паре с соответствующими антиконцептами (GOOD: EVIL, LIFE: DEATH, TRUTH: LIE и т. д.), то развитие концепта HUMAN сопровождалось непрерывным конструированием в ментальном мире человека символических «иных», которые служили своего рода маркерами подвижных границ, определяющих кто может считаться человеком. В разные исторически периоды на эту роль претендовали животные, неевропейцы, небелые, инопланетяне, роботы, фрики и многие другие «обесцененные иные», выступающие зеркальными дополнениями, конструируемого в той или иной картине мира образа субъекта [Феррандо 2022: 54]. Таким образом, до середины XX в. процесс построения идентичности человека представлял собой непрерывное чередование концептов-отражений, возникающих вокруг центрального концепта HUMAN и исчезающих, оставляя определенную информацию в том или ином его слое.

Ситуация меняется во второй половине XX в., когда научные открытия в области генетики, кибернетики, нейропсихологии и ряде других дисциплин радикально изменили как научную, так и практическую (наивную) картину мира, что стимулировало поиск новых подходов к осмыслению феномена человеческой личности. Существенным вкладом в формирование новой идентичности человека, которая соответствовала бы реалиям стремительно изменяющегося мира, является теория киборга, предложенная в 80-х гг. XX в. американским ученым Донной Харауэй, специализирующейся в области биологии и истории сознания. В своем «Манифесте киборгов» она ставит под сомнение тезис о постоянстве и устойчивости понятия человека в его противопоставлении понятию животного и понятию машины [Харауэй 2017: 10]. Рассматривая проблему конструирования человеческой личности в контексте пластичности идентичности и роли социально навязанных идентичностей, Харауэй выдвигает концепцию киборга, или гибридной личности, в которой соединяются черты биологического объекта и машины. Данная работа представляет собой попытку переосмысления соотношения в структуре

концепта HUMAN природного, или биологического, компонента, и компонента артефактного, относящегося к сфере культуры и технологии. Артефактный компонент в структуре концепта HUMAN (перенос сознания в компьютерные сети, использование искусственных имплантов и т. п.) связан в первую очередь с усилением физических и ментальных способностей, что меняет само бытие человека, а, следовательно, и представления о человеке.

Концепция киборга является закономерным итогом развития философской мысли XX в. с ее стремлением преодолеть антагонистический дуализм между природной, или естественной стороной, человеческой личности и ее искусственными составляющими, обусловленными наукой, культурой, техникой и т. д. Таким образом, концепт HUMAN в картине мира XXI в. предстает как ментальное образование, аккумулирующее информацию из разных областей знания. Как следствие, формирование концепта происходит в первую очередь в смешанном пространстве на пересечении научного, философского, религиозного и художественного дискурсов, в котором порождаются и интерпретируются тексты широкого спектра жанров, от философско-религиозных эссе до научно-фантастических романов.

Каждый из этого множества текстов представляет собой попытку переосмысления природы человеческого существа в стремительно меняющемся мире и содержит как авторские концепции и подходы, так и новую терминологию, формируя тем самым основу для методологического и терминологического аппарата новой парадигмы. Так, английский биолог Джулиан Хаксли в 1957 г. использует в своем эссе «Новые бутылки для старого вина» термин «трансгуманизм», описывающий постоянно самосовершенствующегося человека, преследующего цель овладения недоступными ранее умениями и способностями [Nuxley 1957: 13]. В этот же период времени американский физик и математик Роберт Эттингер публикует «Перспективы бессмертия», в которой он вводит термин «иммортиализм» для обозначения программы, «направленной на максимальное увеличение сроков человеческой жизни с опорой на научные достижения» [Эттингер 2003: 57].

Представляется важным отметить, что появление подобных авторских терминов неологизмов отражает не только структурные и содержательные изменения концепта HUMAN, но и глобальную перестройку прогностической картины мира или модели мира вероятного будущего, которая представляет собой совокупность гипотез и возможных сценариев развития мировой цивилизации. Трансформации подвергаются в том числе и базовые концепты, обуславливающие процессы категоризации окружающего мира, как например, концепт TIME. Так, математик Вернон Виндж, анализируя природу времени в мире, где продолжительность человеческой жизни стремится к бесконечности, а технологическое развитие становится настолько стремительным, что научные открытия будут совершаться практически одновременно, использует термин «технологическая сингулярность» [Vinge 1993].

Итак, основным вызовом, стоящим перед когнитивной лингвистикой XXI в., является необходимость разработки методологического и терминологического аппарата, соответствующего стремительно меняющимся когнитивным и коммуникативным практикам. Решение данной задачи предполагает обращение к структуре и

содержательному наполнению концептов, претендующих на роль ключевых в картине мира XXI в., к которым, без сомнения, относится концепт HUMAN.

Литература

- Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021.
Дюв Т. Артефакт // Транслит. 2015. № 17. С. 24-47.
Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Дегуманизация искусства и другие работы. М.: Радуга, 1991. С. 500-518.
Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.
Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
Чистилина Т.А. Современные проблемы преодоления кризиса субъекта в социальной философии // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 31-37.
Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003.
Chalmers D. The singularity: A philosophical analysis // Journal of consciousness studies. 2010. № 17. Pp. 49-83.
Huxley D. New bottles for new wine. London: Chatto and Windus, 1957.
Susen S. Reflections on the post-human conditions: Towards new forms of engagement with the world // Social epistemology. 2021. Vol. 36. № 11. Pp. 63-94.
Vinge V. The coming technological singularity. URL: <https://library.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>.

Dmitry A. Kozhanov (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

PERSPECTIVES OF LANGUAGE COGNITIVE RESEARCH IN POSTANTHROPOCENTRIC PARADIGM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article presents an attempt to view the outlines of the new paradigm of scientific linguistic knowledge that is still in the process of its formation in the first part of the 21st century. The main thesis that forms the theoretical basis of the article is connected with the role that is played by the concept HUMAN in the process of reflecting changes in cognitive and communicative practices of modern society.
Key words: paradigm, concept, cognitive practices, prognostic term, anthropocentrism, postanthropocentrism

И.Ю. Колесов

(Барнаул, Россия)

Алтайский государственный педагогический университет
igor.kolesov44@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассматривается понятие языкового пространственного кода на примере концептуализации пространственных параметров в английских грамматических конструкциях, рассматриваемых в рамках теории грамматики конструкций. Языковой код пространства интерпретируется как фрагмент языковой картины мира, содержащий конструкции для выражения пространственных смыслов в английском языке.

Ключевые слова: пространственный код, грамматика конструкций, грамматические конструкции

Китайский мыслитель и поэт XVII в. Хун Цзычэн в своем творчестве представил квинтэссенцию философии классического Востока от Индии до Китая и от буддизма до даосизма, и в своей интерпретации пространства он не указывает на пространство физическое, в котором наш мир заключен, но выразил идею пространства с точки зрения нашего представления о нем, содержащемся в сознании: «Продолжительность времени определяется нашим восприятием. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, коли дух покоен, один день сравнится с тысячей веков, а коли помыслы широки, крохотная хижина вместит в себя целый мир» [Афоризмы старого Китая, 1988: 143]. Важно подчеркнуть, что не физическое пространство имеет для человека значение, а его «человеческое» измерение как результат концептуализации мира и его категоризации разумом человека.

В современной антропоцентрической парадигме язык в целом и все его единицы, структуры и подсистемы рассматриваются как результат познания мира. В еще большей мере это относится к функционированию языка, поскольку использование вербальных средств отражают коммуникативную востребованность тех способов изображения мира, которые складываются в когнитивной деятельности говорящих в рамках определенной культуры. Анализ языка на пересечении когниции и коммуникации стал целью когнитивно-дискурсивного подхода, в рамках которого прежде всего значимо то, как в языке репрезентируются результаты познания, осмысления «положений дел» в мире, как формируются, хранятся и транслируются системы знаний [Кубрякова 2004; Болдырев 2018].

Языковой пространственный код анализируется нами в двух аспектах: как явление когниции, обусловленное культурой, так и как явление коммуникации, которая осуществляется в соответствии с востребованными в данной культуре нормами, форматами и в формах, являющихся семиотически конвенциональными для носителей данного языка. Уже много было сказано не о взаимодействии, а о взаимопроникновении языка и культуры, о том, что процесс языкового воплощения знания о мире протекает в широком культурном контексте, а онтология языка связана с работой мышления. Это означает, что язык служит инструментом семиотизации (символизации), обращения в языковую форму того, что является результатом мышления народа, говорящего на данном языке.

В каждом языке символизация протекает по определенным когнитивным «меркам» и в соответствии с принципами, сложившимися в когнитивной деятельности, поскольку основой природы языка является его тесная связь, параллельность с мыслительной деятельностью [Кибрик 1993: 11]. Благодаря функции интерпретации, которую выполняет язык как часть культуры и мышления, отражаемые в сознании и перерабатываемые с использованием языка знания структурируются в различных форматах: схемы, фреймы, сценарии, гештальты, понятия, концепты и др.

Пространственная картина мира складывается в течение длительного социокультурного развития человека в целом как вида, и в частности, как результат познавательной деятельности народа в рамках этнической культуры. Соответственно, говоря о пространственных представлениях, образах, понятиях, сло-

жившихся в систему семиотических структур, мы разграничиваем универсальные и этнокультурные компоненты пространственной картины мира. Иными словами, в результате познания мира пространство оказалось когнитивным инструментом формирования общекультурного – универсального – знания о мире, например, разграничение верха и низа, передней и задней частей тела, левых и правых сторон объектов, внешних поверхностей и внутренних полостей объектов и т. п. Это является значимым в описании не только пространства, но членов многих иных категорий, включая такую абстрактную категорию бытия, как время: *впереди долгая счастливая жизнь, позади все невзгоды и печали* и т. п.

Пространственный код в английском языке представляет собой структуры, содержательные формы, которые стали неотъемлемой и специфической для данного языка «культурной традицией» говорить о пространстве так, как в данном языке стало востребованным и принятым. Эту традиционность способов семиотизации когниции о пространственных параметрах бытия мы и рассматриваем как *код культуры* для выражения моделей и способов концептуализации пространства в языке.

Э. Сепир писал, что опыт как содержание мышления конкретен и не имеет ограничений, чего нельзя сказать о средствах языка, который вынужден бесчисленное количество значений разносить по тем или иным основным концептуальным рубрикам [Сепир 1993: 88]. В теории Н.Н. Болдырева это «формы языкового сознания, которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира, его первичной и вторичной языковой репрезентации и интерпретации, т. е. модели и когнитивные схемы репрезентации и интерпретации самих объектов, событий, их характеристик и интерпретации имеющихся коллективных знаний о них» [Болдырев 2018: 16]. В связи с этим можно сказать, что не онтология физического пространства сама по себе, не физические параметры имеют значимость и важны в освоении человеком своего мира, а их непосредственное восприятие и осмысление в данной культуре, сложившиеся в определенные формы и форматы знания.

Конструкции языка, являющиеся элементами пространственного кода (кода культуры) в английском языке, могут быть представлены на основе подхода грамматики конструкций, которая может быть использована в анализе разнородных языковых единиц и структур, отвечающих принципам грамматических конструкций (ГК): отрицание четкой границы между грамматикой и словарем (семантика конструкции не мотивирована ее компонентами; перенесение центра внимания на подвижность, изменчивость лексического значения отдельных единиц словаря под воздействием их непосредственного окружения («вбирая в себя») лексическое наполнение, ГК определяет семантические и грамматические свойства компонентов); отказ от статичного взгляда на язык, при котором высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений и регулярным грамматическим правилам (ГК является результатом когнитивного конструирования референтной сцены, обеспечивает интерпретацию реальности); основными единицами языка оказываются не лексемы и не правила, а конструкции разной величины, степени

сложности и уровня абстракции (виды отношений внутри ГК включают «элемент – конструкция» и «элемент – элемент», внешние отношения ГК – это семантические отношения «ГК – высказывание», не интегрируя ГК в лексический либо грамматический строй языка).

Обратимся к ГК «N-scape», в которой воплощены в первую очередь концептуализации многообразных референтных сцен природного и урбанического пространства, но благодаря своему когнитивному потенциалу, данная ГК используется для осмысления различных иных нефизических «пространств», в которых актуализируется та же образно-схематическая репрезентация пространства, которое ограничено – границами физическими или мыслимыми, оно воспринимается субъектом или осмысляется как целостный фрагмент реальности, т. е. служит когнитивным инструментом для социальных, информационных, абстрактных видов пространств: *landscape, cityscape, townscape, riverscape, seascape, moonscape, wildscape, skyscape, roomscape, aquascape, roofscape, snowscape*, etc. (физическое); «*Kidscape*» – благотворительная организация помощи детям, защиты детей (социальное); *informationscape* (информационное); «*Mindscape*» – международный производитель программного обеспечения, обращенный своими продуктами к ментальному миру, пространству мышления и мозга; «*Dreamscape*» – портал виртуальной реальности, переносящий пользователей в вымышленный мир грез, а также направление в современной музыке, так же уносящее слушателей в другие миры: *music that helps you escape*. Даже небольшого количества примеров данной конструкции достаточно, чтобы показать ее когнитивный потенциал как элемента пространственного кода: знание о физическом пространстве используется как формат знания об иных пространствах при их концептуализации.

Элементом пространственного кода являются конструкции, построенные на основе концептуальных ориентационных пространственных метафор, репрезентированными в ГК «Adj-hearted» и «Adj-minded», которые обозначают эмоциональные и ментальные состояния. В основе концептуализации указанных состояний используется образ-схема, в которой салиентными (выделенными) являются параметры вертикали и горизонтали благодаря использованию прилагательных *broad, shallow, down, deep, low, high*. Понятно, что нет буквального соответствия между эмоциональными либо интеллектуальными состояниями и параметрами ширины, глубины, высоты. Однако знания о данных пространственных параметрах используются при их категоризации. Приведем примеры: *deep-hearted* (испытывающий глубокую сердечную привязанность), *down-hearted* (упавший духом, унылый), *high-hearted* (храбрый, мужественный), *low-hearted* (малодушный), *shallow-hearted* (легкомысленный, неглубокий).

Подводя некоторый итог осмыслению понятия языкового пространственного кода, который, несомненно, является одним из многих кодов культуры (в этнокультурном кодировании выделяют также числовой код, колоративный код, предметный код, соматический код, темпоральный код и др.), следует обратить внимание на то, что он является специфическим результатом развития культуры а его когнитивным содержанием является восприятие мира и формирование структур знания, отвечающих за семиотизацию мира в рамках данного кода.

Литература

Афоризмы старого Китая. М.: Наука, 1988.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Кибрик А.Е. Э. Сепир и современное языкознание // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс – Универс, 1993. С. 5-22.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

*Igor Yu. Kolesov (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

ENGLISH LINGUAL SPACIAL CODE IN VIEW OF CONSTRUCTION GRAMMAR

The article outlines the notion of lingual spacial code expressed in English by grammatical constructions viewed in terms of Construction Grammar theory. The lingual spacial code is understood as an area in the lingual map of the world that embraces structures in the English language expressing spacial meanings.

Key words: lingual spacial code, construction grammar, grammatical constructions

*О.Н. Кондратьева (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru*

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются лингвокреативные проявления метаязыковой деятельности русскоязычных пользователей сети Интернет, в частности, анализируются метаязыковые игры, посвященные семантическим и стилистическим модификациям, которые претерпевает в 2020 году лексема *обнуление*. Материалом исследования являются анекдоты, представленные на сайте «Анекдоты из России».

Ключевые слова: юмористический сетевой дискурс, метаязыковая рефлексия, метарефлексивы, метаязыковые игры, анекдот, обнуление

Сетевое общение благодаря своим базовым особенностям, заключающимся в анонимности, демократизме, интерактивности, спонтанности, достаточно быстро превратилось в одну из доминирующих форм коммуникации. При этом в «значительной части его жанров преобладает шутливо-ироническое и/или игровое (по некоторым оценкам, даже «игроделическое») отношение к самой сетевой коммуникации, к собеседнику, теме и языку Сети» [Мечковская 2006: 168]. Лингвокреативность и склонность к «расширенной и интенсивной метаязыковой рефлексии» большинства участников Интернет-коммуникации проявляется в использовании при метарефлексировании разнообразных форм языковой игры. Продемонстрируем это на примере анализа метарефлексивов, содержащихся в русскоязычном юмористическом сетевом дискурсе и посвященных одному из ключевых слов текущего момента – слову *обнуление* и его многочисленным производным.

Изначально лексема *обнуление* обладала достаточно низкой частотностью и

имела вполне бытовое значение: «1) ‘действие по глаголу *обнулять, обнулить*, приравнение чего-либо к нулю’; ‘присваивание нулевого значения чему-либо’; 2) ‘приведение чего-либо в исходное состояние, сброс данных’ (*техн.*); 3) ‘уничтожение, стирание’ (*перенос.*)» [Викисловарь 2020]. Как видим, в дефиниции лексемы совершенно отсутствовал какой-либо политический подтекст, однако позднее в словарной статье появился четвертый пункт – «*полит. жарг.* ‘пересмотр конституционных ограничений, позволяющий действующему главе государства вновь избираться на свой пост без учета прежних сроков’» [Викисловарь 2023].

Событием, запустившим изменения в семантике слова, послужило выступление на заседании Государственной думы Валентины Терешковой, предложившей обнулить предыдущие президентские сроки, что вызвало широкий общественный резонанс, в результате лексема *обнуление* практически в 10 раз увеличила частотность употребления, стала основой для появления значительного числа новых дериватов (см. подробнее в [Кондратьева, Денисова 2022]) и превратилась в итоге в ключевое слово текущего момента, «после *заработала языковая рефлексия* (выделено нами. – *О.К.*)» [Павельева 2020].

Действительно, лексема *обнуление* в 2020 г. становится объектом интенсивной метаязыковой рефлексии в разных видах дискурса (научном, медийном, сетевом и др.). Например, в издании «Бизнес-Online» содержится статья с метаязыковым по своей сути заголовком «*Сейчас модное слово «обнуление». Оно подходит ко всему*» [Бизнес-Online 2020], сопровождающаяся метаязыковыми комментариями читателей, которые не только развивают предложенную в заглавии тему модности слова (метаоператоры *модное, ключевое*), но и дают оценку лексеме (метаоператоры *красивое, гуманное*) и обращают внимание на изменение ее семантики (метаоператор *новое значение*): «**Обнуление**, кажется *стало ключевым словом этого года* (Аноним); «**Обнуление**» конечно *красивое, гуманное слово* (Аноним); *Слово «обнуление» в настоящее время приобрело совершенно новое и, причем, странное, таинственное (уму непостижимое) и жуткое значение (несмотря на универсальность этого слова)* (Аноним). Здесь и далее все примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

Наиболее активно слово *обнуление* обсуждалось в юмористическом варианте сетевого дискурса, пользователями были созданы многочисленные анекдоты и мемы, содержащие названную лексему и ее производные. Например, на сайте «Анекдоты из России» в течение трех месяцев появилось 116 анекдотов подобного плана (некоторые анекдоты впоследствии подверглись модерации и были удалены с сайта), 32 из которых содержали в себе элементы метаязыковой рефлексии относительно значения лексемы и особенностей ее написания. Естественно, что в анекдотах подобная метаязыковая рефлексия носит юмористический характер. Вслед за Т.А. Гридиной и С.С. Талашмановым квалифицируем подобные случаи как метаязыковые игремы, «в основе которых лежит нестандартная (остроумная) интерпретация правил порождения, употребления, функционирования разноуровневых единиц языка, отражающая свободное отношение пользователей Сети к «установлениям» нормы и отрицание лингвистических канонов» [Гридина, Талашманов 2019: 32].

В анекдотах чаще всего метаязыковая игра представляет собой юмористические попытки дефинирования лексемы *обнуление*. Закономерно, что употребляя слово в новом, отличном от традиционного значении, автор зачастую «вынужден во избежание коммуникативного сбоя комментировать это отступление» [Вепрева 2005: 102-104], участники юмористической сетевой коммуникации, на интуитивном уровне ощущающие семантические трансформации, которые переживает лексема *обнуление*, также сопровождают использование названной лексемы метаязыковыми комментариями.

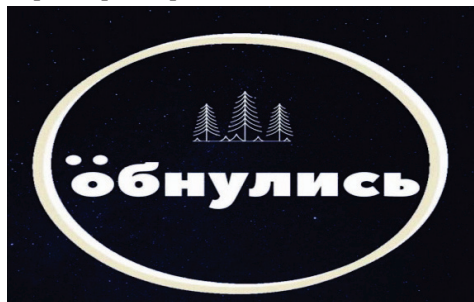
В игровых толкованиях лексемы *обнуление*, предлагаемых участниками сетевой коммуникации, происходит сопряжение правового и политического процессов с бытовыми реалиями. На языковом уровне это достигается за счет обыгрывания устойчивого выражения «стрижка под ноль»: *А я думал, что **обнуление** это **стрижка под ноль**, смотрю у нашего лидера с прической все нормально, в чем прикол?* (20.03.2020) либо за счет обыгрывания второго значения лексемы *обнуление* – ‘сброс данных, показаний приборов’: *Зря хихикаете... **Обнуление** – специальный юридический термин с конкретным смысловым наполнением. При **обнулении** предыдущего, в отличие от переизбрания, **обнуляются и все ранее данные обещания**, как-то: не трогать конституцию, не повышать пенсионный возраст, 25 высокотехнологичных рабочих мест, средняя зарплата 2700 долларов, удвоение ВВП...* (15.03.2020).

Слово, развившее новые значения и расширившее область своего употребления, подвергается в анекдотах также оценке, в результате отмечается понижение его стилистического статуса от нейтрального до «пошлого»: *А ведь **раньше** слово «**Обнуление**» казалось нормальным, а теперь и его опошили...* (15.03.2020).

Особый блок образуют анекдоты, апеллирующие к знанию участниками сетевой коммуникации основных правил русского языка, к числу которых относятся правила по написанию безударных гласных. Создатели анекдотов обыгрывают наличие двух вариантов корня ‘нол’ / ‘нул’ и выбор «правильного» варианта написания предлагают решать за счет соотнесения проблемной лексемы с именем и фамилией действующего президента, которого напрямую касается новая поправка в Конституцию страны. При этом предлагается два варианта проверки написания: во-первых, подбор проверочного слова, в котором вызывающий сомнение гласный окажется под ударением: – *Как правильно писать **ноль**, или **нуль**? – Деревня, конечно **нуль**, проверочное слово **пУтин**. Не **пОтин** же* (21.03.2020) или, во-вторых, замена слова с вызывающей трудностью орфограммой на то, в написании которого автор уверен: «***ОбнОленный**» или «**обнУленный**»? – пиши просто: «**Наши дорогой, бессменный, Владимир Владимирович**»...* (20.03.2020).

К метаязыковым играм, спровоцированным активизацией в сетевом лексиконе слова *обнуление*, можно также отнести игровое по своей сути образование нового слова, представляющего собой контаминацию двух лексем: глагола *обнулись* в прошедшем времени и созвучного ему обценного глагола, а также ука-

знание на введение для корректного написания этого слова в русский алфавит новой буквы – буквы о с двумя точками (по образцу придуманной Н.М. Карамзиным буквы ё): **Новое матерное слово: Обнулись. Ударение на 1-ю букву** (13.03.2020); **Похоже в современном русском алфавите появилась новая буква: о с двумя точками наверху** (13.03.2020). Метаязыковые комментарии такого типа являются отражением отношения пользователей Рунета к предложенной поправке в Конституцию. Подобные метаязыковые рефлексивы зачастую сопровождаются визуальным рядом, пример которого представлен ниже.

Таким образом, анализ метарефлексивов, посвященных семантическим и стилистическим модификациям, которые претерпела в 2020 г. лексема *обнуление*, подтверждает тезис о повышенном уровне метаязыковой рефлексии пользователей Сети, чутко реагирующих, в том числе и в игровой форме, на любые языковые изменения. Кроме того, поскольку метаязыковой аспект юмористической сетевой коммуникации представляет собой «некий «симбиоз» представлений о языке в их проекции на сферу социальных и межличностных отношений, отражаемых сознанием пользователей Сети» [Гридина, Талашманов 2019: 37], анализ метаязыковых рефлексивов игровой природы дает возможность не только решать собственно лингвистические задачи, но и позволяет эксплицировать отношение рядовых пользователей к тем событиям в сфере политических и социальных отношений, которые послужили триггером языковых преобразований.

Литература

- Анекдоты из России. URL: <https://www.anekdot.ru>.
Бизнес-онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/462172>.
Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org>.
Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.
Гридина Т.А., Талашманов С.С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3. С. 31-37.
Кондратьева О.Н., Денисова Э.С. Вербально-деривационная репрезентация концепта «обнуление» в юмористической политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 111-120.
Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165-185.
Пальвелева Л. «Самонзоляция», «обнуление» и другие ключевые слова года // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/30946175.html>.

METALANGUAGE REFLECTION IN THE RUSSIAN-LANGUAGE HUMORIC ONLINE DISCOURSE

The article examines the linguistic and creative manifestations of metalinguistic activity of Russian-speaking Internet users, in particular, it analyzes metalinguistic gamemes dedicated to the semantic and stylistic modifications that the lexeme *zeroing* undergoes in 2020. The research material is anecdotes presented on the website “Anecdotes from Russia”.

Key words: online discourse, metalinguistic reflection, metareflexives, metalinguistic gamemes, anecdote, zeroing

М.В. Кононова (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
kononova-mari-1996@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ В РЕЧЕВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК – ЗАПАД», «СВОЙ – ЧУЖОЙ»)

В статье постулируется идея о том, что СМИ в ходе реализации речевого воздействия используют нейтральные по своей природе концепты и категории с целью формирования у реципиента определенной языковой картины мира. В ней также отмечается роль процессов концептуализации и категоризации в контексте подобной пропаганды.

Ключевые слова: речевое воздействие, концепт, концептуализация, категория, категоризация, политический дискурс, языковая картина мира

Природе человека свойственно познание окружающей действительности во всей совокупности составляющих ее элементов. Более того, гносеологическая сторона жизни индивидуума играет преобладающую роль: человеку необходимо понимать механизмы функционирования окружающей его среды, ее устройство, а также то, как взаимосвязанные единицы взаимодействуют друг с другом [Евсеева 2011: 90]. Все перечисленное составляет **картину мира**. В соответствии с определением, предложенным Т.Г. Утробиной, данное понятие трактуется как «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» [Утробина 1997: 72]. В свою очередь, Т.В. Цивьян рассматривает картину мира как «человек и среда в их взаимодействии, или как результат переработки информации о среде и о человеке» [Цивьян 1990: 5]. В таком случае отобразенная в сознании человека картина мира, по утверждению Г.В. Колшанского, «есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме» [Колшанский 1990: 15]. Данной материальной формой выступает язык, который «является важнейшим способом формирования и существования знаний о мире... в нем отображается и интерпретируется реальность» [Власова 2012: 62]. Как указывает М.А. Лазарев, «в силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир» [Лазарев 2014: 470]. По его мнению, картина мира «представ-

ляет собой динамическую систему дискретных ментальных образований, в которых и фиксируются значимые фрагменты мира и аспекты бытия» [там же].

Таким образом, для формирования картины мира полученным в ходе познания данным необходимо пройти обработку в сознании человека. Имеющиеся сведения впоследствии находят отражение в процессах **концептуализации и категоризации**. **Концептуализация** представляет собой «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которые приводят к образованию определенных представлений о мире в виде концептов» [Коннова 2012: 34]. Данный процесс ориентирован на вычленение и усвоение явлений и процессов в ходе познавательной деятельности человека. В свою очередь, **категоризация** предполагает как структурирование полученной информации на основе объединения сходных или идентичных содержательных единиц в более крупные группы – категории, так и «мысленное соотнесение объектов или событий с определенной категорией» [там же: 34-35].

Восприятие действительности осуществляется на протяжении всей жизни человека. Немаловажную роль в формировании представлений о происходящем в мире играют СМИ, в основе которых лежит «дискурс «активных социальных групп», и прежде всего – политиков» [Никулина 2017: 147]. Как отмечает Д.Е. Никулина, «связь между политикой и языком проявляется главным образом в том, что без коммуникации не может существовать ни один политический режим. <...> Спецификой политики, отличительно от других областей человеческой деятельности, является ее преимущественно дискурсивный характер: большинство политических действий по своей природе – это речевые действия» [Никулина 2017: 147; цит. по: Edelman 1977]. Ж.Е. Гостева под **политическим дискурсом** понимает «идеологически значимую коммуникацию в сфере политики» [Гостева 2012: 40; цит. по: Горбачев 2000]. Также Ж.Е. Гостева указывает на **противопоставление дискурса и пропаганды** в рамках социологических и политологических исследований, рассматривая их как «видовые понятия (две формы политической коммуникации) к гиперониму коммуникация» [Гостева 2012: 41]. По ее мнению, дискурс представляет собой «инструмент познания реальности» [там же]. Не менее важным является замечание о том, что дискурс связан с языковой картиной мира. Подтверждением служит то, что «дискурс направляется и строится с опорой на языковую картину мира и изменяется по мере ее обновления. <...> Обратное также верно: политические дискурсы эксплицитно и имплицитно формируют политическую модель мира» [там же: 41-42].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что, подбирая концепты и категории так, чтобы сформировать необходимое адресанту видение ситуации в умышленно коннотативном ключе, СМИ осуществляют **речевое воздействие** (далее – РВ) [Гришечко 2008: 54]. И.А. Стернин понимает РВ как «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2001: 51].

Исходя из сказанного, можно проследить, как, оперируя теми или иными

концептами и категориями, СМИ способны «навязать некую установку или ценность, которая начинает восприниматься людьми как нечто естественное, истинное и подлинное и, таким образом, как нечто, что выражается спонтанно и без принуждения» [Гостева 2012: 41; цит. по: Блумер 2007]. Другими словами, мы можем рассмотреть те случаи, в которых СМИ на основе речевого воздействия формируют определенную картину мира у реципиента.

В статье The Wall Street Journal the West представляет собой концепт ЗАПАД [The Wall Street Journal: URL]. Как правило, концепт СТРАНЫ ЗАПАДА включает государства западной Европы и Северной Америки. Однако, учитывая политические реалии последних десятилетий, наполнение данного концепта претерпело изменения: к существующему списку западных стран также можно отнести Израиль – форпост западного мира на Ближнем Востоке [РБК: URL]. Концепт ЗАПАД по своей природе находится в категориальных отношениях противопоставления странам восточного мира – концепту ВОСТОК, образуя, тем самым известную в социологии **дихотомию «Восток – Запад»** [Добренков 2020: 15]. В современных политических реалиях концепт ВОСТОК в отличие от прежних о нем представлений как о преимущественно арабском мире на данный момент также включает Россию, Китай и др. [Синчук 2016: 82-83].

В статье The Wall Street Journal отмечается, что Западу требуется оружие для борьбы с восточным миром [The Wall Street Journal: URL]. Тем самым подтверждается категория противопоставления («свой – чужой») в рамках двух концептов ЗАПАД и ВОСТОК. Кроме того, на подобное противостояние указывает пример из The New York Times: «In Washington, two political parties ... are united in their depictions of China as a geopolitical rival and a mortal threat ... In Beijing, leaders accuse the United States of plotting to deny China's rightful place as a superpower» [The New York Times]. В приведенной цитате концепты ЗАПАД и ВОСТОК представлены столицами США и Китая – Washington и Beijing соответственно. Идея взаимного противопоставления заложена в таких лексических единицах как geopolitical rival и a mortal threat, коннотация которых предполагает негативное отношение к тому, в отношении кого употреблены данные слова. Это также подтверждается материалами [The Washington Post: URL; The Reuters: URL; The Guardian: URL].

Таким образом, анализ примеров подтверждает, что в ходе РВ нейтральные по своему значению концепты и категории способны в зависимости от целей СМИ приобретать те или иные умышленные коннотации, необходимые адресанту для формирования у реципиента определенной картины мира.

Литература

- Власова Е.А. Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 61-65.
- Горбачев Е.В. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления // Вестник Самарского гос. ун-та. Серия: языковедение. 2000. № 3.
- Гостева Ж.Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации // Известия ВГПУ. 2012. № 6 (70). С. 40-42.
- Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т. 2008. № 4. С. 53-59.

- Добренков В.И. Глобальный конфликт между Западом и Востоком как следствие либеральной глобализации // Социология. М.: Академический проект. 2020. № 2. С. 11-22.
- Евсеева И.В. Категоризация и концептуализация знания: теоретические проблемы // Вестник Кемеровского ГУКИ. Серия: филология. 2011. № 16. С. 90-96.
- Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука. 1990.
- Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012.
- Лазарев М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // Гуманитарное пространство. 2014. № 3. С. 465-475.
- Никулина Д.Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). С. 147-149.
РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2024/659771e99a794780f901a69b>.
- Синчук Ю.В., Родионов А.А. Россия и Китай – стратегический разворот на Восток // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2016. № 764. С. 78-85.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. М.: РГБ, 2001.
- Утробина Т.Г. Языковые средства репрезентации концептуальной картины мира (на материале сатирических рассказов М.М. Зощенко 1920 годов) // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. С. 72-81.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы Балканской модели мира. М.: Наука. 1990.
- Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. N.Y.: Academic Press, 1977.
- The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/04/false-flag-or-genuine-attack-what-we-know-about-the-kremlin-drone-incident>.
- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/14/business/us-china-economy-trade.html>.
- The Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/expect-more-turbulence-us-china-2024-2023-12-20>.
- The Wall Street Journal. URL: https://www.wsj.com/politics/national-security/missiles-demand-threats-wait-to-buy-them-is-years-long-3332c151?mod=hp_lead_pos7.
- The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2023/06/10/us-china-business-relations-political-risk>.

*Maria V. Kononova (Orel, Russia)
I.S. Turgenev Orel State University*

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION IN MEDIA PERSUASION BASED ON THE “EAST – WEST”, “FRIEND – FOE” DICHOTOMY

The article notes that while implementing persuasion the media use concepts and categories neutral in nature in order to form a certain language picture of the world with the recipient. The paper also highlights the role of conceptualization and categorization processes in the context of propaganda.

Key words: persuasion, concept, conceptualization, category, categorization, political discourse, language picture of the world

НЕМЕЦКИЙ СУБСТАНТИВИРОВАННЫЙ ИНФИНИТИВ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В докладе в русле когнитивно-прагматического подхода рассматривается проблема этнокультурной специфичности немецкого субстантивированного инфинитива. Показана связь этноспецифики с рациональным способом мышления и стремлением к созданию детализованной картины мира.

Ключевые слова: субстантивированный инфинитив, немецкая лингвокультура, этноспецифика, рационализм, упорядочение

Лингвокультурный поворот в исследованиях системы и функционирования языка высветил проблему идиознических языковых средств, придающих уникальность как языковой системе, так и текстам, созданным с их помощью. Нельзя сказать, что это абсолютно новая проблема. Лингвистов постоянно привлекают явления, специфичные для определенного языка. На материале немецкого языка это отразилось в многочисленных исследованиях порядка слов в разных типах предложений, в описании особенностей функционирования отрицания, употребления временных форм индикатива и конъюнктива. Особенно продуктивными оказываются здесь контрастивно-сопоставительные исследования, показывающие разницу в системе языков и употреблении отдельных языковых средств. Так, в русской грамматике понятие «субстантивированный инфинитив» (далее – СИ) отсутствует, поскольку русский инфинитив не субстантивируется. Немецкому СИ соответствует в русском языке отглагольное имя существительное, например, *das Schweigen* – молчание, *das Lesen* – чтение и др. Сам этот факт говорит об этноспецифическом статусе немецкого СИ.

Легкость субстантивации инфинитива в немецком языке не могла остаться незамеченной лингвистами. Исследование этого явления в диахроническом и синхроническом планах проведено, в частности, в работах Ю.В. Ланских, в которых показана глубокая историческая укорененность субстантивированного инфинитива определен его статус как синтаксической конверсии [Ланских 2015; 2019]. Однако в литературе представлено и другое мнение относительно статуса СИ в немецком языке. И.В. Волкова считает СИ особой субстантивной формой глагола с семантикой процессуальности. Подтверждением доминирования имплицитных глагольных свойств этой формы над эксплицитными именными свойствами является соответствие ей герундия в английском языке. Важным является вывод автора о возможности передачи категории вида через форму имени существительного [Волкова 2015: 153]. Имеющиеся разногласия не позволяют считать проблему СИ в немецком языке решенной.

Остается открытым и вопрос о мотивации выбора СИ немецкой языковой личностью, т. е. соотношения проблемы с прагматикой, с менталитетом этноса и особенностями немецкой языковой личности. С нашей точки зрения, проблема

состоит в концептуализации акциональной ситуации посредством ее опредмечивания на основе опыта немецкой ментальности. Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении специфики такой концептуализации в немецкой лингвокультуре, а также связи выбора СИ в качестве репрезентанта ситуации в немецком языке с особенностями менталитета немецкого этноса, которые выявляются через немецкую языковую личность.

Материалом статьи послужил роман современного немецкого писателя Уве Тимма «Vogelweide», который, насколько нам известно, еще не переведен на русский язык. Выбор пал на этот роман, поскольку его текст насыщен субстантивированными инфинитивами, многие из которых используются автором в качестве стилистического средства. Повествование ведется от 3-го лица, автор выступает в функции наблюдателя, недиегетического нарратора, тем не менее, он нередко прибегает к приему переключения перспективы повествования на персонажей, передавая их внутренний мир, а порой и прямые высказывания. На наш взгляд, представляющий гипотезу исследования, одним из способов такого переключения является использование СИ.

Исследование выполнено в когнитивно-прагматическом русле в опоре на один из базовых концептов немецкой культуры, лежащий в основе немецкого менталитета, – РАЦИОНАЛЬНОСТЬ. Для подтверждения этноспецифики СИ применяется метод перевода на русский язык.

Перевод обозначения действия или события в абстрактное отглагольное имя представляет собой сложную когнитивную операцию, которую автор, согласно нашей гипотезе, делегирует персонажу, погружая его в непосредственное восприятие некоторой акциональной или событийной ситуации. В сознании персонажа происходит концептуализация ситуации с помощью обобщающего абстрагирования, репрезентантом которого избирается СИ. В этом преобразовании явно прослеживается рациональное зерно, позволяющее представить ситуацию в форме имени. В пользу переключения авторской перспективы на персонажную свидетельствует, на наш взгляд, то, что ситуация «извлекается» в свернутом виде из темпоральной повествовательной цепочки и становится предметом размышления персонажа. Репрезентация ситуации с помощью абстрактного имени представляет «внешнюю перспективу» индивида, объективирует его видение мира в виде концепта.

Обратимся к материалу. В романе Тимма представлены две основные проблемы: взаимоотношения между людьми и отношение человека к природе. Этим темам посвящены приводимые далее ситуации. Основное внимание при анализе уделяется семантике и функциям артикля, сопровождающего СИ в качестве репрезентанта концептуализируемой ситуации, роли СИ в формировании картины мира немецкой языковой личности, а также способам переключения перспективы автора.

Функции СИ с неопределенным артиклем

Ситуация 1. Спеша со свидания в ресторане на деловую встречу, главный герой Эшенбах переживает, что он вынужден покинуть женщину, которую он успел полюбить.

(1) *Für ihn war es stets eine peinliche Vorstellung, allein in einem Restaurant sitzen zu bleiben, ein Zurückbleiben wie ein Verlassenwerden. Ein Ausgesetztsein zwischen neugierigen Fremden.* – (1a) Для него всегда было мучительно представлять, что остаешься один в ресторане: остаться одному – все равно, что быть покинутым. Стать предметом любопытства чужих людей (зд. и далее перевод мой – О.К.)

Приведенный фрагмент начинается с авторской характеристики, нарушающей последовательную темпоральную перспективу, которая выдерживается в прошедшем времени, введением наречия *stets*, придающим претеритному предикату значение повторяемости. Три следующих за авторским введением в ситуацию СИ переводят читателя в перспективу Эшенбаха, который соотносит вознившую ситуацию со своим предыдущим опытом. Неопределенный артикль имеет здесь обобщающе-резюмирующую семантику, выступая в анафорической функции (ср. [Кашкин 2001: 117]). Определенная ситуация, персонаж упорядочивает свою картину мира.

Ситуация 2. Совместный выезд на природу соперников, подводя итог которому, Эшенбах размышляет:

(2) *Es war ein ruhiges Tun, wie sie gemeinsam bis in die Dunkelheit arbeiteten.* – (2a) Сообща они спокойно работали вплоть до темноты.

Здесь неопределенный артикль обнаруживает шифтерный характер, поскольку, с одной стороны СИ обращен к предтексту, а с другой стороны, далее следует расшифровка совместного делания, т. е. реализуется катафорическая функция артикля.

Показательно, что аспектуальное значение длительности передается формой имени существительного (1), (2), а также во многих других случаях (*nach einem Schweigen, ein Reden, ein ängstliches Erstaunen* и др.). СИ выступает при этом в функции ремы.

Функции СИ с определенным артиклем

Ситуация 3. Размышления Эшенбаха о сущности любви:

(3) *Aber war nicht das, was er seine Liebe nannte, der allergrößte Zwang? Nein, sagte er für sich, es ist ein Geschenk und der Zwang nicht anders zu können. Das Nicht-anders-Können ist die Hingabe. Eine Gabe.* – (3a) Но не было ли то, что он называл своей любовью, величайшим принуждением? Нет, сказал он себе, это подарок и внутренняя необходимость не поступать по-другому. Это готовность целиком отдать чувству. Талант.

В приведенном фрагменте автор прямо передает перспективу персонажу, который концептуализирует описанную выше ситуацию, репрезентируя ее с помощью СИ. Определенный артикль детерминирует СИ в типичной для таких случаев функции грамматического субъекта – темы высказывания. В перспективе текста СИ выполняет анафорическую функцию, типичную для сопровождающего его определенного артикля.

Ситуация 4. Анна высказывает свое отношение к рыбалке:

(4) *Ich mag das nicht, ich mag es nicht, wenn die Fische am Haken hängen, das Zucken und Schlagen, dieses wilde krampfartige Sterbenmüssen.* – (4a) Я не люблю

это, я не люблю, когда рыба висит на крючке, дергается и бьется, эта дикая судорожная необходимость умереть.

В этом фрагменте СИ с определенным артиклем передают новую для читателя информацию, раскрывая, детализируя картину мира Анны. Определенный артикль детерминирует СИ, имплицитно аспектируя потенциал целостности (ср. [Аверина 2022]). В качестве аспектируемых детерминантов в романе часто используются также указательные и притяжательные местоимения (*dieses Überredenwollen, in diesem Nicht-fragen-Können, von seinem Nicht-ein-noch-aus-Wissen* и др.).

Подводя итоги, отметим, что немецкий СИ представляет собой уникальный этнокультурный феномен, реализующий потенциал рациональной немецкой ментальности – стремление к детализованной картине мира, создаваемой на основе рационального типа мышления. Уникальность СИ не позволяет использовать дословный перевод высказываний, содержащих этот феномен. Исследование подтвердило гипотезу о возможности использования СИ в качестве средства переключения перспективы нарратора, что сближает недиегетического нарратора с диегетическим. Что касается статуса СИ, то этот вопрос остается открытым, так как эта языковая единица обнаруживает как глагольные, так и именные свойства.

Литература

Аверина А.В. Аспектируемый потенциал артикля и падежных форм в немецком языке // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2022. № 2. С. 17-28.

Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 147-154.

Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: ВГТУ, 2001.
Ланских Ю.В. Субстантивированный инфинитив. Диахроническая перспектива // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 20 (731). С. 289-300.

Ланских Ю.В. Субстантивированный инфинитив как событийное имя (синхронно-диахронное рассмотрение) // Вестник ТвГУ. Серия: филология. 2019. № 4 (63). С. 85-89.

Olga A. Kostrova (Samara, Russia)
Samara State University of Social Sciences and Education

GERMAN SUBSTANTIVIZED INFINITIVE AS AN ETHNIC SPECIFY PHENOMENON

The paper deals with the problem of German substantivized infinitive that is regarded as an ethnic specify phenomenon. In the research, the cognitive and pragmatic approach is used. The author shows the connection of ethnic specify with rational mentality of German nation and its aspiration to detailed world picture.

Key words: substantivized infinitive, German linguaculture, ethnic specify, rationalism, ordering

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ*

Устанавливается специфика метафорического нарратива об искусственном интеллекте в текстах русскоязычных СМИ. Показаны ценностные импликации антропоморфных и зооморфных метафорических моделей, определяющие оценочное восприятие этой новой технологии русскоязычной непрофессиональной читательской аудиторией.

Ключевые слова: медийный дискурс, ценность, концептуализация, импликация, метафорическая модель

Новые технологии, такие, как искусственный интеллект (ИИ), репрезентируются в различных типах дискурса – научном, техническом, экономическом, рекламном и др. Средства массовой информации интерпретируют различные экспертные оценки, мнения и суждения и транслируют их широкой аудитории, оказывая воздействие на сознание участников медийного дискурса и, прямо или косвенно, способствуя принятию/непринятию ими новых технологий [Groves et al., 2015]. В результате медиатизации, понимаемой как процесс качественных изменений дискурсивного пространства, вызванный влиянием СМИ [Клушина, 2014], которые из институционального феномена, призванного выполнять информационно-просветительскую функцию, объективно отражая фрагменты действительности, трансформируются в фактор, меняющий социальную реальность, расширяется смысловое поле концептов за счет приращения дополнительных концептуальных признаков. В результате, как отмечают исследователи, институциональные концепты, имеющие в том числе и терминологическую природу, при форматировании в медиадискурсе трансформируются в медиаконцепты, «обретают» новые оценки и смыслы, существенно усложняя свою концептуальную структуру [Кондратьева, 2021]. Отметим, что по справедливому замечанию Т.Б. Радбиля, различные дискурсивные практики носителей языка, в том числе и медийные, «являются естественной средой языкового воплощения ценностей социума» [Радбиль, 2023]. Это выводит в фокус научного исследования изучение специфики языковых способов образования ценностных смыслов, что особенно актуально в отношении новых концептуальных образований, репрезентирующих социально значимые феномены.

В последнее время ведущей темой СМИ стала проблематика интенсивной разработки и внедрения искусственного интеллекта, что привело к формированию соответствующего медиаконцепта с расширенной концептуальной структурой,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509>.

включающей оценки и ценности, управляющие его восприятием. К числу важнейших когнитивных механизмов, устанавливающих векторы интерпретации социальных феноменов и обладающих мощным воздействующим потенциалом, относится метафора. Изучение дискурсивных средств смыслообразования, очерчивающих интерпретативное ассоциативное поле социально значимых феноменов в медийной коммуникации, выдвигает в фокус научного интереса метафорические нарративы, отражающие опыт осмысления человеком социальной реальности и образующие культурное социально-значимое пространство [Lakoff 2003; Баранов 2014; Болдырев 2019]. Метафорические нарративы являются важным способом концептуализации изучаемого феномена в сознании членов дискурсивного сообщества, определяющим его место в ценностной картине мира социума. Метафорические модели как глубинные когнитивные механизмы интерпретации окружающей действительности, структурируют знание в определенной области, переводя его в привычные, доступные для понимания на уровне обыденного сознания, термины, задавая его эмоционально-оценочное восприятие, передавая ценностные смыслы, выражающие ориентиры поведения и устанавливающие связь между языком и культурой. Активное внедрение новых технологий в общественное сознание требует изучения моделей их метафорической концептуализации, задающих интерпретационное поле формирования ценностных смыслов, выбор которых определяется совокупностью идеологических установок, политики конкретного издания и индивидуальных предпочтений автора текста.

Цель работы заключается в выявлении специфики метафорического осмысления концепта «искусственный интеллект» в русскоязычном медийном дискурсе на основе анализа языковых средств его репрезентации в дискурсивных практиках СМИ.

Любая концептуальная проекция опирается на обладающие языковой формой метафорические модели и вытекающие из них метафорические импликации (entailments) [Kövecses 2017]. Метафорические нарративы об ИИ в русскоязычных СМИ, передающие ценностное содержание этого феномена, полагаются на антропоморфные и зооморфные модели, актуализирующие соответствующие концептуальные области, формирующие оценочные суждения, которые обуславливают его восприятие членами дискурсивного сообщества и задают различные типы поведения.

Интерпретативное поле нарратива образуется отрицательно-оценочными номинациями, имплицитными соответствующими ценностными смыслами. Как показывает анализ медийных текстов, важной импликацией выбранных для концептуализации ИИ метафорических нарративов, актуализирующих его образ для непрофессиональной аудитории, является идея его контроля и ограничения. Рассмотрим заголовок медийного текста, опубликованного на сайте газеты «Ведомости», «На искусственный интеллект ищут управу» (Ведомости, 12.04.2021 <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/04/12/865680-iskusstvennii-intellekt>). «Малый академический словарь» дает следующее толкование лексемы «управа»: «разг. возможность сладить, управиться с кем-либо; разг. средство, мера

воздействия на кого-либо; возможность обуздания, пресечения чьего-либо своеволия, произвола, беззакония» (МАС). Как следует из словарной дефиниции, семантика существительного «управа» указывает на человека, отличающегося своим нравным, непредсказуемым поведением, которое требует принятия необходимых мер. Таким образом, искусственный интеллект концептуализируется в метафорическом нарративе как неуправляемый человек, который может представлять опасность для окружающих, и необходимы действия, направленные на его сдерживание, что предполагает принятие мер регулирования, в том числе законодательных.

Рассмотрим еще один заголовок медийного текста, содержащего упоминание искусственного интеллекта: «Посадить ИИ на привязь» (<https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2023/05/10/974292-posadit-ii-na-privyaz>). «Малый академический словарь» приводит следующее толкование лексемы «привязь»: «веревка, ремень, цепь и т. п., служащие для привязывания животных к чему-либо» (МАС). Как следует из дефиниции, значение существительного «привязь» включает семантический признак «животное», которое может характеризоваться агрессивностью и/или являться источником опасности, что позволяет актуализировать соответствующую концептуальную область и создать отрицательно окрашенный метафорический образ. Ценностные суждения, выводимые из данной метафорической модели: необходим контроль над ИИ, отсутствие контроля может привести к непредсказуемым последствиям.

С другой стороны, метафорические нарративы медийного дискурса могут формировать положительный оценочный образ ИИ, основанный на его концептуализации как беззащитного и не имеющего хозяина домашнего животного, нуждающегося в защите и заботе, например: «Искусственный интеллект ищет добрые руки» (<https://www.kommersant.ru/doc/5682334>). В тексте речь идет об остром кадровом дефиците в сфере высоких технологий, что препятствует интенсивному внедрению систем искусственного интеллекта, призванных принести благо обществу. Метафорические импликации нарратива предполагают необходимость проявления ответственности и заботы о его развитии со стороны людей, недопустимости контроля над ним со стороны имеющих враждебные намерения социальных групп.

Как показывает анализ медийных текстов, метафорическое осмысление темы «Искусственный интеллект» отражает неоднозначное восприятие нового феномена виртуальной реальности в современном медийном пространстве. Важная информационно-просветительская интенция его репрезентации передается метафорическими нарративами, сопряженными с концептуальными сферами, привносящими новые концептуальные признаки в его интерпретацию, которые порождают в общественном обсуждении новой технологии тональность тревоги и обеспокоенности, вызванной его неконтролируемым развитием или влиянием на него антисоциальных и деструктивных факторов. В целом, метафорическое осмысление ИИ в русскоязычных СМИ опирается на антропоморфные и зооморфные метафорические модели, образованные лексическими единицами как отрицательной так и положительной оценочной семантики, задающими специ-

фику его восприятия непрофессиональной читательской аудиторией и отражающими поведенческие паттерны, направленные на осуществление над ним контроля, с одной стороны, и необходимости квалифицированной ответственной заботы о нем, защиты от враждебных социальных групп, с другой. Идентификация метафорических нарративов актуальна для изучения аксиологической составляющей современных медийных дискурсивных практик, ориентированных на ценностное освоение феноменов новой социальной реальности.

Литература

- Баранов А.Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Беляевская Е.Г.* Концептуальные основания языковой картины мира: типы когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 80-105.
- Болдырев Н.Н.* Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 21-30.
- Радбиль Т.Б.* Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*). Научный диалог. 2023. № 12 (6). С. 170-189.
- Кондратьева О. Н.* Стратегии медиатизации юридических концептов в российских медиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69-85.
- Клушина Н.И.* Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль. Русская речь. 2014. № 1. С. 66-73.
- Groves T., Figuerola C.G., Groves M.A.* Ten Years of Science News. A Longitudinal Analysis of Scientific Culture in the Spanish Digital Press // Public Understanding of Science. 2015. Vol. 25, iss. 6. Pp. 691-705.
- Kövecses Z.* Levels of metaphor // Cognitive Linguistics. 2017. No. 28 (2). Pp. 321-347.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2003.

Larisa A. Kochetova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

МЕТНАPHORIC INTERPRETATION OF THE “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” CONCEPT IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA

The article explores the specificity of the metaphorical narrative about artificial intelligence in the texts of Russian-language media. The author reveals value implications and inferences of anthropomorphic and zoomorphic metaphorical models that determine the AI technology evaluative perception by the Russian language lay audience.

Key words: media discourse, value, conceptualization, implication, metaphorical model

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО РОМАНА

Транслингвальность художественных текстов справедливо рассматривать как способ уравновесить результаты конвергентных процессов глобализации и диверсификационных процессов локализации. Глокализация и влияние родного (и второго) языка на языковую категоризацию могут быть проиллюстрированы номинативной и стилистической функциями отраслевой лексики, вводимой авторами-транслингвами в англоязычные романы.

Ключевые слова: региональные варианты английского языка; транслингвальный роман; этномолексема; лингвокогнитивная категоризация

Чинуа Ачебе, англоязычный писатель из Нигерии, описывал создание художественных текстов на английском языке следующим образом: «Nigerian nationality was for me and my generation... like ballroom dancing. Not dancing per se, for that came naturally; but this titillating version of slow-slow-quick-quick-slow performed in close body contact with a female against a strange, elusive beat» [Achebe 2018: 1]. Его опыт типичен для писателей-транслингвов, ставящих целью сбалансировать результаты глокализации, т. е. конвергентных процессов глобализации и диверсификационных процессов локализации [Прошина 2016: 6]. Транслингвальная литература носит гетерогенный характер и служит зонтичным термином для художественных произведений, написанных на английском языке: представителями бывших британских колоний, проживающими в (бывших) британских колониях; иммигрантами (разных поколений) из (бывших) британских колоний в метрополию; иммигрантами из метрополии в (бывшую) колонию; иммигрантами (разных поколений), курсирующих между Соединенным Королевством, США и рядом европейских стран. Теория транслингвальности и разработка спорных вопросов лингвокогнитивной категоризации имеют точки пересечения, как подчеркивает В.И. Карасик: подходы к изучению концепта «различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 97].

Богатый материал для анализа функционирования этномолексемы «moth» представляют англоязычные произведения авторов-транслингвов южноазиатского и африканского происхождения. Настоящее исследование проведено на материале семнадцати романов писателей-транслингвов из Бангладеш, Индии, Кении, Нигерии и Пакистана: Ruskin Bond «The Room on the Roof» (1957), Vidiadhar Surajprasad Naipaul «A House for Mr Biswas» (1961), Jean Rhys «Wide Sargasso Sea» (1966), Anita Desai «Fire on the Mountain» (1977), Salman Rushdie «Midnight's Children» (1981), Ben Okri «The Famished Road» (1991), Arundhati Roy «The God of Small Things» (1997), Chitra Banerjee Divakaruni «The Mistress of

Spices» (1997), Chimamanda Ngozi Adichie «Purple Hibiscus» (2003), Meera Syal «Life isn't All Haha Hee Hee» (2005), Aslam Nadeem «The Wasted Vigil» (2008), Adaobi Tricia Nwaubani «I Do Not Come to You by Chance» (2009), Aslam Nadeem «The Blind Man's Garden» (2013), Akhil Sharma «Family Life» (2014), Yvonne Adhiba Owuor «Dust» (2014), Chigozie Obioma «The Fishermen» (2015), Salman Rushdie «The Golden House» (2017).

Число исследований, посвященных употреблению энтомологической лексики в разных функциональных стилях конкретного языка, не превышает несколько десятков. На материале русского языка написаны работы М.И. Литвинова (1955), В.В. Анохина и И.В. Никончук (1968), Д.С. Сетаров (1971), Т.Г. Иванова (1973), В.А. Кокойло (1975), Ю.А. Кривошаповой (2007), М.В. Титова (2007), Г.М. Мухтаровой (2009), О.В. Васильева (2018), Т. Е. Баженова (2014), Т.В. Крылова (2019), причем преобладают работы по отраслевой лексике пчеловодства. На материале английского языка, в том числе в сравнительно-сопоставительном аспекте, выполнены исследования Т.Э. Кокшаровой (2013), Э.В. Седых (2015), У.Б. Абдуллабековой (2021), И.А. Свистуновой (2022).

Цель исследования – определить эффективность применения принципов лингвокогнитивной категоризации при изучении транслингвального романа.

Принцип прототипичности, разработанный Э. Рош, Дж. Лакоффом и др., реализуется в выборе рекуррентной энтомолемксемы «moth» в качестве сверхтипичной среди энтомологической лексики (слов, обозначающих насекомых как живой организм). Энтомолемкса «moth» имеет общегерманское происхождение и зафиксирована в письменных источниках XII в.; в современном английском языке она употребляется в двух значениях: «мотылек, ночная бабочка» (any of various usually nocturnal lepidopteran insects with antennae that are often feathery, with a stouter body, duller coloring, and proportionately smaller wings than the butterflies, and with larvae that are plant-eating caterpillars) и «платяная, или комнатная, моль» (any of several small yellowish or buff-colored moths (especially *TINEA PELLIONELLA* and *TINEOLA BISSELLIELLA* of the family *tineidae*) whose larvae eat wool, fur, or feathers) [Merriam webster dictionary online: URL]. «moth» выступает в качестве вершины словообразовательного гнезда: mothlike, mothy, moth-eaten, mothball (в том числе в форме множественного числа в составе идиомы 'put sth in mothballs' и в качестве глагола, образованного по конверсии). Словосочетаемость данной единицы может быть проиллюстрирована следующим образом: brown-tail moth, cecropia moth, cinnabar moth, clearwing moth, clothes moth, codling moth, death's-head hawk moth, diamondback moth, hawk moth, imperial moth, lo moth, luna moth, mediterranean flour moth, moth bean, oriental fruit moth, peppered moth, silk moth, sphinx moth, spongy moth, tiger moth, tussock moth, wax moth, что позволяет также выделить типичные, малотипичные, нетипичные и сверхнетипичные образцы (при условии проведения соответствующих статистических исследований, например, с использованием ngram viewer или опроса респондентов). Анализируемый материал позволяет выделить две основные функции энтомологической лексики в художественном тексте: номинативную и стилистическую, которые реализу-

ются равномерно и позволяют проиллюстрировать такие принципы категоризации как «фамильное сходство» (Л. Витгенштейн, Э. Рош, К. Мервис и др.) / нестрогость категоризации, континуально-когнитивную относительность, контекстно-когнитивную детерминированность (Н.Н. Болдырев и др.), пересекаемость категориальных структур, статичность vs динамичность категориальных структур, вариативность категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании, иерархичность.

Номинативная функция реализуется в интерьерных описаниях (испорченные платяной молью вещи, мотыльки в коллекции энтомолога) и описаниях придомовых территорий (летающие в дом на свет надоедливые мотыльки): «*Hawkers, girls much younger than I, defied the school gate men, edging closer and closer to the cars to offer peeled oranges and bananas and groundnuts, their **moth**-eaten blouses slipping off their shoulders*»; «*In Pappachi's study, mounted butterflies and **moths** had disintegrated into small heaps of iridescent dust that powdered the bottom of their glass display cases, leaving the pins that had impaled them naked. Cruel*»; «*And while, in the verandah, Bhandat's boy continued to read That Body of Yours, with the **moths** striking continually against the glass chimney of the oil lamp, she and Mr. Biswas talked*»; «*They lit the oil lamp. **Moths** flew to it*» [Adichie 2003: 9; Roy 1997: 71; Naipaul 2003: 21, 68].

В романе Дж. Рис «Широкое Саргассово море» номинативное употребление «moth» можно охарактеризовать как символическое и ведущее к формированию расширенной метафоры «жизнь женщины-креолки (в викторианской Англии) – жизнь мотылька». Автор многократно подчеркивает, что мотыльки, влекомые любым (опасным и безопасным) источником света, обжигаются или гибнут от него, что становится лейтмотивом гибели Берты Антуанетты Рочестер в огне: «*A great many **moths** and beetles found their way into the room, flew into the candles and fell dead on the tablecloth. Amélie swept them up with a crumb brush. Uselessly. More **moths** and beetles came*»; «*A large **moth**, so large that I thought it was a bird, blundered into one of the candles, put it out and fell to the floor*» [Rhys 2011: 58-59].

Стилистическая функция реализуется при употреблении «moth» в составе метафор и стилистических сравнений, в которых в основании сравнения лежат следующие черты мотыльков / моли: непреодолимое влечение к источнику света, невзрачный и отталкивающий внешний вид и небольшие размеры насекомого, надоедливость и трудноизбавимость, граничащая с невыводимостью: «*He was perhaps forty-two years old then and I, seventeen years his junior, approached him gingerly across the grass, ready to listen, instantly in love, as iron filings are drawn to the magnet, as the **moth** loves the fatal flame*»; «*To think that Azuka had been so gay and confident on his way to doom, like the **moth** as it dances into the flame*»; «*Rahel stopped and turned around, and on her heart a drab **moth** with unusually dense dorsal tufts unfurled its predatory wings. Slow out. Slow in*»; «*A deep-sounding bell in a mossy well. Shivery and furred like **moth's** feet*»; «*In those last days my wife Laylah or Parvati was also being gnawed by the interior **moths** of despair, because when she came towards me for comfort or warmth in the isolation of our sleeping hours, I still saw superimposed upon her features the horribly eroded physiognomy of Jamila Singer*» [Rushdie 2017:

20; Nwaubani 2009: 152; Roy 1997: 92, 105; Rushdie 2013: 264].

Таким образом, устойчивый характер обращения к образу мотылька / моли в транслингвальном романе может быть объяснен и особенностью идиостиля писателя-транслингва, и необходимостью успешного маркетинга в Европе и Северной Америке, где многоплановый образ мотылька / моли также является одним из ведущих в поэзии и прозе.

Литература

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6-9.
Achebe Ch. Africa's Tarnished Name. London: Penguin Books, 2018.
Adichie Ch.N. Americanah. New York: Algonquin Books, 2003.
Merriam Webster Dictionary Online. URL: <https://www.merriam-webster.com>.
Naipaul V.S. A House for Mr. Biswas. London: Picador, 2003.
Nwaubani A.T. I Do Not Come to You by Chance. London: Orion books, 2009.
Rhys J. Wide Sargasso Sea. London: Penguin, 2011.
Roy A. The God of Small Things. Delhi: IndiaInk, 1997.
Rushdie S. The Golden House. London: Jonathan Cape, 2017.
Rushdie S. Midnight's Children. London: Vintage Books, 2013.

Marina A. Kuzina (Moscow, Russia)

Moscow Pedagogical State University

Financial University under the Government of the Russian Federation

PRACTICAL APPLICABILITY OF COGNITIVE CATEGORIZATION METHODS TO RESEARCHING TRANSLINGUAL NOVELS

Translinguality of belles-lettres is regarded as a means of balancing the ramifications of global convergence and local divergence. Glocalization and influence of the mother tongue (and a second language) on the cognitive categorization can be actualized through the nominative and stylistic functions of specialized vocabulary items implemented by translingual novelists in English-language novels.

Key words: regional varieties of English, translingual novel, entomological vocabulary item, cognitive categorization

В.Г. Кузнецов (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vgk.avamo@mail.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И РЕЛЕВАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Актуальность исследования концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ обусловлена тем, что он относится к социально-идеологическим, является универсальным и занимает важное место в современном обществе. Его роль возрастает в связи с активными процессами миграции и глобализации в мировом масштабе. Для исследования структуры концепта применяется пропозиционно-фреймовая модель.

Ключевые слова: концепт, типология, толерантность, глобализация, пропозиционально-фреймовая модель

Концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ характеризуется большой социальной и идеологической значимостью, занимает важное место в мировоззрении современного общества и относится к социально-идеологическим концептам. Лексема *толерантность*, франц. *tolérance* и англ. *tolerance* восходят к латинскому слову *tolerantia*, которое употреблялось в значении «терпимость, согласие». Английский язык заимствовал это слово из старофранцузского в начале XV в. в значении «выносить страдание, демонстрировать силу духа». Первоначально во французском языке лексема *tolérance* не имела идеологического значения. Это значение начало формироваться в XVI в. в период религиозных войн, стали употребляться словосочетания *tolérance théologique, ecclésiastique, religieuse, tolérance civile*.

Вольтер был один из первых, кто развивал и продвигал идеи толерантности. В «Трактате о толерантности» [Voltaire 1763] он призывал к религиозной терпимости, выступал против религиозного фанатизма. В январе 2015 г. после вооруженного нападения фанатиков-исламистов на редакцию французского сатирического журнала Charlie Hebdo, приведшего к многочисленным жертвам, книга Вольтера стала бестселлером. Это свидетельствует о том, что тема трактата Вольтера – толерантность по отношению к инакомыслящим актуальна во все времена. Идеологическое значение лексемы *tolérance* окончательно оформилось в эпоху Просвещения.

В русском языке слово *толерантность* было заимствовано путем калькирования из французского в конце XVIII в. и означало «терпимость к чужой вере, чужим мнениям». Однако оно не получило широкого распространения, поскольку российское общество в целом не было готово к восприятию идей французского Просвещения. В современном значении слово вошло в русский язык после либеральных реформ и отмены крепостного права. В середине 30-х гг. лексема *толерантность* исчезла из советского словаря. В 1950-х гг. эта лексема употреблялась в значении «принятие другого образа мысли и действия». В советском государстве слово *толерантность* не употреблялось, поскольку терпимость по отношению к вере, иному мировоззрению не допускалась. Слово *толерантность* вошло в употребление и было включено в толковые словари после распада СССР. «Слово *толерантность* заполнило в русском языке лакуну» [Стернин, Шилихина 2001: 5].

До XIX в. толерантность в основном понимали в религиозном смысле. Вследствие социальных, политических, этнических метаморфоз в европейском обществе и в мире в целом данное понятие утратило религиозную окраску и приобрело современное расширенное значение как снисхождение и терпимость к иным воззрениям, обычаям, образу мышления и жизни, убеждениям, а также как благотворительность, сострадание.

В качестве универсального концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ начал формироваться в 2000-е гг. В широком смысле толерантность предполагает желание и умение терпимо и уважительно относиться к людям других мнений, взглядов и убе-

дений, ментальности, принадлежности к другим социальным слоям, национальности, расе, исповедующих иную религию. В зависимости от сферы, области актуализации различают различные виды толерантности: социальную, идеологическую, научную, религиозную, межрасовую, межличностную. Проблема толерантности является межпредметной. Она исследуется не только в лингвистике, но и в философии, политологии, культурологии, религиоведении, регионоведении, конфликтологии. Значимость этой проблемы возрастает в настоящее время ввиду плюрастичности современного общества, активных процессов миграции и глобализации в мировом масштабе. «Концепт *толерантность* носит универсально-общечеловеческий характер и является важнейшим элементом цивилизованного общества и личностного общения» [Стернин, Шилихина 2001: 96].

В современных СМИ термин *толерантность* и производные от него употребляются часто и характеризуются в высокой степени актуальностью, связанной с военными конфликтами, большим количеством беженцев и активными миграционными процессами. В качестве примера рассмотрим освещение проблемы толерантности в современной французской прессе. Затрагиваются разные аспекты толерантности: политическая, религиозная, межэтническая, расовая, по отношению к беженцам и мигрантам, социальная – по отношению к лицам с ограниченными физическими возможностями.

Структура концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ может быть представлена в виде пропозиционально-фреймовой модели: субъект – предикат – объект. В качестве субъекта может выступать отдельная личность, социальная группа, правительство, в качестве объекта – отличающаяся по разным критериям социальная группа, сообщество. Под предикатом понимаются факты или события, связывающие субъект и объект. Предикат может быть представлен такими признаками, как мотивы толерантности, конкретное проявление толерантности (манифестации, терпимость, благотворительность, предоставление материальной помощи и моральной поддержки), степень, активность проявления толерантности. Концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ в прессе нередко включает аксиологическую составляющую – оценку проявления толерантности со стороны журналиста, репортера. В прессе проблема толерантности освещается с двух сторон: 1) как определенная деятельность, поведение, имеющие целью проявить великодушие, благотворительность, доброжелательность по отношению к лицам иной национальности, другой этнической принадлежности, оказавшиеся без средств к существованию; 2) проявление нетерпимости к людям иной конфессии, дискриминация по расовому, этническому признаку, цвету кожи, образу жизни.

Субъектом религиозной толерантности может выступать такая крупная международная организация как ООН. *La résolution, proposée par le Pakistan, invite les Etats membres à organiser des événements «visant à accroître la sensibilisation sur la lutte contre l'islamophobie. L'ONU veut agir pour faire diminuer les actes contre les musulmans. Les 193 membres de l'Assemblée générale des Nations Unies ont ainsi adopté mardi, par consensus, une résolution proposée par le Pakistan qui fait de chaque 15 mars une Journée de lutte contre l'islamophobie (20 Minutes).* Объектом является исламофобия, предикат репрезентирован конкретными действиями субъекта – la

sensibilisation sur la lutte contre l'islamophobie (привлечение внимания к важности борьбы с исламофобией), *diminuer les actes contre les musulmans* (добиться уменьшения количества выступлений, направленных против мусульман; учреждение Дня борьбы с этим проявлением нетерпимости к мусульманам).

Опыт Буркина-Фасо свидетельствует о том, что межконфессиональная толерантность может быть эффективным средством противостояния терроризму. *Burkina Faso: la tolérance religieuse à l'épreuve du terrorisme. Consolider la tolérance par le dialogue interreligieux, voilà à quoi travaillent des acteurs de milieux différents au Burkina après les attaques terroristes de Ouagadougou. Des musulmans partageant la nourriture des catholiques à l'occasion de Pâques, un archevêque joignant ses prières à celles de l'imam pour la fin du ramadan. Voilà deux images témoins, parmi d'autres, de la culture de la tolérance religieuse telle qu'elle est ancrée au Burkina Faso, où les mariages mixtes sont facilement admis. Pour l'expliquer, les habitants font référence aux 67 ethnies qui ont fondé le pays, et dont chacun est forcément issu. «On est tous frères, quelle que soit notre religion», entend-on couramment* (Le Point). В качестве субъекта выступает население Буркина-Фасо, объектом является межконфессиональная толерантность. Предикат представлен способами ее достижения: *par le dialogue interreligieux* – путем межконфессионального диалога, *Des musulmans partageant la nourriture des catholiques à l'occasion de Pâques; un archevêque joignant ses prières à celles de l'imam pour la fin du ramadan* – на Пасху католики делят трапезу с мусульманами, архиепископ присоединяется к молитве имама по случаю окончания рамадана; *mariages mixtes sont facilement admis* – никто не препятствует смешанным бракам.

Пример толерантности по отношению к национальным традициям – ношению традиционной одежды. *Les juifs de France «peuvent porter avec fierté leur kippa!»*, – *a affirmé avec force dimanche le ministre de l'Intérieur* порывая «discours de haine et de rejet» porté selon lui par le Front national (20 Minutes). Субъектом толерантности является правительство Франции, объектом – проживающие во Франции евреи, предикатом – официальное разрешение носить традиционный мужской головной убор – кипу. Проявление толерантности усиливается восклицанием и словосочетанием *avec fierté – с гордостью*, свидетельствующим об уважении к национальному головному убору, символизирующему смирение и благоговение перед Всевышним.

Дискриминации, нетерпимости со стороны работодателей при трудоустройстве могут испытывать лица с ограниченными физическими возможностями, инвалиды. Правительство предпринимает определенные меры с целью устранения неравноправия. *Ouvrir le monde du travail à tous les handicaps, visibles et invisibles... la réforme de l'obligation d'emploi des travailleurs en situation de handicap est entrée en vigueur en 2020. Elle a notamment enjoint aux recruteurs de privilégier l'emploi direct plutôt que de recourir à la sous-traitance: elle a aussi accordé des droits définitifs en cas de handicap irréversible et rendu obligatoire la désignation d'un référent handicap pour toute entreprise de plus de 250 personnes* (Le Monde). Субъектом является правительство, объект – лица с ограниченными физическими возможностями, предикат – меры, принятые на законодательном уровне, для обеспечения

инвалидов работой наравне со здоровыми. *la réforme de l'obligation d'emploi des travailleurs en situation de handicap est entrée en vigueur en 2020. Elle a notamment enjoint aux recruteurs de privilégier l'emploi direct plutôt que de recourir à la sous-traitance.* – Реформа об обязательном приеме на работу лиц с физическими недостатками вступила в силу в 2020 г. Она прежде всего обязывает работодателей предоставлять стабильную работу, а не договорную.

Таким образом, толерантность может проявляться в двух планах: во-первых, как терпимость, сострадание, доброжелательное отношение, уважение, готовность прийти на помощь и, во-вторых, как реальные действия, активная жизненная позиция с целью достижения религиозной, этнической, расовой, социальной, межличностной толерантности.

Литература

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: ВГУ, 2001.

Voltaire. Traité sur la tolérance. Paris: Machuel, 1763.

Valery G. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

TYPOLOGICAL STATUS AND RELEVANT FEATURES OF THE CONCEPT “TOLERANCE” (BASED ON FRENCH NEWSPAPERS)

The topicality of research of the concept TOLERANCE is conditioned by its social, ideological and universal status and increasing role in modern society due to the active processes of migration and globalization in the world. The study applies the propositional-frame model to investigate the structure of the concept TOLERANCE.

Key words: concept, typology, tolerance, globalization, propositional-frame model

А.С. Лагутова (Москва, Россия)
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
lagutovaas@gmail.com

ЛЕКСЕМА «ЗАЩИТНИК» В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

В статье описываются особенности функционирования лексемы *защитник* в религиозном дискурсе. Приводятся словарные толкования данного понятия, а также отмечается специфика сакральных значений ядерной семы лексемы *защитник* в языковом сознании православного человека.

Ключевые слова: религиозный дискурс, религиозное сознание, концепт ЗАЩИТНИК, десакрализация, ядерная сема

Одним из ведущих направлений когнитивной лингвистики является изучение концептов как ментальных единиц языковой картины мира. Многослойность концепта прослеживается в различных видах дискурса, что подтверждает значимость данных лингвистических исследований, поскольку концепт представляет

собой комплексную единицу, которая «поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [Попова 2015: 24]. Об изучении концептов в религиозном дискурсе писали О.И. Ануфриева (2009), И.В. Бугаева (2017), Т.Б. Радбиль (2019), В.В. Сайгин (2014), М.С. Широкова (2011) и др. Большую роль для многоуровневого анализа концептов сыграл «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова (2014).

Структурно концепт образован по принципу ядра и периферии, где в центральной части содержатся узуальные, частотные смыслы, а на периферийной – окказиональные. При этом наполнение концепта может претерпевать изменения, что зачастую приводит к переходу его компонентов из одного понятийного слоя в другой. Так, Т.Б. Радбиль и В.В. Сайгин отмечают, что современный этап развития русского национального сознания характеризуется отчетливой десакрализацией религиозных концептов, которая понимается как «переосмысление традиционного религиозного компонента концептуального содержания в бытовом, внерелигиозном ключе, а также в стилистическом снижении слов, изначально выражавших высокие духовные и религиозно-нравственные понятия» [Радбиль 2019: 54].

Изучение любого концепта предполагает обширную подготовительную работу, поэтому в рамках исследования рассматривается семантическое значение лексемы, а не концепта. Целью исследования является выявление специфики употребления лексемы *защитник* в религиозном дискурсе, что в дальнейшем послужит основой для описания концепта ЗАЩИТНИК в русской ментальности.

Обратимся к этимологии слова *защитник*, которое «является префиксальным производным от *цтитити*, образованным с помощью суф. -ити от *цтит*» [Шанский 1971: 160]. Отыменный глагол *цтитити* образован от слова *цтит* – «то, что защищает, загораживает; заслон, навес» [Шанский 1971: 520]. Так, выстраиваем этимологическую цепочку: *цтит* – *цтитити* – *защитить* – *защитник*, из которой образуем семантическое тождество: щит – то, что защищает, загораживает, защитник – тот, кто защищает, загораживает.

Поскольку развитие концепта predetermined мотивирующими концептуальными признаками, содержание которых зафиксировано в этимоне [Лагутова 2023: 162], реципиент, взаимодействуя со словом *защитник*, на внеязыковом уровне будет осознавать внутреннее значение данного слова. В пространстве бытового сознания оно близко основным словарным толкованиям: «1) тот, кто защищает кого-что-л. от нападения, ограждает, охраняет от посягательства, отстаивает что-л» [БТС 1998: 359], «1) тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-что-н. слабых, обездоленных. Защитники страны. 3. морали, веры» [ТСРЯ]. Эти определения составляют ядерную зону семантического значения лексемы *защитник*, периферийную – менее частотные: 2) то же, что адвокат; 3) игрок защиты.

Однако функционирование лексемы в различных видах дискурса неоднородно и характеризуется различной модальностью. Так, в пространстве религиозного дискурса происходит трансформация ядерной семы слова *защитник*, которая передает представления отцов и учителей Церкви о данном понятии.

Рассмотрим обращение *защитниче*. По отношению к святым оно нередко

встречается в религиозных текстах вместе с обращением *заступниче*. Например, в акафисте святителю Николаю Чудотворцу в хайретизмах 10 икоса видим: «Радуйся, преславный в бедах *заступниче*; Радуйся, превеликий в напастех *защитниче*». Анализируя эти выражения, можно выявить семантическое тождество, реализующееся на уровне синонимии: *беды* = *напасти*, *заступник* = *защитник*. Синонимии также подтверждаем словарными статьями: «Напасть, и. ж. (разг.) Беда несчастье, неприятный случай», «Защитник, а. м. 1) тот, кто защищает; заступник» [Ушаков 2013: 334, 170], «Заступник – тот, кто заступает за кого-л.; защитник» [БАС 2006: 530], «Заступник – защитник, покровитель» [МАС 1985: 578].

Синонимии обнаруживаем и в церковнославянском словаре, где *заступникъ* – *защитник* [ПЦС]. Однако если под защитником (от глагола *защищати* – прикрывать щитом) в первую очередь подразумевается тот, кто с щитом и мечом готов встать на чью-то защиту (св. вел. Георгий Победоносец, св. благ. князь Александр Невский, преп. Илья Муромец и др.), то под заступником понимается также тот, кто готов заступиться и молить за грехи перед Господом.

Так, *Заступницей* в Православии именуют пресвятую Богородицу. Царица Небесная не стоит с мечом или копьем, готовая одержать победу над врагом, однако она неустанно и усердно молит за грехи немощных христиан перед строгим судьей Христом.

Заступником также называют Христа. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко встречаем следующее толкование заступничества: «Спаситель наш Иисус Христос заступился за нас перед Божественным правосудием, и стал нашим ходатаем (1 Иоанн 1, 2) и для удовлетворения правды Божией принял на Себя ответственность за наши грехи» [Дьяченко 2000: 986].

В «Словаре переносных, образных и символических употреблений в Псалтири» Л.П. Клименко обнаруживаем выражение «Заступник спасения моего», толкование которого указывает на то, что в строках псалтири (Пс. 88, 26) сам Христос называет заступником Бога-Отца. «Христос во многих местах Евангелия, как Бог называет Его Отцом, а как Человек – Богом и заступником» [Клименко 2022: 270]. Также в сознании православных верующих Бог-Отец связан с ментальной категорией протективности (от лат. *protector* – защитник, покровитель) [Бугаева 2006: 24], поскольку Господь оберегает, *защищает* верующего своей волей от зла.

Обращаясь к древнегреческо-русскому словарю И.Х. Дворецкого находим слово *παράκλητος*, означающее «заступник, ходатай» [Дворецкий 1958: 1240], защитник, призванный на помощь; утешитель. В Святом Евангелии *παράκλητος* получает значение одного из имен Святого Духа: «Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14: 17-26).

Таким образом, выявлена триипостасная, многоаспектная модель категории заступничества, которая воплощается в религиозном дискурсе в семантическом значении лексемы *защитник*. В языковом сознании православного человека ядерное значение этой лексемы семантически связано не только со значениями воинственности и защиты, но и со значениями заступничества – ходатайством и

молением за грехи перед Господом. Так, внутри религиозного дискурса *защитник* будет обозначать святого, который встает на защиту против лукавого, молит за грехи человека перед Господом или же самого Господа во всех ипостасях в зависимости от контекста.

Проведенный анализ семантического значения лексемы *защитник* в пространстве религиозного дискурса представляет лишь предварительные материалы исследования, которые в дальнейшем будут использованы для описания концепта ЗАЩИТНИК в русской ментальности, поскольку в рамках когнитивных исследований важно рассматривать концепт не только в общепринятом представлении, но и учитывать сакральные значения, характерные для религиозного сознания.

Литература

- Ануфриева О. И.* Концепт «Праведность»: структура и средства выражения // Известия ВГПУ. 2009. № 7. С. 16-20.
- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 6 / гл. ред. К.С. Горбачевич. М.: СПб.: Наука, 2006.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Бугаева И.В.* Ментальная категория протективности в речи верующих // Русский язык и ментальность. В 3 ч. Ч. I. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 23-28.
- Бугаева И.В.* Подвиг в современном языковом сознании русских // Жизнь языка в культуре и социуме. М.: Эйдос, 2017. С. 249-250.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Климченко Л.П.* Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. М: Синопись, 2022.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
- Лагутова А.С.* Особенности анализа концептов в пространстве религиозного текста // Язык и динамическая картина мира. Минск: МГЛУ, 2023. С. 159-162.
- МАС — Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985-1988.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. М.: Директ-Медиа, 2015.
- ПЦС — Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. URL: http://slavdict.ru/_0894.htm.
- Радбиль Т.Б., Сайгин В.В.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 36-59.
- Сайгин В.В.* Концепт «Грех» в свете антиномии религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры // Ученые записки Курского гос. ун-та. 2014. № 2 (30). С. 88-93.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935-1940.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.
- Широква М.С.* Трансформации церковной картины мира и их отражение в структуре концептов (на материале концептов жертвоприношение, молитва и подвиг) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2011. Т.10. № 2. С. 5-14.

Anastasia S. Lagutova (Moscow, Russia)
Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

THE LEXEME “PROTECTOR” IN THE SPACE OF RELIGIOUS DISCOURSE

The article describes the peculiarities of the functioning of the lexeme *protector* in religious discourse. The dictionary interpretations of this concept are given, and also the specificity of sacral meanings of the nuclear seme of the lexeme *protector* in the linguistic consciousness of an Orthodox person is noted. *Key words:* religious discourse, religious consciousness, concept PROTECTOR, desacralization, nuclear seme

О.В. Ломакина (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
rusoturisto07@mail.ru

НОМИНАЦИЯ ЦЕННОСТИ КАК КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О ТРУДЕ И БЕЗДЕЛЬЕ)

Статья посвящена проблеме номинации ценностей как репрезентантом концептов. В качестве материала исследования использованы паремиографические сборники, созданные по тематическому принципу. К анализу привлечены данные толкового словаря и словаря синонимов. Показано, что дихотомия ТРУД-БЕЗДЕЛЬЕ отражает ценностные ориентиры русского народа и является наиболее точным номинантом ценностной диады. Отдельное внимание уделено лингвоаксиологическим маркерам в пословицах.

Ключевые слова: паремия, пословица, ценность, пословичный бинном, концепт ТРУД, концепт ЛЕНЬ, концепт БЕЗДЕЛЬЕ, паремиография, лингвоаксиологический маркер

Паремиологические единицы являются одним из средств репрезентации концептов. Характеристика ценностных концептов включает анализ семантических доминант, объединяющих смысловое наполнение пословиц и выражающих определенную ценностную установку лингвокультуры. «Преломление теории ценностей в языке опирается на поиск значимости (как положительной) конкретного понятия, его место относительно нормы» [Нелюбова и др. 2023: 600].

Концепт ТРУД следует считать ценностным, поскольку труд наряду с миром, богатством и др. входит в группу социальных ценностей, которые в системе ценностных координат традиционно имеют градиционный характер. Однако при квалификации данной ценностной шкалы перед паремиологом встает вопрос, как корректно назвать ценность – *труд* или *работа* и как антиценность – *лень* или *безделье*. На наш взгляд, ценностные номинанты могут иметь абстрактное или конкретное значение, однако не быть национально маркированными.

Приведем значения полисемантов *труд*, *работа*, *дело*: «ТРУД. 1. Целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа. 2. Результат такой деятельности, произведение, сочинение. 3. Усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-л» [МАС IV: 417]; «РАБОТА. 1. Действие по знач. глаг. *работать*; деятельность, занятие, труд. 2. Та или иная деятельность по созданию, изготовлению, обработке чего-л. 3. Служба, занятие, труд на каком-л. предприятии, в каком-л. учрежде-

нии. <...>» [МАС III: 575]; «ДЕЛО. 1. Работа, занятие, деятельность. 2. Практическая деятельность, действие, в противоположность мыслям, словам; поступок. 3. *чье*. То, что непосредственно, близко касается кого-л., чего-л., входит в *чье-л.* ведение, задачи, обязанности и т. п. <...>» [МАС I: 382-383].

Как показывает дефиниционный анализ рассматриваемых лексем, при толковании значения происходит объективация системных связей: слова, будучи абсолютными синонимами («ТРУД. 1. работа, дело, занятие, деятельность, работенка (*пренебр.*) [ССРЯА: 504]), используются в толковании значения. Выбор лексемы *труд* в качестве номинации ценности детерминирован использованием в качестве доминанты синонимического ряда, высоким уровнем абстрактности [Нелюбова 2020: 166-167]. Вместе с тем необходимо отметить, что со временем произошло изменение значения слова *труд*. В средневековой Руси труд – «составная часть всякого дела» [Колесов 2019: 467], т. е. эти понятия связывал другой тип системных отношений: не синонимические, а гиперо-гипонимические. В.В. Колесов высказал предположение: «различие между тремя проявлениями трудовой деятельности состояло в том, что «дело» было свободным, а «труд» и «работа» делались по необходимости или по понуждению. Труд – сам в себе, исполняется для себя, тогда как работа – служение другому. Свобода выбора реализуется в воле делать, в деле; это модальность «могу» и «хочу». Воля как свобода от обязанностей утрачивается в труде – это модальность «должен»: «душа обязана трудиться» [Колесов 2019: 467].

По наблюдениям Н.Ю. Нелюбовой, в словаре «Народная мудрость» большая часть паремий (67 ед.) «содержит положительную оценку труда»; отрицательная оценка – в 8 ед. [Нелюбова 2020: 167]: *Никогда никакой труд не позорен* [МН: 368]; *Труд все побеждает* [там же]; *Труд все перевозмогает* [там же]; *Человек познается в труде* [там же: 371]. Только положительная оценка труда зафиксирована в пословицах «основного паремиологического фонда русского языка» [Иванов 2007: 154-155].

В пословицах этой группы используются различные биномы: 1) взаимно дополняющие понятие, выступающие как контекстуальные синонимы (*Терпенье и труд все перетрут* [МН: 370]; *Где труд, там и счастье* [там же: 362]); 2) орудия труда, символизирующие труд (*Где пашет сошка, там хлеба крошка* [там же]; *Работник с сошкой, лодырь с ложкой* [там же: 385]).

Дефиниционный анализ показывает, что лексема *безделье* содержит сему 'в праздности', придающую отрицательную оценку. Ср.: «**БЕЗДÉЛЬЕ**. Незанятость делом, пребывание в праздности» [МАС I: 71]; «**ЛЕНЬ**. 1. Отсутствие желания работать, делать что-л. 2. Не хочется, нет охоты» [МАС II: 175]. Анализ системных отношений показал, что лексемы *лень* и *безделье* не являются синонимами [ССРЯЕ: 45, 505], однако их дериваты *лентяй* и *бездельник* образуют синонимический ряд, наряду с существительными *ленивец*, *лодырь*, *лоботряс*, *лежебок*, *лежебока*, *байбак* [ССРЯТ: 505].

В русском языковом сознании *лень* можно считать аксиологическим маркером, имеющим отрицательную коннотацию, наряду с лексемами *грех*, *зависть*, *доля* и др. В русском фольклоре *лень* имеет амбивалентный характер. Фолькло-

ризм *лень-матушка* включает суффикс субъективной оценки, благодаря которому получает положительную оценку. В сказке «По шучьему велению» Емелей на первый взгляд движет лень, благодаря чему герой и прибегает к разным просьбам по *шучьему велению* – лишь в конце сказки читатель понимает, что Емелей движет любовь, а лень выступает своего рода «двигателем прогресса». В пословицах же лень человека получает отрицательную оценку.

Приведем примеры семантизации лени в пословицах: *Лень – барыня, села и поехала* [НМ: 382]; *Лень – мать всех пороков* [там же]; *Лень не ремень, а лихо – на лыко* [там же]; *Лень не лень, а встать не хочется* [там же].

Русские паремии фиксируют общую характеристику ленивого, отношение к нему в обществе: *Кто ленив, тот и сонлив* [там же: 380]; *Кто ленится, тот не ценится* [там же]; *Ленивые руки до чужого труда охотливы* [там же: 381]; *Ленивый что богатый: все гуляет* [там же: 382]; внешний вид ленивого: *Ленивого звать и по платью* [там же: 381]; *Лентяя по походке узнают* [там же: 382], его привычки: *Ленивый ложится с курами, а встает с свиньями* [там же: 381]; *Лентяя по походке узнают* [там же: 382].

Образ ленивого животного отражен в пословицах *Ленивой кошке мышей не поймать* [там же: 381]; *Ленивой лошади и хвост в тягость* [там же]; *Ленивому коту мыши на хвост наступают* [ППРН: 89]; *Ленивому коту мыши хвост отгрызли* [там же].

Существуют пословицы, выражающие аксиологический смысл имплицитно: *Жареные голуби сами в рот не влетят* [НМ: 380]; *Лежа пищи не добудешь* [там же]; *Баловством хлеба не добудешь* [там же: 379].

Особую группу составляют пословицы, включающие оценочные лексемы. «Экспликация оценочных смыслов может происходить в пословичном фонде и за счет лексем, характеризующих морально-этические категории как отдельного народа, так и человечества в целом, а иногда и служащих номинацией для целого пословичного поля (resp. концептосферы)» [Ломакина 2021: 100]. Так, у слов-синонимов *лентяй*, *бездельник*, *лодырь*, выступающих лингвоаксиологическим маркером в паремиях, неодобрительный признак входит в денотат: *Пахарю земля – мать, а лентяю – мачеха* [НМ: 385]; *Хлеб плачет, когда его жнет лентяй* [там же: 386]; *Пахал бы лодырь на печи, да заворачивать круто* [там же: 384]; *У лодыря что ни день, то лень* [там же: 386]; *У бездельника нет досуга* [там же: 385]; *У лентяя Федорки всегда отговорки* [там же] и др.

Для решения проблемы номинации ценностей, стоящей перед современной аксиопаремиологией, можно использовать опыт составителей паремиографических сборников, построенных по тематическому принципу. Так, В.И. Даль в словаре «Пословицы русского народа» включает пословицы, репрезентирующие обозначенную дихотомию в рубрики «Работа – праздность», «Ремесло – мастеровой». Спустя век составители сборника «Избранные пословицы и поговорки русского народа» (1957) Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова объединяют пословицы в рубрику «Труд, смекалка, умение, мастерство», входящие в раздел «Народные идеалы». Действительно, отношение к Родине, дружбу, братство, товарищество, смелость, находчивость, отвагу, правду, честь, бережливость, обозначенные,

включенные также в обозначенный раздел, представляют собой не что иное как *добродетели*. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина в словаре «Народная мудрость» (2011) распределяют материал по 24 рубрикам, среди которых «Труд и безделье»; составители включают в обозначенный раздел пословицы о труде, мастерстве, профессиях, оплате труда, отдыхе и лени.

Таким образом, наиболее корректной является номинация дихотомии *труд – безделье*, которую можно представить как шкалу с обозначенными пределами – крайними точками, где *лень* будет близким понятием к безделью, однако отличаться национальной маркированностью. Лексема *дело* в современном русском языке несмотря на многозначность не несет ценностной нагрузки, в отличие от понятий *труд* и *работа*; *работа* же чаще получает конкретное значение.

Литература

Иванов Е.Е. «Основной паремнологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремнологическим минимумом» // Мир русского слова и русское слово в мире: в 7 т. Т. 2. София: Heron Press, 2007. С. 152-156.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. М.: Академический проект, 2019.

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 97-107.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.

Нелобова Н.Ю. Репрезентация концепта ТРУД в русских и французских пословицах: ценностный аспект // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 165-170.

Нелобова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595-615.

НМ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

ППРН – Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А-Н / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2003.

ССРЯ – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. М.: Русский язык, 2001.

Olga V. Lomakina (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

VALUE NOMINATION AS A COGNITIVE PROBLEM (BASED ON RUSSIAN PROVERBS ABOUT WORK AND IDLENESS)

The article shows the reflection of somatism head in the paremiological fund of the Russian language. Binomials with a head component are presented, which are representatives of the HEAD concept. A person's ability to perceive the world, reflect reality, remember, reason, perform both deliberate and rash actions, perceive the surrounding reality, illustrates various aspects of the thought process and spatial cultural code when representing the concept HEAD.

Key words: paremia, proverb, value, proverbial binomial, concept WORK, concept LAZINESS, concept IDLENESS, paremiography, linguaxiological marker

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию сочетаемости контактных перцептивных глаголов *чувствовать*, *ощущать* и *испытывать*. На основе анализа сочетаемостных характеристик выявлены сходные и отличительные семантико-когнитивные признаки в составе значения перцептивных глаголов и показаны различия в передаваемых ими смыслах.

Ключевые слова: перцептивные глаголы, контактный, значение, сочетаемость, семантико-когнитивный признак

Перцептивные процессы лежат в основе когнитивной деятельности индивида, поскольку при помощи органов чувств он не только получает информацию о явлениях окружающего мира, но фиксирует ее в языке при помощи перцептивной лексики и в дальнейшем использует перцептивный опыт для познания как материального мира, так и мира чувств, эмоций, переживаний и ментальных состояний. Среди всей перцептивной лексики особое место занимают перцептивные глаголы, поскольку именно они репрезентируют характер восприятия и все особенности этого процесса.

Перцептивные глаголы в большинстве исследований по глагольной семантике подразделяются на группы в зависимости от типа восприятия (зрения, слуха, запаха, осязания, вкуса); см., например, в [Моисеева 2003; Передриенко 2022]. В круг нашего исследования входят русские глаголы *чувствовать*, *ощущать*, *испытывать*, которые репрезентируют контактный перцептивный процесс (*чувствовать запах / вкус / тепло / покалывание*).

Словарные дефиниции лексем *чувствовать*, *ощущать*, *испытывать* толкуют их друг через друга или через сходные слова (см. ниже подчеркнутые части определений):

чувствовать – ...испытывать к-л чувство, ощущать... [ТСРЯ];

– воспринимать органами чувств, ощущать... [СРЯ₂ 1995: 689];

ощущать – воспринимать органами чувств, чувствовать, ... испытывать, переживать [ТСРЯ];

– распознать в результате раздражения органов чувств, почувствовать, ... испытать к-л. чувство... [СРЯ₁ 1995: 736];

испытывать – изведывать что-либо на собственном опыте, претерпевать, прочувствовать... [ТСРЯ].

Несмотря на явное отличие в описании значения глагола *испытывать* по сравнению с глаголами *чувствовать*, *ощущать* в Словаре синонимов русского языка [ССРЯ] лексеме *испытывать* (в значении испытывать чувства, ощущения) предлагаются синонимы *чувствовать*, *ощущать*, *переживать*, а лексеме *чувствовать* даются в качестве синонимов глаголы *ощущать*, *испытывать*, лексеме *ощущать* – глаголы *чувствовать*, *испытывать*.

Описание значения синонимичных перцептивных глаголов друг через друга

или с помощью сходных определений ставит проблему разграничения их значений и выявления различий в их употреблении, а также показывает, что проблема описания и объяснения значения в целом трудно поддается решению.

Сходства и различия в значении и употреблении лексем *чувствовать*, *ощущать* и *испытывать* можно изучить с помощью исследования их сочетаемости. Сочетаемость лексем помогает выявить дополнительные характеристики значения – семантико-когнитивные признаки, которые не только уточняют значение, но и объясняют различия в значении и употреблении.

Сочетаемость перцептивных глаголов изучалась на основе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Обобщенная выборка контекстов со словами *чувствовать*, *ощущать* и *испытывать* составила 102, 96 и 50 единиц соответственно. С глаголом *испытывать* отбирались только контексты со значением «прочувствовать, испытывать какое-либо чувство или ощущение». Все контексты с исследуемыми глаголами были подразделены на три группы: 1) испытывать физические ощущения: холод, тепло, боль, покалывание и т. п.; 2) испытывать эмоции: страх, радость, ненависть, отвращение и т. п.; 3) испытывать нефизические чувства: неизбежность, потребность, поддержку, надежду, уверенность и т. п. В круг нашего анализа не вошли контексты типа *чувствовать (ощущать) себя плохо / хорошо / неловко / остро / глубоко / смутно / свободно*, и развернутые контексты *чувствовать (ощущать), что / как*.

Лексема *чувствовать* имеет следующую сочетаемость: *чувствовать тепло / холод / сырость / легкое покалывание по всему телу / боль / боль в руке / голод / жажду / легкое дуновение ветерка / жар от камина / запах / аромат / прикосновение / желание / ногами каменистое дно / рукой шероховатую поверхность прохладу / вкус / движение / прилив энергии / головокружение / боль в ноге; не чувствовать ног* (все примеры здесь и далее из НКРЯ);

чувствовать радость / спокойствие / гнев / ярость / ненависть / страх / волнение / тревогу / возбуждение / обиду / тоску / ревность / злость / любовь / грусть / жалость / нежность;

чувствовать потребность / усталость / опасность / взгляд / неловкость / необходимость / свободу / подвох / поддержку / сердцем / пустоту / неуверенность;

чувствовать себя в безопасности / героем / подлецом / счастливой / уверенной / свободным / лишним / дураком / предателем / маленькой девочкой / ребенком и др.

У слова *ощущать* выявлены следующие контексты употребления: *ощущать вкус (сливочного масла) / боль / запах гари / прилив сил / холод / озноб / сильную жажду / слабость / легкость / нервный пульс / усталость / блаженство / прилив сил / голод / жар в лице / тяжесть груза / приятную прохладу воды; ощущать теплое, мерное дыхание где-то у виска; ощущать на лице капельки воды; ощущать на висках пульсацию;*

ощущать волнение / сильное чувство стыда / внутреннее беспокойство / радость / страх / тревогу;

ощущать присутствие / потребность / надежду на лучшее / поддержку /

вкус свободы / беспомощность / острую нехватку / подозрительность / неизбежность своего превращения / эту упоительную власть;

ощущать себя немцем / политиком / маленькой девочкой; ощущать на себе взгляд ученика; ощущать на себе мировые тенденции.

Для перцептивного глагола *испытывать* были выявлены следующие контексты употребления: *испытывать чувство / боль / жажду / трепет / головокружение / горечь / тошноту / недомогание / дискомфорт;*

испытывать страх / облегчение / желание / ощущение / радость / эмоции / наслаждение / трудности / шок / разочарование / чувство вины / неловкость / стресс / возбуждение / эмоции / раздражение / гордость / неприязнь / досаду / симпатию / жалость / сожаление / переживания / гнев / ярость / нежность / злость / удовлетворение / горе / смятение / робость / потрясение / злорадство / гордость / целую гамму чувств;

испытывать угрызения совести / неудобство / смущение / давление / потребность / сомнение / интерес / напряжение / нужду / искушение / неуверенность / недоумение / влияние.

Из представленных контекстов понятно, что лексемы *чувствовать*, *ощущать* совпадают в большей части примеров, касающихся чувств и эмоций. Перцептивный глагол *испытывать* в отличие от глаголов *чувствовать*, *ощущать* сочетается только с несколькими номинантами чувств и ощущений, но также имеет сходную сочетаемость с обозначениями эмоций и нефизических чувств. При этом есть контексты со словом *чувствовать*, в которых невозможна его замена на лексемы *ощущать* и *испытывать*: *чувствовать рукой тепло* / **ощущать рукой тепло* / **испытывать рукой тепло*. В ряде других контекстов также неприемлема замена глагола *испытывать* на глаголы *чувствовать* и *ощущать*, или глагола *ощущать* на глаголы *чувствовать* и *испытывать*: *испытать горе* / **чувствовать горе* / **ощущать горе*; *ощущать на висках пульсацию* / ?*чувствовать на висках пульсацию* / **испытывать на висках пульсацию*.

Отличия в сочетаемости лексем *чувствовать* и *ощущать* наблюдаются только в случаях, когда перцептивный глагол *чувствовать* описывает перцептивные действия, связанные с восприятием каким-то отдельным органом или частью тела: *чувствовать рукой тепло*, *чувствовать сердцем*, ср. при этом неправильные: **ощутить рукой тепло* / **ощутить сердцем*, и правильное: *ощутить (всем телом) тепло*; *чувствовать ногами дно* / **ощущать ногами дно*; *не чувствовать ног* / **не ощущать ног*. Поэтому были сформулированы два семантико-когнитивных признака, которые могут объяснить различия и сходства в употреблении лексем *чувствовать* и *ощущать*: 1) «восприятие субъектом перцептивного события или перцептивных характеристик некоторого объекта всем телом, внутренне» 2) «восприятие субъектом перцептивного события отдельными частями тела / органами», которые включены в значение лексемы *чувствовать*, а в структуру значения лексемы *ощущать* включается только первый признак: «восприятие субъектом перцептивного события или перцептивных характеристик некоторого объекта всем телом, внутренне», ср. правильное: *ощущать*

себя немцем (внутренне, всем существом) и неправильные: *чувствовать себя немцем / испытывать себя немцем.

При обозначении перцептивного действия глаголом *испытывать* значимы «период восприятия некоторого перцептивного события» и «результат сравнения восприятия этого события с предыдущим опытом», которые не релевантны для описания значений глаголов *чувствовать* и *ощущать*: *Он испытал такую ненависть, которую еще никогда ранее не испытывал* (здесь явно выражен «результат сравнения восприятия события с предыдущим опытом») / *Он испытал горе* (горе – это чувство не мимолетное, а продолжительное, ср.: *случилось большое горе; у него горе*). Эти два признака налагают запрет на использование перцептивных глаголов *чувствовать* и *ощущать* в контекстах: **Он чувствовал горе* / **Он ощущал горе*. Ср. также правильное: *Он чувствовал, что у нее горе*, где глагол *чувствовать* репрезентирует понимание / осознание того факта, что у кого-то горе.

Выявленные на основе сочетаемостных характеристик семантико-когнитивные признаки позволяют объяснить различия в значении и употреблении лексем *чувствовать*, *ощущать* и *испытывать*, отвечающих за контактные перцептивные действия. Вместе с тем остаются контексты, которые не получили объяснения и требуют дальнейшего исследования для выявления других семантико-когнитивных признаков, составляющих когнитивную интерпретацию значения исследуемых перцептивных глаголов.

Литература

- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
Моисеева С.А. Глаголы восприятия и дейксис // Известия Российского гос. пед. ун-та. 2003. № 5. С. 106-115.
Передриенко Т.Ю. Семантика перцептивных глаголов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 112-119.
СРЯ₁ – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.
СРЯ₂ – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.
ССРЯ – Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З.Е. Александрова. М.: Русский язык, 2000–2024. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>.

Alexandra L. Los' (Moscow, Russia)
National Research University of Electronic Technology

THE COGNITIVE ASPECT IN THE FUNCTIONING OF RUSSIAN PERCEPTUAL VERBS

The article deals with the study of the compatibility of contact perceptual verbs *chuvstvovat'* (to feel), *oshhushhat'* (to sense) and *ispytyvat'* (to experience). Based on the analysis of combinable characteristics, similar and distinctive semantic-cognitive features in the meaning of perceptual verbs are identified and differences in the meanings conveyed are shown.

Key words: perceptual verbs, contact, meaning, combinability, semantic and cognitive feature

Е.А. Лыкина (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
ealykina@lunn.ru

И.Н. Кабанова (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
kabanova@lunn.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧУВСТВА СТРАХА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Статья ставит своей целью выявить и систематизировать концептуальные модели, репрезентирующие чувство страха в англоязычных библейских текстах. В ходе анализа выявляются особенности метафорического осмысления страха человеком библейской эпохи и вербализация их средствами английского языка.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептуальная метафора, метафорическая модель, библейский текст, страх

В последние десятилетия в зарубежной и отечественной лингвистике в вопросах исследования природы метафоры доминирующую позицию занимает когнитивная парадигма. Последователи теории когнитивной метафоры, изложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, исследуют особенности осмысления эмоционального опыта человеком и отражения этих представлений в языке (Е.В. Пичугина, А.М. Булатова, И.А. Волостных, Р.М. Валиева, П.М. Омарова, С.М. Пашков, Е.А. Яшкина, О.Ф. Задобриевская, О.А. Сайко, З. Ковечеш, У. Ойстер). Большинство работ фокусируется на метафорической репрезентации эмонимов в рамках современного языка, тогда как диахронический или ретроспективный аспекты данной области исследования остаются малоизученными.

Актуальность исследования обусловлена его включенностью в общую парадигму когнитивистики, необходимостью дальнейшего исследования концептуализации эмонимов в культурологическом аспекте.

Материалом статьи послужили тексты англоязычной версии Библии Короля Якова (King James Version). Эмпирическую базу составили 76 контекстов, метафорически объективирующих эмоним FEAR, который представлен лексически существительными *fear, terror, dread, horror*, первое из которых количественно превалирует. При этом в орбиту исследования намеренно не были включены вербальные репрезентанты концептуальной сферы FEAR of the LORD, которая занимает обособленное положение, являясь библейским концептом, тогда как концепт FEAR представляет собой универсальный концепт, в эволюции смысловой наполненности которого библейский текст играет свою роль. Теоретической базой исследования послужили труды по теории метафорического моделирования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, З. Ковечеша, А.П. Чудинова, которые раскрывают когнитивную функцию метафоры и определяют ее как осмысление одного понятия через другое на основе схожести их элементов [Kövecses 1994: 4; Лакофф, Джонсон 2004: 148; Чудинов 2013: 18].

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что наиболее частотной оказывается метафорическая модель FEAR IS A LIVING BEING, которая актуализируется глаголами *come, seize, take hold, bring*: I will mock when your fear *cometh* [Proverbs 1: 26]; The fear of man *bringeth* a snare: but whoso putteth his trust in the LORD shall be safe [Psalms 29: 25].

Эта модель, в частности, представлена фреймом FEAR IS A COMPANION, который реализуется препозициональным словосочетанием с предлогами *with* и *without*: Dominion and fear are *with* him, he maketh peace in his high places [Job 22: 5]; Now if Timotheus *come*, see that he may be *with* you *without* fear... [Corinthians 16: 10].

Страх также олицетворяется с неким живым существом, он производит шум: And it shall *come* to pass, that he who *fleeth* from *the noise of the fear* shall fall into the pit [Isaiah 24: 19] и наделен голосом: We have heard *a voice* of trembling, *of fear*, and not of peace [Jeremiah 30: 5].

Фрейм FEAR IS AN ENEMY отражает представление о страхе как о нежелаемом объекте, от которого хочется избавиться, и поэтому вербализуется лексемами *cast off/out, flee from, turn away, preserve from/safe from, stand against*, например: He that *fleeth from* the fear shall fall into the pit; and he that getteth up out of the pit shall be taken in the snare [Jeremiah 48: 44]; Yea, thou *castest off* fear, and restrainest prayer before God [Job 15: 4].

Персонификация эмоционального состояния – явление типичное для человеческого сознания. Стремление олицетворить неодушевленный предмет, абстрактное явление, категоризировать его соответственно имеющемуся опыту является универсальным способом познания действительности и свойствен миропостижению человека библейской эпохи.

Равной частотностью характеризуется пространственная метафора FEAR IS DOWN, которая вербализуется словосочетанием *fall upon* и предлогом *upon*: And they set the altar *upon* his bases; for fear was *upon* them because of the people of those countries [Ezra 3: 3]; Fear and dread shall *fall upon* them [Exodus 15: 16]

Это может быть объяснено тем, что человек библейской эпохи стремился найти объяснение происходящему в волеизъявлении Господа. Представлялось, что чувство страха нисходило сверху, при этом человек испугавшийся чувствовал себя подавленным, т.е. пространственно находился под чувством страха. Дополнительный анализ языкового корпуса *Google Books Corpus* зафиксировал 4642 примера сочетания лексемы FEAR с глаголом *fall / fall upon*, которые в подавляющем большинстве обнаруживаются в религиозном дискурсе. Это вскрывает такую сторону мотива FEAR в библейском контексте как отождествление его с неким сверхъестественным феноменом. Это также подтверждается несколькими контекстами употребления *fear* со словосочетанием *come upon* (нисходить), например, Fearfulness and trembling *are come upon* me, and horror hath overwhelmed me [Psalms 55: 5]. Вышесказанное дает основание предположить, что библейские тексты представляют восприятие страха в рамках метафоры FEAR IS A SUPERNATURAL PHENOMENON.

При этом овеществление страха происходит редко. Метафора FEAR IS AN OBJECT представлена лишь локативом *to be on*: Go not forth into the field, nor

walk by the way; for the sword of the enemy and *fear is on every side* [Jeremiah 6: 25].

Концептуализация каузации и процесса переживания страха с помощью глагола *lay* (положить), предлога *on* (на), словосочетания *stand in* (ходить в) актуализирует нечастотную метафорическую модель FEAR IS A CLOTH: There shall no man be able to stand before you: for the LORD your God shall *lay the fear of you and the dread of you upon* all the land that ye shall tread upon, as he hath said unto you [Deuteronomy 11:25]. Эта метафора представляет страх как нечто нависающее над человеком, накрывающее его, обволакивающее, находящееся снаружи.

В рамках исследуемой метафоры страх как предмет актуализирует метафора FEAR IS AN OBSTACLE в контексте: Also when they shall be afraid of that which is high, and fears shall *be in the way* [Ecclesiastes 12: 5].

Желание избавиться от страха, который мучает тело и душу, выражено в отрывках, представляющих примеры концептуализации страха как болезни (FEAR IS ILLNESS): For they, that promised to drive away *terrors and troubles from a sick soul*, were *sick themselves of fear*, worthy to be laughed at [Wisdom of Solomon 17: 8].

Существительное-эмоним *fear* частотно в локативных конструкциях с предлогами *in* (в) и как дополнение к глаголу *put* (помещать), что инициирует перенос в концептуальную область ВМЕСТИЛИЩЕ. Всего метафора FEAR IS A CONTAINER представлена 12 контекстами, например, And Tobiah sent letters to *put me in fear* [Nehemiah 6: 19]; There were they *in great fear* [Psalms 13:5].

В следующих контекстах, напротив, страх представлен как содержимое контейнера, вербализируя метафорическую модель FEAR IS SUBSTANCE. В приведенных примерах метафорические сочетания характеризуются интериоризирующей образностью, что нашло отражение только в трех контекстах. В примерах 1 и 2 сосудом представлен человек, в примере 3 FEAR IS SUBSTANCE актуализируется внутри метафоры LOVE IS A CONTAINER за счет экзистенциальной конструкции *there is*: 1) And they were all amazed, and they glorified God, and were *filled with fear* [Luke 5:26]; 2) For, when we were come into Macedonia, our flesh had no rest, but we were troubled on every side; without were *fightings, within were fears* [Corinthians 7: 5]; 3) *There is no fear in love*; [John 4: 18].

Концептуальная метафора FEAR IS AN INSTRUMENT представлена фреймами FEAR IS A WEAPON: *The sword without, and terror within*, shall destroy both the young man and the virgin, the suckling also with the man of gray hairs. [Deuteronomy 32: 25] и FEAR IS AN AX: Behold, the Lord, the LORD of hosts, shall *lop the bough with terror*: and the high ones of stature shall be hewn down [Isaiah 10: 33].

Таким образом, количественное соотношение выявленных концептуальных метафор распределилось следующий образом: FEAR IS A COMPANION (13), FEAR IS DOWN = FEAR IS A SUPERNATURAL PHENOMENON (12), FEAR IS A CONTAINER (11), FEAR IS A LIVING BEING (9), FEAR IS AN UNWANTED BEING (8), FEAR IS SUBSTANCE (4), FEAR IS A WEAPON (4), FEAR IS A CLOTH (4), FEAR IS AN OBJECT (3), FEAR IS A HUMAN BEING (3), FEAR IS AN ILLNESS (3), FEAR IS AN AX (1), FEAR IS AN OBSTACLE (1).

Анализ эмпирической базы показал, что в контексте англоязычного библей-

ского нарратива чувство страха концептуализируется в основном как экстерииорирующее, то есть находящееся снаружи, при этом оно подавляет, накрывает или мешает, вызывает желание избавиться. В равной степени частотна метафора, представляющая чувство страха как живое существо. Примечательно представление страха в виде сверхъестественного объекта, ниспосланного сверху. Есть основания предположить, что концептуализация страха через сферы-источники SUPERNATURAL PHENOMENON, DOWN реализуется исключительно в религиозном дискурсе. Подтверждение этой гипотезы требует привлечения дополнительного материала и его последующего анализа.

Сделанные выводы релевантны в отношении англоязычного перевода Библии. Метафоризация чувства страха на языке первоисточника и лингвистические средства его объективации ресурсами других языков могут стать предметом отдельного исследования. При этом на данном этапе представляется, что выявленные сферы-источники отражают особенности мировоззренческой системы человека библейской эпохи и его эмоциональный опыт.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2013.

Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

The Holy Bible in the King James Version. Nashville, 1984.

Elena A. Lykina (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Irina N. Kabanova (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

METAPHORIC MODELLING OF “FEAR” IN THE ENGLISH BIBLE TEXTS

The article is aimed at defining and systematizing the cognitive metaphoric models representing the feeling of fear in the Bible texts translated into English. The analysis reveals the peculiarities of the ways fear was perceived by man in the Biblical era and their manifestations by means of the English language.

Key words: concept, conceptualization, conceptual metaphor, metaphoric model, Bible, fear

Н.В. Мамонова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет
natalya-mamonova@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (1909–1921 И 2002–2023 ГГ.)

В статье исследуются особенности репрезентации концепта СЕМЬЯ как одного из основных концептов культурно-ценностной матрицы российского языкового сознания на материале медиатекстов региональных российских СМИ 1909–1921 и 2002–2023 гг.

Ключевые слова: медиадискурс, концепт, культурно-ценностная матрица, языковое сознание

В современном меняющемся мире СМИ задают содержание культурно-ценностной матрицы языкового сознания. Коммуникационные процессы в масс-медиа обеспечивают постоянно возрастающий поток информации, которая вымывает часть смысловых компонентов в системообразующих концептах и категориях, хранящих культурный код локального языкового сознания, а часть смысловых компонентов привносится в концептуальную систему, заменяя старые.

Для языкового сознания характерна структурированность: «формирование когнитивных доминант и ориентиров как определенных точек отсчета (когнитивных точек референции) при восприятии и осмыслении информации обусловлено унификацией форматов ее репрезентации, в том числе языковых форматов» [Болдырев 2015; Болдырев 2016: 47]. В современном медиадискурсе исследователи отмечают коммуникативное «сжатие мира», «нивелирование различий устной и письменной речи», «вульгаризацию», размывание институциональности [Желтухина 2016; Карасик, Слышкин 2021: 23]. Системное воздействие глобальной пропаганды через медиадискурс сопряжено зачастую «с размыванием смысловых структур, в которых зафиксированы ценностные ориентиры и алгоритмы поведения для среднестатистического индивида, в пользу альтернативных, чаще глобальных, как наиболее эффективно транслируемых в медиадискурсе, более привлекательных для реципиентов» [Мамонова 2023: 67].

В статье мы рассматриваем особенности репрезентации концепта СЕМЬЯ как одной из основополагающей культурной доминанты в российском языковом сознании. В нашем исследовании используются газетные материалы Национального корпуса русского языка 2002–2023 гг. и Национальной электронной библиотеки 1909–1921 гг. Эти 2 точки входа изучения медиатекстов региональных СМИ позволяют наиболее точно представить особенности репрезентации концепта СЕМЬЯ в разные периоды времени. Рассмотрим некоторые контексты периода 1913–1921 гг.:

И зажилъ онъ жизнью живого, полезного члена **семьи** [Алтайский крестьянин 1913. N 22]; Промысль этотъ не такъ еще развить, чтобы имъ можно было кормиться, а **семьи** эти, помимо прядения, занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ [там же]; Раздача хлеба производилась волостными чинами не безъ грѣха. Выдавали крестьянину на **семейство**, вместо пуда, лишь 30 фунтовъ хлеба [Сибирская неделя 10.11.1913.].

Семья – это базовая ячейка общества в культурно-ценностной матрице российского общества. Крестьянство в тот период времени составляло самый большой процент от населения Российской империи, и семья была одной из базовых ценностей носителей языкового сознания исследуемого промежутка времени. Концепт СЕМЬЯ ассоциируется с лексемами «полезный», «кормиться», «занимается», «выдавать на семейство», «раздача хлеба». Семья была обычно многодетной, более того многодетность была обоснована и экономической пользой, с малолетства дети приучались к труду («хлѣбопашествомъ и огородничествомъ»).

Так о роли женщины в семье пишет «Брачная газета»: «Разве мы можемъ оставаться равнодушными къ тому, что подъ немецкимъ игомъ попирается всякое уважение къ **семье** и ея узамъ? ... Разве не она (женщина) группируетъ возле

себя всю **семью** в каждой цивилизованной странѣ? Разве не ея терпение в течение вѣков охраняло домашний очаг, здоровье детей и юношей?» [Брачная газета 5.03.1917].

Концепт СЕМЬЯ репрезентируется лексическими единицами «уважение», «семейные узы», «терпение», «домашний очаг». В основе семейного воспитания просматривается особая роль материнства в российской семье. Мать организует и охраняет семейный быт.

В период перемен роль семьи не умалается, в СМИ отмечаются проблемы семей данного периода времени, связанные с историческими событиями: «В защиту «маленьких людей». Мало думают о матерях да о женахъ. Трудно жить сейчас простому люду, а особенно туго женам-матерямъ, да женамъ солдатскимъ. Работать приходится за двоихъ – за себя и за мужа» [Трудовая Копѣйка 14.01.1917]; «Товарищ! Твой долг помочь **семье** красноармейца. Порядок сбора пожертвований в день помощи **семье** красноармейца» [На помощь! 8.01.1922].

Важность материнства в трудные времена и большой труд матерей и жен по сохранению семейного очага передается лексемами «маленькие люди», «трудно жить», «работать за двоих», «долг помочь», «сбор пожертвований», «помощь». Другими словами, концепт СЕМЬЯ следует рассматривать как один из основных концептов культурно-ценностной матрицы российского языкового сознания периода 1913–1921 гг.

Приведем некоторые контексты второго периода, 2002–2023 гг. У нее двое детей, муж, два ньюфаундленда и кошки. Это **семья**. [М. Руина. Выход на BIS // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород) 11.02.2002]; И хотя у Ларисы Ивановны уже у самой **семья** и двое детей, событие для нее больше, чем просто радость [Н. Щербаква. «Золотой ключик» для детей-сирот // «Вестник района» (Советский район Марий Эл) 15.12.2011]; Средства собирали всем миром. Каждая **семья** сдавала по 10 рублей. Помогли и крупные хозяйства [В Новой Чигле на средства населения восстановили пожарную часть // Вести Воронеж (Таловский район) 28.07.2003].

Концепт СЕМЬЯ сохраняет признак единицы российского общества, о чем свидетельствует оппозиция «всем миром» – «каждая семья». Признак многодетности диссипировался и стал вариативным. Типичная семья – это муж, жена, 1-2 ребенка; многодетность заместила малодетностью и / или разведением домашних питомцев. Флуктуационные процессы в интерпретационном поле концепта СЕМЬЯ можно отследить, например, в следующем контексте.

Заграница поможет. Время стирает города и цивилизации. И оно властно даже над истинными ценностями, такими, как дружба, верность, **семья**... [Маслом вниз // «Дело» (Самара) 17.07.2002]; НАСТОЯЩЕЕ ПРЕКРАСНО, БУДУЩЕЕ ТУМАННО? **Семья** глазами молодых [Настоящее прекрасно, будущее туманно? // «Весть» (Калуга) 15.08.2002].

Смысловые компоненты «время стирает», «властно даже над истинными ценностями», «туманно» передают аспекты оценочной категоризации новых смыслов концепта СЕМЬЯ, показывающих неуверенность в правильности новых

поведенческих алгоритмов, распространяемых в медиапространстве. Словосочетание «глазами молодых» иллюстрирует пересмотр культурно-ценностных ориентиров новым поколением.

Тем не менее в российском языковом сознании прочно закреплен еще ценностный ориентир, репрезентируемый концептом СЕМЬЯ, который связывается с признаком безопасности. Центральное место в семье теперь занимает ребенок, следовательно, именно его благополучию и безопасности подчинены многие установки, тиражируемые СМИ: «Если ребенок знает, что интересен своим родителям и знает их нравственные ценности, если в доме есть атмосфера доверия и любви, этот маленький человек во многом надежно защищен. По сути, **семья** способна обеспечить безопасность не только на летние каникулы, а на всю жизнь» [От чего зависит безопасность наших детей? // «Ижевская газета» 02.06.2010].

Алгоритмы, одобряемые в социуме, зафиксированы в словосочетаниях о ребенке и его месте в семье: «интересен своим родителям», «знает их нравственные ценности», «в доме есть атмосфера доверия и любви».

Стоит отметить, что четко отслеживается признак материальной или финансовой помощи государства, стимулирующей рождение детей, с целью переломить тенденцию поведенческих алгоритмов малодетности или бездетности. Эти факты иллюстрируют следующие контексты.

В регионе упрощена процедура распоряжения средствами материнского капитала, который **семья** направляет на улучшение жилищных условий с привлечением кредитов [Челябинцы могут потратить маткапитал на погашение кредита // «Вечерний Челябинск» 16.10.2020]; **Семья** имеет право претендовать на пособие в размере 50, 75 либо 100 процентов от прожиточного минимума ребенка в конкретном регионе [Какие семьи получают выплаты от государства на детей от 8 до 16 лет в Воронежской области // Новости города Борисоглебска 09.03.2022].

О популярности алгоритмов откладывания создания семьи и деторождения на более поздний срок свидетельствует увеличение возраста молодежи до 35 лет на государственном уровне, например: «Также данный закон дает точные определения таким понятиям, как «молодежь», «молодая **семья**», «молодежная политика»...» [В России возраст молодежи увеличили до 35 лет // Новости города Борисоглебска 24.12.2020].

В медиадискурсе последних лет концепт СЕМЬЯ репрезентируется через лексемы «воспитательный процесс», «базовая ценность», «рождаемость», «традиционная ценность», «абсолютная и непререкаемая ценность» и противопоставляется смысловому компоненту «личное благополучие».

Программа является частью непрерывного воспитательного процесса, основой которого являются базовые ценности: Родина, **семья**, дружба, труд, милосердие [Отдых без ограничений // Администрация Россошанского района Воронежской области 07.06.2022]; Демографическая ситуация в России сможет измениться, когда люди начнут понимать, что обретаемые в **семье** ценности компенсируют потерю какой-то части личного благополучия, заявил патриарх Московский и всея Руси Кирилл, комментируя послание президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию [Патриарх Кирилл: семейные ценности важнее

личного благополучия // РИА новости 15.01.2020]; Минтруд разрабатывает дополнительные меры по повышению рождаемости, сообщила первый замминистра труда и соцзащиты Ольга Баталина в ходе форума «Демография и семейная политика – 2030: опора на традиционные ценности» [Минтруд анонсировал шесть блоков мер для повышения рождаемости // Ведомости 30.05.2023]; Президент назвал поддержку материнства и детства абсолютной и непререкаемой ценностью для всей страны [Путин поручил Правительству подготовить пакет мер для повышения рождаемости // ТАСС 15.12.2022].

Исследование репрезентации концепта СЕМЬЯ в российском медиадискурсе 1909–1921 и 2002–2023 гг. показало значительную диссипацию базовых смысловых компонентов многодетность, материнство и их подмену на малодетность / бездетность, личное благополучие. Этот феномен трансформации российского языкового сознания представляется чрезвычайно актуальным и перспективным для проведения дальнейших фундаментальных лингвистических исследований.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35-48.

Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. Т. 14. № 3-4. С. 292-296.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14-31.

Мамонова Н.В. Специфика противодействия глобальным трендам (на материале российского медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2023. №1 (97). С. 60-68.

Natalya V. Mamonova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT “FAMILY” IN THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE (1909–1921 AND 2002–2023)

This article examines the peculiarities of the representation of the concept FAMILY as one of the main concepts of the cultural and value matrix of Russian linguistic consciousness based on the media texts of regional Russian media in 1909–1921 and 2002–2023.

Key words: media discourse, concept, cultural and value semantic matrix, linguistic consciousness

О.Б. Мангова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
o_kassandra@mail.ru*

В.И. Дубчак (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
vd.dubchak@yandex.ru*

ОПЕРАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ «ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье проводится анализ операционного концепта ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ: рассматривается его фреймовая структура, приводятся примеры номинаций, вербализующие его отдельные слоты. Далее рассматривается функционирование операционного концепта ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ в политическом дискурсе англоязычных СМИ.

Ключевые слова: операционный концепт, политический дискурс, ядерное сдерживание, метафора, вербализация

По признанию большинства исследователей, дискурс соотносится с определенной концептосферой, представленной суммой концептов, отражающих в языковом сознании соответствующую область знания. Реализация политического дискурса имеет место преимущественно в печатных изданиях, текстах СМИ, посвященных политическим вопросам, а также в общественно-политических ток-шоу. Концептосфера политического дискурса включает множество концептов, среди которых можно найти немало операционных, например, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ, ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ, МИЛИТАРИЗАЦИЯ и др. По определению В.Г. Кузнецова, операционный концепт представляет собой сложное ментальное образование, отражающее фрагмент знания комплексного и энциклопедического характера об операционном действии [Кузнецов 2010: 317]. Операционность действия, по мнению Кузнецова, заключается в том, что действие совершается субъектом над объектом с определенной целью. Операционные концепты имеют ряд релевантных признаков, таких как объективность, гибкость, фиксированная структура, институциональность и вербализация терминами.

Особое место среди операционных концептов политического дискурса занимает концепт ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ (NUCLEAR DETERRENCE). Сфера ядерной безопасности и ядерного сдерживания является особенно важной в системе политических и международных отношений. Новые геополитические реалии и нарастающие негативных тенденций в мировом пространстве свидетельствуют о возрастающей значимости этого концепта. Анализ языковой репрезентации операционного концепта ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ дает представление о том, какое место он занимает в современной политической картине мира.

На основании фактического материала, почерпнутого из энциклопедических и других справочных источников, периодики, дидактической литературы были установлены участники ситуации ядерного сдерживания и получены представления о характере их взаимоотношений.

Структура операционного концепта представлена фреймом с обязательными и необлигаторными элементами. Обязательные элементы объединяются в пропозициональную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ, необлигаторные элементы включают следующие слоты: МЕТОД, ИНСТРУМЕНТ, ОСНОВА (концептуальная и документальная) и ЦЕЛЬ [Мангова 2011: 57].

Слот СУБЪЕКТ. Субъектами ядерного сдерживания являются государства и военные коалиции, обладающие ядерным потенциалом, а также страны, предоставляющие свою территорию для развертывания стратегических наступательных средств.

Слот ОБЪЕКТ. Объектом ядерного сдерживания является потенциальный противник (как ядерная, так и неядерная держава).

Слот МЕТОД. Методы представляют собой ядерные политики и стратегии, направленные на ядерное сдерживание.

Слот ИНСТРУМЕНТ. Инструменты – это боевые возможности, совокупность различных видов вооружения, техники и войск, которые осуществляют ядерное сдерживание.

Слот ОСНОВА. Концептуальная основа – принципы взаимодействия, на основе которых осуществляется ядерное сдерживание. Документальная основа – международные обязательства и договоры, на основе которых осуществляется ядерное сдерживание.

Слот ЦЕЛЬ. Целью ядерного сдерживания является стабильность межгосударственного взаимодействия в ядерной сфере.

Приведем примеры вербализаций данных слотов в английском языке (его американском варианте). Поскольку США является одной из мощнейших ядерных держав, выбор представляется вполне оправданным.

СУБЪЕКТ: *nuclear club, party, coalition of parties, Nuclear Power, USA, NATO, Russia, China.*

ОБЪЕКТ: *adversary, potential adversary, probable adversary, possible aggressor, party, coalition of parties.*

ИНСТРУМЕНТЫ: *MDW (Mass Destruction Weapon), Nuclear Triad, ICBM (Intercontinental Ballistic Missile) «Minuteman III», Strategic Bomber Boeing B-52 «Stratofortress», SSBN (Nuclear Ballistic Missile Submarines) «Ohio», MGM-140 ATACMS (Army Tactical Missile System), BMD (Ballistic Missile Defense), Air Defense, SSPARS (Solid State Phased Array Radar System), TPQ-53 QRCR (Quick Reaction Capability Radar)* [DOD Dictionary of Military and Associated Terms 2021].

МЕТОД: *defensive deterrence, offensive deterrence, counterproliferation, counterforce strike, preventive threats, preemptive strike.*

ЦЕЛЬ: *space security, nuclear stability, prevention of aggression, de-escalation of military conflict.*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА: *nuclear missile parity, «inevitability of retaliation», mutually assured destruction, intolerable or deterrent damage.*

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА: *«Nuclear Non-Proliferation Treaty» (NPT, 1967), «The Anti-Ballistic Missile Treaty» (ABMT, 1972), «Intermediate-Range and Shorter-Range Missile Reduction Treaty» (INF, 1987), Strategic Arms Reduction*

Treaty I (START I, 1991), «Strategic Arms Reduction Treaty II» (START II, 1993), The Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT, 1996), «Strategic Offensive Reductions» (SORT, 2002), «Proliferation Security Initiative» (PSI, 2003), «Strategic Arms Reduction Treaty III» (START III, 2010).

Операционный концепт ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ характеризуется значительным количеством вербализации, большая часть которых является прямыми номинациями. Как известно, для прямой номинации характерна непосредственная соотнесенность с предметом обозначения, использование нейтральных единиц. Косвенные средства вербализации слотов концепта ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ (метафоры) встречаются в текстах общественно-политического характера. Они обладают экспрессивными свойствами, которые реализуют прагматический потенциал языковых средств, т. е. способность вызывать у адресата эмоции, соответствующие намерениям автора, одновременно выполняя аттрактивную функцию, т. е. привлечение внимания читателя к статье. Приведем примеры.

«Russia's hard-liners are rattling the nuclear saber vigorously these days, on television and in academic journals, arguing that an atomic blast – in Ukraine, in Europe, or maybe in a test over Siberia – is the only way to restore the West's fear of Russian might» (The New York Times, «On Russian Nuclear Threat, Putin Lets Others Rattle the Saber», 7 октября 2021 г.).

В этом примере вербализуется предикат фрейма с использованием метафоры, означающей бахвальство, демонстрацию силы и угрозу, что свидетельствует об иронии и некотором пренебрежительном отношении автора.

*«The exchange was typical of an emerging dynamic in Moscow, in which Russian hard-liners voice provocative proposals about using or testing nuclear weapons, only for Mr. Putin to present himself as a moderating force **holding back the more extreme dogs of nuclear war** – while never really taking the threat off the table» (The New York Times, «On Russian Nuclear Threat, Putin Lets Others Rattle the Saber», 7 октября 2021 г.).*

В тексте используется метафора для вербализации слота СУБЪЕКТ. Проводится мысль о том, что вовлечение в ядерный конфликт третьих сторон (очевидно, автор намекает на Китай и Северную Корею) является предметом обеспокоенности как объектов ядерного сдерживания, так и всей мировой общественности, и что действия данных акторов могут быть контролируемы.

*«From the start, **the dark clouds of nuclear escalation** have hung over the world, clearing at times, and then sweeping back, often to service Mr. Putin's agenda of the moment» (The New York Times, «On Russian Nuclear Threat, Putin Lets Others Rattle the Saber», 7 октября 2021 г.).*

В этом примере используется развернутая метафора, взятая из области-донора «погода», которая проводит мысль об опасном для мира положении из-за ядерного сдерживания и, как и в предыдущем примере, акцентирует мнение автора о манипулятивном характере данных действий со стороны субъекта.

В следующих двух примерах с помощью метафор, вербализующих слот ИНСТРУМЕНТ (*magic-wand*) и МЕТОД (*hair-trigger*) автор эксплицирует свою негативную оценку ядерному поведению субъектов ядерного сдерживания:

«If anything, Putin's nuclear bellicosity has only fueled the international backlash

against Russia. Russia's experience over the past year offers a vivid reminder that **nuclear weapons are not a magic wand**» (CNN, «What to know about Russia's latest move on nuclear weapons», 21 февраля 2023 г.).

«Both countries keep their strategic **nuclear arsenals on «hair-trigger» alert, meaning that nuclear weapons can be launched on short notice**» (CNN, «Satellite images show increased activity at nuclear test sites in Russia, China and US», 23 сентября 2023 г.).

Когнитивно-дискурсивный подход к общественно-политическим текстам выявляет способ подачи информации об атомной дипломатии, представленной операционным концептом ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ, с опорой на средства его вербализации. Знание этих вербализаций, а также политических реалий, лежащих в основе рассмотренного операционного концепта, является неотъемлемым для успешного сотрудничества в сфере ядерной безопасности, что необходимо специалистам в области политических наук, дипломатами переводчикам.

Литература

Кузнецов В.Г. Типология концептов // Когнитивные исследования языка. 2010. С. 316-318.

Мангова О.Б. Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff, DOD Dictionary of Military and Associated Terms. Washington DC: The Joint Staf, 2021.

Oksana B. Mangova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Vsevolod I. Dubchak (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

OPERATIONAL CONCEPT “NUCLEAR DETERRENCE” IN POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article analyses the operational concept NUCLEAR DETERRENCE: it considers the frame structure and gives examples of nominations verbalising separate slots of the concept. Furthermore, the authors consider functioning of the operational concept NUCLEAR DETERRENCE in the political discourse of English-language media.

Key words: operational concept, political discourse, nuclear deterrence, metaphor, verbalisation

М.С. Милованова (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

mashamilov@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Противительная семантика изначально формировалась на основе пространственных слов в результате их метафоризации. Следующим этапом в развитии мысли о противительности можно назвать процесс лексикализации предлога *против*, его переход в категорию состояния, а также метафоризацию значений существительных – *пропасть, стена, линия, бордюр, шлагбаум, пауза* и др., включающих сему ‘граница’ в исходное лексическое значение.

Ключевые слова: противительность, пространственная семантика, метафоризация, символизация, лексическая категоризация

Противительность как смысл развивалась постепенно, ее лексический фонд в истории русского языка изначально формировался на базе слов с пространственной семантикой (*против, напротив, вопреки, прочь, долой* и др.) [Милова-нова 2008]. Развитие производной противительной семантики соответствует логике развития многих смыслов / отношений – временных, причинных, посессивных и др.: они развивались из отношений конкретных, пространственных, «доступных зрительному восприятию» [Гак 2018: 247]. В зарубежной лингвистике теория образования значений на базе пространственных получила название *локалистской* (подробное освещение этого вопроса в лингвистической литературе см. в [Сарайкин 2023]).

В основе противительности лежит представление о физическом (= объективном) противопоставлении предметов, которое человек может наблюдать (статическая ситуация), или предмета, к которому он приближается (динамическая ситуация; ср. значение *противъ* в древнерусском языке ‘навстречу’ [Срезневский 1989, II: 1593]).

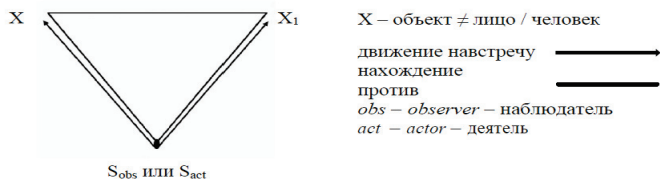

Схема 1. Пространственные отношения

При переходе от мысли о пространственном противоположении / противопоставлении к мысли о противительности (*субъективное противопоставление*) важнейшим понятием становится *граница* – мысль о границе, также восходящая к пространственным категориям.

В теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа граница между *внутри* (= ‘в теле’) и *снаружи* (= ‘вне тела’) – это обязательный элемент образной схемы «вместилище» (= тело человека): ВНУТРЕННЕЕ, ГРАНИЦА, ВНЕШНЕЕ [Лакофф 2004: 355]. Дальнейшее развитие этой мысли находим у Е.С. Кубряковой: «Таким образом, уже в нем самом [в человеке] содержалась как идея всего сущего, так и ограниченности этой среды рамками **видимого и наблюдаемого в поле его зрения**» [Кубрякова 2004: 482] (выделено мной. – М.М.) Мысль о противительности актуализируется, когда место объекта (X) занимает **другой субъект (S₂), входящий в поле его зрения (= его интересов)**: для каждого из субъектов (S₁ и S₂) важным является ‘свое пространство’ и знание условной границы (B).

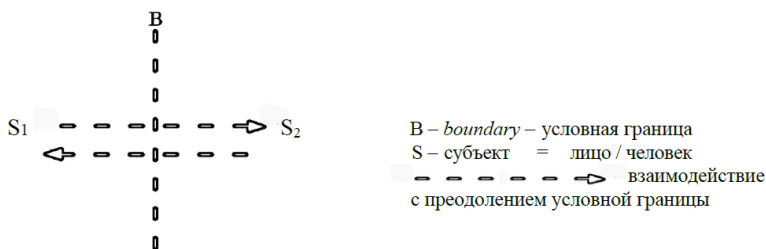

Схема 2. Противительные отношения

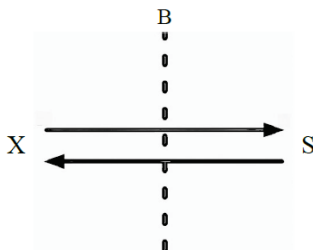

Схема 2а. Противительные отношения: гипотетическая ситуация

Эта разновидность схемы 2 подразумевает гипотетическую ситуацию, в которой X (объект как неодушевленный предмет) «дорастает» до уровня человеческого интеллекта, – ситуация, представленная в научно-фантастическом романе Дж. Уиндема «День триффидов» или в блокбастере «Терминатор».

Русское коммуникативное поведение отличается такой особенностью как желание одного из участников диалога (диалог = *общение, коммуникация*) нарушить границу, расширить собственное коммуникативное пространство за счет другого участника – следовательно, русский язык располагает значительным количеством лексических средств, фиксирующих мысль о противительности – «субъективное» *нет, но, против, напротив, вопреки, впрочем, хватит, довольно, достаточно, баста* и др. [Милованова 2015; Чжао Мэйвэй 2021].

О неравнозначности понятий *значение слова* и *концепт*, о сложности взаимоотношений между ними пишет Т.Б. Радбиль: «Независимы от языка именно концепты, идеи, и не случайно, что только часть из них находит свою языковую объективацию» [Радбиль 2018: 196].

Противительность как смысл находит в языке множество воплощений (объективаций) – в словах полнозначных, неполнозначных и таких, значение которых зависит от выполняемой функции. Кроме того, мысль о противительности прошла путь *лексической категоризации*: в языке сформировалась система средств выражения противительности, в которой можно выделить микрополя – собственно противительность, семантика субъективного отрицания, волевого ограничения и семантика безразличия [Милованова 2015; 2023].

Идея противительности «схвачена» прежде всего в словах *но* и *против*, она актуализируется в них. Причем если в *но* эта идея максимально отвлечена, аб-

страгирована, то *против* материализует эту идею в однокоренных и синонимичных словах. Судьба слова *против* – это линия лексикализации, поскольку в безглагольной конструкции «X против Y» [Милованова 2006] в слове, имевшем изначально статус наречного предлога, развиваются свойства полнозначительной части речи – категории состояния (в этом статусе впервые зафиксировано в [Морковкин 2003: 36, 74]). Высшую форму концептуализации мысли о противительности мы находим в предикативной безобъектной конструкции *Я против* со структурным и семантическим центром – экс-предлогом *против*.

Идея противительности, укрупняясь, охватывала в истории языка все большее число лексических средств – начиная с союза *но*, значение которого постулирует мысль о *грамматическом противопоставлении* (однако субъективном по своей сути), и заканчивая словом *против* с его оформленным лексическим значением. Идея продолжает развиваться, и эта новая линия развития связана в современном языке с метафоризацией значений таких существительных как *линия*, *черта*, *барьер*, *пропасть*, *стена*, *бордюр*, *шлагбаум*, *пауза*, *цезура* и др., содержащих сему ‘граница’, и их дальнейшей символизацией.

Литература

- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: ЛИБРОКОМ, 2018.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Милованова М.С. Синтаксическая модель «X против Y» // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. С. 254-256.
- Милованова М.С. Пространственно-противительная семантика: лексическое и грамматическое выражение. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009.
- Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа. М.: Флинта; Наука, 2015.
- Милованова М.С. Мысль о границе в лингвоаксиологической интерпретации // Современная лингвоаксиология: Россия – Кыргызстан в научном диалоге. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023.
- Морковкин В.В. Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов. М.: АСТ; Астрель, 2003.
- Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Нижний Новгород: НГУ, 2018.
- Сарайкин И.В. Семантическая эволюция наречных предлогов: статистический подход: дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023.
- Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 2. М.: Книга, 1989.
- Чжао Мэйвэй. Средства выражения семантики волевого ограничения в современном русском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021.

*Maria S. Milovanova (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute*

COGNITIVE FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF ADVERSATIVE SEMANTICS

Semantics of adversativity was initially formed on the basis of spatial words – as a result of their metaphORIZATION. The next stage in the development of semantics can be called the process of lexicalization of the preposition “against” and its transition to the category of state and metaphORIZATION of the meanings of nouns – *abyss, wall, line, curb, barrier, pause*, etc., including the same ‘border’ in the original lexical meaning.

Key words: adversativity, spatial semantics, metaphORIZATION, symbolization, lexical categorization

*M.В. Минеева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
mvmineeva@mail.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ГИПЕРТЕКСТ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛИЙ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности отражения изменений языковой и культурной картин мира в лингвистическом гипертексте, составленном к художественному тексту. Особое внимание уделяется анализу изменения номинаций лексических единиц, попадающих в зону комментирования, и специфике актуализации культурной и языковой осведомленности читателя. Выявляются концепты и категории, попадающие в зону комментирования и наиболее подверженные модификациям.

Ключевые слова: англоязычный художественный текст, лингвистический гипертекст, концептуализация и категоризация действительности, фоновые знания, языковая и культурная картины мира

Когнитивная деятельность читателя подразумевает концептуализацию и категоризацию действительности, представленной в художественном тексте. Автор создает модель мира, которую должен разглядеть читатель. Успех интерпретации во многом зависит от того, каким образом модель мира читателя включает информацию о модели автора. Однако художественный текст пространственно и стадийно отдален от читателя, что может вызвать трудности при декодировании имплицитно заложенного смысла. Инструментом сближения когнитивных сознаний автора и читателя служит лингвистический гипертекст, т. е. нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста. В качестве лингвистического гипертекста мы рассматриваем затекстовые комментарии к англоязычным художественным текстам.

Язык отражает действительность, за каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Различие языковой картины мира у разных народов проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь в лексике и грамматике. Именно лексический уровень языка аккумулирует знания о мире, что делает слово основным средством репрезентации конкретного концепта в различных речевых условиях [Магировская 2008: 110]. Семантическая

емкость лексического значения обладает большим потенциалом, что нередко приводит к множественности интерпретации значений слова. Предметное значение слова актуализирует определенный концепт в сознании читателя, но правильность декодирования концепта зависит от наличия и объема имеющихся у читателя фоновых знаний. При обращении к лингвистическому гипертексту происходит материализация фоновых знаний, необходимых для интерпретации концепта, что позволяет полностью понять авторскую интенцию. Для аргументации данного суждения обратимся к анализу англоязычных комментариев к художественным текстам.

Следующий пример демонстрирует то, как в лингвистическом гипертексте отражены изменения в оценочном смысле лексической единицы. Составитель лингвистического гипертекста указывает на стилевую принадлежность слова, что позволяет уточнить его современный смысл: *sentimental – ‘sentimental’ is a pejorative word in modern English. It means ‘emotionally false’. ... So in English culture, being sentimental and being honest are contrasted with each other* [Хьюитт 2007: 14]. Подобным образом при комментировании лексической единицы *fraternizing* раскрывается оценочный смысл и разъясняется авторское словоупотребление: *fraternizing – not just ‘being friendly’; this word has strong political overtones of being friendly with the enemy* [Хьюитт 2007: 14].

Следующая единица, возможно, не представляет трудности для расшифровки, однако комментарий относительно употребления слова той или иной возрастной группой является важным для практического изучения языка: *‘lavatory’ is used by older English people, Americans use ‘bathroom’, and younger British people use ‘toilet’* [Хьюитт 2007: 23].

Парадигма научного и бытового сознания меняется, следовательно, меняются и реалии, отражающие те или иные концепты. В рамках процессов концептуализации и категоризации некоторые слова и выражения приобретают вторичную номинацию или меняют свое предметное значение, что влияет и на содержание концептов. Некоторые реалии исчезают из употребления, и потому современный читатель не может распознать их без обращения к лингвистическому гипертексту. Примерами таких реалий могут служить названия развлечений 1950-х гг., узнавание которых будет затруднительно не только для не носителей языка, но и для молодого поколения британцев:

Punch and Judy – a puppet show performed on a tiny portable stage with glove puppets; White Elephant – the stall where all kinds of junk and rubbish is sold very cheaply; these activities were popular in 1953 [Хьюитт 2018: 68].

Аналогично употребление лексической единицы *meritocrat* автором для построения картины мира 60-х гг., что требует дополнительной информации для понимания отрывка:

Meritocrat – ‘Meritocrat’ is a word from the 1960s. when this story took place. It means a person who reaches a top position not through influence and money, but through basic cleverness and skill [Хьюитт 2007: 53].

Новые реалии, появившиеся благодаря распространению компьютерных

технологий, также находят соответствующее отражение в языке. Соответственно, и лингвистический гипертекст должен содержать единицы, которые приобрели новые вторичные номинации. В качестве примера можно привести комментирование нового значения существительного *scrolls*: *scrolls – the verb to scroll meant to unroll a long piece of paper called scroll. The verb was adapted to computers to describe moving the mouse quickly down the computer screen. That action is then turned into a noun* [Хьюитт 2014: 28].

В следующем отрывке употребление имени собственного *the Land Rover* приобрело новый смысл в англоязычной картине мира, который может быть непонятен представителю другой лингвокультуры. Лингвистический гипертекст помогает расшифровать авторскую интенцию:

The Land Rover – once upon a time manufactured goods were decent, sturdy and British. Especially, the Land Rover. Now they are modern and German and Japanese and successful but not as good [Хьюитт 2014: 37].

Меняется отношение социума к определенным феноменам, которые становятся повседневными и допустимыми в общении. Язык, в свою очередь, отражает социальные процессы, происходящие в обществе. Так, например, употребление прилагательного *lesbian* в вопросе о гендерных предпочтениях не критикуется комментатором, однако в лингвистическом гипертексте содержится указание на некорректность такого вопроса ввиду его личного характера, а не содержания.

Are you a lesbian? – the question is surprising because it deals with intimate matters, not because being gay is shocking [Хьюитт 2014: 40].

Вопросы гендерного равенства, которые стали актуальны в XXI в., накладывают отпечаток на восприятие определенных концептов.

But you have husband. – In many countries (including UK less than fifty years ago) women expect to be paid much less if they have husbands, because the husband is the main ‘breadwinner’ whereas the woman’s job is essentially to look after the family. Комментатор указывает на несоответствие данного высказывания современным социальным тенденциям, приводя в пример взгляды молодой девушки на равноправие полов – Emma, in her early thirties, has lived all her life in a world adapted to women’s rights and the value of equality between men and women [Хьюитт 2018: 42].

Постоянные изменения в языковой и культурной картинах мира затрагивают все уровни языка, от элементарных изменений в правописании некоторых заимствованных слов (*Qur’an – in English the name used to be transliterated as ‘Koran’*) до смены стилистического регистра. Все эти преобразования находят отражение в лингвистическом гипертексте, который имеет своей целью согласование тезауруса и фоновых знаний автора и читателя. В следующем отрывке комментатор объясняет некоторые стилистические преобразования пейоративной лексики и указывает на допустимость / недопустимость употребления некоторых выражений:

Oh very bloody funny – ‘bloody’ is a mild expletive, certainly nowadays. In 2018 to talk about ‘that nigger’ would be extremely offensive and shocking, whereas ‘bloody’ is hardly stronger than ‘Боже мой’. One hundred years ago the opposite would have been true [Хьюитт 2018: 28].

Задачей комментатора является не только толкование меняющихся инокультурных реалий, но и актуализация культурной и языковой осведомленности читателя в целом. В нижеприведенном примере комментатор не только интерпретирует религиозный контекст, но и указывает на корректное использование синонимов *dirty / unclean* в данном контексте: *the clean and the unclean – the origin of the distinction between the clean and the unclean is the Jewish law set out in the Bible. We always use ‘unclean’ rather than ‘dirty’ in this context, because ‘unclean’ is used in the Bible and the phrase has become a catch phrase* [Хьюитт 2007: 16].

Следует также отметить, что существуют группы реалий, которые мало подвержены изменениям языкового характера, например, топонимы, которые, как правило, комментируются путем приведения географического расположения: *Shepherd’s Bush and Hammersmith – districts of London which are very close to each other* [Хьюитт 2007: 62]. Узнавание и понимание важности исторических событий может представлять сложность для понимания представителями другой лингвокультуры, в особенности, если эти события приобретают новую значимость в связи историческими изменениями: *the Great War – by 1953 the war of 1914–1918 was called the First World War. There was no other war to compare with the catastrophe which had just ended. So it was called the Great War*. Однако в некоторых случаях комментатор ограничивается кратким описанием: *the Boxing Day snow – it really did snow on Boxing Day 1962, and it went on snowing and freezing for nearly three months* [Хьюитт 2018: 35].

Итак, язык художественного текста отражает развитие общества и происходящие в нем социальные процессы. Лингвистический гипертекст также демонстрирует открытость и восприимчивость к тому, что происходит в реальной действительности. Глобализация знаний и постоянное обновление идеологических установок влияют на значимость информации, а, следовательно, и на объекты, которые попадают в зону комментирования, и на сами комментарии к ним. Как было продемонстрировано, наиболее сильно старению подвержены идеологические и аксиологические концепты. Следует отметить, что существуют универсальные категории (географические названия, исторические события), которые являются культурно стабильными и потому менее всего подвержены модификациям. Следовательно, информация, представленная в гипертексте, отражает идеологию и мировоззрение того культурно-исторического периода, в котором создается.

Литература

Магировская О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21. С. 105-114.

Хьюитт К. Роман Джулиана Барнза «История мира в 10½ главах». Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2007.

Хьюитт К. Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть». Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2014.

Хьюитт К. Роман Эммы Хили «Элизабет пропала». Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2018.

*Maria V. Mineeva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

LINGUISTIC HYPERTEXT AS A MEANS OF CHANGING REALITY REFLECTION

The article discusses the reflection of changing cultural and language world views in linguistic hypertexts composed for literary texts. Special attention is given to the analysis of modifications in naming of elements included into commentaries and actualization of cultural and language awareness of a reader. Groups of concepts which are subject to commenting and modifications are revealed.

Key words: English language literary text, linguistic hypertext, categorization and conceptualization of reality, background knowledge, language and cultural world views

А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА ПРОШЛОГО

В центре внимания исследования находится мир исторического прошлого как конструкт, представленный в историческом дискурсе. В историческом дискурсе - продукте дискурсивных практик, исторические события, реконструируемые посредством категориально обусловленного языка, несут отпечаток мировосприятия историка.

Ключевые слова: категоризация, концепт, историческая память, прошлое, вербализация

Язык как инструмент концептуализации и категоризации мира прошлого, воплощаясь в дискурсивных практиках, отражает культурно-исторический опыт каждого народа на определенном этапе его развития. Исторический дискурс, будучи поликодовым, полидискурсивным и полипарадигмальным феноменом, воспроизводит процесс развитие человеческого общества посредством категоризации и концептуализации фрагментов исторической действительности. Созданные историками картины мира исторического прошлого на основе имеющихся у них источников, воплощают сложившиеся представления современности об ушедших в небытие эпохах. Раскрываясь посредством вербальных средств, исторический дискурс разворачивается вокруг ключевых имен и ядерных концептов, необходимых для решения задач, поставленных историками с целью как реформатирования исторической памяти, так и ее сохранения. Как было установлено, дискурс *per se*, смысловое содержание которого включает «текст в его мысленном становлении перед взором интерпретатора <...> концентрируется вокруг некоторого опорного концепта» [Демьянков 2003: 120]. Концепт как когнитивный феномен, включающий такие компоненты как образность, понятийность, оценочность, несет печать исторического прошлого, отражая «знания и опыт человека; как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90], вербализуется в дискурсе. Вербализация как языковая концептуализация трактуется с точки зрения совокупности приемов семантического представления плана содержания лексических единиц, отождествляющих концепт [Вежицкая 1996: 238]. Обращение к

концепту, фиксирующему культурно-исторический опыт в сознании народа, при анализе исторического процесса, способствующего формированию концептуальной картины мира исторического прошлого, необходимо для реконструкции исторической действительности в упорядоченной и логически выдержанной форме. Посредством культурно-исторически маркированных концептов историк выявляет стержневые проблемы, смысл, направление, хронологию исторического развития, анализирует и сравнивает различные исторические источники и исследования. Концептуальные структуры, закрепленные в языке посредством слов, составных наименований, метафор, создают в ментальном пространстве реципиентов конкретные образы. Образы, кодирующие концепты открывают доступ к его содержанию, составляют его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть, его ядро [Болдырев 2021], обуславливая видение мира исторического прошлого, особенно, если это касается его категоризации, концептуализации и оценки. Обращение к концептуальному анализу в историческом исследовании позволяет определять ход всемирной истории, способствует выявлению причинно-следственных связей между разделенными веками историческими фактами, устанавливая связь между эпохами. Базовые концепты истории актуализируются посредством разнообразных вербальных средств, включая текст. Причем, как подчеркивает Н.Н. Болдырев, «отдельные концепты могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов» [Болдырев 2021: 28]. Это соотносится с постулатами постмодернизма, допускающими множественность толкования одних и тех же как исторических событий, так и концептов. WAR – ВОЙНА, будучи ключевым концептом истории, представляющей собой череду войн, включает в себе концептуализированный и категоризированный коллективный опыт каждого народа, обладателя конкретной исторической памяти. Лексико-семантические средства, вербализующие концепт WAR, дают целостное представление о его содержании, особенно названия, отдельных битв. Веками Великобритании, находясь на перекрестке морских путей, притягивала завоевателей, сражения с которыми становились предметом исследования историков, рассматривающих их с разных точек зрения. Поскольку все исторические события известны а priori, и их импринт сохраняется в коллективной памяти народа, то фрагмента исторической действительности иногда достаточно, чтобы вызвать знаковые «воспоминания» в когнитивном пространстве их носителей. Историк, предпочитая оперировать образами, созданными посредством языка, обеспечивающими узнаваемость и запоминаемость интерпретируемых им исторических событий, не может абстрагироваться от среды его окружающей. Политические и нравственные установки находят отражение в историческом дискурсе, который в силу близости истории и искусства приобретает черты нарратива, активизируя визуальный аспект посредством обращения к дескриптивной лексике, формирующей в ментальном пространстве реципиентов яркие картины исторических событий. Создавая сложную пирамиду, историк нанизывает «новую информацию, содержащуюся в очередном интерпретируемом предложении» [Демьянков 2003: 120] на уже имеющуюся, выстраивая целостную панораму конкретной эпохи или одного из ее судьбоносных

событий, одним из которых является морское сражение англичан с испанцами. «Felicísima Armada» – «Счастливая Армада», вошедшая в историю как «Invincible Armada» – «Непобедимая Армада», испанская флотилия, величественно направлявшаяся к берегам Англии в правление Елизаветы I для восстановления в королевстве католичества, увиденная мысленным взором историка XX в., надолго остается в памяти реципиента: «On 19 July 1588 the Armada came within sight of the Lizard. A magnificent and awe-inspiring sight it must have been, then and for many days afterwards as the Armada held its course up Channel, its 130 vessels disposed arrowheadwise over several miles of sea. In the centre front sailed the main fighting force, in line abreast, under the supreme commander, the Duke of Medina Sidonia; behind it came the smallest and less defensible ships; and on each flank and somewhat to the rear moved a small fighting squadron» [Bindoff 1969: 273-274]. Изображение грандиозного флота врага величественно двигавшегося к своей гибели необходимо англичанам для увековечивания в их исторической памяти гордости за победу над испанцами, окончательно утвердившей судьбоносный переход к протестантизму, давшего Европе как новые культурные ценности, так и социально-политические и экономические отношения. Разгромленным силами английского флота и штормом, которому Елизавета I воздала должное медаль с латинской надписью «Adflavit Deus et dissipati sunt» – «Дунул Бог – и они рассеялись», испанским эскадрильям предстоял сложный путь домой вдоль берегов Шотландии и Ирландии, который стал «one of the most tragic episodes in maritime history» [Konstum 2001], контрастирует с парадным эпизодом их торжественного движения к Туманному Альбиону, вызывая *страх* у всех его жителей, концепцию которого разработал полвека спустя Томас Гоббс и который островитяне испытывают вновь, ожидая приближение «Невидимой Армады» в 1596 и 1597 гг. Разбросанные штормом флотилии также не достигли намеченной цели, но были отмечены Френсисом Бэконом, написавшем: «in the year '88 Spain had sent an Invincible Armada against us and now she had sent an Invisible Armada» [Shapiro 2009: 208].

В 1589 г. англичане, окрыленные победой над «Непобедимой Армадой» годом ранее отправили «Английскую Армаду» под руководством Френсиса Дрейка к берегам Испании. Потерпевший крушение английский флот, англичане предпочитают не упоминать, предав забвению бесславный поход. Долговечность исторических событий в исторической памяти народа обусловлена чувствами, которые они вызывают. Сопереживание историческим личностям и идентификация с ними, обуславливающая успех эмоционального воздействия, достигается посредством языка, который является условием возможности познания истории и ее существования в дискурсе. Следует отметить, что несмотря на восприятие истории как продукта дискурсов, а исторического мира – как конструкта, созданного историками, изучение исторического дискурса в рамках специфики его восприятия на уровне когнитивного и аксиологического единства, способствует раскрытию онтологической сущности исторического процесса. Концептуализация и категоризация исторической реальности соотносится со знаковой природой исторического текста и его способностью обосновывать смысл и внутреннее содержание истории в историческом дискурсе. Изучение исторического дискурса в

рамках когнитивной парадигмы современного мира требует всестороннего исследования вербальных средств передачи информации, обеспечивающей связь времен, формирующей историческое сознание и способствующей сохранению исторического знания, воспроизводя прошлое в настоящем и предопределяя будущее. Необходимо подчеркнуть, что в реальной исторической действительности морская битва англичан с испанской флотилией была эпизодом в продолжительной войне, которую Англия вела с Испанией с 1585 г. и проиграла ей, о чем свидетельствует мирный договор 1604 г. Однако в исторической памяти народа победа Англии над «Непобедимой Армадой» является значимым для всей страны импринтным событием, которое нация постоянно вспоминает и которое затмевает последующие неудачи королевства в этой войне. В историческом дискурсе истории изменили фрейм восприятия данной войны, создав конструкт великой победы англичан над испанской флотилией, которую их потомки в своей исторической памяти воспринимают как триумф маленького морского королевства, выступившего против могущественной мировой империи, знаменующий начало «золотого века» Елизаветы I и утвердивший Англию в качестве ведущей морской державы, пошатнувшей бастион испанской мировой власти: «Posterity records the defeat of the Spanish Armada as the triumph of a small maritime nation which took on a mighty world empire and won a glorious victory. It was seen to mark the beginning of an Elizabethan 'golden age' of exploration, naval glory and overseas colonization. The Spanish defeat preserved the protestant Reformation, established England as a leading sea-force and caused the first cracks in the bastion of Spanish world power» [Konstum 2001: 6]. Ментальное картирование, являющееся эффективным способом организации мыслей и идей, позволяет историку на основе базовых концептов создавать конструкты, отвечающие потребностям конкретного общества.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что историческое прошлое реконструируется посредством языка, который отражает систему ценностей, мировоззрение и образ мышления историка, воспроизводящего в историческом дискурсе, концептуализируя и категоризируя импринтные события как эпистемологические детерминанты когнитивно-культурного кода своего народа.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996.
- Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: МГУ, 2003. С. 116-133.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.
- Bindoff S.T.* Tudor England. London: Penguin Book, 1969.
- Konstum A.* The armada campaign 1588. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Shapiro J.* 1599: A Year in the Life of William Shakespeare. London: Harper Collins, 2009.

Alla P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD OF THE PAST

The paper examines historical past as a construct of historical discourse. Historical discourse is the product of discursive practices aimed at reconstruction historical events by means of language, which reflects the historians' worldview.

Key words: categorization, concept, historical memory, past, verbalization

М.Ю. Мустофа (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет
dimabulgakov2@gmail.com

Н.Н. Кошкарова (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru

НА КРАЮ ОБРЫВА: КАК И ПРО ЧТО ШУТЯТ В ИНДОНЕЗИЙСКИХ СТЕНДАП-КОМЕДИЯХ

Статья посвящена анализу изменения семантики словосочетания *tepi jurang* (*menu джуранг*) – на краю обрыва, используемого в индонезийских стендап-комедиях. При помощи семантико-операционального метода авторы демонстрируют, что указанный термин потерял свою общественно-политическую сущность и стал лишь товаром на рынке популярной культуры.

Ключевые слова: изменение смысла, операциональная семантика, стандартизация поп-культуры, на краю обрыва, стендап-комедия, Индонезия

С тех пор как стендап-комедия впервые стала широко известна публике благодаря конкурсу SUCI (Stand-Up Comedy Indonesia), который транслировался по национальному телевидению «Компас ТВ» в 2011 г., стендап-комедия в Индонезии продолжает развиваться. Спектр тем, обсуждаемых в рамках выбранного комедийного жанра, разнообразен: от повседневных дел, посвященных браку, и различных семейных проблем до сатиры на политиков. Стендап-комики полагаются не только на телетрансляцию как на средство знакомства аудитории со своим творчеством, но и на программы, транслируемые на YouTube, одной из которых является программа SOMASI.

Программа SOMASI транслируется на YouTube-канале @DeddyCorbuzier, который имеет 21,3 миллиона подписчиков. Ранее Деди Корбюзье был ведущим интерактивного шоу и был широко известен индонезийскому народу. Затем он создал свою собственную программу на YouTube. С лингвистической точки зрения интересным представляется анализ названия шоу: в индонезийском языке *somasi* – это официальное судебное обращение, предпринимаемое отдельным лицом с целью предупредить другие стороны, которые, как считается, нарушают права человека [Annisa 2023]. Но Корбюзье расширил семантическое поле этого слова и привнес значение «встань у микрофона, сделай свою жизнь проще».

Программа SOMASI с момента своего появления в 2021 г. произвела насто-

ящую сенсацию, особенно в связи с общей геополитической ситуацией в Индонезии, когда индекс демократии находился на самом низком уровне за последние 20 лет. В этот период стендап-комики столкнулись с большими проблемами: многие актрисы и актеры, а также политики вызывали в суд людей, которые, как считалось, высмеивают их; в адрес стендап-комиков, критиковавших политику правительства, поступали угрозы. Запугивания и преследования стендап-комиков при рассказе анекдотов, связанных с политической ситуацией, привели к возникновению новых терминов в мире стендап-комедии Индонезии.

Так, появился термин *tepi jurang* (*menu джуранг*), который переводится как *на краю обрыва* и обозначает человека, находящегося в опасном положении, и если он поскользнется хоть немного, то упадет и погибнет. В настоящем исследовании анализируется использование термина *tepi jurang* с применением комбинированных методов, таких, как лингвистическая семантика, которая обсуждает изменения значения, в сочетании с критическим дискурсом-анализом массовой культуры. В качестве материала для исследования были выбраны четыре выпуска программы SOMASI.

Необходимо отметить, что ученые ранее обращались к исследованию творчества Деди Корбюзе. Так, Т.Б. Силалахи, Р. Хусейн и Сумарсих анализировали использование языковых стилей в подкастах Корбюзе [Silalahi и др. 2021], М.Г. Рафлис описывал смешивание кода в подкастах Корбюзе [Rafliis 2021], Е.С. Хайрияни представил обзор творчества Корбюзе в аспекте феномена культурной индустрии [Khairiyani 2022]. Между тем исследования лингвистических особенностей программы SOMASI ранее никогда не проводились.

Язык представляет собой сложную систему, состоящую из пяти подсистем: фонетическая подсистема, фонологическая подсистема, семантическая подсистема, грамматическая подсистема, морфо-фонематическая подсистема [Hockett 1954]. Семантическая подсистема является важным инструментом в передаче лингвистических и экстралингвистических смыслов. Согласно Х.Г. Таригану, семантика исследует символы или знаки, выражающие значение, отношения между одним значением и другим и их влияние на человека и общество [Tarigan 1985]. Иными словами семантика – это раздел языкознания, задачей которого является изучение значения слов, как они возникли, как развивались и почему в языке происходили изменения значения.

Существуют три подхода к изучению значения слова: референциональный, функциональный и операциональный [Djadjasudarma 2008]. При референциональном подходе значение слова рассматривается в совокупности со словом, вещью и понятием. При функциональном подходе значение слова анализируется как реализующее дополнительные оттенки в зависимости от контекста. При операциональном подходе акцент делается на роли слова в процессе коммуникации.

В настоящем исследовании используется операциональный подход, чтобы увидеть, как словосочетание *tepi jurang* обыгрывается стендап-комиками в программах SOMASI. Например, Бинтанг Эмон в выпуске SOMASI от 29 мая 2022 г. использует словосочетание *tepi jurang* для описания своего состояния, крити-

кую различные проблемы, связанные с деятельностью политиков, такие, как коррупция в нефтяной отрасли, вмешательство вооруженных сил в жизнь гражданского общества, кумовство в политике: *Lu ga lihat gua udah masuk jurang, masih lu dorong. Udah masuk! – Разве ты не видишь? Я уже поскользнулся на обрыве, а ты продолжаешь толкать меня все дальше к обрыву!* (здесь и далее перевод наш. – М.Ю.М., Н.К.) [Emon: URL].

Мамат Аль-Катири, комик, известный своей критикой правительства, также использует словосочетание *tepi jurang*, чтобы описать свою позицию, критикуя военные операции в Папуа, на его родине, в выпуске SOMASI от 23 января 2023 г.: *Saya mau bahas tentang (Operasi Militer) Papua, saya mau bawa jokes pinggir jurang, saya mau, tapi itu (ada tentara), ini saya masuk jurang, di dalam jurang ada singa. – Я хотел бы поговорить о военной операции в Папуа. Я уже почти на краю обрыва. В то время, как я выступаю на этом шоу, на улицы моей страны выведены сотни и сотни военных. Это похоже на то, будто я падаю со скалы и попадаю прямо в пасть льва* [Al-Katiri: URL].

В выпуске от 6 марта 2022 г. комик Уус использовал словосочетание *tepi jurang*, чтобы описать свое состояние, когда он столкнулся с оскорблениями со стороны пользователей социальных сетей из-за его противоречивых материалов в отношении индонезийского художника: *Komika banyak yang tampil disini, semua tepi jurang, yang masuk jurang saya. – Там много стендап-комиков, каждая их шутка на краю обрыва, но падаю с обрыва только я* [Uus: URL].

Словосочетание *tepi jurang* в приведенной выше цитате больше не относится к шуткам на политические темы, а описывает состояние Ууса после того, как у него возникли проблемы с коллегами-художниками. Этот сдвиг в значении произошел потому, что индустрия популярной культуры использовала словосочетание *tepi jurang* как стандартную шутку в стендап-комедии, чтобы привлечь больше зрителей.

Изменение значения словосочетания *tepi jurang* продиктовано необходимостью следовать желаниям рынка и товарным интересам, а также позиции художников/комиков выживать в этом непростом мире, что было заявлено комиком Нопеком Новианом в выпуске SOMASI от 24 апреля 2023 г. Актер сказал, что был вынужден появиться в шоу, потому что на этом можно заработать достаточно денег: *Kenapa saya memutuskan untuk ambil job ini meski jokesnya harus pinggir jurang, soalnya kalau saya ga ambil, hidup saya yang di pinggir jurang. – Почему я наконец решил пойти на эту работу? Я знаю, что шутки должны быть на грани фола, но если бы я не согласился на участие в программе, моя жизнь оказалась бы на краю пропасти* [Novian: URL].

В приведенной выше цитате значение словосочетания *tepi jurang* «шутки и критика в адрес правительства» меняется на значение «условия жизни, когда доход недостаточен для поддержания уровня жизни». Приведенная выше цитата также показывает, как термин *tepi jurang* утратил свое содержание с тех пор, как он впервые появился в качестве инструмента сопротивления через комедии, став жанром, используемым его авторами для получения прибыли.

Таким образом, краткий анализ использования термина *tepi jurang* (на краю

обрыва) на примере индонезийской стендап-комедии показывает, что язык является важным компонентом человеческой культуры и развивается вместе с самой культурой. Например, одной из форм развития языка является изменение значения. Операционная семантика как раздел семантики анализирует изменения значения в зависимости от целей говорящего. Словосочетание *tepi jurang* (на краю обрыва) в индонезийской стендап-комедии потеряло первоначальный смысл: если раньше этот термин был синонимом политического сопротивления, то сейчас превратился в банальную шутку, лишённую глубокого социального смысла и критического отношения к действительности.

Литература

- Al-Katiri M.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9KK-qVGBGFo&t=1332s>.
Annisa M.S. Pengertian Somasi, Dasar Hukum, Bentuk, Cara dan Manfaatnya. URL: <https://fahum.umsu.ac.id/pengertian-somasi-dasar-hukum-bentuk-cara-dan-manfaatnya>.
Djajasudarma F. Semantik 2: Pemahaman Ilmu Makna. Bandung: Refika Aditama, 2008.
Emon B. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JWTWip4sOUE>.
Hockett C.F. Two Models of Grammatical Description // Word. 1954. 10. Pp. 210-234.
Khairiyani E.S. Youtube Content Commodification: A Critical Discourse Analysis on Deddy Corbuzier's Channel // Journal Studi Komunikasi. 2022. 6 (1). Pp. 213-234.
Novian. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=phhvhkQPL5o>.
Raftis M.G. An Analysis of Code Mixing Found On Deddy Corbuzier's Youtube Channel Selected Podcast // Journal Ilmiah Language and Parole. 2021. 4 (2). Pp. 41-45.
Silalahi T.B, Husein R.S. Language Style Used in Deddy Corbuzier's Podcast Youtube Channel // Proceedings of the 6th Annual International Seminar on Transformative Education and Educational Leadership (AISTEEL). 2021. 591. Pp. 202-207.
Tarigan H.G. Menulis Sebagai Suatu Ketrampilan Berbahasa. Bandung: Angkasa, 1985.
Us. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ppHsw9xA2m0>.

Muhammad Yu. Musthofa (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University

Natalya N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University

ON THE EDGE OF A CLIF: HOW AND WHAT THEY ARE JOKING ABOUT IN INDONESIAN STAND-UP COMEDIES

The article analyses the changes in the semantics of the phrase *tepi jurang* (on the edge of a cliff) employed in Indonesian stand-up comedy. Using the semantic-operational method, the authors demonstrate that this term has lost its socio-political essence and has become only a commodity on the popular culture market.

Key words: the change of meaning, operational semantics, standardization of pop culture, on the edge of a cliff, stand-up comedy, Indonesia

И.К. Мухина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
mironova-mukhina@yandex.ru

«ОБЛАКО СМЫСЛОВ»: «НАИВНАЯ» VS НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА НА ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЯЗЫКА*

Статья посвящена выявлению особенностей семантизации понятия *облако* как термина физической географии, входящего в состав когнитивно-идеографической группы «Оптические явления и их признаки». Выявлены семантические компоненты, из которых складывается смысловое содержание слова в толковых и специализированных географических словарях, и языковые маркеры, репрезентирующие в словарных дефинициях как энциклопедическую информацию, так и «наивные» знания носителей языка.

Ключевые слова: «наивная» картина мира, научная картина мира, идентификатор, идеографическая карта, энциклопедические знания

Одним из понятий физической географии является *облако*. Рассмотрим, какие смыслы несут в себе словарные дефиниции данной лексемы в толковых и в специальных географических словарях. Толковые словари рассматривают облако как «скопление [капель]» [БТС 2000]: в их определениях облака предстают как то, что собрано из составных частей, образовано сосредоточение чего-либо, в связи с чем выбранный составителями толковых словарей идентификатор *скопление* подчеркивает случайный характер образования облаков. Подобный взгляд на природу формирования облаков следует признать не соответствующим современным представлениям в области физической географии. В то же время Географический энциклопедический словарь [ГЭС 1988] определяет облако как «систему», т. е. нечто организованное, сформированное из взаимосвязанных частиц. Как видно, идентификаторы толковых и энциклопедических словарей логически противоречат друг другу. «Неудачным» с точки зрения географической научной картины мира является и идентификатор «[оптическое] явление» [БТСРС 2005], поскольку, согласно научной картине мира, в основе оптических явлений лежит понятие света, поэтому оптическими явлениями являются *радуга, молния, полярное сияние*. Облака же с точки зрения своего физического состава состоят из конденсата водяного пара, поэтому причислить их к оптическим явлениям невозможно.

СОШ определяет облака через понятия «клубы» и «слои», и только в последнюю очередь в этом однородном ряду приводится идентификатор «скопление». В связи с тем, что форма облака может в реальности представлять собой не только клубы (а именно «массу чего-либо движущегося, летящего (дыма, пара, пыли и т. п.), имеющую шарообразную форму» [СЕ: URL]), но и тонкие полосы, само же облако имеет не слоистое строение, представляющее собой пласты чего-либо, лежащие в ряду других пластов, а скорее имеет вид столба (то есть «массы чего-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352>.

либо, принявшей удлиненную форму и поднимающейся или простирающейся вертикально вверх» [там же]), все эти идентификаторы с точки зрения специальной географической картины мира также можно признать неудачными. Наиболее полно отражающим современную географическую картину миру закономерно является идентификатор в специальном ГЭС – «системы [взвешенных в атмосфере продуктов конденсации водяного пара]». Грамматическая форма множественного числа термина – *облака* – представлена только в ГЭС, что связано с последующим введением в научное определение идентификатора «системы», подчеркивающего не только упорядоченность и взаимосвязь составляющих облака элементов и наличие их разновидностей, но и комплексность.

Основным выделенным признаком понятия, общим для всех толкований, является компонент значения «[скопление] водяных капель / водяных паров или кристаллов льда». ГЭС предоставляет синонимичное научное определение: «взвешенные продукты конденсации водяного пара». Эти ядерные признаки понятия позволяют выявить главное свойство облаков, служащее для дифференциации их в ряду других явлений физической географии: концентрацию внутри облаков влаги в жидком (вода) или твердом (лед) агрегатном состоянии.

Подтверждением того, что лексическое значение слова в толковом словаре соответствует «наивному», обиходному понятию о предмете, по мнению А. Вежицкой, фиксирующему внимание только на самых важных его особенностях в отличие от научного понятия, обобщающего последние достижения человеческой мысли в данной области знаний, является тот факт, что в СОШ к «ненаучному» идентификатору *клубы* добавляются и неудачные признаки – «*светло-серые* [клубы], *волнистые* [слои в небе]», так как визуально воспринимаемые человеком облака по цвету могут быть и белыми, и темно-серыми в зависимости от степени насыщенности их влагой. Дифференциальный признак *волнистые*, маркирующий характеристику формы облаков, для идентификатора «слои» также неуместен, так как, к примеру, ни кучевые по форме (видом напоминающие кучу), ни перистые (видом напоминающие перья) облака никак нельзя назвать волнистыми (видом напоминающими волны, волнующуюся водную поверхность). Таким образом, определение, которое дается понятию «облако» в СОШ, исключают большую часть разновидностей реальных облаков, так как под определение *светло-серый* и *волнистый* подходят только слоисто-дождевые облака.

При толковании слова в БТСРС используется такой признак как «масса плотного тумана», что без указания на высоту расположения над поверхностью земли (расстояние от земли по вертикальной линии) неуместно, так как при такой семантизации понятия *облако* и *туман* («непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров или ледяных кристалликов» [СЕ: URL]) выступают как синонимичные. Однако в приведенной в словарной дефиниции идеографического словаря уточняющей основной термин информации («Оптическое явление, представляющее собой массу плотного тумана в высоких слоях атмосферы, образовавшуюся вследствие скопления водяных паров или ледяных кристаллов») присутствует простран-

ственный признак местонахождения облаков «в высоких слоях атмосферы», благодаря чему определение в целом не содержит фактических ошибок, которые вступали бы в противоречие с современными научными представлениями. Все определения, в составе используемых уточняющих географическое понятие «квантов» информация содержат такой важный признак как высота расположения облаков над поверхностью земли, который позволяет отличить географическое понятие *облако* от понятия *туман*.

Количество географических терминов в словарных дефинициях составляет от 3 до 5. Основными для семантизации *облака* являются такие термины как *водяные капли, водяной пар, кристаллы льда*, присутствие которых во всех толкованиях позволяет сделать вывод о том, что без данных терминов дать определение понятия *облако* было бы невозможно, так как без них нельзя было бы указать, из чего состоит облако, а это лишает пользователей словарей основного дифференцирующего признака анализируемого понятия.

Словарные статьи специальных словарей насыщены географическими терминами (29 в СФГ и 16 в ГЭС). Большую часть терминологии составляют виды облаков и места их образование (*тропосфера, стратосфера, мезосфера*). Из числа терминов, известных носителям языка в результате школьного обучения, выступают понятия *атмосфера, кристаллы льда, пары воды, кучевые облака, охлаждение, стратосфера, горная преграда, разно-температурный, воздушные массы, холодный и теплый атмосферный фронт, метеорная или вулканическая пыль*. Узкоспециальными терминами географии являются все разновидности облаков (*слоистые, слоисто-кучевые, слоисто-дождевые, высокослоистые, высококучевые, перистые, перисто-слоистые, перисто-кучевые, кучево-дождевые, циклонические, фронтальные, облака вертикального развития, высокие облака*), а также термины *облакообразование, конвекция, водонасыщенный воздух, тропосфера, перламутровые облака, серебристые облака*. Примерами – разновидностями облаков, приведенными в скобках в специальных словарях, являются виды облаков в зависимости от разных по температуре воздушных масс (для обозначения данных воздушных масс используется термин *разно-температурные: циклонические, фронтальные, грозовые облака*) и от их месторасположения: в стратосфере (*перламутровые*) или в мезосфере (*серебристые*).

Итак, в энциклопедических географических словарях представлены научные знания о том, что разные облака характеризуются различными способами образования и разнообразным влиянием на жизнедеятельность человека (от образования дождя в засуху до затрудненности полетов воздушных технических средств); по облакам можно в том числе предсказывать и изменение погоды, поэтому классификационный признак «разновидности облаков» крайне важен для отражения в энциклопедических словарях научной картины мира. Отсутствие этих данных в толковых словарях представляется вполне логичным, так как для понимания основного содержания термина *облако* «наивным» пользователем словаря усвоение классификаций облаков не обязательно.

Что касается объема дефиниций, толковые словари дают краткие определения, специальные – подробные. В структуру словарной дефиниции толковых

словарей входит определение понятия и иллюстративный материал; в специальные словари дополнительно включаются причины образования облаков (*облакообразования*), типология облаков, энциклопедическая информация об их ярусности. Для неспециалиста корреляция между видом облака и высотой его расположения над земной поверхностью – знание неявное и неактуальное, поэтому и не представленное в толковых словарях.

Специальные словари содержат иллюстрации: в СФГ приведены рисунки разреза грозового облака и облака при хорошей погоде, в ГЭС – рисунок типов облаков. Цифровые данные даны только в специальных словарях: это информация о высоте ярусов атмосферы, в ГЭС предоставлена также избыточная для толковых словарей информация о временном периоде, когда были разработаны научные классификации облаков.

Таким образом, лексикографический анализ смысловых компонентов понятия *облако*, связанного со словом мыслительного содержания, отражающего в сознании действительность, позволил выявить различия в научной и «наивной» картинах мира и определить маркеры, репрезентирующие в словарных дефинициях термина физической географии энциклопедическую информацию и общие знания носителей языка.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

ГЭС – Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / ред. А.Ф. Трешников. М.: Советская энциклопедия, 1988.

СЕ – *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>.

СОШ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азъ, 1992.

СФГ – Словарь по физической географии / Ю.П. Пармурзин, Г.В. Карпов. М.: Просвещение, 1994.

Irina K. Mukhina (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

“CLOUD OF MEANINGS”: “NAIVE” VS SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD ON THE IDEOGRAPHIC MAP OF THE LANGUAGE

The article is devoted to identifying the features of semanticization of the concept of cloud as a term of physical geography, which is part of the cognitive-ideographic group “Optical phenomena and their features”. Semantic components have been identified that make up the semantic content of a word in sensible and specialized geographical dictionaries, and language markers representing both encyclopedic information and “naive” knowledge of native speakers in dictionary definitions.

Key words: “naive” picture of the world, scientific picture of the world, identifier, ideographic map, encyclopedic knowledge

КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ХВАСТОВСТВА В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются когнитивные сценарии хвастливого поведения и средства их репрезентации в русском и вьетнамском языках. Семантика русских глаголов включает эмпирический компонент значения, с помощью которого передается внешняя характеристика хвастающего человека, в то время как вьетнамский язык сосредоточен на социальной функции хвастуна.

Ключевые слова: хвастовство, русский язык, вьетнамский язык, когнитивные сценарии, глаголы поведения

Семантика глаголов поведения заинтересовала исследователей, работающих в рамках традиционного семасиологического подхода (О.П. Жданова, И.П. Матханова, О.М. Исаченко и др.). Когнитивный подход позволяет рассматривать глаголы поведения как особый класс слов, в котором отразились представления о нормах, ценностях и правилах того или иного социума. В качестве модели анализа семантики глаголов нами был выбран подход, представленный в работе А.М. Плотниковой, согласно которому когнитивный сценарий – это «абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова 2006: 66].

Модель анализа включает следующие этапы:

- 1) выявление группы глаголов, лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий, и лингвокультурологическая интерпретация семантики данной группы;
- 2) выделение базового слова – репрезентанта когнитивного сценария;
- 3) характеристика денотативной ситуации, которая выявляется на основе анализа и обобщения контекстов с исследуемыми глаголами;
- 4) моделирование когнитивного сценария, предполагающее выявление состава событийных и логических пропозиций, определение временной последовательности пропозиций, характеристику модальной рамки (обычно позиции наблюдателя);
- 5) рассмотрение специфики варьирования когнитивного сценария, которая заключается в изменении состава и последовательности пропозиций, усложнении пропозиций, замене актантов и др.

Когнитивный сценарий хвастовства в русском языке репрезентируется как нейтральными глаголами (*хвастаться, хвастать, хвалиться*), так и стилистически окрашенными, преимущественно разговорными и разговорно-сниженными (*фуфыриться, зазнаваться, превозноситься*) и др.

Когнитивный сценарий хвастовства во вьетнамском языке репрезентируется такими глаголами как: *khoe* (стараться показать себя с выгодной стороны с

целью привлечь к себе внимание), *khoác lác* (хвастаться высокомерно, даже чем-нибудь, чего нет в действительности) и др.

Кроме того, и в русском, и во вьетнамском языке существует большое количество фразеологизмов, например, рус. *пускать пыль в глаза*, *выставлять себя напоказ* и др., вьет. *coi trời bằng vung* (букв. считать небо крышкой – ‘считать себя лучше других, выражая свое пренебрежение к кому-либо’), *coi người bằng nửa con mắt* (букв. смотреть на других в полглаза – ‘чрезмерно презирать других’) и т. д.

Базовое слово – репрезентант когнитивного сценария: *хвастаться* (рус.) и *khoe* (вьет.).

Анализируя глагольные фразеологизмы в обоих языках, заметим, что в русском фольклоре образ павлина является символом хвастовства, например, *ходить павлином*, *распускать павлиний хвост* и т. д. Яркое оперение павлина и высокомерное поведение служат основанием для метафорического переноса. Во вьетнамском языке шама-дрозд (редкая птица, название которой является для большинства русских агнонимом) упоминается в качестве стереотипного образа хвастуна. В основе метафорического переноса лежит признак движения хвостом и специфических звуков при пении.

Хвастовство во вьетнамском языке представлено через ориентационную метафору движения вверх. Во вьетнамском языке люди важничают таким способом, как *lên mặt* (букв. поднимать лицо), *lên giọng* (букв. поднимать голос), ориентационная метафора обнаруживается и в русском языке – *задирать нос*.

Денотативная ситуация хвастовства относится к частной разновидности обмана, поскольку хвастающийся человек обычно пытается создать у окружающих ложное впечатление о своей значительности или ложное представление о том, чем он владеет.

Субъект ситуации хвастовства, как показывает анализ контекстов с исследуемыми глаголами, часто говорит быстро, несдержанно, с повторами, получает удовольствие от своих слов, подчеркивая свою значительность горделивой осанкой, самодовольным видом, самолюбованием. Хвастающийся человек словно увеличивается в размерах, подобно воздушному шару или мыльному пузырю, тем объектам, которые могут лопнуть: *надувается сесью*, *надувается как мыльный пузырь*, а то, о чем он говорит, также увеличивается в размерах: *делать из мухи слона*, *вошь с корову*, *блоху с лошадь*. Своими действиями он наносит урон своей репутации и вызывает насмешку у окружающих, его оценивают как несерьезного, легкомысленного и пустого.

Во вьетнамских фразеологизмах хвастающийся человек сравнивает себя с такими мифологическими или почитаемыми персонажами как: *thánh* (‘Святой’) и *tướng* (‘генерал’) – *nói thánh nói tướng* (букв. говорят как святые и генералы – ‘говорить слишком надменно или неестественно, используя сложные слова и избегая простого языка’), *thầy* (‘учитель’) – *thích làm thầy người khác* (букв. любить быть учителем для других – ‘считать себя лучше других, всегда хотеть учить всех’).

Когнитивный сценарий хвастовства включает следующих участников: X (субъект) и Y (объект, добиться расположения которого, произвести впечатление

на которого хочет хвастающийся человек), а также N (позицию предмета хвастовства). Y обычно является одновременно объектом и наблюдателем, оценивающим поступок субъекта как хвастливое поведение.

Выявить событийные пропозиции помогает анализ словарных дефиниций глаголов в русском и вьетнамском языках. В Большом толковом словаре русских глаголов Л.Г. Бабенко приводится следующее толкование *хвастаться*: «вести себя нескромно в словах, в поведении, неумеренно восхваляя внутренние и внешние достоинства кого-л., чего-л. или свои (часто мнимые); выставять напоказ, кичиться кем-л., чем-л» [Бабенко 2008].

Словарь вьетнамского языка под редакцией Хоанг Фэ приводит следующую дефиницию слова *khoe*: «cố ý làm cho người ta thấy cái tốt đẹp, cái hay của mình, thường là bằng lời nói» (букв. намеренно показывать себя с выгодной стороны, свои достоинства, обычно в словах) [Hoàng Phê 2003].

Можно заметить, что в словарной дефиниции русского *хвастаться* сделан акцент на поведении, в то время как во вьетнамском языке актуализируются вербальные проявления хвастовства.

Когнитивный сценарий можно представить следующим образом: X полагает, что он обладает некими качествами, отличающими его от других, он хочет продемонстрировать Y свои достоинства. Для этого X говорит Y об N, т. е. о себе, своих достоинствах, о том, что есть, или показывает это. Y оценивает поведение X как нескромное, не соответствующее истинному положению дел.

Варьированию подвергается позиция предмета хвастовства. Это могут быть материальные объекты:

Да, хорошо ему теперь бахвалиться над ним, потому что и место имеет, и жалованье, и дом – полная чаша. (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото. 1892) [НКРЯ: URL].

Sở Khanh khoe nhà y có ngựa tốt và thủ hạ khoẻ mạnh... ‘Шо Хань хвастается тем, что в его семье хорошие лошади и сильные подчиненные’ (Nguyễn Du. Truyện Kiều 1966) [КВЯ: URL].

Второй предмет хвастовства представляют собой действия и поступки.

Он стал хвастаться перед Штольцем, как, не сходя с места, он отлично устроил дела, как поверенный собирает справки о беглых мужиках, выгодно продает хлеб и как прислал ему полторы тысячи... (И.А. Гончаров. Обломов. 1859) [НКРЯ: URL].

Nghe nói Quân luôn luôn khoe đã qua chiến dịch đường 9, chiến dịch Quảng Trị ‘Говорят, что Куан всегда хвастается тем, что прошел кампанию 9-й дороги, кампанию Куангчи’ (Nguyễn Khắc Trường. Mảnh đất lắm người nhiều ma) [КВЯ: URL].

В ходе исследования когнитивных сценариев хвастовства в русском и вьетнамском языках был сделан ряд интересных выводов.

Во-первых, в русском языке наблюдается большее употребление глаголов, обозначающих внешние проявления успешности и хвастовства (*щеголять, фасонить*). Вьетнамский же язык скорее использует глаголы, отражающие внутренние состояния или действия, связанные с достижением цели хвастающего человека.

Во-вторых, сравнительный анализ показал, что когнитивные сценарии хвастовства имеют культурно-специфичные особенности. В русской культуре хвастовство может рассматриваться как негативное явление, связанное с самовозвеличиванием и эгоизмом. Вьетнамская культура, напротив, относится к хвастовству более терпимо, рассматривая его как способ демонстрации успеха и привлечения внимания.

Итак, исследование когнитивных сценариев хвастовства в русском и вьетнамском языках позволило увидеть различия в подходе к самопрезентации и обычаям общения в данных культурах. Это подчеркивает важность изучения когнитивных аспектов языка в контексте культурных различий и позволяет лучше понять менталитет и ценности разных языковых сообществ.

Литература

Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов: М.: АСТ-Пресс, 2008.

КВЯ – Корпус вьетнамского языка. URL: <https://www.vietlex.com/kho-ngu-lieu#>.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new>.

Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). Екатеринбург: Уральский ун-т, 2006.

Hoàng Phê. Từ điển tiếng Việt. Đà Nẵng: NXB Đà Nẵng, 2003. (Хоанг Фэ. Словарь вьетнамского языка. Да Нанг: Да Нанг, 2003).

Nguyen Thi Thanh Hieu (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

COGNITIVE SCENARIOS OF BOASTING IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN AND VIETNAMESE VERBS OF BEHAVIOR

The article explores cognitive scenarios and the means of their representation in Russian and Vietnamese languages. The semantics of Russian verbs incorporates an empirical component of meaning, through which an external characteristic of a boasting person is conveyed, whereas the Vietnamese language focuses on the social function of a braggart.

Key words: boasting, Russian language, Vietnamese language, cognitive scripts, verbs of behavior

М.Ю. Некрасова (Севастополь, Россия)

Севастопольский государственный университет

nekramar@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕРНОЕ МОРЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ процесса категоризации концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ в современном русском художественном и медиадискурсах на материале Национального корпуса русского языка (выборка за 2000–2022 гг). Особое внимание уделяется процессам концептуализации и категоризации представляющего интерес объекта международного ландшафта в соответствии с различными группами физических, абсолютных, рационалистических и других видов оценок. Сделан вывод об сходстве и различии категорий концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ в современном русском художественном и медиадискурсах.

Ключевые слова: Черное море, концепт, концептуализация, категоризация, Национальный корпус русского языка, международный ландшафт

В динамично-развивающемся современном мире в общественном и индивидуальном сознании происходит непрерывная концептуализация объектов международного ландшафта, участвующих в актуальных политических процессах. На протяжении двух с половиной веков расширяется концептуальное значение Черного моря. Этот сравнительно небольшой по площади водоем является объектом международного сотрудничества, территориальных споров, источником вдохновения и т. д. Все перечисленные категории находят выражение в разных видах дискурса. Массовое распространение получает художественный и медиадискурсы.

Концепт ЧЕРНОЕ МОРЕ является частью языковой картины мира тех культур, которые проходили становление на его берегах, и государств, возникших на основе этих культур: Абхазии, Болгарии, Грузии, России, Румынии, Турции и Украины. Целью данного исследования является выявление и анализ категорий, составляющих концепт ЧЕРНОЕ МОРЕ в современном русском художественном и медиадискурсах, на материале Национального корпуса русского языка.

В процессе познания мира человек непрерывно осуществляет отбор и обобщение информации об окружающих его объектах и происходящих вокруг него событий, а затем систематизирует их в зависимости от своей культурной, социальной, гендерной и иной принадлежности. Происходит процесс концептуализации, в ходе которого организуются и реорганизуются различные концепты «содержательные единицы памяти, ментального лексикона», отражающие в человеческой психике результаты деятельности и процессы познания мира [КСКТ 1996]. Они образуют культурный слой, выступающий посредником между человеком и миром.

Н.Н. Болдырев видит в концептуализации процесс организации и структуризации информации о действительности в концепты и отношения между ними [Болдырев 2014]. Эти отношения определяются в том числе и при помощи сопоставления, сравнения объектов и событий, т. е. с их категоризацией [Беседина 2014]. Категоризация реализуется в языковом сознании путем выделения неких категорий и подкатегорий познаваемых объектов и событий в соответствии с множеством групп оценок: физических, абсолютных, рационалистических и др. При помощи процессов концептуализации и категоризации формируется концептуальное содержание сознания, которое находит выражение посредством языка.

В соответствии со словарным значением, можно выделить дефиниционные признаки концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ – Средиземное море Атлантического океана, между юго-вост. частью Европы и полуостровом Малая Азия [БРЭ: URL]; далее словарь рассматривает географическое положение объекта, его рельеф, климатические и гидрографические условия, историческое значение, хозяйственное использование и экологию региона. Эти словарные характеристики расширяются и дополняются в процессе концептуализации рассматриваемого географического объекта в рамках современного международного ландшафта.

Концепт Черное море в современных художественных текстах русского языка представляет собой совокупность следующих составляющих его категорий:

– географический объект. Для этой категории не характерны подробные географические характеристики, только общие представления, чтобы не перегружать читателя художественного произведения лишними фактами. Часто это

место, куда впадает река или направление по отношению к месту действия в произведении (например, северное или южное): – *Одна река, берущая там начало, впадает в Черное море, другая – в Волгу ...* (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ: URL);

– место эмоционального и энергетического притяжения. Характеризуется как «свое», в противопоставлении иностранному «чужому»: *Там было хорошо, но Черное море билось в его жилах и манило, манило к себе;*

– исторически-значимый объект. Этот компонент проявляется в множественных повествованиях об исторических событиях, происходивших на Черном море: *Если пропущу русский корабль в Черное море, султан мне башку — чик-чик!;*

– курорт, место отдыха и оздоровления: *я уехал на Черное море, отдохнуть перед первым в своей жизни годом учебы в университете;*

– декорация: ... *такие же незыблемые «декорации», как само Черное море или Потемкинская лестница;*

– одно из «цветных» морей: *Есть Черное море, Белое море, Желтое море и Красное море;*

– источник вдохновения: *Черное море было великолепным, ослепительным, соленым, как бочка с селедкой, Влад говорил с евреями о высших материях, то есть о Жириновском;*

Категории, выделанные в медиадискурсе, актуализируют концепт ЧЕРНОЕ МОРЕ более разнообразно:

– географический объект: *Само Черное море, отделенное от Средиземного высоким Босфорским порогом, тоже стало изолированным.* В данном случае можно встретить сведения из разных разделов географии. Например, в ландшафтной географии – это место, куда впадает река, в исторической – часть океана Тетис, бывшее озеро, в физической – аккумулятор тепла. Также в медиадискурсе присутствуют климатические характеристики региона;

– объект политических интересов. Характеризуется как спорная территория, где сталкиваются интересы разных государств: *Покажем нашим западным «друзьям», что в Черное море вообще лучше не соваться;*

– стратегический объект. Категория тесно связана с предыдущей и является своеобразной иллюстрацией к нему, изображая маневры различных эскадр и кораблей или театр военных действий: *Однако участие в затянувшейся позиционной войне не могло устроить энергичного офицера-подводника, и Китицын вернулся на Черное море;*

– исторически-значимый объект: *В представлении скифов Черное море является колыбелью цивилизации;*

– туристическое направление раскрывает особенности Черного моря, как цели путешествия или места оздоровления, а иногда зоны экстремального туризма. В медиадискурсе именно в этой категории происходит отождествление объекта со «своим»: *И чтобы путешествие было беззаботным и приятным (никаких проблем с оформлением визы, акклиматизацией и прочее, прочее), выберем родное, знакомое с детства синее-синее Черное море;*

– место действия в литературе и кино: *От фильма и от этой роли осталась*

только одна песня, ставшая известной всей стране в те годы: «Самое синее в мире Черное море мое»;

– источник вдохновения: Крым, Черное море, музей Чехова, дом Волошина, Дом творчества писателей — чего еще желать?;

– транспортный и торговый путь: Мы хотим выйти в Черное море со своей нефтью, различными товарами, грузами, чтобы развивать торговлю;

– источник опасности. К этой категории относятся последствия стихийных бедствий и катастроф, несущих опасность людям и различным объектам: Когда упал ТУ-154 в Черное море, я поразился, как гибель людей может стать поводом для агрессии, злобы ...

Кроме того, категоризация концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ осуществляется посредством качественных оценочных характеристик. В художественном дискурсе оценочные показатели – это тайна (*загадочное, таинственное*), красота (*самое красивое на свете, великолепное, ослепительное*), положительные эмоции (*торжественное, родное, ласковое*), чистота (*чистое, грязное*), содержание соли (*соленое*). К объективным свойствам относятся погодные (*спокойное / штормовое*), цветовые (*синее, белое, черное*), размерные показатели (*большое*). В медиадискурсе в качестве оценки можно встретить такие атрибуты как *прекрасное, долгожданное, роскошное, спокойное, буйное*. Объективные параметры представлены цветом (*синее-синее, синее, голубое, черное*), физические характеристики (*малопрозрачное, малосоленое* (часто с точным указанием солености), географические (*изолированное*).

Таким образом, концепт ЧЕРНОЕ МОРЕ репрезентирован широким категориальным разнообразием в современном русском художественном и медиа дискурсах. Категоризация концепта ЧЕРНОЕ МОРЕ осуществляется посредством оценочных характеристик объективных и субъективных параметров. В обоих типах дискурса рассматриваемый концепт имеет общие категории, актуализирующие его как географический, исторический, туристический объект, а также источник вдохновения. Различия проявляются в том, что в художественном дискурсе Черное море – это романтическое место, где могут возникать эмоциональные привязанности, а в медиадискурсе данный международный ландшафт категоризируется как объект стратегических, политических и экономических интересов, а также как источник опасности.

Литература

Беседина Н.А. Когнитивное моделирование процессов репрезентации знаний в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 18. С. 121-124.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М: Наука. 1991.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru>.

БРЭ – Черное море // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5844153>.

Mariya Yu. Nekrasova (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

CATEGORIZATION OF THE CONCEPT “THE BLACK SEA” IN MODERN RUSSIAN FICTION AND MEDIA DISCOURSE

The article presents an analysis of the process of categorization of the concept THE BLACK SEA in modern Russian fiction and media discourse based on the material of the National Corpus of the Russian Language (dated 2000–2022). Special attention is paid to the processes of conceptualization and categorization of the analyzed object of international landscape in accordance with various groups of physical, absolute, rationalistic and other types of evaluation. It is concluded about the similarities and differences between the categories of the concept THE BLACK SEA in modern Russian fiction and media discourse.

Key words: the Black Sea, concept, conceptualization, categorization, National Corpus of the Russian Language, international landscape

А.А. Олонцев (Москва, Россия)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
alexanderoloncev@hotmail.com

НАРЕЧИЯ «БЕРЕЖНО» И «ОСТОРОЖНО»: ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СХЕМ В МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОМ КОРПУСНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В статье на примере наречий *бережно* и *осторожно* обсуждается проблема выявления и интерпретации изменений концептуальных схем как форматов знания о мире, стоящих за этими словами. Используется научный инструментарий микродиакронического анализа контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка за период XIX–XX вв., позволяющий зафиксировать и оценить динамику изменения значений лексем.

Ключевые слова: концептуальная схема, микродиакронический анализ, корпусные данные, наречия *бережно* и *осторожно*, агентивные ситуации

Одним из развивающихся направлений в современной когнитивной лингвистике является изучение концептуальных схем (когнитивных моделей ситуации [Кустова 2004]), как форматов знания о мире, стоящих за системно-языковыми значениями слов естественного языка. Мы исходим из предположения, что изменения в значениях слов на протяжении определенных хронологических периодов могут быть связаны не только с внутрисистемными закономерностями, но и с трансформацией стоящих за ними когнитивных моделей, которые, в свою очередь, проявляются в особенностях дискурсной реализации слов, их выражающих, в тот или иной период времени.

Выявление эволюции концептуальных схем осуществляется посредством микродиакронического корпусного анализа, процедура которого разрабатывается исследователями отдела корпусной лингвистики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Микродиакронический анализ является относительно новым направлением в отечественной лингвистике, которое сформировалось в

первую очередь благодаря развитию корпусов и совершенствованию их лингвистического аппарата. Микродиахронический анализ представляет интерес не только сам по себе, но и как инструмент для исследования синхронного состояния языка, в том числе в типологическом аспекте: сопоставление современного состояния языка с состоянием сто- или двухсотлетней давности позволяет более рельефно осветить и то, и другое. При изучении подобных процессов корпус дает эффективные инструменты, которые позволяют составить целостную картину. Корпусные данные позволяют не только зафиксировать изменение значений, но и оценить скорость этих процессов в языке на разных временных срезах.

В целом наш исследовательский проект посвящен выявлению микродиахронических изменений в семантике русских наречий в интервале с XVIII до начала XXI в. и установить их связь с разными типами употребления наречий – в функции глагольного определителя, детерминанта и вводно-модального слова. Непосредственным предметом в работе является исследование эволюции концептуальных схем как форматов знания о мире, которые стоят за наречиями, характеризующими агентивные ситуации: *бережно* и *осторожно*. Материалом для исследования являются данные основных русских толковых словарей (БАС, МАС) и контексты употребления указанных лексем, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Отправной точкой для наших рассуждений является одно из наблюдений наблюдение Т.Б. Радбиля, сделанное им при анализе некоторых примечательных языковых аномалий в художественной речи А. Платонова. Анализируя пример: ... и *бережно пошел* дальше («Чевенгур»), исследователь указывает, что аномалия снимается, если использовать синоним слова *бережно* — *осторожно пошел*. Т.Б. Радбиль связывает эту аномалию с тем, что за наречиями *бережно* и *осторожно* стоят разные концептуальные схемы, и это не позволяет им свободно заменять друг друга в ряде контекстов. В частности, в ситуации, когда используется слово *бережно*, элемент его семантики ‘внимательно, заботливо’, т. е. ‘намереваясь сберечь что-л., не повредить какой-л. объект’, предполагает обязательную направленность на **объект** этого отношения. Таким образом, концептуальная схема использования наречия *бережно* включает наличие двойного семантического подчинения этого признака не только действию, но и обязательно объекту действия (хотя бы инкорпорированному). Поэтому можно *бережно нести что-л.*, *бережно относиться к чему-л.*, *бережно обращаться с чем-л.*, но нельзя **бережно ходить, стоять, спать*, т. е. совершать действия, не имеющие валентности на объект. А в ситуации использования слова *осторожно*, т. е. ‘пытаясь не нарушить положения вещей, целостности предмета’, напротив, семантически акцентируется именно план **субъекта** — источника этого отношения, а наличие объекта не имеет значения: поэтому можно и *осторожно ходить*, и *осторожно молчать*, и *осторожно дышать* [Радбиль 2006: 314].

Однако обратим внимание, что семантическое распределение наречий *бережно* и *осторожно*, связанное с реализацией разных концептуальных схем, является приметой только современного состояния русского языка, примерно с

начала XX в. и до наших дней. Об этом свидетельствует соответствующая выборка корпусных данных, привязанная к этому периоду. **БЕРЕЖНО**: *Напряженно думая и бережно прижимая к груди улику, Шерлок Холмс пошел дальше* [В.Э. Карпов, Т.В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004]; *Теперь надо рассказывать о тех, кто бережно и деликатно включают элементы народного костюма в модели сегодняшнего дня...* [Народный костюм: арханка или современность? // «Народное творчество», 2004]; **ОСТОРОЖНО**: *Хавбеки Дзанетти, Сорин и Симеоне участвовали в наступлении весьма осторожно – ибо пружинной выстреливавшая английская контратака в любой момент могла удвоить счет* [Дмитрий Навоша. Защита Англии. Эрикссон – Бьелса – 1: 0 // «Известия», 2002.06.07]; *Тем не менее ездить по снегу надо очень осторожно – клиренс у Argo маленький, а ходы подвески практически отсутствуют* [Николай Качурин, Денис Литовский. Главное – маневры // «Автопилот», 2002.03.15].

Между тем еще в работах А.Б. Пеньковского были выявлены некоторые употребления в языке А.С. Пушкина, свидетельствующие о том, что слово *бережно* употребляется именно в значении ‘осторожно’: *На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лед*. Ученый справедливо указывает, что приводимые в русских толковых словарях толкования слова *бережно* – ‘заботливо’, ‘внимательно’ [БАС-I, 1950; МАС-I 1985] – к данному случаю не подходят [Пеньковский 2004: 93]. Здесь именно ‘осторожно’; ср., например, значение исходного прилагательного *осторожный* в МАС: ‘Совершаемый, производимый с предосторожностью, так, чтобы не привлечь внимания, не потревожить кого, что-л.’ [МАС-II 1986].

Корпусные данные, привязанные к периоду за XIX в., также демонстрируют многочисленные примеры употребления *бережно* в значении ‘осторожно’: *Он встал и бережно сделал несколько шагов* [Г.П. Данилевский (1885)]; *Услышав о нем, он немедленно встал, бережно прошел между столами и стульями, достиг передней, собственноручно снял шинель, надел, вышел – и исчез на неопределенное время* [Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)]; *Эйхенвальд весьма удовлетворительна, но в последнем действии упала очень плохо, бережно и ненатурально* [В.А. Теляковский. Заметки по управлению Московскими Императорскими театрами с 13 октября 1898 г. по 26 ноября 1899 г. (1899)]; *Стрелка показывала уже восемь минут второго, когда Петр Андреевич Клейнмихель, осторожно отворив дверь кабинета, поспешно, но бережно ступая по полу, подошел к письменному столу и, выпрямившись, встал, как на часах* [Н.Э. Гейнце. Аракчеев (1898)].

Теперь вернемся к наречию *осторожно*. Может ли оно использоваться в значении ‘бережно’? В БАС имеется только словарная дефиниция исходного прилагательного *осторожный*, которая также предполагает сему ‘бережный’ в качестве элемента толкования одного из значений: ‘2. Относящийся бережно, внимательно к кому-, чему-либо; деликатный’ [БАС-VIII 1959]. Однако примечательно, что иллюстрации к данному толкованию относятся только к текстам, созданным в период до XX в.: *Николай понял, что что-то должно было случиться до обеда между Соней и Долоховым, и, с свойственною ему чуткостью сердца, был очень*

нежен и осторожен во время обеда в обращении с ними обоими. Л. Толстой. Война и мир. [Анна Петровна:] *Душа моя, вы все осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болезнь?* Чехов. Иванов. У Обломова в кабинете переломаны или перебиты почти все вещи, особенно мелкие, требующие осторожного обращения с ними. Гончаров. Обломов. *Василий Иванович несколько раз пытался самым осторожным образом расспросить Базарова об его работе.* Тургенев. Отцы и дети [БАС-VIII 1959].

Что же касается самого наречия *осторожно*, то к нему приводятся только иллюстрации, без толкования. При этом в примере из текста XIX в. мы видим *осторожно* в значении 'бережно': *Нельзя было нежнее, осторожнее и вместе с тем серьезнее обращаться, чем обращался с нею граф Безухое.* Л. Толстой. Война и мир, – а в примерах из текстов XX в. *осторожно* уже употребляется в современном значении: *Осторожно оглянувшись, не идет ли кто, она [бабушка] обнимает меня.* М. Горький. В людях. *Она пошла вперед осторожно, боясь шуршать брусничником и мхами.* Бубенн. Бел. береза. [БАС-VIII 1959].

Корпусные данные, привязанные к XIX в., также демонстрируют многочисленные случаи употребления *осторожно* в значении 'бережно': *Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *Глаза ее, совсем посеревшие, устремились на вошедшего, и, когда он осторожно провёл по лбу, стоны сделались явственнее и жалобнее* [Л.Н. Андреев. Друг (1899)]; *Александра Михайловна отвернула одеяло, осторожно сдвинула к стене вытянувшуюся ногу папиросницы и легла* [В.В. Вересаев. Два конца (1899-1903)].

Таким образом, микродиахронический анализ корпусных данных позволяет верифицировать отсутствие двух разных концептуальных схем для наречий *бережно* и *осторожно* как минимум на хронологический период XIX в. О концептуальной дифференциации и семантической специализации этих наречий можно говорить только начиная с XX в., но и в этом случае указанный процесс не представляется окончательно завершённым, о чем свидетельствуют словарные толкования данных лексем в современных русских толковых словарях.

Литература

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1950–1965. Т. I: А–Б. 1950; Т. VIII: О. 1959.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I: А–Й. 1985; Т. II: К–О. 1986.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

*Alexandr A. Olontsev (Moscow, Russia)
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language*

**THE ADVERBS “BEREZHNO” AND “OSTOROZHNO”: THE PROBLEM
OF IDENTIFYING CHANGES OF CONCEPTUAL SCHEMES
IN MICRODIACHRONIC CORPUS RESEARCH**

Using the adverbs “berezhno” and “ostorozhno” as an example, the work discusses the problem of identifying and interpreting changes of conceptual schemes as formats of knowledge about the world behind these words. The scientific tools of microdiachronic analysis of contexts extracted from the Russian National Corpus for the period of the 19th – 20th centuries are used, which allows us to record and evaluate the dynamics of changes in the meanings of lexemes.

Key words: conceptual scheme, microdiachronic analysis, corpus data, adverbs “berezhno” and “ostorozhno”, agentive situations

*О.И. Опарина (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
oloparina@yandex.ru*

**ПОНЯТИЕ «ЗНАНИЕ» ЧЕРЕЗ ОБРАЗ-СХЕМЫ И МЕТАФОРЫ
В ДИНАМИКЕ**

В статье рассматривается эволюция осмысления понятия «знание» посредством образ-схем и творческих метафор. В исследовании учитываются результаты изучения дискурса эпохи Просвещения, текстов Ч. Дарвина, публикаций периода пандемии в сравнении с более поздними текстами на английском и русском языках.

Ключевые слова: знание, образ-схема, метафора, мировоззрение, образ, лексема

Е.С. Кубрякова считает, что языку принадлежит исключительная роль «...в процессах обработки информации о мире, в процессах концептуализации и категоризации мира, во всех процессах, способствующих росту и прогрессу знаний» [Кубрякова 2004: 9]. Тот факт, что язык отражает окружающую действительность, является неоспоримым и очевидным. Когнитивная лингвистика выявила различные способы отображения окружающего мира, с помощью которых можно понять мировоззрение и тенденции в восприятии понятий.

Образ-схема – это один из методов [Johnson 1987]. Он основан на физическом опыте, который помогает осмыслить и понять абстрактные понятия. Минусом такого метода можно считать его схематичность, что не предполагает выявления каких-то более подробных характеристик. Как справедливо заметила А.А. Шарапкина, этот метод «за счет своей высокой степени абстракции дает чернобелый набросок» [Шарапкина 2019: 144]. А цвет «в схематичный рисунок ... приносит включение анализа конкретных примеров, часто наполненных индивидуальными метафорами, яркими образами» [Шарапкина 2019: 144].

Исследуя научный дискурс эпохи Просвещения, в частности Дж. Локка и Д. Юма, А.А. Шарапкина рассматривает употребления лексемы *mind* и образ-

схемы, связанные с этой лексемой [Шарапкина 2019]. Наиболее частотной схемой стало восприятие *разума* как «контейнера» и его персонификация, что объединяет обоих ученых в трактовке разума. Менее частотной схемой, однако присутствующей в работах ученых того времени, является представление о памяти и *mind* как о поверхности, на которую наносятся знания [Шарапкина 2019]. Эти схемы уточняются и прорисовываются уже на уровне концептуальных метафор, конкретных образов и, как следствие, выбора языковых средств [Шарапкина 2019: 154].

Метафоризация играет важную роль в познании, в формировании не только новых понятий, но и уточняет базовые. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры подразделяются на конвенциональные, отражающие уже существующие представления о повседневной картине мира, и творческие [Лакофф, Джонсон 2004]. Последние способны дать иное смысловое наполнение повседневной / бытовой реальности, прошлому и обычным вещам. Творческие метафоры создают новые образы и новое представление, что генерируют новую реальность. Эта новая реальность, в конечном итоге, порождает иную картину мира и систему ценностей.

Таким образом, образ-схема, дополненная творческой метафорой, отражает представления в конкретный момент времени и воспроизводит в краткой, образной форме меняющиеся тенденции в мировоззрении.

Целью данного исследования является рассмотрение образ-схемы и метафоры понятия «знание» в динамике последних лет.

Наше время вместило огромное количество событий, с которыми человечество не сталкивалось много лет до этого. Плотность эпохальных событий, их значимость, безусловно, должны были найти отражение в языке.

Первым в череде потрясений была пандемия. В проведенном ранее исследовании сравнивалось метафорическое употребление понятия *знание* у Ч. Дарвина и в современных публикациях. Было отмечено, что лексема *knowledge* употреблялась не так часто в современных публикациях [Опарина 2022]. Как правило, *знания* имели статический характер (*state of knowledge*) и воспринимались как нечто большое, системное, абстрактное. С лексемой *knowledge* использовались глаголы *increase*, *enlarge*, что указывало на широту и многокомпонентность знаний.

Однако наиболее частотными были другие лексемы: *data*, *fact (s)*, *view*, *idea*. Конкретика давала объективность, понятие «данных» подменяло понятие «знаний», фокусируя внимание на объективности фактического материала (*данные*). В то же время теоретическое осмысление фактического материала имело личностный, индивидуальный характер (*идеи*, *точка зрения*).

Информационные сводки во время пандемии содержали конкретные цифры / факты / данные. Именно они вызывали доверие. Осведомленность и владение этими данными и являлись знаниями. Следует отметить, что для массового сознания в период пандемии сама болезнь была чем-то неизведанным, ситуация непонятной и последствия, даже перспектива будущего, неизвестными. Как результат, *знания* сузились до конкретных *сведений* / *новостей*. Образ-схема – это *знания-новость* / *факт*.

Употребление *data* / *данные* и популярность именно этих лексем объяснялись ускоренной цифровизацией всех областей. Информационные технологии вошли в повседневную жизнь, затронули все слои общества. Термин *data*, распространенный в области информационных технологий перешел в повседневную жизнь, как и многие другие лексемы и понятия из этой области науки.

Интересно отметить, что в текстах Ч. Дарвина присутствовала красивая образ-схема и метафора понятия «знание» как постоянно наполняющегося и бездонного сосуда, которая не нашла отражение в более поздних текстах [Опарина 2022].

С началом конфликта на Украине произошли изменения в риторике англоязычных публикаций. Понятие «знание» носит вневременной и внеконъюнктурный характер. Однако интересно проследить его метафорическое наполнение в связи с этими событиями, а также возникающими тенденциями в мировосприятии.

В англоязычных публикациях *знание* по-прежнему воспринимается как *факты*, которые носят конкретный, штучный характер. Лексема *knowledge* используется крайне редко. Как правило, она употребляется в устоявшихся выражениях (*to my knowledge*).

В новостных лентах чаще стало использоваться слово *информация* (*according to the information..., the recent information, data / information we received..., the information we have at our disposal...*). Следует обратить внимание на употребление определенного артикля, подчеркивающего конкретику и «штучность / единичность».

Если сравнивать представление о *знании* в период пандемии и в данный момент, то значительных изменений не наблюдается. Образ-схема – штучные конкретные сведения / новости.

Наиболее интересная ситуация наблюдается в русскоязычном дискурсе. В русском языке и раньше существовали такие выражения как *глубокие знания, глубина знаний*. Наряду с глубиной знаний подчеркивалась и их многокомпонентность, широта (*обширные знания, энциклопедические знания*).

Однако появилась и очень интересная образ-схема и метафора как понимание *знаний*. Метафора нашла и графическую реализацию, став эмблемой одной из молодежных школ в рамках программы дополнительного курса к школьному образованию. На эмблеме *знания* представлены в виде айсберга. На поверхности изображена ледяная глыба / гора, а внизу, ниже очерченной условной поверхности воды зеркальное отражение этой глыбы, но значительно больше по размерам. Чуть ниже линии поверхности помещена надпись: «В Глубь знаний». Именно слово «глубь» написано с большой буквы. Образ айсберга понятен и легко интерпретирован: видимый объем знаний огромен, но по сути он намного меньше, чем можно даже представить.

Такое представление о знаниях очень удачное, оно стимулирует не только на их освоение, т. е. *выучил, прочел, узнал*, но и мотивирует к дальнейшим исследованиям, к открытию нового, возможно, неожиданного и непредсказуемого, существенно превышающего все, что уже накоплено и осмыслено человечеством.

Обрамляет айсберг череда единичек и нулей, что отсылает к области инфор-

мационных технологий, к естественно научным знаниям. Такое изображение отражает политику страны на данном этапе, когда исследования в сфере искусственного интеллекта и цифровых технологий рассматриваются как имеющие первостепенную важность.

Таким образом, образ-схема понятия *знания* как глыбы / горы, существовавшая в русскоязычном дискурсе (*грязь гранит науки, подняться по тропе, ведущей к вершине горы знаний*), получила новое осмысление в виде творческой метафоры «знание – айсберг». Образ, созданный этой метафорой объединил сложности в приобретении знаний, их многообразии и величине. При этом подчеркивается неисчерпаемость и бесконечность того, что предстоит открыть и осмыслить.

Понятие «знание» прошло путь от образ-схемы «контейнера», «сосуда» к штучной новости, а далее к красивому и значимому образу «айсберга». Появление такого образа / метафоры, особенно его визуализация на эмблеме образовательного курса, благотворно повлияет на понятие «знание», воспитывая школьников не как потребителей знаний (надо искать сведения, выучить, запомнить их), но и как творцов, руководствующихся интересом к неизведанному.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Опарина О.И. Метафорическое восприятие знаний в работах Ч. Дарвина и современных публикациях // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № № 4 (51). С. 758-762.

Шаранкова А.А. Описание механизмов мышления в англоязычной научной прозе XVII-XVIII веков // *От грамматики к когнитивным основаниям концептов языка и культуры*. М.: МГУ, 2019. С. 64-79.

Johnson M. The body in the mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: Chicago University Press, 1987.

Olga I. Oparina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE NOTION OF KNOWLEDGE THROUGH IMAGE-SCHEMAS AND METAPHORS IN DYNAMICS

The article deals with the evolution of the notion “knowledge” through image-schemes and creative metaphors. The present research takes into account the results of the discourse study referring to the period of Enlightenment, the texts of Ch. Darwin, publications of the pandemic period and compares them with English and Russian texts of the last year.

Key words: knowledge, image-schemas, metaphor, worldview, image, lexeme

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ: ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА ТРАНСГРЕССИВНОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена выявлению и описанию языковых механизмов формирования стальных смыслов, указывающих на содержательную специфику концепта ИЗМЕНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ. Рассмотрено понятие измененного состояния сознания, определены его концептуальные характеристики, выявлены языковые механизмы вторичной интерпретации событий, раскрывающих причины и следствия отклонения от нормы в работе сознания. Работа выполнена на материале англоязычных художественных произведений трансгрессивного жанра. *Ключевые слова:* интерпретация, состояние, стальные смыслы, трансгрессия, измененные состояния сознания

Необходимость осмысления событий современного стремительно меняющегося мира определяет актуальность рассмотрения стального формата языкового знания как одного из способов конструирования мира в сознании человека. Подобно тому, как в призме поток света преломляется и разделяется на составляющие его цвета, в стальном формате событие осмысляется как то или иное состояние с помощью стальных форм. Они, как линзы, обеспечивают преломление фрагментов (событий) действительного или воображаемого мира и «локализуют» их в нескольких измерениях стального формата: бытийном, релятивном, итеративном, результативном (подробнее о стальных формах см. в [Павлова 2022]).

Множество таких «преломлений» обеспечивает сознанию возможность «останавливать» значимые для человека события и фиксировать их как состояния. Объединения знаний о мире, осмысленных как состояния, позволяют структурировать соответствующий концепт, в основе которого понятие состояния определяется как комплексная характеристика объекта мира, проявляющаяся в одном из вышеуказанных измерений.

Цель работы заключается в выявлении языковых механизмов формирования стальных смыслов, позволяющих высветить специфику содержания концепта ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ. По мнению А.В. Константинова, под измененными состояниями сознания (ИСС) понимают «любые субъективные состояния, значительно отличающиеся от привычного бодрствования» [Константинов: URL]. Соответственно, «феноменология измененных состояний сознания включает достаточно широкий спектр состояний от обычного сна и дремоты до «внетелесного» околосмертного опыта» [Там же]. Обобщенный характер определения понятия ИСС позволяет заключить, что помимо физиологически обусловленных, часто испытываемых, осмысленных и имеющих наименование в языке ИСС (сон, дремота, опьянение и т. д.), человек проживает широкий спектр событий внутреннего мира, указывающих на значительные отклонения от работы сознания в норме. Языковая репрезентация этих событий открывает

возможность осмысления специфики таких отклонений. На этот факт обращают внимание многочисленные исследования в области психологии и лингвистики ИСС [Спивак 2000].

В рамках настоящей работы исследовательский интерес направлен на рассмотрение интерпретирующего потенциала языка трансгрессивной прозы в репрезентации проявлений ИСС. Поскольку трансгрессия трактуется как выход за пределы известной привычной сферы бытия, выход за пределы «нормы», то художественные произведения трансгрессивного жанра изобилуют описаниями таких проявлений. Обратимся к творчеству одного из самых ярких представителей трансгрессивной литературы – Ч. Паланику. Сюжет его произведений развивается в «благоприятной» для проявления ИСС среде: катастрофа, психологическое насилие, разного рода зависимости, убийства, голод, канибализм и т. д. Главный герой – маргинал, т. е. относится к асоциальной группе, выпавший из привычной среды, из системы человеческих законов и ценностей, не признающий общепринятых моральных норм и правил поведения. Так, в романе «Survivor» Тендер Брэнсон, записывающий историю своей жизни на «черный ящик» в последние минуты крушения самолета, единственный выживший из религиозной секты культа самоубийц, называет себя «Part-time God», «The Flying Dutchman». Эти аллюзии, как и псевдонимы главных героев-призраков в романе «Haunted» – Saint Gut-Free, Comrade Snarky, Duke of Vandals и др., со всей неизбежностью указывают на отклонения от нормы в работе сознания. Они вкпе со сравнениями (1), метафорами (2) в описании событий мира главного героя, повествующего о своей жизни с помощью ненормативной, обценной лексики (3), усиливающей атмосферу эмоционального напряжения простых предложений, парцелляций и анафор (4), а также фразовых глаголов в перфектной и неопределенной форме (5) являются основными языковыми механизмами формирования статальных смыслов, раскрывающих специфику измененного состояния сознания главного героя.

(1) *All the studio apartments in my neighborhood are the same as a warm toilet seat* [Palahniuk «Survivor»]. *His collarbones loop out from his chest, big as grab handles* [Palahniuk «Haunted»].

(2) *I'm alone in the cockpit of Flight 2039 with a whole crowd of those little child-sized bottles of mostly dead vodka and gin lined up on the place you sit at against the front windows, the instrument panel* [Palahniuk «Survivor»]. *The world is silent except for the heartbeat in my ears* [Palahniuk «Haunted»].

(3) *Go to Hell, damned, devil whore, a greasy damn fatty damn cheeseburger, etc.* [Palahniuk «Survivor»].

(4) *None of us resented the church. We just lived. None of us were tortured by feelings very much* [Palahniuk «Survivor»]. *This morning, we were astronauts. Explorers. Awake while they slept* [Palahniuk «Haunted»]. *Some deeds are too low to even get a name. Too low to even get talked about* [Palahniuk «Choke»].

(5) *You just don't know what I've been through this past year* [Palahniuk «Survivor»]. *You run out of air, and you will chew through anything to get that next breath* [Palahniuk «Haunted»].

Во всех романах к уже упомянутым механизмам добавляется дискурсивная репрезентация событий внутреннего мира по принципу «writing on the body», заключающегося в откровенном описании физических процессов в организме человека и телесных модификаций.

Таким образом, к основным языковым механизмам формирования статальных смыслов, раскрывающих содержательную специфику концепта ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ, относятся лексические и синтаксические механизмы, сюжетообразующие описания ситуаций, дискурсивные репрезентации событий внутреннего мира героя, что определяет интерпретирующий потенциал языка трансгрессивной прозы.

Литература

Константинов А.В. Измененные состояния сознания. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/2002118?ysclid=lr6llkb3iv235066334>.

Павлова А.В. Вторичная интерпретация знаний о мире как состояний: классификация, селекция, оценка // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (55). С. 758-761.

Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика / под ред. Н.П. Бехтеревой. СПб.: Ювента; СПбГУ, 2000.

Источники материала

Palahniuk Ch. Choke. URL: https://onlinereadfreenovel.com/chuck-palahniuk/33851-choke_read.html.

Palahniuk Ch. Haunted. URL: https://onlinereadfreenovel.com/chuck-palahniuk/33846-haunted_read.html.

Palahniuk Ch. Survivor. URL: https://onlinereadfreenovel.com/chuck-palahniuk/33836-survivor_read.html.

Anna V. Pavlova (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

ALTERED STATES OF MIND: INTERPRETIVE POTENTIAL OF THE LANGUAGE OF TRANSGRESSIVE PROSE

The article is devoted to revealing and ascribing the linguistic mechanisms of state senses forming which point out the specifics of concept ALTERED STATES OF MIND. The notion of altered state of mind is described. The conceptual characteristics are given. The linguistic mechanisms of stative interpretation of events which reveal the reasons and consequences of deviation in the functioning of conscientiousness are considered. The investigation is based on the American transgressive fiction.

Key words: Interpretation, state, stative senses, transgression, altered states of mind

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КИНОЯЗЫКЕ (СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ОБРАЗНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД)

Статья раскрывает специфику натуралистической концептуализации английского культурного кода на примерах из сценариев к кинофильмам. Гипонимические пироморфные и гидроморфные образные схемы отражают стереотипы о характере и эмоциях.

Ключевые слова: концептуализация, культурный код, образ, картина мира, образная схема, киносценарий

Концептуализация и категоризация как когнитивные процессы высшего ментального порядка, отражая специфические особенности человеческого восприятия и мышления, в том числе и языкового, являются действенным инструментом раскрытия и изучения культурного кода. Концептуализация и категоризация есть два важнейших процесса сознания из сферы интересов когнитивной науки, которая еще в 70-е гг. XX в. совершила «тихую когнитивную революцию» состоящую в переходе от традиционной, формально-структурной лингвистики с ее учением о статичной норме (как безусловно правильно) к инновационно-когнитивной с ее динамичным характером (как приемлемо или принято). Приемлемость в данном смысле означает «вписанность» выражения в контекст неязыковых знаний. Например, *a not unhappy person* (неграмматично, но приемлемо), *There's Carol singers at the door* (колядовщики, исполнители рождественских песнопений у дверей – неверное указательное местоимение разговорно и приемлемо), *How's things with you. There's salt and pepper on the table* (явление семантического опустошения указательного местоимения). Лингвисты-когнитологи с интересом обращаются к аномалиям категоризации и концептуализации, которые порой ставят в тупик математиков, вспомним выражение «большая половина».

Итак, современная когнитивная лингвистика ставит задачи изучить: 1) виды знаний (концептуальная типология), представленных в языковых знаках, 2) механизмы извлечения из знаков знаний (концептуализация и категоризация), 3) правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика), 4) соотношения языковых знаков и культурных реалий (языковая картина мира) [Коннова 2012: 13].

Категоризация и концептуализация формируют картину мира носителей языка. В современных гуманитарных науках картина мира понимается как систематизированное целостное учение о мире, отражающее интеллектуально-культурный уровень развития общества на определенной ступени. Мысль о языке как особом «живом зеркале» мышления, отражающем и влияющем на поведение, была сформулирована в XIX в. В. Гумбольдтом (1769–1859), говорившим, что 1) язык сохраняет индивидуальность своего характера; 2) все созданное народами в прошлом через язык воздействует на индивида; 3) язык способен к изменениям в духе нации; 4) мы застаем каждый язык конкретной нации в определенном состоянии. Из истории языка мы знаем откуда пошли названия дней

недели, их принесли на Британские острова язычники-англосаксы: Sunnandæz (sunna бог Солнце) = Sunday, Mōnandæz (mōna богиня Луна) = Monday, Tīwesdæz (Tīw бог войны) = Tuesday-вторник, Wednesdæz (Wōdan бог ветра и бурь, скандинавский Один) = Wednesday-среда, Þunresdæz (Þunor бог грома, скандинавский Thōr) = Thursday-четверг, Frīzesdæz (Frīzu Фрейя богиня любви) = Friday-пятница, Sæternesdæz (Sætern Сатурн римский бог) = Saturday-суббота.

Далее сравним категории дней недели с русским: воскресенье и украинским: неділя. Казалось бы, выводы напрашиваются однозначные, но это ложный путь расового превосходства. В XX в. учение Гумбольдта получило дальнейшее развитие в теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Они верили, что мышление полностью детерминировано картиной мира нации и говорили так: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Головачева 2006: 21].

У каждого народа, отмечает Г. Гачев, есть образная картина мира для него характерная: Шар-Сферос – модель мира у эллинов, дом – модель мира у немцев, путь-дорога, у русских мыслителей, корабль у представителей английской нации [Гачев 1995]. Вот как описывает серб Гачев английскую картину мира: «Англия – это остров-корабль с ‘самосделанным человеком’ (self-made man). В Англии, на острове-корабле человек не может оцепенеть в медитации. Именно благодаря деятельной натуре англичанина были открыты существенно новые принципы бытия: принцип ‘время – деньги’, индустриализм, культ техники, экономичность, конституция, ‘права человека’, плюрализм и терпимость в религиозной области, прагматизм, утилитаризм, динамизм в конкуренции, ‘борьба за существование’» [Гачев 1995: 158-168]. И.С. Шмелев отмечал такие черты русского характера как эмоциональность, склонность к крайностям «всё или ничего», ощущение непредсказуемости жизни, практический идеализм «журавль в небе», пассивность и фатализм. В русской когнитивистике культурный код изучен Ю.С. Степановым в публикации «Константы. Словарь русской культуры» (1997).

Противником гипотезы лингвистической относительности выступила А. Вежбицкая. «Любое знание выступает как человеческая интерпретация мира», полагает она. Она верила, что мы понимаем друг друга благодаря единству окружающей человека действительности и общим закономерностям восприятия человека. А концептуализация имеет своим итогом универсальные семантические примитивы: «я», «вы», «мать», «отец», «брат», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота» и «свобода» [Гукасова 2003: 247].

Действительно, механизм восприятия мира у людей тождествен в силу того, что все обладают «биологически одинаковой аффективной нервной системой» [Osgood 1963: 320]. Благодаря константности восприятия мы легко ориентируемся в окружающем мире, «...уголь или ворона мы приучены видеть черными при любом освещении» [Рогов 2001: 73]. Восприятие «запрограммировано» искать сходное в многообразном. Таково, к примеру, наше восприятие звездного неба, где человек находит образы Большой Медведицы, Кассиопеи и т. д. [Психолингвистика 2003: 303-332].

Итак, специфичность языковой картины мира не следует возводить в Абсолют, так как во всех языковых картинах мира отражается, при всем его многообразии, один и тот же окружающий мир [Липилина 1998: 49]. Когнитологи выделяют 6 картин мира: языковую, философскую, мифологическую, религиозную, обыденную (наивную) и научную (естественная, гуманитарная и технологическая). Шутя, академик Л.Д. Ландау говорил, что науки подразделяются на естественные (физика, химия), неестественные (история, педагогика, лингвистика), противоестественные (философия) и сверхъестественные (астрология, оккультизм).

Культурное ядро мировидения человеческой цивилизации составляет естественная универсальная картина мира, включающая категории пространства, времени, качества, количества, действия и причины (объективные знания) [Воркачев 2001]. Элементами концептуальной картины мира являются концепты, а их изучение проводится на основе культурных стереотипов, лексических, фразеологических средств. Образ, метафора, творческие стилистические приемы являются теми элементами, которые задействованы как в языке, так и в кино. Они способствуют, с одной стороны, стабилизации языковой системы за счет соблюдения баланса лексических единиц внутри семантических сфер. С другой стороны, метафора и образ находятся на переднем крае когнитивной модернизации языка, предлагая новые способы представления мыслей и идей. Естественно то, что природная образность принимает участие в динамическом гомеостазе, т. е. балансе языковой системы, являясь интереснейшим объектом исследования на основе языка кино. Одним из них является концептуальная метафора, базирующаяся на неконвенциональных образах и актуализируемая в концептуализации явлений области человеческой психики через проекции из области цели (MIND) в область источника (NATURE). Гипер-метафорическая естественно-природная модель дополнена гипо-метафорическими «EMOTIONS > FIRE», «EMOTIONS > WATER».

Так, к примеру, в кинематографе женщины представлены как вдохновительницы творческих порывов, сравнимые с пылким огнем, освещающим жизнь мужчин (образы «hot girl» (горячая девочка), «old flame» (прежняя любовь). Max: This is Dana. She works with me in State. Now I asked her here 'cause I need her help. And uh, well, as it turns out, I need your help too. Cheng: She's **hot!** (Это Дана. Она работает со мной в госдепе. Я позвал ее потому что нужна помощь. И да, как оказывается, и ваша помощь понадобится. – Ченг: Она горячая штука) [Geostorm]. Напротив, в английской традиции холодность тесно связана с представлением об идеальном англосаксонском характере (stiff upper lip – букв. «жесткая верхняя губа»). Breeze: Listen, brother, save yourself, man. They're gonna kill me anyway. Just be **cool**. (Слушай, брат, спаси себя, чувак. Меня по-любому прикончат. Просто держи себя в руках.) [The Hurricane Heist].

Обобщая, отметим, что качества пироморфных и гидроморфных образов (hot, cool, chilly) позволяют передать в киносценариях английский национальный характер и выдвигают на первый план важность спокойствия и невозмутимости, столь ценимую в западной традиции. Чувства не принято выставлять и это поддерживается как образом «глубины» (deep) чувств, так и образом неподобающего поведения, когда человек «тает» (melt away), выставляя чувства напоказ.

Тематическая сфера природы естественно и неизбежно включена в культурный код носителей английского языка, детерминируя образную картину мира и являясь когнитивно-концептуальным каркасом осмысления иных, глубинных рефлексов человеческой психики. Культурный код не всегда четко выделяем и осознаваем носителями языка, проявляясь в речевых и поведенческих стереотипах, таких как представление о женском поле как привлекательном и горячем, а о мужском как сдержанном и холодном.

Литература

- Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
- Гачев Г.Н.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Академия, 1995.
- Головачева А.Н.* Отражение национального мировоззрения в языке // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2006. С. 20-23.
- Лукасова Э.М.* К вопросу о взаимосвязи языка и культуры // Филология и культура. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 246-248.
- Котнова М.Н.* Введение в когнитивную лингвистику. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012.
- Литилина Л.А.* Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций (на материале существительных, появившихся в современном английском языке за последние 30 лет): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 1998.
- Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия* / В.К. Радзиховская, А.П. Кирьянов, Т.А. Пекишева и др. М.: Академия, 2003.
- Рогов Е.И.* Психология познания. М.: ВЛАДОС, 2001.
- Geostorm. URL: https://www.scripts.com/script/geostorm_8866.
- Osgood G.* Language Universals and Psycholinguistics // Universals of Language. Cambridge: The M.Y.T. Press, 1963. Pp. 229-322.
- The Hurricane Heist. URL: https://www.scripts.com/script/the_hurricane_heist_20498.

Svetlana A. Pankratova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State Institute of Film and Television

CONCEPTUALISATION AND CATEGORISATION OF NATURAL PHENOMENAE IN THE FILM LANGUAGE (THE MODERN ENGLISH CULTURAL IMAGE CODE)

The report deals with the specifics of natural conceptualization of the English cultural code on the example of metaphors from film scripts. Nyponymical pyromorphous and hydromorphous image schemes reflect national character stereotypes.

Key words: conceptualization, cultural code, image, picture of the world, image scheme, film script

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ ИДРИСА БАЗОРКИНА «ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ»

В статье рассмотрены прецедентные антропонимы и фиктонимы как составляющие основную часть прецедентных имен, употребляемых И.М. Базоркиным. Прецедентные имена встраиваются в ряд прецедентных феноменов, которые отличает наличие общих характерных черт, таких как известность «всем представителям национально-лингвокультурного сообщества»; актуальность «в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане»; постоянная возобновляемость «в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» (широкая употребительность).

Ключевые слова: прецедентность, феномены, лингвистика, концептуализация, вербальные сигналы

В статье главным образом будут рассмотрены прецедентные антропонимы и фиктонимы как составляющие основную часть прецедентных имен, употребляемых И.М. Базоркиным.

Прецедентные имена встраиваются в ряд прецедентных феноменов, которые отличает наличие общих характерных черт, таких как известность «всем представителям национально-лингвокультурного сообщества»; актуальность «в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане»; постоянная возобновляемость «в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» (широкая употребительность) [Красных 2003: 170].

В свою очередь, дифференциальные признаки прецедентного имени могут актуализироваться через сугубо семиотическую характеристику предмета по внешности или чертам характера или через прецедентную ситуацию. Возможен и другой подход к описанию той структуры, которую весьма условно можно описать как «значение» прецедентного имени, тот смысл, который хотят передать при употреблении этого имени в речи. В своих работах Д.Б. Гудков говорит о национально детерминированном минимизированном представлении, но оно характерно для всех прецедентных феноменов [Гудков 1999: 55].

В исследовании прецедентных имен помимо рассмотрения инварианта восприятия (термин В.В. Красных), необходимо также уделять внимание общему контексту национально-культурного сознания, так как «...вокруг прецедентного имени <...> организован определенный сегмент национально-культурного пространства, в который входят сопутствующие ему кванты знаний, объективированные различными языковыми единицами» [Привалова 2005: 241]. Автор приводит пример: прецедентное имя «Стаханов» в советском культурном пространстве было связано с такими понятиями как «пятилетка», «стахановское движение».

По мнению исследователей, при функционировании в художественном произведении для данных типов прецедентных имен существует ряд особенностей, который необходимо рассмотреть подробнее. Во-первых, нужно отметить,

что употребление прецедентного имени актуализирует как дифференциальные (номинативные) признаки имени (Наполеон – завоеватель, император Франции), так и его атрибуты (сугубо семиотический признак – маленький рост).

Во-вторых, прецедентное имя может употребляться как отдельно, так и вместе с названием связанного с ним прецедентного феномена, образуя семиотический кластер; как отмечал Ю.Н. Караулов, «...степень метафоричности падает, когда имя употреблено вместе с заглавием, и возрастает при самостоятельном употреблении того или другого» [Караулов 2010: 225].

Существуют и другие классификации метафоризации имени собственного [Ратникова 2003: 60].

В итоге следует отметить, что прецедентные имена отличают следующие особенности:

- известность всем представителям данной культуры или социума;
- постоянная возобновляемость в речи представителей того или иного социума (или культуры);
- полевая структура, в ядро которой входят дифференциальные признаки прецедентного имени, а периферия включает определенные атрибуты;
- употребление в речи как отдельно, так и вместе с названием связанного с ним прецедентного феномена;
- позиция семантического предиката в высказывании;
- метафорическое употребление.

Важным источником прецедентных имен в сочинениях Базоркина является нартический эпос – сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей («нартов»), национальная версия которых имеется почти у всех народов Северного Кавказа. Один из главных героев ингушской версии нартического эпоса – Сеска-Солса – упоминается уже в первом абзаце романа «Из тьмы веков»:

Заходящее солнце добела высветило скалы Цей-Лома, которые стеной окружают крохотные терраски пахотной земли. Посреди этих земель возвышается каменная глыба. Сотни, а может быть, и тысячи лет тому назад оторвалась она от горы и застыла здесь, на полпути к пропасти, подмяв под себя целое горское поле. В старину о ней слагали песни. Но время оставило людям только предание о том, что эту скалу в гнев обрушил на врагов своих великий нарт Сеска-Солса. Так и зовется она – скала Сеска-Солсы [Базоркин 2001, т. 1: 7].

Семиозис романа поддерживается в лингвокультурном отношении знаками-деонимами (именами ингушских языческих богов), например, номинацией Тушоли, денотирующей имя богини весны и плодородия в ингушской мифологии.

С тех пор у Доули не было детей. Муж, а он еще в детстве стал мусульманином, как-то принес ей от муллы наговоренную воду, купил ладанку, но ничего не помогло. Старухи объясняли это тем, что ее испортила «перемена жизни», и советовали обратиться к помощи местных богов. Доули послушалась. Тайком ходила она в аул Кек, где перед храмом плодородия божеликой Тушоли стоял каменный столб – знак мужской силы [Базоркин 2001 т. 1: 8].

Пример знаков-деонимов, зафиксированных в тексте романа:

О верхнее божество Дяла!

*О Миха нана – богиня ветров, О богиня вьюги – Дерза нанальг,
О мать рек наших – Хи нанальга, И Болам дяла – бог путников!
К вам поднимаем мы руки и очи свои,
Вас молим сделать благополучной дорогу братьев наших, Идущих за семеро
гор, семеро рек и морей
В далекие, неведомые нам края. О богиня луны – Кинча,
Молим тебя: свети им ночью темною, Как корень лесов наших бага!
О ангелы Ткамыш-Ерды!
Уберегите их своими крылами от несчастья. Дика дяла – бог хорошего!
Не допусти козней матери Злых богов Цолаш,
Которая вечно подстерегает бедного человека
В доме и за его стенами! [Базоркин 2001, т. 1: 32].*

В семиотике ингушской деонтологии наблюдается интересное явление, сопряженное с семиотическим размыванием исторического образа древнего божества и его адаптацией в виде многоликости образов для разных территорий поклонения. Это произошло с образом древнего божества Ерды (*Ерда* – ингуш. Дух), не имевшего особой специализации. В ходе истории этот знак-деоним свое размытое денотативное содержание начал развивать в конкретные образы, например, образы младших богов-покровителей ингушских селений Тамаш-ерда (*Тамыж-ерда*) – крылатый дух; *Амгама-ерда*, брат *Тамыж-ерда*; *Молдз-ерд* – Бог войны (в переводе с ингушского «проворный дух»).

Автор удачно соединил историко-этнографический материал с формой художественного произведения. Лингвокультурный уровень структуры вторичной языковой личности писателя-билингва Базоркина семиотизируется при помощи прецедентных имен в статусе знаков-антропонимов (семиотическая фиксация истории народа, данных о его происхождении, культуре), знаков-культурем (т. е. знаков культурного наследия народа), знаков-фитоноимов (знаков растительного мира), знаков-фаунонимов или зоонимов (знаков животного мира). Лингвокультурная апелляция к родственной ассоциации с этносом нартов рефлектируется в знаках-номинативах, трансформирующихся в имена собственные, основанные на кластеризации знаков-корпораборизмов (рефлексия богатырской силы); знаках-локативах, денотирующих название местности проживания богатыря; знаках-деонимах как имен ингушских языческих богов; знаках-метеоронимах, управляющих феноменами погоды; знаках-ресурсонимах, денотирующих источники еды и питья, а также сопутствующие занятия, необходимые для выживания в условиях сурового горного существования; знаках-инцессоакзилионимах, денотирующих помощь путникам в суровых горных условиях; знаках-коммеморативов, т. е. знаков, маркирующих этнонациональную сакральную память ингушей. Таким образом, вторичная языковая личность Базоркина как писателя-билингва проявляется в прецедентных текстах через феномены национально-этнического уровня, обладающие прецедентностью для ингушского народа.

Литература

Базоркин И.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Из тьмы веков: роман. Магас: Сердало, 2001.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.

Красных В.В. Прецедентные феномены // Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 169-229.

Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2005.

Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003.

Makka M. Patieva (Tyumen, Russia)

*Tyumen Higher Military Engineering Command Order of Kutuzov School
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov*

PRECEDENT NAMES IN IDRIS BAZORKIN'S NOVEL "FROM THE DARKNESS OF THE AGES"

The article will mainly consider precedent anthroponyms and ficonyms as constituting the main part of the precedent names used by I.M. Bazorkin. Precedent names are embedded in a number of precedent phenomena that are distinguished by the presence of common characteristic features, such as fame "to all representatives of the national linguistic and cultural community"; relevance "in cognitive (cognitive and emotional) terms"; constant recurrence "in the speech of representatives of a particular national linguistic and cultural community" (widespread use).

Key words: precedent, phenomena, linguistics, conceptualization, verbal signals

Л.В. Пахомов (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермский государственный институт культуры
pahomov_l@mail.ru*

Д.С. Павлова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
Пермский государственный национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru*

КОНЦЕПТ И КАТЕГОРИЯ «ИСКУССТВО» В ВОСПРИЯТИИ ПОДРОСТКОВ*

В статье представлены результаты двух экспериментов, определяющих структуру концепт-категории ИСКУССТВО. Полученные данные демонстрируют сильное влияние эмоционально-чувственной сферы и личного опыта на восприятие искусства. Кроме того, выделены частотные стратегии, используемые для определения членов категории «Искусство».

Ключевые слова: концепт, категория, восприятие, искусство, ассоциативный эксперимент

Изучение концептуализации и категоризации как базовых механизмов восприятия мира и отражения его языковой картины является традиционным для

* Исследование выполнено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, проект ID 94034584 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности».

линвокогнитивных исследований. Концепт и категория неразрывно связаны, поскольку «языковая концептуализация мира осуществляется в процессе его категоризации и дифференциации» [Бабенко 2007: 15].

В связи с этим особый интерес для изучения представляют абстрактные и многокомпонентные концепты-категории, к которым относится «Искусство». Под искусством понимается творческое воспроизведение действительности в художественных образах, результатом которого является произведение искусства.

В соответствии с теорией прототипов и категорий базового уровня [Rosch 1978] категория «Искусство» имеет таксономическую структуру: делится на виды, подвиды, жанры, включает прототипичных представителей и произведения искусства.

Особый интерес в изучении категории «Искусство» представляется в рассмотрении ее восприятия представителями разных социальных групп и возрастов. Так, в настоящей работе были проведены 2 эксперимента, участниками которых стали подростки в возрасте 13–17 лет, обучавшиеся в образовательном центре «Сириус».

Первый эксперимент

В эксперименте приняли участие 189 подростков. Исследование проводилось методом свободного ассоциативного эксперимента в письменной форме, где испытуемым предлагалось написать первые 10 слов / словосочетаний, приходящих в голову на стимул «Искусство». Всего было получено 1388 реакций.

Реакции были распределены по тематическим группам ЧУВСТВА, ЭМОЦИИ, СОСТОЯНИЕ (453); ПРОЦЕСС (285); ПРЕДМЕТ (263); СИРИУС (137); НАУКА (64); СПОРТ (61); ЧЕЛОВЕК (48); НАПРАВЛЕНИЕ ИСКУССТВА (36); СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ (29); ЛЕКСЕМА (12).

Самыми частотными оказались реакции, вошедшие в тематическую группу ЧУВСТВА, ЭМОЦИИ, СОСТОЯНИЕ, что отражает эмоционально-чувственное восприятие искусства.

Тематическая группа ПРОЦЕСС включает действия, связанные с искусством (создавать, сочинение музыки, творческий процесс, чтение и пр.). В тематическую группу ПРЕДМЕТ вошли реакции, связанные с предметами реального мира, которые в представлении подростков ассоциируются с искусством (костюм, чернила, ногти, учебник и пр.).

Второй эксперимент

В эксперименте приняли участие 147 подростков. Исследование проводилось методом свободного ассоциативного эксперимента в устной форме, испытуемым предлагалось быстро сказать первое пришедшее в голову слово / словосочетание на слова-стимулы. Для проведения эксперимента были отобраны 30 слов-стимулов, полученных в первом эксперименте, а именно *Айвазовский, Актер, Альманах, Архитектура, Балет, Баллада, Бетховен, Большой театр, Витраж, Выставка, Гитара, Достоевский, Живопись, Звезда, Изобразительное искусство, Картина, Кино, Концерт, Литература, Мона Лиза, Музыка, Никита Михалков, Писатель, Скульптура, Сцена, Театр, Третьяковка, Фотография, Хореография, Эрмитаж.*

Выборка стимулов проводилась таким образом, чтобы были представлены единицы всех уровней категоризации. Всего было получено 4410 реакций.

Анализ полученных реакций показывает, что чаще всего информанты, давая реакции на предъявляемые стимулы, используют ограниченный набор стратегий, которые легли в основу классификации реакций (см. Табл.).

Таблица. Частотность реакций

Стратегия	Объем, %
конкретизация	41,1
обобщение	11,7
определение	11,2
отождествление	6,5
личный опыт	8,5
прецедент имя	9,6
прецедент произведение	5,6
прецедент цитата	1,2
ошибки	1,1
созвучие	1,0
нет (отсутствие реакции)	2,5

Таким образом, стимулы категории «Искусство» чаще всего определяются информантами через стратегии, связанные с базовыми мыслительными операциями: конкретизация, обобщение, отождествление, определение. Наиболее частотной стратегией является **конкретизация**. Например, конкретизироваться может место (*Театр – на Таганке, Театр – Большой* и пр.), инструмент (*Живопись – кисть, Живопись – мольберт, Фотография – фотоаппарат, Театр – пьеса* и пр.), деятель (*Живопись – художник, Фотография – фотограф, Хореография – постановщик* и пр.), атрибут (*Концерт – кулиса, Писатель – чернильница, Фотография – пленка* и пр.) и мн. др. Не менее важными являются стратегии **обобщения** (*Балет – искусство, Баллада – песня, Мона Лиза – Возрождение, Никита Михалков – знаменитость, Сцена – концертный зал, Фотография – творчество* и пр.), **определения** (*Витраж – стекло, Гитара – музыкальный инструмент, Достоевский – писатель, Мона Лиза – портрет, Никита Михалков – режиссер* и пр.) и **отождествления** (*Актер – режиссер, Бетховен – Моцарт, Гитара – фортепиано, Живопись – архитектура, Эрмитаж – Пушкинский музей* и пр.).

В рамках исследования отдельно выделена стратегия, отражающая **личный опыт** восприятия искусства, например, *Альманах – сириусовский, Балет – пальцы побитые, Гитара – отряд, Кино – друзья, Литература – направление в Сириусе, Скульптура – дельфины, Хореография – оранжевая кофта* и пр.

Еще одной стратегией определения стимулов является упоминание **прецедентных** феноменов, которые связаны с конкретными деятелями искусства (*Актер – Одри Хепберн, Гитара – Цой, Звезда – Ариана Гранде, Изобразительное искусство – Айвзоровский, Кино – Янковский, Концерт – Газманов, Литература – Пушкин, Музыка – Моцарт, Писатель – Оруэлл* и пр.), названиями произведений (*Балет – Лебединое озеро, Достоевский – Идиот, Картина – Три богатыря, Кино – Аватар, Литература – Овод, Никита Михалков – Бесогон, Скульптура – Мыслитель* и пр.), и цитациями (*Звезда – по имени солнце, Картина – корзина,*

Кино – взгляд, Театр – вешалка, Фотография – 9 на 12 и пр.).

Отдельно были выделены фактологические **ошибки**, допущенные информантами (*Айвазовский – литература, Актер – Куинджи, Альманах – отшельник, Достоевский – Нобелевская премия, Живопись – Моргентерн, Писатель – Ван Гог, Эрмитаж – Франция* и пр.).

Самая редкая стратегия – определение стимула через созвучие (*Альманах – иеромонах, Витраж – мираж, Достоевский – Толстоевский, Мона Лиза – монокль, Третьяковка – морковка, Фотография – флюорография, Хореография – география* и пр.).

Выводы

Полученные в первом эксперименте результаты указывают на то, что чаще всего искусство воспринимается через эмоционально-чувственную сферу. Тематические группы ПРОЦЕСС и ПРЕДМЕТ отражают личный опыт восприятия искусства, а не творческий процесс его создания. Результаты второго эксперимента позволяют говорить о том, что члены категории «Искусство» чаще всего определяются информантами через стратегии, связанные с базовыми мыслительными операциями: конкретизация, обобщение, отождествление, определение, однако значимыми стратегиями также являются узнавание, выраженное прецедентными феноменами, и опора на личный опыт.

Литература

Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 4. Язык, сознание, личность. Sofia: Heron press, 2007. С. 15-22.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and categorization / eds. by E. Rosch, W.B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. Pp. 27-48.

Leonid V. Pakhomov (Perm, Russia)
Perm State National Research University
Perm State Institute of Culture
Daria S. Pavlova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University
Perm State National Research University

THE CONCEPT AND CATEGORY “ART” IN TEENS’ PERCEPTION

The paper deals with the results of two experiments that determine the structure of the concept-category ART. The data obtained demonstrate the strong influence of the emotional-sensory sphere and personal experience on the perception of art. In addition, frequency strategies used to determine members of the ART category are highlighted.

Key words: concept, category, perception, art, associative experiment

Е.Р. Переслегина (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
peresl@mail.ru

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДОРОГА» В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА

В статье анализируется объективированное с помощью языковых и речевых средств содержание концепта ДОРОГА на материале рассказов И.А. Бунина. С применением семантико-когнитивного анализа определен набор когнитивных признаков концепта ДОРОГА, построена и описана модель его содержания. Ядро исследуемого концепта актуализирует основную функцию дороги; периферия объемна и содержит признаки, демонстрирующие фрагмент индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, лексема, содержание концепта, ядро концепта, периферия концепта

Концептуальное пространство художественного текста осмысливается в современной лингвистике как воссозданная автором с помощью средств языка картина мира, при этом «значимые лексемы текста перестают быть просто словами, становясь <...> идейно и эмоционально насыщенными концептами» [Воронина 2008: 65]. Называя себя *бродником* (путником), И.А. Бунин признавал странничество своей жизненной философией, поэтому одним из значимых компонентов художественной картины мира писателя является концепт ДОРОГА. Актуальность исследуемого концепта подтверждается частотой его вербальных репрезентаций в рассмотренных текстах (175 рассказов) – 261 словоупотребление.

Для выявления смыслового наполнения концепта ДОРОГА, репрезентированного в малой прозе И.А. Бунина, был проведен анализ языковой (речевой) экспликации концепта с помощью методики, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского [Ручина, Горшкова 2003: 125]. Эта методика предполагает выявление внутренней формы и дериватов слова, номинирующего концепт, фиксацию парадигматических и синтагматических связей лексемы, определение ее языковых и формирование контекстуальных значений. Выявленная семантика стала основой для формулирования когнитивных признаков концепта и описания его смыслового наполнения в терминах ядра и периферии.

Данные этимологических словарей свидетельствуют о том, что изначально ядро концепта ДОРОГА выражалось через значение ‘проход, выкорчеванный в лесу’.

Деривационное поле слова *дорога* актуализирует его языковые значения: ‘полоса земли, служащая для езды и ходьбы’ (*дорожка, дорожный, придорожный, железнодорожный*) и ‘путешествие, поездка’ (*дорóгой*).

Анализ лексико-семантической парадигматики позволил выявить единицы, связанные со словом *дорога* отношениями разного вида: синонимы, антонимы, ассоциации.

Выяснилось, что И.А. Бунин использует лишь языковые синонимы исследуемого слова (*аллея, мостовая, путь, тропинка, тротуар, шоссе*), эксплицирующие базовые общенародные когнитивные признаки концепта, в то время как зафиксированный нами антоним *дом* является контекстуальным. Оппозиция *дорога – дом* традиционна для русского национального сознания: дорога чаще всего олицетворяет неприютность, неустроенность, поиск, скитания, лишения; дом – стабильность, безопасность, спокойствие. Однако в рассказах И.А. Бунина эта оппозиция в ряде случаев нивелируется, автор подчеркивает бессмысленность возвращения домой, неприятие героем своего дома: *По дороге из Москвы в Тулу спокойно грустил: вот опять я дома, а зачем?*

Устойчивые ассоциации, обнаруженные в исследуемом материале (*автомобиль, вагон, выюга, грязь, дождь, извилины, извозчики тележки, кабак, колея, коляска, лес, ливень, лошади, месяц, метель, несчастье, непогода, пыль, станция, степь, телега, темнота, тройка, туман, туннель, чемодан* и др.), уточняют семантику слова *дорога* и принимаются во внимание при формулировании в дальнейшем когнитивных признаков концепта.

Описание синтагматических связей осуществлялось через выявление синтаксических конструкций, построенных по следующим моделям:

1) глагол + *дорога*, где *дорога* – логический субъект действия: *белела, блестит, вошла, вьется, падает, поднимается, шуришит* и др.;

2) глагол + *дорога*, где *дорога* – объект, над которым совершается действие (*загородил, заметил, знает, обступили, преграждают, толкут* и др.);

3) прилагательное + *дорога*, где *дорога* – атрибутируемый предмет (*беззвучная, большая, деревенская, известковая, колчеватая, мучительная, снежная, табельная, фиолетовая* и др.).

Анализ глагольной лексики показал: со словом *дорога* у И.А. Бунина наиболее часто сочетаются глаголы движения и бытия, что отражает идею автора об обреченности человека на движение по его земной дороге. Многообразие лексико-семантических групп прилагательных, используемых в атрибутивных конструкциях, объективирует целый ряд признаков дороги: ее размер, форму, поверхность, цвет, место пролегания, состояние. Оценочные прилагательные, сочетающиеся в рассказах И.А. Бунина с лексемой *дорога*, содержат как негативную (*грязная, мучительная, опасная, печальная, тяжелая*), так и положительную оценку (*идеально-живописная, мягкая, тенистая, упругая*).

Разные типы связей слова эксплицируют и языковую, и речевую его семантику. Так, на основе полученных в ходе анализа данных мы выявили языковые значения слова *дорога* ('полоса земли, служащая для езды и ходьбы'; 'путешествие, поездка'; 'направление, путь следования'; 'место, по которому надо пройти или проехать') и сформулировали контекстуальные ('жизненный путь', 'место смерти', 'признак цивилизации', 'то, что вызывает чувство радости, счастья', 'образ жизни', 'место встреч и знакомств', 'улица').

Выделенные значения стали базой для формирования комплекса когнитивных признаков концепта ДОРОГА, составляющих его смысловое наполнение.

Модель содержания описывается в терминах ядра и периферии (ближней, дальней и крайней) [Попова, Стернин 2007: 11]. Принадлежность того или иного признака к конкретной зоне содержания концепта определяется его яркостью, выраженной в показателях частоты словесных реализаций. Так, ядро исследуемого концепта представлено признаком «предназначена для езды и ходьбы» (частота вербальных реализаций – 119), выражающим основную функцию дороги и соотношенным с языковым значением слова, номинирующего концепт. Функциональной характеристикой дороги обусловлено осмысление дороги как признака цивилизации (3), хотя данный когнитивный признак и располагается в зоне крайней периферии концепта

К области ближней периферии относятся когнитивные признаки «является бесконечной, безграничной» (48) и «имеет препятствия» (23). В большинстве проанализированных контекстов именно бесконечная дорога дает человеку чувство свободы и актуализирует самоценность движения, а не цели. Бунинский герой одержим дорогой без определенного направления. Странствия для него – это уход от пространственно-временных ограничений, стремление познать мир в движении, поймать его яркие мгновения, найти свое счастье. Не случайно этот ярко представленный когнитивный признак обуславливает появление в зоне крайней периферии признаков «предполагает свободное перемещение» (6), «вызывает позитивные эмоции» (3), «влияет на образ жизни» (1). Дорога, имеющая границы, располагается между двумя определенными объектами или ограничена с одной стороны (обычно И.А. Бунин указывает конечную точку пути, а не его начало). Признак «ограничена с одной или двух сторон» (16) располагается в зоне дальней периферии, значительно уступая по яркости его оппозиту.

Когнитивный признак «имеет препятствия», как указывалось выше, сопряжен с внутренней формой слова *дорога* и включает смысловой компонент «преодоление», который мотивирует объективацию в текстах признаков крайней периферии: дорога «вызывает физический дискомфорт» (6), «вызывает негативные эмоции» (5) и даже «представляет смертельную опасность» (4). Нередко препятствиями на пути субъекта перемещения становятся погодные условия: вьюга, дождь, метель, ненастье. И.А. Бунин обращается к фольклорному образу запавшей дороги (*запасть* – диал. 'перестать существовать, исчезнуть, пропасть'), которая предвещает разрушенные судьбы, неразделенную любовь, смерть в рассказах «Степа», «Танечка», «Натали», «Дубки».

В зону дальней периферии входит признак «имеет определенную поверхность» (15), овеществляющий объект описания. *Маслянистая, сухая, известковая, песчаная, влажная, пыльная, мощеная, рыхлая* – перечисленные определения делают образ дороги осязаемым, дают возможность читателю соприкоснуться с художественной реальностью бунинского мира. Созданию эффекта осязаемости дороги способствует и речевая экспликация когнитивного признака «имеет инфраструктуру». Придорожные кабаки, станции, путевые будки становятся местами неожиданных встреч и знакомств, вносящих изменения в характер дальнейшего пути, направления движения, развития действия и определяющих внутреннее состояние и поведение героев.

Когнитивные признаки «похожа на жизнь» (1) и «влияет на образ жизни» (1), хотя и относятся к крайней периферии концепта, не свидетельствуют об их малозначности в его структуре. О.О. Ипполитов, рассуждая об особенностях экспликации концепта ДОРОГА в русском языке, совершенно справедливо отмечает, что «центр исследуемого концепта в сознании носителя языка, помимо когнитивной структуры в виде представления, объективируемого ключевой лексемой *дорога*, включает и некую абстрактную нелексикализованную категорию “я как субъект дороги”» [Ипполитов 2002: 92]. Данный тезис в полной мере подтверждается результатами нашего исследования: все выделенные нами когнитивные признаки даны с точки зрения участвующего в движении субъекта.

Анализ смыслового наполнения концепта ДОРОГА в малой прозе И.А. Бунина показал, что в материале исследования объективируются как общенациональные, так и индивидуально-авторские когнитивные признаки. Общенациональное ядро концепта, содержащее функциональную характеристику дороги, окружено слоями, представляющими фрагмент авторской картины мира, воплощенный в динамике художественного образа. Разумеется, границы между зонами содержания концепта условны, однако с определенной долей уверенности можно утверждать, что смысловое наполнение бунинского концепта, с одной стороны, коррелирует с архетипическим представлением о дороге (наличие / отсутствие границ, препятствий, возможность встреч, смертельной опасности), с другой – отражает жизненную философию писателя (безграничность, свобода перемещения, автономная ценность движения, а не его цели, ощущение счастья).

Литература

Воронина Е.А. Мировоззренческое знание в литературно-художественном творчестве: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2008.

Ипполитов О.О. О структуре концепта «дорога» в русском языке // Композиционная семантика (Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике). Ч. 1. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2002. С. 92-94.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.

Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 124-130.

Elena R. Pereslegina (Nizhny Novgorod, Russia)
N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

THE CONTENT OF THE CONCEPT “ROAD” IN I.A. BUNIN’S STORIES

This article analyzes the content of the concept ROAD based on the language and expressions used in I.A. Bunin’s stories. Using the semantic-cognitive method, we have determined a set of cognitive features of the concept ROAD, as well as modelled and described its content. The core of the concept actualizes the main function of the road; the massive periphery includes features which show a segment of the author’s individual linguistic picture of the world.

Key words: concept, cognitive features, lexeme, content of concept, core of concept, periphery of concept

И.М. Петрова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
miiinna@yandex.ru

Н.С. Гостева (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
nika_gosteva@bk.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ АТРИБУТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОЕКЦИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМЫ «СНЕГ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

Статья посвящена исследованию того, как изменение позиции элементов атрибутивной цепочки, описывающей слово *снег*, в русском и английском языках отражает специфику лингвокультурной проекции репрезентации знаний о мире. Исследование атрибутивных цепочек строится на основе ассоциативных представлений, выраженных структурой прилагательное + сущ. *снег*. В результате анализа выявляются прилагательные, зафиксированные в обоих языках: *мокрый, белый, глубокий, свежий, рыхлый*, которые служат основой для моделирования атрибутивных цепочек, используемых при проведении лингвистического эксперимента на предмет выявления предпочтительной последовательности элементов цепочки. Эмпирический материал исследования представлен текстовой реализацией цепочек, полученной с помощью ресурса Google books.

Ключевые слова: репрезентация знаний, лингвокультурная проекция, атрибутивная цепочка, вариативность атрибутивной цепочки, лексема *снег*

Репрезентация знаний о мире может транслироваться посредством слов, относящихся к природной лексике, в число которых входит слово *снег*. Интерес к этой лексической единице проявляют многие исследователи, анализируя ассоциативно-образную палитру лексемы в произведениях разных авторов [Булина 2018; Усманова 2018], однако атрибутивные структуры, характеризующие это явление, пока не получили полного описания в контексте когнитивного анализа, хотя они представляются достаточно информативными для изучения лингвокультурных особенностей описания концептуально значимых лексем [Петрова 2018; Сулейманова, Петрова 2022].

В работе сделана попытка выявить лингвокультурную специфику описания лексемы *снег* в русском и английском языках посредством двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний. Методология предпринятого исследования включает два этапа. На первом этапе на основе ресурсов Картаслов.ру (<https://kartaslov.ru>) (онлайн-тезаурус с возможностью поиска ассоциаций, синонимов, контекстных связей и примеров предложений к словам и выражениям русского) и электронного словаря английского языка Oxford Collocation Dictionary (<https://www.freecollocation.com>) была составлена Табл. 1 сочетаний слова *снег* с прилагательными. В таблице представлены словосочетания по признаку их частотности в языке.

Таблица 1. Сочетание слова *снег* с прилагательными

Русский язык			Английский язык		
1.	мокрый	снег	1.	deep	snow
2.	белый	снег	2.	heavy	snow
3.	глубокий	снег	3.	soft	snow

4.	свежий	снег	4.	frozen	snow
5.	выпавший	снег	5.	eternal	snow
6.	густой	снег	6.	perpetual	snow
7.	падающий	снег	7.	white	snow
8.	грязный	снег	8.	driving	snow
9.	талый	снег	9.	light	snow
10.	пушистый	снег	10.	wet	snow
11.	мелкий	снег	11.	powdery	snow
12.	колючий	снег	12.	fresh	snow
13.	тающий	снег	13.	loose	snow
14.	рыхлый	снег	14.	hard	snow

Сравнение данных Табл. 1 позволило выделить прилагательные, которые сочетаются со словом *снег* и в русском, и в английском языках. В число таковых вошли следующие прилагательные: *мокрый, белый, глубокий, свежий, рыхлый*. Данные атрибуты отражают характеристики объекта, зафиксированные в обеих лингвокультурах как частотные единицы, что свидетельствует об их значимости для его репрезентации.

Второй этап настоящего исследования строился по модели выявления когнитивного фокуса структуры. На основе выявленных релевантных атрибутов объекта были сформированы атрибутивные цепочки, обозначенные как Фраза 1, например, *мокрый белый снег* и ее инвертированный вариант Фраза 2 *белый мокрый снег*. В качестве корпусного ресурса использовался портал Google books, позволяющий получить текстовую реализацию заданной цепочки. Результаты проведенного лингвистического эксперимента представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Количество примеров в Google books

	Фраза 1		Фраза 2	
1	мокрый белый снег	101	белый мокрый снег	8
	wet white snow	290	white wet snow	194
2	свежий белый снег	225	белый свежий снег	208
	fresh white snow	2850	white fresh snow	283
3	рыхлый белый снег	50	белый рыхлый снег	115
	loose white snow	115	white loose snow	5

Google books. Дата обращения 8.04.2023

Анализ данных Табл. 2 показывает, что в паре *мокрый белый снег* – *белый мокрый снег* в русском языке явное предпочтение отдается качественному атрибуту *мокрый*, при этом в английском языке этот атрибут также занимает доминирующую позицию. Сочетание прилагательных *свежий* и *белый* в русском языке демонстрирует высокую степень вариативности: 225 и 208 примеров реализации, тогда как в английском языке позиция прилагательного *fresh* практически стабильна: 2850 вхождений в текст по сравнению с инвертированной формой (283 примера). Текстовый материал показывает, чем объясняется такая стабильность структуры. Например, в предложении *The blanket of fresh white snow had buried the empty streets in a silence so deep that, apart from our footsteps, all we could hear was our own breathing* (Orhan Pamuk. «Snow») образ одеяла из белого снега усиливается прилагательным *fresh*, создающим аллюзию на свежее, чистое бельё. Использова-

ние инвертированной формы цепочки сопряжено с акцентом на цветовом компоненте, например, *The Viking king said as he took a mouthful of the pure white fresh snow in his hand and ate it* (Kenneth Smith. «The True Origin of Man»).

Третья пара, включающая прилагательные *рыхлый* и *белый* показывает, что в русскоязычном материале предпочтение отдается цветовой характеристике (115 вхождений), а не качественной (50 вхождений), например, *А с неба сыплется и сыплется белый рыхлый снег, словно кто-то распотрошил в холодной выси тысячи пуховых перин* (Ivan Kurchavov. «Цветы и желез»), тогда как в англоязычном материале обратная тенденция: 115 вхождений имеют структуры, начинающиеся с прилагательного *loose*, и только 5 примеров с инвертированной структурой. Использование Фразы 2 сопровождается при этом выделением прилагательного *white* запятой, например, *In the morning, there were fourteen inches of white, loose snow* (Warren Reed. «She Rode a Yellow Stallion»).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что вариативное позиционирование элементов атрибутивных цепочек, описывающих лексему *снег* в русском и английском языках, имеет определенную лингвокультурную обусловленность. Для русскоязычного материала характерна фиксация на цветовой характеристике явления, поскольку фразы *белый рыхлый снег* и *белый свежий снег* имеют достаточно высокую стабильность реализации в тексте. Данное обстоятельство свидетельствует о значимости визуального восприятия *снега* для носителей русского языка. Англоязычные данные говорят о том, что рематический компонент атрибутивной структуры передает качественные характеристики рассматриваемого природного явления, в частности, такие как *wet, fresh, loose*. В результате вышеизложенная информация позволяет сделать вывод о том, что вариативность атрибутивных элементов сопряжена с лингвокультурной проекцией реализации знаний об объекте, что, в свою очередь, открывает перспективы дальнейшего исследования представлений о природных явлениях в языке посредством анализа корпусных данных.

Литература

Булина Е.В. Лингвокультурологический континуум слова «снег» в русской языковой картине мира (на примере текстов писателей Приамурья) // Лосевские чтения – 2018 / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: БГПУ, 2018. С. 109-121.

Петрова И.М. Классификация объекта как отражение процессов категоризации в речи (на материале английской атрибутивной конструкции) // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 311-314.

Сулейманова О.А., Петрова И.М. Отражение процессов языковой интерпретации в вариативности следования элементов атрибутивных словосочетаний // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 101-104.

Усманова Л.А., Нуруллина Г.М. Семантика наименований природных реалий в этнокультурной проекции языка // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 127-132.

Inna M. Petrova (Moscow, Russia)

Moscow City University

Nika S. Gosteva (Moscow, Russia)

Moscow City University

THE ALTERATION OF THE ATTRIBUTE CHAIN AS A LINGUISTIC CULTURAL PROJECTION OF KNOWLEDGE REPRESENTATION (BASED ON THE LEXEME “SNOW” IN RUSSIAN AND ENGLISH)

The paper focuses on examining how the alteration in the ordering of the constituent elements within the attribute chain that describes the lexeme *snow* in both the Russian and English languages manifests the unique characteristics of the linguistic and cultural rendition of cognizance pertaining to the world. The study of attribute chains is based on associative representations expressed by the adjective + noun *snow* structure. As a result of the analysis, adjectives fixed in both languages are revealed: *wet, white, deep, fresh, loose*, which serve as the basis for modeling attribute chains used during a linguistic experiment to identify the preferred sequence of chain elements. The study presents its empirical observations through the textual manifestation of the implemented chains acquired from the Google books repository.

Key words: knowledge representation, linguistic and cultural projection, attributive chains, alteration of the attribute chain, the lexeme *snow*

Т.И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

t.petuhova@spbu.ru

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются отличительные черты концептуализации природы в современных британских романах, в которых NATURE является смыслообразующим концептом. Анализируются доминантные эгоцентрические компоненты смысла, которые находят экспликацию в художественном тексте в контексте репрезентации взаимодействия человека и природы.

Ключевые слова: художественный концепт NATURE, смыслообразующий концепт, компонент смысла, концептосфера, художественный текст

Окружающий мир и природа как один из его значимых компонентов являются для человека объектами восприятия и индивидуальной рефлексии, в результате чего он не только познает саму действительность, но и приходит к самосознанию себя как части этого мира [Хомякова 2003: 10]. Природа играет важную роль в жизнедеятельности человека, предоставляя ему огромный потенциал своих ресурсов. Вместе с тем она может влиять и на формирование ценностной картины мира индивида, определять структурирование событийных, нравственных, эстетических и эмоциональных концептов.

Несмотря на бурное развитие технологий и виртуального пространства современной коммуникации полимодальное восприятие человеком природы не утрачивает своей значимости и характеризуется актуализацией глубоких личностных смыслов. Перцептивный образ природы, который формируется в сознании человека, представляет собой ментально и эмоционально обработанную картину, которую он интерпретирует, используя различные языковые средства [Петухова

2014]. Обращение писателей к теме природы всегда было актуальным и сейчас занимает значимое место в творчестве многих авторов. Репрезентация концепта NATURE в художественном тексте способствует раскрытию внутреннего мира персонажей, формированию сюжета и эмоционально-эстетического воздействия на читателя [Петухова, Хомякова 2023]. Е.А. Огнева для обозначения минимальной смысловой ячейки концептосферы художественного текста вводит термин компонент смысла [Огнева 2013]. Рассмотрим, какие компоненты смысла в настоящее время получают доминантную экспликацию в англоязычной литературе в контексте восприятия персонажами природы.

В произведениях современных британских писателей на первый план выходит тема взаимодействия человека и природы, обусловленная стремлением персонажа обрести себя, справиться с деструктивными эмоциями, вызванными существованием в полном тревоге и пагубных зависимостей современном мире. Природа исцеляет, приносит покой и умиротворение, способствует возвращению к осмысленному существованию. Среди англоязычных художественных текстов, смыслообразующей доминантой которых является тема единения человека и природы, можно отметить автобиографический роман британской журналистки Эми Липтрот «The Outrun» и роман писательницы и литературного критика Оливии Лэнг «To the River». На смысловом уровне архитектуры анализируемых текстов представляется возможным выделить компоненты смысла, которые, с одной стороны, являются индивидуально-авторскими, а, с другой стороны, имеют потенциал трансформироваться в общие ценностно значимые единицы концептосферы всего национально-культурного сообщества.

Героиня романа «The Outrun» после неудачной попытки покорить Лондон, которая привела к разбившимся надеждам, утрате работы, любви и возникновению алкогольной зависимости, возвращается на родительскую ферму на шотландском острове:

*I had a great drive to leave and experience more elsewhere but, like many young Orcadians, I've returned. Now I'm back I'm seeing my home anew and wondering if I should join the effort to keep the isles alive. When I am in London, Orkney itself seems imaginary. I find it hard to believe that this life is real when I'm down there. And imagination is important here. **These islands could be bleak, unpromising places if it weren't for enchantments** such as the porpoise, rising like Hether Blether in the offing, always just beyond our reach [Liptrot A. The Outrun].*

Осознание иллюзорности бурной жизни большого города, полной сомнительных знакомых и шумных вечеринок, заставляет героиню по-новому взглянуть на казавшуюся до этого скучной и унылой природу родного края. Возвращение из Лондона на удаленный остров, воссоединение с суровой природой родных мест, стремление девушки внести свой вклад в спасение исчезающих видов, сформировать в себе умение неторопливо наблюдать за происходящим вокруг позволяет ей обрести внутренний покой и надежду:

*I am still sometimes shocked by everything that happened that I was in such dangerous situations, that I ended up in rehab, that I haven't drunk alcohol for twenty months, two weeks and four days and that this is how it feels. **I'm back here, on these windy rocks,***

looking for hope in my imagination and my surroundings [там же].

Подобно птицам, скрывающимся от хищников и летящих в поисках ночлега, девушка находит на острове укрытие от пережитых в городе опасностей и несмотря на окружающие ее скалы сильный северный ветер и бушующие волны успокаивается и возвращается к жизни:

Every day on Papay, there is a moment, looking back, facing into the northerly wind, at the coastline I've just walked, for instance, when my heart soars. I see starlings flocking, hundreds of individual birds forming and re-forming shapes in liquid geometry, outwitting predators and following each other to find a place to roost for the night. The wind blows me from behind so strongly that I'm running and laughing [там же].

Природа дает героине произведения Липтрот силы уберечь себя от саморазрушения, предоставляет ей некогда утраченные нравственные ориентиры:

In these weeks on the island, living alone, where the markers of my routine are so different and I'm enjoying the simple challenges of keeping myself warm and fed, I am learning how to behave decently in everyday life after years of confusion [там же].

В конце романа девушка ощущает себя смелой и полной энергии. Природа наполнила ее новой силой, исцелила, позволила самоопределиться и, не боясь жизненных катаклизмов, двигаться дальше:

Rain on me. Strike me with fire. I feel like lightning in slow motion. I am one fathom deep and contain the unknown. I am vibrating at a frequency invisible to man and I'm ready to be brave. From the upper saloon of the MV Thorfinn, I watch Papay disappear over the horizon. The last two years stretch and glitter behind me like the wake of the ferry. The powers are churning inside me [там же].

Еще одним англоязычным произведением, в котором доминантной выступает тема взаимодействия человека и природы, является роман Оливии Лэнг «To the River». Жизненный кризис, потеря работы и разрыв с возлюбленным заставляют героиню романа отправиться в путешествие вдоль реки Уз:

In the spring of 2009 I became caught up in one of those miner crises that periodically afflict a life, when the scaffolding that sustains us seems destined to collapse. I lost a job by accident, and then, through sheer carelessness, I lost the man I loved. «...» At periodic intervals throughout the day I felt that I was drowning, and it was all I could do not to fling myself to the ground and wail like a child. These feelings of panic, which in more sober moments I knew were temporary and would soon pass, were somehow intensified by the loveliness of that April. «...» The shift of season was intoxicating, and it was then that the idea of walking the river locked hold of me. I wanted to clear out, in all senses of the phrase, and I felt somewhere deep inside me that the river was where I needed to be [Laing O. To the river].

В стремлении к внутреннему очищению и обретению глубинного жизненного смысла девушка решает пройти вдоль реки. Ее выбор не случаен. Река способна не только отражать окружающий мир, но и усиливать его, делать его ярким и таинственным. Именно реки играли значимую роль во времена всех древних цивилизаций, обогащали земли и обеспечивали их процветание:

I wanted somehow to get beneath the surface of the daily world, as a sleeper

shrugs off the ordinary air and crests towards dreams. A river passing through a landscape catches the world and gives it back redoubled: a shifting, glinting world more mysterious than the one we customarily inhabit. Rivers run through our civilisations like strings through beads, and there's hardly an age I can think of that's not associated with its own great waterway [там же].

Не менее важным для автора является также то, что реки в отличие от озер и морей имеют направление, и поэтому они способны не только принести успокоение, но и помочь человеку отыскать верный путь:

There is a mystery about rivers that draws us to them, for they rise from hidden places and travel by routes that are not always tomorrow where they might be today. Unlike a lake or sea, a river has a destination and there is something about the certainty with which it travels that makes it very soothing, particularly for those who've lost faith with where they're headed [там же].

Роман Лэнг содержит глубокие размышления о судьбе и творчестве Вирджинии Вулф, которая, как известно, покончила с собой в водах реки Уз в 1941 г. Ее образ постоянно сопровождает Оливию в путешествии вдоль реки, и в романе, наряду с размышлениями автора о роли рек в жизни людей, содержится тонкое и увлекательное повествование о некоторых фактах биографии известной писательницы, значимое влияние на творчество которой также оказала природа:

As for Woolf, she wrote dreamily of chattering her books on the crest of the downs, the words pouring from her as she strode, half-delirious, in the noonday sun. She compared it to swimming or 'flying through the air; the current of sensations and ideas; and the slow, but fresh change of down, of road, of colour: all this is churned up into a fine thin sheet of perfect calm happiness' [там же].

В рассматриваемых произведениях современных британских писательниц в процессе языковой актуализации доминантного, смыслообразующего художественного концепта NATURE происходит высвечивание таких компонентов смысла как *clearing out, self-recovering, regaining strength, salvation*. В анализируемых художественных текстах концептуализация природы носит эгоцентрический характер. При этом следует отметить, что в лингвофилософской традиции эгоцентризм понимается как особая способность индивида воспринимать и отражать в языке образ окружающего мира, центральной частью которого он себя сознает [Хомякова 2003]. Для современного человека единение с природой приобретает особую ценностную значимость, способствует преодолению жизненных трудностей и в конечном итоге ведет к восстановлению физической силы и обретению душевного равновесия.

Литература

Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013.

Петухова Т.И. Эстетика природы глазами англичан // Язык как культурный код нации / под ред. Е.Г. Хомяковой. СПб: СПбГУ, 2014. С. 176-194.

Петухова Т.И. Хомякова Е.Г. Художественный концепт NATURE в аспекте лингвосенсорики: актуализация эмотивного смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 78-88.

Хомякова Е.Г. Эгосфера. Ее моделирование и содержание // Антропоцентризм в языке и

речи. Вып. 8. СПб.: СПбГУ, 2003.

Источники примеров

Liptrot A. The Outrun. London: Canongate Books Ltd, 2016.

Laing O. To the River. London: Canongate Books Ltd, 2011.

Tatiana I. Petukhova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University

SPECIFIC FEATURES OF NATURE CONCEPTUALISATION IN THE CONTEMPORARY ENGLISH-LANGUAGE FICTION TEXT

The article considers the distinctive features of the conceptualisation of nature in contemporary British novels, in which NATURE functions as a sense-forming concept. The article analyses the dominant egocentric components of meaning, which find explication in the fiction text in the context of representation of interaction between man and nature.

Key words: literary concept NATURE, sense-forming concept, meaning component, conceptual sphere, fiction text

О.Б. Поляничук (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

bollona@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНОГО ЗНАКА

В статье анализируются процессы концептуальной интеграции, обеспечивающие формирование и дальнейшее развитие комплексного знака, в частности, французских производных слов с отрицательными префиксами и префиксами интенсивности. Доказывается, что актуализация определенного концептуализируемого признака определяет направление семантического развития комплексного знака.

Ключевые слова: комплексный знак, концептуализируемый признак, семантическое дефокусирование, уровень салиентности, словообразовательное значение, лексикализация

Настоящее исследование посвящено анализу процесса концептуальной интеграции, обеспечивающего формирование и дальнейшее семантическое развитие комплексного знака. Под комплексным знаком (далее – КЗ) подразумевается знак, составленный из нескольких знаков (чаще всего двух). В качестве объекта исследования рассматриваются французские производные слова с префиксом *dé-* (привативное, пространственное и адверсативное значение) и префиксы усилительного и суперлативного значения *super-* и *hyper-*. В последних исследованиях, посвященных анализу комплексного знака, изучались композиционные особенности производных слов, когнитивные причины их формирования, но в фокусе внимания оказывались полностью мотивированные производные слова и способы концептуальной и семантической интеграции, определяющие их конструирование (статический аспект). Актуальность данного исследования связана с подходом к

КЗ с позиций его динамики: нас интересует, какие специфические аспекты концептуальной интеграции определяют степень идиоматичности производного слова и степень сохранения семантики, вносимой словообразовательным формантом при развитии полисемии КЗ. Важным представляется также установить уровень салиентности составляющих КЗ и определить когнитивные причины изменения такого уровня. Такой подход к производному слову определил цель данной статьи: выявление концептуализируемого признака [Кубрякова, Болдырев 2017] и изучение влияния его формальных и содержательных характеристик на степень сохранения исходной семантики словообразовательного форманта. Под содержательными характеристиками понимаются смысловые аспекты такого признака, а под формальным (именно этот аспект интересует нас в большей степени в данной статье) – соотносительность концептуализируемого признака с элементами структуры КЗ. В связи с этим нам предстоит решить ряд задач: определить соотносительность концептуализируемого признака с ментальным образом, стоящим за тем или иным компонентом «будущей» словообразовательной структуры; разграничить степени салиентности развивающего полисемию КЗ; установить взаимосвязь между моделью концептуальной интеграции и степенью выраженности семантики словообразовательного форманта. Мы предлагаем следующую гипотезу: модель концептуальной интеграции системно влияет на степень и качество сохранения семантики словообразовательного форманта при развитии значения КЗ. В предыдущих исследованиях нами были подробно описаны случаи развития полисемии КЗ, при которых выявлялась их частичная и затемненная словообразовательная мотивация, поэтому, кратко упомянув об этих вариантах, мы сосредоточим наше внимание на еще одном пути развития полисемии КЗ, обеспечивающим усиление парадигматической и семантической позиции префикса. Нами выявлены в целом четыре уровня идиоматичности КЗ. Первый уровень связан с наличием у производного слова слабой идиоматичности, полной словообразовательной мотивации и эксплицитного словообразовательного значения (далее – СЗ). Речь идет о регулярном значении префикса, а в когнитивном аспекте предполагается интеграция двух «равнозначных по силе» ментальных пространств, что и обеспечивает отсутствие процесса семантического дефокусирования (*décommander* – «отменить команду»). Второй уровень связан с динамическим аспектом анализа КЗ и предполагает его частичную идиоматичность и частичную мотивированность. В плане модели концептуальной интеграции, обеспечивающей данный уровень, важно назвать тот факт, что ядерная сема такой модели (аналог концептуализируемого признака) соотносится с концептом-аналогом производящей основы. На концептуальном уровне такое явление объясняется фактом наличия сильной / слабой позицией концептуализируемого признака [Полячук 2008] Семантика отрицания остается релевантной ввиду нейтральности префикса в плане процесса вторичной номинации (*désaxer*: 1. Отклониться от оси; 2. Отклониться от нормы). Наблюдается невысокий уровень семантического дефокусирования при сохранении двух фокусов. Третий уровень предполагает значительную идиоматичность, причиной которой оказывается соотносительность концептуализируемого признака с новым интегрированным концептом (результат фузии концептов-аналогов префикса и

производящей основы). Словообразовательная мотивация затемнена, СЗ имплицитно, семантика префикса либо не релевантна, либо представлена как компонент лексического (а не СЗ) значения (*dépayser*: 1). Выдворить из страны; 2. Чувствовать себя неуверенно) [Поляничук 2008].

Перейдем к описанию четвертой модели концептуальной интеграции, которая, как мы увидим в дальнейшем, приводит в большей степени к дезинтеграции комплексного знака. В данном случае концептуализируемый признак соотносится не с концептом-аналогом производящей основы и не является результатом интеграции двух концептов, а соотносится с концептом-аналогом префикса. Такого рода признак, занимая сильную позицию, дает возможность реализации производного значения на вербальном уровне без учета концепта-аналога производящей основы, позиция которого оказывается в высшей степени слабой. Такие производящие основы называются связанными корнями [Путырская 1977]. Например, глагол *détacher* означает любое действие, связанное с отделением от чего-либо: отвязать, оторвать, отвязать и т. п. Связанный корень *tache* не встречается во французском языке в свободном употреблении, означая в диахронии «застежка» (растегнуть застежку). Таким образом, мы получаем особый случай, при котором словообразовательная мотивация отсутствует полностью, соответственно, отсутствует и СЗ. В то же время семантика отрицания (удаления как ее вариант) включает весь семантический потенциал глагола, становясь в полной мере компонентом лексического значения и занимая парадигматически и семантически сильную позицию, что соответствует на концептуальном уровне сильной позиции концептуализируемого признака. Семантическое дефокусирование представлено в своей наивысшей степени: остается только один фокус, связанный с перспективизацией префикса и его аналога-концепта.

При сравнении четвертого уровня салиентности концептов с соответствующим третьим или вторым уровнем выясняется, что четвертый уровень демонстрирует наиболее сильную позицию концептуализируемого признака, что связано с его соотносительностью с концептом – аналогом префикса. Кроме того, в данном случае не происходит интеграции концептов, поскольку весь процесс семантического развития опирается исключительно на префикс, а концепт-аналог производящей основы выводится за пределы интеграционного процесса. Другими словами, на наш взгляд, можно говорить о концептуальной дезинтеграции, поскольку речь идет об одном концепте. Таким образом, можно в полной мере констатировать наличие лексического значения как единственного (т. е. исчезновение СЗ), а, следовательно, мы имеем дело с опрощением КЗ и его лексикализацией. Можно привести некоторые примеры такого типа. Например, глагол *dégager*, означающий в этимологическом значении «высвободить из залога», а в исходном значении – «освободить», попадая в различные типы дискурса, развивает значения по четвертому уровню, поскольку именно концепт-аналог префикса становится активным в процессе перспективизации соответствующего признака. В рамках футбольной терминологии глагол означает бросок, связанный с движением, предполагающим отклонение от вертикального положения (бросок от себя), в балетной терминологии также присутствует значение движения в определенном направлении (от

себя), в бадминтоне данный глагол означает аналогичное движение (выпад). Процесс лексикализации, проходящий по описанной схеме, наиболее иллюстративен при рассмотрении существительных и прилагательных, построенных по моделям, включающим приставки со значением усиления *super-* и *hyper-*. В данном случае процесс лексикализации происходит настолько интенсивно, что данные приставки превращаются в самостоятельные лексемы. Наиболее интенсивно такой вид концептуализации происходит при переходе КЗ в какой-либо специфический тип дискурса (рекламного, политического, медицинского). Например:

*Mon super **soldat** pouvait faire ça pour la moitié du prix* [context.reverso.net].

Речь идет о солдатах, прошедших подготовку высшего класса.

*Il ne pouvait pas se permettre une bande de super **avocats*** [context.reverso.net].

Речь идет о команде **лучших, дорогостоящих** адвокатов.

Il ferait un super spectacle de magie s'il apparaissait pendant la vente aux enchères – devant toutes ces personnes [context.reverso.net].

Необыкновенный спектакль [context.reverso.net].

Cet hyper étui contient le programme de contrôle du réseau satellitaire.

Рекламируется очень современный контейнер для программы спутниковой сети.

Ça devient délirant cette hyper protection de cette minorité.

Речь идет о чрезмерной защите определенного меньшинства.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Особенности процесса концептуальной интеграции, в частности, соотношение концептуализируемого признака с одним из концептов-аналогов словообразовательных элементов, определяют парадигматическую и семантическую позицию префикса при дальнейшем развитии семантики КЗ, а также его словообразовательно-семантические характеристики.

2. Выявлены четыре уровня салиентности КЗ (или три, не считая исходный уровень): концептуализируемый признак соотносится: 2 – с концептом-аналогом производящей основы, 3 – с концептом-результатом интеграции аналогов префикса и производящей основы, 4 – с концептом-аналогом префикса. Степень сохранения семантики префикса располагается в возрастающем порядке следующим образом в соответствии с уровнями: 3-2-4.

3. При соответствии концептуализируемого признака концепту-аналогю префикса происходит лексикализация комплексного знака и его опрощение.

Литература

Кубрякова Е.С., Болдырев Н.Н. // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed8>.

Полянчук О.Б. Динамические аспекты анализа производного слова. Воронеж: ВГУ, 2008.

Путьрская О.Г. Связанные основы в системе словообразования современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

**CONCEPTUAL INTEGRATION AND DESINTEGRATION
AS KEY FACTORS OF COMPLEX SIGN DEVELOPMENT**

The article focuses on studying the process of conceptual integration which contributes to the formation and further development of a complex sign, as, for instance, in French derivatives with negative prefixes and prefixes of intensity. The article shows that actualization of conceptual features determines semantic development of a complex sign.

Key words: complex sign, conceptual feature, semantic defocusing, level of salience, derived meaning, lexicalization

*Н.И. Прокопина (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
prokoninanatalie@mail.ru*

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕГ В СОВРЕМЕННЫХ ФЕ-ТЕРМИНАХ
ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

В центре внимания статьи – термины фразеологического происхождения делового английского и русского языков. Часто основываясь на метафоризации, ФЕ-термины служат полем для исследования когнитивных явлений, среди которых процесс концептуализации занимает особое место. Практическая часть статьи представлена анализом базового для экономики и бизнеса концепта MONEY / ДЕНЬГИ.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, языковая картина мира, лингвокультурология, ФЕ-термин

Оценивая сущность концептуализации, стоит обозначить, что, по большей мере, все определения данного явления сводятся к тому, что это отражение и видение окружающего мира, абстрактное представление его составляющих, которое, в свою очередь, воплощено в понятии концепта как основополагающей ее единицы [Болдырев 2000; Красавский 2001: 40-59; Кубрякова 2001: 190-191; Абакумова 2013; 2023]. По утверждению А. Вежицкой, «мы можем добраться до мысли только через слова» [Вежицкая 1999: 293]. Эта мысль вторит мнению исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что концепты систематизируют ощущения и поведение человека, его отношение к миру. Иными словами, концептуальная система играет ключевую роль в истолковании реалий окружающей действительности [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. В содержании концептуализации как мыслительного процесса в первую очередь заложен теоретический базис, формирующий весь последующий материал, т. е. модель соприкосновения понятий, каждое из которых наделено собственной природой и происхождением, и непосредственно организация мыслительной деятельности, которая, изначально отталкиваясь от теоретических концептов, создает более сложные абстрактные конструкторы, обязательно соответствующие определенной картине мира. Так, концепт является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90].

Языковая картина мира – активно применяемое понятие лингвокультурологии, поскольку подразумевает под собой не только его лингвистическую, но и культурно-историческую сторону. Именно в связи с этим анализ современной культуры невозможен без переосмысления когнитивных процессов.

Деловая культура – это особое звено в такой сфере жизнедеятельности как бизнес и экономика, в рамках которой, безусловно, формируются собственные концепты, образы и понятия.

Согласно стереотипному образу, мир экономики в англоязычной культуре довольно жесткий и конкурентоспособный и отсылает к общеизвестному афоризму – *«nothing personal, it's just business»*. И деньги в сфере деловых взаимоотношений играют первостепенную роль. Для представителей англоязычной культуры деньги – это символ власти, уверенности, свободы, что отмечается в пословицах – *«Time is money»*, *«Money is power»*, *«Money runs the world»* или *«Money talks»*.

В исконно русской культуре не было культа денег, духовное и вечное ставилось выше материального, что доказывается такими пословицами как *«Не в деньгах счастье»*, *«Любовь за деньги не купишь»*, *«Дружба дороже денег»*, *«Не имей сто рублей, а имей сто друзей»*. Тем не менее изменение жизни диктует новые правила, и ценность денег все больше возрастает. Так, концепт «Деньги» становится одной из наиболее интересных областей исследования ФЕ-терминов делового английского и русского языков.

1. Деньги – капитал, средства, фундамент всякого предприятия.

• *Seed money* – the money needed to start a new business idea or project [Murphy 2004: 304] (досл. «посевные деньги» (здесь и далее перевод мой – Н.П.) (квалитатив основы / начала предприятия).

Ср. Русский аналог с заменой образа – *первоначальный / стартовый капитал* – деньги, необходимые для открытия собственного дела/предприятия [Райзберг 2022: 304].

Метафорический образ семени, закладывающего будущий рост, лег в основу номинации рассматриваемого ФЕ-термина. Чтобы преуспеть в каком-либо деле, однозначно, следует в него вложиться; как гласит всем известный библеизм, *«As ye sow, so shall ye reap»* (*Что посеешь, то и пожнешь*).

• *Hot money* – money that is moved quickly from place to place in order to be invested in the most profitable things in different places [Murphy 2004: 304] (букв.) *горячие деньги* – деньги, которые быстро перемещаются с целью наиболее выгодного их вложения. (квалитатив быстрого перемещения / активности / вложения).

Адъективный указатель *hot* не впервые употребляется в английской культуре в контексте заработка и прибыли. Поговорки *«to strike while the iron is hot»* или *«to go/sell like hot cakes»* также отсылают на то, что крайне важно не упустить выгодный момент.

2. Легкие деньги.

• *Near money* – something that can easily be turned into cash, for example some types of bank deposit (= money held in banks) [Murphy 2004: 304] (букв.) *близкие деньги* – то, что можно легко превратить в наличные, например, некоторые виды банковского депозита (= деньги, хранящиеся в банках) (квалитатив надежности,

хранения).

Ср. «Почти деньги» – «субститут денег, денежные средства, выполняющие основные функции денег и легко обращаемые в деньги» (квалитатив надежности, хранения) [Райзберг 2022: 321].

3. Нефункциональные деньги.

• *Fitty money* – money that is worthless outside the country where it is used [Murphy 2004: 303] (букв.) *смешные деньги* – деньги, не обладающие никакой ценностью за пределами страны, в которой они используются (квалитатив бесполезности / невалидности).

Ср. в русской культуре «*смешные деньги*» – невысокая цена (квалитатив дешевизны / невысокой цены). Рассмотрим контекст употребления, представленный в Национальном корпусе русского языка: «*Это смешные деньги по меркам биатлона*».

• *Idle money* – money that is not earning interest [Murphy 2004: 304] (букв.) *ленивые деньги* – деньги, которые не приносят процентов. (квалитатив бесполезности / невалидности).

• *Денежная вуаль* – «трактовка роли денег как ценностной оболочки реальных вещественных процессов» [Райзберг 2022: 97] (квалитатив ценности).

4. Деньги – шантаж.

• *Hush money* – money paid to someone to prevent them from telling other people about something embarrassing or dishonest [Murphy 2004: 303] (букв.) деньги за молчание – деньги, выплачиваемые кому-либо за то, чтобы он не рассказал другим людям о чем-то преступном или нечестном (квалитатив шантажа).

Плата за молчание – феномен, появившийся одновременно с расцветом такого криминального явления, как мафия. Итальянский закон о сохранении молчания «*omertà*» иногда требовалось подкрепить денежными выплатами, и, как правило, данное требование возникало в криминальных кругах и нелегальных ситуациях.

5. Деньги – ресурс / необходимость.

• *Денежный голод* – «одно из явлений, характерных для денежно-кредитных кризисов, выражающееся в недостатке наличных средств» [Райзберг 2022: 97] (квалитатив недостатка / кредитный квалитатив).

В данном случае за концептом «деньги» стоит острая необходимость и невозможность существования без их наличия в рамках сложившейся экономической системы.

6. Деньги – на «черный день».

• *Fall money* – money set aside or deposited with some other person by a professional criminal or group of criminals for use in an emergency (as for legal fees) [Murphy 2004: 303]. *Заначка* – деньги, отложенные или переданные другому лицу профессиональным преступником или группой преступников для использования в чрезвычайной ситуации (например, для оплаты судебных издержек). В данном случае роль денег сводится к тому, что они составляют некую опору в экстренных жизненных ситуациях (квалитатив чрезвычайной ситуации).

Применительно к русскому языку нужно отметить, что в области деловой

терминологии в целом он не получил должного употребления, поскольку большинство употребляемых терминов были заимствованы из других языков, где пополнение терминологических реалий происходило гораздо более активно; среди них, разумеется, лидирует английский язык, язык бизнеса и международной коммуникации, который оказал заметное влияние на формирование экономического тезауруса финансистов в мире в период глобализации.

Английский язык, являясь успешной и продуктивной областью формирования ФЕ-терминов в сфере экономики и бизнеса, однозначно послужил хорошей базой и крепкой основой и для делового русского языка. Тем не менее уникальность курса его развития начала проследиваться лишь в последнее десятилетие прошлого столетия: только в то время возникли метафорически переосмысленные термины, наделенные определенным лингвистическим колоритом и отражающие дух эпохи.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. ... д-ра филол. наук. Орел: ОГУ, 2013.

Абакумова О.Б. Аксиологическая составляющая русского пословичного концепта Правда // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 36-43.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ, 2000.

Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Языки русской культуры, 1999.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Волгоградский гос. педагогический ун-т, 2001. С. 40-59.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Кубрякова Е.С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2001. С. 190-191.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2022.

Murphy M. Longman Business English Dictionary. London: Pearson Education Limited, 2004.

Natalia I. Prokonina (Orel, Russia)

I.S. Turgenev Orel State University

CONCEPTUALIZATION OF MONEY IN MODERN FINANCIAL PHU-TERMS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN BUSINESS LANGUAGES

The article focuses on the terms of phraseological origin of the English and Russian business languages. Often based on metaphorization, PHU-terms serve as a field for the study of cognitive phenomena, among which the process of conceptualization occupies a special place. The practical part of the article is presented by an analysis of the basic concept for economics and business – MONEY. *Key words:* conceptualization, concept, linguistic picture of the world, linguoculturology, PHU-term

*И.А. Пугачевская (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
ipugachevskaya@gmail.com
Д.М. Миронова (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
mir-lina@yandex.ru*

СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ

В статье затрагиваются проблемы терминологической номинации. Особое внимание уделяется языковым механизмам, лежащим в основе номинации специфики территорий в области международного права. Определяется степень продуктивности рассматриваемых способов формирования терминов данной группы.

Ключевые слова: терминологическая номинация, концептуализация, мотивирующий признак, способ номинации, термин, международное право

Меняющиеся со временем и вновь возникающие жизненные реалии неизбежно способствуют формированию новых языковых единиц, предназначенных для обозначения этих новых явлений. Профессиональная лексика является наиболее восприимчивой к появлению новых объектов, значимых для той области деятельности или науки, которую она обслуживает. Это обусловлено необходимостью отражать все специальные понятия для максимальной эффективности коммуникации в той или иной профессиональной (научной) сфере.

Любые новые реалии находят отражение в сознании человека в процессе концептуализации. Под концептуализацией понимается осмысление новой информации, ведущей к образованию концептов [Кубрякова 1996: 93]. За языковыми единицами профессиональной коммуникации стоят концепты, сформированные на основе опыта, полученного в процессе специальной деятельности в рамках той или иной отрасли знаний [Кубрякова 2004: 70-71].

В лингвистике выделяют множество способов терминологической номинации: звукоподражание, словосложение, аффиксация, аббревиация, метафоризация, метонимия, заимствования и др. В основе такой номинации лежит мотивирующий признак (признаки), определяющий сущность предмета или явления. Что касается терминологической номинации, здесь помимо выражения самой сущности предмета, явления, процесса мотивирующий признак должен содействовать вхождению нового термина в уже существующую терминосистему. Функционируя в пределах «когнитивно-логической модели той или иной области человеческого знания или деятельности» [Голованова 2004: 23] мотивирующий признак должен включать информацию, которая позволит считать конкретный термин частью соответствующей терминосистемы.

Рассмотрим способы номинации, характерные для относительно недавно сформированной группы терминов международного права, определяющих специфику территорий.

Одним из способов образования новых терминов и терминоэлементов является процесс метафоризации. Терминологическая метафора есть универсальный

процесс создания терминов, который отражает специфику научной концептуализации [Алексеева 1998: 126].

В последние десятилетия на терминосистемы различных областей оказывает существенное влияние развитие информационных технологий. Так, термины, использовавшиеся ранее исключительно в сфере компьютерных систем, получили в дальнейшем распространение за ее пределами. В рамках других терминосистем эти профессиональные единицы обретают новые значения, отображая предметы, явления и процессы, характерные для терминосистемы-цели (Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют две значимые области указания на окружающую действительность: область источника является базой для переноса значения, область цели – зона, куда направляется концептуальная метафора [Лакофф 2004: 9]).

По результатам проведенного анализа нашей выборки представлено 47% терминологических единиц, сформированных посредством метафорического переноса, для большинства (57%) из них терминосистемой-источником послужила сфера информационных технологий. Одним из наиболее частотных является термин *виртуальное государство*.

Термином *виртуальное государство* обозначается «любое образование, провозгласившее свою государственность, но в действительности не соответствующее критериям государства как субъекта международного права» [Жмилевский 2018: 5]. Эпитет *виртуальное* был заимствован из терминологии информационных технологий, где *виртуальный* значит ‘реализованный программно, симулированный, имитированный с помощью программы’. Общим признаком здесь является именно факт имитации реального явления. Элемент *государство* обуславливает отнесение термина к системе знаний в области межгосударственных отношений. Тот же мотивирующий признак лежит в основе формирования терминов *виртуальная дипломатия* «деятельность номинальных руководящих органов виртуальных государств, направленная на создание и поддержание международных отношений друг с другом» и *виртуальные соглашения* «соглашения, заключаемые между властями виртуальных государств» [Жмилевский 2018: 9].

Термин *виртуализация государства* «процесс, в результате которого государство теряет значимую часть признаков государственности» также возникло посредством метафорического переноса. В терминосистеме-источнике виртуализация определяется как «разделение физического уровня сети от ее логического уровня (рабочие группы и пользователи)», соответственно основанием сравнения будет отделение части признаков [Пугачевская 2021: 86].

Равным по продуктивности для данной группы терминов способом номинации является аффиксация (47%). Наименование *девиртуализация государства* является производным термином от существующего термина *виртуализация государства* и обозначает «процесс, противоположный значению исходного термина – приобретение государством ряда признаков, позволяющих отнести его к разряду реально существующих субъектов международного права» [Жмилевский 2004: 5].

Термины *квазиюрисдикция*, *контроккупация*, *мультианклав*, *полимультианклав*, *надфедеративное государство*, *надконфедеративный союз*, *эксclave государство* также сформированные аффиксальным способом, имеют общий

мотивирующий признак с исходным термином, но при этом приобретают добавочное значение, передаваемое приставками.

Основой термина *квазиюрисдикция* является элемент *юрисдикция*, имеющий следующее определение: «права государственных органов по рассмотрению и разрешению дел в соответствии с их полномочиями» [Додонов 2001: 620]. Приставка *квази-* (от лат. *quasi* ‘якобы, как будто’), означающая «мнимый, ненастоящий» придает исходному термину новое значение – «пределы компетенции, в которых органы власти государств реализуют определенные полномочия, не признаваемые другими субъектами международных отношений в силу их несоответствия законодательным нормам» [Жмилевский 2004: 19].

Широко применяемый в сфере международного права термин *анклав* (фр. *enclave*, от лат. *in clavo* ‘запираю на ключ’) определяется как «часть территории одного государства, полностью окруженная сухопутной территорией другого или нескольких государств». Появление терминологического наименования *мультианклав* (*мульти* от лат. *multus* ‘многочисленный’) послужило цели уточнить такие существенные характеристики государства как окруженность территориями одного государства (анклав) и территориями нескольких государств (мультианклав). Необходимость спецификации еще одного вида территорий привело к образованию на основании термина *мультианклав* термина *полимультианклав*, обозначающего «часть территории государства, окруженная границами двух и более государств на суше, но имеющая при этом выход к морю» [Жмилевский 2004: 23]. Приставка *поли-* (др.-греч. *polus* ‘множество’) указывает на наличие как сухопутных границ, так и водных.

Менее продуктивным для рассматриваемой группы наименований является формирование терминов-словосочетаний (6%).

На базе терминосочетания *ассоциированное государство* (‘государство, передавшее другому государству часть своего суверенитета’ [Додонов 2001: 31].) сформировался другой термин *фактически ассоциированное государство*. Элемент *фактически* (‘по существу, по сути, практически’) позволяет более точно отобразить характер отношений между ассоциированным государством и государством-опекуном, указывая на имеющее место осуществление полномочий представительства и сотрудничества даже при отсутствии заключенных соглашений об этом.

По результатам проведенного исследования среди наиболее продуктивных способов терминообразования в сфере международного права можно назвать метафоризацию и аффиксацию, низкопродуктивным способом для данной группы терминов оказалась формирование словосочетаний.

При концептуализации новых явлений действительности наше сознание обращается к уже имеющимся единицам знания (концептам) и на основе общих признаков определяет место этих единиц в концептуальной системе. Вновь возникшие явления в области действия международного права, а зачастую и давно существующие, но не имеющие вербального закрепления и, соответственно, статуса объекта международного права, требуют четкого определения. Их детальная фиксация в языке позволяет избежать противоречий и непонимания и способствует более продуктивной коммуникации при межгосударственном взаимодействии.

Литература

- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Папкращ Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 33. С. 18-25.
- Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: Пермский ун-т, 1998.
- Додонов В.Н. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
- Жмилевский В.Д. Словарь новых терминов международно-правовой специфики территорий. Казань: Бук, 2018.
- Пугачевская И.А. Метафоризация и метонимия как средства терминообразования в терминосистеме международного права // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 1. С. 80-92.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Irina A. Pugachevskaja (Kursk, Russia)

Southwest State University

Diana M. Mironova (Kursk, Russia)

Southwest State University

WAYS OF TERM FORMATION IN THE FIELD OF INTERNATIONAL LEGAL SPECIFICATIONS OF TERRITORIES

The article studies the problems of terminological nomination. Special attention is paid to the linguistic mechanisms underlying the nomination of the specificity of territories in international law. The degree of productivity of the considered ways of forming terms of this group is determined.

Key words: terminological nomination, conceptualization, motivating feature, way of nomination, term, international law

Т.Б. Радбиль (Нижегород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
timur@radbil.ru*

Н.В. Радбиль (Нижегород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
nagov@list.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ НОВОГО МИРА В ИНТЕРНЕТ-МЕДИА: КОНЦЕПТ «ТРАНСГУМАНИЗМ» В КОРПУСНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ*

В работе представлены очередные результаты реализации модели количественного когнитивно-дискурсивного исследования «языка ценностей» на материале корпусных данных при-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368 / The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, https://rscf.ru/en/project/23-28-00368.

нительно к маркеру ценностей нового времени – концепту «трансгуманизм». Анализ контекстного окружения лексемы *трансгуманизм* в ее актуализации в медиадискурсе позволил верифицировать наличие у нее имплицитной негативной оценочности.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный анализ, корпусные данные, имплицитная оценочность, лексема «трансгуманизм», медиадискурс Интернета

В работе представлен очередной опыт применения разработанной нами модели когнитивно-дискурсивного анализа «языка ценностей» на материале корпусных данных [Радбиль 2020]. Исследование основано на современных разработках в области квантитативного анализа больших массивов контекстов, извлекаемых из референциальных корпусов [Louw 1993], который позволяет обнаруживать так называемую наведенную оценочность разного знака, имплицитную ближайшим или дальнейшим контекстным окружением слова [Радбиль 2011; Чернявская 2020]. В центре настоящего исследования находятся ценности новейшей цивилизационной парадигмы, в числе которых особое место занимает идеология трансгуманизма. Предметом рассмотрения закономерно становится дискурс российских масс-медиа, который является индикатором активных процессов в области особенностей языковой концептуализации мира современными носителями языка, в том числе ценностной рецепции тех или иных феноменов изменяющейся действительности. Непосредственный материал исследования – контексты употребления слова *трансгуманизм*, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка.

Итак, концепт «трансгуманизм» в современном мире выступает как яркое проявление научной, идеологической и культурной парадигмы постмодерна, вписанное в контекст таких определяющих векторов изменения окружающего нас мира как феномены искусственного интеллекта, виртуальной реальности, дигитализации ментальной и социальной жизни и пр. В современной философии трансгуманизм трактуется как мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека [Луков 2017: 245]. Внедрение в общественное сознание столь революционного представления, которое ранее считалось характерным скорее для научной фантастики, чем для реальной жизни, вызывает ожидаемую неоднозначность в его ценностной рецепции, в том числе ценностную поляризацию в его восприятии, от ярых сторонников этой доктрины до ее непримиримых противников.

Как нам представляется, объективными показателями оценочного потенциала данного концепта могут быть результаты когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, посредством которого выявляются рефлексы имплицитной оценочности разного регистра для тестируемых единиц, не имеющих какой-либо оценочности в своей собственно языковой семантике. Используется исследовательская техника, схожая с методикой «ручной разметки» сантимента в разнообразных компьютерных методиках определения эмоциональной тональности текста (сантимент-анализа) [Prabowo, Thelwall 2009]: контекст употребления инте-

ресующего нас слова *трансгуманизм* квалифицировался как позитивно-оценочный, нейтральный (нулевой) или негативно-оценочный. Всего по данным корпуса было выявлено 40 употреблений из 26 текстовых источников.

На стадии предварительного эмпирического анализа было показано, что лексема *трансгуманизм*, что явствует из ее определения в различных философских работах (см., например, в [Луков 2017]), носит терминологический характер и принадлежит к фонду интернациональной лексики, как и ряд аналогичных лексем, обозначающих разного рода течения научной или общественной мысли, социальные и культурные направления, идеологические доктрины и т. п., что изначально не предполагает какой-либо оценочности.

Внеоценочные, нейтральные в ценностном плане употребления выявил и корпусный анализ. В употреблениях такого рода просто констатируется наличие данного направления в каких-либо мероприятиях или раскрывается объективное содержание понятия: *Мировое движение трансгуманизма сформировалось в США в середине XX века, одним из основоположников считается американский ученый русского происхождения Роберт Эттингер, он же автор первых крупных работ на тему крионики* [Известия, 17.09.2015]; *К тому же, как отметил Моррис, Remetber Me является своего рода противоположностью уже существующих киберпанковых иер вроде Deus Ex, где основной акцент делается на трансгуманизме и физическом изменении человеческих тел, и где героями являются мужчины* [Lenta.ru, 19.03.2013]; *На Западе ди Грея считают представителем трансгуманизма – течения, умеренные сторонники которого выступают за широкое применение новых технологий для улучшения физических и умственных данных человека, а более радикальные последователи не исключают, что в будущем «мы сольемся с нашими технологиями»* [РИА Новости, 18.03.2006]. Однако примечательно, что в массиве извлеченных корпусных данных именно нейтральные употребления составляют меньшинство – 7 контекстов (17,5%).

В несколько большем объеме представлены контексты, где выявляется позитивная оценочность – 9 контекстов (22,5%). Вполне ожидаемо, что эти употребления так или иначе фиксируют позицию защитников данной доктрины: *Пять лет назад мы впервые подняли голос в защиту идей трансгуманизма и бессмертия организовано – начали развивать трансгуманистическое движение* [Vesti.ru, 26.09.2011]; *Увлекался программированием и, если не ошибаюсь, увлекался трансгуманизмом (мировоззрение, в котором главное – бесконечное совершенствование человека, основанное на новейших открытиях научно-технического прогресса* [Комсомольская правда, 31.07.2013]; *Многие биохакеры выступают поборниками трансгуманизма (движения за улучшение человека средствами науки и техники)* [lenta.ru, 11.11.2015]; *Вероятно, самой радикальной идеей тут является трансгуманизм. Это новая идеология и общественное движение, которое развивалось и распространялось с 90-х годов. Трансгуманизм обещает избавить человечество от его биологических границ, включая искоренение болезней и даже физической смерти* [lenta.ru, 09.08.2015]. Отметим, что позитивно-оценочные коннотации имплицитируются за счет контекстного сближения со словами, эксплицитно обозначающими безусловные положительные ценности: *совершенствование (улучшение)*

человека, новейшие научные открытия, прогресс и т. п.

Однако наибольший процент дали контексты негативно-оценочного употребления лексемы трансгуманизм – 24 контекста (60%): *Критические замечания высказывают и представители либеральных и левых сил, обеспокоенные тем, что идеи трансгуманизма противоречат понятиям равенства и прав человека* [РИА Новости, 18.03.2006]; *К примеру, американский академик Фрэнсис Фукуяма назвал трансгуманизм «самой опасной идеей в мире»* [РИА Новости, 18.03.2006]; *Представитель Русской православной церкви при европейских международных организациях, протоиерей Антоний Ильин считает, что основная опасность нанотехнологий сегодня связана с идеей «улучшения человека», основанной на идеологии «трансгуманизма»* [РИА Новости, 07.10.2012].

Как видим, чаще всего негативная оценочность имплицитруется за счет вхождения интересующей нас лексемы, например, в ряд однородных членов, содержащий лексемы с отчетливой эксплицитной отрицательной оценкой (*В соответствии с либеральной повесткой Церковь должна обслуживать строителей нового мирового порядка, освящать их проекты, будь то трансгуманизм, аборт, однополые браки, ювенальная юстиция, социал-дарвинизм и так далее* [Парламентская газета, 2018.11.09]), или ее вхождения в антонимические противопоставления или иные антитетические конструкции с лексемами человек, человеческое, человечность, а также в синонимические сближения с лексемами робот, роботизация и пр., например: *Неслучайно идеология этого процесса носит название трансгуманизм – то есть существование по ту сторону человека, за пределами человечности* [Lenta.ru, 02.11.2017]; *К чему придет этот путь? К роботизации человека. Идеологически это даже оформлено, как трансгуманизм* [РИА Новости, 18.09.2015].

В ряде употреблений наведенная негативная оценочность фиксируется в контексте противопоставления национальных ценностей общечеловеческим, что отражает некоторые особенности функционирования современного отечественного социокультурного пространства: *Трансгуманизм взамен традиционных консервативных ценностей, замещение российской национальной идентичности на общечеловеческую идентичность жителя планеты Земля* [Парламентская газета, 2021.03.05].

В наших работах эмпирическим путем была установлена «пороговая» величина в 55–60%, наличие которой по итогам количественного анализа позволяет с достоверностью объективировать для тестируемой единицы, не обнаруживающей никакой оценочности на уровне лексикографических токований или энциклопедических дефиниций, наличие имплицитной, наведенной в дискурсе оценочности того или иного знака. Этому критерию вполне соответствуют результаты анализа лексемы трансгуманизм, демонстрирующие существенный «дрейф» этого слова в его дискурсивной реализации в сторону отрицательной оценки.

Литература

Луков В.А. Трансгуманизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 245-252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20.

Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления //

Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569-573.

Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 58-72.

Low W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology. In Honour of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 152-176.

Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach // Journal of Informetrics. 2009. No 3 (2). Pp. 143-157.

Timur B. Radbil (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

Natalya V. Radbil (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF THE VALUES OF THE NEW WORLD IN THE INTERNET MEDIA: THE CONCEPT OF “TRANSHUMANISM” IN A CORPUS PRESENTATION

The paper presents the latest results of the implementation of the model of quantitative cognitive-discursive research of the “language of values” on the material of corpus data in relation to the marker of values of new times – the concept of TRANSHUMANISM. Analysis of the contextual environment of the lexeme *transhumanism* in its actualization in media discourse made it possible to verify the presence of an implicit negative evaluativeness.

Key words: cognitive-discourse analysis, corpus data, implicit evaluativeness, lexeme “transhumanism”, Internet media discourse

Ю.М. Разумовская (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина

Julieden@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Цель исследования – определить основные когнитивные механизмы интерпретации прецедентных имен (далее ПИ) в российском и французском медиадискурсе. *С опорой на метод когнитивно-матричного анализа* удалось установить, что основными механизмами формирования смысла ПИ являются такие когнитивные механизмы, как «концептуальная метонимия», «концептуальная метафтонимия», «концептуальное сравнение».

Ключевые слова: прецедентное имя, когнитивно-матричный анализ, концепт, когнитивный контекст, когнитивный механизм

Значительные изменения, произошедшие в лингвистике во второй половине XX в., существенно повлияли на становление новой, когнитивной парадигмы. Когнитивная наука, основополагающей идеей которой является положение о том, что «язык – является «окном» в сознание человека», открыла перед языковедами возможность рассматривать соотношение языковых и когнитивных

структур [Кубрякова 2004: 12]. При этом особая роль отводится человеку, поскольку, по мнению Е.С. Кубряковой, в каждом акте речевого общения именно человек заново формирует смыслы и выбирает средства их реализации. Как отмечает Н.Н. Болдырев, антропоцентрическая природа языка проявляется в том, что, наряду с концептуализацией и категоризацией, одним из важнейших когнитивных процессов является интерпретация, которая может быть первичной и вторичной [Болдырев 2017: 28].

Вторичная интерпретация определяет формирование смыслов ПИ, которые по определению Д.Б. Гудкова представляют собой «абстрактные имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры» [Гудков 2020: 60]. По его мнению, ПИ могут использоваться для характеристики субъекта, а также приписывают ему определенное свойство или комплекс свойств, что находит отражение в нашей работе, поскольку мы предполагаем, что за каждым ПИ стоит интегративный концепт ЛИЧНОСТЬ или PERSONNALITÉ. Применяя метод когнитивно-матричного анализа, разработанный Н.Н. Болдыревым, мы рассматриваем данный концепт как когнитивную матрицу, т. е. систему взаимосвязанных когнитивных контекстов [Болдырев 2009: 47]. Нами выделены такие когнитивные контексты как ВНЕШНОСТЬ или CARACTÉRISTIQUES EXTÉRIEURES, ПСИХИКА или PSYCHÉ, СТАТУС или STATUT, СИТУАЦИЯ или SITUATION.

В рамках статьи рассматриваются когнитивные механизмы формирования ПИ относительно концептуальной области ИСКУССТВО или ART, а конкретнее одной из входящих в нее областей ЖИВОПИСЬ или PEINTURE. Проведенное исследование позволило прийти к заключению о том, что когнитивный контекст ЖИВОПИСЬ или PEINTURE привлекается при осмыслении многих ПИ, среди которых наиболее часто встречаются: *Айвазовский, Шишкин, Рембрандт, Да Винчи, Пикассо, Рубенс, Вермеер, Van Gogh, Monet, Michel-Ange, Dali* и др.

Анализ конкретного языкового материала показал, что для интерпретации ПИ в рамках данного когнитивного контекста используются такие когнитивные механизмы как «концептуальная метонимия», «концептуальная метафтонимия», «концептуальное сравнение по сходству».

Обратимся к примерам из российского и французского медиадискурса.

(1) *Тициан скоро уедет. Музей имени Пушкина вот-вот лишится ценнейшего полотна. Через неделю, 18 декабря, из Пушкинского музея под траурные фанфары вынесут полотно Тициана «Венера и Адонис». Публичная жизнь шедевра в музее будет окончена* (Марина Токарева. Тициан скоро уедет. Музей имени Пушкина вот-вот лишится ценнейшего полотна // Новая газета, 2018.12.12).

В примере (1) для интерпретации ПИ *Тициан* задействуется когнитивный механизм «концептуальная метонимия». Как и во всех последующих примерах, это ПИ осмысляется относительно когнитивного контекста ЖИВОПИСЬ. ПИ могут давать представление о творческом начале, о произведениях, об эмоциях и чувствах, связанных с той или иной Личностью, в данном случае с личностью художника Тициана. Метонимический перенос осуществляется по модели ЧАСТЬ 2 (деятель) – ЧАСТЬ 1 (результат), происходит перенос имени автора на произведение искусства, им созданное (о модели см. в [Рунова 2006]).

(2) *Un Van Gogh perdu depuis 40 ans retrouvé en Espagne par le fisc.*

Le fisc espagnol a retrouvé un tableau de Van Gogh d'une valeur inestimable dans le coffre-fort d'un fraudeur. Sa trace avait été perdue à Vienne il y a 40 ans. Une expertise est en cours (Un Van Gogh perdu depuis 40 ans retrouvé en Espagne par le fisc // SudOuest.fr. 11.05.2014).

Языковой контекст, в котором употреблено ПИ *Van Gogh* в примере (2) позволяет понять, что при помощи этого ПИ обозначается картина, написанная Ван Гогом и утраченная 40 лет назад. Метонимический перенос осуществляется по модели ЧАСТЬ 2 (деятель) – ЧАСТЬ 1 (результат), где в роли деятеля выступает художник, а результат его деятельности – найденное недавно полотно, т. е. используется когнитивный механизм «концептуальная метонимия».

(3) *Художника Илью Лиханова из национального нанайского села Сикачи-Алян в дальневосточных СМИ называют амурским Гогеном или амурским Ван Гогом.*

Редактор хабаровского журнала «Словесница искусств» Елена Глебова написала о Лиханове первую статью еще двадцать лет назад. Она уверена, что с великим художником Лиханова роднит поиск чистоты красок: «Он может об этом думать ночами, неделями. Ван Гог, если почитать письма к Тео, он тоже об этом размышлял, добивался звучания цвета» (С. Коренева. Рай в голове // Такие дела. 06. 01. 2021).

Рис. «Весенняя рыбалка», 2018. Рисунок Ильи Лиханова

Как и многие репортажи, посвященные живописи, этот материал является поликодовым, используется невербальная составляющая, чтобы облегчить интерпретацию ПИ и вызвать более сильные ассоциации у читателя с полотнами Гогена и Ван Гога (см. Рис. 1). Особый интерес вызывает употребление сразу двух ПИ, за которыми стоят знания о всемирно известных художниках. При интерпретации ПИ используется когнитивный механизм «концептуальная метафтонимия». В примере осмысление ПИ требует актуализации характеристик когнитивного контекста СТАТУС концепта ЛИЧНОСТЬ. Актуализируется характеристика ‘професси-

ональный статус – художник, обладающий определенным стилем’. За счет механизма «достраивание» активизируется характеристика ‘социально-географический статус’ когнитивного контекста СТАТУС, за счет механизма «соединение» все характеристики объединяются. Под влиянием языкового контекста, из которого становится ясно, что художник живет на Амуре, содержание характеристики ‘социально-географический статус’ меняется.

(4) *Dans les représentations d'Héraclès combattant le lion de Némée, le héros domine largement la bête, comme pour donner à l'humanité, grâce au mythe, une supériorité sur l'animalité. C'est la victoire des forces verticales, élevées, contre celles du bas, horizontales. Dans leurs dessins, deux artistes de la Renaissance italienne – Mantegna au XVe et Michel-Ange au XVIe siècle – tout comme Rubens au XVIIe siècle, se servent du sujet pour mettre en valeur la représentation de corps masculins, les membres de plus en plus ployés par l'effort, la musculature de plus en plus saillante (GILGAMESH).*

В примере функционирует когнитивный механизм «концептуальное сравнение». Л.В. Бабина справедливо отмечает, что он предполагает сопоставление характеристик концепта, передаваемого ПИ, и концепта, который сосредоточивает в себе информацию о личности, для характеристики которой привлекается ПИ [Бабина 2023: 29]. В примере говорится о двух итальянских художниках эпохи Возрождения – Мантенье XV в. и Микеланджело XVI в., следовательно, актуализируется когнитивный контекст STATUT. Из контекста ясно, что с Рубенсом их роднит исполнительский стиль, т. е. активизируется характеристика ‘statut professionnel – le peintre possédant le style défini’. На языковом уровне сравнение выражается сравнительным оборотом *tout comme*.

Проведенный анализ позволил установить, что основными механизмами, определяющими формирование смыслов ПИ в дискурсе СМИ, являются когнитивные механизмы «концептуальная метонимия», «концептуальная метафтонимия», «концептуальное сравнение».

Литература

- Бабина Л.В. Механизмы формирования смыслов прецедентных имен, потенциально допускающих их конфликтное восприятие // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 25-29.
- Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты языковой концептуализации // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25-77.
- Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая природа языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 28. С. 20-81.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Рунова Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2006.
- Марина Токарева. Тициан скоро уедет. Музей имени Пушкина вот-вот лишится ценнейшего полотна // Новая газета, 2018.12.12
- Софья Коренева. Рай в голове // Такие дела. 06. 01. 2021. URL: <https://takiendela.ru/2021/01/raiy-v-golove/?ysclid=lmj8d36vu182478709>.
- GILGAMESH. URL: <http://crdp.ac-paris.fr/parcours/fondateurs/index.php/category/gilgame>

sh?paged=3.

Un Van Gogh perdu depuis 40 ans retrouvé en Espagne par le fisc // SudOuest.fr. 11.05.2014.
URL: <https://www.sudouest.fr/redaction/insolite/un-van-gogh-perdu-depuis-40-ans-retrouve-en-espagne-par-le-fisc-8348166.php>.

Yulia M. Razumovskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE MECHANISMS OF INTERPRETATION OF PRECEDENT NAMES

The purpose of the study is to determine the main cognitive mechanisms for interpreting precedent names (hereinafter referred to as PNs) in Russian and French media discourse. The author, *using the method of cognitive matrix analysis*, establishes that the main mechanisms for the formation of the meaning of PN are such cognitive mechanisms as “conceptual metonymy”, “conceptual metaphonymy”, “conceptual comparison”.

Key words: precedent name, cognitive-matrix analysis, concept, cognitive context, cognitive mechanism

А.А. Роговец (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Rogovets-aa@pfur.ru

ПОД СЕНЬЮ РАЗВЕСИСТОЙ КЛЮКВЫ. ОБ ОДНОМ КОНЦЕПТЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ*

Статья посвящена изучению концепта КЛЮКВА, которое применяется в западной культуре как элемент репрезентации образа России. В центре внимания исследования находятся истоки и источники возникновения этого концепта, область его применения, его объем и содержание. Исследование выполнено на материале упоминаний словосочетания «развесистая клюква» в журналах, газетах, путевых заметках и пьесе на русском языке в Google Books.

Ключевые слова: развесистая клюква, концепт, концептуализация, динамика концепта

На западе интерес к постижению «русского» существует уже многие столетия [РГИ: URL]. Одним из наиболее всеобъемлющих подтверждений этого служит недавний труд «Литературная матрица. Россия глазами иностранцев», который представляет собой краткие материалы для исследования национальной проблемы в хронологической последовательности, начиная от VI в. и заканчивая XVIII в. Эти материалы содержат представления иностранцев о русских, их быте, культуре, менталитете, образе жизни. Здесь можно встретить и стереотипные впечатления о красоте русских женщин [Соловьев 2023: 269, 405, 410], о силе и храбрости русского мужчины [там же: 281, 406], о религиозности и суеверности русского народа [там же: 243, 338, 389]. Наше исследование вписывается в эту давнюю традицию изучения «русского» в представлениях иностранцев и рассматривает концепт КЛЮКВА, встречающийся в описаниях России в текстах иностранных авторов. Данный концепт является малоизученным на настоящий момент, но

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» № 23-78-01208 на тему «Языковая репрезентация образа России в американском кинематографе: корпусный подход»: <https://rscf.ru/project/23-78-01208>.

вместе с тем достаточно распространенным в иноязычных материалах.

Целью статьи является описать содержание концепта КЛЮКВА, а также область его применения в репрезентации России. Исследование выполнено на материале упоминаний словосочетания «развесистая клюква» в журналах, газетах, путевых заметках и пьесе на русском языке. Источником материала послужили данные *Google Books Ngram Viewer* [GNV: URL].

В статье под концептом понимается «представление о смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления». Концепт «как основная единица хранения и передачи знания принципиально динамичен, поэтому содержание его постоянно модифицируется» [Пищальникова: URL].

Для поиска примеров реализации концепта КЛЮКВА была использована русскоязычная библиотека *Google Books* при помощи поисковой системы *Google Ngram Viewer*. Поисковые запросы выполнялись по словосочетанию «развесистая клюква». Были проанализированы источники с 50-х гг. XIX в. по 10-е гг. XX в. В них было обнаружено 22 примера реализации концепта КЛЮКВА, особое внимание среди которых уделим 4.

Написание концепта КЛЮКВА является сокращением от «развесистая клюква», что в словаре С.И. Ожегова имеет пометку «ироничное» и описывает нечто «неправдоподобное и обнаруживающее полное незнакомство с предметом» [Ожегов 2024]. Рассмотрим на примере наших источников динамику формирования этого концепта и область его применения в представлении русской культуры в глазах иностранцев.

В.М. Мокиенко пишет, что выражение «развесистая клюква» приписывается А. Дюма-отцу, а, следовательно, относится ко 60-м гг. XIX в. В это время писатель находился в путешествии по России от Санкт-Петербурга до Кавказа [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 265]. Считается, что предложенный именно им вариант отсылки к России через клюкву вошел в «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова: «поверхностный автор-француз пишет, что сидел под тенью величественной клюквы» [Ушаков 2024]. К идее о том, что этим незнакомцем был именно А. Дюма-отец, подталкивает сатирическое произведение Салтыкова-Щедрина «Помпадур и помпадурши», в котором упоминается «*le prince de la Klioukwa*» («князь де ля Клюква», здесь и далее перевод наш – А.А.), приехавший из Франции. Л.С. Выготский [2015: 315] выразил несогласие с этой теорией, аргументировав его тем, что в собрании рассказов о путешествиях А. Дюма-отца по России «*Le maître d'armes*» не было найдено упоминаний этого высказывания.

Встречается и иное представление о происхождении этого высказывания. Историк К.В. Душенко приводит упоминание в газете «Московские ведомости» от 16 ноября 1871 г., в котором фразу относят к М. Каткову, влиятельному публицисту: «Пахнуло на нас теми блаженными временами, когда французский турист рассказывал, как он в России сидел *à l'ombre d'une klukva...*» (под сенью клюквы) [Рогозинникова 2020]. В этом случае имя француза вновь не называется.

Постепенно эта фраза употребляется все чаще. Так, в 1893 г. выходит майский номер журнала «Русская мысль», в котором размещается отзыв на книгу

Иосифа Модрича «Россия. Записки и воспоминания о путешествии», где рецензент пишет: «Но, однако, и ему почему-то не дается клюква, и в описании русских обедов он заверяет, что наряду с хлебным квасом за каждым столом подается клюкленный квас, изготовляемый из клюквы (*klukla*) (...) ... Впрочем, все это происходило, вероятно, под тенью величественной клюквы – *a l'ombre d'un klukwa majestueux*» [Душенко 2018: 422]. Тут можно предположить, что именно из-за восприятия клюквы как продукта питания началось развитие образа этого растения, который не соответствовал действительности. Иное упоминание видим в журнале «Путеводитель для любопытных», издававшемся в Париже, где упоминается частотные для французских книг «величественное дерево, именуемое клюквой» (*l'arbre majestueux nommé klukwa*) и «вкусный кусок самовара» (*une tranche savoureuse de samovar*) [там же: 423]. Можно сделать вывод, что авторство фразы приписывается иностранцам, которые поверхностно познакомились с Россией и ее культурой во время путешествий.

Спустя время высказывание становится настолько привычным для описания русской культуры, что находит отражение в художественном произведении – пьесе, а позже – ее сценической постановки. В Санкт-Петербурге в театре «Кривое зеркало» в 1910 г. была представлена русскоязычная пьеса «Любовь русского казака», автором которой стал писатель и драматург Б.Ф. Гайер. Это произведение носило сатирический характер и было пародией на некую французскую пьесу, что подчеркивается в аннотации: «Сенсационная французская драма с убийством и экспроприацией из жизни настоящих русских фермеров в одном действии с вступлением» [GB: URL]. Одна из героинь, Аксенка, вспоминает время, которое проводила с возлюбленным Иваном «под развесистыми сучьями столетней клюквы» [Душенко 2018: 424]. Пьеса обрела широкую известность, и начали появляться ироничные стихи «французского» авторства, среди которых одним из самых известных стал следующий [GB: URL].

<i>Sous l'ombre d'un kliukva</i>	Под тенью (= сенью) КЛЮКВЫ
<i>tait assise une dévouchka.</i>	Сидела девушка .
<i>Son nom était Marie,</i>	Ее имя было Мария,
<i>Mais dans sa froide patrie</i>	Но на ее холодной родине
<i>On l'appelait Masha.</i>	Ее звали Машка.

Во фрагменте наблюдается транслитерация лексемы *девушка* – *dévouchka*, использованная в оригинале вместо французского *une fille*. Так, со временем фраза «развесистая клюква» перешла из произведений культуры в устную речь, высказывание сократилось, прилагательные «развесистая», «величественная» ушли, в следствие чего лексема «клюква» приобрела дополнительное значение.

Словосочетание обладает ироническим оттенком и содержит оксюморон, поскольку кустарник клюквы это стелящееся растение высотой 2-3 см, а следовательно, развесистым оно быть не может [КСВРЯ: URL]. Важно отметить, что ни один из вариантов лексемы *klioukwa*, *kliukva*, *klukva* не представлен в *Centre national de ressources textuelles et lexicales* [CNRTL: URL], это показывает, что образ не вошел во французский язык.

Таким образом, можно заключить, что концепт КЛЮКВА связан в первую

очередь с репрезентацией образа России у носителей французского языка, поскольку он представлен в большинстве своем франкоязычными контекстами употребления. При этом концепт сложно назвать устойчивым, поскольку он демонстрирует не вполне верное представление о его референте.

Литература

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанов Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. М: Фолио-Пресс, 1999.
- Выгодский Л.С.* Полное собрание сочинений. М.: Левь, 2015.
- Душенко К.В.* История знаменитых цитат. М.: КоЛибри, 2018.
- Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru>.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D0%BA%D0%B2%D0%B0>.
- Пищальникова В.А.* Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2094246>.
- РГИ – Курс лекций «Россия глазами иностранцев» // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/courses/44>.
- Рогозинникова Ю. В.* Прецедентный феномен «Развесистая клюква» в российском и зарубежном дискурсах // Культура и текст. 2020. № 1 (40). С. 159-166.
- Соловьев Д.* Литературная матрица. Россия глазами иностранцев. СПб.: Лимбус-Пресс, 2023.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=lr54lw1ch5889131218>.
- Centre national de ressources textuelles et lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr>.
- Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>.

Arina A. Rogovets (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

UNDER THE SHADE OF A BUSHY CRANBERRY.

ABOUT ONE CONCEPT IN THE REPRESENTATION OF RUSSIA ABROAD

This article is devoted to the study of the concept KLUKVA, which is used in Western culture as an element of representation of the image of Russia. The study focuses on the origins and sources of this concept, its scope of application, its volume and content. The research is carried out on the material of references to the word combination “a bushy cranberry” in magazines, newspapers, travelling notes and a play in Russian in Google Books.

Key words: bushy cranberry, concept, conceptualisation, concept dynamics

Г.В. Самородин (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

SamorodinGW@yandex.ru

Артиклевая категоризация в немецком языке

Статья посвящена исследованию роли артикля как способа реализации категории детерминации. Употребление определенного артикля основано на выделенности объекта из класса подобных объектов через указание на уникальные характеристики, неопределенный артикль категоризирует объект на уровне члена класса, нулевой артикль показывает отсутствие у объекта выделенности и классифицирующих черт.

Ключевые слова: категория детерминации, теория классов, выделенность, артикль, реалии

Необходимость категоризации внеязыковых реалий обусловлена особенно-стями человеческого сознания и прежде всего потребностями в познании и безопасности. В отношении объектов, для которых выстроены поведенческие модели, возможна реализация алгоритма действий, приводящего к наиболее благоприятным для человека последствиям [Сулейманова 2018]. Для того, чтобы выстроить актуальную модель поведения, объект сначала требуется изучить, выделив его отличительные особенности. Кроме того, моделировать алгоритмы действий удобнее не в отношении каждого отдельного объекта, а для групп и классов подобных предметов и явлений. Наконец, существуют объекты, малоизученные в настоящее время, либо по иным причинам не имеющие классифицирующих и отличительных признаков. Возникает вопрос: какие языковые средства могут использоваться для передачи этих свойств?

В отношении немецкого языка логично было бы предположить, что с данной целью может использоваться категория детерминации [Hawkins 1978], точнее, *артикл* как способ ее реализации. Концепция артиклевых значений, описанная А.И. Смирницким [1959], дополняет теорию когнитивно обусловленного восприятия реалий и предполагает наличие в германских языках трех видов артикла с присущими им функциями.

Определенный артикл генетически связан с указательными местоимениями (ср. нем. *der* и *dieser*) и выполняет **индивидуализирующую** функцию, выделяя один объект из класса подобных на основе его уникальных свойств и характеристик. Перечислим основные из них.

1. Представленность объекта в единичном экземпляре, его неповторимость: *Dann rückt ein deutscher Spezialtrupp ein, auf einem Wagen wie Menschen vom Mars* [DWDS] / Затем на машине словно марсиане придут немецкие солдаты из спецподразделения (здесь и далее перевод мой – Г.С.).

Планета Марс существует в единичном экземпляре, эта неповторимость предполагает употребление названия небесного тела с определенным артиклем.

2. Упоминание одного класса объектов в противопоставление иным классам: *Der Mensch ist ein geschichtsbewußtes Wesen, er ist das einzige Geschöpf, das ein Geschichtsbewußtsein besitzt, und wir alle leben in der Erfahrung* [DWDS] / Человек является исторически-сознательным существом, он единственное создание, обладающее историческим сознанием, и мы все живем с этим опытом.

Человек в этом примере рассматривается как представитель всего класса людей (*pars pro toto*), который, в свою очередь, противопоставляется остальным живым существам, обитающим на Земле. Историческое сознание является в данном случае индивидуализирующей характеристикой класса «Люди», поэтому слово «Человек» употребляется с определенным артиклем.

3. Обозначение ранее упомянутых в речи, либо иным образом введенных, заданных объектов: *Er hatte die Gewohnheit, vor dem Schlafengehen noch (a) ein Buch zur Hand zu nehmen und zu lesen; das tat er auch heute, und es geschah nun, daß sein Blick, als er (b) das Buch aufgemacht, auf eine bestimmte Stelle fiel, die ihn veranlaßte, entzückt in die Hände zu schlagen und in seiner herzlichen Art zu lachen* [DWDS] / У него была привычка взять перед сном книгу и почитать, так было и

сегодня, и так уж вышло, что, как только он открыл книгу, его взгляд остановился на определенном месте, что заставило его в присущей ему манере добродушно смеяться, хлопая от восторга в ладоши.

Определенный артикль в случае (b) указывает на возможность выделить один предмет из класса на основании индивидуализирующей характеристики: та книга, которую персонаж держит в руках, тогда как неопределенный артикль в случае (a) вводит информацию о наличии у персонажа книг как таковых.

Неопределенный артикль, генетически связанный с числительным «*один*» (ср. нем. *ein* и *ein*), выполняет **классифицирующую** функцию.

1. Представление предмета или явления как члена класса аналогичных существ, предметов или явлений: «*Sagen Sie mir selbst*», *schreibt er an Goethe*, «*was aus dem Menschengeschlecht würde, wenn alle Kinder 30 Jahre hintereinander nachbeteten: (a) das Auge liegt unter (b) der Stirn, zwei mal zwei ist vier, (c) ein Quadrat hat vier gleiche Seiten usf.*» [DWDS] / «Скажите-ка мне», пишет он к Гете, «что стало бы с родом человеческим, если бы все дети 30 лет бездумно повторяли друг за другом: глаз находится ниже лба, дважды два – четыре, у квадрата четыре равных стороны, и так далее».

В примере квадрат (c) представлен как член класса геометрических фигур, обладающих четырьмя равными сторонами. Употребление определенного артикля в случаях (a) и (b) обусловлено референцией к частям тела, упоминание которых может рассматриваться как индивидуализирующий признак.

2. Упоминание класса объектов без противопоставления его другим классам: (a) **Ein Ball** ist (b) **ein Ding**, *das rollt, manchmal springt*. (c) **Ein Vater** ist (d) **ein Mann**, *der lange Zeit größer ist als man selbst* [DWDS] / Мяч – это штука, которая катается и иногда прыгает. Отец – это мужчина, который уже давно больше тебя самого.

Во всех случаях (a)-(d) неопределенный артикль категоризирует персону или предмет на уровне члена класса: любой объект из класса мячей принадлежит к классу предметов, способных к катанию и подпрыгиванию, как любой человек, принадлежащий к классу отцов, принадлежит к классу старших мужчин.

3. В вопросительно-относительной конструкции *was für ein* (какой/что за) вопрос состоит в том, к какому классу можно причислить определенный объект: *Die Liebhaber der Tragödie, der Komödie und der Lyrik, dazu die Hohlköpfe streiten darüber, was für ein Stück gespielt werden soll* [DWDS] / Ценители трагедии, комедии и лирики, а также ограниченные личности спорят о том, какое произведение нужно играть.

Конструкция *was für ein* указывает на отсутствие у публики единого мнения относительно жанровой принадлежности произведения, она ориентирована на выявление класса, к которому следует отнести описываемый объект, поэтому в данном случае требуется неопределенный артикль.

Несмотря на генетическое сходство у *ein* – неопределенного артикля и *ein* – числительного различается не только частеречная принадлежность, но и семантические роли: *Dr. Surén leert sein Glas, Tonio dreht (a) eine unangezündete Zigarette zwischen Fingerspitzen, sagt: «Als der Film zu Ende war, trank ich (b) noch einen*

Kaffee und ging ins Hotel zurück [DWDS] / Доктор Сюрен опустошает свой стакан, Тонио, крутя между кончиками пальцев незажженную сигарету, произносит: «Когда фильм закончился, я выпил еще один кофе и пошел обратно в отель».

Случай (а) иллюстрирует существующую в немецком языке связь неопределенного артикля с числительным. Сигарета в руках у протагониста была *одна*, в то же время, этот предмет относится к классу сигарет без уточнения характеристик. Случай (б) следует интерпретировать как числительное – один кофе: в высказывании содержится уточнение *еще*, следовательно, речь идет о *еще одной порции напитка*, а не о его принадлежности к какому-либо классу.

Требующим уточнения представляется тезис А.И. Смирницкого о том, что «неопределенный артикль не употребляется со словами, обозначающими предметы, единственные в своем роде, и тем самым вообще стоящие вне какого-либо класса» [Смирницкий 1959: 382]: *Jede Idee ist eine Sonne und verhält sich zu ihresgleichen wie eben Sonnen zueinander sich verhalten* [DWDS] / Каждая идея – это Солнце и относится к себе подобным так же, как Солнца относятся друг к другу.

Неопределенный артикль в данном примере указывает на схожесть объекта «идея» с объектами типа «Солнце», вследствие чего возникает гипотеза о возможности выделения класса «Солнц», равно как и других объектов, считающихся уникальными в своем роде.

Нулевой артикль предполагает рассмотрение объекта действительности в отвлечении от индивидуализирующих характеристик и классовых свойств и остается в настоящее время недостаточно изученным: по вопросу о статусе нулевого артикля (реализация синтаксического нуля / самостоятельная категория) продолжается научная дискуссия. Опишем некоторые из возможностей употребления неопределенного артикля.

1. Обозначение объектов в общем смысле: *Bleistift enthält nicht Blei, sondern Graphit* [DWDS] / Карандаш содержит не свинец, а графит.

В данном примере подразумевается карандаш в отвлечении от его характеристик, на что указывает игра слов (*Blei* – свинец, *Stift* – стержень).

2. Обозначение абстрактных понятий: *Wie bereits am Anfang erwähnt, wissen wir fast nichts über die Neurobiologie komplexer Emotionen wie Liebe, Eifersucht, Zufriedenheit* [DWDS] / Как уже сказано в начале, мы почти ничего не знаем о нейробиологии таких сложных эмоций как любовь, ревность, удовлетворение.

Абстрактные понятия представляются недостаточно конкретными, чтобы они могли сами по себе, без атрибутива, иметь индивидуализирующие характеристики или принадлежать к классу себе подобных, поэтому слова, их обозначающие, употребляются с нулевым артиклем.

3. Вербализация возгласов и выкриков: *Eine frische Stimme rief von links: «Sanitäter!»* [DWDS] / Новый голос слева звал: «Врача!».

Нулевой артикль в возгласах выражает отсутствие классовых и индивидуализирующих признаков у объекта речи. Описанные выше случаи иллюстрируют так называемое «значашее» отсутствие артикля, которое не следует путать с его «незначашим» отсутствием, представляющим собой приемы эллипсиса, опуще-

ния. В таком случае артикль опускается в целях языковой экономии и легко восстанавливается по контексту: *Als Staatschef des Gastgeberlandes sprach US-Präsident Bill CLINTON am 6. September als erster Spitzenpolitiker zu den Gipfelteilnehmern* [DWDS] / Как глава принимающей страны, президент США Билл Клинтон стал первым политиком высшего звена, обратившимся к участникам саммита 6 сентября.

Президентом США в один момент времени может являться только одно лицо, поэтому обычно наименование данной должности употребляется с определенным артиклем, который опущен в целях языковой экономии.

Проведенное исследование позволило сделать выводы о необходимости определения статуса указательных местоимений и определенного артикля, уточнения возможности выделения классов уникальных объектов и использования неопределенного артикля, а также – конкретизации роли и функций нулевого артикля.

Литература

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.

Сулейманова О.А. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52-64.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>.

Hawkins J. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978.

Georgii V. Samorodin (Moscow, Russia)
Moscow City University

ARTICLE-BASED CATEGORIZATION IN GERMAN

The paper is devoted to the study of the role of the article in the categorization of extralinguistic realia. The article, as a way of implementing the category of determination, creates a reference to the objects of reality: the definite article indicates the inherence of unique characteristics, the indefinite article categorizes the object at the level of a class member, the null article shows the absence of salience and class characteristics of the object.

Key words: category of determination, class theory, salience, article, realia

C.K. Sapueva (Maykon, Russia)
Адыгейский государственный университет
atika16@yandex.ru

КОНЦЕПТ «КАВКАЗ» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ОНОМАСТИКИ

В статье анализируются положения когнитивной ономастики как нового направления лингвистики и определяется функционирование топонимических концептов в ее рамках. В соответствии с выделенными критериями обосновывается статус концепта КАВКАЗ и определяются перспективы его дальнейшего исследования в русле когнитивной ономастики.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, топонимический концепт, семантика, когнитивная структура, ономастическое знание

Современное состояние лингвистической науки, ее комплексное и интегративное развитие определило постановку новых вопросов и методов исследования тех или иных языковых объектов, которые стали рассматриваться в языке как определенном когнитивном процессе. В результате возникло новое направление в языкознании, именуемое когнитивная лингвистика, главной идеей которой явилось исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, И.А. Стернин, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор и др.).

Уточнение и переосмысление многих теоретических положений в данной области коснулось различных языковых единиц, в том числе и ономастической лексики, где вектор исследования был направлен на определение когнитивной обработки имени собственного и способов его репрезентации в языке и языковом сознании человека. При таком подходе расширился и анализ сфер функционирования имен собственных: лингвистическая, экстралингвистическая, дискурсивная, культурологическая, психическая, социальная, эмоциональная области, демонстрирующие многогранность семантического содержания того или иного имени собственного. Таким образом, исследование имени собственного в аспекте когнитивной парадигмы сформировало новое направление – когнитивная ономастика, основанное на изучении онимов как когнитивных образований, служащих для кодирования информации теоретического и обыденного познания, «с помощью которых имеется возможность выявлять ментальные репрезентации, возникающие в результате процесса извлечения из памяти и переработки имеющейся информации» [Федотова, Черкашина 2022: 33].

В этом плане среди всех типов имен собственных особый интерес представляют топонимы, которые являются не только наименованиями географических объектов, но и своего рода кодификаторами знаний о национально-культурных особенностях, которые сформировались в процессе исторического развития того или иного этнического сообщества.

Целью настоящего исследования является обоснование топонима Кавказ в статусе концепта в рамках когнитивной ономастики. Основными методами исследования явились дедуктивный метод, анализ и синтез.

В настоящее время исследователи-ономатологи, отвечая вызовам современной науки, все чаще выходят за рамки чисто лингвистической науки, углубляясь в интеллигибельную область содержания имени собственного, когда за внешней языковой формой обнаруживается целая «когнитивная структура» [Кибрик 2015: 32]. Это означает возможность обращения к человеческому опыту в процессе осмысления определенной языковой единицы, в том числе топонима, как основному фактору формирования его значения и дальнейшей вербализации в контексте других когнитивных структур.

Определяя концепт как центральную единицу когнитивной лингвистики и соответственно ономастический концепт как единицу когнитивной ономастики, прежде всего необходимо выяснить, может ли топоним Кавказ выступать в статусе топонимического концепта?

Так, основываясь на главных принципах формирования концептов (чувственный опыт; предметно-практическая, мыслительная, экспериментально-познавательная виды деятельности; вербальное и невербальное общение [Болдырев 2004: 20]) в научной литературе топонимический концепт трактуется, как «единица ономастического знания о пространственных, географических характеристиках» [Щербак 2008], «ментальное многослойное образование, в различных слоях которого находит отражение весь потенциал значений слова, инвариант значений словообразовательного гнезда, разнообразные ассоциативные приращения, обусловленные социокультурным и лингвокультурным фоном» [Калинина 2009: 8]. Исходя из этого, можно констатировать, что топонимический концепт в своем содержании аккумулирует не только сведения о географическом объекте, но и информацию об особенностях национальной мировосприимчивости этнокультурной общности, населяющей его. Несмотря на то, что тематика научных исследований, посвященных ономастическим единицам, содержит термин «концепт», мы не находим в них конкретной теоретической аргументации к такому обозначению.

В связи с этим считаем необходимым аргументировать положение о том, что топоним Кавказ правомерно может выступать в статусе концепта и, соответственно, являться предметом исследования когнитивной ономастики.

Так, одним из исследователей, обратившихся к вопросу о концептуальности имени собственного, является Л. Грузберг, которая, отмечая «культурно-ментально-языковую» природу топонимического концепта, выделяет такие критерии его образования как наличие совокупности смыслов, наличие антиномии и субъектной интерпретации, функционирование в «текстах культуры» [Грузберг 2002]. По ее мнению, совокупная реализация данных критериев позволяет говорить о том, что слово (в том числе и топоним) может выступать в роли концепта.

Отличной является точка зрения В.В. Робустовой, которая утверждает, что «любые виды имен собственных символизируют концепты, т. е. за ономастическими единицами стоят первичные по отношению к ним когнитивные структуры» [Робустова 2014: 48]. Многослойная структура ономастического концепта, по мнению автора, состоит из информационного, ассоциативного, эмоционально-оценочного комплексов знаний. При этом мы не можем полностью согласиться с обеими точками зрения: в первом случае, потому что считаем антиномию не обязательным, а факультативным условием (например, по данным ассоциативных экспериментов фиксируем: *Кавказ* – война / спокойствие, мирное соседство; гостеприимный – суровый и др. (С.К. Сапиева); *Сибирь* – ад / рай, богатая / скудная и др. (А.М. Литовкина); а *Байкал*? В этом примере антиномия не наблюдается (Е.С. Жигачева). Во втором случае полагаем, что не каждое имя собственное, в частности, топоним, может обладать достаточной степенью содержательности в информационном, ассоциативном и эмоционально-оценочном планах, чтобы его можно было характеризовать как концепт. Подтверждением тому являются названия работ, посвященных ономастическим исследованиям, в которых мы находим обозначение лишь наиболее значимых в геополитическом, национально-культурном и других планах топонимических концептов (концепт РОССИЯ, концепт КИТАЙ, концепт МОСКВА, концепт ПЕТЕРБУРГ, концепт

СИБИРЬ, концепт АМЕРИКА, концепт ГЕРМАНИЯ и др.). В связи с этим, мы полагаем, что главными критериями, позволяющими наделить топоним именем концепта, являются:

1) содержательность топонимической единицы в рамках научной картины мира (научное представление о топониме, зафиксированное в энциклопедических, лексикографических и других научных источниках);

2) содержательность топонимической единицы в рамках наивной картины мира (представление о географическом объекте в обыденном языковом сознании, характеризующееся различными интерпретациями представителей этноязыкового коллектива (коллективов), основанными на имеющемся опыте);

3) символичность (наличие перцептивного образа, характеризующегося смысловой глубиной, высокой значимостью и культурной ценностью (по В.И. Карасику);

4) динамичность (изменение представлений о топониме, обусловленное различными экстралингвистическими факторами);

5) полидискурсивность (функционирование имени топонимического концепта в различных типах дискурса: художественном, политическом, медийном, рекламном и др., проявление как объекта постоянной рефлексии).

Что касается концепта, именем которого является топоним Кавказ, то очевидно его соответствие выделенным критериям: во-первых, высокая степень семантического наполнения концептуального содержания (так называемая *номинативная плотность* – термин Карасика) различными значениями, коннотациями, ассоциациями, оценочными характеристиками и др., обусловленных значимостью данного региона (в геополитическом, экономическом, культурном, стратегическом и др. планах) не только в российском, но и мировом сообществе; во-вторых, богатая символика Кавказа (ландшафтный образ трансформируется в этнические символы, эксплицирующие ценности кавказской культуры); в-третьих, трансформация содержания образа Кавказа в результате влияния социально-политических (войны, конфликты) и культурных факторов (отражение в художественной литературе XIX–XXI вв.); в-четвертых, функционирование топонима Кавказ во многих типах дискурса (художественный, политический, культурный, научный и др.), позволяющих ему быть узнаваемым и идентифицируемым в глобальном информационном пространстве.

Таким образом, правомерность определения топонима Кавказ как концепт КАВКАЗ позволяет нам в полной мере изучить данный феномен в русле когнитивной ономастики, основанной на логическом и экспериментальном подходах (по Н.Н. Болдыреву), для более глубокого описания, определения и интерпретации того лингвоментального континуума, которое формирует когнитивную способность человека и его этноязыковую картину мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 18-36.

Грузберг Л.А. Концепт, или отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? // Филолог. 2002. № 1. С. 58-61.

Калинина Е.Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29-59.

Робустова В.В. К когнитивной ономастике // *Вестник Московского ун-та. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 1. С. 41-48.

Федотова Т.В., Черкашина Т.Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного // *Вестник МГОУ. Серия: русская филология*. № 5. 2022. С. 32-41.

Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.

Saida K. Sapieva (Maikop, Russia)
Adygea State University

THE CONCEPT OF THE CAUCASUS IN THE ASPECT OF COGNITIVE ONOMASTICS

This article analyzes the provisions of cognitive onomastics as a new direction of linguistics and defines the functioning of toponymic concepts within its framework. In accordance with the selected criteria, the status of the concept named Caucasus is proved and the prospects for its research in line with cognitive onomastics are determined.

Key words: cognitive onomastics, toponymic concept, semantics, cognitive structure, onomastic knowledge

И.Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкикина
irina_serova@list.ru

М.К. Ивина (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкикина
octavian75@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ФРЕЙМОВ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются возможности применения метода фрейм-анализа для экспликации сюжета через использование библейских антропонимов как элементов текста художественного произведения, отмечается огромный потенциал библейского ономастикона и фразеологизмов на основе библейских имен для интерпретации повторяющихся ситуаций.

Ключевые слова: фрейм, библейский антропоним, эталон, фрейм-структура сознания, фразеологизм

Во второй половине XX в. когнитивная лингвистика обратилась к категории фрейма, которая в настоящий момент эффективно используется в интерпретации текста. Указанный феномен, изначально понимаемый как структура, включающая информацию различного порядка и служащая для репрезентации стандартных, типичных ситуаций [Минский 1979: 7], получил дальнейшее развитие в работах зарубежных (Т.А. ванн Дейк, И. Гофман, Дж. Лакофф, Х.-Й. Шмидт) и отечественных (Н.Н. Болдырев, Л.А. Нефедова) лингвистов, а метод фрейм-анализа нашел широкое применение в лингвистических исследованиях новейшего времени.

Обратившись к категории фрейма, Ч. Филлмор обосновал возможность существования изолированного слова как единственного представителя фрейма

[Филлмор 1988: 64]. Из этой предпосылки мы будем исходить в дальнейшем при анализе отдельных библейских антропонимов, которые, по нашему мнению, могут рассматриваться как репрезентанты фреймов, поскольку такие антропонимы актуализируют роли, контекст и отношения, составляющие содержание данного фрейма.

Для иллюстрации этого положения обратимся к одному из произведений А.К. Дойла «*The Adventure of the Crooked Man*» из цикла приключений Шерлока Холмса. Это произведение выбрано нами не случайно: будучи рассказом детективного жанра с соответствующей логикой повествования, оно содержит библейское имя – репрезентант фрейма, которое выступает в качестве ключа к раскрытию дела [Conan Doyle 2011: 381, 387]. При сравнении литературного и библейского сюжетов (2 Цар. 11: 1-17) можно заметить сходство контекстов (три главных героя; наличие военных действий в сюжете; устранение одного из героев; дальнейшие взаимоотношения двух оставшихся героев), ролей (Генри Вуд – Урия; Нэнси Дэвой – Вирсавия; Джеймс Барклей – Давид) и отношений между участниками (двое мужчин, влюбленных в одну женщину; вероломное предательство одного героя другим в ходе военной операции; бракосочетание женщины и одного из мужчин).

И хотя отдельные моменты библейского описания в рассказе отсутствуют (например, у четы Барклей, в отличие от Давида и Вирсавии, не было потомства; Вирсавия и Урия состояли в законном браке, Нэнси Дэвой и Генри Вуд – нет) или несколько сглажены (Генри Вуд не погибает, как Урия, но становится калеккой), рамочный сюжет все же является общим: три героя → предательство → два героя → свадьба. Из этого следует, что библейский антропоним ‘Давид’ в контексте произведения Дойла актуализирует в памяти интерпретатора необходимую культурную информацию (здесь – соответствующий библейский эпизод), позволяющую не только представить общую схему сюжета, но и оценить каждое действующее лицо с точки зрения именно этой ситуации.

Вспомним, как этот процесс описывает Ч. Филлмор: активизация фрейма происходит тогда, когда в процессе выявления смысла текстового фрагмента интерпретатор может определить указанный смысл путем помещения содержания такого фрагмента в рамочный образец (эталон), существующий и общеизвестный вне связи с интерпретируемым текстом. Результатом такой интерпретации должен стать ответ на два основополагающих вопроса, касающихся, во-первых, причин существования в языке конкретной категории, которая представлена исследуемой формой, а во-вторых, причин выбора репрезентантом текста именно такой формы сообщения о чем-либо [Филлмор 1988: 65,67]. Здесь же следует обратить внимание на специфику исследуемого имени, которое является прецедентным и рассматривается в контексте теории фрейма в качестве единицы фрейм-структуры сознания, реализуемой через его клише и выступающей в форме эталона, т. е. той нормы, согласно которой оценивается ситуация или осуществляется какая-либо деятельность [Красных 1999: 39-43].

В нашем случае фраза оригинального текста, содержащая библейский антропоним ‘*David*’ – «*she heard the word ‘David’ uttered twice by the lady*» [Conan

Doyle 2011: 381], может расцениваться как отправной пункт актуализации соответствующей фрейм-структуры сознания. Имя собственное ‘David’, с одной стороны, отсылает читателя к известному эпизоду Священного Писания, выступая при этом в виде репрезентанта библейского текста, а с другой – позволяет предвосхитить дальнейшее развитие сюжета.

С точки зрения теории текста, такой прецедентный феномен выполняет не только функцию когезии [Гальперин 2007: 75], которая имеет место в обсуждаемом произведении Дойла [Conan Doyle 2011: 381, 387]), но также выступает средством обеспечения интертекстуальности в форме аллюзии – приема, позволяющего соотносить хорошо известную, а оттого узнаваемую большинством реципиентов идею с собственным высказыванием [Пъеге-Гро 2008: 91].

В качестве репрезентанта фрейма прецедентное имя актуализирует узловые элементы структуры, соотносимые с библейским сюжетом – эталоном, что поясняется в финале истории устами одного из главных героев: «*David strayed a little occasionally... and on one occasion in the same direction as the Sergeant James Barclay. You remember the small affair of Uriah and Bathsheba*» [Conan Doyle 2011: 387].

Тем не менее, поскольку сюжет с Вирсавией – не единственный, которым славен библейский персонаж Давид, постольку указанный антропоним может актуализировать и другие фреймы, и эта актуализация будет происходить быстрее, если антропоним входит в состав фразеологической единицы.

Так, фразеологизм ‘David and Jonathan’, используемый для характеристики крепкой и неразлучной дружбы [Brewer 1905: 333], отсылает нас первой книге Царств, где изложены эпизоды, раскрывающие взаимоотношения Давида с Ионафаном; фразеологизм ‘David and Goliath’, означающий неравенство сторон [Manser 2009: 119], имеет своим источником рассказ о победе Давида над воином-филистимлянином (1 Цар 17: 40-49). В связи с этим выскажем осторожное предположение о том, что существует прямая зависимость между способом лингвистического представления фрейма и скоростью его актуализации интерпретатором: чем больше лексем выступают в качестве репрезентантов фрейма, тем быстрее реципиент «узнает» фрейм и, соответственно, демонстрирует реакцию на него.

Представляется, что эта зависимость обусловлена тем, что при репрезентации фрейма посредством фразеологизма или предложения спектр возможных толкований предельно сужается, позволяя быстрее выбрать наиболее подходящий вариант «рамочного» сюжета, поскольку фразеологическая единица, тем более – включающая два библейских антропонима, сама по себе уже создает ситуацию: с логической точки зрения, в данной ситуации (‘David and Jonathan’ / ‘David and Goliath’) присутствуют два субъекта, которые связаны определенными отношениями (при отсутствии таковой связи не было бы и соответствующих фразеологизмов).

Если же фрейм репрезентируется с помощью лишь одной лексемы (пусть даже и прецедентного имени), как в рассказе «*The Adventure of the Crooked Man*», то требуется значительно больше времени для его «узнавания» в силу наличия широких возможностей для интерпретации данного репрезентанта (вспомним, что

даже Шерлоку Холмсу понадобилось объяснение Генри Вуда, чтобы распутать дело и предложить финальное объяснение своему компаньону).

Подытоживая, необходимо отметить особую актуальность фрейм-структуры для анализа библейского ономастикона, поскольку она позволяет исследователю четко представить «рамочную» ситуацию: распределение ролей, уяснить формы отношений, существующих между участниками, а также обнаружить лингвистические средства, с помощью которых фактический сюжет связан с ситуацией-эталоном. Все это позволяет не только выявить авторскую интенцию, но и добиться адекватной интерпретации текста в целом.

Литература

- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
Красных В.В. «Маски» и «роли» фрейм-структур сознания (к вопросу о клише и штампах сознания, эталоне и каноне) // Язык, сознание, коммуникация. 1999. Вып. 8. С. 39-43.
Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 52-92.
Brewer E.C. Dictionary of Phrase and Fable, giving the Derivation, Source, or Origin of Common Phrases, Allusions, and Words. Philadelphia-London, 1905.
Conan Doyle A. The Adventure of the Crooked Man // The Original Illustrated Sherlock Holmes. Amsterdam, 2011. Pp. 377-387.
Manser M.H. Dictionary of Allusions. New York: Facts on File, Inc. 2009.

Irina G. Serova (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

Maria K. Ivina (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

BIBLE PERSONAL NAMES IN EMOTIVE PROSE: THE UPDATING OF FRAMES

The article discusses the use of frame analysis to interpret situations on the ground of biblical personal names and idioms, including these names, to make typical situations clear. It tackles the possibilities and ways of using the biblical onomastics for this purpose in the emotive prose.

Key words: frame, biblical anthropology, standard, frame structure of consciousness, idiom

Т.А. Сироткина (Сургут, Россия)
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ НАТАЛЬИ ИЛИШКИНОЙ «УЛАН ДАЛАЙ»

На материале романа Натальи Илишкиной «Улан Далай» рассматриваются художественные сравнения как форма отражения концептуализации действительности. Анализируются разные концептуальные области, репрезентированные в сравнительных конструкциях, и делается вывод о том, что сравнения в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» представляют собой художественную модель концептуализации действительности представителями калмыцкого этноса.

Ключевые слова: художественное сравнение, Наталья Илишкина, «Улан Далай», концептуальная область, иднистиль

Художественное сравнение, как известно, является одним из языковых средств, хорошо приспособленных для отражения динамики восприятия и оценочного осмысления действительности посредством мыслительной операции уподобления [Гольдберг 2009: 50]. Поэтому лингвисты говорят о его особой роли в формировании и репрезентации художественного идиостиля: «Сравнение не только наиболее ярко демонстрирует особенности ассоциативного творческого мышления, но и является источником образования других тропов художественной системы автора (метафоры, гиперболы и др.)» [Драйсави 2014: 34].

Роман Натальи Илишкиной «Улай Далай» отражает быт и культуру калмыков в сложную эпоху XX в., поэтому в художественных сравнениях автор часто использует те образы, которые свойственны национальному мировосприятию калмыцкого этноса, издавна живущего на степных просторах.

Отражаются в художественных сравнениях, функционирующих в романе, например, концептуальная область ЖИВОТНЫЕ. Базой сравнительных конструкций становятся названия животных, обитающих в калмыцких степях:

– суслик: «Так и стоял столбиком, как суслик в дозоре, не помня ни себя, ни времени» [Илишкина 2023: 27];

– тушканчик: «Его розовые на просвет, оттопыренные, как у тушканчика, уши разгорелись» [там же: 492];

– конь: «А джангарчи бил без устали по струнам, и этот бесконечный звук, похожий на топот коня, бегущего рысью по окаменевшей августовской степи, обессиливал и обездвиживал» [там же: 27]; «Неделю шла их полусотня от Улясутая – крохотного городка у подножия невысоких гор на берегу мелководной, но многопротоковой, перекрученной, как нечесаный конский хвост, реки Борх» [там же: 156];

– сайгак: «Утром бегал вокруг кибитки, что тот сайгак» [там же: 88];

– ягненок: «Зелень, как говорили местные, поперла дуром, и мальчишки припали к земле, что те ягнята, дергая побеги...» [там же: 545].

Одной из основных концептуальных областей, нашедших отражение в системе художественных сравнений автора, можно считать и концептуальную область РАСТЕНИЯ. Автор сравнивает окружающие героев предметы и явления с такими растениями как

– карагач: «Дядья остались живы, высохли только оба, как старые карагачи, а семейства их в целости, благодарение бурханам и санитарной команде из Новочеркаска...» [там же: 44];

– раkitник: «Девушка показалась уменьшенной копией старшей сестры: такие же глаза, напоминавшие овальные листья раkitника, брови вразлет, слегка выступающие румяные скулы, аккуратный нос и небольшой пухлый, почти детский рот, только кожа потемнее, чем у сестры, цвета чая, когда в него еще не влили молоко» [там же: 57];

– ковыль: «Тело Баатра стало легким, как ковыль, сердце замерло, ноги онемели» [там же: 74];

– тольпаны: «До того, как во времена Белой царицы хан Убаши решил увести калмыков назад в Джунгарию, нас было, *как тольпанов в степи весной*» [там же: 592];

– подсолнух: «Когда-то – до войны – веселый, *как цветущий подсолнух*, с сахарно-белыми колоннами, клуб казался теперь чумазым амбаром...» [там же: 498].

Интересны для читательского восприятия художественные сравнения, основанные на лексических единицах, образующих концептуальную область ВЕРА. К предметам и объектам религиозного культа калмыков, отраженных в сравнительных конструкциях, относятся, например:

– кюрде (священный барабан): «Небо – *как бирюза на священном барабане - кюрде*» [там же: 129];

– четки: «На путях, *словно бусины на длинных четках*, теснились эшелоны» [там же: 130];

– шаман: «Без музыки чичердык – *натурально как шаман в лихотанке бьется*» [там же: 164];

– богиня Тара: «Лицо дяди Очира было зеленым, *как у Богини Тары*» [там же: 528];

– Будда: «А уши у буденовок *точно длинные мочки Будды* – опасная схожесть, как это еще никому в голову не пришло!» [там же: 403].

Ярко реализуется в романе категоризация «своего» и «чужого». Часто автор сопоставляет калмыцкие и русские реалии, благодаря чему русскоязычные читатели хорошо представляют себе предметы и явления калмыцкой национальной культуры: «Выдали ему и торгоутские току, чем-то *напоминающие русские валенки*, но с кожаной подошвой, пристегнутой на ремешках» [там же: 168]; «Крепость *напоминала русскую матрешку*, если у пустотельх кукол поснимать верхние половины» [там же: 170]. Но еще чаще герои романа, оказавшись в непривычных для себя условиях, вспоминают свои, калмыцкие, предметы быта и традиции: «Тяжелый запах самосада *напомнил Чагдару калмыцкие кибитки* во время праздников» [там же: 194].

Значительная часть сравнений отражает традиционные занятия калмыков, особенности их жизни и быта: «Не здороваясь, уполномоченный молча направился к деду, схватил за грудки, поднял и стал трясти, *как бабы – мешок с горохом перед шелушением*» [там же: 539]; «Зато вся одежда на Саньке пахла вкусно, *как копченое сало*» [там же: 529]; «Мина *походила на красивую игрушку, такое пухлое веретенце*, окрашенное красным и желтым» [там же: 468]; «Рассыпались бойцы по задонской степи, *как горох из дырявого мешка*, потеряв командиров и побросав на переправах орудия» [там же: 462].

Некоторые сравнительные конструкции, используемые автором, отражают традиционные представления калмыков о мире, входят в состав пословиц и поговорок: «Чужая земля не мила, *как мясо хорька, горька*, – ответил ему дед калмыцкой поговоркой» [там же: 602].

Другие сравнения, напротив, представляют собой новые концепты, появившиеся в языковом сознании этноса в советскую эпоху. Базовыми для них являются такие антропонимы как

– Ленин: «Да здравствует наше Советское отечество! – очкастый вытянул руку вперед, как Ленин на памятнике» [там же: 552];

– Буденный: «Сказал, что зовут его Семен Михалыч, как Буденного» [там же: 513];

– Чкалов: «Балуд стал Борисом, Цэбек Валерием, как Чкалов» [там же: 514].

Таким образом, сравнения в романе Илишкиной «Улан Далай», репрезентируя разные концептуальные области, представляют собой художественную модель концептуализации действительности представителями калмыцкого этноса. Национально-культурный компонент является одной из важных составляющих идиостиля автора, помогает читателю постичь те материальные и духовные реалии, из которых складывается жизнь калмыцкого народа в XX в.

Литература

Гольдберг В.В. Художественное сравнение как модель познания // Филология и культура. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 49-52.

Драйсави Х.К. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, Воронеж, 2014.

Илишкина Н.Ю. Улан Далай: степная сага. М.: АСТ, 2023.

Tatyana A. Sirotkina (Surgut, Russia)
Surgut State Pedagogical University

LITERARY COMPARISONS AS A FORM OF REFLECTION OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY IN THE NOVEL "ULAN DALAI" BY NATALIA ILISHKINA

The article, based on the material of Natalya Ilishkina's novel "Ulan Dalai", examines artistic comparisons as a form of reflection of the conceptualization of reality. Various conceptual areas represented in comparative constructions are analyzed, and it is concluded that the comparisons in Natalya Ilishkina's novel "Ulan Dalai" represent an artistic model of the conceptualization of reality by representatives of the Kalmyk ethnic group.

Key words: artistic comparison, Natalya Ilishkina, "Ulan Dalai", conceptual area, idiosyle

А.П. Соколова (Санкт-Петербург, Россия)
*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет*
nastyasokoloff@gmail.com

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «ОСОБЕННЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КАТЕГОРИИ «УНИКАЛЬНОСТЬ / ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ»

В статье рассматриваются особенности сочетаемости, функционирования и оценки прилагательного «особенный» в русском языке на материале лексикографических источников, «Национального корпуса русского языка», анкетирования и Интернет-источников. В результате анализа предлагается когнитивная модель прилагательного как слота двух фреймов.

Ключевые слова: прилагательное, особенный, когнитивная модель, категория, фрейм

В современных лингвистических исследованиях все чаще объектом изучения становятся прилагательные, обозначающие различные свойства и характеристики человека. Можно выделить определенное направление подобных лингвистических исследований, в котором уже существует собственная методика. См., например: [Зиновьева, Дракулич-Прийма 2019; Зиновьева 2022] и др. Прилагательное *особенный*, рассматриваемое в статье, относится к ядерным репрезентантам семантической категории «Уникальность / исключительность». При всей универсальности этого понятия, оно имеет специфику вербализации в каждом языке. Целью работы является выявление специфических черт семантики, употребления и сочетаемости прилагательного *особенный*, а также построение когнитивной модели прилагательного.

Обратимся к фундаментальным философским категориям единичного, особенного и всеобщего. Данные категории формируются благодаря практическому познанию мира. Все объекты действительности обладают своеобразием, и человек воспринимает их как единичные. Однако в ходе познания он отмечает некоторые закономерности и общие черты объектов. Если эти черты присущи узкому кругу объектов, тогда они выступают как особенное, если всем объектам – как всеобщее [Философский словарь 1963]. Таким образом, единичное – это каждый отдельно взятый объект, единичное выражает многообразие в единстве. Особенное обычно рассматривается как связующее и объединяющее начало между единичным и всеобщим и выражает общие для узкой группы объектов черты. Всеобщее – это закономерности, общие черты и формы существования вещей.

В тесной связи с этими категориями находится интересующая нас категория уникальности / исключительности, что доказывают результаты проведенного нами эксперимента, проведенного среди 96 носителей русского языка разного пола, возраста и образования. В анкету входили когнитивный тест, предполагающий определение понятия (субъективные дефиниции), и ассоциативный эксперимент. При номинации человека или объекта как уникального / исключительного ряд информантов отмечает именно его единичность (*другого такого нет, единственный на свете, во всем мире, не имеющий аналогов* и т. п.), другая же часть респондентов отмечает именно особенность, а не единичность такого человека или объекта (*не такой, как большинство, как многие; редкий* и т. п.). При этом для многих оказывается необходимым наличие «фона» для сравнения, т. е. всеобщего (*выделяющийся среди других, не такой, как все, отличающийся от ряда подобных*). В процессе номинации для говорящего оказывается более важным тот или иной аспект, в соответствии с этим происходит выбор наиболее подходящей лексики, составляющей семантическую категорию.

Исследование проводилось в несколько последовательных этапов: на первом этапе рассматривалась этимология слова, в которой заложен этимон, по терминологии В.В. Колесова, «зародыш смысла»; на втором этапе были проанализированы словарные дефиниции прилагательного для определения понятия; на третьем этапе был проведен анализ рефлексивных высказываний пользователей Интернета для выявления не отраженных в словарях семантических признаков

или для подтверждения имеющихся признаков; на четвертом этапе были изучены контексты «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) для выявления синтагматических характеристик, сфер использования, оценочности прилагательного; на заключительном этапе на основе обобщения релевантных признаков была предложена когнитивная модель прилагательного.

Прилагательное *особенный* образовано суффиксальным способом от существительного *особа*: «русск. укр., белор. *о́соба* — то же, болг. *о́соба* «лицо», словенск. *osebən* «личный, индивидуальный». Ср. также: русск.-церк.-слав. *собь* «своеобразие, особенность, свойство» [Фасмер 2006]. Таким образом, с одной стороны, *особенный* связано с лицом, отдельным человеком, индивидуальностью. С другой стороны, *особенный* – необычный, своеобразный.

Прилагательное имеет различное количество и разный характер дефиниций в толковых словарях русского языка. На основе трех словарей [Ожегов, Шведова 2006; Словарь русского языка 1999; Ефремова 2005] нами было предложено сводное определение прилагательного: 1. Не похожий на других, не такой, как все; необычный; 2. Более значительный, сильный, чем всегда, чем обычно. 3. (устар.) Отдельный, не общий. В работе предметом анализа является современный срез языка, поэтому значение 3 рассматриваться не будет.

Особенный может употребляться по отношению к человеку, его свойствам и качествам, а также к предметам и явлениям окружающего мира. Носители русского языка часто рефлексируют над тем, какого человека можно назвать особенным, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в Интернете. Так, особенный человек открыт всему новому, талантлив, уверен в себе, имеет силу воли и нестандартное мышление [<https://nauchniestati.ru/spravka/osobennyj-chelovek>]. Он вдохновляет и мотивирует окружающих, обладает качествами (физическими или интеллектуальными) и навыками, отличающими его от других. Особенности люди часто знамениты (выдающиеся музыканты, политики и т. д.) [<http://tinyurl.com/5n7br654>]. В качестве примеров особенных людей приводятся как реальные люди – Альберт Эйнштейн, Мария Склодовская-Кюри, Стив Джобс, так и вымышленные персонажи – Гарри Поттер, Шерлок Холмс. «Особенность» человека может проявляться во внешности (*зэк с особенным лицом, особенный взгляд*), а может быть скрыта от других внешней «обыкновенностью»: «Мы не воспринимали его тогда, как какого-то особенного. Он был просто Осей» (Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ: URL].

В значении ‘не похожий на других, не такой, как все; необычный’ прилагательное сочетается с конкретными существительными, называющими лицо по полу (*мужчина, женщина*), возрасту (*ребенок*), роду деятельности (*спортсмен, актер*), артефакты (*особенный ошейник*), флору и фауну (*брусника, васильки*), пространство (*барак, город*). С наименованиями лиц по полу, возрасту, роду деятельности (*особенный мужчина, ребенок, актер*) прилагательное образует устойчивые сочетания со значением ‘имеющий ограниченные возможности здоровья’, не зафиксированным словарями.

Говорящему часто трудно определить, в чем заключается «особенность»,

поэтому частотно употребление прилагательного с неопределенными местоимениями (*что-то, какое-то, нечто особенное*); кроме того, в контекстах обычно встречается уточнение и пояснение такой номинации: «Все у него было *особенное*, огромные глухари или улетали из-под обстрела, будто бронированные, или падали к ногам еще до выстрела...» (Михаил Тарковский. *Стройка бани* // «Роман-газета», 2018) [там же].

В том же значении *особенный* употребляется с абстрактными существительными, называющими свойства человека (*особенное похмелье*), артефактов (*особенный шарм фильма*), флоры и фауны (*у семи волков особенные приемы охоты*), пространства (*особенный свет, воздух*). Следует отметить, что в данном значении *особенный* часто встречается в контекстах духовно-религиозной тематики.

В значении ‘более значительный, сильный, чем всегда, чем обычно’ прилагательное употребляется только с абстрактными существительными, называющими свойства и качества человека (как физические, так и нефизические: *особенная сила рук, особенная ненависть*), объектов и явлений окружающего мира (*заседание отличалось особенной торжественностью, телефон запиликал с особенной энергией*).

«Особенность» может проявляться в разной степени, о чем свидетельствует употребление прилагательного с наречиями степени (*совершенно, слишком, совсем*). Прилагательное часто употребляется в одном контексте с синонимами (*оригинальный, исключительный, уникальный, единственный*), а также с антонимами (*обычный*). Частотно употребление прилагательного с отрицательным местоимением *ничего* для характеристики обыкновенного предмета или явления.

Оценка не присуща самому прилагательному, она зависит от его сочетаемости. В значении ‘не похожий на других, не такой, как все; необычный’ прилагательное имеет амбивалентную оценку: оно употребляется с однородными членами предложения, имеющими положительную оценку: «Она <...> сияла какой-то *особенной, спокойной, изнутри льющей красотой*» (Елена Литинская. *В руках Божьих* // «Ковчег», 2015) [там же]. Отрицательно воспринимается определение себя как особенного человека, так как это связывается с заносчивостью и самолюбием. В значении ‘более значительный, сильный, чем всегда, чем обычно’ прилагательное обычно имеет нейтральную оценку.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно представить когнитивную модель прилагательного.

Фрейм «Человек» – слот «Особенный» – подслоты: 1) пол; 2) возраст; 3) род деятельности; 4) внешний вид; 5) физические качества; 6) нефизические качества.

Фрейм «Окружающий мир» – слот «Особенный» – подслоты: 1) флора и фауна; 2) артефакты; 3) пространство; 4) качества и свойства окружающего мира.

Два фрейма пересекаются в пункте «Артефакты», так как, с одной стороны, это предметы окружающей действительности, с другой стороны, они созданы человеком.

Литература

- Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2005.
Зиновьева Е.И. Русские прилагательные, обозначающие свойства личности человека, в

лингвокультурографическом описании // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. Филологические науки. 2022. № 1 (164). С. 170-178.

Зиновьева Е.И., Дракулч-Прийма Д. Лукавый и лукав в русской и сербской языковых картинах мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 438. С. 30-39.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer>.

Философский словарь. М.: Политиздат, 1963.

Anastasiia P. Sokolova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State Paediatric Medical University

THE ADJECTIVE “SPECIAL” IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS A REPRESENTATIVE OF THE CATEGORY “UNIQUENESS / EXCLUSIVITY”

The article considers the features of combinability, functioning and evaluation of the adjective *special* in the Russian language on the material of lexicographic sources, Russian National Corpus, questionnaires and Internet sources. As a result of the analysis, a cognitive model of the adjective as a slot of two frames is proposed.

Key words: adjective, special, cognitive model, category, frame

Н.Ю. Соколова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.y.sokolova@spbu.ru

КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАГМАКОММУНИКАТИВНОГО КОМПЛЕКСА «ФИЛЬМОНИМ-СЛОГАН»

В статье представлен лингвистический анализ названий фильмов в совокупности со слоганами – лаконичными высказываниями, сопровождающими релиз фильма. Предполагается, что фильмоним и слоган могут представлять собой прагмакоммуникативный комплекс, имеющий потенциал воздействовать на структуры сознания без непосредственного просмотра фильма.

Ключевые слова: фильмоним, слоган, прагмакоммуникативный комплекс, структура сознания, концептообразующий потенциал

Кинематограф как один из наиболее молодых и широкодоступных видов искусства динамично отражает смену заведенного порядка и возникновение новых реалий. Синтетический характер и поликодовость обеспечивают интенсивность воздействия на реципиента и многомерность создаваемого нового знания. Кино не только исследует мир и сознание доступными средствами, но и само создает факты действительности, участвует в формировании когнитивных структур, а также является объектом разностороннего изучения.

В лингвистических изысканиях последнего времени в отношении названий кинематографических лент укрепился термин «фильмоним». Определяя функции данного явления, некоторые исследователи отводят ему основополагающую

роль в судьбе кинокартины: привлечение зрительского внимания, возбуждение интереса, подтверждение или опровержение догадки зрителя в отношении сюжета. Ряд вопросов, которыми задаются лингвисты при анализе фильмонимов, включает проблематику определения указанного понятия, установления функций, трудностей перевода с одного языка на другой.

Со структурой фильмонимов тесным образом связаны выделяемые функции, которые определяются как номинативная, коммуникативная и эстетическая. Номинативная функция представляется основной, исходя из идеи о том, что фильмоним является именем собственным. Коммуникативная функция, во-первых, указывает на связь между сюжетом кинофильма и его названием; во-вторых, позволяет донести основную идею кинофильма до зрителя; в-третьих, помогает зрителю составить собственное мнение о степени адекватности названия кинофильма. Третья функция – эстетическая: фильмоним отражает жизненно-эстетическую позицию автора, его видение и восприятие фактов и явления мира, личную философию [Кныш 1992]. Таким образом, известные нам лингвистические исследования фильмонимов сфокусированы на ингерентной связи фильмонимов с самим художественным произведением, содержанием кинофильма, его аудиовизуальным рядом. Такой подход едва ли может вызывать возражения, однако видится приемлемым и несколько иной ракурс.

Кинофильм является поликодовым творческим высказыванием, построенным по законам своего жанра. Структура его вербального компонента, включая фильмоним, также отвечает жанровым законам, которые могут сохраняться в течение долгого времени, однако концептуальное пространство кинопродукции, как известно, на протяжении своего существования менялось коренным образом. Здесь уместно вспомнить об идеях М. Фуко, который задавался вопросом о том, почему имеет место данное высказывание и никакое другое на его месте, подразумевая под высказыванием сегмент человеческого знания, структурную часть знания и часть дискурсивной практики. Согласно концепции Фуко, первостепенную важность имеет определение исторического места каждого высказывания, теории, текста.

Идеи Фуко о структуре знания, высказывании как воплощении человеческого знания коррелируют с современной когнитивно-дискурсивной теорией языка, согласно которой язык имеет определяющее значение в формировании обыденного и научного сознания и принимает непосредственное участие в его структурировании. По мысли Н.Н. Болдырева, «структура сознания должна соответствовать структуре мира, личности человека и видам его деятельности в этом мире... Активная роль языковых форм и категорий, синтаксических единиц в формировании и репрезентации этих структур (мира, личности, видов деятельности) в сознании человека и обуславливает значительную роль языка в структурировании сознания в целом» [Болдырев 2019: 98]. По утверждению П.А. Брандта, «значение синтаксической структуры представляет собой имитацию мысли, которая может определенным образом моделировать и даже корректировать мысль...» [цит. по: Болдырев 2019: 98].

Фильмоним как первоочередной фрагмент вербального компонента фильма нераздельно связан с сюжетом и его развитием. Его функции могут быть в полной

мере реализованы лишь в ходе просмотра или по окончании сеанса. Однако не менее прочную содержательную, смыслопорождающую связь фильмоним имеет и с так называемым тэглайном или слоганом – емким высказыванием, которое сопровождает выход фильма и размещается на афишах или рекламных материалах. Но если в плане концептообразования или распространения общественно значимых идей фильмоним сам по себе едва ли можно рассматривать отдельно от кинопродукта, то в совокупности с тэглайном они представляют прагмакоммуникативный комплекс, который может существовать и как самостоятельное высказывание, отражая те или иные закрепленные или целенаправленно формируемые ценности и способствуя структурированию в сознании определенного представления об устройстве мира и окружающей действительности.

Для иллюстрации вышесказанного приведем ряд оригинальных англоязычных тэглайнов, которые в 2001 году сопровождали выход на экраны нашумевшего фильма *Shrek*.

The greatest fairy tale never told.

It's COOL.

The Prince isn't charming. The Princess isn't sleeping. The sidekick isn't helping.

The ogre is the hero. Fairy tales will never be the same again.

Фильм появился на экранах в 2001 г., на изломе тысячелетий, когда наступление нового миллениума стало одним из самых значительных инфоповодов в медиапространстве. Новое время, как известно, создает новых героев, и (вспомним Фуко), вероятно, нет случайности в том, что *Shrek* вышел на экраны в самом начале нового тысячелетия, когда человечество, подспудно связывая хронологическое с содержательное, ожидало перемен, нового и удивительного.

Номинация *Shrek* аудиально и визуально отсылает к английскому слову *shriek*, в качестве существительного означающему пронзительный крик, вопль, визг, а как глагол, соответственно, пронзительно кричать, визжать и т. п. Фильмоним «взывает» к аудитории, выполняя метакоммуникативную функцию. Анализ серии слоганов в совокупности с фильмонимом, а также друг с другом, позволяет сделать предположение о сути воззвания и способах концептуализации реалий нового хронологического этапа, репрезентированных комплексом «фильмоним-слоган».

The greatest fairy tale never told. В этом тэглайне, как видится, закодирована идея, коррелирующая с временным аспектом появления *Shrek* на экранах и выраженная посредством словосочетания *fairy tale* с положительной коннотацией и прилагательного *great* в превосходной степени: слоган фильма подспудно указывает на наступление новых, небывало прекрасных времен. *Fairy tale* в данном случае не только и не столько жанр кинофильма, сколько новая эпоха, в которую вступает человечество: возникает концепт нового, прекрасного, как сказка, времени. Рассмотрим следующий слоган, который описывает основные характеристики грядущего «сказочного» периода.

The Prince isn't charming. The Princess isn't sleeping. The sidekick isn't helping.

The ogre is the hero. Fairy tales will never be the same again. Эксплицитно данный слоган сообщает об изменении морфологии традиционной сказки. Место старой

сказки с благородным принцем, спящей красавицей, находчивым компаньоном главного героя занимает сказка «наоборот». Структурно слоган представляет собой ряд фактических высказываний, предстающих констатацией фактов и завершается модальным высказыванием о невозможности возврата к прошлому. По сути, он опровергает традиционное представление о сказке, сформулированное в труде В.Я. Проппа и зафиксированное в сознании большого количества людей разных культурно-языковых сообществ, унаследовавших эти представления от предыдущих поколений. Сказка – не просто литературный жанр, это языковое выражение концептуализации мира, репрезентация концептуального пространства, складывавшегося веками. Таким образом, слоган популярного мультипликационного кинофильма провозглашает новый жизненный уклад, в котором через преобразование характеристик героев пересматриваются социальные роли мужчины и женщины, утверждаются новые представления о дружбе, закрепляются новые концептуальные признаки героя. Заключительное предложение обнаруживает лексико-синтаксическую корреляцию с рассмотренным ранее слоганом: *the greatest fairy tale never told – fairy tales will never be the same again*. В условиях меняющегося времени не может быть возврата к прежним реалиям. Проанализируем еще одну вариацию комплекса «фильмоним-слоган».

Shrek. It's COOL = Shrek is COOL? Рассматривая комплекс «фильмоним-слоган», преобразуем два предложения в одно с допущением, что местоимение *it* репрезентирует имя персонажа. Сформулированное таким образом суждение становится оценочным высказыванием в отношении главного героя. Однако с учетом необычности его имени и аудиовизуальной аллюзии на глагол *shriek*, возникает следующая интерпретация: *Shriek IS COOL*. На первый взгляд, встает вопрос о релевантности суждения и заключенных в нем смыслах. Однако, если обратиться к анализу социополитических и общественно-культурных событий, имевших место в последовавший за релизом фильма временной период, то и для этого оценочного суждения можно обнаружить своего рода декодер. Возникновение таких движений как, например, *MeToo*, *Black Lives Matter*, прецедента каминг-аута по вопросу гендерной принадлежности, развитие социальных сетей и журналов в Интернете и даже популярность предметов одежды с напечатанными на них лозунгами или высказываниями, иными словами, появление общественных явлений, сопряженных с публичным оглашением своей позиции по не бесспорным вопросам, вполне коррелируют с посылом рассматриваемого комплекса «фильмоним-слоган».

Вышесказанное, безусловно, не предполагает, что появление значимых социальных явлений непосредственно зависит от выхода того или иного кинопродукта. Однако кино, сколь бы развлекательным оно не представлялось, является прежде всего инструментом воздействия на сознание. Семантико-синтаксическая структура прагмакоммуникативного комплекса «фильмоним-слоган» несмотря на лаконичность и ограниченность средств обладает концептообразующим потенциалом и (по Брандту) являет собой «имитацию мысли», которой ввиду широкой доступности доступно моделирование мысли общественной.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Кныш Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1992.

Natalia Yu. Sokolova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

CONCEPT-FORMING POTENTIAL OF PRAGMATIC AND COMMUNICATIVE COMPLEX “MOVIE TITLE-TAGLINE”

This paper proposes a linguistic analysis of movie titles in conjunction with slogans which are concise statements accompanying the release of a movie. It is presumed that a movie title and a slogan can represent a pragmatic and communicative complex that has the potential to influence the structures of consciousness without watching the movie.

Key words: movie title, tagline, pragmatic and communicative complex, structure of consciousness, concept-forming potential

И.В. Степанова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
musicair14@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье представлены результаты лингвокогнитивного анализа поэтического текста с позиции концептуализации специальной военной операции России на Украине. Выделены когнитивные признаки ключевых концептов *жизнь* и *смерть*; показаны способы их вербализации; определены сферы-источники прецедентных феноменов, участвующих в языковой объективации концептов.

Ключевые слова: поэтический текст, концепт, прецедентный феномен

В семантико-когнитивном направлении лингвистических исследований концепт понимается как дискретное ментальное образование, как базовая единица мыслительного кода человека, обладающая упорядоченной внутренней структурой и несущая комплексную информацию о предмете или явлении [Попова 2010: 34]. Языковыми репрезентантами концепта могут выступать прецедентные феномены – целостные единицы коммуникации, апеллирующие к прошлому явлению действительности, имеющие ценностную значимость для лингвокультурного сообщества [Назарова 2015: 22]. Концепты реализуются в текстах, в том числе в поэтическом тексте, который в узком смысле понимается как ритмически организованная рифмованная речь с большим количеством стилистических фигур, выражающих авторскую эстетику, а в широком – как результат языковой деятельности человека, задачей которой является передача этикоэстетической и духовной информации [Сергодеев 2021: 30-39].

Объектом лингвокогнитивного исследования в рамках статьи послужил текст стихотворения современного поэта Марии Ватутиной «Антихарон», опубликованный в телеграм-канале автора (см. t.me/mvatutina/637; 19.09.2022). Текст

непосредственно связан с тематикой российской специальной военной операции на Украине, проводимой с целью демилитаризации и денацификации, и посвящен другому современному автору – Анне Долгаревой, поэту, военному корреспонденту, публицисту, фронтовому волонтеру (в том числе, волонтеру приюта «Кошкин дом» г. Луганска, с 2015 г.).

Исследуемый поэтический текст, состоящий из семи строф, целиком основан на переосмыслении известного сюжета древнегреческой мифологии о подземном царстве бога Аида, что позволяет автору отразить в тексте более точную концептуализацию происходящих в современном мире событий через реализацию концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

В названии стихотворения используется окказиональная лексическая единица *Антихарон*, образованная добавлением продуктивной приставки *анти-* (со значением противопоставления, противодействия чему-либо) к универсально-культурному прецедентному имени собственному Харон – имени персонажа в греческой мифологии, старца, перевозящего в своей лодке души умерших через реку Стикс в царство мертвых.

Уже в первых строках стихотворения можем наблюдать не только бинарную оппозицию двух ключевых, взаимосвязанных между собою концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, но и антонимическое переосмысление логики исходного мифа: *Из потустороннего ландшафта / Через реку, на своих двоих, / Девочка, красивая, как завтра, / Возвращает живность в мир живых*. Особое внимание поэт уделяет детальному описанию внешних признаков главного персонажа: в отличие от Харона, традиционно представленного мрачным старцем в рубище, мы видим указание на юный возраст в номинации *девочка*, а также наречие времени – в образном сравнении *как завтра*, которые обладают семантикой обращенности в будущее, уверенной надежды на будущую жизнь. Намеренное использование уточняющего обстоятельства образа действия *на своих двоих*, выступающее контрастом к средству передвижения в исходном мифе, также передает витальную энергию, свидетельствует о воле к жизни.

Прием паронимической аттракции в рамках одной стихотворной строки – собирательного существительного *живность*, означающего в данном контексте кошек как представителей животного мира, и субстантивированного существительного во множественном числе *живых*, описывающего людей, – усиливает реализацию концепта ЖИЗНЬ и наряду с аллитерацией звонкого фрикативного *ж* и корневого морфологического повтора раскрывает глубинные смыслы семантики этой ключевой лексемы, подчеркивая ценность жизни как в антропоморфном, так и в зооморфном ее измерении.

Отметим авторский прием двойной актуализации, наблюдаемый в семантической структуре оценочного эпитета *потусторонний*. Узуальное использование лексемы (для обозначения загробного мира, мира за пределами физической жизни), вместе с его окказиональной реализацией (в буквальном контекстуальном понимании – «по ту сторону границы»), погружают читателя как в пространство мифа, так и в современные реалии специальной военной операции и военных действий, затрагивающих территории сопредельных государств. В целом

подобное уплотнение семантической структуры слова, насыщение его дополнительными смыслами является типичным для поэзии.

Оппозиция *жизни и смерти* с одновременным раскрытием нарушенной логики мифа прослеживается также и во второй строфе стихотворного текста: *Там, где на невиданных дорожках / Мертвый русский – титульный народ, / Аня тренируется на кошках, / Аня скоро всех перевезет.* Разрушенные дома, разбомбленные территории Новороссии, являющиеся исторически русскими землями, метафорически осмысляются как царство смерти (*мертвый русский*). Угроза именно Русскому миру, русским жителям, русскому языку и русской культуре подчеркивается терминологическим словоупотреблением *титульный народ* и интертекстуальной отсылкой к прецедентному феномену из сферы-источника «Русская литература» – фрагменту из поэмы «Руслан и Людмила» (1818-1820), созданной основоположником русского литературного языка, поэтом, писателем, драматургом А.С. Пушкиным: *Там на неведомых дорожках / Следы невиданных зверей /... Там русский дух, там Русью пахнет!*

Взаимосвязь концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ с концептом РОССИЯ раскрывается далее в тексте – в описании фактологической информации о поиске и спасении домашних питомцев, оставшихся в результате военных действий без своих хозяев: *Там, за Стиксом, где среди развалин, / Аня ищет к смерти антидот, / Человек проходит, как хозяин / Кошки. Аня каждого найдет.* Концепт СМЕРТЬ репрезентирован существительным с семантикой разрушения (среди *развалин*) и аллюзией на реку Стикс, которая в мифологических представлениях древних греков является разграничителем мира живых и царства мертвых, а в поэтическом тексте метафорически осмыляется как географическая граница между двумя странами.

Сферой-источником другого прецедентного феномена в этом же контексте послужила русская музыкальная культура советского периода, представленная текстом «Песни о Родине» (1936), первые аккорды которой использовались в качестве позывных Всесоюзного радио: *От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей / Человек проходит, как хозяин / Необъятной родины своей.* Терминологическая номинация *антидот*, узואльно означающая в медицине лекарственный препарат, применяемый при отравлении ядами и токсинами, в контекстуальном использовании (*к смерти антидот*) значительно расширяет семантическую структуру своего исходного значения и передает отчаянное сопротивление смерти, стремление повернуть время вспять.

В следующей стихотворной строфе концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ встраиваются в мифологизированное пространство, в котором наблюдается символическое инвертирование знаковой системы, свойственное детской языковой картине мира и мифологическому сознанию в целом [Степанова 2003: 107-119]: *Надо, чтобы что-нибудь случилось, / Чтобы жизнь убитая, вдогон / От дурацкой смерти излечилась, – / Например, такой Антихарон.* Окаzionaleная сочетаемость ядерных лексических единиц с прилагательными и глаголом (*убитая жизнь, дурацкая смерть, излечилась от смерти*) передают некоторую парадоксальность восприятия действи-

тельности, дистанцирование от невыносимой закономерности происходящих событий, выполняя тем самым психотерапевтическую функцию.

Мифопоэтическая репрезентация ключевых концептов СМЕРТЬ и ЖИЗНЬ прослеживается и в использовании антонимичных лексических единиц *ад* и *рай*: *Этот ад, откуда кошки взяты, / Он не настоящий, так и знай. / Счищают сажу, сдуют пепел с хаты, / Откопают под завалом рай*. В этом контексте номинация *ад* репрезентирует не только мрачную бездну, страну мучений и скорби, но и саму *смерть*. Существительное *рай* выступает не только в религиозно-мистическом значении (благоустроенный сад, надежда на жизнь вечную), но и как синоним *жизни*, ее восстановления и продолжения. Непринятие неизбежности смерти подчеркивается отрицательной частицей *не* (*ад не настоящий*), императивная структура *так и знай* передает убежденность автора в своих словах, служит ободрением и поддержкой читателю, звучит как уверение ребенка в том, что все будет хорошо, призвано развеять его страхи. Концепт ЖИЗНЬ ярко вербализуется на морфологическом уровне частотным использованием глаголов совершенного вида в будущем времени: *перевезет, захватит, найдет, счищают, сдуют, откопают, отстроят, втолкнет, введет*.

В заключительной строфе поэтического текста автор словно подводит итог волонтерской деятельности по спасению котов из зоны военных действий, описывает четкую перспективу будущего: *А когда и там отстроят зданья, / Первыми втолкнет через порог / Кошек для повторной жизни Аня / И введет тебя под локоток*. Нетривиальный признак концепта ЖИЗНЬ, выраженный словосочетанием *повторная жизнь*, способствует раскрытию ключевого для изучаемого текста образа. Прецедентный универсально-культурный образ кошки соотносится в стихотворении не только с документальной информацией о помощи домашним питомцам, но имеет и символическое звучание, сопряженное с началом новой жизни, с концептом ЖИЗНЬ в широком понимании, поскольку, согласно множеству народных поверий в различных культурах, кошка обладает особой живучестью (ср. *у кошки девять жизней*) и положительной энергетикой (первой в новое жилище выпускают именно кошку).

Исследование поэтического текста Ватутиной «Антихарон» позволило выявить различные средства объективации концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ на всех языковых уровнях: фонетическом, морфосинтаксическом, лексико-семантическом. К особому виду языковых репрезентантов ключевых концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ относятся прецедентные феномены, отсылающие читателя к различным сферам-источникам: универсальным (античная мифология) и национально-специфичным (русская культура). Анализ совокупности средств языкового воплощения ключевых концептов свидетельствует о количественном преобладании в тексте репрезентантов концепта ЖИЗНЬ и его признаков, что концептуализирует авторскую позицию, выражающуюся в надежде на благополучный исход событий, происходящих в современном мире.

Литература

Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского ун-та. Новая серия: филология.

Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 17-23.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, 2010.

Сергодеев И.В. Природа и динамика смыслового комплекса интертекстуальных единиц поэтического текста (на материале англоязычной поэзии XVIII–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2021.

Степанова И.В. Лингвоментальные и лингвокультурологические характеристики традиционных английских детских стихов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003.

Irina V. Stepanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

REPRESENTATION OF CONCEPTS “LIFE” AND “DEATH” IN CONTEMPORARY POETIC TEXT

The article presents the results of linguistic cognitive analysis of contemporary poetic text which reflect the author's point of view on the events of special military operation of Russian Federation. The poetic text revolves around the key concepts of LIFE and DEATH, which are actualized by various linguistic means on all text levels and precedential phenomena of different types.

Key words: poetic text, concept, precedential phenomenon

М.В. Стефанович (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный педагогический университет
maria_stefanovich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФРЕЙМОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И РОЛЬ РЕМАРОК, ВЫРАЖЕННЫХ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫМИ НАРЕЧИЯМИ НА -LY

В статье предпринята попытка рассмотреть особенности фреймового представления драматургического дискурса, на материале драмы «Time and the Copways» английского драматурга и театрального режиссера Д.Б. Пристли, которая характеризуется высокой номинативной плотностью эмотивно-оценочных наречий на -ly в иннективных однословных ремарках.

Ключевые слова: фрейм, драматургический дискурс, иннективная ремарка, контекст, пропозиция, эмотивно-оценочные наречия на -ly

Впервые понимание фрейма как базовой структуры когниции, регулирующей деятельность человека, было сформулировано М. Минским, который, объединяя такие сферы научного знания как моделирование искусственного интеллекта и сложная когнитивная деятельность человека, особое значение придает самой структуре знаний процедурального типа [Минский 2010: 15]. В частности, фрейм как структура данных для представления стереотипной ситуации систематизирует разнообразную информацию, так или иначе ассоциированную с ним, в трихотомическую взаимосвязанную последовательность ментальных действий: способ использования данного фрейма, последствия его выполнения и действия в ситуации неподтвержденных ожиданий [Минский 2010: 6]. Очевидный экспланаторный потенциал фрейма как одного из способов организации концептуального пространства в совокупности с его краткостью, образностью внутренней формы и благоприятными артикуляционными свойствами [Галич

2014: 151] отличает фрейм от возможностей других структур (например, функционально-семантического поля, понятия, образа) и способствует росту популярности термина в научной литературе.

Одновременно в социологии на материале практик межличностного взаимодействия И. Гофманом был разработан «драматургический подход», описывающий социальный контекст или ситуацию поведения человека в терминологии театрального представления, манипулятивной целью которого становится намерение быть принятым / понятым определенным образом аудиторией / собеседниками, разыграв тщательно спланированное представление. Особая значимость придается экспрессивности как важной составляющей человеческой интеракции, которая может порождать неоднозначные интерпретации таких ситуаций и контекстов в силу того, что сами контексты / ситуации нестабильны, постоянно конструируются и преобразовываются их участниками в процессах социального взаимодействия.

Новый метод анализа социального поведения получает теоретическое обоснование в «анализе фреймов», основу которого составляет рассмотрение организации опыта действующего индивида и содержания его сознания с опорой на учет принципов социальной организации событий, а также в зависимости от субъективной вовлеченности в них [Гофман 2003: 71]. Утверждается, что в процессе интерпретации любого события или ситуации фреймы трансформируют членимую на фрагменты и постигаемую опытным путем реальность в соответствии предписанными ими шаблонами возможного социального взаимодействия.

Хранимые в памяти человека как способы организации представлений, фреймы являются особыми, альтернативными «способами видения вещей» [Филлмор 1988: 60]. Пропуская новую информацию по когнитивным фильтрам трихотомической последовательности ментальных процедур с целью выявления искомых параметров, соответствующих условиям и обстоятельствам предлагаемой ситуации, фреймы задают человеку последовательность стандартных действий для подобной / другой стереотипной ситуации. Отмечаемая социальность фреймов раскрывается в том, что они неизменно находятся в состоянии форматирования реальности, в то время как конвенциональность фреймов обеспечивает человеку ощущение организованности его деятельности, которая воспроизводит порядки интеракции, образующие континуум и онтологию фреймов. В результате алгоритмизации фреймами невербальное и вербальное поведение человека характеризуется предсказуемой социальной структурированностью и речевой стереотипностью.

Фрейм как сложное лингвокогнитивное образование тесно связан с процессами языковой категоризации, хранения и репрезентации информации, с актами речепорождения и организации дискурса [Никонова 2008: 18]. Исключая из обсуждения фреймы классифицирующего / статического типа, мы остановимся подробнее на фреймах динамического или сценарного типа, рассмотренные на материале драмы «Time and the Conways» английского драматурга и театрального режиссера Дж.Б. Пристли, которая характеризуется высокой номинативной плотностью эмотивно-оценочных наречий на -ly (60,6% от общего числа ремарок

с эмотивно-оценочными наречиями на -ly) в иннективных однословных ремарках (например, *impatiently, triumphantly, coolly, indignantly*).

Как взаимосвязанная соотносительность определенных смыслов фреймы динамического типа способны актуализироваться в наименьшей структуре знаний, т. е. в пропозиции, конструируя смысловой каркас будущего высказывания [там же: 20], который находит свое языковое проявление в процессе последовательного развертывания реплик персонажами драматургического дискурса и позволяет делать предварительные выводы касательно вектора развития вербализуемой ситуации. Обратимся к примерам:

1. MADGE: I'm not a child and this is no longer my home.

Mrs. C. (*sharply*): You were a child once – and a very troublesome one too – and for twenty years this was your home – and please don't talk in that tone to me. You're not in a classroom now, remember.

HAZEL: Now – Mother – please – it's not going to be easy to-night – and –

MADGE (*coldly*): Don't worry, Hazel. Mother enjoys things not being easy.

She sits down. Mrs. C. observes her *maliciously*, then turns to KAY.

В этом фрагменте резкий нелицеприятный разговор на повышенных тонах между миссис Конверс и ее дочерьми (Мардж, Хейзел) разворачивается в четырех взаимосвязанных линиях целенаправленного межличностного взаимодействия, наблюдаемые читателем в репликах соответствующих персонажей: 1) Марджи отстаивает границы своей личности (эмоционально взрослая и самостоятельная); 2) миссис Конверс считает Марджи проблемным ребенком; 3) Хейзел призывает мать к терпению; 4) Марджи внешне спокойно реагирует на ситуацию. Предшествовавшая этому речь миссис Конверс, произнесенная в отсутствие Мардж по поводу ее несимпатичной внешности, подготавливает читателя воспринимать реакцию раздражения, подчеркнута неприязненное отношение миссис Конверс к дочери и ее уничижительно-обесценивающие реплики (You were a child once – and a very troublesome one too – and for twenty years this was your home – and please don't talk in that tone to me. You're not in a classroom now, remember) относительно непредсказуемого, дерзкого и непочтительного мнения Мардж (I'm not a child and this is no longer my home). С целью предотвращения публичного выяснения отношений в разговор вступает Хейзел, другая дочь миссис Конверс. Мардж успокаивает сестру, проявляя осведомленность о склонности матери к обострению разногласий, и уравновешенным поведением (She sits down) демонстрирует завершение неприятного разговора. Читатель наблюдает состояние злорадства и недоброжелательности, испытываемое миссис Конверс (*maliciously*) к Мардж, и склонен ожидать эскалацию конфликта между ними, поскольку по своей природе человек предрасположен попадать под влияние наиболее вероятной интерпретации, принимаемой им в качестве отправной точки для последующих обобщений [де Боно 2015: 54].

Считается, что восприятие – это внимание человека, направленное на некую часть ситуации в любой произвольно взятый момент. Все органы чувств могут вносить свой вклад в процесс восприятия, но и единственный источник призна-

ется валидным [там же: 27]. Динамические фреймы, участвующие в создании когнитивного контекста некоего фрагмента драматургического дискурса, являются визуальными, т. е. наблюдаемыми читателем / публикой. Важным свойством фрейма считается его способность фокусировать внимание реципиента на своих частях, так как «каждый фрейм системы соответствует одной из возможных точек зрения на ситуацию, представляемую системой фреймов» [Минский 2010: 176].

Некоторую точку наблюдения за ситуацией, разворачиваемую фреймом, воплощают эмотивно-оценочные наречия на *-ly* (*sharply, coldly, maliciously*), введенные автором драмы в метатекстовое пространство ремарки. Они характеризуют или означивают ракурс обзора всей ситуации, конструируемой фреймом, как определенное психоэмоциональное состояние драматического персонажа. Через него автор драмы вовлекает читателя в переживаемое персонажем внутреннее состояние аналогично тому, как актер на сцене делает достоянием зрителей чувства изображаемого персонажа и вызывает у читателя состояние вовлеченности в описываемую ситуацию. Пребывая в состоянии вовлеченности, читатель создает собственную ментальную модель предлагаемого драматургического дискурса, заполняя второстепенные задания отсутствия, разворачиваемые логикой фрейма / фреймов, и выстраивая личные контекстные ожидания относительно дальнейшего развития событий. Выстраиваясь в важный слот единственной точки наблюдения или ракурса обзора описываемой ситуации в сценарном фрейме, обстоятельство образа действия, актуализируемое эмотивно-оценочным наречием на *-ly*, задает ориентиры допустимых интерпретаций в структуре самого фрейма, которые означиваются читателем самостоятельно в процессе семантизации слотов и заданий отсутствия других взаимосвязанных фреймов (например, *sharply*: 1) миссис Конверс неожиданно (вопреки ожиданиям) произнесла; 2) миссис Конверс резко (грубо, прямо) заявила; 3) миссис Конверс высокопарно прокомментировала). Таким образом структурируются ожидания читателя, которые могут не совпадать в деталях, но в целом соответствуют предписываемому фреймами общему вектору развертывания ситуации. Принимая такую точку наблюдения / ракурс обзора ситуации, читатель пребывает в иллюзии ее произвольности, которая в процессе конструирования читателем ментальной модели драматургического дискурса уступает место уверенности в том, что описываемую ситуацию возможно интерпретировать исключительно данным способом. Последний является выбором читателя, производным от заданного автором драмы параметра «точка наблюдения / ракурс обзора ситуации», в котором эмотивно-оценочное наречие на *-ly* выступает инструментом авторского воздействия на процесс мышления читателя.

Литература

- Галич Г.Г. Категория или фрейм? // Вестник Омского гос. ун-та. 2014. № 4. С. 150-152.
Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
Де Боно Э. Искусство думать: латеральное мышление как способ решения сложных задач. М.: Альпина Паблицер, 2015.
Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 2010.

Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2008. № 4-2. С. 86-89.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52-93.

Priestley J.B. Time and the Conways: A Play in Three Acts. London: William Heinemann, 1937.

Mariya V. Stefanovich (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Pedagogical University

THE FRAME REPRESENTATION OF THE DISCOURSE DRAMA: THE ROLE OF THE REMARKS, EXPRESSED BY EMOTIVE-EVALUATIVE ADVERBS IN -LY

The research focuses on the features of frame representation in the drama discourse, "Time and the Conways", written by the English playwright and theater director J.B. Priestley. It's characterized by high nominative density of emotive-evaluative adverbs in -ly used in innective one-word remarks.

Key words: frame, drama discourse, innective remark, context, proposition, emotive-evaluative adverbs in -ly.

Су Цзянь (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

jsu61950@gmail.com

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В работе на материале русских пословиц и китайских яньюй раскрывается функциональная специфика категории отрицания как когнитивной схемы представления коллективного знания о любви и дружбе. Раскрываются такие концептуальные характеристики отрицания как отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка.

Ключевые слова: паремиологические единицы, интерпретирующая функция, когнитивная схема, концептуальные характеристики

Русские пословицы и китайские яньюй (народные речения, построенные в виде одного или двух предложений из четырех и более китайских иероглифов каждое) являются паремиологическими единицами, которые в законченной цельнопредикативной форме выражают ценностно значимые для языкового коллектива смыслы и предписания. Если опираться на определение М.Л. Ковшовой, можно охарактеризовать данные единицы русского и китайского языков как «логически и синтаксически законченные образные изречения афористического характера, имеющие пояснительный или назидательный смысл» [Ковшова 2017: 76]. Внутренние формы пословиц и яньюй национальны и историчны, а их семантика мотивируется конкретной ситуацией и выступает способом семиотизации значимого содержания культуры [Ковшова 2017: 87].

Оценочно-предписывающий характер паремий может проявляться как эксплицитно, так и имплицитно. Так, например, русские пословицы и китайские яньюй имеют много сходств в плане реализации категории отрицания в ее интер-

претирующей функции. Н.Н. Болдырев, отмечает следующее: «Категория отрицания, как и другие модусные категории, призвана передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и/или их характеристиками, а также свое личное отношение к ним [Болдырев 2018: 401]. Описывая функцию отрицания в зависимости от типов интерпретируемых объектов, Болдырев подчеркивает ее ориентацию на имеющиеся схемы знаний, которые типизируют объекты мира, и выделяет следующие основные характеристики отрицания в плане интерпретации результатов мировосприятия: отсутствие объектов, событий, признаков; их несоответствие имеющимся представлениям и нормам; их отрицательная оценка; отрицательная коммуникативная реакция как интерпретация речевых и неречевых действий (отказ, несогласие, опровержение, запрет, инструкция, указание, предписание и т. д.) [Болдырев 2018: 402].

Опираясь на предложенный Болдыревым подход к пониманию функциональной специфики категории отрицания, рассмотрим интерпретирующий потенциал этой категории на примере русских пословиц и китайских яньюу о любви и дружбе. В данных единицах паремиологических фондов русского и китайского языков закреплены результаты типизации любви и дружбы, когда близкие межличностные отношения выступают объектами оценочной категоризации коллективного языкового сознания.

1. По Болдыреву, «концептуальная характеристика «отсутствие» репрезентирует такой вид интерпретации, который предполагает отрицание события или наличия объекта в физическом или ментальном пространстве, а также отрицание связи (в целом или ее определенного типа) между объектами или событиями и их признаками» [Болдырев 2018: 402]. Концептуальная характеристика отсутствия передается грамматическими средствами (отрицательными частицами и союзами) в паремиях обоих языков, например:

Рус. *Где любовь да совет, там и горя нет.*

Дружный табун волков не боится.

Насильно мил не будешь.

Любовь без ссоры, что суп без соли.

Кит. 强扭的瓜不甜 (букв. *Дыня, скрученная силой, не сладкая*). Толкование пословицы: нельзя насильно заставить кого-то любить вас. Эквивалент русской пословицы *Насильно мил не будешь / Силой милому не быть*. Отрицание в пословице: 不.

朋友之间不言谢 (букв. *Друзьям не говорят спасибо*). Толкование пословицы: друзья должны помогать друг другу, даже не будучи слишком учтивыми на словах. Отрицание в пословице: 不.

衣不如新, 人不如旧 (букв. *Одежда не так хороша, как новая, а друзья не так хороши, как старые*). Толкование пословицы: чем дольше проверяется дружба, тем ценнее она становится. Отрицание в пословице: 不.

В ряде случаев репрезентация функции отсутствия усиливается, поскольку

пословица содержит одновременно грамматические и лексические средства отрицания. Например, в русской пословице *Без друга – сирота; с другом – семьянин* слово *сирота* означает ‘отсутствие родителей’ и метафорически репрезентирует отсутствие поддержки, опеки и заботы. Китайское выражение *只要情投意合, 清水无糖也甜* (букв. *У двух любящих чувства совпадают и желания едины, вода сладка без сахара*) означает способность влюбленных легче переносить трудности вместе, актуализируя признак ‘довольствоваться малым’ через грамматическое отрицание *清水无糖* (*вода без сахара*).

2. Характеристика несоответствия больше проявлена в русских пословицах, когда любовь и дружба репрезентируются через отсутствие тождественности между этими явлениями и типичными признаками других объектов. Например: *Любовь не картошка – не выкинешь в окошко. Любовь не пожар, загорится – не потушишь. Любовь не милостыня, ее каждому не подашь. Дружба не гриб – в лесу не найдешь*. В этом случае интерпретация любви и дружбы в русской пословичной картине мира происходит через выдвигание социальной и эмоциональной уникальности данных явлений с привлечением фоновых знаний об объектах вещного и природного мира, о поведении людей в экстремальных ситуациях (например, при опасном неконтролируемом горении), о социальных ритуалах (например, традиции подаяния нуждающемуся) и т. п.

3. И в русских пословицах, и в китайских яньюй распространенным способом выражения оценки является оценка через бинарную оппозицию «хорошо – плохо» и противопоставление, например, хороших и плохих друзей или друзей и врагов.

Рус. *Недруг поддакивает, а друг спорит.*

Неверный друг опаснее врага.

Кит. *结交好人, 启迪心灵; 结交坏人, 败坏一生* (букв. *Дружба с хорошими людьми просветляет ум; дружба с плохими людьми развращает жизнь*).

酒肉面前朋友假, 患难之中朋友真 (букв. *Друзья перед мясом и вином – мнимые, но друзья во время беды – настоящие*).

Болдырев подчеркивает следующее: «Оценочные значения также развиваются на базе соответствующих концептуальных характеристик – отсутствия или несоответствия – в результате концептуальной деривации, которая лежит в основе формирования многих модусных концептов. Концептуальная деривация в этом случае представляет собой процесс конкретизации предметной отнесенности или способа и характера проявления отрицательной характеристики» [Болдырев 2018: 404]. В пословицах и яньюй наблюдается концептуальная деривация через конкретизацию проявлений отрицательных характеристик. Например, в русской пословице *Лучше умереть возле друга, чем жить у своего врага* жизнь как продолжение существования получает отрицательную характеристику, поскольку подразумевает существование в насильственно неблагоприятных условиях и взаимодействие с угрожающими людьми.

4. Интерпретация действий в виде побуждения к выполнению и/или прямого запрета действий распространена как в русских пословицах, так и в китай-

ских яньюй. Предписания могут даваться в виде отрицательных и утвердительных повелительных предложений, а также через выражение модальности должествования.

Рус. *Не узнавай друга в три дня, узнай в три года.*

Не люби друга потаковщика, люби встречника.

На друга надейся, а сам не плошай.

Любишь розу, так терпи шипы.

Кит. 结交要像长流水，莫学杨柳一时青 (букв. *Дружба должна быть как долго текущая вода, а не как ива, которая зеленеет на время*).

贫贱之交不可忘 (букв. *Когда будешь богат, не забывай о своих друзьях, приобретенных в бедности*).

宁喝朋友的白水，不吃敌人的蜂蜜 (букв. *Пей простую воду друга, не ешь мед врага*).

В паремиях мы наблюдаем также сочетание нескольких вариантов отрицания и соответствующих характеристик интерпретируемых объектов. Например, в русской поговорке *Нет друга, так ищи, а нашел, так береги* отрицательная оценка отсутствия друзей сопровождается прямым побуждением к действию. Другая русская поговорка *Ищи любовь сердцем, а не головой* демонстрирует побуждение к выполнению действия и одновременно противопоставление любви расчетливой рациональности, которая оценивается в данном контексте отрицательно.

Таким образом, выявленные сходства в реализации интерпретирующей функции категории отрицания в русских поговорках и китайских яньюй подтверждают положение о когнитивной универсальности поговорок как оценочных языковых моделей интерпретации знаний о мире. Категория отрицания в исследованных паремиях выступает в качестве когнитивной схемы, выделяющей конкретные характеристики любви и дружбы, и способствует структурированию соответствующих концептов в русской и китайской лингвокультурах.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Ковинова М.Л. К вопросу о культурной референции поговорок (на материале русских поговорок с образами одежды) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 3. С. 67-93.

温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011. (*Вэнь Дуаньчжэн*. Словарь китайских поговорок. Шанхай: Шанхайское лексикографическое изд-во, 2011.)

Su Jiayan (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE CATEGORY OF NEGATION IN RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS ABOUT LOVE AND FRIENDSHIP: A CONCEPTUAL-CATEGORY ANALYSIS

The paper, based on the study of Russian and Chinese proverbs, reveals the functional specificity of the category of negation as a cognitive scheme for representing collective knowledge about love and friendship. The main focus is on discussing such conceptual characteristics of negation as absence, inconsistency, and negative assessment.

Key words: paremiological units, interpretive function, cognitive scheme, conceptual characteristics

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ В ОБЛАСТИ НАУК ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Реализация антропоморфной метафоры искусственного интеллекта в научных текстах в силу ее эвристического потенциала приобретает особый исследовательский интерес в контексте цифровой трансформации образования. В настоящей статье представлен качественный анализ шести концептуальных метафор, реализующих антропоморфную метафору искусственного интеллекта в текстах научных статей в области наук об образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, теория концептуальной метафоры, антропоморфная метафора, антропоморфная метафора искусственного интеллекта, цифровая трансформация образования

Роль метафоры в науке огромна, поскольку научная метафора позволяет говорящему формулировать свое открытие, а слушающему – выстраивать стратегии интерпретации исследуемого явления [Алексеева 1999: 13]. Метафора, лежащая в основе термина «искусственный интеллект», не является исключением. Поскольку интеллект изначально свойствен человеку, данную метафору можно считать антропоморфной. В контексте определения метафоры как интеграции концептов антропоморфная метафора представляет собой пересечение целевой понятийной области с понятийной областью ЧЕЛОВЕК. Когнитивный потенциал антропоморфной метафоры, тем самым, заключается в конструировании исследуемого понятия путем перенесения свойств человека.

Поскольку в рамках цифровой трансформации образования особую значимость приобретает интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс, с точки зрения когнитивной метафорологии важно исследовать, как реализуется антропоморфная метафора искусственного интеллекта в данном контексте, поскольку она может во многом направлять научный поиск. В исследовании проведен качественный анализ антропоморфных метафор искусственного интеллекта, репрезентированных в корпусе, включающем 100 контекстов, отобранных из текстов научных статей рубрики «Науки об образовании», вышедших в 2023 г. Контексты отбирались с помощью поиска по ключевым словам с последующим применением метода идентификации метафоры MIPVU [Steen et al. 2010]; далее привлекался метод пятишагового анализа метафоры [Steen 2009].

В ходе исследования было выявлено несколько реализаций антропоморфной метафоры искусственного интеллекта.

Во-первых, дидактический потенциал технологий искусственного интеллекта часто обсуждается с позиции или отсутствия каких-либо способностей. На текстовом уровне персонификация проявляется в употреблении лексических единиц *способность, (не)способен, (не) уметь, (не) мочь, справиться, (не) в состоянии.*

Систематизируя антропоморфные метафоры этой категории, можно отметить, что искусственный интеллект рассматривается в контексте:

а) мыслительных способностей, а именно способностей *осуществлять/проводить аналитическую работу, проводить анализ данных, принимать/предлагать решения, выстраивать логику, приходить к выводу*; алгоритмы характеризуются как «умные», однако знания – как *ограниченные*;

б) коммуникативных способностей, а именно способностей *вести коммуникацию, взаимодействовать с собеседником, отвечать на вопросы, составить вопросы, переходить к обсуждению других тем, делать заявления, оспаривать, отклонять, упоминать, объяснять простым языком* и др.;

в) мнемических способностей, а именно способностей *запоминать* и *забыть*, наличия *памяти*;

г) имажинативных способностей, а именно умения *придумывать, фантазировать, создавать осмысленные тексты, демонстрировать оригинальность*, наличия *фантазии*.

Значимым для обсуждения дидактического потенциала инструментов искусственного интеллекта оказывается и отсутствие каких-либо способностей, например: «*ИИ бессилён выйти за пределы шаблона, превзойти самого себя*» [Кравцова 2023: 35]; «*ChatGPT, по крайней мере на современном этапе, не способен адаптировать и изменять лексико-грамматическую и семантическую сторону высказывания под уровень владения пользователем языком*» [Сысоев, Филатов 2023: 296].

Таким образом, одной из широко репрезентированных реализаций антропоморфной метафоры искусственного интеллекта является метафора ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.

Во-вторых, в силу тематики научных текстов, ставших источником материала, в исследуемых контекстах искусственный интеллект часто концептуализируется как субъект образовательного процесса:

а) преподаватель: *направляет процессы обучения; может выбрать стратегию; способен разработать сценарий, адаптироваться к потребностям отдельных учащихся, выставлять оценки; даёт/предоставляет обратную связь*.

б) студент: *обучаются, обучение, способность к автономному обучению, результаты «совместной» с ИИ работы*; данная метафора представлена, например, в следующем контексте: «*Алгоритмы искусственного интеллекта адаптируются и углубляют «свои знания» в рамках решения одной задачи*» [Алейникова 2023: 11].

В данном случае целевые термины сочетаются с глаголами, называющими специфические действия – профессиональные задачи – педагога, а также типичные виды работы, выполняемые студентами в процессе обучения. Если метафора ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СТУДЕНТ в большей мере объясняет специфику самих технологий, то метафора ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ призвана осмыслить роли, которые искусственный интеллект может получить в процессе цифровой трансформации образования. Вы-

ражаясь метафорически, во многих случаях речь также идет о способностях искусственного интеллекта, но акцент смещается на выполнение искусственным интеллектом определенных трудовых функций, которые ранее выполнял исключительно человек. Таким образом, реализуется концептуальная метафора ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ТРУДОВЫЕ ФУНКЦИИ (ПЕДАГОГИЧЕСКОГО) РАБОТНИКА.

С точки зрения цифровой дидактики в таких контекстах ставятся вопросы не о замене педагога-человека, а о месте искусственного интеллекта в цепочке преподаватель – обучающийся [Алейникова 2023: 10] и функционировании искусственного интеллекта как помощника для всех субъектов образовательного процесса от обучающихся до менеджеров образовательных учреждений: «*ИИ может серьезно помочь всем субъектам образовательного процесса и, прежде всего, самим обучающимся*» [Фурс 2023: 44], ChatGPT может стать «*мощным помощником в руках компетентного студента или исследователя*» [Сысоев, Филатов 2023: 281].

Отметим также, что отдельным аспектом персонификации искусственного интеллекта в контексте трудовой деятельности является представление его в качестве наемного работника. Концептуальная метафора ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ РЫНКА ТРУДА (НАЕМНЫЙ РАБОТНИК) на текстовом уровне проявляется в употреблении словосочетаний *составить конкуренцию, конкурировать друг с другом*. Метафора репрезентирована, например, в контексте «*Невозможно в настоящее время отказаться от технологий искусственного интеллекта, скорее нейросети будут конкурировать друг с другом*» [Агальцова, Валькова 2023: 7].

Наконец, отдельного внимания заслуживает концептуализация взаимодействия пользователя и искусственного интеллекта. Такое взаимодействие зачастую описывается по аналогии с выстраиванием отношений между людьми в категориях взаимопонимания, сотрудничества и доверия: искусственный интеллект и пользователь именуются *субъектами взаимодействия*, между которыми *происходит устойчивое сотрудничество, личное взаимодействие*; используются словосочетания *понять друг друга, доверять искусственному интеллекту, осуществлять взаимодействие с искусственным интеллектом*. Область-источник концептуальной метафоры в данном случае варьируется в диапазоне от ПАРТНЕР до ДРУГ в зависимости от характера взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в контексте дискуссии о цифровой трансформации образования антропоморфная метафора искусственного интеллекта имеет множество реализаций, среди которых ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ТРУДОВЫЕ ФУНКЦИИ (ПЕДАГОГИЧЕСКОГО) РАБОТНИКА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СТУДЕНТ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ РЫНКА ТРУДА (НАЕМНЫЙ РАБОТНИК), ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПАРТНЕР / ДРУГ. Данные концептуальные метафоры демонстрируют, что научный поиск

в области интеграции искусственного интеллекта в образовательный процесс, действительно, во многом направлен антропоморфной метафорой искусственного интеллекта, которая представляет его как потенциально мощного и надежного помощника, чье присутствие пока не однозначно, а возможности ограничены, но уже довольно широки и постоянно увеличиваются.

Литература

- Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е.* Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 5-7.
- Алейникова Д.В.* Проблемное поле искусственного интеллекта в образовательной сфере // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 1 (846). С. 9-12.
- Алексеева Л.М.* Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 1999.
- Кравцова А.Г.* ChatGPT-3: перспективы использования в обучении иностранному языку // МНКО. 2023. № 3 (100). С. 33-35.
- Сысоев П.В., Филатов Е.М.* ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки 2023. Т. 28. № 2. С. 276-301.
- Фурс С.П.* Искусственный интеллект в сфере образования – помощник педагога или «подрывная» технология? // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Ч. 1. С. 40-49.
- Steen G.J.* From linguistic form to conceptual structure in five steps: analyzing metaphor in poetry // *Cognitive poetics* / ed. by G. Bröne, J. Vandaele. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 197-226.
- Steen G.J., Dorst A.G., Kaal A.A., Herrmann J.B., Krennmayr T.* A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010.

Mariia V. Suvorova (Perm, Russia)
Perm State National Research University

ANTHROPOMORPHIC METAPHORS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN RESEARCH PAPERS ON EDUCATION

Research into anthropomorphic metaphors in academic texts is becoming increasingly relevant due to their heuristic potential. This paper presents a qualitative analysis of six conceptual metaphors which represent the general anthropomorphic metaphor of artificial intelligence in research papers on education.

Key words: artificial intelligence, conceptual metaphor theory, anthropomorphic metaphor, anthropomorphic metaphor of artificial intelligence, digitalization of education

Vladimir I. Suslov (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
v.i.suslov@mail.ru

ON THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF “BRITISH IDENTITY” (BASED ON MATERIALS FROM “THE GUARDIAN”)

The purpose of this study is to investigate how the conceptual framework of BRITISH IDENTITY is portrayed in political discourse as well as how it adapts to the author's demands in contemporary

British media. To be more precise, how it evolves to respond to meet the demands of UK politicians in order successfully accomplish particular objectives, while simultaneously taking into consideration the specific activity of those pertinent linguistic units in the articles of the most renowned British newspaper, “The Guardian”, with a focus on the execution of evaluative features at the level of language. The findings of the research reveal that the content specificity of the concept of BRITISH IDENTITY, which acts as a political and cultural notion in some circumstances, evokes equivocal perceptions and judgements in various ideological contexts, particularly in the political media.

Key words: linguoculturology, linguoconceptology, concept, English language, British identity, mass media

The conceptual structure of British identity has adapted over time to the needs and demands of writers in the British mass media. This adaptation can be understood through the lens of cognitive linguistics, the study of how language and thought interact [Вишнякова, Липгарт 74-77]. As media outlets compete for the attention of their audiences, they often resort to using culturally salient concepts that resonate with their readership. In the case of the British mass media, the concept of BRITISH IDENTITY has been reinterpreted and modified to suit different agendas.

A key aspect of this adaptation is the use of framing. Framing refers to the way information is presented, emphasising certain aspects while downplaying others. For example, The Guardian, a British newspaper founded in 1821, often explores the concept of British identity in its news coverage, opinion pieces and cultural analysis. The newspaper frequently explores the ways in which British identity is constructed, maintained and contested, both domestically and internationally. It draws on a range of disciplinary perspectives, including sociology, history, anthropology and political science. For instance, a right-wing newspaper might emphasize traditional British values such as patriotism and respect for authority, while a left-wing publication might focus on multiculturalism and social cohesion [Вишнякова и др. 2019: 21-31]. This framing allows media outlets to appeal to their core audience and shape public perception of what it means to be British.

Another adaptation mechanism is the use of metaphor. Metaphors are powerful tools for conveying complex ideas in simple terms. British identity has been described using various metaphors over time, such as the “mother country”, the “national family”, or the “cultural landscape”. These metaphors help authors evoke emotional responses from their readers and create a shared understanding of what it means to be British. However, the choice of metaphor can also be strategic, as different metaphors may evoke different emotions or values depending on the context [Гвишиани 2019].

Finally, the concept of BRITISH IDENTITY has also been adapted through the use of narratives. Narratives are stories that help people make sense of their experiences and identity. In the case of British mass media, narratives about British identity often revolve around key historical events, such as the Battle of Britain or the Suez Crisis [Black, 2006, October 6]. These narratives serve to reinforce certain aspects of British identity and create a sense of shared history and belonging. However, they can also be used to divide people, as different groups may interpret these events in different ways.

One common lens through which “The Guardian” examines British identity is the concept of NATIONALISM. The newspaper often interrogates the nature of British nationalism, questioning whether it is inherently inclusive or exclusive, patriotic or

xenophobic. For example, in the aftermath of the Brexit referendum in 2016, The Guardian published a series of articles discussing the rise of far-right nationalism in the UK and its implications for British identity [Thomas, 2023, February 21]. These articles highlighted the tensions between traditional notions of Britishness and the increasingly populist, anti-immigrant rhetoric that had come to characterize certain strains of British nationalism.

Another important aspect of British identity that The Guardian frequently addresses is the role of history and cultural heritage. The newspaper often publishes articles about the commemoration of significant historical events, such as World War II or the Scottish Wars of Independence, and the ways in which these events shape contemporary British identity. For instance, in the article following the unveiling of a statue of suffragette leader Millicent Fawcett in Parliament Square [Topping, 2018, April 18], The Guardian discussed the importance of recognizing the contributions of women to British history and the ongoing struggle for gender equality.

The Guardian also explores the impact of globalization and migration on British identity. The newspaper regularly covers issues related to immigration policy, multiculturalism, and integration, examining how these forces are transforming the traditional concept of BRITISHNESS. For example, in the article about the decline of the “British breakfast” in British cafes [Derry, 2013, October 31], The Guardian explored the ways in which cultural diversity is reshaping British culinary traditions and, by extension, the nation’s sense of identity.

Finally, The Guardian frequently engages with the question of Scottish independence and its implications for the broader British identity. The newspaper reports on political developments in Scotland, as well as cultural and social debates surrounding Scottish nationalism, providing a nuanced analysis of the complex relationships between Scotland, England, Wales, and Northern Ireland. In doing so, The Guardian challenges readers to consider the ways in which the United Kingdom’s identity as a nation-state might evolve in the face of increasing regional autonomy movements.

In conclusion, “The Guardian” employs a multidisciplinary approach to analyzing the concept of BRITISH IDENTITY, drawing on sociological, historical, anthropological, and political perspectives. The newspaper frequently engages with issues related to nationalism, cultural heritage, globalization, migration, and regional identity, offering readers a thoughtful and nuanced understanding of the complexities underlying the British identity. Thus, the conceptual structure of the BRITISH IDENTITY has been adapting to the needs and demands of authors in British mass media. As media landscapes continue to evolve, it is likely that the concept of BRITISH IDENTITY will continue to adapt and be reinterpreted to suit changing social, political, and cultural contexts.

Литература

Вишнякова Е.А., Вишнякова О.Д., Доброрадных Т.А. Актуализация языкового потенциала как способ решения эвристических задач в англоязычном дискурсе СМИ // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. 3 (27). С. 21-31.

Вишнякова О.Д., Лунгарт А.А. Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 74-77.

Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Alexandra Topping (2018, April 18). First statue of a woman in Parliament Square unveiled. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/apr/24/first-statue-of-a-woman-in-parliament-square-millicent-fawcett>.

Ian Black (2006, October 31). A painful lesson in diplomacy. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/oct/31/worlddispatch.egypt>.

Johanna Derry (2013, October, 31). Jam in crisis? The end of the British breakfast as we know it? ... Not likely. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/wordof-mouth/2013/oct/31/jam-end-british-breakfast-sugar-content>.

Tobi Thomas (2023, February 21). Government has failed to address UK's far-right threat, says open letter. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2023/feb/21/uk-far-right-threat-open-letter>.

В.И. Сулов (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «THE BRITISH IDENTITY» (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «THE GUARDIAN»)

Цель исследования – изучить, как концептуальная структура БРИТАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ представлена в политическом дискурсе и как она подстраивается под требования автора в современных британских СМИ, в частности, как она трансформируется в ответ на запросы британских политических деятелей для успешного достижения конкретных целей, учитывая при этом специфику функционирования соответствующих языковых единиц в статьях наиболее известной британской газеты «The Guardian» с акцентом на выполнение оценочных функций на уровне языка. Результаты исследования показывают, что содержательная специфика концепта БРИТАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, выступающего в некоторых обстоятельствах как политическое и культурное понятие, вызывает неоднозначное восприятие и оценку в различных идеологических контекстах, особенно в политическом дискурсе СМИ.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоконцептология, концепт, английский язык, британская идентичность, средства массовой информации

А.Б. Теплякова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
teplyakova.anastasia@lecturer.msu.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ РОССИЙСКО- УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА НА ФОНЕ СНИЖЕНИЯ ВНИМАНИЯ К НЕМУ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В статье рассматривается репрезентация российско-украинского конфликта как события в динамике с точки зрения когнитивной лингвистики. Концепты и категории, выраженные в метафорических заголовках онлайн-статей, формируют мнение читателя о снизившейся степени важности конфликта и отражают снижение внимания к нему в англоязычных СМИ.

Ключевые слова: категоризация, концептуализация, концептуальная метафора, медийный дискурс

Сегодня когнитивная наука признает концептуализацию и категоризацию основными понятиями в исследовании познания и в репрезентации знания о событиях, происходящих в меняющемся мире. Вслед за Н.Н. Болдыревым мы понимаем концептуализацию как умственное конструирование явлений, результатом которого становятся некие фиксированные в сознании представления об

окружающем мире, или концепты, а категоризацию – как разграничение явлений на определенные группы и включение объекта или события в концептуальную категорию [Болдырев 2021]. Е.С. Кубрякова считает категоризацию основным способом упорядочить воспринимаемую информацию об окружающем мире и систематизировать наблюдаемое [Кубрякова 2004].

Роль медиатекстов в создании целостной и упорядоченной информационной картины мира велика. С позиций когнитивной науки медиалингвистика изучает, каким образом профилируемые в медийном тексте концепты и категории репрезентируют событие. Это имеет первостепенное значение в исследовании насыщенных смыслом заголовков статей, лишь на основе просмотра которых сегодня зачастую формируется мнение реципиента о текущих реалиях. Система связанных собой концептуальных проецирований способствует генерации манипулятивных смыслов в дискурсе [Заботкина 2023]. В.З. Демьянков отмечает, что объективность сообщения о некотором событии в СМИ зависит от интерпретации текста и описывает «антиреалистический» когнитивный подход к объяснению событий, признающий, что события создаются текстом и интерпретацией текста и вовсе не существуют вне речи [Демьянков 2017: 25]. Профилируемые в заголовках концепты способны манипулировать смыслом, вложенным в текст, и задавать необходимый автору текста способ интерпретации события.

Работа представляет собой продолжение лингвокогнитивного исследования концептуальной метафоры в заголовках англоязычных статей, целью использования которой является конструирование образа российско-украинского военного конфликта и образов стран-участниц. Предыдущие исследования метафоризации в динамике конфликта показали, что по мере развития военных действий метафоры становятся более конкретными, военные метафоры уступают место экономическим, происходит смещение метафорического фокуса с российско-украинского конфликта на российско-американское противостояние и постепенный переход от стремления создать негативный образ России посредством концептуальных метафор к концентрации на союзнических отношениях России [Теплякова 2022; Терлуакова 2022; Теплякова 2023а; Теплякова 2023б; Теплякова 2023в]. Предметом исследования является анализ концептуальных метафор и категоризации российско-украинского конфликта в период с 7 октября 2023 г. по 8 января 2024 г., когда внимание мировых СМИ переключилось на военный конфликт между Палестиной и Израилем, на материале заголовков исследуемых ранее цифровых версий газет *The New York Times* и *The Washington Post*. Этот период охарактеризован исчезновением статей, посвященных российско-украинскому конфликту, с первых полос газет. Целью работы является изучение изменения концептуальных метафор в заголовках статей по мере уменьшения фокуса СМИ на событии.

Военный конфликт относится к категории значимых событий, что подтверждается выводами предыдущих исследований, например, преобладанием структурных метафор **РОССИЯ – ЭТО УГРОЗА**, **РОССИЯ – ЭТО ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ** и онтологической метафоры **РОССИЯ – ЭТО ВРАГ**, **РОССИЯ – ЭТО СИЛЬНЫЙ ПРОТИВНИК** в заголовках начального периода развития конфликта

[Теплякова 2023а; Теплякова 2023б]. Одним из наиболее показательных примеров изменения реалий и уменьшения актуальности российско-украинского конфликта для мировых СМИ является заголовок статьи от 12 октября 2023 г. *As World's Eyes Shift, Ukraine and Russia Look to Sway Opinions*, где на первый план выходит концепт видимости и профилируется онтологическая метафора МИР – ЭТО НАБЛЮДАТЕЛЬ СОБЫТИЯ. Эта метафора акцентирует «роль наблюдателя, без которого концептуализация события теряет свою событийность» [Заботкина, Позднякова 2017: 11]. Таким образом, поскольку теперь взгляд мирового сообщества направлен в другую сторону, противостояние России и Украины представлено как теряющее значимость и переходящее в категорию незначимых событий.

В заголовках статей, выпущенных в период ослабления внимания к российско-украинскому конфликту, профилируются два концепта – ВИДИМОСТЬ и УХОД НА ВТОРОЙ ПЛАН. Оба концепта отражают чувственный опыт человека, в частности, способность видеть, двигаться и умение визуально оценивать отдаленность предмета. Н.Н. Болдырев выделяет способ формирования концептов на базе чувственного опыта как один из основных способов обыденного познания [Болдырев 2021]. Следует отметить взаимосвязь этих концептов с пониманием важности объекта или события: обычно те объекты, которые находятся на переднем плане и хорошо различимы, имеют для человека большее значение, чем те объекты, которые находятся вне поля зрения. Особый интерес представляет собой заголовок *The Invisible War in Ukraine Being Fought Over Radio Waves*, в котором на первый план выходит концепт ВИДИМОСТЬ. Прилагательное «невидимый», с одной стороны, раскрывает тему статьи (электронное оружие), а с другой стороны, акцентирует изменение характера военных действий в сторону их увеличивающейся незаметности именно сегодня, что подчеркивается продолженной глагольной формой ('(is) being fought'). Заголовок становится многозначным (радиоэлектронная борьба и война, которую никто (уже) не видит) благодаря концепту ВИДИМОСТЬ и концептуальной метафоре МИР – ЭТО НАБЛЮДАТЕЛЬ СОБЫТИЯ. Заголовок *David Cameron Visits Kyiv Aiming to Show That U.K. Hasn't Forgotten Ukraine* одновременно выводит на первый план концепт ВИДИМОСТЬ за счет использования глагола «показывать», подчеркивая важность создания видимости интереса стран-союзников украинской стороны к конфликту, и при этом выделяет концепт ухода конфликта на второй план с помощью глагола «забывать». Здесь также профилируется онтологическая метафора МИР – ЭТО НАБЛЮДАТЕЛЬ СОБЫТИЯ, которая дополняется идеей снижения важности события за счет использования указанных выше глаголов. Концепт ухода на второй план ярко выражен в заголовке статьи от 5 января 2024 г. *The War in Ukraine Will Not Just Go Away*, в котором конвенциональная онтологическая метафора ВОЙНА – ЭТО СУЩНОСТЬ представлена как уходящее существо.

Концепт ухода события на второй план в создаваемом журналистами информационном пространстве непосредственно связан с растущим количеством заголовков, в которых профилируются онтологические метафоры УКРАИНА –

ЭТО НЕУВЕРЕННЫЙ УЧАСТНИК КОНФЛИКТА и РОССИЯ – ЭТО УВЕРЕННЫЙ УЧАСТНИК КОНФЛИКТА. Первая метафора реализуется по большей части в использовании лексики, связанной с обеспокоенностью и страхом (например, в заголовках *Ukraine Worries That Prolonged War in Gaza May Dilute Global Support; Political Frictions Unsettle Ukraine as It Seeks More Military Support*), вторая – в лексическом поле, в котором преобладают языковые единицы, выражающие уверенность (*Confident Putin Suggests He Has Winning Hand in Ukraine; As Russia Gains Confidence, a New Urgency Grips Ukraine; Biden Says Russia is Celebrating U.S. Divisions Over Providing Aid to Ukraine*). Таким образом концептуальные метафоры, используемые в период уменьшения внимания к событию, реализуют постепенное изменение оценивания ситуации от уверенности в победе украинской стороны к растущему позиционированию российской стороны как возможного победителя и способствуют потенциальной интерпретации исхода конфликта, отличающейся от представления, создаваемого концептуальными метафорами начального периода военных действий.

Проведенный анализ показывает, что в реалиях меняющегося мира, в котором развиваются одновременно несколько военно-политических конфликтов и противостояния разных стран периодически выходят на первый план, когнитивные процессы концептуализации, отражающей существенные признаки явления, и категоризации, обобщающей явления, помогают структурировать знания о происходящем и способствуют формированию понимания реципиентом ситуации. Отнесение события к категории значимых или незначимых осуществляется за счет использования концептуальной метафоры МИР – ЭТО НАБЛЮДАТЕЛЬ СОБЫТИЯ, онтологических метафор, характеризующих участников конфликта, и концептов ВИДИМОСТЬ и УХОД НА ВТОРОЙ ПЛАН, основанных на чувственном опыте человека. Концепты и категории, выраженные в метафорических заголовках, вторят изменению фокуса западных СМИ и показывают, что сегодня западные журналисты воспринимают степень важности российско-украинского конфликта как снизившуюся. Концептуальные метафоры задают оценку участникам конфликта и подчеркивают первостепенную роль наблюдателя конфликта, который теперь видит военное противостояние России и Украины как теряющее актуальность. Концептуализация и категоризация позволяет определенным образом интерпретировать текущую ситуацию, формировать мнение читателя о событии, манипулировать восприятием и преобразовывать реальность.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов. Изд. дом «Державинский», 2021.
- Демьянков В.З. Событие как предмет гуманитарных наук // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук: коллективная монография / отв. ред. В.И. Заботкина. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 21-27.
- Заботкина В.И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 40-44.
- Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Предисловие // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук: коллективная монография / отв. ред. В.И. Заботкина. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 7-17.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Теплякова А.Б. Метафоризация как лингвомедийный способ конструирования образа России в зарубежном медиадискурсе // Медиалингвистика. 2022. № 9. Язык в координатах массмедиа. С. 609-613.

Теплякова А.Б. Конструирование образа России в контексте оппозиции войны и мира (на материале англоязычных статей) // Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023а. С. 103-106.

Теплякова А.Б. Манипулятивное воздействие в заголовках англоязычных статей: концептуально-таксономический анализ метафоры при создании образа России // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2023б. С. 89-92.

Теплякова А.Б. Метафоризация в освещении межнациональных конфликтов // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия. М.: МГУ, 2023в. С. 554-556.

Teplyakova A.B. Metaphorization in the Coverage of Russian-Ukrainian Conflict (Based on the Headlines of The New York Times) // We Teach – We Touch the Future! Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2022. С. 325-330.

Anastasia B. Teplyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT AT A TIME WHEN ATTENTION TO THE CONFLICT IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA IS DECREASING

The article examines the representation of the Russian-Ukrainian conflict as a dynamic event from the point of view of cognitive linguistics. The concepts and categories expressed in the metaphorical headlines of online articles form the reader's opinion about the decreased importance of the conflict and reflect lower attention to the hostilities in the English-language media today.

Key words: categorization, conceptual metaphor, conceptualization, media discourse

О.А. Турбина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
turbina371@mail.ru

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ

В предлагаемой читателю статье автор обращается к рассмотрению когнитивно-семиотических процессов, подчиненных принципу системности и охватывающих всю систему рече-языковой деятельности. В статье показано, что языковой и речевой семиозис подчинены общим для всей системы концептуализации, категоризации, виртуализации и речевого развертывания закономерностям лингвосемиозиса.

Ключевые слова: система языка, когнитивная деятельность, когнитивно-семиотические процессы

Основу современных когнитивно-семиотических исследований определяет принцип системности, предполагающий опору на тот факт, что речемыслительные процессы состоят в непосредственной интегративной связи с фундаментальными явлениями и процессами в системе языка. Это означает, что система речи и рече-

вой семиозис подчинены общим принципам структуры и функционирования системы языка и лингвосемиозиса, охватывающим всю систему концептуализации, категоризации, виртуализации и речевого развертывания (актуализации, вербализации). Еще более широкий охват лингвокогнитивной реальности, представляющей собой естественную информационно-кибернетическую систему, оперирующей центром которой является воспринимающий, интерпретирующий, созидающий и кодирующий информация человек [Турбина 2023: 66], подводит к идее системности мироустройства, к пониманию того, что несмотря на видимые различия все в мире обустроено по единым принципам, подчиненным общему порядку. Вдумаясь в тот факт, что все объекты – предметы, и существа внешнего мира – различаются по многим параметрам: форме, цвету, консистенции, температуре, плотности, материалу, из которого состоят и т. д. Это есть их видимость. Такими они нам кажутся. Но данные науки говорят нам о том, что все объекты, предметы и существа состоят из молекул, а те в свою очередь – из атомов, причем из одних и тех же атомов. Главное в том, что принципы организации атомов и молекул в сложные структуры и организмы едины и подчиняются строгим закономерностям. Эти принципы и закономерности, по логике системного порядка, должны быть действительны и для более тонких материй, каковой является человеческий разум и духовный мир человека.

Язык является неотъемлемой частью человеческого мира и, следовательно, общего универсума. Как основной способ, причина и условие существования разума и разумной деятельности в целом, он, несомненно, тоже подчинен общему миропорядку. В этом и состоит его сущность. Язык (= система языка) – это периферическая система фиксации мыслимого [Гийом 1992: 11]. Иными словами, система языка – это важная составная часть, подсистема в системе сознания, и в силу этого она как подсистема должна воспроизводить в своей структуре общие принципы устройства всей системы: «Наука основана на интуитивном понимании того, что видимый мир говорит о скрытых вещах, которые он отражает, но на которые не похож. Интуиция подсказывает: в *кажущемся* беспорядке языковых фактов скрыт таинственный и удивительный порядок, – это слово не мое, оно принадлежит великому Мейе: “Язык образует систему, где все взаимосвязано и подчинено плану удивительной строгости”» [Гийом 1992: 7]. Согласимся с известным французским лингвистом XX в. Г. Гийомом в том, что углубленное знание, т. е. понимание языка является высшей степенью понимания того, как в человеческом сознании интерпретируется внешний мир, в том числе и в результате бессознательных когнитивных процессов. Р. Декарт называл эти процессы интуитивными [Декарт 1989: 371], а И. Кант – априорными [Kant 1904: 53; 58]. Именно эти закодированные в языке знания о мире хотел расшифровать в свое время методом математического исчисления Г. В. Лейбниц [Лейбниц 1983: 427].

Сегодня в лингвистической семиологии различают лингвосемиотику языка, и лингвосемиотику речи [Сыроваткин 1978: 25], подчиняющиеся системной организации рече-языковой деятельности и состоящие в отношениях взаимозависимости. К сожалению, до сих пор этот факт далеко не всегда принимается во внимание и учитывается исследователями. Однако различие между языковым и

речевым семиозисом принципиально и существенно. Языковой семиозис включает механизмы генезиса знаков в системе языка, обусловленные, с одной стороны, когнитивными процессами, т. е. результатом познания универсума носителями языка, включая внутренний универсум, и результатом их использования в речи – с другой. Речевой семиозис определяется закономерностями употребления знаков языка в речи, подчиненными принципу речевой реализации системно-языкового потенциала знаков языка [Турбина 2018: 22]. Языковой семиозис, будучи актом виртуализации (концептуализации, категоризации, номинации), представляет собой акт кодирования смысла (смыслов) и формирование значения (значений) на его (их) основе. Речевой семиозис – актуализация – это акт использования языковых форм и значений в речи для выражения и передачи смысла. Заметим, что значение языковых знаков в системе языка достигнуто полностью, тогда как их контекстное значение остается до конца не достигнутым, но составляет объем потенциала языковой единицы, который активизируется в речевой деятельности и используется при актуализации нужных значений для выражения определенного смысла. Таким образом, роль языка в системе речемыслительной деятельности и в речевом семиозисе состоит в представлении для единиц речи большего или меньшего выбора контекстных значений на основе имеющихся в системе значений языковых единиц.

Отношения между знаками языка и знаками речи динамичны и продуктивны: системный потенциал знака языка и дискурсивный потенциал знака речи состоят в отношениях взаимозависимости, развивая друг друга в процессе речевой деятельности. Следовательно, при наблюдении за речевым актом и речевыми формами никогда не следует отвлекаться от основного объекта – языка, ибо все, что происходит в речи, определяется проблемами, поставленными языком, поскольку порождение речевого знака (речевой семиозис) инициируется выбором из совокупности системно-языковых значений и форм необходимых в конкретном речевом акте для успешной реализации коммуникативных целей и/или полноценного выражения информации. Речевой потенциал знака речи реализуется в том, что его дискурсивное значение может достигать значительного объема в случае наполнения десигната контекстными коннотациями, провоцирующими семантические приращения, сдвиги и трансформации (импликатуры, намеки и т. п.), особенно при использовании речевого знака в качестве символа, когда пределы глубины и широты передаваемого им смысла (смыслов) сложно или даже невозможно определить.

Иными словами, при наблюдении за механизмами речевой актуализации знаков языка и изучая речь, мы отдаем себе в этом отчет или нет, изучаем язык, его систему и тем самым, шире, – систему рече-языковой деятельности, или еще шире — систему речемыслительной (лингвокогнитивной) деятельности. Если же мы наблюдаем за речевыми явлениями без учета их связи с явлениями языка, это будут наблюдения за кажущейся действительностью. Важно понимать, что если в речи мы встречаем факт нетрадиционной, ненормативной и даже, на первый взгляд, противоречащей системе актуализации единицы языка, это означает, что сама возможность такой актуализации заложена в доселе скрытом потенциале

данной единицы. И если мы не можем объяснить механизм подобной актуализации, значит системный потенциал данной единицы еще недостаточно изучен: «Для того, кто замечает в языке только его видимые составляющие, попавшие под прямое наблюдение, системы не существует. Если лингвист является только сторонником непосредственного наблюдения, твердо решившим свести наблюдение к констатации, заботливо стараясь ни в коем случае не подменить непосредственное наблюдение видением уровня понимания, то он, вероятно, был бы доволен наблюдаемой и своеобразной широтой, тем, что язык – это огромный беспорядок, огромная бессистемность, где мысль теряется безвозвратно» [Гийом 1992: 44].

Обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Когнитивно-семиотические процессы определяют присущее системе языка свойство динамичности. Если в физическом мире отношение между наблюдаемыми частными фактами и обуславливающими их скрытыми общими фактами остается стабильным, постоянным вне зависимости от того, раскрыто оно или нет, то в языке в силу процессов, охватывающих всю систему рече-языковой деятельности, одно и то же отношение пребывает в постоянном обновлении. Поэтому система языка объективно представляет собой непостоянное, изменчивое явление, что требует рассмотрения сегодняшних явлений с учетом их вчерашнего состояния и тенденций его преобразования в будущем. Однако это не противоречит принципу системности когнитивно-семиотических процессов, равно как и принципу их связи с закономерностями развития и эволюции человечества. Таким образом, системный подход к изучению когнитивно-семиотических процессов и речемыслительной деятельности предполагает рассмотрение системы языка как составной части человеческого сознания и лингвокогнитивной деятельности в целом.

Литература

- Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1989.
Лейбниц В. Сочинения. М.: Мысль, 1982/1989.
Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1978.
Турбина О.А. Семиозис эмогенного текста // Эмогенный текст / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. С. 7-83.
Турбина О.А. Лингвокогнитивная реальность: лингвосомиотика и психосомиология // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 63-66.
Kant I. Kants Werke. Kants gesammelte Schriften. Berlin: G. Reimer, 1904.

Olga A. Turbina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

COGNITIVE-SEMIOTIC PROCESSES: THE PRINCIPLE OF SYSTEMATICITY

In the article offered to the reader, the author turns to the consideration of cognitive-semiotic processes, that are subjected to the principle of systematicity and cover the entire system of speech-language activity. The article shows that semiosis of language and semiosis of speech are subject to the laws of linguosemiosis that are common to the entire system of conceptualization, categorization, virtualization and speech deployment.

Key words: language system, human cognitive activity, cognitive-semiotic processes

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «ЗУБР»)

Статья посвящена рассмотрению представления о человеке, номинируемом «зубр». Целью исследования является выявление соотношения лексико-семантических вариантов слова *зубр* в когнитивном аспекте. В результате анализа делается вывод о наличии концептуального синкретизма в представлении о человеке, характеризующемся метафорическим существительным *зубр*.

Ключевые слова: концептуальный синкретизм, существительное, лексико-семантический вариант, синкрет, дискурс, зубр

Под понятием «лексическое значение слова» подразумевается «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д.» [ЛЭС 1990: 261]. Как справедливо отмечает Г.Б. Бендетович, «нередко возникают ситуации, при которых значение слова в контексте невозможно определить однозначно – оно представляет собой совмещение двух или даже более лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ)» [Бендетович 2007: 303].

Мы придерживаемся мнения А.Ю. Зиновьевой, которая полагает, что «лексическая единица считается концептуально синкретичной, если она одновременно реализует два и более концептуального значения, которые не противоречат друг другу, и, таким образом, относятся к нескольким концептуальным классам» [Зиновьева 2023: 43].

Объектом работы является существительное *зубр*, номинирующее человека по признаку обладания знаниями, умениями и опытом. Цель исследования – выявление соотношения трех ЛСВ слова *зубр* и формирования с их помощью синкретичного представления о человеке в русском языковом сознании и различных типах дискурса. Материалом являются данные толковых словарей русского языка, контексты употребления слова из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и результаты анкетирования носителей русского языка.

Толковые словари русского языка определяют значение интересующего нас существительного применительно к человеку, как разговорное шутовое 'о крупном ценном специалисте' [МАС 1985, I: 624] или 'об опытном, ценном специалисте' [БТС 1998: 371]; [Толковый словарь 2006: 234]. Связь с прямым значением существительного в словарных дефинициях очевидна: *зубр* – 'крупный дикий горбатый лесной бык', это редкие и ценные животные.

Следует отметить, что слово *зубр* входит в лексический класс наименований людей «по обладанию знаниями, умениями и опытом» [Русский семантический словарь 2002, I: 90]. Следовательно, предположительно можно выделить 3 ЛСВ существительного *зубр* (о человеке): 1. 'человек, обладающий знаниями'; 2. 'человек, обладающий умениями'; 3. 'человек, имеющий опыт'.

Рассмотрим результаты анализа контекстов НКРЯ.

ЛСВ 'человек, обладающий знаниями' четко выделяется в тех случаях, когда в контекстах присутствует слово *знания*, например, «*Своими знаниями с новым поколением делятся зубры радиожурналистики*» (С трансляции концерта Собинова началась вековая история забайкальского радиовещания // Vesti.ru, 27.09.2013); «За это время вы превратитесь из школьника в *зубра академических знаний!*» (vk (14.11.2014)) [НКРЯ: URL].

ЛСВ 'человек, обладающий умениями' актуализируется в тех ситуациях, когда человек, называющийся зубром, умеет решать какие-л. проблемы, например, «Если бы там работали *«зубры»*, специалисты, *оперативно решающие вопросы*, то не нужно было бы создавать им особые условия» (А. Терентьев. Говорят участники собрания (2003) // «Пермский строитель», 22.10.2003); «Он должен был взять к себе лучших из лучших *юридических зубров, способных предупредить и отбить любой удар*» (Борис Межуев. И будет долго Черногория сниться... // Известия, 23.08.2013) [НКРЯ: URL].

ЛСВ 'человек, имеющий опыт' эксплицируется при наличии в контексте слов, обозначающих длинный период времени или прилагательного *опытный*. Например, «*Опытный «зубр»* из Израиля тоже белыми методично «перекатал» Алексея Дреева в 66 ходов» (Леонид Народицкий. Не все котам масленица. Наша команда впервые в истории проиграла шахматный матч сборной мира (2002) // «Известия», 11.09.2002); «Зовут его Василий Семенович Трегубец, он *зубр* еще тот: *около сорока лет* работы в органах» (Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)) [НКРЯ: URL].

Однако в большинстве случаев в одном контексте совмещаются два или три ЛСВ. Так, ЛСВ 'человек, обладающий знаниями' и ЛСВ 'человек, обладающий умениями' синкретично представлены в следующем примере: «Я выглядела неловким и сомневающимся учеником, ну, а Евгения, конечно же, выступала преподавателем, настоящим профессиональным *зубром*» («Моя коллега не может выйти из роли учителя» // Труд-7, 11.05.2010) [НКРЯ: URL].

Все три ЛСВ актуализируются в тех случаях, когда знающий и умеющий человек уже много лет работает в какой-л. сфере, например, «Виктор Суходрев *свыше 30 лет* был переводчиком первых лиц советского государства, за что его прозвали «английским голосом советских вождей». Он работал с Хрущевым, Брежневым, Горбачевым, Косыгиным и Громыко. По его собственному признанию, сложнее всего было переводить Хрущева, чья речь изобиловала шутками и поговорками. СМИ называли его «*зубром перевода*», «английским голосом советских вождей». С первыми лицами он работал на протяжении более 30 лет. Секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов говорил про него: С Виктором хорошо – что-то сморозишь, а он исправит» (Те, кто ушли // lenta.ru, 31.12.2014) [НКРЯ: URL].

Следует отметить, что выделенные нами 3 ЛСВ изучаемого слова сложно различимы по объективным причинам, так как умеющий человек обычно обладает и знаниями, и опытом. Семантический синкретизм существительного сохраняется и в идиоматических сочетаниях *зубр своего дела*, *зубр в своем деле*. Например, «Впервые в городе, абсолютно все коллеги – от *зубров своего дела* до начинающих зубриков – могут тренироваться плечом к плечу, так сказать, за идею нашего общего дела» (vk (18.02.2013)); «*В своем деле вы зубрами стали*, – проникновенно

декламировал главный областной финансист» (От «осколков советской власти» до «бомбы демократии» // Коммерсант, 24.03.2004) [НКРЯ: URL].

Существительное *зубр* преимущественно употребляется по отношению к пожилым людям, используется в контекстах, обозначающих знающих, умеющих и опытных пожилых людей, род занятий которых редко связан с физическим трудом. Прецедентным именем в русской лингвокультуре является название повести Даниила Гранина «Зубр». Слово в редких случаях может применяться к молодежи, когда молодые специалисты владеют навыками, техникой своего дела на высоком уровне: «Вот видите, *трое молодых парней* идут? Это *наши зубры*, лучшие ремонтники» (Евгений Анисимов. Почему рабочие на российском «Форде» готовы бастовать? // Комсомольская правда, 19.10.2005) [НКРЯ: URL].

Для верификации полученных в результате анализа словарей и контекстов употребления слова *зубр* данных было проведено анкетирование 55 носителей русского языка. В качестве информантов выступили филологи разного пола и возраста для получения наиболее точных результатов. В опросе приняли участие студенты и преподаватели-русисты. Испытуемым было дано задание определить один или несколько ЛСВ слова *зубр* в представленных предложениях. Была выявлена неоднозначность выделения значений изучаемого слова в одних и тех же предложениях в ответах информантов, большинство респондентов отмечали 2 или 3 ЛСВ данного слова в одном контексте.

Некоторые студенты в возрасте от 18 до 23 лет, независимо от гендерной принадлежности, ответили, что не знают существительного *зубр* в предложенных значениях, не употребляют его в собственной речи, иногда заменяют на слово *монстр*, выражая восхищение чьими-либо знаниями и умениями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метафора *зубр*, употребляемая применительно к человеку, обладает концептуальным синкретизмом. Составляющие ее ЛСВ «знающий», «умеющий», «опытный» по сути отсылают к разным концептуальным классам, но образуют семантический синкрет при формировании представления о характеризуемом этим существительным человеке. Существительное *зубр* широко используется в разных сферах деятельности, но преимущественно обозначает человека, занимающегося умственным трудом. В этом случае доминирующим становится значение «обладающий знаниями». Нужно отметить, что изучаемое слово в основном используется в художественных текстах и публицистике, в устной речи людей старшего и среднего возраста, и практически не употребляется в разговорной речи современных молодых людей.

Литература

- Бендетович Г.Б. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление // Стиль. 2007. № 6. С. 303-307.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
- Зинovieва А.Ю. Неоднозначность и синкретизм концептуальной структуры русскоязычного корпуса предметной области // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2023. № 2 (472). С. 38-46.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpора.ru>.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002.

Толковый словарь русского языка / под. ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: А-ТЕМП, 2006.

*Wu Manhua (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

CONCEPTUAL SYNCRETISM OF THE REPRESENTATION OF MAN (ON THE EXAMPLE OF THE NOUN “BISON”)

This article tested the representation of a person called “bison”. The purpose of the study is to identify the relation between lexical-semantic variants of the word *bison* in the cognitive aspect. The analysis made a conclusion about the presence of conceptual syncretism in the representation of a person, who is characterized by the metaphorical noun *bison*.

Key words: conceptual syncretism, noun, lexical-semantic variant, syncret, discourse, bison

*А.С. Уэсенцева (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
engurra@mail.ru*

ЭТНОМАРКИРОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» В РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АФОРИЗМАХ

Рассмотрение совместного употребления имен концептов СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ как членов концептуальной оппозиции в русских и американских народных и авторских афоризмах позволяют выделить их этноспецифические особенности, обусловленные ценностными установками русской и американской культур.

Ключевые слова: этнокультурная специфика концепта, концептуальная оппозиция, афоризм, эмоциональный интеллект

Реагируя на события окружающей действительности, человек испытывает целый спектр эмоций, контрастных по характеру и насыщенности. Необходимость понимать, интерпретировать и контролировать их обуславливают внимание ученых к взаимосвязи эмоций и когниции, и появлению в современной науке понятия эмоциональный интеллект (П. Саловей, Дж. Майер, Д. Гоулман, Д Карузо, Р. Бар-Он). Изначально изучаемая психологами, эта совокупность гибких навыков по распознанию и управлению эмоциями, направленная на обеспечение эффективной коммуникации, становится предметом интереса лингвистов-когнитологов, исследующих концепты эмоциональной сферы человека. Изучение содержания таких единиц ментального лексикона, часто отображающих целый эмоциональный кластер [Карасик 2021: 351], требует комплексного рассмотрения совокупности их элементов посредством анализа их языковых репрезентаций.

Объектом нашего исследования является концептуальная оппозиция СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ, отображающая в сознании целый комплекс смешанных чувств, в котором позитивные эмоции бывают неотделимы от негативных. Рас-

смотрение концептов на основе их оппозиции, отражающей способность человеческого мышления к сравнению, выявлению различий и установлению противоположности их признаков [Степанов, 2007: 20], позволяет более глубоко представить их сущность. Цель исследования состоит в выявлении этнокультурной специфики данной концептуальной оппозиции. Опираясь на постулат Золтана Ковечеша об этноспецифичности эмоционального опыта [Kovacs 2005: 35], сопоставим случаи совместного употребления языковых репрезентаций концептов СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ в русских и американских народных и авторских афоризмах и выделим их этномаркированные характеристики, которые, как мы предполагаем, обусловлены особенностями русской и американской культур.

Фонд русских пословиц и поговорок изобилует примерами, в которых имена концептов используются совместно. Так, антропоморфная метафора, наделяющая счастье и несчастье характеристиками человека, помещает их в один вид транспорта: *Счастье с несчастьем на одних санях ездят* или делает их соседями: *Счастье с несчастьем двор о двор живут*. В русской культуре постижение счастья часто происходит через опыт несчастья: *Не отведав горя, не познаешь и счастья*. Противопоставление счастья и несчастья и присутствие первого на основании отсутствия второго характерно для русского национального менталитета и обуславливает типичное культурное клише: *Нет горя – уже счастье*. В американских крылатых выражениях имена двух концептов также используются совместно: *When one searches for happiness, he remains tied to misery. The two are inseparable* (С. Pierce); при этом отмечается неразрывная связь этих двух состояний. Такие примеры часто эксплицируют типичную для американской культуры модель, когда человека сам определяет свою жизнь как счастливую или несчастливую, и его образ мыслей и отношение к происходящим событиям играют при этом ведущую роль: *Most people are about as happy as they make up their minds to be* (А. Lincoln). Достижение счастья или несчастья является про-активным выбором самого американца, требующим от него определенных действий: *Happiness, like unhappiness is a proactive choice* (S. Covey). В русской культуре человек также не пассивен в приобретении высшего фелицитарного блага: *Каждый кузнец своего счастья; Кто за счастье борется к тому оно и клонится*, однако счастье и несчастье традиционно рассматриваются как проявление судьбы: *Счастье с несчастьем смешалось, кому что досталось*. Существовая совместно, они, как жребий, выпадают человеку, который смиренно принимает их как данность. В этом прослеживается принципиально отличный в двух культурах подход к счастью и несчастью: американский деятельностный и русский фаталистический.

Этноспецифичность концептов СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ проявляется при рассмотрении их языковых репрезентаций через призму концепта ВРЕМЯ. В американской культуре счастье определяется как интервал между периодами несчастья: *Happiness is the interval between the periods of unhappiness* (D. Marquis). При этом время, отводимое на счастье и несчастье, пропорционально: *For every minute you are angry you lose sixty seconds of happiness* (R.W. Emerson). В традиционной русской культуре отношение к продолжительности счастья более пессимистичное, и на него отводится несравнимо меньшее количество времени:

Счастливейший день – минуточка, дни горькие – вся жизнь. Было бы счастье, а дни впереди. Суровость быта и жизненного уклада, тяжелые климатические условия, особенности русской культуры, в которой ТОСКА, согласно А. Вежибицкой, является ключевым концептом культуры, определяют такое отношение к счастью и несчастью, при котором второе является более типичным состоянием для представителя русской нации. В поддержку идеи о том, что счастья в жизни русского человека несравнимо меньше, чем несчастья свидетельствует пословица: *Беды кулем валяются, а счастье – золотишками.* Примерно в такой пропорции русский человек испытывает оба состояния.

В традиционной русской культуре парадокс: *Не было бы счастья, да несчастье помогло* отражает отношение к несчастью как к источнику счастья, когда несчастливые обстоятельства становятся условием приобретения человеком этого высшего фелицитарного блага. Данная пословица отражает смирение русского человека, его склонность философски смотреть на жизнь. Для американской культуры характерен деятельностно-утилитарный подход, подразумевающий, что направленная деятельность всегда приносит результат: *Happiness is not a goal; it is a by-product* (E. Roosevelt). Отметим, что качество этого результата не всегда совпадает с ожиданием, и итогом поисков счастья часто становятся несчастье: *The search of happiness is one of the chief sources of unhappiness* (E. Hoffer). Тем не менее такое представление о счастье и несчастье демонстрирует весьма прагматичный, потребительский подход.

Взаимосвязь концептов СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ с концептом ЗДОРОВЬЕ позволяет проследить культурные особенности изучаемой концептуальной оппозиции. В обеих культурах здоровье обуславливает счастье, а нездоровье делает человека несчастным: *Счастье – на крылах, а несчастье – на костылях : : Health and cheerfulness mutually beget each other.* Примечательно, что примеры русского фольклора констатируют способность счастья лечить, а несчастье – приносить болезни: *Радость прямит, кручина крочит.* Счастье является настолько сильным мотиватором и источником жизненной силы, что способно возвращать молодость старым, а несчастье, напротив, прибавляет возраст и отнимает здоровье: *Горе старит, а радость молодит. От радости старики молодеют, от печали молодые худеют.* Американские авторы не оспаривают взаимосвязь здоровья и счастья, однако добавляют в свои суждения о ней долю противоречия: *Happiness is good health and bad memory* (A. Bergman). Парадоксальность данного суждения заключается в том, что память обладает способностью хранить воспоминания, нарушения этой способности является психическим расстройством, соответственно, проблемы с памятью являются признаком нездоровья. Такой смысловой диссонанс позволяет иначе взглянуть на счастье как не на просто здоровье физическое и психологическое, но как на сиюминутное состояние полного душевного комфорта, не обремененное грузом анализа предыдущего опыта.

Этноспецифичность членов рассматриваемой концептуальной оппозиции реализуется при употреблении имен концептов при оценке интеллектуальных способностей человека, что в аспекте нашего интереса к вопросу эмоционального интеллекта в данной работе является ключевым. Английская поговорка *The*

riches of the mind may make a man rich and happy, ставящая наличие счастья в прямую зависимость от незаурядности ума, на первый взгляд, выражает универсальное мнение: чем умнее человек, тем он счастливее. Однако, детальное рассмотрение русских и американских народных и авторских суждений приводят нас к другим выводам. Эрнест Хемингуэй отмечает, что счастье – редкий гость в жизни умного человека: *Happiness in intelligent people is the rarest thing I know* (E. Hemingway). Еще одно американское авторское высказывание с высоким индексом цитируемости гласит: *Happiness is natural for children; unhappiness is learned* (J. Pierce), счастье – это нечто врожденное, а несчастье приходит с опытом познания. Мысль о том, что излишняя умственная деятельность и рефлексия вредят счастью, свойственна многим представителям американского общества: *My rule is, when you are unhappy, think about it. But when you're happy, don't. Why spoil it? You're probably happy for some ridiculous reason and you'd just spoil it to know it* (R.P. Feynman). Американцы предпочитают наслаждаться счастьем, а не размышлять о его источниках. Для русской культуры характерна убеждение, что счастье нередко достается людям с невысоким уровнем интеллекта: *Дуракам все счастье. Счастье велико, да ума мало*. Такие народные афоризмы подчеркивают идею о том, что счастье – это случай, который выпадает на долю человека без причины и часто приходит к тем, кто не способен его оценить. Вместе с тем народный афоризм: *Счастье без ума – дырявая сума: где найдешь, там и потеряешь* не только отражает идею о том, что счастье в жизни человека случайный гость, но и тот факт, что удержать его глупому человеку сложно, поэтому непрагматичный русский человек чаще несчастен, чем счастлив.

В заключение отметим, что этноспецифические характеристики рассматриваемой концептуальной оппозиции обусловлены особенностями двух культур. Так, в русской культуре специфика счастья и несчастья определяется такими национальными чертами как вера в судьбу и покорность ей, склонность к созерцанию и рефлексии, пессимистичность. Американский подход к счастью и несчастью обусловлен деятельностными, утилитарными установками американской культуры. В целом анализ приведенных примеров позволяет проследить связь интеллектуальных способностей человека и счастья и несчастья как его эмоционального состояния и раскрывает следующие культурно маркированные характеристики последних: русский человек философски относится к счастью, он готов к тому, что его в жизни не бывает много, он рефлексировать и способен увидеть это высшее фелицитарное благо даже в критических обстоятельствах. Представитель американской нации предпочитает не размышлять о счастье или анализировать свою жизнь в его поисках, а действовать, оптимистично рассчитывая на то, что его деятельность будет успешна и принесет ему желаемое состояние эмоционального и материального удовлетворения.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013.

Карасик В.И. Языковая пластика общения. М.: Гнозис, 2021.

Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт» векторные явления в семантике

// Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Эйдос), 2007. С. 19-25.

Kovecses Z. Metaphor in Culture Universality and Variation. Cambridge University Press. 2007.

Anastasia S. Uzhentseva (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

ETHNOSPECIFIC CHARACTERISTICS OF “HAPPINESS” AND “UNHAPPINESS” AS MEMBERS OF CONCEPTUAL OPPOSITION STUDIED IN RUSSIAN AND AMERICAN APHORISMS

The research of concepts of HAPPINESS and UNHAPPINESS together as members of conceptual opposition and the study of their names' representation in proverbs and author's aphorisms highlight their ethnocultural characteristics typical for Russian and American linguistic communities.

Key words: ethnocultural characteristics, conceptual opposition, aphorism, emotional intelligence

Л.А. Усманова (Казань, Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

usmanova77@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПАРЕНТЕЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В.О. ПЕЛЕВИНА

В статье охарактеризованы семантика и функции вставных компонентов в современной художественной прозе и показана специфика их использования В.О. Пелевиным. На основе комплексного анализа функционирования рассматриваемых единиц в прозе Пелевина установлен их антропоцентрический экспрессивно-модусный потенциал, показаны прагматические смыслы данных конструкций и выявлена их роль в создании многоплановости художественного повествования.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, парентеза, детализация, уточнение, ассоциативно-смысловые связи

XXI век, ознаменованный сменой культурной парадигмы, сознания социума и форм коммуникации, переходом от зрения к слуху и звуку, от разума к чувствам [Костомаров 2007: 120-121], выдвинул на первый план проблемы структурирования мысли и дискурсивной синтагматики. Лингвисты отмечают значительные сдвиги в функционировании синтаксической системы русского языка вследствие тенденции к «разговорности» и аналитизму письменной речи. Отмечается ослабление синтаксических связей, имплицитность их представления, сжатие и опрощение синтаксических конструкций, расчлененность синтагматической цепочки [Валгина 2003: 187]. Синтагматическая проза сменяется прозой актуализирующей, для которой больше характерны пониженная иерархичность структуры, акцентирование аксиологических и модусных смыслов при ослаблении логических значений, а также эмоциональность и экспрессивация.

Экспрессивный синтаксис, ориентированный на интенсификацию как прагматической, так и собственно грамматической информации, представляет собой

систему типизированных речевых модификаций предложений и их частей (модификатов), которые конституируют дополнительный, или параллельный, ярус языковой системы [Сковородников 1981: 186].

Развитие аналитизма в современном языке представлено активным использованием вставных конструкций, за счет которых повышаются коммуникативные и функциональные возможности всей экспрессивной конструкции. Факт востребованности этих единиц можно считать «известной компенсацией уменьшения употребительности синтагматически связанных видов осложнения простого предложения» [Акимова 1990: 52].

Утрата или ослабление синтагматичности текстовой организации привело к укреплению связи основного и добавочного планов и актуализации пояснительно-уточняющих, каузативных, присоединительных отношений, коммуникативно значимых и прагматически акцентированных в контексте. Такая сопутствующая информация позволяет фокусировать различные проекции авторского видения мира в одной речевой плоскости. Данные модификаты носят характер дополнения, коррекции или субъективно-оценочного включения.

Рассмотрение парентезы в современной художественной прозе, а именно в произведениях В.О. Пелевина, дает обширный материал для наблюдений и анализа данного явления. По нашему убеждению, язык произведений Пелевина наиболее точно отражает сегодняшнюю языковую ситуацию, а принципы организации его текстов в целом выражают постмодернистскую идею многогранности реальности, непознаваемости мира и возможности разных его интерпретаций.

Можно констатировать тот факт, что вставность составляет одну из особенностей идиостиля Пелевина, являясь средством реализации его «авторского избытка», смыслового и осведомительного.

Как показывают наблюдения, семантика вставных конструкций в прозе Пелевина весьма разнообразна и на формальном уровне они имеют разные варианты соотношения с основным предложением. В большинстве случаев вставка включается в речь повествователя / автора и является синтагматически связанной с основной частью. Такая связь осуществляется с помощью широкого спектра лексико-семантических и грамматических средств: предикативных конструкций, вводимых в предложение с помощью союзов, но особым, отличным от сочинения и подчинения способом в плане большей смысловой, структурной и интонационной самостоятельности. Например, конструкции с союзом *а* включают характер факультативного примечания: *Так вот, я своими глазами видел в интернете, как продвинутые московские буддисты, делающие тонглен на нагов и гьяло (а к последнему классу относятся, по некоторым сведениям, и русские православные бесы), безжалостно глумятся на своем форуме над евреями – без всякой понятной мне причины* («Ананасная вода для прекрасной дамы»).

Вставочность с обстоятельственной семантикой чаще всего реализуется на уровне причинно-следственных, аргументативных отношений. При этом многомерность повествования часто достигается за счет перемещения авторской точки зрения с одного ракурса на другой, например, при совмещении семантики каузации и добавочного действия: *После заключения контракта с «Ойл Эве» он и сам*

предполагал, что работает на семейный бизнес **(поэтому, попав в компанию, где кто-нибудь начинал высказываться про Татьяну Дьяченко или Романа Абрамовича, он вставал и с гордо поднятой головой выходил из комнаты)** («ДПП»).

Благодаря парентезе, включающей семантику концессивности, реализуется значение «вопреки ожиданиям», что позволяет интерпретировать уступительность как явление когнитивного диссонанса и алогичности: *В купе стало тихо – даже на нижних шконках, кажется, отложили карты (хотя на мелких чертиков, по четверо сидевших на каждом из двух нижних топчанов, уважительное обращение «босота» распространялось вряд ли)* («Искусство легких касаний»).

Симптоматично, что некоторые вставные конструкции в рассматриваемом материале демонстрируют тенденцию к нарушению иерархии между конструктивным ядром предложения и его периферией за счет преобладания размера вставки над размером включающего предложения, что приводит к нарушению баланса между основной информацией и избыточной (в пользу последней) и свидетельствует о росте прагматической значимости парентезы.

Корреляция вставки с включающим предложением реализуется также за счет полупредикативных членов, актуализирующих атрибутивные отношения в контактной позиции между конструктивным ядром и его периферией: *Вот воспоминания одного из свидетелей типичной противовоздушной операции Аль-Эфесби – молодого катарского инвестора (склонного, как можно судить по отрывку, к довольно рискованным инвестициям)* («Ананасная вода для прекрасной дамы»); *Когда половинки тени расходились недалеко, можно было наблюдать такие тонкие эффекты, как голова инопланетянина (разной степени изможденности) и наконецник копы судьбы (последний получался из про света в районе шеи)* («Ананасная вода для прекрасной дамы»).

Функцию непредикативной вставки может выполнять второй член сочинительного ряда, имеющий, как правило, характер уточнения: *Кроме химер, стены украшают египетские артефакты (или их копии): костяные серпы, жезлы в виде извивающихся змей и так далее* («Искусство легких касаний»).

Одним из средств связи центра с периферией является включение во вставные конструкции вводных компонентов, частиц и модальных слов в присоюзной позиции, подчеркивающих факультативный характер содержания вставочной конструкции и в то же время ее естественность с синтагматической точки зрения. При этом семантический диапазон данных единиц, ориентирующий на модусно-экспрессивный план, сводится к значениям предположения, сомнения, допущения и др.: *А может быть – и скорее всего – это был некто совсем другой* («Чапаев и Пустота»); *Еще не хватало, чтобы перед смертью (или, может быть, чем-то еще – я так и не понял этого сам) он стал бы изъясняться на языке, оскверненном декретами Совнаркома* («Чапаев и Пустота»); *Когда он первый раз решил сделать свой магический ритуал с ее помощью (вернее, с помощью ее тела), Мюс не обратила на это внимания* («ДПП»).

Другой уровень связанности вставной конструкции с основным сообщением наблюдается в примерах без внешних показателей синтаксической связи,

но при наличии определенных смысловых отношений. Вставные единицы, обусловленные основной частью высказывания, могут иметь характер объяснения, пояснения, выявления причинно-следственных связей между основной и вставной частями: *Голгофский часто видит его из высокого окна своей спальни (ограда между участками чисто символическая, потому что прежде Голгофский дружил с дочерью генерала Ириной)* («Искусство легких касаний»).

Принцип избыточности реализуется Пелевиным за счет повторов, лексической корреляции, контактной позиции слов, вступающих в ассоциативно-смысловые отношения со вставной единицей: *Сперва ему является египтолог Солкинд в ритуальных одеждах (Голгофский замечает такие же египетские ризы и на себе, но во сне это его не удивляет)* («Искусство легких касаний»); *Я вспомнил о смерти Государа (эту мрачную весть принес с собой Фурманов), и на белое пространство листа сам собой потек чистый, пронизанный сквозными рифмами анапест, который теперь казался мне невозможным эхом минувшего...* («Чапаев и Пустота»).

Смысловая аналогия актуализируется в основном на уровне дейктических замен, выполняющих заместительную функцию, за счет чего осуществляется уравнивание пресуппозиций путем уточнения или пояснения: *И вот эти квази-поэтические отрывки (инсургенты назвали их сурами), по всей видимости, были сочинены Аль-Эфесби прямо в полевых условиях, и уже без участия третьих лиц* («Ананасная вода для прекрасной дамы»).

Итак, при всем языковом многообразии и ментальных пересечениях семантический диапазон парентетических вставок в дискурсе Пелевина сводится к значению добавочности, уточнения, пояснения, причинно-мотивировочных, модально-оценочных и т. п. смыслов, отображая при этом полифонию авторских интенций, их многоуровневую структуру, и выступает средством уравнивания знаний автора и адресатов их восприятия.

Литература

- Акимова Г.П. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990.
Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003.
Костомаров В.Г. Глобализирующее влияние масс-медиа на язык // Мир русского слова и русское слово в мире. София: Heron Press, 2007. С. 120-123.
Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. Томск: ТГУ, 1981.

*Liliya A. Usmanova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University*

CONCEPTUAL-PRAGMATIC STATUS OF PARENTHESIS IN V.O. PELEVIN'S ARTISTIC DISCOURSE

The article characterizes the semantics and functions of plug-in components in modern fiction and shows the specifics of their use by V. Pelevin. Based on a comprehensive analysis of the functioning of the units under consideration in Pelevin's prose, their anthropocentric expressive-modus potential is established, the pragmatic meanings of these constructs are shown and their role in creating the diversity of artistic narrative is revealed.

*Н.Н. Фаттахова (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Nailya.Fattahova@ksu.ru*

*А.М. Мубаракшина (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
blondy010888@mail.ru*

ПРИНЦИП ОПОРЫ НА «СЕМЕЙНЫЕ СХОДСТВА» ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «ЛЕВ» В ГОРОСКОПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена выявлению сходства ассоциативного поля «лев» в русском языке и ассоциативно-семантического поля «Лев» в тексте гороскопа. Можно заключить, что ядерные и центральные части полей совпадают, при этом реально существующие признаки животного абстрагируются, а когнитивная метафора «царь зверей» становится точкой когнитивной референции в гороскопе.

Ключевые слова: концепт, гороскопический текст, прототип, ассоциативно-семантическое поле концепта, принцип «семейного сходства»

В настоящее время в языкознании можно проследить две противоположные тенденции. «Первая заключается в углублении сложившихся подходов к известным языковым проблемам» [Берестнев, Киреева 2018: 5], при этом междисциплинарные связи отрицаются, чтобы сохранить дисциплинарную «чистоту» при анализе языкового материала. Например, языковую картину мира стоит реконструировать, опираясь только на имеющиеся языковые факты: граммы, лексемы, синтаксемы и т. д. Данный подход в большей степени выявляет мировидение носителей языка посредством самого языка.

Вторую тенденцию, сопровождает «расширение» дисциплинарных границ, которое Е.С. Кубрякова определяла как экспансионизм [Кубрякова 1995]. В рамках данного подхода для анализа языковых явлений и фактов активно привлекается методология и научный аппарат других гуманитарных наук: психологии, культурологии, литературоведения и т. д. В результате, границы некогда узкой научной области практически нивелируются и появляется множество смежных научных дисциплин. А.Е. Кибрик еще в конце 80-х гг. прошлого века заключил: «То, что считается «лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [Кибрик 1987: 35].

В рамках последнего направления для анализа мирозерцательной системы человека, отражающейся в языке, предписано использовать любые тексты культуры, в том числе массовой. Тенденции к нестабильной социально-политической обстановке в последнее время побуждают человека все чаще обращаться к предсказаниям, прогнозам, приметам; об этом свидетельствуют тематические телевизионные программы на федеральных каналах, ежедневные рубрики в радиоэфире, обилие сетевых профильных ресурсов и т. д. В связи с этим исследователей все

больше привлекают гороскопические тексты, которые на данный момент как лингвистический феномен практически не рассматривались.

В центре внимания нашего исследования находятся особенности вербализации концепта «Лев» в тексте современного гороскопа. В качестве материала для анализа были выбраны тексты гороскопов из тематического Интернет-источника *Гороскопы365.ру* [Гороскопы365: URL], а также данные ассоциативного тезауруса русского языка [Русский ассоциативный словарь. Лев: URL]. Цель исследования – установление связи между реально существующими ассоциациями ключевого слова «лев» с особенностями вербализации концепта ЛЕВ в тексте современного медиагороскопа на основе принципа «семейного сходства» (Э. Рош). Такого рода связи станут доказательством гипотезы о том, что копирайтеры, создающие гороскопические тексты для медиапространства, опираются не на данные астрологии, а на известные широкой аудитории ключевые характеристики знака-символа, лингвокультурные стереотипы, закрепленные за ним в языке, и мифологические предпосылки его возникновения.

Как известно, каждый зодиакальный знак с точки зрения своей семантики зиждется на мифе о возникновении соответствующего небесного созвездия. Так, мифопоэтические основания возникновения знака Льва сводятся к общеизвестному источнику. Мифопоэтической основой наименования созвездия Льва является миф об убийстве Гераклом Немейского зверя, которого не брали ни стрелы, ни мечи древних греков. Шкура животного, наводившего ужас на людей, подарила герою неуязвимость и решительность.

Ассоциативный эксперимент, отраженный в русском ассоциативном тезаурусе, коррелирует с данным мифом, поскольку содержит такие ассоциации как *злой* (22), *зверь* (21), *большой* (17), *грозный* (13), *страшный* (13), *сила* (10), *сильный* (8), *хищник* (6), *свирепый* (5), *могучий* (2), *разъяренный* (2), *страшный зверь* (2), *в гневе* (2). Таким образом, из 187 различных реакций на слово-стимул «лев» 135 характеризуют животное и его природные повадки, причем 80% ассоциаций имеют негативные коннотации.

Анализ двухсот текстов ежедневных предсказаний показал, что ассоциации с реально существующим животным при описании характеристик данного знака зодиака прослеживаются прежде всего посредством ключевых слов «гнев», «характер», «раздражение»:

*Если Льву удастся в воскресенье держать на коротком поводке свой гнев и раздражение, он сумеет заставить окружающих делать то, что ему нужно. Гнев и раздражение сегодня чувствуется от Льва за километр. Просто в его душе кипит гнев и возмущение, которые должны найти выход, пусть даже и ценой конфликта. В воскресенье Льву хочется **показать свой характер**, что может привести к неприятным последствиям. Чтобы не прослыть закостенелым ретроградом, гороскоп советует впитывать новую информацию, а не показывать свой **непростой характер**.*

В связи с этим возникает мысль о том, что хищная природа Льва чаще всего эксплицируется при описании негативного сценария развития событий в горо-

скопе. Однако несмотря на тот факт, что при анализе концепта в первую очередь стоит учитывать «группу характеристик, воплощающихся в реальных предметах, явлениях, признаках и процессах» [Кобозева 2000: 160], в случае с концептом ЛЕВ присутствует нечто, «что дополняет стоящий в его основе прототип и обуславливает собой его уникальность» [Берестнев 2007: 13].

Метафорическим прототипом знака Льва, или точкой когнитивной референции в создании гороскопического текста по результатам анализа, становится «социальный» статус льва в животном мире: его общепринятое наименование – **царь зверей**. Именно эта когнитивная метафора является самой многочисленной и по данным ассоциативного тезауруса – 61 реакция. Львы – это самые социальные хищники с выраженной иерархией. Метафора «царь зверей» является, по Дж. Лакоффу, «наилучшим примером» [Лакофф 1995: 156] вербализации концепта ЛЕВ в русском языке и тексте гороскопа, что подтверждается многочисленными примерами употребления лексем, производных от *царя*:

Дома, наедине с самим собой, Льву некому продемонстрировать весь свой царственный лоск и блеск, а потому он предпочитает проводить как можно больше времени на людях. Правда, на окружающих он смотрит немного свысока, но такова уж его царственная природа. Во всем, за что бы он не взялся, Лев проявляет свой царственный максимализм. Лев в любой ситуации сознает свою царскую правоту, ему бесполезно доказывать иную точку зрения.

В гороскопах тема «властвующей особы» семантически развернута крайне активно, особенно в краткосрочных ежедневных прогнозах:

Если хотите избежать проблем с конкуренцией, то сегодня вам необходимо контролировать свое природное тщеславие и чрезмерную веру тому, что вам говорят. Сегодня самое время, чтобы кто-то понял, каким сокровищем вы являетесь. Сегодня не вы будете подчиняться законам природы – она будет подчиняться вашим. Внешность большинства представительниц знака будет близка к идеальной. Прекрасный транзит, наделяющий Львов обаянием и уверенностью в себе.

Можно отметить, что на периферии поля находятся лексемы, вербализующие категорию «царь»: *природное тщеславие, сокровище, власть, идеал, уверенность в себе* и т. д. Стоит отметить, что ни одна из 187 реакций на слово-стимул «лев» в ассоциативном эксперименте не содержала данные лексемы.

Все перечисленное позволяет говорить о том, что семантические поля «лев» и «Лев» в качестве прототипического каркаса имеют общую когнитивную метафору «царь зверей» и группу характеристик, коррелирующих с реальным животным. Ядерные и центральные семы в полевых структурах совпадают, а вот периферийные значительно разнятся. В гороскопе это чаще всего лексемы, связанные с вербализацией власти и стихии огня (в данном случае стихия во внимание не принимается, поскольку в русском языке не закреплены ассоциативные связи животного со стихиями), а вот по результатам ассоциативного эксперимента выделяются многочисленные одиночные лексемы, семантически не связанные «фамильными признаками», например, *Леценко, мясо, клетка, Африка, заяц* и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что гипотеза о том, что при конструировании концепта ЛЕВ в гороскопическом тексте, авторы в первую очередь обращаются к прототипическим знаниям и лингвокультурной информации, характерной для данного языкового сообщества, а не к астрологическим расчетам, подтвердилась. Именно этот факт способствует «столь долгому существованию гороскопа как жанра» [Фаттахова, Мубаракшина 2022: 110] и вирусному распространению его в информационном пространстве.

Литература

- Гороскопы365.ru*. URL: <https://goroskop365.ru/zodiak/leo>.
Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2007.
Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 33-62.
Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000.
Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: РАН, 1995. С. 145-237.
Лакофф Дж. Когнитивное моделирование (Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 143-184.
Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict>.
Фаттахова Н.Н., Мубаракшина А.М. Противительные отношения в гороскопическом тексте // Филология и культура. 2022. № 1 (67). С. 110-115.

Nailya N. Fattakhova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University
Anastasiya M. Mubarakshina (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

THE PRINCIPLE OF RELYING ON “FAMILY SIMILARITIES”

IN THE CONSTRUCTION OF THE CONCEPT OF “LEO” IN THE HOROSCOPE TEXT

The article is devoted to identifying the similarity of the associative field “Lion” in the Russian language and the associative-semantic field “Leo” in the text of the horoscope. It can be concluded that the nuclear and central parts of the fields coincide, while the actual signs of the animal are abstracted, and the cognitive metaphor “The King of Beasts” becomes a point of cognitive reference in the horoscope.

Key words: concept, horoscopic text, prototype, associative-semantic field of the concept, the principle of “family similarity”

Т.Н. Федуленкова (Владимир, Россия)
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
fedulenkova@list.ru

О ТРЕХ ВОЛНАХ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНОЙ КОГНИТИВИСТИКИ (ПО В.В. КОЛЕСОВУ)

В работе представлена краткая характеристика так называемых трех волн в развитии когнитивных учений запада (по В.В. Колесову). Первая волна – это аналитическая лингвистика, описывающая, но не объясняющая. Вторая волна характеризуется субъективизмом представлений, во внутреннем дуализме составляющих предмет. Третья волна когнитивной лингвистики прямо возвращает к понятию как содержательной форме концепта.

Ключевые слова: западная когнитивистика, развитие, три волны, когнитивная / контенсивная

Три «волны» в развитии когнитивной лингвистики А.В. Кравченко на примере американской научной среды. Этот пример показателен во многих отношениях. С одной стороны, признается, что в отечественной науке ничего толком как бы не сделано, она живет отраженным светом зарубежных научных достижений. С другой стороны, пример выбран удачно, поскольку в американской науке прослеживаются некие последовательные сдвиги в осознании языка как базовой особенности человеческого сознания, которые хорошо отрефлексированы самими учеными. В нашем отечестве, как отмечает В.В. Колесов, мы напрасно стали бы искать строгих линий разграничения «волн», да и вообще каких-либо волн благодаря неисчислимой массовости наукоподобных трудов, по русскому обычаю не стремящихся к строго научной цельности заявленных представлений. В изложении Колесова «волны» выглядят следующим образом.

Первая «волна» отражает объективистскую точку зрения *гак-лингвистики*, интерпретирующей объективную реальность в «компьютерной парадигме», с четкими привативными связями и рациональным подходом к познанию в границах аналитической философии. Человек представлен как робот с системой «ввод – вывод», разум понимается как бестелесный и буквальный, признается, что наряду с языком речи существует ментальный язык. Типичный пример – генеративная лингвистика Ноама Хомского в ее многочисленных ответвлениях. Основания такой лингвистики были заложены, как известно, в 1920-1930-х гг., ее кредо – аналитические процедуры исследования. Указаны три основных мифа аналитического языкознания в отношении к концептам:

(1) концепты-понятия имеют символическую природу, мышление манипулирует символами, а «в ходе развития языка слово все более и более становится лишь знаком понятия» [Кассирер 1990: 33-43];

(2) концепты действительно отражают внешнюю действительность (объективизм);

(3) концепты представляют собою абстрактные сущности, никак не связанные с сенсомоторной системой человека, они всего лишь отражения «врожденной способности когниции».

Колесов указывает на связанные с этими мифами основные недостатки аналитической лингвистики:

а) игнорируется процесс возникновения значения и знака, т. е. знания (в пользу познания), а это признается уклонением от когнитивизма;

б) результатом является неспособность различать означаемое и означающее;

в) сущностные свойства языка остаются вне поля зрения, не выходя на уровень почему-и-зачем-языкознания.

Автор, таким образом, показывает, что аналитическая лингвистика описывает, а не объясняет: поскольку значение в языке понимается как отражение от идеи, эту парадигму можно описать в терминах семантического треугольника, действительно представляющего онтологическую связь своих компонентов.

Вторая «волна» характеризуется субъективизмом представлений во внутреннем дуализме составляющих предмет: язык – неотъемлемая часть когнитивной

способности человека и одновременно часть мира. Язык как продукт эволюции постоянно приспосабливается к жизни. Признается «воплощенный» разум, он телесен и обладает способностью к образности. Типичные примеры – системы Р. Лангаккера и Дж. Лакоффа, особенно последнего, который значительное внимание уделяет метафоре, прежде всего концептуальной метафоре. Поскольку к символу первой «волны» добавляется еще и образ, особое значение придается языковой интуиции. Утверждается, что концепт возникает из сенсомоторного опыта в нейронных структурах мозга, а значение складывается в силу связи с другими телами и с телесным опытом; поэтому концептуальных систем много, и все они не монолитны. Колесов отмечает, что в целом взгляды представителей второй «волны» вполне возможно представить в символическом виде концептуального квадрата с той только разницей, что нулевой квадрат пока не заполнен (выражен неясно), а понятие, как содержательная форма концепта, присутствует имплицитно. Именно вторая «волна» привела к раздвоению идеи на значение и понятие.

Вторая «волна» в развитии когнитивной лингвистики выразилась в смещении внимания исследователей с одной содержательной формы концепта на другие, а именно с понятия на образ и символ (ср. работы Лакоффа с трудами Лангаккера). Это стало психологической заменой логического состава и углубило перспективу исследования языка; одновременно объективизм сменился субъективизмом подхода к исследованию. Взаимные переходы образа в символ и раскрытие образа в символе вызвало внимание к механизмам таких переходов – к метафоре в широком смысле как образности речи; то, что объективисты называли аналогией, а субъективисты XIX в. именовали ассоциацией, теперь предстало в виде метафоры, т. е. в прямом значении переносом по смыслу.

Сейчас все чаще говорят о третьей «волне» когнитивной лингвистики, которая прямо возвращает к понятию как содержательной форме концепта, непосредственно отсылающей к первосмыслу концептума. Представитель третьей «волны» А.В. Кравченко о ней он говорит наиболее подробно, противопоставляя двум первым. Чаще всего даются ссылки на труды Умберто Матураны, чилийского нейропсихолога, долгое время работавшего в США. Основные положения теории Матураны состоят в том, что признается: человек – живая система в холистическом (целостном) измерении; живой человек с живым словом (говорящий), действующий в своей среде в кругообразной организации составляющих («взаимодействие самоорганизующихся систем»). «Человеческий мозг мыслит на языке», а ДНК человека хранит знание. Язык имеет биологическую функцию, это биологическая теория языка: язык – биологическое свойство человека с его общественной организацией жизни (биосемантика – биология познания). «Нервная система не отражает окружающий мир в образах, она непрерывно трансформирует этот мир в соответствии со своей собственной структурой», пластично в нее вкладываясь: «...существует только непрекращающийся структурный дрейф» в соответствии с адаптацией к среде. Подобные структуры «генетически заданы» и действуют инстинктивно. «Язык созидает жизнь... то, что названо, то реально». «Когда возникает язык, возникают также и объекты» (объекты созна-

ния, а не предметы мира [Колесов 2019: 714]), поскольку нервная система не оперирует понятием независимого мира». «Все сказанное сказано. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступить он сам» [Философия науки 2008: 256] в круговом движении общения. Особое внимание к живой речи как непосредственному выражению мысли в контексте, но при этом не коммуникативная функция является основной в речемыслительной деятельности (в рамках этого подхода «разграничение между языком и речью не имеет значения» [Звегинцев 1976: 81-82]). Значение понимается как нечто, возникающее благодаря взаимодействию организма со средой, почему и понимается как отражение субъективного мира организма в соответствии с заветом Ч. Пирса: «...знак может быть интерпретирован другим знаком... и только таким образом происходит развитие значения знака». Очевидно, значение автор понимает как значимость. Знание представлено как логос – вербализованная концептуальная система, «состояние человеческого организма», а знаки – как действие (умение говорить на языке). Это не противопоставление второй «волне», а ее продолжение, такая же антропоцентрическая парадигма усиленного значения, поскольку признается, что всякая когниция – интуитивное познание. Отличие от двух первых «волн» состоит в переходе от анализа к синтезу (этого требует холизм, что определяется национальной философией автора) и междисциплинарном подходе к языку. Кроме того, изменяется понимание знания.

«Речь идет не о знании, а о знании знания, которое становится действительно необходимым». Это естественное обращение к рефлексии как основному содержанию сознания. Рефлексия и сознание возникают с появлением языка: «Мы, человеческие существа, становимся таковыми только в языке» [Матурана 2001: 31].

Но каким образом согласовать субъективную реальность сознания с физической мозговой деятельностью, Матурана не показывает, ограничиваясь указанием на нейроны мозга, подчеркивает автор.

Проекция каждой «волны» на один из трех символов когниции – треугольник, квадрат и круг – показывает, что на самом деле мы имеем дело не с последовательно накатывающими «волнами», а с разными подходами к предмету исследования. Колесов акцентирует внимание на том, что вторая и третья «волны» разрабатывались одновременно в одном месте, и обе являются развитием первой «волны». Изменение присутствует во всех трех программах, но в разном качестве. Первая «волна» знает изменение в виде замен на уровне синергичных триад, вторая – во внутренних переменных / перемещениях содержательных форм, третья – в преобразовании внутренних биологических признаков. Понимание концепта также различается. Первая «волна» представляет концепт равным понятию, вторая – как ментальное образование, равное значению / смыслу, третья понимает концепт как совокупность содержательных форм с «пусковым механизмом», под которым, возможно, подразумевается концептум. Это «оперативная единица сознания в специфической нейронной активности». Здесь концепт представлен как единица сознания «в результате познания опыта» и одновременно с этим «структура знания», а слово – указание на неявную сущность концепта.

Колесов подчеркивает, что все три этапа / три «волны» касаются действий

современной когнитивной лингвистики и охватывают последние полвека. На все три «волны» западной когнитивной лингвистики легко накладываются результаты отечественной науки – один к одному в виде конденсированной, когнитивной и концептуальной лингвистик, действующих и в настоящее время.

Литература

- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. С. 81-82.
Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33-43.
Колесов В.В. Основы концептологии. СПб: Златоуст, 2019.
Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 31.
Философия науки. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 256.

Tatiana N. Fedulenkova (Vladimir, Russia)
Vladimir State University

ABOUT THREE WAVES IN THE DEVELOPMENT OF WESTERN COGNITIVE SCIENCE (ACCORDING TO V.V. KOLESOV)

This paper presents a brief description of the so-called three waves in the development of cognitive teachings of the West (according to V.V. Kolesov). The first wave is analytical linguistics, describing but not explaining one. The second wave is characterized by the subjectivism of representations in the internal dualism of the components of the subject. The third wave of cognitive linguistics directly returns to the concept as a meaningful form of the concept.

Key words: Western cognitive science, development, three waves, cognitive / contextual / conceptual linguistics

Т.П. Филичкина (Орел, Россия)
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
filitchkina_orel@mail.ru

КОНЦЕПТ «GREAT GAME» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуется расширение понятийного аспекта концепта GREAT GAME в материалах англоязычного медийного дискурса. На синхронном уровне происходит расширение периферийного слоя концепта GREAT GAME под влиянием экстралингвистических факторов, при этом сохраняются неизменными значимые характеристики ядерного слоя.

Ключевые слова: концепт, медийный дискурс, понятийный компонент, ядерный слой, периферийный слой

Медийные ресурсы в настоящее время дают широкий простор для исследования различных концептов. Характерной чертой современной жизни является противостояние великих держав в политической, экономической, идеологической сфере. Концепт GREAT GAME (БОЛЬШАЯ ИГРА), возникший как прецедентный феномен в XIX в., широко используется в медийном дискурсе для характеристики геополитических реалий.

Человек существует в мире концептов. Концептосфера представляет ментальный мир как совокупность взглядов социума и отдельного индивида на окружающий мир, которые заложены в концептах.

Концепт как продукт сознания содержит сведения о фрагменте действительности и состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов [Карасик 2004: 129].

Образная составляющая концепта включает признаки предметов, явлений и связана с метафорическим переосмыслением окружающего мира. Метафоризация способствует концептуализации фрагментов действительности и актуализации оценочных смыслов.

Понятийный аспект – это семантика вербализованного концепта, которая охватывает существенные признаки объекта, явления или ситуации.

Ценностная сторона концепта включает рациональные и эмоциональные оценки, которые восходят к диахронии концепта и реализуются на синхроническом уровне. Ценностный аспект характеризует понятийную составляющую концепта.

С точки зрения структуры в концепте выделяют ядерный слой, который включает наиболее существенные признаки, и периферию, содержащую менее значимые ассоциации [Песина 2015].

Медийный дискурс представляет собой текст во взаимодействии с экстралингвистическими факторами, которые вносят изменения и обновления в уже существующие ментальные репрезентации (концепты) фрагментов действительности. Таким образом происходит расширение периферийного слоя понятийного компонента концептов.

В связи с динамикой исторического процесса в обществе в концепте GREAT GAME на уровне синхронии актуализируются новые смыслы в периферийном слое, при этом ядро концепта остается неизменным.

Изначально в конце XIX в. в *большой игре* соперничали Британская и Российская империи за влияние в Азии. Британцы опасались, что Россия будет угрожать их контролю над Индией. Русские считали, что британское господство распространится на Афганистан и Персию, которые находились в сфере интересов России. По сути, *большая игра* так и не закончилась: она превратилась в союз США и Великобритании против СССР в XX в. и в союз США, Великобритании и ЕС против России, Китая и Ирана в настоящее время.

Понятийный компонент концепта GREAT GAME приобретает в медийном дискурсе новое содержание под влиянием происходящих событий. При этом образный и ценностный аспекты концепта менее подвержены изменениям. Образность концепта GREAT GAME ассоциируется с поединком на международной «шахматной доске», когда на кону стоит статус великой державы и мировое лидерство. Ценностный аспект представлен субъективными модальностями (аксиологической, эмотивной, деонтической), которые представляют рациональную, эмоциональную и нормативную оценки.

Исследовав вербализованную репрезентацию концепта GREAT GAME в текстах англоязычного медиадискурса, были выделены новые понятийные (информационно-фактуальные) компоненты концепта. К ядерному слою семантики концепта GREAT GAME относится факт противоборства между странами за до-

минирование и влияние в каком-либо регионе или сфере деятельности. К периферийному слою, который подвержен изменению в зависимости от экстралингвистических факторов, относятся локация, круг участников (соперников) и причина и цели противостояния.

1. *Central Asia is the prime battlefield in the New **Great Game*** [Escobar 2023].

В этом примере наблюдается расширение понятийного компонента концепта, который репрезентирует ситуацию геополитического столкновения между Россией и Китаем, с одной стороны, и США и странами Евросоюза, с другой, в регионе Центральной Азии. Эта новая *большая игра* происходит на множестве политических, экономических и финансовых фронтов.

2. *An Arctic '**Great Game**' as NATO allies and Russia face off in far north* [Rauhala 2023].

В последнее время повысилось геостратегическое значение Арктики. Таяние полярных льдов откроет новые торговые пути, подтолкнет гонку за природными ресурсами и изменит глобальную безопасность. Это может привести к новому противоборству в арктическом регионе между Россией и Западом. В данном примере понятийный аспект концепта GREAT GAME включает противостояние ряда северных стран в новом регионе мира, в Арктике.

3. *China's '**Great Game**' In Afghanistan: Beijing Expands Influence With Taliban To Check Uyghurs, Exploit Resources* [Bipindra 2023].

Пекин ведет свою *большую игру* в Афганистане с целью расширения влияния на талибов для контроля уйгуров, мусульманского населения мятежной провинции Китая, и для получения доступа к природным ресурсам Афганистана. Понятийная составляющая концепта GREAT GAME в примере включает Китай как нового участника соперничества с Западом на территории Афганистана после прихода к власти движения Талибан.

4. *The Moon: The **great game** on new turf* [Shinde 2023].

Космос – это пространство геополитики будущего. Государства будут конкурировать на территории луны и других планет. Следующая *«большая игра»* вероятно может быть между крупнейшими космическими державами: Россией, Китаем, США и Индией. Вербализованный концепт GREAT GAME в этом тексте определяет игроков и сферу будущего противостояния.

5. *Sahel coups are just another '**Great Game**'* [Dyer 2023].

Сейчас происходит борьба за влияние в Африке к югу от Сахары после серии государственных переворотов. Это снова *большая игра*, на этот раз с русскими и китайцами на одной стороне и американцами и французами на другой. На кону – сельскохозяйственное богатство континента и огромные природные ресурсы. В примере в семантике концепта называется территория нового противоборства.

6. *Taiwan and the new '**Great Game**'* [Keating 2023].

Сегодня в Азии идет новая *большая игра*, и в ней участвует Тайвань. В этой игре место действия сместилось на юг, а ставки стали выше. Геополитическая борьба великих держав продолжается, но теперь она ведется за Южно-Китайское море и за остров Тайвань.

7. *Aliyev could still lose in the Great Game he started* [Ananyan 2023].

Новой площадкой *большой игры* становится Южный Кавказ. Россия и Запад введут ожесточенную борьбу за примирение Армении и Азербайджана, что также утвердит одного из них в качестве главного игрока на Южном Кавказе. Несмотря на поддержку Азербайджана Турцией и Россией Запад может применить санкции, наложив эмбарго на продажу азербайджанской нефти и газа, а также на закупку оружия, что приведет к проблемам в экономике.

8. *Modi Visit Part of a Geopolitical Great Game* [Mavuram 2023].

Прием на высшем уровне индийского лидера во время официального визита в США – это часть *большой игры*, попытка перетянуть Индию в орбиту своего влияния, создать стратегический противовес Китаю. Соединенные Штаты также видят возможность в изменении отношений Индии с Россией, которая на протяжении нескольких десятилетий была крупнейшим поставщиком оружия для Индии. В этом медиатексте расширяется круг участников *большой игры* за глобальное господство.

9. *Putin's great game, Britain's role and the Commonwealth* [Howell 2023].

Россия продолжает вести *большую игру* на различных фронтах и в различных регионах со странами Запада: активизирует свою деятельность на африканском континенте и в арабском мире. Цель – сделать так, чтобы глобальное большинство было решительно настроено против западных версий либеральных ценностей и вместо этого прочно закрепилось в сфере влияния и гегемонии дружественных России государств.

В заключении следует отметить, что в исследуемых медиатекстах вербализованный концепт GREAT GAME представляет стереотипные ситуации борьбы влиятельных держав за свои интересы и свое влияние в различных регионах мира. Ядро понятийного компонента концепта в анализируемых примерах не изменяется, но под влиянием внелингвистической ситуации появляются новые смыслы, новые ассоциации на периферии концепта.

Большая игра продолжается, в нее вовлекаются новые страны и континенты, новые участники, появляются новые сферы противостояния. В современном мире у *большой игры* мало шансов закончиться в ближайшее время, но все стороны также избегают риска тотальной войны.

Литература

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Песина С.А. Ядро как базовый слой концепта // Филологические науки. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-kak-bazovyiy-sloy-kontseptya>.
- Ananyan R. COMMENT: Aliyev could still lose in the Great Game he started. URL: <https://bne.eu/comment-aliyev-could-still-lose-in-the-great-game-he-started-299409/?source=azerbaijan>.
- Bipindra NC. China's 'Great Game' In Afghanistan: Beijing Expands Influence With Taliban To Check Uyghurs, Exploit Resources. URL: <https://www.eurasiantimes.com/china-betrays-uyghur-unease-in-taliban-engagement>.
- Dyer Gwynne. Sahel coups are just another 'Great Game'. URL: <https://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/2621201/sahel-coups-are-just-another-great-game>.
- Escobar P. Central Asia is the prime battlefield in the New Great Game. URL: <https://new.thecradle.co/articles/central-asia-is-the-prime-battlefield-in-the-new-great-game>.

Howell David. Putin's great game, Britain's role and the Commonwealth URL: <https://www.thearticle.com/putins-great-game-britains-role-and-the-commonwealth>.

Keating Jerome. Taiwan and the new 'Great Game'. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/09/23/2003806641>.

Mavuram Tisya. Modi Visit Part of a Geopolitical Great Game. URL: <https://prospect.org/world/2023-06-22-modi-visit-geopolitical-great-game>.

Rauhala E. An Arctic 'Great Game' as NATO allies and Russia face off in far north. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/07/17/an-arctic-great-game-nato-allies-russia-face-off-far-north>.

Shinde Ved. The Moon: The great game on new turf. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/07/17/an-arctic-great-game-nato-allies-russia-face-off-far-north>.

Tatiana P. Filichkina (Orel, Russia)
Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation

“GREAT GAME” CONCEPT IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

The aim of the article is to analyze the expansion of the conceptual aspect of the GREAT GAME concept on the material of English-language media discourse. At the synchronic level the peripheral layer of the GREAT GAME concept expands under the influence of extra-linguistic factors, while the significant characteristics of the nuclear layer remain constant.

Key words: concept, media discourse, conceptual component, nuclear layer, peripheral layer

Andrey G. Fomin (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University
andfomin67@mail.ru

Abdul Haq Haqiq (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University
salehhaqiq@gmail.com

CONCEPTUALIZATION AND CONTEXTUALIZATION AS THE WAYS OF IDENTIFYING THE MEANING

The article examines the interconnection between contextualization and conceptualization and their role in the perception and interpretation of culturally colored concepts functioning in a specific literary context. The results showed that perception becomes more complicated with linguocultural transformation through translation and requires additional cognitive efforts. Otherwise, there are significant semantic losses.

Key words: concept, context, cognition, interpretation, linguocultural transformation

Conceptualization and contextualization are two cognitive processes that help an individual to perceive, process, and organize information. Contextualization focuses on interpreting words and phrases based on a particular context or setting. This process involves analyzing contextual factors such as suggestions, hints, and background knowledge. Conceptualization and contextualization are cognitive tools that establish the actual, literal, specific, and general meaning. Despite the numerous research on various cognitive processes involved in the mechanisms of understanding, it is still impossible to say that the topic has been completely covered and answers to all research questions have been found. One of the areas in which the interest of researchers does

not fade is literature, where language is revealed in its highest manifestations. It is especially difficult to understand and interpret texts from a foreign culture.

Translation studies and common sense confirm that in the process of translation, some linguistic and cultural components of the original culture are lost. Losses will be especially significant if the host linguoculture is significantly different from the original one. Translating concepts is even more difficult. Concepts themselves are a complex construct, “an abstract idea or mental symbol that can also be referred to as a unit of knowledge” [Dillon 2000: 73]. Burdened with a context, they expand and increase the number of interpretations, “a general idea or notion that enables us to think easily about a wide range of real and possible objects” [Weiskopf 2008: 365]. The greatest difficulties arise when translating concepts formed in an unfamiliar cultural context. However, “an individual can imagine the meaning of the target concepts, even if he does not have a piece of adequate knowledge about them because thoughts contain concepts” [Burge 1993: 317]. Context is a particular situation in which an idea or notion is being expressed through “the linguistic environment of the language unit specifying how an element is used in communication” [Dash 2008: 28]. Context can greatly impact the interpretation and understanding of language units, however, “if you don’t know a word, you can often work out its meaning from the context, the surroundings of the word can clarify the meaning” [Nordquist 2019]. Therefore, the concept and context are inseparable.

To confirm the above statements, the authors analyzed the cases of translation of three titles from Khalid Hosseini’s novels who was born in Kabul, Afghanistan. In 1980, Hosseini’s family emigrated to the United States, due to political turmoil in Afghanistan. Hosseini graduated from the Medical School in San Diego and became a doctor. However, his passion for writing led him to put aside his medical career and devote himself to literature. The novels have been translated into many languages and have gained popularity all over the world. Unfortunately, there are significant semantic losses already at the level of the titles since they are culturally colored concepts.

“And the Mountains Echoed” was published in 2013. Echo in the mountains occurs when sound is reflected from the mountain slopes and returns to the source. Echoes in the mountains can be heard when the sound source is close enough to the mountain and when there are no other sounds that can make it difficult to perceive. This phenomenon is often used in various cultural and recreational activities, and can also be interesting for tourists and nature lovers. Echoes in the mountains can also be a metaphor to describe a situation where someone’s action is repeated or reflected by other people. This may indicate that ideas or words uttered by one person are spread and repeated by others, creating an echo effect. The metaphor of echoes in the mountains may also reflect the idea that people’s actions and words can have long-term consequences and affect other people, like a reflection from a mountain. Examples of the use of echoes in the mountains in literature can be found in various genres, including poetry, novels, and dramas.

In this case, the semantic losses are insignificant, because intuitively most people know what an echo is. Of course, for the author of the novel or the residents of Afghanistan, the echo in the mountains is not just a literary metaphor, but a cultural construct, primarily due to the geographical features of the country, because 80 percent of the

territory of Afghanistan is occupied by mountain ranges. However, even without this knowledge, a person can capture the image created by the author. “And the Mountains Echoed” is a story of many characters whose fates intertwine and echo over decades and across different continents. The book explores the themes of family, love, sacrifice, and the connection between people [Hosseini: URL].

The situation is a little more complicated with “A Thousand Splendid Suns”, published in 2007. This book tells the story of two Afghan women and reveals the themes of family relations, women’s solidarity, survival, and hope in conditions of war and oppression. In this case, the title is a quote from a 17th century Saib-e-Tabrizi Poem that is dedicated to Kabul and its true beauty. The poem talks about the real Kabul, the charms of which are hidden behind the horrors of war and destruction. Therefore, if the reader does not know this fact, then some layers of meanings will be inaccessible to him [ibid.].

The most significant semantic losses are observed in the translation of “The Kite Runner”. This book, published in 2003, became Khalid Hosseini’s debut novel. It tells the story of two friends from Afghanistan and their complicated relationship. The novel covers a variety of topics such as friendship, betrayal, guilt, and the search for redemption [ibid.]. It is difficult to say when kites first appeared in the history of mankind. China, Japan, India, Nepal, Thailand, and Korea are considered the oldest centers of kite fighting. Almost all of these countries have their versions of kite combat and competition rules. Kite flying in Afghanistan is a heated competition with a cultural context. The Afghan version, as Khaled Hosseini himself emphasizes, is characterized by freedom of interpretation of the rules. “The Afghan people love freedom! Kite fighting is a perfect example: fly a kite and fight as hard as you can. There are no rules. Good luck to you, fighter” [Semple 2007]. The purpose of the competition is to cut the rail of the opponent’s kite with his own. The kite is launched in pairs: one person controls the movements of the kite itself, and the second holds the coil on which the rail is wound and controls its tension. The owner of the last remaining kite in the sky becomes the winner, and the kite that fell last is considered the most valuable trophy. Battles take place in pairs, and the participation of a third person in the team is not allowed.

In “The Kite Runner”, kite flying becomes a metaphor for life in Afghanistan: difficult, eventful, and unpredictable. Kites appear at the beginning of the novel, awakening memories of Afghanistan in the emigrant hero, in one of the key scenes, determining the fate of the characters for decades to come, and at the end – as a symbol of atonement for his guilt and restoration of ties with his homeland. Without additional knowledge about this cultural phenomenon in Afghanistan, it is impossible to correctly interpret the meaning laid down by the author.

In the Russian version, the kite is not even in the title, it was translated as “Running After the Wind”, which does not correspond to the original idea and completely loses the cultural component of the original work.

To sum up, the process of identifying and shaping ideas based on what is received is known as conceptualization. Conceptualization establishes connections between ideas and generalizes abstract information, which contributes to a deeper and more systematic understanding. Contextualization helps a person to capture nuances, and subtext, and to create connections that may be important for cognitive interpretation.

Therefore, there is a symbiotic relationship between conceptualization and contextualization. While conceptualization is the process of forming ideas or concepts based on words, contextualization is the process of interpreting the meaning of words or phrases within a particular context. The relationship between contextualization and conceptualization is especially evident when it comes to linguocultural transformations due to translation. Translating can be difficult, especially when it comes to works that relate to a different cultural or linguistic context. Khalid Hosseini's books describing Afghan culture and history contain nuances that are unfamiliar to other cultures. They contain metaphors, symbols, concepts, or references that are specific to the original language and culture. The analysis of culturally conditioned concepts in the titles of Hosseini's novels showed that even though readers in the host cultures can perceive, process, and classify some meanings, however, the original meaning laid down by the author in these concepts remains inaccessible without certain background knowledge and requires additional cognitive efforts. The context is needed to provide clues to the intended meaning. By analyzing the words readers can define the context or concept associated with a word. At the same time, the concept derives from the context in which it is used. Without considering the context, it becomes challenging to get the precise meaning of a word and to preserve the authenticity and emotional power of the original text. Whereas, conveying a concept accurately requires presenting it within the appropriate context. Otherwise, some significant elements may be lost or distorted.

Литература

- Burge T.* Concepts, Definitions, And Meaning. *Metaphilosophy*. 1993. Vol. 24, No. 4. Pp. 309-325.
- Dillon G.L.* Introduction to Contemporary Linguistic Semantics. (Prentice Hall Foundations of Modern Linguistics Series.) Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. Pp. 150.
- Dash N.S.* Context and contextual word meaning // *Journal of Theoretical Linguistics*. 2008. Vol. 5. No. 2. Pp. 21-31.
- Hosseini K.* About Khaled Hosseini. URL: <https://khaledhosseini.com>.
- Nordquist R.* Conceptual meaning: Definition and Examples. 2019. URL: <https://www.thoughtco.com/conceptualmeaning-words-1689781>.
- Semple K.* For Afghan boys and men, kite flying is a way of life // 2007 <https://www.nytimes.com/2007/12/14/world/asia/14iht-kites.4.8751433.html>.
- Weiskopf D.A.* The origins of concepts // *Philosophical Studies*. 2008. No. 140 (3). Pp. 359-384.

А.Г. Фомин (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
Абдул Хак Хаккик (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь контекстуализации и концептуализации и их роль в восприятии и интерпретации культурно окрашенных концептов, функционирующих в особом художественном контексте. Результаты показали, что восприятие усложняется при лингвокультурной трансформации из-за особенностей перевода и требует дополнительных когнитивных усилий. В противном случае возникают значительные смысловые потери.

Ключевые слова: концепт, контекст, познание, интерпретация, лингвокультурная трансформация

АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «FAMILIE» («СЕМЬЯ») В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Устанавливается актуальное содержание базисного концепта FAMILIE (СЕМЬЯ) в немецкой лингвокультуре. Опираясь на теорию речевой деятельности, автор утверждает, что актуальное содержание базисного концепта можно установить на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями лингвокультуры.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, семья, базисный концепт, лингвокультура, сознание

Исследование концептов остается на сегодняшний день одним из основных в лингвистике. Ю.С. Степанов называет концепт «густком культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 40] и полагает, что концепты способствуют пониманию человеком культуры и мира в целом. Поскольку в человеческом сознании аккумулируется культурная информация, то его можно считать своеобразным посредником между реальностью и языком [Арутюнова 1993: 3].

Считается, что содержание таких базисных концептов как FAMILIE (СЕМЬЯ) должно оставаться стабильным на протяжении двух-трех поколений, однако с учетом современных экстралингвистических условий изменения происходят гораздо быстрее, поскольку даже базисные концепты присваиваются индивидом в течение его жизни под влиянием социально одобряемых форм поведения.

Считается, что содержание концепта можно установить в том числе на основе данных лексикографических источников ввиду того, что все наше сознание является вербальным, и концепты не существуют вне словесного воплощения. Однако, поскольку в современном мире данные лексикографических источников быстро становятся неактуальными, установить актуальное содержание концепта довольно сложно. Поэтому для исследования психологически актуального содержания концепта FAMILIE (СЕМЬЯ) в немецкой лингвокультуре мы предлагаем обратиться к сопоставлению данных лексикографических источников, которые позволяют определить инвариантное содержание, и данных свободного ассоциативного эксперимента. Теория речевой деятельности [Леонтьев 2005] рассматривает соотношение стимула и реакции как речевого действия, в основе которого лежит акт психологической предикации. Изучая характер предикации, можно установить актуальное содержание концепта.

Респонденты – носители немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет – получали анкету, содержащую 12 слов-стимулов, номинирующих одноименные базисные концепты, а также 10 слов-дистракторов. В эксперименте с носителями немецкой лингвокультуры было получено по 200 реакций на каждый стимул.

Отметим, что согласно исследованиям, проводимым социологами, философами, лингвистами, семья является наиболее значимым понятием для носителей любой лингвокультуры и занимает преимущественно первый ранг. FAMILIE (СЕМЬЯ) относится к ключевым концептам любой картины мира, является

«культурной универсалией и этнической доминантой» [Гунышова 2013: 155].

Обратимся изначально к определению, представленному в современном толковом словаре немецкого языка Duden. Слово *Familie* (семья) представлено в четырех значениях:

- 1) сообщество, состоящее из родителей или одного родителя и минимум одного ребенка;
- 2) группа всех связанных друг с другом родственными связями людей;
- 3) систематическая единица, категория, в которой группируются близкородственные виды животных и растений;
- 4) единство, серия технических устройств одинаковой конструкции.

Рассмотрим реакции, полученные в ассоциативном эксперименте. Считаем возможным распределить реакции респондентов, основываясь на модель ассоциативного значения [Пищальникова 2021].

Понятийные реакции: Mutter (20); Mama (14); Eltern (8); Geschwister (5); Mama und Papa (5); Kinder (3); Menschen (3); Bruder (1); Papa (1); Schwester (1) – всего 58 реакций.

Понятийные реакции представлены 29% от общего количества реакций. Такие реакции соответствуют определению лексемы *Familie*. Понятийные реакции, хотя и не показывают личностное отношение респондентов к концепту, но указывают на важную тенденцию, о которой можно говорить также на основе предыдущих исследований и на основе данных лексикографических источников. Именно мать является основой семьи, патриархальное общество сменяется матриархальным. Женщина воспринимается как ответственный работник, умный собеседник, прекрасный руководитель и прекрасная мать. Кроме того, важно отметить, что семья может состоять только из одного родителя, преимущественно матери.

Реакции-представления:

- отношения, лежащие в основе семьи: Liebe (19); Zusammenhalt (10); Vertrauen (8); zusammen (6); vertrauen (4); Verbundenheit (1); vertraut (1); warm (1); Wärme (1) – всего 50 реакций;
- эмоциональная связь с домом: Zuhause (18); Heimat (5); Haus (2); Rückhalt (2) – всего 27 реакций;
- семья как гарант защищенности: Geborgenheit (8); Sicherheit (3); Halt (1); Haltgebend (1); Rückhalt (1) – всего 14 реакций;
- семья как ценность: Leben (6); Glück (4); höchste Priorität (1) – всего 11 реакций;
- дружеские отношения: Freunde (4); auch Freunde (1) – всего 5 реакций;
- чувство принадлежности: meine Leute (1); Meine (1); meine (1); Zugehörigkeit (1) – всего 4 реакции;
- ощущение комфорта: Fürsorge (1); Wohlbefinden (1); Wohlfühlen (1); wohl fühlen (1) – всего 4 реакции;
- связь с происхождением: Herkunft (3); Wurzeln (1) – всего 4 реакции.

Наиболее значимой в количественном плане является группа реакций-представлений. Она представлена 60% от общего количества реакций. Именно представления указывают на глубоко личностное восприятие исследуемого понятия и

свидетельствуют о встроенности содержания слова в систему важных для личности понятий.

Наибольшее количество реакций объединены интегративным признаком «отношения, лежащие в основе семьи» (23%). Такие реакции номинируют межчеловеческие отношения, без которых семья не может существовать в принципе. Известно, что в основе семьи лежит чувство любви, которое объединяет всех ее членов. Доверие – еще одна составляющая крепкой семьи. Чрезвычайно важными представляются реакции *Zusammenhalt* и *zusammen*, которые свидетельствуют о важности сплоченности всех членов семьи в единое целое, а также ощущение себя незаменимой частью семьи. На это указывают также реакции, объединенные признаком «чувство принадлежности».

Согласно данным ассоциативного эксперимента, семья гарантирует респондентам поддержку, защиту, потому что семья – это те люди, которые готовы поддержать в любой жизненной ситуации. Семья эмоционально связана с родным домом, с Родиной. Отметим, что ядерной является реакция *Zuhause*, которая не имеет однозначного перевода на русский язык, однако является, по сравнению со словом *Haus*, эмоциональной. Немцы говорят: *Man kann ein Haus haben, aber kein Zuhause* / Можно иметь дом, но не чувствовать себя как дома. Для опрошенных респондентов семья ассоциируется именно с ощущением дома, комфорта и является также эмоциональным понятием.

В предыдущих исследованиях нами было доказано [Хлопова 2019], что ассоциативные поля базисных концептов пересекаются, поэтому семья неотделима от таких концептов как ЖИЗНЬ и СЧАСТЬЕ.

На наш взгляд, следует, однако, отметить, что семья для опрошенных респондентов не всегда определяется родственными узами. Друзья, которые входят в круг общения опрошенных респондентов, могут представляться для них такими же важными, как члены семьи.

Эмоционально-оценочные реакции: wichtig 9; elementar (1); Freude (1); Freundlichkeit (1); gut (1); Horror (1); kompliziert (1); Mmh (1); Nervig (1); Probleme (1); Streit (1); traurig (1); wertvoll (1); Wut (1) – всего 22 реакции.

Эмоционально-оценочные реакции представлены 11% от общего количества. Важно отметить, что 2/3 эмоционально-оценочных реакций отрицательные. Несмотря на то, что такие реакции единичны и незначительны по сравнению с общим количеством реакций, они могут указывать на начало изменений в содержании базисного концепта, которые, как было показано ранее, начинаются именно с изменения эмоционально-оценочного компонента.

Таким образом, данные свободного ассоциативного эксперимента в отличие от данных, указанных в лексикографических источниках, представляют психологически актуально содержание базисного концепта FAMILIE (СЕМЬЯ). Семья представляется респондентам как понятие личностное, связанное с родным домом, родителями, помогающее респондентам чувствовать поддержку членов семьи, а благодаря этому и опору. Исследование показало актуальность и значимость исследуемого концепта для носителей немецкой лингвокультуры, что представлено в многочисленных ассоциатах разной частотности на слово-стимул

Familie. Это позволяет считать семью базисным концептом, ценностью молодых немцев несмотря на пока незначительные изменения в институте семьи: семья может состоять из одного родителя, преимущественно матери, а эмоциональная оценка такого понятия как «семья» может быть не всегда положительной.

Литература

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Гуляшова Г.А. Социальный концепт *Familie* в немецкой языковой картине мира // Вестник КемГУ. 2013. № 1 (53). С. 155-162.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2005.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Хлопова А.И. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 80-85.

Anna I. Khloпова (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CURRENT CONTENT OF THE CONCEPT “FAMILIE” (“FAMILY”) IN GERMAN LINGUISTIC CULTURE

The current content of the basic concept *FAMILIE* (*FAMILY*) in German linguistic culture is determined. Based on the theory of speech activity, the author argues that the actual content of the basic concept can be established on the basis of data from a free associative experiment conducted with speakers of linguistic culture.

Key words: free associative experiment, family, basic concept, linguistic culture, consciousness

О.А. Хрущева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ ПРИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КСЕНОНИМОВ

Статья освещает проблему восприятия и распространения заимствований в современном русском языке. На примере медиадискурса демонстрируется тенденция к включению иноязычных заимствований в качестве типичных компонентов заголовков. Описывается процесс концептуализации ксенонимов в принимающих языке и культуре.

Ключевые слова: ксеноним, медиадискурс, русский язык, английский язык, концептуализация, когнитивный барьер

Современный русский язык несмотря на текущие политико-экономические процессы в стране и в мире демонстрирует тенденцию к приращению объема заимствований, преимущественно из английского языка. Иноязычные лексемы получили распространение в профессиональном и бытовом общении носителей русского языка вне зависимости от возраста, социального статуса, уровня владе-

ния иностранным языком. Российские средства массовой информации систематически и целенаправленно включают в текст публикаций иностранные термины и ксенонимы, фактически действуя против Федерального закона №52 о защите национального русского языка от чрезмерных заимствований [ФЗ 2023].

Так, в описании трагических событий в гимназии города Брянск в декабре 2023 года значительная часть российских средств массовой информации применили термин «скулшутинг», образованный от английских основ *school* – школа и *shooting* – обстрел, перестрелка. Заголовки публикаций, освещающих это событие, гласили: «Скулшутинг в брянской гимназии»; «В Брянске школьница устроила скулшутинг из отцовского охотничьего ружья»; «Скулшутинг: почему стреляют в школах?» и т. д. Кроме того, в данных новостных сводках обозначенный термин употреблялся совместно с лексемой «буллинг» (от английского *bullying* – травля, издевательства, дедовщина) в качестве указания на причину трагедии.

По нашему убеждению, в данном контексте используются ксенонимы, а именно «языковые единицы, функционально направленные на обозначение элементов внешних культур» [Кабакчи 1998: 20], что обусловлено их чуждостью и сложностью для восприятия и осмысления со стороны носителя русского языка и культуры. Когнитивный барьер возникает при прочтении заголовка, содержащего названную языковую единицу, и не снимается при дальнейшем ознакомлении с контекстом, призванным прояснить ситуацию. Ксенонимы, функционирующие в русском языке, являются продуктом вторичной культурной номинации в условиях глобализации. Однако они выступают вариантами наименования специфических элементов чужой культуры [Кабакчи 2012: 27], где подобные ситуации приобрели особые ассоциативные связи и коннотации (субкультура и идеология Колумбайн).

Ксеноним появляется в языке на месте лакуны, иными словами, в принимающей лингвокультуре отсутствует не только само слово, но и соответствующие ему фрагмент действительности (референт) и концепт [Белоглазова 2015: 20-21]. Мы не отрицаем наличия и остроты обозначенной проблемы в современном российском обществе, но не можем признать уместность и логичность использования вариантов «скулшутинг» и «буллинг» в отношении произошедшего в нашей стране. Объяснением тому служит понимание ситуации на уровне слова, а не сущности явления – потребитель информации может знать значения слов *school-shooting* и *bullying*, но отнюдь не владеть соответствующими концептами. Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, «языковые значения не могут приравниваться к передаваемым концептам», так как «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта» [Болдырев 2001: 26].

Особенности плана содержания ксенонимов, их принадлежность к чужой, внешней, иноязычной концептосфере препятствуют концептуализации в принимающем языке и порождают когнитивные барьеры. Оформление названных единиц в кириллической графике, именуемое в лингвистике перекодировкой (*code switching*), не снимает сложностей в их восприятии и свидетельствует об искажении исходных концептов. Высказываются мнения, что перекодировка способ-

ствует эффективному межъязыковому и межкультурному взаимодействию. Однако в данном конкретном случае приходится констатировать трансляцию определенной модели поведения и навязывание чуждых ценностных ориентиров. Ксенонимы под воздействием экстралингвистических факторов способны влиять на характер восприятия действительности; являясь отпечатками актуальных явлений в жизни социума, они провоцируют нас на определенное мировидение и реакцию. Цитируя В. фон Гумбольдта, заключим, что «язык ... не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов в нашу душу; он несет в себе и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма» [Гумбольдт 1984: 81].

Литература

Белоглазова Е.В. О возможности и границах концептуализации ксенонимов // Язык и культура в эпоху глобализации. СПб.: СПбГЭУ, 2015. С. 19-25.

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25-45.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: СПбГУЭФ, 2012.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.

ФЗ – Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». URL: <http://publication-on.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>.

Oxana A. Hrushcheva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

COGNITIVE BARRIERS IN XENONYM CONCEPTUALIZATION

The article deals with the problem of borrowed words' perception and spreading in the present-day Russian language. The study is based on media texts analysis which contain foreign words as integral components of the headlines. The article highlights the conceptualization process of xenonyms in the target language and culture.

Key words: xenonym, media discourse, the Russian language, the English language, conceptualization, cognitive barrier

Л.В. Цвенгер (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
lora008@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «WHITE» В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты содержания и аксиологической значимости концепта WHITE на материале колоративной лексики англоязычного газетного дискурса. Контекстуально-репрезентативный анализ позволяет установить содержание концепта WHITE.

Ключевые слова: концепт, цвет, white, колоративная лексика, газетный дискурс

В современном мире особое значение приобретает диалог культур, основанный на принципе безконфликтности языковой коммуникации, что обеспечивается за счет выявления возможных импликаций, появляющихся в контексте общения между представителями различных социальных и культурных сообществ [Болдырев, Беляева 2022: 928]. В связи с этим остаются актуальными исследования универсального и уникального в различных лингвокультурах.

На протяжении многих десятилетий объектом исследования современной лингвистики является колоративная лексика. Цвет, будучи универсальной категорией бытия, в различных лингвокультурах имеет специфические особенности вербализации и интерпретации. В реальном мире цвет не существует изолированно вне конкретного объекта [Вежицкая 1996: 283]. При этом исследователи акцентируют внимание на зависимости колоративной лексики от биологических, языковых и социокультурных факторов, определяющих значимость цвета в разных профессиональных областях деятельности социума, в религиозной жизни, в символической и художественном творчестве [Пастуро 2018: 17]. Отметим также, что данные факторы обуславливают амбивалентность сущности цвета.

По мнению исследователей именно социум кодирует цвет и наделяет его оценочным смыслом, а декодирование колоративных единиц предполагает знание о нескольких сущностях, принадлежащих к разным концептуально-тематическим областям. Следовательно, колоративная лексика может рассматриваться как средство языковой интерпретации знаний о мире,

Целью исследования является выявление содержания и аксиологической значимости концепта WHITE в современном русском газетном дискурсе.

Материалом для исследования послужили контексты англоязычного газетного дискурса, содержащие колоративные единицы с лексемой white.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, концепт представляет собой квант структурированного знания, а в его содержании можно выделить общенациональный компонент, а также групповые, региональные и индивидуальные компоненты [Болдырев 2021: 46]. По мнению многих исследователей, концепт является базовой единицей культуры (Ю.С. Степанов, А. Вежицкая, В.Н. Телия и др.) и включает такие составляющие как образ, понятие и ценность. Образная составляющая концепта связана с перцептивной и когнитивной сторонами концепта как психолингвистического феномена, а понятийная составляющая коррелирует с языковым воплощением рассматриваемого явления. Ценностная составляющая концепта определяет важность данного явления и для социума, и для индивида [Карасик 2004: 109].

В ходе исследования приемом сплошной выборки из контекстов газетного дискурса были извлечены колоративные единицы, построенные по наиболее продуктивной синтагматической модели A+N, и содержащие лексему white.

Изучение выбранных контекстов позволило установить, что в анализируемых колоративных единицах актуализируются связи понятия «white» с различными материальными и нематериальными явлениями окружающего мира. Рассмотрим некоторые группы признаков концепта WHITE: 1) Характеристика внешнего признака объекта; 2) Оценка объекта, его деятельности; 3) Темпоральность; 4) Антонимичность концепту BLACK.

1. **Характеристика внешнего признака объекта.** Анализ колоративных единиц, содержащих лексему *white*, позволяет выявить такие признаки концепта WHITE в англоязычной концептосфере как: 1) **светлый, в противоположность более темному:** *white chocolate* (разновидность шоколада, который изготавливается без добавления какао-порошка), *white bread* (хлеб из очищенной пшеничной муки высшего сорта); 2) **признак расы людей и их культуры:** *white boy*, *white voters*; 3) **расизм:** *white trash*, *white supremacists*, *white grievance* (обида человека белой расы), *white conscience* (сознание людей белой расы); *white anger* (гнев представителя белой расы); 4) **напиток с молоком:** *white tea or coffee*; 5) **сопровождается выпадением снега:** *a white Christmas*; 6) **эмоционально-физиологическое состояние:** *white face* (из-за боли или страха).

2. **Оценка объекта, его деятельности.** Концепт WHITE содержит признаки, которые характеризуют 1) отношение к деятельности объекта в сфере экономике и Интернет безопасности – **легальный, законный, безопасный:** *white hat* (этичный хакер, специализирующийся на тестировании безопасности компьютерных систем); *white knight* (лицо или фирма, которые делают компании желательное предложение о поглощении на более выгодных условиях вместо неприемлемого и нежелательного предложения); *white-shoe firm* (респектабельная фирма); *white list* (список площадок, на которых стоит размещать рекламные объявления); *white hat* (этичный хакер, специализирующийся на тестировании безопасности компьютерных систем); 2) отношение к объекту с точки зрения его ценности: **бесполезный:** *white elephant* (обременительный подарок, от которого трудно избавиться); **роскошный:** *white sands*.

3. **Темпоральность.** Данный признак актуализируется в единице *white flag*, как символ временного прекращения военных действий.

4. Антонимичность концептов WHITE и BLACK.

Контекстуально-репрезентативный анализ показал, что в рамках современного газетного дискурса ценностная составляющая концепта WHITE эксплицируется его противопоставлением концепту BLACK, например, при сравнении доходов людей, принадлежащих к разным расам: *Weinberger controlled for 246 narrowly defined academic majors and 388 distinct institutions and finds that White men receive a 9% premium compared with Black men and a 15% to 25% premium compared with Black women* [American Economist 2017].

Антонимичность данных концептов подтверждает также следующий контекст: *My boyfriend is the white sheep of his family: the only one to go to college and have an actual job.* [Slate Magazine, 09.07.2019]. Автор текста, манифестируя идею о единственном члене семьи, который учится в колледже и работает, прибегает к конструированию единицы *white sheep*, появление которой обусловлено сходством доминантных признаков описываемого объекта реальной действительности и сложившегося в данной лингвокультуре устойчивого образа (единственный из семьи), и происходит в результате замены оценочных компонентов.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что предметно-образная составляющая концепта WHITE представляет собой обобщенный образ поня-

тия «white», который актуализируется в языковых номинациях различных характеристик объектов и явлений окружающего мира, составляющих понятийную сторону концепта. *Образ концепта* WHITE вербализуется в рамках современного газетного дискурса при помощи колоративных единиц посредством прямой номинации, а также метафорическими средствами. *Ценностная сторона концепта* – это сложившиеся и закреплённые в определенной этнокультуре эмоционально окрашенное восприятие цвета *white*, а также со стереотипными ситуациями и традициями данного этноса.

Литература

Болдырев Н.Н., Беляева И.В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 925-936.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Пастуро М. Зелёный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Larisa V. Tsvenger (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “WHITE” IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE

The article examines some aspects of the content and axiological significance of the concept WHITE based on the material of the colorative vocabulary of the English-language newspaper discourse. Contextual and representative analysis allows establishing the content of the concept WHITE.

Key words: concept, color, white, color vocabulary, newspaper discourse

О.Ф. Циберная (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
igoshevaolesya@gmail.com

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ КАК МАРКЕР ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ

В рамках работы освещена взаимосвязь трансфера знаний и динамики активности средств лингвокреативности в ходе становления концепта. Приведены примеры использования различных средств лингвокреативной деятельности на разных временных отрезках в корреляции с особенностями мышления носителей русского языка каждого периода.

Ключевые слова: концепт, лингвокреативность, средства лингвокреативности, диахрония, трансфер знаний

Одним из актуальных направлений современной когнитивной лингвистики остается изучение вопроса внутрикультурного трансфера знаний – сдвига в сознании носителей некоторой языковой картины мира, спровоцированного рядом лингвистических и экстралингвистических факторов [Циберная 2019]. Трансфер знаний проявляется, в частности, в формообразовании мыслительных структур,

в том числе концептов. Формообразование это находит отражение в первую очередь в средствах репрезентации концепта. Исследование репрезентации концепта в динамике позволяет не только описать содержание и структуру концепта на разных этапах его становления, но и выявить используемые носителями языковой картины характерные средства лингвокреативной деятельности, маркирующие процесс передачи знаний от поколения к поколению.

Под лингвокреативностью, вслед за Е.В. Харченко, будем понимать создание «нового продукта мыслительной деятельности, закрепленного и оформленного с помощью вербальных знаков» [Харченко 2018]. Ранее мы проанализировали лингвокреативность как инструмент внутрикультурного трансфера знаний, рассмотрев примеры и динамику номенклатуры основных средств лингвокреативной деятельности носителей языковой картины мира в процессе становления концепта [Циберная 2023]. В настоящем исследовании сделаем акцент на способности признаков лингвокреативной деятельности маркировать процесс внутрикультурного трансфера знаний, а также рассмотрим особенности средств лингвокреативности в репрезентации концепта ЧЕЛОВЕК в русской языковой картине мира в ходе его становления (1850-е гг. – наше время).

Выделяют следующие базовые средства лингвокреативности: аббревиация, метафоризация, семантическая транспозиция, концептуальная интеграция, аппроксимация и языковая игра.

Активность **аббревиации** как творческого преобразования единиц языка при помощи компрессии их формы и содержания на разных этапах становления концепта неоднородна [Вишнякова 2019]. Так, на дореволюционном этапе (1953–1917 гг.) аббревиация была наименее активна. Нам удалось найти лишь один пример использования аббревиации на данном этапе становления (*младодфинн*). С течением времени аббревиация как средство лингвокреативной деятельности использовалось более активно: на послереволюционном этапе (1918–1980 гг.) было выявлено 15 репрезентантов концепта ЧЕЛОВЕК, образованных при помощи аббревиации (*ВЦИК, совхоз, рабфак* и др.). Подобная картина наблюдается и на современном этапе (1981–2020 гг.) Нами были выделены 20 аббревиатур-репрезентантов концепта ЧЕЛОВЕК (*СМИ, ФАС, ООН* и др.). Такого рода поэтапное повышение активности аббревиации может свидетельствовать не только о возникновении новых объектов, нуждающихся в номинации, но и об усложнении этих объектов. Это косвенно подтверждает и увеличение с течением времени репрезентантов концепта ЧЕЛОВЕК, обозначающих абстрактные понятия. Мышление носителей русской языковой картины мира, таким образом, стало более абстрактным.

Метафоризация как расширение семантического объема слова за счет возникновения у него переносных значений была минимально активна на дореволюционном этапе – 1 репрезентант (*белая кость*), достигая максимальной активности на послереволюционном этапе – 8 репрезентантов (*кулак, хищник капитализма, леваяк* и др.). На современном этапе активность метафоризации снизилась, было выявлено 4 случая употребления метафор в репрезентации концепта «человек» (*людской*

поток, зажравшийся и др.). Использование метафор говорит об образности мышления, а также о необходимости расцветивать речь яркими оборотами с целью усиления речевого воздействия. Это, несомненно, оказалось особенно важно в послереволюционные времена формирования нового мировоззрения.

Под **языковой игрой** понимают осознанное нарушение языковых норм с целью реализации языковых возможностей и раскрытия творческого потенциала. В рамках исследования на дореволюционном и послереволюционном этапах языковая игра как средство лингвокреативности выявлена не была, однако отмечена ее широкое распространение на современном этапе. В частности, нами были отмечены следующие лексемы, образованные при помощи языковой игры: *налогоудушение* (вместо налогообложение), *здравозахоронение* (вместо здравоохранение), *кривономика* (вместо экономика) и др. Активное использование языковой игры в лингвокреативной деятельности на современном этапе развития языка может свидетельствовать о большей свободе носителей языка.

Аппроксимация (сознательное упрощение семантики слова, а также приблизительное наименование разных денотатов) отмечена в следующих примерах: *старик, юноша, девица, слушатель* и др. (1953–1917 гг.); *люди, вредители* (1918–1980 гг.); *пациент, дядя, царизм* и др. (1981–2020 гг.). Отметим, что активность аппроксимации как средства лингвокреативности снизилась на послереволюционном этапе и вновь повысилась на современном этапе. Это может демонстрировать большую конкретность мышления носителей русского языка в послереволюционный период.

Концептуальная интеграция характеризуется смешением ментальных пространств в сознании человека. В ходе исследования нами были выявлены следующие примеры употребления концептуальной интеграции: *экономка, бонна, мещанин, четник* (1953–1917 гг.); *сезонный рабочий, армия безработных, честный рабочий, бедняцко-средняцкое крестьянство, кулацкое царство, крестьянская утопия, товарный голод* и др. (1918–1980 гг.); *палатка, беженец, урожайнец, гастарбайтер* и др. (1981–2020 гг.). Наибольшая активность концептуальной интеграции, таким образом, отмечена на послереволюционном этапе и вызвана значительной перестройкой в сознании носителей русского языка.

Смысловая транспозиция – сужение или расширение реального значения относительно номинального – отмечена в следующих случаях: *голова, женщина, наездник, родной, безумный* и др. (1953–1917 гг.); *средняк, кружок, меньшевик*; (1918–1980 гг.); *второй* и др. (1981–2020 гг.). Активность смысловой транспозиции невысокая на протяжении всего становления концепта ЧЕЛОВЕК, однако несколько чаще данное средство лингвокреативности использовалось на дореволюционном этапе.

Очевидно, что на разных этапах становления концепта с большей активностью использовались разные средства лингвокреативной деятельности. Наиболее значительные изменения при этом наблюдаются при переходе от дореволюционного этапа становления концепта ЧЕЛОВЕК к послереволюционному. На современном этапе также отмечены значительные сдвиги в номенклатуре средств лингвокреативности.

Активность средств лингвокреативности, таким образом, можно считать одним из важнейших маркеров трансфера знаний, а отслеживание динамики использования средств лингвокреативности, выступающей как маркер этого процесса, дает возможность отследить трансфер знаний.

Литература

Вишнякова Е.А. Аббревиация как лингвокреативная деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 2. С. 11-22.

Харченко Е.В. Лингвокреативность в языковом пространстве города: межкультурный аспект // Уральский филологический вестник. Серия: язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 454-463.

Циберная О. Ф. Аббревиация как средство лингвокреативности в китайском языке // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 8 (44).

Циберная О. Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек» / «人 (rén)»): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.

Olesia F. Tsibernaia (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

LINGUISTIC CREATIVITY AS A MARKER OF KNOWLEDGE TRANSFER

Within the framework of this work, the relationship between the transfer of knowledge and the dynamics of activity of linguistic creativity during the formation of the concept is highlighted. Examples of the use of various means of linguistic creative activity at different time periods are given in correlation with the thinking characteristics of native speakers of each period.

Key words: concept, linguistic creativity, means of linguistic creativity, diachrony, knowledge transfer

И.В. Чекулай (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru

О.Н. Прохорова (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru

СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА И СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ

В современной когнитивной лингвистике сложилось традиционное понимание концепта как некоторой структурированной совокупности знаний о предмете или явлении, которые, как правило, можно передать либо лексическими, либо лексико-фразеологическими единицами. Как представляется, сфера языковых единиц передачи подобного содержания может быть расширена за пределы предложения-высказывания.

Ключевые слова: структура знания, сверхфразовое единство, ситуация, подтекст

Как известно, в современной когнитивной лингвистике ключевой единицей любого исследования является концепт, т. е. «многомерное смысловое образование в коллективном сознании, опредмеченное в языковой форме» [Ляпин 1997:

55]. Тем самым обязательным требованием, предъявляемым к концепту представителями когнитивной науки, выступает возможность воплотить некоторое знание в форме единиц языка и, соответственно, речи.

Обычно в качестве основных, а порой и не имеющих альтернативы средств речевого выражения в когнитивной лингвистике принято считать слова и фразеологические единицы. Практика научных исследований показывает, что это далеко не так. В связи с этим предложение-высказывание представляется не менее важной единицей для реализации *определенных* структур знания. Свидетельством тому являются некоторые наречия и дискурсивные маркеры, которые, как известно, употребляются только в составе высказываний. Это такие слова русского языка как *даже, будто, только, едва*, английского языка *though, as far as, like* (союз), итальянского языка *mai, un po di* и многие другие, которые также характерны для разных языков; на этом основании такое явление можно полагать универсальным. В то же время Л.А. Фурс достаточно убедительно показывает, что синтаксические единицы само по себе являются структурами передачи некоторых квантов знания, образуемых когнитивной амальгамацией таких категорий как «акциональность», «каузативность», «процессуальность», «деятель», «результат» и др. [Фурс 2004].

Следует отметить, что текст как основная форма передачи дискурсивного содержания реализует структуры знания, но взятые не сами по себе, а соединенные определенными структурными и когнитивными механизмами в единый агломерат мысли, которому приданы иллокутивный и/или перлокутивный векторы. Безусловно, в любом тексте можно выделить основную составляющую структуру знания, которая обычно передается в форме заголовка, но все же его авторы оперируют различными концептами для передачи содержания и одновременной реализации собственных прагматических интенций. Утверждать, что текст является просто упорядоченной суммой концептов, было бы некорректно, поскольку в нем одновременно могут реализоваться различные содержательные виды информации. Вопрос о том, как происходит синтез концептов (или иных структур знаний) в целостную текстовую информацию, пока, к сожалению, остается без ответа.

По мнению И.Р. Гальперина, текст может содержать в себе содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. При этом содержательно-фактуальная информация актуализируется уже простым произнесением слова, устойчивого идиоматического или терминологического словосочетания. Содержательно-концептуальная информация, как видно из ее названия, апеллирует к концепту как необходимому посреднику между знанием и его дискурсивной реализацией, предполагая некоторую интерпретацию текстового содержания. И, наконец, содержательно-подтекстовая информация требует не просто механической обработки сообщаемых и воспринимаемых фактов, не только их концептуальной обработки, но и некоторого полета догадки, интуиции, прогностики глубинного содержания явлений. Если благодаря достижениям когнитивной науки какие-то существенные характеристики передачи концептуального содержания уже вносят свою лепту в дальнейшее изучение дискурса и текста, то подтекст остается во многом своего рода «белым

пятном» на карте исследования информативных процессов [Воронова 2021].

С сугубо лингвистической точки зрения представляется важным установление механизмов, обеспечивающих релевантную подачу и декодирование содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой составляющих информации, а именно, внутри каких единиц и за счет каких прагматических ресурсов такие подача и интерпретация происходят. Здесь в первую очередь представляется важным выяснение того, каким образом разные виды информации распределяются по единицам языка и речи различных уровней языковой иерархии. Именно с этих позиций вырисовывается возможность структурирования процесса распределения различных видов информации. Но если единицы лексического и лексико-фразеологического уровня глубоко исследованы лингвистами, и наблюдается известный прогресс в изучении информативных характеристик единиц морфологического уровня и уровня предложения-высказывания, то исследованиям на сверхфразовом уровне (между синтаксическим уровнем высказывания и уровнем текста как целостного образования) пока уделяется недостаточное внимание.

Дело усложняется еще и своего рода «конфликтом интересов» лингвистов, придерживающихся когнитивной и структурно-функциональной исследовательских платформ. Если последние во многих случаях придерживаются традиционного выделения уровней языковой иерархии, где далеко не всегда сверхфразовый уровень рассматривается в качестве отдельного яруса сегментной организации единиц языка и речи, то первые могут использовать термин «сверхфразовое единство» (далее СФЕ) исключительно инструментально, в связи с реализацией какой-либо структуры знаний в составе этой единицы. В то же время представляется, что более глубокое и системное лингвистическое исследование СФЕ имеет зримые перспективы.

Сложное синтаксическое целое (данный термин выступает абсолютным синонимом СФЕ) является в какой-то мере таинственной единицей. Одно ее свойство, выделяемое в связи с реализацией определенных структур знания с одновременной передачей содержательно-подтекстовой информации, можно показать на примере из романтического рассказа Eleanor Farjeon «Anthony in Blue Alsatia».

Railways – it is their drawback – compel you to travel to somewhere. You, who desire to travel to Anywhere, must take your ticket to Stroud or Stoke, and chance it. The safest plan is to choose some place with a name like Lulworth, Downton, or Nether Wallop; such places surely cannot go far wrong. But even though they prove to be heaven in its first, second, or third degree, still, there you must go, and nowhere else; – and think of the Seventh Heavens you flash through continually on your way there, Heavens with no names and no stations, Heavens to which no tickets are issued. To whom has it not happened, time and again, on his way to the Seaside, the Moors, or the Highlands, to cry in his heart, at some glimpse of Paradise from the carriage windows: “*That is where I really wanted to go – that is where I would like to get out! That valley of flowers, that cottage in the birch-glade, that buttercup field with the little river and a kingfisher – if only the train would stop!*” – But it never does.

Представляется важным тот факт, что в тексте границы СФЕ и абзаца совпадают, что, кстати, происходит не всегда. Более того, в рассказе, где основными

композиционно-речевыми формами являются повествование и описание, целый абзац представляет собой размышление, которое указывает читателю на подтекст и тем самым основную синтезированную текстовую информацию, которую можно выразить следующим образом с помощью полноценной синтаксической единицы, а не отдельным словом или словосочетанием, хотя и в крайне сжатом виде: «В жизни каждому из нас встречаются места, где мы знаем наверняка, что были бы там счастливы, но беда в том, что мы видим их мельком, часто из окон транспорта, который нельзя остановить». Отсюда как вывод вытекает еще один, более глобальный контекст: «Счастье всегда просто».

Примечательно, что подтверждения существования такой структуры знания можно обнаружить и в произведениях, созданных в рамках инкорпорирования языковых средств выражения в сферу действия других семиотических систем. Например, таковы песня «Знаю я, есть края...» (в большинстве источников авторство текста приписывается ее исполнителю И.С. Сукачеву) и мультипликационный фильм «Паровозик из Ромашкова» («Союзмультфильм», 1967 г.).

Необходимо отметить, что нередкими являются случаи актуализации содержательно-подтекстовой информации и в рамках единиц более простых уровней языковой иерархии. Было замечено, что чаще в этих случаях реализуется отрицательно-оценочная коннотация подтекста, как например, в следующем случае.

Далее Кунин видел, как кучер Андрей и мальчик Парамон, прыгая через лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбежали к нему под благословение [цит. по: Чехов 1986: 149].

Ситуация достаточно однозначна: в ней отражается бездумность людей, которые в стремлении достичь чего-то хорошего могут совершать нелепые, безобразные, а иногда и подлые поступки. Вполне осязаемо, хоть и не отражая все тонкости конкретной ценностной ситуации, эта структура знания актуализирована в известной библейской максиме о том, что благами намерениями вымощена дорога в ад.

Таким образом, центральным понятием для подобных случаев языковой актуализации некоторого содержания становится ситуация, которая является основным вектором согласования единицы языка и речи с определенным квантом знаний. Надо сказать, что в этом направлении исследования уже ведутся. В частности, хотелось бы отметить разработку категории ситуатемы в исследованиях Н.Б. Лебедевой, где она определяет это понятие как лингвистическую единицу, одновременно связанную и со значением отдельной глагольной лексемы, и с «разворачиванием теста... и семантическими процессами в лексической системе» [Лебедева 2010: 38–39]. Немаловажным представляется и развитие комплексного изучения СФЕ как речевой структуры для передачи структуры знания, обычно лексическими единицами не выражаемой, но способной быть актуализированной через развертывание в пределах более сложных структур языковой и речевой иерархии. На наш взгляд, такое комплексное изучение ситуации может дать импульс к развитию новой отрасли исследования частных феноменов языка, интегрирующей несколько научных направлений, какой в свое время явилась композиционная семантика.

Литература

- Воронова Н.Г.* Виды информации в тексте и способы их восприятия // Международный исследовательский журнал. 2021. № 11 9113, Ч. 4. С. 145-148.
- Лебедева Н.Б.* Полиситуативный анализ глагольной семантики. М. Книжный дом «Либроком», 2010.
- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центра концепта. Вып. 1. Архангельск: Поморский ун-т, 1997. С. 11-55.
- Фурс Л.А.* Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.
- Чехов А.П.* Кошмар // Чехов А.П. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986.

Igor V. Chekulai (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University
Olga N. Prokhorova (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

STRUCTURES OF LANGUAGE AND STRUCTURES OF KNOWLEDGE: ASPECTS OF CORRELATION

The traditional interpretation of the concept as a certain structured complex of knowledge about a certain object or phenomenon of objective or some otherwise invented reality has been established in modern linguistics. Such knowledge, as a rule, can be expressed either with lexical or lexical-phraseological units of language and speech. It is supposed in this article that the sphere of the language units to transform this could exceed the utterance-sentence level.

Key words: knowledge structure, superphrasal unity, situation, situateme, subtext

А.Б. Чернышев (Ярославль, Россия)
Публичное акционерное общество «Автодизель»
alexeich_78@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕГРАТИВНАЯ СЕМАНТИКА И КОНВЕРГЕНЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ «ДЕРЖАТЬ – ИМЕТЬ» В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ)

В статье когнитивные аспекты словообразования рассматриваются с двух противоположных ракурсов – пропозициональных, композиционных структур слова, составляющих предмет интегративной семантики и конвергенции. В качестве предмета исследования выступает когнитивная модель «держать – иметь». На примерах современной художественной литературы показаны семантические и формальные модификации глаголов со значениями 'держать', 'иметь' во французском, испанском и португальском языках.

Ключевые слова: семантика, словообразование, распад, конвергенция, модель

С периода зарождения и формирования и успешно практикуемой в настоящее время в лингвистической науке при решении насущных исследовательских задач когнитивно-дискурсивной парадигмы вопросы когнитивного словообразования всегда рассматривались как неотъемлемая ее часть. Поскольку все когнитивные и словообразовательные модели нацелены на репрезентацию знаний о языке в виде схем, образов и фрагментов, то зачастую решение сложных проблем словообразования, связанного с организацией, с одной стороны, предложения, с другой – слова,

определяло и такое направление как когнитивная семантика. Подобное определение не может считаться бесспорным, так как в некотором смысле при современном подходе сама семантика не может лежать вне плоскости когниции.

В условно понимаемом производном слове каждый элемент имеет свое значение, и слово, таким образом, получает некоторую совокупность, или комбинацию значений. Не случайно применительно к словообразовательным моделям Е.С. Кубряковой было введено понятие пропозициональных структур, образующих языковые формы как результат объективации и категоризации знаний. Как следствие, при таком подходе семантика производного слова закономерно формируется как композиционная, когда вклад каждого компонента производного слова имеет результатом интегративное значение, т. е. суммирование информации о фрагментах знания. При этом сам феномен не до конца предсказуемого и угадываемого значения комплексного знака должен получить свое объяснение. Решение именно данной проблемы было поставлено одной из задач когнитивного словообразования Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 440-446].

Что касается способа словообразования с интегрированными компонентами, то он действительно отличается от традиционного, поскольку употребляющиеся с ними образовательные элементы представляют собой усеченную форму, значение которой не лежит на поверхности. И выделение подобных элементов может быть реализовано в рамках морфологической членимости слова, в частности глагола, принципиальным условием которой, по мнению Е.С. Кубряковой, является явная ограниченность пределов сочетаемости таких элементов. Такие неполнозначные с точки зрения речевой самостоятельности «отрезки» слова Е.С. Кубрякова определяет как квазиморфы [Кубрякова 2008: 60-61], а еще ранее слова, включающие две или более связанные формы, Л. Блумфилд обозначил как комплексные, получающие определенное значение благодаря системе противопоставлений типа *contain – detain – pertain – retain* [Блумфилд 2002: 261-262]. Представленная модель словообразования вполне сопоставима и с русским языком, ср: *держать – содержать – задержать* и т. п., из чего следует формальное соответствие английской морфемы *-tain* и русского глагола *держать*.

Любопытным, однако, оказывается сам факт модификации исследуемых форм в разных языках. Очевидно, речь идет не просто о заимствовании и адаптации конкретной формы из одного языка в другой, но принципиально об общей тенденции к максимально возможной степени распада формы – той степени, которая позволяет сохранить смысл. Этот процесс языкового развития по так называемой конвергентной модели (противоположно дивергентной) был определен немецким теоретиком и типологом-классиком Ф.М. Мюллером как фонетический упадок, или искажение [Мюллер 2009: 31-34].

Следует отметить, что принцип модификации, возведенный Мюллером в закон языковой эволюции, касался и касается не только фонетических форм, но и семантики. Именно семантические модификации способствуют формированию когнитивных моделей по тем или иным смежным признакам, позволяющих вскрыть закономерность и своего рода универсальность человеческого мышле-

ния, или, по словам М.В. Пименовой, репрезентировать «концептуальную организацию опыта» [Пименова 1999: 38].

В качестве практической части исследования опишем когнитивную модель «держать – иметь» как в качестве актуализации словообразовательного процесса на примере некоторых романских языков.

Очевидно, что из романских языков значение ‘держать’ наиболее конкретно представлено во французской инфинитивной форме *tenir*. Традиционно определяемый как «префиксальный» способ словообразования, как и в русском языке, приводит к семантической вариации основ *tenir* во французском (собственно, как и в русском языке глагол *держать*). Примеры:

(1) *Vous n'avez tenu jusqu'ici aucun compte des nécessités de la scene* (André Maurois).

(2) *Tenez, il reste en vous (et c'est à mon avis votre seul défaut) quelque chose de l'affectation du symbolisme...* (André Maurois).

(3) *Ce garçon, qu'elle avait cru prêt à l'épouser dès qu'elle aurait obtenu son divorce* (André Maurois).

(4) *Ils descendaient avant le coin et, à partir de là, avançaient à une certaine distance l'un de l'autre après s'être dit, d'un air de complicité qui contenait l'esquisse d'un sourire: «A tout à l'heure»* (André Maurois).

В испанском языке исследуемая основа, принимающая форму *tener*, метафорически эволюционирует до значения ‘иметь’, выявляя смысловую схожесть между понятиями содержания и обладания. Примеры:

(5) *Estuve a punto de decir que sí, pero eso me habría supuesto tener un disgusto con mi madre, de manera que decidí dar una respuesta más matizada* (Julia Navarro).

(6) *No pude sostener aquella mirada, de manera que desvié la vista hacia la chimenea* (Julia Navarro).

(7) – *Verá, joven, nosotras pertenecemos a una época en que la palabra dada tenía valor de ley...* (Julia Navarro).

Максимальная же степень конвергенции и конкретизации представлена в португальском языке, где *tener* (*tenir*) становится *ter* ‘иметь’ по аналогии базовых слов в собственной языковой структуре типа *ser* ‘быть’, *ver* ‘видеть’, а также *ler* ‘читать’.

(8) «*Não há sossego – e, aí de mim!, nem sequer há desejo de o ter*» (Fernando Pessoa).

(9) *Uma inteligência aguda para me destruir, e um poder de sonho sôfrego de me entreter...* (Fernando Pessoa).

Таким образом, в результате анализа языкового материала представляется возможным сделать основные выводы. Когнитивные модели словообразования непосредственно связаны с семантикой слова, и о понятии когнитивная семантика логично говорить именно в плоскости словообразования. В актуализации когнитивных моделей словообразования участвуют два противоположных аспекта – композиция и конвергенция. Если конвергенция процессуальна и связана с пониманием определенной схемы развития языка, то композиция, входящая в относительно малоисследованную отрасль интегративной семантики обуславливает необходимое теоретическое описание формирования слова как результата сложения

его возможных элементов. Как показывают представленные примеры, значения глаголов с основой *tenir* (французский), *tener* (испанский), *ter* (португальский) и их производных формируются когнитивной моделью по переносу «держать – иметь». Перспективы исследования определяются возможностью выделения когнитивных моделей не только по заданным метонимическим признакам, но и в отношении наименьших значимых единиц языка, эквивалентных квазиморфам.

Литература

Блумфилд Л. Язык. М.: УРСС, 2002.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков. М.: ЛКИ, 2008.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Мюллер М. Лекции по науке о языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.

Alexey B. Chernyshev (Yaroslavl, Russia)
Public joint-stock company "Avtodizel"

WORD FORMATION COGNITIVE ASPECTS: INTEGRATIVE SEMANTICS AND CONVERGENCE (ON THE EXAMPLE OF MODEL "HOLD – HAVE" IN ROMANIC LANGUAGES)

In this paper word formation cognitive aspects are analyzed from two opposite angles – word propositional, compositional structures included in integrative semantics, and convergence. The cognitive model “hold – have” is an object of the research. Semantic and formal modifications of verbs with meanings ‘hold’, ‘have’ are shown on examples of French, Spanish and Portugal literature.

Key words: semantics, word formation, decomposition, convergence, model

Е.А. Чуксина (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
evgeniyach96@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЭМОЦИИ СТРАХА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается первичная и вторичная репрезентация концепта FEAR в художественных произведениях английской литературы в диахроническом аспекте. Выявляются способы передачи степени интенсивности переживания эмоции страха в языке. Определяются эпохи, в художественных произведениях которых репрезентируется наиболее высокая степень интенсивности переживания страха.

Ключевые слова: концепт FEAR, первичная и вторичная репрезентация, интенсивность, диахронический аспект

Эмоции достаточно подробно изучены в таких областях науки как биология, психология, лингвистика. С развитием когнитивной лингвистики ученые начинают проявлять интерес к средствам их первичной и вторичной репрезентации

как к когнитивным механизмам. Особое внимание уделено и продолжает уделяться базовым эмоциям, к которым многие ученые относят эмоцию страха. Доказана высокая номинативная плотность концепта эмоции страха в разных языках. Перечислены и классифицированы лексемы, репрезентирующие страх, выделены метафорические и метонимические модели, по которым концепт эмоции получает объективацию в том или ином языке.

Однако несмотря на всестороннюю изученность концепты эмоций, в частности, концепт СТРАХ, продолжают оставаться объектами новых исследований. Причиной тому служит социальная значимость эмоций, анализ способов репрезентации которых позволяет выявить реакцию субъектов на те или иные личные и общественные проблемы, общее эмоциональное состояние индивида и общества в разных пространственных и временных рамках.

Целью работы является выявление способов выражения интенсивности переживания эмоции страха в художественных произведениях английской литературы эпох Возрождения, Неоклассицизма, Романтизма, Викторианской эпохи, Модернизма и Постмодернизма. В работе также предпринимается попытка определения периодов, в произведениях которых отражается наиболее высокая степень интенсивности переживания эмоции страха.

Концепт FEAR имеет высокую номинативную плотность. К средствам первичной репрезентации относятся глаголы, передающие приведение в эмоциональное состояние, а также глаголы, прилагательные и сочетающиеся с глаголом *to feel* существительные, которые передают эмоциональное состояние страха. Интенсивность переживания эмоции отражается в словарных значениях языковых единиц, а также в сочетающихся с этими единицами прилагательных и наречиях.

Указание на степень интенсивности переживания эмоции страха отсутствует в дефинициях таких объективирующих концепт FEAR слов как *to fear / fear, afraid, frightened*. При помощи этих лексем толкование получают другие репрезентирующие эмоцию страха в языке слова. В словарных дефинициях языковых единиц *to dread / dread, to panic / panic, horrified / horror, terrified / terror* при помощи сочетаний наречий *very, extremely, greatly*, прилагательного *strong* со словами *to fear / fear, frightened* и *afraid* отмечается способность этих единиц передавать высокую степень интенсивности переживания эмоции страха.

Дефиниции: **terrified** – *very frightened* (Collins Cobuild English Language Dictionary), **extremely frightened** (Macmillan English Dictionary); **to dread** – *to fear greatly, to be very afraid* (The Free Dictionary by Farlex); **horrified** – *extremely shocked or frightened* (English Oxford Dictionary); **panic** – *a sudden, strong feeling of worry or fear that makes you unable to think or behave calmly* (Cambridge Dictionary).

Такие лексемы как *alarmed, scared, anxious* не содержат в своих словарных толкованиях указания на высокую интенсивность переживания эмоции; используемая в них лексема *worried* отражает страх, волнение перед тем, что может произойти в будущем.

Дефиниции: **alarmed** – *anxious or afraid that something dangerous or unpleasant might happen* (English Oxford Dictionary); **worried** or *frightened by something* (Cambridge Dictionary); **scared** – *frightened of something or afraid that something bad might*

happen (English Oxford Dictionary); **frightened or worried** (Cambridge Dictionary); **anxious** – *feeling worried or nervous* (English Oxford Dictionary).

Помимо объективирующих концепт FEAR слов, в которых указание на полноту переживания эмоции уже заложено в словарном значении, для передачи интенсивности эмоционального состояния используются также сочетающиеся с этими словами наречия и прилагательные.

К наречиям, отражающим высокую интенсивность эмоционального переживания, относятся следующие: *very much, so, dreadfully, terribly, horribly, wildly, excessively, really, greatly, seriously, absolutely, utterly, enough, quite, rather, pretty*.

Пример 1: «...*he makes all the little bells ring, and is **horribly frightened***» (Charles Dickens. David Copperfield).

Прилагательными, выражающими высокую степень интенсивности переживания страха, являются следующие: *great, dreadful, terrible, horrible, wild, deep-rooted*.

Пример 2: «*I observed that Mr. Edgar **had a deep-rooted fear of ruffling her humour***» (Emily Bronte. Wuthering Heights).

Группа наречий, выражающих среднюю интенсивность переживания, включает следующие слова: *partly, half, nearly*.

Пример 3: «*She never mentioned her father to Perdita, she appeared **half afraid** when she spoke of him to me...*» (Mary Shelley. The Last Man).

Далее перечислены наречия, которые указывают на низкую степень интенсивности переживания эмоции: *a little, a bit, slightly*.

Пример 4: «*She was **slightly afraid** – *deeply moved and religious**» (Lawrence. Sons and Lovers).

Высокая интенсивность переживания эмоции страха передается также при помощи фразеологических выражений, к которым относятся следующие: *to be terrified to the last degree, to be frightened to death, to be frightened / scared out of smb's wits / senses*.

Пример 5: «...*and his daughter, **frightened almost out of her senses**, sat on the edge of her chair...*» (Jane Austen. Pride and Prejudice).

Детальное представление об особенностях переживания эмоции страха дается при помощи метафорической и метонимической репрезентации концепта FEAR, которая часто используется в произведениях художественной литературы.

При метафорической репрезентации концепта FEAR эмоциональное состояние передается при помощи сочетаний слов-номинантов эмоции с глаголами разных лексико-семантических групп. Эти сочетания образуют, создаваемые по той или иной метафорической модели, метафорические выражения.

Можно сказать, что все метафорические выражения, которые передают в языке переживание эмоции страха, образованы по двум основным моделям FEAR – HUMAN BEING и FEAR – THING.

Высокую интенсивность выражают метафорические выражения, образованные по модели FEAR – HUMAN BEING. Эта модель позволяет провести аналогию между ощущениями, которые возникают у человека, испытывающего эмо-

цию, и ощущениями, вызываемыми у одного человека отрицательным воздействием на него другого человека.

Пример 6: «...*fear shakes her whole frame, and her lover scarce supports her trembling tottering limbs...*» (Henry Fielding. The History of Tom Jones, a foundling).

Метафорические выражения, образованные по модели FEAR – THING, как правило, не выражают высокую интенсивность, за исключением случаев использования в этих выражениях номинантов эмоции, которые передают высокую интенсивность переживания и/или сочетающихся с ними и также передающих высокую интенсивность прилагательных («*Florence had a dread of him...*» (Charles Dickens. Dombey and Son). Метафорические выражения, созданные по указанной модели, отражают сопоставление страха, который, как кажется, находится под контролем у субъекта, с вещью, которой человек владеет и распоряжается.

Пример 7: «*Pray, dearest Madam, lay aside your Fears...*» (Samuel Richardson. Pamela).

По метонимическому переносу EMOTIONAL EXPRESSION – EMOTION осуществляется описание невербальной экспрессии эмоции страха.

Пример 8: «*Catherine trembled at the emphasis with which he spoke, and sat pale and breathless...*» (Jane Austen. Northanger Abbey).

Анализ всех передающих интенсивность первичных и вторичных средств репрезентации концепта FEAR в английских художественных произведениях разных эпох позволяет сделать вывод о том, что наивысшая степень интенсивности переживания эмоции страха отражается в произведениях эпохи Романтизма и Викторианской эпохи, где в целом частотность вербальной репрезентации концепта FEAR достигает своей кульминации. Наименьшая степень интенсивности эмоционального переживания отмечается в произведениях эпох Возрождения и Постмодернизма. Подобные изменения в репрезентации концепта FEAR обусловлены разным количеством эмоционального опыта общества и разной степенью осмысления этого опыта с одной стороны, а с другой – особенностями самого общества. Эмоциональность эпохи Романтизма и Викторианской эпохи обусловлена обострением именно в эти эпохи конфликта между природой человека и социумом. В эпоху Романтизма был культ природы и чувств, поэтому названный конфликт признавался открытым, эмоции выражались ярко. В Викторианскую эпоху противостояние природы и общества переходит в разряд внутренних конфликтов человека: в обществе на первое место становятся его законы и высокая мораль, в то же время чувственная природа человека остается неизменной. Сложность подавления чувств и, как следствие, часто возникающие желания нарушить общественные нормы и их нарушения сопровождаются частыми переживаниями эмоции страха.

Литература

Austen J. Northanger Abbey. URL: <https://www.gutenberg.org/files/121/121-h/121-h.htm>.

Austen J. Pride and Prejudice. URL: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/pride-and-prejudice.pdf>.

Bronte E. Wuthering Heights. URL: <http://www.literaturepage.com/read/wutheringheights-87.html>.

Collins Cobuild English Language Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dic>

tionary/english.

Dickens Ch. David Copperfield. URL: <https://www.ibe.it/ebook/David-Copperfield.pdf>.

Dickens Ch. Dombey and Son. URL: <https://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.htm>.

Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. 2001. URL: <https://www.bartleby.com/ebook/adobe/301.pdf>.

Lawrence D.H. Sons and Lovers. URL: <https://www.gutenberg.org/files/217/217-h/217-h.htm>.

Macmillan English Dictionary. URL: <https://www.macmillan.ru/catalogue/9/6>.

Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.

Richardson S. Pamela. URL: <https://www.gutenberg.org/files/6124/6124-h/6124-h.htm>.

Shelley M. The Last Man. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/18247>.

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/dread>.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

Evgeniya A. Chuksina (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

REPRESENTATION OF THE INTENSITY OF EXPERIENCING THE EMOTION OF FEAR IN THE ENGLISH LANGUAGE

The paper deals with the primary and secondary representation of the concept FEAR in the works of English literature in a diachronic aspect. The ways of representing the degree of intensity of experiencing the emotion of fear in English language are revealed. The periods in whose literary works the highest degree of intensity of fear is represented are identified.

Key words: concept FEAR, the primary and secondary representation, intensity, a diachronic aspect

Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)

*Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЫТА ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ МИФОЛЕКСЕМ)

В статье представлены результаты изучения процессов концептуализации опыта воспринимаемых объектов реальности и дальнейшей трансформации ментальных структур с целью создания образов ирреальных явлений на примере мифолексема *Hydra*.

Ключевые слова: концептуализация, опыт, знание, объект, восприятие, внимание, мифолексема

Сегодня вопросы сознания являются приоритетными в различных областях науки и техники. Среди них выделяются как чисто биологические, так и социальные, психологические, а также нравственные, духовные и другие проблемы. В этом непрерывно сменяющемся калейдоскопе поиска и открытий особняком стоит вопрос осознанного опыта и способов его объективации в языке. Интересным, на наш взгляд, представляется изучение вопроса, как происходит репрезентация и концептуализация опыта воспринимаемых объектов реальности с дальнейшей их трансформацией в объекты нереального, вымышленного мира. Поэтому основной задачей настоящего исследования будет анализ англоязычных мифолексем и вычленение модусов представления сенсорного опыта в языковой форме.

Известно, что ментальный опыт тесно связан с телесным опытом и не существует в отрыве от него (если только не затрагивать специфические духовные практики). Однако такой опыт познания человеком окружающего мира и самого себя характеризуется субъективностью. Возьмем, к примеру, знание об объектах. Безусловно, наши представления о том и ином объекте конструируются под влиянием социального взаимодействия, а также заимствуются в готовом виде из уже существующей концептуальной базы данных человечества, облаченной в ту или иную языковую форму. Останься один-единственный человек последним живым существом на Земле, он все равно создавал бы их через призму своего взаимодействия со средой. Иначе говоря, знание – это не просто набор каких-то фактов и сведений, но результат отношений между предыдущим опытом и последующим, причем субъект как носитель этого знания выступает здесь активным деятелем.

Какова здесь роль языка? По мнению К.И. Льюиса, «слова представляют собой довольно большие, готовые, целостные образования – относительно стабильные и простые концепты, которые в недостаточной степени подходят для точной и комплексной передачи знания о воспринимаемых объектах» [Lewis 1929: 117-118]. Изначально язык хорош для генерализации или объективации специфических абстрактных предметов опыта. Гораздо сложнее передать знание об объекте, опосредованное восприятием. Фактически, эта разница между тем, что передают слова, и тем, что опосредует восприятие, столь значительна, что это может указывать на существование двух различных видов знания: *непосредственное знание предметов* (знакомство с), полученное в результате представления их в опыте и мгновенно проверяемое, и *пропозиционное знание или генерализация / обобщение* (знание о), которое есть больше, чем то, что дается одновременно и, следовательно, требует некоторого умственного синтеза того, что временно разъединено [там же]. Второе знание *интерпретативно* по своему характеру. Между предметом со всей его сложностью и многогранностью и фрагментарным представлением, лежит тот интервал, тот промежуток, который может соединить только интерпретация. Именно за счет функции сознания происходит прокладывание «мостика» между объектом и его конечным ментальным конструктом, между ментальной репрезентацией и знаком.

Но как происходит восприятие объекта? Будучи сложным психофизиологическим процессом, *восприятие* направлено на формирование перцептивного образа, который есть результат синтеза (но не сумма – *Н.Ш.*) ощущений и состоит из совокупности свойств того или иного явления или процесса [БПС: 107]. Процесс восприятия неразрывно связан с таким психическим познавательным процессом как *внимание*, которое как любой когнитивный процесс характеризуется рядом качеств. К ним относятся: переключаемость, распределяемость, объем, сила и прочность [ПЭС: 170]. На основе указанных качеств выделяют следующие операции внимания: фокализация / фокусирование, рассеивание, смещение, изменение интенсивности и др. [Benedetti 2005: 6-8]. Следует заметить, что данные операции внимания не являются изолированными друг от друга и их отдельное выделение носит сугубо научный характер. Так, фокусирование на одном качестве, свойстве сопровождается дефокусированием другого, т. е. происходит смещение внимания.

Кроме того, при этом интенсивность внимания также может варьировать.

Внимание есть важнейшее условие любой сознательной деятельности человека и в определенной степени влияет на ее количественную и качественную эффективность. При фокусировании внимания происходит сдвиг с общих аспектов образа на конкретную характеристику, особенность. Все зависит от степени важности того или иного качества, свойства для конкретной ситуации или для формирования того или иного концепта. Очень часто фокус внимания сопровождается выбросом соответствующей эмоции, усиливая концентрацию на вещах, которые действительно имеют значение.

Итак, рассмотрим, как происходит процесс репрезентации опыта восприятия реального мира и его дальнейшая трансформация и представление в виде мифоконцептов. Возьмем, к примеру, всем известный мифоконцепт HYDRA «ГИДРА», полное название *the Lernaean Hydra* или *Hydra of Lerna* «Лернейская гидра». Данная мифолексема пришла в английский язык из греческой мифологии в XIV в. и происходит от др. греч. *Ἵδρα*, ж.р. от *hydros* «водяная змея» от *hydor* «вода» (праиндоевроп. **wed-* «вода, водяной») [OED]. Согласно мифу, Гидра была змеевидным водным чудовищем, которое выползало из озера / болот Лерны на равнину, похищала скот и опустошала окрестные земли. Будучи потомком Тифона и Ехидны, Гидра имела ядовитое дыхание и даже запах ее крови был смертельным. У Гидры было много голов (по разным версиям: 7, 9, 50, 100). Геракл не смог в одиночку одолеть монстра и позвал на помощь своего племянника Иолая, который прижигал горящими головнями основания срубленных голов, не давая им вырасти вновь. В результате Гидра была повержена, а Геракл совершил второй подвиг.

Анализ словарных дефиниций в толковых словарях позволил выделить следующие значения: **1:** *a many-headed serpent or monster in Greek mythology that was slain by Hercules and each head of which when cut off was replaced by two others*; **2:** *a multifarious evil not to be overcome by a single effort*; **3:** *a southern constellation of great length that lies south of Cancer, Sextans, Corvus, and Virgo and is represented on old maps by a serpent*; **4:** *any of numerous small tubular freshwater hydrozoan polyps (Hydra and related genera) having at one end a mouth surrounded by tentacles* [MW].

Среди представленных дефиниций первая описывает мифологическое существо, вторая – переносное значение, третья и четвертая связаны с объектами реального мира – созвездием (область астрономического научного знания) и пресноводным полипом (область биологического научного знания). Следует заметить, что мифолексема *Hydra* не ограничивается указанной выше сферой применения и также легла в основу других названий, активно используемых в современной науке и технике: спутник Плутона, река в Словакии, шахматный компьютер, цифровой репозиторий, операционная система, программное обеспечение, игровой контроллер *Razer Hydra*, система хранения данных *NEC HYDRAsTOR* и т. д.

Возвращаясь к первому значению мифолексемы, отметим, что при построении мифоконцепта фокус внимания смещен на *визуальное* восприятие и при этом отсутствуют другие модальности (слуховая, обонятельная и т. д.). Происходит интеграция ментальных пространств и на выходе получаем комбинацию элементов, кото-

рая не типична для реального мира, но считается отклонением – *a many-headed serpent or monster*, хотя по отдельности компоненты *head* и *serpent* соотносятся с реально существующими явлениями. Фактически имеет место трансформация восприятия реальности или создание новой на основе имеющейся. При этом компонент *serpent / monster* достаточно емкий и представляет собой готовый комплекс ментальных репрезентаций, устоявшийся в европейском сознании, а потому играющий роль некоего ментального триггера, запускающего развертывание ментального образа мифического существа. Интересно, что словарная дефиниция (в Кембриджском и Оксфордском словарях) также не содержит информацию о воде, водоеме, хотя из самого мифа известно, что Гидра обитала в водной среде. Возможно, сама идея считается заложенной в имени и не дублируется в толковании.

Другим важным элементом дефиниции является пояснение *«each head of which when cut off was replaced by two others»*. При его отсутствии толкование было бы неполным. Данная структура интересна наличием сразу двух противопоставлений концептуальных составляющих: *each head vs two others, cut off vs replaced*, что усиливает общий отрицательный эффект и помогает создать образ практически непобедимого чудовища.

Идея многоликого зла, которое невозможно победить одним усилием, находит свое воплощение в переносном значении, закрепленном во второй словарной дефиниции (см. выше). В результате абстрагирования также получаем следующие толкования: *a difficult problem that keeps returning [CD]*; *a thing that is very difficult to deal with, because it continues for a long time or because it has many different aspects [OLD]*. В итоге Hydra / Гидра – символ зла, агрессии, ужаса, бесконечного множества трудностей и опасностей, подстерегающих человека в жизни. С позиций эмотивности указанная мифолексема будет передавать крайне высокий уровень эмоций с отрицательным оценочным знаком.

Таким образом, анализ мифолексемы *Hydra* позволил установить, что процесс концептуализации протекает поэтапно, начиная с обработки опыта познания реального мира в виде конкретных объектов, воспринимаемых (в данном случае) визуально, и далее имеет место трансформация готовых ментальных конструкций в результате процесса интерпретации, базирующегося в частности на включении операций внимания и ментальной интеграции. Такой процесс может сопровождаться соответствующим эмоциональным переживанием, что находит выражение в эмотивности используемой лексики.

Литература

БПС – Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: АСТ; Прайм-Еврознак, 2009.

ПЭС – Психиатрический энциклопедический словарь / Й.А. Стоименов, М.Й. Стоименова, П.Й. Коева и др. Киев: МАУП, 2003.

Benedetti G. Basic mental operations which make up mental categories, 2005 URL: https://www.researchgate.net/publication/238694728_Basic_mental_operations_which_make_up_mental_categories.

CD – Cambridge Dictionary. Hydra. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hydra>.

Lewis C.I. *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge*. NY; Chicago, Boston: Charles Scribner's Sons, 1929.

MW – Merriam Webster. Hydra. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hydra>.

OED – Online Etymology Dictionary. Hydra. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=hydra>.

OLD – Oxford Learner's Dictionary. Hydra. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hydra>.

Natalia V. Shelepova (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

ON CONCEPTUALIZATION AND TRANSFORMATION OF EXPERIENCE

OF PERCEIVING REALITY (BASED ON ENGLISH MYTHOLEXEMES ANALYSIS)

The paper presents the results of studying the processes of conceptualization of the experience of perceiving real world objects and further transformation of mental structures in order to create images of unreal phenomena, conducted on the analysis of the mytholexeme *Hydra*.

Key words: conceptualization, experience, knowledge, object, perception, attention, mytholexeme

Е.В. Шепаева (Белгород, Россия)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

shemaeva@bsu.edu.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТОНИМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ «ВЕЩЕСТВО – ПРОСТРАНСТВО» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию процесса формирования семантики лексикализованных форм множественного числа существительных на основе когнитивной метонимической модели «вещество – пространство» в английском языке. Процесс лексикализации моделируется с опорой на положения теорий когнитивной семантики, концептуальной деривации, морфологической репрезентации и языковой интерпретации.

Ключевые слова: модель, лексикализация, множественное число существительных, концептуальная деривация, идентифицирующая интерпретация, концептуальная метонимия

Когнитивная метонимическая модель «вещество – пространство» обеспечивает формирование семантики лексикализованных форм множественного числа английских имен существительных, относящихся к разряду вещественных. К существительным, образованным по этой модели, можно отнести следующие: *sand – sands, snow – snows, water – waters*.

Как правило, вещественные существительные обозначают однородные по составу вещества, однородную массу чего-либо, материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно не считать, а измерять. Грамматическая специфика вещественных существительных заключается в том, что они не предполагают счета и, следовательно, не сочетаются с количественными числительными. Как показывает наше исследование, в процессе дискурсивной деятельности вещественные существительные могут употребляться в форме множественного числа, обозначая при этом не множество подобных пред-

метов, что характерно для предметных существительных, а пространство, заполненное определенным веществом.

Контексты употребления лексикализованных форм английских существительных **snows** и **waters** показывают наибольшую вариативность. Обратимся к некоторым из них, чтобы продемонстрировать процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имен существительных, образованных по когнитивной метонимической модели «вещество – пространство».

1. *He perished in the Alpine **snows*** [WoordHunt].

2. *The famed **snows** of Mount Kilimanjaro are receding, leaving behind much uncovered ground* [там же].

3. *Again she ignored him, doing amazingly well at steering the canoe out into the still **waters** of the lake* [BNC].

4. *The ferry turned into the sluggish **waters** of the Channel* [там же].

5. *They sat in the middle of a small lake fed by the **waters** of Brices Creek* [Sparks 2011: 97].

6. *They fish in the shallow inshore **waters** of the Atlantic* [WoordHunt].

Проанализируем содержание концептов, передаваемых существительными **snow** и **water**, обратившись к их словарным толкованиям. Форма единственного числа английского существительного **snow** имеет следующую дефиницию: «frozen water that falls to the ground from the sky in soft white flakes; a mass of this on the ground» [Hornby 1995: 1125]. Форма единственного числа английского существительного **water** имеет следующее словарное толкование: «a liquid without colour, smell or taste that falls as rain, is in lakes, rivers and seas, and is used for drinking, washing, etc.» [там же: 1344]. Эти словарные толкования говорят о наличии в содержании концептов, вербализуемых формами единственного числа английских существительных **snow** и **water**, концептуальной характеристики «вещество».

Лексикализованная форма английского существительного **snows** имеет толкование «falling or fallen snow» [там же: 1125]. Лексикализованная форма множественного числа английского существительного **waters** имеет дефиницию «the mass of water in a lake, river, etc.» [там же: 1344]. Очевидно, в содержании концептов, определяющих семантику лексикализованных форм множественного числа английских существительных **snows** и **waters**, присутствует концептуальная характеристика «пространство».

На наш взгляд, процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа английских существительных **snows** и **waters**, включает несколько последовательных этапов.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «вещество» в содержании исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа английских существительных **snow** и **water**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «вещество» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизирующаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «вещество» замещается смежной концептуальной характеристикой «пространство». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «пространство» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛЮ приводит к образованию производных концептов совершенно иной конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа английских существительных **snows** и **waters**.

Формирование нового смысла «пространство», передаваемого лексикализованными формами множественного числа **snows** и **waters**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Контекстуальный фактор подразумевает наличие в составе предложения-высказывания нарицательных или собственных имен существительных, а также прилагательных, указывающих на различные горные и водные объекты. В примере 1 – это горы (*Alpine*), в примере 2 – также речь идет о горах (*Mount Kilimanjaro*), в примере 3 – озеро (*lake*), в примере 4 – пролив (*the Channel*), в примере 5 – бухта, залив (*Brices Creek*), в примере 6 – океан (*the Atlantic*).

Анализ приведенных контекстов свидетельствует о том, что лексикализованные формы множественного числа существительных **snows** и **waters** обозначают уже не просто вещество как таковое, а неопределенно большое количество вещества, заполняющего обширное пространство, т. е. передают смысл «пространственная множественность». В результате глубинных концептуальных процессов эти формы фиксируют новый фрагмент знания в определенной конфигурации, а именно знания о пространстве, заполненном веществом (снегом и водой). Эта конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа английских существительных **snows** и **waters** как их самостоятельное значение.

Литература

- BNC – The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
Hornby A. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1995.
Sparks N. The Notebook. L.: Sphere, 2011.
WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru>.

Elena V. Shemaeva (Belgorod, Russia)
Belgorod National Research University

COGNITIVE METONYMICAL MODEL OF LEXICALIZATION “SUBSTANCE – SPACE” IN ENGLISH

The article deals with the study of the process of formation of semantics of lexicalized plural nouns on the basis of the cognitive metonymical model “substance – space” in English. The process of lexicalization is modeled relying on the assumptions of the theories of cognitive semantics, conceptual derivation, morphological representation and linguistic interpretation.

Key words: model, lexicalization, plural nouns, conceptual derivation, identifying interpretation, conceptual metonymy

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА: «PAN» И «CHŁOP», «ГАЙДУК» И «ТУРОК», «КАЗАК»

Объектом исследования в статье являются способы вербализации основных концептов польской, болгарской и украинской картин мира, отражающих историю и структуру социума: польские 'Pan' и 'Chłop', болгарский 'Гайдук' и 'Турок' периода Османского ига, 'Казак' украинской Запорожской Сечи. Рассматриваются особенности вторичной косвенной номинации указанных концептов, отражение государственной символики в литературе.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, вербализация

Славянская языковая общность – это исторические корни и разнообразие траекторий исторического развития. Общая лексико-фразеологическая основа славянской общности широко представлена в языках фонетико-графическими вариантами: *woditъ за нос – вода за нъс – водити за нис – wodzić za nos*. Однако процессы территориального расселения групп славянских народов, вхождение славянских государств в более крупные надгосударственные образования (Австро-Венгрия), потеря государственной независимости, многолетнее и даже многовековое существование в инокультурной, иноконфессиональной и иноязыковой среде (Османское иго Болгарии, три расчленения Польши, вхождение Восточной и Западной Украины в разные государственные образования) имели неизбежным следствием процессы номинативной дифференциации, влияния иноязычной среды и образного осмысления исторической ситуации.

История славянских народов отражена как в ментальной, так и в языковой картине мира. Польша помнит своих князей периода Польско-Литовского княжества, *pana* и *chłopa* в структуре социума. Болгарская языковая картина мира отмечена дихотомией болгарина-*гайдука* и *турка* – представителя Османской администрации, правившей Болгарией почти 500 лет. Украинская картина мира фокусируется на вольнице *казаков* периода Запорожской Сечи.

Польская историческая метафорика [Skorupka 1974; Stypuła 1974; Słownik języka polskiego 1978-1988] помнит мифологических персонажей (*ksiądz Popiel, którego mysze zjadły* «Князь Попель, которого мыши съели»; *Jeden do Sasa, drugi do lasa* «один к Сасу, другой в лес» 'nie ma nic wspólnego' [Skorupka 1974 I: 375]); свои древние столицы (*Nie od razu Kraków zbudowano* «Не сразу Краков построен» [там же: 14]); князей периода Великого княжества Литовского, польских королей и тип их правления (*Za króla Olbrachta wyginęła szlachta* «При короле Ольбрахте вымерла шляхта» [Skorupka 1974 II: 279]; *Za króla Sasa jedz, pij i popuszczaj pasa, a za króla Polaka nie ma ani trojaka* «При короле Сасе ешь, пей и расстегивай пояс, а при короле Поляке нет ни тройка» [Stypuła 1974: 495]; «За короля Саса было и хлеба и мяса, а стал Понятовский – и хлеб не таковский» [Шутковски 2009: 301]; *Z czartoryskim żyć, z Radziwillem pić, z Ogińskim jadać, z Rzewuskim gadać* «С Чарторыйским жить, с Радзивиллом пить, с Огинским есть, с Жевуским болтать» [там же]. Концептам 'Pan', 'Król' (*Znac pana po cholewach* «Видно пана по голенищам»

[Skorupka 1974 II: 853]; *Każdy pan za swoje trzy grosze* «За свои три гроша каждый пан» [Skorupka 1974 I: 644]; *Na święty Szczepan każdy sobie pan* ‘В день св. Стефана каждый пан’; *Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie* – ‘Шляхтич в усадьбе равен воеводе’ и т. д.) противопоставлен ‘Chłop’: *Co wolno wojewodzie, to nie tobie, smrodzie!* «Что можно воеводе, то не тебе, убожество!» [Styruła 1974: 290]; *Czego panowie nawarzą, tym sie poddani poparzą* «Чего паны наварят, тем подданные ошпарятся» [Skorupka 1974 I: 644]; *Łaska pańska na pstrym koniu jeździ* «Паньская ласка на пестром коне ездит» [Styruła 1974: 390]; *Kazał pan, musiał sam* – ‘Приказал пан, а делать пришлось самому’.

Противопоставление *pan – chłop* (‘слава – гибель’) отражено и в литературе: *Stach śmiertelną dostał ranę, Król na zamek wracał zdrowy. A jak wjeżdżał w jasne wrota, Wyszła przeciw zorze złota I zagrały wszystkie dzwony Na słoneczne światła strony. A jak chłopu dół kopali, Zaszumiły drzewa w dali, Dzwoniły mu przez dąbrowę Te dzwoneczki, le liliowe...* Maria Konopnicka.

Драматическая история Болгарии сохранена в выражениях *własnie se dawiat na края на Дунава* «валахи гибнут, душатся, топятся на краю Дуная» ‘гибнуть в последний момент’; *ибрикчия* ‘лизоблюд, подхалим’, где первоначально *ибрикчия* – ‘слуга, прислуживавший при умывании перед молитвой у турок’ от слова *ибрик* ‘кувшин’; *живея като бей* «жить как бей» ‘жить богато’ [Кошелев 1974: 6]. Болгарская языковая картина мира сохранила дихотомию *болгарин / захватчик турок*, вербализуя ее в пословицах, фразеологизмах и бытовых выражениях: *Хубаво момче, но турче!* – ‘Прекрасный парень, но турок!’, *минавам като през турски гробища* – ‘идти как через турецкое кладбище’, разг. ‘проходить молча, дела вид что не замечаешь кого-л.’, *Те ти турчин, те беля* – ‘кто ты турок, то белый’ ‘ты ненадежен, с тобой лучше не связываться’.

Огромное число тюркизмов в болгарском языке (*аждер* ‘кон бърз като светкавица; митологическо същество, змей, хала, ламя’ [Андрейчин, Георгиев, Илчев и др. 1955: 5]; *алтън-град* ‘город-красавец’ от алтън ‘золотая турецкая монета’; *башибузук* ‘разбойник, головорез’ от башибузук ‘солдат нерегулярной турецкой армии в XVIII–XIX вв.’; *байрактар* ‘водач, знаменосец на хайдушката дружина’) – наследие «катакомбного периода» болгарской культуры.

Украинская картина мира сфокусирована в основном на казаках Запорожской Сечи, их характере и привычках (*Без гетьмана військо гине; Де козак, там і слава; Козацькому роду нема переводу; Поки Дніпро пливе, Україна не вмере; Степ та воля – козацька доля; У козака життя коротке, а слава вічна* и т. п.) [Ужченко 2007].

История славян концептуализировала [Аврамова 2007; Бартминский 2005; Власкина 2010] представителей своего социума: мифологическая символика воспроизводится в прецедентных текстах и государственной атрибутике современных славянских народов.

На государственном гербе Польши на красном фоне фигурного щита изображена «белая орлица короля Пяста» – легендарного крестьянского короля древних полянских племен, положившего начало исторической династии Пястов. Поляки символически возводят свое происхождение именно к Пясту: *Nie rzucim*

ziemi, skąd nasz ród. Nie damy pogrześć mowy. Polski my naród, polski lud, Królewski szczerp Piastowy. Maria Konopnicka «Rota».

Польской государственной атрибутике посвящено много литературных произведениях. Самое известное из них – написанное в 1901 г. стихотворение Владислава Бэлзы «Катехизис польского ребенка»: – *Kto ty jesteś? – Polak mały. – Jaki znak twój? – Orzeł biały.*

В 1935 г. поэтесса Мария Павликовская-Ясножевская (Maria Pawlikowska-Jasnorzewska) написала стихотворение «Barwy narodowe» ('национальные цвета'): *Biało-krwawy, Krwawo-biały, lniany Opatrunku, który zwiesz się: sztandar, Coś się z wielkim krwotokiem uporał! Wiatr rozwija ten dokument rany, Wznosi w górę bohaterki bandaż, Tę pamiętkę, Ten dług I ten moral.*

Но самым пронзительным остается стихотворение Константы Ильдефонса Галчинского (Konstanty Ildefons Gałczyński) «Pieśń o fladze» ('песнь о флаге'), которое поэт написал в 1944 г. в лагере военнопленных в Алтенграбове под Магдебургом, узнав о поражении Варшавского восстания. Лирические герои этого стихотворения – польские флаги, участвовавшие в разных битвах Второй мировой войны и оставшиеся на поле боя:

Zostaniesz biało-czerwona jak wielka zorza szalona, czerwona jak puchar wina, biała jak śnieżna lawina, najukochańsza, najmilsza, biało-czerwona.

Tak mówiły do siebie flagi i raz po raz strzelił karabin, zrobił dziurę w czerwieni i w bieli.

Lecz wołały flagi: – Nie płaczcie! Choćby jeden strzępek na maszcie, nikt się zmienić barw nie ośmieli. Zostaniemy biało-czerwone, flagi święte, flagi szalone, nie spoczniemy biało-czerwone...

Центральный элемент герба Болгарии – поднимающийся золотой лев на темно-красном фоне геральдического щита. Щитодержатели – одинаковые золотые львы с коронами на головах, представляющие Фракию, Македонию и Мезию.

Украинский флаг – символ пшеницы в степях под голубой аркой неба. Он напоминает лето, когда небо над Украиной синее, как покрыва Пречистой Девы, и ланы золотые, как куличи на пасхальном столе. К сожалению, использование трезубца возрожденным националистическим (бандеровским) движением на Украине фактически перечеркнуло восприятие его как земледельческой или религиозной языческой символики.

Из когнитивного усилия – выбора мотивирующего признака – свершенная номинация становится знанием, аккумулирующим опыт использования названного именем предмета, знанием, передающимся от поколения к поколению. Особенности вербализации этнических концептов является языческое обожествление природы (болгарские *мартенички* как символ весны, «*Хей, Балкан ти роден наш...*»); украинский *дідух* как 'символ зажиточного дома'; использование в современном дискурсе государственной символики в обобщающем значении: польское *czerwone-białe serca* «красно-белые сердца» – 'поляки').

Литература

Аврамова В. Лингвокультурология. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2007.

- Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
- Власкина Н.А.* Концепт СУДЬБА в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
- Димитрова Л.* Българско-руски речник. Варна: Изд-во «Хирон 2000», 2000.
- Кошелев А., Леонидова М.* Българско-руски фразеологичен речник. София-Москва: Държавно издателство «Наука и изкуство», издателство «Руски език», 1974.
- Шутковски Т.* Етнокультурна специфика паремийной единицы с ономастическим компонентом как объекта конфонативных исследований // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24-26 марта 2009 г): Труды и материалы / сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров; под рук. М.Л. Ремневой. М.: МАКС Пресс, 2009, С. 300-301.
- Андрейчин Л.* и др. Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 1955.
- Ужченко В.Д.* Фразеологія сучасної української мови. К.: Знання, 2007.
- Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1974.
- Stypuła R.* Słownik przysłów rosyjsko-polskich i polsko-rosyjskich. Warszawa: Wiedza powszechna, 1974.

Larisa A. Shestak (Volgograd, Russia)
Volgograd State Socio-Pedagogical University

SLAVIC LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD: “PAN” AND “CHLOP”, “HAJDUK” AND “TURK”, “COSSACK”

The object of the research in the article is the methods of verbalization of the main concepts of the Polish, Bulgarian and Ukrainian worldviews reflecting the history and structure of society: Polish ‘Pan’ and ‘Chlop’, Bulgarian ‘Hajduk’ and ‘Turk’ of the period of the Ottoman yoke, ‘Cossack’ of the Ukrainian Zaporozhian Sich. The features of the secondary indirect nomination of these concepts, the reflection of state symbols in the literature are considered.

Key words: linguistic worldview, concept, verbalization

С.А. Шишкина (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
raddoc@rambler.ru

А.П. Ушакова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
apushakova@rambler.ru

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА «ПРАВИТЕЛЬ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

В статье рассматриваются аспекты вербализации концепта ПРАВИТЕЛЬ в русской литературе на примере произведения святителя Иоанна Тобольского, митрополита Тобольской епархии; описывается своеобразие языковых средств, объективирующих данный концепт. Говорится о духовной составляющей данного концепта и об актуальности темы для нашего времени.

Ключевые слова: концепт, ценности, аксиологическая лингвистика, вербализация

В современной лингвистике нет единого подхода к изучению вербализации ценностей. Ценности изучаются в различных областях знания: философии, психологии, социологии, культурологи, педагогике. Ценности определяют наш образ жизни и являются неким ориентиром, который указывает путь. Лингвистика

также обратилась к этому вопросу, что привело к возникновению новой отрасли знания – аксиологической лингвистике, идеи которой активно развивают многие исследователи [Карасик 1996; 2004; Болдырев 2008 и др.].

В статье исследуются ценностные аспекты концепта ПРАВИТЕЛЬ на материале рубежа XVII–XVIII вв. Нами был исследован текст начала XVIII в. (напечатанный в 1708 г.) – произведение «Феатрон» митрополита И. Максимовича. В этот период активно складывались и закреплялись нормы национального русского литературного языка. В то же время продолжалось становление русской государственности, автора «Феатрона» волнуют проблемы духовности, ответственности человека перед обществом. Много внимания в его книге уделяется личности правителя, который бы самоотверженно служил своему отечеству. По мнению автора, ценностными составляющими личности правителя должны служить следующие качества: трудолюбие, мудрость, разделение власти с советниками, молчание, воздержание, нестяжание, неподкупность, добродетель, милосердие, любовь, аскетизм, истина, забота о людях и др. Основополагающим же является соблюдение заповедей.

Так как основная цель произведения – показать читателям, каким должен быть человек, управляющий людьми, в тексте достаточно представлен публицистический стиль, приводятся исторические примеры из истории не только Российского государства, но и даются иллюстрации из произведений античных авторов, истории различных государств, свидетельства военачальников, историков, авторов литературных произведений, Евангельских текстов и других источников. В связи с желанием автора привлечь внимание читателя на вопросы преимущественно нравственного характера, в тексте даются обобщения определенных ценностных реалий, которые подтверждаются иллюстрациями из разных источников. Как правило, ценностный аспект выносится в заглавие статьи, подтверждается различными примерами. Заканчивается глава авторским комментарием, подтверждающим основную мысль.

Приведем иллюстрации ценностных составляющих концепта ПРАВИТЕЛЬ из текста «Феатрон» святителя Иоанна Максимовича.

Мудрость: *Имущеи Началник совокупленну Царствию премудрость, прославить имя свое везде* [Максимович 1708: 207].

Трудолюбие: *Началныхъ чинъ трудами многими сполненный, Темъ буди началнице въ день и ноцъ бодренный* [Максимович 1708: 71].

Бодрость: *Началникъ есть всенародное сердце, почивающимъ всемъ онъ единъ бодрствуетъ; и упокоение имущимъ, попечениемъ отягощается; въ прздности сущимъ, труды умножаетъ; Везде его бдение и бодрость* [Максимович 1708: 99].

Неподкупность: *Началникъ долженъ имети неповинныхъ, Премудростию украшенныхъ, Приставниковъ, и держава его в благословении будетъ* [Максимович 1708: 117].

Милосердие: *Крепость царства милосердие началника. Царства укрепление, милости явление* [Максимович 1708: 33].

Истина: *Началнику буди истинна сопутникъ неразделный, держава его на*

долго процветет время [Максимович 1708: 15].

Фактически в каждой главе книги прослеживается мысль о необходимости соблюдения заповедей Божиих: *Буди ты людемъ яже къ Богу, и донесеши слова ихъ къ Богу, избери себе от людей мужы силны. Бога боящийся, мужы праведныя, и ненавидящия величания, да суждуть я по вся часы, се сотвориши, исполниши предание и заповедь Божию* [Максимович 1708: 144].

Если же правитель не следует заповедям Божиим, он наносит вред и себе, и людям, и государству: *Ни едино Царство долговременно, идеже Началство не имеет воздержания. Тем Римское царство царствующу Нерону сотресе. Его же несъятость вся снеде, и погуби, лакомство помрачи, леность сокруши, похоть и гордыня истоци...* [Максимович 1708: 103].

Перечень ценностных составляющих концепта ПРАВИТЕЛЬ можно продолжить, все они подчеркивают те аспекты человеческого поведения, которые способствуют правильной ориентации в жизни, возможности служения человека своему Отечеству, людям.

Нравственность – это внутренние духовные ценности, которыми руководствуется человек. Основными нравственными ценностями для каждого человека во всем мире считаются такие понятия как честность, достоинство, патриотизм, верность, трудолюбие, уважение к старшим и пр. Важно донести эти понятия для каждого человека. Здесь важна роль слова. Во все времена значимость слова, донесение его смысла до человека остается актуальным. Язык неотделим от человека, его внутреннего мира и мира внешнего, реального. Язык отражает этот мир и формирует человека и окружающий его мир, поэтому мысли святителя Иоанна Максимовича значимы и актуальны и для нашего времени. Ценностные аспекты концепта ПРАВИТЕЛЬ важны для каждого человека и должны служить ориентиром в его жизнедеятельности.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3. С. 25-37.

Житие Святителя Иоанна. Сайт выпускников Тобольской Духовной семинарии. URL: <http://www.tds.net.ru/index.php/nebesnye-pokroviteli/85-mitropolit-ioann-maksimovich/108-zhitie-svyatitelya-ioanna?showall=&start=7>.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996.

Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontseptypodhody-k-izucheniyu>.

Максимович И. Феатронъ, или Позоръ нравоучительный, царемъ, княземъ, владыкамъ и всемъ спасительный, в немъ же что имать творити и соблюдати начальникъ и кинихъ устранятися. Чернигов, 1708.

Святитель Иоанн (Максимович). Феатрон / свт. Иоанн (Максимович). Тюмень: Русская неделя, 2017.

Svetlana A. Shishkina (Tyumen, Russia)
Tyumen State University
Aleksandra P. Ushakova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

VALUE ASPECTS OF THE CONCEPT "RULER" IN RUSSIAN LITERATURE DURING THE END OF THE 17th AND BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

The article examines aspects of the implementation of the concept of "ruler" in Russian literature using the work of St. John of Tobolsk, Metropolitan of the Tobolsk diocese. The uniqueness of the linguistic means verbalizing this concept is emphasized. The article describes the value component of this concept and the relevance of the topic.

Key words: concept, values, axiological linguistics, verbalization of linguistic means

О.В. Шкуран (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
oksana.shkuran@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МИРОТВОРЕЦ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ*

Взаимосвязь дискурса и концепта определена такими когнитивными процессами как восприятие, понимание, интерпретация. Концепт МИРОТВОРЕЦ выполняет определенную контекстуальную операцию, в результате которой реализуются сакральный и десакральный смыслы. Сформировавшаяся когнитивная база участников общения влияет на смысловое движение лексемы, в результате которого концепт МИРОТВОРЕЦ выбирает необходимое вербальное средство выражения и расширяет свое концептуальное поле в дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, текст, концепт, речетворчество, сакрализатор, десакрализатор

В современном языкознании особое внимание уделяется взаимосвязи дискурсивных структур и информационно-когнитивных аспектов восприятия реальности. Это направление исследований называется когнитивно-дискурсивным и все больше определяет методологическую значимость в теории языка, позволяя новым образом рассмотреть проблему информативной избыточности языковых единиц и их «нездоровой семантической трансформации».

Текстуализация современного мира и языкового сознания способствуют новому пониманию первичности и вторичности текста, проблемы формирования текста, статуса медийного текста как вторичного речевого произведения, а также взаимоотношениям между первоисточником и вторичными текстами.

В языкознании понятие *текст* имеет несколько определений, поскольку исследования обращают внимание на различные факторы. Например, Д.С. Лихачев определяет авторский замысел как основополагающий [Лихачев 1985: 20]. А.А. Леонтьев считает завершенность текста «лишь способом опредмечивания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библиейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

процессов понимания» [Леонтьев 1997: 95]. О.Л. Каменская характеризует текст как «универсальное средство, которое может использоваться как в системах массовой коммуникации, так и в межличностных коммуникациях» [Каменская 1990: 14-15]. Ю.А. Левицкий называет речевую реализацию текстом, который полностью передает намерение говорящего (пишущего) в отношении ситуации и считается законченным при наличии фразы, раскрывающей тему [Левицкий 2006: 88].

Исследования дискурса, который порождает текст и определяет его первичность, являются традиционными и актуальными в современной лингвистике. Дискурс сопровождает повседневную жизнь носителей языка и объединяет текст с внешними факторами. Е.С. Кубрякова определяет дискурс как форму использования языка в реальном времени, отражающую определенный тип социальной активности человека. Он является частью процесса коммуникации между людьми и определяется участниками коммуникации, условиями его существования и целями [Кубрякова 2004: 525].

Актуальность обусловлена прежде всего тем, что она сосредоточивает внимание на широком спектре функциональных и дискурсивных аспектов, связанных с языковым несоответствием дефиниций слова «миротворец» и его употреблением в современном дискурсе. В рамках этих подходов рассматривается когнитивно-дискурсивный феномен лексемы «миротворец» в контексте русской языковой картины мира, а «системное диахроническое описание данных понятий предоставляет возможность для установления соотношений культура-язык» [Шкуран 2022: 830].

Дефиниционный анализ концепта МИРОТВОРЕЦ показывает несколько значений, которые со временем сохраняют семантическую стабильность. «Спектр значений, иллюстрирующий архетипы языка, живет и формируется под влиянием своих законов, принципов построения, поэтому для изучения когнитивно-смыслового кода данных слов необходимо воспроизвести примеры в разные периоды развития языка, а также различные связи и соотношения с другими лексическими парадигмами» [Шкуран 2023: 268]. Лексема фиксируется в русской лексикографии с конца XIX в. Так, например, в «ПЦСС» *миротворец* – это ‘тот, кто самъ не подаетъ никакихъ поводовъ къ раздору и несогласію, и другихъ враждующихъ между собою примиряетъ и соглашаетъ; уподобляясь по дѣятельности Сыну Божию, примирившему небо съ землею, Бога съ человѣкомъ, онъ и называется сыномъ Божиимъ’ [ПЦСС 1899: 306]. В этом же смысле лексема зафиксирована в МАС: ‘тот, кто примиряет ссорящихся, враждующих, способствует прекращению войны, ссоры’ [МАС 1986: 277]; в ТСРЯ – ‘тот, кто занимается миротворческой деятельностью, участвует в миротворческой акции’ [ТСРЯ 1998: 392]. «Такие закономерности различаются по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иванов, Ломакина, Ершов 2022: 113].

Слово «миротворец» встречается в библейском контексте. Фраза «блаженны миротворцы» исходит из «Заповеди блаженства» в Нагорной проповеди Иисуса Христа. *Увидев народ, Он взшел на гору; и когда сел, приступили к Нему*

ученики Его. И Он, отверзиши уста Свои, учил их, говоря: ...Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими ми (Мат. 5: 1-2, 9). «Своими действиями, направленными на создание мира, миротворцы уподобляются Иисусу Христу, Который явился на грешную землю, чтобы примирить павшего человека с Божиим правосудием. И так, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 5: 1) [Дубровина 2010: 43]. Миротворцы не просто те, кто достигает перемирия, но скорее те, кто примиряет людей с Богом. Великими миротворцами считаются святые апостолы, которые примирили весь мир с Богом, каждый миссионер Святого Евангелия также является миротворцем.

Таким образом, лексема и связанный с ней концепт МИРОТВОРЕЦ обладают доминантным сакральным смыслом, понятийно содержащим «в себе ценностно-смысловое наследие «духосферы» [Шкуран 2019: 338]. Сфера духовного аспекта православной веры отражается в словарных объяснениях лексикографических источников XIX–XX вв. и в религиозном пространстве русской языковой картины мира.

Рассмотрим концепт МИРОТВОРЕЦ в дискурсе: *Вся жизнь императора Александра III (1845–1894) была посвящена тому, чтобы сделать Россию великой державой. Будучи убежденным противником войны, царь-миротворец своей умелой, твердой политикой обеспечил ей несколько лет созидательного мирного развития. Неприятие войны сформировалась у императора во время русско-турецкой войны.* [М.Н. Начапкин. Роль императора Александра III в сохранении консервативных духовно-нравственных основ русской православной цивилизации // «Церковь богословие история», 2020]. Смысловое восприятие связано с концептуальным значением: концепт создает образ содержания текста, значение лексемы целостно и совпадает со словарной дефиницией.

Скорее всего, ты миротворец по натуре и умеешь сглаживать острые углы и без скандала выходить из напряженных ситуаций. С другой стороны, ты умеешь ждать и добиваться цели. Приятно, что среди нас есть такие люди, как ты. [Тест // «Лиза», 2005]. Понимание выходит на другой смысловый уровень, лексема становится частью дальнейшего процесса интерпретации, которое определяет значение – ‘личность, избегающая конфликтов’.

Кроме того, концепт МИРОТВОРЕЦ может использоваться и в десакрализованной форме. Например, украинский Интернет-сайт «Миротворец», созданный в 2014 г., десакрализирует значение концепта, внося в базу данных информацию о гражданах, которые якобы угрожают независимости Украины. В этом случае слово «миротворец» теряет свое первоначальное значение и десакрализируется. Такие трансформированные значения могут оставаться в сознании людей как нечетко схваченные смысловые образования и реализовываться лишь в конкретных ситуациях.

Концепт МИРОТВОРЕЦ представлен в сегменте современного дискурса социальной сети «ВКонтакте». Сбор данных, который проходил в несколько этапов, показал, что семантические характеристики можно условно разделить на четыре группы – «Вооруженный конфликт», «Бытовая ссора», «Покой, тишина»,

«Сотворение мира». Социальная сеть в тематическом дискурсе сосредоточена на военной тематике и ее решении, поскольку значительная часть авторов обеспокоена геополитической ситуацией в мире.

Из этого следует, что под влиянием нарастающей секуляризации общества в словарную практику включаются толкования секуляризованных смыслов понятийного содержания концепта МИРОТВОРЕЦ, а сформировавшаяся языковая база современных коммуникантов влияет на выбор необходимого вербального средства выражения и расширения концептуального поля в дискурсе.

Литература

ВКонтакте – крупнейшая площадка по количеству публикаций и авторов в России // Новости ВКонтакте. 1 сентября 2023. URL: <https://vk.com/press/brand-analytics-october>.

Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010.

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений). М.: Типография «Вильде», 1899.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Еришов В.И. Категоризация пословичной семантики: номологические пословицы // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 112-116.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3-12.

Левицкий Ю.А. Лингвистика текста. М.: Высшая школа, 2006.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1985.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985-1988.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2019.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

ЦССРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб.: Имп. Академия Наук, 1847.

Шкуран О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т.10. № 2. С. 336-352.

Шкуран О.В. Концептуальное представление о Боге в современной русистике: диахронический срез // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 830-834.

Шкуран О.В. Соотношение смысла и значения слова // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 570-574.

Oksana V. Shkuran (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

VERBALIZATION OF THE “PEACEMAKER” CONCEPT IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE: A DISCOURSE ANALYSIS

The interrelation of discourse and concept is determined by such cognitive processes as perception, understanding, and interpretation. The PEACEMAKER concept performs a certain contextual operation, as a result of which sacred and desacral meanings are realized. The formed cognitive base of communication participants influences the semantic movement of the lexeme, as a result of which the PEACEMAKER concept chooses the necessary verbal means of expression and expands its conceptual field in discourse.

Л.П. Юздова (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ПРОДУКТ СТЕРЕОТИПНОСТИ МЫШЛЕНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В статье представлены фразеологизмы как продукт стереотипности мышления носителя языка, а уникальные национальные стереотипы – как условие существования уникальных фразеологизмов, единиц трансляции духовных ценностей народа-носителя языка.

Ключевые слова: неуниверсум, стереотип, стереотипизация, стереотипность, универсум, фразеологизм

Язык / речь, мышление находятся в центре внимания когнитивной лингвистики, основным в которой является понятие «когниция», связывающее язык и мышление: язык дает представление о мышлении, мышление отражается в языке. Когнитивные процессы, происходящие в мышлении человека, оязыковляются. Язык – ключ к пониманию мышления, доступ к мыслительным процессам, что позволит осмыслить специфику человеческого мышления. Учеными разрабатывается **теория стереотипизации**, стереотип рассматривают как элемент языка / речи носителя языка. Ученые исследуют черты языка / речи общечеловеческие (универсум) и специфические, характерные для носителя определенного языка (неуниверсум). Так, например, рассматривают универсальные и национально-специфические образы количества [Нигматзянова (Ухина) 2012], универсальность и лингвоспецифичность междометий русского, английского и казахского языков [Лазухина, Сидорова 2020], проводят сопоставление стереотипов культур и определяют общие и специфические стереотипы, отражающие национально-специфические тонкости культуры народов [Козлова, Гребенкина 2013]. Стереотипность можно считать как универсальным, так и уникальным явлением. Толкование понятия стереотип характеризуется разнообразием. Выделяются, например, стереотипы поведения, под которыми понимается «обобщенное представление о поведении и манерах какого-либо народа» [Маслова 2008: 31]. В области информационных технологий стереотип представляет собой модель, служащую для описания ситуации и стандартизованных действий [Цветков 2018]. Стереотипы представляются как обобщения социального опыта представителей определенной языковой культуры [Постоеенко 2018: 16]. С точки зрения наук о человеке, «стереотип можно назвать результатом деятельности центральной нервной системы, которая пытается «сэкономить» на когнитивных усилиях за счет стереотипизации...» [Садуов 2018: 216]. Стереотип понимается как «представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком, это представление воплощается человеком в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире»

[Бартминский 2005: 15]. В любом случае, стереотип – это «общепризнанные представления о чем-либо, которые нужно освоить, дабы являться полноценным членом языкового общества» [Акбаева 2019: 20]. Среди признаков стереотипа – детерминированность культурой, коннотативность, устойчивость к изменениям, регулярность повторения представителями лингвистического сообщества в стандартных ситуациях, схематичность в отражении признаков. **Языковые стереотипы представлены фразеологизмами (ФЕ)**, которые в целом имеют перечисленные признаки. Под ФЕ понимаем устойчивые воспроизводимые сочетания, словосочетания, предложения, обозначающие одно понятие. У языка имеется общая универсальная основа, универсальные фундаментальные категории и единицы мыслительного содержания. Универсальность / неуниверсальность фундаментальных категорий и единиц мыслительного содержания и средств их выражения в языках связана с тем, что существует «мышление, осуществляемое в чисто понятийной форме, по логическим категориям, обладающее универсальными, общечеловеческими свойствами, не зависящими от конкретного языка» и «мышление, осуществляемое средствами конкретного национального языка» [Алефиренко 2005: 129]. Широко известна гипотеза лингвистической относительности: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом, благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир 1993: 261]. Формулировку гипотезы лингвистической относительности дал и Бенджамен Ли Уорф: «Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [Уорф 1960: 174].

Изучая русские ФЕ на фоне английских, мы выяснили, что часть из них имеет универсальный семантический характер. Этот факт подтверждает общность подходов в номинации, возможно, в ряде случаев сказываются общие источники пополнения фразеологической системы языков, но, конечно, прежде всего влияет общность антропоцентрического подхода к номинации. Сравним: рус. *со всех ног* (*во все ноги*) имеет значение «очень быстро, стремительно», англ. *as fast as one's legs will carry one* – «так быстро, как ноги могут унести». Примеров идентичной или похожей номинации много: *как убитый* (*-ая, -ые*) (рус.) – в значениях «очень крепко, беспробудно (спать); отрешенно, упорно (молчать); неподвижно (лежать)» // *as if killed* (англ.) – в значении «как убитый» (молчать); *как (будто, словно, точно) лиса* (рус.) – «подобно животному, которому люди приписывают чрезвычайную хитрость» // *as sly as a fox* (англ.) – «хитер, как лиса»; *из вторых (третьих) рук* (рус.) – «через посредников» // *at second hand* (англ.) – «из вторых рук»; *как (будто, словно, точно) на иголках* (рус.) – «в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства (сидеть)» // (англ.) – «быть на булавках и иголках, т. е. в возбужденном состоянии»; *спустя рукава* (рус.) – «кое-как, недобросовестно (работать)» // *up one's sleeves* (англ.) «кое-как, спустя рукава»; *с легким сердцем* (рус.) – «легко, без переживаний» // *with light heart* (англ.) – «с легким сердцем»; *с тяжелым сердцем* (рус.) – «с переживаниями» // *with heavy heart* (англ.) – «с тяжелым сердцем» и т. д. Расшифровка смыслов связана с культурными установками носителя

определенного языка, с его ментальностью. Для сравнения: англ. *bite the bullet* (кусать пулю – мужественно примириться с суровой необходимостью; выражение восходит к тому времени, когда оперировали без наркоза и раненому давали пулю, чтобы, сжимая ее зубами, он не кричал) и рус. *стиснув зубы* (подавляя, преодолевая свои желания, сдерживая свои чувства (делать что-либо)).

Наряду с универсальными, есть уникальные представления действительности через ФЕ, отражающие специфику представления мира носителями разных культур. *Проще пареной репы* (рус.) имеет значение «очень, чрезвычайно просто» (что-то делать). *As easy as pie* (англ.) имеет примерно такое же значение, однако компонентный анализ обнаруживает разность: в качестве компонента рус. ФЕ используется компонент «репа». Для русских как для представителей сельскохозяйственной страны пареная репа – обычная сельскохозяйственная культура. «На Руси редька, как и репа, была одним из повседневных кушаний. Особенно часто редьку ели в долгие посты, и тогда редька особенно надоедала» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 594]. В англ. ФЕ в качестве разнящегося компонента употреблен компонент «пирог», дословный перевод – «просто, как пирог». Для англичан пирог прост, так как традиционно делается и в праздники, и в будни. *Как (будто, словно, точно) пробка* (рус.) имеет значение «очень, до крайности» (глупый и т. п.). В этом же значении используется *be daft as a brush* (англ.). При однотипной синтаксической модели ФЕ рус. и англ. языков имеют различные компоненты: в рус. – «пробка», в англ. – «щетка». Англичане помешаны на чистоте, и, возможно, щетка для них именно тот элементарный, банальный предмет, который всегда под рукой. Скорее всего, по этой причине и родилось такое сравнение (*глуп, как щетка*). Что касается рус. ФЕ *как (будто, словно, точно) пробка*, то для человека русской ментальности пробка, которая первоначально делалась из дерева (вспомним, что Россия – страна лесов), – элементарный предмет. *Как свинья* (рус.) имеет значение «очень сильно (напиться, быть пьяным и др.)». *Be drunk as a skunk* (англ.) в том же значении, однако компонентный состав различен – «напиться, как скунс». Очевидно, для англоговорящих сравнение со скунсом обычно. Для русской ментальности традиционно сравнение со свиньей (рус. *свинья свиньей, свинья в ермолке*), кроме этих единиц в значении «очень сильно» (напиться) используются *как зюзя* («Псковское слово зюзя и его варианты зюся, зюха, зюська, зюжка, зюшка, зюра, зюрька значат свинья...») [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 261].

ФЕ можно считать продуктом стереотипности мышления носителя языка: большая часть имеет универсальный характер, что является свидетельством однотипности, общности подходов к номинации, а также общности источников пополнения фразеологических систем языков. А уникальные национальные стереотипы, в свою очередь, – это условие существования уникальных ФЕ, так как они являются единицами для трансляции духовных ценностей народа-носителя языка.

Литература

- Акбаева Ф.Б. Исследования стереотипа в гуманитарных науках // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 17-22.
Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, 2005.

- Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. М.: АСТРЕЛЬ; АСТ; Хранитель, 2007.
- Козлова И.Е., Гребенкина И.Н.* Универсальные и уникальные стереотипы французской и русской культур (на материале русских и французских фразеологизмов с гастрономическими терминами) // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. 2013. № 10 (138). С. 9-16.
- Лазухина Л.В., Сидорова О.Г.* Универсальность и лингвоспецифичность первичных междометий в русском, английском и казахском языках (на материале художественной прозы и драматургии) // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2020. № 4. С. 67-76.
- Маслова В.А.* Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 30-37.
- Нигматзянова (Ухина) Ю.Л.* Универсальные и национально-специфические образы количества (на материале русского и английского языков) // SWorld. 2012. Т. 29. № 2. С. 40-42.
- Постоевко И.А.* Этнокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 3 (11). С. 16-18.
- Садуов Р.Т.* Этнокультурные стереотипы в современном российском комиксе (на примере комикса «Красная фурия») // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2018. № 10 (420). С. 215-224.
- Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
- Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М.: ИИЛ, 1960. С. 135-198.
- Цветков В.Я.* Технологические стереотипы и ситуационные прецеденты // Славянский форум. 2018. № 2 (20). С. 97-104.

Lyudmila P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PHRASEOLOGY AS A PRODUCT OF STEREOTYPING THINKING OF A NATIVE SPEAKER

The article presents phraseological units as a product of stereotypical thinking of a native speaker, and unique national stereotypes as a condition for the existence of unique phraseological units, units of translation of spiritual values of a native speaker people.

Key words: non-universe, stereotype, stereotyping, stereotyping, universe, phraseology

Н.А. Янкова (Москва, Россия)
Международный юридический институт
natalyankova@yandex.ru

ЛЕКСЕМА «КОРИДОР» КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ КОНЦЕПТ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

В статье лексема *коридор* изучается как доминирующий концепт дискурса регионализма, что обосновывается посредством когнитивно-дискурсивного анализа медиатекстов, объединенных тематикой наднационального политического взаимодействия, а данный статус концепта оценивается посредством количественного, качественного и динамического параметров.

Ключевые слова: дискурс регионализма, концепт, фреймово-слотовая структура

Важной особенностью современной политической коммуникации является актуализация вторичных значений языковых единиц, участвующих в номинации актуальных политических явлений и процессов. Такие единицы отражают социально-политические ценности современного общества, его состояние и направления развития. В центре нашего внимания лексема *коридор*, которая становится доминирующим концептом в политическом дискурсе, в том смысле, что она участвует в образовании и функционировании этого вида дискурса и его разновидностей. Одной из таких разновидностей является дискурс регионализма, под которым нами понимается речемыслительная деятельность коммуникантов, объективированная в совокупности текстов, создающих самостоятельное поле социальных смыслов относительно образа региона на наднациональном, национальном (государственном) и субнациональном уровне социальной организации. Актуализация дискурса регионализма в политической коммуникации обусловлена формированием крупных региональных проектов международно-политического характера (региональных блоков) [Докучаев 2012: 71], а лексема *коридор* становится концептуальной единицей, отражающей эти процессы и репрезентирующей информацию о них.

Дискурс регионализма реконструируется прежде всего на основе совокупности медиатекстов, объединенных тематикой внешней политики государства и выстраиваемых им международных отношений с выделением регионов мира как политических акторов. Исходя из цели исследования, мы представили результаты анализа сплошной выборки контекстов из официальных русскоязычных СМИ за последние пять лет, представляющих материалы по вопросам международной политики. На этой базе создан корпус текстов из 103 единиц, в которых лексема *коридор* становится важнейшей содержательной, операционной концептуальной единицей дискурса регионализма, функционирующей в качестве ключевого элемента в идентификации трансформационных процессов современного мира и их объективации, что позволяет, на наш взгляд, рассматривать эту языковую единицу как доминирующий концепт данного вида дискурса.

Как показал эмпирический материал, статус концепта можно устанавливать на основании трех параметров оценки – количественного, качественного и динамического, которые отражают когнитивно-дискурсивный потенциал рассматриваемой языковой единицы. Количественный параметр – это частотность использования лексем в определенном типе дискурса. По нашим данным, лексема *коридор* в дискурсе регионализма фиксируется более чем в трех тысячах контекстов. Стремление политических акторов к конструктивному наднациональному взаимодействию, совместному принятию политических решений, и в тоже время наличие противоречий – все это определяет частотность реализации лексической единицы *коридор*, активно функционирующей в политической коммуникации на уровне вторичной номинации. Использование компонентного анализа с привлечением лексикографических источников позволило выявить ядерные семы данной лексической единицы: ‘пространство’, ‘место’, ‘движение’, ‘направление’, ‘препятствие’ [СК], которые в дискурсе регионализма дополняются целевым ком-

понентом. Качественный параметр определяет смысловые трансформации лексемы *коридор* в дискурсе регионализма, обусловленные парадигматическими и синтагматическими отношениями, а также грамматическими возможностями этой языковой единицы. Динамический параметр устанавливает ее дискурсообразующий потенциал, насколько она способна отражать меняющиеся социально-политические условия, концептуализировать ценностно-значимую информацию, обогащая современную языковую систему новыми образами и смыслами.

Остановимся на последних двух параметрах более подробно.

С позиции качественного параметра оценки лексемы *коридор* установлено, что ее смысловые трансформации во многом обусловлены ее участием в организации информации о наднациональных политических отношениях посредством определенной фреймово-слотовой структуры, выступающей «системой координат» дискурса регионализма.

Концепт КОРИДОР организует свое понятийное значение через фреймы, которые являются способами интерпретации явлений или событий и тем самым влияют на убеждения и оценки людей относительно фрагмента действительности, соответствующего конкретной фреймовой структуре [Дейк 2015]. Основная цель фреймового анализа в аспекте качественного параметра оценки концепта КОРИДОР – установить, как данная лексема создает вокруг себя основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с ним в рамках языковой картины мира.

Как показал материал, концепт КОРИДОР является элементом макрофрейма *региональное взаимодействие*, который реализуется через такие фреймы как субъекты взаимодействия; сферы взаимодействия; формы взаимодействия; средства взаимодействия. Концепт КОРИДОР встраивается в политической коммуникации в эту фреймово-слотовую структуру на уровне субфрейма или слота для идентификации политических субъектов, описания особенностей взаимодействия между ними, интерпретации политических событий и др.

Так, во фрейме «субъекты взаимодействия» лексема *коридор* чаще всего становится элементом метонимического переноса, при котором наименование акторов политического взаимодействия заменяется наименованием коридора как способа его осуществления: *Южный коридор путается в поворотах. Экспорт через Иран осложняют транспортные неувязки* [Коммерсант 20.11.2023].

Фрейм «сфера взаимодействия» реализуется через субфреймы «экономическая сфера», «политическая сфера», «религиозная сфера» и т. п., что объективируется через атрибутивные сочетания типа *экономический коридор, зерновой коридор, гуманитарный коридор, шиитский коридор* и др.

Фрейм «форма регионального взаимодействия» реализуется через субфреймы «кооперация», «конкуренция», «конфликт», которые вербализуются посредством синтагматических связей лексической единицы *коридор* с такими глаголами как *открыть – пробить – развивать – прикрыть – закрыть – блокировать – разрушать* и т. п., а также образованными от них существительными и прилагательными. При этом актуализируемые в политическом тексте прагматические установки адресата сообщения, связанные с определенными коннотациями, могут

варьировать от позитивных до негативных оценок. Открытый коридор представляет собой потенциальную возможность сотрудничества, четкое видение цели, определение стратегий ее достижения. Напротив, закрытый коридор несет отрицательные коннотации, связанные с прекращением конструктивного взаимодействия вплоть до развития конфликта. Анализ показал, что бинарная оппозиция открытость / закрытость в таких контекстах пересекается с архетипической оппозицией свой / чужой, а, следовательно, отражает наднациональное взаимодействие через отнесение определенных субъектов, явлений и процессов, участвующих в таком взаимодействии, к своему или чужому политическому лагерю.

Во фрейме «средство взаимодействия» лексема *коридор*, конкретизированная с помощью различных адъективов, в том числе с локативной семантикой, эксплицирует способы решения или обострения политических проблем, связанных с: преодолением политической изоляции региона или конкретной страны (*сухопутный коридор в Крым, транзитный коридор*); переделом геополитического влияния (*международного транспортного коридора Север–Юг*); выделением новых политических акторов (*Транскаспийский коридор, Трансафриканский коридор*) и др. В этих примерах рассматриваемая фреймово-слотовая структура транслирует идею целевых установок регионального взаимодействия, при этом коридор как средство осуществления политических действий на наднациональном уровне направлено на реализацию этих целей, а лексема *коридор* через механизм наведения семы получает новый смысловой компонент ‘цель взаимодействия’.

Когнитивно-дискурсивный анализ фреймовых структур, построенных на концепте КОРИДОР, показал, что его реализация в различных смысловых конструкциях сопровождается трансформацией ядерной зоны лексической единицы *коридор*, при которой ядерная сема ‘пространство’ уходит на периферию, замещаясь семой ‘событие’. При этом данная лексическая единица не имеет закрепленной коннотации и может включать как позитивные (‘сотрудничество’, ‘партнерство’), так и негативные (‘враждебность’, ‘конфликт’, ‘угроза’) компоненты значения.

Качественный параметр оценки лексемы *коридор* позволяет ставить вопрос о ее способности к коммуникативной адаптации при формировании и трансляции конкретного дискурса, в частности, дискурса регионализма с целью оптимизации выполняемых им прагматических задач, что предлагается оценивать в рамках динамического параметра. Изученный нами материал позволяет выделять ряд стратегий коммуникативной адаптации лексемы *коридор* к дискурсу регионализма, среди них: текстогенность (актуализация в заголовках газетных статей и посредством этого создание эмоционального фона текста); ее включение в контексты, выражающие языковую рефлексию (оценка коммуникантами прагматического статуса концепта, ее ценностно-смысловой направленности); продуцирование на ее семантической базе идеологем (например, *коридор солидарности*); ее участие в приемах языковой игры, проявляющейся, например, в трансформации прецедентных высказываний (например, *коридор раздора, кто в коридоре хозяин*). Показательной в этом отношении является актуализация в медиатекстах таких единиц как *Лачинский коридор* и *Зангезурский коридор*, раскрывающих ка-

чество политических отношений между Арменией и Азербайджаном на современном этапе. В связи с этим во многих контекстах *Зангезурский коридор* становится синонимом угрозы территориальной целостности Армении.

Таким образом, в когнитивном плане лексема *коридор* является доминирующим концептом, влияющим на продуцирование и понимание дискурса регионализма, что можно оценить посредством количественного, качественного и динамического параметров. Материал показал, что данный концепт имеет двунаправленный аксиологический модус, а в прагматическом плане он обладает большим потенциалом коммуникативной адаптации в целях формирования и трансляции дискурса регионализма, активно обогащая русскоязычную коммуникацию новыми аксиологемами и идеологемами.

Литература

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Докучаев Д.С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского ун-та. Серия: политология. 2012. № 4. С. 70-78.

СК – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Nataliya A. Yankova (Moscow, Russia)
International Law Institute

THE LEXEME “CORRIDOR” AS THE DOMINANT CONCEPT THE DISCOURSE OF REGIONALISM (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA)

In the article, the lexeme corridor is studied as the dominant concept of the discourse of regionalism, which is justified through a cognitive-discursive analysis of media texts united by the theme of supranational political interaction, and this status of the concept is assessed through quantitative, qualitative and dynamic parameters.

Key words: discourse of regionalism, concept, frame-slot structure

Т.А. Янссен-Фесенко (Гейдельберг, Германия)
tamaraalina@hotmail.com

С.Л. Фесенко (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет
rafessenko@rambler.ru

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МИРА КАК АВТОРСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются особенности когнитивного моделирования русского этнокультурного мира на основе когнитивно-психолингвистического и концептуального анализа романа В. Сорокина «Метель» и его переводного варианта «Der Schneesturm» как проекции сознания однокультурной и поликультурной языковых личностей.

Ключевые слова: языковая личность, проекция сознания, когнитивная модель, психотип

Предлагаемая работа направлена на выявление особенностей концептуализации реалий русского этнокультурного мира «разноязычными» языковыми личностями – автором романа «Метель» В. Сорокиным и его переводчиком. Наш исследовательский интерес фокусируется на следующих пунктах: а) отличаются ли ментально-вербальные проекции сознания «одноязычной» языковой личности (автора романа) и «полиязычной» языковой личности (переводчика) в когнитивно-психолингвистическом контексте; б) чем обусловлена лингвокультурная и концептуальная специфика модели русского этнокультурного мира в изображении автора романа – его концептосферой, его лингвоментальным психотипом, архитектуроникой его нейронной сети и др.

В современной когнитивной нейро- и психолингвистике представляют для нас определенный интерес методики изучения влияния особенностей архитектуры мозга на когнитивную деятельность личности в ее концептуально-языковом контексте. Мы акцентируем наш интерес на лингвокогнитивных и междисциплинарных исследованиях последних лет, где наряду с традиционными рассматриваются также отдельные аспекты интересующей нас проблемы [ср. Сагитова, Сулейманова 2018; Уланович 2010; Marian 2023 и др.].

В свете того, что проблема функционирования и структурирования мозга не является дезидератом нашей статьи, мы рассмотрим архитектуру мозговой деятельности языковой личности в контексте релевантной для нашего исследования проблематики авторского когнитивного моделирования этнокультурного мира и ее переводной модели.

Концептуальная характеристика главного героя романа доктора Гарина, задающая цветовую гамму всей палитре моделируемого Сорокиным русского мира, отличается узнаваемой противоречивостью, свойственной русской интеллигенции: «европейская» дисциплинированность, регламентированность, упорство отражаются в его «целеустремленном» лице с большим упрямым носом. Необходимо отметить, что переводчик в отдельных случаях вербализирует свою, но не авторскую модель русского мира, например, при характеристике профессиональной деятельности доктора Гарина, когда тот проникается *надеждой* на благополучное завершение своей поездки в результате удачного стечения объективных обстоятельств, в то время как в переводном варианте проецируется скорее прагматико-«европейская» модель с превалированием профессионального долга.

Вербализация столь свойственной русскому ментальному миру «смеси» гнева, разочарования, горечи, сожаления, выраженной в авторской реплике «...сволочами из..... ни одному русскому человеку к чертям собачьим не нужной Боливи...» [Сорокин 2010: 10] не находит эмоционально-смыслового соответствия в переводном нейтрально-эмоциональном варианте.

Представляется важным отметить попытку автора романа «Метель» Сорокина конципировать как минимум две лингвоментальные модели русского мира, одну – как концептуальную проекцию обывательско-простонародной языковой личности и вторую как модель мира в проекции языковой личности русского интеллигента, доктора Гарина.

«Классической» константой «простонародной» модели русского мира является, бесспорно, образ жирной лужгающей семечки русской бабы, достаточно адекватно отображенный также в переводном варианте, но с вербальной лакуной «лыбящейся масляннороже».

В соответствии с этой вербально-ментальной зарисовкой автором романа представлен также образ основного «носителя» «простонародной» модели мира кучера Перхуши, неухоженного, несуразного, комичного, одинокого в его уютном грязном жилище, заросшем паутиной и пропахшем мышами. Однако безразличие к своей внешности и быту противопоставляется трепетной заботе Перхуши о своем хозяйстве и животных. Переводчиком эквивалентно – за исключением семантических нюансов – передается картина русского «бауэрнхофа», причем, с детально описанными предметами русского крестьянского быта. Иными словами, традиционные для «лубочного» русского ментального мира неоднородность, смятение, противоречивость находят свое бесспорное выражение в авторской модели русского «простонародного» мира.

Сорокин последовательно формирует *просторечную* вербальную модель русского мира, в том числе на основе стилистически сниженной вербальной канвы высказываний Перхуши, ср., например: ‘и чаво’, ‘неколи’, ‘мятель’, ‘ладноть’ ‘таперича’, ‘тутьось’, ‘вишь какой’, ‘дохтур’, ‘не рюхнулися’, ‘ишь, зазяб дохтур’ и др.

Итак, классические константы русской лубочной модели мира находят свое убедительное воплощение в вербально-ментальном образе Перхуши, неоднозначно и несколько карикатурно представленном автором романа и традиционно принесенного в жертву главному герою: долг и жертвенность, торжество и печаль, терпение и взрыв, радость и боль, звуки трубы и плачущей скрипки – это «классические» мозаичные составляющие модели этно-культурного русского мира, закрепленные в сознании как носителей русской культуры, так и представителей международного сообщества.

Модель русского мира в концепции русского интеллигента первоначально стилизована под европейский вариант с превалированием серо-зеленых красок упорядоченности, долга, правил и минимальной радости. Целеустремленность, осознание своей важности и избранности, подчинение долгу и сосредоточенное недовольство – базовые константы концептуальной модели русского интеллигента, воплощенные в образе доктора Гарина и достаточно эквивалентно переданные немецким реципиентам в переводном варианте романа. Стилистически гетерогенна и противоречива вербальная канва языковой модели мира доктора Гарина, которая маркирована не только нейтральной стилиевой окраской языка образованных, но и «разбавлена» фольклорными фразеологизмами, ср., например: ‘теперь хлебай тут киселя’, ‘сволочами из.....к чертям собачьим не нужной Боливиш’, ‘мудаков еще больше’, ‘Тебе что, по морде треснуть?!’ и др., что указывает на неоднородность вербально-концептуальной аранжировки модели мира русских интеллигентов: в бравурную мелодию непременно «вплетаются» трагические ноты разочарования, сомнения, сожаления, отчаяния, что иллюстрируется завершающими «пазлами» образной модели мира доктора Гарина, отражающими его сомнения, сожаление, растерянность: «Всю жизнь слушать дураков

и мудаков!..... – Слушать дураков! И слушать мудаков!» [Сорокин 2010: 33].

Итак, классическими константами русской концептуальной модели мира стандартно выступают тоска, вечность, пронзительность, прощение и прощание, которые служат традиционным финальным аккордом в романе Сорокина.

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) переводная русская когнитивная модель мира указывает на то, что оптимальное решение переводчиком проблем с концептуально-вербальными лакунами обусловлено наличием у «двужычного / полиязычного» мозга более обширной нейронной сети, позволяющей ему выявить и оптимально реализовать концептуально-вербальные связи между разными языками с целью адекватного замещения лакун;

2) в контексте заявленной проблемы о специфике репрезентации авторской модели русского мира отметим, что В. Сорокин, на наш взгляд, делает попытку вербализации окружающего русского реального мира в своем романе «Метель» в соответствии с собственным психотипом, индивидуальными концептуально-ментальными экзистенциональными установками и индивидуальной организацией нейронной сети, о чем свидетельствует выявленный нами натуралистический уровень вербально-концептуального проецирования русской модели мира на превалирующей пренебрежительно-сниженной риторической основе.

В качестве перспективного объекта дальнейшего изучения отдельных аспектов заявленной проблемы мог бы послужить сравнительный когнитивный анализ авторского ментального мира В. Сорокина с психо-ментальным рисунком произведений, например, Ф. Кафки, с целью выявления сходств / различий в проецированных вариантах ментально-вербальных миров данных авторов.

Литература

- Сагитова А.Ф., Сулейманова А.К.* Языковое сознание как синтез универсального и этнически специфического // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 619-622.
- Сорокин В.* Метель. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2010.
- Уланович О.И.* Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 1 (9). С. 44-51.
- Sorokin V.* Der Schneesturm. Köln: Kiepenheuer/Witsch, 2015.
- Marian V.* The Power of Language: Multilingualism, Self and Society. London: Pelican, 2023.

Tamara A. Janssen-Fesenko (Heidelberg, Deutschland)

Stella L. Fesenko (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State Paediatric Medical University

COGNITIVE MODELING OF ETHNO-CULTURAL WORLD AS AN AUTHOR'S PROJECTION OF LINGUISTIC PERSONALITY

This article deals with the peculiarities of cognitive modeling of the Russian ethno-cultural world, based on the cognitive-psycholinguistic and conceptual analysis of V. Sorokin's novel "Blizzard" and its translated version "Der Schneesturm" as a projection of consciousness of monocultural and multicultural linguistic personalities.

Key words: linguistic personality, projection of consciousness, cognitive model, psychotype

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Alexander Yu. Bagiy (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University
alexander.0506@mail.ru

SYSTEMS LINGUISTIC ENGINEERING OF PROFESSIONAL IDENTITY: DECONSTRUCTION, ANALYSIS, SYNTHESIS

The article substantiates the importance of systems engineering in modern linguistic methodology, underlines the main aspects of professional identity in cognitive sciences and argues for the need to use systems linguistic engineering (SLE) as one of the most productive methods of forming professional identity. The paper proposes a general step-by-step algorithm of SLI as a new systemic methodology (deconstruction – analysis – synthesis) with an indication of its essential characteristics: synergistic effect, functional manageability, pattern universality, deconstruction \leftrightarrow reshaping \leftrightarrow formation capabilities of shaping professional identity and professional worldview.

Key words: professional identity, modelling, discourse, conceptual linguistic engineering, pragmatology, systems engineering, research methodology

The establishment and maintenance of professional identities are increasingly crucial for success in various fields in our evolving world, which in turn makes efficient communication and the perception of capabilities essential constituents of professional identity (PI). Systems linguistic engineering (SLE), rooted in systems engineering (SE), provides a distinct methodology for shaping and reinforcing PI. This paper explores the significance of SE in linguistics, outlines the main aspects of PI in cognitive sciences, and examines why SLE is considered a prolific method for shaping PI.

1. System as a fundamental methodological tool

Despite the transcendental philosophy theory, which argues that any system with an interpretive component should take into account the “subjective error” in calculations [Schafer 2021: 661], the construction of a non-technical system without absolute mathematical accuracy explicates reality through corresponding system categories, bringing it to a certain model. Formalization and schematization are critical components of scientific and philosophical knowledge, as formalization is a way to bring things under the criteria of cognition and the subjective designation of things form a single system of transcendental reality, its possible subjective models [Зайнуллин 2021: 111]. Therefore, a thorough study of the object is only possible by considering its schematization and formalization, with subsequent research operations on the created system for correction, improvement, and approximation to ideal values and indicators. This is why SE has the potential to become a solid methodological foundation for transdisciplinary studies of PI, particularly in linguistics.

Engineering practices, based on the ‘system’ as a cognitive category of analysis, develop a methodological field for solving two interconnected research problems: the study of system objects as a form of existence and movement of the real world, and the

construction of a system of categories reflecting the system connections of studied objects and making knowledge well-structured [Заяц 2015: 85]. According to computer sciences research, model-based SE is a formalized modeling application to support system requirements, design, analysis, evaluation, and validation, beginning with the conceptual engineering phase and continuing throughout development and subsequent life cycle phases. This system supports the simultaneous use of multiple description methods (viewpoints), allowing multiple modeling methods to obtain multiple groups of descriptions addressing different interests of the relevant outcomes [Гаричев, Горбачев, Давыденко 2022: 150]. In summary, SE is an interdisciplinary approach concerned with designing, analyzing, and managing complex ‘engineering-like’ systems with a certain outcome in mind.

2. Systems engineering: from definition to linguistic implementation

Recent research in neurolinguistics and human neuroscience justifies the mentioned above, stating that the intricate nature of the brain makes it more feasible to create simplified models or simulations that represent the causal structure and functional role of neural processes, rather than attempting to summarize the system’s operations in a concise set of equations. Therefore, emphasis is placed on concrete modeling rather than abstract theory, which allows for a more detailed analysis of cognitive processes, algorithms, and mechanisms. These neurolinguistic models are developed to closely reflect empirical data and allow for easy modification based on evidence [Baggio 2022: 62-63].

The application of SE principles to linguistics offers an innovative and efficient approach to analyze and manipulate language systems, leading to the development of linguistic engineering. This methodology can be seamlessly extrapolated to linguistics, as SE provides a valuable framework for understanding the intricate relationships between language and thought components on a much more profound level. Studying language as a ‘system of systems’ allows linguists to not only identify patterns, structures, and underlying rules that shape communication but also uncover cognitive, sociolinguistic and pragma-axiological underpinnings of this communication.

Methodologically, system per se represents different operations that are being modelled as processes revolving in time [Călinescu et al. 2023]. SE, in its turn, is designed to generalize the methods, and tools of various subject areas to form methods of their localization by the deductive method – from general rules and patterns to specific solutions [Романов 2015]. These ideas align perfectly with our system of SLE of PI, as the result of the latter is the modeling of a linguocognitive system, which includes a set of basic (necessary and sufficient) characteristics, on the basis of which the full PI formation of the future specialist is possible. Thus, the system of SLE is also based on a deductive principle.

PI is the way individuals perceive and identify themselves within their chosen profession. We suggest that this phenomenon is best understood within the cognitive framework. From the perspective of cognitive science, PI formation involves various cognitive processes such as perception, attention, memory, and decision-making, influencing how individuals interpret and process information related to their profession and leading to their PI development. Cognitive psychology supports PI

formation as it involves the cognitive processes of self-reflection and self-evaluation in relation to an individual's profession. Cognitive linguistics provide valuable insights into the cognitive processes underlying communication within professional and semi-professional domains and emphasizes the role of language in constructing and expressing PI [Болдырев 2019: 31]. Through the use of language, individuals can articulate their professional aspirations and establish a shared understanding of what it means to be a professional in their field. SLE is a potent tool for shaping PI, supported by the fact that language is the only safe 'window' to analyze individuals' mental and spiritual nature [Jackendoff 2007].

3. SLE: from hypothesising to outlining methodology

The main hypothesis of the study is that SLE is a universal theoretical and methodological toolkit for a comprehensive study of the process of PI formation via linguistic modeling of a complex cognitive-discursive matrix. As a novel systemic methodology, SLE integrates and encapsulates all the methods of analysis used for PI deconstruction, along with further analysis of the deconstruction results and their synthesis into a new self-regulating system. Broadly, the methodology can be outlined as follows.

1. *Data collection.* A linguistic engineer selects a specific area of knowledge where PI formation is occurring and gathers a corpus of texts reflecting the relevant professional discourse.

2. *Deconstruction & Analysis: multifaceted modeling process.* Each analytical method used in PI deconstruction/formation is designed as modeling to cover each part of the cognitive framework mentioned earlier, with linguocognitive modeling based on psychological approach, socio-lexicographic modeling on sociological approach, and pragma-axiological and linguo-ecological modeling including elements of philosophical and ethnocultural approaches [Bagiyan, Shiryayeva 2018: 221-222]. Understanding these processes enables linguistic engineers to align language resources to specific PIs effectively, thus comprising a comprehensive methodology for studying language phenomena for teaching languages for special purposes [Bagiyan et al. 2021]. These steps are potentially aimed at further deconstruction/formation of the professional worldview that shapes one's PI [Гришаева 2022: 53-54].

3. *Synthesis.* Upon completion of the modeling procedures, their results are amalgamated into a SLE supersystem, featuring co-dependent elements essential for shaping PI, functioning synergistically, being manageable, facilitating pattern identification for further PI studies across different domains, and capable of deconstructing and reshaping existing PI or forming new ones. This supersystem's combined pragma-axiological influence is much greater than each separate part and is universal for different professional domains. It operates bidirectionally and is crucial for identifying patterns essential for subsequent PI studies.

In conclusion, the process of PI formation, viewed through cognitive sciences and cognitive linguistics, emphasizes the cognitive processes related to self-perception, self-evaluation, and the role of language in construction and expression of PIs. Comprehending these cognitive aspects offers insights into how individuals develop and shape their PI, essential for career development. In this context, SLE, founded on

SE and cognitive linguistics, with its systemic approach to language modification, presents a versatile, effective, and potent methodology for shaping and strengthening PI across various professional spheres.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Гаричев С.Н., Горбачев Р.А., Давыденко Е.В. Модельно-ориентированный инжиниринг физико-технических, информационных и интеллектуальных систем // ТРУДЫ МФТИ. Труды Московского физико-технического ин-та (национального исследовательского ун-та). 2022. Т. 14, № 2 (54). С. 149-161.

Гришаева Л.И. Техника деконструкции картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 52-69.

Зайнуллин Р.А. Схема как эквивалент вещи: деконструкция объективной реальности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2021. № 2 (448). С. 109-115.

Зяц П.В. «Система» как когнитивная категория анализа в инжиниринговых исследовательских практиках // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 81-86.

Романов А.А. Прикладной системный инжиниринг. М.: Физматлит, 2015.

Bagiyani A.Y., Shiryayeva T.A., Tikhonova E.V., Mekeko N.M. The real value of words: how target language linguistic modelling of foreign language teaching content shapes students' professional identity // Heliyon. 2021. Vol. 7. No. 3.

Bagiyani A.Yu., Shiryayeva T.A. Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2018. Vol. 17. No. 4. P. 214-228.

Baggio G. Neurolinguistics. Boston: MIT Press, 2022.

Călinescu L., Ramchand G., Baggio G. How (not) to look for meaning composition in the brain: A reassessment of current experimental paradigms // Frontiers in Language Sciences. 2023. Vol. 2. Pp. 1-21.

Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Boston: MIT Press, 2007.

Schafer K. Transcendental philosophy as capacities-first philosophy // Philosophy and Phenomenological Research. 2021. Vol. 103. No. 3. Pp. 661-686.

А.Ю. Багиян (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет

СИСТЕМНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНЖИНИРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ, АНАЛИЗ, СИНТЕЗ

Статья обосновывает важность системного инжиниринга в современной лингвистической методологии, освещает основные аспекты профессиональной идентичности в когнитивных науках и аргументирует необходимость использования системного лингвистического инжиниринга (СЛИ) как одного из наиболее продуктивных методов формирования профессиональной идентичности. В работе предлагается общий пошаговый алгоритм СЛИ как новой системной методологии (деконструкция – анализ – синтез) с указанием на ее существенные характеристики: синергетический эффект, функциональную управляемость, универсальность паттернов, возможность деконструкции <-> перестройки <-> формирования профессиональной идентичности и профессиональной картины мира.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, моделирование, дискурс, концептуальный лингвистический инжиниринг, прагма-аксиология, системный инжиниринг, методология исследования

О.А. Блинова (Москва, Россия)

*Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
blinova.o@gmail.com*

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ)*

В статье рассматривается понятие «интердискурсивность» в приложении к мультимодальному тексту манипулятивного характера (политической карикатуре). На материале англоязычной южноафриканской политической карикатуры анализируется сочетание различных семиотических кодов (вербального и визуального) и дискурсов (художественного и политического).
Ключевые слова: аллюзия, интердискурсивность, медиадискурс, мультимодальность, политическая карикатура, ЮАР

Политическая карикатура – мультимодальный жанр медиадискурса, сочетающий визуальный и графический компоненты – носит заведомо манипулятивный характер. Целью политической карикатуры является воздействие на широкую аудиторию, при этом карикатурист стремится вызвать у аудитории эмоциональный отклик и оказать влияние на формирование общественного мнения о том или ином актуальном информационном поводе. Политическая карикатура всегда оценочна, содержит юмористические элементы, а для максимального воздействия на адресата нередко задействует его фоновые знания и обращается к прецедентным текстам и феноменам. По определению М.В. Ласковой и Р.С. Зуевой, политическая карикатура есть «графическое изображение остроты мысли, зачастую сопровождаемое аллюзивными отсылками» [Ласкова, Зуева 2016: 72]. Представляется, однако, что в связи с аллюзивной природой данного жанра особого внимания при его анализе требует феномен интердискурсивности.

Во французской философской школе термин «интердискурсивность» трактуют как «конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов» [Пеше 1999: 150], а интердискурс – как «лингво-социокультурное пространство, в котором формируется и производится дискурс» [Пеше 1999: 153]. Однако в данном исследовании мы опираемся на подходы О.А. Мельниковой, рассматривающей интердискурсивность как «форму взаимодействия различных по своей семиотической природе дискурсов, которая ведет к созданию синтетических текстов, а также является механизмом их рецепции» [Мельникова 2004] и И.В. Силантьева, согласно которому интердискурсивность есть «слияние художественного и нехудожественного текстов: «перенос» в текст разных областей знаний, принципов мышления – художественного и нехудожественного» [Силантьев 2006: 31].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00594).

Материалом анализа служат политические карикатуры, опубликованные в 2023 г. в англоязычной прессе ЮАР. Выбор именно южноафриканского медиапространства обусловлен все возрастающей ролью этого государства-основателя БРИКС для внешней политики России, с одной стороны, и, с другой – малой его изученностью в отечественном языкознании и конкретно в медиалингвистике.

В качестве иллюстрации приведем политическую карикатуру Брэндона Рейнолдса, опубликованную осенью 2023 г. в южноафриканской ежедневной газете Business Day (см. Рис.).

Рис. After Michelangelo.

На карикатуре изображен известный в ЮАР общественный деятель Мохоенг Мохоенг (Mogoeng Mogoeng), прежде возглавлявший Верховный суд республики, а ныне вышедший в отставку. Ранее в 2022 г. он уже объявлял о своих политических амбициях, однако по закону ЮАР члены Верховного суда, покинув пост, не имеют права заниматься политической деятельностью. Невзирая на запрет, в октябре 2023 г. во время публичных выступлений и затем во время телеинтервью Мохоенг Мохоенг неоднократно заявлял, что ему явилось откровение свыше, и сам бог поведал, что ему, Мохоенгу Мохоенгу, суждено стать президентом, но сделать это он должен с помощью *чуда*, а не посредством участия в выборах (т. е. в обход предусмотренного законом ЮАР электорального процесса). Резонансные заявления бывшего судьи попали на первые полосы южноафриканских газет и нашли отражение в анализируемой карикатуре.

Что касается иконического (визуального) компонента, то композиция карикатуры повторяет известную фреску Микеланджело «Сотворение Адама»: здесь также изображен Господь Бог (визуальное сходство — волосы, борода и расположение в пространстве), а в роли Адама — Мохоенг Мохоенг.

Вербальный компонент ответственен за иронический посыл, который формируется посредством приема бафоса, т. е. снижения высокого регистра (он присутствует не только в виде темы божественности, но и в лексике формального регистра *ascend*) за счет агитационной надписи на футболке *Mogoeng for president* (т. е. поддержку пока не стартовавшей предвыборной кампании оказывает сам

Всевышний), а также упоминания пенсионных льгот из уст самого кандидата в президенты (по южноафриканскому законодательству члены Верховного суда, покинув пост, получают право на пожизненные пенсии и льготы, но от них пришлось бы отказаться, занявшись политикой). Внимания заслуживает и аллюзивная надпись в левом верхнем углу: *Divine comedy...* – отсылка к «Божественной комедии» Данте – в данном случае маркирующая иронично-оценочное выражение личного мнения карикатуриста (в том числе за счет добавления пунктуации — многоточия).

Таким образом, в рассматриваемой политической карикатуре соединяются, с одной стороны, два различных по своей семиотической природе дискурса: как в любом мультимодальном тексте, здесь визуальный код (аллюзия на фреску Микеланджело) соседствует с вербальным, порождая юмористический эффект и выражая иронично-негативное отношение карикатуриста к протагонисту. С другой же стороны, в анализируемом примере политический дискурс (политические амбиции конкретного человека) встраивается в художественный (в том числе за счет аллюзии на художественное произведение Данте).

Литература

Ласкова М.В., Зуева Р.С. Политическая карикатура как социально-культурная универсалия в современной политической лингвистике // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 71-75.

Мельникова О.А. Интердискурсивность как коммуникативный феномен: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.

Омельяненко В.А. Мультимодальные способы репрезентации имиджа России в текстах национально-ориентированной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

Пеше М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 137-157.

Силантьев И.В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Editorial Cartoons by Brandan Reynolds. URL: <https://brandanreynolds.com/2023/10/11/business-day-wednesday-11-october-2023>.

O.A. Blinova (Moscow, Russia)

Russian State University for the Humanities

Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MANIPULATIVE POTENTIAL OF INTERDISCURSIVITY IN MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE (THE CASE OF SOUTH AFRICAN POLITICAL CARTOONS)

The article deals with the phenomenon of interdiscursivity in a manipulative multimodal text (political cartoons). Analysing English-language South African political cartoons, we explore the combination of different semiotic codes (verbal and visual) and discourses (artistic and political), and the effect this combination produces.

Key words: allusion, interdiscursivity, media discourse, multimodality, political cartoon, South Africa

И.В. Борисова (Москва, Россия)
*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Московский городской педагогический университет
ivb66@yandex.ru*

МЕМИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: АРХИВАЦИЯ СМЫСЛОВ

В статье выдвигается гипотеза о том, что на современном этапе развития общества, в условиях тотальной цифровизации, вызвавшей интенсификацию информационно-аккумулятивных процессов, возникает необходимость вычленения нового, специфического, уровня формирования языковой картины мира, единицей которого может стать Интернет-мем как продукт архивации событийного пространства.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковые уровни, цифровизация общества, мем, архивация, разархивация

Понятие «языковая картина мира» возникло в результате философского осмысления процесса развития человеческой цивилизации. Оно отражает взаимосвязь двух категорий диалектики: формы и содержания. Конкретные лингвистические средства отображения действительности на фонетическом, лексико-фразеологическом и грамматическом уровнях демонстрируют творческие мыслительные процессы индивида в контексте историко-культурного развития общества, частью которого он является.

Идея особого языкового мировидения, впервые сформулированная В. фон Гумбольдтом в начале XIX в., была конкретизирована Л. Вайсгербером в 30-х гг. XX в. и получила свое дальнейшее развитие в трудах американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа. Во второй половине XX – начале XXI в. наблюдается повышенный интерес лингвистов к понятию «языковая картина мира», который объясняется, с одной стороны, усилением антропоцентристских позиций в научном сообществе, исследованием проблем, связанных с формированием и развитием языковой личности, а с другой – усилившимися тенденциями глобализации и интеграции, следствием которых стало особое внимание к процессу национальной самоидентификации.

Из всего многообразия определений понятия «языковая картина мира» в данном контексте наиболее релевантным нам кажется следующее: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована и является многоуровневой. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова 2007: 16].

В данном исследовании рассмотрена возможность актуализации традиционной иерархической структуры языковых уровней отображения действительности с учетом современных коммуникативных тенденций. В качестве гипотезы предлагается утверждение, что в условиях тотальной цифровизации общества,

вызвавшей интенсификацию информационно-аккумулятивных процессов, возникает необходимость вычленения нового, специфического, уровня формирования языковой картины мира, единицей которого является Интернет-мем. По нашему мнению, данная единица имеет мультимодальный характер и представляет собой некий продукт архивации других, более низких, уровней. Остановимся на понятии «мем» подробнее.

Термин «мем», как известно, был введен Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген» в 1976 г. Согласно Докинзу, мем – это некая базовая единица, выступающая носителем культурной информации, распространяющаяся путем копирования [Dawkins 1976: 192]. Сюзан Блэкмор в «Машине мемов» идет дальше и утверждает, что «точно так же, как строение наших тел может быть понято только в терминах естественного отбора, строение нашего разума может быть понято только в терминах меметического отбора» [Blackmore 2000: 7]. Так что же такое на самом деле мем и чем объясняется его универсальность? Чем обусловлена его вирусная природа и какое место он занимает в иерархии языковых уровней?

Языковая картина мира формируется у индивида в процессе общения с другими представителями сообщества, хранящими укоренившиеся традиции и тем самым обеспечивающими некую целостность представлений об окружающем мире и коммуникационных канонов, которые и определяют национальную идентичность. На протяжении всего своего существования человечество опытным путем накапливало информацию, которую необходимо было передавать из поколения в поколение для того, чтобы процесс выживания был менее травматичным в физическом и психологическом планах. Вначале это происходило в устной форме; с изобретением письменности, а далее и книгопечатания, этот процесс стал более конкретизированным и эффективным. Информация могла быть передана точнее и с задержкой во времени. Письменных источников накапливалось все больше и больше, и обогащать свое сознание богатствами, которое накопило человечество за предыдущие длительные периоды, стало проблематичнее. Естественно, что с течением времени определенные детали виделись неважными, стирались из памяти, а знакомство с духовным наследием предков становилось выборочным и подчас довольно поверхностным.

Технологический прогресс внес кардинальные преобразования в способ существования человечества и тем самым сформировал новую парадигму коммуникации. С изобретением компьютера и созданием глобальной сети Интернет накопление информации приобрело лавинообразный характер и сделало насущной необходимостью выработки стратегий, тактик и действенных инструментов ее архивации. Первой, так сказать пробной, попыткой было создание смайлов и эмотиконов, широко распространившихся в Интернет-сообществе. Всем известны смайлы, выражающие «радость», «грусть», «удивление», «гнев» и т. д. Следует отметить, что попытки эти были достаточно примитивными и несовершенными, поскольку мало отражали национальную идентичность коммуникантов. Мы уже писали об этом в наших более ранних работах, акцентируя внимание

на том, что именно за счет существенных различий в культурологическом бэкграунде процесс языковой архивации и разархивации часто бывает несимметричным [Борисова 2019: 86]. Поскольку архив позволяет «не увеличивать количество смыслов текста, а, напротив, детерминировать смысл, вводя ограничения в описание семантики высказывания» [Фуко 2004: 21], требовались дополнительные, более совершенные, средства архивации с тем, чтобы полнее и образнее донести смысл сообщения. Мемы и стали такими средствами, сочетающими в себе признаки поликодовости, креолизации и мультимодальности [Сабадин 2022].

Интернет-мемы широко распространились на платформах социальных сетей. Они могут представлять собой картинки, видео, тексты, хэштеги и различные комбинации этих средств. Они стали своеобразными «цифровыми формами», которые были «созданы пользователями для отображения того или иного аспекта культуры, часто с чувством юмора и сарказма» [Afakh, Abdel 2022: 28]. Чтобы имплицитная информация, «зашифрованная» в меме была доступной, коммуникант должен быть частью определенного «комьюнити» (национального, профессионального, возрастного, политического, религиозного и т. п.). В противном случае разархивация мема будет происходить с полной или частичной потерей смысла, а иногда станет и вовсе невыполнимой.

Можно предположить, что с течением времени разархивация определенных мемов будет представляться невозможной даже для членов соответствующего «комьюнити» и станет предметом изучения лишь узких специалистов. Чтобы «ключи» для восстановления смыслов не были утеряны, создаются различные сайты, которые объясняют лингвокультурную подоплеку того или иного мема [Memepedia 2024; FindThatMeme 2024]. Изучение таких сайтов дает основание полагать, что ни одно значимое политическое, экономическое и культурное событие не остается в Интернет-сообществе незамеченным. Любой пользователь может выразить свое отношение к нему, творчески переосмыслив или «усовершенствовав» мем. Более того, в сети Интернет есть специальные возможности для создания собственных мемов, что особенно актуально в рекламном бизнесе.

Сегодня произошло то, что Ричард Докинз не мог себе представить в 1976 г.: мем стал «лучшей концепцией для инкапсуляции некоторых наиболее фундаментальных аспектов Интернета и частью так называемой культуры Веб 2.0» [Shifman 2013: 18]. Как лингвистические единицы, мемы выступили «проявлениями эволюции, и именно благодаря эволюции мемов развивается культура». При этом «разум – место размножения мемов – непрерывно перестраивается, другими словами, эволюционирует» [Tan, Zaimuariffudin 2013: 520].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно предположить, что на современном этапе мы являемся свидетелями оформления в сознании индивида нового, как нам кажется, более высокого уровня в иерархии лингвистических средств отображения действительности, лингвистической единицей которого стал мем. На этом уровне путем различных комбинаций единиц других уровней (фонетического, лексико-фразеологического, грамматического), образующих в конечном итоге мультимодальный текст, происходит архивация смыслов, необходимых для формирования определенной языковой картины мира. Безусловно,

эти механизмы несовершенны и, скорее всего, будут актуальны до тех пор, пока не случится очередной виток технологического прогресса, который привнесет новые тенденции в процесс осознания окружающего мира и закрепления полученной информации в родовой памяти человечества.

Литература

- Борисова И.В.* Языковая архивация в Интернет-общении // *Litera*. 2019. № 5. С. 84-92.
Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2007.
Сабадин С.Т. Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. Вып. 6. С. 2017-2023.
Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
Afakh S.Y., Abdel R.M. Metaphors and metonymies used in memes to depict COVID-19 in Jordanian social media websites // *Ampersand*. 2022. № 9. Pp. 26-39.
Blackmore S. The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 2000.
Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
FindThatMeme. URL: <https://findthatmeme.com>.
Memepedia URL: <https://memepedia.ru>.
Shifman L. Memes in digital culture. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2013.
Tan K.W., Zaimuariffudin Sh.N. Friend or foe? // The 9th International Conference on Cognitive Science Memes and consciousness. 2013. No. 97. Pp. 517-521.

Inna V. Borisova (Moscow, Russia)

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow City University*

MEMIZATION OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW: ARCHIVING OF MEANINGS

The article hypothesizes that at the present stage of society's development, in the conditions of total digitalization which caused the information-accumulative processes intensification, there is a need to isolate a new, specific, level of forming the linguistic worldview, the unit of which can be an Internet meme as a product of archiving event space.

Key words: linguistic worldview, language levels, society digitalization, meme, archiving, unarchiving

И.В. Бугаева (Москва, Россия)

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
bugaevaiv@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ БУКТРЕЙЛЕРА КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ЖАНРА

В докладе дается характеристика буктрейлера как мультимодального текста, выполняющего различные функции. Буктрейлер рассматривается как вторичный жанр по отношению к книге-оригиналу, оценивается соотношение его вербальных и невербальных компонентов. Особое внимание уделяется уровню понимания информации, заложенной в тексте буктрейлера.

Ключевые слова: мультимодальный текст, буктрейлер, вербальные компоненты, невербальные компоненты, вторичный жанр

Буктрейлер – представляет собой мультимодальный (поликодовый) текст, в котором специфически сочетаются вербальные и невербальные компоненты. Данный жанр Интернет-коммуникации представляет собой короткий видеоролик, посвященный книге или автору, выполняющий одновременно несколько функций: информативную, аттрактивную, эстетическую, маркетинговую, дидактическую, рекламную функцию и функцию саморефлексии. Буктрейлеры размещают на специальных сайтах (booktrailers.ru – русскоязычная платформа, booktrailers.net – англоязычная платформа). От места размещения зависит формат роликов: от полноценных (2-3 минуты) до коротких «шорт-катов» длительностью 15 секунд. Жанр буктрейлера также трансформируется, «подстраиваясь под новые форматы социальных сетей и мобильных приложений» [Бугаева 2022: 167].

В данном исследовании буктрейлер рассматривается с позиции фреймового подхода, что возможно, поскольку понятие фрейма трактуется как способ, форма представления информации или единица знания, что сделало его широко используемым термином в современной когнитивной лингвистике.

С точки зрения Ч. Филмора, фрейм является когнитивной структурой, схематизирующей опыт, а для успешного понимания текста необходимо, чтобы интерпретатор имплицитно мог отвечать вопрос о существовании в языке категории, которую представляет данная форма [Филмор 1988].

По мнению Т.А. ван Дейка, фрейм – это единица концептуальной системы или собранной воедино информации о типической ситуации, которая коррелирует с определенным концептом [Дейк 1998: 16-17].

О.В. Соколова выделила два подхода в понимании фрейма в лингвистике. С одной стороны, фрейм рассматривается как структура знания. В этом случае фрейм является частью когнитивной системы человека, сложившейся в результате обобщения знания о той или иной сфере. С другой стороны, фрейм является структурой представления знаний, т. е. фрейм выступает как модель знаний о стереотипной ситуации [Соколова 2007].

Отношения между концептом и фреймом в научной литературе носят дискуссионный характер. Одни исследователи позиционируют фрейм как часть концепта, другие – как соотношение сложного понятия и простого.

Н.Н. Болдырев трактует фрейм как «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» и отмечает, что концепт характеризуется простотой его ментальной структуры, а фрейм – сложная система о ситуации [Болдырев 2004: 26].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, фрейм выступает как один из нескольких видов концепта: «Фрейм-структура – мыслимый в целостности многокомпонентный концепт, отражающий клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартов знаний, объемных представлений и всех устойчивых ассоциаций» [Алефиренко 2004: 72].

Таким образом, мы будем рассматривать буктрейлер как фрейм-структуру в целостности многокомпонентного концепта и связности разнообразных слотов, соответствующих клишированным ситуациям и соотносящихся с устойчивыми ассоциациями носителей конкретного языка.

Буктрейлер как мультимодальный жанр характеризуется следующими признаками: клиповость, метатекстовость, фрагментарность, наличие вербальных и невербальных компонентов, целостность, модальность, диалогичность, фреймовое содержание. В данном исследовании описываются особенности последнего признака.

Как было определено выше, буктрейлер по структуре представляет собой фрейм или набор фреймов, состоящих из слотов (компонентов), т. е. видео-фрагментов, которые содержат эксплицитную и имплицитную информацию, относящуюся к тексту-первоисточнику. Для анализа в исследовании использовались буктрейлеры к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» из составленного Т. Тараденко общедоступного плейлиста, размещенного на платформе Youtube [Taradenko]. Отобранные буктрейлеры созданы учащимися старших классов разных школ и размещены на Youtube, следовательно, их основная функция – дидактическая. Это определяет структуру сценария буктрейлера и установление критериев его оценки. Дидактическая функция – сравнительно новая для данного жанра, но, как показывает практика, задания на создание и анализ буктрейлеров являются достаточно эффективным способом привлечения внимания учащихся к внимательному прочтению того или иного произведения и позволяют оценить глубину и полноту восприятия информации, заложенной в тексте. Поскольку буктрейлер является мультимодальным текстом, то в нем можно рассматривать несколько смысловых уровней: прямой (поверхностный), моральный (нравственный), духовный и символический.

Из проанализированных 36 буктрейлеров обнаружилось следующие фреймы-структуры [Бугаева 2023]:

- фреймы «ключевые слова». Буктрейлеры содержат текстовые фрагменты, которые представлены в виде фрейма-концепта, например, «любовь»: слоты-кадры героини с задумчиво-мечтательным выражением лица, Евгений, Татьяна; «письмо»: слот-кадры письма, пера; «встреча», «объяснение» и т. д. Данные фреймы содержат информацию о важных сюжетных моментах и ключевых персонажах;

- фреймы «сюжетные детали». Такие фреймы содержат слоты-кадры с изображением сюжетных фрагментов: Евгений получает наследство, приезжает в деревню, знакомится с Татьяной, дуэль с Ленским, встреча с Татьяной спустя годы. Иногда буктрейлер полностью является кратким пересказом сюжетной линии;

- фреймы «символы». Данные фреймы содержат слоты-кадры, имеющие символический характер, смысл которых находится в самой книге. Например, изображение дуэльных пистолетов, письма, книги, свеч, бала, девушки, пишущей письмо и др.

Если у автора цель привлечь внимание аудитории к данной книге, часто используется прием использования интриги и риторических вопросов. Так, буктрейлер № 1 начинается с приезда Онегина в деревню и знакомства с Татьяной. Далее фрейм-символ «письмо» с закадровым голосом, задающим ряд риторических вопросов: «Хотите узнать, о чем написано в письме?», «Дойдет ли письмо до Онегина?», «Что ответит Онегин?», «И что будет дальше?». Затем следует

призыв: «Если хотите узнать продолжение романа, прочтите его. Будет очень интересно». Аналогично построен буктрейлер № 7, сюжет которого прерывается после интриги.

Выбор основной темы буктрейлера свидетельствует о том, что более всего волнует читателей книги и создателей буктрейлера. Поскольку речь идет о молодежной среде, то объяснима тема неразделенной любви Татьяны Лариной и Евгения Онегина, на втором месте – тема верности. Анализ буктрейлеров помогает понять ошибочное восприятие текста. Так в нескольких буктрейлерах строки «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень», относящиеся к Онегину и Ленскому, авторами буктрейлеров были отнесены к Татьяне и Евгению, о чем свидетельствуют кадры с участием этих персонажей.

Атмосферу каждого буктрейлера создает музыкальное сопровождение, выбор которого также должен быть интерпретирован.

Таким образом, буктрейлер можно рассматривать как фреймовое содержание, которое составляется автором буктрейлера самостоятельно или заказчиком (преподаватель, издательство). Выбор фреймов обусловлен требованиями заказчика или субъективным мнением создателя вторичного мультимодального текста. Текст буктрейлера основывается на фреймах текста-первоисточника. Фреймы, слоты и логические связи между ними помогают постичь содержание буктрейлера, отражая не только смыслы, заложенные автором первичного текста, но и отражают особенности восприятия и уровень понимания создателем вторичного текста. Использование буктрейлера в учебном процессе может рассматриваться как внеурочное творческое задание проектного типа для групповой работы учащихся. С помощью такого задания решается одновременно несколько дидактических задач: организация учебной работы с элементами инновационной методики; повышение индивидуальной ответственности учащихся за результат коллективной деятельности; повышение мотивации к чтению, поиску дополнительной информации, выбору материала по теме; раскрытие креативных способностей личности и формирование творческого мышления.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Этноидемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 70–81.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–35.
- Бугаева И.В., Тараденко Т.Д.* Фреймы TikTok-буктрейлеров // Язык и текст. 2023. Т. 10. № 3. С. 52–60.
- Бугаева И.В., Тараденко Т.Д.* Изучение творчества Ф.М. Достоевского с помощью новых технологий // Достоевский и славянский мир: Коллективная монография / под ред. М.Г. Урминцевой. Нижний Новгород, 2022. С. 166–172.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1998.
- Соколова О.В.* Категория фрейма в современной лингвистике // Вестник АГТУ. 2007. № 1. С. 236–239.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 65–68.
- Taradenko T.* Видеоплейлист «Буктрейлеры к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”»:

<https://drive.google.com/drive/folders/1hl8e6UXAxP2PWhFaMTwhdmZjHGeyU57?usp=sharing>.

*Irina V. Bugaeva (Moscow, Russia)
Kosygin Russian State University
(Technologies. Design. Art)*

LINGUISTIC AND COGNITIVE ASPECTS OF BOOKTRAILER CREATION AND PERCEPTION AS A MULTIMODAL GENRE

The report characterizes the booktrailer as a multimodal text that performs various functions. The booktrailer is considered as a secondary genre in relation to the original book, the ratio of its verbal and non-verbal components is evaluated. Special attention is paid to the level of understanding of the information contained in the text of the booktrailer.

Key words: multimodal text, booktrailer, verbal components, non-verbal components, secondary genre

*Н.В. Воробьева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
Nadko86@mail.ru*

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА СЕЛЕБРИТИ В ВЕРБАЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ИНТЕРВЬЮ

Статья посвящена исследованию роли основанного на метафоризации сочетания различных модальностей (текстовой, визуальной и аудиовизуальной) в англоязычном портретном интервью как разновидности дискурса знаменитостей. В результате исследования автор приходит к выводу о прагматической значимости рассматриваемого сочетания модальностей.

Ключевые слова: мультимодальность, полимодальность, метафора, дискурс, интервью, селебрити

История знаменитостей берет начало еще в античности, когда знаменитыми считались люди, прославившиеся благодаря своим талантам, подвигам. С появлением различных средств массовой коммуникации понятие славы сводится к простой известности (*celebrity* / селебрити – от лат. *celeber* ‘известный’). С тех пор под знаменитостью стали понимать лицо, о котором знает и за которым следит большая аудитория [Sternheimer 2015; Лилти 2018]. Вслед за рядом исследователей [Мерзлякова 2021; Колосова 2023] мы признаем равнозначность понятий *знаменитость*, *звезда*, *лидер мнений*, *инфлюенсер* и *селебрити*, использующихся для обозначения человека, который обрел славу, широко общественное признание и символизирует определенный образ жизни, продвигает свои идеи и ценности, т. е. оказывает влияние на общество и культуру.

Знаменитости играют большую роль в формировании общественного мнения в англо-американской культуре. Современные медиа помогают селебрити привлекать внимание к различным социальным и экологическим проблемам, поддерживать политические кампании или благотворительные организации, продвигать определенный образ жизни. На наш взгляд, дискурс селебрити эффективно реализуется в портретном интервью, представляющем собой коммуникативное взаимодействие журналиста и интервьюируемой знаменитости, предназначенное для распространения в англоязычных средствах массовой информации с целью раскрытия

личности интервьюируемого, демонстрации системы взглядов и ценностей, которыми он руководствуется, создания его образа / портрета.

Англоязычное портретное интервью в цифровом формате является мультимодальным жанром медиадискурса. Вслед за О.К. Ирисхановой мы признаем синонимичность терминов *мультимодальность* (мультимодальный дискурс) и *полиmodalность* (полиmodalный дискурс), которые она определяет как «способность соединять в одном коммуникативном акте знаки разных семиотических и сенсорных планов» [Ирисханова 2021: 9]. Мы полагаем, что использование в портретном интервью коммуникативных ресурсов, относящихся к разным модальностям (текст, изображение и видеоряд), способствует достижению прагматической цели и обеспечивает эффективную коммуникацию с массовой аудиторией.

Материалом исследования послужило содержащее элементы мультимодальности портретное интервью Селены Гомес, опубликованное на официальном сайте старейшего американского журнала о моде и стиле Harper's Bazaar в феврале 2018 г. Селена Гомес – известная американская певица, актриса и продюсер, которая участвует в различных общественных и экологических проектах и благотворительных мероприятиях, имеет множество поклонников по всему миру. Центральной темой, реализуемой как в вербальной, так и в графической части интервью, является тема отсутствия страха в самовыражении и необходимости говорить открыто о своих проблемах.

KL: What do you think distinguishes our generation from the ones that came before?

*SG: Mainly I think it's the **freedom** to express ourselves and be who we are in an unapologetic way. Thanks to the Internet, no matter who you are, you know you're not alone. Maybe a young boy or girl growing up in the South or wherever is **confused** and **terrified** to be who they are because they don't think it's right. Now they can see all around them people living **free** of pain, of hidden agendas, of secrets. I think secrets **kill** people, I really do. You end up trying to cover up so much of who you are for the sake of your family or whoever, and you think you're **bad** for being different. So it's powerful to see our generation **breaking those boundaries** and encouraging other people to do the same. There's a sense of **freedom** that past generations weren't able to have (Selena Gomez's Wild Ride, February 07, 2018).*

В вербальной части интервью, используя корневой повтор (*free, freedom*), интервьюируемая селебрити акцентирует тот факт, что, являясь представителем молодого поколения (на момент выхода интервью ей было 24 года), она не боится разрушать стереотипы (*breaking those boundaries*) и свободно выражать себя с помощью цифровых медиа, побуждая аудиторию следовать ее примеру. Употребляя лексические единицы с отрицательной коннотацией (*confused, terrified, kill, bad*), певица подчеркивает, что замкнутость и скрытость способны погубить человека.

На фоне редкого аутоиммунного заболевания, диагностированного у Селены Гомес за несколько лет до выхода интервью, у нее развилась депрессия:

KL: Do you think 2018 will be a better year than the one we just had?

SG: I'm going to say yes because I believe that for myself. And anyone who knows me knows I will always start with my health and my well-being. I've had a lot of issues

with depression and anxiety, and **I've been very vocal about it**, but it's not something I feel I'll ever overcome. There won't be a day when I'm like, «Here I am in a pretty dress — I won!» **I think it's a battle I'm gonna have to face for the rest of my life, and I'm okay with that** because I know that I'm choosing myself over anything else. I'm starting my year off with that thought. I want to make sure I'm healthy. If that's good, everything else will fall into place (там же).

В дальнейшем развитии текстовой части интервью певица утверждает, что она продолжает радоваться жизни и не боится открыто рассказывать о проблемах физического и ментального здоровья (*I've been very vocal about it*), хотя и понимает, что борьба за выздоровление может занять длительное время (*it's a battle I'm gonna have to face for the rest of my life, and I'm okay with that*). Возможность вести полноценную жизнь, смело выражать свою индивидуальность несмотря на болезнь в заголовке интервью метафорически сравнивается с занятием экстремальным видом спорта – мотофристайлом. Заголовок «*Selena Gomez's Wild Ride*» можно перевести на русский язык как «Езда на грани»:

Графическая часть, сопровождающая традиционную текстовую вопросно-ответную модальность интервью, пролонгирует ранее введенный метафорический образ «*полноценная жизнь и свобода самовыражения несмотря на серьезное заболевание как опасная акробатическая езда на мотоцикле*»:

Coach 1941 jacket, shorts, and booties.

Рис. 1.

Coach 1941 gown, shoes and earrings.

Рис. 2.

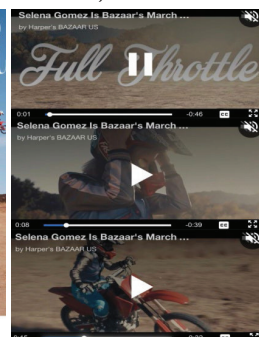

Рис. 3.

На Рис. 1 певица изображена без защитной экипировки на мотоцикле со спортсменом, выполняющим один из самых сложных трюков «wheelie» (езда на заднем колесе). На Рис. 2 она позирует в модном платье на фоне райдера, который, совершив прыжок с трамплина, выполняет в полете различные акробатические элементы. Благодаря непрерывной съемке создается динамичная сцена движения в воздухе с фокусировкой на каждом выполненном трюке. Примечательно, что на фотографию наложен текст *Fearless Fashion Selena Gomez*, смысл которого в сочетании с изображением можно интерпретировать как фирменный стиль Селены Гомес, которая не боится выделяться из толпы и выражать свою индивидуальность. Обе иллюстрации сопровождаются подписями, рекламирующими известного американского производителя одежды и аксессуаров класса люкс Coach (бренд был создан в Нью-Йорке в 1941 г.). Сочетание изобразитель-

ной (фотографии) и текстовой (подписи) модальностей также отсылают читателя к основной цели самого журнала – быть путеводителем по модному, стильному и роскошному образу жизни. Расширенная метафора присутствует и в видеофрагменте (Рис. 3), возможность использования которого обусловлена современным цифровым форматом портретного интервью. На видеоролик, демонстрирующий саму Гомес за рулем мотоцикла, наложен текстовый элемент *Full Throttle*. Словосочетание обычно используется в мотоспорте и призывает райдера открывать ручку газа до упора, позволяя мотоциклу развивать максимальную скорость, что в комбинации с видеорядом можно интерпретировать как призыв «жить на полную катушку», «получать от жизни все».

Таким образом, основанное на метафоризации сочетание различных модальностей (текстовой, визуальной и аудиовизуальной) в англоязычном портретном интервью как разновидности селебрити-дискурса способствует достижению прагматической цели – воздействовать на массовую аудиторию, побуждая следовать примеру созданного образа интервьюируемой знаменитости, которая не замкнулась в себе из-за тяжелой болезни, не боится выделяться из толпы и уверенно выражает свою индивидуальность.

Литература

Иришханова О.К. Полимодальные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2022. С. 7-12.

Колосова А.Д. Знаменитости и СМИ: роль медиа в возникновении феномена «селебрити» // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2023. № 2 (47). С. 58-62.

Лилли А. Публичные фигуры: изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2018.

Мерзлякова В.Н. Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 47-63.

Langford K. Selena Gomez's Wild Ride. URL: <https://www.harpersbazaar.com/culture/features/a15895669/selena-gomez-interview>.

Sternheimer K. Celebrity Culture and the American Dream. Stardom and Social Mobility. New York: Routledge, 2014.

Nadezda V. Vorobeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

CELEBRITY DISCOURSE MULTIMODALITY

OF VERBAL-VISUAL COMMUNICATION IN ENGLISH MEDIA INTERVIEW

The article studies the function of a metaphor-based combination of different modalities (textual, visual, and audiovisual) in achieving the pragmatic aim of English personality interview as a type of celebrity discourse. The research enables the author to draw conclusions about the pragmatic significance of the said combination of modalities.

Key words: multimodality, polymodality, metaphor, discourse, interview, celebrity

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕСТОВ-АДАПТОРОВ В УКЛОНЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ТОК-ШОУ)

В статье рассматривается роль мануальных движений-адапторов, используемых в различных когнитивных механизмах (де)фокусирования. Материалом для исследования послужили видеозаписи различных ток-шоу, в результате анализа которых было установлено, что для адапторов в уклонении характерны определенные типы мануальных движений, которые могут использоваться в целях снижения уровня беспокойства / дискомфорта.

Ключевые слова: стратегия уклонения, когнитивные механизмы, полимодальность, жесты-адапторы

Некоторые исследователи определяют уклонение как высказывание, которое носит двусмысленный, опосредованный и противоречивый характер [Çakır 2016; Bavelas 2009]. Уклонение чаще всего является ответным речевым актом, так как представляет собой «вынужденную реакцию говорящего на манипулятивные действия собеседника» [Ирисханова 2014: 267]. Избегая отвечать на вопрос, участник коммуникативной ситуации задействует определенные когнитивные механизмы (де)фокусирования [Кубрякова, Ирисханова 2007; Ирисханова 2010; 2014], а также ряд мануальных движений, например, адапторы или манипуляторы [Ekman, Friesen 1969; 1972; McNeill 1985; Marcovic 2017].

Адапторы представляют собой движения, направленные как на самого участника коммуникативной ситуации (самоадапторы), так и на различные объекты вокруг него (объектные адапторы). В некоторых случаях уклонения данные жесты могут быть направлены и на собеседника. В целом адапторы могут использоваться в речи не только в том случае, когда говорящий испытывает волнение или пытается взять ситуацию под контроль. В определенных моментах мануальные движения сигнализируют о том, что участник коммуникативной ситуации чувствует себя комфортно и не испытывает негативных эмоций [Ekman 2004]. Как правило, наличие данных жестов в уклонении указывает на сильное беспокойство / замешательство и стремление противостоять вербальным манипуляциям собеседника.

Основной задачей нашего исследования является выявление наиболее распространенных типов адапторов в различных когнитивных тактиках уклонения, а также закономерностей их использования. Для этой цели мы проанализировали в ELAN [Wittenburg, Brugman, Russel, Klassmann, Sloetjes 2006] видеозаписи различных ток-шоу на русском языке общей продолжительностью 62 часа, 41 минуту и 55 секунд. Для реализации этой задачи нами были использованы полимодальный, количественный и статистический методы анализа.

Мы обнаружили, что в процессе производства уклонений используются по большей части самоадапторы (622 случая, что равняется 91% от общего количества адапторов) и объектные адапторы (59 случаев, что составляет 8% от общего числа адапторов), которые могут употребляться как единственные движения рук,

сопровождаящие речь, так и в совокупности с другими видами жестов. Адапторы, направленные на другого человека, менее частотны (8 случаев, что составляет 1% от общего количества адапторов) (см. Рис. 1.). Возможно, это объясняется тем, что данный адаптор в сравнительно большей степени зависит от психического состояния человека и направлен на то, чтобы оградить его от тех или иных вербальных атак собеседника. Продуцируя уклончивый РА, говорящий стремится имплицитно уйти от ответа, при этом жесты, которые он использует, служат в качестве вспомогательного модуса ухода от интеракции. Используя этот вид адаптора, участник коммуникативной ситуации эксплицирует на невербальном уровне свое намерение уйти от ответа, в то время как цель уклонения заключается в том, чтобы собеседник не догадался об этом. В соответствии с этим говорящий стремится свести использование данных адапторов к минимуму. С другой стороны, человек не всегда контролирует свое невербальное поведение и может употреблять те или иные движения неосознанно [Леонтьева 2023].

Рис. 1. Адапторы в уклонении

Количественный анализ также показал, что наиболее часто адапторы используются в когнитивной тактике смены референтной ситуации / события / объекта (N=236). Данные мануальные движения также были задействованы в механизме расширения границ фокуса вопроса (N=121), сужения фокуса вопроса (N=110), задержки фокуса (N=82), смещения фокуса (N=82) и мены фокусных и нефокусных элементов (N=55) (см. Табл.).

Таблица. Адапторы в когнитивных тактиках уклонения

	Смена референтной ситуации / события / объекта	Генерализация	Сужение фокуса	Задержка фокуса	Смещение фокуса	Мена фокусных и нефокусных элементов	Всего
Самоадапторы	210	112	93	79	76	52	622
Объектные адапторы	24	9	16	3	4	3	59

Адаптеры, направленные на другого человека	2	0	1	0	2	0	5
Итого	236	121	110	82	82	55	686

С целью выявления закономерностей использования данных типов жестов в различных тактиках мы использовали дисперсионный анализ ANOVA, в результате которого ($F = 10.9$, $df = 5$, $p = 0.054$) мы пришли к выводу о том, что не имеются статистически значимых отличий в типах адапторов как показателей тактик. Тем не менее отметим, что для всех когнитивных механизмов в уклонении будет характерен определенный ряд мануальных движений-адапторов: скрещенные руки / пальцы рук, различные манипуляции с объектами, прикосновения к волосам / лицу и т. п. (см. Рис. 2).

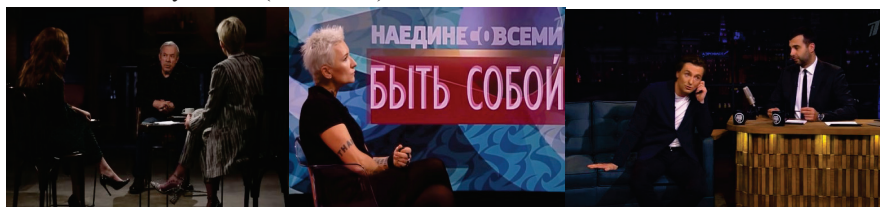

Рис. 2. Типы адапторов в различных когнитивных механизмах уклонения

Таким образом, адапторы могут использоваться в том случае, когда говорящий испытывает чувство дискомфорта в коммуникативной ситуации уклонения. Уклоняясь, он / она использует определенный набор жестов-адапторов для того, чтобы снизить уровень тревожности. Выбор жестов не определяется тем или иным когнитивным механизмом уклонения; эти мануальные движения в большей степени характерны для механизмов смены референтной ситуации / события / объекта и генерализации, нежели для остальных когнитивных тактик.

Литература

- Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В., Куклина О.А., Леонтьев А.Ю. Невербальные показатели психологической недостоверности сообщаемой информации у лиц с различной конституциональной структурой // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2. С. 68-74.
- Ирсаханова О.К. О языковой гибридации, лексических гибридах и фокусе внимания // Жизнь человека и этноса в языке. М.: РЕМА, 2010.
- Кубрякова Е.С., Ирсаханова О.К. Языковое абстрагирование // Известия РАН. СЛЯ. 2007. Т. 66. № 2. С. 3-12.
- Леонтьева А.В. Сравнительный анализ использования жестов-адаптеров в синхронном переводе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (869). С. 76-81.
- Bavelas J. Equivocation // Encyclopedia of human relationships. 2009. Vol. 1. Pp. 537-539.
- Çakır S. Evasion strategies used in Turkish political discourse // Journal of International Social Research. 2016. Vol. 9. Pp. 58-58.
- Ekman P. Emotional and conversational nonverbal signals // Language, Knowledge, and Representation. Philosophical Studies Series. 2004. No. 99. Pp. 39-47.

Marković H. Kinesics and body language in simultaneous and consecutive interpretation. Osijek Croatia: University of Osijek, 2017.

McNeill D. Semiotic extension // Information Processing and Cognition: The Loyola Symposium / ed. by R.L. Solso. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1985. No. 92. Pp. 350-371.

Wittenburg P., Brugman H., Russel A., Klassmann A., Sloetjes H. ELAN: a Professional Framework for Multimodality Research // Proceedings of LREC 2006, Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation, 2006. Pp. 1556-1559.

Snezhana N. Isaeva (Moscow, Russia)

Financial University under the Government of the Russian Federation

FUNCTIONAL FEATURES OF ADAPTERS IN EVASION (BASED ON THE ANALYSIS OF VARIOUS TALK SHOWS)

This article examines the role of adapters used in various cognitive mechanisms of defocusing. The material for the study was video recordings of various talk shows. It was found that adapters in evasion are characterized by certain types of manual movements and can be used to reduce the level of anxiety / discomfort.

Key words: evasion strategy, cognitive mechanisms, multimodality, adapters

С.В. Канашина (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

svetlanakanashina@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ СОБЫТИЙНОГО НАРРАТИВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕПЛИКАТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ И ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ

Статья посвящена репрезентации события в англоязычном репликативном медиадискурсе. Отмечается, что событийный нарратив подвержен различным лингвокогнитивным искажениям в данном виде дискурса. Рассмотрены особенности полимодальной экспликации при описании трансформированного событийного нарратива.

Ключевые слова: репликативный медиадискурс, событийный нарратив, репрезентация события, экспликация, лингвокогнитивная трансформация, субъективизация, детабузация

Англоязычный репликативный медиадискурс можно рассматривать как дискурсивное образование, в основе функционирования которого лежит принцип репликации, т. е. активного воспроизведения. Одним из образов репликативного медиадискурса является Интернет-мем, вирусная единица Интернет-коммуникации.

Механизм репликации запускает процесс порождения копий прототипического дискурса, которые могут отличаться от канонического варианта. Наглядными примерами репликативного медиадискурса служат Интернет-мемы, представляющие собой лингвознаки, которые интенсивно тиражируются в Интернет-среде и демонстрируют вариативность формы и содержания.

В научной литературе, посвященной репликативным Интернет-мемам, под-

черкивается, что данные единицы Интернет-коммуникации привязаны к событийной повестке и отражают новостной план [Шурина 2020; Risi et al. 2022]. Кроме того, отмечается способность мемов к мгновенной актуализации под воздействием меняющейся экстралингвистической реальности [Пищальникова 2018; Трощенкова 2021].

В том случае, если репликативный медиадискурс содержит в себе репрезентацию события, в процессе генерирования множества репликативных копий прототипического дискурса отмечается динамизм и трансформация событийного нарратива.

Как показал эмпирический материал, событийный нарратив подвержен искажениям в англоязычном репликативном медиадискурсе. Были выявлены такие механизмы трансформации событийного ряда, как комическая репрезентация, негативизация (наделение события негативной коннотативностью), вульгаризация и примитивизация (придание событию тривиальной, намеренно упрощенной тональности), детабуизация события (снятие коммуникативного табу при описании события), субъективизация (отступление от объективного описания события).

Рассмотрим подробнее данные особенности.

Комическая репрезентация события выражается в описании события с юмористической точки зрения. Для репликативного медиадискурса характерна репрезентация важных, острых, злободневных, трагичных событий через призму шутовой тональности, тем самым, запускается стратегия переосмысления стрессогенного событийного ряда. Инструментами комической репрезентации становятся сатира, ирония, пародия, карикатуризация, гротеск и т. д. Примерами могут служить многочисленные мемы о пандемии коронавируса, в которых профилируется комический аспект и нивелируется драматизация события.

Негативизация реализуется как придание событию негативной окраски. Зачастую негативизация сопровождается дерогативностью, дискредитацией, эмоциональностью, экспрессивизацией, авторской модальностью и т. д. Негативизация события может также передаваться с помощью когнитивного механизма фрейминга, который позволяет конструировать когнитивную рамку восприятия события, под воздействием которой формируется интерпретация реципиента. В качестве примера можно привести многочисленные англоязычные Интернет-мемы, посвященные политической деятельности Дж. Байдена, с отрицательным коннотативным компонентом.

Вульгаризация и примитивизация событийного нарратива наблюдаются в том случае, если событие предстает перед реципиентом в намеренно сниженном, тривиальном контексте. Значимость события может нивелироваться в репликативном медиадискурсе за счет отрицания эстетики, важности, возвышенности события. Примерами данного процесса являются англоязычные мемы, в которых наблюдается погружение в бытовой контекст, а именно: транспозиция авторитетных персон в тривиальные, возможно, бытовые обстоятельства (Папа Римский в Макдональдсе, Елизавета II в ночном клубе и т. д.).

Детабуизация события в англоязычном репликативном медиадискурсе реализуется при условии, что табуированное в коммуникации событие подлежит

свободному обсуждению за счет механизма демократизации и отсутствия цензуры. В качестве примеров можно привести англоязычные мемы, посвященные национализму, расизму и другим радикальным течениям. Благодаря детабуированности событий в данном виде дискурса реципиенты получают возможность свободно освещать событийный нарратив, не будучи ограниченными коммуникативными конвенциями и политкорректностью.

Субъективизация фрагментов событийного ряда транслируется как отступление от объективизации при конструировании дискурса. Инструментами субъективизации могут становиться различные проявления авторского модуса, а именно: авторские импликации, оценочность, интерпретации, модальность и т. д. Субъективированными репликативными мемами являются те единицы, в которых выражены политические симпатии и антипатии реципиентов, направленные в сторону политических фигур.

Рассмотрим примеры англоязычного репликативного медиадискурса, в которых прослеживаются трансформации событийных фрагментов действительности.

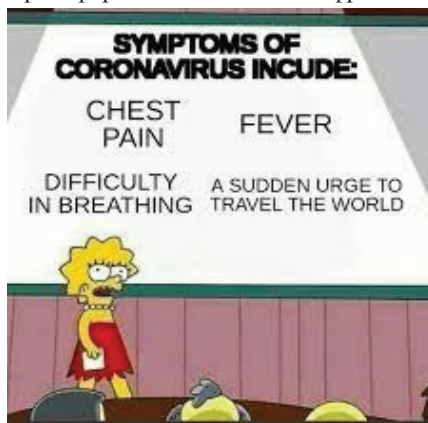

Рис. 1. Интернет-мем 1 (источник: <https://cheezburger.com/10812933/memes-that-roast-people-who-travel-with-coronavirus>).

Рис. 2. Интернет-мем 2 (источник: <https://imgflip.com/i/72t2sk>).

На Рис. 1 продемонстрирован мем, в котором представлен визуальный ряд из американского ситкома «Симпсоны». Сопроводительная надпись переводится

так: «Симптомы коронавируса включают затруднения дыхания, боль в грудной клетке, лихорадку и внезапное сильное желание путешествовать по миру». В данном примере формируется искаженный событийный континуум, прецедентной базой которого является пандемия коронавируса. Автор мема прибегает к таким приемам трансформации события как комическая репрезентация и примитивизация, поскольку отмечается погружение в юмористический контекст и замена серьезной тональности на тривиальную и обыденную. Таким образом, пандемия коронавируса как фрагмент событийной картины мира коммуниканта, автора мема, преподносится реципиентам не в официальном, общепринятом ключе, а в оригинальном, неожиданном ракурсе.

На Рис. 2 представлен мем, в котором изображен американский президент Байден. Вербальное сопровождение переводится следующим образом: «Джо Байден – глупая марионетка или злой тиран? Ваши мысли?». Событийный нарратив, в основе которого прецедентное событие – президентский срок Байдена, подвержен значительным дискурсивным изменениям в контексте данной репликативной единицы. Во-первых, наблюдается негативизация событийного ряда с помощью дерогативной лексики, метафоризации, концептуальной оппозиции и негативной коннотации. Во-вторых, можно отметить детабуированность, поскольку наблюдается отвержение коммуникативного речевого этикета, а также прослеживается субъективизация, выраженная в авторской оценке. В результате, реципиенту навязывается концептуально трансформированный, прагматически нагруженный событийный континуум.

С когнитивной точки зрения трансформации событийного нарратива в англоязычном медиадискурсе обусловлены задействованием таких когнитивных механизмов, как реинтерпретация, реконтекстуализация, реконцептуализация, которые позволяют генерировать новые интерпретации, помещать событие в нестандартный контекст, изменять концептуальные структуры при описании события. За счет включения вышеупомянутых когнитивных механизмов, обеспечивается неустаревание и актуализация событийного нарратива. Таким образом, повышается привлекательность репликативного медиадискурса для реципиента, так как данный вид дискурса становится носителем оригинальных трактовок событийного ряда.

Особенностями экспликации трансформированного событийного нарратива являются преимущественно полимодальная форма презентации при описании события с опорой на визуализированность и наглядность, образность и метафоризация, компрессия событийного нарратива за счет минималистичности и сжатости репликативного медиадискурса, гиперболизация или намеренное уменьшение, использование разнообразных стилистических приемов, в особенности тех, которые позволяют создать комический эффект (абсурд, гротеск, каламбур, сравнение и т. д.).

Можно сделать вывод о том, что событийная повестка отражается в англоязычном репликативном медиадискурсе в искаженной форме с помощью механизмов деформации событийного нарратива, в результате чего порождается неконгруэнтная репрезентация события.

Литература

- Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. №. 13 (807). С. 192-201.
- Троценкова Е.В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №. 3. С. 21-31.
- Шурина Ю.В., Харохорина М.Б. Интернет-мем как жанр и «нюсмейкер» в современном медиапространстве // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. №. 2. С. 263-275.
- Risi E., Pronzato R., Fraia di G. Memes as socio-narrative representations of COVID-19. Themes, protagonists, and narratives of the pandemic memes in Italy // Mediascapes journal. V. 20. 2022. Pp. 26-46.

Svetlana V. Kanashina (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

TRANSFORMATIONS OF EVENT NARRATIVE IN ENGLISH REPLICATIVE MEDIADISDISCOURSE: A LINGUOCOGNITIVE ASPECT AND SPECIAL FEATURES OF EXPLICATION

The article looks at the representation of an event in English replicative mediadisdiscourse. It is argued that event narrative is subjected to different linguocognitive distortions in this kind of discourse. Special features of multimodal explication in transformed event narrative are analysed.

Key words: replicative mediadisdiscourse, event narrative, representation of an event, explication, linguocognitive transformation, subjectivisation, detabooization

М.А. Каркашова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
m.a.karkashova@utmn.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ ТЕКСТА К АРХИТЕКТУРЕ

В статье рассмотрен феномен мультимодальности, возникающий в рамках единого дискурсивного пространства. Исследуемое дискурсивное пространство создано одним автором на двух сенсорных уровнях: вербальном и визуальном. Вербальный уровень представлен текстом, а визуальный – архитектурным зданием. В статье мы сравниваем и сопоставляем означающие описываемого архитектурного стиля, принадлежащие двум сенсорным уровням.

Ключевые слова: мультимодальность, дискурс, дискурсивное пространство, означаемое, означающее, значащая совокупность

Вслед за Ю.М. Лотманом мы считаем, что искусство, частью которого являются как архитектура, так и художественные тексты, воссоздает мир, отражающий напрямую или опосредованно картину мира того периода, о котором идет повествование в дискурсивном образе.

Материалом исследования послужил полимодальный дискурс: архитектура и текст, созданные Ле Корбюзье. Источником вербальной информации служит первая глава книги архитектора «Vers une architecture. Collection de l'Esprit nouveau» (1924). В книге Корбюзье, которую можно назвать классическим вари-

антом самоописания семиотической системы, читателю в формате диалога-монолога транслируются коды новой индустриальной архитектуры. Источником визуальной информации послужило культовое реализованное архитектурное произведение архитектора Ле Корбюзье «Вилла Савой» (1929–1931).

Актуальность работы обосновывается наличием когнитивного компонента исследования: мы рассматриваем мультимодальность в качестве когнитивного свойства дискурсивного пространства.

В настоящее время исследования феномена мультимодальности посвящены работы М. Халлидея, А.Ж. Греймаса, О.К. Ирисхановой и др.

Объектом исследования выступают визуальные и текстовые коды новой индустриальной архитектуры, предметом – межмодальная трансляция кода в рамках единого дискурсивного пространства.

Поскольку термин «дискурс» не имеет универсального определения ввиду многогранности и многофункциональности понятия, было принято решение опираться в исследовании сразу на два определения, отражающие различные подходы к анализу дискурса: социо-когнитивный и когнитивно-коммуникативный. С точки зрения ван Дейка, под термином «дискурс» понимается «способ влияния на социальные структуры и на социальное взаимодействие посредством когнитивного интерфейса ментальных моделей, знания, отношения и идеологии» [van Dijk 2014]. Мы можем добавить, что дискурс — «двусторонний ряд речевых событий, где участники постоянно меняются ролями «адресанта» и «адресата», оставаясь внутри своих ролей и установок» [Белозерова 2013: 21]. Так или иначе, дискурс подразумевает наличие общего или частично общего знакового кода, понятного как «адресанту», так и «адресату», при этом код может реализовываться на разных сенсорных уровнях.

Поскольку передача информации возможна по всем сенсорным каналам связи, а именно, через зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые рецепторы, то мы можем говорить о наличии в той или иной степени акта коммуникации на всех сенсорных уровнях формирования человеческого опыта. Термин «модальность», пришедший в лингвистику из психологии, тесно связан с сенсорными уровнями взаимодействия с окружающим миром. Возможность перехода знаковых единиц из одной семиотической системы в другую, например – из текста в архитектуру – позволяет нам говорить о трансляции модальностей в рамках единого дискурсивного пространства.

Разработанная Греймасом теория модальностей позволяет абстрагироваться от «человеческого мира» и выйти на уровень «чувственно воспринимаемых свойств». В книге «Структурная Семантика. Поиск метода» Греймас приводит изложение актантной теории, которая посвящена трансляции модальностей и структурно-семантическому анализу текста. Ключевыми понятиями в этой теории являются означающее, означаемое и значащая совокупность.

«Означающее (signifiant) – это те элементы или группы элементов, которые делают возможным обнаружение значения на уровне восприятия и в то же время воспринимаются, как внешние по отношению к человеку» [Греймас 2004: 12]. В

качестве означающего в нашем исследовании выступают вербальный знак и визуальный. Означаемое (*signifié*) – «значение или значения, которые покрываются означающим и проявляются благодаря его существованию» [там же]. По мнению М. Халлидея, если информация осознается посредством восприятия знаков, то, соответственно, за каждым знаком стоит некий референт [Халлидей 1978: 232]. В качестве означаемого (референта) выступают абстрактные идеи, стоящие за знаками в тексте и в архитектуре. Значащая совокупность – это «союз означаемого и означающего» [Греймас 2004: 13]. Если следовать определению дискурса Арутюновой («дискурс – речь погруженная в жизнь») [ЛЭС 1990: 136], то наличие «значащей совокупности» можно отнести к одному из свойств дискурсивного пространства.

С точки зрения Греймаса, при рассмотрении речи в качестве «значащей совокупности» или «означающего» можно преобразовать элементы этой речи в другой «сенсорный ряд» [Греймас 2004: 16]. Рассмотрим феномен перемещения вербального кода на уровень визуального в рамках единого дискурс-пространства на материале текста и архитектурного произведения одного архитектора.

В вербальном формате код, которому, по мнению автора, должна соответствовать новая архитектура, транслируется посредством аллюзий, метафор и прямых номинаций. Например, автор пишет, что архитектура должна быть объективной как базовые инстинкты человека (*les instincts les plus brutaux*), а наиболее прекрасными формами являются базовые (*éléments primaires*). Концепция форм архитектуры нового стиля определяется автором как «порядок» *l'ordre*, «пластика, проявляемая светом» (*que la lumière révèle bien*), «объективность» (*l'objectivité*), «инженерное решение» (*l'ingénieuse solution*), «результат вычислений» (*effets de calcul*).

В визуальном варианте этот же код транслируется следующим образом (на примере Виллы Савой, 1929–1930 гг.):

- «порядок» выражен в ритмике конструктивных элементов, видимых на фасадах;
- «пластика, проявляемая светом» выражается через игру светотени на фасаде, составленном из базовых геометрических фигур: кубов, параллелепипедов, цилиндров;
- «объективность» – обусловлена отсутствием каких-либо декоративных элементов на фасаде;
- «инженерное решение» и «результат вычислений» – в данном примере они выражаются в поднятии здания на бетонные опоры – решение, во-первых, продиктованное применением железобетонных конструкций, во-вторых, эстетическими соображениями; здание смотрится «легче», когда просматривается горизонт. Коды «инженерное решение» и «результат вычислений» отражены в применении ленточного остекления: с одной стороны, инновация продиктована утилитарными требованиями инсоляции и вентиляции, с другой стороны, является проявлением идеи «порядка» посредством повторения одних и тех же прямоугольных форм.

Если рассматривать полимодальный текст в качестве дискурс-пространства,

порожденного единым кодом, то возникают трудности в определении четкой границы между «означающим» – внешней формой выражения кода и «означаемым» – референтом, идеей, стоящей за кодом. Означающее и значащая совокупность выражаются через конкретные формы: на вербальном уровне – через языковые средства выражения, на визуальном уровне – посредством геометрических форм, цвета, композиции. Означаемое в тексте и в архитектуре может быть исследовано на когнитивном уровне. Означаемое исследуется опосредованно через означающее, путем поиска референта, стоящего за вербальным или визуальным знаком.

Литература

Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Когнитивные модели дискурса. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013.

Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический проект, 2004.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Halliday M.A.K. Language as Social semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold, 1978.

van Dijk Teun A. Discourse and knowledge A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Mariia A. Karkashova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

MULTIMODALITY AS A PROPERTY OF DISCURSIVE SPACE: FROM TEXT TO ARCHITECTURE

The article considers the phenomenon of multimodality that appears within the discursive space. The discursive space under analysis is created by one author on two sensory levels: verbal and visual. The verbal level is represented by a text and the visual level by an architectural building. In the article we compare the signifiers of the architectural style that belong to different sensory levels.

Key words: multimodality, discourse, discursive space, signified, signifier, signified unity

М.И. Куосе (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
Институт языкознания Российской академии наук
maria_kiose@mail.ru*

ВЫРАБОТКА ОБЩЕЙ ПОЗИЦИИ В ЭКСПОЗИТОРНОМ ДИАЛОГЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ*

В статье разрабатывается исследовательская модель описания и изучения полимодального поведения говорящего в условиях коллаборативной коммуникации. В основании модели лежат результаты эксперимента, тестирующего распределение речевых действий, глазо-двигательного и жестового поведения в ходе выработки общей позиции. Модель описывает фазы, этапы, коммуникативные акты и действия в экспозиторном диалоге.

Ключевые слова: экспозиторный диалог, полимодальное поведение, общая позиция

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

Настоящее исследование нацелено на изучение когнитивных оснований полимодальной коммуникации, основная задача которой – выработка общей позиции ее участниками. Одной из актуальных проблем в данной области является разработка методологического инструмента для интегративного изучения коммуникативных, когнитивных и телесных (вербальных и невербальных) компонентов коллаборативной коммуникации. В статье с опорой на полученные в ходе полимодального эксперимента результаты предлагается исследовательская модель, описывающая их функционирование в экспозиторном дискурсе. Методологически исследование опирается на положения теории «разделенной интенциональности» (shared intentionality), концепции «коммуникативного обмена при совместном построении» и теории коммуникативных актов в устном дискурсе. Согласно теории «разделенной интенциональности» [Clark 2006; Tomasello & Carpenter 2007; Levinson 2016], процесс выработки общей позиции включает три фазы в соотнесении с этапами их реализации в социальной ролевой игре – фазу инициации (этапы привлечения внимания собеседника и подтверждения намерения выполнить совместное действие), основную фазу (скоординированный обмен коммуникативными действиями, который варьируется в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств) и завершающую фазу (подтверждение совместного желания завершить процесс выработки общей позиции); реализация перечисленных этапов изучается в вербальных и невербальных коммуникативных действиях участников [Clark 2006; Levinson 2016; Heesen et al. 2017]. Концепция «коммуникативного обмена при совместном построении» [Коротаев 2023] описывает конкретные дискурсивные шаги при выработке общей позиции – запрос на совместное действие, реакцию на запрос о совместном действии и оценку факта или способа совместного построения – в соотнесении с типами коммуникативных действий в речи, глазодвигательном и жестовом поведении. Однако перечисленные шаги описывают только моменты переключения хода, а не все шаги диалога; помимо этого, они разработаны для дескриптивного, но не для экспозиторного дискурса. Решить проблему комплексного описания экспозиторного диалога (соотнесения фаз / шагов, этапов и коммуникативных действий) представляется возможным с опорой на типологию коммуникативных актов [Кибрик, Подлесская 2009] и – более конкретно – на типы актов, характерных для коммуникативных шагов данного дискурса; установление их состава было проведено в ходе полимодального эксперимента.

Материалом исследования являются записи полимодального поведения (речевого, глазодвигательного и жестового) участников в экспозиторном диалоге общей продолжительностью 57 минут. В ходе эксперимента для фиксации глазодвигательного поведения применялись очки-айтрекеры Tobii Pro Glasses 2, 1920×1080, 25 FPS, для фиксации жестового поведения – оборудование захвата движения Perception Neuron Motion Capture. Анализу подверглись 623 коммуникативные ситуации выработки общей позиции, в ходе которых участники должны были прийти к единому мнению относительно различий в семантике близких синонимов (типа *линия* и *черта*, *вой* и *рев*, *труп* и *мертвец*, *мгла* и *тем-*

nota и др.). Обработанные численные результаты позволили установить соответствия в выборе типов коммуникативных актов, соотносенных с фазами / шагами коммуникации и с коммуникативными действиями [Iriskhanova et al. 2023; Kiose et al. 2023]; далее с опорой на эти шаги разработана исследовательская модель, представленная в данной работе.

Так, для фазы инициации, включающей этапы привлечения внимания собеседника и осуществления намерения выполнить совместное действие, характерны три паттерна коммуникативных действий: взгляд на лицо у обоих собеседников, взгляд на лицо со стороны говорящего участника и отсутствие вербальных и невербальных действий со стороны обоих собеседников; однако при прямом запросе или уточняющем вопросе часто используется контактоустанавливающий жест и наблюдается взгляд на лицо говорящего (Рис. 1). Основная фаза в экспозиторном дискурсе, коммуникативная задача которого состоит в представлении пояснения, заключается в развитии общей и новой темы-топика; для развития общей темы-топика характерно использование взгляда на лицо обоих собеседников с речевым действием одного или обоих собеседников, для развития новой темы-топика намного чаще используется первый из названных паттернов (Рис. 2). Для завершающей фазы, представленной подтверждением совместного желания завершить процесс выработки общей позиции и выходом из ситуации или констатацией необходимости дальнейшей выработки общей позиции, типично использование взгляда на лицо у неактивного собеседника или взгляда на лицо обоих собеседников (Рис. 3). Важно отметить, что прослеживается зависимость в выборе типа темы-топика основной фазы и коммуникативных действий фазы инициации и завершающей фазы: при выборе общей темы-топика в первой фазе наблюдается присутствие взгляда на лицо обоих собеседников, а в третьей фазе – присутствие взгляда неактивного собеседника. Использование контактоустанавливающего жеста более характерно для основной фазы у активного собеседника.

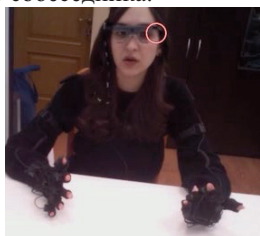

Рис. 1. Запрос на совместное действие.
Речевое действие: /то есть как пламя и огонь?/
Невербальное действие: контактоустанавливающий жест

Рис. 2. Развитие темы.
Речевое действие: /труп это всегда можно использовать/
Невербальное действие: контактоустанавливающий жест

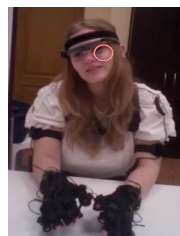

Рис. 3. Ответ-реакция.
Речевое действие: /ну кстати может быть/

Представим общую модель выработки общей позиции участниками (P1 и P2) полимодальной коммуникации в экспозиторном дискурсе (Табл.).

Таблица. Коммуникативная модель выработки общей позиции в экспозитиве

Коммуникативные шаги	Этапы	Коммуникативные акты	Коммуникативные действия
Фаза инициации: Запрос на совместное действие	Привлечение внимания собеседника	Привлечение внимания	[[P1: Взгляд] [P2: Взгляд]] [[P1: Взгляд] [P2: 0]]
		Констатация условий коммуникации	[[P1: 0] [P2: 0]] [[P1: 0] [P2: Взгляд]]
	Осуществление намерения выполнить совместное действие	Прямой запрос Переспрос Уточняющий вопрос	[[P1: Взгляд, Речевое действие] [P2: Взгляд]] [[P1: Взгляд, Жест, Речевое действие] [P2: Взгляд]]
Основная фаза: Развитие темы	Развитие новой темы-топика	Введение новой темы-топика	[[P2: Взгляд, Речевое действие] [P1: Взгляд]]
	Развитие общей темы-топика	Последовательность тем Уточнение / Дополнение Подведение итогов Повтор сказанного	[[P2: Взгляд, Речевое действие] [P1: Взгляд, Речевое действие]] [[P2: Взгляд, Жест, Речевое действие] [P1: Взгляд]]
Завершающая фаза: Ответ-реакция	Подтверждение совместного желания завершить процесс выработки общей позиции	Согласие/несогласие	[[P1: Взгляд] [P2: Взгляд]] [[P1: 0] [P2: Взгляд]] [[P1: 0] [P2: 0]] [[P1: Взгляд] [P2: 0]] [[P1: Взгляд, Речевое действие] [P2: Взгляд]]
	Выход из ситуации или констатация необходимости дальнейшей выработки общей позиции	Уверенность/неуверенность Оценка Эмоциональная реакция	[[P1: Взгляд, Жест, Речевое действие] [P2: Взгляд]]

В качестве единицы анализа используется пара коммуникативных действий, соотносимых с одним коммуникативным шагом (его этапом и актом), в котором участвуют оба собеседника; один из них является активным участником (иницирующим шаг), он отображается первым, второй – неактивным. В квадратных скобках отображаются все наличествующие коммуникативные действия участника в порядке убывания частотности. Как видно из таблицы, наибольшей значимостью обладает взгляд на лицо собеседника – его коммуникативная роль заключается в привлечении внимания, в указании на коммуникативное намерение, в подтверждении своих интенций. Однако именно в использовании взгляда была обнаружена и большая вариативность – она проявилась в развитии общей или новой темы-топика, также отмечена и индивидуальная вариативность. Представленная модель может быть использована для качественного и количественного анализа коммуникативных действий и шагов в полимодальной коммуникации. С ее помощью представляется возможным проводить контрастный анализ особенностей выработки общей позиции в разных группах участников, например, с учетом их возраста и когнитивного стиля, их вовлеченности в коммуникацию, а также применительно к разным типам выполняемого задания.

Литература

Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.

Коротаев Н.А. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2023. № 22. С. 254-266.

Clark H.H. Social actions, social commitments // *Roots of human sociality: Culture, cognition and interaction* / ed. by N. Enfield & S.C. Levinson. Oxford, UK: Berg, 2006. Pp. 126-150.

Heesen R., Genty E., Rossano F., Zuberbühler K., & Bangerter A. Social play as joint action: A framework to study the evolution of shared intentionality as an interactional achievement // *Learning and Behavior*. 2017. Vol. 45. Pp. 390-405.

Irishkanova O.K., Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment // *Lecture Notes in Computer Science (LNAI 14338)*. 2023. Pp. 350-363.

Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal communicative moves in expository dialogue: Common and novel topic elaboration // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. Vol. 14(4). Pp. 595-616.

Levinson S.C. Turn-taking in human communication — Origins and implications for language processing // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Iss. 20. P. 6-14.

Tomasello M., Carpenter M. Shared intentionality // *Developmental Science*. 2007. Iss. 10. Pp. 121-125.

Maria I. Kiose (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

JOINT ACTION IN EXPOSITORY DIALOGUE: A RESEARCH FRAMEWORK

The study develops a research framework to explore multimodal behavior within collaborative communication. The framework is grounded on the experiment results which manifest the distribution of speech, gaze and gestural behavior in achieving the common position via joint action. The framework presents phases, stages, acts, and communicative moves in expository dialogue.

Key words: expository dialogue, multimodal behavior, joint action

Elena S. Kokanova (Arkhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University

e.s.kokanova@narfu.ru

Maya M. Lyutyanskaya (Arkhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University

m.lyutyanskaya@narfu.ru

Anna S. Cherkasova (Arkhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University

a.s.cherkasova@narfu.ru

ENGLISH-RUSSIAN PROFESSIONAL SIGHT TRANSLATION: AN EYE-TRACKING STUDY

The article presents the results of a study using the eye-tracking technique, which revealed some differences in the oculomotor activity of professional translators during the translation reading and sight translation of two texts from English into Russian. The researchers evaluated the reading and translating processes using a number of parameters – fixations count and duration, saccade count, and

dwell time in the area of interest. The results were visualized using heat maps. The differences revealed allow the researchers to conclude about the effectiveness of translational reading, and the need to develop the skills of forming a strategy of sight translation.

Key words: eye tracking, sight translation, English, Russian, professional interpreters, reading for translation, sight translation strategies

Sight translation (ST) is a complicated process, which includes silent reading, comprehension, decoding, translation decision-making, verbalisation, speech development, memory, cognitive control under the pressure of time. The findings of the pilot study raised several issues including the role and quality of reading for translation, process of decision making in sight translation, the difficulty level of texts for ST, which encouraged the researchers to continue the study with the participation of professional interpreters [Kokanova, Lyutyanskaya, Cherkasova 2018]. Based on the view that translating is a decision-making process, it was presumed that professional interpreters would demonstrate some kind of ST strategy, which will affect the result, including quality of translation and time of performing the task.

The objective of the current research is to see how reading for translation and sight translating will be different with the professionals. The hypothesis is that the work on finding out difficult elements for translation, context analysis, and search for equivalents by professional interpreters will be done at the stage of silent reading. Presuming that saccades and fixation count represent cognitive load during reading for translation and during ST itself, the eye-tracking parameters for the tasks of reading for translation and ST will be different for professionals.

Eye tracking has become a popular and promising method in translation studies allowing empirically investigating various translation subjects and further developing interdisciplinary approach in applied linguistics, translation and interpreting studies. It has also become a method to examine cognitive effort involved in ST [Su 2020]. It allows seeing the process of ST and not just the result of it. There are various aspects of ST that have interested researchers. In their study Shreve et al. used several parameters, i. e. fixation frequency and duration, regression frequency and duration, and certain derived metrics, for comparative analysis of eye movement during ST and bilingual reading [Shreve, Lacruz, Angelone 2010: 71]. Their findings showed that bilingual reading causes less cognitive effort than sight translation.

Language-pair specificity is paid much attention in the studies, too. Pawel Korpala investigated how source language's morphosyntactic characteristics can influence the ST process. Sight translations from German to Polish were compared to sight translation from English to German with the hypothesis that verb-final position and complex nouns in German create more cognitive load for an interpreter [Korpala 2012].

Some researchers looked at how training influences reading behaviour in sight translation. Eye-tracking data were used to assess and compare efficiency of reading and sight translating from English into Chinese by interpreting students and untrained bilinguals. As a result, chunking, or segmentation skills that interpreting students have developed during their university training contributed to higher efficiency of ST [Ho, Chen, Tsai 2020].

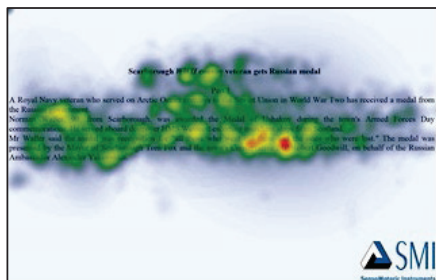

Fig. 3. Heatmap for sight translation Text 1.

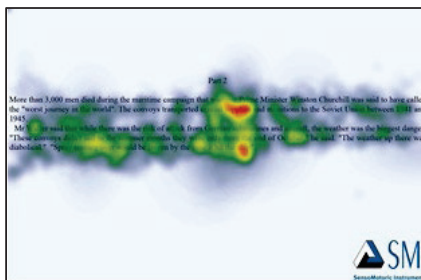

Fig. 4. Heatmap for sight translation Text 2.

It is interesting to see which lexical units cause more cognitive load for participants, so several areas of interest (AOI) were identified. They require the recollection of the target language equivalents from long-term memory. Another eye-tracking parameter, which allows analysing AOI, is dwell time. The analysis of the dwell time parameter showed that for each of this AOI time spent during the reading task is significantly higher than during the ST task. It means that more attention was paid to the lexical units during reading, which also proves the point about professional interpreters thinking over translation possibilities before sight translating. The same findings are relevant for Text 2.

Table. Comparison of average dwell time parameter for reading and translation Text 1

AOI	Reading task dwell time,	Translation task dwell time,
	ms	ms
Arctic Ocean convoys	5766.6	3631
aboard destroyer	8416.7	5454.2
HMS Westcott	7404.2	4511.2
Town's conservative MP	4121.1	1996.9

The findings show that during the reading for translation professional interpreters think over the future translation, analyse text structure, identify lexical units and collocations that require certain transformation in the target language. This additional analytical work is needed to make translation decisions before the actual sight translation, so that performing the translation itself an interpreter could concentrate more of the voice, speech velocity and other aspects of translation presentation. It is concluded that the findings of this study could have implications in English-Russian sight translation training that should focus not only on mastering students' language skills but also on developing translation strategies that allow them to control and allocate their cognitive load in a more efficient way.

Литература

Ho C.-E., Chen T.-W., Tsai J.-L. How does training shape English-Chinese sight translation behaviour? An eyetracking study // Translation, Cognition & Behavior. 2020. No. 3 (1). Pp. 1-24.
 Kokanova E., Lyutyanskaya M., Cherkasova A. Eye tracking study of reading and sight translation // SHS Web of Conferences. 2018. No. 50.
 Korpai P. On language-pair specificity in sight translation: An eye-tracking study // Übersetzen in die Zukunft / Baur W. et al. (eds). Berlin: BDÜ Fachverlag, 2012. Pp. 522-530.

Shreve G.M., Lacruz I., Angelone E. Cognitive effort, syntactic disruption, and visual interference in a sight translation task // Translation and cognition / G.M. Shreve and E. Angelone (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 63-84.

Su W. Eye-Tracking Processes and Styles in Sight Translation. Singapore: Springer, 2020.

Е.С. Коканова (Архангельск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

М.М. Лютянская (Архангельск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

А.С. Черкасова (Архангельск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С ЛИСТА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: МЕТОДИКА АЙТРЕКИНГА

В статье представлены результаты исследования с применением методики айтрекинга, которое выявило некоторые различия в глазодвигательной активности профессиональных переводчиков во время переводческого чтения и перевода с листа двух текстов с английского языка на русский язык. Исследователи оценивали процессы чтения и перевода с листа с применением ряда параметров – количество и длительность фиксации, количество саккад, время пребывания в зоне интереса. Результаты визуализированы с помощью тепловых карт. Выявленные различия позволяют сделать вывод об эффективности переводческого чтения, и необходимости развития навыков формирования стратегии перевода с листа.

Ключевые слова: методика айтрекинга, перевод с листа, английский, русский, профессиональные переводчики, переводческое чтение, стратегии перевода с листа

Ю.Д. Кравченко (Омск, Россия)

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

jdkovalenko@rambler.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ЗАСТАВКИ КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА

Телевизионный медиатекст можно рассматривать как мультимодальный текст с использованием методологии дискурсивного анализа. В статье предпринимается попытка дискурс-анализа телевизионной заставки авторской программы Н.С. Михалкова «БесогонТВ», содержащей вербальный, визуальный и аудиальный семиотические коды. Прослеживаются порождающие ими смыслы и воздействие их на зрителей программы.

Ключевые слова: мультимодальный текст, телевизионная заставка, дискурс-анализ, Н.С. Михалков, программа «БесогонТВ».

Термин «мультимодальный», относительно новый для российской научной литературы, активно разрабатывался в зарубежной лингвистике в русле социальной семиотики (Г. Кресс и Т. ван Левен и др.). Лингвосомиотический поворот в науке XX в., который фокусировал внимание исследователей социальной сферы на изучении коммуникации, стал предпосылкой для процессов, когда изменения сделали смешанные и невербальные тексты более влиятельными и породили новые формы текстообразования (телевидение, видео, Интернет и др.), где чисто лингвистические структуры текстов дополняются визуальными, графическими,

кинетическими, сенсорными, киберпространственными и иными семиотическими структурами [Вдовина 2012]. Вместе с тем Г. Кресс говорит не столько о *взаимодействии*, сколько о *воздействии* мультимодальности на сферу смысла и коммуникации, а также на социальное значение речи и письма, и отмечает, что язык неизбежно утратит свое нынешнее центральное место в социальном, культурном, семиотическом, эпистемологическом мирах и будет *замещен* другими модусами [Кресс 2016: 79]. Так, с появлением компьютерных носителей цифровых технологий стали появляться новые формы и виды сетевой коммуникации, тексты принципиально нового строения.

Для анализа мультимодальных текстов актуальным представляется использование *дискурсивного подхода*. Широкая трактовка понятия «дискурс» и многообразие различных видов дискурса привели к появлению значительного количества методик для его изучения. Поскольку телевизионный текст можно рассматривать как сложную мультимодальную категорию, при его анализе необходимо учитывать взаимодействие различных семиотических «модусов» и их влияние на формирование общей семантической структуры, воспринимаемой потребителем информации (зрителем). В то же время телевизионный текст может быть рассмотрен как телевизионный медиадискурс [Болдырев 2023], при изучении которого исследователи указывают на властно-политическую и идеологическую природу дискурса. Последнее связано с тем, что «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее *интерпретацию, комментарий, оценку*, способствующие созданию определенного идеологического фона» [Добросклонская 2014: 185].

Методология дискурсивного анализа телевизионного медиадискурса находится в стадии активной разработки. В качестве иллюстрации отдельных разработок приведем пример анализа только одного элемента в концепции современных телевизионных программ, посвященных актуальным общественным и политическим темам, – заставки.

Заставка, понимаемая как эмблема, как самая узнаваемая часть телевизионного продукта, представляет собой краткое вступление, содержащее образные, музыкальные и другие образы.

Примером послужит телевизионная заставка авторской программы Н.С. Михалкова «БесогонТВ», используемая с 2014 г. на телеканале «Россия 24» и официальном сайте программы. Заставка включает вербальный компонент, стилизованное изображение человека и фантазийного животного, помещенных в двойную рамку, и музыкальное сопровождение.

Для неподготовленного зрителя понятным может стать лишь вербальная составляющая в заставке программы, обозначающая ее название и представляющая собой сложное слово, образованное от словосочетания «(из-/вы-)гоняющий бесов». Визуальное оформление названия усложнено использованием целого набора графических параметров мультимодального текста [Кибрик 2010]: разных шрифтов, алфавитов (кириллицы и латиницы), знаков («ер» как буква доре-

форменного алфавита; точка, разделяющая ключевое слово и добавленное сокращение «ТВ»), цветов (белые буквы основного слова и желтые буквы в «приращении»). Отдельные ассоциации рождает соединение букв «N» и «ер», визуально похожее на иконический знак «номер» (№), что, возможно, связывается с периодичностью программы и неединичным выпуском ее в свет. При взаимодействии вербального компонента и изображения, позиция первого становится доминирующей. Вместе с тем семантика всей заставки является более сложной, а восприятие и понимание языкового знака можно считать первым ее слоем.

Более глубокий уровень семантической структуры формируется благодаря так называемому журналистскому «бэкграунду», дополнительной информации, которую можно рассматривать как справочно-энциклопедическую или псевдоэнциклопедическую: в комментариях и интервью Михалков, объясняя выбор изображения для заставки, отмечал, что программа была названа в честь его святого – покровителя Никиты, получившего в народе прозвище Бесогон. По мнению режиссера, в христианской литературе Никита Бесогон не упоминался с начала XVIII века, поскольку не был канонизирован Русской православной церковью. «Никита Бесогон считается одним из первых христиан, которые подверглись пыткам и приняли смерть за Христа в Константинополе. Он был почитаем русской церковью до 1666 г., когда произошел раскол церкви. И сегодня археологи находят древние артефакты пластики с изображениями Бесогона. Узнать его можно по палке или кандалам, зажатым в руке, которым он побивает беса» [Михалков все-таки зарегистрировал ...]. На псевдоэнциклопедичность же этой информации и вымышленность личности Никиты Бесогона указывают комментарии священников [Шемелев: <https://azbyka.ru/days...>; Почему Михалков назвал...].

Несмотря на неустойчивый статус выявляемой информации с точки зрения ее истинности и объективности при восприятии заставки программы в единстве вербального и визуального компонентов происходит *семантическая аттракция* – «одновременное выражение нескольких значений при их определенной иерархизации», выстраиваемой на разграничении основного первичного денотативного значения от коннотативных, вторичных, экспрессивных и т. п. [Золян 2022: 87]. При этом семантическая аттракция, которую традиционно считают «универсальной характеристикой, вытекающей из семиотической природы языкового знака» [там же], как механизм, запускается только при понимании первого, вербального, слоя семантической структуры, ставшего ее основой. Так, имя автора программы совпадает с именем святого, и ассоциации, связанные с образом и функцией древнего героя, переносятся на его современного тезку.

Второй смысловой пласт мультимодального текста формируется за счет его интертекстуальных связей с романом «Бесы» Ф.М. Достоевского. Эти связи актуализируют ассоциации, которые автор телевизионной программы нередко презентует в разных выпусках при выражении своей позиции по религиозным, культурным, политическим, идеологическим вопросам, реагируя на актуальные события, происходящие в современной России и за ее пределами.

Третий пласт в семантической структуре формируется при взаимодействии зрительного и слухового каналов восприятия мультимодального текста. Речь

идет о музыкальном сопровождении в заставке, воспроизводимом в телевизионной трансляции программы. Это фрагмент музыкальной композиции «Поклонники» Э. Артемьева, написанной им к фильму «Раба любви» (1975 г.), режиссером которого являлся Н. Михалков. Возможные ассоциации, возникающие при анализе музыкального сопровождения, весьма разнообразны, но не бесконечны. Выявляемые смысловые векторы, которые, как может показаться неподготовленному зрителю / слушателю, не имеют точек пересечения с описанной семантической структурой всего образа заставки, скорее отсылают к идее известности автора программы, любви почитателей его творчества и его самого как медиа-образа. Однако благодаря этим ассоциациям устанавливается имплицитная связь между всеми тремя пластами: жизнеутверждающая тональность музыкальной композиции и отдельного фрагмента, используемого в заставке, в конечном итоге связывает имя режиссера Никиты Михалкова с древним борцом за истину и правое дело Никитой Бесогоном и актуализирует мысль о том, что известный, любимый, уважаемый в российском обществе человек выступает в данном телевизионном проекте в ином качестве – как автор этой программы и как борец с социальным злом.

Таким образом, анализируемый мультимодальный текст выступает как дискурсивный феномен, использующий комплекс нескольких семиотических кодов – вербального, визуального, аудиального; в нем прослеживается глубокое имплицитное понимание смыслов, понимание которых предполагает более широкий кругозор и культурную память зрителей этого телевизионного контента.

Литература

- Болдырев С.М.* К вопросу методологии анализа телевизионного новостного дискурса // Наука и школа. 2023. № 1. С. 45-51.
- Вдовина Т.В.* Дискурс-анализ: методологические основания и перспективы применения в социологических исследованиях: дис. ... канд. соц. наук. М., 2012.
- Добросклонская Т.Г.* Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181-187.
- Золян С.Т.* Смыслотворчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 82-92.
- Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. № 4. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
- Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77-100.
- Михалков все-таки зарегистрировал бренд с образом святого Никиты Бесогона // Культурология. РФ. URL: <https://kulturologia.ru/news/6435/?ysclid=lr3gtj5sess337746332>.
- Почему Михалков назвал свою передачу Бесогон ТВ? // URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1154506>.
- Шеменив В.* В чем отличие великомученика Никиты Готфского от Никиты Бесогона? // URL: <https://azbyka.ru/days/p-v-chjom-otlichie-velikomuchenika-nikity-gotfskogo-ot-nikity-besogona>.

*Yulia D. Kravchenko (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University*

A DISCURSIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF TELEVISION SCREENSAVER AS A MULTIMODAL TEXT

The television media text can be considered as a multimodal text using the methodology of discursive analysis. The article attempts a discourse analysis of the television screensaver of the author's program N.S. Mikhalkov "BesogonTV", containing verbal, visual and auditory semiotic codes. As a result, the meanings they generate and their impact on the viewers of the program are traced.

Key words: multimodal text, television screensaver, discourse analysis, N.S. Mikhalkov, "BesogonTV" program

*В.В. Кучер (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
kuchervv@bk.ru*

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭКФРАСИС КАК ОТРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ПЕРСОНАЖА

В исследовании рассматриваются языковые средства, отражающие особенности музыкальной когниции персонажей художественного произведения, представленные в экфрастических описаниях музыкальной терминологией, интермедияльными аллюзиями, прецедентными именами собственными, метафорами, где сферой-источником выступает звучание музыкальных инструментов. Экфрастическое описание является языковым выражением существующих в воображении персонажа-композитора музыкальных образов в романе Д. Митчелла «Cloud Atlas». Анализируются метафоры, как результат концептуальной интеграции существующих в воображении персонажа художественных образов и единиц музыкального семиотического кода.

Ключевые слова: интермедияльность, экфрасис, когнитивный стиль, концептуальная интеграция, метафора

Особенностью когнитивного стиля людей, принадлежащих сфере изящных искусств, является способность перекодировать воспринятые ощущения в ведущий для них канал восприятия. Языковым воплощением данной способности выступает экфрастическое описание, которое используется авторами художественных произведений как средство речевой характеристики персонажа. Музыкальный экфрасис представляет собой подкод аудиального кода произведения [Жукова 2018; Шишина 2019], который служит средством передачи особого видения персонажа через призму аудиальных впечатлений. Предполагается, что музыкальный экфрасис способствует передаче когнитивного стиля персонажа, где под *когнитивным стилем* [Culpeper 2002] понимается языковая модель в тексте, отражающая особое мировоззрение, когнитивные привычки и установки персонажа, сформированные как результат влияния индивидуально-типологических особенностей, субъективного опыта, социально-культурного окружения и профессиональной творческой деятельности.

Экфрастическое описание как вербальное представление произведений музыкального искусства играет значительную роль в произведении Д. Митчелла

«Cloud Atlas». Интерес исследователей к этому произведению обусловлен полифонией различных жанров, а также структурными особенностями романа: исследуются языковые средства стилизации, используемые в романе [Большакова 2022; Булыгина 2015], роль интертекстуальных включений и аллюзий, в том числе интермедиальных [Шевченко 2018], интермедиальное взаимодействие музыки и литературы в пространстве романа [Кузнецова 2017], однако анализу экфрасического описания с позиции воплощения особенностей когнитивных особенностей персонажей уделено недостаточно внимания. В связи с этим целью данного исследования является анализ языковых средств создания музыкального экфрасиса как способа репрезентации особенностей когнитивного стиля персонажей романа.

Погружению во внутренний мир персонажа способствует эпистолярный жанр: перед читателем в виде писем от лица главного героя предстает мир, наполненный шумом и звуками, которые служат ему источником творческого вдохновения: *...listened to the distant brass of the engine room and sketched a repetitive passage for trombone based on the ship's rhythms* [Mitchell 1994: 39] (слушал тихий медный шум моторного отсека и набросал отрывок для тромбона, повторяющий корабельные ритмы) (перевод – В.К.). Следующий пример демонстрирует свойственную творческим людям способность перекодировать возникающие в их воображении образы на язык музыки:

«I sit at the piano and try to keep up with a flow of «Semiquaver, B-G; semibreve, A-flat-hold it four beats, no, six-crotchets! F-sharp-no no no no F-sharp-and... B! Tar-tatty-tatty-tarr!» (Il maestro will at least name his notes now.) Or, if he's feeling more poetic, it might be «Now, Frobisher, the clarinet is the concubine, the violas are yew trees in the cemetery, the clavichord is the moon, so... let the east wind blow that A minor chord, sixteenth bar onwards» [Mitchell 1994: 52]

Экфрасическое описание нотированного музыкального отрывка демонстрирует разнообразие способов представления музыкального образа. Звучание музыкального отрывка может быть представлено узкоспециальными терминами (*semiquaver, B-G; semibreve, A-flat, beats, crotchets, F-sharp, B*) или же звукоподражательными номинациями (*Tar-tatty-tatty-tarr*). Пример показателен и с точки зрения метафорического представления музыкальных образов. Тональность музыкальных инструментов выступает воплощением существующих в воображении композитора образов: используя метафоры, маэстро рисует с помощью мелодии представляемые им визуальные образы, где кларнет – это наложница, альты – тисы на кладбище, клавикорд – луна. В этом же фрагменте проявляется особенность музыкальной когниции персонажа: изначально тональность инструментов (*the clarinet, the violas, the clavichord*) символизирует художественные образы, существующие в воображении композитора (*the concubine, yew trees in the cemetery, the moon*), в последнем же фрагменте экфрасического описания происходит интеграция художественного образа (*east wind*) и его музыкального воплощения (*A minor chord*): *let the east wind blow that A minor chord, sixteenth bar onwards* [там же]. С одной стороны, восточный ветер переводится в музыкальный код тональ-

ностью ля минор. В то же время ветер используется для метафорического выражения продолжительности звучания. В метафоре, являющейся результатом интеграции ментальных пространств «Wind» и «Music», восточный ветер выступает в семантической роли деятеля, который варьирует длительность звучания воспроизводимого звука в тональности ля минор – *пусть восточный ветер раздует этот аккорд ля минор еще на шестнадцать тактов дальше*. Основанием метафорического переноса выступает полисемия лексемы *blow*: 1) to move and make currents of air; 2) to make a sound by forcing air out of your mouth and through an instrument [Cambridge Dictionary: URL]. Лексема *blow* («дуть» – о ветре, «дуть» – воспроизводить звук, направляя поток воздуха в духовой инструмент) выступает связующим звеном между исходными пространствами «Wind» и «Music». Этапы интеграции ментальных пространств предстают в следующем виде (см. Рис.).

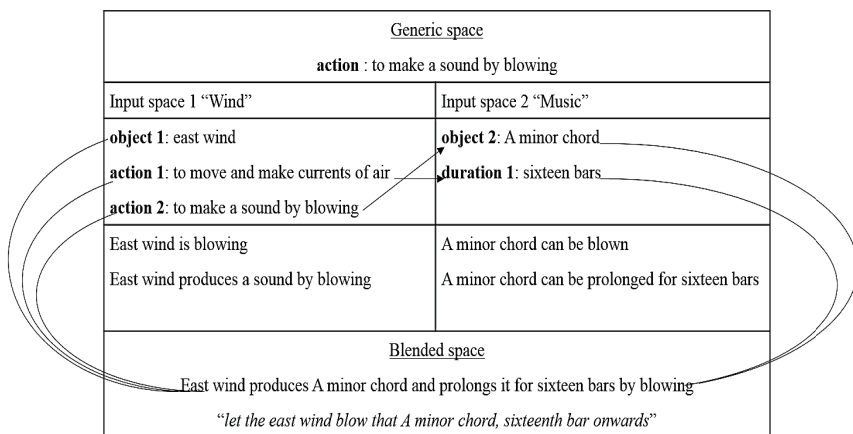

Рис. Интеграция ментальных пространств «Wind» и «Music»

В результате интеграции исходных ментальных пространств «Wind» и «Music» образуется интегрированное пространство, признаки которого не сводятся к сумме исходных пространств: тональность, которую восточный ветер «раздувает» на шестнадцать тактов – это одновременно и художественный образ, существующий в воображении композитора, и его музыкальное воплощение в физическом мире при помощи музыкального инструмента. Данное экфрасическое описание, иллюстрирует промежуточное звено при переводе художественных образов, существующих в воображении композитора в музыкальный код. Метафора, используемая композитором в нотированном им музыкальном отрывке, «схватывает» момент перехода впечатлений и образов в музыку. Вышесказанное позволяет заключить, что музыкальный экфрасис, представленный в романе Митчелла «Cloud Atlas», выступает средством характеристики когниции персонажей, передает увлеченность героев музыкой, их способность чувствовать и понимать ее, позволяет раскрыть особенности музыкальной когниции персонажей и иллюстрирует способность переводить художественные образы в язык музыки.

Литература

- Большакова М.Г., Львова С.Н. Средства лингвистической стилизации в романе Д. Митчелла «Cloud Atlas» // *Modern Science*. 2022. № 5-3. С. 306-309.
- Булыгина Е.Г. Языковой портрет персонажей романа Д. Митчелла «Cloud Atlas» // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. 2015. № 7. С. 257-265.
- Жукова Ю.В. Тенденция «спрятанного холста» в литературе (экфрасис в творчестве Л.М. Леонова) // *Филологический класс*. 2018. № 2 (52). С. 165-171.
- Кузнецова Т.А. «Облачный атлас» Д. Митчелла в контексте взаимодействия литературы и музыки: роман как секстет // Управление реформированием социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов. Пенза: ПГУ, 2017. С. 156-158.
- Шевченко Л.Л., Овчинникова А.В. Аллюзивные включения в романе Дэвида Митчелла «Облачный атлас» // Педагогическое образование на Алтае. 2018. № 1. С. 107-111.
- Шишина О.В. Пространственно-аудиальный код английского романа-антиутопии (на материале романов У. Голдина «Повелитель мух», Дж. Оруэлла «1984», О. Хаксли «Дивный новый мир»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Cambridge International Dictionary of English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
- Culpeper J. A cognitive stylistic approach to characterisation // *Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam: Benjamin Publishing, 2002. Pp. 251-279.
- Mitchell D. *Cloud Atlas*. Scepter, 1994.

Vasilina V. Kucher (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

CHARACTER'S COGNITIVE STYLE REPRESENTATION THROUGH MUSICAL EKPHRASIS

The article explores the language means conveying literary characters' cognition peculiarities with the help of musical ekphrasis. Musical ekphrasis as a means of protagonists' characterization manifests itself in musical terminology, intermediality, allusions, precedent proper names, metaphors in which the source-domain belongs to the sphere of music. Musical ekphrasis in D. Mitchell's "Cloud Atlas" demonstrates the process of creating music by the main character, a composer: the metaphors present in the protagonists' speech testify to the conceptual integration of artistic images and music. The process of conceptual integration serves to translate the perceived impressions or artistic images in the protagonist's imagination into music.

Key words: intermediality, ekphrasis, cognitive style, conceptual integration, metaphor

M.H. Lamy (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University
Laatuu@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ КОНФЛИКТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ*

Настоящая работа посвящена факторам, оказывающим влияние на специфику поликодовых текстов конфликтного характера. Анализируются лингвопрагматический фактор конфликтной составляющей, фактор оценочной интенциональности, фактор лаконичности жанра мема, фактор языковой личности, фактор системы ценностных ориентаций, социолингвистический

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20091 в Пятигорском государственном университете (<https://rscf.ru/project/22-18-20091>).

фактор коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: поликодовый текст, конфликт, фактор, модель, категория, вербальный компонент, иконический компонент

В Интернет-коммуникации широкое распространение получают мультимедийные тексты, состоящие из функционально и семантически связанных компонентов разных знаковых систем, образующих единое целое [Громова 2016], к которым, в частности, относятся такие графико-вербальные поликодовые тексты как мемы и демотиваторы. При этом корреляция вербального и иконического компонентов создает неделимый информационный потенциал, обуславливающий их общий прагматический эффект на адресата [Горбачева, и др. 2021], что значимо в контексте существования мемов и демотиваторов конфликтного содержания [Бабикова 2019; Ворошилова 2019]. Поскольку последние обладают особой спецификой [Алимурадов, Гукосьянц 2023], интерес представляют факторы, влияющие на особенности их содержания и смысловой организации. В данной работе анализировались мемы и демотиваторы конфликтной направленности (ксенофобского характера и посвященные «войне полов»). В ходе исследования устанавливались конкретные факторы, влияющие на специфику поликодовых текстов конфликтной направленности и моделей их смысловой структуры, в том числе с точки зрения особенностей репрезентации отдельных элементов их содержания.

Как показывает анализ, одним из таких значимых детерминантов выступает лингвопрагматический фактор конфликтной составляющей. Так, в рассматриваемых графико-вербальных поликодовых текстах конфликтной направленности характерные черты и аспекты коммуникативно-функционального потенциала, свойственные жанрам Интернет-мема и демотиватора в целом (комичность, образность, гиперболизация, карикатурность, гротеск и т. д.), находятся под влиянием актуализируемой автором конфликтной составляющей, что во многом определяет специфику их реализации и особенности данных текстов. В соответствии с вышесказанным, построение смысловой структуры текста и репрезентация транслируемых идей происходит в рамках когнитивной матрицы «Свой – Чужой», связанной с поляризацией конструируемой реальности и конфликтностью репрезентируемых ее сторон. Ее реализация в этих текстах оказывает влияние как на выбор смысловых компонентов, в том числе отражающих отдельные составляющие конфликтных ситуаций, так и вербальных и иконических средств их репрезентации (например, лексические единицы и элементы изображения, выражающие физическое или моральное воздействие, используемые при этом предметы и т. д.). Данный факт находит непосредственное выражение в моделях смысловой структуры анализируемых текстов, в которых определенные их составляющие, представляющие собой смысловые компоненты разных категорий, относятся к одному или разным полюсам дихотомии «Свой – Чужой».

Вышесказанное также тесно связано с таким фактором как оценочная интенциональность. С учетом этого в связи с реализацией дихотомии «Свой – Чужой» поликодовые тексты конфликтной направленности характеризуются осо-

бой модальностью и высокой степенью оценочности. При этом смысловые компоненты, соотносимые автором с полюсом «Свой» оцениваются положительно, а смысловые компоненты полюса «Чужой» представляются им в негативном свете, что подчеркивает их неравный статус. В содержании рассматриваемых текстов влияние этого фактора проявляется в использовании экспрессивно-оценочной лексики в целом, в оценочной субъективной интерпретации актуализируемых смысловых компонентов категорий Субъект и Феномен посредством положительных и негативных номинаций, метафорических образов в вербальной и иконической части, а также авторских толкованиях и дефинициях при реализации логико-семантического отношения тождества; корреляции смысловых компонентов категории Характеристика, представляющих собой качества и свойства, положительно или негативно оцениваемые социумом или автором, со смысловыми компонентами категорий Субъект, Действие, Феномен на основе атрибутивного логико-семантического отношения, что также находит отражение в структуре моделей таких текстов. Положительная или негативная оценка при этом также выражается в комментариях, вербальных и иконических реакциях персонажей.

Значимым также представляется фактор лаконичности жанра мема, который, с одной стороны, предполагает краткость сообщения, а с другой – актуализацию минимального набора значимых смысловых компонентов и, соответственно, лексических и графических средств их выражения при трансляции смыслов, донесения информации в сообщении без потери ясности. Последнее во многом связано с поликодовым характером данных текстов, поскольку одна часть смысловых компонентов сообщения может находить выражение в составе вербальной части, а другая часть компактно представлена иконически, посредством элементов изображения. Нередко определенные смысловые компоненты непосредственно не выражены в тексте, но подразумеваются автором, а их представленность в содержании сообщения очевидна, исходя из контекста. Смыслы, отражающие основную идею, могут возникать на стыке вербального и иконического компонентов, выступающих контекстом для ее идентификации. Вышесказанное также находит выражение в моделях смысловой структуры таких текстов, включающих вариативную и инвариантную части, представленную ограниченным количеством коррелирующих смысловых компонентов определенных категорий.

Определенное влияние оказывает и фактор языковой личности как носителя смыслов по отношению к поликодовому тексту конфликтной направленности. Автор соотносит себя с определенной социальной группой, представляющей в рамках дихотомии полюс «Свой», и обращается к адресату как потенциальному ее представителю в своем комментарии или от лица изображаемых персонажей. При этом особенности вербального и иконического компонентов могут указывать на возраст, уровень образования и культуры (использование разговорной, инвективной, табуированной лексики, сленга, наличие орфографических и пунктуационных ошибок и т. д.), специфику восприятия представителей обоих полюсов (выбор образов и персонажей при репрезентации смысловых компонентов категории Субъект, деталей образа).

Еще одним фактором выступает система ценностных ориентаций. Так, в поликодовых текстах конфликтной направленности нередко репрезентируются понятия, символы, отсылающие к системам ценностей групп обоих полюсов дихотомии, в том числе группы, представителем которой считает себя автор. Эти смысловые компоненты, представляя категорию Феномен, реализуются автором при трансляции и продвижении смыслов, соответствующих его системе ценностей, самопрезентации, их оценочной интерпретации и представлении в положительном или негативном контексте. Смысловые компоненты этой категории актуализируются как в составе инвариантной, так и вариативной части моделей смысловой структуры текстов и коррелируют со смысловыми компонентами категории Субъект посредством комбинаторного логико-семантического отношения.

Рассматриваемые поликодовые тексты конфликтной направленности также находятся под влиянием социолингвистического фактора коммуникативной ситуации. В соответствии с ним, участником конструируемой автором ситуации выступает социальная группа или типичный мыслимый ее представитель, олицетворяющий один из полюсов дихотомии «Свой – Чужой». Соотнесенность актуализируемого субъекта с определенной социальной группой выражается, в частности, в иконической части в деталях внешнего облика, в том числе посредством посессивного логико-семантического отношения со смысловыми компонентами категории Объект (одежда, аксессуары, предметы), а также в реплика персонажей. С этим фактором также связана реализация автором конкретных целей в рамках коммуникативных стратегий и тактик при конструировании ситуаций в содержательном пространстве поликодового текста.

Таким образом, к описываемым взаимосвязанным факторам, оказывающим влияние на специфику поликодовых текстов конфликтной направленности и моделей их смысловой структуры, относятся: лингвопрагматический фактор конфликтной составляющей, связанный с реализацией в текстах дихотомии «Свой – Чужой», что, в частности находит отражение в моделях их смысловой структуры, и в использовании вербальных и невербальных средства, репрезентирующих составляющие конфликта; фактор оценочной интенциональности, проявляющийся в оценочной интерпретации и использовании экспрессивно-оценочной лексики; фактор лаконичности жанра мема, предполагающий актуализацию минимума структурных элементов и средств их выражения для донесения транслируемой информации без потери ясности; фактор языковой личности как носителя смыслов по отношению к поликодовому тексту; фактор реализации системы ценностных ориентаций в содержании поликодового текста; социолингвистический фактор коммуникативной ситуации, связанный с актуализацией в содержании определенных участников коммуникации, целей, коммуникативных стратегий и тактик.

Литература

Алимуратов О.А., Гукосьянц О.Ю. Конфликтогенные мемы и демотиваторы: соотношение вербального и невербального компонентов // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. М.: Блок-Принт, 2023. С. 8-12.

Бабикова М.Р. Жанровые разновидности Интернет-мемов в современном националистическом дискурсе // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1: проблемы образования,

науки и культуры. 2019. Т. 25. № 2 (186). С. 67-73.

Ворошилова М.Б. «Действуй»: интерпретация креолизованных текстов в практике судебной экспертизы // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 242-250.

Горбачева А.В., Берлин Хенис А.А., Пучкова А.Н., Осадчий М.А. Сложность восприятия демутиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 74-86.

Громова Н.С. Специфика интерпретации многокомпонентного креолизованного текста // Вестник Костромского гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 2. С. 156-160.

Maxim N. Latu (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

SPECIFICITY OF CONFLICT POLYCODE TEXTS: FACTORS OF INFLUENCE

The paper is devoted to the factors that determine the specificity of polycode texts of conflict nature. The linguopragmatic factor of conflict component, the factor of evaluative intentionality, the factor of brevity of the Internet-meme genre, the factor of linguistic personality, the factor of implementation of the value system, the sociolinguistic factor of the communicative situation are analyzed.

Key words: polycode text, conflict, factor, model, category, verbal component, iconic component

Л.А. Манерко (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье раскрываются особенности научного дискурса на английском языке. Показаны его основные характеристики, а также тенденции развития визуализации. Мультимодальность и мультимедийность академического дискурса на английском языке демонстрируются на основе разных видов аннотации к научным статьям на английском языке в высокоимпактных зарубежных журналах, где текстовый и графический язык преобладают.

Ключевые слова: научный текст, академический дискурс, английский язык, мультимодальность, визуализация, текстовизуальная аннотация

Научный текст является результатом интеллектуальной и речемыслительной деятельности ученого в определенной области знания человека. В тексте, который характеризуется специальной формой естественного языка, представлена система научного человеческого знания.

Традиционно в научном тексте изучались «стереотипность композиционного построения и синтаксических конструкций, определенный набор лексических единиц, представляющих специальные и общие термины, ограниченность или полное исключение эмоциональных и экспрессивных средств...» [Дроздова 2000: 49]. Все это, по мнению Т.В. Дроздовой, снижало «ценность научного текста как объекта исследования по сравнению с художественной прозой» [Дроздова 2000: 49].

Вместе с тем академический дискурс, который представляет собой процесс создания научного текста, изучается в рамках когнитивно-коммуникативного

направления терминоведения. Данный вид дискурса интересен тем, что он представляет собой вербально-опосредованную деятельность человека в определенной сфере и в той или иной степени указывает на участие разнообразных типов знания в индивидуальном человеческом сознании. При рассмотрении академического дискурса учитываются особенности организации языкового знания, характерные для носителя языка, общенаучные и специальные виды знания, представленные в конкретных терминологических номинативных единицах, участвующих в развитии мысли автора в рамках конкретной референциальной и коммуникативной ситуации. Подобный дискурс отражает гипотетичность и вероятность прогнозирования в проводимом исследовании. Научный дискурс направлен на других участников коммуникации – профессиональных языковых личностей, которые обладают общей совокупностью знаний (*shared knowledge*), используемых в устном и письменном общении посредством языковых средств. При этом коммуниканты опираются на социокультурные, исторические, научно-образовательные и интеллектуальные факторы, не всегда представленные в текстовом формате, но ощущаемые в процессе текстопорождения. Данные экстралингвистические факторы обладают «незавершенной семантикой» [Алексеева 2013: 5], воспринимаемой участниками как желание одного ученого поделиться с другими общающимися результатами своей умственной, научно-производственной и практической активности и достижениями на основе найденных доказательств в процессе коммуникации.

Когнитивный аспект человеческой специальной коммуникации определяет интерес к знаниям конкретной специальной сферы, представленным в рамках «концептуально-смыслового пространства» конкретного научного произведения, направленного на внимание конкретного получателя информации [Манерко 2004]. Термин «концептуально-смысловое пространство» представляет собой *интегрированную семиотическую область знания*, обладающую определенным континуумом. Данное пространство зависит от неоднородности языковых и языковых элементов, указывающих на «субъективный смысл, заложенный автором в результате семантической свертки» [там же: 28]. Это пространство описывается на основе языковых средств, представленных ментальными структурами, которые выявляются благодаря «особой процедуре раскрытия смыслов через совокупности концептов, связанных друг с другом посредством пропозиционально-лингвистических структур» разнообразного характера [там же].

В письменной научной речи ученые в своих описаниях пользуются образами в виде фотографий, графиков, схем и рисунков. Они необходимы для представления объемной, плоскостной или символической информации. И.В. Арнольд называет их «графическим метаязыком» [Арнольд 1991: 96]. Западные ученые объясняют эти способы и средства объяснения наблюдаемого материала визуализацией данных, так как они способствуют трансформации «сложных, масштабных или числовых данных в визуальное представление» [<https://aws.amazon.com/ru/what-is/data-visualization>]. Такое представление легче воспринимается и обрабатывается человеческим сознанием. Вспомним, как древний чело-

век, отправляясь на охоту, рисовал на стенах пещеры весь процесс добычи пропитания или его результат. В школьном и вузовском образовании инструменты наглядности улучшают и автоматизируют процесс визуального восприятия большого объема информации, при этом обеспечивая ее точность, детализацию и запоминание. В научном дискурсе происходит то же самое, но здесь учитывается новое знание, пересекающееся со старыми и известными данными, а основной целью автора является передача суммы научных знаний с помощью обыденных человеческих представлений, общенаучной лексики и языка для специальных целей (*language for special purposes*).

В электронных научных высокоимпактных журналах, в которых авторы публикуют свои материалы на английском языке, особое место занимают аннотации, относящиеся к «гибридному жанру», состоящему из текста и графического метаязыка [Манерко 2022]. В отличие от разнообразных данных, которые рассматриваются в основном тексте научной статьи, помимо краткого текстового отрывка в аннотации фиксируется новое изображение, представляющее основные результаты, процесс их получения и некоторые черты, указывающие на желание заинтересовать читателя в прочтении и использовании материала в своей научной работе. Подобная аннотация выполняет не столько информативную функцию, заключающуюся в визуализации данных для их осмысленной интерпретации благодаря быстрому анализу и осмыслению общей картинке, сколько функцию воздействия. Кроме того, использование определенных «прагматических триггеров воздействия» связано с учетом современных способов технологизации языка специального общения и проникновением медийных структур в публикационную деятельность по представлению научных данных и мультимедийность Интернета. Эти триггеры направлены на «проблему кардинальных изменений в жизни человека» [Александрова 2012: 16], воздействие на человеческое сознание посредством изменений формы подачи языка, а также в стремлении обойти конкурентов в показателях уровня прочтения и в дальнейшем цитировании конкретной статьи из журнала.

Продемонстрируем основные виды аннотации «гибридного» типа, которые описываются как инфо-графический стиль, комический стиль и стиль диаграмм [<https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract>]. Первые два стиля характерны для визуально-графической аннотации и довольно часто пересекаются друг с другом. Третий стиль в рамках аннотации опирается на диаграммы из текста статьи.

Инфо-графический стиль связан с представлением изображения в сочетании с какой-либо текстовой информацией. Аннотация состоит из названия статьи, представленной в журнале, указания на ее авторов, текстового отрывка и, наконец, изображения (см. Рис. 1 слева). Такая аннотация представляет собой краткий текст, дополненный картинкой. Посредством нажатия на электронный адрес аннотации проецируется материал всей статьи. Разработка подобной аннотации началась в Германии в конце 70-х гг. XX в. и в дальнейшем с 90-х гг. характеризует высокоимпактные научные электронные журналы биомедицинской или хи-

мической направленности (Elsevier JCR, BioMed journals) (см. подробнее в [Манерко 2022]). По мнению М. Эпплер, «техники визуализации активизируют исследования в языках для специальных целей, особенно когда наблюдается переизбыток информации», и тогда наглядность существенно улучшает общение между учеными, работающими в определенной специальной сфере, становясь гибким и динамичным средством обработки и понимания информации [Rhein 2009: 170-171].

Визуальная композиция может быть одиночной и многосоставной. Далее на Рис. 2 и 3 представлены только графические изображения из аннотаций, относящиеся к комическому содержанию информации (более подробное описание аннотаций в [Манерко 2022; Manerko 2023]).

A mitochondria-targeted ratiometric fluorescent probe (**Mito-Zn**) was first designed and synthesized with dual emissions both located in the near-infrared region, for Zn^{2+} detection with high sensitivity and selectivity. By using the developed **Mito-Zn**, a high level of Zn^{2+} in the depressed mouse brain was discovered for the first time.

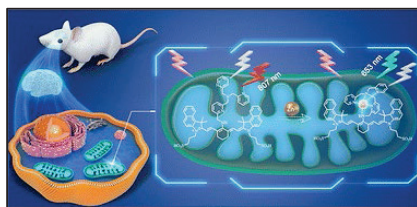

Рис. 1. Из статьи [Haobin Jin, Can Ju, Chenxu Duan et al. 2024].

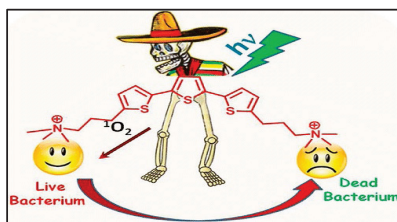

Рис. 2. Из статьи [Roman-Perez 2014]

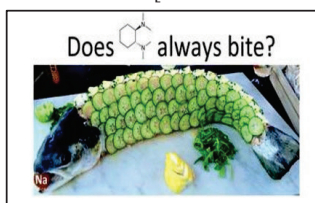

Рис. 3. Из статьи [Ojeda 2017]

Мы наблюдаем усложнение метасемиотических и когнитивных процессов в письменной сфере научной электронной коммуникации, которые связывают обыденные, общенаучные и научные знания вместе, опираясь на блендинг, профилирование, мультимодальную метафору, фокусировку внимания и другие когнитивные механизмы. Аннотация текстового и графического характера является полезной формой для продвижения материала в соцсетях, привнося нотки несерьезного и комического в интегрированный концептуальный смысл научного произведения, воздействуя на потенциального читателя и будущего автора.

Литература

Александрова О.В. Системно-функциональные изменения грамматической организации английского языка // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. статей. к юбилею проф. О.В. Александровой / под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. М.: МАКС-Пресс, 2012. С. 10-18.

Алексеева Л.М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект): учеб. пос. Пермь: Пермский гос. нац.-иссл. ун-т, 2013.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1991.

Дроздова Т.В. Проблема понимания научного текста // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: материалы Круглого стола. М.: Ин-т языкознания, 2000. С. 49-58.

Манерко Л.А. Концептуально-смысловое пространство текста // Теория и практика германских и романских языков: материалы науч. конф. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический ун-т им. И.Н. Ульянова, 2004. С. 24-28.

Манерко Л.А. Текстовая и визуальная аннотация как основа для структурирования типов знания в академическом дискурсе на английском языке // Александровский сборник: Сб. научных статей к юбилею проф. О.В. Александровой / под ред. А.А. Липгарта и др. М.: Наука, 2022. С. 181-198.

Haobin Jin, Can Ju, Chenxu Duan et al. Revealing the elevation of Zn²⁺ in the brain of depressed mice by a ratiometric fluorescent probe with dual near-infrared emissions // <https://pubs.rsc.org/en/content/articlelanding/2024/cc/d3cc05529a>.

Manerko L. Humour in Academic scientific discourse // English for Specific Purposes and Humour / ed. by Sh. Isani & M. van der Yeught. Cambridge Scholars Publishing, 2023. С. 173-194.

Ojeda-Amador A.I. et al. Monodentate coordination of the normally chelating chiral diamine (R,R)-TMEDA // Chemical Communications. 2017. Vol. 53. Pp. 324-327.

Rhein L., Simmerling A., Zakharova E. Report of the XVII European Symposium on LSP "Methods and Aims – (Re)Conceptualising LSP Research" // Fachsprache. 2009. No. 3-4. Pp. 166-176.

Roman-Perez I., Otero J.C. On the dual character of charged metal-molecule hybrids and the opposite behaviour of the forward and reverse CT processes // Phys. Chem. Chem. Phys. 2014. No. 16. Pp. 22958-22961.

Larissa A. Manerko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

VISUALISATION TENDENCIES OF CONCEPTUAL AND SENSE SPACE IN THE ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

The paper reveals peculiarities of English scientific discourse, main characteristics and tendencies of visualisation. Multimodality and multimodality of English academic discourse are represented in various abstract types to research papers from highly impact foreign scientific journals, where the textual and graphical language prevails.

Key words: scientific text, academic discourse, English, multimodality, visualisation, abstract, textual and visual abstract

Н.А. Маслова (Москва, Россия)
ГБОУ школа № 113 г. Москвы
21072000z@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В СОВЕТСКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию репрезентантов концепта СЕМЬЯ. В качестве материала исследования выступают стихи советских поэтов-песенников. Проанализирована семантика песенных текстов, составляющих концепт СЕМЬЯ. Выделены основные группы, составляющие концепт СЕМЬЯ.

Ключевые слова: концепт, семья, концептосфера, песенный дискурс, идеологема

Языковая картина мира, являясь отражением человеческого сознания, сопрягается с историей, культурой, мировоззрением, вероисповеданием народа. Лингвокультурология исследует выражаемые в языке значения, формирующие национальное сознание.

Единицей ряда лингвистических дисциплин выступает концепт, основной функцией которого является отражение опыта и знаний человека о мире: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Концепты отражают те культурные константы, нравственные ценности, которые доминируют в жизни народа: «выделение ценностных доминант, жизненных ориентиров, культурных традиций не делает их специфическими, принадлежащими только одному народу, а может носить общечеловеческий характер и потому считаться интернациональным» [Комова, Ломакина 2019: 80].

Концепт СЕМЬЯ стоит в ряду одного из самых значимых и постоянных в сознании человека. На протяжении тысячелетий семья представляется главным общественным звеном, благодаря которому человек ощущает полноту жизни.

Статья продолжает описание советского песенного дискурса [Маслова 2023] и направлена на рассмотрение концепта СЕМЬЯ в советских эстрадных песнях.

Советский песенный дискурс служил для формирования в сознании человека традиционных ценностей, связанных с представлениями о крепких брачных узах. Государство, являясь экономическим и политическим субъектом, задает модель семьи. Основной принцип общественной политики СССР нацелен на укрепление семьи, социальную защищенность брачно-семейных отношений, уменьшение количества разводов и воспитание детей в полной семье.

В «Большом Толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (2000 г.) дается следующее определение: «Семья – 1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе. 2. кого или какая. Группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой» [Кузнецов 2000: 1175].

Несомненно, что через взаимопроникновение концептов СЕМЬЯ и ДОМ открывается важность семейных отношений. Концепт СЕМЬЯ актуализируется через воспоминания о месте, где родился и вырос человек: «*Домик в деревне маленький, // Солнцу открыты ставенки, // Весь деревянный, старенький... // Как хорошо мне в нем!*» [стихи С. Ковальского, исп. В. Толкунова]. В приведенном примере используется лексема *домик*, включающая суффикс субъективной оценки, благодаря чему появляется оценочность. Это место, куда человек может вернуться за поддержкой, советом и успокоением: «*Что нас встретит с любовью и нежностью // Наша пристань – родительский дом*» [стихи М. Рябинина, исп. Л. Лещенко]. Интересно, что в этом примере лексема *дом* метафорически связан с *причалом*, так как в сознании человека закрепилась мысль о возвращении в родные места, где всегда кто-то его ждет: «*Родительский дом, начало начал, // Ты в жизни моей надежный причал. // Родительский дом, тускай много лет // Горит в твоих окнах добрый свет*» [стихи М. Рябинина, исп. Л. Лещенко].

Создание семьи предполагает и строительство собственного дома, своего семейного очага: «*Как же так, ведь мы с тобою, // Строить дом хотим. // Он в*

ответ сказал: // Построить с кем-нибудь другим» [стихи В. Кузнецова, исп. А. Герман]. В национальном сознании русского человека в ходе определенных коммуникативных ситуаций произошла нейтрализация лексем *дом* и *семья*. Дом не только выступает в качестве строения, жилища, но и образует синонимический ряд с такими понятиями как *Родина, жизнь, детство*.

В советском песенном дискурсе концепт СЕМЬЯ неразрывно коррелирует с концептом ДЕТСТВО: «И пускай наше **детство** не кончится, // Хоть мы взрослыми стали людьми, // Потому что **родителям** хочется // Чтобы мы оставались **детьми**» [стихи М. Рябинина, исп. Л. Лещенко]. Пересечение функционально-семантических полей этих концептов репрезентируется через родителей: «Поклонись до земли своей **матери**, // И **отцу** до земли поклонись» [стихи М. Рябинина, исп. Л. Лещенко]; «Ах, как любят в доме нашем все танцевать. // Видно виновата в том **мамаша**, что тут скрывать. // Да и **папа**, честно скажем, любит плясать. // Началось все с танцплощадки. // Он так нежно **маму** обнял» [стихи М. Яковлева, И. Кохановского, исп. А. Герман]; «**Родители** с него не сводят глаз. // В счастливый день и час» [И. Тарба, Е. Николаевской, исп. А. Герман]; «**Папы**, даже важные, – все одноэтажные, // А вот так, с добавкою, **папа** – небоскреб» [стихи М. Танича, исп. В. Толкунова].

В русской культуре семья строится на общехристианских традициях. Лексема *мать* символизирует жизнь, святость, любовь. В православной традиции Богородица представляет собой образ материнства, заключающий в себе символ абсолютной любви. Мать – источник жизни, спокойствия, защиты и тепла на земле, поэтому в песенной культуре ей отводится особое место: «Поговори со мною, **мама**, // О чем-нибудь поговори, // До звездной полночи, до самой // Мне снова **детство** подари» [стихи В. Гина, исп. В. Толкунова]; «Здравствуй, **мама**. // Светла как память нежность твоя. // Этот мир не от солнца такой золотой, Он наполнен до края твоей добротой» [стихи Р. Рождественского, исп. ВИА Пламя]; «**Мама, родная**, я знаю, я знаю, // Что ты далеко, что ты ждешь» [стихи О. Миллявского, исп. Э. Пьеха]; «Если **б матери** мы выбирали, // Все равно бы выбрали своих» [стихи И. Шаферана, исп. М. Кристалинская]; «Пусть всегда будет **мама**, Пусть всегда буду я» [стихи Л. Ошанина, исп. М. Кристалинская].

Этимология лексемы *дочь* восходит к глаголу *доить*: «отношение санскр. *duhita* – «дочь» и санскр. *duh* – «доить» — нечто большее, чем простое созвучие» [Трубачев 1959: 56]. В языке отражено мировоззрение предков, что сыну отводится роль продолжателю рода, а дочь – кормилица, хранительница очага в собственной будущей семье, поэтому для матери счастье для дочери представляется в семейных отношениях: «**Дочери, дочери**, // Взрослые **дочери**, // Только бы не были // Вы одинокими // После разлук и утрат» [стихи Н. Доризо, исп. О. Воронец]. В традиционном патриархальном укладе жизни, как говорилось выше, родословная ведется по мужской жизни, поэтому песни с компонентом *сын* преобладают: «Спи, мой воробушек, спи, мой **сыночек**, // Спи, мой звоночек родной!» [стихи М. Исаковского исп. А. Герман], «Спят мои отчаянные **парни**, // Спят мои **Титовы** и **Гагарины**, // **Носики-курносики** сопят» [стихи А. Булычевой исп. В. Толкунова].

В советский период появляется всеми известным перифраз «ячейка общества», являющийся синонимом «советской семье». Это свидетельствует о том, что семья – важный социальный рычаг государственного устройства. В начале XX в. были созданы общественные организации регистрации браков (ЗАГС), поэтому образовать семью в традиционном смысле можно только официально: «А Сerezжка, друг твой, не женился. // Прямо в ЗАГСе повернул назад» [стихи В. Миляева, исп. А. Герман]; «У нас Алешка появился, // И ты примерно через год // В другую женщину влюбился, // И я тебе дала развод» [стихи М. Рябинина, исп. В. Толкунова].

Первый шаг создания семьи – свадьба, поэтому с образом счастливой семейной пары будет связаны свадебные атрибуты, в связи с чем мы встречаем лексемы жених, невеста, белое платье, фата: «И платье шилось белое, когда цвели сады» [стихи М. Рябинина, исп. А. Герман], «Увивался ветерок за фатой. // Был жених серьезным очень, // А невеста ослепительно была молодой» [стихи Р. Рождественского, исп. М. Магомаев]; «Серебряные свадьбы негаснувший костер, // Серебряные свадьбы душевный разговор» [стихи С. Шевелевой, исп. В. Толкунова].

Членами семьи являются и ближайшие родственники: бабушка, дедушка, неженатые дети. Советская семья по своему составу нуклеарна. В ментальном сознании русского народа закрепилось правило о том, что человек должен знать родословную, историю и прошлое семьи, откуда пошел род, поэтому важна связь между старшим и молодым поколением: «Бабушка рядышком с дедушкой Столько лет, столько лет вместе»; «Даже старенькие бабушка и дед // Натирают в танце паркет. // Крохотный внучонок хочет идти вослед» [стихи М. Яковлева, А. Кохановского исп. А. Герман]; «Внучка рядышком сидит, ей все знакомы песни, // Она их знает наизусть, поет с бабулей вместе» [стихи Я. Гальперина, исп. В. Толкунова]; «Расплакалась внучка обиженно, // Сердито нахмурился зять – // Спешит на свидание бабушка, // Да как же такое понять!» [стихи Н. Доризо, исп. В. Толкунова].

Ряд приведенных примеров демонстрирует суждение: «Область положительных / отрицательных значений может формироваться за счет коннотативно окрашенных слов, культурно и национально маркированных слов» [Ломакина 2021: 100], благодаря которым можно говорить, что рассматриваемый концепт является ценностным для русской лингвокультуры.

Таким образом, концепт СЕМЬЯ коррелирует с множеством других концептов, наиболее употребительными из которых является ДОМ, ДЕТСТВО. Лингвоаксиологический потенциал советских авторских песен заключается в комплексном изучении концептов песенного дискурса и выявления таким образом ценностных доминант советского гражданина.

Литература

Григорьева Т.А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Копова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремнологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 78-86.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русской ценностной парадигме: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73) № 1. С. 97-107.

Маслова Н.А. Репрезентация концепта детство в советском песенном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 122-126.

Нагибина Е.В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: АН СССР, 1959.

Natalia A. Maslova (Moscow, Russia)

State budgetary educational institution School no. 113 of Moscow

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “FAMILY” IN THE SOVIET SONG DISCOURSE

The article is devoted to the description of phraseological representations of the concept of FAMILY. The research material is the poems of Soviet songwriters. The semantics of the song texts that make up the concept of FAMILY is analyzed. The main groups that make up the concept of FAMILY are highlighted.

Key words: concept, family, conceptosphere, song discourse, ideologeme

Н.А. Овагимян (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
n.ovagimian@yandex.ru*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

В статье приводятся результаты исследования пространственных отношений при эпистемическом конструировании событий в научно-популярном кинодискурсе. Анализ образ-схем группы пространства в речевой и визуальной модальностях позволил выявить их сходные и различительные черты при представлении разных онтологических типов событий.

Ключевые слова: образ-схема, пространство, событие, научно-популярный дискурс, полимодальность

Пространство как одна из фундаментальных когнитивных категорий находит свое регулярное выражение как в языке, так и в других семиотических системах [Кубрякова 2012; Киосе 2023; Coegnarts, Kravanja 2012]. Данная категория по преимуществу визуальна по природе [Mandler, Cánovas 2014] и в полимодальном дискурсе документального кино с необходимостью присутствует в каждом кадре. Как известно, пространство описывает не только и не столько включенные в него объекты, сколько отношения между ними [Levinson 2003], –

именно этот аспект конструирования пространства в документальном кинодискурсе находится в фокусе настоящего исследования. Для его анализа в разных семиотических модальностях (здесь – в речевой и визуальной модальностях) может быть использован метод образ-схем как непропозициональных концептуальных структур, возникающих в результате сенсомоторного опыта человека и благодаря своему топологическому характеру способных составлять основу для выражения не только конкретных, но и более абстрактных значений [Johnson 1987; Oakley 2010]. В группу образ-схем, выражающих пространственные отношения, входят следующие: SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT, SCALE, NEAR-FAR, UP-DOWN, FRONT-BACK, STRAIGHT и LEFT-RIGHT [Clausner, Croft 1999; Evans 2007; Hurtienne, Blessing 2007].

В работе образ-схемы группы ПРОСТРАНСТВО изучаются как конструирующие три типа событий: события окружающей среды, события взаимодействия человека и окружающей среды и события взаимодействия людей между собой. Предположительно, образ-схемы данной группы могут значимо различать события трех типов с учетом их реализации в речевой и визуальной модальностях документального научно-популярного фильма. Материалом анализа стала экспозиция (как самостоятельный компонент документального кино) двух научно-популярных фильмов на английском языке. В совокупности экспозиция представлена в речевой модальности в 194 клаузах; в каждой из них идентифицированы образ-схемы конструирования пространства. Далее были исследованы синхронизированные с каждой клаузой кадры с точки зрения типа события и образ-схемы ПРОСТРАНСТВА. При этом для данного исследования было важно наличие или отсутствие той или иной образ-схемы, а не количество ее использований. Данные были обработаны средствами описательной и аналитической статистики. Для выделения образ-схем в речевой модальности мы обращались как к этимологии слова, так и к его значению в современном английском языке. Так, например, в клаузах ниже выражаются пространственные отношения, составляющие основу образ-схем: а) ... *it can eject tiny champagne jet up to several centimetres above the surface* (SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, NEAR-FAR, UP-DOWN); б) ... *on average each person in Britain has a one-in-a-million daily chance of some kind of violent or accidental death* (SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT, SCALE, NEAR-FAR, UP-DOWN); в) ... *that are pushing back the boundaries of science* (SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, NEAR-FAR, FRONT-BACK).

Приведем основные результаты исследования. Самыми частотными образ-схемами в изображении для всех трех типов событий стали: SOURCE-PATH-GOAL, UP-DOWN и LEFT-RIGHT, что представляется естественным, так как кино являет собой ряд динамических изображений, где объект меняет свое место пространстве, проходя некоторый путь, а его направление задается по преимуществу некоторой двухмерной системой координат по плоскости экрана. Именно эти образ-схемы, наряду с образ-схемой CONTACT, которая находится на четвертом месте по частотности для событий окружающей среды и событий взаимодействия людей между собой, не продемонстрировали способности значимо различать типы событий. Результаты тестов для связанных выборок показывают

значимые различия между событиями трех типов в двух образ-схемах: SCALE (Student's t-test (2) = 5.36, p=.033) и NEAR-FAR (Student's t-test (2) = 4.61, p=.044). События взаимодействия человека и окружающей среды, в отличие от двух других типов события, заметно реже конструируются с помощью образ-схемы SCALE; события окружающего мира чаще конструируются с помощью схемы NEAR-FAR. Образ-схема STRAIGHT демонстрирует близкие к значимым различия между событиями (Student's t-test (2) = 4.16, p=.053), подобную тенденцию также имеют образ-схемы FRONT-BACK (Student's t-test (2) = 3.04, p=.093) и CENTRE-PERIPHERY (Student's t-test (2) = 3.03, p=.094).

И в речи, и в изображении именно образ-схемы SCALE и NEAR-FAR демонстрируют способность различать типы событий, при этом для всех типов событий в обеих модальностях эти образ-схемы чаще не используются, чем используются. Но если в речи SCALE меньше всего используется для события взаимодействия людей между собой (3,6% случаев), то в кадре – для события взаимодействия человека и окружающей среды (8,3% случаев). Такую тенденцию можно связать с тем, что в речевой модальности ведущий редко представляет фильм (мир дискурса), выражая оценочность, смещая ее на основные события фильма (события мира истории). Что касается визуальной модальности, но нужно отметить, что в двух взятых экспозициях демонстрируются преимущественно кадры окружающего мира (предметы обсуждения) с активным участием ведущего.

Так, клауза *Today, San Francisco is its usual laid-back and beautiful self*, выражающая образ-схемы SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, NEAR-FAR, UP-DOWN, сопровождается в визуальной модальности тремя кадрами (т. е. тремя событиями) окружающей среды (Рис. 1), где масштаб последовательно уменьшается от первого к третьему кадру (образ-схема SCALE), кроме того, в данных кадрах можно выделить образ-схемы SOURCE-PATH-GOAL, CONTACT, NEAR-FAR, UP-DOWN, LEFT-RIGHT.

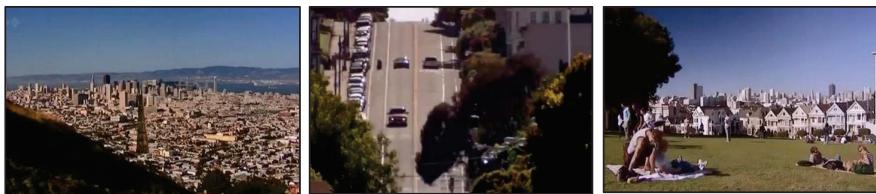

Рис. 1. Кадры, сопровождающие клаузу *Today, San Francisco is its usual laid-back and beautiful self*.

Выражение образ-схемы SCALE может быть выделено и в пределах одного кадра, как на Рис. 2, когда камера отходит все дальше от спасательной операции, тем самым увеличивая обзор.

Рис. 2. Кадр, сопровождающий клаузу
...being saved from disaster...

Рис. 3. Кадр, сопровождающий клаузу
At a bubble the ocean and the atmosphere meet...

Для образ-схемы NEAR-FAR в речи события окружающей среды и события взаимодействия человека и окружающей среды демонстрируют сходные показатели (40,7% и 41,3% соответственно), тогда как в изображении близки по частотности события взаимодействия человека и окружающей среды (23,3%) и события взаимодействия людей между собой (20,75%). В речи при конструировании событий взаимодействия людей между собой образ-схема NEAR-FAR реализуется в основном в вопросительных предложениях, которые одновременно выражают и событие одного из двух остальных типов. В изображении события окружающего мира предстают в динамике трехмерного пространства, тогда как события взаимодействия человека и окружающей среды и события взаимодействия людей между собой представлены по большей части в более статическом изображении (например, ведущий или человек, у которого берут интервью, смотрит в кадр или на кого-то за кадром). Так, в кадре на Рис. 3 можно выделить событие окружающей среды, которое представляется с помощью образ-схем SOURCE-PATH-GOAL, CONTACT, NEAR-FAR, UP-DOWN, FRONT-BACK. В речи в клаузе «*At a bubble the ocean and the atmosphere meet...*» выделяются те же образ-схемы, кроме последних двух.

Таким образом, речевая и визуальная модальности в научно-популярном документальном кино продемонстрировали как сходства в представлении событий с помощью образ-схем группы пространства, так и различия. Различия отчасти связаны со свойствами самих этих модальностей (affordances), отчасти обусловлены характером представления самих событий. Образ-схемы выражают не столько пространство как нечто однородное и неконкретизированное, сколько пространственные отношения, особенно в том, как изменяется положение какого-то объекта относительно начального пункта движения, а также относительно субъекта концептуализации события.

Литература

- Киосе М.И. Теории образ-схем как инструмент полимодальных исследований // Германстика-2022: nove et nova. М.: МГЛУ, 2023. С. 136-140.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М: Языки славянской культуры, 2004.
- Clausner T.C., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive Linguistics. 1999. Vol. 10 (1). Pp. 1-31.
- Coëgnaerts M., Kravanja P. The visual and multimodal representation of time in film, or How

time is metaphorically shaped in space // Image and narrative online magazine of the visual narrative. 2012. T. 13. No. 3. Pp. 85-100.

Evans V. Glossary of cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Hurtienne J. et al. Design for Intuitive Use-Testing image schema theory for user interface design // DS 42: Proceedings of ICED 2007, the 16th International Conference on Engineering Design, Paris, France, 28.-31.07. 2007. 2007. Pp. 829-830 (exec. Summ.), full paper no. DS42_P_386.

Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Mandler J.M., Cánovas C.P. On defining image schemas // Language and cognition. 2014. Vol. 6. No. 4. Pp. 510-532.

Oakley T. Image schemas // The Oxford handbook of cognitive linguistics / D. Geeraerts, H. Vuyckens (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 214-235.

Nare Armeni Ovagimian (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SPACE CONSTRUAL IN THE MULTIMODAL DISCOURSE OF SCIENCE DOCUMENTARIES

The article presents the results of a study into the spatial relations involved in the epistemological construal of events in popular science film discourse. The analysis of SPACE image schemata in speech and visual modalities allowed us to identify their similar and distinctive features when representing different ontological types of events.

Key words: image schema, space, event, popular science discourse, multimodality

В.И. Орлова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
Т.В. Хвесько (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
t.v.khvesko@utmn.ru

СТРУКТУРА ЭМОТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»

В статье рассматривается произведение Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» с целью выявления лингвистических моделей, представляющих эмотивные доминанты сознания, вызывающие у читателя определенные эмоциональные реакции. Взгляд на языковые явления с позиции когнитивной лингвистики предполагает осознание уникальности индивидуального восприятия явлений природы писателем, понимание неразрывной связи языка и сознания.

Ключевые слова: автобиографический текст, художественный концепт, восприятие, эмотивная доминанта, сознание

Написать текст так, чтобы вызвать отклик у читателя – важнейшая задача любого писателя. Искреннее описание эмоций и переживаний – это большое искусство, которое требует ясности мысли, искренности, честности и большой любви к жизни. Антропоцентрический подход, направленный на выявление процессов формирования художественной концептосферы, является неотъемлемой

частью изучения авторского произведения Э. Хемингуэя. Неоднозначное толкование и расплывчатость таких понятий как «эмотивная доминанта», «моделирование художественного концепта» в лингвистических работах предопределяют рассмотрение автобиографического текста как целостного образования в единстве сознания, эмоций и коммуникативных интенций автора.

Актуальность исследования состоит в возможности раскрытия моделей текстовых образов, которые вызывают отклик у читателя. Это происходит в результате метафорического и метонимического переосмысления значения языковых единиц и преобразования концептуально-категориальных знаний в процессе восприятия мира [Хвесько, Нагель, Басуева 2021]. Грустное, порою мрачное настроение часто ассоциируется в воспоминаниях Э. Хемингуэя с осенью, холодной дождливой погодой, остывшим, не протопленным жилищем: *bad weather, cold wind, sodden leaves, shut windows at night, cold chimney*. Мотив холода и грусти мгновенно омрачает воспоминания о Париже осенью, когда он становится унылым, с мокрыми черными улицами, зловонными кафе и дурно пахнущими всегдашними: *the sadness of the city, the wet blackness of the street, strong odor, ill-smelling*. Однако творчество и успешно завершенная работа наполняли писателя силой, разворачивая осознание красоты, приятных ощущений и теплых воспоминаний: *a pleasant café, a wonderful rum, warm spirit, a pretty girl with a fresh face, feeling happy, making plans*.

Наше исследование позволяет понять механизмы создания выразительных текстов, а также проанализировать, как использование стилистических приемов влияет на восприятие текста читателем. В статье показано, как осуществляется соотношенность метафоры с конкретным воспринимаемым явлением природы, где моделирование художественного концепта отражает авторское восприятие мира, что актуально в рамках общей проблемы антропоцентризма. Хемингуэй – мастер слова, способный с помощью даже нескольких слов вызвать у читателя сильнейший эмоциональный отклик. В наши дни выражение «стиль Хемингуэя» часто используется для обозначения стиля прозы, который отличается простотой, прямой, ясностью, непосредственностью и естественностью изложения. На поверхности – малая часть внешних проявлений, а в глубине – их основная суть и психологическое значение. В произведениях Хемингуэя все описывается лаконично и просто, но в глубине скрывается гораздо больше смысла:

«Когда в городе так много деревьев, кажется, что весна вот-вот придет, что в одно прекрасное утро ее неожиданно принесет теплый ночной ветер. Иногда холодные проливные дожди заставляли ее отступить, и казалось, что она никогда не вернется и что из твоей жизни выпадает целое время года. Это были единственные по-настоящему тоскливые дни в Париже, потому что все в такие дни казалось фальшивым. Осенью с тоской миришься. Каждый год в тебе что-то умирает, когда с деревьев опадают листья, а голые ветки беззащитно качаются на ветру в холодном зимнем свете» [Хемингуэй 1990].

Читая этот грустный отрывок, невольно ощущаешь тоску, печаль. Эта хитрая уловка писателя, сотканная из хорошо подобранных эмоционально окрашенных

прилагательных, и есть та самая ценность, за которой мы открываем талант писателя. Влияние природных явлений на настроение Хемингуэя, как и многих творческих личностей, можно часто встретить на страницах его произведений.

Лингвокогнитивная модель анализа полимодальных параметров текста, основанная на методологических разработках в области когнитологии, подразумевает декодирование авторского текста, интенции автора на уровне текста. В первую очередь анализируется функционирование непреднамеренных отсылок к существующим объектам действительности (*тоскливо, фальшиво, беззащитно, что-то умирает, выпадает из жизни...*), включается выделение когнитивных доминант (призм восприятия) авторского сознания в тексте произведения, устанавливаются соотношения индивидуально-авторских и социокогнитивных закономерностей формирования доминанты в сознании автора: желание изменить действительность, сделать погоду приятной, вдохновляющей на творческое соиздание, а не на увядание: *«Теперь, когда наступили дожди, мы можем на время уехать из Парижа туда, где не дождь, а снег падает сквозь сосны и устилает дорогу и склоны гор, где он будет поскрипывать под ногами, когда мы будем возвращаться вечером домой. У подножия Лез-Авана есть шале, где прекрасно кормят, где мы будем вдвоем и с нами будут книги, а по ночам нам будет тепло вдвоем в постели, и в открытые окна будут сиять звезды»* [там же].

В этом микроконтексте совмещаются визуальный, соматический (внутреннее ощущение), а также пространственный модусы (*уехать туда, где падает снег, будем возвращаться домой, где прекрасно кормят, с нами будут книги, тепло вдвоем в постели, сиять звезды...*).

Интересен язык произведений, которым автор описывает окружающую действительность. Хемингуэю удалось создать собственный неповторимый стиль. Своеобразный лаконизм его прозы поражает воображение профессионалов, пытавшихся определить, как достигается высшая выразительность при минимуме художественных средств [Морозова 2022]. В последнее время в связи с антропоцентрическим подходом к анализу художественных текстов все больше внимания когнитологи уделяют непосредственной связи ментальных процессов текстоформирования (многоступенчатая схема конструирования текста) [Беляевская 2023] и полимодальности: визуальным, и аудиальным (звуки), тактильным (касания), обонятельным, вкусовым и соматическим (боль, физические ощущения) модусам [Петухова, Хомякова 2023]. Стоит отметить, что принцип «айсберга» не уменьшает впечатления читателя от текста, а наоборот наполняет контекстом, некой недосказанностью, что доказывает постмодернистский постулат о важности восприятия текста именно читателем: *«Весной я обычно работал рано утром, когда жена еще спала. Окна были распахнуты настежь, и булыжник мостовой просыхал после дождя. Солнце высушивало мокрые лица домов напротив моего окна. В магазине еще не открывали ставен. Пастух гнал по улице стадо коз, играя на дудке, и женщина, которая жила над нами, вышла на тротуар с большим кувшином. Пастух выбрал черную козу с набухшим выменем и подоил ее прямо в кувшин»* [Хемингуэй 1990].

Обрывистое, бесфабульное повествование, отсутствие единого канала восприятия, лингвистическая вариативность и многообразие – характерный почерк великого писателя. Хемингуэй смог сформировать повествование естественное и простое на первый взгляд, на самом деле наполненное философией и глубоким смыслом. Эмотивная доминанта превалирует, когда автор моделирует восприятие окружающего мира в сознании (пробуждение, свежесть, полнота жизни) и свой личностный опыт в коммуникативной реализации текста. Анализ автобиографического текста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» показывает, что авторское самовыражение проявляется благодаря эмотивной доминанте, доминанта – через многообразное восприятие образов действительности (визуальное, аудиальное, тактильное, эмотивное и пространственное). Автор моделирует их по-своему эмоционально, используя такие стилистические приемы как метафора, пространственная конфигурация, эмотивность. Автор мыслит в тексте образами. Образ как категория сознания связан непосредственно с восприятием мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 43-53.

Беляевская Е.Г. О бинарной структуре когнитивных оснований текстостроения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 18-26.

Морозова С.А. Особенности авторского стиля Эрнеста Хемингуэя / С.А. Морозова, С.В. Лобанов // Наукосфера. 2022. № 11-2. С. 354-359.

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Художественный концепт NATURE в аспекте лингвосенсорики: актуализация эмотивного смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 78-88.

Хвесько Т.В., О.В. Нагель О.В., Басуева Н.Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода // Язык и культура. № 53. 2021. С. 81- 93.

Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: Политиздат, 1990.

Valeriia I. Orlova (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

Tamara V. Khvesko (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

STRUCTURE OF EMOTIVE DOMINANTS IN E. HEMINGWAY'S NOVEL "A MOVEABLE FEAST"

The article studies Ernest Hemingway's work "A Moveable Feast" in order to identify linguistic models that represent emotive dominant of consciousness that evoke a certain emotional response in a reader. A look at linguistic phenomena from the perspective of cognitive linguistics presupposes awareness of the uniqueness of the writer's individual perception of the world, understanding of the inextricable connection between language and consciousness.

Key words: autobiographical text, art-concept, perception, emotive dominant, consciousness

Л.В. Порохницкая (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
lidie@list.ru*

М.О. Чирвоная (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
mchirvonaya@list.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ- РЕКЛАМЫ, СВЯЗАННОЙ С ПОТРЕБЛЕНИЕМ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ)

В статье рассматриваются концептуальные принципы конструирования эвфемистического смысла лингво-визуальных комплексов рекламной направленности, связанных с потреблением алкогольной продукции в английском языке.

Ключевые слова: лингво-визуальный комплекс, эвфемизация, концептуальная метафора, концептуальная метонимия

В последние десятилетия внимание многих исследователей, работающих в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, стали привлекать различные аспекты создания и декодирования смысла креативных лингво-визуальных комплексов, фигурирующих в разных типах дискурса. На сегодняшний день существует некоторое количество работ, в которых подробно описаны принципы конструирования и функционирования мультимодальных комплексов в Интернет-коммуникации [Канашина 2016], кинодискурсе [Коротеева, Железникова 2022], анимации [Asseel 2020] и т. д. В рамках рекламного дискурса на материале разных языков представляются достаточно хорошо изученными принципы взаимодействия нескольких модусов для создания определенного прагматического посыла, преследующего коммерческие или пропагандистские цели [Вильданова 2019], однако концептуальные принципы реализации эвфемистических стратегий на уровне мультимодальных комплексов в данном типе дискурса до сих пор оставались за рамками предпринятых исследований.

Приступая к изучению концептуальных принципов конструирования смысла мультимодальных эвфемистических комплексов, созданных с рекламными целями, мы исходили из положения о том, что базовыми механизмами формирования семантики вербального эвфемизма любой степени сложности и устойчивости являются концептуальная метафора и метонимия [Порохницкая 2015]. Мы полагаем, что при создании креативного лингво-визуального комплекса, содержащего как языковой, так и графический компоненты, актуализация концептуально-метафорических и концептуально-метонимических моделей репрезентации рекламируемого товара, услуги или образа жизни должна обнаруживать определенную специфику, обусловленную интеракцией указанных элементов, в большинстве случаев выступающих как единое целое.

В качестве материала для анализа мы отобрали 47 англоязычных образцов рекламы, объединенных темой потребления спиртных напитков (среди них 9 социальных и 38 коммерческих).

Как пример социальной рекламы рассмотрим Интернет-плакат, призывающий молодежь контролировать потребление спиртного во время совместного досуга (вечеринки, свидания и т. д.) (см. Рис.1).

Рис. 1. (Pennsylvania Liquor Control Board's «Control Tonight» campaign on binge drinking)

Социальный посыл Интернет-плаката представляет собой результат интеракции вербального элемента («She's got a date with a porcelain prince») и визуального (неспособная стоять на ногах нарядная девушка облокачивается на унитаз). Языковой компонент, данный крупным шрифтом, находящийся в фокусе плаката, поддерживается текстом, напечатанным более мелким шрифтом, в котором содержится призыв контролировать поведение друзей, злоупотребляющих алкоголем, так как ситуация в любой момент может выйти из-под контроля и иметь опасные последствия. Отличительной чертой подобных лингво-визуальных комплексов социальной направленности можно считать отсутствие языковых единиц, прямо указывающих на эвфемизируемое явление (сильную степень алкогольного опьянения). В данном случае основную прагматическую нагрузку несет окказиональное эвфемистическое сочетание to have a date with a porcelain prince, семантика которого конструируется посредством активизации метафорического представления об алкогольном отравлении как о свидании с фарфоровым принцем*. Инференция значения данного эвфемизма становится возможной благодаря визуальному компоненту, репрезентирующему нарядную девушку, которая оказалась в неожиданной для себя ситуации.

Наглядным примером коммерческой рекламы алкогольной продукции с эвфемистическим посылом может служить рекламный плакат известного шотландского бренда виски «Сэр Эдвардс» (см. Рис. 2).

* Следует отметить, что описанный образ представляет собой сложную концептуальную конфигурацию, в которой важную роль также играет метонимический концепт ФАРФОР, эвфемистически репрезентирующий бытовую сантехнику.

Рис. 2. URL: <https://www.thespiritsbusiness.com/2020/08/sir-edwards-campaign-celebrates-scottish-roots>.

Положительный перлокутивный эффект этого постера создается благодаря интеракции вербального элемента (Sir Edward's Scotland in a glass) и визуального (умиротворяющий пейзаж Шотландии, мужчина в килте, наслаждающийся напитком и прекрасными видами). Такой прагматический эффект является результатом одновременной актуализации концептуальной метонимии как на уровне языкового компонента (шотландский виски эвфемистически репрезентируется путем апеллирования в обобщенному концепту STOTLANDIA, являясь в данном случае его подконцептом, метонимический концепт СТАКАН репрезентирует алкогольный напиток), так и на визуальном уровне (колени и рука репрезентируют мужчину, килт олицетворяет шотландца, напиток в стакане – это виски «Сэр Эдвардс», налитый из бутылки, изображенной на постере).

На современном этапе исследования возможно сделать несколько предварительных выводов:

- многие рекламные Интернет-постеры как социальной, так и коммерческой направленности представляют собой эвфемистические лингво-визуальные комплексы, в которых интеракция вербального и визуального компонентов позволяет донести до адресата определенный месседж, отвечающий интенции создателей рекламы;

- в большинстве рекламных Интернет-постеров ведущим можно считать только один из двух базовых когнитивных механизмов конструирования эвфемистического посыла – концептуальную метафору или концептуальную метонимию;

- концептуальная метафора и концептуальная метонимия выполняют функцию основного связующего элемента между компонентами вербального и визуального модусов;

- для создания Интернет-плакатов социальной направленности, пропагандирующих отказ от чрезмерного потребления алкоголя, более продуктивен механизм концептуальной метафоры, который, работая на гиперболизацию, позволяет донести желаемый месседж до адресата. В коммерческой рекламе алкогольной продукции ведущим механизмом следует признать концептуальную метонимию, которая, смягчая негативные стороны рекламируемого товара, одновременно фокусирует внимание потенциальных покупателей на его положительных аспектах.

На данном этапе изучения концептуальных механизмов полимодальной эвфемизации остается не совсем ясным, какой из двух модусов (визуальный или вербальный) является ведущим при создании определенного эвфемистического

посыла. Можно ли говорить о взаимной адаптации знаков разных модусов в рамках эвфемистических лингво-визуальных комплексов, или вербальный и визуальный компоненты всегда остаются в достаточной степени самостоятельными? На эти и другие вопросы мы планируем ответить в наших дальнейших работах.

Литература

Вильданова Г.А. Реализация табуированных смыслов в современном мультимодальном медиадискурсе // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы XI Международной научно-методической конференции, Уфа, 20 июня 2019 года / под ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: Уфимский гос. авиационный технический ун-т, 2019. С. 45-50.

Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Коротеева В.В., Железникова Н.В. Полимодальный и лингвистический аспекты исследования межсемиотической адаптации эвфемизмов // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 76. С. 76-104.

Порохницкая Л.В. Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем // Вестник МГЛУ. Языкознание. Вып. 12 (723). 2015. С. 159-164.

Asseel D. Seeing the unseen: euphemism in animated films: a multimodal and critical discourse study. Lancaster: Lancaster University, 2020.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago University Press: Chicago, 1980.

Lydia V. Porokhnitskaya (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Maryia O. Chyrvonaya (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL ASPECTS OF MULTIMODAL EUPHEMIZATION (A STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE INTERNET ADVERTISING RELATED TO THE CONSUMPTION OF ALCOHOL BEVERAGES)

The current article focuses on the conceptual principles of constructing the euphemistic meaning of linguo-visual advertising complexes in English related to the consumption of alcoholic products.

Key words: linguo-visual complex, euphemization, conceptual metaphor, conceptual metonymy

В.О. Потехин (Москва, Россия)

Дипломатическая академия МИД Российской Федерации

vadim.nebarsuk@gmail.com

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИММЕРСИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ

На основании эмпирических данных, полученных в ходе проведенного полимодального эксперимента, в статье предлагается подход к оценке иммерсивности коммуникации через дискурсивные схемы. Экспериментально установлено проявление иммерсивности в полимодальном единстве речи, жеста и глагодвигательного поведения.

Ключевые слова: иммерсивная коммуникация, дискурсивная схема, жест, глагодвигательное поведение, полимодальность

Активное развитие новых форм визуализации данных с помощью технологий 3D-моделирования требует выработки методологических решений, способных более прицельно оценить и спрогнозировать влияние технологической среды на задействованные коммуникативные и когнитивные модальности говорящего, как-то: речь, жест и глазодвигательное поведение. В настоящем экспериментальном исследовании разрабатывается модель оценки иммерсивности коммуникации через изучение синхронизированной адаптации речи (реализованной в дискурсивных схемах нарратива, дескриптива, экспозитива и аргументатива), функциональных типов жестов (прагматического, репрезентирующего, дейктического и адаптора) и глазодвигательных показателей (длительность фиксации и длительность, амплитуда, среднее ускорение и скорость саккад) в условиях предъявления динамического 3D-стимула. Поскольку реализация полимодального поведения участников эксперимента обусловлена технологическим фактором, можно говорить об *иммерсивном* потенциале коммуникативной ситуации: испытуемый, «погруженный» в VR-среду, становится ее соучастником.

Привлеченный стимульный материал имитирует нахождение испытуемого в виртуальной среде, атрибуты которой соотносятся с ординарным пространством – трехмерностью и предметностью. Предположительно, эти категории будут сконструированы в речи (персональный, временной и пространственный дейксис) и жестах (форма, ось, размер и т. д.) говорящего. Опираясь на способы репрезентации пространства, мы соотнесли типы дейксиса с дискурсивными схемами, посредством которых дейктические координаты будут сконструированы в речи. Так, временному дейксису будут соответствовать дискурсивные схемы нарратива [Mandler, Johnson 1977]: исходные компоненты повествования, исходные события, цели героев, продвижение к целям и конечные результаты. Персональный дейксис будет представлен в речи дискурсивными схемами экспозитива и аргументатива. К первым относятся формулирование точки зрения, презентация точки зрения, сравнительно-сопоставительные отношения, причинно-следственные отношения, отношения по типу «задача-решение» [Nippold, Scott 2010]. Аргументатив реализуется в речи посредством следующих дискурсивных схем [Eemeren 2010]: интродукция точки зрения, установление исходных позиций дискурса, выдвижение аргументов, представление результатов. Наконец, пространственный дейксис может быть соотнесен с классификацией дискурсивных схем дескриптива, предложенной в работе [MacSavenu 2010]: собственно описание, фон, уточнение / детализация.

Дискурсивные схемы представляют собой набор свойственных данному дискурсу конституирующих элементов, эксплицированных в дискурсивных маркерах. Например, дискурсивная схема дескриптива **СОБСТВЕННО ОПИСАНИЕ** реализуется в использовании предикатов экзистенциональной семантики, маркирующих бытийность (*выглядит еще более завораживающим; видно желтую шляпу*); схема **ФОН** – в использовании глаголов, репрезентирующих внешнюю перспективу (*оператора немножко шатает; камера фокусируется на небе*), в языковых образцах вещного наполнения пространства (*шкаф, кровать, стулья*

желтые); схема УТОЧНЕНИЕ/ДЕТАЛИЗАЦИЯ – в словах и выражениях с акцентуацией места объекта или события (*шкаф стоит слева; чемоданчик сейчас передо мной*), в языковых средствах фокусирования характеристики субъекта, объекта или действия (*стены... голубоватые такие; переливающаяся волна; как Алиса в кроличью нору; кругом домишки*).

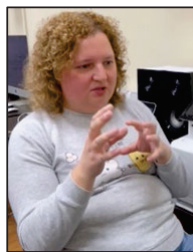
В качестве методологического решения для аннотации жестового поведения говорящих была выбрана концепция функциональных типов жестов [Iriskhanova, Sienki 2018], успешно апробированная на материале экспериментальных исследований, в которых устанавливается дискурсивный характер жестов [Kiose et al. 2022].

Глазодвигательные параметры испытуемых (длительность фиксаций и длительность, амплитуда, среднее ускорение и скорость саккад) были зарегистрированы при помощи айтрекера SMI iView X RED 4 (FireWire), установленного под экраном со стимульным материалом.

На Рис. приведен пример синхронизированного использования речи, жеста и глазодвигательного события (фиксация на небе, отмеченная зеленым кругом) при реализации дескриптивной схемы СОБСТВЕННО ОПИСАНИЕ. Так, мы наблюдаем использование дискурсивного маркера *в движении находятся*, который сопровождается репрезентирующим жестом (имитирующим круговое движение) в момент фиксации на виртуальном облаке.

Речь: ну, *краски такие очень интересные и они постоянно в движении находятся*

Жест: репрезентирующий

Рис. Реализация дескриптивной схемы СОБСТВЕННО ОПИСАНИЕ на этапе с предъявлением стимульного материала

Предположительно, установление влияния технологического фактора на выбор полимодальных единств будет способствовать выработке методологического решения для изучения иммерсивного потенциала коммуникативной среды. В ходе эксперимента был разработан ряд гипотез, верифицируемых с привлечением показателей распределения частотности дискурсивных схем, жестов и глазодвигательных показателей; также во внимание принимается тип личности участников (уровень интро- / экстраверсии). Так, Гипотеза 1 постулирует наличие корреляции между дискурсивными схемами, жестами и глазодвигательными параметрами на этапе с предъявлением стимульного материала. Результаты корреляционного анализа (с привлечением коэффициента Спирмена) указывают на наличие обратной взаимосвязи между нарративными, дескриптивными схемами

и длительностью фиксаций, средним ускорением и скоростью саккад. Полученные данные позволили нам установить особенности адаптации речи и глазодвигательного поведения в режиме взаимодействия «Человек–Компьютер». На этапе с предъявлением стимульного материала при реализации нарративных и дескриптивных схем взгляд испытуемых становился «блуждающим» (без длительных фиксаций на виртуальных объектах). Это наблюдение дополняет результаты, полученные в [Wolfe, Woordwyk 2010], о том, что реализация дискурсивных схем с меньшей когнитивной нагрузкой (в отличие от экспозитива и аргументатива) требует меньшей визуальной опоры.

Экспериментально подтверждено [Beukeboom et al. 2013], что помимо технологической обусловленности воспринимаемого стимула на его перцепцию и конструирование в речи может влиять тип личности испытуемого (уровень его интро-/экстраверсии). Руководствуясь Гипотезой 2, мы предположили, что тип личности влияет на выбор дискурсивных схем, функциональных типов жестов и глазодвигательное поведение испытуемых. Результаты корреляционного анализа (коэффициент Спирмена для параметрических и коэффициент Пирсона для непараметрических выборок) выявили прямую взаимосвязь между экстраверсией испытуемых, аргументативными схемами, жестами-адапторами и средним ускорением саккад. Полученные данные подтверждают экспериментально доказанное положение [Beukeboom et al. 2013] о том, что уровень языковой абстракции (дискурсивные схемы аргументатива) коррелирует с экстраверсией говорящего.

В целом в исследовании мы экспериментально показали, что оценку степени иммерсивности можно произвести с опорой на 4 типа дискурса, где проявление большей степени иммерсивности сопряжено с увеличением количества (проявления в речи) аргументативных схем, сопровождающихся средним ускорением саккад в глазодвигательном поведении и увеличением количества жестов-адаптеров в жестовом поведении у участников с экстравертным типом личности. Увеличение количества схем нарратива и дескриптива в условиях иммерсивной коммуникации, напротив, сопровождается снижением активности таких глазодвигательных параметров как длительность фиксаций, среднее ускорение и скорость саккад.

В заключение стоит отметить, что предложенное в статье методологическое решение для оценки потенциала иммерсивности коммуникации может быть применено исследователями в различных областях знания, от психологии до юзабилити, так как позволяет прогнозировать степень «погружения» человека в информационное событие, а также определять эту степень по его полимодальному поведению.

Литература

Beukeboom C.J., Tanis M., Vermeulen I.E. The Language of Extraversion: Extraverted People Talk More Abstractly, Introverts Are More Concrete. *Journal of Language and Social Psychology*, 2013. No. 32 (2). Pp. 191-201.

Mandler J.M., Johnson N.S. Remembrance of things parsed: Story structure and recall // *Cognitive Psychology*. 1977. No. 9 (1). Pp. 111-151.

Nippold M.A., Scott C.M. (eds). *Expository discourse in children, adolescents, and adults: Development and disorders*. 2010. New York: Psychology Press.

van Eemeren F.H. Strategic maneuvering. Extending the pragma-dialectical theory of argumentation // *Argumentation in context 2*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2010.

Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995.

Iriskhanova O.K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. No. 4 (57). Pp. 25-36.

Kiose M., Leonteva A., Agafonova O. Aesthetic multimodality of speech and gesture: Towards its functional framework // *Languages and Modalities*. 2022. No. 2. Pp. 1-17.

Wolfe M.B.W., Woodwyk J. Processing and memory of information presented in narrative or expository texts // *The British Journal of Educational Psychology*, 2010. No. 80 (3). Pp. 341-362.

Vadim O. Potekhin (*Moscow, Russia*)

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MULTIMODAL ASSESSMENT OF IMMERSIVITY IN A COMMUNICATION ENVIRONMENT

Based on empirical data drawn from a multimodal study, this paper develops the approach to assessing immersivity through the notion of discourse schemata. The study established the manifestation of immersivity in the multimodal synchronicity of speech, gesture and gaze.

Key words: immersive communication, discourse schema, gesture, gaze behaviour, multimodality

А.А. Ржешевская (*Москва, Россия*)

Московский государственный лингвистический университет

arlen_nastya@rambler.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

В статье исследуются невербальные средства создания образов субъекта, события и места действия в письменном и устном постановочном драматургическом дискурсе в плане автор – читатель и в плане автор – режиссер – актер: сценические декорации, мимика, жесты головы и рук, движения и перемещения персонажей по сценическому пространству. Перечисленные средства осуществляют конструирование самобытного микроклимата произведения и экспрессивность действующих лиц.

Ключевые слова: невербальные средства, сценическое пространство, жесты, мимика, драматургический дискурс, конструирование

Исследование посвящено изучению невербальных средств в плане автор – режиссер – актер и автор – читатель драматургического произведения, которые присутствуют в авторских ремарках и сеттингах, и таким образом участвуют в конструировании образов персонажей, места действия и события пьесы с точки зрения нарратора [Zeman 2016]. Невербальные знаки, являясь неотъемлемой частью коммуникации, детализируют художественный образ персонажа, несут в себе дополнительную информацию о характере и эмоциональном состоянии

* Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Полиmodalный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса», № АААА-А20-120071690041-3.

субъекта. По В.Э. Мейерхольду, невербальная репрезентация персонажа имеет столь же равноценное значение, как и вербальное воплощение в пространстве спектакля [Мейерхольд 1968].

В драматургии особая роль невербальных средств отводится, в частности, интонации, артикуляции, передвижению на сцене, отточенности движений и поз, мимике и жестам [Логинова, Ржешевская 2021]. Интонация и жестикаляция способны передать «психологическую правдивость» персонажа, подчеркнуть его индивидуальные особенности, а также в целом охарактеризовать те невербальные приемы, которые характерны для данного этапа развития театрального искусства. Например, спокойная плавная жестикаляция характерна для положительных персонажей или подчеркивала сдержанное благородство в то время, как суетливые движения, а также резкие громкие звуки становились отличительной чертой персонажей низшего положения [Цибуля 2018]. К невербальным средствам создания образа также можно отнести и особенности организации и использования сценического пространства, его наполненность культурными и социальными смыслами, наличие и тип мебели, элементов дизайна. Смысловая нагрузка всех элементов оформления и декорирования пространства несет дополнительную информацию о персонаже, его вкусовых предпочтениях, темпераменте и других чертах [Крейдлин 2002]. Выбор позы и жестов во время коммуникации определяется особенностями взаимоотношений между коммуникантами, будь то общение между знакомыми людьми, настроенными на беседу; диалог между малознакомыми или незнакомыми людьми, проявляющими желание общения; взаимодействие между незнакомыми людьми, не ожидающими какого-либо коммуникативного взаимодействия или не желающими его [Крейдлин 2011].

Цель настоящей работы заключается в определении набора невербальных средств, применяемых автором / режиссером в конструировании образов субъекта (персонажа), события или действия, места действия. Материалом исследования являются микро дискурсивные единицы – авторские ремарки и сеттинги, сопровождающие реплики персонажей в письменном дискурсе, и невербальные средства экспрессии, сопутствующие репликам персонажей-актеров постановочного дискурса. Примером формирования невербальной экспрессии служит пьеса «Гнездо глухаря» В. Розова и одноименная телевизионная версия спектакля. Так, авторский нарратив в сеттинге к первому действию содержит элементы конструирования места действия: *В квартире Судаковых. Столовая, обставленная добротной мебелью, и кабинет хозяина дома Степана Алексеевича. <...>*. Локальный сеттинг позволяет детерминировать иерархические взаимоотношения в семье (*кабинет хозяина дома*), материальное положение (*добротной мебелью; массивный письменный стол; кожаный диван*), профессиональную деятельность членов семьи, вероятно связанную с путешествиями, работой за рубежом или представителями зарубежных стран (*всевозможные фигурки, маски черного дерева, перья каких-то неведомых птиц, яйцо страуса, огромный кокосовый орех <...>*), наличие артефактов российской религиозной традиции (*целый ряд древнерусских икон*).

Особенности невербального поведения персонажей пьесы отражены в авторских ремарках, которые передают ментальное действие (*задумался; думая, что бы еще сказать*); мимику (*быстро пробежал глазами письмо; продолжает осматривать комнату; видя воинственный вид Прова; рассматривает фотографию*); жесты головы (*поднимая голову; кивнула в сторону кабинета; кивнув на письма; Егор кивнул головой в знак согласия*); дейктические жесты (*показав на иконы; показал пальцем*); прагматические (эмфатические) жесты (*закрывает лицо руками; махнул рукой; обхватила Егора руками*); репрезентирующие жесты (*достает из сумки бумаги; вынимает из сумочки платок и забавную игрушку*). Сопровождение реплики персонажа-актера разнообразными жестами (прагматическими, репрезентирующими, жестами-битами и жестами-адаптерами) в устном воплощении пьесы, например, спектакле или телеспектакле, способствует созданию более ярко выраженного образа героя и, как следствие, усилению эффекта восприятия данного образа зрителем (см. подробнее в работах [Прокофьева, Ирисханова, Киосе 2021; Iriskhanova, Kiose, Leonteva, Agafonova 2022; Ржешевская 2022]).

Невербальная характеристика субъектов передается также через действия и передвижения персонажей по сценическому пространству: *прошли в кабинет; взял книгу, уселся с ногами в глубокое кресло, читает; убирает со стола письма; скатал свою постель, подхватил, понес; принесла чай, еду*. Так, описывая действия персонажа Валентины Дмитриевны, автор подчеркивает автоматичность действий (*механически с жадностью ест*) и торопливость (*будто вот-вот отойдет поезд*), поскольку в своей реплике героиня рассказывает о безотлагательной жизненной ситуации: Валентина Дмитриевна (*почти механически пересела к столу и, рассказывая, тоже механически с жадностью ест, будто вот-вот отойдет поезд*).

Невербальное поведение способно передать эмоциональное состояние персонажей: *со злостью швыряет на стол значок; спокойно пьет кофе и ест печенье; горько; подскочил; вырывает пузырек из рук жены, швыряет его в сторону*. Например, испытывая переживания за дальнейшую судьбу сына и желая найти помощи у Судакова, персонаж падает на колени: Валентина Дмитриевна. Степа! (*Вдруг упала перед Степаном Алексеевичем на колени*). Психологическое состояние персонажа находит свое проявление и в мимике: *Вдруг глаза ее заморгали, щеки затряслись, и она неожиданно для самой себя расплакалась*.

Обращает на себя внимание эффект резонанса, состоящий в привлечении нескольких средств невербального уровня в рамках одной микро дискурсивной единицы [Логинова 2021], например, мимики и интонации для изображения взволнованности персонажа: *И вдруг губы его задрожали, и хрипота сдавила горло*. Или сочетание интонационных моделей и жестов, например, для репрезентации молодого веселого нрава персонажа Ариадны, когда автор обращает внимание на ее смех (*заливисто, как девочка*) и нежелание быть услышанной (*зажимая себе рот ладонью*): *И вдруг начала тихо, но заливисто смеяться, хочотать, как девочка, зажимая себе рот ладонью*. Изменение интонационных тонов обнаруживает также настроение персонажей: *вяло, монотонно; смеясь; от растерянности грозно; что-то шепчет; кричит*.

Следует отметить значимость невербальных экспрессивных средств не только в плане автор – читатель, но и автор – режиссер – актер. Так, авторские ремарки *сразу видно, что она не москвичка* и *Наталья Гавриловна разлила кофе. Видим, что для нее это привычный ритуал* в большей степени обращены к режиссеру и актерам, задача которых состоит в достоверном воплощении образа персонажа, не являющегося жителем столицы или персонажа, выполняющим одно и то же действие на протяжении долгого периода времени.

Особое внимание привлекают новаторские приемы режиссера телевизионной версии спектакля, которые призваны дополнить ряд невербальных приемов, отмеченных в авторских ремарках. Например, авторские ремарки, отражающие напряженную обстановку и нарастающий эмоциональный накал (*врывается; вдруг сильно запала и выбежала*) дополняются громким звуком хлопающих дверей, что подчеркивает корреляцию и взаимовлияние многоканальных невербальных средств конструирования образа субъекта, события и места действия в письменном и устном драматургическом дискурсе на уровнях автор – читатель, автор – режиссер – актер. Постановочный драматургический дискурс основывается не только на подлинном воспроизведении уникальности обстановки места события или поведении персонажей в соответствии с авторскими ремарками, но и наполнении сцен уместными приемами, иллюстрирующими психоэмоциональный микроклимат сцены или всего произведения.

Литература

- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика // Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств 14. 2011. С. 40-48.
- Логина Е.Г. Семиотический резонанс в моно- и полимодальном дискурсе (на материале русской и английской драмы): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
- Логина Е.Г., Ржевская А.А. Речь и жесты в дискурсе драмы // Полимодальные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 110-150.
- Лотман М.Ю. Семиотика сцены // Лотман М.Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проспект, 2002.
- Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. В 2 ч. Ч. 1. М.: Искусство, 1968.
- Прокофьева О.Н., Иришханова О.К., Киосе М.И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 62-110.
- Ржевская А.А. Динамика жестов в письменном и устном драматургическом дискурсе (на примере пьесы Дж.Б. Пристли «Визит инспектора» и ее экранизации) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 411-418.
- Цибуля Н.Б. Особенности взаимодействия интонации и невербальных средств в сценической коммуникации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 167-187.
- Irishkhanova O., Kiose M., Leonteva A., Agafonova O. Staged and natural gesturing in argumentation and description // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2022). 2022. Issue 21. Suppl. vol. Pp. 1055-1068.
- Zeman S. Perspectives on narrativity and narrative perspectivization // Perspectives on narrativity and narrative perspectivization / S. Zeman (ed.). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2016. Pp. 1-14.

Anastasia A. Rzheshevskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

NON-VERBAL MEANS OF IMAGERY CONSTRUAL IN DRAMA DISCOURSE

The article focuses on non-verbal means of image construal in the written and oral staged drama discourse in the plane author – reader as well as in the plane of author – director – actor: stage decorations, mimics, head and hand gestures, characters' movements across the stage space. The enumerated means serve to construe a specific micro climate of the play and its main characters' expressiveness.

Key words: non-verbal means, stage space, mimics, gestures, drama discourse, construal

Ф. Руджеро (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

federica_ruggeri96@hotmail.it

ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЙ АВТОДЕЙКСИС И ЕГО ЭМОТИВНАЯ НАГРУЗКА (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПЕРЕДАЧИ «CHE TEMPO CHE FA»)

В статье освещаются результаты исследования жестикуляционного автодейксиса и его эмоциональной нагрузки в итальянской телепередаче *Che tempo che fa* (рус. *Какая сегодня погода*). Были систематизированы выявленные вербальные и жестикуляционные автодейксисы с помощью специально созданного метода аннотирования. Согласно полученным данным, жестикуляционный автодейксис может не соответствовать вербальному автодейксису по смыслу или темпорально, что свидетельствует о таких процессах, как рассогласование и асинхронизация в дихотомии «слово + жест». Эмоциональная нагрузка жестикуляционного автодейксиса определяется ее интенсивностью и валентностью.

Ключевые слова: жестикуляционный автодейксис, дискурс телешоу, эмотивная нагрузка, корпусное аннотирование

Цель нашего исследования – изучение взаимодействия вербальных и невербальных средств автодейксиса в итальянском телевизионном дискурсе. Для ее достижения нам потребовалось реализовать следующие задачи: (i) проанализировать современные концепции изучения автодейксиса в полимодальном дискурсе, (ii) разработать критерии отбора исследовательского материала, (iii) создать методику аннотирования автодейксиса, (iv) провести анализ выявленных автодейкситических жестов по конфигурации и эмоциональной нагрузке, источником которых стали отдельные выпуски телепередачи *Che tempo che fa*.

В современной жестикуляционной лингвистике изучение автодейксиса занимает особое положение, которое обусловлено его частотностью и важной ролью в передаче информации (включая эмоциональную) в процессе межличностного общения. Значительное внимание сегодня уделяется разработке подходов к определению автодейкситических жестов и их классификации. Приведем некоторые из наиболее значимых для нашего исследования подходов.

К. Куперрайдер в своей работе отмечает, что в повседневной коммуникации прототипические дейкситические жесты могут быть направлены как «вовне», т. е. на внешние по отношению к говорящему объекты, так и «вовнутрь», т. е. на

самого говорящего. Ученый выделяет три основные разновидности жестов для автоуказания: (1) самоуказания, т. е. указания на себя как на личность (self-points, в терминологии К. Куперрайдера), (2) телесные указания, т. е. указания на части тела или тело целиком (body-points) и (3) указания на «телесные якоря» (перевод на рус. Е.А. Гришиной) (body-anchors). Е.А. Гришина в своей работе определяет зону действия указательных (или автодейктических) жестов как «точка я». «Точка я» является зоной, к которой говорящий направляет своим жестом интеллектуальное внимание слушающего [Гришина 2017: 177]. По классификации исследователя, помимо базовых автодейксисов, присутствуют также жесты portemanteaux, при которых форма автодейктического жеста принимает недейктическую конфигурацию [Гришина 2017: 182].

В результате изучения отношения жестикуляционного автодейксиса к речи Е. Маньо-Кальдоньетто и И. Поджи выделяют пять основных «модусов» (в терминологии авторов) или режимов соотношения жеста и слова по их семантической типологии: (i) *повтор* (repetition, в терминологии Е.А. Гришиной), (ii) *дополнение* (addition), (iii) *замещение* (substitution), (iv) *конфликт* (contradiction), (v) *автономность* (independent) [Magno-Caldognetto, Poggi 1997: 34].

В статье в качестве источника исследовательского материала выступает итальянская развлекательно-информационная передача «Che tempo che fa» («Какая погода сегодня»). Для проведения исследования были отобраны видеозаписи трех интервью из трех выпусков общей продолжительностью около 51 минуты. Гостями интервью являются известные итальянские актеры и режиссеры. При отборе источника материала для исследования автодейксиса мы руководствовались следующими критериями: диалоги должны проходить в студии; диалоги должны быть между ведущим телепередачи и одним гостем; диалоги не должны быть в смешанном формате (ведущий взаимодействует с гостем, подключенным дистанционно), так как такой формат общения не позволяет анализировать кинетический канал; диалоги не должны включать зарубежных гостей, так как на основе данного материала, мы намерены проанализировать только речь и жесты от италоговорящих спикеров.

Методика аннотирования и анализа автодейксиса, разработанная в нашем исследовании, состоит из нескольких этапов: (i) создание системы кодов для выделения жестов в тексте, (ii) проведение кодовой разметки жестов, (iv) анализ модусов жестов по отношению к речи, (v) разметка невербальных средств метафоризации, (vi) анализ синхронизации или асинхронизации речи с невербальными средствами автодейксиса, (vii) выделение эмоциональной нагрузки при выполнении жеста, (vii) анализ согласования или рассогласования вербальных автодейксисов с невербальными автодейксисов.

В ходе применения разработанной нами методики аннотирования жестикуляционного автодейксиса было выделено 37 автоуказательных жестов, 10 из которых передают коммуникативно значимую эмоциональную нагрузку.

Далее представим примеры выявленных жестикуляционных автодейксисов с разным эмоциональным зарядом.

(1) *Ma voglio dedicare un po' più di tempo non solo alla mia persona e alle*

persone che amo <...> – Но я хочу посвятить чуть больше времени не только самому себе, но и тем, кого я люблю <...> (Интервью с А. Гассманом, 07.11.21) [пер. с ит. здесь и далее наш – Ф.Р.]

В примере (1), актер и кинорежиссер А. Гассман сопровождает часть своей реалики «*alla mia persona*» («самому себе») автоуказательным жестом указательного пальца правой руки, направленным на двухмерную зону *я* с модусом «повтора» (по классификации Е. Маньо-Кальдоньетто и И. Поджи). Жест в данном случае повторяет устную информацию и синхронизируется с речью. Согласно параметрам эмоциональной нагрузки, жест характеризуется положительной валентностью и низкой интенсивностью.

В примере (2) В. Салэммэ в своей реплике, говоря о своем фильме, утверждает следующее:

(2) *L'ho fatto io!* – Это сделал я! (Интервью с В. Салэммэ, 10.10.21).

Это предложение сопровождается жестом, который в терминологии Е.А. Гришиной называется автоуказанием: открытые ладони обеих рук указывают на двухмерную зону «я». Жест выполняется по модусу «повтора» того, что было выражено языковыми средствами и используется для усиления или акцентирования. В плане эмоциональной нагрузки данный жест, выражающий удивление, характеризуется высокой интенсивностью и положительной валентностью, поскольку с помощью данного жеста говорящий подчеркивает свои достижения, ориентируя все внимание на себя. Жест синхронизируется с речью.

В следующем примере итальянский актер А. Гассман, рассказывая о своем сыне, говорит:

(3) <...> è *il mio cantante pop preferito...poi* <...> – <...> это мой любимый поп-певец...но <...> (Интервью с А. Гассманом, 07.11.21).

Завершение данного предложения возможно только с помощью жеста автоуказания открытой ладонью с модусом «замещение», т. е. жест используется вместо слова или словосочетания. В этом контексте передается жестикуляционно (т. е. невербально) информация о том, что его любимый поп-певец является также его сыном. В отношении эмоциональной нагрузки, такой жест считается нами жестом с положительной валентностью, но низкой степенью интенсивности. Короткая продолжительность не дает возможности для полного (свободного) раскрытия жеста, акцентированию его ударной части. Редуцированность жеста отражает чувство смущения говорящего.

Примечательны также случаи эмоционального употребления жестов-*portemanteaux* (в терминологии А.Е. Гришиной) в исследуемом нами материале. В частности, жест-*portemanteaux* в конфигурации «кулак» обнаруживается в ответе В. Салэммэ на вопрос ведущего о том, помнит ли кинорежиссер сюжет своего фильма.

(4) *Ma secondo te non conosco la sinossi del film?!* – По-твоему, я не помню сюжет фильма?! (Интервью с В. Салэммэ, 10.10.21).

В примере (4) правая рука закрывается в конфигурации шепоти и направляется на зону *я*. Жест синхронизируется с речью. Можно говорить о том, что такой жест, выражающий удивление, раздражение, имеет высокую интенсивность и отрицательную валентность. Жест свидетельствует о том, что слова ведущего были

восприняты актером отчасти как оскорбление или вызов.

Асинхронизация автодейксиса между жестами и речью, а также рассогласование вербального автодейксиса с жестикуляционным обнаружено в реплике гостя Н. Моретти.

(5) *Questo cambio di prospettiva è sempre più necessario, insomma... Non solo nella vita privata, ma anche nella vita pubblica.* – При этой смене перспективы все больше необходимо...не только в личной, а также в публичной жизни. (Интервью с Н. Моретти, 03.10.21).

В примере (5) двуручный автодейктический жест в конфигурации «открытая ладонь» в жестикуляционной фразе «я-ты-я» осуществляется говорящим до части реплики, к которой он относится («не только в личной жизни»). Кроме того, этот жест реализуется с модусом «конфликт», поскольку он подразумевает некое взаимодействие с собеседником. Жест не имеет эмоциональной окраски и может быть квалифицирован как эмоционально нейтральный.

Обобщая полученные результаты, мы делаем следующие выводы: (i) разработанный нами алгоритм разметки полимодального текста позволил выделить жестикуляционные автодейксисы и проанализировать их эмоциональную нагрузку; (ii) в исследованном нами материале жестикуляционные автодейксисы могут по-разному соотноситься с речью, повторяя, заменяя ее, или противореча ей; (iii) в итальянском телевизионном дискурсе употребление жестов-*portemanteaux* (ладонь к груди, кулак и шепот) сопровождается обычно сильными эмоциями, как правило, отрицательными; (iv) жестикуляционные автодейксисы могут не соответствовать речи по смыслу или темпорально, что свидетельствует о таких процессах как рассогласование и асинхронизация в дихотомии «слово + жест».

Литература

Гришина Е.А. Русская жестикуляционная лингвистика с лингвистической точки зрения (корпусное исследование). М.: Языки славянской культуры, 2017.

Cooperrider K. Body-directed gestures: Pointing to the self and beyond // *Journal of Pragmatics*. 2014. Pp. 1-16.

Magno-Caldognetto E., Poggi I. Micro- and Macro-bimodality // *ESCA Workshop on Audio-Visual Speech Processing*. 1997. Pp. 33-36.

Kita S. *Pointing: Where Language, Culture and Cognition Meet*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2003.

Federica Ruggeri (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SELF-DIRECTED GESTURES AND THEIR EMOTIONAL LOADING

(THE CASE STUDY OF THE ITALIAN TELEVISION SHOW “CHE TEMPO CHE FA”)

The paper highlights the results of studying self-directed gestures and their emotional component in the Italian TV show *Che tempo che fa* (Rus. *What is the weather today*). We systematized the identified self-oriented phrases and gestures using a specially created method of annotation. According to the research findings, self-directed gestures may not correspond to verbal expressions semantically or temporally. The latter testifies to such processes such as discoordination and asynchronization in the “word + gesture” dichotomy. The emotional loading of self-directed gestures is determined by its intensity and valency.

Key words: self-directed gestures, TV show discourse, emotional loading, corpus annotation

А.А. Семенова (Москва, Россия)

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство)

alisciya@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ И ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье предлагается междисциплинарный подход к исследованию процесса семиозиса при описании концептуальной картины мира языковой личности (далее – ЯЛ). Такой подход требует особой методологии исследования, опирающейся на взаимодействие методов когнитивной лингвистики и психосемантики. С целью демонстрации предлагаемого подхода анализируется фрагмент текста романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Данная методика позволяет выявить механизмы вербализации и функции эмоционального интеллекта ЯЛ, от которого зависят качество и результат семиозиса; раскрывает глубинный уровень картины мира ЯЛ, отражающий функционирование ситуативных доминант как мотивирующих единиц коммуникативно-деятельностной сферы.

Ключевые слова: языковая личность, картина мира, междисциплинарный подход, психосемантика, когнитивный метод, концептуальный метод, эмоциональный интеллект

Современное исследование картины мира ЯЛ, ориентированное на извлечение значения и смысла из произведенного текста, требует подключения дополнительных междисциплинарных методов, способствующих раскрытию семиозиса как психического процесса, протекающего на разных уровнях сознания языковой личности. «Двунаправленность» семиозиса обусловлена двойственной природой значения и уровнем осознаваемости, на котором этот процесс происходит [Залевская 2016: 97].

Термин «семиозис» в исследовании используется в сформулированном А.А. Залевской значении взаимодействия нескольких процессов, «протекающих на разных уровнях осознаваемости», продуктами которых является «переживание понятности носителем языка и культуры смысла воспринимаемой языковой единицы» или «признание оправданности использования» языковой единицы в речи при адаптировании личности в социуме [там же: 96]. «Кванты» соотнесения результатов индивидуального означивания с коллективным знанием определяют «медиативную функцию значения слова как средства доступа к образу мира индивида» [там же]. В этой двойственности заключается «диалектическая взаимообусловленность» значения и смысла [Переволочанская 2006: 33]. По мнению А.А. Залевской, главное в значении слова – то, что лежит за ним в опыте познания личности, – «мультимодальность» картины мира личности, вне которой невозможен сам процесс семиозиса [Залевская 2016: 97]. Поиск опор и цепочек выводных знаний в мультимодальном образе предшествующего опыта осуществляется с помощью «глубинной предикации» – проецирования внутреннего контекста на переживание «понятности воспринимаемого» или «обоснованности ис-

пользования» выбранной языковой единицы [там же: 98]. Согласно исследованиям С.Н. Переволочанской, многомерное семантическое пространство и есть «смысл», обладающий бинарной структурой объективности и субъективности – соотносительности контекста внешнего и внутреннего в метаморфирующем комплексе «значение и смысл» [Переволочанская 2006: 34].

Являющееся по своей структуре гетерогенным, сознание человека имеет высокую «когнитивную сложность», которая формируется при «наличии множественности точек зрения» внутри этого сознания, а именно – внутренней рефлексии [Петренко 2016: 130]. Личностная рефлексия, как проявление эмоционального интеллекта, контролирует процесс структурирования компонентов «мыследействия» и является обоснованием того, что ядром диалектического взаимодействия внутренней и внешней языковых форм является эмотивность, которая, в свою очередь, репрезентирует концепты [Шаховский 2010: 86-87].

По системе Ю.Н. Караулова, целостная характеристика языковой личности предполагает исследование: а) семантико-строевого уровня ее организации; б) языковой картины мира, ее тезауруса; в) психических (жизненных или ситуативных) доминант, установок, мотивов, находящихся отражающихся в речемыслительных процессах, в личностных особенностях восприятия информации [Караулов 2010: 43]. Ключом к переходу с одного уровня на другой является междисциплинарная методика исследования, подразумевающая обращение к психологической части картины мира ЯЛ, отражающей социальные и индивидуальные функции личности – ее мультимодальность.

В исследовании предлагается объединить методы когнитивной лингвистики (когнитивный и концептуальный анализ текста и его единиц) с психосемантическим методом конструирования мотивационного пространства, под которым понимается соотношение употребляемых слов с мотивом их употребления с целью определения психического состояния индивида и его деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности в данных условиях [Петренко 2018: 138-139]. Значение слова, обозначающего некий объект в тексте, определяется категориальным представлением, а для раскрытия смысла необходимо соотнести употребление этих слов с мотивом как целевой ментальной функцией, определяющей их значимость для субъекта потребности [там же: 140]. Примером результативности такой комбинаторной методики может служить анализ категориальных ситуаций, эмоциональных и постэмоциональных реакций главного героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Ниже приведен пример объединения вышеперечисленных методов при анализе одного маленького фрагмента текста романа (см. Табл.).

Таблица. Методика комплексного исследования

Вид и описание метода	Анализируемый текст (фрагменты)	Результат анализа
Когнитивный метод: 1) системный анализ коммуникативных и автокоммуникативных эмоциональных ситуа-	<...> <i>А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит душу наука. И это у того, который хотел</i>	1. Агент и реципиент в анализируемом фрагменте один – Аркадий Долгорукий; цель – анализ внутреннего эмоционального состояния; инструмент – поток мыслей агента и реципиента; побочные эф-

<p>ций (например, фреймовый анализ); 2) эмотивный анализ текстовых единиц</p>	<p>уйти от них и от всего света во имя «благообразия»! Жажда благообразия была в высшей мере, и уже конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими жаждами – это для меня тайна. <...> и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) делать в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость – вот вопрос! [Достоевский: 321]</p>	<p>факты ситуации – выявление дуалистичности внутреннего психического состояния. 2. К единицам глубинной предикации, выражающим эмоциональное состояние, относятся выделенные полужирным начертанием фрагменты приведенного текста. Можно отметить следующие эмоции: раздражение от потребности прервать существующее в данный момент эмоциональное состояние, удивление от собственного состояния и интерес, побуждающий к самоанализу</p>
<p>Концептуальный метод: систематизация концептуального содержания фрагмента</p>	<p>К эмоционально-поведенческой группе концептов относятся: УЕДИНЕНИЕ, ПОТРЕБНОСТЬ, ЛАСКА, ПОДЛОСТЬ. К когнитивно-эмоциональной группе концептов относятся: БЛАГООБРАЗИЕ, ИДЕАЛ, ДУША, ТАЙНА, СПОСОБНОСТЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ. Первая группа отражает неконтролируемое эмоциональное состояние, провоцирующее на определенное поведение, вторая – отражение ментальной работы Аркадия над своим эмоциональным состоянием</p>	<p>К эмоционально-поведенческой группе концептов относятся: УЕДИНЕНИЕ, ПОТРЕБНОСТЬ, ЛАСКА, ПОДЛОСТЬ. К когнитивно-эмоциональной группе концептов относятся: БЛАГООБРАЗИЕ, ИДЕАЛ, ДУША, ТАЙНА, СПОСОБНОСТЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ. Первая группа отражает неконтролируемое эмоциональное состояние, провоцирующее на определенное поведение, вторая – отражение ментальной работы Аркадия над своим эмоциональным состоянием</p>
<p>Метод конструирования мотивационного пространства: определение устойчивых элементарных гештальтов отражения законов связи психических состояний и единиц речи</p>	<p>На концептуальном уровне выявляются два доминирующих концепта, связанных с психическим состоянием Аркадия Долгорукого – БЛАГООБРАЗИЕ и ПОДЛОСТЬ, так как именно эти смыслы отражают предыдущий контекст произведения и задают вектор дальнейшему поведению героя. Именно эти два концепта являются мотивами взаимосвязи остальных ментальных единиц, входящих в образующиеся текстовые значения слов, формируя пучки смыслов с определенным вектором предыдущего и дальнейшего смыслообразования</p>	<p>На концептуальном уровне выявляются два доминирующих концепта, связанных с психическим состоянием Аркадия Долгорукого – БЛАГООБРАЗИЕ и ПОДЛОСТЬ, так как именно эти смыслы отражают предыдущий контекст произведения и задают вектор дальнейшему поведению героя. Именно эти два концепта являются мотивами взаимосвязи остальных ментальных единиц, входящих в образующиеся текстовые значения слов, формируя пучки смыслов с определенным вектором предыдущего и дальнейшего смыслообразования</p>

Показателем способности контролировать свою рефлексивность является осознание собственных эмоций – развитие эмоционального интеллекта. Таким образом, исследование процесса и структуры семиозиса с позиций психосемантики дает возможность описать не только бинарную структуру объективности и субъективности многомерного семантического пространства личности, но и устройство ее эмоционального интеллекта. Посредством объединения аналитических ступеней когнитивной лингвистики и психосемантики можно рассмотреть роль бессознательного и осознанного в процессе семиозиса, основания ментального конструирования концепта в сознании и его вербализации языковой личностью.

Литература

- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семиозиса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 93-102.
- Переволочанская С.Н. Стереометрия смысла // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: филология. 2006. № 1. С. 32-34.
- Петренко В.Ф. Многополярная культура Единого Человечества // Век глобализации. 2016. № 1-2 (17-18). С. 126-132.
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Петренко В.Ф. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.: КРАСАНД, 2018.
- Достоевский Ф.М. Подросток. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.

*Alisa A. Semenova (Moscow, Russia)
Kosygin Russian State University
(Technologies. Design. Art)*

COGNITIVE AND PSYCHOSEMANTIC ASPECTS OF THE LANGUAGE PERSONALITY'S WORLD PICTURE RESEARCH

The article proposes an interdisciplinary approach to the study of the semiosis process in describing the linguistic personality's conceptual world picture. This approach requires a special research methodology based on the interaction between the methods of cognitive linguistics and psychosemantics. In order to demonstrate the proposed approach, a text fragment of F.M. Dostoevsky's novel "The Adolescent" is analysed. The given methods allow to reveal the mechanisms of verbalisation and functions of linguistic personality's emotional intellect, on which the quality and result of semiosis depend; it reveals the deep level of linguistic personality's world picture, reflecting the functioning of situational dominants as motivating units of communicative-activity sphere.

Key words: linguistic personality, world picture, interdisciplinary approach, psychosemantics, cognitive method, conceptual method, emotional intellect

*Ю.Р. Тагильцева (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
jennifer1979@yandex.ru*

КОМБИНАТОРНОЕ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ В КОНФЛИКТОГЕННЫХ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ*

В работе представлен анализ комбинаторного логико-семантического отношения (And) в конфликтногенных поликодовых текстах националистической направленности. В ходе исследования было выявлено 11 вариантов комбинаций значимых смысловых компонентов, позволяющих в рамках одного текста автору репрезентировать идеологические воззрения и групповую идентификацию.

Ключевые слова: поликодовый текст, конфликт, вербальный компонент, невербальный компонент, комбинаторное логико-семантическое отношение, дихотомия полюсов «Свой – Чужой»

* Исследование выполнено в Пятигорском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20091, <https://rscf.ru/project/22-18-20091>.

Современное информационное пространство содержит различные формы и типы контентов, позволяющих пользователям получить актуальную и интересующую их информацию. Наиболее распространенными и востребованными среди молодежной аудитории можно считать поликодовые тексты, относящиеся к семиотически осложненным текстам [Анисимова 2003] и представляющие собой корреляцию вербального и невербального компонентов, позволяющей в сжатой и обработанной форме передать информацию. Как отмечает М.Н. Лату, эффективным способом, позволяющим исследовать особенности организации текста, является семантическая сеть [Лату 2022: 65], позволяющая выявлять различные типы семантических отношений, в которых могут находиться элементы знаний. В основу данного исследования легло изучение комбинаторного логико-семантического отношения (And) в представленных текстах.

В исследуемых конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности комбинаторное логико-семантическое отношение (And) является высокочастотным (100% текстов) и связывает смысловые компоненты категорий Субъект и Феномен (представленный в основном идеологемами), Феномен и Феномен, Объект и Феномен, соотносимые автором с полюсом «Свой», а также смысловые компоненты категории Субъект и Феномен, соотносимые с полюсом «Чужой». Посредством данной корреляции в конфликтных поликодовых текстах автор транслирует идеи, что идеологические (политические) воззрения и система ценностей актуализируемого субъекта полюса «Свой» связаны с приверженностью к той или иной политической партии, поддержке идей конкретных политических / националистических движений (чаще всего репрезентируются идеи нацизма / неонацизма, изначального превосходства одной расы над другими, борьбы за это превосходство и в конечном счете победы над всеми другими нациями) и тесно связаны с самоидентификацией данной группы (неонацистские / националистские и др.). Что касается субъекта полюса «Чужой», то в поликодовых текстах указывается только его национальная принадлежность посредством идеологема. Необходимо отметить еще одну особенность реализации комбинаторного логико-семантического отношения (And). В рамках одного текста оно может реализовываться несколькими вариантами как между вербальными, так и невербальными компонентами.

1. Числовое значение. В исследуемых конфликтогенных поликодовых текстах наиболее востребованным числовым значением является «14/88» либо его вариации «88» или «14», указывающее на неонацистские воззрения автора.

2. Числовое значение + символ (символика движения или образы-символы). К вышеуказанным числовым значениям в конфликтогенных поликодовых текстах могут добавляться символы политических / националистических движений. Например, нацистская свастика как символом арийской расы; «Черное солнце» как символ духовного просветления; крест на государственном флаге нацистской Германии выступал как символ связи Третьего Рейха с его героическим прошлым; образ парящего орла, сжимающего в когтях свастику, символизировал растущее влияние Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Германии в 30-40-е гг. XX в. [Маковский 2013].

3. Символ. Порой конфликтогенный поликодовый текст может содержать в себе только символическое обозначение: чаще всего это нацистская свастика, символы и образы-символы нацистской Германии, но в некоторых случаях встречаются националистические символы, например, «коловрат» (восьмилучевая право- и левосторонняя свастика), выступающий обозначением неонацистской группы «РНЕ» («Русское народное единство») и скинхедовской группы «Коловрат», и видоизмененный «кельтский крест» (равнолучевой крест с кругом), ассоциирующийся с движениями White Power (ультраправые неонацисты) и НС-скинхедов («бонхеды» – ультраправая молодежная субкультура, базирующаяся на национал-социалистической идеологии) и означающий чаще всего превосходство белой расы; реже представлены символы, характеризующие сообщества полуса «Чужой».

4. Символика + рунический знак (руна «Альгиз», руна «Одаль», руна «Тира»). Ряд конфликтогенных поликодовых текстов сопровождается не только символикой, но и руническими знаками, имеющими в своей основе русофобские/человеконенавистнические заявления.

5. Символ(ы) + фраза, отражающая идеологическую направленность движения, относящегося к полюсу «Свой». Некоторые конфликтогенные поликодовые тексты националистической направленности помимо символики могут содержать фразы-лозунги, несущие в своей семантике идеологические аспекты фашистского движения.

6. Символ(ы) + наименование движения / организации. Довольно часто в конфликтогенных поликодовых текстах репрезентировано и название движения совместно с символами, отражающими политическую / идеологическую направленность.

7. Символ(ы) + наименование движения / организации + рунический знак. В этом варианте совместного упоминания значимых смысловых компонентов автором за счет рунических знаков еще раз уточняются его русофобские / человеконенавистнические мотивы, которые вкраплены как правило во фразы, сопровождающие изображение. Например, руна «Тира» в слове репрезентируется через замену буквы «Т» или половинчато через букву «Г», а руна «Одаль» – через замену буквы «О», руна «Альгиз» (половинчатая) – через букву «У».

8. Символ(ы) + феномен, связанный с представителем полуса «Свой». В некоторых текстах символ может сопровождаться феноменом, репрезентирующим некоторые аспекты системы ценностей (как правило, они касаются духовных, общечеловеческих и культурных ценностей), относящейся к полюсу «Свой».

9. Символ(ы) + числовое значение + рунический знак + наименование движения / организации. Такая комбинация позволяет в рамках одного текста сразу заявить о себе не только как о националистическом или политическом движении, но и сформулировать основные положения своей идеологии и программы действий в отношении представителей полуса «Чужой».

10. Феномен(ы), связанный(ые) с представителем полуса «Свой» + рунический знак. В таких текстах рунический знак может сопровождаться феноменом, репрезентирующим ценности, присущие представителям полуса «Свой» (как в

варианте 8).

11. Наименование (или визуализация) сакрального места движения / организации, относящейся к полюсу «Свой», либо локаций, связанных с полюсом «Чужой». Сакральные места во многих конфликтогенных поликодовых текстах для неонацистских организаций представлены в основном Вальхаллой (в германско-скандинавской мифологии это небесный чертог в Асгарде («мифическая страна, которую нацисты считали своей прародиной» [Зубков 2007], куда попадают воины, павшие в битве, и где они продолжают проживать свою прежнюю героическую жизнь), репрезентированной не только на вербальном уровне, но и иконически (образ крепости на вершине горы), реже торжественным залом старинной крепости Вевельсбург (с 1934 г. выбрана Г. Гиммлером в качестве резиденции СС). Что касается локализации, связанных с полюсом «Чужой», то в некоторых конфликтогенных поликодовых текстах обыгрываются в иронической форме отсылки к историческим фактам физического истребления представителей иных национальностей.

Все вышеупомянутые комбинации вербальных и невербальных компонентов в рамках одного текста дают возможность уточненного прочтения смыслового наполнения кодированного сообщения, понятного для посвященных в националистический дискурс. Кроме того, стоит обратить внимание здесь и на тот факт, что частотность комбинаторного логико-семантического отношения (And) обусловлена стремлением через идеологемы (символику, рунические знаки, числа, наименования) в сжатой и понятной форме (для посвященных) донести свои политические идеи / взгляды, систему ценностей и даже поведенческие императивы.

Литература

Акунов В. Об использовании рун в символике СС / Проза.ру. 2009. URL: <https://proza.ru.turbopages.org/proza.ru/s/2009/11/29/1329>.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.

Зубков С.В. Третий рейх под знаменем оккультизма. М.: Вече, 2007. URL: https://ogobook.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/269665/fulltext.htm.

Ламу М.Н. Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 62-77.

Маковский Ю.В. Символика нацистского движения в Германии в 1920-1940-е гг. // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 104-106.

Yulia R. Tagiltseva (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

COMBINATORIAL LOGICAL-SEMANTIC RELATION IN CONFLICTOGENIC POLYCODE TEXTS

This paper presents an analysis of the semantic relationship “combinatorial logical-semantic relation” (And) in conflictogenic polycode texts of a nationalist orientation. In the course of the study, 11 variants of combinations of significant semantic components were identified, allowing the author to represent ideological views and group identification within the framework of one text.

Key words: polycode text, conflict, verbal component, non-verbal component, combinatorial logical-semantic relation, dichotomy of poles “Friend – Foe”

Maria P. Taymour (Moscow, Russia)
Plekhanov Russian University of Economics
mariataymour@gmail.com

MATRIX OF COGNITIVE FILTERS AS A TOOL FOR ANALYSIS OF MULTIMODAL ELEMENTS OF DISCOURSE

The article sets the task of studying the author's method of "The Matrix of Cognitive Filters" and its use to model the process of the recipient's inference of the meaning of multimodal discursive elements. It is shown that a step-by-step analysis of a discursive element is possible, where the meanings of verbal and iconic components are deciphered by recipients in their totality.

Key words: matrix of cognitive filters, cognitive mechanism, linguistic creativity; discourse

Today a variety of types of monomodal and multimodal discourses are being studied within the framework of the cognitive-discursive paradigm. These are the areas for realizing the creative potential of both the language system and the linguistic personality. Meanwhile, language involved in the personal process of cognition, inference and interpretation of meanings, can be considered as a factor that realizes communicative and cognitive individual intentions [Болдырев 2017]. Multimodal texts that connect different sign systems and characterize modern media are the main part of the representative culture of 21st century society. They may be considered the basis of communicative-scientific and text-linguistic discussion, and continuously emerging new forms of texts provide previously unknown opportunities for global communication. Such semiotically heterogeneous texts have been the focus of scientific interdisciplinary research, which has not lost its relevance over the past few decades [see Голубкова, Таймур 2020; Таймур 2022].

The working hypothesis of this study was the following statement: inference of the meaning of multimodal discursive elements occurs when a number of specific cognitive mechanisms that generate it are activated. This process may be modeled by so-called "Matrix of Cognitive Filters" (the term was introduced by the author of this work). It helps obtain both theoretical data on the probabilistic prediction of the occurrence of cognitive resonance and dissonance in the recipient, and empirical data by conducting a linguocognitive experiment among English-speaking respondents. In order to prove or refute the proposed hypothesis, the features of the functioning of the following key cognitive mechanisms were studied: the cognitive mechanism of conceptual metaphor; the cognitive mechanism of conceptual integration; the cognitive mechanisms of evaluative conceptualization / categorization; the cognitive mechanism of compression / decompression; the cognitive profiling mechanism (including banner blindness); the cognitive mechanism of conceptual metaphonymy.

The Matrix of Cognitive Filters (MCF) is a generalized cognitive model of a multimodal discursive element and allows one to determine the approximate level of its "success" in the recipient. The MCF can be defined as a six-level system of the analysis of the stages of functioning of the main cognitive mechanisms which help to infer the meanings of creative multimodal discursive elements. We assumed that if during a communicative act all filters are overcome by the element, then after the end of the inference process it is

possible to predict the presence of cognitive resonance in the addressee, i. e. the achievement by the author of the expected communicative-pragmatic effect. If the deciphering process requires increased mental involvement on the part of the recipient (i. e. some filters that have different influences “delay” the discursive element), then there is a high probability of the occurrence of cognitive dissonance [Демьянков 2011].

Let’s consider the features of the functioning of each filter that makes up the MCF:

a) filter 0 allows us to determine the level of success of the location of the element on a segment of discourse: if the attention of a representative of the target audience does not linger on it, this automatically means that further analysis is pointless (for this reason, when conducting a linguistic-cognitive experiment, we by default considered this filter to be overcome in all cases);

b) filter 1 allows us to determine whether the initial assessment of the discursive element (often with the help of primary conceptual metaphors available in the scope of his basic cognitive baggage) coincides with that laid down by the author;

c) filter 2 allows us to assess the level of savings of verbal and non-verbal means involved in the element due to the activation of the profiling mechanism, which is a phased (de)focus on the various elements that make up the studied element;

d) filter 3 allows us to analyze the existing conceptual metaphors (structural, orientational, ontological), expressed by verbal and non-verbal means;

e) filter 4 allows us to determine the interaction of metaphors and metonymies in the discursive element, especially when it is not possible to distinguish between these phenomena, as well as determine the type of metaphonymic model;

f) filter 5 makes it possible to analyze the nature of both the general and the original mental spaces that influence the overall final meaning of the blended space.

This method can be used both to analyze the components that make up an existing creative discursive element, with conclusions based on the mental reactions of recipients, and to analyze potential reactions when creating new elements. This can be especially topical in commercial projects, such as advertising posters. Undoubtedly, when using this method, it is necessary to take into account the typical background knowledge and the main characterizing factors (e. g. education, gender, age, social status etc.) of the average representative of the target audience. In this study, we propose to create an “addressee’s avatar” for this purpose: e. g. if a creative discursive element is a social advertisement “Drive carefully”, then, obviously, the addressee’s avatar can be an adult citizen of one of the sexes who has a car and a driving license (which, as a rule, indicates a certain level of wealth). Linguistic and extralinguistic elements of such a creative discursive element taking part in an advertising project should be selected according to these data. Violation of this rule increases the likelihood of cognitive dissonance when recipients infer the deep meanings laid down by the author. Undoubtedly, there is no single formula for creating discursive elements that are perceived equally by the absolute majority of addressees (which was quite convincingly proven by the linguistic-cognitive experiment conducted within the framework of this study), and for this reason one should count on a greater or lesser (but not 100%) degree the likelihood of their “success”.

A linguistic-cognitive online experiment for testing the Matrix of Cognitive Filters, conducted as part of this study, was intended to determine the probabilistic reasons

for the emergence of cognitive dissonance or cognitive resonance among respondents. The experiment involved 334 English-speaking participants from 11 countries, ages from 16 to 67 years, 42% male, 58% female. Participants were asked to analyze step by step several multimodal discursive elements: social advertising, commercial advertising and internet demotivators (see Fig.).

Fig. Multimodal discursive elements

The experiment was supposed to refute or confirm the hypothesis we had previously put forward that the use of the MCF allows us to divide the respondent's general impression into its constituent components and motivate the latter's appearance of one or another reaction (resonance / dissonance) when confronted with a creative discursive element. To solve this problem, the questionnaire had a special structure: each creative discursive element was accompanied by six questions, where each question was aimed at determining the success of passing one of six cognitive filters (for example, the first question with given answer options was formulated as "What is your first impression from the poster?" to identify the result of the cognitive mechanism of evaluative categorization / conceptualization). Also, in most cases, recipients were asked to give a detailed answer to the question asked, which contributed to a more in-depth further analysis.

The results obtained during this online experiment allowed us to state the following:

a) the Matrix of Cognitive Filters is an effective tool that can be used for a detailed analysis of multi-code components of discursive elements;

b) the level of resonance of a creative discursive element depends not only on its constituent components, but also on such external factors as the personal characteristics of the respondent, as evidenced by the wide range of assessments of each of the proposed elements;

c) different verbal and non-verbal components of a creative discursive element complement each other's meanings. Primary focus depends on the arrangement of elements. In the elements selected for the experiment, the non-verbal part was included in it, since it is depicted larger than the verbal components and is located in the center;

d) the occurrence of the cognitive dissonance which was later overcome by recipients was noted in 3-4% of cases (respondents needed additional time for inference, as evidenced by their comments);

e) cognitive dissonance which was not overcome by recipients occurred in 4-7% of cases, and in almost all of them from 1 to 3 MCF filters were not passed successfully.

So, theoretical analysis and a practical linguistic-cognitive experiment have shown that with the help of the Matrix of Cognitive Filters, a step-by-step analysis of a creative discursive element is possible. Such an opportunity to qualitatively assess the level of perception of a discursive element and the emergence of cognitive resonance or cognitive dissonance can be of pragmatic value both for further theoretical scientific research and for different commercial projects.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Когнитивные исследования языка. 2017. № 2. С. 5-14.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 386-391.

Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когнитивная языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 33-40.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка). М.: РУСАЙНС, 2022.

М.П. Таймур (Москва, Россия)

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

МАТРИЦА КОГНИТИВНЫХ ФИЛЬТРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ДИСКУРСА

В статье ставится задача исследования авторского метода «матрицы когнитивных фильтров» и его использования для моделирования процесса инферирования реципиентом смысла мультимодальных дискурсивных элементов. Показано, что возможен пошаговый анализ дискурсивного элемента, где смыслы вербальных и иконических компонентов инферируются реципиентами в их совокупности.

Ключевые слова: матрица когнитивных фильтров, когнитивный механизм, лингвокреативность; дискурс

Е.В. Троценкова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

e.troschenkova@spbu.ru

ТОВАРЫ С СИМВОЛИКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ Д. ТРАМПА КАК ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются как поликодовые тексты товары с предвыборной символикой Д. Трампа и привлекаются данные медиа-текстов, обсуждающих популярность такой продукции в современной политической жизни США. Анализируются роли и взаимодействие вербального и иконического компонентов, повторяющиеся идеологические послылы, особое вни-

мание уделяется включенным в текст слоганам. Показано, что изучаемый материал – это значимый компонент атакующих и активационно-консолидирующих коммуникативных стратегий группы.

Ключевые слова: политическая пропаганда, групповая идентичность, президентские выборы в США 2024, товары с политической символикой, поликодовый текст

Способы формирования общественного мнения в предвыборных кампаниях неизменно привлекают повышенное внимание исследователей, поскольку зачастую наиболее ярко высвечивают общие тенденции развития общественно-политического и медийного дискурса. Также в последнее время англоязычные публикации в СМИ, посвященные внутренним проблемам США, позволяют отметить рост интереса журналистов и общественности к роли товаров с символикой, чтобы формировать своего рода политический бренд из кандидатов и давать возможность электорату выразить свои политические симпатии.

В сленге российского ритейла такие товары обычно коротко называются заимствованным английским словом «мерч» – *merch*, сокращенное от *merchandise*. Значение слова при этом сужается в обоих языках, поскольку подразумеваются особые типы товаров, брендируемая продукция, маркетингово ориентированная на специфическую фанатскую целевую аудиторию [www.dictionary.com], «мерч – это не просто набор сувениров, а целая система коммуникации» [timeweb.com/ru/community/articles/что-такое-merch], которая не только оказывается источником значительных прибылей, но и способом повысить узнаваемость бренда и лояльность аудитории к нему, а также привлечь новых клиентов. Неудивительно поэтому, что из коммерческой сферы такие товары быстро перекочевали и в сферу политической агитации и пропаганды, заняв важное место среди других типов поликодовых текстов, используемых для воздействия на потенциальных избирателей и продвижения идеологий, как это произошло, например, с мемами [Глухих, Елисеев 2017; Vozhenkova, Kalichkina 2020; Трощенкова 2021, 2023]. Отмечается, что в условиях развития цифровой коммуникации, в целом наблюдается тенденция все чаще использовать не чисто вербальные тексты, а состоящие из элементов нескольких семиотических кодов, причем в ряде из них семиотической доминантой оказываются именно иконические компоненты – рисунки, фотографии, цветовые решения и т. п. [Semeniuk, Gordienko 2018: 122-123]. Однако если мемы уже достаточно время подробно изучаются лингвистами, «мерч» как поликодовый текст оказывается изученным в меньшей степени.

В статье рассматриваются товары с символикой предвыборной кампании Д. Трампа, продаваемые на Amazon осенью 2023, отобранные по поиску «Trump 2024 + наименование вида товара (yard signs, flag, hat, shirt, sticker, gifts, merchandise)» (135 поликодовых текстов), а также 11 англоязычных статей, посвященных описанию и медийному осмыслению использования такого рода продукции. Товары анализируются с позиций взаимодействия вербального и иконического компонентов и их идеологического посыла аудитории, принимается во внимание использование популярных мемов и слоганов, а также опора на распространенные стереотипы и популярные ценности. Материалы прессы привлекаются, чтобы полнее описать функциональный потенциал таких текстов.

Обзор продукции разных типов показывает, что иконические элементы сообщения в большинстве случаев оказываются стандартны и играют фоновую роль. Цветовые решения, напоминающие о цветах флага США, и изображения кандидата выполняют базовую функцию привлечения внимания и сигнала о том, что перед человеком именно товары с политической символикой и соответствующим посылом. Эту же функцию в вербальном компоненте сообщения выполняет повторяющееся TRUMP 2024. Однако встречаются и более креативные и свежие решения: в примерах (см. Рис.) видно, как идея переизбрания Трампа продвигается через символ возведения в квадрат его обозначения как 45 президента США, ироничную апроприацию использовавшихся ранее демократами в атакующих коммуникативных стратегиях символов (обыгрывание нападок на прическу Трампа в форме буквы U в его фамилии), а также частотное использование фото арестованного – *mug shot*.

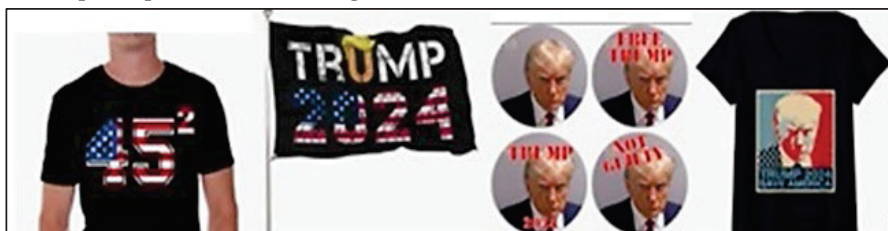

Рис. Игра с базовыми визуальными и вербальными компонентами

Феномен широкого использования фото Трампа после ареста привлек особое внимание прессы, появилась масса статей с заголовками типа *Trump Wanted for President T-shirt Reviews – Scam or Real Patriotic Mugshot T-Shirt?; Trump’s Mug Shot an Instant Phenomenon as Merch Hits Online Stores and Memes Overrun X; Trump’s fans and critics alike are plastering his mug shot on everything from mugs to t-shirts*. Медиа активно обсуждают причины и следствия популярности этого образа и те послания, которые закладывают как противники, так и сторонники Трампа в его использование. Например, в статье ABC News [Zahn 2023] цитируется высказывание одного из продавцов продукции с этим изображением: «*There’s this sense that some people are seeing this in solidarity with Trump,» Compton said. And some people are seeing this as this dude who did all of these horrible things and is finally being held accountable*». Интересно, что даже такие спорные образы, как показывает практика, очень быстро инкорпорируются сторонниками в защитные стратегии своей группы, представляя кандидата, которого они поддерживают как жертву несправедливых преследований и одновременно как стойкого борца, способного держать удар.

Идеологические послы, призванные сплотить группу сторонников и выступить опорными точками их коммуникативной координации, становятся еще одним типичным и важным компонентом рассматриваемых поликодовых текстов. На значительную часть продукции помещаются слоганы, поскольку именно этот жанр фатической коммуникации наиболее удобен как в силу крат-

кости формы для размещения на брендированной продукции, так и с точки зрения функциональности. Слоганы изначально рассчитаны на формирование у целевой аудитории чувства политической идентичности и способствуют групповой консолидации, поскольку суммируют и закрепляют наиболее важные идеи групповой повестки и активизируют членов группы на ее реализацию [Трощенкова 2022а: 412]. Через потребление товаров со слоганами и их публичное использование группа подтверждает принятие заложенных в них идей и распространяет их далее на других членов группы, а сам товар становится сигналом распознавания своей / чужой.

В материале видно использование старых популярных слоганов предыдущей кампании: *Drain the swamp*; *Make America great again*, однако чаще встречаются новые, отражающие изменившиеся реалии. Так, ряд слоганов подает под определенным углом проигрыш Трампа в 2020 г.: *Fraud 2020*, *Trump is still my president*; *Trump won, get over it*. В СМИ присутствует обсуждение роли символов на товарах в массовых беспорядках и штурме Капитолия 6 января 2021 г., вышли статьи с заголовками типа *Flags, Hate Symbols and QAnon Shirts: Decoding the Capitol Riot*; *Decoding the extremist symbols and groups at the Capitol Hill insurrection*. Пользователи товаров перед новыми выборами могут сигнализировать о неприятии итогов президентских выборов 2020 и недовольстве происходящим при Байдене, подчеркивая, что ответственность за лживость и слабость президентской администрации лежит на сторонниках демократов: *Don't blame me, I voted for Trump*; *No more bullshit*; *Make lying wrong again*; *Finally a president with balls*. Косвенным образом слоганы подчеркивающие идею возвращения Трампа – *Take America back*; *2024 the Return*; *He'll be back*; *Trump 2024 Save America*; *Save America*; *Save America again*; *Four more years!*; *Keep America great* – помогают реализовывать коммуникативную стратегию угрозы через повтор призыва *Save*, пресуппозитивно отсылающего идее, что при демократах над страной нависает некая угроза. Негативизация образа Байдена также реализована отсылками к популярному мему *Let's Go Brandon*, который, по сути, шифрует более откровенное *F*ck Biden*, эти надписи часто появляются в хэштегах сообщений пользователей в соцсетях [Трощенкова 2022б: 578] и на изучаемой продукции. Атаке подвергаются про-демократические избиратели: *F*ck Biden and f*ck your voting for him*; *Make liberals cry again*; *F*ck your feelings*; *If you're offended, I'll help you pack*; *The rules have changed*; *Doesn't play well with liberals*. Эти слоганы на продукции должны вселять в сторонников Трампа надежду, что они смогут переломить ситуацию в свою пользу в этот раз, а также возлагают вину за проблемы в стране на тех, кто голосовал за Байдена. Более того, здесь поддерживается республиканская стереотипизация демократов как слабых, склонных к беспочвенному нытью «снежинок» с завышенной самооценкой и неспособностью адекватно оценивать реальность. Наконец, имеется группа слоганов, подчеркивающих единство «своей группы» или солидаризацию с ней конкретного пользователя товара: *Trump nation*; *Fox nation*; *Yes, I'm a Trump girl*; *I'm waiting Trump2024*; *Veteran for Trump*; *Proud Florida Republican*; *Ultra MAGA. We the People*; *Team Trump*; *I stand with Trump*.

Таким образом, видно, что товары с предвыборной символикой оказываются существенным компонентом атакующих и активационно-консолидирующих коммуникативных стратегий группы. В совокупности вербального и иконического компонентов в них концентрированно повторяются элементы таких стратегий, встречающиеся и в более развернутых текстах, а через пользование товаром члены группы могут в фоновом режиме транслировать нужные идейные послы на широкую аудиторию.

Литература

Глухих В.А., Елисеев С.М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. 2017. № 4. С. 90-96.

Троценкова Е.В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 21-31.

Троценкова Е.В. Превращение слогана оппонента в оружие политической борьбы: меметизация Build Back Better // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 3 (50). С. 410-415.

Троценкова Е.В. Меметизация хэштегов с целью политической пропаганды в американском предвыборном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 4 (51). С. 576-581.

Троценкова Е.В. Продвижение идеологических установок через мемы // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. I. С. 683-689.

Что такое мерч простыми словами. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/chto-takoe-merch>.

Bozhenkova N., Kalichkina T. «Polycode» irony as a sign of modern media-political discourse // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 88. Pp. 1-9.

Semeniuk T., Gordienko Yu. From text to polycode text: semiotic changes in text production // Research Trends in Modern Linguistics and Literature. 2018. Vol. 1. Pp. 122-134.

Zahn M. Shower curtains, mugs & more: Trump mug shot merchandise now online // ABC News. August 25, 2023. URL: <https://abcnews.go.com/Business/trump-mug-shot-merchandise-floods-online-sellers/story?id=102561211>.

Ekaterina V. Troshchenkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

MERCHANDISE WITH SYMBOLS OF D. TRUMP'S ELECTION CAMPAIGN AS POLYCODE TEXTS AND GROUP IDENTITY FORMATION

The article considers merchandise with D. Trump campaign symbols as polycode texts and takes into account media texts discussing the popularity of such products in the modern political life of the USA. The roles and interaction of verbal and iconic components, repeated ideological messages are analyzed, special attention is paid to the slogans included in the text. It is shown that the studied material is a significant component of attacking and activation-consolidating communicative strategies of the group. *Key words:* political propaganda, group identity, USA presidential elections 2024, merchandise with political symbols, polycode text

Е.Н. Цветаева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru*

Е.С. Панкратьева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
helene-sergeevna@yandex.ru*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВИЗУАЛИЗИРОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье продемонстрированы возможности исторического анализа визуализированных фразеологических знаков, интегрированных в полисемиотическое пространство европейской культуры, благодаря чему становится возможным решение задач как исторической фразеологии, так и осмысление социокультурной специфики отдаленных исторических эпох.

Ключевые слова: интертекстуальность; интертекстема; фразема; «визуализированная» фразеология; «перевернутый мир»

Одной из многогранных исследовательских проблем с точки зрения анализа феномена интертекстуальности, изучающего в широком смысле особенности межтекстового взаимодействия, представляется специфика визуализации фразеологических знаков, обусловленная реализацией интертекстуального потенциала различных семиотических кодов – вербальных и иконических – нередко обладающих значимыми культурными смыслами.

Интертекстуальная природа «визуализированной» фразеологии наглядно прослеживается на примере несовременных тексто-визуальных комплексов, в частности, распространенных в Европе в периоды позднего Средневековья и раннего Нового времени, бимедиаальный характер которых предопределил использование разнообразных художественных форм для изображения внутренней формы фразем (картин, гравюр, шпалер, мизерикордий и т. п.) и является неотъемлемой частью фразеологической культуры того времени, неотделимой от игровой и карнавальной сущности рассматриваемой эпохи.

Благодаря воспроизведению фразеологизма в виде иконического знака в работах рисовальщиков или резцов по дереву реализация интертекстуальных связей происходит как на вербальном, так и на изобразительном уровнях. При этом, с одной стороны, нельзя не согласиться с Е.В. Рыжкиной в том, что фразеологические единицы уже по своей природе являются знаками интертекстуальными, поскольку семантика многих фразем формируется за счет ассоциативных связей с теми или иными прецедентными текстами, что позволяет фразеологизмам стать звеном в абсолютно любом новом тексте [Рыжкина 2013: 839]. С другой стороны, понимая текст в широком семиотическом значении и относя к нему любой изобразительный объект, следует признать, что визуализация прямого значения устойчивых единиц демонстрирует инкорпорирование одного текста в другой, так как предтекстом нового текста, т. е. визуального знака, служит фразематика. Кодирование информации происходит как на языковом уровне, отражая результат процесса фразеологизации, так и за счет взаимодействия различных видов искусства,

следовательно, интертекстуальность не является одним лишь свойством вербального или иконического компонента, а представляет собой исключительный инструмент организации нового гетеросемиотического пространства. Наряду с этим необходимо отметить, что именно визуальная интертекстуальность становится важным текстообразующим элементом, поскольку значительно расширяет границы создаваемого пространства и детерминирует появление у реципиента дополнительных смысловых вербальных и иконографических реминисценций.

К «интертекстуальному фонду» раннего Нового времени правомерно отнести картины, объединенные схожим названием «Нидерландские (фламандские) пословицы» П. Брейгеля Старшего, П. Брейгеля Младшего, С. Вранкса, Д. Тенирса Младшего и некоторых других, являющие собой единые «пословичные» панорамы с изображением целых деревень, мироустройство обитателей которых намеренно искажается и репрезентируется в русле типичной для анализируемого времени аллегии «перевернутого мира»; традиционный жизненный уклад крестьян переворачивается с ног на голову и представляется в виде действий, выраженных благодаря актуализации прямого значения устойчивых словесных комплексов. В отличие от других произведений, на которых визуализированные образы дополнены языковой составляющей фраземы (например, на работах Ф. Хогенберга, Й. Дутекума, Ф. Хойе и др.), в этих картинах за исключением собственно названия полотна отсутствует вербальный компонент, тем не менее информативно-смысловая слитность, эксплицированная взаимообусловленностью языкового и иконического знаков, интенсифицирует суггестивный потенциал иллюстрирующих устойчивые единицы художественные произведения. Данное обстоятельство приводит к появлению в изобразительном искусстве и повсеместному распространению в творчестве известных и анонимных авторов мотива «перевернутого мира», отличительной визуальной формулой которого стало изображение перевернутого глобуса с крестом.

Заслуживает внимания тот факт, что вышеназванные картины могут рассматриваться как единые интертекстемы, а также «раскладываться» на отдельные интертекстуальные элементы. В первом случае традиция визуализации «пословичных» деревень несет символическую нагрузку и интерпретируется с учетом мировоззренческих социокультурных практик своей эпохи. Широкая тиражированность данных изображений, наличие множества копий, реплик, повторов, оставленных без изменений, подверженных незначительным вариациям или отличающихся от первоисточника, являются результатом интертекстуального взаимодействия, апеллирующего к синкретичному культурно-историческому опыту языковой личности того времени, игнорирование которого существенно затруднило бы проведение герменевтического анализа созданных художниками «фразеологических» гетеросемиотических комплексов. Смоделированное таким образом интертекстуальное пространство, базирующееся на культурном осмыслении языковых знаков, подвергается декодированию только при наличии способности расшифровать представленные на изображении фраземы.

В связи с этим нельзя не упомянуть, что визуализированные на подобных

полотнах фразеологические единицы представляют собой по своей сути «изолированные» элементы картины, своего рода отдельные интертекстуальные феномены, регулярная повторяемость которых в художественном творчестве раннего Нового времени как на отдельных картинах указанных или других авторов, так и в соединении с иными иконографическими сюжетами, в том числе в разнообразных формах изобразительного искусства, свидетельствует об их популярности и актуальности в рассматриваемую эпоху даже среди представителей разных языковых сообществ. К таким вербально-визуальным интертекстам можно отнести устойчивую единицу *Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму*, прецедентность которой обусловлена как вербальным фигурированием фразеологизма, функционирующего в различных видах дискурса вплоть до настоящего времени, так и наличием большого количества его иконических воплощений не только в качестве отдельных элементов «пословичных» картин, но и как самостоятельных произведений. Очевидно, что подобные визуальные интертексты, с одной стороны, актуализируют смысловой и содержательный план фразеологической единицы, а с другой – оказывают значительное прагматическое воздействие на зрителя, вызывая требуемые ассоциации и усиливая узнаваемость используемой художником фраземы, поскольку визуальный код, симультанно воспринимаемый зрителем, непосредственно влияет на эмоционально-чувственную сферу и легче декодируется реципиентом.

Знание транслирующего культурный код визуальных интертекстов позволяет «расшифровывать» и иные иконические элементы, скрытые на других картинах. Так, на картине Д. Тенирса Младшего «Деревенский праздник» (1646), интерпретирующей традиционный для живописи этого времени сюжет крестьянского праздника, в качестве интертекстуального вкрапления представлена сцена, иллюстрирующая пытающуюся поднять пьяного мужа жену, которая визуализирует используемое и в настоящее время в нидерландском языке устойчивое изречение *wie een varken is moet in het schot* ‘тот, кто свинья, должен жить в хлеву’, изображенное также на работах П. Брейгеля Старшего «Пьяница в хлеву со свиньями» (1557) и нескольких копиях его сына, П. Брейгеля Младшего, в частности, «Наказание. Заточение пьяницы в хлеву» (1600-е гг.).

Таким образом, интегрированные в полисемиотическое пространство европейской культуры, визуализированные фразеологические знаки актуализируют как вербальные, так и изобразительные интертекстуальные связи. В этом смысле рассмотрение в полимодальной и интертекстуальной парадигме возможностей «внедрения» языковых структур в художественное пространство произведений искусства видится важной исследовательской задачей в области диахронической фразеологии, способной внести вклад как в реконструкцию фразеологического корпуса отдаленных периодов становления языка, так и в осмысление специфики формирования социокультурных практик Средневековья и раннего Нового времени и позволяющей использовать «фразеологические» гетеросемиотические комплексы в качестве ценного источника для проведения исторических фразеологических исследований и обнаружить интертекстуальный потенциал фразеологических знаков.

Литература

Рыжкина Е.В. Фразеологические единицы как фактор интертекстуальности современного дискурса (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 833-839.

Elena N. Tsvetaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Elena S. Pankratieva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

INTERTEXTUAL POTENTIAL OF LATE MEDIEVAL VISUALIZED' PHRASEOLOGY

The article reveals the potential of historical analysis applied to visualized phraseological units integrated into the polysemiotic space of European culture, which allows to address the issues of historical phraseology and enables understanding of social and cultural peculiarities of specific historical periods. *Key words:* intertextuality, intertextual unit, phraseme, 'visualized' phraseology, 'topsy-turvy' world

З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
zinatim@rambler.ru

ВИЗУАЛЬНОЕ ВЫДВИЖЕНИЕ И ГРАФИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья предлагает анализ роли свободных и связанных семиотических ресурсов в транслингвальном поэтическом тексте. Выбор поэтами-билингвами, такими как В.В. Набоков и Рупи Каур, механизмов графического и визуального выдвижения способствует реализации текстообразующей функции, одновременно позволяя им усилить прагматическое воздействие на своих читателей.

Ключевые слова: транслингвальный поэтический текст, визуальное / графическое выдвижение, свободные и связанные семиотические ресурсы, транскультурная авторская модальность

В последние десятилетия транслингвальный художественный текст как междисциплинарный объект изучения привлекает внимание исследователей, чьи научные интересы связаны с когнитивной лингвистикой и когнитивной стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, лингвоконтактологией, а также с активно развивающейся в XXI в. мультимодальной стилистикой.

«Литературный транслингвизм» [Kellman 2015] предполагает создание художественных произведений авторами-билингвами на неродном или втором для них языке; при этом особый интерес для исследователей феномена транслингвизма представляют как раз механизмы, обуславливающие активную роль субъекта-билингва/мультилингва в *выборе* из своего репертуара (как лингвистического, так и невербального) необходимых ресурсов для эффективного осуществления конкретных коммуникативных практик.

Целью данной статьи является анализ разнообразных семиотических ресурсов, как свободных, так и связанных (в терминологии У. Халлета), участвующих в моделировании смысла транслингвального художественного текста [Hallet 2018]. К свободным, т. е. невербальным ресурсам исследователь причисляет

изображения, графики, фотографии, схемы, несвободные семиотические ресурсы, которые являются вербально опосредованными, как например, использование различных видов шрифта, курсива, параграфирования, что И.В. Арнольд именует «графической образностью» [Арнольд 2002: 315].

В нашей статье мы предлагаем разграничивать: 1) визуальное выдвигание как способ формальной организации художественного текста, при котором внимание читателей привлекается к свободным семиотическим ресурсам; 2) графическое выдвигание, способствующее фокусированию внимания на несвободных семиотических ресурсах [Chemodurova 2021]. Выбор того или иного механизма выдвигания при создании транслингвального художественного текста, в частности, поэтического текста, является одним из важнейших способов выражения транскультурной авторской модальности как конститутивного свойства транслингвальной литературы [Чемодурова 2023:], поскольку в когнитивной лингвистике выдвигание определяется как «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или «ключа» в процессах языковой обработки информации» [Кубрякова и др. 1996: 21].

Выдвигание связанных или свободных семиотических ресурсов – графически или визуально – можно, таким образом, рассматривать как выбор транслингвальным автором из своего репертуара ключей или подсказок, которые способствуют наиболее эффективной передаче читателям основных тем и идей их произведений, усилению эмпатии со стороны читателей, а также экспрессивизации текста.

В качестве материала для исследования были выбраны англоязычное стихотворение В.В. Набокова «An Evening of Russian Poetry» как образец поэтического транслингвизма XX в. и белые стихи Рупи Каур, современной канадской поэтессы индийского происхождения, выучившей английский язык в десятилетнем возрасте.

Графическое выдвигание в поэме Набокова, созданной в форме лекции, где лирический герой обращается к американской студенческой аудитории с описанием русского языка и культуры, при этом очень напоминая небезызвестного профессора Пнина, способствует реализации сразу нескольких текстовых функций: текстообразующей, поскольку Набоков создает эффект полифонического стиха, прибегая к использованию графической образности и курсивизации; номинативной, характеризующей и эмотивной функций, отражая транскультурную авторскую модальность.

On mellow hills the Greek, as you remember,
fashioned his alphabet from cranes in flight;
his arrows crossed the sunset, then the night.
Our simple skyline and a taste for timber,
The influence of hives and conifers,
reshaped the arrows and the borrowed birds.

Yes, Sylvia?

*Why do you speak of words
When all we want is knowledge nicely browned?*
Vladimir Nabokov [sapov.ru]

Безмерная любовь Набокова к русскому языку, от которого ему пришлось отказаться, перейдя в своем творчестве на «второразрядный» для себя, как он считал, английский язык [Nabokov 1995: 317], становится основной темой данного произведения, причем автор-синестет создает уникальный образ, в котором звуки, цвета, запахи, образы передают его ностальгию по родному языку:

Because all hangs together – shape and sound
heather and honey, vessel and content.
Not only rainbows – every line is bent,
and skulls and seeds and all good words are round,
like Russian verse, like our colossal vowels:
those painted eggs, those glossy pitcher flowers
that swallow whole a golden bumblebee
those shells that hold a thimble and the sea.
Next question.

Vladimir Nabokov [sapov.ru: URL].

Используя эпитеты, сравнения, анафорические повторы, аллитерацию и ассонанс, а также включая в текст ксенонимы-русизмы как транслитерированные единицы, Набоков моделирует поэтическую картину мира, в которой благодаря ресурсам сразу двух языков ему удается искусно сочетать рефлексии автора-билингва с сильнейшим эмоциональным воздействием: «Had I more time tonight I would unfold the whole amazing story – *neighukluzhe, nevynossimo* – but I have to go» Vladimir Nabokov [sapov.ru: URL].

Рупи Каур в своем поэтическом творчестве регулярно прибегает к механизму визуального выдвижения, предоставляя своим читателям дополнительные ключи для обработки языковой информации, усиливая прагматический эффект на адресатов и одновременно вовлекая их в игру воображения, в которой создаваемые ее иллюстрации (свободные семиотические ресурсы) выполняют роль визуальных опор в такой интертекстуальной игре.

i could not contain myself any longer
i ran to the ocean
in the middle of the night
and confessed my love for you to the water
as i finished telling her

(ode to sobha singh's *sohni mahiwal*)

the salt in her body became sugar [Kaur 2017: 157].

Отражая в своем англоязычном творчестве традицию родного для нее пенджабского языка, в котором не используются заглавные буквы, Рупи Каур создает мультимодальные кластеры, включающие вербальный и иконический компоненты, причем очень часто образцовый читатель ее произведений, так же, как и в случае с поэзией Набокова, должен обладать немалой транслингвальной / транскультурной компетенцией [Чемодурова 2023]. Визуальная интертекстуальность как маркер транскультурной авторской модальности оживляет в воображении ее адресатов-сообщников по игре трагическую легенду о любви Сохни Махивал, ставшую одной из ключевых тем в творчестве известного в Индии художника Собха Сингха.

Таким образом, исследование показало, что используемые авторами-билингвами в их поэтическом творчестве свободные и связанные семиотические ресурсы, выступая маркерами транскультурной авторской модальности, способствуют усилению эмоционального воздействия на читателей и вовлекают их в межкультурный диалог, позволяющий современным читателям совершенствовать их транслингвальную компетенцию.

Литература

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.
- Чемодурова З.М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24-37.
- Chemodurova Z.M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 5-15.
- Hallet W. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // *Anglistik: International Journal of English Studies*. 2018. 29.1 (March 2018). Pp. 25-40.
- Kaur Rupi. *The Sun and Her Flowers*. Missouri: Andrews McMeel Publ., 2017.
- Kellman S.G. et al. (2015). Introduction. *Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity* // *L2 Journal*. 2015. Vol. 7. Pp. 3-5.
- Nabokov V. *An Evening of Russian Poetry*. URL: Vladimir Nabokov (sapov.ru).

Nabokov V. Lolita. London: Penguin Books, 1995.

*Zinaida M. Chemodurova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

VISUAL FOREGROUNDING AND GRAPHICAL IMAGERY IN TRANSLINGUAL POETRY

The article offers the analysis of the role of free and bound semiotic resources in translanguaging poetry. The choice of visual and graphical foregrounding by bilingual poets, such as V.V. Nabokov and Rupi Kaur, helps them to construct their bilingual texts, letting the authors at the same time enhance the pragmatic impact on their readers

Key words: translanguaging poetry, visual and graphical foregrounding, free and bound semiotic resources, transcultural authorial modality

*Юань Минцин (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
1257736939@qq.com*

СПОСОБЫ РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В НОВОСТНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье с опорой на системно-функциональную грамматику М. Халлидея применительно к мультимодальному анализу устанавливаются дискурсивно-семиотические характеристики, описывающие варьирование социосемиотического контекста, или реконтекстуализацию информации в дискурсе российских и китайских новостных Интернет-порталов.

Ключевые слова: системно-функциональный дискурс-анализ, реконтекстуализация, варьирование контекста, новостной Интернет-портал

Появление веб-сайтов открыло новые возможности для распространения информации. Они стали важным каналом публикации официальной информации и в то же время значимым материалом исследований в области мультимодального критического дискурс-анализа. При том, что изучению чаще подвергаются тематические веб-сайты, например, сайты образовательных учреждений [Djonov et al. 2015], военных организаций [Wang Weilin 2019; Hu Mingxia 2020], финансовых учреждений [Cheng Xia 2021], исследования, обращающиеся к новостным сайтам как политематическим на настоящий момент редки. Мы предполагаем, что проблему анализа политематической информации новостных сайтов возможно решить путем анализа варьирования социосемиотического контекста в дискурсе. Вслед за [Djonov et al. 2015] и [Wang Weilin 2019], в данной работе контекст рассматривается как информация, организующая дискурс; его варьирование проявляется в способах реконтекстуализации информации под влиянием ряда факторов, дискурсивных и семиотических.

Основным методом анализа реконтекстуализации на российских и китайских новостных Интернет-порталах является мультимодальный критический анализ дискурса в версии системно-функционального анализа, предложенного Т. Ван Льюэном [Van Leeuwen 2005] с опорой на теорию М. Халлидея [Halliday, Hasan 1985]. Этот метод позволяет определить состав дискурсивных и семиотических

особенностей, представляющих три измерения социосемиотического контекста информации в языковой и визуальной модальностях – Поле (процессы, участники и обстоятельства), Тональность (агентивная роль, социальная иерархия и социальное дистанцирование) и Модус (вертикальный и горизонтальный контекст). Эти измерения могут быть идентифицированы путем описания их макрохарактеристик. На порталах российских и китайских новостных сайтов измерение «Поле» охарактеризовано масштабом информации и сферой знаний; измерение «Тональность» описывается с учетом отношения к читателю и к предоставляемой информации; измерение «Модус» может быть представлено вертикальным и горизонтальным информационным контекстом и формой передачи информации. Варьирование в параметрах этих макрохарактеристик, определяемое какой-либо из них, и описывает смену всего социосемиотического контекста, или реконтекстуализацию информации.

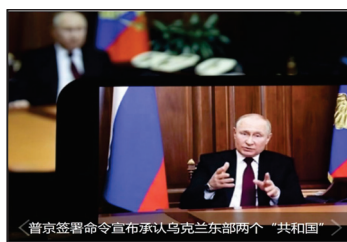
В качестве материала для анализа было отобрано 624 новостных статьи из 20 выпусков, опубликованных в одни и те же даты на российских и китайских новостных порталах. Все статьи были аннотированы на предмет проявления вышеуказанных характеристик и средств их реализации в тексте и изображении. Далее были определены показатели всех характеристик, определяемые макрохарактеристиками в рамках каждого из измерений; установлены макрохарактеристики, которые обеспечивают наибольшее варьирование контекста. Также описаны средства реализации этих характеристик в тексте и в изображении. Например, характеристика «Участник» измерения «Поле» описана языковыми показателями – названием стран или регионов, названием международной или региональной организации или именами известных лиц, а в изображении – знаками, флагами или символами организаций или стран, а также образами известных лиц. Характеристика «Агентивная роль» («обращение» издания к читателю) измерения «Тональность» представлена следующими средствами в тексте – агентивными и модальными глаголами, риторическими вопросами, побудительными предложениями и обращениями и др.; эта же характеристика в изображении репрезентируется демонстрацией взгляда участников изображения «на читателя», мимики, жестового поведения (в контактоустанавливающих жестах).

В ходе анализа измерения «Поле» установлено варьирование, определяемое масштабом информации (о своей / о чужой стране) и сферой знаний (политика, экономика и др. – всего 24 сферы). В измерении «Тональность» варьирование проявилось в отношении к читателю (интерактивность / отсутствие интерактивности) и к предоставляемой информации (массовая и специализированная адресация информации). В измерении «Модус» варьирование определено как в реализации вертикального (верхний, средний и нижний блоки) и горизонтального контекста (основная и дополнительная колонка), так и в выборе формы передачи информации, а именно, в рубрике, заголовке, подзаголовке, заглавном изображении, аннотации. Также установлен ряд отличий в варьировании социокультурного контекста в дискурсе русскоязычных и китайских новостных Интернет-порталов.

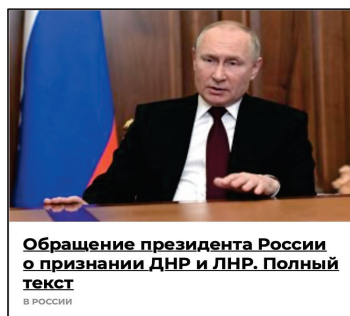
Приведем некоторые примеры, подтверждающие полученные результаты. Так, на Рис. 1-4 показаны новостные статьи, находящиеся в основной колонке среднего блока портала; они демонстрируют образ лидеров стран.

1

2

3

4

Рис. 1-4. Иллюстрации к анализу социосемиотического контекста

В измерении «Поле» Рис. 1 (让人们生活幸福是“国之大者” / сделать жизнь людей счастливой – это «величие страны»), Рис. 2 (普京签署命令宣布承认乌克兰东部两个“共和国” / Путин подписал указ о признании двух республик), Рис. 3 и Рис. 4 являются новостями в политической сфере, но различаются по масштабу информации: на Рис. 1 и 3 публикуется только информация о своей стране, а на Рис. 2 и 4 содержится информация о других странах. Текст на Рис. 2, 3, 4 включает имя известного политического деятеля, название стран или регионов, что позволяет читателю идентифицировать масштаб информации и область знания; при этом содержание языковой и визуальной модальностей оказывается дублирующим. По сравнению с остальными тремя новостями, Рис. 1 демонстрирует отличия в реализации контекста: в языковой модальности отсутствует указание на масштаб или сферу, но упоминание *величия страны* является непрямой референцией к управлению страной и позволяет установить сферу информации; содержание визуальной модальности дополняет содержание языковой. Проанализировав приведенные четыре новости, обнаруживаем следующие способы варьирования социосемиотического контекста (см. Табл.) в измерении «Поле»:

Таблица. Способы варьирования социосемиотического контекста в измерении «Поле»

	Поле	Тональность	Модус
Китай	о политике своей страны	+ социальное дистанцирование в тексте; + уменьшение социальной дистанции и отражение социальной иерархии в изображении	+ фокусирование в тексте и изображении

	о политике чужой страны	+ социальное дистанцирование в тексте; + социальное дистанцирование и устранение социальной иерархии в изображении	+ дефокусирование в изображении
Россия	о политике своей страны	+ усиление агентивной роли в языке; + уменьшение социальной дистанции и отражение социальной иерархии в изображении	+ фокусирование в тексте и изображении
	о политике чужой страны	+ уменьшение социальной дистанции и социальной иерархии в тексте; + уменьшение социальной дистанции и социальной иерархии в изображении	+ дефокусирование в изображении

Несмотря на то, что вышеупомянутые новости относятся к политической сфере и содержат изображения политических деятелей, их «Тональность» демонстрирует различия. В языковой модальности на Рис. 1 используется архаизм, который характеризует официальный стиль в китайском языке, что в определенной степени увеличивает социальную дистанцию до читателя. Однако в визуальной модальности демонстрируется изображение улыбающегося и машущего рукой Си Цзиньпина, что, напротив, приближает политика к читателям. В целом языковая и визуальная модальности дополняют друг друга в этой новости, показывая образ высшего руководителя страны как любимого читателю, но при этом «недоступного». На Рис. 2 выражение *подписать приказ* в китайском языке характеризуется низкой частотностью, что вновь увеличивает социальную дистанцию между китайскими читателями и участником события. При этом и в модальности изображения лидер представлен в рабочей обстановке, что еще больше увеличивает ее. Использование слова *обращение* в тексте на Рис. 3, напротив, сокращает социальную дистанцию, сближая «лидера» и «народ». Однако демонстрация лидера сбоку (а не обращающегося к читателю) вновь увеличивает ее. Языковая модальность на Рис. 4 содержит слово с ярко выраженной негативной оценкой, демонстрируя неодобрительное отношение к лидеру. Использование данного выражения превращает лидера в объект критики со стороны непрофессионалов, что сокращает дистанцию. Учитывая особый ракурс демонстрации лидера в модальности изображения, его многозначный жест (который может быть рассмотрен и как жест приветствия, и как жест «отталкивания»), можно заключить, что определение социальной дистанции здесь затруднено, так как содержание «Тональности» оказывается противоречивым.

В отношении измерения «Модус» отметим, что в отличие от российских новостей (Рис. 3, 4), текст китайских новостей (Рис. 1, 2) расположен внизу изображения, не занимая отдельного места, что визуально «разбивает» содержание модальностей. Кроме того, использование архаичных слов в тексте на Рис. 1 и наличие слов с негативной оценкой, редко используемых в отношении лидеров, в тексте на Рис. 4 повышают «выделенность» (фокусирование) [Киосе 2021] данной информации.

Таким образом, проведенный анализ реконтекстуализации новостной информации не только позволяет установить различия в социосемиотической организации дискурса, но и предлагает исследовательскую модель, позволяющую проводить контрастный анализ влияния разных семиотических и дискурсивных факторов в разных культурах.

Литература

Kuoce M.I. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021.

Cheng Xia. A Cross-cultural Study on the Discursive Construction of Chinese and American Banks' Online Identities. University of International Business and Economics, 2021.

Djonov E., Knox J.S., Zhao S. Interpreting websites in educational contexts: a social-semiotic, multimodal approach // International Handbook of Interpretation in Educational Research. Netherlands: Springer Netherlands, 2015. Pp. 315-345.

Halliday M.A.K., Hasan R. The structure of a text // Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Deakin University, Victoria, 1985. Pp. 52-69.

Hu Mingxia. Multimodal analysis of Representative Military History Special Report Homages in DoD and Star and Stripes websites. National University of Defense Technology, 2020.

Van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. London: Routledge, 2005.

Wang Weilin. Image for Knowledge Construction in the Military News Reports of the DoD Website. National University of Defense Technology, 2019.

Yuan Mingqing (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

INFORMATION RECONTEXTUALIZATION MODELS IN NEWS ONLINE PORTALS

In the study, based on the systemic functional grammar of M. Halliday and its application in multimodal analysis, we identify discursive-semiotic characteristics that describe variations in social semiotic context, or recontextualization of the discourse of Russian and Chinese news Internet portals. *Key words:* system-functional discourse analysis, recontextualization, context variation, Internet news portal

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

*Е.А. Абросимова (Омск, Россия)
Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина
abrosimova@inbox.ru*

КЛЯТВА ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются ценности ветеринарного дискурса. Выделяются этические и профессиональные принципы, отраженные в клятвах ветеринарных врачей Великобритании, США, Канады, Ирландии, Австралии и России. Делаются выводы об общих и специфических аксиологических представлениях о профессии ветеринарного врача.

Ключевые слова: ветеринарный дискурс, клятва ветеринарного врача, ценности, аксиология, картина мира

В контексте систематизации и описания персональных и институциональных дискурсов постоянный исследовательский интерес вызывают выраженные в языковом плане «общие и специфические характеристики аксиологических картин мира» [Бабаева 2004: 2]. Дискурс рассматривается как один «из генераторов и трансляторов ценностей» [Молодыхенко 2016: 122], фиксирующий «определенное «видение мира», выгодное стоящим за этим дискурсом социальным акторам» [там же]. Ценности обладают такими характеристиками как смысловая природа, мотивационная обусловленность и ориентационный вектор [Карасик 2019: 37] и могут быть представлены в виде реализации ментальных моделей, когнитивных доминант [Телия 1996; Семенов 2016; Ромашова 2020].

К настоящему времени появляется все больше исследований, посвященных аксиологии ветеринарного дискурса, что связано с активным развитием биоэтики и ветеринарной деонтологии. В работах, выполненных на материале анкетирования профессиональных деятелей, можно наблюдать различие отмечаемых ценностей и их приоритетов: одни ветеринары выделяют как важнейшую ценность животное и его здоровье, другие – интересы фермера, третьи – научные принципы, а также собственные взгляды и предпочтения [Graaf 2005]; в некоторых исследованиях отмечается, что при экспликации таких ценностей как академизм, клиентоориентированность, профессиональная идентичность, может практически не упоминаться благополучие животных [Gaida et al. 2018; Perrin 2016].

Цель статьи – рассмотрение аксиологических принципов ветеринарного дискурса на материале клятв ветеринарного врача, которые приносят в ветеринарных учебных заведениях разных стран [AMVA; CVMA; RCVS Veterinary Oaths], в том числе в некоторых российских вузах [Валл 2003: 230]. Клятва является своеобразной декларацией ценностей ветеринарного дискурса, а их экспликация становится, по сути, жанрообразующим параметром этого типа текстов.

Среди ценностей ветеринарного дискурса можно выделить группу **этических принципов**. Практически во всех клятвах называются такие личностные качества, переходящие при этом и на характеристику самой профессии, как *добросовестность / совесть, достоинство* (в англоязычных клятвах используются слова *integrity, dignity, honour, conscientiously*): «I will pursue the work of my profession with integrity» (Великобритания), «I will practice my profession conscientiously... with dignity» (США, Канада), «I solemnly swear to practice veterinary science ethically and conscientiously» (Австралия), «...uphold the honour, dignity and integrity of the veterinary profession» (Ирландия), «совесть..., руководствоваться нормами... общечеловеческой морали, ...благородство профессии» (Россия). *Этичность* как необходимый ветеринару моральный принцип также упоминается в клятвах, причем в большинстве случаев имеются в виду нормы врачебной / ветеринарной этики: «...swear to practice veterinary science ethically» (Австралия), «in keeping with the principles of veterinary medical ethics» (США, Канада), «to maintain ...ethical standards for myself and the profession» (Канада), «...руководствоваться ...нормами врачебной этики» (Россия).

Во всех клятвах, кроме канадской, актуализируется такая ценность как *ответственность, обязательство*, которое берет на себя специалист (*responsibilities, responsibility, a lifelong obligation*). В клятве ветеринаров Великобритании упоминается ответственность перед обществом, профессией, клиентами и самим учебным заведением («...responsibilities to the public, my clients, the profession and the Royal College of Veterinary Surgeons»); в американской клятве отмечается обязательство совершенствовать профессиональные навыки («I accept as a lifelong obligation the continual improvement of my professional knowledge and competence»); в клятве австралийских ветеринаров упоминается *общественная и профессиональная ответственность – наряду с привилегиями, которые дает профессия* («I acknowledge that along with the privilege of acceptance into the veterinary profession comes community and professional responsibility»); *российская клятва содержит слово «долг»* («Постоянно помнить о долге ... врачей»).

Профессиональные ценности ветеринарного дискурса в клятвах связаны с *научным прогрессом и поддержанием рабочих стандартов, благополучием животных и экологией*. Так, в российском и американском текстах акцентируется внимание на использовании научных знаний и навыков на благо общества: «Я торжественно клянусь использовать свои научные знания и навыки на благо общества;... способствовать прогрессу ветеринарной науки и практики» (Россия), «...to use my scientific knowledge and skills for the benefit of society» (США); *также в российской, американской и канадской клятвах упоминается постоянное совершенствование знаний и навыков*: «I accept as a lifelong obligation the continual improvement of my professional knowledge and competence» (США), «I will strive continuously to improve my professional knowledge and competence, advance comparative medical knowledge» (Канада), «Я принимаю в качестве пожизненного обязательства постоянное совершенствование своих профессиональных знаний и компетентности...» (Россия). В клятвах Австралии и Ирландии не нашли отра-

жение такие ценности как *прогресс ветеринарной науки* и постоянное *совершенствование профессионализма*, но сделан акцент на *следование стандартам*: «I will endeavour to maintain my practice of veterinary science to current professional standards» (Австралия), «I will abide by the rulings of the Veterinary Council» (Ирландия). В российской клятве также есть указание на документ, регламентирующий действия ветеринаров: «Во всех своих действиях руководствоваться положениями Закона «О ветеринарии». Кроме того, в российской клятве эксплицируется такая ценность как *традиции*: «Беречь и приумножать традиции ветеринарной медицины».

Благополучие животных в клятве ветеринаров Великобритании рассматривается как важнейшая и выделяется графически: «...and that ABOVE ALL my constant endeavour will be to ensure the health and welfare of animals committed to my care»; в США и Канаде данный принцип раскрывается наиболее подробно (подчеркивается необходимость предупреждения и облегчения страданий животных): «...the protection of animal health and welfare, the prevention and relief of animal suffering». В остальных клятвах также эксплицирована эта ценность: «...for the benefit of animal welfare, animal and human health» (Австралия), «I will promote the welfare of animals entrusted to my care» (Ирландия), «...гуманно и заботливо относиться ко всему живому» (Россия).

Забота об экологии как ценность ветеринарного дискурса выделяется в клятвах США, Канады и России: «...the conservation of animal resources» (США); «...protect...environment» (Канада), «...все свои знания и способности посвятить охране окружающей среды» (Россия).

Среди профессиональных ценностей в клятвах эксплицируются также те, которые скорее относятся к плану коммуникации между участниками ветеринарного дискурса: *коллегиальность* и *клиентоориентированность*. *Коллегиальность* упоминается только в российской клятве: «В сложных ситуациях прибегать к совету коллег и самому не отказывать им в поддержке словом и делом. Дорожить принципом “Врач врачу друг”» (Россия). Прямое упоминание *клиента* есть только в клятве ветеринаров Великобритании («...responsibilities to ...my clients»); в австралийском варианте используется выражение «users of veterinary services»; в остальных клятвах говорится о заботе о людях и об обществе в целом: «...for the benefit of society» (США), «...protect the health of the public» (Канада), «...human health» (Австралия).

Как этические, так и профессиональные принципы, нашедшие отражение в ветеринарных клятвах, так или иначе направлены на служение обществу и окружающему миру в целом и не касаются благополучия самого ветеринарного врача. В связи с этим примечательно предложение организации Galaxy Vets включить в профессиональные клятвы такую ценность как *забота о физическом и психическом здоровье самих ветеринаров* [Galaxy Vets 2022].

Итак, клятвы ветеринарного врача эксплицируют определенное поле ценностей, имеющих различную иерархию в зависимости от национальной специфики. Набор этических принципов, относящихся к личностным качествам человека и

распространяющихся на саму профессию, оказывается в целом единым. Основная профессиональная ценность – благополучие животных – отмечена во всех клятвах, при этом в Великобритании она выделена как основная, в Канаде – как противоположность страданию животного, в России – как обобщенная, философская категория (*гуманность ко всему живому*). При этом другие профессиональные ценности (*научный прогресс, следование традиции, коллегиальность, клиентоориентированность, забота об экологии*) демонстрируют большую вариативность.

Литература

- Бабаева Е.В.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
- Валл Г.И.* Латинский язык учебник для ветеринарных специальностей вузов. М.: Высшая школа, 2003.
- Карасик В.И.* Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2019. № 4. С. 35-49.
- Молодыхенко Е.Н.* Ценности и оценка в дискурсе конюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 122-130.
- Ромашова И.П.* Ценности корпоративного дискурса: к методике анализа // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2020. № 1 (435). С. 151-157.
- Семеновко Н.Н.* Ценность как когнитивная доминанта паремической семантики // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород: Эпицентр, 2016. С. 255-261.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- AMVA – American Veterinary Medical Association. URL: <https://www.avma.org/resources-tools/avma-policies/veterinarians-oath>.
- CVMA – Canadian Veterinary Medical Association. URL: www.canadianveterinarians.net.
- Gaida S., Härtl A., Tipold A., et al.* Communication identity in veterinary medicine: a grounded theory approach // Veterinary Record Open. 2018. № 5 (1).
- Galaxy Vets calls for an update to the veterinary professional oaths. News release // Galaxy Vets. January 27, 2022. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/galaxy-vets-calls-for-an-update-to-the-veterinary-professional-oaths-301469309.html>.
- Graaf J. de.* Veterinarians' discourses on animals and clients // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. 2005. Iss.18 (6). P. 557-578.
- Perrin H.* A discourse analysis of the depiction of veterinary training by UK veterinary organizations // VetEd: Symposium of the National Veterinary Schools Council at University of Glasgow, 2016. URL: <https://www.researchgate.net/publication/317598626>.
- RCVS – Royal College of Veterinary Surgeons URL: <https://www.rcvs.org.uk/setting-standards/advice-and-guidance/code-of-professional-conduct-for-veterinary-nurses>.
- Veterinary Oaths. URL: <https://onewelfare.sydney.edu.au/veterinary-oaths>.

Ekaterina A. Abrosimova (Omsk, Russia)
P.A. Stolypin Omsk State Agrarian University

VETERINARIAN'S OATH IN THE AXIOLOGICAL ASPECT

The article examines the values of veterinary discourse. The ethical and professional principles reflected in the oaths of veterinarians in the UK, USA, Canada, Ireland, Australia and Russia are highlighted. Conclusions are drawn about general and specific axiological ideas about the profession of a veterinarian.
Key words: veterinary discourse, veterinarian's oath, values, axiology, picture of the world

М.В. Аксенова (Нижний Новгород, Россия)

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
marina.v.aksenova@gmail.com*

Е.И. Никанорова (Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ Ф. О'КОННОР «ПОЕЗД»

В статье рассматривается феномен имен собственных в контексте рефлексии в рамках когнитивного подхода. Материалом для исследования послужил рассказ американской писательницы Флэннери О'Коннор «Поезд», где главный герой пытается реконструировать и обрести собственную идентичность, воссоздавая знакомый ему мир из имен.

Ключевые слова: имя, имя собственное, литература, путешествие, идентичность, рефлексия

Имена собственные как языковые единицы несут особую нагрузку, выступая единицей коммуникации, когниции и даже рефлексии. Само сотворение мира связано с называнием, определением имени и установлением порядка, отличного от хаоса. Имя становится ключом, своеобразным кодом, фиксирующим информацию, которую можно извлечь. «Обращение к когнитивной парадигме при изучении имен собственных представляется вполне естественным... пониманием ИС как языкового знака», – указывает О.Н. Новикова [2009].

На примере рассказа «Поезд» американской писательницы Флэннери О'Коннор можно проследить, каким глубоким смыслом и значением обладает имя. В рассказе представлены имена собственные: имена людей, их фамилии, названия городов, которые вместе представляют для героя логичную и понятную систему, находящуюся под угрозой надвигающегося хаоса (путешествия в поезде).

Топос рассказа в узком смысле определен поездом, это некомфортное и закрытое пространство. Повествование начинается с размышлений Хейза о том, что он купил место на верхней полке, однако проводник указывает ему на нижнюю (сдвиг и хаос). Лежа на полке ночью, он беспокоится, что потолок нависает слишком низко, нет окна, даже забраться на полку он может только с помощью проводника. В более широком смысле география рассказа обусловлена названиями, которые разбросаны в тексте: Истрод, Толкинхэм, Чаттануга, Флорида, Чикаго, Мемфис и т. д.

Что касается времени, оно также течет с нарушениями: «The way things happened, one after another, it seemed like time went by so fast you couldn't tell if you were old or young. She looked as if it had been cheating her, going double quick when she was asleep and couldn't watch it». Хейз спрашивает у проводника, сколько времени займет раскладывание верхней полки и успокаивается, услышав о семи минутах, вполне конкретном и осязаемом промежутке. Вспоминая о неприятных инцидентах, Хейз считает, что с тех пор прошел уже год: «It seemed a year since he had fallen over the porter in the aisle». Однако в приятных воспоминаниях о матери время снова течет как положено: long years after оказываются действительно долгими годами. Точность координат, как географических, так и временных способствует сохранению и пониманию себя, в отличие от неправильного пространства поезда,

где даже время течет не так, как положено.

Фабула рассказа довольно проста: молодой человек по имени Хейз едет в Толкинхэм на поезде. Там он видит проводника, которого принимает за сбежавшего сына Кэша, своего земляка из Истбрука. С первых строк автор погружает читателей в мир, полный неопределенности и даже хаоса. Первые три страницы разговоры главного героя с другими персонажами передаются лишь в форме косвенной речи, сопровождаясь сбивчивыми повторами, и создавая полное ощущение, что герои не разговаривают, но лишь одновременно произносят свои реплики, причем делают это лишь в сознании Хейза. Хейз не способен связно изъясняться в диалоге с другими, на что указывают его реплики, часто не связанные с репликами собеседника. Такая раскоординированность участников коммуникации указывает на невозможность их взаимодействия друг с другом, невозможность обретения смысла и гармонии. Появляется своеобразный «смысловый панцирь», не позволяющий личности остаться наедине с собственными мыслями и ощущениями» [Фортунатов 2023]. Так, Хейз спасается от неловкого разговора с Миссис Хозен, которая изливает на него потоки собственных воспоминаний, тем, что проговаривает про себя: «She was a Jackson», вспоминая о матери и создавая своеобразный ментальный якорь.

Выбор путешествия как основы сюжета предполагает некое линейное перемещение, часто в травелогах путешествие сопровождается духовным ростом героя, так как расширение физических границ дает возможность нравственного роста, узнавания новых миров и культур. В рассказе «Поезд» нет линейного движения, мир погружен в абсолютный хаос. Можно предположить, что Хейз едет из родного города в Толкинхэм, поскольку именно это он объявляет проводнику и попутчице. Однако проводник упоминает, что Истрода нет на пути следования этого поезда.

«My name is Hazel Wickers, he said. I'm nineteen. My mother was a Jackson. I was raised in Eastrod, Eastrod, Tennessee» – так представляет себя главный герой. Якорями идентичности в рассказе служат имена, которые в свою очередь привязаны к географическим точкам, что позволяет упорядочить окружающий хаос. Соседка по купе также представляется Хейзу и сыпет названиями мест, которые так или иначе с ней связаны: «Her name was Mrs. Wallace Ben Hosen; she had been a Miss Hitchcock before she married».

Хейз отчаянно хочет увидеть в проводнике сбежавшего сына своего соседа Кэша, что безусловно усмирило бы окружающий хаос, и позволило ему снова обрести свою идентичность в движущейся суматохе поезда. Хейз уверен, что проводник из одного с ним городка, в своей голове он постоянно проигрывает их беседу, которая больше похожа на повторенный много раз вопрос: «What would the porter say when he told him: I'm from Eastrod? What would he say?»

Герой пытается обрести мир, узнавая его сквозь физические знаки: проводник становится проводником, надевая белую униформу, пассажиры погружаются в ночь, переодеваясь ко сну. (Любопытно, что позднее О'Коннор перерабатывает «Поезд» в первую главу романа «Мудрая кровь», где в одном из эпизодов

уже повзрослевший Хейз также обретет новую идентичность, когда сменит военную форму на гражданский костюм, и женщина в поезде скажет ему, что он похож на проповедника). Похожим физическим знаком утверждения идентичности человека становится и шкаф матери героя: «His ma always slept in the kitchen and had her walnut shifferrobe in there. Wasn't another shifferrobe nowhere around. She was a Jackson». Этот шкаф – уникальный предмет, наряду с именем он определяет мать Хейза. После ее смерти Хейз, беспокоясь, оставляет записку, которая, пожалуй, представляет его самое длинное и осознанное высказывание: «THIS SHIFFERROBE BELONGS TO HAZEL WICKERS. DO NOT STEAL IT OR YOU WILL BE HUNTED DOWN AND KILLED». Нельзя красть чужую идентичность, но необходимо сохранить свою.

Отречение, случайное или нарочное забвение собственной идентичности мучительно для героя. Он не верит в то, что проводник не является его земляком: «Cash's son. From Eastrod. But not wanting Eastrod; hating it». «He was from Eastrod. From Eastrod but he hated it».

Отказ проводника от принадлежности к Истбруку и выдуманная Хейзом ненависть проводника к городу становится ненавистью к самому Хейзу – настолько тесно сплетены вместе город и человек. Молодой человек полагает, что проводник дал ему неудобную полку без окна из ненависти. Хейз размышляет о том, что и сам Кэш, которого он ошибочно считает отцом проводника, не принял бы такого человека: «Cash wouldn't have put any claim on him. He would not have wanted him. He wouldn't have wanted anything that wore a monkey white coat and toted a whiskbroom in his pocket».

Хейз не может дать прямой ответ, когда Миссис Хозен спрашивает его, едет ли он домой. Напротив, он говорит о том, что *не* является его домом. Попутчица настаивает и спрашивает, где же он живет, и это указание на потерю места в мире пугает Хейза: «He wanted to get away from her. "It was there" he mumbled, squirming in the seat. Then he said, "I don't rightly know, I was there but..."». Сразу же Хейз выбегает из купе поговорить с проводником. Повторив несколько раз название своего города, словно заклинание, он видит, что это не имеет успеха. Проводник сообщает ему, что он родом из Чикаго, и его отец тоже работал на железной дороге (таким образом, и этот персонаж имеет четкую связь с определенной локацией).

Однако и топонимы не спасают Хейза, так как вскоре он понимает, что названия городков двоятся. «"You must be thinking of another Grand Rapids," she said. "The Grand Rapids I'm talking about is a large city and it's always where it's always been"» – Миссис Хозен намекает, что ее мир, в отличие от мира Хейза стабилен и упорядочен. Подобным образом множатся и персонажи, и Хейз вместо проводника видит уже множество неотличимых друг от друга темнокожих мужчин.

Ночь становится спасением от хаоса, потому что в воображении он может вызвать тот мир, который ему нужен: «He could shut his eyes and make Eastrod at night out of any of them – he could find the two houses with the road between and the store and the nigger houses and the one barn...». Хейз пытается воссоздать привычный и знакомый ему мир, где мать жива и зовет его, однако его мысли разбиваются о реальность: «He seen his ma coming up the path... and then standing in the

doorway: Haaazzzzeeeeee, Haazzzeeee, come in here. The train said it for him. He wanted to get up and go find the porter!»).

Хейз пытается разрешить любую дискомфортную ситуацию тем, что выходит искать проводника и поговорить с ним об Истбруке, ведь это бы подтвердило и существование города, и существование самого Хейза. Однако все его попытки провести этот магический ритуал оказываются неудачными. В полубреду ему мерещится гроб матери, которая, как и он сам, оказалась в закрытом и неудобном пространстве. Очнувшись, в дальнем конце вагона он видит проводника в его белой униформе, однако тот стоит далеко и Хейз не может к нему подойти: «The tracks curved and he fell back sick into the rushing stillness of the train». Хейз замирает в одной точке, так и не обретя себя.

Литература

Глаголев Я.Б., Киловатая М.А. Когнитивная интерпретация имени собственного в оригинале и переводе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-interpretatsiya-imeni-sobstvennogo-v-originale-i-perevode>.

Дорофеева А.С. Когнитивно-прагматический подход в профессиональном лингвистическом образовании // Вестник Мининского ун-та. 2023. Т. 11. № 4. С. 4.

Новикова О.Н. Потенциал когнитивного подхода при изучении имен собственных // Вестник ТГУ. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-kognitivnogo-podhoda-pri-izuchenii-imen-sobstvennyh>.

Фортунатов А.Н. Роль «презумпции добра» в коммуникативном процессе // Вестник Мининского ун-та. 2023. Т. 11. № 4. С. 15.

O'Connor F. Collected works. New York: The library of America, 1988. Pp. 753-762.

Marina V. Aksenova (Nizhny Novgorod, Russia)
K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Ekaterina I. Nikanorova (Nizhny Novgorod, Russia)
K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

PROPER NAME AS THE OBJECT FOR REFLECTION IN SEARCH OF IDENTITY IN “THE TRAIN” BY F. O’CONNOR

The article considers the phenomenon of proper names in the context of reflection within the frameworks of cognitive approach. The material for the research was “The Train”, a short story by Flannery O’Connor, an American writer. The main character is struggling to reconstruct and have his own identity, trying to reassemble his world from names.

Key words: name, proper name, literature, travel, identity, reflection

А.В. Анищенко (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
allan031@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ЭМОТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АУДИОКОММЕНТАРИЯ

В статье на материале немецкоязычного телевизионного фильма «Окружной суд» (2017) анализируются способы селекции и трансляции эмотивной информации в тексте аудиоконмента-

рия. Систематизируются языковые средства объективации эмоций; выявляются модели адаптации и представления эмотивной информации.

Ключевые слова: аудиодескрипция, тифлокомментирование, эмотивность, эмотивная информация, эмотивные кинемы

Вопросы совершенствования условий безбарьерной коммуникации и оптимизации инклюзивной среды представляют собой междисциплинарный научный интерес, находясь на перекрестке лингвистики, теории коммуникации, дефектологии, психологии, педагогики, культурологии и других гуманитарных и общественных областей. Их решение позволит обеспечить реализацию важной социально значимой задачи – создание инклюзивного общества. Необходимой научной предпосылкой для обеспечения культурного трансфера в рамках инклюзивной коммуникации является создание методик отбора, анализа и обработки информации с учетом когнитивно-сенсорных особенностей реципиентов с ограниченными возможностями здоровья.

В фокусе предлагаемого исследования находятся способы трансляции эмотивного кода в художественном фильме как сложной семиотической системе. Понимая под эмотивным кодом в широком смысле семиотическую систему корреляций между эмоционально-чувственной составляющей коммуникативного процесса и ее объективацией и концептуализацией [Эмотивный код языка и его реализация 2003: 7], мы ставим задачу проследить способы трансформации и представления такого рода информации в художественных фильмах с аудиодескрипцией (тифлокомментированием), т. е. фильмах, предназначенных для реципиентов с нарушениями зрительной функции.

Необходимо отметить, что создатель аудиокomentarия выступает в качестве активного субъекта коммуникации, поскольку предлагает реципиенту текст описания визуальных объектов и действий под углом зрения своего собственного визуального впечатления (Erlebnissimulation) [Benecke 2014]. Таким образом, транслируемые эмотивные смыслы не «переводятся» из одного семиотического кода в другой, а воссоздаются с учетом эмоционального и социального опыта аудиодескриптора. В задачи звукового описания объектов и событий для незрячих реципиентов в художественном фильме как в художественном произведении входит не только реализация познавательной и эмотивной, но и культурно-эстетической функции, т. е. художественный фильм должен стать для реципиента с нарушением зрения эстетическим и эмоциональным событием и оставить адекватное эмоциональное впечатление. Очевидно, что не последнюю роль для психологического и эстетического воздействия на зрителя художественного фильма будут играть именно визуальные художественные средства и приемы кинематографа – крупный план, ускоренная съемка, смена планов, свет и цвет, не доступные для восприятия незрячими реципиентами. Кроме того, особой проработки в процессе создания звукового комментария требуют сенсационные коммуникативные акты и учет их функциональной направленности.

Материалом исследования выбран немецкоязычный художественный телевизионный фильм «Окружной суд» («*Landgericht – Geschichte einer Familie*»),

2017), который повествует о судьбе семьи Корнитцер (*Kornitzer*): судьбе-евреев Рихарде Корницере, который в 1947 г. возвращается из эмиграции на Кубе в послевоенную Германию, и его супруге Клэр, женщине арийского происхождения, успешной предпринимательнице, потерявшей после прихода Гитлера к власти собственную компанию по производству рекламных фильмов и пытающейся воссоединить свою семью, разбросанную по миру в хаосе войны. Насыщенный эмоциональными событиями фильм, в основу которого лег удостоенной в 2012 г. Немецкой книжной премии роман Урсулы Крехель (*Ursula Krechel*), описывает эмоции, переживания, душевные потрясения героев, прошедших через жестокие испытания и трагедии национал-социализма и денацификации Германии. Особенностью выбранного для исследования художественного фильма является преобладание эмоционально-окрашенных сцен, не содержащих вербальный компонент, или сцен с минимальной вербальной объективацией эмоций. Лингвокогнитивный анализ текстов аудиокomentarия к таким эмоционально окрашенным сценам, содержащим силенциальные эмотивные акты, позволяет систематизировать языковые средства описания эмоциональных состояний и установить модели описания эмоций, приемлемые для восприятия реципиентами с нарушениями зрения.

Эмоция кодируется в отсутствии вербального выражения через паравербальный (тон и громкость голоса, скорость речи, паузы, интонация) или невербальный (жесты, мимика, положение коммуникантов в пространстве, одежда, молчания и др.) коды. И если паравербальный компонент передается звуковым образом и доступен для восприятия человеку с нарушением зрения, то невербальный компонент для обеспечения максимально полноценной коммуникации должен быть подвергнут перекодировки в вербальную систему.

Традиционно основным каналом трансляции эмоций в фильме для незрячих реципиентов является аудиоканал оригинального фильма, который передает как вербальную, так и паравербальную информацию. В качестве вспомогательного средства выступает аудиокomentarий, выполняющий компенсаторную функцию и транслирующий дескриптивно информацию об эмоциональном состоянии действующих персонажей, их жестах, мимике, тактильном поведении, местоположении в пространстве, имеющих эмотивное значение и передающихся в оригинальном фильме исключительно визуально [Анищенко 2020].

Проанализировав фильм «Окружной суд» (общая продолжительность фильма – 203 мин.), иллюстрирующий антисемитизм нацистской Германии и правосудие в послевоенной Германии, мы пришли к выводу, что жанр и сюжет фильма обуславливают спектр эмоциональных проявлений, нашедших отражение в эмоционально-окрашенных сценах, и, соответственно, текст самих аудиокomentarиев. В фильме преобладают сцены, где транслируются негативные эмоциональные реакции и состояния: страх, ненависть, отчаяние, безнадежность, подавленность, печаль. Общий негативный эмоциональный фон создается при помощи кинематографических приемов – смены кадров, крупных планов, света, а также музыкального сопровождения фильма. Объективация эмоциональной составляющей происходит в фильме преимущественно невербально, через

актуализацию элементов окулесики – описание взгляда в аудиокомментарии. При этом отметим, что различные виды элементов зрительного поведения определяют разнообразие языковых средств его описания, раскрывающих различные виды зрительной коммуникации: взгляд одного коммуниканта на другого / других, взгляд одного коммуниканта на лицо другого, взгляд одного коммуниканта в глаза другому, визуальный контакт, избегание взгляда и др.

В текстах аудиокомментариев широко представлены глаголы зрения, которые могут быть систематизированы по следующим синонимическим блокам: «глядеть, смотреть на кого-либо, что-либо» (*ansehen, blicken auf / nach / zu, sehen, schauen, zusehen*); «рассматривать/осматривать» (*sich Dat. anschauen, ansehen, sich Dat. ansehen, betrachten, mustern*); «смотреть пристально» (*anstarren, starren auf Akk., fixieren, linsen*); «смотреть каким-либо способом, часто с проявлением своих чувств» (*schielen, (an)blinzeln, aufblicken, vor sich hin starren*); «смотреть, выискивая что-либо или кого-либо» (*sich umsehen, sich umschauen*).

Значительное число глаголов зрения в аудиокомментариях указывает на направление взгляда и имеет в своем составе соответствующие словообразовательные элементы (*hinaufblicken, hinaufsehen, hinsehen, hereinschauen, durchschauen, hochblinzeln* и др.).

Использование в тексте аудиокомментария нейтральных глаголов зрительного восприятия в комбинации с конкретизирующим элементом, в качестве которого, как правило, выступает наречие образа действия, дифференцирует эмоциональное проявление. При этом можно выделить преобладание следующих моделей трансляции эмоциональных состояний, где N1 – существительное в именительном падеже, N2... – существительное в косвенных падежах, Pron – местоимение, Vf – изменяемая часть глагола, Adv – наречие / прилагательное:

Adv / adj – Vf – N1/ Pron – N2... / Pron (см. примеры 1, 2);

N1/ Pron – Vf – N2... / Pron (– Adv / adj) (см. примеры 3, 4);

N1/ Pron – Vf – Adv (см. примеры 5, 6).

(1) *Irritiert sieht er Claire nach.*

(2) *Angespannt weicht Claire seinem Blick aus.*

(3) *Richard blickt ihm fest in die Augen.*

(4) *Der Dicke fixiert sie.*

(5) *Selma schaut verwirrt umher.*

(6) *Willam schaut überrascht.*

Помимо зрительных аспектов в текстах аудиокомментариев актуализируются также в значительной мере эмотивные кинемы – коммуникативно-значимые движения, сигнализирующие о наличии эмоциональной реакции: *Fest drückt sie ihn an sich; Traurig nickt er; Grübelnd schüttelt Claire den Kopf; Erleichtert setzt sie sich auf und umarmt ihre Tochter* и др.

Таким образом, аудиокомментарий в художественном фильме выступает в качестве важнейшего средства обеспечения информационного и культурно-эстетического трансфера в рамках инклюзивной коммуникации. Он должен учитывать не только технические параметры фильма-оригинала (длительность пауз

между репликами персонажей), но и его жанровые особенности, а также культурно-исторический фон изображаемых событий и социокультурные характеристики действующих персонажей. Разработка аудиокomentarия должна учитывать особенности когнитивные особенности реципиентов с нарушением зрения, а также способы концептуализации эмоций в соответствующей лингвокультуре.

Литература

Анищенко А.В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией // Вестник МГЛУ. Серия: гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 11-22.

Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003.

Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin; Münster: LIT, 2014.

Alla V. Anishchenko (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE-EMOTIONAL ASPECTS OF THE GERMAN-LANGUAGE AUDIO COMMENTARY

The article analyses the ways of selection and transmission of emotive information in the text of audio commentary on the material of the German-language TV film "District Court" (2017). The linguistic means of emotion objectification are systematised; the models of adaptation and representation of emotive information are revealed.

Key words: audio description, audio commentary, emotiveness, emotive information, emotive kinemes

Л.В. Бабина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru

СЛОЖНЫЕ СЛОВА А+N: МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ И КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*

В статье рассматривается конфликтогенный потенциал сложных слов А+N. Установлено, что сложные слова А+N с отрицательной коннотацией могут давать представление о внешности, психологических особенностях, социальном статусе человека. Определяются когнитивные модели, по которым создаются сложные слова А+N, описывающие поведение человека.

Ключевые слова: сложные слова, конфликтогенный потенциал, когнитивные модели, когнитивные механизмы

Сложные слова вызывают неизменный интерес исследователей, поскольку их изучение позволяет получить представление о том, как знания хранятся и конструируются в ментальном лексиконе человека. Ученые пытаются выяснить, есть ли разница в восприятии знаний, передаваемых сложными словами, которые закрепились в языке, и сложными словами, являющимися неологизмами.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

К. Гагне и Т. Спалдинг проводят серию экспериментов, показывающих, что восприятие сложных слов предполагает установление отношений между концептами, объективируемыми компонентами сложных слов, что имеет место как при осмыслении новых сложных слов, так и при осмыслении вошедших в систему языка сложных слов, лексикализованных сочетаний [Gagné, Spalding 2006].

Сложные слова A+N также становятся объектом изучения в данном ракурсе. П. Беннет задается вопросом, является ли процесс создания сложных слов A+N продуктивным в английском языке и действуют ли определенные правила порождения таких слов, поскольку значения большинства слов (*smallpox*, *sharpshooter*) не выводятся из значений составляющих их компонентов. Так как эти слова подверглись процессу лексикализации, их значения закреплены в ментальном лексиконе, и на первый взгляд представляется, что нет необходимости выводить их значения. Однако наряду с лексикализованными сложными словами A+N, как отмечает автор, есть сложные слова, которые продуктивно создаются по модели A+N и значения которых выводятся. К числу таких единиц можно отнести слова, в состав которых входят относительные прилагательные (*atomic bomb*, *nervous disease*), не являющиеся градуальными и не используемые предикативно. Однако, рассмотрев, как вышеупомянутые единицы функционируют в составе конструкции AN-N, автор приходит к выводу о том, что то же самое правило, которое определяет создание сложных слов A+N с относительными прилагательными, используется при создании подвергшихся лексикализации сочетаний A+N с другими типами прилагательных [Bennett 2002].

Вместе с тем, на наш взгляд, другим ракурсом изучения сложных слов A+N может быть их анализ как средств потенциально конфликтной семантики, использования которых необходимо избегать, чтобы обеспечить бесконфликтную языковую коммуникацию. Бесконфликтная языковая коммуникация, как пишет Н.Н. Болдырев, исключает «возможность двойственной интерпретации семантики используемых языковых единиц и механизмов формирования смысла, нежелательных импликаций и инференций, использование ненормативной лексики, нарушение грамматических правил организации высказываний и дискурса со стороны отправителя и получателя информации» [Болдырев 2023].

С учетом сказанного целью статьи является выявление когнитивных моделей конструирования сложных слов A+N и их конфликтогенного потенциала.

В результате проведенного исследования было установлено, что конфликтогенным потенциалом обладают сложные слова A+N с негативной коннотацией, которые могут обозначать внешность, психологические особенности (умственные способности, характер, поведение), социальный статус человека. В силу того, что сложные слова A+N активно используются для отрицательной характеристики **поведения** человека, остановимся на них, дав представление о тех когнитивных моделях, которые определяют их создание.

Метафорическая когнитивная модель HUMAN BEING – ARTEFACT: *tightwad* ‘a miserly person, a mean person. Orig. U.S.’ [http://www.peevish.co.uk/slang/english-slang/a.htm]; *oddball* ‘an eccentric or unusual person. Orig. U.S.

Informal’ [<http://www.peevish.co.uk/slang/english-slang/a.htm>]. Второе слово появилось для описания модифицированной игры типа пинбол, в которой дополнительный металлический шарик разыгрывается в качестве бонуса. Отрицательная оценка появляется у слова в определенном контексте, например, в приведенном ниже контексте за счет когнитивного механизма «конкретизация».

(1) Sirius snapped at Snape after he sneered at James’ wish to be sorted into Gryffindor house, and the two bestowed the mocking name of «Snivellus» on the Slytherin student. They loathed Snape as an «oddball *up to his eyeballs in the Dark Arts*». According to Sirius, the other boy was jealous of his and James’ popularity, and took to following them around, *trying to get them into trouble*. Sirius and James outright bullied Snape frequently during their years at Hogwarts, sometimes simply out of boredom [<http://bncweb.lancs.ac.uk>].

Метафорическая когнитивная модель HUMAN BEING – PLANT: *hard-nut* ‘an aggressive and tough person’ [<http://www.peevish.co.uk/slang/english-slang/a.htm>]. В приведенном контексте слово используется для характеристики женщины, которая своим поведением доставляла сложности одному из участников коммуникации.

(2) Beauty was in the eye of the beholder. Zane loved every screw, nut, and rust spot. Still smiling, he turned his gaze back to his problem, and added easily, «But not until after this season. Besides, you might be surprised. Looks can be deceiving» She gave him the evil eye. «I’ve found that looks can be confirming. The answer is still no» He wisely suppressed a smile. She was a *hard nut*, but he remained confident. She had all the skills he required and none of the distractions [<http://corpus.byu.edu/coca>].

Метонимические когнитивные модели PART 2 (cause) – PART 1 (effect) и PART – WHOLE: *hardhead* ‘an obstinate person’ [<http://www.peevish.co.uk/slang/english-slang/a.htm>]; *bigmouth* ‘*informal* an indiscreet or boastful person’ [COED 2006: 132]; *loudmouth* ‘*informal* a person who talks too much, especially tactlessly’ [COED 2006: 844].

(3) ‘Maybe so. But I didn’t learn that until a long time after. And when Gittel cut my pride and my heart into pieces with her little sharp fingernails, and I let loose the dybbuk on her and got punished for it, I was neither one thing nor the other, once again’. ‘How so?’

‘Because when ben Issachar exorcised Kokos, and put her into the tree...’

That *loudmouth!* Tell-tale! Traitor! How dare she? I can’t wait until I’m out of here and then she’ll feel the full force of my wrath...’ [<http://bncweb.lancs.ac.uk>].

В приведенном контексте слово *loudmouth* используется с другими словами с отрицательной коннотацией в качестве обращения к одному из участников коммуникации, чье поведение оценивается отрицательно.

Метонимическая когнитивная модель PART 1 (effect) – PART 2 (cause): *brown-nose* ‘*informal* a person who acts in an obsequious way’ [COED 2006: 178].

(4) Whooh! [Dotson] Agh. [Choklng] Y-You said you were gon na – [Coughs] hlt me ln the face. What, you callin’ me a liar? [Grunts] Ooh! Oh, children. Somebody’s gonna answer for this blood from my lip. I want names. I wan na know who’s responsible. Don’t all run at once. I guess nobody’s responsible. [Chuckles] Guess I just had

that one a-comln'. Well, you know what y'all got comin'? Seven 23-hour days... full of fun and adventure. I'm gon na make you boys strong! sir. Yes, turd? It was me, sir. I hired him. Well, that's one death warrant signed. Do I have any more volunteers? What about you, *brown-nose*? I acted alone, sir. The rest of the squad was unaware of my activities. [<http://corpus.byu.edu/coca>].

Метонимическая когнитивная модель PART – WHOLE: *sleepyhead* 'informal a sleepy or inattentive person' [COED 2006: 1356].

(5) Yo, Hollywood, how'd you know Overdose is black? What? Correct me if I'm wrong, but you called him a «jig» right? Don't stupid <...> like you call black people «jigs»? You <...>. My lawyer is gon na have a field day with you, psycho <...>! Your lawyer? I'll strike him, too! Is there a problem? Get back in the <...> salon. Everything's okay. Everything's fine. Can I help you with something? Get in your truck, man! Everything is fine. Get the <...> in the truck, man. Damn! Hey, *sleepyhead* [<http://corpus.byu.edu/coca>].

Интерес представляет многозначное слово *bluenose* 'informal US a priggish or puritanical person' [COED 2006: 150], создание которого может определяться разными моделями в зависимости от версий. По одной из версий люди, проживающие в Новой Шотландии, из-за холодной погоды часто с синими носами, т. е. слово создается по метонимическим когнитивным моделям PART – WHOLE и PART 1 (effect) – PART 2 (cause). Так появляется значение 'informal Canadian a person from Nova Scotia' [COED 2006: 150]. Для этих людей важна культурная идентичность, к другим они предъявляют повышенные требования, следовательно, значение, отражающее поведение человека, создается по модели PART 2 (cause) – PART 1 (effect).

(6) My songs, like «When the Idle Poor Become the Idle Rich» and «Brother, Can You Spare a Dime?» caused a great deal of furor during a period in Hollywood when a fellow by the name of Joe McCarthy was reigning supreme. And so, they got something up for people to take care of us, like me, called the blacklist. And I landed on the enemy list.

And in order to overcome the enemy list – what was the enemy list? Well, it's, one, that you were a red; another one, that you were a *bluenose*; and the other one, that you're on the blacklist. Finally, I thought the rainbow was a wonderful symbol of all these lists [<http://corpus.byu.edu/coca>].

Таким образом, сложные слова A+N создаются по целому ряду когнитивных моделей. Они допускают потенциально конфликтное восприятие, поскольку негативная коннотация может быть заложена в семантику слова или возникать в процессе функционирования.

Литература

Болдырев Н.Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 21-26.

A Dictionary of English Slang & Colloquialisms. URL: <http://www.peevish.co.uk/slang/english-slang/a.htm>

Bennett P. English Adjective-Noun Compounds and Related Constructions // GEMA Online Journal of Language Studies. 2002. https://www.researchgate.net/publication/228750271_English_adjective-noun_compounds_and_related_constructio.

British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk>.

Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Gagné C.L., Spalding T.L. Using Conceptual Combination Research to Better Understand Novel Compound Words // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2006. 3 (2), 9-16

The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca>.

Liudmila V. Babina (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

COMPOUND WORDS A+N: MODELS OF CREATION AND CONFLICTOGENIC POTENTIAL

The article examines the conflictogenic potential of compound words A+N. It is revealed that compound words A+N with a negative connotation can give an idea of a person's appearance, psychological characteristics, and social status. The author determines cognitive models, according to which compound words A+N describing human behavior are created.

Key words: compound words, conflictogenic potential, cognitive models, cognitive mechanisms

И.В. Беляева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
rin_1901@mail.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ ТАНЦОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ СПОРТИВНЫХ БАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ)*

В статье рассматриваются интерпретирующие значения узкопрофильных фразеологизмов на примере сферы спортивных бальных танцев. С позиции бесконфликтного языкового общения восприятие спортивных фразеологизмов усложняется отсутствием специализированных знаний. Применение концептуально-инференционного анализа позволяет повысить эффективность спортивного коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: бесконфликтное языковое общение, фразеологическая единица, интерпретирующее значение, концептуально-инференционный анализ, концепт, концептуальные связи

Осуществление любого неодиначного вида деятельности предполагает участие нескольких лиц и, следовательно, реализацию языкового общения между ними в процессе этой деятельности. Залогом эффективности языкового общения становится отсутствие конфликта, который, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимается «в широком собственно языковом смысле – не только как конфликт различных точек зрения и мнений, но и как конфликт знаний и опыта (в том числе языкового) в плане степени совпадения их объемов и способов их структурирования у разных коммуникантов, а также механизмов формирования и понимания смыслов» [Болдырев 2022: 26]. Участвующие в совместном виде деятельности ком-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067) в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

муниканты, как правило, успешно реализуют бесконфликтное языковое общение, поскольку обладают схожим опытом и знаниями, позволяющими безошибочно определять и понимать смысл высказываний. Такая особенность касается прежде всего представителей одной профессии, которые используют в своей речи не только общеупотребительные, но и специализированные, понятные лишь им языковые единицы, включая фразеологические.

Неодинаковый выбор фразеологизмов для передачи одних и тех же концептов представителями разных профильных групп или полное отсутствие данных единиц мышления в концептуальной системе некоторых коммуникантов препятствует бесконфликтному общению. При этом в качестве причин конфликта выступают следующие факторы: несовпадение концептуальных основ и связей формирования интерпретирующих значений специализированных фразеологизмов, неправильный выбор когнитивных механизмов при декодировании их смыслов, а также неприятные манеры языковой подачи информации из-за негативного отношения к речевому поведению собеседника. Таким образом, не связанные с конкретным видом специализированной деятельности люди, становясь сторонними свидетелями или временными непосредственными участниками узкопрофильной коммуникации, оказываются вовлеченными в языковой конфликт и испытывают психологический дискомфорт.

Решение данной проблемы видится в концептуальном прогнозировании причин языкового конфликта и в их своевременном устранении путем дополнительных разъяснений, предоставляемых говорящим получателю информации. На помощь может прийти концептуально-инференционный анализ, используемый для выявления нежелательных инференций и импликаций, связанных с особенностями интерпретирующей деятельности собеседника, а именно с отсутствием у него профессиональных знаний. Концептуально-инференционный анализ включает две основные процедуры: 1) выделение концептуальных характеристик, создающих основу для формирования выводного знания; 2) описание процесса формирования нового выводного знания [Болдырев, Федяева 2023: 694].

В качестве потенциально конфликтных языковых средств рассмотрим фразеологизмы, используемые в сфере спортивных бальных танцев непосредственными участниками профессиональной коммуникации: тренер – спортсмен. Интерпретирующие значения таких фразеологизмов представляют собой результат взаимодействия двух видов знаний: узкопрофильного, доступного лишь представителям данного вида спорта, и быденного, известного всем носителям языка вне зависимости от рода их деятельности. Так, фразеологизм *кататься на партнерше* сформировался в результате проекции быденного знания, вербализованного глаголом *кататься* ‘ездить на чем-либо на прогулку или с целью развлечения’ [Ефремова 2000], на манеру партнерши танцевать, не напрягая собственных рук, облокотив их на партнера, в связи с чем сформировалось интерпретирующее значение ‘не держать руки в стандарте’. Фразеологическая единица *кража лидерства* образовалась в результате интерпретации быденного знания о том, что *кража* означает ‘тайное присвоение чужого’ [Ефремова 2000], отсюда вытекает интерпретирующее значение, отражающее узкопрофильное знание, – ‘ведение в

танце, взятое партнершей на себя’.

Формирование интерпретирующих значений фразеологизмов, характеризующих сферу спортивных бальных танцев, может осуществляться не только в результате взаимодействия узкопрофильного знания с обыденным, но в результате его корреляции с национальным культурным знанием. В частности, в качестве когнитивного контекста образования фразеологических значений в спортивных бальных танцах могут выступать знания о внешнем виде известных русских скульптур, а именно о позе людей, которых они изображают: *рабочий и колхозница* ‘поза пары в чеке или нью-йорке, когда соприкасающиеся руки партнеров подняты вверх’, *девушка с веслом* ‘партнерша, стойка которой в стандарте не растянута в левую сторону (прямая или завалена вправо)’.

В связи с тем, что у бальных танцоров особое внимание уделяется работе отдельных частей тела, сформировался ряд фразеологизмов, используемых для их характеристики (например, *уронить локти* ‘не держать руки в танце’, *строить домик* ‘соединять руки в третьей позиции’, *завалить линию* ‘нарушить угол наклона корпуса в танце’, *собирать ноги* ‘соединять ноги в танце плавным движением’ и т. д.). Для характеристики кинетики и положения частей тела задействуются когнитивные механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метонимии. Так, по принципу концептуальной метафоры образованы такие фразеологизмы как *мертвые бедра* – БИОЛОГИЧЕСКОЕ (состояние смерти) → ФИЗИЧЕСКОЕ (уровень физической активности: малоподвижность), *веселое коромысло* – ФИЗИЧЕСКОЕ (форма и кинетика артефакта) → ФИЗИЧЕСКОЕ (форма и кинетика рук человека), *деревянный корпус* – ФИЗИЧЕСКОЕ (свойство древесины) → ФИЗИЧЕСКОЕ (свойство тела человека: отсутствие подвижности и гибкости). Примером реализации механизма концептуальной метонимии является формирование фразеологизма *ущемленное плечо* – ПРИЧИНА (гипотетическое воздействие объекта извне на часть тела) – СЛЕДСТВИЕ (отведение плеча назад).

Во всех вышеперечисленных примерах внимание акцентируется на отдельных характеристиках концептов, служащих основанием для формирования новых выводных знаний узкопрофильной направленности. При этом инференция позволяет объединить на первый взгляд несовместимые понятия. В частности, фразеологическая единица *мертвые бедра* не отражает в полной мере содержание концепта МЕРТВЫЕ, предполагающее полное отсутствие признаков жизни, в том числе абсолютную невозможность двигательной активности, а обозначает лишь недостаточность амплитуды движения. Иными словами, фразеологизм представляет собой продукт взаимодействия эксплицитного значения концепта МЕРТВЫЕ и имплицитного значения концепта МАЛОПОДВИЖНЫЕ, являющихся по отдельности оценочно-нейтральными, но в сочетании образующих оценочный компонент (отрицательную коннотацию). Следовательно, концептуальные связи, объединяющие концепты при формировании интерпретирующих фразеологических значений не отражают реальную сущность объектов, а лишь являются результатом субъективного восприятия человеком действительности, что в очередной раз доказывает их принадлежность к средствам вторичной интерпретации знаний о мире.

В профессиональном спорте, в том числе в спортивных бальных танцах, активно применяются фразеологизмы с отрицательной коннотацией, позволяющие тренерам быстро и точно указать на технические ошибки спортсменов в процессе тренировок. Восприятие таких фразеологизмов сторонним слушателем затрудняется не только из-за отсутствия соответствующего профессионального опыта, становящегося причиной неправильного выявления концептуальных основ и связей или из-за непонимания когнитивных механизмов формирования интерпретирующих значений, но и в связи с неприятием грубой манеры передачи информации, что также является своего рода конфликтом в языковой коммуникации. В частности, в спортивных бальных танцах спортсмены выступают на профессиональном уровне в достаточно зрелом возрасте и отличаются психологической резилентностью к критике, что отчасти объясняет возможность употребления тренерами фразеологизмов-жаргонизмов на тренировках для характеристики движений танцоров. Однако подобные фразеологизмы могут показаться излишне грубыми и «вольными» не связанным со спортом слушателям: например, *собрать булки / желе подобрать / сморщить сливы / подобрать хвост ‘напрячь ягодичные мышцы’, скорбеть над партнершей / спать в декольте партнерши* ‘стойка партнера, голова которого висит над партнершей или завалена внутрь пары’; *сходил под себя* ‘недостаточный вынос ноги во время движения, приводящий к маленькому шагу и, как следствие, к ненужному завалу’, *сходить на горшок* ‘завалить плие’, *убрать топоры* ‘вытянуть подъем ноги’ и др.

Вероятность возникновения конфликта в процессе языкового общения увеличивается в результате существенных различий концептуальных систем собеседников, которые могут быть обусловлены особенностями их профессионального опыта. Задействование в речи узкопрофильных языковых единиц, в том числе фразеологических, значение которых понятно лишь ограниченной группе лиц, например, представителям спортивных бальных танцев, требует наличия не только обыденных, но и специализированных знаний. Пониманию узкопрофильных фразеологизмов способствует применение концептуально-инференционного анализа, позволяющего выявить концептуальные основы образования новых выводных знаний и описать процесс формирования фразеологических интерпретирующих значений.

Литература

- Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25-29.
- Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 686-703.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

*Irina V. Beliaeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

PHRASEOLOGICAL UNITS IN PROFESSIONAL CONFLICT-FREE COMMUNICATION OF DANCERS (BASED ON THE PHRASEOLOGY OF SPORTS BALLROOM DANCES)

The article considers the interpretive meanings of narrow-profile phraseological units on the example of the sphere of sports ballroom dances. From the standpoint of conflict-free language communication, the perception of sports phraseological units is complicated by the lack of specialized knowledge. The use of Conceptual-Inferential Analysis makes it possible to increase the efficiency of sports communication interaction.

Key words: conflict-free language communication, phraseological unit, interpretive meaning, conceptual-inferential analysis, concept, conceptual connections

*Н.А. Беседина (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
nbesedina64@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье намечаются основные направления рассмотрения проблемы статуса восклицательного предложения с точки зрения вторичной интерпретации знаний в языке.

Ключевые слова: восклицательность, восклицательное предложение, вторичная языковая интерпретация, коммуникативная классификация предложений

Появление в рамках когнитивной лингвистики новых теорий, обладающих объяснительным потенциалом, позволяет вновь обратиться к «старым» дискуссионным вопросам, по которым не удалось прийти к согласованной точке зрения, следуя установкам традиционной лингвистики. Один из таких спорных вопросов касается статуса восклицательного предложения в системе коммуникативных типов предложения (классификации по цели высказывания).

Отсутствие однозначного решения о месте восклицательного предложения в системе коммуникативных типов объясняется, с одной стороны, сложностью природы самого явления, с другой – тем, что выводы авторов, как правило отражают задачи и теоретические установки того или иного направления в лингвистике и различный взгляд на предмет исследования. Как следствие, предлагаемые выводы оказываются зачастую противоречивы. Многообразие существующих трактовок сводится к двум основным: восклицательное предложение включается в систему коммуникативных типов предложения как самостоятельный тип, либо восклицательность трактуется как некая дополнительная характеристика, реализующаяся в системе трех основных коммуникативных типов. Такая неопределенность статуса приводит к неопределимости рассматриваемого типа предложений и потому – исключению его из классификации. В качестве основных аргументов предлагается считать отсутствие собственных лексико-грамматических средств выражения и особой коммуникативной установки. Акцент делается на том, что восклицательность создается за счет особой просодии. При

такой интерпретации за пределами рассмотрения остаются функциональные характеристики, соотношение целевой установки с другими аспектами, например, структурным, семантическим, актуального членения, номинативным и др. (подр. анализ вопроса см. в [Беседина 1995]).

Выведение из поля зрения коммуникативной установки в подобных случаях представляется неоправданным, так как именно коммуникативная установка (задание, намерение) говорящего играет определяющую роль в процессах непосредственной вербализации, а также в процессах интерпретации и в целом в формировании смысла. Значимость коммуникативного намерения говорящего определяется тем, что оно обуславливает формирование плана содержания, определяет актуальное (смысловое) членение фразы, выступая, таким образом, в качестве вектора, задающего настрой речевого акта, предопределяющего соответствующий тип предложения и формируя его коммуникативно-прагматический аспект.

Е.С. Кубрякова понимает коммуникативное задание как стимул для активизации сознания, чтобы «привести в действие механизмы речи, выделить и ограничить в текущем сознании те области знания, о которых пойдет речь, и построить концептуальный аналог текста, возбудить те языковые средства, которые связаны с данным фреймом и представляют его языковые корреляты» [Кубрякова 1991: 60].

Подлинная реальность общения основывается на широком круге различных намерений и целевых установок, которые не ограничиваются простой передачей информации. Среди возможных намерений исследователи выделяют утверждение, приказание, осуждение, одобрение, требование, совет, просьбу, сообщение о случившемся, комментирование событий, выражение эмоций и др. Включение выражения эмоций в этот список позволяет говорить о коммуникативности эмоциональных состояний (см. в [Беседина 1999]), соответственно расширить понятие коммуникативной целеустановки и признать эмоциональность в качестве существенной характеристики, что, в свою очередь, подтверждает самостоятельность коммуникативной установки восклицательного предложения. Сказанное позволяет определить восклицательность как коммуникативную категорию, связанную с реализацией коммуникативной интенции говорящего и имеющую непосредственный выход на речемыслительный процесс. Ее реализация осуществляется в содержательной и структурной сферах. Дополнительные аргументы в пользу этого поможет сформулировать изучение восклицательных предложений в контексте вторичной языковой интерпретации.

Прежде всего отметим, что проблема вторичных явлений в связи с развитием когнитивных исследований языка приобретает новые ракурсы изучения и находит новые объяснения. Представители разных наук согласны с тем, что сам процесс формирования вторичных структур (на языковом и концептуальном уровнях) обусловлен закономерностями развития как системы языка, так и системы знаний человека. Наиболее последовательную разработку проблема вторичной интерпретации получает в рамках теории интерпретации, предложенной Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2018; 2022]. Основные ее положения, относящиеся к вторичной интерпретации, можно систематизировать следующим образом.

Вторичная интерпретация основывается на «процессах порождения новых

знаний на базе существующих концептов» [Болдырев 2022: 21], т. е. на новом осмыслении знаний о мире. Такой процесс в когнитивной лингвистике получил название вторичной концептуализации. Вторичные языковые структуры оказываются результатом манипулирования уже вербализованными концептами, что обусловлено особенностями самой концептуальной системы как постоянно меняющейся и развивающейся системы знаний (см., в частности, в [Павиленис 1983]).

Процессы манипулирования приводят к переосмыслению ранее вербализованных знаний о мире в концептуальной системе индивида. Такое переосмысление опирается не только на собственное видение явлений и процессов окружающего мира, но и знание индивидом норм, ценностей и т. д., что в конечном итоге приводит к оценке в процессе интерпретации.

Вторичные языковые структуры присутствуют на всех уровнях языка, обнаруживая при этом свою специфику. Интерпретативная природа оказывается неотъемлемым свойством грамматической семантики. Это объясняется тем, что грамматическая интерпретация разных типов знания предполагает следование законам языковой коммуникации, опору на ограниченное количество грамматических средств, что с необходимостью требует от последних функционального многообразия, в чем, в частности, проявляется типологическая характеристика строя английского языка. В своей вторичной функции грамматика «интерпретирует и организует (структурирует) все знания о мире в формате правил и законов устройства языка и вербальной коммуникации, а также сообразно интенциям и целям говорящего субъекта» [Болдырев 2022: 48].

Данное наблюдение делает особо актуальной задачу изучения проблемы коммуникативных типов предложения с точки зрения вторичной функции предложения как грамматической (синтаксические конструкции) и коммуникативной (коммуникативные типы) единицы. Присутствие вторичных функций у разных коммуникативных типов предложения отмечалось исследователями ранее и изучалось в терминах смешанных коммуникативных типов, асимметрии лингвистического знака, неконгруэнтности целевого назначения и его формальной выраженности, что в целом отражает динамичность языковой системы, обладающей «способностью приспособливать старые средства к новым целям» [Кобрин 1981: 30]. В наибольшей степени вторичность обнаруживается у восклицательных предложений, так как в большинстве случаев для реализации восклицательной коммуникативной установки используются не только специальные модели построения (так называемые собственно восклицательные предложения), но и модели других коммуникативных типов в их вторичной функции (подр. см. в [Беседина 1995]).

Изучение восклицательного предложения как вторичной структуры в языке предполагает изучение и рассмотрение целого ряда вопросов частного характера, позволяющих раскрыть интерпретирующую природу этой коммуникативной единицы. Речь может идти о концептуальных и языковых процессах, обеспечивающих реализацию восклицательной коммуникативной установки с помощью синтаксических единиц в их вторичной функции, об особенностях взаимодействия мыслительных и языковых структур, сопровождающих данный процесс, о роли

интерпретационной грамматической семантики в представлении знаний об эмоциональном состоянии говорящего. Анализ перечисленных аспектов позволит определить восклицательное предложение как специальный формат представления знаний в языке об эмоциональном состоянии говорящего, направленный на реализацию преимущественно презентативной функции, связанной с сигнификацией. Это позволит также уточнить специфику номинативной функции рассматриваемых коммуникативных единиц и их роль в организации текстовых связей.

Литература

- Беседина Н.А.* Восклицательные предложения в современном английском языке (семантический, грамматический и функциональный аспекты): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
- Беседина Н.А.* Коммуникативность эмоциональных состояний // Филология и культура: тезисы II-й междунар. конф. Ч. I. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 125-126.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19-79.
- Кобрин Н.А.* Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1981. С. 30-45.
- Кубрякова Е.С.* Определение основных понятий в структуре речепорождающего процесса (превербальные этапы) // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 45-61.
- Павленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Natalia A. Besedina (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

EXCLAMATORY SENTENCE IN THE PERSPECTIVE OF SECONDARY LINGUISTIC INTERPRETATION

The article highlights main ways of solving exclamatory sentence problem. The idea of secondary linguistic interpretation is considered to match the task.

Key words: exclamation point, exclamatory sentence, secondary linguistic interpretation, communicative classification of sentences

Н.В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru

«В ЭТОЙ СВЯЗИ» КАК НОВЫЙ РЕЧЕВОЙ КОННЕКТОР В РУССКОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

В статье рассматривается относительно новая единица русской устной речи – речевой коннектор *в этой связи*: союзное средство, «родившееся», в результате конъюнкционализации, на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

базе составного предлога *в связи с этим* и пока не ставшее объектом лексикографической фиксации как цельная единица.

Ключевые слова: грамматикализация, конъюнкционализация, коннекторизация, речевой коннектор, служебное слово

Вопрос о классе служебных слов, активно функционирующих в современной повседневной коммуникации, весьма актуален для разных областей современной лингвистики, включая коллоквиалистику, когнитивистику и лингводидактику.

Во-первых, этот класс постоянно пополняется новыми единицами, опровергая распространенное убеждение, что союзы в устной речи не отличаются высокой частотой употребительности. В рамках процесса *грамматикализации*, и конкретно его разновидности *конъюнкционализации*, на наших глазах происходит «рождение» все новых и новых союзных средств, таких как *не говоря о том что, в том плане что, единственно что, учитывая что, в то время как* и т. п. Во многом их «рождению» способствует распространенное явление *гиперкоррекции*: стремление носителей языка в обычном общении говорить красиво и солидно, стремление произвести впечатление на собеседника, что в результате приводит к неоправданной смене стилистического регистра, т. е. к «ошибке от усердия» [Богданова-Бегларян 2023].

Во-вторых, исследователи давно заметили, что понятие «*служебные части речи*», «ограничивающееся тремя классами – предлогами, союзами, частицами, – оказывается неспособным отразить всего многообразия *служебноподобных* (курсив мой. – Н. Б.-Б.) единиц» [Шереметьева 2011: 135]. В этот ряд включают еще многие типы функциональных единиц, способных выполнять связующую функцию между частями дискурса. Из многих наименований этих единиц (*вводно-модальные слова, релятивы, союзные конструкции, коммуникативы, метатекстовые операторы, текстовые скрепы, союзные функции* и т. п.) (см. соответствующий обзор: [Баженова 2023]) наиболее распространенным является термин *речевой коннектор* (РК). Его введение в научный обиход объясняется желанием исследователей «избежать необходимости приписывать к определенному морфологическому классу разнообразные языковые единицы, способные выполнять функцию выражения логико-семантических отношений между фрагментами текста, тем более что *список таких единиц все время пополняется* (курсив мой – Н. Б.-Б.)» [Инькова 2018: 67]. В результате РК лежат полностью за рамками частей речи, а их «рождение» логичнее описывать в терминах не конъюнкционализации, а *коннекторизации*, что также является разновидностью грамматикализации [Баженова 2023: 49].

Одним из таких – относительно новых – РК является единица *в этой связи*. Ее прототипом можно считать *составной предлог* (не союз!) *в связи с этим*. Любопытно, что возникли эти два РК в нашей речи примерно в одно время, их частотность растет также примерно одинаково (см. Рис. 1-2), однако если предлог *в связи с чем* («вследствие чего-л., по поводу чего-л.») лексикографирован давно и основательно (см., например, в [МАС 1988: 59]), хотя и без фиксации конкретного варианта *в связи с этим*, то РК *в этой связи* остался полностью за рамками академической лексикографии.

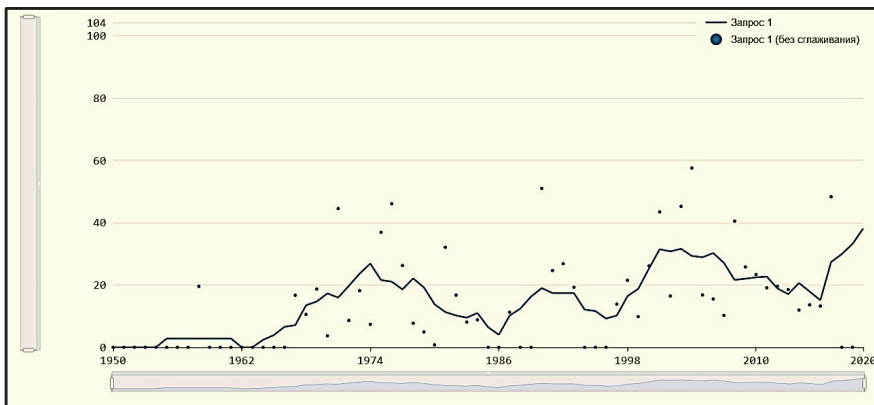

Рис. 1. Речевой коннектор *в связи с этим*: распределение по годам в НКРЯ

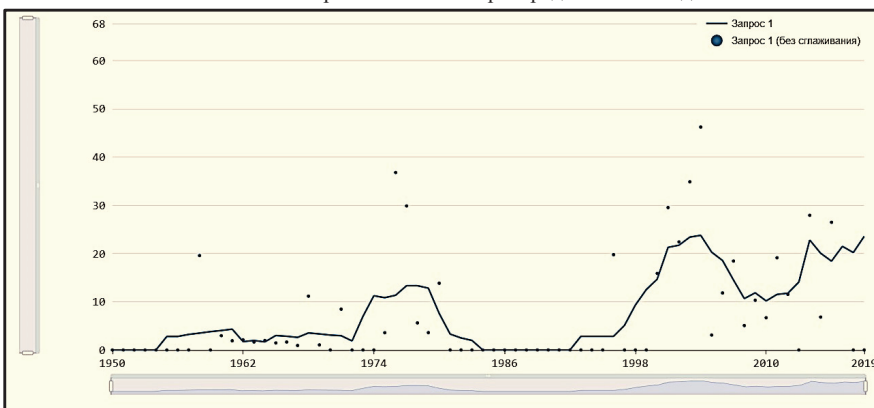

Рис. 2. Речевой коннектор *в этой связи*: распределение по годам в НКРЯ

Упоминание об этом союзном средстве находим лишь в ряде источников: [Ожегов 1962; Горбачевич 1973; БТС 2000], во всех случаях – только через отсылку к слову *связь*: «в зн. нареч. Связывая со сказанным выше» [БТС 2000: 752]. Никакого упоминания о конъюнкционализации или о новом РК нигде нет, тогда как наша устная речь, в первую очередь публичная, для которой гиперкоррекция характерна в наибольшей степени, наполнена употреблениями единицы *в этой связи*. В устном подкорпусе (УП) НКРЯ обнаружилось 195 ее вхождений (ср. 322 контекста с конструкцией *в связи с этим* – в 1,7 раза больше); при этом в 72,8% случаев *в этой связи* находится в начале высказывания, что лишь подтверждает союзную сущность этого служебного средства, ср.:

1) *И / в этой связи / результат опроса является вспомогательным материалом для достижения цели всего проекта* [Дискуссия об органах местного самоуправления (2001-2004) // Интернет];

2) *В этой связи я прошу вас быть откровенными и не бояться высказать*

неправильное мнение / потому что для нас не существует правильных и неправильных мнений [Беседа в Новосибирске (2000) // Фонд «Общественное мнение»];

3) *И аа в этой... в этой связи... потому что робот дешевле / чем платить живому человеку / и в этой связи очень важно появление такой науки / как геронтология* [Россия и мир, сценарии будущего. Программа «Правда на ОТР» (09.01.2017)].

Несколько менее явно сущность РК видна в его употреблениях в середине (23,1%) и в конце (4,1%) высказывания, ср.:

1) *то есть вот тут возникают в этой связи вопросы / мой коллега* [А.В. Хуторской. Семинар в РАО о направлениях научно-педагогической школы (2007)].

2) *учителя / что вам здесь вспоминается в этой связи?* [Беседа В.Г. Буданова с В.И. Савриным (2012)].

Однако и здесь главные свойства РК как класса единиц оказываются реализованы в достаточно полной мере: 1) способность выражать логико-семантические отношения [Инькова 2019: 5]; 2) неизменяемость формы; 3) отсутствие падежных признаков в синтаксическом окружении; в) наличие двусторонней реляции (связи) [Голубева, Зуева 2017: 23].

Контекстный анализ корпусного материала показал, что частыми «соседями» рассматриваемого РК во фразе являются глаголы (как слева, так и справа от РК), а также слово *вопрос*, ср.:

3) *Аа я в этой связи хочу заметить / что...* [Беседа с преподавателем (2008)];

4) *А / вот / поясните / в этой связи / он что-то говорил* [Открытое судебное заседание по делу Г.П. Грабового (2008)];

5) *В этой связи вопрос / аа правомерно ли...* [А.В. Хуторской. Семинар в РАО о направлениях научно-педагогической школы (2007)];

6) *И второй в этой связи вопрос / было ли нечто подобное на Западе?* [Беседа В.Г. Буданова с В.М. Розиным (Первая беседа) (2012)].

Обнаружился в УП НКРЯ и любопытный пример «конкуренции» двух единиц в одном небольшом фрагменте:

7) *это в связи с эт... в этой связи видится* [Протоиерей Е. Генинг. Беседы по системе «12 шагов». Шаг 5 (2004)].

В примере (10) говорящий, уже начав произносить более привычную конструкцию *в связи с этим*, почувствовал, видимо некоторую ее неуместность в данном контексте, оборвал себя и заменил *в связи с этим* на РК *в этой связи*.

Наличие такой «конкуренции» двух служебных единиц подтвердил и небольшой опрос, в котором приняли участие 160 респондентов (почти поровну филологов и нефилологов). Испытуемым предлагались фразы с лакуной на месте союзного средства (*То есть (...)* *Вы считаете, что Россия правильную позицию занимает?* и т. п.) – с просьбой заполнить эту лакуну, выбрав один из двух вариантов: *в связи с этим* или *в этой связи*. Чаще всего (от 46,3 до 77% в разных контекстах) респонденты однозначно выбирали «словарный» вариант *в связи с*

этим, от 13,7 до 21% готовы были использовать оба варианта, и от 5,6 до 40% предпочли РК в этой связи.

Налицо, таким образом, не только появление в нашей устной коммуникации «несловарного» речевого коннектора в этой связи и его «конкуренция» со «словарным» прототипом, но и очевидная необходимость продолжить исследование – в поисках значимой для говорящего специфики нового служебного средства.

Литература

Баженова А.Г. Речевые коннекторы в плане / в этом плане / в том плане что в русской повседневной речи: дис. ... маг. лингв. СПб., 2023.

Богданова-Бегларян Н.В. Гиперкоррекция, или стилистический диссонанс в повседневном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 381-385.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Голубева Н.А., Зуева Е.В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017, № 40. С. 20-32.

Горбачевич К.С. (ред.). Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л.: Наука, 1973.

Инькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под ред. О.Ю. Иньковой. М.: Торус Пресс, 2018. С. 5-23.

Инькова О.Ю. Структура коннекторов: лингвистические методы описания // Структура коннекторов и методы ее описания / под ред. О.Ю. Иньковой. М.: Торус Пресс, 2019. С. 5-47.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. Том IV. С – Я / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988.

Ожегов С.И. (ред.). Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника. М.: АН СССР, 1962.

Шереметьева Е.С. Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 133-141.

*Natalia V. Bogdanova-Beglarian (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

“V ETOY SVYAZI” AS A NEW SPEECH CONNECTOR IN RUSSIAN ORAL COMMUNICATION

The article examines a relatively new unit of Russian oral speech – a speech connector *v etoy svyazi*: a conjunction, “born”, as a result of conjunctionalization, on the basis of a compound preposition *v svyazi s etim* and has not yet become the object of lexicographic fixation as an integral unit.

Key words: grammaticalization, conjunctionalization, connectorization, speech connector, function word

*Л.А. Борботько (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
ludmilaborbotko@gmail.com*

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИФОНИЧНОСТИ

В фокусе исследования театральный дискурс, обладающий междисциплинарным характером и полифоничностью, реализуемой за счет матричного организованной модели театральной

коммуникации, являющейся комплексной и многокомпонентной, что позволяет говорить о применимости принципа «китайской шкатулки».

Ключевые слова: театральный дискурс, когнитивно-дискурсивная модель, полифоничность, фестиваль

Театральная коммуникация как одна из древнейших коммуникативных форм, выступающая отражением ситуаций реального общения на сцене, обладает следующими ключевыми характеристиками:

– институциональность, тесно связанная с ритуализованностью, регламентированностью и каноничностью (театр является институтом художественной культуры, в то время как его деятельность организована в рамках конкретного театрального пространства). Существуют определенные коммуникативные нормы, регулирующие деятельность профессионалов, участвующих в воплощении театрального действия; алгоритмы деятельности в контексте театральной коммуникации определяются формой, временной и исторической перспективой, темпоритмом дискурса;

– семиотичность. Театральный дискурс представляет собой систему знаков, обладающую определенными функциями (пространственная ориентация, ценностная ориентация, просветительская функция и др.);

– развлекательность. Одна из существенных черт театрального дискурса наряду с его аттрактивностью, обуславливающая максимальное влияние на адресатов и вовлечение их в игровой процесс за счет манипуляции, предполагающей «завуалированное воздействие как на отдельные личности, так и на массы» [Заботкина 2023: 15] и обращения к особым формам коммуникации [Викулова, Черкашина 2022; Борботько 2014; Викулова, Борботько 2017].

Одной из определяющих характеристик театрального дискурса, особенно в его современном воплощении является его междисциплинарность, которая проявляется в наслоении различных типов дискурсов, включая театральный, и в обнаружении признаков одного дискурса в другом. Подобным образом происходит соположение театрального, рекламного и маркетингового дискурсов. Переплетение перечисленных дискурсов во-многом обусловлено коммерциализацией коммуникации, которая оказывает определенное влияние на все дискурсивные практики, осуществляемые в процессе человеческого взаимодействия. Каждому из них свойственны свои типологические особенности, которые в той или иной степени реализуются в рамках театральной коммуникации. Привлечение аудитории является задачей не менее значимой, чем взаимодействие с «золотым фондом» – «квалифицированной, опытной, лояльной к театральному искусству» публикой [Маркетинг спектакля 2020: 58]. В этом случае, спектакль становится продуктом, который театр как бренд предлагает потребителю, «обеспечивая доставку» посредством рекламы [Основы маркетинговой лингвистики 2023: 27]. Помимо известного бренда театра, узнаваемого за счет фирменного стиля (логотип, наименование, организация текстового поля, шрифт, цвет афиш, программ, билетов, выполняющие одновременно ориентирующую (узнавание театра), аттрактивную (привлечение зрительского внимания, символическую (цвет как символ опреде-

ленной театральной школы, что подразумевает расширение общего когнитивного фона аудитории, подключение имеющихся знаний и возможность рассматривать сопутствующий текст «как когнитивный процесс» [Boldyrev 2020: 2]) функции), личности, задействованные в конкретной постановке также являются брендом. Имя / изображение известного артиста или режиссера как бренд также способствует привлечению внимания аудитории и активизирует процесс пространственного моделирования, основанный на механизмах категоризации и концептуализации, результатом чего становится языковая репрезентация пространства [Болдырев, Безукладова 2018].

Возможность функционирования на пересечении дискурсов в рамках театральной коммуникации достигается за счет матрично организованного инструментария театрального дискурса. Если ядерным элементом является спектакль, имеющий максимальный манипулятивный эффект, то на периферии находятся инструменты, предвещающие выход спектакля, сопутствующие его представлению на сцене, а также возникающие *post factum*, часто кросс-темпорально – время появления того или иного инструмента (например, рецензии) может варьировать. Обозначенный инструментарий включает такие элементы как афиша, рецензия, отзыв, театральная программа, билет и пр.

Особым элементом, включаемым в матрицу театрального дискурса и обеспечивающим его полифоничность, является театральный фестиваль. Если театр представляет собой константу – институт культуры (устойчивую институцию), то театральный фестиваль является организацией, «существующей окказионально, ситуативно, «время от времени», не обязательно привязанной к определенному месту, времени, жестко регламентированной организационной форме, группе субъектов» [Закс, Малинина 2018: 146]. Фестивали представляют собой некий смотр достижений участников, структурированных в единую систему мероприятий – событий, обладающих когнитивно-коммуникативным полимодальным характером, обусловленным «вариативностью средств создания художественного образа» [Логонова 2023: 53]. Программа того или иного фестиваля включает спектакли, мастер-классы, пресс-конференции, встречи с деятелями искусств и др. Среди реализуемых функций – просветительская, развлекательная, эстетическая, аттрактивная, интегративная, продвигающая, коммеморативная, позволяющая «сохранить, укреплять и транслировать индивидуальную и коллективную память о прошлом» [Беседина, Буркова 2023: 38].

Принципиальным моментом является соположение когнитивных моделей театрального дискурса и театрального фестиваля. Очевидно, что театральный фестиваль является элементом театрального дискурса, однако многокомпонентность и внутренняя организованность фестиваля позволяет говорить о его цельности, самоценности, некоторой автономности и гипертекстовой сущности. Говоря о проксеменной модели «Театр», включающей такие элементы как спектакль (полимодальная проксеменная модель), драматург (персонифицированная модель), театральная труппа во главе с режиссером (частично персонифицированные модели), зритель (персонифицированная модель), критик (персонифицированная

модель), профессиональные рецензии и отклики зрителей (персонифицированные модели), программа, билет, афиша, рекламные буклеты, сайт (см. [Борботько 2023]), отметим, что театральный фестиваль также являющийся полимодальной проксемной моделью, включен в систему будучи одновременно системой в себе. Ядерными элементами театрального фестиваля как когнитивно-дискурсивной модели также являются спектакли, точнее программа, составленная по определенному принципу (например, в честь юбилея драматурга), драматурги, режиссеры, актерские труппы, зрители, критики и другие элементы, присущие театральной коммуникации. Следовательно, модель театрального фестиваля не является перенесенной моделью театрального дискурса в хронотопической перспективе, но скорее ее голограммой, собранной из множества отдельных элементов, многократно преломляющей и отражающей действительность. Другими словами, модель театральной программы организована по принципу «китайской шкатулки» – системы ящиков, организованных таким образом, чтобы составлять холистическую неразборную систему [Акатова 2019: 100].

Обратимся к примерам. Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова, зародившийся в 1992 г., является одним из наиболее знаковых событий не только театральной Москвы, но и многих других городов России. МТФ представляет собой когнитивное поле, формируемое постановщиками, труппами, зрителями. Реализуя присущие театральному дискурсу функции (просветительскую, развлекательную, эстетическую, интегративную и другие), фестиваль одновременно выступает инструментом продвижения – самого себя и театра в целом, становясь брендом и выполняя «парольную функцию» [Робустова 2023: 327].

Вместе с тем, когнитивно-дискурсивная модель МТФ инкорпорирована в модель театрального дискурса России, являясь ее неотъемлемым элементом, не функционирующим автономно. Составляющие модели фестиваля (зрители, актеры, режиссеры и др.) одновременно принадлежат к модели театрального дискурса. Следовательно, очевидна взаимообусловленность двух пересекающихся моделей, создающих единый когнитивный фон.

Таким образом, воздействующий потенциал театрального дискурса реализуется посредством инструментария, составляющие которого представляют собой матрицу. Одним из составляющих является театральный фестиваль, одновременно являющийся голографическим воплощением театральной коммуникации, многократным отражением модели театрального дискурса, проявлением его полифоничности.

Литература

- Акатова А.А. «Китайская шкатулка» Дж. Фаулза как принцип организации постмодернистского метатекста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. С. 99-103.
- Болдырев Н.Н., Безукладова И.Ю. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 72-77.
- Борботько Л.А. Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 3 (23). С. 113-122.
- Борботько Л.А. Когнитивно-дискурсивная модель театральной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 386-390.

Викулова Л.Г. Коммуникативное пространство театра в лингвопрагматической парадигме // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь: ТвГУ, 2017. С. 49-52.

Викулова Л.Г. Французская афиша как ключевой жанр театрального дискурса // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: сборник научных статей / отв. ред. Л.Г. Викулова. Т. 2. М.: Языки народов мира, 2022. С. 47-56.

Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 15-25.

Закс Л. Конструирование события в дискурсе театральной читки: когнитивно-коммуникативный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 47-56.

Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2020.

Маркетинг спектакля: реклама и продвижение, продажа билетов, организация премьеры. М.: Российский ин-т театрального искусства ГИТИС, 2020.

Робустова В.В. Манипулятивная функция имени собственного // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 200-205.

Boldyrev N.N. The Interpretive Dominant in the Cognitive Theory of Language // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. Pp. 1-8.

*Liudmila A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University*

INTEGRATIVE MODEL OF THEATRICAL DISCOURSE: ON THE WAY TO POLYPHONY

The research focuses on theatrical discourse being cross-disciplinary and polyphonic. The latter is due to theatrical discourse model – a matrix, complex and multicomponent. Such a pattern coincides with the “Chinese jewelry box” principle.

Key words: theatrical discourse, cognitive-discursive model, polyphony, theatre fest

*А.Н. Бузаков (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
anb_tms@mail.ru*

РОЛЬ ГЛАГОЛА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Рассматривается роль немецких глаголов в репрезентации пространственных значений в высказывании, с акцентом на принцип антропоцентризма и сложной пространственной топологии. Анализируется интерпретация пространственных значений в отдельных высказываниях с позиций бесконфликтной коммуникации.

Ключевые слова: пространство, дейксис, пространственная локализация, вторичная языковая интерпретация, бесконфликтная коммуникация

Пространство относится к базовым онтологическим, феноменологическим и гносеологическим категориям и играет важнейшую роль в понимании того, как язык структурирует и отражает человеческое познание. Эта категория находится в тесной взаимосвязи с категорией времени, значительно пересекаясь с ней и

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067), <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

влияя на ее языковое выражение. Время, будучи представленным в концептуальной системе относительно просто – в виде однонаправленной оси «прошлое-настоящее-будущее», в языке находит свое выражение в разнообразных формах на лексическом, лексико-грамматическом и грамматическом уровнях, например, через категории темпоральности, аспектуальности, таксиса и другие. Категория пространства представлена в сознании шире и сложнее, следовательно, репрезентация пространства представляет собой еще более комплексный и многоуровневый процесс в языковой системе. Несмотря на то, что пространство прототипически ассоциируется в языке с существительными, а время – с глаголами, глагол играет ключевую роль в репрезентации пространственных отношений в пределах пропозиции. Цель статьи – проанализировать роль немецких глаголов в выражении пространственных значений в высказывании и их вклад в процесс обеспечения бесконфликтной коммуникации.

Исходным положением, на которое мы опираемся в работе, является принцип антропоцентризма, лежащий в основе концептуализации и структурирования пространства, а также дифференциации и категоризации различных типов пространств. Это означает, что человек сам конструирует различные типы пространств, присваивая каждому определенному типу и объектам внутри него общие для них характеристики. При этом он опирается на коллективные знания и свой личный опыт, а также учитывает экстралингвистические факторы, релевантные для описываемой в высказывании ситуации [Болдырев 2018: 68-69; Безукладова 2013: 78]. В определенной мере принцип антропоцентризма соответствует дейктической схеме К. Бюлера «я – здесь – сейчас» [Болдырев 2018: 73].

Данный принцип накладывает жесткое ограничение на схему описания события глаголом – в пропозиции, лежащей в основе такого описания, существует только один дейктический центр. В контексте когнитивной лингвистики, согласно подходам Р. Лэнкекера и Л. Талми, объект, который подлежит определению, рассматривается как профиль или фигура, в то время как объект или пространство, по отношению к которому он выделяется, определяется как основание или фон (см. [Болдырев 2018: 35]). Данное правило применимо не только к явным дейктическим описаниям событий, когда роль профиля или основания играют говорящий или адресат, но и к другим типам пространственных описаний событий [Levinson 1996: 359]. Это подтверждает исследование употребления глаголов *come* и *bring* в английском языке, выполненное Ч. Филлмором, в рамках которого подробно рассматриваются случаи, когда ни говорящий, ни адресат не участвуют в описываемом событии [Fillmore 1971: 50-67].

На определение дейктического центра и на пространственную интерпретацию высказывания в целом оказывают влияние различные факторы, среди которых С. Левинсон выделил в качестве ключевых следующие: фигура или референт, основание или область, точка зрения наблюдателя, исходная система координат, точка привязки для фиксации маркированных координат и обозначенный ориентир. На основе анализа этих параметров Левинсон классифицировал пространственные системы в языке, предложив разделение на две основные группы:

модели с использованием и без использования систем отсчета. Пространственные модели без использования систем отсчета могут быть представлены через прототипический дейксис (*hier, dort*), топологические отношения (*Er sitzt auf dem Stuhl*) и с помощью названий мест (*Sie studiert in Berlin*). В свою очередь, использование общепринятых систем отсчета варьирует в зависимости от соотношения параметров, и может быть классифицировано как внутреннее (когда исходная система координат совпадает с фигурой или основанием), относительное (включая наблюдателя в пространство) и абсолютное (например, ориентация по сторонам света) [Levinson 2004: 24-55].

Рассматриваемые факторы оказывают значительное влияние на интерпретацию пространственных смыслов в коммуникативном процессе. Например, могут возникнуть проблемы с определением внутренней или относительной систем отсчета. В высказываниях типа: *Das Café liegt hinter dem Museum* или *Rechts vom Rathaus findet man eine Haltestelle* роль точки зрения наблюдателя может кардинально изменить интерпретацию: она может быть основана как на относительном расположении зданий и их фасадов, так и на позиции самого наблюдателя. Кроме того, включение говорящего в пространство описываемого события может быть выражено через выбор позиционного глагола. Например, в высказываниях *Der Turm steht im Scheinwerferlicht* и *Der Turm liegt im Scheinwerferlicht* выбор глагола *stehen* указывает на наличие объекта (*der Turm*) в перцептивном поле говорящего [Serra Borneto 1996: 471]. Подобным образом даже предполагаемое включение наблюдателя в пространство описываемого события может влиять на сам тип пространства и, следовательно, на выбор глагола. Так, в примерах *Das Schloss stand einsam auf einem Hügel, umgeben von dichtem Wald* и *Das Gebirge liegt nördlich der Stadt, bedeckt mit ewigem Schnee* выбор глагола определяется характером пространства: в первом случае речь идет о физическом пространстве, включающем также лес и предполагающем включение наблюдателя, во втором – о пространстве карты с абсолютной системой отсчета, исключающей перцептивное восприятие наблюдателем, но подразумевающей картографическую ориентацию.

Моделирование событийного пространства также зависит от уровней категоризации, описанных Э. Рош. Семантика глагола определяет тип пространства и объектов внутри него, позволяя интегрировать наблюдателя и оценивать события. Проследим это на примерах динамической локализации объектов в пространстве события. На суперординатном уровне пространство и движение абстрактны, наблюдатель отсутствует: *Alles in der Welt bewegt sich, alles verändert sich*. На базовом уровне пространство воспринимается перцептивно и может включать наблюдателя: *Wir fahren über die Landstraße, vorbei an goldenen Weizenfeldern*. Субординатный уровень максимально фокусируется на определенном месте пространства, объекте и типе перемещения, включает наблюдателя, часто передает оценку говорящего: *Der alte Mann schlurfte müde über den Holzboden*.

Стабильность и мобильность пространственного моделирования в высказываниях, как отмечает Н.Н. Болдырев, зависят от семантики глаголов и перспективы наблюдателя. Стабильность связана с валентностями глагола, определяющими структуру языковой интерпретации событий, в то время как мобильность

связана с изменением точки зрения наблюдателя, что проявляется в случаях реализации признака «псевдо-активности» при синтаксической связи глагольного предиката с непрототипическим подлежащим. В таких случаях пространственное моделирование ориентируется на наблюдателя или говорящего. В роли непрототипического подлежащего, согласно Болдыреву, в английском языке могут выступать названия неодушевленных объектов, природных явлений, технических средств и механизмов, слова событийной и абстрактной семантики [Болдырев 2000: 212-215]. В немецком языке также можно найти подобные примеры, при этом нередко глагол в них употреблен в пассивном залоге: *Die Tür wurde von einem Windstoß zugeschlagen* (неодушевленные объекты); *Der Mond wurde durch dunkle Wolken verdeckt* (природные явления); *Das Radio wurde mit einem Knopfdruck eingeschaltet* (технические устройства); *Die Melancholie erfüllte den Raum* (слова абстрактной семантики).

В процессе коммуникации часто возникают ситуации, когда требуется не просто изменение направления интенции в высказывании, но и полное устранение дейктического центра из пространства данного события. Это становится необходимым для интеграции события в контекст другого в виде обезличенного факта, лишённого собственных пространственных характеристик (см. в [Арутюнова 1988: 181-187]), т. е. в роли субъекта или части предиката другой пропозиции. Для этой цели в языке используется механизм номинализации, который З. Вендлер описывает как средство «упаковки предложения в пакет, встраиваемый в другие предложения» [Vendler 1967: 125]. Номинализация находит широкое применение в публицистическом и научном стилях для минимизации субъективных характеристик в высказываниях, например: *Straßenblockaden, große Empörung und Unterstützung von rechts außen* или *Die Analyse der Daten ermöglichte eine detaillierte Betrachtung der Ergebnisse*.

В заключение следует подчеркнуть, что глагол выполняет ключевую роль в структурировании пространства события благодаря своей предикативной функции в высказывании и реализации концептуальных характеристик, касающихся пространственной локализации объекта в различных типах пространства. Разнообразие типов пространства способствует перекаатегоризации глаголов, что, в свою очередь, определяет процессы селекции, классификации и оценки этих пространственных типов, представляя собой яркий пример вторичной языковой интерпретации знаний [Болдырев 2001; Болдырев 2018: 255]. Несмотря на сложность и многоаспектность пространства в языке механизмы репрезентации пространственных значений, занимая ведущее место в концептуальной системе человека, остаются одними из наиболее распространенных и активно используемых в речи, играя центральную роль в коммуникативном процессе и способствуя бесконфликтной коммуникации.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
 Безукладова И.Ю. Пространство человека и его языковая категоризация. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013.

Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 212-216.

Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 2. С. 40-55.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры. 2018.

Fillmore C.J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Berkeley: University of California, 1971.

Levinson S.C. Language and Space // Annual Review of Anthropology. Palo Alto: Annual Reviews. 1996. Vol. 25. P. 353-382.

Levinson S.C. Space in Language and Cognition. Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Serra Borneto C. 1966 Liegen and stehen in German: a study in horizontality and verticality // Cognitive linguistics in the redwoods: the expansion of a new paradigm in linguistics. Berlin: De Gruyter Mouton. 1996. Pp. 459-505.

Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca and London: Cornell University Press, 1967.

*Aleksander N. Bugakov (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE ROLE OF VERB IN THE INTERPRETATION OF SPACE IN THE CONTEXT OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The article examines the role of German verbs in spatial meanings representation in utterances, focusing on the principle of anthropocentrism and complex spatial topology. It analyzes the interpretation of spatial meanings in individual speech from the perspective of a conflict-free communication.

Key words: space, deixis, spatial localization, secondary linguistic interpretation, conflict-free communication

*В.К. Голубева (Минск, Белоруссия)
Белорусский государственный университет
v.k.golubeva9@gmail.com*

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ НАРЕЧИЙ И ИЗОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются наречия и предложно-падежные формы типа *неожиданно* – с *неожиданностью*. Показано, что выбор средства позволяет говорящему по-разному концептуализировать ситуацию, выделить / отодвинуть на второй план субъекта восприятия, сфокусировать внимание на одном признаке или оттенить данный признак другим.

Ключевые слова: наречие, существительное, предложно-падежная форма, концептуализация ситуации, субъект восприятия, функционально-грамматическая синонимия

Как известно, одна и та же концептуальная сцена может быть по-разному «увидена» благодаря не только ее лексическому воплощению (ср. известный пример с *наполовину пустым / наполовину полным стаканом*), но и грамматическому оформлению (*Я тревожусь – Я в тревоге; Он старый – Он старик*). В центре наших исследований находятся наречия в аспекте их функционально-грамматической синонимии с предложно-падежными формами (ППФ) существительных. Как правило, при описании семантической специфики конкретных

наречных лексем ППФ приводятся в качестве их эквивалентов без какой бы то ни было дифференциации. Между тем эти языковые средства позволяют говорящему по-разному концептуализировать описываемую ситуацию.

Цель статьи – выявить разные признаки ситуаций, выражаемые наречиями и ППФ, которые связаны отношениями функционально-грамматической синонимии. Нами будут рассмотрены реализации модели «наречие – с + твор. пад. субстантива», в частности пары *трудно – с трудом* и *неожиданно – с неожиданностью*.

М.В. Филипенко в рамках когнитивного подхода к анализу адвербиалов отмечает, «сколь причудлива структура семантических связей между наречиями»: «конкретное наречие может иметь отношение ко многим семантическим параметрам, входить в **разные** классы семантической классификации», и сама эта классификация имеет «**множественный** характер» [Филипенко 2003: 194].

Отметим, что специфика конкретного наречия проявляется не только на фоне его лексических синонимов, но и в контрасте с изофункциональными грамматическими единицами. Выявление смысловой нюансировки функционально-грамматических синонимов, имеющих корневую общность, часто представляет собой непростую задачу. При этом, если у данной единицы в сравнении с другими лексическими синонимами признак оказывается нейтрализованным, то при отграничении ее от другого функционально-грамматического средства этот признак может, наоборот, актуализироваться.

Проиллюстрируем это парой *трудно – с трудом*. В [НОССРЯ: 1118-1122] адвербиализованная ППФ *с трудом* включена в ряд лексических синонимов *насилу, еле 1, едва 1, чуть 2*. При этом разграничение *с трудом* и, например, *едва* проводится таким образом: *с трудом* «акцентирует внимание на усилии, требующемся для поддержания существования ситуации», а *едва* – «на близости этой ситуации к прекращению» [там же: 1120].

Поскольку компонент значения ‘прилагая усилия’ является общим для *с трудом* и *трудно* [БУСРЯ, т. 2: 455, 527], его нельзя использовать в качестве дифференциального признака этих единиц. На наш взгляд, в зоне перекрещивания своих значений наречие и ППФ создают очень близкие образы одной ситуации, но все же фокусируют внимание на разных ее гранях. Так, ППФ *с трудом* отчетливее представляет идею ‘**потенциальное приближение к границе неосуществления действия**’. В сочетании с глаголами сов. вида *с трудом* указывает, что совершившееся действие могло не достичь предела, быть нерезультативным, а с глаголами несов. вида – что субъект близок к нахождению вне этого процесса:

(1) *Ирина с трудом дождалась, когда все встанут* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002] – ‘была близка к тому, чтобы уйти, не дождавшись, прекратить дожидаться’ (контексты приводятся по НКРЯ);

(2) *Константин Райкин известен своей парфюмерной коллекцией, <...> которая уже с трудом умещается в шкафах <...>* [Наталья Склярова. Если бы у медведя было ружье // «Вечерняя Москва», 2002.02.07] – ‘очень вероятно наступление ситуации, когда коллекция перестанет умещаться в шкафах’;

(3) *С трудом я понимаю, что это означает «надо ехать»* [Сати Спивакова.

Не все (2002)] – ‘почти не понимаю, едва понимаю’.

Как видим, перефразирование глагольной группы позволяет оформить «почти-отрицание». Отметим, что для введения альтернативной ситуации может использоваться не только качественное, но и предикативное наречие *трудно*, а также для этого иногда требуется изменение глагольного вида.

Наречие *трудно* делает больший акцент не столько на потенциальном недостижении результата, «выходе» из процесса, сколько на его характеристике, специфике протекания: какие физические или нравственные страдания, лишения, напряжение испытывают субъекты при осуществлении действия. Конкретизация заложеного в наречии способа реализации ситуации может быть имплицитована (4, 5, 7) либо представлена эксплицитно (6):

(4) <...> в лучшем [случае человек] – *заработает аспирационную пневмонию, которая чрезвычайно трудно поддается лечению* [Елизавета Кольцова. Наркоз: страхи и реальность // «100% здоровья», 2002.11.11] – ‘требует различных манипуляций, применения сложных методик лечения’; ср.: *с трудом поддается лечению* – ‘почти не поддается, почти невозможно вылечить’;

(5) [Воронины] *шаркали тапочками и уморительно трудно одевались, ибо ни одна вещь у них не знала своего места* [Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)] – ‘чтобы одеться, выполняли действия, усложняющие и замедляющие процесс’; ср.: *с трудом одевались* – ‘почти не могли оде(ва)ться [сами, вовремя и т. д.]’;

(6) <...> *трудно дался строителям свайно-ледовый мост через Неву напротив Шлиссельбурга. Течение реки сносило сваи. Временный мост-эстакаду строили полукругом, выгнутой стороной навстречу мощному напору Невы. В дно реки коптали забивали сваи, поверх льда размораживали шпалы, на них укладывали рельсы* [Дмитрий Каралис. Забывая страница блокады? // «Родина», 2008] – ‘требуя для достижения результата преодоления препятствий, особой сноровки и мастерства строителей’. Обратим внимание, что *трудно* и потенциальное *с трудом* в данном контексте относятся к разным этапам осуществления действия: *трудно* хоть грамматически и распространяет глагол сов. вида, в сущности, характеризует сам предшествующий процесс строительства; в сочетании же *с трудом дался* грамматическая и семантическая связи совпадают (ППФ делает акцент на том, что результат мог быть не достигнут);

(7) *Им [родителям] открывается красота трудно прожитой жизни <...> запечатлевшаяся в облике каждого* [Любовь Аксенова. Критический возраст семьи (2002) // «Семейный доктор», 15.10.2002]; ср.: *С трудом прожили этот год, для многих этот год стоил жизни* [М.П. Решетников. Книга воспоминания (1984) // «Волга», 2016] – наречие и ППФ оформляют противопоставление характера протекания жизни и балансирования на грани жизни и смерти.

Интересные интерпретационные возможности наблюдаются и у членов пары *неожиданно* – *с неожиданностью*. Данные единицы обладают не только способностью по-разному представлять ситуацию, но и разным набором коммуникативных позиций в структуре предложения, особенностями присоединять разные синтаксические распространители, что потребует отдельного описания. Здесь отметим лишь некоторые моменты.

Хотя оба синонима выражают свернутую пропозицию ‘чи-то ожидания не соответствуют описанному положению дел’, в наречии *неожиданно* этот семантический компонент может существенно ослабляться за счет временных сем, что позволяет осуществлять контекстуальную субституцию наречия *неожиданно* лексемами *вдруг*, *быстро*, *внезапно* (см. пример (8) ниже).

Обозначенная пропозиция предполагает наличие **субъекта восприятия**, который обычно эксплицируется предложно-именной группой «для + генитив». При этом **ППФ с неожиданностью** часто оказывается гораздо требовательнее наречия в необходимости присоединения данной «субъектной» формы, наречие же во многих случаях способно употребляться как с ней, так и без нее: *Неожиданно (для меня) сломалась машина.* **С неожиданностью сломалась машина* и приемлемо *С неожиданностью для меня сломалась машина.*

Вероятно, повышенная требовательность ППФ к выражению субъекта обусловлена тем, что семантика ожидания и, соответственно, **фигура субъекта ожидания** всегда важна при употреблении ППФ, в отличие от наречия, в котором эта семантика иногда ослабляется темпоральными семами и субъект ожидания вполне может быть обобщенным, нейтрализованным. Часто «субъектные» формы при **ППФ с неожиданностью** необходимы в тех случаях, когда субъект основной пропозиции не совпадает и (в силу своей неодушевленности) не может совпасть с субъектом ожидания (см. предыдущую группу примеров).

При ослаблении семантики ожидания у наречия *неожиданно* оно может употребляться в функции **нарративного оператора**:

(8) <...> в городской травмпункт <...> доставлен 26-летний житель Саранска. Военнослужащий из Челябинской области приехал в отпуск домой. В 13.00 он проходил мимо кафе. **Неожиданно** перед ним появился человек и выстрелил в лицо [Военнослужащий отпускник ранен у кафе // «Московский комсомолец» в Саранске, 2004.12.23] – наречие обеспечивает переход к новому «кадру», выступает маркером смены ситуации – своего рода «маяком» для внешнего наблюдателя, которому необходимо ориентироваться в событиях повествования. Ср. неестественное **С неожиданностью перед ним появился человек (с неожиданностью очень ограничено употребляется в роли темы)*, но *Перед ним с неожиданностью появился человек*. ППФ выполняет функцию не маркера смены ситуации, а идентификатора внутреннего восприятия субъекта.

Особенностью наречия *неожиданно* выступает и его способность определять событие, которое хотя и не ожидалось, но «не произвело на наблюдателя **сильного впечатления**» [НОССРЯ: 656]. Потому можно сказать *Неожиданно закончилась паста*. *Неожиданно сломала ноготь*, но странно **С неожиданностью (для меня) закончилась паста*, **С неожиданностью (для себя) сломала ноготь*. Так, типичные пропозиции, в представлении которых участвует данная ППФ, включают дополнительный смысловой компонент ‘удивление субъекта-наблюдателя’, например: *Капитуляция Японии свалилась на харбинцев всех национальностей опять же с ошеломляющей неожиданностью* [Н.Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая (2006)]. Такая концептуализация признака ППФ поддерживается и ее наиболее частотными адъективными

распространителями: *молниеносный, разительный, пугающий, потрясающий, чрезвычайный, невероятный*, а также глаголами, обозначающими внезапное, резкое действие: *обрушиться, вынырнуть, вспыхнуть, выстрелить*.

Итак, изофункциональные наречия и ППФ (как рассмотренные нами, так и оставшиеся за рамками статьи) выступают важными интерпретирующими средствами, поскольку они позволяют выдвинуть на первый план один признак и нивелировать другой; обеспечить однозначность восприятия ситуации через призму доминантного признака или сфокусировать в слове сразу несколько признаков, обеспечив объемность образа; задать моно- или полисубъектность отражения/восприятия ситуации и т. д.

Литература

БУСРЯ — Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2022.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

НОССРЯ — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Филипенко М.В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.

Viktoria K. Golubeva (Minsk, Belorussia)
Belarusian State University

ABOUT THE INTERPRETATION POTENTIAL OF ADVERBS AND ISOFUNCTIONAL FORMS OF NOUNS

The article examines adverbs and prepositional-case forms such as *neozhidanno – s neozhidannost'yu* ('unexpectedly, surprisingly' – 'with surprise'). It is shown that the choice of means enables the speaker to conceptualize the situation in different ways, highlight / push into the background the subject of perception, focus attention on one feature or shade this feature with another.

Key words: adverb, noun, prepositional-case form, conceptualization of the situation, subject of perception, functional-grammatical synonymy

В.С. Григорьева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный технический университет
grigorieva@mail.ru

АСИММЕТРИЯ ЗНАНИЙ КАК ПРИЧИНА НЕЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На современном этапе развития языкознания в связи с миграционными процессами в фокус исследований выдвигается проблема межкультурной коммуникации, связанная с разработкой правил подачи информации и ее интерпретирования. В настоящей статье рассматривается асимметрия социальных и языковых знаний как одна из проблем неэффективной коммуникации, предлагаются методы изучения динамики понимания смысла высказываемого с учетом невербальных средств общения.

Ключевые слова: знание, культура, межкультурная коммуникация, интерпретация, асимметрия знаний

Центральным термином в сфере межкультурной коммуникации является понятие «культура». Феномен культуры вследствие своей сложности неоднозначно трактуется в исследованиях лингвистов различных направлений (см., например в [Сусов 2001; Гуревич 2004: 54-55; Хроленко 2004: 35-42; Тер-Минасова 2007]). На основании семного анализа существительного *cultura* нами выведены основные концептуальные смыслы данного понятия, характеризующегося незавершенным, открытым характером, в котором отображено бесконечное разнообразие условий приобретения человеком знаний о мире. К ним относятся природные условия существования народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и пр. (см. подробнее в [Григорьева 2012]). Межкультурную коммуникацию, следственно, можно определить как коммуникацию между людьми разных культур. При этом необходимо уточнить, что условием межкультурного взаимодействия между людьми в данном случае является использование общего языка. Следовательно, эффективность межкультурной коммуникации обусловлена одним из ее важнейших процессов, а именно процессом согласования смыслов.

Затрагивая вопрос о формировании культуры отдельного индивидуума, уместно увязать данный процесс с формой ментальной и языковой репрезентации в концептуальной системе человека, базирующейся на интерпретирующей функции языка. Выделяя интерпретирующую функцию языка как особую функцию интерпретации мира и знаний о мире, Н.Н. Болдырев дает ее широкое и узкое толкование: «В широком смысле этого слова интерпретация может пониматься как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня. <...> Интерпретация в узком ее понимании – это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [Болдырев 2019: 252-253]. В соответствии с этим определением целесообразно учитывать три уровня культуры: а) индивидуально осознанный или усвоенный уровень культуры, что соответствует приобретению знаний в результате интерпретации в узком ее понимании; б) коллективный и символический уровень в смысле представлений о природе социального мира; и (с) знания культурных традиций и их различий. Культура и культурные изменения могут быть концептуализированы. Культура становится центральным измерением различия, к которому сводятся другие измерения (политическое, социальное, экономическое и правовое). Культура формируется посредством символических систем, идеологий и убеждений, которые создаются и манипулируются средствами массовой информации, формирующими общественное мнение. Она не является априорно заданной категорией.

Использование этнографами слова «культура» установило один существенный фактор: «Культура – это не реальная вещь, а абстрактное и чисто аналитическое понятие» [Baumann 1996: 11]. Центральная проблема, связанная с концепцией культуры, заключается в том, что знания уровней культуры конкретного участника разговора, его языковые знания и коммуникативная компетентность (или их отсутствие) помогают объяснить и оправдать недоразумения в общении

и взаимопонимании и социальные неравенства.

Межкультурные отношения и их результаты можно рассматривать с точки зрения таких дисциплин как межкультурная коммуникация, миграционная лингвистика, транскультурная коммуникация, кросс-культурная коммуникация, лингвокультурология и ряд других. При этом используются весьма разнообразные подходы. Так, в XIX в. лингвисты систематически отгораживались от многообразия языковой реальности, и культурологические исследования языка, как правило, также характеризовались односторонним рассмотрением языковых явлений в той или иной культуре. Дополнительные исследования, учитывающие языковую и культурную неоднородность, такие как лингвистика контактов, миграции и взаимодействия, а также языковая политика и языковая дидактика проводились за пределами языкознания. Проблемы коммуникации и в настоящее время лишь в редких случаях признаются как неправильный дизайн получателей или асимметрия знаний. Участник межкультурной коммуникации, однако, воспринимает социальный мир прежде всего как поле своих поступков и лишь как второй объект его мышления. Принципы межкультурной коммуникации закреплены в социальном запасе знаний и приобретаются в процессе социализации. Жизненный опыт помогает интерпретировать социальные ситуации. Несмотря на существование ядра коллективных социальных знаний запас их распределен очень неравномерно. И чем он меньше, тем больше проблем с коммуникацией в таких обществах. Социальные знания вкупе с языковыми определяют структуру социального взаимодействия и являются корнями коммуникативных проблем. В отношении межкультурной компетентности предполагается, что межкультурные встречи в первую очередь приводят к межличностному взаимодействию, в котором участники используют различные системы социальных правил. Взаимодействие – это взаимный процесс, в котором участники разговора совместно договариваются о значении. Таким образом, социальные знания могут быть не только воспроизведены, но и пересмотрены.

Помимо наличия ядра общих социальных знаний, существует также осознание асимметрии знаний. Интеракционные (коммуникативные) знания не могут быть четко отграничены от лингвистических знаний и знаний коммуникативных жанров. Оба обеспечивают контекст, вокруг которого строится понимание взаимодействия. Репертуар коммуникативных жанров различен от культуры к культуре. Отмечаются несоответствия не только в структуре построения диалогов в английском, французском, испанском, русском и других языках, но и наличие различных дискурсивных жанров в разных языках. Так, например, М. Лекер в своем диссертационном исследовании пишет о том, что в китайском языке нет различия между текстом-сообщением (Bericht) и текстом-рассказом (Erzählung) (см. в [Lehker 1997]). Определенный интерес представляют в данном случае сравнительно-сопоставительные исследования Р. Каплана, выделившего пять структурных видов коммуникации в зависимости от менталитета и национальности говорящего (см. в [Kaplan 1966]). Итак, одной из причин неэффективности коммуникации может быть отсутствие или асимметрия знаний о репертуаре коммуникативных жанров в языке общения.

В докладе предполагается обсуждение динамики процессов понимания и социального переосмысления темы разговора, знаний и убеждений участников беседы. Помимо вербального языкового уровня учитываются и другие коды семиотических систем: кинесика, мимика, просодика и объекты в окружающей среде. Предыдущие исследования в области лингвистики и социальных наук уделяли мало или незначительное внимание мультимодальности взаимодействия. На заре своего развития анализ разговоров в основном был посвящен вербальному взаимодействию. Лишь в последние десятилетия ученые обратили внимание на рекуррентность миметических схем, жестов и других невербальных кодов коммуникации [Пиз 1992; Папулинова 2003; Ирисханова 2021; Ирисханова, Николаева 2023; Кюсе 2023; Cienki 2021; Iriskhanova, Cienki 2018]. Использование видеотехнологий дает возможность фиксировать разговоры в их непрерывности, учитывать соотношение речевого и жестового поведения участников разговора. Функции жестов многообразны, поскольку они не только регулируют социальный порядок человеческого общения, но и выражают чувства, настроения и отношения и обладают коммуникативными функциями. Таким образом, учет конструкций высказываний и динамики их формулирования, манеры речи, различных языковых уровней (фонетики, просодики, грамматики, лексики, стилистики), а также жестов и их соотношения с вербальными речевыми актами дает возможность реконструировать и интерпретировать смысл разговора в соответствии с контекстуальными подсказками. На основе эмпирических данных возможна разработка грамматических, лексических и невербальных правил коммуникации.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.
- Григорьева В.С.* Когнитивно-коммуникативные особенности речевого взаимодействия в свете национальных культур // Славянская историко-культурная и языковая ситуация / отв. ред. С.А. Алексанова, Т.В. Шмелева. Славянск-на-Кубани: Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в Славянске-на-Кубани, 2012. С. 324-333.
- Гуревич П.С.* Культурология: учебник для вузов. М.: Проект, 2004.
- Ирисханова О.К.* (ред.) Полиmodalные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2021.
- Ирисханова О.К., Николаева А.И.* Когнитивные основания вариативности рекуррентных жестов в экспланаторном дискурсе: «открытая ладонь вверх» и «открытая ладонь вниз» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 26-34.
- Кюсе М.И.* Теории образ-схем как инструмент полиmodalных исследований // Германистика 2022: Nove et Nova. Материалы Пятой международной научной конференции. М.: МГЛУ, 2023. С. 136-140.
- Папулинова И.Е.* Языковая манифестация жестов рук в диалогическом дискурсе (на материале русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
- Пиз А.* Язык телодвижений. Нижний Новгород: Ай Кью, 1992.
- Сусов А.А.* Теория межкультурной коммуникации vs контрастивная этносоциоллингвистика // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. Ижевск: Мин. нар. образования Удмуртской республики; УМО «Sancta Lingua», 2001. Вып. 3. С. 3-12.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: АСТ Астрель-Хранитель, 2007.

Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2004.

Baumann G. Contesting Culture: Discourses of Identity in Multi-ethnic London // Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology. Vol. 100. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Cienki A. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions. Languages and Modalities. № 1. 2021. Pp. 1-14.

Iriskhanova O.K., Cienki A. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. № 4. Pp. 25-36.

Kaplan K.B. Cultural thought patterns in intercultural education // Language Learning. 1966. № 16. Pp. 1-20.

Lehker M. Texte im Chinesischen: Was lernen chinesische Schüler über das Schreiben von Texten? Aufsatzunterricht. Berlin: Julius Groos Verlag, 1997.

Valentina S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

ASYMMETRY OF KNOWLEDGE AS A CAUSE OF INEFFICIENCY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

At the present stage of the development of linguistics in connection with migration processes, the problem of intercultural communication related to the development of rules for the presentation of information and its interpretation is put forward in the focus of research. This article examines the asymmetry of social and linguistic knowledge as one of the problems of ineffective communication, and suggests methods for studying the dynamics of understanding the meaning of what is being said, taking into account non-verbal means of communication.

Key words: knowledge, culture, intercultural communication, interpretation, asymmetry of knowledge

В.В. Грищева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
walya86@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЬЕСЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗНАКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Статья посвящена исследованию концептуализации события в тексте англоязычной драмы. Выявляется роль знаков в формировании звукового образа действительности, а также определяются их основные функции. Проводится анализ аудиальных компонентов в драматургическом тексте с точки зрения их знаковой природы. Особое внимание уделяется референции к музыке как приему, актуализирующему звуковое восприятие события в пьесе.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, знак, знаковая репрезентация, аудиальный компонент, пьеса

Понятие концепта и процессы концептуализации действительности по-прежнему остаются наиболее обсуждаемыми в лингвистике. В широком смысле концептуализация действительности в драматургическом тексте показывает, на чем основывается и чем обусловлено понимание воссоздаваемых событий в пьесе. Концептуализация конкретного события представляет собой определенные знания о реконструируемой действительности в драматургическом тексте.

Обращение к текстам пьес позволяет выявить и описать некоторые особенности репрезентации событий, обусловленной знаками. В целом драматургический текст представляет собой сложное взаимодействие различных знаковых систем [Илова 2018], что детерминировано его «двойственной природой» [Кожина 2022]. Это свойство текста пьесы напрямую связано с заложенной потенцией к действию и театральностью этого жанра. В связи с этим драматургический текст представляет собой особый язык коммуникации, в котором используются знаки разного типа и разной степени условности [Защепкина 2013: 78].

Знак является имплицитной составляющей драматургической коммуникации и, следовательно, способствует концептуализации явлений и событий. Такое понимание знака и знаковой репрезентации в целом в аспекте формирования отношений и связей позволяет отчетливо проследить также коммуникативную и прагматическую функции знака [Алахвердиева, Локтионова 2012].

Приведем фрагменты из пьесы британского драматурга XX в. Дж. Б. Пристли «Время и семья Конвей» («Time and the Conways») в качестве примера формирования ментального образа события за счет знаковой репрезентации:

Act I

1) *There is a party at the Conways. <...>. We can hear young voices chattering and laughing and singing, <...> and a piano playing popular music of that period. After a moment or two, a number of voices begin to sing the tune we hear on the piano. It is all very jolly indeed.*

2) *A few chords and runs can be heard from the piano.*

<...>

3) *Carol: I couldn't be. [She pauses happily, one earnest young creature staring at the other. And now we can just hear Mrs. Conway in the drawing room beginning to sing Schumann's «Der Nussbaum»].*

Carol goes out, and now we can hear the lovely rippling Schumann better than before. Kay writes for another moment, then moved by both the music and the sudden ecstasy of creation, she puts down pencil and paper, drifts over to the switch <...> Very still, she listens to the music, and seems to stare not at but into something, and as the song goes soaring away, the curtain creeps down.

4) *Act III*

Kay is sitting just as we left her at the end of Act I, and we can still hear Mrs. Conway singing Schumann's «Der Nussbaum». Nothing happens until the song has ended and we have heard some applause and voices from the party <...>.

5) *Carol switches out the lights and returns to sit with Hazel and Joan, the three girls making a group, dimly but warmly lit by the light coming in from the hall. Very softly there comes the opening bars of Brahms' «Wiegenlied». Alan joins Kay at the window, so that his face, too, like hers, is illuminated by the moonlight.*

Alan [quietly through the music]: Kay.

Kay [quietly]: Yes, Alan?

<...>

The moonlight at the window shows us Alan looking at her earnestly, and we just catch the answering smile, as the song swells out a little. And then the lights begin to

fade, and very soon the three girls are no more than ghosts and all the room is dark, but the moonlight – and the faces of Kay and Alan – still lingers.

События первого и второго действия связаны с празднованием совершеннолетия Кей Конвей, на которое собирается вся ее большая семья и друзья. Референция к музыке выступает в качестве аудиального компонента актуализации концепта праздника. Прямое указание на музыкальное сопровождение праздника содержится в концептуально-обусловленных единицах *singing, popular music, to sing the tune, on the piano, a few chords and runs*. Таким образом, создается звуковой образ описываемого события за счет знаков, которые содержат информацию об описываемом событии. Необходимо также отметить, что в первом фрагменте знаки, указывающие на музыку и песни, являются обобщенными, поскольку не конкретизируются драматургом, а передаются дейктической единицей *that period*. В этом случае акцентируется общее настроение веселья и радости, которое вербализуется посредством описательного прилагательного *jolly* с интенсификатором *very*. Концептуализация воспроизводимого события, следовательно, полностью обусловлена фоновыми знаниями и пресуппозитивным опытом потенциального реципиента (читателя, режиссера-постановщика) относительно популярной музыки в то время, к которому относятся описываемые события.

Последовательное представление аудиальных компонентов обусловлено также обращенностью к адресату, которое достигается при помощи многократного употребления личного местоимения в форме 2 л. мн. ч. *We* в разных композиционно-структурных частях пьесы (*we can hear, we hear, now we can just hear, we can still hear*) и конструкции в страдательном залоге с модальным глаголом *can*. Необходимо отметить, что такой прием отождествления способствует максимальному вовлечению читателя (зрителя) и «приближает» его к разворачиваемому действию. Создание звукового образа в приведенных фрагментах знаково фиксируется путем воздействия именно на звуковое восприятие при помощи употребления глагола *hear* (*we can hear, we hear, can be heard, now we can just hear, we can still hear*).

Стоит подчеркнуть, что в процессе анализа концептуализации события торжества в приведенных фрагментах пьесы была выявлена ключевая роль референции к конкретным музыкальным композициям, выступающим в качестве знака-образа, который передает атмосферу, эмоциональную наполненность и настроение. В связи с этим заметим, что музыкальный знак в драматургическом тексте используется не только для передачи фактуальной информации о том, какая мелодия сопровождает воспроизводимое событие, но и обладает мощным коммуникативно-прагматическим потенциалом. В качестве доказательства этого наблюдения обратимся к третьему и четвертому примерам. Актуализация концепта праздник реализуется за счет аудиального компонента, переданного референцией к вокально-инструментальной композиции *Schumann's «Der Nussbaum»*. Воссозданию описываемой действительности способствуют концептуально-обусловленные единицы *music, song*, которые передают взаимодействие музыки и голоса в процессе формирования звукового образа. Фортепианные произведения

немецкого композитора Шумана широко известны поэтичностью, сентиментальностью и исключительным романтизмом. Песня-романс «Орешник» («*Der Nussbaum*») из цикла «Мирты» знаково репрезентирует действительность в пьесе и формирует лирическое настроение и безмятежную атмосферу. Мелодичный, спокойный напев также поддерживается в описании движений действующего лица, которые вербализуются глаголами *drift over*, *stare into something*, описательным прилагательным *still* с интенсификатором *very* и обособлением в качестве синтаксического приема, которые указывают на плавные, нежные движения в унисон музыке и незримое вглядывание в никуда, ассоциирующееся с романтическим настроением. Имитация звука содержится в стилистическом приеме эпите *rippling* (*rippling Schumann*), который передает струящийся мотив и также участвует в формировании единого знака-образа.

Продолжая логику рассуждения, заметим, что помимо экспрессивной функции знак в драматургическом тексте выполняет также структурирующую функцию. Так, например, референция к музыкальной композиции Иоганнеса Брамса «Колыбельная» (*the opening bars of Brahms' «Wiegenlied»*) отражает не только настроение, но и знаково обозначает переход к финальному действию в пьесе. Колыбельные мотивы традиционно поют перед сном детям, что является неким сигналом об окончании дня. В связи с этим хорошо узнаваемые ноты колыбельной символично репрезентируют финал пьесы (*the curtain is down, and the play is over*). Данный аудиальный компонент создает атмосферу спокойствия, тепла и близости, что способствует концептуализации события. Кроме того, такое настроение поддерживается описательными наречиями *warmly*, *very softly*. Усиление эффекта достигается при помощи лексического повтора наречия *quietly*, описывающего тихую речь действующих лиц, которая звучит подобно колыбельной мелодии. Спокойные, умиротворяющие, плавные звуки колыбельной также актуализируются поведением действующих лиц. Таким образом, данное настроение поддерживается отсутствием реплик в конце пьесы и немногословностью персонажей, выраженной короткими фразами (*Alan [quietly through the music]: Kay; Kay [quietly]: Yes, Alan?*), и эпитетом *the answering smile*, который передает улыбку, выражающую безмолвное согласие.

Подводя итоги анализу концептуализации события в драме, отметим, что в целом репрезентация за счет знаков имеет мощный потенциал активизации читательского восприятия и построения смысла; при этом аудиальные компоненты вызывают определенный отклик у потенциального реципиента и, следовательно, выступают в качестве неотъемлемого условия драматургической коммуникации.

Литература

- Алахвердиева Л.К., Локтионова Н.М. К вопросу о сущности знаковой репрезентации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6.
- Защепкина В.В. К вопросу об определении понятия «театральный текст» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 78-81.
- Илова Е.В. Актема как единица театральной коммуникации: принцип выделения, лингвистический статус и лингвосемиотическая типология // Филология: научные исследования. 2018. С. 374-385.

*Valentina V. Grishcheva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

THE CONCEPTUALIZATION OF EVENT IN ENGLISH PLAY THROUGH THE PERSPECTIVE OF SIGN REPRESENTATION

The article is devoted to the investigation of the conceptualization of an event in English plays. The role of signs in forming an auditory image is identified and their main functions are defined. The analysis of auditory components in drama text from the perspective of their sign nature is carried out. Special attention is given to music reference functioning as a means which contributes to the actualization of auditory perception of an event in drama.

Key words: conceptualization, concept, sign, sign representation, auditory component, play

*А.П. Гусева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
alina.p.guseva@yandex.ru*

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЛЬТФИЛЬМА

Изучается роль механизма концептуальной интеграции в пространственной организации мультипликационного фильма. Рассматривается контаминированная лексика как результат процесса концептуальной интеграции. Делаются выводы о том, что механизм концептуальной интеграции может лежать в основе пространственной организации мультипликационного фильма, а контаминированные лексические единицы могут выступать в роли пространственных операторов.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, пространство, пространственная организация, словообразование, контаминация, мультипликационный дискурс

Мультипликационный фильм как художественное произведение является отражением авторской картины мира, которая, по утверждению М.М. Бахтина, выступает в качестве альтернативы реальному миру [Бахтин 1979: 211] и кодируется определенными языковыми средствами, отражающими наиболее релевантные для ее построения концепты.

Одним из доминантных конструктивных элементов авторской картины мира является пространство художественного произведения. Для его адекватного восприятия и интерпретации необходимо понимание его структуры, которая маркируется так называемыми пространственными операторами. Реалистичность пространства мультипликационного фильма обеспечивается его связью с реальным миром.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что для обеспечения такой связи могут использоваться пространственные операторы в форме контаминированных лексических единиц, созданных на основе механизма концепту-

альной интеграции. Предположительно, использование в качестве пространственных операторов контаминированной лексики связано с тем, что «иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений, старых концептов, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия» [Демьянков 2005: 5].

Объектом настоящего исследования является художественное пространство англоязычного мультипликационного фильма, предметом – особенности реализации механизма концептуальной интеграции в его структуре. Цель исследования состояла в выявлении контаминированных лексических единиц, созданных на основе механизма концептуальной интеграции и их роли в организации пространства мультипликационного фильма.

Исследование было проведено на материале популярного англоязычного мультипликационного фильма «Monster High: Boo York, Boo York» (2015), общей продолжительностью 72 минуты. Образцы контаминированной лексики, созданной на основе механизма концептуальной интеграции, были отобраны методом сплошной выборки, их число составило 22 единицы.

Согласно Ж. Фоконье и М. Тернеру, концептуальная интеграция – это базовая ментальная операция, которая ведет к новому значению [Fauconnier, Turner 2003: 57]. В результате процесса концептуальной интеграции появляется бленд – новое ментальное пространство, которое объединяет структуру исходных ментальных пространств, но не является простой совокупностью исходных элементов, а представляет собой абсолютно новое ментальное пространство со своим уникальным значением. Механизм концептуальной интеграции лежит и в основе словообразования.

Как замечает Л.Г. Лузина, «в первую очередь производное слово создается в когнитивных целях для объективации и последующей фиксации в языке определенной структуры знания или отражения и оценки определенного фрагмента мира. Однако производное слово возникает не только для того, чтобы закрепить соответствующим обозначением некую концептуальную структуру и придать ей знаковую форму. В акте семиозиса рождающемуся новому знаку придается особая мотивированная форма, т. е. концептуальная структура «упаковывается» совершенно особым образом, обретая форму однословного мотивированного знака, который становится удобным в коммуникации» [Лузина 2008: 44].

Такими «удобными в коммуникации» языковыми знаками в пространстве мультипликационного фильма становятся контаминированные лексические единицы, которые выступают в качестве элементов его структуры, т. е. пространственных операторов. Ниже представлен анализ нескольких примеров контаминированной лексики в аспекте механизма концептуальной интеграции:

1) New York (input space 1) + Boo (input space 2) → прилагательное в названии города как его характеристика (generic space) → Boo York (blend) – большой город, который может напугать своим ритмом жизни / город монстров;

2) Broadway (input space 1) + blood (input space 2) → прилагательное в названии улицы как ее характеристика (generic space) → Bloodway (blend) – театральная индустрия, в которую трудно попасть ввиду высокой конкуренции;

3) Central Park (input space 1) + Spectral (input space 2) → прилагательное в названии парка как его характеристика → Spectral Park (blend) – призрачный парк, или парк, населенный призраками, как часть «города монстров».

Представляется возможным заключить, что контаминированная лексика, созданная на основе механизма концептуальной интеграции, функционирует в качестве пространственных операторов, позволяющих автору не только создавать и структурировать пространство мультипликационного фильма, но и обеспечивать связь выдуманного художественного мира с миром реальным. Именно устойчивая связь с реально существующим миром, его культурой является связующей силой, обеспечивающей полноценную коммуникацию между автором и реципиентом, а также адекватное восприятие и интерпретацию художественного произведения.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5-10.

Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: ИНИОН РАН, 2008.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Blending, Form and Meaning // *Researches in Communication*. 2003. No. 19 (19). Pp. 57-86.

Alina P. Guseva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THROUGH THE LOOKING GLASS: CONCEPTUAL BLENDING IN ANIMATED CARTOONS

The research focuses on the role of the mechanism of conceptual integration in the spatial organization of animated cartoons. Lexical blending is considered as a result of the process of conceptual integration. It is concluded that the mechanism of conceptual integration can underlie the spatial organization of animated cartoons, and blended lexical units can act as spatial operators.

Key words: conceptual integration, space, spatial organization, word formation, blending, animated cartoons

А.Н. Дегтярева (Москва, Россия)
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
degtarevaa8@gmail.com

«МГЛИСТЫЙ ПОЛДЕНЬ»: ФРЕЙМ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СМЫСЛА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗНОСТИ В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье осуществляется построение фрейма «мгла» на материале текстов-реакций на стихотворение Ф.И. Тютчева «Полдень». Результаты исследования свидетельствуют о детальности индивидуальных картин мира, так как различия в них могут проявляться на уровне употребления отдельного слова.

Ключевые слова: фреймы, фреймовый анализ, интерпретация, картина мира

В стихотворении «Полдень» Ф.И. Тютчев при описании жаркого дня использовал выражение «мглистый полдень»: «Лениво дышит **полдень мглистый**; // Лениво катится река; // И в тверди пламенной и чистой // Лениво тают облака. // И всю природу, как туман, // Дремота жаркая объемлет; // И сам теперь великий Пан // В пещере нимф покойно дремлет». Употребление прилагательного «мглистый» по отношению к лексеме «полдень» вызвало противоречивые реакции. И.С. Аксаков одобрил данное выражение, отметив при этом его образную точность; рецензенту из журнала «Пантеон» это словосочетание не понравилось; С.Л. Франк, пытаясь объяснить такое словоупотребление, говорил о сближении светлого и темного начал в стихотворениях Тютчева [Тютчев 2002: 327]; Л.В. Пумпянский оценивал выражение «мглистый полдень» как парадоксальное [Пумпянский 1928].

Согласно закону логики об исключенном третьем, если существует два противоположных высказывания, то одно из них истинно, а второе ложно и третьего не дано, следовательно, одно и то же выражение не может быть одновременно и точным, и противоречивым. Статья посвящена поиску причин появления разных реакций и ответу на вопрос о том, почему одному из критиков словосочетание «мглистый полдень» показалось образным, а трем другим комментаторам парадоксальным.

Цель исследования состояла в поиске причин возникновения отличий между четырьмя интерпретациями словосочетания «мглистый полдень». Поиск осуществлялся через построение фреймов, соответствующих слову «мгла» в картине мира критиков, прокомментировавших стихотворение Тютчева.

Под фреймом в статье понимается «минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов» [Минский 1979: 3]. Фреймы обладают двухуровневой структурой. Первый уровень представлен терминалами, которые заполняются инвариантными данными справедливыми для всех объектов этого класса. Второй уровень содержит терминальные узлы или слоты, заполняемые «заданиями отсутствия» – вариативной информацией, характерными примерами [Карасик 2002: 110].

Перед построением фреймов «мгла», отраженных в картине мира четырех комментаторов, обратимся к словарям. В «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля», написанном в XIX в., лексема «мглистый» отсутствует, но она есть в «Словаре русского языка XVIII века», где характеризуется следующим образом: «Затянутый мглой, дымкой; туманный» [Словарь русского языка XVIII века 1984-1991].

Корень слова и его значение отсылают нас к лексеме «мгла». Она в «Словаре русского языка XVIII века» имеет два значения: «1. Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами, туман <...> 2. Мрак, тьма...» [там же].

В словаре Даля лексема «мгла» определяется так: «помраченье воздуха, испарения, стужающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным; сухой туман, дым и чад, нагоняемые в засухи от лесных паров. В знойные дни, мгла всегда стоит в низших слоях воздуха и мешает зрению» [Даль: URL].

Первое значение данной лексемы, представленное в «Словаре русского

языка XVIII века», и определение, запечатленное в словаре Даля, свидетельствуют о том, что словосочетание «мглистый полдень» являлось узуальным и соответствовало нормам русского языка. Но почему у нескольких интерпретаторов оно вызвало непонимание и ощущение парадоксальности?

Это можно объяснить влиянием организации знаний в картине мира воспринимающего субъекта на то, как текст будет осмыслен. Компонентный анализ приведенных значений лексем «мгла» и «мглистый», отраженных в словарях, позволяет выявить одну общую сему, присутствующую во всех значениях изучаемых слов, это сема 'мера проявления признака по качеству обозримости, возможности видеть', при этом в каждом отдельном значении уточняются причины плохой видимости. Таким образом, фрейм «мгла», построенный на основе словарных значений будет включать терминал с постоянным компонентом 'плохая видимость' и слоты с вариантами возможных, но необязательных причин затруднения зрительного восприятия: 'тьма', 'туман' 'изменение плотности воздуха из-за высокой температуры' и т. д. Тьма выступает как необязательная характеристика мглы, а лишь как один из возможных вариантов ее реализации.

Однако, по замечанию М. Минского, каждый слот тесно связан со своим заданием отсутствия, с одной стороны, это полезно, так как позволяет быстро интерпретировать воспринимаемую информацию с опорой на предыдущий опыт и уже известные примеры, но, с другой стороны, может приводить к восприятию вариативных признаков как обязательных [Минский 1979: 34].

Отмечала это и А.А. Залевская, указывая на то, что в восприятии индивида слово всегда включено во «внутренний контекст» и смысл рождается на пересечении трех осей: «физический мир», «социальный мир» и «индивид». При включении слова во внутренний контекст место сущностных признаков могут заменять характерные или даже приписываемые признаки [Залевская 2016: 287-309]. Такое перераспределение признаков лексемы «мгла» в воспринимающем сознании и привело к появлению противоположных реакций на выражение «мглистый полдень».

Фрейм «мгла» в картине мира И.С. Аксакова совпадает с фреймом «мгла», построенным на основе словарных дефиниций, но при восприятии слова в конкретном контексте происходит актуализация подходящего в данном случае слота. Воспринимая лексему «мглистый» рядом со словом «полдень» Аксаков выбирает одну из причин ухудшения видимости, представленных в слотах, – изменение плотности воздуха, поэтому характеристика «мглистый» ему представляется образной.

В сознании же других интерпретаторов соотношение терминала и терминальных узлов фрейма «мгла» меняется под влиянием существующих в этот период текстов. По замечанию Л.В. Пумпянского, «мглистый» на языке поэзии 20-х гг. означал «по-ночному темный» [Пумпянский 1928].

Прецедентные тексты относятся к единицам мотивационного уровня, который определяет специфику восприятия и создания текстов языковой личностью [Караулов 1987: 51]. Именно это здесь и произошло, частое появление лексемы «мгла» в контекстах, где она имела значение «по-ночному темный», привело к

переосмыслению **вариативного** слота фрейма «мгла», содержащего определенную причину плохой видимости – темноту, как **обязательного** и **постоянного** компонента.

Анализ данных одного из «Русских ассоциативных словарей» показывает, что лексема «темнота» выступает как сущностный признак мглы для многих русскоговорящих. Так, среди реакций на стимул «мгла» есть лексемы, указывающие на трудности зрительного восприятия: «непроглядная», «застылает глаза», «и не видно ничего» и т. д., общее число таких реакций 14 из 102, и слова, связанные с причинами плохой видимости: 1) темнота, 2) туман, 3) зимняя пурга, 4) тучи, при этом больше всего реакций связано с первой причиной (26 из 102). Кроме того, среди реакций есть также слова, называющие темное время суток «ночь», «сумерки» (13 из 102) и лексемы, содержащие сему 'отсутствие света' «беспросветная» и «непросветная» (6 из 102) [РАС: URL].

При таком восприятии словосочетание «мглистый полдень» действительно становится непонятным, так как образ темного дня выглядит противоречиво. Таким образом, на восприятие текста читателем может влиять не только общее представление реципиента о мире и совпадение его картины мира и картины мира автора, но и специфика включения отдельного слова во внутренний контекст реципиента и особенности структурирования отраженной в картине мира воспринимающего системы знаний об объекте, соответствующем данному слову.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: https://drevlit.ru/slovar_dal.html.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. Директ-Медиа, 2016. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandra-zalevskay/chto-tam-za-slovom-voprosy-interfeysnoy-teorii-znache-11823498>.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803-1928. Л.: Прибой, 1928. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/pumpyanskij-poeziya-tyut-cheva.htm>.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.: в 2 т. М.: АСТ; Астрель, 2002. URL: https://elementy.ru/catalog/8247/Russkiy_assotsiativnyy_slovar_tesaurus_ru_dict.

Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984-1991. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: Стихотворения, 1813-1849 // Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 1, 2. М.: Классика, 2002–2003.

Angelina N. Degtyareva (Moscow, Russia)

Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

“MISTY NOON”: FRAME AS A WAY OF ORGANIZING MEANING WHEN INTERPRETING IMAGERY IN F.I. TYUTCHEV’S POETRY

The article provides a frame analysis of texts-reactions to F.I. Tyutchev’s poem “Noon”, illustrates the difference between the ideas associated with the lexeme *mist* and reflected in dictionaries, and the perception of mist by cultural speakers. The results of the study indicate the detail of individual

worldviews, since differences in them can manifest themselves at the level of use of a single word.
Key words: frames, frame analysis, interpretation, world view

М.С. Дзюба (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина
msdzyuba@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ТАМБОВСКИХ ЭРГОНИМОВ С ТОПОКОМПОНЕНТОМ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

На материале тамбовских составных эргонимов с топонимическим компонентом, рассматриваются смысловая функция эргонимов и семантическое значение эргонима, включающего как внутренние признаковые характеристики объекта, так и мысли номинатора об этом объекте.
Ключевые слова: когнитивная ономастика, тамбовские эргонимы, смысловая функция

Стремительный рост количества эргонимов в дискурсе и в узусе пользователей и необычайная активность порождения эргонимов, реализующая право пользователей языка на номинации в более свободном формате, нежели, например выбор антропонимов и имен животных, вызывает интерес ученых и подтверждает актуальность данной темы, которая связана с несколькими новыми для лингвистики и социологии языка факторами. Это не только рост числа эргонимов, но и необходимость научной разработки конструирования и интродукции эргонимов в язык и узус, это дальнейшее изучение словообразовательного потенциала онимов – хотя бы их перехода из одного разряда в другой, проблемы семантической организации эргонимического пространства внутри ономастического пространства города.

Эргонимы отражают в жизни современного общества все изменения, которые происходят в жизни города, но прежде всего экономические, поскольку эргоним изначально возник как экономическое явление.

В ономастическом пространстве города эргонимы находятся на периферии. «Ядерную зону составляют устойчивые наименования крупных объектов городского ландшафта, в периферийную зону входят эргонимы как функционально наиболее подвижная часть» топонимического пространства [Заонегина 2023: 179].

В периферийной зоне топонимического пространства г. Тамбова наиболее продуктивен семантический способ номинации эргонимов, который связан с отражением коммерческой номинации. В частности, в ходе искусственной, или сознательной, эргонимической номинации номинаторы используют региональные топонимы. Ср.: *Тамбовский окорок, Рассказовский трикотаж, Кирсановское масло (подсолнечное), Жердевское масло (сливочное), Моршанское пиво, Мичуринские яблоки.*

Устойчивые составные эргонимы называют продукцию, широко представленную на территории Тамбовской области и за ее пределами, что стало сегодня своего рода брендом Тамбовского региона.

Подобные составные эргонимы закрепляют авторитет местности производи-

теля топонимическими единицами (*Тамбов, Рассказово, Кирсанов, Жердевка, Мичуринск, Моршанск*), которые образуют относительные прилагательные, подчеркивающие качества продукции или предоставляемого товара. Принцип адресности, заложенный в подобных эргонимах, – привлечь внимание клиентов, вызвать положительную ассоциацию и мотивацию на покупку предлагаемых товаров.

Подобного рода «оттопонимичные эргонимы имеют собственно топонимическое (прямое географическое) значение, которое объединяется с эргонимическим значением, что является результатом метонимического переноса, или топонимической метонимии. Метонимическая информационная локативность способствует указанию на деятельность или предлагаемые товары с точки зрения места производителя или места деятельности предприятия» [Федотова 2018: 101].

С точки зрения когнитивного подхода процесс топонимической метонимии может быть связан с механизмами метонимического сдвига в семантике онима, т. е. «когнитивный механизм метонимии выполняет инструментальную функцию» [Кириллова 2023: 181], он помогает домысливать информацию, которая перспективизирует смысл эргонима.

С.Г. Виноградова, анализируя относительные прилагательные в когнитивном аспекте, отмечает: «Будучи дериватами существительных, относительные прилагательные разделяют общую способность производных слов – проективность семантической структуры исходного слова на производное» [Виноградова 2012: 155].

Интересное наблюдение приводит В.И. Шаховский: «А вот смысловую функцию языка что-то я не встречал в трудах лингвистов, а она, по-моему, присутствует во всех других функциях, как и прагматическая функция, которую выделяют многие текстолингвисты» [Шаховский 2020: 44].

Смысловая функция эргонимов формируется за счет относительных прилагательных в составе названных эргонимов, т. е. адъективная форма указывает на признаковый характер существительных и развивает дополнительные семантические приращения. Прилагательные в атрибутивном эргономическом сочетании закрепляют отношения с существительными и передаются по модели «*продукт/изделие из ...*» (*окорок из Тамбова, трикотаж из Рассказова, масло из Кирсанова, из Жердевки, пиво из Моршанска, яблоки из Мичуринска*).

Эта модель ономастического знания позволяет относить эргоним к определенной концептуально тематической области «Место производителя» и отражать непосредственную связь с «реализацией интерпретирующей функции языка в виде определенной модели языкового знания и познания окружающего мира с помощью языка» [Болдырев 2016: 17].

Таким образом, структурирование ономастической концептуально-тематической области «Место производителя», в которой задействованы топонимические средства языка, восходит к семантике относительных прилагательных в составе тамбовских эргонимов, что является собой результат взаимодействия перспективизации (проективности) семантической структуры исходного топонима и влияние «категориально-признаковой специфики прилагательного» [Виноградова 2012: 158], которое отражает принципы организации эргонимической системы.

Многоаспектность ономастического знания позволяет говорить о его особом формате, который невозможно описать простым набором обязательных или факультативных элементов или характеристик. Это знание матричного характера (см. подробно в [Щербак 2016; 2013]).

Осмысление эргонимов в когнитивном аспекте позволяет говорить о том, что семантическое значение эргонимов включает как внутренние признаковые характеристики объекта, так и мысли номинатора об этом объекте.

На основании этого тезиса можно утверждать, что региональные топонимы могут становиться активным ресурсом для номинации новых эргонимов, формирующих информационное поле для укрепления имиджа Тамбовской области и ее экономической привлекательности.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Виноградова С.Г. Относительные прилагательные в когнитивно-семантическом аспекте (на материале английского языка). Мурманск: Мурманский гос. гуманитар. ун-т, 2012. С. 98-106.

Заонегина В.В. Топонимическое пространство города Торжка: опыт моделирования // Ономастика Поволжья / под общ.ред. И.Н. Хрусталева, В.И. Супруна. Рязань. Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023.

Кириллова Е.Д. Когнитивные механизмы метафоры и метонимии в СМИ на примере имен собственных // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. 1. С. 180-183.

Федотова Т.В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного ин-та менеджмента. 2018. № 2 (22). С. 98-104.

Шаховский В.И. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2020. № 3. С. 34-52.

Щербак А.С. Базовые положения теории когнитивной ономастики // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 143-148.

Щербак А.С. Модель матрицы номинации урбанонимов // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2016. № 2. С. 33-37.

Maria S. Dzyuba (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FORMATION OF SEMANTICS OF TAMBOV ERGONOMS WITH TOPOCOMPONENT IN COGNITIVE ASPECT

On the material of Tambov composite ergonyms with a toponymic component, the semantic function of ergonyms and the semantic value of the ergonym, including both internal feature characteristics of the object and the thoughts of the nominator about this object, are considered.

Key words: cognitive onomastics, Tambov ergonyms, semantic function

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ОБ ОБМАНЕ КАК СРЕДСТВА БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Исследование посвящено фразеологическим единицам (ФЕ) английского языка, передающим информацию о действиях по введению человека в заблуждение, как средствам бесконфликтной или потенциально бесконфликтной коммуникации. Анализируется семантика ФЕ, исследуется возможность порождения ими конфликтных ситуаций вербального общения. *Ключевые слова:* фразеологическая единица, коммуникация, конфликтогенный потенциал, бесконфликтность, обман

Исторически главной целью общения людей является успешный обмен информацией о мире. В ряде ситуаций обстоятельства выстраиваются таким образом, что в ходе взаимообмена сведениями коммуниканты допускают вольное отношение к правдивости информации или намеренно искажают сведения, преследуя какие-либо цели. Передача ложной информации требует от говорящего особого искусства, иначе обман будет раскрыт. Эта своеобразная часть человеческих отношений не могла не найти отражение во фразеологии. Посредством ФЕ образное наименование получают попытки обмануть человека словесно или с помощью каких-либо действий. Таким языковым единицам и посвящено исследование.

В ходе работы были изучены ФЕ английского языка, передающие сведения о различных обманных действиях, были рассмотрены около 40 ФЕ, отобранных с помощью Интернет-ресурса The Free Dictionary [TFD: URL]. Цель исследования – установить, какие ФЕ о лжи могут использоваться в бесконфликтных контекстах и за счет чего это достигается; выявить, какие наименования обмана могут вызвать конфронтацию.

Исследование определяется следующей теоретической установкой: в основе бесконфликтного вербального общения находится эффективное взаимодействие коммуникантов на концептуальном уровне; оно создается за счет обращения к формам языкового сознания, доступным всем участникам ситуации общения. При организации бесконфликтной коммуникации важно учитывать неязыковые факторы, в сущности, выступающие как средства невербального общения [Болдырев 2012; 2022а; 2022б].

Обратимся к языковому материалу. ФЕ, проанализированные с помощью алгоритмов концептуально-дефиниционного и контекстуально-репрезентативного анализа [Болдырев 2014: 47-51], передающие информацию о лжи, можно условно разделить на следующие смысловые группы: 1) лгать вербально; 2) вво-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067>. The research is financially supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 22-18-00067), <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

дить в заблуждение словесно и посредством поступков; 3) давать ложную информацию и/или частично ее искажать.

1. Смысловая группа «Лгать вербально» включает ФЕ, передающие сведения о речевой деятельности человека, направленной на передачу ложной информации. Рассмотрим примеры, имеющие значение «нагло лгать»: *lie through (one's) teeth* (букв. «лгать сквозь (свои) зубы»), *lie like a cheap rug* (букв. «лгать / лежать как дешевый коврик»), *lie like a tombstone* (букв. «лгать как надгробие»). Интересно, что все они несмотря на образное наименование словесного обмана, уводящее от его прямого наименования, могут быть потенциально конфликтно восприняты. Это обусловлено самой сущностью обозначаемой ситуации и привлекаемыми образными основами, с помощью которых формируется семантика рассматриваемых ФЕ.

Так, ФЕ *lie through (one's) teeth*, предположительно, отсылает к особой гримасе, которая возникает на лице обманщика. ФЕ *lie like a cheap rug* формируется посредством каламбура на слово 'lie' – и лгать, и лежать. Негативное отношение к лживости усиливается за счет компонента 'cheap' – дешевый, что вместе создает образ дешевого коврика, который сопоставляется с лжецом. Из-за своей образной основы довольно резко звучит ФЕ *lie like a tombstone*, ведь она отсылает к факту того, что эпитафии на надгробиях далеко не всегда правдивы, положительно описывают усопших независимо от того, какими людьми они были. Данные ФЕ можно встретить, например, в таких контекстах: *Stop lying through your teeth – we have evidence that you were here the night of the crime* [TFD: URL] или *My brother always lies like a cheap rug to get out of trouble with our parents* [там же]. Как можно отметить, звучат они обличительно, что потенциально может породить конфликт.

Фразеологизм о лжи присущ некоторый символизм, что ярко доказывает пример *speak with a forked tongue* (букв. «говорить раздвоенным языком») – давать лживые обещания, говорить двулично или оболъстительно. Очевидно, что отсылка производится к языку змеи, традиционному символу обмана. К примеру, в предложении *He learned quickly that speaking with a forked tongue was an effective way of getting ahead in business* [там же] не дается прямого наименования лжи, однако образ, привлекаемый для его осмысления, передает все оттенки коварства и непорядочности говорящего неправду. С одной стороны, это уберегает от конфликтного восприятия подобного высказывания, но с другой – погружает в глубокий символизм, связанный с ложью.

Наименее конфликтно может быть воспринята в ходе общения ФЕ *be economical with the truth* (букв. «быть экономным с правдой») – быть лживым, лгать. Данное выражение не просто эвфемистически уходит от наименования лживости, но еще и прикрывает резкость высказывания отсылкой к похвальному качеству – бережливости. Например: *I wouldn't trust him—everyone says he's economical with the truth* [там же] – человека, склонного к лжи, описывают настолько тактично, что подобное предупреждение скорее можно воспринять как замечание, нежели как оскорбление.

2. Смысловая группа «Вводить в заблуждение словесно и посредством поступков» может быть представлена за счет ФЕ, отсылающих к разного рода

действиям и высказываниям человека, направленным на обман. Это можно проиллюстрировать с помощью следующих примеров: *put the wool over (one's) eyes* (букв. «закрыть шерстью (чьи-либо) глаза») – обмануть, одурачить или направить кого-либо по ложному пути; *pull (one's) leg* (букв. «тянуть (кого-либо) за ногу») – шутить с кем-то, часто пытаясь убедить его в чем-то неправдивом; *take (one) for a ride* (букв. «прокатить кого-либо») – обмануть.

Как показал анализ контекстов употребления данных ФЕ, все они могут использоваться в потенциально конфронтационных ситуациях, если не будут смягчены юмором или максимально дружественными отношениями между собеседниками, например, в ситуации розыгрыша: *Quit pulling my leg, I know there isn't a Hollywood director calling me right now* [TFD: URL]. Отметим, что в образной основе упомянутого фразеологизма лежит отсылка к ситуации, когда кто-то делает подножку, держа ногу или предмет так, что одна из ног жертвы отводится (оттягивается) назад [там же].

Вероятно, самым потенциально конфликтным примером может считаться ФЕ *take (one) for a ride*, пришедшая из сленга американских гангстеров. Когда они «брали кого-то покататься», то увозили его на машине, чтобы похитить или убить. Например, в предложении *That get-rich-quick guru took tens of thousands of people for a ride, lining his own pockets with their investments* [там же] дается описание преступного обмана, а за счет негативного контекста усиливается осуждающий тон высказывания.

3. Смысловая группа «Давать ложную информацию и/или частично ее исказить» включает ФЕ, отсылающие к высказываниям, частично содержащим правду, но с измененными деталями о ситуациях, что, по сути, также является обманом. Рассмотрим следующие ФЕ: *talk through (one's) hat* (букв. «говорить сквозь (свою) шляпу») и *talk out of the back of (one's) head* (букв. «говорить затылком (своей) головы») – говорить глупости; преувеличивать свои достижения; *stretch the truth* (букв. «растягивать правду») и *bend the truth* (букв. «гнуть правду») – исказить истину, изменяя определенные аспекты при передаче сведений; *throw (one) off the scent* (букв. «сбить с запаха») и *throw (one) off the track* (букв. «сбить с пути») – направить расследование или подозрения в неверном направлении; *throw dust in (one's) eyes* (букв. «пускать пыль в глаза») и *blow smoke* (букв. «пускать дым») – намеренно вводить в заблуждение.

Наименее конфликтными примерами в рамках рассматриваемой группы можно назвать ФЕ *stretch the truth* и *bend the truth*, в которых упоминается правда, подвергаемая смысловым манипуляциям, что несколько отвлекает внимание от обмана. В предложении *He always bends the truth so he never gets in any trouble* [там же] описание человека, склонного к обманам, звучит не слишком резко.

ФЕ *throw dust in (one's) eyes* позволяет завуалированно дать описание введения запутывающей информации с целью скрыть реальное положение дел. Стоит отметить, что данная ФЕ отсылает к практике, известной еще солдатам Древнего Рима, когда противника сбивали с толку, буквально подбрасывая пыль или песок в воздух, создавая примитивное подобие дымовой завесы. Рассмотрим пример: *The governor's press aide threw dust in their eyes, talking about a flight at*

the airport when he was heading for the highway [там же]. Как видим, в данном контексте фразеологизм позволяет описать ситуацию искажения правды с малым риском порождения конфронтации.

Рассмотренный языковой материал позволяет сделать некоторые выводы относительно ФЕ английского языка об обмане как средствах бесконфликтной коммуникации. Так, данные языковые единицы в целом весьма успешно могут использоваться для описания ситуаций, связанных с введением в заблуждение. Их использование имеет некоторый риск формирования конфликтного восприятия ситуации общения, который сопряжен с сутью самой ситуации, ведь обман обычно воспринимается негативно. Некоторые примеры могут смягчать конфронтационные значения, выполняя функцию эвфемизмов (например, *be economical with the truth*), а иные, наоборот, способны усугубить ситуацию, будучи использованными в негативном контексте (например, *take (one) for a ride*). Важную роль в восприятии рассмотренных ФЕ играет и характер образной основы, посредством которой формируется их семантика. Следует также отметить, что дружеские отношения между собеседниками и/или максимально юмористическое применение данных ФЕ, как факторы неязыкового характера, способны практически полностью нейтрализовать потенциально конфликтные смыслы, которые могут возникнуть в ходе коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 39-45.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ТГУ, 2014.

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 4 (51). С. 25-30.

Болдырев Н.Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 3 (50). С. 31-36.

TFD – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>.

Elena V. Dolgova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS ABOUT DECEPTION AS A MEANS OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The study is devoted to phraseological units (PU) of the English language transmitting information about misleading actions as means of conflict-free or potentially conflict-free communication. The semantics of PU is analyzed, their conflictogenic potential in the situations of verbal communication is investigated.

Key words: phraseological unit, communication, conflictogenic potential, conflict-free, deception

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Предметом исследования в статье выступают фразеологические единицы русского и китайского языков, в которых объектом описания является возрастная характеристика человека. В статье проводится анализ близких по значению русских и китайских фразеологизмов с позиции сопоставительного и лингвокультурологического подходов. Результаты исследования позволяют раскрыть особенности номинации возраста человека в русской и китайской фразеологии и обеспечить взаимопонимание между носителями русского и китайского языков.

Ключевые слова: возраст, фразеологизм, сопоставительный анализ, лингвокультурологический анализ, кросс-культурная перспектива

Сегодня много говорится об упадке фразеологии в связи с тенденцией к упрощению языка, и фразеологизмы не так часто встречаются в речи обычных людей, как раньше. Исследователи фольклористики, изучая влияние первобытного образного мышления на сочетаемость слов, отмечают, что в фразеологизмах содержится нравственный закон и завещания предков по отношению к потомкам.

Фразеологизм представляет собой важную часть лексического состава в каждом языке. В.Н. Телия называет фразеологический состав языка зеркалом, в котором идентифицируется национальное самосознание лингвокультурной общности, при этом разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. Несомненно, языковая картина мира тесно связана с языком и мышлением и является вербальным выраженным результатом духовной активности индивида как общественного существа [Телия 1996: 9]. По мнению В.Н. Телия, фразеологизмы в образовании языковой картины мира играют особую роль и представляют собой самый культурноносный компонент в каждом языке. Многие фразеологизмы были созданы в обыденной жизни данного социума, и содержат «следы» национальной культуры [Телия 2004: 19]. Фразеологические единицы – это способ интерпретации, оценки реальности и действительности, и могут выражать субъективное отношение к миру. И в этом разница между фразеологическими единицами (или метафорами фразеологических единиц) и другими номинативными единицами [Телия 1996].

Особый интерес представляет сравнительный кросс-культурный анализ фразеологизмов в различных языках. В русском и китайском языках наблюдаются различные компоненты семантики и образные внутренние формы, которые создают национально-культурную специфику, определяют национально-специфический характер культуры носителей языка.

Компоненты-зоонимы часто участвуют в формировании семантики фразеологизмов русского и китайского языков. Сопоставим близкие по значению единицы: рус. *как лунь* и кит. *鹤发鸡皮* (букв. *волосы журавля и кожа курицы*).

Русская единица *как лунь* описывает седые волосы и седую бороду или человека с седыми волосами, т. е. внешность человека [Лебедева 2015: 16]. См. иллюстрации: 1) *Дядя Ерошка был огромного роста казак, с седою как лунь широкою бородой* (Л. Толстой. Казаки); 2) *Антуану Лезандру – 65 лет. У него белые как лунь волосы, чуть сгорбленная спина, мохнатые брови и под ними – светлые, умные глаза* (А. Потапов. Свидание с Марианной); 3) *Любовь Онисимовна тогда была еще не совсем стара, но бела как лунь* (Н. Лесков. Тупейный художник); 4) *Он был бел как лунь, она рыжа как белка* (И. Грекова. Хозяйка гостиницы) [там же: 16].

Данная единица представляет собой компаратив, т. е. описательную фразу; ее внутренняя форма основана на идее подобия субъекта и объекта сравнения. В предложении эта единица выполняет функцию характеризующей предикации. Она построена на сравнении цвета волос с перьями птицы. Фразеологизм играет здесь роль эталона необратимых изменений во внешности человека от старости или переживаний [Ковшова 2022: 18].

Китайская единица *鹤发鸡皮* (букв. *волосы журавля и кожа курицы*) описывает таких старых людей, у которых белые волосы и грубая кожа [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 458]. См. Иллюстрации из Национального корпуса современного китайского языка: 1) *他已经很老了. 可以说鹤发鸡皮* (русский перевод: *Он уже старый, можно сказать, что он уже находится в таком возрасте, когда у него волосы журавля и кожа курицы*); 2) *那位八太爷在船上找花姑娘. 找了半天. 只找到一个鹤发鸡皮的老太婆* (русский перевод: *Тот магистрат искал красивую девушку на борту, искал в течение длительного времени, но наконец нашел только старуху, у которой кожа курицы и волосы журавля*).

По сравнению с русским фразеологизмом китайская единица основана на тождестве, является чэньюй, который соотносится с русскими цитатами, так как она восходит к древним известным литературным текстам «Дескриптивной поэмы Чжу Чжан»: *子老矣, 鹤发鸡皮, 蓬头厉齿* (русский перевод: *Ты уже стар и стал стариком с белыми волосами и грубой кожей. У тебя волосы торчащие и зубы редкие*) [Доу Чуньяо 2022: 197].

Для структуры данного фразеологизма характерно парное, представленное в виде сочинительной конструкции, описание: «*волосы журавля*» и «*кожа курицы*». В предложении фразеологизм выполняет функцию характеризующей предикации. Китайский чэньюй построен на сходстве волос человека и перьев журавля по цвету; кожи человека и курицы по цвету и фактуре. Образ фразеологизма восходит к древнейшим оппозициям «старый – молодой», «внешнее – внутреннее». Журавль в китайской культуре связывается с представлением о бессмертном бытии; кроме того, белые перья у белого журавля похожи на белые волосы у стариков, поэтому журавль в китайской культуре является символом долголетия [Сун Вэньчжэн 2013: 26]. Данный фразеологизм представляет собой метафорический перенос с внешнего вида животных на облик человека. В целом

он показывает стереотипное представление о внешности пожилого человека.

Очевидно, что области денотации сопоставляемых фразеологизмов полностью не совпадают. Китайская единица описывает седые волосы и дряблую кожу лица пожилого мужчины и пожилой женщины; русский фразеологизм – совершенно седые волосы / волосы и бороду (если описывается мужчина). Следует отметить, что китайский фразеологизм описывает типичную внешность пожилого человека, а русский фразеологизм описывает типичную внешность старого или не старого, но много пережившего человека.

Компоненты сопоставляемых фразеологизмов соотносятся с зооморфным кодом культуры через компоненты *лунь*, *鹤* (*журавль*), *鸡* (*курица*). Лунь – «хищная птица семейства ястребиных с серовато-белым оперением» [Лебедева 2015: 16]. Образ журавля во фразеологизме *鹤发鸡皮* [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] добавляет символические смыслы. И русская, и китайские единицы обнаруживают в своих образах «следы» древнейших архетипических представлений, основанных на наблюдении о связи внешнего и внутреннего – тех процессов, которые происходят в организме человека, и их внешних проявлений. Белый цвет символизирует старость в русском и в китайском цветовых кодах культуры [Ковшова 2022: 20].

Таким образом, одним из путей познания национальных образов мира является изучение семантики и внутренней формы языковых единиц, что позволяет через определение смысловых и ценностных ориентаций, зафиксированных в языке, устанавливать особенности миропонимания народа, реконструировать культурные архетипы, сохранившие свое значение и в пространстве современной культуры. Богатейшие возможности в этом плане представляют фразеологические единицы.

Литература

Дюу Чуньяо. Номинация возраста человека в лексике и фразеологии русского и китайского языков: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2022.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта: Наука, 2015.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 664-673.

汉语成语大词典. 北京: 商务印书馆. 2014年. Большой фразеологический словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2014.

孙文政. 中国鹤文化的结构及其主要特征[J]. 《理论观察》, 2013年第2期. 25-26页. Сун Вэньчжэн. Структура и основные характеристики китайской культуры о журавлях // Теория наблюдения. 2016. № 2. С. 25-26.

现代汉语语料库. Национальный корпус современного китайского языка. URL: <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp>.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SEMANTIC HUMAN AGE
IN THE CROSS-CULTURAL PERSPECTIVE
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)**

The subject of research in this paper are phraseological units of Russian and Chinese languages, in which the object of description is the age characteristic of a person. The article analyses Russian and Chinese phraseological units close in meaning from the position of comparative and linguocultural approaches. The results of the research allow us to reveal the peculiarities of human age nomination in Russian and Chinese phraseology and provide mutual understanding between speakers of Russian and Chinese languages.

Key words: age, phraseology, comparative analysis, linguocultural analysis, cross-cultural perspective

Т.Н. Ефименко (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
tefimenko@mail.ru

**БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СМИ И АУДИТОРИИ***

В статье подробно рассматриваются факторы формирования бесконфликтного коммуникативного взаимодействия в медийных сообщениях. Подчеркивается, что бесконфликтная коммуникация достигается посредством использования различных когнитивных инструментов, одним из которых является когнитивный контекст (пояснение). Утверждается, что пояснение основывается на дополнительном знании и способствует конструированию траектории бесконфликтной интерпретации.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, речевой конфликт, медийные сообщения

Развитие информационных технологий концептуально изменило жизнь современного человека и имеет неоднозначный характер для общества в целом. С одной стороны, это мгновенное и постоянное обеспечение информацией, возможность получения, создания и распространения нового знания посредством множества каналов. С другой стороны, такие технологии бросают вызов человеку (обществу), поскольку все это осложняет процесс восприятия и переработки (осознания) большого потока разноформатной информации. Но, так или иначе, человек не может существовать и развиваться без информации, без нового знания, и подсознательно ищет различные способы и источники получения этого знания.

Одним из основных и самых востребованных источников информации были и остаются средства массовой информации, что обусловлено их многожанровостью, полимодальностью, полиформатностью. Каким бы ни был жанр, канал или форма транслирования информации, СМИ реализуют свои главные цели, а именно информирования, убеждения, побуждения к действию и т. п. Вместе с

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067), <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

тем, СМИ «оказывают влияния на восприятие информации, формирование общественного мнения и мировоззрения» [Ефименко 2023: 65], предопределяют отношение общества к событиям, формируют оценку ситуаций и, в итоге, поведение каждого человека в частности и общества в целом. В связи с этим возникает проблема адекватного восприятия и интерпретации информации аудиторией с целью формирования корректного знания. Решить данную проблему призваны средства массовой информации посредством использования принципа бесконфликтного концептуального взаимодействия с аудиторией.

Цель статьи состоит в описании факторов, влияющих на построение бесконфликтной коммуникации в медийных сообщениях, а именно: в рекламе. Для реализации вышеназванной цели в статье в качестве основного подхода используется когнитивный подход, который предполагает изучение языковых средств в их взаимосвязи с основными познавательными процессами – концептуализации (восприятие и осмысление ситуаций, объектов окружающего мира), категоризации (соотнесение этих объектов с разными категориями) и языковой интерпретации (толкование знания об объектах и событиях окружающего мира, репрезентированного в языковых единицах); см. подробнее в [Болдырев, 2018; 2023].

Нарушение какого-либо из этих процессов может привести к неверной интерпретации (толкованию знания) и формированию неправильной оценки ситуаций и событий, описываемых в медиасообщении. Причем, нарушение интерпретации может быть вызвано как непонятным (двусмысленным сообщением, с использованием терминологии, заимствованных слов и выражений, фразеологических оборотов и т. п.) описанием событий со стороны авторов медиасообщения (т. е. отправителя), так и отсутствием определенного (базового) знания об описываемой ситуации со стороны аудитории (т. е. получателя). Другими словами, имеет место несоответствие концептуальных и языковых систем коммуникантов. Следовательно, в результате некорректной интерпретации возникает когнитивный диссонанс, т. е. конфронтация структур знания, что, в свою очередь, ведет к конфликтным ситуациям различного характера. В данном случае речь идет о речевом конфликте, под которым в рамках когнитивного подхода рассматривается «несовпадение интерпретаций и оценок самих событий и объектов мира, их характеристик, а также знаний о мире у участников любой формы языковой коммуникации, у говорящего и слушающего в любом речевом общении» [Болдырев 2023а: 28]. Таким образом, восприятие и обработка (интерпретация) знания зависят от субъективного знания, отношения и убеждения коммуникантов, поскольку мы реагируем не столько на сами события, сколько на наше толкование этих событий [Майерс 2002: 187]. Отметим, что убеждения и отношения коммуникантов к тем или иным объектам и событиям основываются на имеющихся структурах знания у каждого конкретного человека, т. е. любые убеждения формируются на основе знания (субъективного / коллективного). Безусловно, наши убеждения и ожидания оказывают мощное воздействие на «мысленное конструирование» нами различных событий. Мы опираемся на наши убеждения, которые направляют наше сознание на определенное толкование; см. подробнее в

[Майерс 2002]. Следовательно, это дает нам право отнести убеждения и ожидания к коммуникативным факторам, обуславливающим конфликтное / бесконфликтное (в зависимости от убеждений) взаимодействие между участниками медийной коммуникации. Напомним, что к таким факторам относятся: 1) степень соответствия индивидуальных концептуальных систем участников коммуникации; 2) степень адекватности оценки отправителем информации системе знаний получателя; 3) уровень владения коллективным знанием и опытом, учитываая национальную, социокультурную и профессиональную специфику; 4) система ценностей, норм (когнитивные доминанты); 5) соответствие принципов, моделей, когнитивных контекстов формирования и интерпретации смыслов, которые используют участники коммуникации при взаимодействии [Болдырев 2023б: 6].

Эффективная интерпретация информации в медиатексте реализуется посредством использования ряда определенных когнитивных инструментов, которые помогают аудитории сфокусироваться на конкретном событии, определенной ситуации.

В качестве иллюстрации некоторых принципов построения бесконфликтного взаимодействия между авторами медийных (в данной статье – рекламных) сообщений и аудиторией рассмотрим следующие примеры.

1. Пример потенциально конфликтной интерпретации, обусловленный фокусированием на разных доминантах: – *У одного моего друга сложные отношения с интернетом. – Классный удар, сейчас запостю (от английского слова post). Блин, не тот файл. Как отменить? – Уже никак, Артем. Это же Мегафон, с ним все летает. Переходи на Мегафон* (реклама компании «Мегафон»). Данный пример демонстрирует некое несоответствие ожиданий участников коммуникации, поскольку рекламодатель опирается на такие когнитивные доминанты как «Это же Мегафон, с ним все летает» (Интернет должен быть быстрым). Однако потенциальные клиенты (представители аудитории) могут сфокусировать внимание на необратимости операции (что может повлечь и негативные последствия). Следовательно, возникает непонимание или конфликт интерпретации.

2. Следующие примеры иллюстрируют использование когнитивного контекста (пояснения) для конструирования бесконфликтного взаимодействия, с опорой на социокультурные знания и опыт взаимодействия с объектами окружающего мира. Представляется, что именно пояснение «помогает» массовой аудитории интерпретировать и оценивать объекты и события, освещаемые в рекламе, задает определенный вектор интерпретации, что приводит в конечном счете к бесконфликтной коммуникации: а) *Умная еда – АЮ. Научная забота в каждой детали. АЮ – корм АЮ*; б) *Драконы бывают всякие: крепьши, милаши, забияки... И все хороши, но все же свои нам всего дороже! Ценим своих и дарим 100 Гб клиентам тарифа UP в год Дракона* (реклама компании «Билайн»); в) *Петровы в Питер поехали, а Сидоровы в Сочи на лыжах катаются... – А мы чего сидим-то? Быстро собираемся, быстро бронируем, на Суточно.ру находим опцию быстрого бронирования* (реклама компании «Суточно.ру»). В данном примере пояснение создается через апеллирование к социокультурной доминанте, а

именно: «успешные люди (семья) могут позволить себе (финансово) отправиться на отдых в другой город (страну), а не сидеть дома».

3. Принцип соответствия оценки какого-либо события у автора рекламного сообщения и аудитории представлен в следующем примере: – *Попади в точку с работой. С нами ты в надежной компании* (реклама компании «Вкусно и точка»). Фразеологизм «попасть в точку» трактуется однозначно как «сделать что-то правильно», «угадать», следовательно, способствует формированию адекватного смысла и корректной интерпретации.

Совершенно очевидно, что во всех проанализированных примерах, восприятие и интерпретация событий (информации в рекламных сообщениях) основывается на дополнительном знании (субъективном / коллективном), которое и формирует пояснение. Именно пояснения в медиатексте обеспечивают более точное толкование информации, поскольку они сужают границы возможных интерпретаций событий, фокусируя внимание на наиболее значимых с точки зрения человека признаках в рамках его собственного опыта, и, следовательно, снижают риск возникновения конфликта в понимании.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н.Н. Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 4 (55). С. 28-32.

Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023б. № 3. С. 5-15.

Ефименко Т.Н. Реализация воздействующего потенциала конфликта в медиатексте: когнитивный аспект // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2023. С. 65-68.

Myers D. Social Psychology. Boston: McGraw Hill, 2002.

Tatiana N. Efimenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

MEDIA AND AUDIENCE INTERACTION: IS IT CONFLICT-FREE OR CONFRONTATIONAL?

This article scrutinizes the factors of conflict-free communication in media messages. The author stresses the thesis that conflict-free communication is achieved via applying different cognitive tools, such as cognitive context (notes), for example. The notes are contended to be based on additional knowledge and facilitate the design of conflict-free interpretation path.

Key words: conflict-free communication, speech conflict, media message

ТЕРМИН «ГЕНОЦИД» КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ТРАДИЦИОННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В статье анализируются метарефлексивы, посвященные особенностям функционирования юридического термина «геноцид» в современной коммуникации, демонстрируется, что в традиционных и социальных медиа объектом метаязыковой рефлексии чаще всего становится семантика термина, специфика его употребления, а также оценка данной языковой единицы. *Ключевые слова:* метаязыковая рефлексия, медиадискурс, традиционные медиа, социальные медиа, термин, геноцид

В современном мире медиакommunikация играет важную роль в формировании картины мира человека: традиционные и социальные медиа не только передают информацию, но и создают определенное представление о ней в сознании массового адресата. К значимым функциям медиа также относится «популяризация знаний в различных областях науки и техники» [Кожина и др. 2008: 130], медиадискурс «выступает в качестве посредника при передаче знания от профессионала к непрофессионалу» [Бисерова, Мишланова 2021: 52], предлагая при этом интерпретации терминологических единиц, которые не всегда соотносятся с профессиональным толкованием.

В связи с активным освещением вооруженных конфликтов между государствами, сопровождающимися массовой гибелью людей, в медиатекстах резко возрастает частотность использования юридического термина «геноцид», который не только получает медийную актуализацию, но и становится объектом метаязыковой рефлексии. Исследование метаязыковых рефлексивов позволяет «рассмотреть вербализованные продукты речемыслительной деятельности как социокультурно значимую речевую деятельность, как феномен коммуникативной и концептуальной деятельности русской языковой личности» [Вепрева 2014: 5], а также способствует выявлению аспектов функционирования термина, значимых для современного общества и актуализируемых в российских медиа.

Исследование посвящено анализу содержащихся в российских масс-медиа метарефлексивов, отражающих разные аспекты функционирования термина «геноцид». В качестве материала использованы тексты традиционных и социальных российских СМИ за 2000–2023 гг., извлеченные методом сплошной выборки из электронного архива СМИ «Public.ru» (<https://Public.ru>), газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и сервиса Яндекса «Поиск по блогам» (<https://yandex.ru/blogs>).

В процессе исследования установлено, что объектом метаязыковой рефлексии в российских СМИ становится семантика термина «геноцид», особенности его употребления, а также оценка языковой единицы.

Значение термина. В метаязыковых комментариях медиарайтеры регулярно обращают внимание на многочисленные случаи некорректного использо-

вания термина «геноцид», указывая при этом на изменение восприятия исследуемого термина носителями языка: *Слово «геноцид» у нас так затерто в интернет-баталиях, что большинство людей перестало отдавать себе отчет в том, что же оно означает* (tsargrad.tv, 2020); *Многие не воспринимают слово «геноцид» в качестве юридического термина, изначально придуманного именно с целью обозначить этот тип преступлений против человечности* (<https://ahousekeeper.livejournal.com/4229.html>, 2007).

В масс-медиа отмечаются случаи достаточно вольного толкования термина: *По мнению адвокатов, понятие «геноцид» трактуется обвинением слишком свободно* (Vesti.ru, 2002). Расширение значения термина также метафорически характеризуется глаголом *разбавить*, при этом отмечается утрата специфичности единицы: *Слово «геноцид» в ооновских дискуссиях сильно разбавилось и потеряло свою специфичность, чем сегодня с удовольствием пользуются* (lenta.ru, 2019).

В процессе толкования термина «геноцид» отмечается появление его новых контекстуальных синонимов, в качестве которых выступают топонимы, исторически связанные с преступлениями, признанными геноцидом: *На сегодняшний день город Сребреница стал синонимом геноцида мусульманского населения* (РИА Новости, 2020); *Большинство жителей сирийского Кесаба, название которого уже стало синонимом нового геноцида, успели покинуть город до того, как он попал в руки повстанцев Кесаб* (Известия, 2014).

Корректное использование термина «геноцид» передается посредством метаоператоров *емкий* и *точный*, характеризующих значение данной лексемы: *Все, что происходит в сфере домовладения, можно назвать одним емким словом – геноцид* (Vesti.ru, 2006); *Владимир Путин охарактеризовал деятельность украинского режима по отношению к своему же народу очень точно одним словом – геноцид!* (НИА-Кузбасс kuzbas.ru, 2022).

Метаоператоры, характеризующие значение термина «геноцид», дополнительно актуализируют правильность / неправильность его употребления. Некорректное или неуместное использование термина может привести к размыванию значения или к искажению восприятия термина носителями языка. При уместном употреблении термина его значение характеризуется как емкое и точное.

Употребление термина. В масс-медиа термин «геноцид» интерпретируется как один из злободневных и актуальных терминов современности, на что указывают метаоператоры *часто*, *термин нашего времени* и др.: *Говоря о войне в Грузии и Южной Осетии политики, журналисты и блоггеры часто прибегают к термину «геноцид»* (<https://bicult.livejournal.com/68430.html>, 2008); *О геноциде. Это слово стало довольно часто употребляться людьми в разных странах* (<https://markgrigorian.livejournal.com/299774.html>, 2009); *«Геноцид» – термин нашего времени, термин, обозначающий тяжчайшее международное преступление против человечества, имеющий конвенционное закрепление, уже не раз фигурировавший и в истории, и в праве* (<https://servitutis.livejournal.com/4830.html>, 2012).

В медиадискурсе отмечаются повторяющиеся случаи использования термина «геноцид» при упоминании резонансных событий, связанных с гибелью людей, на это указывают метаоператоры *не в первый раз, все чаще: Россия не первый раз использует слово «геноцид» относительно этой проблемы* (Коммерсант, 2015); *В соцсетях жертв нападения жители города называют одесскими мучениками, по аналогии с погибшей на Майдане «небесной сотней», и все чаще при этом употребляют слово «геноцид»* (Vesti.ru, 2014).

В медиадискурсе присутствуют метарефлексивы, фиксирующие нецелесообразное употребление термина «геноцид»: *Злоупотребление термином «геноцид» давно стало общим местом публикаций о палестино-израильском конфликте* (<https://steissd.livejournal.com/1395646.html>, 2011); *Байден разбрасывается термином «геноцид» для отвлечения внимания* (РИА Новости, 2022). По наблюдению авторов медиатекстов, термин «геноцид» в политической риторике иногда используется неуместно и бессмысленно: *В данном случае, использование термина «геноцид» представляется мне абсолютно бессмысленным и вредным. Его используют, словно это – оружие в политической борьбе* (<https://bicult.livejournal.com/68430.html>, 2008). В социальных медиа также отмечена тенденция к политизации термина «геноцид», что приводит к искажению его юридического значения: *Но иногда мне кажется, что сам термин иногда политизируется, политики пытаются извлечь из употребления этого термина «сегодняшнюю» пользу, которая мало или совсем не связана с жертвами трагедии* (<https://markgrigorian.livejournal.com/299774.html>, 2009).

В российском медиадискурсе фиксируются случаи осознанного отказа политиков от использования термина «геноцид», что свидетельствует о табуированности лексемы. Подобное восприятие языковой единицы связано с экстралингвистическими факторами: «условия общественной жизни могут накладывать запрет на употребление прямых наименований, употребление которых представляется говорящему неприличным, грубым или нетактичным в данной конкретной ситуации» [Вепрева 2014: 175]. Отказ от использования термина «геноцид» характеризуется при помощи метаоператоров *избегать слова, против использования слова* и др.: *Его предшественник демократ Барак Обама в своих заявлениях на данный счет также избегал слова «геноцид»* (NEWSru.com, 2019); *Макрон объяснил Зеленскому напрямую, почему он против использования слова «геноцид»* (ТАСС, 2022).

Метаязыковая рефлексия, характеризующая особенности употребления термина «геноцид», соотносится с конкретными случаями совершения данного преступления, подобным образом эксплицируется готовность представителей власти признать, что определенные события могут быть названы геноцидом.

Метаязыковая оценка термина. Оценочная характеристика термина «геноцид» выражается преимущественно при помощи маркеров, имеющих отрицательные коннотации. Подобная характеристика термина является результатом негативной оценки феномена геноцида: «слово ненавидят, если явление, им обозначенное, представляет собой угрозу для человека или способно вызвать у него

состояние страха или тревоги» [там же: 52]. Для выражения оценки в медиа используются метаоператоры *страшное, жуткое слово: Блокада Ленинграда и Холокост – это явления одного порядка, которые объединяет страшное слово «геноцид»* (Penza.bezformata.ru, 2023); *Жуткое слово ГЕНОЦИД!* (<https://batetsky-glava.livejournal.com/588184.html>, 2022). При том метарефлексивы фиксируют принадлежность слова *геноцид* к высокой лексике: *Потому что геноцид – это очень высокое слово. Политикам и историкам нужно понимать, что идет попытка переписывания истории* (Vesti.ru, 2020).

Представленное исследование позволяет установить, что в метарефлексивах содержится двойственная интерпретация термина «геноцид». С одной стороны, отмечено размывание семантики лексемы, зафиксированы случаи неуместного употребления термина, а также дается отрицательная оценка языковой единицы. С другой стороны, в медиадискурсе отмечены и ситуации корректного использования термина, при которых его значение охарактеризовано как точное и емкое, а также представлены примеры оценки слова как единицы высокой лексики, однако контексты с подобной интерпретацией термина значительно уступают материалам с отрицательными коннотациями как по количеству, так и по разнообразию способов репрезентации. Разноплановая оценка термина связана с экстралингвистическими факторами: конкретными случаями употребления термина в политической коммуникации, а также восприятием феномена геноцида в обществе.

Литература

Бисерова Н.В., Мишланова С.Л. Дефиниционное моделирование терминологии миграционного права. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2021.

Венрева И.Т. Метаязыковой привкус эпохи. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2008.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Сервиса Яндекса «Поиск по блогам». URL: <https://yandex.ru/blogs>.

Электронный архив СМИ «Public.ru». URL: <https://Public.ru>.

*Yulia S. Ignatova (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University*

THE TERM “GENOCIDE” AS AN OBJECT OF METALANGUAGE REFLECTION IN TRADITIONAL AND SOCIAL MEDIA

The article analyzes meta-reflections devoted to the peculiarities of the functioning of the legal term *genocide* in modern communication, demonstrating that in traditional and social media the object of meta-linguistic reflection most often becomes the semantics of the term, the specifics of its use, as well as the assessment of this linguistic unit.

Key words: metalinguistic reflection, media discourse, traditional media, social media, term, genocide

КОГДА СМЫСЛ «НЕУЛОВИМ»?

В статье на примере сочетаний *неуловимый X, (не) улавливать / (не) уловить X* (где *X* – существительные *значение / мысль / смысл / суть*) анализируются метафорические номинации несостоявшегося понимания. Осуществлен анализ сочетаемости указанных компонентов, выделены группы контекстов, характеризующих (не)полноту понимания, выявлены основные причины непонимания смысла чего-либо.

Ключевые слова: понимание, смысл, семантика неуловимого, метафора, контекстуальный анализ

Целью статьи является анализ контекстов, метафорически описывающих несостоявшееся понимание как ‘неосознание смысла чего-либо’. Речь идет о метафорическом представлении понимания как взятия, присвоения истины; ср. в связи с этим этимологию глаголов *понимать / понять* [ЭССЯ]. К глаголам, метафорически номинирующим успешное присвоение истины, в современном русском языке можно отнести глаголы *охватить (мыслью), поймать, схватить, уловить, ухватить, усвоить (смысл, суть)* [Июмдин 2006: 565; ср. также Калинина 2021: 2023]. Соответственно, несостоявшееся понимание передают перечисленные глаголы с отрицанием. В рамках данной статьи, руководствуясь нашим общим интересом к изучению семантики неуловимого, мы рассмотрим сочетания *неуловимый X, (не) улавливать X, (не) уловить X*, где *X* – одно из существительных *значение, мысль, смысл, суть*, являющихся синонимичными друг другу в контексте понимания как осознания смысла.

Материалом исследования послужили более 500 контекстов из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], составивших выдачу по серии запросов «ключ *неуловимый / улавливать / уловить* + коллокат *значение / мысль / смысл / суть* на расстоянии от –3 до +3». Как видно из приведенных ниже количественных данных, наиболее частотными являются сочетания существительных-коллокатов с глаголом-ключом (*не) уловить*, при этом среди коллокатов активнее всего используется существительное *смысл*.

Ключ	Коллокат				Всего примеров с данным ключом
	<i>значение</i>	<i>мысль</i>	<i>смысл</i>	<i>суть</i>	
<i>неуловимый</i>	–	35	12	4	51
<i>(не) улавливать</i>	5	43	80	23	151
<i>(не) уловить</i>	13	101	133	60	307
Всего примеров с данным коллокатом	18	179	225	87	Общее количество примеров 509

Анализ языкового материала осуществлялся в несколько этапов: анализ взаимной сочетаемости компонентов указанных коллокаций; выявление в общей выдаче доли отрицательных и семантически близких к ним конструкций; анализ контекстуального окружения сочетаний *неуловимый / не улавливать / не уловить* + *значение, мысль, смысл, суть*.

Анализ контекстов показал, что их можно разделить на 4 группы.

1. Контексты, в которых описывается ситуация явного понимания, осознания смысла (42,1%). Ср.: *Сторожев быстро уловил суть и... слушал вполуха* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); *Давыдов отчетливо улавливал и смысл того, о чем говорил Устин, и издевательские интонации, звучащие в его голосе* (М. Шолохов. Поднятая целина).

2. Контексты, в которых описывается ситуация явного непонимания смысла (34,1%). Ср.: *Слова... лились, точно журчание мутного ручейка, и при этом тусклые глаза глядели на слушателя, как бы стараясь вложить в его душу неуловимый смысл длинной речи* (В. Короленко. В дурном обществе); *Мы слышали обрывки разговоров, но не могли уловить их значения* (М. Рыбакова. Дверь в комнату Леона).

3. Контексты, в которых описывается неполное, затрудненное понимание, «скорее непонимание, чем понимание» (17,7%). ср.: *Глеб, слабо уловивший смысл тирады, тупо взирал вокруг* (Д. Симонова. Сорванная слива); *Мне трудно понять и даже уловить значение и смысл упреков, которые делал ему его император* (В. Ламсдорф. Дневник).

4. Контексты, в которых отсутствует явная характеристика качества понимания в конкретной ситуации, содержатся лишь общие размышления о понимании (6,1%), ср.: *Дано улавливать... мысли немногим* (Б. Абрамов. Агни Йоги); *И там и тут... неповторимый пульс мысли, стремящейся уловить мерцание Смысла в ватных волнах случайного, неопределенного, не выявленного вполне* (Шахматное обозрение, 15.05.2004).

Цели нашего исследования требуют далее сосредоточить внимание только на тех контекстах, в которых характеризуются ситуации непонимания, неосознания смысла, т. е. на группах 2 и 3 («явное непонимание» и «скорее непонимание»). В совокупности контексты этих типов составляют 51,8% языкового материала – это значит, что как минимум в половине случаев смысл сказанного или происходящего оказывается неуловим, неясен. По каким причинам это происходит?

Прямое или косвенное указание на причину непонимания смысла содержится в 71% соответствующих контекстов, при этом можно выделить три основные группы факторов: 1) помехи восприятия устной речи (25% примеров); 2) отсутствие у субъекта необходимых знаний, качеств для понимания смысла сообщения (26% примеров); 3) сложность или нелогичность содержания с точки зрения субъекта (20% примеров).

Рассмотрим данные группы подробнее.

Помехи восприятия устной речи. Основной причиной того, что смысл устного сообщения оказывается неуловимым, являются особенности речи говорящего: слишком быстрый темп, невнятная дикция, недостаточно громкий голос. Ср., напр.: *Высокий мужчина с бородкой что-то говорил, но настолько тихо, что как ни старался Сергей уловить хотя бы смысл его речи, все было напрасно* (Л. Юзефович. Казароза); *...слух его изнемогал от тщетных усилий уловить смысл мазаной речи с проглоченными окончаниями* (Ю. Писаренко. Хрестоматия актера). Отрицательное влияние на восприятие речи оказывают, с

одной стороны, монотонность звучания, с другой – чрезмерная эмоциональность, резкость, грубость общения. В том и другом случае адресат отвлекается на форму сообщения и из-за этого теряет его смысл. Ср.: *Мы снова слышим методическое гудение Лифшица, но не улавливаем смысла его слов: просто он гудит, как телеграфный столб в ветреную погоду* (В. Кин. Записные книжки); *Когда люди в споре доходят до крика... и едва улавливают мысль друг друга, то это еще не смешение языков* (В. Библихин. Мир). В отдельных случаях смысл ускользает из-за определенного физического или психического состояния субъекта (внезапное пробуждение, засыпание, болезнь, волнение) или из-за его отвлечения на посторонние предметы во время восприятия сообщения. Ср., напр.: *В безумных фразах и выкриках больного она не могла уловить смысла* (М. Старицкий. Письма «Знатного иностранца»); *Андрей Иванович Нанайцев, сосредоточенно поглощающий котлету, не сразу улавливает драматический смысл сказанного* (Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети).

Отсутствие у субъекта необходимых знаний или качеств для понимания смысла сообщения. Чаще всего речь идет о незнании какого-л. языка или семиотического кода (языка музыки, театра, живописи, кино), непонимании определенной лексики (например, канцеляризм). Ср.: *Сейчас идет по телевизору «Фальстаф» на итальянском, мне нравится, хотя смысла я не улавливаю* (М. Коган. Дневник); *Я думал о неуловимой музыкальной мысли, твердое ощущение которой появлялось всегда, когда я прислушивался к этому мотиву – «Фанданго»* (А. Грин. Фанданго); *Тошно было слушать, как он бубнил: «на основе внедрения», «взяв на себя обязательства»... Все эти выражения отскакивают от меня, как от стены. Я даже смысла не улавливаю, когда так говорят* (В. Аксенов. Звездный билет). К этой же группе отнесем случаи, связанные со значительным различием жизненного опыта отправителя и адресата сообщения, ср.: *Взрослому часто трудно уловить ход мысли ребенка* (Р. Зеленая. Разрозненные страницы). Причиной непонимания сути явления также может быть его уникальность или новизна для воспринимающего субъекта, ср.: *Все единичное – индивидуальное как таковое – безусловно неуловимо в понятиях* (С. Франк. Непостижимое).

Сложность или нелогичность содержания с точки зрения субъекта. Бывает так, что при отсутствии и «внешних помех», и проблем «на стороне» субъекта, понимание все-таки оказывается неуспешным из-за неупорядоченности осмысляемого содержания. В большинстве таких ситуаций «виноват» отправитель сообщения, хотя сложность содержания может быть и объективной. В таких случаях в контекстуальном окружении исследуемых коллокаций содержатся единицы с компонентами *много-, сложно-, трудно-*, лексические единицы *смутный, расплывчатый, хаотический, противоречивый, хаос, нагромождение, утопать (в чем-либо)* и подобные. Ср.: *Он сеет буквенными обозначениями, не понимая того, что собеседник не улавливает их смысла... утопает в мелочах, которые затуманивают основную идею работы* (В. Максимов. Дневник научного сотрудника); *Целый хаос мыслей, неясных, неуловимых, мгновенных, как искра, коротких, бессвязных крутился в его разгоряченном мозгу* (Ф. Тютчев. По жребию). В

заметной части контекстов данной группы встречаются построения типа «понимаю отдельные слова, но не понимаю общего смысла», говорящие о несводимости целого к сумме значений частей. Ср., напр.: *Слова обычные, знакомые ему, но связь этих слов неуловима, а смысл их извращается каждым из спорящих по-своему* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Слова вроде знакомые, а смысла не улавливаю* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); *Все слова понятны, а общий смысл невозможно уловить* (Иеромонах Никон (Беляев). Дневник).

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что основными препятствиями на пути успешного «улавливания» смысла могут быть внешние помехи восприятия; внутренняя неготовность субъекта к осмыслению определенной информации; сложность или нелогичность того содержания, которое нужно усвоить.

Литература

Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 513-612.

Калинина Л.В. Дискурс открытия: поймать неуловимое (на материале повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2021. С. 36-51.

Калинина Л.В. Уловить, изменить(ся), охватить: концептуализация процесса эволюции в работах В.И. Вернадского // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. II. С. 78-83.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха – *jъvylga) / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1981. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja>.

*Liudmila V. Kalinina (Kirov, Russia)
Vyatka State University*

WHEN IS THE SENSE “ELUSIVE”?

Using the example of the combinations *неуловимый X* ‘elusive X’, (*не*) *улавливать* / (*не*) *уловить X* ‘(not) catch X’ (where X are nouns *meaning / thought / sense / essence*), the metaphorical nominations of a failed understanding are analyzed in the article. The analysis of the compatibility of these components was carried out, groups of contexts characterizing the (in)complete understanding were identified, and the main reasons for misunderstanding the meaning of something were established.

Key words: understanding, sense, semantics of the elusive, metaphor, contextual analysis

*Л.А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru*

РЕКУРРЕНТНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СМЫСЛОВЫЕ СКРЕПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ТОРПА «УЛВЕРТОН»)

Объектом исследования статьи являются рекуррентные метафоры, а предметом – их роль в выражении доминантного смысла текста. Материалом исследования служит роман А. Торпа «Улвертон» – сложное полифоническое произведение, представленное смешением различных

дискурсов и жанров, но при этом связанных единым доминантным смыслом. Как показано в статье, ведущую роль в выражении этого смысла выполняют рекуррентные метафоры, которые служат смысловыми скрепами текста.

Ключевые слова: рекуррентная метафора, смысловые скрепы, доминантный смысл, метаинтерпретация, полифония

Принцип диалогизма как основы гуманитарного мышления, разработанный М.М. Бахтиным, означает, что искусство – это особое средство коммуникации, и художественный текст как одна из форм искусства представляет собой средство коммуникации, в котором отражается специфика художественного мышления автора, находящая репрезентацию в его идиостиле. Художественный текст всегда полифоничен, поскольку в нем представлены в художественной форме диалоги автора и читателя, автора и рассказчика, автора и персонажей, а также диалоги персонажей [Бахтин 2000]. В основе художественного текста всегда лежит стремление автора выразить базовый смысл, который в метаязыке когнитивной лингвистики обозначается термином *базовый концепт*, а в литературоведении – как основная идея произведения, для передачи которой автор стремится выбрать те формы, которые передают эту идею наиболее точно, затрагивая при этом не только интеллект, но также эмоции и эстетический вкус читателя. Задача интерпретатора, как отмечает Ю.М. Лотман, заключается в том, чтобы выявить, как художественный текст становится носителем основной идеи и как структура текста и языковые средства соотносятся с этой идеей. Подчеркивая неразрывную связь между формой и содержанием художественного текста, он писал: «Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые... Мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее [Лотман: URL]. Исходя из этого, задача лингвиста-исследователя состоит в том, чтобы выявить и описать те языковые средства, которые участвуют в выражении доминантного смысла художественного текста. Доминантный смысл художественного текста представляет собой своеобразный гиперконцепт, включающий комплекс взаимосвязанных концептов, совокупность которых передает основной замысел автора. Поскольку одной из основных функций языка является интерпретирующая [Болдырев 2001], деятельность интерпретатора художественного текста представляет собой метаинтерпретацию, т. е. интерпретацию авторского мировидения, выраженного в художественной форме, а это есть не что иное как своеобразный диалог с автором художественного текста.

Объектом исследования настоящей статьи является рекуррентная метафора, а предметом – ее роль в создании непрерывности смыслового пространства художественного текста. Материалом для исследования послужил роман британского писателя Адама Торпа «Улвертон». Первоначально он не получил признания в литературной среде, но спустя 20 лет был издан в престижном издательстве Vintage Classics, в котором издавались «Улисс» Дж. Джойса, «Доктор Живого» Б. Пастернака и «Мадам Бовари» Г. Флобера. В предисловии к этому изданию известный критик Р. Макфарлейн отмечает, что роман заслуживает такого ста-

туса и вспоминает «потрескивающее волнение, которое он почувствовал, впервые прочитав роман, трепет, порожденный как его неподчинением жанру, так и его «распространяющимся неверием», что все это могло быть выдуманно одним разумом» [Macfarlane 2012: IX].

Роман «Улвертон» представляет собой полифоническое повествование об истории вымышленной английской деревни, охватывающее более трехсот лет с 1650 по 1988 гг. и представленное автором в различных дискурсах и жанрах. Полифонизм романа создается автором при помощи смены рассказчиков, представляющих разные жанры: это и рассказ пастуха, который становится свидетелем возвращения Гэбби – одного из солдат Кромвеля в свою деревню и его таинственного исчезновения, и проповедь священника, и признание фермера о романе со своей служанкой, сделанное в его дневнике, и письма матери к своему сыну, находящемуся в тюрьме, и призыв сквайра к жителям деревни записаться добровольцами на фронт в 1914 г., и сценарий фильма о риэлтерской компании, планирующей сделать Улвертон привлекательным для туристов. Абсолютную аутентичность этому многоголосию придает тот факт, что язык каждого рассказчика соответствует как тому времени, в котором он жил, так и его статусу в обществе. Для достижения этой аутентичности автор использует как архаичные грамматические формы (*thee, allus, frighted, knowed, sickened*), так и широкий диапазон лексики, представляющей все регистры речи: от разговорной, используемой местными жителями до архаичной и патетической в проповеди священника, что позволяет критикам говорить, что Торп «способен делать с английским языком всё, что захочет» [adam-thorpe-interview-ulverton-flight: URL], а у читателей создавать впечатление, что они слышат голоса реальных людей разных эпох и сословий.

При этом несмотря на многоголосие смешение жанров и дискурсов, отсутствие эксплицитной связи между двенадцатью главами, это – не сборник различных историй, а цельное повествование, связанное единым смыслом, базовым концептом, который можно обозначить как СВЯЗЬ ВРЕМЕН. Этот доминантный смысл находит свою экспликацию в повторяющихся номинациях различных артефактов (орудия и плоды труда, свечи, семена растений), в поворотах сюжетной линии. Но основную роль в создании непрерывности смыслового пространства текста, эксплицирующего идею связи времен, выполняют рекуррентные метафоры. По своей природе они представляют собой артефактные метафоры, т. е. имена артефактов, которые приобретают метафорический смысл в контексте произведения [Козлова, Кремнева 2021]. Это тесно связанные между собой метафоры ленты (*ribbon*) и дикого клематиса (*wild clematis*). Эти два существительных многократно употребляются в тексте романа, приобретая в новых контекстах более широкие, метафорические значения. Образ ленты повторяется в тексте романа 24 раза, будучи репрезентированным, помимо прямой номинации – лексемы *ribbon*, также лексемами *tape* и *riband*. Употребляясь в разных контекстах, эти лексемы выражают разные смыслы: это и моток выцветших красных лент, которую приносит Гэбби в подарок своей жене Анне и оставляет его в доме, где он уже чужой (*He reached into his breeches and pulled out something I thought was gold. But when he oped his hand it was a ball of old ribbons that had long ago*

been red.... Those ribbons looked so tattered and pale and torn it was sad like he had pulled out his own heart), это и кусочек ленты в письме любовнику как знак верности (*Here is half your ribband*), и разрубленные на куски тела (*they slice me into ribbons, my son be cut up inn to ribbons*), и черная лента асфальтовой дороги, о которой мечтают владельцы автомобилей и не хотят видеть те, кто предпочитает жить в тишине (*a smooth black ribbon through here for the comfort of the pneumatic tire, and the discomfort of those who wish to dwell in peace*), и магнитофонная лента, на которую рассказчик записывает свой текст, и лента старинной печатной машинки, которая постоянно слетает (*the ribbon has a tendency to slip down*), и ленточка, которую разрезают во время открытия туристического комплекса в Улвертоне. Таким образом, мы видим, как моток ленты, упомянутый в первой главе, постепенно разматывается, связывая судьбы людей разных поколений.

Образ дикого клематиса, репрезентированный лексемой *wild clematis* и местными названиями *bedwine*, *Old Man's beard* повторяется в тексте 14 раз, представляя, в зависимости от контекста, разные смыслы: он становится молчаливым свидетелем свиданий пастуха Уильяма и Анны (*And the next time we lay on the bluebells and it were sticky, and in the autumn the bedwine dropped his old man's beard into her black hair, but she said nothing*); венок из цветков клематиса, словно корона, украшает голову одного из активных участников восстания фермеров в далеком 1830 г. (*John Odam, with a crown of Bedwine (meaning wild Clymatis) wound about his head like feathers took from the Hedgegrows*). Многократное повторение этого слова приводит читателя к его метафорическому осмыслению: прорастая сквозь живые изгороди и деревья, клематис превращает их в единое целое и становится символом причудливого сплетения судеб людей в пространстве и времени.

Таким образом, анализ рекуррентных метафор в тексте романа позволяет представить его доминантный смысл более развернуто: прошлое не исчезает бесследно, оно повторяется в новых формах и в судьбах людей, нить истории (лента) не прерывается, разные события и судьбы людей, переплетаясь между собой, словно дикий клематис, связывают прошлое и настоящее, образуя живую историю места и его обитателей, и ведущую роль в выражении этого доминантного смысла играют рекуррентные метафоры, выполняющие функцию смысловых скреп текста, что вполне закономерно, поскольку наше мышление метафорично в своей основе: мы живем, мыслим, говорим и пишем метафорами.

Литература

- Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Серия: филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.
- Козлова Л.А., Кремнева А.В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 47-59.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. URL: file:///C:/Users/79132/Desktop/lotman_struktura_teksta_web.pdf.
- Cook R. Adam Thorpe: 'One can hardly say I've been unambitious Adam'. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/dec/16/adam-thorpe-interview-ulverton-flight>.
- Macfarlane R. Introduction // A. Thorpe. Ulverton. London: Vintage Books, 2022, Pp. VII-XII.

Thorpe A. Ulverton. London: Vintage Books, 2022.

*Lyubov A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

**RECURRENT METAPHORS AS SEMANTIC TIES OF A FICTION TEXT
(ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “ULVERTON” BY A. THORPE)**

The object of the research is recurrent metaphors, and the subject matter is their role in representing the dominant meaning of the text. The empirical material of the research is Adam Thorpe’s novel “Ulverton” – a complex polyphonic work, represented by various discourses and genres held together by one dominant meaning. As the analysis reveals, the leading role in expressing this dominant meaning belongs to the recurrent metaphors which serve as semantic ties of the text.

Key words: recurrent metaphor, semantic ties, dominant meaning, metainterpretation, polyphony

*Т.Л. Колосовская (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
kolosovskaya.tatjana@yandex.ru*

**СРАВНИТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ РУССКОЙ РЕЧИ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ***

Большой интерес для когнитивистики представляет живая речь носителей русского языка и ее имитация в письменных источниках. В статье рассматриваются конструкции <P – N₁ *отдыхает>, <куда N₃ до P>, <P ни разу не N₁>, которые в зависимости от ситуации являются сравнительно-оценочными или только оценочными. Анализ показал, что первые две конструкции в основном выражают оценку на фоне сравнения, а последняя – только оценку.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, оценка, коммуникативная ситуация, признак сравнения, ресемантизация

Когнитивное направление лингвистических исследований основывается на связи между мышлением, сознанием и речевой деятельностью человека как носителя языка. Все эти аспекты модифицировали традиционный подход к анализу лингвистического знания [Грунина, Широколобова 2010: 97]. Лингвистика, по мнению Е.С. Кубряковой, «всегда характеризовалась устремлениями к познанию такого объекта как язык и более устойчивым набором тех явлений, которые в нем старались понять и описать; ...можно с полным на то основанием утверждать, что историей нашей науки и ее прогрессом двигало... не только обнаружение новых реальностей, но и изменение взгляда на вещи и на аспекты этих вещей» [Кубрякова 1997: 7].

«Глубинная и поверхностная структуры предложения» как его ментальный и языковой уровень или его смысловой и грамматический план представляют собой обязательные атрибуты предложения как «картины действительности» [Витгенштейн 1994: 28], существующей в человеческом сознании и выраженной в языке.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

В работе рассматриваются синтаксические конструкции в рамках предложения, текста и коммуникативной ситуации. Под *конструкцией*, вслед за создателями *Грамматики конструкций* (*Construction Grammar*, или CxG) [Fillmore et al. 1988], понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19]. Форма и содержание конструкции обеспечивают ей статус автономной цельноформленной единицы языка.

В центре внимания исследования находятся три сравнительно-оценочных конструкции: $\langle P - N_1 *отдыхает \rangle$, $\langle куда N_3 до P \rangle$, $\langle P ни разу не N_1 \rangle$. Несмотря на общую семантику, заключенную в этих единицах, степень выражения оценки и заложеного сравнения в них разная.

Конструкция $\langle P - N_1 *отдыхает \rangle$ (знак (*) означает, что форма глагола в рамках этой конструкции может быть разной) во всех случаях (100% пользовательского подкорпуса) выражает оценку того или иного объекта на фоне сравнения, поэтому в примерах всегда есть два объекта – P и N₁, – а также признак, по которому они сравниваются, ср.:

1) *Вот уже пару недель очаровательные девушки Лариса, Наташа и Ира из группы «Поющие вместе» <...> исполняют совершенно очаровательную в своей искренности песенку под названием «Такого как Путин». В этом произведении Владимир Владимирович (P) предстает не просто положительным персонажем, а таким мачо нашего времени – даже Бандерас (N₁) отдыхает* [НКРЯ: 2002].

Вероятно, в таких контекстах сопоставление выходит на первый план из-за устойчивого компонента данной конструкции – глагола *отдыхать*, – который в этом употреблении теряет свое прямое значение и приобретает новое (рессемантизируется): «(для N₁) не иметь возможности конкурировать с объектом (P) по какому-то признаку, который изначально у N₁ был выражен наиболее ярко» [Колосовская 2021].

Кроме того, анализ контекстов с общей схемой $\langle P - N_1 *отдыхает \rangle$ из Генерального Интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) выявил ряд факторов, усиливающих сему сравнения и способствующих преобладанию сравнительно-оценочных конструкций над оценочными:

- наличие эксплицитных показателей сравнения (*по сравнению с...*, *на фоне...*, *рядом с...*) (в примере (2) подчеркнуто);
- наличие специальных моделей (*такой/такая/такое, что...*, *так, что...*), которые выделяют и подчеркивают признак сравнения (в примере (3) подчеркнуто);
- наличие в одном примере разных конструкций, выражающих и выделяющих одно значение (в примере (4) подчеркнуты).

2) *Она наизусть знала мою поэму «О сперматозавре» (P) и считала, что «Евгений Онегин» (N₁) просто отдыхает на фоне моего шедевра. Но серый народ еще не дорос до моих стихов* [ГИКРЯ: 2005];

3) *Про второй самолет, вернее то, что находится у него внутри, они не то что говорить – думать не могут. Впрочем, нам удалось выяснить, что лайнер*

(Р) напичкан такой аппаратурой, что американские АВАКСы (N₁) просто отдыхают. А внешне оба самолета ничем не отличаются от обычного пассажирского лайнера. Еще на прошлом МАКСе таких новинок точно не наблюдалось [НКРЯ: 2011];

4) Чтобы выкопать тело для эксгумации. Доказать всем, чей это сын. И получить причитающееся с погибшего отца. Голливуд утирает слезы, Голливуд (N₁) отдыхает. Потому что когда говорят и показывают «Новые русские сенсации» (Р) – никакой Тарантино вместе со Спилбергом им в подметки не годятся. «Оскар» в студию! [НКРЯ: 2016].

Похожая ситуация наблюдается и с конструкцией <куда N₃ до Р>. Большая часть такого типа контекстов (90,5% пользовательского подкорпуса) иллюстрирует сравнение двух объектов (5), даже если в составе конструкции происходит дублирование объекта/объектов местоимением/местоимениями (6)-(7), ср.:

5) В Вацинском преобразовались отцовские гены: его отец, скульптор, удачливый борец за заказы, владелец дома в Гурзуфе – собственный маленький пляж, причал с катером, сад, огромный балкон с видом на залив, большой дачи в ближнем Подмоскowie, двух квартир в Москве и шикарной мастерской, кроме всего прочего когда-то считался первейшим столичным ходоком. Неутомимым, умелым, чутким. Куда до Вацинского-старшего (Р) главному редактору популярной газеты, эпизодическому любовнику моей прежней подружки (N₃)! [ГИКРЯ: 2002];

6) Да кто верит в эти слова? У Гараханова виллы во Франции, у Марата – на всех континентах. Куда до него (Р) всяким Ротшильдам (N₃) и шейхам (N₃) [ГИКРЯ: 2006];

7) В столицах шум, гремят витии, Китит словесная война, – куда до всего этого (Р) быковским персонажам (N₃), молчунам-белорусам с их корявой мушкетерской «бядой» полувекковой давности (N₃) [ГИКРЯ: 1996].

Обнаружились, впрочем, и такие случаи (9,5% пользовательского подкорпуса), где данная конструкция является только оценочной потому, что нет конкретного второго объекта сравнения, соответственно нет того, с чем или с кем можно сравнивать Р:

8) У них – тоже. Британская компания Remington опросила 2000 женщин и выяснила, что 75 процентов из них не верят в существование идеального мужчины. Мужчинам же реальным вменяется в вину неопрятность, рыгание и компьютерная зависимость. Куда тут до Кристиана-то Грея (Р)... Но архетип коллективного бессознательного не картошка – не выкинешь в окошко [НКРЯ: 2013].

Несколько иначе обстоит дело с конструкцией <Р ни разу не N₁>. В корпусном материале встретилось очень мало контекстов (10% пользовательского подкорпуса), где присутствуют два объекта и обнаруживается их сравнение между собой, ср.:

9) Исход войны... (Р) На мой взгляд – чот совсем хиленьких дракончиков используют. Ни разу не Дрегонлэнс (N₁) или там «Власть огня» (N₁), ну или аццкий южнокорейский фильм (N₁) [НКРЯ: 2015].

Информация в контексте (9) явно неполная, восстановить ее сложно, но возможно: очевидно, что обсуждение выстроено вокруг какого-то фильма или компьютерной игры, в которых использовались драконы и есть какой-то вариант *исхода войны*. Благодаря конструкции с устойчивым элементом *ни разу не* и варьирующимися слотами происходит сравнение неизвестного нам объекта Р с другими: *Дрегонлэнс, «Власть огня», южнокорейский фильм*.

Больше всего в этой части пользовательского подкорпуса (90%) примеров чисто оценочных конструкций, ср.:

10) *Понятно, что я (Р) ни разу не исследователь (N₁), но на уровне удовлетворения любопытства и вопрошания «а ты как думаешь» я не раз пыталась находить ответ на вопрос о месте юмора. Пыталась читать Бахтина о смехе, но Рабле от меня уж очень далек, не осилила* [ГИКРЯ: 2013].

В конструкции <Р ни разу не N₁> в качестве Р нередко выступает личное местоимение *я*, т. е. пишущий или говорящий оценивает самого себя по каким-то признакам, которые представлены в «эталоне» N₁.

Таким образом, на примере трех рассмотренных конструкций видно, что реализация одной и той же оценочной семантики может происходить разными способами. В конструкциях <Р – N₁ *отдыхает> и <куда N₃ до Р> на первый план выходит сравнение двух объектов и оценка N_{1,3} через сравнение с Р. В конструкции <Р ни разу не N₁> сравнение отходит на второй план и уступает главное место оценке, появляющейся благодаря стандартным («эталонным») признакам объекта N₁.

Полученные данные интересны не только для когнитивистики, но и для лексикографической практики, а также в аспекте лингводидактики и практики перевода живой речи (прежде всего ее имитации в художественных текстах) с русского на другие языки.

Литература

- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
 ГИКРЯ – Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru>.
Грунина Л.П., Широколобова А.Г. Когнитивный аспект исследования терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 97-99.
Колосовская Т.Л. Р – N₁ отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции, или Кто может отдыхать? // Русская речь. 2021. № 4. С. 17-32.
Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания, 1997.
 НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new>.
Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 8-79.
Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone // Language. 1988. 64 (3). Pp. 501-538.

Tatiana L. Kolosovskaya (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COMPARATIVE AND EVALUATIVE CONSTRUCTIONS OF RUSSIAN SPEECH IN THE COGNITIVE ASPECT

The live speech of native Russian speakers and its imitation in written sources is of great interest to cognitive science. The article discusses the constructions <Р – N₁ *otdykhaet>, <kuda N₃ do P>, <Р

ni razu ne N_1 >, which, depending on the situation, are comparatively evaluative or only evaluative. The analysis showed that the first two constructions mainly express an assessment against the background of comparison, and the last one is only an assessment.

Key words: syntactic construction, evaluation, communicative situation, sign of comparison, resemantization

С.В. Королев (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

(Одинцовский филиал)

s.korolev@odin.mgimo.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Анализируется интерпретирующий потенциал английских устойчивых сочинительных сочетаний, представляющих собой особую группу во фразеологии английского языка. В статье показано, что интерпретирующий потенциал исследуемых языковых единиц обусловлен когнитивными особенностями сочинительной синтаксической связи, линейной структурой конструкции и разнообразием семантических связей между соединяемыми компонентами.

Ключевые слова: фразеология, интерпретация, устойчивые сочинительные сочетания, иконичность, принцип парности

В статье анализируется интерпретирующий потенциал особой группы английских фразеологизмов – устойчивых сочинительных сочетаний (УСС). Данная группа структурно неоднородна. Наиболее частотной моделью является устойчивый сочинительный двучлен субстантивного типа с союзом *and*. Встречаются также трехчленные сочетания (*left, right and centre; lock, stock and barrel*). Двучленное сочетание может быть распространено за счет предлога (*in leaps and bounds, by hook or by crook*), вводиться глаголом (*search high and low, play ducks and drakes*). Сочинительная связь может объединять и сочетания слов (*six of one and half a dozen of the other, here today and gone tomorrow*). На уровне предложения в состав этой группы входят пословицы и поговорки (*Live and learn, Live and let live*), а также междометные ФЕ (*As I live and breathe!, Stuff and nonsense!*). Отдельную подгруппу английских УСС представляют сочинительные фразеологизмы-конструкции адъективного (*nice and..., good and...*) и глагольного типа (*try and..., go and...*).

Эти языковые единицы образуются на основе принципа парности путем сцепления двух или более слов, соединенных сочинительной синтаксической связью и выражающих семантически соотносимые понятия. В когнитивном принципе парности находит отражение свойство человеческой когниции к объединению, сопоставлению и противопоставлению ментальных проекций предметов, явлений или событий внешнего мира, которые тем или иным образом связаны друг с другом.

С точки зрения современного когнитивного подхода, фразеологизмы (ФЕ) относятся к единицам вторичной номинации, являются продуктом интерпретирующей деятельности человеческого сознания. Н.Н. Болдырев предлагает разли-

чать первичную интерпретацию (интерпретация мира в языке) и вторичную интерпретацию (интерпретация знаний о мире в языке). Объектом **вторичной интерпретации** являются существующие, уже представленные в языке коллективные знания о мире, а ее результатом являются новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера [Болдырев 2018: 259]. Используем эти теоретические положения для описания возможностей интерпретации знаний о мире, которые предлагает исследуемая конструкция.

Интерпретирующий потенциал английских УСС обусловлен когнитивными особенностями сочинительной связи, самой структурой конструкции и большим разнообразием возможных семантических связей между компонентами.

С когнитивной точки зрения сочинительная связь имеет две главные функции: классифицирующая и ранжирующая. Первая связана с тем, что человек выстраивает наблюдаемые явления действительности в определенные мысленные классификации, объединяя однопорядковые явления в один класс. Вторая функция связана с тем, что сочинительная связь способствует выстраиванию приоритетов между отражаемыми в сознании явлениями действительности. При этом инициальная позиция закрепляется сознанием за более важной информацией [Норман 2023: 176-178]. Таким образом, в сознании человека выстраиваются постоянные или ситуативные иерархии и ранжирование, основанное на прагматической ценности того или иного явления, например, по дейктическим (*here and there, here and now*) или социокультурным (*husband and wife, ladies and gentlemen*) основаниям, которые находят выражение в порядке следования компонентов в английских УСС.

Свойства сочинительной связи, обозначенные выше, частично накладываются на особенности парной структуры конструкции УСС, предполагающей соединение как минимум двух равноправных компонентов. Линейное развертывание структуры сочетания дает возможность последовательному распределению информации в языковом знаке, что задействует один из основных принципов организации текста и дискурса – принцип иконичности. В линейаризации компонентов УСС задействованы как минимум два типа иконичности: иконичность последовательности и иконичность выделенности. Первый тип основан на грамматическом соответствии последовательности компонентов реальной (временной и/или пространственной) упорядоченности событий или явлений. Второй тип – на выдвигании в инициальную позицию сочинительной конструкции компонента, который считается говорящим приоритетным в той или иной иерархии [Сигал 2005: 13]. Таким образом, приведенные выше примеры *here and there, here and now* являются примером иконичности выделенности, приоритетом для человека ближайшего пространства по сравнению с отдаленным. Следующие примеры, *husband and wife, ladies and gentlemen*, демонстрируют динамику интерпретации знаний о мире, так как первый пример иллюстрирует доминирующий приоритет мужского над женским, а второй можно трактовать как этикетную инверсию обычных иерархических отношений, поскольку данная форма употребляется в основном в форме обращения.

Иконичность последовательности является наиболее прозрачным типом интерпретации действительности, отражающим естественный порядок следования

событий или явлений в пространственно-временной или причинно-следственной плоскости (*kiss and tell*, *alpha and omega*). Так, в УСС *kiss and tell* (to betray an intimate secret [DOC]) отражает временную последовательность событий – сначала происходит тайное событие, а лишь затем кто-то из его участников делает секрет доступным общественности.

Семантические отношения между компонентами УСС можно представить в виде шкалы, на полюсах, которой находятся соединения синонимов и антонимов. Между ними расположено многообразие ассоциативных отношений: следования, дополнения, конкретизации, генерализации и так далее. Указанные отношения, которые допускает сочинительная конструкция, предоставляют человеку широкий спектр возможностей для интерпретации знаний о мире.

Парные синонимы, как отдельная подгруппа УСС, представляет особый собой интерес, поскольку в результате синонимического повтора происходит увеличение инвентаря языковых единиц, приводит, с первого взгляда, к избыточности подобных языковых единиц. Однако это явление объясняется желанием и необходимостью человека придать высказыванию большую экспрессивность, передать дополнительные коннотативные смыслы. Так, УСС *part and parcel* означает не просто какую-то часть чего-либо, а «неотъемлемую составную часть чего-либо» [Кунин 1984: 564]. УСС *moan and groan* за счет повтора и рифмы позволяет человеку передать большую степень его переживаний нежели это могут отдельные слова. Тем самым усиливается и отрицательная оценка передаваемого смысла.

Соединением слов с противоположным значением человек может передать и усилить значение тотальности, так как парная конструкция задает своего рода рамку, внутри которой совершается интерпретация знаний о мире. Так, в УСС *search high and low* соотнесены верхняя и нижняя точки пространства, что подчеркивает полный его охват, формируя значение «искать повсюду», а в УСС *day and night* за счет противопоставления разных временных периодов формируется значение «постоянно», что акцентирует особую длительность протекания действия.

В процессах конструирования смысла, по мнению Р. Лэнкера, важную роль играет уровень детализации (level of specificity), с которым описывается та или иная ситуация. При этом конкретизация и генерализация представляют собой два разнонаправленных процесса категоризации действительности [Langacker 2008: 55-56]. Сочинительная конструкция позволяет соединять концепты, относящиеся к разным уровням категоризации, что дает человеку возможность в одном языковом знаке передать более емкое содержание и коннотативную составляющую, усилить позитивную или отрицательную оценку, а так же выразить мысль более экспрессивно. Так, в УСС *aid and abet* (to help someone do something illegal [CD]), глагол *aid* имеет более широкую семантику (*aid* – to help [Там же]), тогда как *abet* конкретизирует характер данной помощи (*abet* – to help or encourage someone to do something wrong or illegal [там же]). Данное сочетание экспрессивно из-за избыточности формы и аллитерации, негативная оценочность второго компонента иррадирует (об этом см. подробнее в [Королев 2023: 743-744]) на сочетание в целом, создавая общую усиленную негативную оценку. Обратный процесс генерализации можно наблюдать в УСС *in this day and age*, в котором

второй компонент обозначает более длительный временной промежуток. Тем самым, подчеркивается важность настоящего момента для успешного осуществления какого-либо действия.

Итак, на примере интерпретирующих схем, в которых задействованы принципы иконичности, синонимические и антонимические связи, а также механизмы конкретизации и генерализации были продемонстрированы интерпретирующие возможности УСС английского языка и сочинительной синтаксической связи в целом. Дальнейшее описание и систематизация схем интерпретации знаний о мире в данной группе фразеологизмов составляет перспективу исследования.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Королев С.В. Специфика репрезентации оценки английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. 1. С. 741-745.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2023.

Сигал К.Я. Прескрипторные правила линеаризации в когниции и тексте (на материале русских сочинительных конструкций) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 11-25.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

DOC – *Ammer Ch.* The Dictionary of Clichés: A Word Lover's Guide to 4,000 Overused Phrases and Almost-Pleasing Plitudes. Skyhorse Publishing, 2013.

Langacker R. W. Cognitive Grammar. A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Sergey V. Korolyov (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

(The Odintsovo Branch)

INTERPRETATIVE POTENTIAL OF ENGLISH COORDINATE SET-PHRASES

The article analyses the interpretative potential of English coordinate set-phrases that represent a special group in the phraseology of the English language. The author shows that the interpretative potential of these linguistic units is determined by the cognitive features of coordination, the linear structure of the units and the variety of semantic associations between the components.

Key words: phraseology, interpretation, coordinate set-phrases, iconicity, the principle of pairing

Е.М. Крижановская (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

emkrizh@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «РОССИЯ – ВЕЛИКАЯ СТРАНА» В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА Д.А. МЕДВЕДЕВА

В статье рассматривается структура и языковые способы реализации в Интернет-текстах телеграм-канала лидера российской политической партии фрейма, актуального для патриотического дискурса. Характеристики данного фрейма объясняются особенностями личности автора текстов, спецификой современной политической ситуации, свойствами Интернет-коммуникации и другими экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: политический дискурс, Интернет-коммуникация, авторский телеграм-канал, фрейм, слот, языковые средства, риторические приемы

Основатель теории фреймов М. Минский, как известно, полагал, что «фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. Впоследствии понятие фрейма начали активно использовать во многих современных отраслях научного знания, в том числе в когнитивной лингвистике. При этом интерпретация содержания и структуры фрейма постоянно видоизменялась в зависимости от познавательных установок исследователей. Несмотря на разность трактовок лингвисты используют компоненты фрейма для описания структурных особенностей преимущественно отдельных лексем, устойчивых оборотов, лексико-семантических групп естественного языка, редко – более масштабных объектов, например, идиостилей. Между тем, на наш взгляд, категориальный аппарат понятия фрейма вполне применим и к анализу дискурсивных явлений, в частности современных Интернет-текстов, репрезентирующих определенный вид институционального дискурса, к которому относится политическая коммуникация.

При описании реализации определенного фрейма политического дискурса будем учитывать его слотовую структуру. О.В. Гусельникова отмечает, что «в составе фреймовой структуры выделяют *слоты* – компоненты / элементы / части описываемой ситуации: определенные аспекты ее конкретизации, имеющие названия и заполненные определенным концептуальным содержанием... Другими словами, это элементарные смысловые ячейки, заполняемые определенной информацией. При необходимости отображения более разветвленной структуры фрейма вводится термин *подслот* – часть слота, обладающая всеми его признаками (также имеет имя и наполнен определенным содержанием)» [Гусельникова 2010: 143-144].

Анализ структуры, содержания и способов языковой реализации фрейма с условным названием «Россия – великая страна» был проведен на материале Интернет-текстов 313 постов, размещенных лидером российской политической партии «Единая Россия» Д.А. Медведевым в авторском телеграм-канале в период с 17 марта 2022 г. по 31 июля 2023 г. В связи с общей коммуникативно-прагматической установкой автора канала на отражение актуальной политической ситуации, нередко ее критику и отстаивание собственной позиции по нерешенным проблемам международной и внутренней политики, проводимой официальными властями Российской Федерации, тексты Д.А. Медведева характеризуются высокой степенью полемичности и зачастую негативной оценочностью в отношении недругов России. В целом же во всех анализируемых Интернет-текстах политического лидера наблюдается реализация тех или иных компонентов фрейма «Россия – великая страна».

На наш взгляд, структуру данного фрейма можно схематично представить как состоящую из слотов двух больших групп: слотов, содержащих информацию о внешней политике Российской Федерации («Внешняя политика и международные отношения РФ»), и слотов с условным названием «Внутренняя политика РФ»,

отражающих соответствующую информацию. По-видимому, фрейм «Россия – великая страна», по типологии Н.Н. Болдырева, может быть отнесен не к классификационным, а к ситуационным или событийным фреймам, поскольку «они отражают знания о мире неязыкового, событийного характера» [Болдырев 2014: 112].

Отметим, что группа слотов «Внешняя политика и международные отношения РФ» неоднородна, она состоит из следующих слотов: 1) «Способы противодействия стран коллективного Запада России»; 2) «СВО (специальная военная операция) России на Украине»; 3) «Роль России в международных отношениях». Группа компонентов «Внутренняя политика РФ» состоит из таких слотов, как: 1) «РФ – преемник государственных образований предыдущих эпох»; 2) «Россия – страна героев»; 3) «Россия – оплот и защитник православия»; 4) «Решение внутренних проблем современной России».

В свою очередь, в названных слотах двух основных групп в составе фрейма «Россия – великая страна» можно выделить подслоты, т. е. более частные компоненты, реализующие ту же прагматическую установку автора, что и слоты, состав которых эти подслоты образуют, но наполненные более частными элементами смыслового содержания. Так, например, в составе слота «Способы противодействия стран коллективного Запада России» можно выделить следующие подслоты: 1) «Враждебные действия правительств западных стран по отношению к РФ и ее гражданам (пропаганда, русофобия, отмена русской культуры, фальсификация истории, участие иностранных наемников в зоне проведения СВО и др.)»; 2) «Экономические санкции Запада против РФ»; 3) «Отношения РФ с западными странами (США, Европой, Британией, Польшей, Израилем, странами Прибалтики, Японией, Молдавией и др.)»; 4) «Высказывания и действия западных политиков, направленные против РФ»; 5) «Угроза расширения НАТО на Восток и возможная война РФ с НАТО».

Внутри некоторых слотов группы «Внутренняя политика РФ» тоже можно выделить подслоты. В частности, в слоте «Решение внутренних проблем современной России» можно выделить такие компоненты как: 1) «Проблемы развития отечественной промышленности (предприятий ВПК, судостроения)»; 2) «Миграционная политика РФ»; 3) «Борьба с действиями представителей оппозиции, НКО, иноагентов, релокантов против политики РФ»; 4) «Отношение к действиям чиновников РФ». Изучение характера информации, содержащейся в слотах анализируемого фрейма, свидетельствует о повышенном внимании автора данных Интернет-текстов к актуальным политическим ситуациям, что находит отражение в содержании постов. Вследствие этого определенные слоты и подслоты характеризуются более высокой степенью текстовой реализации по сравнению с другими. Так, например, в фокусе внимания российского политика постоянно находятся проблемы, связанные с проведением Российской Федерацией на Украине специальной военной операции (СВО), способы противостояния антироссийским экономическим санкциям, вопросы адекватного и эффективного ответа РФ на враждебные действия коллективного Запада.

Как известно, фреймовый анализ предполагает выявление не только компо-

нентов структуры определенного фрейма, но и особенностей взаимосвязей и взаимозависимости этих составляющих. На наш взгляд, основополагающим утверждением для обозначения глобальной смысловой связи между всеми слотами фрейма «Россия – великая страна» можно считать следующую формулировку: «Правительство и народ России способны противостоять враждебным действиям внешних и внутренних сил». В то же время между подслотами внутри отдельных слотов возможны отношения типа «род – вид – разновидность», «причина – следствие», «действие – претерпевание», «обстоятельства», «свойства», которые в том числе могут быть хорошо описаны с привлечением основных риторических понятий инвенции («изобретения содержания высказывания») и топики.

Фрейм «Россия – великая страна» реализуется в Интернет-текстах лидера партии «Единая Россия» при помощи использования разноуровневых языковых единиц и риторических приемов. Одним из частотных средств языкового воплощения названного фрейма и одновременно эффективного воздействия на Интернет-пользователей выступает вопросно-ответный комплекс, например: «*За что мы воюем? Россия – огромная и богатая страна. Нам не нужны чужие территории, у нас всего в достатке; В чем наше оружие? Оружие бывает разное. ... А наше оружие – Правда. Именно поэтому наше дело правое. Именно поэтому победа будет за нами!*» (04.11.2022).

Чрезвычайно частотно в анализируемых Интернет-текстах употребление лексем с пейоративной окраской для именованья врагов России и выражения авторского отношения к ним. С этой целью автор нередко использует атрибутивные словосочетания (*алчные перебежчики, безумные нацисты-наркоманы, бессловесные манкурты, глумливые прислужники, кровожадные адепты, трусливые предатели* и под.), в которых имена существительные или имена прилагательные характеризуются ярко выраженной негативной оценочной окраской.

Выражению патриотизма автора телеграм-канала и одновременно реализации слотов группы «Внутренняя политика России» способствует чрезвычайно частотное употребление в Интернет-текстах местоимений «мы, наш, свой», рядов однородных членов, а также приема лексического повтора, как в следующих текстовых фрагментах: а) «*Восхищен мужеством наших военнослужащих. Они достойно выполняют свой долг – защищают мир, защищают жизни людей, защищают наше Отечество*» (22.07.2022); б) «*Самоотверженное служение Родине, верность долгу и чести, стремление отстаивать ее безопасность и независимость наперекор любым угрозам – главное, что наше время требует от каждого гражданина России. ...Наша сила в единстве, в общей ответственности за будущее страны. Только вместе мы достигнем поставленных целей, победим врага. С нами великое прошлое, за нами – будущее!*» (23.02.2023).

Обобщая, отметим, что структура фрейма «Россия – великая страна» является в определенной степени открытой, она не ограничивается названными компонентами. Включение в материал исследования текстов новых Интернет-постов телеграм-канала Д.А. Медведева позволит расширить наши представления об элементах структуры названного фрейма и взаимоотношениях между его составляющими, дополнить новым содержанием уже выявленные слоты и включить в

состав фрейма другие слоты и подслоты.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского гос. педагогического ун-та. 2010. № 9. С. 137-149.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Elena M. Krizhanovskaya (Perm, Russia)
Perm State National Research University

IMPLEMENTATION OF THE FRAME “RUSSIA IS A GREAT COUNTRY” IN THE INTERNET TEXTS OF D.A. MEDVEDEV’S TELEGRAM CHANNEL

The article examines the structure and linguistic ways of implementing a frame relevant to patriotic discourse in the Internet texts of the telegram channel the author of which is the leader of the Russian political party. The characteristics of this frame are justified by the personality of the texts’ author, by the current political situation, by the characteristics of the Internet communication and other extralinguistic factors.

Key words: political discourse, Internet communication, author’s telegram channel, frame, slot, language means, rhetorical means

П.Б. Кузьменко (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
p.kuzmenko2012@yandex.ru

«ОКАЗЫВАЕТСЯ» КАК МАРКЕР РАЗРЕШЕНИЯ КАЖИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются маркеры разрешения кажимости. Устанавливается круг типичных ситуаций, демонстрирующих двуплановость представлений индивида о мире, совмещающих в себе реальность и мнимость.

Ключевые слова: кажимость, действительность, разрешение кажимости, положение дел, английский язык

Анализируя механизмы соотношения мнимости и реальности представлений говорящего о мире, а также способы их языкового выражения, Н.Д. Арутюнова замечает, что «предложение в норме должно быть максимально адаптировано к тому, что оно обозначает» [Арутюнова 1999: 830]. Вместе с тем, по ее наблюдениям, существуют контексты «неясного восприятия», обусловленные недостаточным знанием говорящим реального положения дел. Так, люди часто говорят о том, что им *послышалось, привиделось, показалось* и т. д. Подобные контексты, по мнению Н.Д. Арутюновой, характеризуются признаком «двуплановости», «двойного бытия», т. е. совмещения элементов мнимого и реального. Соответствующие ситуации и их отражение в языке формируют категорию кажимости, совмещающую перцептивные и когнитивные основания восприятия действительности [Хельмянова 2016]. В качестве способов выражения кажимости выступает целый класс

разноуровневых языковых средств, в разное время привлекавших внимание исследователей: модальных глаголов и модальных слов [Горельникова 1993; Гатинская 1999], глаголов *seem, feel, look* и формируемых ими конструкций [Семенова 2007], вопросительных предложений [Логинов 2022] и др.

Первоначальные представления индивида о некотором положении дел (ПД) могут меняться с течением времени вплоть до момента разрешения кажимости, когда ПД предстает таким, каким, по мнению говорящего, оно является на самом деле. Базой для новых умозаключений относительно имевших место «старых» ПД становится уже не перцепция, а надежное знание, полученное или пережитое в опыте индивида. Такое изменение отношения индивида к существовавшему когда-то ПД, установление (постижение) его действительных, а не мнимых признаков и свойств очень часто получает языковое оформление: говорящий в рамках отдельного высказывания может сообщить, что какой-то феномен реального мира *выглядел / казался / представлялся* определенным образом, а затем мог быть по-новому квалифицирован с учетом новых сведений, полученных индивидом.

В русском языке единственным средством, которое служит разрешению кажимости (выражению этого разрешения), является, пожалуй, только лексема *оказалось*. В английском языке существует несколько вариантов представления мнимого или реального: *actually; it seems / looks ... but ...; ...but in fact; ...proved to be; ...turned out* и т. д.

Примером таких ситуаций могут выступать контексты типа *Тут вот какое дело... я себе представлял, что... это устроено одним образом, а оказалось, что оно устроено совершенно иначе* (НКРЯ: URL). *The weather forecast predicted rain for the entire day, but in fact, it turned out to be a sunny day* (NOW). В основе разнообразия ситуаций, по нашим наблюдениям, находится дихотомия, которую в общем виде можно свести к модели *(no-)казалось* → *оказалось*.

В настоящей статье нас интересует второй компонент таких высказываний, в рамках которых говорящий указывает на настоящие признаки ПД, наличие которых в силу разных причин им не осознавалось и обуславливало мнимые представления. В исследовании фокус перемещается с *кажется* на *оказалось*. Однако второй компонент высказывания (*оказалось*) не существует автономно, в связи с чем феномен кажимости можно рассматривать в динамике, так как за одним представлением следует другое. Возникновение нового знания очень часто репрезентируется глаголом *оказаться* в разных формах, в частности, в той из них, которая используется как вводное слово *оказалось*. Важно, что в анализируемых примерах глагол *оказаться* актуализирует семему «предстать, явиться на деле, в действительности каким-л., кем-л., чем-л.».

Целью нашей работы является установление типичных ситуаций, в которых названные лексемы выступают «фиксаторами» нового знания о ПД, имевшихся в опыте говорящего индивида, а также выяснение феноменов реального мира (или тех компонентов пропозиций), оказавшихся в фокусе внимания индивида в условиях неполного знания или мнимого представления. Материалом исследования выступают высказывания, полученные методом сплошной выборки из корпуса английского языка NOW, содержащие лексемы *prove* и *turn out*.

Полагаем, что для удобства описания интересующих нас контекстов целесообразно представить модель коррекции как реализацию некоторой операции, направленной на осмысление в той или иной степени знакомого положения дел с течением времени и «ПД→⁽⁰⁾ПД'». Анализ языкового материала позволяет выделить следующие типы ситуаций, демонстрирующих двуплановость, выражаемую с помощью лексем *prove* и *turn out*.

1. Идентификация неизвестного объекта восприятия, в рамках которой осуществляется «узнавание» индивидом того, что ранее ему было неизвестно или не было в поле непосредственного наблюдения:

*There was something strange in the dark corridor. It **turned out to be** Sandra.*

В таких ситуациях возможно использование только глагола *turn out*.

2. Частичная коррекция ПД, которое было сформировано под влиянием чувств и/или мыслей говорящего. В таких случаях частично изменяются характеристики самого ПД:

*I was in bed until what I thought was midday today and **turned out to be one o'clock**.*

*She should have been electric blue. But she **turned out black and white** with a bright blue stripe running down each wing.*

3. Опровержение ПД как констатация иной квалификации того же ПД, как правило, в терминах «верно-неверно», «истинно-ложно» без упоминания реального положения дел. В таких случаях в именной части сказуемого используются прилагательные *right, false, true* и т. д.

*I got a report saying he'd worked thirteen shifts out of fourteen. **It turned out not be right** (оказалось неверным).*

*The leadership contest has **turned out to be different** (оказалось другим).*

*Negative influences could have enormous effects on the formulation of all-Russian policies. This **proved to be the case** by the end of NEP (совпадение ожиданий).*

4. Опровержение ПД с указанием на новую квалификацию старого ПД. В этом случае имеет место констатация неправильной или ложной квалификации известного говорящему ПД:

*He feared he had chicken pox and would have to cancel his debut appearance. But the blotches **turned out to be the result of a take-away chicken meal**.*

*I started out writing a poem about the scene, but it **turned out to be more about me**.*

*We saw a massive black smoke cloud in the sky and it looked like it was coming from our apartment. <...>. It **turned out to be a building next to us** which was a small auto car shop.*

5. Указание на новый признак какого-л. компонента положения дел, который обозначен оценочным средством. Отметим, что ПД в этом случае не меняется, речь идет лишь об обманутых ожиданиях. Говорящий имеет в виду новую оценку чего-л. в свете полученных данных о чем-л. В сочетании с глаголами *prove* и *turn out* могут быть оценочные (качественные) прилагательные, характеризующие ПД или его компонент, а также существительные, содержащие положительную или отрицательную коннотацию (*surprise, disaster, fiasco, barrier* и т. д.):

*Circumstances being what they are, I find myself having trusted a process that **turned out to be an unfair one.***

*President Barack Obama's nomination of Wynn in 2009 **proved to be successful.** ... the actress's response came up as a post in the Urdu language which **turned out to be great surprise** for everyone.*

*Australia tried mandatory quarantine and it **turned out to be a bit of a disaster.***

*President Bill Clinton put her in charge of health-care overhaul, which **turned out to be a fiasco.***

Довольно часто используются устойчивые сочетания, с помощью которых оценивается ПД:

*102 percent spike in finance cost during the year **proved to be the last nail in the coffin.***

*S. Bolden **proved to be the thorn to the Football Ferns** as she etched her name in Philippine football history by scoring the breakthrough goal.*

Существует вариант, когда сравниваются оценочные характеристики разных ПД на разных основаниях. В этом случае можно говорить не только об актуализации нового признака в рамках известного индивиду ПД, но и о степени интенсивности признака (известного ранее), который выражается прилагательными в сравнительной и превосходной степенях и интенсификаторами (*too, quite*).

*And the frightening thing is that the man who caused Brexit – despite campaigning against it – **proved to be a more competent leader** than the imposters that followed. Over Christmas, data has revealed that at least one child, aged five to nine, tragically died of Covid. Omicron has **proved to be the deadliest** Covid strain amongst children, having claimed the most lives.*

*The final part of the documentary **proved to be too much** for some viewers, who branded it the most insane.*

Таким образом, рассмотренные контексты позволяют установить типичные ситуации, в которых проявляется дихотомия кажущегося и реального в восприятии мира: идентификация неизвестного, частичная коррекция положения дел, опровержение ПД, новая квалификация ПД, а также оценка ПД или его части. Эти операции связаны с определенными основаниями, позволяющими говорящему «преодолеть» кажимость и зафиксировать реальное положение дел.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Гатинская Н.В. Модальные слова кажимости в русском языке: Характеристика взаимоотношения с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1999. С. 61-68.

Горельникова Ю.А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Логинов А.В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости // Вестник МГОУ. Серия: русская филология. 2022. № 5. С. 25-31.

Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007.

Хельмянова Ю.С. Категория кажимости и ее реализация в прозаическом наследии А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.

“OKAZYVAETSYA” AS A MARKER OF SEEMINGNESS RESOLUTION (EXEMPLIFIED BY THE ENGLISH LANGUAGE)

The article discusses markers of seemingness resolution. A range of typical situations is established that demonstrate the two-dimensionality of an individual’s ideas about the world, combining real and imaginary.

Key words: seemingness, reality, seemingness resolution, state of affairs, the English language

*И.И. Левочкин (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st095487@student.spbu.ru*

К ФУНКЦИЯМ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Современные формы коммуникации давно вышли за рамки привычных устных и письменных форм. С приходом Интернет-дискурса у человека появилась возможность реагировать на собственное окружение с помощью компрессированной, креолизованной единицы – Интернет-мема. В работе рассматривается функциональный аспект англоязычных Интернет-мемов с междисциплинарной точки зрения, обсуждаются функции рефлексии и валидации мема, определяющие положение пользователя в коммуникации и сетевом пространстве.

Ключевые слова: Интернет-мем, Интернет-дискурс, функция, событие, лингвокультурология

С появлением социальных сетей и выделением их содержимого исследователями в отдельный тип дискурса, актуальным с лингвокультурологической точки зрения становятся единицы, которые находятся в Интернет-пространстве. Одной из таких единиц является Интернет-мем [Milosavljevic 2020: 11]. Эти единицы представляют собой в большинстве случаев изображение, выступающее речевым актом в Интернет-пространстве [Grundlingh 2017: 2]. Мем стал объектом изучения в гуманитарных науках как креолизованный текст с ироничным содержанием. Ироничное содержание мема описывается в зарубежных исследованиях как развлекательная функция – основная функция данной коммуникативной единицы. Однако, мы выделяем и другие первоочередные функции мема, определяющие событийные и пространственные факторы. В статье мы обсудим неполноту существующих зарубежных функциональных классификаций мемов, предложим две основные функции мема – функции рефлексии и валидации, а также на примере одного из популярных мемов рассмотрим реализацию предложенных функций.

Функции мемов в современных зарубежных исследованиях

Традиционно мемам приписывают развлекательную функцию [Milosavljevic 2020: 13]. Она основывается на вербальном и невербальном присутствии иронии в меме, объектом которого является «и создатель, и потребитель мемов» [Dancygier, Vandelanotte 2016: 596]. Однако наряду с развлекательной функцией мем способен обладать дополнительными функциями и смещать фокус с автора как с конечного реципиента. И. Милославич выделяет такие функции как информационная, когда основой мема выступает новость; рекламная, в случае если

автором мема выступает не обычный пользователь, а крупная компания; политическая, основывающаяся на критике или поддержке политического движения или фигуры [Milosavljevic 2020: 14-17]. Информационная, рекламная и политические функции мемов не ориентированы на автора как на конечного реципиента. Иную классификацию предлагает Л. Грундлинг, распределяя мемы согласно четырем видам речевых актов К. Баха и Р. Харниша: констативы, директивы, комиссивы, признательность [Grundlingh 2018: 16].

Тем не менее мы предполагаем, что мем как креолизованный текст выполняет гораздо больше функций. Начальной точкой появления мема является реакция пользователя (потенциального автора) на внешний стимул (событие).

Функции рефлексии и валидации: анализ англоязычного мема

Мы предполагаем, что мем помимо первоочередной функции развлечения обладает функциями рефлексии и валидации. Под функцией рефлексии мы понимаем процесс переосмысления внешнего стимула (события) в иронию или сарказм с помощью иконических и лексических средств. Функция валидации понимается нами как удовлетворение потребностей адресата и адресанта с помощью элемента коммуникации (в данном случае – мема). Выполняя функцию валидации, мем помогает участникам коммуникации установить свои границы в рамках определенной социальной группы сетевого пространства. И в первом, и во втором случае реализация функций достигается за счет использования каноничных (относительно события или социального круга в Интернет-пространстве) образов, символов, лексем, словосочетаний, шаблонов или вербальных элементов мемов. Названия функций были заимствованы нами из смежных языкознанию наук – психологии и социологии.

В качестве примера реализации функций рефлексии и валидации мы воспользуемся примером, взятым из открытого источника: темы под заголовком «Мемы» (*r/memes*), содержащей 29 млн подписчиков на сайте *reddit.com*. Посты пользователей в данной теме были отфильтрованы по параметрам «Лучшее» (англ. *Top*) и «За все время» (англ. *All Time*), затем был выбран мем. Он был опубликован три года назад пользователем *Black-Adder7* в виде изображения (этот вид мемов, по мнению зарубежных исследователей, является самым распространенным [Milosavljevic 2020: 19]). Основанием для выбора данного мема являются 339 тыс. положительных оценок (англ. *upvotes*) и его расположение в первой тройке самых популярных мемов в выбранной теме. Мем визуально разделен на две части, в каждой из которых присутствуют иконический образ и вербальная часть. В первой части иконическим образом является изображение тонкого куска пиццы на салфетке, а вербальным – два самостоятельных высказывания: «Teacher hypes up class party all year» и «The party:». Во второй

Рис. Англоязычный мем с сайта *reddit.com*

части мема иконическим образом выступает изображение плачущего кота, а вербальной частью – предложение «The unpaid teacher who bought it with it's own money» (см. Рис.).

Согласно классификации Р. Титулаера, мем можно отнести к жанру «метамем» [Titulaer 2020: 23]: изображение объединяет в себе сразу два жанра / вида мемов: «панчлайн» (верхняя часть) и популярный иконический образ (нижняя часть). Стоит отметить, что вербальная составляющая второй части мема содержит намеренное искажение в глаголе прошедшего времени *bought* и употребление местоимения *its* в форме глагольной конструкции *it's* с целью усиления иронии.

Функции рефлексии и валидации реализуются в изображении в двойном объеме: так как изображение представляет собой мета-мем, то автор первой и второй части мема отличны друг от друга (вторая часть мема является реакцией на исходное изображение – первую часть). В первой части мема функция рефлексии реализуется в виде события, обозначаемого лексемой «class party», которая одновременно является культурной единицей, реалией для школьной образовательной системы США, где подобные мероприятия в конце года являются обязательными для проведения учителем. Функция валидации в первой части мема реализуется также с помощью лексем «Teacher» и «class party», устанавливая границы, в которых находится автор изображения, а также устанавливая границы для реципиента мема, для которого событие «class party» входит в его картину мира. Функция валидации во второй части мема реализуется похожим образом, чего не нельзя сказать о функции рефлексии. Она отталкивается от другого события, выраженного словосочетанием «underpaid teacher», усиливающегося образом плачущего кота для усиления коммуникативного эффекта на реципиента. Обе части мема взаимосвязаны друг с другом семантически и синтаксически; их реципиентом выступают как авторы первичного и вторичного изображения, а также пользователи, которые имеют отношение к школьной образовательной системе.

Функции рефлексии и валидации реализуются не во всех мемах и не всегда в полном объеме. Если рассмотреть мемы, классифицированные Б. Дэнсиджиер и Л. Ванделланотт как «серийные» (например, «said no one ever», «one does not simply», «when- memes» и др. [Dancygier, Vadelanotte 2017: 569-587]), то в них функция рефлексии не реализуется, так как ни в вербальной, ни в знаковой части зачастую не присутствуют событийные или культурные компоненты. Однако функция валидации характерна для этих мемов и ее реализация содержится в повторяющихся вводных конструкциях. Наиболее явно описанные функции репрезентируются в таком типе мемов как «локальные Интернет-мемы». Этот тип практически не раскрывается в зарубежных работах, однако, в отечественных исследованиях отмечается, что локальные мемы являются «маркером сетевой социализации» и «отражают картину мира отдельного сообщества» [Коняева 2022: 88].

Заключение

Интернет-мемы открывают новые пути для исследования возможностей взаимодействия языка и социума в сетевом дискурсе. Выявлены две новые функции коммуникативных единиц, с помощью которых пользователи репрезенти-

руют культурные и событийные компоненты собственной картины мира с помощью креолизованного текста, а также устанавливают собственные границы в рамках сообществ Интернет-пространства.

Литература

Коняева Ю.М. Локальный мем как маркер сетевой социализации в онлайн-сообществе // Медиа в современном мире. Т. 1. СПб.: ООО «Медиапапир», 2022. С. 87-88.

Dancygier B., Vandelanotte L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive Linguistics. 2017. No. 28 (3). Pp. 371-380.

End of Year: Class parties // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/education/comments/13rk0i1/end_of_year_class_parties.

Grundlingh L. Memes as speech acts // Social Semiotics. 2018. No. 28 (2). Pp. 1-22.

Milosavljevic I. The phenomenon of the internet memes as a manifestation of communication of visual society – Research of the most popular and the most common types // Media studies and applied ethics. 2020. Pp. 9-27.

She did her best ok? // Reddit URL: <https://www.reddit.com/media?url=https%3A%2F%2Ffi.redd.it%2Fg4vm7de3q4j51.jpg>.

Titulaer R. Developing Conceptions of Humour: Irony and Internet Memes. Rotterdam: Erasmus University, 2020.

*Ivan I. Levochkin (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

ON THE FUNCTIONS OF ENGLISH-LANGUAGE INTERNET MEMES

Modern forms of communication are far beyond the usual oral and written forms. With the appearance of internet discourse people can react to own entourage with the help of a compressed, creolized unit – the Internet meme. The paper examines the functional aspect of the English-language memes in an interdisciplinary approach, functions of reflection and validation of the meme that determine the position of the user in Internet communicative space.

Key words: Internet meme, Internet discourse, function, event, linguoculturology

*О.В. Магировская (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
magirovskayaov@yandex.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ КОММУНИКАЦИИ И СПОСОБОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЯХ

Персонализированные электронные сообщения рассматриваются в статье как актуальный и постоянно развивающийся формат социальной Интернет-коммуникации, характеризующийся целым рядом коммуникативных и прагматических характеристик и, как следствие, актуализирующий специфические модели коммуникации и языковые и дискурсивные способы концептуализации знаний.

Ключевые слова: персонализированные электронные сообщения, модель коммуникации, концептуализация знаний

Общение посредством электронных сообщений в Интернет-мессенджерах не потеряло своей актуальности даже в эпоху высокой вовлеченности социума в

социальные сети. Оно до сих пор остается неотъемлемым компонентом современной жизни («рукотворной, информационной и социопсихоантропологической составляющей жизненного контекста человека» [Бальжирова 2003: 37], «качественно новой, конструируемой им же (человеком – *прим. наше. О.М.*) средой обитания» [Бондаренко 2007: 16]). Вследствие этого электронные сообщения выступают особой дискурсивной площадкой быстрого и естественного изменения моделей коммуникации, что позволяет рассматривать их как формат актуальных, формирующихся в глобальном Интернет-пространстве способов концептуализации знаний. Их анализ, как следствие, позволяет выявить специфику концептуальной трансформации знаний, характерной для эпохи цифрового общения, и дать ей теоретическое обоснование.

Как любой формат Интернет-коммуникации электронные сообщения приобретают и, соответственно, демонстрируют черты нового формирующегося социально-коммуникативного пространства, для которого характерны собственный стиль коммуникации, высокая степень интеракции и особые модели концептуализации знаний. Стиль данного формата коммуникации как способа общения и передачи информации, направленного на удовлетворение коммуникативных потребностей отдельных личностей и социальных групп, обусловлен предпочтениями коммуникантов в использовании определенных способов, кодов и правил коммуникации и концептуализации, которые обеспечивают их потребность в социализации и самореализации [Соколов 2002]. Соответственно, наряду с правилами стереотипного общения, которые действуют независимо от среды (реальной или виртуальной), для коммуникации в рамках персонализированных электронных сообщений характерны свои особенности и законы, по которым «живут» пользователи мессенджеров электронных сообщений. Из основных функций Интернет-коммуникации – коммуникационно-пространственной, коммуникационно-временной и коммуникационно-социализирующей [там же] именно последняя обуславливает особенности концептуализации знаний в рамках формата электронных сообщений. В основе этого типа концептуализации лежат социальные, культурные и духовные процессы, происходящие в социуме и сопровождающие восприятие и переработку информации. Именно они позволяют выстраивать особые отношения внутри малых или достаточно больших социальных групп.

Так, в отличие от общения в социальных сетях персонализированное (личностное) общение посредством электронных сообщений не является анонимным. Участники коммуникации, как правило, хорошо знакомы друг с другом. В их пресуппозиции находится большой объем знаний друг о друге, включая внешний вид, личные интересы, круг знакомых, идеологические установки, отношение к происходящему и др. В результате выбор способа концептуализации знаний является естественным, типичным для личностной коммуникации. Он является нормативным для коммуникантов и социальных групп, в которые они входят. Нормативность заключается в том, что коммуниканты создают условия реального социального поведения и общаются с помощью принятых в их социальной группе (например, молодежь, друзья, родственники и т. п.) паттернов, они

не используют механизмы новой самоидентификации и самопрезентации. Иными словами, они активируют сценарии нормативного для них коммуникативного поведения, реального социального бытия.

Специфика электронных сообщений персонализированного характера заключается также в том, что они в большинстве своем неформальные и характеризуются быстротой реагирования на вводное сообщение как стимул к началу коммуникации. Неформальный, двусторонний, моментальный характер общения, а также высокая степень разделяемого коммуникантами знания позволяют обмениваться репликами в режиме живого общения. Такая динамичность проявляется в выбираемых стратегиях языковой и дискурсивной концептуализации знаний. К наиболее частотным относятся отсутствие конвенциональных этикетных формул начала коммуникации и, как следствие, отсутствие объяснения / обоснования темы коммуникации (*У меня еще идеи для гирлянды! На улице морозы, занятия отменили, даже в магазин не сходить; Я сегодня чебурек вкусный купила; И как тебе? Мы в кино! Дозвонился? Ты как в понедельник работаешь? Книжку купила; Я на госе уже и др.*), нераспространенные или неполные предложения (*Только мандаринки; Рублей 50; Я перепроверил; А ты че? и др.*), телеграфный стиль описания ситуации одним участником (*Я уже здесь. – Одна. – Кто-нибудь подведет? – Жду*). В совокупности они (вместе с морфологическим и фонетическим упрощением и сокращением, а также фонетическим принципом орфографии) обеспечивают высокую степень компрессии концептуализируемого знания.

Возросшая частота общения (интенсивность коммуникации) в силу моментального реагирования на каждую коммуникативную инициативу и ослабление степени информативности текста сообщения приводят к тому, что ограниченность коммуникации посредством текстового сообщения уже не рассматривается в качестве лимитирующего коммуникацию условия. В свою очередь, неформальный характер коммуникации, а также обсуждение ситуаций личного характера, актуальных для конкретных коммуникантов и важных в момент общения, достаточно часто не предполагает информирования, позволяя фокусироваться на эмоциональной составляющей, на том, что происходит в рамках ситуации, участниками которой являются отправитель и получатель сообщения. Это обеспечивает своего рода легкость общения (*ахахах, пффф, ооооо, неет*), создает поле доверительности и близости (*Ладно я батончик съем. На свой страх и риск – Дим нет!!!*), с одной стороны, но часто ни к чему не обязывает, так как организована в форме игры, флирта, забавы и потому очень комфортна, неконфликтна и дружелюбна.

Легкость общения становится, таким образом, характеристикой нового формата коммуникации в Интернет-пространстве, который обладает рядом общих черт и некоторых специфичных, выступающих в качестве консолидирующих и влияющих на выработку принимаемой всеми коммуникантами нормы общения как в плане выбора прагматического вектора (например, постоянное подшучивание друг над другом, ожидание реакции от каждого общающегося), так и в плане

содержательного наполнения (например, обсуждение определенного круга вопросов). В качестве основных способов языковой репрезентации легкого, неформального, консолидирующего общения используются конвенциональные для участников конкретной социальной группы ритуальные формулы общения (*Всем привет!, Гут, И?, Щас* и др.), обценная лексика и языковые единицы разговорного и просторечного стилей (*Ну ты блин даешь! Господи, Маня! Это тупо будет мешать* и др.), эмотивной лексикой (*ахахах, пффф, вау, огонь, трэш* и др.), которые вместе с пунктуационным оформлением и активным использованием эмотикона для выражения эмоциональных реакций на обсуждаемые вопросы и эмоционального наполнения собственного текста создают высокий уровень эмотивной насыщенности всего социально-коммуникативного процесса, в который вовлечены коммуниканты.

Описанная специфика персонализированных электронных сообщений как особой коммуникативной социальной Интернет-среды, не имеющей аналогов в прошлом, позволяет исследователям говорить о редуцированности человека до набора вербальных сообщений с помощью особого языка [Горошко, 2012] и дискурсивных стратегий. В свою очередь, такая редуцированность выступает основным вектором выбора участниками коммуникации конвенциональных для формата персонализированных электронных сообщений способов концептуализации знаний и одновременно фактором, способствующим и облегчающим установление высокой степени близости коммуникантов, выстраивание и поддержание тесных, доверительных, дружественных отношений между ними.

Такая характерная особенность всех форматов Интернет-коммуникации как обратимая в персонализированных электронных сообщениях имеет свой ракурс преломления. В силу невысокой степени информативной насыщенности текста потенциал обратимости в большинстве случаев используется не для обращения к полученной информации, а как возможность повторного переживания определенной коммуникативной ситуации (лично или с друзьями).

В результате анализа языковых единиц и дискурсивных способов, используемых в электронных сообщениях, выявлено, что часть указанных средств общения упрощается, часть – усложняется. Тем не менее усложнение не рассматривается как барьер коммуникации. Оно является результатом новых паттернов концептуализации эмоций и других типов разделяемого знания.

Таким образом, с одной стороны, рассмотренный формат Интернет-коммуникации является производным от коммуникации реальной, с другой – это качественно новая коммуникативная среда, соотносящаяся и формирующая новый уровень коммуникативного сознания в условиях высокой социальности. Именно поэтому все большую актуальность приобретают исследования дискурсивных пространств цифровой эпохи, позволяющие выявлять формирующиеся модели нового коммуникативного стиля и способы концептуализации знаний в рамках активной персонализированной коммуникации, а также во многом прогнозировать дальнейшее развитие данных форматов социальной коммуникации и их влияние на коммуникацию реальную.

Литература

- Бальжирова Т.Ж. Интернет как средство социальной коммуникации в условиях формирующегося в России информационного общества: дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2003.
- Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Наука; Флинта, 2012. С. 9-52.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Михайлов, 2002.

Oksana V. Magirovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

COMMUNICATION MODELS AND CONCEPTUALIZATION MEANS TRANSFORMATION IN PERSONALIZED ELECTRONIC MESSAGES

The article proves that personalized electronic messages should be regarded as constantly developing format of social Internet communication with a number of communicative and pragmatic characteristics manifested by specific communication models and linguistic and discursive means of knowledge conceptualization.

Key words: personalized electronic messages, communication model, knowledge conceptualization

А.Г. Минченков (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
a.minchenkov@spbu.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассматриваются английские сравнительные конструкции способные выражать как реальное, так и экспрессивное сравнение. Показана решающая роль когнитивного контекста и его составляющих в идентификации типа сравнения, а также определении степени эмпазы в экспрессивных сравнительных конструкциях.

Ключевые слова: когнитивный контекст, сравнительная конструкция, скрытый смысл, эмпаза, экспрессивное сравнение, интерпретация

Исследование языковых единиц в русле когнитивной семантики предполагает выход за рамки их собственно языковых значений и привлечение всего объема знаний о языке, человеке и окружающем мире. Данный подход нашел свое отражение в понимании контекста как совокупности структур знаний, отражающих весь познавательный опыт человека и лежащих в основе формирования и интерпретации языковых значений [Болдырев 2014: 119]. Развитие и изменение знаний человека о мире оказывают непосредственное воздействие на структуру и содержание языковых единиц, как на уровне системы языка, так и в конкретных высказываниях и текстах, обуславливая вторичное осмысление отдельных единиц языка в процессах интерпретации.

Английский язык располагает большим числом разнообразных сравнительных конструкций, некоторые из которых обладают потенциалом выражения скрытых смыслов, что отмечено как в толковых словарях английского языка, так

и в работах некоторых ученых. Под скрытым смыслом мы понимаем любой смысл, не выраженный вербально в тексте, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании доступных ему знаний [Масленникова 1999: 4]. С точки зрения выражения такой разновидности скрытого смысла как скрытая эмфаза интерес представляют английские конструкции с союзом *as...as*. В толковом словаре английского языка отмечается, что конструкция с союзом *as...as* может, с одной стороны, использоваться для выражения реального сравнения путем указания на то, что некое качество в равной степени присуще двух сравниваемым объектам или лицам, а, с другой стороны, для экспрессивного выделения, как, в частности, в примере *She gets as many as eight thousand letters a month* [Collins 2014: 77]. Возможность функционирования указанных конструкций в качестве эмфатических средств также проявляется, в частности, в отмеченном словаре устойчивым выражением *as often as not* синонимичном выражению *more often than not* [там же: 1083].

Способность указанных конструкций выражать эмфазу отмечается и в ряде лингвистических и переводоведческих работ. В частности, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман обращают внимание на конструкции, включающие союз *as...as*, прилагательное в положительной степени и местоимения *any, anybody, anything*. В приведенном авторами примере указанный тип конструкции выражает экспрессивный смысл и переводится превосходной степенью [Левицкая, Фитерман 1973: 69]. На способность конструкций этого типа выражать, с одной стороны, одинаковую степень качества, а с другой – превосходную степень, обращают внимание также другие исследователи в работах, посвященных употреблению английских местоимений и экспрессивному синтаксису английского языка. Авторы подчеркивают необходимость различать реальные сравнения и псевдосравнения, отмечая при этом, что общий смысл обычно становится понятным благодаря контексту [Yemelyanova, Petrova 1997; Петрова, Куралева 2013].

Общий вывод, который можно сделать на основе краткого анализа данных толкового словаря и взглядов лингвистов на интересующие нас конструкции, состоит в том, что им свойственна семантическая амбивалентность, проявляющаяся в способности выражать в зависимости от контекста реальное сравнение (равное качество) или же экспрессивное сравнение (ложное равенство), по сути, более высокую степень качества. Однако выражаемый экспрессивный смысл является скрытым, т. е. вербально данные конструкции в случаях экспрессивного употребления мало отличаются от случаев реального сравнения. Выявление и интерпретация этого смысла в тексте может, как показывает наш анализ реальных текстов, представлять собой проблему, которая в сущности не решалась и даже не ставилась в рамках традиционной семантики при традиционном понимании контекста.

В русле когнитивной семантики, где понятие контекста, как отмечено выше, включает все структуры знаний, исследователь не может опираться только на знания об отмеченном семантическом потенциале указанных сравнительных конструкций. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы проследить, как при интерпретации сравнительных конструкций с союзом *as...as* происходит взаимо-

действие различных структур знаний, и показать, что окончательный вывод о выражаемом смысле можно сделать лишь на основе анализа всего контекста. Данное исследование представляется актуальным как для лингвистики, так и для теории перевода, поскольку позволяет выявить, в том числе, как и на основе чего субъект (переводчик) может интерпретировать скрытые смыслы в тексте, созданном на языке, не являющемся для него родным.

Как показывает проведенный анализ, выражать экспрессивные смыслы в тексте могут разнообразные конструкции с союзом *as...as*, перечень которых существенно шире, чем отмечалось ранее учеными. Помимо упомянутых выше сочетаний союза *as...as* с прилагательным в положительной степени и местоимением *any*, *anybody* или *anything* были отмечены сочетания, в которых между двумя частями составного союза *as...as* использовались сочетание прилагательного с существительным, существительное с интенсификатором *much*, один интенсификатор *much*, а также причастие II с интенсификатором. После второй части составного союза встречалось наречие *ever* и, что наиболее интересно, придаточные предложения, содержащие неопределенное местоимение типа *anyone*, наречие *anywhere* или *ever*. Наблюдаемое разнообразие конструкций с различной грамматической структурой говорит о том, что мы в большинстве случаев имеем дело не с устойчивыми сочетаниями, а с продуктивной моделью.

Рассмотрим на конкретных примерах процесс интерпретации значения интересующих нас конструкций в контексте.

(1) He loved Caroline *as much as he loved anyone*, except Ste; but he didn't allow his affection to get in the way of his merciless reporter's eye [Hadlow 2015: 74].

В примере (1) значение первой части предложения, включающей сравнительную конструкцию, вполне может быть интерпретировано так, что, поскольку герой любил всех людей (кроме Сти), он любил и Каролину, тем более что из второй части предложения (после точки с запятой) мы узнаём, что герой не позволял своим чувствам мешать профессиональным обязанностям, и это касалось всех. Однако, привлечение знаний о герое, его отношениях с другими людьми, с Каролиной и Сти, а также активация наших собственных знаний о мире и человеческих взаимоотношениях, подводит нас к заключению, что герой действительно любил Каролину, а еще больше любил своего приятеля Сти, но едва ли любил многих других людей. Общий вывод, который можно сделать на основе анализа, следующий: герой любил Каролину *больше* остальных людей, если не считать Сти, которого он любил больше всех. Сравнительная конструкция выражает экспрессивный смысл, равенство в данном случае ложное.

(2) In her comfortably appointed and, above all, very private home... the queen was *as happy as she was anywhere* [Hadlow 2015: 427].

При интерпретации примера (2) активируются знания об прежнем образе жизни королевы, моделях ее поведения и пристрастиях, что позволяет заключить, что она стремилась к уединению после бесконечных поездок вслед за мужем от одной резиденции к другой. Соответственно, можно сделать вывод, что нигде и никогда ранее королева не чувствовала себя такой счастливой, как в своем новом доме. Этот вывод подтверждается последующей цитатой автора из

дневника героини: she described Frogmore as ‘my little paradise’. Актуализируется превосходная степень эмоционального состояния.

(3) ...they had emerged from the ordeal with *as much liberty as they had perhaps ever enjoyed in their lives* [Hadlow 2015: 555].

Пример (3) представляет собой комментарий автора относительно нового положения героинь, дочерей короля. Употребление лексемы *perhaps* в нем указывает на некоторые сомнения автора относительно точности своей оценки условий их прошлой жизни, однако наши знания о том, что ранее героини были под неусыпным надзором своих родителей и *не имели вообще никакой* свободы действий, исключает возможность реального равенства, что подводит нас к заключению, что теперь, когда их отец впал в состояние безумия и не может их контролировать, их положение изменилось так, что они приобрели *большую степень* свободы, чем когда-либо ранее.

(4) His inability to deliver an outcome that he believed was both right and just instilled in him an anger and unhappiness *as acute as anything felt by his wife* [Hadlow 2015: 274].

Анализ примера (4) демонстрирует особую трудность различения реального и ложного равенства. В тексте есть указания на то, что чувства жены также отличались остротой. Вывод о том, что, по мнению автора, муж был в *более сложном* эмоциональном положении, можно сделать лишь после тщательного анализа описываемых реалий и взглядов автора с привлечением собственных знаний и логических заключений на основе имеющихся данных.

В целом проведенный анализ демонстрирует решающую роль когнитивного контекста при интерпретации сравнительных конструкций с союзом *as...as*. Использование максимально доступного интерпретатору объема знаний, включающих знание о всех описываемых в тексте событиях, персонажах и реалиях, собственные знания интерпретатора о языке и мире, знание взглядов автора, а также знания, полученные путем логических выводов на основе имеющихся знаний, позволяет, во-первых, идентифицировать сравнение как реальное или экспрессивное и, во-вторых, в случаях, когда конструкция идентифицирована как эмфатическая, градуировать степень эмфазы от более высокой до превосходной.

Литература

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 6 (335). С. 118-122.

Левецкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1973.

Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: СПбГУ, 1999.

Петрова Е.С., Куралева Т.В. Экспрессивный синтаксис английского языка: повышенный уровень сложности. Ч. I. СПб.: СПбГУ, 2013.

Collins Cobuild Advanced Learner's Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 2014.

Hadlow J. The Strangest Family. London: William Collins, 2015.

Yemelyanova O.V., Petrova E.S. The Pronoun in Modern English. СПб.: СПбГУ, 1997.

*Alexey G. Minchenkov (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

ROLE OF COGNITIVE CONTEXT IN INTERPRETING ENGLISH COMPARATIVE STRUCTURES

The paper discusses English comparative structures capable of expressing both real and expressive comparison. It is shown that cognitive context and its constituents play a decisive role in identifying the type of comparison and determining the degree of emphasis in expressive comparative structures. *Key words:* cognitive context, comparative structure, hidden meaning, emphasis, expressive comparison, interpretation

С.И. Мозговой (Омск, Россия)

*Омский государственный медицинский университет
simozgovoy@yandex.ru*

А.В. Кононов (Омск, Россия)

*Омский государственный медицинский университет
profav-kononov@mail.ru*

А.Г. Шиманская (Омск, Россия)

*Омский государственный медицинский университет
shimanskaya.anna@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ПАТОМОРФОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПО БИОПСИЙНО- ОПЕРАЦИОННОМУ МАТЕРИАЛУ: МОЖНО ЛИ ИЗБЕЖАТЬ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ?

Рассматриваются типичные для патоморфологического заключения по биопсийно-операционному материалу слова и фразы, выражающие разную степень уверенности и достоверности. По результатам анкетирования врачей выявляется сильная вариабельность оценки уверенности / достоверности при интерпретации заключений, содержащих данные языковые средства. Приводятся рекомендации по совершенствованию применения модальных средств в профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: модальность, медицинское заключение, патоморфологическое заключение, медицинский дискурс, интерпретация, достоверность, уверенность

Патологоанатомическое заключение по результатам прижизненного исследования биопсийного (операционного) материала представляет собой сложный коммуникативный феномен, сочетающий, с одной стороны, тенденцию к максимальной стандартизованности, объективности, точности, а с другой – необходимость отражения исследовательского, персонального авторского взгляда специалиста с учетом всего спектра факторов, влияющих на формирование диагностического ответа. Данная особенность даже отражена в профессиональных руководствах и приказах по изучаемому вопросу: ср. «стандарту необходимо следовать в своей работе как врачу-клиницисту, так и патологоанатому» [Пальцев и др. 2006: 8] и «взятие биопсийного (операционного) материала производится по медицинским показаниям в рамках оказания пациенту медицинской помощи со-

ответствующего профиля в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, на основе стандартов медицинской помощи и с учетом клинических рекомендаций (протоколов лечения)» [Приказ министерства здравоохранения 2016].

Патологоанатомическое заключение так или иначе основано на интерпретации врачом-патологоанатомом определенного фрагмента ткани или органа (исследуемого материала) и, в свою очередь, предназначено для последующей интерпретации врачом-клиницистом, но не пациентом. Отношение автора и реципиента медицинского текста к сообщаемой информации и к действительности, которая стоит за этой информацией, становится в жанре патологоанатомического заключения важнейшим фактором, оказывающим влияние на стратегию и тактику лечения пациента.

Широко распространенной практикой в медицинском дискурсе в целом и в патологоанатомическом заключении в частности является использование языковых средств («фраз-модификаторов» [Prieto et al. 2022; Amin et al. 2021]), отражающих персональный уровень уверенности в конкретном заключении (диагнозе) со стороны врача-патологоанатома, но в тоже время для реципиента информации (клинициста) характеризующих достоверность наличия патологического состояния / заболевания. В патологоанатомических заключениях типичным является использование широкого спектра таких слов и фраз, обозначающих разную степень уверенности и достоверности: от уровня абсолютной уверенности в наличии признака/заболевания («достоверные диагностические признаки...») до полного отрицания достоверности того или иного факта («нет / отсутствия признаков...»).

В ведущих современных работах, отражающих характер использования такой дополнительной информации в заключениях врачей Западной Европы и США, стандартизованный исследовательский перечень средств выражения достоверности и уверенности обычно довольно ограничен и сводится к оборотам типа *более всего согласуется / соответствует..., (сильное) подозрение в отношении, предположительно / наводит на мысль о...* [Prieto et al. 2022; Amin et al. 2021].

Таким образом, в медицинской коммуникации важное значение имеет отношение врача к объективной действительности, а также к содержанию собственного заключения, что, на наш взгляд, может быть рассмотрено в аспекте модальности – категории, которая управляет «процессом интерпретации высказывания» [Зеленщиков 1996: 226]. Представляется странным, что к настоящему времени категория модальности в медицинском дискурсе не нашла подробного лингвистического описания. Опубликовано лишь несколько работ, в которых анализируются отдельные аспекты реализации данной категории [Пуховская 1995; Сидорова 2008; Афанасова 2016], причем большинство работ выполнено на материале иностранных языков.

При этом категория модальности хорошо исследована на материале публицистики и художественной литературы. В большинстве работ выделяется два вида модальности: объективная – выражение отношения субъекта речи к действительности и субъективная – выражение отношение говорящего к сообщению; при этом субъективная и объективная модальности имеют глубинную связь [Кукса 2008:

60]: «...с точки зрения когнитивной лингвистики... объективная и субъективная модальности не противопоставляются, а предполагают и обуславливают друг друга» [Бородавкина 2012: 138]. Так, исследователи отмечают, что модальные слова типа *конечно, безусловно* и др. «не вносят изменений в персуазивную характеристику предложения... они служат знаком того, что говорящий по каким-то причинам настаивает на своей оценке информации» [Краснова 2007: 92]. Соответственно, далеко не всегда возможно установить зависимость «между степенью достоверности содержания... и степенью уверенности адресанта в сообщаемом...» [Кукса 2008: 60], которая «...обусловлена скорее функцией текста и коммуникативной задачей его автора» [там же]. В ряде случаев при несовпадении степени достоверности и уверенности говорящего модальные средства могут выступать как приемы речевого воздействия на адресата, а применительно к медицинскому дискурсу – служить своеобразной страховкой от неверной интерпретации, стремлением компенсировать все возможные существующие факторы, влияющие на оценку как уровня уверенности в заключении (диагнозе), так и в достоверности наличия патологического состояния / заболевания в принципе. Особую сложность привносит применение дополнительных модальных средств по отношению к уже ранее использованным в попытке «улучшить» понимание и «конкретизировать» уровень уверенности / достоверности, что приводит к таким сложно интерпретируемым и часто нарушающим лексические нормы фразам как *несмотря на наличие некоторых признаков..., его вероятность крайне маловероятна*.

В ходе нашего исследования из 500 случайно выбранных патологоанатомических заключений были выделены те, в которых содержатся модальные средства выражения уверенности и достоверности. Таких заключений оказалось 172 (то есть 34% от общего числа рассматриваемых документов). Был сформулирован перечень из 12 наиболее часто используемых слов и фраз: 1) достоверно не определяется / не выявлено; 2) сомнительный / сомнительные признаки; 3) наводит / наводящий на мысль о...; 4) сходный с...; 5) нельзя / не позволяет исключить; 6) минимальные признаки; 7) подозрительный в отношении; 8) по (формальным) критериям сходным с...; 9) типичная картина; 10) вероятный / возможный; 11) наиболее вероятный / возможный; 12) достоверно определяется / выявлен. Далее по аналогии с цитируемыми ранее работами был использован простой опросник для оценки степени уверенности врачей и достоверности в постановке диагноза в зависимости от данных слов / фраз по простой 10-балльной ранжированной шкале: от 0 – отсутствие, до 10-100% – обязательное наличие признака / заболевания. В исследовании принимало участие 25 врачей (15 патологоанатомов и 20 клиницистов-терапевтов общей практики и гастроэнтерологов).

В результате исследования был выявлен высокий уровень вариабельности оценки уверенности / достоверности по каждой из представленных фраз, отраженный в терминах дескриптивной статистики в виде сравнительно широкого межквартильного интервала при следующей балльной оценке: от 3 для фразы «достоверно определяется» до 6 (!) для фразы «сходный с...».

Очевидно, что хаотичное, несистемное использование разнородных модальных средств вносит существенные помехи в профессиональную коммуникацию. В качестве возможных вариантов решения проблемы нам видятся следующие:

- строгое ограничение использования данных слов и выражений в отдельной рубрике протокола диагностического исследования («дополнительные замечания»);
- предложение четкого, фиксированного списка модальных средств;
- введение алгоритмизированной трактовки их значения применительно к конкретным диагностическим ситуациям / нозологическим формам;
- регламентированный переход с нарративно-описательного формата протокола исследования и заключения к модели формализованного синопсиса и шаблона, в которых не допускаются вариации;
- введение в заключение количественных доказательных параметров, отражающих уровень уверенности, что предложено в работе международного коллектива авторов [Prieto et al. 2022].

Литература

- Афанасова В.В.* Модальность в медицинском дискурсе как средство увеличения эффективности коммуникации врача и пациента // Россия и Запад: диалог культур. 2016. № 12. С. 87-93.
- Бородавкина Е.А.* Объективная модальность как инструмент манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 7. № 1. С. 137-149.
- Зеленищев А.В.* Пропозиция и модальность. СПб.: СПбГУ, 1997.
- Краснова Т.И.* Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение: Материалы лекционного курса. СПб.: Сударья, 2007.
- Кукса И.Ю.* Средства выражения модального значения уверенности / неуверенности в текстах газет первой половины XIX века // Вестник РГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 8. Филологические науки. С. 59-64.
- Пальцев М.А., Автандилов Г.Г., Зайратьянц О.В., Кактурский Л.В., Никонов Е.Л.* Правила формулировки диагноза. Ч. 1. Общие положения. М.: Росздравнадзор; ММА им. И.М. Сеченова; МГМСУ; НИИ морфологии человека РАМН, 2006.
- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 марта 2016 г. N 179н «О Правилах проведения патологоанатомических исследований» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://www.patolog.ru/news/prikaz-minzdrava-rf-no-179-n-ot-24032016-g-o-pravilah-provedeniya-patologoanatomicheskikh>.
- Пухова И.Ю.* Модальные значения сложного предложения в научной (медицинской) речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1995.
- Сидорова Н.Ю.* Побудительные и оценочно-модальные речевые действия в медицинском дискурсе // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 2. 2008. № 1 (7). С. 171-174.
- Amin A., De Lellis R.A., Fava J.L.* Modifying phrases in surgical pathology reports: introduction of Standardized Scheme of Reporting Certainty in Pathology Reports (SSRC-Path) // Virchows Arch. 2021 Nov. 479 (5). Pp. 1021-1029.
- Prieto V.G., Vollmer R.T., Shea C.R.* Use of modifying phrases in surgical pathology reports: is there a different understanding between pathologists and treating physicians? // Virchows Arch. 2022 Nov. 481 (5). Pp. 759-766.

Sergei I. Mozgvoi (Omsk, Russia)

Omsk State Medical University

Alexei V. Kononov (Omsk, Russia)

Omsk State Medical University

Anna G. Shimanskaya (Omsk, Russia)

Omsk State Medical University

THE USAGE OF MODALITY EXPRESSIONS IN SURGICAL PATHOLOGY REPORT: IS IT POSSIBLE TO AVOID COGNITIVE DISTORTION?

The words and phrases typical for surgical pathology report that express different degrees of certainty and reliability are considered. The results of the questionnaire survey of physicians reveal a strong variability in the assessment of certainty / reliability when interpreting the report's conclusions containing these linguistic means. Recommendations for improving the usage of modal means in professional communication are given.

Key words: modality, medical report, surgical pathology report, medical discourse, interpretation, reliability, certainty

Л.А. Панасенко (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина

laptop74@mail.ru

АССОЦИАТИВНЫЙ ФОРМАТ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИКИ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ВТОРИЧНЫХ СТРУКТУР В ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается реализация ассоциативного формата знания как социально-ориентированного модуля интерпретирующего потенциала лексики. На материале политического дискурса описан процесс активации схем, лежащих в основе концептуализации политических реалий. Рассмотрен общий когнитивный механизм инференции, частные когнитивные механизмы формирования вторичных структур и их функции.

Ключевые слова: ассоциативный формат знания, интерпретирующий потенциал лексики, схемы интерпретации, когнитивные механизмы, дискурс

Смыслорождающий потенциал языка в когнитивном плане обеспечивается интерпретирующей функцией человеческого сознания. В связи с этим способность лексических единиц выступать средством вторичной интерпретации обусловлена их функцией первичной интерпретации мира, результатом которой становится формирование лексических категорий [Болдырев 2019]. Концептуальное основание последних представляет собой схематизированный опыт человека по освоению мира во всем его многообразии, воспроизводимый как исходный концептуальный субстрат для определенного конфигурирования в процессах вторичной интерпретации.

Знание объектов, явлений, событий окружающего мира, заложенное в лексической семантике языка, может быть описано в терминах онтологически ориентированного модуля и социально-ориентированного модуля. Онтологически ориентированный модуль выступает результатом обработки информации, посту-

пающей по каналам чувственного восприятия, что связано с осмыслением собственно онтологических свойств объектов и явлений. Такое знание может быть описано в терминах форматов перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов, операционального опыта (подробнее см. в [Панасенко 2014]).

Социально-ориентированный модуль выступает как ассоциативный формат знания, который отражает наше осмысление объектов и явлений как включенных в определенные контексты жизнедеятельности человека, например, культурный, литературный, исторический. Именно это знание активизируется в ходе семиозиса и выступает необходимым концептуальным фоном для адекватного восприятия языковых форм адресатом. Таким образом, процессы интерпретации, определяемые как кодирование и декодирование смысловых структур, создаваемых на основе вторичного осмысления соответствующих лексических единиц, реализуются при обращении говорящего и слушающего к информационным блокам, стоящим за лексикой, т. е. обеспечиваются общим когнитивным механизмом инференции.

В психолингвистике инференция понимается как процесс семантического вывода, переработки воспринимаемого семантического содержания [Суворова, Мягкова 2019]. При этом особо подчеркивается такая специфика механизма инференции как интеграция лингвистического и экстралингвистического компонентов, объединение данных семантического, физиологического, эмоционального и оценочного характера.

Реализация ассоциативного формата знания лексических единиц предполагает, что ведущими когнитивным компонентом выступают экстралингвистические данные, формирующие когнитивный контекст, в рамках которого профилируется необходимый для интерпретации информационный элемент. Ассоциативный формат знания активизируется в виде схем за счет частных когнитивных механизмов. Далее рассмотрим примеры реализации интерпретирующего потенциала данного формата на материале англоязычного политического дискурса. В качестве основополагающих схем языковой интерпретации политических реалий выступают интеракционная и реляционная схемы, которые обеспечивают формирование вторичных смысловых структур идентифицирующего и характеризующего типа для интерпретируемых доменов «межгосударственные отношения», «внутригосударственное положение дел», «профессиональные действия политика». Например:

1) *The Thucydides Trap*: Are the U.S. and China Headed for War? [URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756>.];

2) But Trump also has to worry about *the «Kindleberger Trap»*: a China that seems too weak rather than too strong [URL: <https://www.belfercenter.org/publication/kindleberger-trap>.];

3) U.S. and Chinese officials have not commented overtly on the collapse of their *panda diplomacy* and what it says about the tattered state of the two countries' relationship [URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2023/11/07/panda-diplomacy-china-us-zoo>.].

Осмысление описываемых в данных примерах событий требует обращения к историческому (1, 2) или культурному (3) контекстам. Так, в процессе инференции знания об исторических личностях (Thucydides / Фукидид и Kindleberger / Киндлбергер) и символического значения объекта (panda / панда) формируются идентифицирующие смысловые структуры, определяющие характер межгосударственных отношений. В основе интерпретации лежит интеракционная схема (ИНТЕРАКЦИЯ), базирующаяся на паттернах социального взаимодействия. Так, выражение *Thucydides trap / ловушка Фукидиды* было предложено американским политологом Г. Аллисоном для описания ситуации столкновения Америки и Китая в борьбе за мировое лидерство по аналогии с моделью политической ситуации, сложившейся между Спартой и Афинами, описанной древнегреческим историком Фукидидом. Выражение *Kindleberger trap / ловушка Киндлбергера* репрезентирует ситуацию, в которой Китай, получив статус мировой державы, не сможет обеспечивать глобальные общественные блага, по аналогии с ситуацией, описанной американским экономистом Ч. Киндлбергером, когда в 1930-е гг. Америка, заняв место Великобритании в качестве мирового лидера, не создала условия для глобального развития. Термин *panda diplomacy / панда-дипломатия* объективирует представление об особом расположении Китая к другим странам, получающим панду в качестве «дипломатического подарка», на том основании, что панда является национальным символом Китая. Профилирование этого информационного элемента обеспечивает формирование смысловой структуры по метонимическому принципу.

В основе интерпретации внутрисударственного положения дел может лежать реляционная схема (РЕЛЯЦИЯ), представляющая паттерны реакции объекта на внешние стимулы или условия. Например:

4) Government officials say the Bill will result in *the 'Big Bang 2.0'* of regulatory change (the first 'Big Bang' being in 1986 when Thatcher deregulated The City) [URL: <https://zeah.us/beware-the-uks-big-bang-2-0-of-financial-reform-p5f31313733-33>];

5) In more general terms, *the Rose Revolution* was a revolt against corruption and kleptocratic government [URL: <https://www.usip.org/publications/2006/07/georg-ias-rose-revolution-participants-perspective>].

В приведенных примерах в качестве ассоциативного знания выступает исторический контекст, активизация которого позволяет интерпретировать происходящие в общественной жизни страны изменения экономического и политического характера. Так, выражение *Big Bang 2.0* (4) на основе механизма мультипликации идентифицирует специфику результата проводимых в Великобритании реформ в финансовой сфере за счет параллельной активизации представления об аналогичной ситуации в стране в 1986 г. Тогда Лондон стал мировым финансовым центром после удачной реформы М. Тэтчер лондонского City, получившей название *Big Bang*. «Цветные» названия революций, например, *Rose Revolution* (5), обозначающие смену власти, в своем большинстве идентифицируют процессы бескровного и ненасильственного свержения власти. Такие смысловые структуры порождаются метонимически на основе знания символа государства или атрибутики политического события.

Интерпретация профессиональных действий политика может также основываться на реляционной схеме (РЕЛЯЦИЯ), но, как правило, предполагает формирование вторичных структур характеризующего типа, включающих индивидуальную оценку говорящего. Например:

6) But in too many critical respects, President Biden has been *Bambi's baby brother*. He won't give President Zelensky what he needs to fight the war [URL: <https://www.foxnews.com/media/john-kennedy-ukraine-zelensky-biden-russia-weakness>];

7) In typical fashion, he then added in a reference to ancient history, which he studied at Oxford University, saying: «And, like *Cincinnatus*, I am returning to my plough» [URL: https://www.huffingtonpost.co.uk/entry/boris-johnson-goodbye-speech-cincinnatus-reference_uk_6316f742e4b0faa556c06a74].

В данных примерах активируются структуры знания, связанные с культурным (6) и историческим (7) контекстами. Обращение к образу мультипликационного персонажа Бэмби дает возможность говорящему за счет механизма метафоры реализовать негативную оценку действий американского президента как некомпетентного политика (6). Активация знания о Цинциннате, римском военачальнике, который оставил пост диктатора и вернулся к занятиям сельским трудом, после того, как выполнил свой гражданский долг по защите Рима от врагов, позволяет говорящему за счет механизма сравнения сконструировать положительный образ политика, придать значимость своим политическим действиям (7).

Таким образом, ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексики активируется в процессах вторичной интерпретации как схематизированное знание объектов и явлений, включенных в исторический и культурный контексты, что становится возможным за счет общего когнитивного механизма инференции, обеспечивающего необходимый семантический вывод.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Суворова Е.В., Мязкова Е.Ю. Принципы инференции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 116-123.

*Lyudmila A. Panasenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

ASSOCIATIVE FORMAT OF THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF LEXIS AS A COGNITIVE BASIS OF SECONDARY STRUCTURES IN DISCOURSE

The article discusses the implementation of the associative format of knowledge as a socially oriented module of the interpretive potential of lexis. The process of activation of schemas underlying the conceptualization of political realities is described on the material of political discourse. The general cognitive mechanism of inference, particular cognitive mechanisms of the formation of secondary structures and their functions are considered.

Key words: associative format of knowledge, interpretive potential of lexis, interpretation schemas, cognitive mechanisms, discourse

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ТОЧКИ ОТСЧЕТА В ДИСКУРСЕ СУДЕБНОГО ШОУ

В статье рассматривается организация дискурса судебного шоу с точки зрения когнитивных механизмов. В частности, большое внимание уделено изучению когнитивного механизма точки отсчета в дискурсе судебного шоу. В качестве примеров приведены отрывки из российского судебного шоу «Дела судебные с Алисой Туровой», «Суд присяжных: главное дело», а также из американского судебного шоу *Judy Justice*.

Ключевые слова: судебное шоу, когнитивный механизм, дискурс, точка отсчета, коммуникативно-когнитивное пространство

Судебные шоу представляют собой разновидность телевизионных передач, в которых имитируется или изображается судебный процесс. Судебное шоу относится к гибриднему жанру, сочетающему юридический и медийный телевизионный дискурсы, что приводит к образованию гибридного жанра популярно-юридического дискурса [Соловьева, с. 368]. Основная цель заключается в правовом просвещении граждан, необходимым для формирования у зрителей данного жанра системы знаний, относящихся к сфере юриспруденции и права.

Судебному шоу как гибриднему жанру присуще наличие собственного коммуникативно-когнитивного пространства. Д.В. Абу-Талеп отмечает, что коммуникативно-когнитивное пространство играет важную роль, так как способствует формированию творческой личности, которая открыта к познанию объективного мира и усвоению новых когниций [Абу-Талеп 2020: 3]. При этом ученым подчеркивается недостаточность исследования создания коммуникативно-когнитивного пространства. Анализируя понятие коммуникативно-когнитивного пространства, М.А. Голованева отмечает, что оно представляет собой среду «формирования, существования и функционирования коммуникативных и когнитивных составляющих» [Голованева 2013: 15]. Согласно исследователю, одной из ключевых составляющих коммуникативно-когнитивного пространства является дискурсивное сознание реципиента, состоящее из трех элементов: когнитивной деятельности, коммуникативной деятельности и речевой деятельности. О.А. Крапивкина подчеркивает, что речевое действие выбирается коммуникантом в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой он оказался, а также в соответствии с правилами, которые выработаны в определенном дискурсивном сообществе [Крапивкина 2017: 22].

Изучая понятие дискурса, Р.Р. Исакова утверждает, что дискурс представляет собой как когнитивное явление, так и коммуникативное. Объясняется это тем, что дискурс связан не только с передачей определенных знаний, но и с процессом обмена информацией, происходящим между участниками коммуникации [Исакова 2013: 8]. При этом Т.С. Галич в своей работе указывает на то, что в основе дискурса находится «всеобъемлющее понятие когниции как познавательного процесса», благодаря которому перерабатывается информация, которую

участники коммуникации осмысливают и используют [Галич 2018а: 10].

Важным также является подчеркнуть идею исследователя относительно того, что знания участников дискурса позволяют им выстраивать коммуникативно-когнитивное пространство на основе воспринимаемой действительности [там же: 11]. В связи с этим стоит отметить важность наличия у участников судебных шоу фоновых знаний.

Как утверждает Т.М. Матвеева, фоновые знания активизируются в процессе прохода стадий выбора точки отсчета, а также формирования когнитивной опоры [Матвеева 2013: 109]. Стадия выбора точки отсчета, согласно исследователю, предполагает соотнесение нового знания с точкой отсчета – «когнитивной точкой референции» [там же]. Иными словами, реципиент осуществляет поиск определенного ориентира, на основе которого в дальнейшем будет происходить осмысление новой поступающей информации.

Рассуждая о точке отсчета в отношении судебного шоу, можно предположить, что «ориентиром» в данном случае будут являться знания участников и зрителей телевизионной программы из сферы юриспруденции и права, позволяющие проще и понятнее интерпретировать происходящие в зале судебного заседания процессы, а также усваивать новую информацию относительно организации и реализации судебных разбирательств, что отвечает цели телевизионных программ данного жанра.

Галич отмечает, что по большей части механизм точки отсчета ориентирован на телезрителей. Связано это с тем, что в отличие от лиц, принимающих участие в ток-шоу, телезрители не владеют информацией о формате, времени или тематике шоу. В этой связи, необходимо, чтобы информация, известная участникам ток-шоу, также была включена в систему знаний зрителей телевизионной передачи [Галич 2018б: 74].

Анализируя дискурс ток-шоу, к которым также относятся судебные шоу, Галич отмечает, что когнитивный механизм точки отсчета позволяет организовать дискурс ток-шоу «вокруг единого содержательного центра..., конкретных пространственно-временных рамок, а также систем знаний участников дискурса» [там же: 14]. Эти компоненты передаются с помощью лексических единиц временной и пространственной семантики, приглашенных гостей, их профессии, определенной тематики.

Отмечается, что «действие данного механизма представлено в начальной фазе ток-шоу» [там же 2018: 73]. В качестве модели механизма точки отсчета, согласно Галичу, может выступить представление ведущего шоу, определение времени рассматриваемого события, краткая информация об участниках шоу. Иными словами, речь идет о той информации, которая позволила бы определить основные элементы дискурсивного знания. В случае с судебным шоу моделью механизма точки отсчета послужит вводная часть, присутствующая в начале выпусков судебного шоу.

Например, выпуски судебного шоу «Дела судебные с Алисой Туровой» начинаются с краткого представления участников и сути судебного процесса, который будет рассматриваться в рамках передачи. Так, один из выпусков этого

шоу начинается со слов за кадром:

«Сегодня в программе...четырнадцатилетняя девочка...решила потребовать алименты»

Помимо этого, в начале выпуска представлен также отрывок передачи, в котором показывают упомянутую участницу шоу. Как следует из примера, вводная часть судебного шоу позволяет выявить временную информацию (сегодня в выпуске) и основные характеристики участников (участницей является девочка-подросток в возрасте четырнадцати лет), что соответствует представленной Галич когнитивной модели механизма точки отсчета.

В американском судебном шоу *Judy Justice* также присутствует вводная часть в начале эпизодов шоу. Так, один из выпусков начинается со следующих слов:

«Ashley Roberson is suing her former boyfriend, Ronne Readus, for totaling her car and stealing money» (Эшли Роберсон подала в суд на своего бывшего молодого человека Ронна Ридуса за то, что тот разбил ее машину и украл деньги (перевод наш – А.П.).

Эта информация позволяет реципиенту составить представление относительно того, какое именно дело будет рассмотрено в рамках судебного процесса в данном выпуске (кража денежных средств и нанесение вреда имуществу), а также ознакомиться с тем, какие участники будут представлены (Эшли Роберсон и Ронн Ридус, которые состояли ранее в близких отношениях), что также является примером когнитивной модели механизма точки отсчета.

Однако не во всех судебных шоу присутствует точка отсчета в том виде, в котором она представлена в рассмотренных выше отрывках судебных шоу «Дела судебные с Алисой Туровой» и *Judy Justice*. Например, выпуски судебного шоу «Суд присяжных: главное дело» под названием «Одноклассницы» и «Дело о квартирантах» начинаются не с краткой вводной информации о рассматриваемом деле и его участниках, а с показа момента совершения преступления. Начальная фаза не дает исчерпывающей информации об участниках выпуска, а также не обозначает временных рамок рассматриваемого дела. При этом отметим, что этот вариант точки отсчета позволяет наглядно представить телезрителю суть рассматриваемого в выпуске дела, так как подобная вводная часть показывает момент совершения преступления, действия лиц непосредственно до него и самих задействованных в нем людей. В этом варианте начальной фазы судебного шоу присутствуют преимущества, заключающиеся в том, что наглядное представление преступления полезно для составления полной картины сути рассматриваемого дела: у телезрителя есть возможность ознакомиться с некоторыми деталями преступления еще до момента показа хода судебного заседания и допроса свидетелей.

Помимо когнитивного механизма точки отсчета, Галич выделяет в том числе когнитивный механизм объективации, позволяющий сформировать систему объективного знания о том, что именно рассматривается в конкретном выпуске ток-шоу [Галич 2018: 16]. Достичь этого позволяют такие лексические единицы, которые указывают на конкретное лицо или событие. Так, приведенный пример из шоу «Дела судебные с Алисой Туровой» содержит в себе лексические

единицы, указывающие на конкретное лицо – *четырнадцатилетнюю девочку*, тогда как лексические единицы из примера, взятого из американского шоу *Judy Justice*, указывают на конкретное событие – *Ронн Ридус разбил машину Эшли Роберсон и украл у нее деньги*.

Таким образом, приведенные примеры из российского и американского судебных шоу соответствуют не только когнитивной модели механизма точки отсчета, но также когнитивной модели механизма объективации. Когнитивный механизм точки отсчета играет важную роль в судебных шоу, способствуя лучшей дальнейшей интерпретации судебного разбирательства. Точка отсчета является вводной частью судебного шоу, однако она может быть представлена в различных форматах, каждый из которых обладает своими преимуществами.

Литература

- Абу-Талеб Д.В.* Коммуникативно-когнитивное пространство в эпоху метамодерна // Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов. 2020. Вып. 21. С. 478-492.
- Галич Т.С.* Когнитивные механизмы организации дискурса ток-шоу: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018а.
- Галич Т.С.* Особенности когнитивной организации дискурса ток-шоу: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018б.
- Голованева М.А.* Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.
- Исхакова Р.Р.* Когнитивно-прагматический аспект модальности в судебном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.
- Кративкина О.А.* Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных Телешоу) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 46. С. 21-30.
- Матвеева Т.М.* Когнитивные механизмы представления перцептивной информации в языке профессиональных дегустаторов (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 31 (322). С. 108-110.
- Соловьева Ю.О.* Речевое поведение российской судьи в телевизионном судебном шоу // Медиалингвистика. 2023. Вып. 10. С. 367-371.

Anastasiia V. Piskareva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE COGNITIVE MECHANISM OF REFERENCE POINT IN COURT SHOW DISCOURSE

This article examines the organization of court show discourse in terms of cognitive mechanisms. In particular, much attention is paid to the study of the cognitive mechanism of the reference point in the discourse of the court show. The Russian court show “Judicial Affairs with Alisa Turova”, “Trial by Jury: The Main Case”, as well as the American court show *Judy Justice* are given as examples. *Key words:* court show, cognitive mechanism, discourse, reference point, communicative-cognitive space

ЯЗЫКОВОЙ ОБЛИК ГОРОДА КАК КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На основе экспериментально полученных данных в статье предпринимается попытка реконструировать модель комплекса когнитивных оснований использования иноязычных вывесок как значимой части языкового облика города. Реконструированная посредством лингвокогнитивного анализа модель представляет собой четырехчастную структуру, включающую когнитивные основания, соотносящиеся с потребительскими мотивами целевых социальных групп. *Ключевые слова:* знаковая социальная среда, языковой облик города, иноязычная вывеска, лингвокогнитивное моделирование

Произошедшие на рубеже веков системные социально-экономические изменения повлекли за собой преобразование среды обитания россиян, что, в частности, нашло выражение в появлении различных торговых сетей и иных коммерческих предприятий, превративших сферу потребления в одну из основных сфер социального взаимодействия [Банникова 2010; Китайцева 2010; Кузнецова 2010; Николаева 2010; Якушенко 2010]. На наш взгляд, потребление товаров и услуг, как и любой другой социальный процесс, непредставимо без трансляции знания. Представляется, что именно при таком подходе возможно более глубокое понимание сущности потребления – не как утилитарной деятельности по удовлетворению потребностей, а как деятельности когнитивной, использующей такой канал общения между производителем (посредником) и потребителем, который «предоставляет способ маркирования своей включенности в знаковую социальную среду» [Лычковская 2010: 213]. В этом отношении можно говорить о знаковом облике города как существенной части знаковой социальной среды, создаваемой, в частности, посредством многочисленных вывесочных комплексов, участвующих в конструировании особого языкового и, соответственно, когнитивного пространства для осуществления социальной коммуникации.

Экстраполируя мысль Т. Данта о вещах как проводниках социального опыта на вывески, можно со всей определенностью сказать, что они являются проводниками смыслов потребления товаров и услуг и тем самым «вписывают» индивидов в определенный социальный и исторический контекст [Dant 2000]. Принципиально важной для нашего подхода является и мысль Ж. Бодрийара о том, что понимание потребления должно исходить из того, как через значения в этой сфере осуществляется «социальная демонстрация» [Бодрийар 2000: 9]. Поэтому, если приложить и эту идею к знакам вывесок как носителям значений, то можно увидеть и другую грань знакового (языкового) облика города: транслируя определенное знание с помощью вывесок, коммерческие предприятия сегментируют социальное пространство города – обозначают и себя, и группы «своих» потребителей. Иными словами, маркируя коммерческое предприятие как объект социального пространства, вывеска позволяет состояться коммуникативному акту

между производителем (посредником) и потребителем. В свете коммуникативного акта о вывеске можно также сказать, что транслируемое ею знание – это «некий message, нарратив, обещание реализации желаемых переживаний» [Тулчинский 2010: 349].

Следует отметить, что за последние два десятилетия в языковом облике российских городов появилось значительное количество иноязычных знаков. Так, проведенное нами методом сплошной выборки обследование вывесок центрального проспекта г. Барнаула показало, что из 528 вывесок 183, или 35% от общего количества, выполнено на иностранных языках, главным образом на английском. Полученные статистические данные не только убедительно говорят о наличии определенной тенденции в организации языкового облика города, но и ставят ряд вопросов. Поскольку знание иностранных языков потребителями можно охарактеризовать в целом как невысокое, возникает закономерный вопрос о том, какой именно message «считывается» ими при восприятии иноязычных знаков? Сказанное позволяет сформулировать цель настоящего исследования как заключающуюся в реконструкции комплекса когнитивных оснований использования иноязычных вывесок владельцами городских коммерческих объектов через призму того знания, которое извлекается потребителями при их восприятии.

На наш взгляд, наиболее достоверные в этом отношении данные можно получить исключительно от самих потребителей как активных участников «потребительской» коммуникации. С этой целью в апреле 2023 г. 60 студентам Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, был предложен открытый вопрос: «Как Вы думаете, почему для названия некоторых городских объектов и пояснительных надписей используются иноязычные слова и словосочетания?» Языковой материал, полученный на основе реакций респондентов, имевших благодаря примененной методике ничем не ограниченную возможность вербализации сформированных ментальных структур, позволил реконструировать построенную в их сознании модель когнитивных оснований включения в языковое пространство города иноязычных знаков с целью трансляции определенного социального знания.

При помощи проведенной реконструкции удалось определить, что в качестве основного когнитивного основания использования иноязычных вывесок респондентам видится их статусность. Иными словами, иноязычные вывески транслируют большинству участников эксперимента (41,7% от общего количества респондентов) знание о высоком статусе соответствующих коммерческих предприятий. Они выделяют такие предприятия на фоне других городских объектов, придавая им более «презентабельный», «европейский», «стильный» вид, что создает впечатление «импортности» и «брендовости» и, соответственно, «престижности» товаров и услуг (см. Рис.). Из этого следует, что иноязычные вывески в определенном смысле участвуют в осуществлении социального сегментирования городского пространства, поскольку для потребителей, стремящихся к повышению собственного статуса, важен и статус коммерческого объекта, в который они приходят за товаром или услугой. Поэтому, апеллируя к

определенным потребительским мотивам, иноязычная вывеска соответствующим образом позиционирует предлагаемые товары и услуги и помещает их в систему социальных координат.

Рис. Когнитивные основания использования иноязычных вывесок.

В качестве второго по частотности когнитивного основания использования иноязычных вывесок (28,4%) нами была выведена их аттрактивность, связываемая респондентами со стремлением предпринимателей придавать городским объектам такой вид, который бы «привлекал внимание» потенциальных русскоязычных потребителей. Вследствие того, что иноязычные вывески функционируют на фоне большого количества русскоязычных, они приобретают свойство аттракторов, вовлекая потенциальных потребителей в социальную коммуникацию, а ответом на передаваемое таким образом знание становится их поведение.

Третьим и, следует признать, неожиданным для нас когнитивным основанием, вербализованным респондентами, оказалась транспарентность иноязычных вывесок для иностранных туристов (21,6%), которых на самом деле практически не бывает в далеком сибирском городе. Тем не менее, респондентам представляется, что поскольку «иноязычные слова понятны иностранным туристам», они также могут стать потребителями товаров и услуг, если из надписи на вывеске поймут, каков «профиль коммерческого предприятия».

И последним, четвертым когнитивным основанием использования иноязычных вывесок (8,3%) стала вестернизированность мышления и владельцев коммерческих предприятий и части потенциальных потребителей, что, как видится респондентам, является результатом «влияния западной культуры» и стремления придать коммерческому предприятию «вид чего-то иностранного».

Таким образом, реконструированная модель комплекса когнитивных оснований включения в языковой облик города иноязычных знаков позволяет сделать вывод о том, что, являясь потребителями, большинство респондентов видит в иноязычной вывеске мини-текст (message), транслирующий социальное знание имплицитного типа, по-разному «считываемое» потребителями. Реконструирован-

ная посредством лингвокогнитивного анализа модель представляет собой четырехчастную структуру, включающую такие когнитивные основания использования иноязычных знаков в языковом облике города как их статусность, аттрактивность, транспарентность и вестернизированность. Выявленные когнитивные основания, в свою очередь, соотносятся с потребительскими мотивами целевых социальных групп, включая стремление пользоваться услугами престижных городских объектов, открывать для себя новые товары, повышать свой социальный статус, перенимать западные эталоны и тем самым формировать свою идентичность.

Литература

- Банникова Л.Н.* Потребление в социальном взаимодействии // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 93-95.
- Бодрийар Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга. 2000.
- Китайцева О.В.* Парадокс потребления в современном российском обществе // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 165-167.
- Кузнецова Л.В.* Проблема типологизации потребительской деятельности индивида в социальных науках // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 183-185.
- Лычковская О.Р.* Объектная сторона коммуникативных практик: вещи как акторы и медиумы // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 213-215.
- Николаева Е.В.* Люди, памятники, манекены: коммуникация потребляющих/потребляемых субъектов // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 248-250.
- Тулчинский Г.Л.* Брендинг как мифология и персонология общества массового потребления // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 349-350.
- Якушенко О.В.* Социальная структуризация транзитивного пространства большого города // Потребление как коммуникация. 2010. СПб.: Интерсоцис. С. 392-393.
- Dant T.* Consumption caught in the "cash nexus" // *Sociology*. 2000. No. 4. Pp. 655-678.

Irina V. Rogozina (Barnaul, Russia)
I.I. Polzunov Altai State Technical University

CITY'S LANGUAGE IMAGE AS COGNITIVE SPACE FOR SOCIAL COMMUNICATION

On the basis of experimentally obtained data, the article attempts to reconstruct a model of cognitive foundations for the use of foreign-language signs viewed as a significant part of the city's language image. The model reconstructed through linguocognitive analysis is a four-part structure, which includes cognitive foundations correlating with consumer motives of target social groups.

Key words: semiotic social environment, city's language image, foreign language signboards, linguocognitive modelling

Э.Д. Рожковская (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
rozhkovskaya.eleonora@mail.ru

МЕТАФОРЫ СВЕТА В ИДИОСТИЛЕ Р. ХАРРИСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПОМПЕИ» И «ПРИЗРАК»)

Статья посвящена изучению метафорической составляющей идиостиля автора (на материале произведений «Призрак» и «Помпеи» Р. Харриса). Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа манифестации языковой личности в современном художественном

дискурсе. Теоретическая значимость работы заключается в развитии основных направлений когнитивного подхода к изучению идиостиля автора. В результате исследования посредством стилистического анализа были выявлены метафоры света, формирующие идиостиль Р. Харриса. *Ключевые слова:* идиостиль, индивидуальный стиль, языковая личность, метафора, стилистический анализ

Статья посвящена исследованию метафорической составляющей идиостиля Р. Харриса на материале произведений «Призрак» и «Помпеи» и выполнена в рамках динамично развивающегося направления лингвистических исследований, интерес к которому обусловлен антропоцентрической парадигмой [Сулейманова 2019; Фомина 2020; Карасик 1994; Караулов 2010]. Исследование может способствовать раскрытию семантической составляющей произведений Харриса, а также выявлению характерных особенностей восприятия мира писателем, в том числе выражающихся на лексическом уровне. Исследования, посвященные анализу стилистических средств в идиостиле различных авторов [Чисникова 2007; Криницына 2019; Латкина 2006], позволяют выявить универсальные и уникальные черты в использовании метафорических образов различными писателями, что способствует более глубокому изучению значимых особенностей литературных произведений.

Актуальность исследования определяется общим интересом к современному художественному дискурсу, а также к языковой личности автора, изучению формирующих его творчество семантических и эстетических аспектов.

В качестве объекта исследования выступают лингвистические особенности идиостиля английского писателя. Предметом исследования является метафорическая составляющая в формировании идиостиля писателя. Материалом исследования послужили произведения Харриса («Помпеи» и «Призрак»).

Цель статьи заключается в исследовании метафорической составляющей в идиостиле Харриса. Путем стилистического анализа его произведений выявляются особенности и специфика метафорических образов в творчестве современного английского писателя.

Идиостиль автора выражается в использовании различных средств выразительности, таких как метафора, метонимия, эпитет и т. д. Нами уже рассматривался идиостиль Харриса, в результате исследования был отмечен ряд характерных особенностей, присущих автору и формирующих его идиостиль. В статье внимание сосредоточено на анализе метафор и их роли в формировании идиостиля Харриса, в силу того, что метафоры являются основополагающим компонентом в его идиостиле [Рожковская 2023]. В анализируемых произведениях писатель уделяет особое внимание описанию света, теней и цвета, что образно дополняет контекст происходящих событий, а также передает состояние героев, их восприятие действительности и настроение.

Так, в произведении «Призрак» действие происходит в обстановке, метафорично описывая которую автор передает общее напряжение, присущее атмосфере романа. Главный герой книги – писатель-гострайтер, нанятый для написания мемуаров Адама Лэнга. В силу того, что Лэнг находится в центре международного скандала, он нуждается в книге, которая оправдала бы его действия и

способствовала улучшению репутации. В процессе работы над книгой главный герой обнаруживает, что его предшественник по написанию автобиографии Роберт Маккара погиб при невыясненных обстоятельствах. Писатель оказывается вовлеченным в опасную игру и становится жертвой сложной интриги, которая ставит под угрозу не только его жизнь, но и жизнь других людей.

Обратимся к анализу следующего предложения: *At the same time there was a hum and a rattle above the window behind me and I spun round to see a heavy metal shutter dropping from the ceiling. It descended very quickly, blocking first the view of the sky, then the sea and the dunes, flattening the winter afternoon to dusk, crushing the last sliver of light to blackness* – «В это время над окном за моей спиной раздался гул и скрежет, я обернулся и увидел, что с потолка падает тяжелый металлический затвор. Он опустился очень быстро, заграждая собой сначала вид на небо, потом на море и дюны, сглаживая зимний полдень до сумерек, раздавливая последние крохи света до темноты» (здесь и далее перевод и выделение мои – Э.Р.). Рассмотрим первый пример использования метафоры света в предложении: *flattening the winter afternoon to dusk*. Метафора описывает постепенное изменение освещения и времени суток. Это выражение также может передавать угасание света и тепла, что усиливает общее чувство темноты и холода и символизирует не только физическое затемнение, но и угасание надежд и света в жизни персонажей, что усиливает общую тональность произведения.

Метафора *crushing the last sliver of light to blackness* репрезентирует идею полного исчезновения света и наступления темноты. Используя лексическую единицу *crushing*, автор создает образ экстремальной силы и неотвратимости процесса. Эта метафора подчеркивает не только физическое затухание света, но и образно отсылает к идеям утраты надежды, безысходности и неминуемости. Слово *sliver* (луч, отблеск) в метафоре указывает на последний крошечный осколок света, что усиливает напряжение. Таким образом, посредством метафоры передается ощущение угрозы и неизбежности надвигающихся бед.

Рассмотренные выше метафорические образы активно взаимодействуют друг с другом, в результате чего привносят в текст элементы таинственности и угрозы, что способствует более глубокому осмыслению художественного произведения. Как представляется, в контексте этого произведения характерной особенностью идиостиля автора является частотное употребление метафор света, так как они способны подчеркнуть общее эмоциональное напряжение и передать состояние героя. Как правило, метафоры света, используемые в произведении «Призрак», передают мрачные образы, подчеркивающие напряженность того или иного момента, и позволяют лучше понять эмоциональное состояние героя. В этом контексте частотным оказывается употребление лексических единиц, обозначающих темноту (*darkness, dusk, blackness*), что полностью соотносится с контекстом повествования.

Следующим произведением Харриса, которое было рассмотрено в связи с анализом метафорической составляющей в идиостиле писателя, является исторический роман «Помпеи». Главным героем произведения является инженер Атилиус, который прибывает в Помпеи, чтобы осуществить ремонт акведука, обес-

печивающего город водой. Несмотря на политические интриги и личные проблемы, которые возникают на фоне грядущей катастрофы, Аттилий продолжает работу и пытается предотвратить надвигающуюся угрозу, которая, как он предполагает, будет иметь масштабные последствия.

Обратимся к следующей метафоре света: *Fingers of light from two small windows set high above his head pierced the cool darkness* «Пальцы света, проникающие из двух маленьких окон, расположенных высоко над его головой, пронзали прохладную темноту». Отметим, что метафора также имеет эмотивную составляющую, что позволяет создать более глубокое воздействие на читателя. Выражение *fingers of light* вызывает ассоциации с теплотой и защитой, что создает эффект уюта и безопасности несмотря на наличие темноты и неизвестности. Представляется возможным отнести эту метафору к языковым аномалиям.

Рассмотрим следующую метафору: *After that, it had all become rather boring and uncomfortable to watch in the heat of the sinking afternoon sun* – «В свете произошедшего смотреть на все это в пекле заходящего полуденного солнца стало довольно скучно и неудобно»; Метафора *the heat of the sinking afternoon sun* обогащает текст за счет сложившихся ассоциаций. В этом контексте лексема *heat* образно отражает не только высокую температуру, которая ощущается на физическом уровне, но и эмоционально напряженный момент. *Sinking afternoon sun* метафорически указывает на близость завершения дня и, в более абстрактном смысле, приближающийся финал. Этот образ олицетворяет идею угасания времени, создавая впечатление ускорения событий и неизбежности их завершения. Таким образом, метафора служит для усиления эмоциональной насыщенности момента, обогащая текст и дополняя эмоциональный контекст.

Таким образом, метафоры света в произведении «Помпеи» Харриса также способствуют эмоциональной репрезентации контекста произведения. Наиболее частотными в произведении в метафорических образах являются образы, связанные с солнцем (*sun, sunlight*), жарой (*heat*), сиянием и блеском (*sparkling, glimmering*), что погружает в атмосферу солнечного Рима. Кроме того, градация прилагательных – от меньшего к большему позволяет ощутить на физическом уровне скорое извержение вулкана.

Используя метафоры света, автор создает визуальные образы, которые усиливают эмоциональное воздействие на читателя, а также способствуют глубокому пониманию внутренних переживаний персонажей и динамики событий. Метафоры, описывающие свет, отражают состояние персонажей, их надежды, иллюзии, или, наоборот, мрачность души и безысходность. Такие метафоры обогащают произведение многозначительностью и глубиной, делая текст более насыщенным и позволяя читателю воспринимать произведение на уровне эмоционального и символического взаимодействия.

Литература

- Карасик В.И. Языковая личность и категории языка // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград: Перемена, 1994. С. 25-35.
 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
 Кришцына Е.С. Особенности идиостиля писателя в когнитивном аспекте (на материале

сборника эссе Р. Брэдбери «Дзен в искусстве написания книг») // Вестник ЧелГУ. 2019. № 4 (426). С. 109-114.

Латкина Т.В. Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.

Сулейманова О.А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). С. 106-109.

Фомина М.А. Языковая личность участника академического дискурса // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17, № 1. С. 172-177.

Чисникова В.В. Базовая метафорика как составляющая идиостиля М.А. Шолохова (на примере романа «Тихий Дон») // Известия ВГПУ. 2007. № 5. С. 74-77.

*Eleonora D. Rozhkovskaja (Moscow, Russia)
Moscow City University*

METAPHORS OF LIGHT IN THE IDIOSTYLE OF R. HARRIS (ON THE MATERIAL OF THE WORKS “POMPEII” AND “GHOST”)

The article is devoted to the study of the metaphorical component of the author's idiosyle (on the material of the works “Ghost” and “Pompeii” by R. Harris). The relevance of the study is conditioned by the need to analyze the manifestation of linguistic personality in modern fictional discourse. Theoretical significance of the work lies in the development of the main directions of the cognitive approach to the study of the author's idiosyle. As a result of the study, the metaphors of light that form the idiosyle of R. Harris were identified through stylistic analysis.

Key words: idiosyle, individual style, linguistic personality, metaphor, stylistic analysis

*О.В. Романенко (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
olga.romanenos@yandex.ru*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В НОВОСТНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ ТЕМАТИКИ HARD NEWS И SOFT NEWS (СИХРОНИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В работе применяется типология образ-схем Л. Талми для анализа различий в конструировании события в англоязычных новостных Интернет-сообщениях с учетом их тематики (hard news и soft news) и даты публикации. Устанавливаются некоторые тенденции конструирования динамического события в таких компонентах новостного сообщения как заголовок, аннотация и изображение в синхроническом и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: Интернет-новость, hard news, soft news, динамическое событие, образ-схема, фиктивное движение, фактуальное движение

В работе устанавливаются особенности коммуникативной динамизации события [Ирисханова 2018] в дискурсе Интернет-новостей, определяемые тематической принадлежностью дискурса – трансляцией событий первой полосы и событий сферы культуры, искусства, шоу-бизнеса (hard news и soft news) и диахронической перспективой. Гипотетически с учетом общей тенденции к динамизации медиа [van Dijk 2009; Добросклонская 2005] количество динамических событий в современных публикациях должно вырасти, однако особый интерес

также представляет установление характеристик самих событий в структурных компонентах новости.

В качестве материала анализа отобраны 200 англоязычных Интернет-сообщений, которые были опубликованы на официальных сайтах таких изданий как BBC, CNN, Reuters, the Guardian, Fox News, the Daily Mail, the Telegraph и др. с 2001 по 2021 г. При отборе материала применялись два критерия: критерий тематической принадлежности для рассмотрения различий в конструировании событий в *hard news* и *soft news*, а также критерий времени публикации новостной Интернет-статьи для диахронического анализа. К типу новостей *hard news* отнесены новостные сообщения, которые публикуются «на первой полосе», на первой странице Интернет-издания, которые освещают важные события в мире. С точки зрения тематической направленности это новостные сообщения на острые политические, социальные и экономические темы, новости о крупных катастрофах, природных катаклизмах. К новостям тематической направленности *soft news* отнесены новости сферы культуры, искусства, шоу-бизнеса из таких разделов как *Culture*, *Showbiz*, *Arts* и *Entertainment*. В качестве материала были отобраны 100 англоязычных новостных сообщений «первой полосы», а также 100 англоязычных новостных сообщений разделов *культура*, *шоу-бизнес*, *искусство* и *развлечения*.

Чтобы материал новостных сообщений можно было рассмотреть в том виде, в котором он был опубликован в определенный момент времени, применялся ресурс Wayback Machine (<https://archive.org/web>). Использование данного ресурса позволило рассмотреть материал в диахроническом аспекте, а также определить тематическую принадлежность новостных сообщений. Каждое новостное сообщение из 200 отобранных было распределено в равной степени по пяти выделенным периодам (2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 гг.) с целью определения различий в конструировании события в новостных сообщениях двух тематических направленностей в диахроническом аспекте.

Дискурс новостного сообщения имеет довольно стабильную структуру, в которой наибольшей динамикой события характеризуются заголовок, аннотация (лид) [van Dijk 2009], а также изображение, что подчеркивает мультимодальный характер новостного Интернет-дискурса [Kress 2010]. Для анализа в работе была применена предложенная Талми типология когнитивных образ-схем [Talmy 2000], которая может использоваться для исследования гетеросемиотического дискурса и его семиотических компонентов: текста и изображения [Киосе 2021]. Для анализа текстового компонента в качестве его основной единицы выделяется простое предложение, а в изображении – кадр. По итогам предварительного анализа материала для исследования в основной состав образ-схем была включена схема потенциально-динамического события. В итоге были выделены и аннотированы в заголовке, аннотации и лиде, а также в изображении следующие типы событий и описывающие их образ-схемы: 1) статические события [STATIVE], динамические события [DYNAMIC] и потенциально динамические события [POTENTIALLY DYNAMIC], выражающие возможность осуществле-

ния движения, как в заголовке *Golden girl Denise Lewis to be a mother* в изображении потенциально динамические события соотносятся с движением, которое должно вот-вот осуществиться по всем объективным признакам; 2) события фактуального, проявленного в физическом мире движения [FACTIVE], как в примере *the expert says* в тексте и фактическом движении участника события на изображении, к примеру в его шаге, а также фиктивного движения [FICTIVE], которое имеет умозрительный и метафоричный характер в *Anti-fur groups get their claws out for Kate*, подразумевающий также изменение состояния; 3) события движения [MOVE], далее характеризованные по их направленности [MOVE+PATH] в *waved to fans*; локализации [MOVE+GROUND] в *is going up for auction in New York next week*; характеру и манере движения [MOVE+MANNER] в *allegedly* и *he claimed*. При сопряженности событий в тексте или изображении определялось присутствие образ-схемы [MOTION EVENT+CO-EVENT] в *Organizers said the singer would appear with a 3D colour animation*, а при сосредоточенности участников на одном действии – [MOTION EVENT].

Анализ показал, что динамические события в целом преобладают в новостных сообщениях тематики *hard news*, тем не менее контрастивный тематический анализ показал наличие различий в конструировании событий в новостных сообщениях различной тематики. Среди различий было отмечено количественное преобладание динамических образ-схем фактуального движения в текстовом компоненте (заголовке и аннотации) новостных сообщений тематики *hard news*, при этом в *soft news* динамические события фиктивного движения проявлены в большей степени. Усиление фиктивного движения в *soft news* может быть обусловлено присутствием развлекательного компонента в них [Добросклонская 2005]. При этом в *soft news* динамическое событие фактуального движения может быть контекстуально подразумеваемым, включенным в основное событие фиктивного движения с целью создания юмористического эффекта, который привлекает внимание читателя к новостному Интернет-сообщению. Например, в заголовке *Adele changes her tune on Brangelina split* идиома *change one's tune* со значением «изменить или пересмотреть свое отношение, мнение» характеризуется фиктивностью движения, однако приобретает в контексте дополнительный оттенок за счет включения в контекст прямого значения *изменить напев, мелодию, или запеть другую песню*, характеризующегося, напротив, фактуальностью движения.

В новостях тематики *hard news* такая полисемантическая в отношении типа движения встречается гораздо реже, поскольку коммуникативная ситуация, как правило, не предполагает несерьезного, развлекательного характера сообщения.

Рассмотрим различия в оформлении события в текстовом компоненте (в заголовке и в аннотации) и в изображении в новостях тематики *hard news* и *soft news*. В заголовке и аннотации новостей тематической направленности *hard news* наиболее частотны динамические события фактуального движения, а также выражена детализация в отношении локализации действия. Частотность образ-схем сопряженных событий снижена в заголовке, в аннотации она увеличена. При этом в заголовках *soft news* частотны динамические события фиктивного движения. Детализация по типу движения менее проявлена, а сопряженность событий

при этом проявлена в большей степени. В аннотации soft news отмечена частотность динамических событий как фактуального, так фиктивного движения, также обнаружена большая детализация события в отношении его локализации и манеры движения.

В новостях тематической направленности hard news изображения характеризуются сопряженностью событий и частотностью динамических событий фактуального движения с детализацией по локализации; изображения в soft news характеризуются большей вариативностью в типе движения и детализации движения, а также сниженной сопряженностью событий.

В диахроническом аспекте отмечается возрастание динамики во всех трех рассматриваемых компонентах новостного Интернет-сообщения. Преобладают события динамического движения, однако усиливается и потенциально-динамическое движение. В заголовке отмечено усиление динамики и детализации движения в hard news, общее усиление фиктивного типа движения в новостях, усиление сопряженности событий в soft news.

Изображение характеризуется общим усилением динамики событий в новостях различной тематики. Различия в конструировании события включают рост сопряженности событий, детализацию движения по локализации и траектории в hard news, манере и локализации в soft news, где также усиливается вариативность в детализации событий. В аннотации отмечено усиление динамических событий фактуального типа движения и детализации события по манере движения в hard news, а также фиктивного типа движения, детализации по траектории движения при росте сопряженности событий в soft news.

Таким образом, проведенный контрастный анализ позволил выявить различия в конструировании события в резонансных политических новостях и новостях культуры, а именно: усиление фиктивного движения и большая вариативность в детализации по характеру события в soft news. Выделение пяти периодов позволило рассмотреть диахронические изменения, среди которых отмечено общее усиление динамики события, конвенционализация события определенного типа в hard news (динамическое событие фактуального движения, детализированное по локализации), при этом большую вариативность демонстрируют события soft news.

Литература

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС, 2005.

Ирисханова О.К. К вопросу об изменении динамики нарратива // *Образы языка и зигзаги дискурса*. М.: Культурная революция, 2018. С. 192-215.

Ирисханова К.М. Коммуникативные форманты стиля // *Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации*. 1987. Вып. 286. С. 26-33.

Кюссе М.И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021.

Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 2010.

Talmy L. *Toward Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Van Dijk T. A. News, Discourse, Ideology // *Handbook of Journalism Studies*. New York: Routledge, 2009. Pp. 191-204.

*Olga V. Romanenko (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

**DYNAMIC EVENT CONSTRUAL IN THE INTERNET NEWS DISCOURSE:
HARD NEWS VS SOFT NEWS (SYNCHRONIC AND DIACHRONIC ASPECTS)**

In the paper, we apply the image-scheme typology developed by L. Talmy in order to analyse the differences in event construal in English-language Internet news reports; the thematic distribution into soft news and hard news and the date of their publication are taken into consideration. The paper looks into certain trends of dynamic event construal in the structural components of Internet news items which are the headline, the lead and the image in synchronic and diachronic aspects.

Key words: Internet news, hard news, soft news, dynamic event, image-scheme, fictive motion, factive motion

*П.И. Сергиенко (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
poserg@bk.ru*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ
СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Исследование посвящено изучению особенностей функционирования языковых средств, представляющих футбольные стереотипы в текстах СМИ, комментариях и пресс-релизах, адресованных массовому читателю. Представляя собой упрощенный механизм передачи и восприятия знания, стереотипы служат эффективным средством оказания воздействия на аудиторию и управляют процессом восприятия. Лингвокультурный взгляд на функционирование стереотипов в дискурсе массовой коммуникации позволяет раскрыть глубинные процессы формирования национальных стереотипов и языковых средств их выражения.

Ключевые слова: стереотипы, футбольный дискурс, формат знания, массовая коммуникация

Лингвокультурный подход к использованию стереотипов в массовой коммуникации обращает взгляд исследователей на достижения американского публициста начала XX века У. Липпмана. В работе «Public Opinion» автор анализирует механизмы воздействия на аудиторию через посредство стереотипных представлений о собственных потребностях, отношении и поведении [Lippman 2007], управляющих процессом восприятия.

В теории философского понимания стереотипы, рассмотренные в концепции Дж. Дьюи, отображают идеи бихевиоризма, инструментального интеллекта, теории массовой культуры, позволяющие считать данный феномен как присутствующий сознанию. Стереотипы фиксируются в языке, в сознании, а в дальнейшем получают развитие в обучении, поведении и образе жизни. Постулируя гносеологические и социальные установки [Dewey 1922], стереотипы, реализованные в языке, оказывают манипулятивное воздействие на получателя информации, управляя его поведением и формируя определенное отношение к темам, затронутому в направленном сообщении.

Для дискурса массовой коммуникации ключевой характеристикой оказывается богатая палитра языковых средств, представляющая возможность оказывать

влияние на аудиторию. Выразительность и яркость информационных сообщений суггестивной направленности позволяет авторам текстов использовать культурные и этнические стереотипные представления аудитории о различных явлениях и членах общества. Средства массовой информации тиражируют стереотипное восприятие определенных представлений как на национальном, так и на международном уровне.

Эффективное использование социомаркированных лингвистических единиц в текстах массовой коммуникации позволяет использовать PR тексты для трансляции ценностных установок и социально-политических ориентиров. Эффективность подобного сообщения обнаруживает когнитивные механизмы адаптации и эксплуатации стереотипизированных установок в обществе при условии их верной интерпретации адресатом. Подобные приемы выступают упрощенным механизмом формирования знания о мире с опорой на ментальные представления о реальных объектах действительности. Рассматривая этнические стереотипы в современном языковом пространстве, исследователи приходят к выводу о том, что стереотипы обусловлены картиной мира каждого народа, сложившейся из череды исторических событий, опыта поколений, проявляющегося в традициях, искусстве, религиозных учениях, этических нормах и моральных установках [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012], которые находят проявление в языке. Стереотипом при этом выступает особое мироощущение на национальном уровне как некий фрагмент действительности, хранящийся в сознании носителей языка.

Рассматривая стереотипы через призму когнитивной лингвистики, для их описания можно говорить о достаточно известных понятиях фрейма, ментального пространства и когнитивного контекста [Филлмор 1988; Langacker 1991; Jackendoff 1995], поскольку, используя психические ресурсы в сознании носителей языка, они репрезентируют настроение общества и направления его развития, что, в терминах Н.Н. Болдырева, является особым форматом знания [Болдырев 2018]. Задействуя ресурсы сознания, стереотипы способствуют формированию определенных концептуальных структур и категоризации действительности.

Выявление футбольных стереотипов, сложившихся в англоязычном обществе через представление определенного отношения и поведения, выраженного в языке, способствует комплексному изучению англосаксонского мышления, способствующего формированию когнитивной структуры, включенной в модели знания. Многие языковые единицы, реализованные в определенном контексте, получают специальное значение, направленное на оказание воздействия на аудиторию.

Общезвестным стереотипным представлением является восприятие футбола как прибыльного бизнеса, в котором огромную роль играет репутация игроков и менеджеров команд: «Football is a results business but it is also a branding exercise. And, once you have a reputation, it's hard to shake it» [The Guardian: URL]. Журналисты основывают выводы на том, что репутация высоко результативного игрока или футбольного менеджера, складывающаяся годами профессиональной карьеры, стабильна и способствует формированию определенного положительного имиджа. В то же время высокие достижения футбольного тренера Сэма

(Сэмюэла) Эллардайса (Sam Allardyce), связанные с успешным выступлением команды Болтон в 1990-х гг. и выходом команды в Премьер Лигу, не получили должного признания: «his work in moulding Bolton into a star-studded team that finished in the top eight of the Premier League for four consecutive seasons does not get the recognition it might if another manager had achieved it» [The Guardian: URL]. Маленький футбольный клуб из Ланкашера, получивший во времена своей славы закрепленное стереотипизированное официальное наименование Bolton Wanderers Football Club (за частую смену футбольных клубов игроками Болтона), оправдал свое название, когда игроки по очереди стали покидать клуб, что привело к прекращению его существования. Причиной этому также послужил, по мнению прессы, факт отсутствия тренерского опыта, и желания получить более выигрышный контракт со стороны С. Эллардайса, стремящегося к коммерческому успеху.

Боле того, заметными являются этнические представления, сформированные в сознании носителей языка, футбольных болельщиков и спортивных комментаторов. Известная шутливая фраза, сказанная тренером Эллардайсом на пресс-конференции журналистам в 2004 г., намекает на национальное восприятие результативности игроков и тренеров: «I won't ever be going to a top-four club because I'm not called Allardici, just Allardyce». Оправдывая проигрыш команды в матче с Манчестер Сити (Manchester City) и неудачу в попытке заполучить место среди четверки лучших клубов, Аллардайс намекал на то, что его фамилия не звучит как фамилия испанца или португальца, которые в стереотипном представлении славятся лучшими футбольными результатами.

Будучи родиной футбола, возникшего в 1863 г., Англия обладает длинной историей и спортивными общественно-культурными традициями, связанными с этим командным видом спорта. Особая атмосфера, пение зрителей на трибунах, единение игроков и болельщиков – положительные стереотипы, сформированные в общественном представлении, выраженные в следующих выражениях, использованных изданием Sun в матче против немецкой команды: to stand up and be counted, it's revenge time, the whole world is in the players hands, we gonna bish bash the Bosch, keep it English, it's the only way to sour the Krauts, etc. Отметим также, что в приведенных примерах гастрономический стереотип о немцах, употребляющих квашенную капусту как часть своей национальной кухни, становится нарицательным существительным с отрицательными коннотациями. Более того, футбольная история знает много английский имен среди лучших игроков мира – Сэр Бобби Чарльтон, Бобби Мур, Алан Ширер, Дэвид Бекхэм, Уэйн Руни и других, создающих положительный футбольный имидж своей страны.

Еще одним важным стереотипом является восприятие футбольного матча как поля сражения. При прохождении международных турниров, средства массовой информации прибегают к экспрессивной лексике с целью поддержать команду своей страны и болельщиков, а также поднять дух соперничества: combative football, a fighting spirit, gallant and rampant players, lionhearts, the battle on two fronts, to regroup, to march on, refusal to surrender и др. Следует отметить

также, что язык футбольных комментаторов и СМИ при описании матчей изобилует отсылками к историческим событиям, военным действиям, политике, экономике и культуре стран, участвующих в соревновании.

Стереотипизированным представлением национального духа также являются выражения *the fighting spirit of the English*, *beg to differ*, *the way of the warrior*, *German efficiency*, *French flair*, *Gallic flair*, *Spanish toughness*, *la Furia*, *rhythmic samba-infused jogo bonito*, *dazzling Dutch 'total football'* и др., отражающие определенную национальную культуру и особенности поведения игроков на поле. При этом следует отметить, что для утверждения футбольных успехов на первый план в командном виде спорта выходит национальная идентичность, культурные ценности народов и их совместные достижения. Национальные стереотипы позволяют посредством сформированных представлений оказывать типизированное воздействие на получателя информации, предлагая готовый сценарий сформированного знания и формируя определенную картину мира.

Изучение языковых средств, использованных в дискурсе массовой коммуникации с пристальным вниманием к футбольным стереотипам позволяет раскрыть особый способ категоризации действительности и структурирования знания. Языковые средства, раскрывающие ментальные понятия англосаксонского сознания о стереотипном представлении об объектах действительности, о представителях других народов, их поведении и характере, отражают картину мира, что способствует комплексному изучению английского языка и национального менталитета. Интерес исследователей к стереотипным представлениям всегда остается актуальным, поскольку сохраняется необходимость изучения глубинных процессов формирования языковых структур и стереотипов, с целью преодоления трудностей коммуникации и построения плодотворного диалога между представителями разных культур.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Мишьяр-Белоручева А.П., Покровская М.* Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 90-94.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.
- Dewey J.* An analysis of reflective thought // The Journal of Philosophy. 1922. 19 (2). Pp. 29-38.
- Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.
- Langacker R.* Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Lippmann W.* Public Opinion. BN Publishing. USA, 2007.
- The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/football/the-set-pieces-blog/2021/nov/10/football-management-power-public-relations-perception>.

*Polina I. Sergienko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

LINGUOCULTURAL FEATURES OF FOOTBALL STEREOTYPES IN THE ENGLISH LANGUAGE DISCOURSE OF MASS COMMUNICATION

The study is devoted to the peculiarities of the functioning of linguistic means representing football stereotypes in media texts, commentaries and press releases addressed to the general reader. As a simplified mechanism for the transmission and perception of knowledge, stereotypes serve as an effective means of influencing the audience and controlling the process of perception. The linguistic and cultural view of the functioning of stereotypes in the discourse of mass communication allows scholars to reveal the deep processes of formation of national stereotypes and linguistic means of their expression.

Key words: stereotypes, football discourse, knowledge format, mass communication

*К.Я. Сизгал (Москва, Россия)
Институт языкознания Российской академии наук
kjseagal@yandex.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ И ПУНКТУАЦИЯ

В статье ставится вопрос об участии семантического компонента языковой способности в пунктуационном маркировании. В частности, разъясняются причины того, почему в пунктуационном узусе одни и те же одиночные деепричастия оказываются то обособленными, то необособленными. По мнению автора, при пунктуационном маркировании действие семантического фактора может тормозиться более сильными установками, выработанными в процессе обучения пунктуации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантический компонент языковой способности, пунктуация, пунктуационный узус, одиночное деепричастие

К 80-летию со дня рождения профессора А.М. Шахнаровича

Как известно, когнитивной лингвистикой выдвинуты (и неоднократно верифицированы) утверждения о том, что «любому высказыванию <...> соответствует определенное конструирование событий, ситуаций, положений дел (а значит, и их обозначений), а это явно предполагает наличие наблюдателя» [Кубрякова 2012: 183] и что для адекватного объяснения каждого языкового явления требуется его рассмотрение «на перекрестке когниции и коммуникации» [там же: 33]. Эти важнейшие для когнитивной лингвистики идеи были восприняты в теории пунктуации, где обсуждается, в частности, гипотеза о том, что, «поскольку пунктуационное единообразие оказывается идеализированным, более реалистично предположить, что применение и интерпретация знаков препинания определяются различными факторами коммуникативной ситуации и референциального содержания» [Pat 2013: 126].

Наблюдения показывают, что одно и то же синтаксическое явление (например, обособленные / необособленные одиночные деепричастия) в пунктуацион-

ном узусе, т. е. в практике употребления знаков препинания квалифицированными носителями языка, представлено далеко не так, как этого требует пунктуационная норма. Причем причиной этого, безусловно, являются вовсе не досадные пунктуационные ошибки. Дело в том, что сама граница между одиночными деепричастиями, выделенными / не выделенными левым и/или правым элементом двойной запятой, выглядит гораздо более семантически нюансированной, чем это заложено в соответствующих пунктуационных прескрипциях. Это означает, что теория пунктуации нуждается в том, чтобы объяснить в данном случае причины выбора той или иной пунктуационной «упаковки» (двойная запятая либо ее элемент / нулевой пунктуационный знак) для передачи определенным образом сконструированного содержания.

Представляется, что подобное объяснение может быть найдено в рамках учения А.М. Шахнаровича о семантическом компоненте языковой способности (далее – СК ЯС). По мнению ученого, СК ЯС «работает» на всех этапах порождения высказывания, выполняя на каждом из них свою специфическую функцию, но «включается» на этапе интенции-мотива [Шахнарович 1983: 187]. В целом «работа» СК ЯС состоит в «процессе структурирования действительности с особой целью – обозначить выделенные элементы ситуации при помощи языковых средств» [там же: 189]. Действие СК ЯС на этапе пунктуационной обработки заключается, в частности, в отделении событий друг от друга при помощи знаков препинания. При этом «событие – это всякая пропозиция, соотносимая с предикативными отношениями» [Николаева 2000: 292], в том числе такая «свернутая» конструкция, как деепричастная [там же: 293].

Пунктуационное маркирование представляет собой завершающую фазу отображения денотативной (референциальной) семантики высказывания, создание которой обеспечивается СК ЯС. Применительно к продуцированию высказываний с обособленным / необособленным одиночным деепричастием «работа» СК ЯС осуществляется в таких операциях как дифференциация а) двух событий (основного и добавочного) / одного события с непроцессуально-признаковым конкретизатором; б) семантической координации с субъектом-подлежащим / отсутствия такой семантической связи; в) двух рем / одной ремы. В общем случае совокупность левых членов трех дихотомий обуславливает пунктуационное выделение (обособление) одиночного деепричастия, совокупность же правых членов – отсутствие пунктуационного выделения (необособление) одиночного деепричастия. Правда, нацеленность пишущего на дополнительную актуализацию сообщения, приводящую к появлению второй ремы, приводит к обособлению даже в тех случаях, когда налицо адвербиальный «сдвиг» одиночного деепричастия.

Так, в современной лексикографии слово *играючи* обычно подается как наречие. Однако в узусе нередко *играючи* – дублет деепричастия на -я, обозначающий добавочное событие и, соответственно, семантически координируемый с субъектом-подлежащим и создающий вторую рему. В этом случае *играючи* выступает как одиночное деепричастие, требующее обособления. Ср.: *Всё изучают, играючи, никто никого не напрягает* (Наши дети: Дошколята и младшие школь-

ники (форум), 2005) [НКРЯ: URL]. В других, казалось бы аналогичных по семантической нагрузке этого деепричастия, высказываниях обособления нет. Ср.: *Для самых маленьких, начиная с двух лет, организованы «Ладушки» – занятия, во время которых малыши **играючи** постигают первые законы творчества <...>* (Народное творчество, 16.08.2004) [там же]. В данном случае выделения двойной запятой можно было бы ожидать еще и потому, что *играючи* стоит в препозиции по отношению к глаголу-сказуемому, что, как отмечается в справочниках по пунктуации, усиливает его глагольные свойства. Тем не менее пишущий, скорее всего, отреагировал отсутствием двойной запятой на то, что *играючи* включается в список отдеепричастных наречий, которые, в отличие от одиночных деепричастий, не обособляются. Подобную реакцию мог укрепить и архаичный формообразующий суффикс *-учи*, который гораздо реже встречается в регулярном образовании деепричастий несовершенного вида. Такого рода установки, возникшие при обучении пунктуации в школе, не только «могут сохраниться в пунктуационных навыках взрослого человека» [Блинов 1990: 17], но и способны препятствовать применению им семантически мотивированной пунктуации.

В пунктуационном узусе наблюдается выделение двойной запятой (обособление) *играючи* и тогда, когда оно выступает как наречие с семантикой ‘легко, без усилий’. Особенно этому способствует его препозиция по отношению к глаголу-сказуемому, в том числе дистантная. Ср.: *В общем, двухпудовую гирию, **играючи**, отжал сто раз – можешь себе представить?* (И. Наумов. Мумбачья площадка) [НКРЯ: URL]; *Еще месяц назад я, **играючи**, один поднимал пятидесятипятикилограммовые ящики со снарядами* (И. Анпилогов. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. Из дневника солдата-срочника) [там же]. Пунктуационное маркирование обозначает здесь вторую рему, акцентируя важный с точки зрения субъекта речи непроцессуально-признаковый конкретизатор – обстоятельство образа действия. Ср. отсутствие рематического акцента и, соответственно, обособления в такой же синтаксической позиции: *Кризис 1998 года мы вообще **играючи** прошли* (Т. Гурова. Логика преодолевшего гибель) [там же].

Интересно отметить, что, находясь в едином контексте с однокоренным глаголом-сказуемым в финитной форме, *играючи*, *шутя* и т. п. безысключительно осознаются пишущими как требующие обособления одиночные деепричастия, формирующие таксисную перспективу сообщения. Ср.: *А мы **играли** и, **играючи**, помогли взрослым* (С. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь) [там же]; *Всё время все вместе **шутили**. **Шутя**, потянулись к автомобилям, стали **рассаживаться**. **Дошучивали** возле дверицы Ефремова <...>* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений) [там же]. В подобных контекстах событийная автономность одиночных деепричастий оказывается намеренно подчеркнутой. При этом повторное обозначение событий, обычно связанное с движением от ремы к теме, несколько не препятствует одиночным деепричастиям создавать дополнительную рему.

Хорошо известно идущее от И.А. Бодуэна де Куртенэ разделение знаков препинания на морфологические, служащие только «расчленению» речи («на все более мелкие части»), и семасиологические [Бодуэн де Куртенэ 1963: 238-239].

По мнению ученого, запятая, в том числе при обособлении, относится исключительно к морфологическим знакам препинания [там же: 238]. Однако наблюдения над обособленными / необособленными одиночными деепричастиями в пунктуационном узусе показывают, что это далеко не так. Двойная запятая (или ее элементы), равно как и отсутствие этого знака препинания, имеет свою особую семасиологическую обусловленность и коммуникативную предназначенность. Причем обе эти возможности пунктуационного маркирования не обладают, так сказать, одноплоскостной мотивацией. Здесь могут отражаться семантические, коммуникативные, позиционно-синтаксические и даже психологические факторы, весьма прихотливо взаимодействующие друг с другом.

В заключение необходимо констатировать, что анализ пунктуационного узуса, представленного в НКРЯ, свидетельствует о том, что прескрипции, относящиеся к обособленным / необособленным одиночным деепричастиям как к пунктуационному факту [Правила... 2014: 216-217], требуют восполнения. В особенности это касается тех пунктуационных действий, которые связаны с семантической дифференциацией и коммуникативной акцентировкой, осуществляемыми пишущими на субстрате одиночных деепричастий.

Литература

- Блинов Г.И. Методика изучения пунктуации в школе. М.: Просвещение, 1990.
Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2. М.: АН СССР, 1963.
Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014.
Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 181-190.
Patt S. Punctuation as a means of medium-dependent presentation structure in English. Exploring the guide functions of punctuation. Tübingen: Narr Verlag, 2013.

Kirill Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

SEMANTIC COMPONENT OF LANGUAGE COMPETENCE AND PUNCTUATION

The article considers the participation of the semantic component of language competence in punctuation marking. In particular, the author explains why in punctuation usage the same individual adverbial participles turn out to be either separated or not separated. The author believes that the actions of the semantic factor can be inhibited in the punctuation marking by stronger attitudes developed in the process of learning punctuation.

Key words: cognitive linguistics, semantic component of language competence, punctuation, punctuation usage, individual adverbial participle

*Н.Ю. Сороколетова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
sorokoletovanat@volsu.ru*

*Т.Н. Цинкерман (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
tsinkerman@volsu.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН-ЛЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье исследуются когнитивно-прагматические особенности англоязычной онлайн-лекции. Описаны характерные метадискурсивные маркеры (реализуются различными лингвистическими средствами) и вербальные коммуникативные стратегии, способствующие реализации обучающей и социализирующей целей исследуемых лекций.

Ключевые слова: когнитивный, прагматический, онлайн-лекции, метадискурсивные маркеры, коммуникативные стратегии

Технологизация образования в целом и возможности использования цифровых технологий в образовательном процессе ставят перед учеными вопрос о способах эффективной передачи информации обучающимся в новых условиях. Онлайн-лекция представляет собой комбинацию различных синхронных и асинхронных форм обучения удаленных участников образовательного пространства, основной функцией которой является передача предметных знаний слушателям.

Материалом исследования послужили видеозаписи и скрипты текстов онлайн-лекций (<https://www.ted.com/talks>). Стоит отметить преимущества подобного формата изложения материала, к которым относятся: доступность в любое время при наличии Интернет-соединения, большое количество обсуждаемых тем, возможность загрузки, сохранения и выделения определенных фрагментов видео, есть функция перевода на многие языки. Информация, транслируемая на онлайн-лекциях, может относиться ко многим сферам жизни и деятельности человека, поэтому в зависимости от реализуемых целей, используемых стратегий и структур выступления, формата, спикера и его отношении к теме, онлайн-лекция будет приобретать черты научного, академического и/или виртуального дискурса, что позволяет сделать вывод о гибридном характере жанра онлайн-лекции.

В основе исследуемых онлайн-лекций лежат обучающая (формирование структуры знаний, которые реализуются через определенные концепты и/или усложнение уже имеющихся концептов за счет учебно-познавательной деятельности слушателей) и социализирующая (передача норм поведения, моральных и социальных ценностей) цели. Для достижения плана реализации речевого поведения спикер использует метадискурсивные маркеры, вербальные и невербальные коммуникативные стратегии.

Метадискурсивные маркеры онлайн-лекции (интерактивные маркеры и маркеры воздействия) отвечают за когерентность и связность текста, позволяя обеспечить последовательное восприятие контента лекции и установить связи между частями дискурса, способствуют облегчению процесса интерпретации текста [Авакова 2020: 466]. Такие маркеры представлены лингвистическими

формами вводных фраз (*for instance, let's look, let me define, let's move on, as you may know*), слов-связок (*so, so now, so next*), союзов (*and, but*), наречий (*finally, firstly, very, on the contrary, nevertheless*). Также в текстах онлайн-лекций встречаются метадискурсивные маркеры, реализующиеся лексическими (метафоры, сравнения, эпитеты, повторы), грамматическими (условное наклонение, повелительное наклонение), и синтаксическими (антитеза, вводные конструкции, обращение) средствами английского языка.

К вербальным коммуникативным стратегиям были отнесены кооперативная, информирующая, контактоустанавливающая, оценивающая, в случае если выступающий высказывает личное мнение о теме обсуждения, контролирующая, организующая, которая представляет собой совместное действие участников дискурса (для создания комфортной для общения среды).

Для исследуемых онлайн-лекций характерна оценивающая стратегия, когда выступающий высказывает личное мнение о теме обсуждения, описывает свой опыт:

I believe it turned out for the best.

I don't have one minute's regret. It was a glorious experience.

At that moment, I started thinking. It made me mad. It definitely hurts!

Во время выступлений были употреблены эмоционально окрашенные прилагательные (иногда с интенсификатором «very»), что помогает понять отношение автора к ситуации, о которой идет речь:

The poor woman tried to translate this for him.

Something very easy, yet creative and persuasive.

We are very cool!

Why do we have that belief? Well, it's very simple.

Лексема *of course* выступает маркером модальности достоверности, применяется лектором для выражения истинности высказываний, подтверждения личной точки зрения, отображения отношения к высказываемому, позволяет оказывать эмоционально-психическое воздействие на слушателя:

The Bard said everything best, of course, and he's making my point here but he's making it hyperbolically.

Dilbert already knows, of course.

Of course I meant to say reversible, not irreversible, and the transcript of the talk contains the correct word.

В рассмотренных онлайн-лекциях преобладают операторы долженствования и рекомендации:

So I highly recommend that you teach yourself languages other than the one that I'm speaking, because there's never been a better time to do it.

I have to go slightly obscure, but really you should seek it out.

We really shouldn't kill our language.

Важное значение также имеют принципы рефлексивности, коммуникативного сотрудничества, субъективной активности и обратной связи. Например, последовательное использование местоимения *we* в предложениях создает эффект сплоченности людей и их общих интересов. Таким образом реализуется принцип

коммуникативного сотрудничества, который способствует установке взаимного понимания друг друга.

If we were to kill the language, we'd have to find an identity. We'd have to find an existence. We'd go back to the beginning. This is beyond just missing our chance of being modern and civilized.

Принцип коммуникативного сотрудничества мотивирует пойти навстречу в понимании, не исключаящем при этом противоположность личных позиций партнером по коммуникации [Ежова 2007]. В изучаемых лекциях периодически предполагается существование двух или более различных точек зрения, что реализуется при помощи союза *or*.

The language I'm speaking right now is on its way to becoming the world's universal language, for better or for worse.

How do you say whether this guy understands or not? So, if I say, «Freedom, sovereignty, independence (English),» or if your son came up to you and said, «Dad, have you lived through the period of the freedom (English) slogan?»

Принцип субъективной активности предполагает способность к самостоятельному осмыслению и трактовке обсуждаемых тем, а принцип рефлексивности подразумевает соотношение полученной информации с уже имеющимся кругом проблем и задач. Так, например, Suzanne Talhouk в своем выступлении «Don't kill your language» использует предложения, имеющие смысловое ударение, которые дополняются вопросительными предложениями, что побуждает слушателя к ускоренной обработке полученной информации:

Language isn't one, two or three words or letters put together. It's an idea inside that relates to how we think, and how we see each other and how others see us. What is our intellect? How do you say whether this guy understands or not?

Принцип рефлексивности проявляется в использовании вопросительных предложений, которые заставляют задуматься о собственном отношении слушателя/зрителя к поднятой проблеме:

How would you feel?

In conclusion, what can you do today?

Why do you bother?

Невербальные стратегии включают стратегии экономии речевого высказывания, регулирования речевого потока, акцентирования внимания, выражения субъективной позиции и реализуются невербальными средствами, включающими интонацию, мимику, жесты.

Анализ текстового материала и видеоряда онлайн-лекций позволяет прийти к выводу о том, что варьирование коммуникативных стратегий и использование метадискурсивных маркеров спикером направлены на передачу предметных знаний реципиенту, убеждение слушателя в достоверности получаемой им информации, оказание воздействия на сознание обучающегося для реализации образовательной и социализирующей целей.

Литература

Авакова М.Л. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4. С. 465-468.

Ежова Т.В. Принципы проектирования педагогического дискурса // Философия образования. 2007. № 1. С. 185-191.

Natalya Yu. Sorokoletova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

Tamara N. Tsinkerman (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

COGNITIVE AND PRAGMATIC SPECIFICS OF ENGLISH ONLINE LECTURES

The article considers the cognitive and pragmatic features of English online lectures. The authors describe the metadiscursive markers (realized by different language means) and basic verbal communicative strategies that contribute to the implementation of the educational and socializing goals of the lectures under study.

Key words: cognitive, pragmatic, online lectures, metadiscourse markers, communication strategies

О.Н. Сысолятина (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
sisolyatina@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается влияние этнокультурных особенностей на вербальную репрезентацию эмоциональных состояний у представителей разных национальных культур, а также некоторые проблемы межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, дескриптор эмоций, когнитивная оценка, межкультурное взаимодействие

Эмоцию в общем смысле можно рассматривать как результат когнитивной оценки определенного результата. Каждая эмоция универсальна, она включает два основных компонента: физиологический и когнитивный. Качество эмоции зависит от оценки человеком своего физиологического состояния, а также вербального и невербального поведения. Сами эмоции выражаются в виде двигательных, мимических и вербальных реакций.

Когнитивные модели включают большой объем индивидуального опыта и определяются естественным языком. Так, на основе языка возникает целая «концептуальная вселенная». По мнению Г. Лакофф и З. Кевечес, носители языка, описывая эмоции языковыми средствами, способны глубже понять собственную психологию [Лакофф; Кевечес 1987: 195-221].

Экспериментальные данные показывают, что эмоции напрямую связаны с дескриптивным описанием. Дескрипторами эмоций являются слова и словосочетания, описывающие эмоции, т. е. «психофизиологическая» лексика (ср. «сердце остановилось от ужаса», «онеметь от удивления», «похолодеть от страха»). Н.А. Багдасарова полагает, что для понимания эмоционального опыта необходимо изучать языковые описания эмоций [Багдасарова 2005: 105-111].

Важной отличительной характеристикой русского языка является богатый

словарь лексических и грамматических выражений для описания эмоций и придания особого колорита межличностным отношениям. Не все русские слова и выражения могут быть переведены на другие языки. Например, в русском языке есть большое количество «задушевных» слов (заветный, ненаглядный, родимый), слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (голубчик, душенька, миленький, светик мой), а также много эмоциональных глаголов (тосковать, хандрить, томиться, огорчаться, ужасаться, негодовать, стыдиться, любоваться и др.).

Ученые из института эстонского языка Р. Алтров и Х. Паюпуу выдвинули гипотезу о том, что представители культур со схожими культурными ценностями или близким географическим положением лучше распознают выражения эмоций друг друга, чем представители неродственных культур, которые географически отдалены [Алтров, Паюпуу 2011]. Целью ученых стало определить насколько хорошо люди из разных культур могут распознавать эмоции только по голосовому выражению, и зависит ли это от культурной и географической близости между группами выражающих и воспринимающих.

Участникам эксперимента (эстонцы, латвийцы, итальянцы) был предложен тест на прослушивание предложений на эстонском языке. Сначала эстонцы определяли предложения как выражающие радость (10 предложений), гнев (10 предложений), печаль (10 предложений) и нейтральные предложения (5). Затем эти же предложения были представлены для прослушивания латвийцам и итальянцам. Исследование показало, что все группы участников, эстонцы, латыши и итальянцы, по-разному определяют большинство эмоций. Исключением стала схожая идентификация грусти у эстонцев и итальянцев. Латыши признают печаль, выражаемую эстонцами, только в около 50% случаев. Итальянцы распознали больше эмоциональных состояний, но печаль была единственной эмоцией, которая имела статистическое значение. Таким образом, Алтров и Паюпуу пришли к выводу о том, что культурная и географическая близость не влияет на распознавание эмоций, основанное только на голосовом выражении.

Эксперимент эстонских ученых показывает, что просодические характеристики недостаточны для идентификации эмоциональных состояний. Наиболее точными дескрипторами наших эмоций могут стать лексические единицы, которые, как правило, употребляются носителями конкретного языка в совокупности с невербальными жестами.

Несмотря на схожие переживания представителей разных культур словарь эмоций в разных языках различается. Дескриптивная эмоциональная лексика имеет выраженную национальную специфику. В основе мировосприятия каждого народа заложена особая система когнитивных схем, значений, этнокультурных стереотипов, а сознание человека обусловлено этническими характеристиками. Как правило, эта система не осознается самими носителями языка и культуры. Осознание возникает в момент взаимодействия с представителями других культур.

Исследование Ж.-М. Деваль и Л. Саломиду было посвящено изучению трудностей передачи эмоций в межкультурных парах. Партнеры обладали разными убеждениями, предположениями и ценностями, что становилось особенно замет-

ным в процессе их социализации в разных социокультурных пространствах [Деваль, Саломиду 2017: 116-130].

К.С. Пиетикайнен изучала использование ELF в межкультурных отношениях, когда партнеры происходили из разных языковых культур и использовали английский в качестве общего языка общения. Она провела интервью с шестью многоязычными парами, которые использовали ELF в отношениях, а также, записи разговоров, сделанные семью парами ELF. Пиетикайнен обнаружила, что многоязычные пары часто переключают языковые коды, что объясняется сосредоточенностью на создании смысла [Пиетикайнен 2014]. Рассматривая способность пар ELF эффективно общаться, Пиетикайнен отмечает, что они способны адаптировать код своей пары к потребностям во взаимодействии, поэтому частота недоразумений у них несколько ограничена. Анализ случаев недопонимания показал, что они возникают из-за неясности в отношении референта. Чтобы преодолеть эти трудности, пары прибегали к экстралингвистическим средствам, в частности, к указанию или подражанию.

Л. Коллинз, автор работы «When in French. Love in a second language» описывает опыт межкультурного взаимодействия со своим французским мужем. В начале отношений ей хотелось, чтобы у них был свой собственный язык. Частые недопонимания в разговорах на английском порождали напряжение. Однажды, когда голос мужа стал низким и грустным, он сказал: «Говорить с тобой по-английски – это все равно, что прикасаться к тебе в перчатках» [Коллинз 2016]. Со временем Коллинз усовершенствовала знание французского языка и пара стала использовать французский язык более регулярно. Коллинз была удивлена тому, насколько ласково звучит ее муж, разговаривая на родном для него языке: *mon amour, ma chérie, bébé, poussin, mouton*. Слово «bébé», обращенное к взрослой женщине, выражает, по мнению Коллинз, предельную нежность. Для представителя англоязычной культуры, такое обращение является нетипичным.

В современном греческом языке существует вежливая форма обращения «κοίκλα μου», обычно адресованное девушке или женщине. В сознании грека присутствует ментальный образ милой, очаровательной, вежливой представительницы женского пола, которую называют «куклой». В русской культуре такое обращение к девушке или женщине может вызвать непонимание или даже быть воспринято как оскорбление, так как в соответствии с ментальной репрезентацией в сознании русскоязычного человека «кукла» это красивое, но глупое создание.

Современный мир отличается поликультурностью. В разных сферах общественной жизни нам необходимо уметь выстраивать взаимодействие с представителями других культур. Для того, чтобы данное взаимодействие перешло в разряд эффективной коммуникации, важно знать этнокультурную специфику поведения иностранца. Анализ вербализации эмоциональных состояний в межкультурном контексте позволяет установить связь между этнокультурной спецификой представителей других культур, их особым мироощущением и уникальным способом репрезентации эмоций с помощью особых языковых дескрипторов. Все это способствует более глубокому пониманию когнитивных оснований межкультурной коммуникации.

Литература

- Багдасарова Н.А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур // Человек. 2005. № 4. С. 105-111.
- Altrov R., Pajupuu H. Recognition of Emotions in Intercultural Communication. URL: https://www.researchgate.net/publication/328215963_Recognition_of_Emotions_in_Intercultural_Communication.
- Collins L. When in French. Love in a second language. New York: Penguin Press, 2016.
- Dewaele J.-M., Salomidou L. Loving a partner in a foreign language // Journal of Pragmatics. 2017. Pp. 116-130.
- Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 195-221.
- Pietikäinen K.S. ELF couples and automatic code-switching // Journal of English as a lingua franca. 2014. Pp. 1-26.

*Olga N. Sysolyatina (Kirov, Russia)
Vyatka State University*

VERBAL REPRESENTATION OF EMOTIONAL STATES IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION

The article considers the influence of ethnocultural characteristics on the verbal representation of emotional states among representatives of different national cultures, as well as some problems of intercultural interaction.

Key words: emotional state, emotion descriptor, cognitive assessment, intercultural interaction

*И.Г. Тамразова (Москва, Россия)
Московский политехнический университет
ilona999@mail.ru*

ПСЕВДОИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-РЕЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ

Псевдоидентичность рассматривается как когнитивно-поведенческая категория, распространяющаяся прежде всего на деловитый имидж коммуниканта. Суть псевдоидентичности состоит в намеренных когнитивных искажениях, провоцируемых у адресата в процессе коммуникации, создающих ложное представление о системе внутренних релевантностей говорящего.

Ключевые слова: псевдоидентичность, когнитивные искажения, эристическое в речи, когнитивная асимметрия, когнитивно-коммуникативные стратегии

Категория идентичности междисциплинарна [Шнейдер 2019], как междисциплинарен сам антропоцентричный метод, и распространяется на речекогнитивное сознание и поведение индивида. Речевая идентичность в отличие от категории языковой личности [Караулов 2007] рефлексивна как результат и как функция человеческого самосознания (ср. [Recanatì 2008]). Кроме того, она итеративна, т. е. периодически воспроизводится в своем осмыслении, но при этом определяются вариативной речекогнитивной динамикой [Болдырев 2016]. В этом речевая идентичность ближе понятию дискурсивной (коммуникативной) личности [Болдырев 2018] как носителя коммуникативной компетенции, речевого этоса [Amossy 2008; Maingueneau 2002], формирующегося в процессе речевой

деятельности ситуативно – в зависимости от релевантной контекстуальной модели коммуникации [Dijk 2008]. Иными словами, понятие *дискурсивная личность* подразумевает не просто умение пользоваться языковыми знаниями в разных коммуникативных ситуациях, но и присущие говорящему субъекту когнитивные и психо-дискурсивные доминанты (ср. [Болдырев, Григорьева 2018; Белянин 2000]), реализующиеся в речевой интеракции [Алферов 2011].

Контекстуальная когнитивная модель коммуникации определяет взаимодействие двух когнитивных механизмов – эмпатии [Tomasello 2009] и эпистемической бдительности [Sperber 2009]. Если эмпатия стремится к искренности и резонансу когнитивных релевантностей взаимодействующих коммуникантов [Ириханова 2018], то принцип эпистемической бдительности запрещает открытость как в информационном, так и в интерперсональном аспектах [Тамразова 2020].

Эпистемическая бдительность рождает особый тип не просто речевого поведения, но и трансформированной идентичности – адгерентной (внешней) личности (ср. «личина»), личности «напоказ», эристической речевой идентичности, обращенной своей защитной функцией не только к аудитории, но и к собственному самосознанию [Тамразова 2021]. Такая адгерентная *псевдоидентичность* сосуществует с ингерентной, внутренней идентичностью, раскрыть которую можно лишь при когнитивном резонансе в интерперсональном диапазоне коммуникации (ср. «разговор по душам») [Попова 2023; Шнейдер 2019].

Примеры псевдоидентичности лежат на поверхности. Прежде всего это люди, «выдающие себя за другого», «двуличные», практикующие «двоемыслие» («doublethink») как адгерентную когнитивно-контекстуальную модель [Алферов 2019].

В когнитивно-дискурсивном выражении псевдоидентичность функционирует за счет навязываемых собеседнику когнитивных искажений [Haselton 2006], вводящих противоречие в восприятие когнитивно-контекстуальной модели деятельности и речевого фреймов в ситуации коммуникативной интеракции [Алферов, Курашенко, Попова 2016].

Такие когнитивные манипуляции имеют многоликое воплощение и по духу свойственны всем проявлениям эристического в речи и когнитивно-речевому стилю истинного эриста, например, Ф. Ницше, предлагающего следующие коммуникативные эристы:

« – Уловка. Кто хочет требовать от кого-либо другого чего-либо трудного, тот вообще не должен представлять дело в виде проблемы, а должен просто изложить свой план, как будто последний есть единственная возможность. И когда во взоре другого лица начинает разгораться возражение, противоречие, он должен суметь быстро оборвать его и не дать ему опомниться.

– Когда уместны парадоксы. Иногда, чтобы убедить в чем-либо одаренных людей, нужно только изложить утверждение в виде чудовищного парадокса» [Ницше 2007: 154].

Результатом такой коммуникации, осуществляемой посредством адгерентной псевдоидентичности, является адгерентный эристический делокутивный

имидж [Тамразова 2021], замещающий ингерентную психосоциальную и дискурсивную идентичность. В институциональном, например, политическом дискурсе псевдоидентичность имеет отпечаток дискурсивной формации [Алферов 2019].

В обыденном общении механизмы псевдоидентичности часто описывались в терминах психокоммуникативных ролей, или позиций (напр., «взрослый», «родитель», «ребенок») [Берн 1996; Тамразова 2021], хотя мы склонны различать псевдоидентичность и когнитивно-коммуникативные позиции. Различие состоит в степени интегрированности позиций в когни-психологическую идентичность субъекта, в степени воплощенности в его *alter-alter...ego* [Тамразова 2014].

В художественном нарративе псевдоидентичность характерна для трикстера – часто людического, но порой и трагического ее воплощения [Тамразова 2019].

Исследуя дискурсивную личность такого персонажа – доктора Грегори Хауса из одноименного ситкома («House, MD»), мы пришли к выводу, что его речевая псевдоидентичность транслируется посредством нескольких парадоксальных речегогнитивных стратегий, вполне универсальных в коррелятах русского перевода [Алферов, Попова 2017]. Такие парадоксы сделали мемами высказывания-«хаусизмы» фикциального доктора (в скобках: сезон / серия) [House MD]:

– Воинствующий антитеизм:

(1) *If You Talk to God, You're Religious; If God Talks to You, You're Psychotic* (Если ты разговариваешь с Богом, ты – верующий. Если Бог разговаривает с тобой, ты – ненормальный);

(2) Wilson: How'd it go? House: *She has God inside her. It would have been easier to deal with a tumor* (1/5) Уилсон: Ну как там? Хаус: *В ней Бог. Легче справиться с опухолью...*;

– Гипертрофия «эпистемической бдительности» («Пациент всегда глуп» и «Все врут!»):

(3) Dr. House: *Everybody lies*. Dr. Cameron: Dr. House doesn't like dealing with patients. Dr. Foreman: Isn't treating patients why we became doctors? Dr. House: No, treating illnesses is why we became doctors (1/1). Д-р Хаус: *Все лгут*. Д-р Кэмерон: Доктор Хаус не любит общаться с пациентами. Д-р Форман: Разве лечение пациентов не то, зачем мы стали врачами? Д-р Хаус: *Нет, мы стали врачами, чтобы лечить болезни*.

(4) *What would you want, a doctor who holds your hand while you die, or a doctor who ignores you while you get better? I guess it would particularly suck to have a doctor who ignores you while you die* (Что лучше: врач полный сочувствия, у которого ты умрешь, или врач, тебя игнорирующий, у которого ты поправишься? Конечно, врач, тебя игнорирующий, у которого ты умрешь, это уже слишком).

Сарказм и ирония Хауса, вызывающие смех у зрителя телесериала, были слишком шокирующими, будь это реальное общение. Откровенный эпатаж и издевка – главные эристы – когнитивно-коммуникативные доминанты псевдоидентичности эксцентричного доктора (см. подробнее в [Тамразова 2021]).

Категория псевдоидентичности до сих пор мало разработана. Взаимодействие когнитивного стиля и речевого портрета адгерентного эриста представляется нетривиальным объектом когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований.

Литература

- Алферов А.В.* Интеракциональная лингвистика и структура диалога // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2011. № 4. С. 135-137.
- Алферов А.В.* Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова, А.М. Червоный. М.: Московский Политех, 2019.
- Алферов А.В., Попова Г.Е.* Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2017. № 1. С. 69-71.
- Алферов А.В., Курашенко И.Р., Попова Г.Е.* The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2016. № 1. С. 117-121.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. М.: Тривола, 2000.
- Бери Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Специальная литература, 1996.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (49). 2016. С. 10-20.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 37-42.
- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.
- Ирисханова О. К.* Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334-344.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М.: Академический Проект, 2007.
- Попова Г.Е.* Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: ПГУ, 2023.
- Тамразова И.Г.* Метаязыковая рефлексия в языковой картине мира // Исследования в контексте профессиональной коммуникации. Коллективная монография / ред. Э.Н. Шехтман. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 102-107.
- Тамразова И.Г.* Культурологическая эристика и ее отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 146-158.
- Тамразова И.Г.* Эристика как социокультурный вызов и тип эмоционального интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2020. № 1 (40). С. 251-268.
- Тамразова И.Г.* Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии. М.: Московский политех, 2021.
- Шнейдер Л.Б.* Психология идентичности. М.: ЮРАЙТ, 2019.
- Amossy R.* La présentation de soi. Ethos et identité verbale. Paris: PUF, 2010.
- Dijk van T.A.* Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Haselton M.G.* The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases // Personality and Social Psychology Review. 2006. 10(1). Pp. 47-66.
- House MD – House Transcripts. – URL: <https://clinic-duty.livejournal.com/17180.html>
- Maingueneau D.* L'ethos, de la rhétorique à l'analyse du discours // Problèmes d'ethos. Pratiques. 2002. N° 113-114. Pp. 55-68.
- Recanati F.* Philosophie du langage (et de l'esprit). Paris: Gallimard, 2008.

Sperber D. Epistemic Vigilance / D. Sperber, F. Clément, C. Heintz, O. Mascaro, H. Mercier, G. Origg, D. Wilson // Mind & Language. 2010. Vol. 25, No. 4. Pp. 359-393.

Tomasello M. Why We Cooperate / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

*Илона Г. Тамразова (Москва, Россия)
Moscow Polytechnic University*

PSEUDO-IDENTITY AS A COGNITIVE-SPEECH CATEGORY

Pseudo-identity is considered as a cognitive-behavioral category, extending primarily to the delocative image of a communicant. The essence of pseudo-identity consists in moderate cognitive distortions provoked by the addressee in the process of communication, creating a false idea of the speaker's internal relevance system.

Key words: pseudo-identity, cognitive distortions, eristic in speech, cognitive asymmetry, cognitive and communicative strategies

И.Н. Толмачева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
i_tolmacheva@mail.ru*

О.А. Якимова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
trollking@mail.ru*

МЕХАНИЗМЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ)*

В статье рассматриваются когнитивные механизмы и языковые средства нейтрализации потенциально конфликтных смыслов в русскоязычных интервью. Определено, что данная нейтрализация мотивирована действием когнитивных механизмов перефокусирования, абстрагирования и аналогии, раскрывающих ряд концептуальных схем предотвращения потенциальной конфликтности.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, когнитивные механизмы, языковые средства, интервью

В настоящее время особую актуальность приобретает выявление когнитивных механизмов и языковых средств, которые обуславливают нейтрализацию и/или предотвращение потенциально конфликтной интерпретации слов и смыслов в публичном дискурсе. Когнитивные механизмы «выступают в качестве механизмов формирования конкретных смыслов, которые и репрезентируются в языке с участием определенных языковых механизмов» [Болдырев, Маховикова 2012: 7]. В своей работе Н.Н. Болдырев упоминает значимость «использования языкового контекста как средства структурирования и актуализации контекста знаний» при изучении механизмов нейтрализации и предотвращения отрицательной, конфликтной интерпретации языковой семантики и смысла участниками

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

коммуникации [Болдырев 2022: 27]. С этой позиции обратим внимание на некоторые аспекты влияния языкового контекста на тональность публичной коммуникации на примере русскоязычных интервью с деятелями культуры и искусства.

Как показало исследование интервью, в формировании бесконфликтных смыслов участвуют такие когнитивные механизмы как перефокусирование, абстрагирование и аналогия, а в роли языковых средств могут выступать помимо лексических синтаксические и дискурсивные единицы языка. Комплексное действие вышеуказанных механизмов раскрывает концептуальные схемы предотвращения потенциальной конфликтности, используемые в интервью на русском языке. К числу наиболее часто встречающихся концептуальных схем относятся уклонение от ответа на вопрос либо нежелание развивать предложенную интервьюером тему разговора.

Обратимся к текстовым фрагментам, в которых реализуется концептуальная схема «желание не развивать тему» / «уклонение от темы разговора»:

– Кстати, что там насчет красивых женщин?

– **Отвяжитесь!** Его первая жена актриса Елена Корнилова, и вторая – моя мама Алла Семичастнова, тоже актриса и даже в некотором смысле эталонная русская красавица (ведущая программ в ансамбле «Березка») – обе были очень красивые. **Вам мало?** [Интервью 1].

В приведенном примере посредством глагола «отвяжитесь» в форме повелительного наклонения, используемого в разговорном стиле речи, говорящий выражает свою эмоциональную реакцию на неловкий, неудобный ему вопрос. Подобным ответом, для которого характерна определенная резкость, автор демонстрирует нежелание развивать неприятную для него и потенциально конфликтную для собеседника тему и, тем самым, стремится к предотвращению конфликтности. Следует отметить, что диалог продолжается далее в весьма доброжелательном ключе, он не прерван, коммуникация не нарушена, что еще раз подтверждает наше предположение о стремлении говорящего к бесконфликтности. Завершается диалог шутливым вопросом «Вам мало?», который служит в данном контексте попыткой выразить мысль о том, что и так достаточно сказано, и говорящий хотел бы прекратить дальнейшее обсуждение вопроса.

Следующий фрагмент интервью также является ярким примером действия когнитивных механизмов перефокусирования и абстрагирования, когда говорящий мысленно выделяет для себя нежелание развивать потенциально конфликтную тему. Вместе с тем, отмечается также перенос когнитивного фокуса говорящим с того, «как справляешься» на отсутствие того, с чем надо справляться, и, соответственно, обуславливает невозможность дальнейшего обсуждения затронутой интервьюером темы:

– Хорошо, а как вы справляетесь с обидами?

– **Такого слова нет** в моем лексиконе [Интервью 3].

Уклонение от темы разговора в вежливом, неконфликтном ключе либо вежливость дать неожиданный, провокационный ответ традиционно возможны за счет различных языковых форм извинения, к примеру:

– **Извините**, для меня это триггер, поэтому такая острая реакция [Интервью 5].

– Пусть на меня не обижаются фанаты Аркадия Гайдара – но в нем было слишком много страсти к советской власти. Слишком много комиссаров, военных тайн, врагов и отважных пионеров [Интервью 1].

– **Извините, что я вас перебиваю**, но это очень тривиальный вопрос, его все время задавали маме. С кем проще работать – с людьми или с животными? <...> [Интервью 3].

С целью предотвращения конфликтной коммуникации в рамках действия когнитивных механизмов перефокусирования и абстрагирования при уклонении от вопросов отмечено использование говорящими и других языковых средств, указывающих на невозможность дать точный или правдивый ответ. Часто это выражается в языке прямо – посредством сочетания отрицательной частицы и модального глагола, а также вводными словами «наверное», «кажется» и подобными, способствующими нейтрализации категоричности высказывания, когда остается место для обсуждения, для выражения другой точки зрения:

– Почему грузинская душа поет по-особенному?

– **Не могу ответить на этот вопрос, наверное**, с моей стороны это будет нескромно и об этом должны говорить не грузины. **Мне кажется**, в грузинских пещерах есть что-то и очень грузинское, и интернациональное [Интервью 5].

– Что для вас патриотизм?

– **Мне всегда было сложно ответить на вопрос**, что такое патриотизм [Интервью 4].

– Я долго шла к успеху и, **мне кажется**, я его заслужила, честно вытянула этот билет <...> [Интервью 5].

Концептуальная схема «желание не развивать тему» / «уклонение от темы разговора» тесно связана со схемой «невозможность или нежелание дать ответ на поставленный вопрос», которая передается в языке при помощи междометия, выражающего сомнение и неуверенность:

– Конечно, Драгунский очень талантлив, и в финальном зачете он обошел многих своих «взрослых» конкурентов. Но тут еще и другое: детская литература более живуча, чем взрослая.

– **Черт его знает**. Дети рвут книги, поэтому популярного детского писателя переиздают гораздо чаще, чем взрослого. Хотя хорошая детская литература и впрямь долговечнее [Интервью 1].

Одним из языковых средств, обеспечивающих осуществление бесконфликтной коммуникации, является выражение согласия с собеседником. Оно может осуществляться как за счет традиционных лексических средств с соответствующей семантикой (да, согласен, совершенно верно, разумеется, конечно, безусловно и т. п.), так и стилистических, например, синонимического повтора:

– **Случались ли у вас конфликты с режиссерами по поводу каких-нибудь ролей?**

– **Были, но** не конфликты, а диалоги, потому что, когда получаешь большую роль, особенно если это связано с классикой, не всегда возникает согласие [Интервью 2].

В процессе анализа интервью отмечена реализация еще одного когнитивного механизма – аналогии. В частности, обращают на себя внимание синтаксические повторы, которые способствуют успешности и гармонии ведения коммуникации. Благодаря использованию в речи повторов респондент поддерживает диалог, «отзеркаливает» вопрос:

– Насколько **важно** ограждать свою душу от яда людского?

– **Очень важно!** У некоторых людей как будто целые резервуары этого яда, из которых они его щедро расплескивают! [Интервью 2].

– Ваша миниатюрность **никогда** не мешала в профессии?

– **Никогда.** Если надо, я надеваю туфли на каблуках, и мне кажется, что я высокая [Интервью 2].

– Казалось бы, так элементарно и так прекрасно просто быть хорошим человеком, но почему **многие не выбирают этот путь?**

– **Многие не выбирают путь** доброты и благодетели, потому что это сложнее [Интервью 5].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что представление о бесконфликтности в нашем сознании многообразно и многопланово, что подтверждается действием целого ряда когнитивных механизмов, а средства ее выражения в языковом общении очень разнообразны. Установлено, что нейтрализации потенциальной конфликтности могут способствовать перефокусирование, абстрагирование и аналогия, нередко действующие комплексно в качестве когнитивных механизмов формирования бесконфликтного смысла.

Литература

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25-30.

Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2 (31). С. 5-15.

Интервью 1. Дениска празднует юбилей папы. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/deniska-prazdnuet-yubiley-papy>.

Интервью 2. Ольга Волкова: девочка с трамвайных подножек. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/olga-volkova-devochka-s-tramvaynykh-podnozhek>.

Интервью 3. Тереза Дурова: «Половина семейных историй – уже легенды». URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/tereza-durova-polovina-semeynykh-istoriy-uzhe-le-gendy>.

Интервью 4. Элисо Вирсаладзе: «Честность – не общий удел». URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/eliso-virsaladze-chestnost-ne-obschiy-udel>.

Интервью 5. Этери Бериашвили: «Мне кажется, я заслужила свой успех». URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/eteri-beriashvili-mne-kazhetsya-ya-zasluzhila-svoy-uspek>.

Irina N. Tolmacheva (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

Olesya A. Yakimova (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

MECHANISMS OF POTENTIAL CONFLICT NEUTRALIZATION IN PUBLIC DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN INTERVIEWS)

The article considers the cognitive mechanisms of neutralizing potentially conflicting meanings in Russian interviews. It is determined this neutralization is based on such cognitive mechanisms as

refocusing, abstraction and analogical reasoning. They reveal a number of conceptual schemes for potential conflict prevention.

Key words: conflict-free communication, cognitive mechanisms, language means, interviews

В.А. Тырыгина (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
Vatyrygina@lunn.ru

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЫДЕЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЖАНРОВОЙ КАТЕГОРИИ ТЕКСТА

В статье уделяется внимание проблеме идентификации жанра не столько с опорой на языковые данные в рамках описательной лингвистики, сколько через его концептуализацию в терминах когнитивных явлений. Представлен анализ выделенности референтов в предметно-референтной ситуации двух медиажанров.

Ключевые слова: жанр, профилирование, выделенность, дефокусирование, предметно-референтная ситуация

Когнитивный подход к исследованиям в области жанра позволил подняться на новый уровень постижения природы жанра. По мнению С. Шмидта, сущность (essentials) жанра не может быть выявлена (распознана) лишь через наблюдение его материальных проявлений (materialities) [Schmidt 1986: 373]. «Жанры должны быть концептуализированы в терминах когнитивных явлений, а не представлены через набор свойств, извлеченных из текстов» [там же: 374]. В.Б. Шкловский осмысливал жанры как «постоянно установленные обычаи – этикетки порядка осмотра мира» [Шкловский 1974: 755], понимая под этикетом особый культурный комплекс, принятую в социуме в его различных кругах систему поведения, в частности, обычаев и правил представления информации. Для Шкловского «порядок осмотра мира» – это система поиска, используемая для исследования внешнего мира: «Человеческое сознание, исследует внешний мир, не восстанавливая каждый раз всю систему поиска. Внутренние связи становятся настолько привычными, что как бы отсутствуют» [там же: 756]. Языковой коллектив постепенно вырабатывает наиболее эффективные «порядки осмотра мира» и закрепляет в жанрах лучшие технологии работы с информацией. В жанре закрепляется способ восприятия информации, концептуализируется феномен направленности внимания, получивший несколько обозначений в когнитивной лингвистике: высвечивание, перспективизация, профилирование, фокусировка (Дж. Лакофф, Дж. Тейлор, Ч. Филлмор, Р. Лэнекер). Прежде всего необходимо отметить, что в любом типе дискурса референтная ситуация формируется по принципу фокусирования референтов. Под «фокусом» понимается «акт выбора объекта для специальной обработки вниманием. В этом отношении объект, находящийся в фокусе, выделяется из множества других объектов, образующих его окружение, или периферию» [Дейк 1978: 315]. О.К. Ирисханова вводит

дополнительное понятие – *дефокусирование*, под которым понимается «выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью различных языковых единиц» [Ирисханова 2014: 13]. Жанр содержит в себе установку на способ представления действительности: «...жанр отражает не непосредственную действительность, а характерные отношения к ней... жанр – это всегда установка на ... *способ изображения*, характер и масштаб обобщения, вид подхода, отношения к действительности» [Вакуров, Кохтев, Солганик 1978: 7]. Другими словами, восприятие и осмысление мира через жанровую призму связано с фокусированием внимания на отдельных фрагментах мира и понижением степени выделенности других фрагментов ситуации.

Референтная ситуация и жанр. В фреймовом концепте жанра репрезентируются знания, связанные с определенной, регулярно повторяющейся референтной ситуацией, причем в этой ситуации отдельные, представляющие наибольший интерес значимые / релевантные (*salient*), элементы (референты) фокусируются, выделяются среди других, т. е. выступают как фигура по отношению к своей основе; иначе говоря, имеет место так называемая перспективизация события в терминологии Филмора [Fillmore 1982: 1992] или выделение фигуры (*trajector*) и фона (*landmark*) в терминологии Лэнгекера [Langacker 1991]. Разные жанры могут иметь одну и ту же референтную ситуацию, т. е. предметом изображения может служить одно и то же событие, один и тот же фрагмент реального мира. Однако в зависимости от коммуникативно-целевой установки жанра они освещаются, сканируются с разной полнотой охвата, с разным масштабом, с разных точек зрения, при этом выделяют разные референты. Таким образом, определенная часть сложной объективной реальности ускользает от автора, дефокусируется, оставляется им без внимания, игнорируется, служит фоном, на котором высвечиваются, фокусируются релевантные для текста того или иного жанра референты.

Ниже будет рассмотрена выделенность референтов в референтной ситуации двух медиажанров: комментария (*commentary*) и репортаже (*reportage*). Материалом для исследования послужили следующие ежедневные периодические британские издания, включая воскресные: *The Times*, *The Guardian*, *The Independent*, *The Sunday Times*. Для решения поставленной задачи используется метод анализа дистрибуции предметных имен с целью выявления соотношенности коммуникативного назначения жанра с когнитивной выделенностью, фокусированием референтов (фрагментов), что повторяется в текстах этих медиажанров и подтверждает идею «порядка осмотра мира».

Тип выделенности в референтной ситуации медиажанра «комментарий». Коммуникативное назначение комментария (*commentary*) состоит в том, чтобы оперативно разъяснять факты, события, устанавливая причинно-следственные связи с другими фактами, событиями. Контекст рассматриваемого фрагмента следующий: запретить или сохранить в стране охоту на лис и какой способ регулирования их численности считать наиболее гуманным.

The countryside is going through a catastrophic period. Farmers' incomes range from zero to the derisory; 20,000 workers a year are leaving agriculture; local services

are closing; **transport** is expensive or non-existent. The **countryside** has formed its own way of life, adapted to this **environment** over many centuries. The **Welshman** and the **fox** have both learnt this skill; they have learnt how to survive on the **hills** of Wales.

Событийный денотат – охота на лис – встраивается в широкий жизненный контекст, узкая экологическая проблема связывается с экономической ситуацией в сельских регионах страны, с освященным временем культурно-историческими традициями и укладом жизни, с ландшафтно-географическими характеристиками. Все это ведет к укрупнению масштаба изображения, более широкому размаху и большему охвату мира и в конечном счете сказывается на выборе номинативных единиц. Предпочтение отдается единицам, так сказать, «крупного членения» – словам, отсылающим к большим совокупностям людей: *farmers, workers*; словам, используемым в родовом значении, включающим весь класс референтов: *(the) Welshman, (the) fox*; словам с собирательным, недискретным значением: *transport, agriculture*; словам и словосочетаниям, обозначающим большие протяженности в пространстве: *countryside hills of Wales* и времени: *period, centuries*; словам, обозначающим широкие понятийные категории: *way of life*.

Тип выделенности в референтной ситуации медиажанра «репортаж».

Если в жанре комментария референтно-предметная ситуация вписывается в широкий контекст, то в жанре репортажа, задача которого состоит в том, чтобы протокольно и в то же время эмоционально точно передавать событие, вызывать в читателе эффект присутствия, напротив, контекст максимально сужается до координат «здесь и сейчас» (*hic et nunc*). Во фрагменте, приведенном ниже, репортаж как бы ведется с борта сверхзвукового авиалайнера «Конкорд», выполняющего свой последний прощальный рейс.

Sporting a Concord keyring modified as a necklace, Liz Baikie, from Edinburg, is on her second Concord flight in 17 weeks. She has even forgone buying a Mini Cooper for the pleasure of this £ 20-a-minute ride to the edge of space. «It is wrong, just wrong, that it should stop», she says as a red digital display screen on the cabin wall signals that we are travelling at March 2, faster than a bullet».

Здесь номинативные единицы имеют идентифицирующую референцию (*этом*). Реализация значения единичности достигается разными номинативными средствами, прежде всего использованием имени собственного *Liz Baikie*, которое по определению отсылает к уникальному референту (лицу). Значение единичности далее реализуются именами нарицательными, которыми автор называет объекты, находящиеся в поле его зрения: *keyring, screen, wall*, более того, данные конкретные, дискретные имена подкрепляются группой уточняющих слов, цель которых еще более ограничить, сузить область референции: *keyring* → *a Concord keyring modified as a necklace*.

Чтобы вызвать у читателя эффект присутствия, добиться наглядности, автор репортажа конкретизирует изображаемое называнием дополнительных, индивидуальных признаков таких, как указание на принадлежность: *Concord* (кроме того слово, вероятно, ассоциируется и с индивидуальным дизайном, отличающим данный лайнер), на форму: *modified as a necklace*.

В следующей группе: *screen wall* → *a red digital display on the cabin wall*

наряду с дополнительными признаками качества (digital), принадлежности (cabin) дается указание на пространственные отношения (координата «здесь») путем подчинения одного имени (screen) другому (wall). Если группа слов *screen on the wall* указывает на внутреннее пространство, то другая группа *to the edge of space* указывает на внешнее пространство за бортом лайнера, который летит со сверхзвуковой скоростью и находящиеся в нем пассажиры и автор с ними находятся как бы у «кромки пространства», на предельно допустимой высоте. Временные координаты («сейчас») выражены максимально конкретно и точно: *March 2*.

Проведенное исследование и полученные результаты несут элементы новой информации, существенной для постижения когнитивной природы жанра и имеют сферу применения в области преподавания различных университетских курсов, в частности, медийного дискурса.

Литература

- Дейк Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 259-337.
- Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Шкловский В.Б.* Тетива: О несходстве сходного // Собрание сочинений: т. 2. М.: Советский писатель, 1974.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: УРСС, 2002.
- Biber D.* A Typology of English Texts // Linguistics. Vol. 27. Hague; Paris, 1989. Pp. 3-43.
- Fillmore Ch.J.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. Seoul, 1982. Pp. 111-137.
- Fillmore Ch.J., Atkins B.T.* towards a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbours // Frames, Fields and Contrasts. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. Pp. 75-102.
- Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. 2. Descriptive application. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Schmidt S.J.* Towards a Constructive Theory of Media Genre // Poetics. 1986. № 16. Pp. 371-395.

Valentina A. Tyryguina (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod Linguistics University

COGNITIVE MECHANISM OF SALIENCE IN THE FORMATION OF THE GENRE CATEGORY OF THE TEXT

The article draws attention to the problem of identifying the genre not so much on the basis of linguistic data within the framework of descriptive linguistics, but through its conceptualization in terms of cognitive phenomena. The article presents an analysis of the salience of referents in the subject-referential situation of two media genres.

Key words: genre, profiling, salience, defocusing, subject-referential situation

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ-ИДИОМ СО СЛОВОМ «ФИГ» В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию особенностей употребления в русской повседневной речи форм-идиом (ФИд) со словом «фиг»: *ни фига, до фига, на фиг(а), по фиг(у)*. Исследование проведено на материале корпуса русской повседневной речи «Один речевой день». Данные ФИд, зафиксированные в языковом сознании носителей языка, формируют в устном дискурсе такие речевые акты как *экспрессив-эмотив* и *вердиктив-валюатив*.

Ключевые слова: устная речь, форма-идиома, речевой акт, речевой корпус, когнитивный подход

Устная речь является первичной и наиболее естественной формой реализации языка. Одной из особенностей, отличающих ее от письменной речи, является наличие большого количества устойчивых сочетаний разного рода, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими [Шведова 1960]. Одной из разновидностей таких готовых единиц являются лексикализованные предложно-падежные словоформы, выступающие в русской речи как тип устойчивых неоднословных единиц: *по ба-рабану, без проблем, до дури, по идее* и под. В научной литературе можно встретить различные наименования данных форм; в настоящей работе, вслед за П.А. Лекантом, описываем их с использованием термина «*форма-идиома*» (ФИд) [Лекант 1965: 41-43].

Источником материала для настоящего исследования стал звуковой корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>], который фиксирует устную спонтанную речь в максимально естественных условиях (см. о нем подробнее в [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян 2019]), и обнаруживает множество устойчивых сочетаний такого типа. В ходе сплошной выборки из корпуса был извлечен ряд ФИд со словом *фиг*, на контекстных особенностях которых и сосредоточено внимание в данной статье: *до фига, ни фига, на фиг(а), по фиг(у)*. Корпусные данные анализируются в работе с привлечением словарных источников, в частности, словаря русской разговорно-обиходной речи В.В. Химика [Химик 2017].

Кроме корпусного подхода в работе применяется когнитивный подход, который «дополняет анализ языка анализом речи», в том числе анализом фразеологии, пословиц, поговорок, афоризмов [Кочетова 2006: 52] Именно в такого рода «языковых знаках», по мнению исследователей, «хранится и транслируется культурная информация», во многом «объясняющая прошлое и настоящее языка и его носителей» [Ковшова 2019: 14]. На этих основах формы-идиомы со словом *фиг* рассматриваются в статье в семантическом, грамматическом и прагматическом аспектах.

Слово *фиг*, согласно словарным данным, «выражает усиление отрицательной оценки положения дел, ситуации» и относится к стилистически сниженной лексике [Химик 2017: 390]. Все формы-идиомы с этим словом являются грубыми и даже бранными выражениями [там же: 391-393].

В рассматриваемой группе единиц существует антонимическая пара: *до фи́га* ('много') – *ни фи́га* ('ничего'). В корпусе ОРД таких примеров достаточно, ср. (во всех случаях в скобках указано слово-идентификатор, наличие которого лишь подтверждает идиоматический характер единицы, а также синтаксическая функция формы-идиомы; об особенностях дискурсивной транскрипции корпусного материала см. в [Русский язык... 2016: 243-244]):

1) *кладываем до фи́га в Европу\$ и в Америку\$* (= много; обстоятельство);

2) *ну да / это () это зеркалка / она пикселей до фи́га делает* (= много; обстоятельство);

3) *вот на этой улице которая как раз перпендикулярно выходит на Савушкина\$ / тут места до фи́га* (= много; сказуемое);

4) *уже пацану двадцать шесть лет / нам... памяти ни фи́га нет* (= ничего; сказуемое).

В примерах видна грамматическая полифункциональность формы-идиомы *до фи́га*, которая выступает в контекстах как сказуемое или обстоятельство. При этом у формы-идиомы *ни фи́га* обнаруживается и много других значений, помимо 'ничего', ср.:

5) *ну вот например / это н(:)и фи́га не колбаса* (= совсем, никак, ни-сколько);

6) *уж осталось тридцать секунд *П на таймере // @ ни фи́га(?) со мной хорошо было* (= все в порядке).

Стоит отметить, что словоформа *ни фи́га* с расширением *себе* выражает состояние удивления и воодушевления говорящего, и такие употребления составляют около половины (40%) пользовательского подкорпуса материала исследования, ср.:

7) *Вы не расстраивайтесь // все будет нормально // @ ни фи́га себе !*

8) *что она вроде спала ? я даже не слышал // # так а не... ни фи́га себе / прискакала / все утро () под утро начала играть.*

Значения формы-идиомы *на фи́г(a)* разнообразны как в словаре, так и в корпусе, и грамматически тоже полифункциональны, ср.:

9) *это это с... это сеть // локальная сеть // *П я не знаю / давай на фи́г выключим его* (= совсем, полностью; обстоятельство);

10) *мне больше всего нравится / когда все это сумочка тужельки платьице уже все есть / а ну встань рядом // *П но теперь ты не подходишь совсем к этому *С // # *С на фи́г ты сдался / да ?* (= зачем, с какой целью; обстоятельство);

11) *и потом / на фи́га такая дура(:) то / ай / чушь собачья* (= незачем, не нужно; сказуемое);

12) *пенсионеров на фи́г надо / то есть у них везде ...* (= зачем, с какой целью; обстоятельство);

13) *нет / я в душ сегодня не пойду / на фи́г* (= незачем, не нужно; сказуемое).

Форма-идиома *на фи́г* в устном дискурсе чаще всего сочетается с глаголами *иди(те)*, *пошел*, *катись*, образуя конструкцию с требованием уйти, покинуть какое-л. место, ср.:

14) *идите на фи́г.*

Форма-идиома *по фи́г(y)*, в русской разговорной речи выступает чаще всего

как сказуемое безличного предложения и подчиняется общим законам языка, ср.:

15) *мне совершенно () по фиг # мне совершенно тоже *Н # я могу материться не материться;*

16) *то что вы с Ильюхой% к... шурили блин / то ли он / то ли ты не знаю кто пропустил там это / *В но уже / уже по фигу // *П как бы (...) *В главное сейчас ну / (...) ну (...) неровно / *П стена неровная / но (...) краска ляжет / по фиг блин.*

Видно, что для форм-идиом *на фиг(a)* и *по фиг(y)* существует вариативность формы, которая, похоже, никак не связана ни со значением, ни с грамматикой (хотя с расширением материала эту гипотезу можно специально проверить).

Пилотный прагматический анализ материала выявил два типа речевых актов (РА), формирующихся в русском устном дискурсе с помощью форм-идиом со словом *фиг*.

В настоящей работе принимается классификация РА, которая была построена Т.Ю. Шерстиновой именно на материале корпуса ОРД [Шерстинова 2015]. На основе данной классификации, рассматриваемые ФИД в устном дискурсе способны формировать такие речевые акты как экспрессив-эмотив (ЭМО) и вердиктив-валюатив (ВАЛ).

Формы-идиомы *ни фигу*, *на фиг(a)*, *до фигу* реализуются в речи как обстоятельство или сказуемое и формируют в устном дискурсе РА экспрессива-эмотива, т. е. выражают чувства и эмоции. В материале удалось выявить следующие подтипы ЭМО: выражение положительных эмоций, выражение отрицательных эмоций, удивление и др. Так, ФИД *на фиг* в примере (13) передает плохое настроение говорящего, а ФИД *до фигу* в примере (17) – его недовольство:

17) *они согласились () с подарками / которые им *Н ... # так (э-э) мы отправляли сколько работ-то / до фигу / мы не по пять работ () отправляли () (м-м) какие работы-то брать ?*

Форма-идиома *по фиг(y)*, которая в устном дискурсе квалифицируется как сказуемое, выражает личное мнение говорящего, которому что-либо неинтересно или безразлично, и тем самым формирует РА вердиктива-валюатива, т. е. выражает оценочное мнение или мнение-суждение, ср.:

18) *они поедут // # да по фиг;*

19) *соответственно / ты ручку тоже красил ее / *П нахла... накладку / *П ну и по фиг.*

В целом употребления форм-идиом со словом *фиг* в русском устном дискурсе отличаются большим разнообразием: они имеют сниженную стилистическую окраску, выполняют различные синтаксические функции и формируют РА экспрессива-эмотива, выражающего чувства и эмоции говорящего, или вердиктива-валюатива, т. е. выражают оценочное мнение или мнение-суждение.

Детальное описание значений и особенностей употребления форм-идиом (как рассмотренных, с базовым словом *фиг*, так и других подобных) может быть важно в разных аспектах лингвистики: коллоквиалистики как теории разговорной речи, теории речевых актов, а также когнитивной лингвистики, что является базовыми основаниями коммуникации.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2019. С. 100-109.

Ковинова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кочетова О.А. Проблемы и задачи когнитивной лингвистики // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2006. С. 51-53.

Лекант П.А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41-43.

ОРД – Корпус повседневной русской речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru>. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-бытовой речи: в 2 т. Т. 2. О-Я. СПб.: Златоуст, 2017.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960.

Шерстинова Т.Ю. Прагматическое аннотирование коммуникативных единиц в корпусе ОРД: микроэпизоды и речевые акты // Корпусная лингвистика – 2015. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 436-445.

*Wu Nan (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

FEATURES OF THE USE OF FORMS-IDIOMS WITH THE WORD “FIG” IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

This article is devoted to describing the peculiarities of the use of forms-idioms (FIId) with the word *fig* in Russian everyday speech: *ni figa, do figa, na fig(a), po fig(u)*. The study was conducted on the material of the corpus of Russian everyday speech “One speech day”. FIId, recorded in the linguistic consciousness of native speakers, form such speech acts in oral discourse as expressive-emotive and verdictive-valuative.

Key words: oral speech, form-idiom, speech act, speech corpus, cognitive approach

*М.А. Фомина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
marinafomina7@gmail.com*

ТИП ДЕТЕРМИНАТИВА В МОДЕЛЯХ С ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ, ВНОСЯЩИХ ИНФОРМАЦИЮ О МЕСТЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ БОЛЕЗНЕННОГО / ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ: A SHARP PAIN IN THE STOMACH ИЛИ A SHARP PAIN IN HIS / HER STOMACH?

В статье предлагаются результаты когнитивного анализа принципа, определяющего выбор типа детерминатива при обозначении части тела / органа человека в английских моделях, описывающих физическое / эмоциональное состояние экспериенцера (X-а), типа *I feel a sharp pain in the / my stomach*, и позволяющие развести схожие, но не тождественные модели, часто описывающие одну и ту же денотативную ситуацию, но являющиеся результатом различного осмысления говорящим самой ситуации и соотношения между ее актантами.

Ключевые слова: субъект-экспериментер, категория детерминации, детерминатив, когнитивный, фрейм

1. Введение

С развитием когнитивной парадигмы процессы языковой категоризации остаются объектом неугасающего интереса со стороны лингвистов. При этом языковые средства ее выражения, в том числе и различные средства выражения категории детерминации по-прежнему нуждаются в системном семантическом описании [Сулейманова, Водяницкая, Фомина 2020: 309].

Категория детерминации может трактоваться по-разному и рассматриваться широко. Так, помимо артиклей (в артиклевых языках), в отдельных исследованиях в набор средств, относимых к средствам выражения категории детерминации, могут быть включены разноуровневые единицы, такие как притяжательные и указательные местоимения, частицы и другие слова, вносящие информацию об *определенности / неопределенности*, акцентуация для выделения новых для адресата элементов высказывания, порядок слов, «специальные морфологическое формы, выражающие количественную определенность / неопределенность», видовременные характеристики глагола [Сулейманова, Водяницкая, Фомина 2020: 311; Кобрин, Болдырев, Худяков 2007: 42-43].

В рамках статьи рассмотрим такие средства выражения категории детерминации как артикль и притяжательные местоимения при названии части тела или органа в составе английских моделей с субъектом-экспериментером физиологического / эмоционального состояния (ср.: *I feel a sharp pain in the / my stomach*), содержащих указание на место сосредоточения болезненных ощущений / чувств, а также моделей, вносящих информацию о внешнем воздействии, в которых экспериментер выступает в качестве объекта воздействия (ср. *I felt a terrific punch in the / my stomach*).

Предмет исследования составляют особенности характеристики с точки зрения идентификации (до уровня индивида, члена класса или элемента посессивного пространства X-а) такого актанта описываемого событийного фрейма как орган / часть тела человека, который является местом сосредоточения болезненных ощущений или выступает объектом внешнего физического воздействия.

Согласно введенному в [Сулейманова 2013] фреймовому подходу к интерпретации использования определенного артикля в современном английском языке, приведенные выше высказывания задают фрейм «человек как физическая сущность» с такими обязательными элементами, как тело, голова, нос, подбородок, рот. «При описании человека в его физическом проявлении все его органы и части тела (в единственном числе) будут представлены как определенные: *the nose, the body, the hair, the head, the liver, the heart*, несмотря на то, что до этого ни разу не упоминались» [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020: 30]. При этом определяющую роль играет не факт наличия того или иного элемента фрейма в единственном экземпляре – тот или иной орган или часть тела человека должны рассматриваться как «обязательные, не-случайные компоненты» фрейма, тогда как случайные, пусть и единственные, объекты – родинка на щеке или горб – «не подлежат идентификации до уровня индивида без предупоминания» [там же: 30].

(Ср. также примеры высказываний с обозначениями частей тела, выступающими к качестве обязательных элементов фрейма «человек как физическая сущность», в которых возможен детерминатив в виде неопределенного артикля: (1) *I broke a toe yesterday*, (2) ? *I broke a head yesterday* (примеры взяты из [Hawkins 1978: 181]). Высказывание (1) рассматривается информантами как приемлемое, однако допускает двоякую интерпретацию, – оно может сообщать как об одной из частей тела (представленных у человека в более чем одном экземпляре), принадлежащей самому субъекту, так и о части тела, выступающей в качестве объекта воздействия и принадлежащей другому человеку. Отмеченность высказывания (2) сохраняется, если предположить, что оно описывают ситуацию, в которой в качестве объекта воздействия выступает чужая голова. Такая интерпретация высказывания (2) коррелирует с типом идентификации до уровня члена класса, задаваемой неопределенным артиклем.)

Анализ отобранного материала показал, что в выражениях, описывающих какое-либо внутреннее болезненное состояние, часто оказывается возможным употребление другого детерминатива при названии части тела или органа – притяжательного местоимения: ср.: *a sharp pain in his / her stomach*, *a crick in his / her neck / back*, *a pain in his / her shoulder*, *a muscle spasm in his / her back* и т. п.

2. *A sharp pain in the stomach vs a sharp pain in his / her stomach*

Рассмотрим возможности фреймового подхода к интерпретации английских моделей, описывающих болезненное состояние экспериенцера (X-а) или ситуацию внешнего физического воздействия на X-а в виде удара, ранения и пр., в которых выбор типа детерминатива при обозначении части тела / органа человека является результатом различного осмысления говорящим самой ситуации и соотношения между ее актантами.

Анализ корпусных данных показал, что английские высказывания, вносящие информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния, могут иметь имеют структуру личного предложения с подлежащим, а) обозначающим субъекта состояния, часто в сочетании с глаголами обладания *have* и *get*, б) выраженным названием части тела, метонимически представляющем экспериенцера [Фомина 2020: 126].

Suddenly, I feel a sharp pain in the stomach;

Martin felt a sharp pain in the back of his throat;

I have a sharp pain in the back of my right hand;

She got a crick in her neck tilting her head back to construct the complicated pattern on the ceiling <...>;

My head was buzzing slightly; The back of my neck tightened [COCA: URL].

Анализ корпусных данных показал, что в высказываниях, вносящих информацию о типичных ситуациях, связанных с болезненными ощущениями, неких «классических» сценариях без указания на конкретного экспериенцера (в качестве экспериенцера может выступать любой человек), приемлемым и предпочтительным является употребление определенного артикля, ср.: *Western medicine cannot fully explain why inserting an acupuncture needle in the hand soothes pain in the shoulder*. – *Западная медицина не вполне в состоянии объяснить, почему от вкалывания в руку*

акупунктурной иглы смягчается **боль в плече** (пример взят из [Ермолович 2014]).

Рассмотрим примеры, в которых речь идет о болезненном состоянии конкретного человека (экспериментера), задающие представление о пространстве possessивности X-а. Употребление определенного артикля в этих высказываниях оценивается информантами-носителями английского языка как приемлемое, но не предпочтительное.

(1) «*I do the work of God*», *Silas spat back through the **pain in his jaw** where the woman had kicked him* (D. Brown. The Da Vinci Code). – *На Господа Бога!* – Сайлас громко сплюнул, **боль в челюсти**, в том месте, куда женщина пнула его ногой, была просто невыносимой (Д. Браун. Код Да Винчи);

(2) *Jake grimaced from a **stiffness in his shoulder** as he finished shaving* [COCA: URL]. – ? *Jake grimaced from a **stiffness in the shoulder** as he finished shaving*.

(3) *He fell silent, his thoughts ambling away; his mouth fell open, he looked grey and vacant, until he was recalled by a **pain in the stomach** and helped himself to some more brandy* (G. Greene. The Power and the Glory). – *И замолчал, уйдя мыслями куда-то в сторону; нижняя челюсть у него отвисла – он сидел серый, отсутствующий, но **боль в желудке** наконец напомнила ему, что надо подлить себе бренди* (Г. Грин. Сила и слава).

Анализ набранного материала позволил выявить, что употребление определенного артикля с существительными, обозначающими части тела, может быть также связано с приобретением существительным обобщающего или переносно-обобщающего значения, ср.: *In it, Jesus really was a nobody, and a **pain in the neck** to a lot of people with better connections than he had* (K. Vonnegut. Slaughterhouse-Five Or The Children's Crusade). – *В нем Христос действительно был никем и **страшно раздражал** людей с более влиятельной родней, чем у него* (К. Воннегут. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей).

Литература

Ермолович Д.И. Русско-английский перевод: учебник для студ. вузов, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение» направлений «Лингвистика», «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Аудитория, 2014.

Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.

Сулейманова О.А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений // Вестник ЗКГУ. 2013. № 4 (52). С. 162-168.

Сулейманова О.А., Водяницкая А.А., Фомина М.А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия: язык и литература. 2020. Т. 17. № 2. С. 309-322.

Сулейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Языки Народов Мира, 2020.

Фомина М.А. Субъект-экспериментер как квазиагенс: «от значения к форме» // Вопросы прикладной лингвистики. 2020. № 40. С. 112-136.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org>.

Hawkins J. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978.

*Marina A. Fomina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

**DETERMINERS IN MODELS WITH AN EXPERIENCER AND A PAIN / EMOTION
LOCALIZER: "A SHARP PAIN IN THE STOMACH"
OR "A SHARP PAIN IN HIS / HER STOMACH?"**

The paper makes a cognitive analysis of the English models that describe a physical / emotional state of the experiencer and denote a body part / human organ as a pain / emotion localizer with either a definite article or a possessive pronoun (cf. *I feel a sharp pain in the / my stomach*). The results of the analysis make it possible to distinguish between synonymous yet not identical models that often denote one the same denotative situation conceived of differently by the speaker.

Ключевые слова: experiencer, category of definiteness / indefiniteness, determiner, cognitive, frame

*Л.А. Фурс (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Liudmila.furs@gmail.com*

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО КОНФЛИКТНОЙ СЕМАНТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ***

В статье рассматриваются особенности формирования потенциально конфликтной семантики английского предложения. Установлены факторы и когнитивные механизмы, создающие условия для формирования такой семантики. Описаны фактор многомерности структуры предложения во взаимодействии с когнитивным механизмом подмены понятий; фактор неравномерной нагруженности, связанный с активизацией когнитивного механизма ассоциативного имплицирования, и фактор «смыслового окна» во взаимодействии с механизмом фокусирования. Определено, что формирование потенциально конфликтной семантики предложения позволяет выразить критику действий человека косвенно.

Ключевые слова: потенциально конфликтная семантика, фактор, когнитивный механизм, интерпретативная репрезентация, оценка

Выдвинутое в когнитивной лингвистике положение о том, что восприятие и интерпретация акта коммуникации «не являются зеркальным отражением процессов, имеющих место при порождении речи» [Кубрякова и др. 1996: 167], имеет важное значение для осмысления процесса формирования потенциально конфликтной семантики английского предложения. Целью исследования является рассмотрение факторов и механизмов, создающих условия для формирования потенциальной конфликтной семантики предложения.

Предложение является сложным языковым знаком, в котором выделяются онтологический, семантический, синтаксический и интенциональный уровни. Онтологический уровень представлен логико-денотативными аспектами, спроецированными на денотативную ситуацию. Семантический уровень маркирован лексико-семантическими характеристиками составляющих предложение слов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067>.

Синтаксический уровень определяется лексико-синтаксическими характеристиками данных слов в соотношении с их функциями как членов предложения. Для интенционального уровня характерна выделенность или невыделенность определенных элементов события с точки зрения интенций говорящего (подробнее см. в [Фурс 2004]). Данные характеристики дают основание выделить несколько факторов, создающих условия для формирования потенциально конфликтной семантики английского предложения.

Фактор многомерности структуры предложения определяет процесс формирования потенциально конфликтной семантики за счет нарушения конгруэнтности уровней предложения, когда посредством фокусирования на интенциональном уровне денотативная ситуация репрезентируется в зависимости от целей и условий коммуникации, в связи с чем отдельные элементы этой ситуации получают выделенность в ходе конструирования предложения, а другие не попадают в фокус внимания говорящего и не получают репрезентацию в структуре предложения. Фактор многомерности структуры предложения соотносится с активизацией механизма подмены понятий.

Kevin McCarthy endured 15 rounds back in January to win the gavel [MWD].

Данное предложение номинирует ситуацию избрания спикера Палаты представителей в конгрессе США. Характерно, что цель этого действия представлена не указанием на должность, а фокусированием на инструменте, сопровождающем принятие решения по итогам голосования (*a gavel* 'a mallet used (as by a presiding officer or auctioneer) for commanding attention or confirming an action (such as a vote or sale)' [MWD]). Негативный фокус оценки создается не только за счет указания на количество предпринятых попыток, но и посредством подмены понятий: «победить в выборах – выиграть церемониальный молоток», что воспринимается как критика К. Маккарти и принижение его статуса, так как все его действия оцениваются упрощенно как борьба за церемониальный молоток.

Фактор «неравномерной нагруженности» обеспечивается способностью языковой единицы имплицировать «естественно связанную с ним и ассоциируемую с ним информацию» [Бондарко 1983: 31; Кубрякова 1999: 10]. На наличие у знака не только прямых значений, но и разного рода «выводных, или же инференциональных значений» указывал также М.В. Никитин [Никитин 1996: 110]. В связи с этим встает вопрос об «интерпретативной репрезентации», определяемой как репрезентация совокупности смыслов, объективируемых одной языковой единицей в коммуникации (подробнее см. в [Фурс 2023]). Фактор неравномерной нагруженности сопровождается активизацией механизма ассоциативного имплицирования.

House Speaker Mike Johnson of Louisiana said last week that voting to authorize the probe was a necessary step because of «stonewalling» from the White House [CBS].

Неравномерная нагруженность этого предложения подчеркивается употреблением кавычек, парного знака препинания, функционирующего как для выделения названий, прямой речи, цитат, так и для подчеркивания ироничного ис-

пользования слова или словосочетания в структуре предложения. Конфликтность создается за счет репрезентации вторичного значения глагола *to stonewall* 'to be uncooperative, obstructive, or evasive' [MWD]. Создаваемая ассоциация «поставить стену – уйти от обсуждения, проигнорировать» подчеркивает критику действий правительства и президента США.

«Look, Father Time is undefeated,» DeSantis said [CBS].

В ходе внутрипартийных выборов единого кандидата от политической партии в США (праймериз) Р. Десантис использовал в формировании оценочной характеристики Д. Трампа механизм ассоциативного имплицирования. В анализируемом примере представлена метафтонимическая модель *Father Time*, за счет которой создается аналогия по смежности «отец – основа семьи» и аналогия по сходству «время – возраст». В результате взаимодействия метонимического и метафорического переносов создается ассоциация «возраст – это основной аргумент», а с учетом контекстуального анализа этот аргумент звучит как критика Д. Трампа, так как время невозможно повернуть назад.

Фактор «смыслового окна» определяется как своеобразный когнитивный фильтр, обеспечивающий вариативное восприятие оценочных фокусов и интерпретацию информации в соответствии с ожиданиями адресата. Фактически, этот фактор отражает «активный, подвижный и управляемый характер воспринимающей деятельности» (о восприятии см. в [Лурия 1975: 47-48]). Фактор «смыслового окна» соотносится с кумулятивными процессами в синтаксисе. Согласно М. Клук и М. Врис, существует ряд конструкций, в которых разные структурные компоненты репрезентируют различный объем информации, что усиливает кумулятивность предложения [Kluck, Vries 2013]. Кумулятивный характер предложения связан с репрезентацией разных фокусов оценки. Соответственно, значимым для фактора «смыслового окна» является механизм фокусирования.

Imagine what would happen! [CD].

Несмотря на отсутствие лексем с негативной семантикой этот пример может быть интерпретирован адресатом как указание на возможные неблагоприятные последствия, что созвучно угрозе. Конфликтность создается за счет имплицированного указания на неблагоприятный исход положения дел, источником которого, предположительно, является адресат высказывания.

Большим потенциалом для интерпретативной репрезентации обладают синкретичные конструкции. Синкретизм языковой единицы определяется как совмещение противопоставленных смыслов, репрезентируемых этой единицей, вследствие чего она становится полифункциональной (подробнее см. в [Фурс 2022]). Конструкции *What + Noun!* *Such + Noun!* являются синкретичными, так как допускают выражение имплицитной критики.

Таким образом, в формировании потенциально конфликтной семантики английского предложения значимыми являются фактор многомерности структуры предложения, который реализуется во взаимодействии с когнитивным механизмом подмены понятий; фактор неравномерной нагруженности, который связан с активизацией когнитивного механизма ассоциативного имплицирования, и фак-

тор смыслового окна, реализация которого сопровождается действием механизма фокусирования. Установлено, что формирование потенциально конфликтной семантики предложения позволяет выразить критику действий человека косвенно; тем не менее такой способ конструирования смысла предложения не приводит к устранению конфликтности.

Литература

- Бондарко А.В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20-32.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.
- Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Ч. 3. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 6-13.
- Лурия А.Р. Ощущения и восприятие. М.: МГУ, 1975.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1996.
- Фурс Л.А. Форматы представления знаний в синтаксисе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 166-181.
- Фурс Л.А. Конгруэнтность, синкретизм и диффузность: когнитивно-прагматический подход // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 182-187.
- Фурс Л.А. Интерпретативная репрезентация знаний в синтаксисе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 476-479.
- CBS – CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com>.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.
- Kluck M., Vries M. Cumulative rightward processes // Rightward movement in a comparative perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. Pp. 281-317.
- MWD – Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

Liudmila A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FORMATION OF POTENTIALLY CONFLICTING SEMANTICS OF AN ENGLISH SENTENCE

The article examines the features of the formation of potentially conflicting semantics of an English sentence. Factors and cognitive mechanisms that create conditions for the formation of such semantics have been researched. The factor of multidimensionality of sentence structure in interaction with the cognitive mechanism of concept substitution is described. Besides, the factor of uneven loading, associated with the activation of the cognitive mechanism of associative implication, and the “semantic window” factor in interaction with the focusing mechanism are defined. It has been determined that the formation of potentially conflicting semantics of a sentence allows one to express criticism of human actions indirectly.

Key words: potentially conflicting semantics, factor, cognitive mechanism, interpretive representation, evaluation

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Статья раскрывает реализацию когнитивной доминанты в виде тематического принципа структурирования информации в дискурсе глянцевого журнала. В качестве когнитивной доминанты выступают целевые установки адресанта, а именно информирование читателя, формирование общественного мнения или манипулирование общественным или индивидуальным сознанием, оценка событий.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, тематический принцип, информация, структурирование, целевые установки

В стремительно развивающийся век цифровых технологий человеку особенно сложно справиться с огромным потоком информации, который необходимо не только обрабатывать, но и структурировать. Адаптироваться к постоянно меняющимся реалиям человеку помогает естественный язык. Именно он способствует эффективной коммуникации между людьми из разных сфер деятельности.

Принято считать, что структурированность сознания и наличие определенной заранее сформированной гипотезы об устройстве мира обеспечивает человеку возможность адаптироваться в нем (см., например, в [Ушаков 2009]). В качестве такой гипотезы Н.Н. Болдырев рассматривает коллективные знания о мире, представленные преимущественно в языке в виде языковой картины мира, что позволяет говорить об особой роли языка в структурировании сознания. Необходимо отметить, что языковая картина мира имеет интерпретирующий характер, поскольку представленные в ней знания отражают происходящее вокруг не зеркально, а конструируя ее определенным способом. Именно человек определяет тему общения, цель, стратегии и тактики достижения этой цели, а также выбор конкретных языковых средств. Это наводит на мысль, что система знаний человека и его взаимодействие с миром и другими людьми зависят от его приоритетов, которые выполняют функцию когнитивных доминант, т. е. организованы по когнитивно-доминантному принципу (см., например, в [Болдырев 2018]).

К когнитивным доминантам Болдырев, в частности, относит конкретные концепты и категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке. Подчеркивается, что они могут иметь как коллективный, так и индивидуальный характер. В качестве таких доминант могут выступать сами принципы структурирования информации в зависимости от роли предмета (темы) общения, субъекта, социокультурных, интенциональных и языковых факторов. Соответственно данные принципы подразделяются на субъектный, социокультурный, интенциональный, инструментальный, тематический [Болдырев 2019].

В статье предпринимается попытка проанализировать тематический принцип структурирования информации в дискурсе англоязычных глянцевого журнала.

Концептуальная структура дискурса глянцевого журнала обычно представлена несколькими областями знания: *style, beauty, shopping, health, culture, relationship, lifestyle*. Организация дискурса по тематическому принципу подразумевает знание читателем темы и предмета статьи, а выбор автором определенных языковых средств обусловлен определенной когнитивной доминантой, характерной для конкретного дискурса. При тематическом принципе формирования дискурса в качестве когнитивной доминанты выступают лексически репрезентированные концепты, которые и передают тему текста, например: *The latest new fashion trends, outfit ideas, celebrity style, designer news and runway looks, hairstyles, skin care tips, tips on diet, weight loss, Find career advice, interview tips for women, the latest celebrity gossip, TV show recaps, movie reviews* [Glamour: URL].

Успешная интерпретация текста обусловлена во многом степенью адекватной «настройки» концептуальных систем участников дискурса относительно друг друга. Например, индивидуальный характер смыслов, формируемых автором статей, может быть неправильно понят читателем. В процессе прочтения могут проявляться разные фрагменты личного опыта и соответственно разные характеристики предметов, не предусмотренные семантикой этого слова в системе языка.

Например, при прочтении заголовка *'Second Skin'*, человек далекий от глянцевого журнала может не понять, о чем именно будет идти речь в статье. Далее следует подзаголовок, который тоже не вносит ясности *'Bold hardware and tough leather toppers bring edge and cool to your everyday wardrobe'*, но дает подсказку, что речь идет об одежде, и только фото моделей в кожаных куртках на следующей странице полностью раскрывает смысл заголовка [Harper's Bazaar: 16].

Понимание темы может не произойти, если в картине мира адресата предмет не ассоциируется с языковой единицей, используемой адресантом. Например, заголовок *'Shoulder To Shoulder'* можно интерпретировать как сообщение о помощи и поддержке. На деле же адресант вновь поднимает тему моды *'While cut-outs are a familiar trend, it is where they are placed that up their sex appeal. This season, the fashion circuit has trained its focus on an unassuming yet sensual body part - the shoulders'* [там же: 24].

В основе тематического принципа структурирования информации в дискурсе глянцевого журнала могут лежать разные целевые установки: информирование, формирование общественного мнения или манипулирование общественным или индивидуальным сознанием, оценка событий. Рассмотрим реализацию этих установок на примере соотношения заголовков и содержания статей. Информировующая установка раскрывается в полном соответствии заголовка и текста статьи, в нарративном характере самого сообщения и его классической композиции.

'How Motherhood Transformed Tennis Great Naomi Osaka' (заголовок).

'As the tennis champion returns to the Australian Open for the first time since the birth of her daughter, Naomi Osaka opens up about her challenges postpartum, becoming the face of a new campaign to pass paid leave, and why she's done worrying about what people think of her' (подзаголовок) [Glamour: URL].

Если говорить о формировании общественного мнения, то практически каждая статья заточена под воздействие на читателя. Прежде всего использование

манипулятивных технологий наблюдается в маркетинговой рекламе путем представления продукта в наиболее выгодном свете *'The Best Curling Irons for Every Kind of Wave, According to Stylists'* [там же].

Реклама в глянцевых журналах, направлена на формирование у читателя чувства собственного достоинства и повышение значимости. The Hollywood Reporter рекламирует подкаст о проведении премии Оскар, подкрепляя слоганом *'listen like a winner'*, приравнивая читателя к номинантам и призерам премии [The Hollywood Reporter: 29]. Характерной чертой для рекламы в глянцевых журналах является использование лексики типичной для маркетинга, такой как *'free, two-for-one, you need this, big sale, big deal, don't miss, limited time, plus an extra'*. Например, реклама носков – *'Heel and toe. Softop socks. Free delivery and return'* [The Observer Magazine: 35]; реклама кинотеатра – *'Two-for-one cinema tickets at Everyman'* [The Times Style: 43].

Воздействие на читателя наблюдается не только в рекламе, но и в самих текстах статей. Достаточно распространенной и наиболее эффективной манипулятивной техникой выступает использование цифр в заголовках статей. Это дает читателю ощущение легкого и быстрого результата.

'How to Start the Divorce Process in 6 Logical Steps'

'7 Makeup Trends That Will Be Everywhere in 2024' [Glamour: URL].

В целях формирования у адресата нужной ассоциации или оценки определенного события, авторы статей зачастую прибегают к использованию «выгодных» для них слов или словосочетаний. Так, в дискурсе глянцевых журналов авторы статей зачастую ссылаются на мнение экспертов. Например, журнал The Times Style включает специальный раздел *'Dear Dolly'*, в которой журналистка отвечает на вопросы читателей, выступая экспертом в отношениях.

'Your love, life and friendship dilemmas answered by Dolly Alderton' (подзаголовок) [The Times Style: 42].

Статья под заголовком *'Show Us The Money!'* демонстрирует, как автор меняет негативное отношение читателя к раскрытию источников своих доходов. Автор рассказывает, почему важно поднимать эту тему, объясняя это тем, что, во-первых, это может способствовать сокращению гендерного неравенства в оплате труда, во-вторых, прозрачность данного вопроса поможет многим людям осознать, какой заработной платы достойны они.

'Revealing your salary to the world has gone viral on social media. The aim? To close the gender, pay gap. ... I've definitely also had lots of people reach out and say that my videos have helped them realise that they are being way underpaid' [The Times Style: 16].

Зачастую в погоне за сенсацией авторы прибегают к искажению информации, граничащему с обманом читателей. В нижеприведенном примере прослеживается содержательное несоответствие между заголовком и статьей. Адресант с помощью провокационного заголовка привлекает внимание читателей, в подзаголовке меняет ход мыслей, но не раскрывая суть статьи, что вызывает еще больший интерес и заставляет читателя перейти в раздел с новостью.

'Bella Hadid Wears 'Absolutely Nothing' on New Magazine Cover' (заголовок),

‘But It’s Not What You Think’ (подзаголовок) [Glamour: URL].

Подводя итог, подчеркнем, что в дискурсе глянцевого журнала преобладает тематический принцип структурирования информации. Он выступает в качестве когнитивной доминанты, которая реализуется через целевые установки адресанта: информирование, формирование общественного мнения или манипулирование общественным или индивидуальным сознанием, оценка событий. Успешность и результативность коммуникации достигается за счет выбора ментальных структур и их языковых репрезентаций, характерных для определенной темы.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип структурирования информации в текстах новостей // Русское слово в многоязычном мире. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 395-400.

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.

Ушаков Д.В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования. Вып. 3. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 5-14.

Glamour. URL: <https://www.glamour.com>.

Harper’s Bazaar. January. 2024.

The Hollywood Reporter. January. 2024.

The Observer Magazine. January. 2024.

The Times Style. January. 2024.

Anastasia A. Chetverikova (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

THE THEMATIC PRINCIPLE OF STRUCTURING INFORMATION IN THE DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES

The article deals with the implementation of cognitive dominants in the form of a thematic principle for structuring information in the discourse of glossy magazines. These cognitive dominants reveal the author’s objectives, namely informing the reader, forming public opinion or manipulating public or individual consciousness, and evaluating events.

Key words: cognitive dominant, thematic principle, information, structuring, target settings

Чжао Цзэхун (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozehong@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КОНЦЕПТА «ВЕЖЛИВОСТЬ»

Статья посвящена изучению гендерного аспекта концепта ВЕЖЛИВОСТЬ с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Результаты эксперимента показывают, что гендерные факторы оказывают влияние на восприятие вежливости, что конкретно отражается в некоторых различных компонентах концепта ВЕЖЛИВОСТЬ и приоритете компонентов концепта в сознании женщин и мужчин.

Ключевые слова: концепт ВЕЖЛИВОСТЬ, гендерный аспект, ассоциативный эксперимент, компонент концепта, приоритет

Вежливость как коммуникативная категория, ее важность в межличностном общении и собственная сложность вызвали интерес представителей различных областей знаний включая социолингвистику, прагматику, психологию, когнитивную лингвистику и межкультурную коммуникацию. Наш исследовательский интерес заключается в изучении влияния социальных параметров на вежливость. Согласно М. Бирвишу, «поскольку разные люди усваивают язык в разных социальных условиях, они в результате овладевают “разными грамматиками языка”» [Bierwisch 1976: 442]. Эти социальные факторы включают ситуацию общения, социальные классы, роли и статус говорящих, их половую принадлежность. Достаточно часто ученые пишут о гендерном факторе: человек в ходе взросления осваивает социальные модели поведения, присущие своему полу [Осипова, Веденская 2015: 167-168].

Несмотря на то, что при изучении вежливости также отмечается указанный фактор, на сегодняшний день не было проведено относительно подробного гендерного рассмотрения концепции вежливости. В данном исследовании гендерные различия концепта ВЕЖЛИВОСТЬ были выявлены с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Суть ассоциативного эксперимента заключалась в том, чтобы записать любые ассоциации (слова, словосочетания) со словом «вежливость» в количестве не менее десяти ответов от каждого информанта.

Мы собрали ответы 117 информантов в возрасте от 16 до 68 лет, в том числе 22 мужчин и 94 женщин. В ходе эксперимента получили 907 слов и выражений, связанных с вежливостью, от женщин, от мужчин – 201 слово и выражение. Ниже представлены результаты ассоциативного эксперимента с концептом «вежливость» у женщин и мужчин. (Отметим, что слова и выражения с похожей семантикой, но иногда с разной частеречной отнесенностью, группируются вместе, например, *воспитанность, воспитанный, воспитание, хорошее воспитание* даются как *воспитанность*. При этом все приведенные далее слова и словосочетания являются наиболее часто встречающимися в каждой группе. Цифры в скобках – это общее количество называемых реакций на данный стимул, а проценты – их доля в составе всех реакций на стимул *вежливость*.)

Ж: воспитанность (53 / 5,8%), уважение (44 / 4,9%), тактичность (32 / 3,5%), доброта (29 / 3,2%), этикет (28 / 3,1%), благодарность (25 / 2,8%), учтивость (22 / 2,4%), улыбка (16 / 1,8%), помощь (16 / 1,8%), пожалуйста (15 / 1,7%), приятно (14 / 1,5%), аккуратность (13 / 1,4%), хорошие манеры (13 / 1,4%), внимательность (13 / 1,4%), правила (12 / 1,3%), культура (12 / 1,3%), сдержанность (11 / 1,2%), мягкость (11 / 1,2%), спокойствие (11 / 1,2%), интеллигентность (10 / 1,1%), галантность (10 / 1,1%), корректность (10 / 1,1%), приятно (9 / 1%), терпимость (9 / 1%), будьте добры (8 / 0,9%), любезность (8 / 0,9%), холодность (7 / 0,8%), деликатность (7 / 0,8%), дружелюбие (6 / 0,7%), приветствие (6 / 0,7%), обходительность (5 / 0,6%), образованность (5 / 0,6%), точность (5 / 0,6%), понимание (5 / 0,6%), скромность (5 / 0,6%).

М: уважение (12 / 6,0%), доброта (11 / 5,5%), учтивость (10 / 5%), воспитанность (9 / 4,5%), этикет (8 / 4%), интеллигентность (7 / 3,5%), тактичность (6 / 3%), приятно (5 / 2,5%), внимательность (4 / 2%), культура (4 / 2%), понимание

(3 / 1,5%), спокойствие (3 / 1,5%), правила (3 / 1,5%), дружелюбие (3 / 1,5%), сдержанность (3 / 1,5%), помощь (3 / 1,5%), пунктуальность (2 / 1%), улыбка (2 / 1%), обходительность (2 / 1%), благодарность (2 / 1%), галантность (2 / 1%), социальная маска (2 / 1%), альтруизм (2 / 1%), образованность (2 / 1%), притворство (2 / 1%), лесть (2 / 1%), лицемерие (2 / 1%)

Отметим, что невысокие проценты для каждого вида реакции являются результатом запроса достаточно большого количества ответов от информантов (до 10), что было сделано с целью получить разнообразие ассоциаций.

Результаты эксперимента показывают следующее. Во-первых, концепт ВЕЖЛИВОСТЬ не очень четко структурирован в сознании носителей русского языка. Во-вторых, ядерные компоненты концепта (топ-5 компонентов) очень схожи в данных для женщин и мужчин включая *воспитанность, уважение, доброту и этикет. Учетливость*, которая представлена в ядерной части мужских ассоциаций, и *тактичность*, представленная в ядерной части женских ассоциаций, занимают высокое место в обеих группах (*учетливость* занимает седьмое место в данных женщин, а *тактичность* – седьмое место в данных мужчин, т. е. они находятся в приядерной зоне). Следовательно, базовое понимание вежливости у мужчин и женщин очень схоже. В-третьих, гендерные факторы оказывают влияние на восприятие вежливости, что выражается в некоторых несовпадающих компонентах и приоритете разных компонентов концепта ВЕЖЛИВОСТЬ у женщин и мужчин. Ниже приводится конкретный анализ влияния гендерных факторов на концепт ВЕЖЛИВОСТЬ.

1. *Тактичность* занимает третье место в данных женщин и седьмое – в данных мужчин. *Тактичность* отличается от других ядерных компонентов тем, что это не только хорошее отношение и соблюдение правил, но также желание и умение избежать неприятных эмоций. Поэтому различие в данных можно объяснить тем, что избегание неприятных эмоций в понимании женщин важнее, чем в понимании мужчин, т. е. имеет больший вес у женщин при оценке вежливости, чем у мужчин. То же самое подтверждается компонентами *мягкость* и *терпимость* (оба отсутствуют в данных мужчин): 1) необходимость смягчить высказывания, поведение и отношение, чтобы избежать неприятных эмоций; 2) выбор терпимости как средства избежать неприятных эмоций.

2. *Интеллигентность* занимает шестое место в данных мужчин и двадцатое место в данных женщин. Поэтому вежливость в понимании мужчин больше связана с интеллигентностью, образованием и культурой, чем в понимании женщин. Подтверждают это и позиции ассоциатов *культура* и *образование* в данных обоих полов: *культура* занимает девятое место среди мужских данных и пятнадцатое среди женских; *образование* – семнадцатое среди мужских данных и тридцать первое среди женских.

3. *Благодарность* занимает шестое место в данных женщин и семнадцатое в данных мужчин. По нашему мнению, такая ситуация вызвана разными коммуникативными стилями мужчин и женщин. Женщины более охотно строят близкие и доверительные межличностные отношения и предоставляют коммуникативные подарки в общении, в то время как мужчины часто благодарят только у

случае необходимости. Более того, *улыбка* занимает восьмое место в данных женщин и семнадцатое место в данных мужчин. Такая же ситуация отражена и в компонентах: *пожалуйста, будьте добры, любезность, деликатность, приветствие* (эти пять компонентов отсутствуют в данных мужчин). Можно сказать, что *улыбка*, устойчивые формулы речевого этикета, *любезность, деликатность* и *благодарность* – это все способы создать приятную атмосферу общения. Таким образом, можно сделать вывод, что удовлетворение потребностей других людей и предоставление положительных эмоций явно имеют более высокий приоритет в восприятии вежливости женщинами и больший вес в оценке вежливости, чем у мужчин.

4. Интересно, что *дружелюбие* занимает одиннадцатое место в данных мужчин и двадцать девятое у женщин. Однако это не доказывает, что *дружелюбие* имеет более высокий приоритет в восприятии вежливости у мужчин, чем у женщин, поскольку некоторые другие компоненты доказывают, что женщины также ценят дружелюбие (такие как *благодарность, улыбка, пожалуйста* и т. д.). На наш взгляд, женское понимание вежливости больше связано с какими-либо конкретными словами и поведением. Иными словами, женщины больше внимания уделяют конкретной реализации дружелюбного отношения, чем мужчины.

5. Нужно отметить, что в женских данных есть три компонента, связанных с точностью: *аккуратность, корректность* и *точность*, в то время как в мужских данных есть только *пунктуальность*. Следовательно, в женском понимании *точность* глубже связана с вежливостью и имеет более высокий приоритет, чем в мужском, а в мужском понимании вежливость связана с более высокой степенью точности.

6. Более того, мужчины и женщины используют разные слова, чтобы описать негативные чувства по поводу вежливости. Женщины выбирают *холодность*, а мужчины такие ассоциации, как *социальная маска, лезть* и *лицемерие*. Из этого видно, что, хотя все эти слова описывают неискренность, женщины больше обеспокоены эмоциональным пренебрежением, чем мужчины.

В целом избегание неприятных эмоций, предоставление коммуникантам положительных эмоций, удовлетворение потребностей других людей и сохранение точности имеют более высокие приоритеты в восприятии вежливости у женщин, чем у мужчин, и это соответствующим образом отражается в ранжировании концептуальных компонентов вежливости. Также было замечено, что женщины уделяют больше внимания эмоциональным аспектам вежливости и конкретной реализации дружелюбного отношения, чем мужчины. Результаты ассоциативного эксперимента для мужчин меньше фокусируются на эмоциях, чем результаты женщин, поскольку мужчины уделяют больше внимания теме беседы, а не процессу общения [Пшеничникова 2008: 42]. Мужчины уделяют больше внимания социальным аспектам вежливости, чем женщины, и поэтому интеллигентность, образование и культура имеют более высокий приоритет в восприятии мужчин, чем женщин.

Литература

Осипова Ю.А., Веденская Т. Е. Место эвфемизмов в лексической системе языка // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. М.: Перо, 2015. С. 164-170.

Пиеничникова А.Б. Гендерные спецификации вежливости в директивных речевых актах в американской лингвокультуре: интердискусивный подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Bierwisch M. Social differentiation of language structure // Language in focus: foundations, methods and systems. Boston: Springer, 1976.

*Zehong Zhao (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

GENDER DIFFERENCES IN THE CONCEPT “POLITENESS”

The article is devoted to the study of the gender aspect of the concept POLITENESS with the help of free associative experiment. The results of the experiment show that gender factors influence the perception of politeness, which is specifically reflected in some different components of the concept POLITENESS and the priority of the concept components in the minds of women and men.

Key words: concept POLITENESS, gender aspect, associative experiment, concept component, priority

*А.П. Шапошникова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
shaposhnikova_ap@pfur.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТА НА ВОПРОС «ПОЧЕМУ ВЫ РЕШИЛИ СТАТЬ ВРАЧОМ?» В РОССИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ МЕДИДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)

Статья посвящена концептуальному анализу ответов на вопрос «Почему вы решили стать врачом?» в интервью с российскими медицинскими работниками. В ответах выявляются доминирующие мотивы, которые повлияли на выбор профессии, и их когнитивная оценка интервьюируемым.

Ключевые слова: мотив, концептуальные особенности, российский медицинский медиадискурс, интервью

Медицинский дискурс – это многоуровневое и многокомпонентное явление [Платонов и др. 2018: 47] институционального общения, представленное не только в разных коммуникативных обстоятельствах, но и в разных видах. Особенно распространен сегодня медицинский медиадискурс, поскольку именно с его помощью обыватель получает свободный доступ к научному знанию и информации о здоровье. Здесь существует множество видов материалов: статьи, телепередачи, блоги, фильмы, Интернет-порталы и т. д., каждый из которых требует анализа с точки зрения языка. Статья посвящена изучению интервью, опубликованных на сайтах медицинских учреждений, для выявления в них концептуальных особенностей, свойственных российскому медицинскому медиадискурсу.

Общение в рамках интервью включено в контекст профессиональной деятельности, и многие интервью с медицинскими работниками служат инструментом для раскрытия той или иной темы и выполняют просветительскую функцию: в них врач является носителем профессионального знания. Отдельный тип интервью – в центре внимания оказывается именно личность медицинского работника, рассказывается его биография, жизненный путь, успехи в трудовой деятельности.

Общение все еще включено в контекст профессиональной деятельности, в нем сохраняются признаки институционального общения в рамках медицинского дискурса, но вместе с этим отмечается влияние публицистического дискурса.

Вопрос «*Почему вы решили стать врачом?*» (стоит отметить, что данный вопрос является частым, иногда его даже называют традиционным) отражает чувственно-пространственную, духовно-культурную и языковую картины мира человека, его когнитивную оценку реальности и эмоциональное ощущение действительности. Кроме того, вопрос о выборе профессии нередко связан у интервьюируемого с важным или даже переломным моментом в жизни, когда принималось решение, повлиявшее на дальнейшую судьбу. Медицинская деятельность ассоциируется со спасением человеческой жизни, а потому мотив ее выбора имеет сакральное значение.

Обзор исследований показал, что медицинский медиадискурс активно исследуется учеными, среди которых И.Г. Овчинникова, Д.Ю. Платонов, Л.Г. Барашева, А.В. Таскаева, однако вопрос изучения интервью с медицинскими работниками не до конца раскрыт, что говорит об актуальности исследования. Так, **цель данного исследования** – проанализировать ответы медицинских работников на вопрос «*Почему вы решили стать врачом?*» и выявить в них доминирующие мотивы. **Материалом для исследования** стали 64 интервью, опубликованные на сайтах медицинских учреждений: ЦВКГ им. А.А. Вишневецкого, Клинический центр им. И.М. Сеченова, ДГКБ им. Н.Ф. Филатова, ГКБ им. В.В. Виноградова, ДКГБ им. З.А. Башляевой, Морозовская ДКГБ, а также на сайте профессионального врачебного издания «Медицинская газета» и на мультимедийном Интернет-портале «Правмир».

В интервью вопрос «*Почему вы решили стать врачом?*» имеет варианты: «*Как вы выбрали медицинскую специальность?*», «*Что повлияло на выбор вами профессии врача?*», «*Как и когда вы решили стать врачом?*», «*Почему вы выбрали для себя медицину?*» и т. д. В некоторых случаях он может быть представлен как «*Расскажите, пожалуйста, о вашем пути в медицине*» или как короткая предыстория, требующая пояснения.

После анализа 64 ответов были выделены семь основных мотивов, по которым человек выбрал медицинскую профессиональную сферу. Двумя доминирующими оказались **династия** и **влияние**, ставшие причиной выбора профессии в 32 случаях.

Стоит отметить, что профессиональные династии – это черта современного российского института здравоохранения. Более того, они оказываются предпосылкой эволюционного развития профессии медицинского работника. Такая преемственность является специфическим механизмом формирования адаптационной стратегии к трудовой деятельности медиков, ускоряющим процесс овладения профессиональными знаниями и мануальными навыками [Калашникова 2012: 12]. Таким образом, можно говорить о сформированном концепте ДИНАСТИЯ в культуре России.

Лексическим репрезентантом концепта ДИНАСТИЯ служит одноименная лексема, которая в «Большом академическом словаре русского языка» выступает

в двух лексико-семантических вариантах: 1. Ряд монархов одного рода, последовательно сменявших друг друга по праву наследования. 2. *Перен.* Ряд поколений, передающих из рода в род профессиональное мастерство, традиции [БАС 2008: 104]. Для института здравоохранения свойственен второй лексико-семантический вариант, который репрезентируется следующими вариантами: «*медицинская династия*», «*династия врачей*», «*врачебная династия*».

В проанализированных интервью мотив **династия** описывается медицинскими работниками с помощью словосочетания «*дело отца*», фразеологизма «*пойти по стопам родителей*», конструкций по схемам «*N и N были врачи*», «*Мой N – “название медицинской специальности”*», а также высказываний «*Все женщины нашей семьи связаны с медициной*», «*С самого детства меня окружают врачи*» и т. д. Отношение к мотиву **династия** при выборе будущей профессии у интервьюируемого, как правило, положительное, здесь отмечаются такие лексемы как *уважение, восхищение, судьба*.

Мотив **влияние** отражен в ответах медицинских работников так же часто, как мотив **династия**. Что интересно, в большинстве ответов этот мотив объясняется через впечатление после того или иного художественного произведения или фильма, сериала: «*Я посмотрел пьесу А. Корнейчука «Платон Кречет», которая меня буквально потрясла, заставила впервые обратить внимание на медицину*», «*Пришел в медицину благодаря сериалу “Скорая помощь”*», «*И еще я читала Вересаева «Записки врача», это меня подтолкнуло*» и т. д. Так, образ медицины, представленный в книге, пьесе, фильме, сериале, оказал решающее воздействие на выбор специальности.

Далее рассмотрим мотивы **случайность, пример, совет**, каждый из которых встретился в ответах интервьюируемых по 8 раз. **Случайность** объясняется следующим образом: «*И теперь уже понимаю, что и в медицину попала совершенно случайно*», «*И еще стечение обстоятельств, конечно*», «*Я была ординатором, судьба могла сложиться совершенно иначе*», «*Все решил случай*» и т. д. Данный мотив не раскрывается, не называются конкретные причины, которые могли повлиять на выбор. **Случайность** можно связать с концептом СУДЬБА, поскольку в нем человек верит в «*волю случая*».

Мотив **пример** отчасти связан с мотивом **влияние**, однако он ассоциируется с близким для интервьюируемого человеком: «*Моя старшая сестра училась в медицинском и так расхваливала это направление, что я решил последовать ее примеру*», «*К большому счастью, пример подруги возобладал, и я выбрала медицину*», «*Сначала мой старший брат поехал учиться в Рязань... Туда же поехал и я, став студентом этого прославленного мединститута*».

Мотив **совет** близок к **примеру**, однако в нем отсутствует самостоятельность выбора: «*Вы сказали, ваша мама хотела, чтобы вы стали врачом, а вы сами не мечтали о медицине?*», «*Пошла на педиатрический факультет потому, что мама сказала, что с детьми работать приятней, чем со взрослыми*». Вместе с этим он раскрывается и положительно: «*На этапе выбора профессии советы родителей имеют большое значение для молодых людей. Мама провела*

профориентацию, которая закончилась моим поступлением в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Санкт-Петербурге».

Реже встречающимися мотивами стали **интерес** и **выбор** – всего они встретились 8 раз. Они связаны тем, что выбор профессии был сделан самостоятельно, на основании собственного желания, без вмешательства в этот процесс внешних факторов. Различие их в том, что мотив **интерес** представляет заинтересованность интервьюируемого к каким-либо аспектам будущей профессии: «*Меня всегда интересовали проблемы биологии, человеческой жизни*», «*В юности я работал лаборантом, и мне пришлось по душе это занятие*». **Выбор** же отмечает выбор именно будущей профессии: «*Так что к девятому классу, когда я окончательно выбрал медицину*», «*Врачом я хотела стать всю жизнь, сколько помню себя*». **Интерес** может быть представлен выражением «*Мне нравилась биология, но я не думал о том, что стану врачом*», а **выбор** – «*Мне нравилась биология, и я знал, что стану врачом*».

Ни в одном из ответов не встретился мотив **мечта**, связанный с профессией врача. Вместе с этим выбранную профессию врача описывают как «*большая удача в моей жизни*», «*выбор – правильный*», «*благодарна маме за выбор профессии*», «*это стало моим путем*», «*поняла, что никуда уже из этой профессии не уйду*», «*ни разу не пожалел*» и т. д.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в интервью с медицинскими работниками доминируют семь основных мотивов, а именно **династия**, **влияние**, **случайность**, **пример**, **совет**, **интерес**, **выбор**. Они отражают причины, по которым медицинским работником была выбрана его профессия, а также имеют в большинстве своем положительное значение. Индивидуальный опыт интервьюируемых оказывает ключевое воздействие на вербализацию названных выше мотивов.

Литература

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 4. И-Каюр. СПб.: Наука, 2008.
Калашикова К.А. Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2012.

Платонов Д.Ю., Егорова И.В., Медведева И.В. [и др.] Медицинский Internet-портал как современная форма научно-популярного медицинского дискурса // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики / под ред. Е.В. Виноградовой. Тверь: Тверской гос. медицинский ун-т, 2018. С. 47-52.

Angelina P. Shaposhnikova (Moscow, Russia)
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CONCEPTUAL FEATURES OF THE ANSWER TO THE QUESTION “WHY DID YOU DECIDE TO BECOME A DOCTOR?” IN THE RUSSIAN MEDICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE INTERVIEW)

This article is devoted to the conceptual analysis of the answers to the question “*Why did you decide to become a doctor?*” in interviews with Russian medical professionals. The answers reveal the dominant motives that influenced the choice of profession, their emotional perception and cognitive assessment by the interviewee.

Key words: motive, conceptual features, Russian medical media discourse, interview

СВОЙ VS ЧУЖОЙ: ОБ ОЦЕНОЧНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МАРКЕРОВ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ*

Исследование посвящено описанию специфики одного из классов прагматических единиц русского устного дискурса – маркеров ксенопоказателей (МК). Основная функция МК – ввод в повествование чужой речи, однако эти единицы обладают дополнительными семами, которые относятся к передаваемой речи или ее интерпретации: семы изобразительности, неопределенности, недостоверности и ряд других.

Ключевые слова: прагматический маркер, маркер-ксенопоказатель, полифункциональность, устная повседневная речь

Разговорная речь все чаще становится объектом наблюдения различных исследователей, в том числе в когнитивном аспекте, что отражает современный подход к анализу языка и речи.

Среди специфических черт устного дискурса наиболее важна его *спонтанность*. Несмотря на то, что устная форма существования языка однозначно первична и освоена большинством носителей любого языка, сам процесс речепорождения часто сопряжен с различными трудностями. Не случайно исследователи обращают внимание на оговорки, различного рода ошибки, обрывы фраз или слов, маркеры хезитации, указывающие на трудности поиска нужной единицы и прочие черты устной речи, ср.: «Разрыв между мыслями и языком <...> наблюдается в речевых колебаниях, фальстартах и переформулировках, которыми изобилует обиходная речь» [Чейф 2015: 64].

Черты устного дискурса отражаются и в структурных особенностях живой, повседневной речи. Наряду со спецификой синтаксиса и лексики *коллоквиалистика* рассматривает целые классы единиц и языковых явлений, которые встречаются исключительно в устной речи и потому практически не описаны ни академическими словарями, ни грамматиками. Именно такой группой единиц являются *прагматические маркеры* (ПМ), которые употребляются говорящими по большей части неосознанно, на уровне речевого автоматизма [Богданова-Бегларян 2021: 23]. В ходе действия двух активных речевых процессов – *прагматикализации* и *грамматикализации* – исходные лексические единицы зачастую утрачивают семантический компонент, фиксируются в некоторой грамматической форме и превращаются в чисто функциональные единицы – прагматические маркеры.

Одним из разрядов ПМ являются *маркеры-ксенопоказатели* (МК). Термин *ксенопоказатель* был введен Н.Д. Арутюновой и служит для обозначения «чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 2000: 437]. Основная функция МК «состоит в маркировке присутствия Другого» [там же: 448].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СПбГУ «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» (проект № 94033528).

С помощью прагматических МК говорящий вводит в повествование чужую речь (ЧР), в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную речь, сказанную ранее или только еще планируемую, собственные или чужие мысли, а также интерпретацию поведения и даже молчания другого человека [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022].

Словник МК русской повседневной речи включает не менее 20 единиц. В него входят как «словарные» (кодифицированные) единицы (частицы *мол*, *дескать*, *де*), так и выявленные на материале корпусов устной речи (*так*, *такой*, *говорит* / *говорю*, *типа*, *короче* и др.), ср. (основной массив примеров в статье – из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru/>]; подробнее о нем см. в [Богданова-Бегларян и др. 2019]; об особенностях орфографического представления материала ОРД см. в [Русский язык... 2016: 243-244]; ЧР во всех контекстах подчеркнута):

1) ну вот // *В я говорю говорю / я говорю / барышня ! говорю / какая вы молодца говорю // правильно / () а то / я некрасивая ! сделайте меня покрасивше говорю (ОРД);

2) вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем ? *П ну вроде того что их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор (ОРД);

3) он такой / понял короче / по... посмеялся / поулыбался // *Н без темы // *П ну вот / я помогу короче (ОРД);

4) ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет так сказать ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей и она скажут идите в жс-ж*ну может быть (ОРД);

5) и она как на нас налетела ! вот там ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню (ОРД).

Этот класс единиц требует подробного комплексного описания. В статье рассмотрена лишь одна из значимых особенностей МК. Так, представляется, что некоторые МК не только вводят в повествование чужую речь, но и содержат различные дополнительные семы.

Например, маркеры *такой* и *так* содержат дополнительную сему *изобразительности*: они не только вводят ЧР, но и стремятся передать, как именно эта речь произносится, ср.:

6) он так ласково разговаривает / такой / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // все хорошо (ОРД);

7) мамаша такая о ! там типа Вольдемар% ! это вы там ! (ОРД);

8) здесь стоит прыну* и она так // прыну* ой *С ру-ру-ру-ру (ОРД).

В примере (6) мы видим прямую передачу речи другого говорящего, характер этой речи задан уже словами *так ласково разговаривает*, а МК *такой* словно бы помогает говорящему передать эту ласковость, а слушающему – адекватно ее воспринять. Да и само содержание ЧР вполне соответствует заданной тональности высказывания.

В примерах (7)-(8) эмоциональность высказывания передается нелитератур-

ными формами слов (*мамашиа, прыц*), междометиями (*ой, о!*), а также паралингвистическими элементами (*В – вздох, *С – смех).

В контексте (7) ЧР вводится сразу двумя маркерами: изобразительным МК *такая* и неопределенным МК *типа* (см. о нем ниже; о «магнетизме» русских ПМ см. [Богданова-Бегларян 2019]; из «словарных» МК подобный «магнетизм» наблюдается в комбинации *так и так мол*). Зачастую такие МК маркируют не собственно ЧР, а лишь чужое *говорящее поведение*, ср.:

9) *ну да / женщина уже посмотрела на нас так / угу / с*ки* (ОРД).

Отметим, что пример (9) обладает особой экспрессивностью, на что указывает употребление нецензурной лексики.

МК *типа* и *вроде*, а также их структурные варианты содержат дополнительную сему *неопределенности*, неуверенности говорящего в том, что он правильно передает чужую речь. Это свидетельствует о полифункциональности данных МК, которые являются в русском дискурсе еще и *маркерами-аппроксиматорами* [ПМ 2021: 112-122, 396-404], ср.:

10) *вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем ? *П ну вроде того что их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор* (ОРД);

11) *и тут з... звонок в дверь / и Вольдемар% заходит / типа того что кто такая ?* (ОРД).

МК *видишь ли, мол, дескать*, якобы вносят в высказывание сему *предположительности*: какой могла бы быть ЧР, по мнению говорящего, ср. (эти примеры – из устного подкорпуса (УП) НКРЯ):

12) *Вы пришли в булочную и Вас там у кассы обляяли / потому что видите ли у Вас крупная бумага / а у них сдачи нет* (УП);

13) *С Гоголем нет ничего общего / зря вы нам тут мозги пудрите / дескать / у того в прозе были фантастические элементы* (УП);

14) *Петр Каместр говорит / что / э / после того как Бог проклял змею / да / он сказал / что на чреве своем будешь ты пресмыкаться / да / в «Книге Бытия» / вот за то / что он человека совратил. Змея опять стала пресмыкаться / опять стала ползать / но вот эта самая фареа сохранила якобы дар прямохождения. Вот до сих пор / якобы / по средневековым представлениям / есть один вид змеи / которая передвигается вот так на кончике своего хвоста* (УП).

В таких «семантически отягощенных» контекстах МК не полностью десемантизируются, сохраняя ослабленное значение исходной формы.

Исследования «словарных» ксенопоказателей – частиц *мол, дескать, де* – также показывают, что функция передачи чужой речи не единственная для этих единиц. Так, МАС указывает на значение предположительности высказывания или сомнения в его достоверности только для *якобы* [МАС 1999: 782]. Однако для *мол* может быть выделена сема *приблизительности* пересказа исходного текста [Плунгян 2008: 290], для *дескать* – *интерпретация текста* [там же: 291], а для *де* выделена семантика *ироничного комментария* [там же: 291].

Интересно отметить, что в группе МК не встретилось единиц, содержащих

сему уверенности говорящего в передаваемой чужой речи – в «противовес» недоверности или неуверенности.

Представляется, таким образом, что в устной речи МК выполняют не только функцию ввода чужой речи, но и функцию ее субъективной интерпретации в контекстах, имеющих эмоциональную окраску. При этом с помощью МК осознанно или неосознанно говорящий стремится указать на то, что приведенная им речь ему не принадлежит, и таким образом снимает с себя ответственность за возможные ошибки и неточности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437-452.

Богданова-Бегларян Н.В. Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 14-19.

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5-52.

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2019. С. 100-109.

Левонтина И.Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284-289.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ОРД – Корпус повседневной русской речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru>.

Плунзян В.А. О показателях чужой речи и недоверности в русском языке: мол, якобы и другие / В. Wiemer, V.A. Plungjan (eds.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008. S. 285-311.

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60-88.

Bogdanova-Beglarian N.V., Ryko A.I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 80-89.

*Ekaterina Ya. Shkliaruk (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State School no. 636*

MINE VS YOURS: ON THE ESTIMATED POTENTIAL OF XENOMARKERS OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

The study is devoted to the description of the specifics of one of the classes of pragmatic units of Russian oral discourse – xenomarkers. The main function of xenomarkers is to introduce someone else's speech into the narrative, however, these units have additional semes that relate to the transmitted speech or its interpretation: semes of depiction, uncertainty, unreliability, and others.

Key words: pragmatic marker, xenomarkers, multifunctionality, oral everyday speech

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАБЛОИДОВ 1990–1999 ГГ.)

Статья нацелена на установление особенностей дистрибуции стилистических приемов (СП) в медийных текстах. Исследование проведено с использованием методик фреймового и дистрибутивного анализа на основе выборки статей из англоязычных таблоидов 1990–1999 гг. Делаются выводы о типичности актуализации СП разных типов в зависимости от фреймовой модели (ФМ), лежащей в основании семантики статей их реализации.

Ключевые слова: стилистический прием, дистрибутивный анализ, фреймовый анализ, фреймовая модель, медийный дискурс, таблоид

Одной из важнейших проблем, которые подлежат изучению в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания на сегодняшний день, является текстоформирование, и, в частности, вопрос о закономерностях выбора языковых средств в дискурсе. Какое влияние оказывает на этот процесс тип дискурса? индивидуальный стиль автора? Чем определяется выбор языковых (в том числе и экспрессивных) средств? Статья нацелена на изучение факторов, определяющих выбор стилистически маркированных единиц в дискурсе на основании рассмотрения их дистрибуции и фреймового анализа.

Материалом исследования послужил рабочий корпус медийных текстов англоязычной прессы за 1990–2022 гг. объемом 900 статей, на основании которого была сформирована выборка из 54 текстов тиражной популярной прессы (The Daily Mail, The Daily Express, The Sunday Express) за период 1990–1999 гг. Для достижения репрезентативности выборки были отобраны статьи различных жанрово-функциональных типов (согласно классификации в [Добросклонская 2008: 59]) и разного объема (от 204 до 4046 печ. зн.), что представляется достаточным для достижения цели исследования, так как при увеличении выборки не были зафиксированы значимые отклонения в результатах. Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе в отобранных текстах были выявлены фреймовые модели, лежащие в основе семантики текстов. Под фреймовой моделью мы понимаем концептуальную структуру, на которой основывается смысловое содержание текста и которая активирует в дискурсе определенный фрейм. В свою очередь, фрейм, по Ч. Филлмору, представляет собой «специфическую единую систему знаний или связную схематизацию опыта» [Fillmore 1985: 223].

Результатом фреймового анализа текстов выборки стало выделение таких наиболее типичных фреймовых моделей (ФМ), как: ФМ «Человек», ФМ «Событие» и ФМ «Явление». Основанием для выделения той или иной ФМ послужило определение основного фокуса повествования каждой анализируемой статьи: персоналия (человек), процесс как динамичная последовательность действий (событие) или абстрактный, статичный объект / феномен как совокупность признаков (явление). В ходе анализа было замечено, что наиболее типичные фокусы

(«Человек», «Событие», «Явление») демонстрируют тенденцию к совместной реализации, однако основным фокусом для фрейма в основании каждой статьи, выступает лишь один из них, в то время как другие фокусы представляются дополнительными. Так, в статье из рабочего корпуса, «President is toppled» (The Daily Mirror, 22.01.1998), содержатся неоднократные упоминания президента Афганистана, свергнутого в ходе переворота (*Afghan President Najibullah, a puppet of the former Soviet Union*), что формирует фокус «Человек». Однако основным в фрейме, активируемом медийной статьей, представляется именно фокус «Событие», связанный со свержением правящего режима и последовавшими за этим действиями (*President is toppled; Afghan President <...> was overthrown; He was arrested trying to flee; rebels moved closer, threatening a takeover*).

На данном этапе исследования было установлено, что 46% медийных текстов нашей исследовательской выборки строятся по ФМ «Человек». Более того, даже в статьях, построенных по ФМ «Событие» и ФМ «Явление», практически неизменно активируется дополнительный фокус «Человек», что может определяться материалом исследования: не удивительно, что именно персоналии, а не абстрактные явления или события находятся в центре внимания таблоидов – в отличие, например, от новостного дискурса «серьезной» прессы.

По результатам проведенного фреймового анализа типичной для текстов таблоидов также представляется активация в их ФМ фокуса «Резонансность / Значимость». Реализуясь в выявленных ФМ как дополнительный фокус, он отражает причины, определяющие необходимость освещения того или иного события, человека или явления в прессе. Примером может послужить статья из рабочего корпуса «Human Egg Sale Probe» (The Daily Mirror, 19.02.1994), которая строится на ФМ «Событие» и посвящена ситуации, произошедшей с обычной жительницей Вашингтона (основной фокус «Событие»). Женщине предложили бесплатное лечение бесплодия в обмен на донорство яйцеклеток. Ввиду незаконного характера действий врачей история получила широкий резонанс (дополнительный фокус «Резонансность / Значимость»: *The Health Secretary is to investigate the row*).

Следующей ступенью анализа текстов выборки стало установление всех случаев актуализации тропов (СП) на фонологическом, на лексическом и на синтаксическом уровнях языка. Мы полагаем, что тропы (СП) выступают одним из инструментов формирования медийного текста, и их выбор определяется не только особенностями дискурса, но и ФМ, лежащей в основании статьи и устанавливающей фокус(ы) повествования. Стилистический троп или, в терминологии И.Р. Гальперина, стилистический прием [Гальперин 1958: 47] трактуется нами в этой связи достаточно широко. Следуя определению Е.Г. Беляевской, мы рассматриваем СП как многоступенчатую когнитивную «модель формирования контекста», которая «по-разному функционирует в разных типах дискурса» [Беляевская 2013: 9, 16]. Мы полагаем, что когнитивные модели СП встраиваются во фреймовую модель медийного текста, направляя читательское внимание и способствуя формированию фокусов фрейма(-ов).

Для проверки исследовательской гипотезы в статьях выборки был произведен количественный и качественный анализ выявленных СП с учетом ФМ, лежащих в основании семантики текстов их реализации (см. Табл.). Наибольшее абсолютное число СП было зафиксировано в текстах ФМ «Человек», типичной фактически для половины статей выборки.

Таблица. Число актуализаций СП в зависимости от ФМ в основании статей

Когнитивная модель	Человек	Событие	Явление
Количество статей	25	14	15
Количество СП (всего)	240	54	120
Фонологические СП			
Аллитерация / ассонанс	29	12	19
Лексические СП (всего)	144	49	78
Метафора	64	19	33
Метонимия	22	15	6
Эпитет	24	4	10
Синтаксические СП (всего)			
Перечисление	18	8	9
Параллельная конструкция	19	2	6
Повтор	17	2	12

Одновременно с этим были произведены подсчеты среднего числа СП в статьях каждой фреймовой модели, полученные из соотношения общего числа текстов определенной ФМ к количеству СП, установленных в ее рамках. Оказалось, что среднее число СП в статьях ФМ «Человек» составляет 9, в статьях ФМ «Явление» – 8, а в статьях ФМ «Событие» – лишь 3. Полученные результаты представляется возможным связать с тем фактом, что статьи ФМ «Человек» и ФМ «Явление» помимо фактической информации, содержат больший объем оценочных единиц и других средств осуществления воздействия на читателя, включая СП.

Дальнейший анализ полученных результатов также позволяет заключить, что на общее число актуализаций СП оказывает влияние не только ФМ и определяющий ее основной фокус фрейма в основании смысловой структуры медийной статьи, но и дополнительные фокусы, возникающие по мере развертывания текста. Очевидно, что для формирования дополнительного фокуса и привлечения читательского внимания требуется актуализация экспрессивных средств, включая СП. К примеру, тематика событийных статей (основной фокус «Событие») нередко сопряжена с описанием явлений, имеющих отношение к описываемым событиям, или человека, вовлеченного в них, что активизирует соответствующие дополнительные фокусы. Так, в новостной статье «Fag shelters draw medics» (The Daily Mirror, 22.01.1998), посвященной строительству на территории больницы навесов для курения, событийность повествования (ФМ «Событие»): *A hospital has spent £4,000 on two bus shelters; «fag shelters» were erected* сочетается с указанием на такое абстрактное явление, как создание комфортных условий для коллектива, что активизирует дополнительный фокус «Явление» посредством СП перечисления (*staff hiding in toilets and cupboards*) и СП эпитета (*for a sly smoke*).

Примечательно, что некоторые особенности дистрибуции СП, исходя из полученных данных, не зависят непосредственно от ФМ статей их реализации. В частности, число лексических СП, установленных в рамках выборки, превышает количество синтаксических СП практически вдвое в статьях, построенных по любой из выделенных ФМ. Мы полагаем, что данная закономерность обусловлена особенностями англоязычного печатного медийного дискурса, поскольку синтаксические СП (как и фонологические) в большей степени характерны для дискурсов с формой реализации, близкой к устной (кинодискурс, реклама), где они способны задавать определенную ритмику и даже имитировать интонацию говорящего.

Частотность актуализации конкретных СП, наиболее типичных для выборки, по нашим наблюдениям, также имеет дискурсивно-обусловленный характер и в меньшей степени зависит от ФМ-основания медийных текстов. Наиболее типично, следуя данным Табл., в статьях выборки активируется СП метафоры, причем среднее число метафор в текстах всех ФМ примерно одинаково (соотносимо) и составляет 2-3. Интересно, что схожие результаты были получены и в отношении других наиболее частотных СП (метонимия, эпитет, аллитерация, перечисление, параллельная конструкция, повтор).

Таким образом, полученные данные позволяют заключить, что закономерности распределения СП в текстах рассмотренного нами типа обусловлены как общей внутренней структурой соответствующего дискурса (которую еще предстоит детально исследовать), так и фреймовыми моделями, по которым строятся репрезентирующие его отдельные статьи.

Литература

Беляевская Е.Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник МГЛУ. Серия: языкознание. 2013. Вып. 17 (677). С. 7-17.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. .

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.

Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. VI, no. 2. Pp. 222-254.

*Ekaterina S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

COGNITIVE FACTORS UNDERLYING REALIZATION OF STYLISTIC DEVICES IN ENGLISH LANGUAGE MEDIA DISCOURSE (BASED ON TABLOIDS DATED 1990–1999)

The article aims to identify the typical features of stylistic devices' distribution in media texts. The study is conducted implementing frame and distributional analysis methodology based on the material of English language tabloids dated 199-1999. Conclusions are derived on the typicality of stylistic devices' actualisation depending on the frame model underlying the semantics of articles they are used in. *Key words:* stylistic device, distributional analysis, frame analysis, frame model, media discourse, tabloid

ДИАЛОГ И ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема коммуникативного знания как знания, ориентированного на определенного типа адресата. Выделяются и характеризуются следующие разновидности коммуникативного знания: атрибутивное знание, молчаливое знание, авторизованное знание, внеситуативное знание и ситуативное знание.

Ключевые слова: диалог, знание, тип адресата, коммуникативное знание, алгоритм кодирования

Проблема знания актуализировалась в когнитивной лингвистике в связи с признанием значимости гносеологической функции языка как средства отображения результатов познания [Постовалова 1988]. Язык в связи с этим рассматривается как средство концептуализации знания [Лакофф 2004], причем актуализируются проблемы субъективности и объективности знания, закрепленного в языке [Бринев, Шпильная 2020]. Язык в таком случае является формой хранения результатов познания, образующих коллективное знание.

Однако не вызывает сомнений, что познание – это не столько когнитивный, сколько коммуникативный процесс, ориентированный на Другого. Так, если мы обратимся к сфере бытового общения, то результаты обыденного познания фиксируются в народных рефлексивах – пословицах и поговорках, народных рецептах, поучительных народных историях, которые, по всей вероятности, сначала транслировались устно, а с появлением книгопечатания – распространились повсеместно. Простые примеры из современной повседневной жизни также иллюстрируют, что адресат априори входит в познавательную установку носителей языка. К примеру, если мы встречаем нечто необычное, то мы обязательно об этом рассказываем кому-либо; если мы прочитали интересную статью или услышали нечто интересное, то также рассказываем об этом другим людям. Важно здесь то, что мы это делаем не потому, что адресату, как мы думаем, это может быть интересно (хотя мы не исключаем и это), а потому, что нам хочется обсудить интересный факт с другим человеком, рассказать ему об этом. На этом принципе основаны опции «Сторис» в социальных сетях, ленты персональных страниц, имеющие опции «Поделиться». Такую же опцию имеют практически все интерактивные сетевые платформы. Если мы обратимся к сфере научного познания, то его результаты также ориентированы на трансляцию Другому. Так появляются, например, социальные институты образования (школы, вузы), монографии, статьи, доклады на конференциях и пр.

Как следствие, сказанное означает, что знание, как результат познания, имеет коммуникативный статус. Считаем, что «коммуникативное знание» (далее – знание) – это не разновидность знания как совокупности гипотез о мире; а форма его существования, служащая средством его объективации как объективного мира (ср. в связи с этим понимание науки как объективного мира, развиваемое К. Поппером).

В статье рассматривается проблема взаимодействия диалога и коммуникативного знания. Нас интересует статус коммуникативного знания и алгоритмы (установки) на его кодировку в диалогической коммуникации. Мы полагаем, что кодировка коммуникативного знания сопряжена с типом адресата, который, с одной стороны, либо знаком, либо не знаком с транслируемым знанием, а с другой стороны, либо будет говорить о нем, либо не будет.

Обозначим знание как X, тогда типология знания будет выглядеть следующим образом.

1. Адресат как тот, который будет говорить о X: [вербализуемое] атрибутивное знание.

2. Адресат как тот, который не будет говорить о X: молчаливое знание; авторизованное знание.

3. Адресат, который не знает о X: внеситуативное знание.

4. Адресат, который знает о X: ситуативное знание.

Атрибутивное знание. Вступая в диалог, носитель языка осознает, что адресат будет говорить о полученном знании. В этом случае адресант будет отчетливо противопоставлять диктумные и модусные смыслы сообщения; сообщение будет композиционно выстроенным, при его создании будут использоваться те или иные риторические (шире – манипулятивные) стратегии. Так, например, новостные сюжеты, газетные публикации, публикации в социальных сетях, публичные выступления политиков и др. общественных деятелей основаны на том, что транслируемыми ими знание будет передаваться среди других носителей языка.

Молчаливое знание. Возможна ситуация, при которой кодировка знания будет осуществляться с учетом адресата, который не будет говорить о X. Главным здесь является установка на неразглашение. Вариантом такой ситуации являются секреты, предполагающие адресата, который не будет говорить о X. Ср.: *По секрету, как земляку, эта особа чуть было не разрушила мою семью* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)].

Авторизованное знание. Данная разновидность коммуникативного знания реализуется в ситуациях, когда адресат рассматривается как слушатель, как пассивный участник коммуникации, воспринимающий сообщение, способный поддержать беседу. Такие ситуации можно квалифицировать как ситуации типа «поплакаться в жилетку», «довериться», «получить поддержку», когда человеку важно, чтобы его выслушали. Ср., например, как характеризуют адресата в качестве слушателя: *Она умеет выслушать, понять, дать добрый и дельный совет, поддержать* [Всегда в поиске // «Наука в Сибири» (Новосибирск), 2001.03.07].

В таком случае знание организуется в параметрах эгоцентрических категорий – *мне плохо, грустно*, и пр., с большей долей детализации. Обычно это знание лично окрашено.

Внеситуативное знание проявляется в кодировании знания, предполагающем его дешифровку вне ситуативной референции, т. е. вне контекста. Такое знание организовано тема-рематически, поскольку тема неизвестна адресату. В этом случае знание кодируется за счет введения ретроспективных ситуаций, разного

рода уточнений и пояснений. К примеру, энциклопедические знания относятся к этому типу знания, так как информация в энциклопедиях дается подробная, детальная и существенная для ознакомления с явлением.

Ситуативное знание проявляется в том, что кодирование знания включает механизм дешифровки знания из контекста, а потому кодировка знания осуществляется по линии ситуативной референции. Ситуативная референция проявляется в основном в фатическом общении, когда адресат и адресант знают, о чем идет речь. Такое знание организовано рематически, поскольку тема известна адресату. В текстах это реализуется в использовании единиц с непроявленной семантикой типа – *там, он и пр.*

Таким образом, в диалоге реализуется коммуникативное знание. В зависимости от типа адресата можно выделить разные варианты коммуникативного знания: атрибутивное знание, молчаливое знание, авторизованное знание, внеситуативное знание и ситуативное знание. При этом атрибутивное знание предполагает, что адресат будет распространять полученную информацию; молчаливое знание и авторизованное знание предполагают, что адресат не будет распространять транслируемую ему информацию; внеситуативное знание предполагает, что адресат не знаком с сообщаемой информацией; ситуативное знание предполагает, что адресат знаком с транслируемым знанием.

Литература

- Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
- Бринев К.И., Шпильная Н.Н.* Теория объективного знания и когнитивная теория языка: постановка проблемы // Вестник Марийского гос. ун-та. 2020. № 3. С. 351-360.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Nadezda N. Shpilnaya (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

DIALOGUE AND KNOWLEDGE: THE PROBLEM OF INTERACTION

The article examines the problem of communicative knowledge as knowledge focused on a certain type of addressee. The following types of communicative knowledge are identified and characterized: attributive knowledge, tacit knowledge, authorized knowledge, extra-situational knowledge and situational knowledge.

Key words: dialogue, knowledge, type of addressee, communicative knowledge, coding algorithm

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 30 МАЯ – 1 ИЮНЯ 2024 ГОДА

Часть I

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Иванов Андрей Владимирович

Компьютерная верстка *А.В. Иванова*

Подписано в печать 10.03.2024. Дата выхода в свет 28.05.2024.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 48,51. Уч.-изд. л. 57,5.

Тираж 500 экз. Изд. № 6527. Заказ №

Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-62

Cognitive Linguistics

ISBN 978-5-9765-5515-0

9 785976 155150